ИСТОРИЯ РОССИИ

ТОМ 4

КНИГА ПЕРВАЯ

XVI век

НАУКА
1727

ИСТОРИЯ РОССИИ

ТОМ 4

КНИГА ПЕРВАЯ

НАУКА
1727

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

ИНСТИТУТ
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ РАН

ФОНД
ИСТОРИЯ
ОТЕЧЕСТВА

НАУКА

— 1727 —

ИСТОРИЯ РОССИИ

В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Нарышкин С.Е., доктор экономических наук (председатель)
Макаров Н.А., академик РАН (зам. председателя)
Петров Ю.А., доктор исторических наук (зам. председателя)
Артизов А.Н., доктор исторических наук
Бородкин Л.И., член-корреспондент РАН
Васильева О.Ю., академик РАО
Деревянко А.П., академик РАН
Карпов С.П., академик РАН
Крадин Н.Н., академик РАН
Левыкин А.К., кандидат исторических наук
Липкин М.А., член-корреспондент РАН
Магомедов М.М., доктор экономических наук
Могилевский К.И., кандидат исторических наук
Никифоров К.В., доктор исторических наук
Пивовар Е.И., академик РАН
Побережников И.В., член-корреспондент РАН
Полонский В.В., член-корреспондент РАН
Рынков В.М., доктор исторических наук
Сиренов А.В., член-корреспондент РАН
Тишков В.А., академик РАН
Торкунов А.В., академик РАН
Христофоров В.С., член-корреспондент РАН
Чубарьян А.О., академик РАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Петров Ю.А., доктор исторических наук (отв. редактор)
Горский А.А., доктор исторических наук (зам. отв. редактора)
Журавлев С.В., доктор исторических наук (зам. отв. редактора)
Захаров В.Н., доктор исторических наук (зам. отв. редактора)
Плех О.А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
Булдаков В.П., доктор исторических наук
Вовина-Лебедева В.Г., доктор исторических наук
Гайдуков П.Г., член-корреспондент РАН
Голдин В.И., доктор исторических наук
Зверев В.В., доктор исторических наук
Зубкова Е.Ю., доктор исторических наук
Кондрашин В.В., доктор исторических наук
Конявская Е.Л., доктор филологических наук
Кудряшов С.В., кандидат исторических наук
Кучкин В.А., доктор исторических наук
Лисейцев Д.В., доктор исторических наук
Мироненко С.В., член-корреспондент РАН
Пихоя Р.Г., доктор исторических наук
Редин Д.А., доктор исторических наук
Рогожин Н.М., доктор исторических наук
Соловьев К.А., доктор исторических наук
Трепавлов В.В., член-корреспондент РАН
Флоря Б.Н., член-корреспондент РАН
Христофоров И.А., доктор исторических наук
Шелохаев В.В., доктор исторических наук
Шестаков В.А., доктор исторических наук
Юрасов А.В., кандидат исторических наук

МОСКВА · НАУКА · 2024

ИСТОРИЯ РОССИИ

ТОМ 4

КНИГА ПЕРВАЯ

РОССИЯ В XVI ВЕКЕ

СОЗДАНИЕ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВА

Ответственные редакторы
доктор исторических наук В. Г. ВОВИНА-ЛЕБЕДЕВА
член-корреспондент РАН А. В. СИРЕНОВ

МОСКВА · НАУКА · 2024

УДК 93/94
ББК 63.3(2)44
И90

Редакционная коллегия тома:

В. А. Аракчеев, Н. В. Башнин (ответственный секретарь),
В. Г. Вовина-Лебедева (ответственный редактор), *З. В. Дмитриева, В. А. Кучкин, Д. В. Лисейцев, А. П. Павлов, Н. М. Рогожин, А. В. Сиренов* (ответственный редактор), *В. В. Трепавлов, А. И. Филюшкин, Б. Н. Флоря*

Рецензенты:

доктор исторических наук *М. М. Кром*
доктор исторических наук *М. А. Шибаев*

Издание подготовлено при финансовой поддержке фонда «История Отечества»

Выражаем глубокую признательность за поддержку ПАО «Транснефть» и лично Николаю Петровичу Токареву

История России: в 20 т. / Ин-т российской истории РАН. — М.: Наука, 2024—. — ISBN 978-5-02-040487-8.
Т. 4: Россия в XVI веке. Создание единого государства. **Кн. 1.** — 2024. — 591 с.

ISBN 978-5-02-040456-4

Первая книга четвертого тома посвящена ключевым проблемам истории России XVI в. — времени формирования единого Российского государства. Рассмотрены внутренняя и внешняя политика России в XVI в. — правление Василия III, Ивана IV Грозного, реформы «Избранной рады», опричнина, царствование Федора Ивановича, взятие Казани, Ливонская война, присоединение Сибири и другие сюжеты. Проанализированы победы и поражения, реформы и репрессии, кризисы и их преодоление на пути к созданию многонационального государства. Отдельное внимание уделено складыванию территории государства, взаимоотношениям с соседями на западе и востоке, системе управления, а также занятиям населения.

Для широкого круга читателей.

© Институт российской истории РАН, 2024
© Коллектив авторов, 2024
© ФГБУ Издательство «Наука», редакционно-издательское оформление, 2024

ISBN 978-5-02-040487-8
ISBN 978-5-02-040456-4 (Том 4, кн. 1)

ВВЕДЕНИЕ

Два полутома, посвященных всестороннему рассмотрению событий шестнадцатого века, кроме изложения принципов государственного устройства, экономики, внутренней и внешней политики содержат также описание отдельных социальных групп, населявших страну. Тот строй жизни, который сложился в XVI в., в основных своих составляющих устоял до петровских времен, и рассказывать о разветвленной иерархии государственных служб, новых служилых чинах (например, выборных дворянах, стрельцах, казаках), которые будут играть важную роль в следующем столетии, целесообразно начать с истории их зарождения.

Часть 1 посвящена государственному устройству России, экономике и политике в XVI в., часть 2 — церкви и культуре, часть 3 — характеристике положения отдельных социальных групп, населявших страну: служилых людей, духовенства, крестьян, посадских людей, холопов; в части 4 изложена история других государств и народов, существовавших на землях современной России в XVI в. Основной акцент делался не на этнографическом или археологическом материале по истории народов, а на характеристике отдельных территорий, которые в XVI в. вошли в состав Русского государства или же вступили в соприкосновение с ним.

Деление истории на столетия — всегда условность. Скорее следует говорить о «долгом шестнадцатом веке», который начался в конце XV в., когда Иван III стал самодержцем всея Руси, а закончился только вместе со Смутой начала XVII в., одной из причин которой стала нерешенность политических и социальных проблем, возникших еще в XVI в. В свою очередь в XVI в. продолжались те процессы, которые начались в предшествующем столетии. Поэтому в некоторых случаях авторы текстов выходили за строгие хронологические рамки XVI в., если того требовал материал, но в целом придерживались следующей хронологии: в предыдущем томе изложение заканчивается смертью Ивана III, в следующем за нашим томе начинается с царствования Бориса Годунова.

В конце XV в. возникло единое Русское государство, новая реальность на карте Европы. Земли, которые до того развивались отдельно друг от друга, теперь формально были объединены. Но внутренне едиными они еще не были: ни в отношении социальной структуры, ни в отношении политических и культурных традиций, ни по уровню экономического развития, численности и составу населения. Более того, даже внешнее единство было достигнуто в основном за счет общей борьбы против Орды. В XVI в. должно было определиться, что и как свяжет отдельные части страны и каким будет это государство. Пути развития могли быть различными: с учетом местных особенностей или их нивелированием, с выборным представительством на местах, земскими выборными органами управления, земскими соборами или же установлением самодержавия как автократии византийского типа, складыванием служилого общества. Но должны были проясниться не

только политические реалии. Противоречивые движения наблюдались на протяжении столетия в социальной и хозяйственной сферах: если в первой половине и середине века налицо был экономический подъем, то в конце его можно говорить о глубоком хозяйственном кризисе, затронувшем все стороны жизни людей, а также о серьезных противоречиях в отношениях между различными социальными слоями. Авторы тома старались показать, в чем заключались причины этого столь явственного различия.

В XV в., в особенности за время правления Ивана III (т. е. с последней четверти XV до начала XVI в.), в Восточной Европе произошли большие изменения. Московские князья подчинили себе почти все северо-восточные княжества (Ростовское, Ярославское, Тверское), а также Вятскую и Новгородскую земли. На службу к московскому великому князю перешли верхнеокские князья: Воротынские, Одоевские, Трубецкие и др. Великий князь Литовский не смирился с потерей, началась война, которую историки называют «пограничной»; Иван III одержал в ней победу, однако и это перемирие оказалось временным. Через шесть лет, когда на московскую службу захотели перейти новые литовские подданные, война разгорелась вновь. В 1500 г. в битве при Ведроши победили русские войска, и в 1503 г. было заключено перемирие на шесть лет: Литва потеряла треть территории, а великому князю Московскому отошло девятнадцать городов. Но противостояние продолжалось и в XVI в. Вступив в длительную борьбу с Великим княжеством Литовским (которое еще раньше, в XIV — начале XV в., собирало вокруг себя южные и юго-западные части бывшей Древней Руси), Иван III показывал, что роль объединителя русских земель переходит к Москве. Эта линия должна была продолжиться в XVI в., хотя в начале столетия было еще неясно, до какой степени «литовское» направление окажется важным для судьбы страны.

Другим направлением в политике, возникшим еще до XVI в., было утверждение России в Прибалтике. Но как пойдет борьба в этом регионе, к каким результатам она приведет и как сложатся отношения с Тевтонским и Ливонским орденами — должно было решиться в XVI столетии.

Восточная политика на несколько веков была определена тем, что Иван III перестал подчиняться хану Орды. После этого Московское государство было обречено на конфликты с различными татарскими ханствами на востоке. Оно также было вынуждено противостоять набегам крымских ханов с юга. А поскольку крымские ханы-Чингисиды были союзниками (позднее — вассалами) Османской империи, это означало, что Россия вступала в череду противостояний с Портой, которые продолжались до конца существования Российской империи. На фоне перечисленных событий в начале века уже было понятно, что восточное направление политики будет одним из основных. Но то, что оно станет развиваться настолько интенсивно и столь быстро приведет к беспрецедентному расширению территории государства, предугадать было нельзя. Тем не менее уже в начале столетия пошли процессы, которые привели к изменению отношения с державами Поволжья и Сибири, предопределив многие особенности в судьбе страны, связанные с ее гигантскими размерами к концу XVI в.

С внешними направлениями напрямую была связана внутренняя политика. Каждой весной было необходимо собирать ратников для участия в военных действиях и для несения пограничной службы. На южных и юго-восточных рубежах нужно было строить укрепленные оборонительные линии, и требовалось большое количество служилых людей, которые несли бы сторожевую и станичную службу. Для ведения войн с Литвой и Ливонией государь нуждался в сильном и хорошо организованном войске. Все это заставляло укреплять положение служилых людей, сплоченных вокруг вели-

кого князя в Москве. Определяющей должна была стать система вознаграждения за службу. В XVI в. (особенно во второй его половине) становилось все более очевидным, что служилые люди Русского государства представляли собой иерархическую структуру. Верхушка ее оказалась в составе элиты, а низы были со временем отрезаны от двора и служили в составе местных служилых обществ. Происходил процесс складывания чинов Государева двора — совокупности служилых людей, окружавших государя, и одновременно происходил процесс формирования структуры «служилых городов» как закрытых местных служилых сообществ.

Иван III провозгласил себя «государем всея Руси» — т. е. суверенным правителем. Московская держава была самой крупной по размеру европейской страной. Государство предпринимало шаги для внутреннего объединения своих владений. Важным было провозглашение единого суда по Судебнику 1497 г. Но государственный аппарат для управления такими территориями при Иване III еще только начинал формироваться. Дворцовое ведомство помимо управления собственными землями великого князя осуществляло функции управления различными территориями страны. Внутри него отдельно существовали Новгородский дворец, Тверской дворец, Рязанский и другие дворцы. Великокняжеская Казна также занималась не только финансовыми, но и другими делами государственного управления. Появились зачатки некоторых ведомств; например, при Иване III уже известны особые посольские дьяки. Но всего этого было недостаточно для управления столь большой и неоднородной в географическом, политическом и социальном плане страной. Требовались преобразования в различных сферах государственного управления.

Церкви принадлежали большие земельные богатства, и попытка Ивана III отобрать эти земли в Казну не увенчалась успехом, хотя мнения по этому вопросу были различными как в самой церкви, так и вне ее, на что указывает длительный спор между нестяжателями и иосифлянами. В XIV—XV вв. количество монастырей значительно выросло, большинство из них были мелкими и средними, но существовали и крупные монастыри, ставшие центрами не только духовными, но и экономическими. Было очевидно, что споры вокруг вопроса о церковном землевладении продолжатся и в XVI в. Однако время борьбы государей с церковными иерархами (как, например, борьба Ивана III и митрополита Геронтия) в основном прошло. Русские архиереи все больше встраивались в систему государственной власти и при отсутствии развитых государственных структур на местах им предстояло исполнять многие функции местных властей, в особенности когда речь шла об удаленных частях страны, которых на протяжении XVI в. становилось все больше. Шестнадцатое столетие должно было показать, как проявит себя, выстоит ли симфония духовной и светской власти в период новых испытаний.

Московские великие князья постепенно, уже с конца XV в., осознавали себя самодержцами, наследниками византийских императоров. Источники (как русские, так и иностранные) содержат сведения о том, что противоречить воле великого князя стало небезопасно. Но сохранялись еще пережитки старины, внутренне государство было непрочным, в особенности в начале века. Государи постоянно искали пути к укреплению своей власти, хотя реальность часто противоречила их самодержавным устремлениям. Государство пыталось вмешиваться в такие сферы, где ранее правили традиции, регулировать традиционное распределение ролей в обществе: между крестьянами и землевладельцами, холопами и холоповладельцами, монастырями и их вкладчиками, но этот процесс только начинался, и в XVI в. должно было выясниться, насколько успешным он будет.

Из-за того, что аппарат управления в начале столетия был архаичен, государство во многом продолжало управляться так, как управлялись русские княжества прежних времен, хотя территория была уже несопоставимой и новые размеры диктовали другие задачи. Следовательно, должен был каким-то образом решиться вопрос: будут ли государи править исключительно самостоятельно или же часть своих функций они делегируют различным структурам на местах и что это будут за структуры. Все перечисленные обстоятельства превращали XVI в. в решающее для судеб страны столетие.

Это давно понимали историки, поэтому долгое время именно XVI в. находился в центре внимания тех, кто исследовал допетровскую Русь. Со времен Н. М. Карамзина этому способствовал особый интерес к правлению Ивана IV (занимавшему половину столетия) и к личности последнего. Н. М. Карамзин одним из первых сделал фигуру первого русского царя эмоционально небезразличной для читателей «Истории государства Российского». Когда же от оценочных суждений об отдельных личностях исследователи перешли к анализу исторических явлений, их интерес переключился на реформы, опричнину, Земские соборы и другие институты, родившиеся в XVI в. После того как С. Ф. Платонов, глава исторической школы, которая занималась изучением Московской Руси в начале XX в., сформулировал (на материалах XVI — начала XVII в.) концепцию развития государства как борьбы двух важнейших сил внутри страны — боярства и дворянства, эта идея была интерполирована на XVI в., и царствование Ивана IV стало восприниматься сквозь призму этой борьбы. В советский период концепция С. Ф. Платонова была огрублена и приспособлена к нуждам классовой марксистской историографии, после чего надолго дворянство стало восприниматься как прогрессивная сила, а боярство — как реакционная. Особое внимание, проявляемое к Ивану IV в сталинское время на уровне общественного мнения, искусства, идеологии и пропаганды, консервировало представление о том, что именно в его царствование мы можем увидеть настоящую борьбу прогрессивных и реакционных сил, причем на стороне первых выступал сам царь. И даже несмотря на то, что во второй половине XX в. оценки стали меняться и появилось большое количество серьезных исследований по истории данного периода, вокруг этого царствования долгое время шли споры, не утихающие до сих пор. И это также приводило к сосредоточению интересов историков именно вокруг XVI в., в особенности его середины и второй половины. Только с середины XX в. больше внимания стали уделять социальной и политической истории XVII в., и к настоящему времени можно наблюдать явный перевес интереса в сторону этого столетия, по которому сохранилось гораздо больше источников, чем по XVI в. Тем не менее многие проблемы истории XVI в. остаются до сих пор дискуссионными и нуждаются в дальнейшем изучении.

Историография отдельных периодов и проблем дается в соответствующих разделах тома. В настоящем введении можно лишь кратко охарактеризовать основные направления, по которым в прошлом столетии и в течение последних десятилетий велись исследования. Несколько выдающихся отечественных научных школ сыграли основополагающую роль в том понимании XVI столетия, которое сложилось сейчас.

Многие исследователи XVI в. вышли из школы С. В. Бахрушина (ученика В. О. Ключевского). Среди его учеников были Л. В. Черепнин, М. Н. Тихомиров, А. А. Зимин и другие выдающиеся историки. Каждый из них, кроме собственного крупного вклада в проблему, создал определенную научную традицию. Л. В. Черепнин внес большой вклад в изучение истории Московской Руси работой о феодальных архивах, в том числе XVI в., разработкой концепции Русского централизованного

государства, исследованием Земских соборов[1]. Он понимал образование Русского государства как закономерный этап длительного и вызванного объективными причинами процесса, приведшего русские земли к централизации и одновременно освобождению из-под власти Орды. Земские соборы он рассматривал как этап формирования сословного представительства в России и как параллель западноевропейским выборным учреждениям той эпохи. Многие ученики Л. В. Черепнина развивали темы по XVI в., в исследования которых внесли также большой вклад, прежде всего В. Д. Назаров[2].

Что касается школы М. Н. Тихомирова, в первую очередь нужно упомянуть его монографию о России в XVI столетии[3]. Она оказала ощутимое воздействие на исследования в области исторической географии России указанной эпохи. Вообще представляется важным, что М. Н. Тихомиров посмотрел на весь XVI в. не с политической точки зрения, а с позиции социально-экономической и демографической, положив в основу расширение ее территории и проведя анализ состояния старых и новых земель в ее составе, их административного деления и управления ими, занятий жителей, вообще положения населения страны — как в целом, так и в отдельных регионах. При таком взгляде М. Н. Тихомиров, избегая в этой работе чрезмерных обобщений, фактически показал Россию как совокупность частей, еще плохо связанных между собой. Он исходил из идеи, что централизация страны только начиналась, а присоединенные к московскому центру земли «сохраняли старые обычаи, жили своей обособленной жизнью»[4].

Кроме данной книги М. Н. Тихомирову принадлежит важное исследование природы государственного строя России как сословно-представительной монархии. Его взгляды оказали большое влияние на дальнейшую историографию политической истории страны[5]. Из школы М. Н. Тихомирова вышли такие известные исследователи в этой области, как Б. Н. Флоря, А. Л. Хорошкевич, С. О. Шмидт, В. И. Буганов, о научном творчестве каждого из которых можно писать отдельно. Все они занимались разработкой важнейших направлений социально-политической истории, международных отношений и исследованием исторических источников XVI в.[6]

---

[1] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. 1—2. М., 1948—1951; *Он же.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960; *Он же.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978 (2-е изд.: М., 2015).

[2] Из многочисленных работ В. Д. Назарова можно выделить несколько важных исследований по XVI в. См., например: *Назаров В. Д.* Россия в XVI столетии // Всемирная история: В 6 т. Т. 3: Мир в раннее Новое время. М., 2019. С. 279—296; *Он же.* Февральский собор «примирения» 1549 г. и посмертные реабилитации (эпизод из политической жизни российского двора в середине XVI в.) // Великий Новгород и Средневековая Русь: Сборник статей: К 80-летию академика В. Л. Янина. М., 2009. С. 482—495; *Он же.* Мисюрь Минухин: Социокультурный контекст биографии // Древности Пскова: Археология. История. Архитектура. Вып. 2. Псков, 2011. С. 264—270.

[3] *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962.

[4] Там же. С. 65.

[5] См., например: *Тихомиров М. Н.* Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России XVI века // Вопросы истории. 1958. № 5. С. 3—22.

[6] См., например: *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973; *Он же.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978; *Он же.* Иван Грозный. М., 1999, 2003, 2009; *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980; *Она же.* Русское государство в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003; *Она же.* Польско-литовско-русские отношения в «Записках о Московии» Сигизмунда Герберштейна // Rußland, Polen und

Школа А. А. Зимина в исследовании XVI в. представлена прежде всего многочисленными работами ее основателя. Это книги о Василии III, формировании боярской аристократии, И. С. Пересветове и его современниках, реформах и опричнине Ивана IV, России на рубеже XVI и XVII вв.[7] В историографии господствовала точка зрения о том, что Русское государство уже в XV—XVI вв. являлось централизованным. Сторонником такого подхода был, например, Л. В. Черепнин, что отразилось в названии его фундаментального труда «Образование Русского централизованного гогосударства». Исследователь полагал, что Земские соборы и выборные земские должности — свидетельства того, что Россия начала двигаться по пути сословного представительства, как и монархии Западной Европы. В противоположность этому А. А. Зимин и ряд других ученых придерживались иного подхода, стремясь показать, что государство было хотя и единым, но еще долгое время отнюдь не централизованным, и в этом заключалась причина многих особенностей его развития в XVI в., например возникновение органов местного самоуправления, а также опричнины. Показателем слабости государства А. А. Зимин видел и распад его в ходе Смуты начала XVII в.

С А. А. Зиминым был близок в научном отношении и издавал некоторые труды с ним в соавторстве выдающийся специалист по истории русского летописания Я. С. Лурье, начинавший как автор трудов по истории русской публицистики начала XVI в., надолго ставших классическими[8]. С Я. С. Лурье сотрудничала в этой области Н. А. Казакова[9]. А. Л. Хорошкевич была близка к А. А. Зимину по своим научным интересам и также выступала его соавтором[10]. Работы близкого к А. А. Зимину В. Б. Кобрина о поместье и вотчине в XVI в. способствовали пониманию социальной природы государства; в частности, В. Б. Кобрин показал, что того различия между социальным лицом помещиков и вотчинников, которое обычно признавалось ранее, не существовало[11]. Этим же периодом продолжили заниматься ученики В. Б. Кобрина, например А. А. Севастьянова[12],

Österreich in der Frühen Neuzeit: Festschrift für Walter Leisch zum 75. Geburtstag. Wien; Köln; Weimar, 2003; *Шмидт С. О.* Становление российского самодержавства: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973; *Он же.* Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984; *Он же.* Россия Ивана Грозного. М., 1999; *Буганов В. И.* Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М., 1962.

[7] *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972; *Он же.* Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. М., 1958; *Он же.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, 2001; *Он же.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI века. М., 1988.

[8] *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М.; Л., 1960; *Он же.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976.

[9] *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.; Л., 1954; *Казакова Н. А.* Вассиан Патрикеев и его сочинения: Исследования и тексты. М.; Л., 1960; *Она же.* Очерки по истории русской общественной мысли: Первая треть XVI века. М., 1970; *Она же.* Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков: Из истории международных культурных связей России. Л., 1980.

[10] *Зимин А. А., Хорошкевич А. О.* Россия времени Ивана Грозного. М., 1982.

[11] *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985; *Он же.* Иван Грозный. М., 1989; *Он же.* Опричнина: Генеалогия. Антропонимика. М., 2008; *Кобрин В. Б., Юрганов А. Л.* Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С. 54—46.

[12] Научное творчество А. А. Севастьяновой началось с занятий под руководством В. Б. Кобрина текстами Дж. Горсея. См.: *Горсей Дж.* Записки о России: XVI — начало XVII в. / Под ред. В. Л. Янина; пер. и сост. А. А. Севастьяновой. М., 1990.

Ю. М. Эскин[13], А. Л. Юрганов[14] и др. Из учеников А. А. Зимина, исследовавших XVI в., нельзя не выделить С. М. Каштанова, Л. И. Ивину, Ю. Д. Рыкова. С. М. Каштанов прежде всего известен как крупнейший специалист в области русской средневековой дипломатики, в том числе XVI столетия. Он анализировал развитие в это время феодального иммунитета, земельной собственности, финансов, местного управления и т. д. С. М. Каштанов является также автором работ по истории Поволжья в середине и второй половине XVI в. Он исследовал копийные книги Троице-Сергиева монастыря, участвовал в подготовке академических изданий источников[15]. Л. И. Ивина получила от учителя тему крупной монастырской вотчины XVI в., и в этой области ею был написан ряд трудов, посвященных монастырской колонизации, хотя этот термин тогда не использовался, да и вообще данное направление в тот момент, когда им стала заниматься Л. И. Ивина, мало разрабатывалось[16].

Изучением источников по генеалогии и истории русского и литовского дворянства активно занималась ученица А. А. Зимина М. Е. Бычкова[17]. Ю. Д. Рыкову А. А. Зимин предложил исследовать сочинения князя Курбского, и интерес к эпохе Ивана IV остался у историка на всю жизнь наряду с занятием археографией и источниковедением, исследованием и изданием летописей и актов XVI в.[18] У А. А. Зимина начинал свои исследования о публицистике Смутного времени также А. Л. Станиславский, который позднее, изучая боярские списки конца XVI в., формирование Государева двора, в частности Особый двор Ивана IV, внес в разработку этого направления вклад, который трудно переоценить.

Большое значение для истории землевладения, генеалогии, опричнины и проблем источниковедения XVI в. имеют исследования С. Б. Веселовского. Многие его труды увидели свет только после его смерти. Несмотря на это, творчество С. Б. Веселовского оказало огромное влияние на по-

---

[13] *Эскин Ю. М.* Очерки истории местничества в России XVI—XVII вв. М., 2018; *Он же.* Местничество в России XVI—XVII вв.: Хронологический реестр. М., 2021.

[14] *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998, 2009; *Он же.* Опричнина и Страшный Суд // Отечественная история. 1997. № 3. С. 52—75.

[15] *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI века. М., 1967; *Он же.* Очерки русской дипломатики. М., 1970; *Он же.* Финансы средневековой Руси. М., 1988; *Он же.* Из истории русского средневекового источника: Акты X—XVI вв. М., 1996; *Он же.* Московское царство и Запад: Историографические очерки. М., 2015; *Он же.* Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVI в. // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Вып. 18. М., 1956. С. 3—47; *Он же.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Ч. 1 // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 302—376; *Он же.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Ч. 2 // Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962. С. 129—200; *Он же.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Ч. 3 // Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968. С. 197—253 (совместно с В. Д. Назаровым и Б. Н. Флорей).

[16] *Ивина Л. И.* Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV — первой половины XVI в. (по материалам Московского Симонова монастыря). Л., 1979; *Она же.* Внутреннее освоение земель России XVI в.: Историко-географическое исследование по материалам монастырей. Л., 1985.

[17] *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975; *Она же.* Состав класса феодалов России в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование. М., 1986.

[18] См., например: *Рыков Ю. Д.* Вклады государева дьяка П. М. Митрофанова в русские монастыри в эпоху царя Ивана Грозного // Русское средневековье: Сборник статей в честь профессора Ю. Г. Алексеева. М., 2012. С. 471—526; *Он же.* Еще раз к вопросу о городском статусе Александровской слободы в эпоху царя Ивана Грозного // Государство и общество в России XV — начала XX века: Сборник статей памяти Н. Е. Носова. СПб., 2007. С. 122—158.

следующих историков и на общее понимание событий XVI столетия[19].

Другим влиятельным направлением в исследованиях XVI в. стала петербургская школа, идущая от А. Е. Преснякова и его учителя С. Ф. Платонова. Последний более известен трудами по Смуте XVII в., но, как было сказано выше, его концепция социальной и политической природы Смуты оказала глубокое воздействие и на исследование предшествовавшего периода, т. е. XVI столетия. Проблемами истории опричнины Ивана Грозного специально занимался ученик С. Ф. Платонова П. А. Садиков, поднявший для своих разысканий наряду с нарративными источниками огромный массив нового актового материала; итогом многолетней работы стало посмертное издание в 1950 г. его «Очерков по истории опричнины»[20].

Еще одним выдающимся выучеником сначала московской, а затем и петербургской исторических школ был Б. Д. Греков, учившийся в последние годы университетской жизни у С. Ф. Платонова. Если говорить о социальной и хозяйственной жизни XVI в., то нельзя пройти мимо классической работы Б. Д. Грекова «Крестьяне на Руси: С древнейших времен до XVII века», увидевшей свет в 1946 г.

Большое влияние на современников и потомков оказали лекции А. Е. Преснякова, последний из выпусков которых был опубликован совсем недавно, и в особенности его книга «Образование Великорусского государства»[21], а также работы по общерусскому летописанию XVI в. Из учеников А. Е. Преснякова следует выделить Б. А. Романова, прежде всего как создателя научной школы исследования истории XVI в., а также как автора комментариев к академическому изданию общерусских судебников и статей о Судебнике 1550 г. Из трудов его учеников в области русского средневековья, в частности XVI в., нужно выделить работы Н. Е. Носова о земских учреждениях XVI в.[22] и В. М. Панеяха о холопстве[23]. Н. Е. Носов выдвинул новую для того времени гипотезу о том, что в середине XVI в. существовала альтернатива развитию страны как самодержавного правления. Такой альтернативой, по его мнению, были земские выборные органы власти на местах. Русский Север, где эти явления получили наибольшее развитие, воспринимался Н. Е. Носовым как более высокоразвитая в экономическом и социальном отношении часть Русского государства, чем центр страны, где уже почти не было свободного крестьянства, и это было показано в одной из работ Ю. Г. Алексеева на примере Переславского уезда. В центральных уездах было распространено поместное и вотчинное землевладение. Там всегда существовали

---

[19] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. Ч. 1—2. М., 1947; *Он же*. Исследования по истории опричнины / Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М., 1963; *Он же*. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

[20] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950.

[21] *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918 (2-е изд. М., 1998).

[22] *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957; *Он же*. Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969; *Он же*. Русский город и русское купечество в XVI столетии (к постановке вопроса) // Исследования по социально-политической истории России: Сборник статей памяти Б. А. Романова. Л., 1971. С. 152—177; *Он же*. О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV—XVI вв. (к постановке вопроса) // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России: Дооктябрьский период. Л., 1972. С. 44—71; *Он же*. Становление сословного представительства в России в первой половине XVI в. // Исторические записки. Т. 114. М., 1986. С. 148—179.

[23] *Панеях В. М.* Кабальное холопство на Руси в XVI в. Л., 1967; *Он же*. Холопство в XVI — начале XVII века. Л., 1975; *Он же*. Закрепощение крестьян в XVI в.: Новые материалы, концепции, перспективы изучения // История СССР. 1972. № 1. С. 157—165.

тенденции к сильной центральной власти. Кстати, об особенной роли Русского Севера и его крестьянства в XVI в. в жизни страны писал также А. И. Копанев, бывший, как и Ю. Г. Алексеев, учеником другого видного представителя ленинградской школы историков — И. И. Смирнова. Возвращаясь к школе Н. Е. Носова, нельзя не отметить тот вклад в наше понимание шестнадцатого столетия, в особенности второй его половины, который внесли работы его ученика А. П. Павлова по истории Государева двора периода Бориса Годунова[24]. А. П. Павлов развил концепцию своего учителя о том, что альтернативы развития Русского государства, которые существовали до середины XVI в., были нарушены опричниной, предопределившей самодержавный путь развития страны[25].

В работах другого ученика Б. А. Романова, В. М. Панеяха, исследовался институт холопства. Сам Б. А. Романов отчасти поднял вопросы, связанные с ним, когда писал комментарии к Судебнику 1550 г. Холопство на Руси всегда вызывало в историографии большое число споров, в частности посвященных сравнению холопов и крестьян, вопросу о слиянии этих двух социальных групп, а также о различных категориях холопов. В. М. Панеях выступил против господствующего в то время, когда он начал исследование этого вопроса, тезиса о вымирании холопства как института в Московской Руси. Он показал, что сокращалась лишь численность старых, традиционных форм холопства, но появились и быстро развивались новые формы, такие как кабальное холопство, и что сам институт не просто не умирал, а по-прежнему играл заметную роль в жизни страны. Следует особо отметить полемику В. М. Панеяха по некоторым вопросам истории холопства с другим крупнейшим исследователем социальной истории XVI в. — Е. И. Колычевой[26], ставшую заметным явлением в истории изучения этой темы. В. М. Панеях также написал разделы о допетровской Руси в фундаментальном коллективном труде «Власть и реформы в России»[27]. Он показал эволюцию власти в Московском государстве на протяжении XV—XVII вв., опираясь на исследования А. А. Зимина и ученых его школы, прежде всего В. Б. Кобрина, а также частично на работы Н. Е. Носова. В. М. Панеях соглашался с теми исследователями, которые полагали,

---

[24] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). СПб., 1992; *Pavlov A., Perrie M.* Ivan the Terrible. L., 2003. А. П. Павлов был также автором разделов, посвященных XVI в., и ответственным редактором коллективной монографии «Правящая элита Русского государства: IX — начало XVIII в.: Очерки истории» (СПб., 2006).

[25] *Павлов А. П.* Государев двор и формирование русской правящей элиты во второй половине XVI века // Modernizacja struktur władzy w warunkach opóźnienia: Europa Środkova i Wschodnia na przełomie średniowiecza i czasów nowożytnych. Warzawa, 1999; *Он же.* Земельные переселения в годы опричнины (к вопросу о практической реализации указа об опричнине 1565 г.) // История СССР. 1990. № 5. С. 89—104; *Он же.* Эволюция четвертных приказов в конце XVI — начале XVII в. // Архив русской истории. Вып. 3. М., 1993; *Он же.* К изучению Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. // Средневековая Русь: Сборник научных статей к 65-летию со дня рождения профессора Р. Г. Скрынникова. СПб., 1995. С. 21—35; *Он же.* Самодержавие и земские соборы Русского государства XVI—XVII веков // Место России в Европе — The Place of Russia in Europe: Материалы международной конференции. Budapest, 1999.

[26] См. ее труды: *Колычева Е. И.* Холопство и крепостничество (конец XV — XVI в.). М., 1971; *Она же.* Аграрный строй России XVI века. М., 1987.

[27] Власть и реформы в России: От самодержавной к советской России. СПб., 1996; 2-е изд. М., 2006. В. М. Панеях писал в этом труде первую часть: «Русь в XV—XVII вв.: Становление и эволюция власти русских царей»; главы: «На путях к государственному суверенитету», «Формирование унитарного суверенного государства», «Реформы середины XVI в. и их судьба», «Завершение процесса формирования деспотического самодержавия», «Общенациональный кризис».

что сословия в России XVI в. не сложились, если применять к ним такие дефиниции, как, например, регламент, выработанный со всеобщего согласия внутри корпорации, а не дарованный властью сверху. Можно говорить лишь о «корпорациях несословного типа», права которых определялись властью[28]. Ограниченное число Земских соборов и их неполный состав также не дают оснований признать политическую систему сословно-представительной монархией. Выборные земские учреждения на местах, которым придавал большое значение Н. Е. Носов, по В. М. Панеяху, также не являлись полноценными сословно-представительными учреждениями, и Н. Е. Носов неоправданно распространял на социально-экономическую жизнь страны процессы, свойственные только северным районам. Система государственной власти носила в начале столетия территориальный, а не функциональный характер, что соответствовало начальному этапу становления унитарного государства, но до достижения полного унитаризма предстоял длительный путь. Экономические возможности страны были слабы, и внешнеполитические интересы, а также самодержавные претензии государей опережали эти возможности. Государственный строй России XVI в. В. М. Панеях характеризовал как самодержавную монархию деспотического типа на том этапе формирования, когда государство не стало еще унитарным, а власть самодержца из-за неразвитости аппарата в центре и на местах была слабой, вынужденно опиравшейся на ограниченные элементы самоуправления[29].

Учеником Б. А. Романова являлся также Р. Г. Скрынников. Его кандидатская диссертация была посвящена новгородскому поместью XVI в.[30] Позднее он обратился к истории опричнины и послеопричного периода[31]. Важно отметить известную дискуссию, которая развернулась по поводу природы опричнины и ее причин между Р. Г. Скрынниковым и А. А. Зиминым, существенно продвинув исследование всей эпохи царствования Ивана IV. Р. Г. Скрынников создал школу исследователей Московского государства. Из учеников Р. Г. Скрынникова, занимавшихся XVI в., можно выделить А. И. Алексеева, исследовавшего историю Русской церкви первой половины XVI в.[32]

Говоря о школе И. И. Смирнова, более всего известного исследованиями по истории Смуты начала XVII в., нельзя не отметить, что он много внимания уделял XVI столетию. Наибольший вклад в историографию был сделан им в монографии, посвященной первой половине XVI столетия[33]. И. И. Смирнов характеризовал Русское государство как самодержавие с Боярской думой, опиравшееся на бюрократический аппарат и боярскую аристократию,

---

[28] Власть и реформы в России: От самодержавной к советской России. С. 41.

[29] Там же. С. 74.

[30] *Скрынников Р. Г.* Экономическое развитие новгородского поместья в конце XV — XVI в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1958.

[31] *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л., 1966; *Он же.* Опричный террор. Л., 1969; *Он же.* Россия после опричнины: Очерки политической и социальной истории. Л., 1975. Позднее все три книги были переизданы под одной обложкой; см.: *Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992. См. также: *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». М., 1981, 1985.

[32] *Алексеев А. И.* Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480—1510-х гг. СПб., 2010; *Он же.* Религиозные движения на Руси последней трети XIV — начала XVI в.: Стригольники и жидовствующие. М., 2012; *Он же.* Ересь жидовствующих в России в 1470—1510-х годах: В поисках европейских аналогов // Европейская Реформация и ее возможные аналоги в России: Труды СПбИИ РАН. СПб., 2017. Вып. 3 (19). С. 107—164.

[33] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.; Л., 1958.

с которой во второй половине столетия власть повела борьбу. Этот взгляд в целом утвердился тогда в литературе. Именно такому подходу была противопоставлена концепция России как сословно-представительной монархии, выдвинутая Л. В. Черепниным и поддержанная другими учеными. Ученик И. И. Смирнова Ю. Г. Алексеев известен работами по истории правления Ивана III[34]. Но большое значение для понимания процессов, протекавших внутри России XVI в., имела его первая монография, в которой показано, как постепенно черное землевладение исчезало в центре страны[35]. Другой ученик И. И. Смирнова, А. И. Копанев, исследовал историю черного землевладения на Русском Севере[36]. Он, как и Ю. Г. Алексеев, придерживался точки зрения, что на черных землях крестьяне являлись земельными собственниками, и это породило длительную дискуссию о природе черносошного землевладения, в которой оппонентами указанных ученых выступали такие исследователи, как Л. В. Черепнин, А. Г. Маньков[37], А. Л. Шапиро и др. А. Г. Маньков впервые обратился к такой важной теме, как цены в России XVI в. А. Л. Шапиро был инициатором и руководителем авторского коллектива многотомной «Аграрной истории Северо-Запада России», написание и обсуждение отдельных частей которой составило этап в аграрных исследованиях по истории русского средневековья. Первые тома были посвящены XVI в.[38] Эта серия вышла в свет в то время (середина и вторая половина XX в.), когда можно говорить о расцвете исследований по аграрной истории России, в том числе рассматриваемой эпохи.

Направление, идущее от школы И. И. Смирнова, представлено сегодня работами учеников Ю. Г. Алексеева. В. А. Аракчеев занялся вопросами правительственной политики и административного устройства в XVI в.[39] Другой ученик Ю. Г. Алексеева, К. В. Петров, исследовал делопроизводство Разрядного приказа и тексты разрядных книг[40]. М. М. Кром начал с работы о судьбе западнорусских земель в конце XV — первой трети XVI в., затем написал фундаментальный труд о времени малолетства Ивана IV (период, которым исследователи

[34] *Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989; *Он же.* Государь всея Руси. Новосибирск, 1991; *Он же.* Под знаменами Москвы: Борьба за единство Руси. М, 1992; *Он же.* У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV—XV вв. СПб., 1998; *Он же.* Судебник Ивана III: Традиция и реформа. СПб., 2001; *Он же.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007.

[35] *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв.: Переяславский уезд. М.; Л., 1966.

[36] *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л., 1951; *Он же.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978.

[37] Основной исследовательский интерес А. Г. Манькова переместился позднее в XVII в., но начал он с работ по XVI в. См.: *Маньков А. Г.* Движение и география хлебных цен в Русском государстве XVI в. // Исторические записки. Т. 28. М., 1949. С. 132—163; *Он же.* Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.; Л., 1951.

[38] Аграрная история Северо-Запада России: Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971; Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятины. Л., 1974; Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Север, Псков. Л., 1978.

[39] *Аракчеев В. А.* Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI — начала XVII века. М., 2014; *Он же.* Опричнина и земщина: К изучению административной практики в Русском государстве 1560—1580-х гг. // Российская история. 2010. № 1. С. 16—28; *Он же.* Наместники в России XVI в. // Вопросы истории. 2020. № 1. С. 3—19.

[40] *Петров К. В.* Делопроизводство Разрядного приказа XVI—XVII веков в официальных и частных рукописях: Исследования и материалы. М., 2018.

до него занимались гораздо меньше, чем второй половиной столетия)[41]. В последнее время вышел ряд работ М. М. Крома о рождении государств раннего Нового времени, в которых предлагается отойти от некоторых устоявшихся представлений о том, как шло складывание русской государственности. В частности, по мнению М. М. Крома, Московская Русь с конца XV в. и на протяжении всего XVI в. обнаруживает в себе многие черты «модерного» государства, по определению Макса Вебера, и может быть исследована в рамках этой концепции[42]. Истории местного управления в Русском государстве первой половины XVI в. посвящены исследования ученицы Ю. Г. Алексеева Т. И. Пашковой[43]. Проблемами эволюции землевладения в Ростовском крае в XIV — первой трети XVII в. занимался ученик Ю. Г. Алексеева С. В. Стрельников[44].

Если обратиться к основным проблемам, которые сегодня волнуют исследователей XVI в., можно констатировать, что идущая еще от С. Ф. Платонова гипотеза о постоянно ведущейся борьбе между боярством в широком смысле и дворянством как одной из причин и составляющих политического развития XVI в. в настоящее время отвергнута. Одним из центральных звеньев этой полемики был спор о природе опричнины, в котором ведущую роль сыграли работы С. Б. Веселовского, А. А. Зимина, Р. Г. Скрынникова. Что касается низших слоев населения в XVI в., в последние десятилетия история крестьян и холопов уже не находится в центре внимания историков. Работ на эту тему появляется не так много, как раньше, хотя интерес к теме не пропал, о чем свидетельствует, например, появление книги В. А. Аракчеева.

В конце XX в. постепенно наблюдался уход от классовости в изучении истории. В отношении русского средневековья и раннего Нового времени это означало, что кроме зависимых категорий населения (крестьян, холопов, посадских людей, их эксплуатации и классовой борьбы) в сферу внимания историков более активно, чем в прошлые годы, включались другие темы: социальная элита, Государев двор, служилый город, государственные институты, придворная борьба, духовенство, монастыри, духовная культура. В последние два десятилетия в исследованиях XVI в. доминировали именно эти сюжеты. При изучении же социально-экономических проблем и положения непривилегированного населения появились новые подходы, позволившие раскрыть отношения между государством, тяглым населением и владельцами земли более полно. Появилось сравнительно-историческое направление. В исследованиях последних лет, в частности в книге М. М. Крома, делается вывод, что, несмотря на особенности, становление и развитие

[41] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 1995 (2-е изд.: Меж Русью и Литвой: Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI века. М., 2010; 3-е изд.: М., 2019); *Он же.* «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30—40-х годов XVI века. М., 2010.

[42] *Кром М. М.* Рождение государства: Московская Русь XV—XVI веков. М., 2018; *Он же.* К пониманию московской «политики» XVI в.: Дискурс и практика российской позднесредневековой монархии // Одиссей: Человек в истории. М., 2005. С. 16—30; *Он же.* «Дело государево и земское»: Понятие общего блага в политическом дискурсе России XVI в. // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): Сборник статей памяти академика Л. В. Черепнина. М., 2010. С. 581—585; *Он же.* Государство раннего Нового времени: Общеевропейская модель и региональные различия // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 3—15.

[43] *Пашкова Т. И.* Местное управление в русском государстве первой половины XVI века: Наместники и волостели. М., 2000.

[44] *Стрельников С. В.* Землевладение в Ростовском крае в XIV — первой трети XVII века. М.; СПб., 2009.

Русского государства аналогичны подобным процессам в других европейских странах. Идеи типологического сходства русской и других европейских моделей этого времени придерживается также В. А. Аракчеев, пересмотревший устоявшиеся ранее взгляды на земскую реформу и опричнину. Реформы в Европе раннего Нового времени проанализированы в сборнике статей, отразившем дискуссию, прошедшую в Европейском университете в Санкт-Петербурге[45].

Земские соборы и сословное представительство неоднократно были объектами споров и обсуждений в историографии. Спор о природе Земских соборов, возникший более столетия назад, до сих пор не утих. Он обострился в конце XX в. после выхода трудов Х.-Й. Торке, который полагал, что московские Земские соборы нельзя считать органами сословного представительства[46]. Различные позиции по вопросу о сословиях и Земских соборах в России отразились в ряде вышедших сборников[47].

Большие изменения появились в подходе к исследованию народов и территорий, входивших в состав Русского государства на протяжении XVI в. Происходит отказ от москвоцентричного освещения этих вопросов, чему способствовала серьезная работа исследователей с материалами архивов (в особенности РГАДА) и выход в последние два десятилетия трудов по истории отдельных территорий и народов, в которых были отвергнуты некоторые старые представления, идущие из XIX в. Хотелось бы выделить в этом смысле основополагающие работы В. В. Трепавлова[48].

Традиционно сильной в последние десятилетия была американская русистика, являющая собой большое разнообразие тем и мнений по многим вопросам истории Московской Руси[49]. К ярким представителям старшего поколения американской русистики можно отнести Э. Кинана, ставшего учителем для многих американских историков и филологов. В России среди специалистов по XVI в. он был известен прежде всего как автор книги, в которой обосновывалась гипотеза о подложности переписки Ивана IV с князем Андреем Курбским. Эта переписка всегда являлась важным и востребованным источником для историков, занимавшихся данной эпохой[50]. Р. Г. Скрынников посвятил отдельную книгу полемике с Э. Кинаном, в

[45] Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI—XVIII вв.) / Под ред. М. М. Крома, Л. А. Пименовой. СПб., 2013.

[46] *Торке Х.-Й.* Так называемые земские соборы в России // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 4—5.

[47] См., например: Сословное представительство в России в контексте европейской истории: Вторая половина XVI — середина XVII вв.: Международная научная конференция: Тезисы докладов. М., 2013; Представительные институты в России в контексте европейской истории: XV — середина XVII в. / Отв. ред. В. Д. Назаров. М., 2017.

[48] См., например: *Трепавлов В. В.* Ногаи в Башкирии: XV—XVII вв.: Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа, 1997; *Он же.* История Ногайской Орды. М., 2001; *Он же.* «Белый царь»: Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV—XVIII вв. М., 2007 (2-е изд.: СПб., 2017); *Он же.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012.

[49] *Halperin Ch. J.* US Publications (2000—2020) on Moscovite History: 1462—1689 // Russian Studies HU. 2021. No. 1. P. 11—44. Чарльз Гальперин — крупный специалист по русской истории эпохи Ивана IV; см.: *Halperin Ch. J.* The Double Standard: Livonian Chronicles and Muscovite Barbarity during the Livonian War (1558—1582) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2018. № 1 (23). C. 126—134; *Idem.* The Nature of the Muscovite State During the Reign of Ivan IV: The Tyranny of Concepts // The State in Early Modern Russia: New Directions / Ed. P. Bushkovitch. Bloomington, 2019. P. 77—95; *Idem.* Ivan the Terrible and Muscovite Political Culture // Seeing Muscovy Anew: Politics — Institutions — Culture: Essays in Honor of Nancy Shields Kollmann / Eds. V. A. Kivelson, M. Flier, D. Rowland, E. Monahan Downs. Bloomington, 2017. P. 49—65; *Idem.* Ivan the Terrible: Free to Reward and Free to Panish. Pittsburgh, 2019.

[50] *Keenan E. L.* The Kurbskii—Groznyi Apocrypha: The Seventeenth-Century Genesis of the "Correspondence" Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Cambridge (MA), 1971.

которой подробно разобрал аргументы последнего и опроверг их[51]. Так же критически, хотя и исходя отчасти из других, нежели Р. Г. Скрынников, соображений, отнесся к данной концепции Э. Кинана Я. С. Лурье[52]. После этой дискуссии вопрос на время считался закрытым. Однако сравнительно недавно Д. Островски и Б. Бек возродили, казалось бы, угасший интерес к критике трудов князя Курбского как аутентичного источника[53]. Д. Островски много лет исследовал темы политической культуры Руси, будучи также крупным специалистом по русскому летописанию и другим нарративным сочинениям[54].

Еще одним памятником, которым активно занимались в последнее время и отечественные и зарубежные (в том числе упомянутые выше) исследователи, является Степенная книга. Если у отечественных ученых (прежде всего следует назвать А. В. Сиренова и А. С. Усачева[55]) превалирует стремление исследовать историю текста Степенной книги, в том числе на фоне древнерусской книжности, то Ч. Гальперин и Э. Кинан главным образом получали из нее материал для анализа идеологии Московского царства[56]. Заметный вклад в исследование этого памятника внесла Г. Ленхоф, опубликовавшая ряд работ, посвященных как содержанию, так и обстоятельствам написания Степенной книги[57].

Одним из крупнейших специалистов по истории Московской Руси справедливо признается Нэнси Коллман. Она приобрела этот статус после выхода книги о складывании политической системы Московской Руси. Затем Н. Коллман обратилась к исследованию вопросов о защите чести и наказаниях в Московском государстве, а также к написанию обобщающих трудов по истории России, в которых поднимались темы периодизации русской истории, сущности московского социального строя и политической культуры[58]. Близкая по научным интересам к Н. Коллман Валери Кивельсон

[51] *Скрынников Р. Г.* Переписка Грозного и Курбского: Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973.

[52] *Лурье Я. С.* Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли Древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подг. текста Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыкова. М., 1981. С. 214—249.

[53] *Boeck B. J.* Eyewitness or False Witness? Two Lives of Metropolitan Filipp of Moscow // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2007. Bd. 55 (2). S. 161—177; *Idem.* Miscellanea Attributed to Kurbskii: The 17th Century in Russia Was More Creative Than We Like to Admit // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2012. Vol. 13 (4). P. 955—963; *Ostrowski D.* "Closed Circles": Edward L. Keenan's Early Textual Work and the Semiotics of Response // Canadian Slavonic Papers. 2006. Vol. 48 (3—4). P. 247—268; *Idem.* Attributions to Andrei Kurbskii and Inferential (Bayesian) Probability // Canadian-American Slavic Studies. 2015. Vol. 49 (2—3). P. 211—233.

[54] *Ostrowski D.* Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier: 1204—1589. Cambridge, 1998; *Idem.* The Growth of Moscovy (1462—1533) // The Cambridge History of Russia. Vol. 1: From Early Rus' to 1689 / Ed. M. Perrie. Cambridge, 2006. P. 213—239.

[55] *Сиренов А. В.* Степенная книга: История текста. М., 2007; *Он же.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI—XVIII вв. М.; СПб., 2020; *Усачев А. С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009.

[56] *Halperin Ch. J. Stepennaia kniga* on the Rein of Ivan IV: Omissions from Degree 17 // Slavonic and East European Review. 2011. Vol. 89 (1). P. 56—75; *Keenan Ed. L. The Stepennaia kniga* and the Godunovian Renaissance // The Book of Royal Degrees and the Genesis of Russian Historical Consciousness / *Stepennaia kniga* tsarskogo rodosloviia I genesis russkogo istoricheskogo soznaniia / Eds. A. M. Kleimola, G. Lenhoff. Bloomington, 2011. P. 69—79.

[57] См., например: *Lenhoff G.* The construction of Russian history in *Stepennaia kniga* // Revue des Études Slaves. 2005. Vol. 76 (1). P. 31—50; *Iadem.* The Chudov Monastery and *the Stepennaia kniga* // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 2010. Bd. 76. S. 97—116; *Iadem. The Book of Degrees* and the *Illumunated Chronicle*: A comparative analysis // Revue des Études Slaves. 2016. Vol. 87 (3—4). P. 337—349. См. также: The Book of Royal Degrees and the Genesis of Russian Historical Consciousness. P. 154—174.

[58] *Kollman N. Sh.* Kinship and Politics: The Making of the Moscovite Polytical System: 1345—1547. Stanford, 1987; *Iadem.* Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge, 2012; *Iadem.* The Russian Empire:

начала с работ о русском служилом городе, затем написала книгу о средневековых русских картах XVII в. и продолжила заниматься темами, связанными с Московской Русью, в том числе в XVI в.[59]

Политическая борьба первой половины столетия, в особенности в связи с историей князей Старицких, — предмет интереса А. М. Клеймолы[60]. Следует упомянуть также труды Пола Бушковича[61].

Изольда Тирет вошла в историографию Московской Руси прежде всего книгой о женщинах правящего дома[62]. В дальнейшем ее интересы сместились в сторону изучения истории монастырей (в особенности Нило-Столобенского), русских святых и житийных текстов, в том числе XVI в.[63] Будучи специалистом в этих вопросах, И. Тирет выступила против оценки Русского государства как раннемодерного применительно ко всем сферам жизни. Готовая признать это за экономической и политической сферами, она подчеркивала, что государство оставалось средневековым в культурном и религиозном плане. Дэниэл Роуленд также высказывался в пользу того, что вплоть до середины XVII в. политическая мысль России была скорее средневековой, нежели раннемодерной[64]. Еще одним автором, который долгое время занимается историей русских монастырей (сначала историей Соловецкого монастыря, а затем других северных обителей), является Дженнифер Спок[65].

1450—1801. Oxford, 2017; *Iadem. The Litsevoi Svod* as Graphic Novel: Narrativity in Iconographic Style // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2018. Vol. 19 (1). P. 53—82; *Iadem.* Muscovite Political Culture // A Companion to Russian History. Chichester, 2009. P. 89—104.

[59] *Kivelson V. A.* Autocracy in the Provinces: The Moscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford, 1996; *Iadem.* Merciful Father, Impersinal State: Russian Autocracy in Comparative Perspective // Modern Asian Studies. 1997. Vol. 31 (3). P. 635—663; *Iadem.* Bitter Slavery and Pious Servitude: Freedom and Its Critics in Muscovite Russia // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 2001. Bd. 58. S. 109—119; *Iadem.* Muscovite 'Citizenship': Rights without Freedom // Journal of Modern History. 2002. Vol. 74 (3). P. 465—489; *Iadem.* How Bad Was Ivan the Terrible? The Oprichnik Oath and Satanic Spells in Foreigners' Accounts // Seeing Muscovy Anew: Politics — Institutions — Culture. P. 67—84.

[60] *Kleimola A. M.* "Mistakes were made": Text and image in *the Litsevoi Letopisnyi Svod* account of the Staritskii rebellion // Revue des Études Slaves. 2016. Vol. 87 (3—4). P. 371—384; *Idem.* "I will not listen to my mother": Vladimir Staritskii's Oaths of 1554 // Rusistika Ruslana Skrynnikova: Sbornil statei pamiati professor R. G. Skrynnikova, v chest' ego 80-letiia / Eds. G. Svák, I. O. Tiumentsev. Budapest; Volgograd, 2011. P. 76—88; *Idem.* Ivan IV and the Staritskie: Post-Modern Narratives from a Pre-Modern State // The Book of Royal Degrees and the Genesis of Russian Historical Consciousness. P. 231—247; *Idem.* Ivan IV's Reconciliation with the 'Devil in a Skirt': The Road to Beloozero // Russian History. 2015. Vol. 42 (1). P. 64—81.

[61] *Bushkovitch P.* Possevino and the death of tsarevich Ivan Ivanovich // Cahiers du monde russe. 2014. Vol. 55 (1—2). P. 19—34; *Idem.* What is Russia? Russian National Identity and the State: 1500—1917 // Culture, Nation and Identity: The Ukrainian-Russian Encounter (1600—1945). Edmonton, 2003.

[62] *Thyrêt I.* Between God and Tsar: Religious Symbolism and the Royal Women of Muscovite Russia. DeKalb, 2001.

[63] *Thyrêt I.* Saint Stephen of Perm' and the Dual Faith Phenomenon in Muscovite Texts and Images // Seen Muscovy Anew: Politics — Institutions — Culture. P. 189—205; *Iadem.* Visualizing the Literary Image of Muscovite Royal Wives: Grand Princess Evdokiia in the *Skazanie vmale* in the Chronicles of Ivan IV's Reign // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2018. Vol. 19 (1). P. 83—114; *Iadem.* Saint-Making in Early Modern Russia: Religious Tradition and Innovation in the Cult of Nil Stolbenskii. Washington (DC), 2019.

[64] *Rowland D.* Two Cultures, One Throne Room: Secular Courtiers and Orthodox Culture in the Golden Hall of the Moscow Kremlin // Orthodox Russia: Belief and Practice under the Tsars / Eds. V. A. Kivelson, R. H. Greene. University Park (MD), 2003. P. 33—58; *Idem.* Muscowy // European Political Thought 1450—1700: Religion, Law and Philosophy. New Haven, 2007. P. 267—297.

[65] *Spock J.* Nothern Russia's Monastic Culture // The Tapestry of Russian Christianity: Studies in History and Culture / Eds. N. Lupinin, D. Ostrowski, J. B. Spock. Columbus, 2016. P. 229—259.

Маршалл По известен как специалист по истории политической борьбы и анализу социальной природы государства, а также идеологии Московского государства. Изучая их, он опирался, в частности, на иностранные источники[66]. Не только он, но и другие американские русисты всегда придавали большое значение исследованию отношений общества и власти, в особенности в связи с наследием Золотой Орды, а также политической культуры. М. По, как и Р. Хелли, крупнейший американский специалист по истории русского холопства и закрепощения[67], — сторонники теории Москвы как *hypertrophic state* (гипертрофированного государства)[68]. В. Кивельсон, Д. Островски, Н. Коллман и Рассел Мартин[69] выступили против этой парадигмы в пользу определения государства как *consensual-collegial* модели[70] или же фискально-военной модели (Ч. Даннинг)[71].

Если перейти к французской историографии Московского царства последних десятилетий, она не даст нам такого разнообразия подходов и мнений, как американская, тем не менее следует отметить несколько важных работ и выдающихся имен. Что касается исследователей Московской Руси XVI в., это прежде всего Андрэ Берелович, известный специалист по истории служилых людей XVI—XVII вв.[72], и Пьер Гонно, автор работ, посвященных не только московскому периоду, но и духовной культуре и монастырям предшествующего времени. Недавно вышла в свет история России допетровского времени, включающая период XVI в.[73] Тот же автор специально занимался изучением царствования Ивана IV[74]

---

[66] *Poe M. T.* A People Born to Slavery: Russia in Early Modern European Ethnography: 1476—1748. Ithaca, 2000; *Idem.* Moscow, the Third Rome: The Origins and Transformations of a "Pivotal Moment" // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2001. Bd. 49 (3). S. 412—429.

[67] *Hellie R.* Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago; L., 1974; *Idem.* Slavery in Russia: 1450—1725. Chicago, 1982; *Idem.* The Peasantry [1462—1613] // The Cambrige History of Russia. Vol. 1: From Early Rus' to 1689. P. 286—297.

[68] *Halperin Ch. J.* US Publications (2000—2020) on Moscovite History: 1462—1689. P. 17—18. См. также: *Idem.* Muscovy as a Hypertrophic State: A Critique // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2002. Vol. 3 (3). P. 501—507.

[69] См. его работы по истории жизни царского двора и отношений внутри него, например: *Martin R. E.* A Bride for the Tsar: Bride-Shows and Marriage Politics in Early Modern Russia. DeKalb, 2012 (рус. пер.: *Мартин Р. Э.* Невеста для царя: Смотры невест в контексте политической культуры Московии XVI—XVII веков. М., 2023); *Idem.* "To Serve Without Regard to Place": Precedence and Royal In-Laws at the Weddings of Russia's Rulers: 1525—1671 // Seeing Muscovy Anew: Politics — Institutions — Culture. P. 85—103; *Idem.* The Tsar's Happy Occasion: Ritual and Dynasty in the Weddings of Russia's Rulers: 1495—1745 / Northern Illinois University Press at Imprint of Cornell University Press. Ithaca; L., 2021.

[70] *Poe M.* The Truth about Muscovy // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2002. Vol. 3 (3). P. 473—486; *Ostrowski D.* The Facade of Legitimacy: Exchange of Power and Authority in Early Modern Russia // Comparative Studies in Society and History. 2002. Vol. 44 (3). P. 534—563; *Kivelson V. A.* On Words, Sources and Historical Method: Which Truth about Muscovy? // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2002. Vol. 3 (3). P. 487—499.

[71] *Dunning Ch., Smith N. S.* Moving beyond absolutism: was early modern Russia a "fiscal-military" state? // Russian History. 2006. Vol. 33 (1). P. 19—44.

[72] *Berelowitch A.* La Hiérarchie des égaux: La nibless resse d'Ancien Régime: XVI—XVII siècles. P., 2001.

[73] *Gonneau P., Lavrov A.* Des Rhôs à la Russie: histoire de l'Europe orientale: 730—1689. P., 2012 (рус. пер.: От росов до России: История Восточной Европы: 730—1689. СПб., 2017). См. также: *Gonneau P.* Histoire de la Russie: D'Ivan le Terrible à Nicolas II: 1547—1917. P., 2016.

[74] *Gonneau P.* Ivan le Terrible, ou le métier de tyran. P., 2014.

и исследовал культуру и идеологию московского общества[75]. Нельзя обойти вниманием работы Александра Лаврова, хотя большая их часть посвящена позднейшим столетиям, но по XVI в. в последнее время им собран и проанализирован важный материал, касающийся, например, истории русского плена и русских полоняников[76].

Одним из представителей немецкой научной литературы является вышеупомянутый Х.-Й. Торке, своими трудами оказавший значительное влияние не только на европейскую, но и отечественную историографию[77]. Примерно в это же время исследованием немецких листовок эпохи Ливонской войны сделал себе имя в русистике Андреас Каппелер, и в дальнейшем оставаясь одним из наиболее известных авторов, пишущих по-немецки о Русском государстве, создателем многочисленных работ на эту тему более общего порядка[78]. Нельзя пройти мимо трудов Людвига Штайндорфа, крупного специалиста по различным вопросам духовной культуры Московской Руси, книжности, идеологии и истории церкви. В особенности важно отметить изучение им проблем поминальной культуры в русских монастырях[79]. В близкой области лежат исследования Корнелии Зольдат, многие из которых касаются изучения личности царя Ивана IV и основ его власти[80].

---

[75] См., например: *Gonneau P.* De Constantinople à Moscou: le nouvel empire // Histoire du monde au XV siècle / Éds. P. Boucheron, J. Loiseau, P. Monnet, Y. Potin. P., 2009. P. 175—191; *Idem.* La Chronique enluminée d'Ivan le Terrible (1568—1576): Études et perspectives // Comptes-rendus de l'Académie des Inscriptions. 2013. Vol. 4. P. 1511—1533; *Idem.* L'Umage en Russie au siècle d'Ivan le Terrible // L'icône dans la pensée et dans l'art: Constitutions, contestations, reinventions de la notion d'image en contexte chrétien. Turnhout, 2017. P. 357—386; *Idem.* L'Eglise face aux crises dynastiques en Moscovie: XV—XVII s. // Religion und Integration im Moskauer Russland: Konzwpte and Praktiken, Potentiale und Grenzen. 14.—17. Jahrhundert / Ed. L. Steindorff. Wiesbaden, 2020. S. 25—48.

[76] *Lavrov A.* Les Anciens captifs (polonjaniki), groupe social en Moscovie: statut juridique et reintegration factice // Cahiers du monde russe. 2010. Vol. 51 (2—3). P. 241—258; *Idem.* Captivity, Slavery and Gender: Muscovite Female Captives in the Crimean Khanate and in the Ottoman Empire // Eurasian Slavery, Ransom and Abolition in World History: 1200—1860 / Ed. Ch. Witzenrath. Farnham; Burlington, 2015. P. 309—319.

[77] *Торке Х.-Й.* Так называемые земские соборы в России. См. также его монографию, в которой собран и проанализирован материал по XVII в., но которая имеет отношение ко всему московскому периоду: *Torke H.-J.* Die staatsbedingte Gesellschaft im moskauer Reich: Zar und Zemlja in der altrussischen Herrschaftsverfassung: 1613—1689. Leyden, 1974.

[78] *Kappeler A.* Die deutschen Flugschriften über die Moskowiter und Iwan den Schrecklichen im Rahmen der Rußlandliteratur des 16. Jahrhunderts // Russen und Rußland aus deutscher Sicht 9.—17. Jahrhundert. München, 1985. S. 157; *Idem.* Rußland als Vielvölkerreich: Entstehung — Geschichte — Zerfall. München, 2019; *Idem.* Herberstein als Ethnograph: Die Nichtrussen des Moskauer Reiches and an dessen Grenzen in der "Moscovia" // Rußland, Polen und Österreich in der Frühen Neuzeit. S. 61—74; *Idem.* Die Kosaken. München, 2013.

[79] См., например: *Steindorff L.* Strikt geregelt and bemessen: Die Tafel im Iosif-Kloster bei Volokolamsk um 1580 // Russische Küche und kulturelle Identität / Hrsg. N. Franz. Potsdam, 2013. S. 277—302; *Idem.* Equality under Reserve: Men and Women in Donations and Commemoration in Muscovite Russia // Canadian-American Slavic Studies. 2015. Vol. 49 (2—3). P. 193—210; *Idem.* Mehr als eine Frage der Ehre: Zum Stifterverhalten Zar Ivans des Schrecklichen // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2003. Bd. 51 (3). S. 342—366; *Idem.* Death, Burial and Remembrance: The Christian Orthodox Tradition in the East of Europe // A Companion to Death, Burial and Remembrance in Late Medieval and Early Modern Europe, c. 1300—1700 / Eds. Ph. Booth, E. Tinfle. Boston, 2021. P. 225—248; *Штайндорф Л.* Монашеская культура как способ общественного дисциплинирования в Московской Руси: Общеевропейский образец // Русская религиозность: Проблемы изучения / Под ред. А. И. Алексеева, А. С. Лаврова. СПб., 2000. С. 108—112.

[80] См., например: *Soldat C.* Das Testament Ivan des Schrecklichen von 1572: Eine kritische Aufklärung. Lewiston (NY), 2013; *Iadem.* Erschreckende Geschichten in der Darstellung von Moskovitern und Osmanen in den deutschen Flugschriften des 16. und 17. Jahrhunderts. Lewiston (NY), 2014; *Iadem.* Primogenitur und Konsensherrschaft unter Wasilij III und Iwan IV in Moskovien // Die Macht des Herrschers: Personale und transpersonale

Если обратиться к историографии других стран, ожидаемый интерес к истории Русского государства увидим у польских авторов: возникшая в XVI в. Речь Посполитая с этого времени надолго стала для России главным соседом на Западе. Среди польских работ выделяются труды Иеронима Грали[81]. Отметим также интерес к некоторым фигурам русской истории этого периода у итальянских исследователей. Так, Марчелло Гардзанити написал серию статей о Максиме Греке, обращая внимание на итальянский период его жизни и делая вывод о большом влиянии этого этапа на дальнейшие взгляды и всю дальнейшую жизнь знаменитого книжника[82].

Лучшие работы отечественных и иностранных авторов, как видно из вышеприведенного обзора, основывались на анализе заново интерпретированных текстов. В XVI в. появилось большое количество таких источников, какими не располагали исследователи предшествующих веков. В последние десятилетия вышло и продолжает выходить большое число публикаций текстов XVI в., ранее остававшихся неизданными: актов, материалов государственного делопроизводства, писцовых книг, хозяйственной документации монастырей и архиерейских дворов, нарративных русских и иностранных памятников. Главный акцент в упомянутых старых и новых научных спорах всегда ставился на тех исторических источниках, которые сохранились по XVI в. Основным местом хранения русских документов XVI в. является Российский государственный архив древних актов в Москве, но многие из них хранятся также в Архиве СПбИИ РАН и в отделах рукописей крупнейших библиотек страны, таких как РГБ, РНБ, БАН. В данном томе при написании отдельных глав широко использован не только опубликованный материал источников, но даны также ссылки на неопубликованные тексты.

Если говорить об источниках, сохранившихся и от предыдущих столетий, то по XVI в. дошло гораздо больше государственных и частных актов. Больше всего актового материала дошло в составе монастырских собраний. По XVI в. было выпущено несколько серий изданий, в подготовке которых приняли участие самые известные историки XX в.: С. Б. Веселовский, Б. Д. Греков, И. А. Голубцов, Л. В. Черепнин, А. А. Зимин и другие, а также их ученики (например, Л. И. Ивина подготовила к изданию акты Симонова монастыря, В. Д. Назаров стал одним из издателей актов Успенского собора и Богоявленского монастыря, И. З. Либерзон, ученица Б. А. Романова, подготовила два тома соловецких актов и т. д.)[83].

Aspecte / Hrsg. M. Albers, E. Brüggen, K. Klaus. Göttingen, 2019 (= Macht und Herrschaft 4). S. 219—238; *Iadem.* "Dem frommen deudschen Leser zur warning und besserung in druck verfast", or How to Restrict the Power of the Emperor: The "Grumbach affair" and German Oprichnina Pamphlets in the Second Half of the 16th Century // Die autokratische Herrschaft im Moskauer Reich in der "Zeit der Wirren": 1598—1613 / Hrsg. D. Dahlmann, D. Ordubadi. Göttingen, 2019. S. 155—178.

[81] *Граля И.* Иван Михайлович Висковатый: Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994.

[82] См., например: *Гардзанити М.* «Слово о нестроениях и бесчиниях» Максима Грека: К источникам плача Василии // Русская литература. 2021. № 1. С. 55—70; *Он же.* «Слово утешительное инока в темнице» Максима Грека: Первое свидетельство «тюремной литературы» в России // Историко-философский ежегодник. 2022. № 37. С. 58—83.

[83] Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков [Текст]: В 3 ч. / Сост. Л. В. Черепнин. М., 1951—1961; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI века: В 3 т. М., 1952—1964; Акты Русского государства: 1505—1526. М., 1975; Акты московского Симонова монастыря (1506—1613). Л., 1983; Акты московских монастырей и соборов из архивов Успенского собора и Богоявленского монастыря / Сост. Т. Н. Алексинская, В. Д. Назаров. М., 1984; Акты социально-экономической истории Севера России конца XV — XVI в.: Акты Соловецкого монастыря: 1479—1571 гг. Л., 1988; Акты социально-экономической истории Севера России конца XV — XVI в.: Акты Соловецкого монастыря: 1572—1584 гг. Л., 1990.

Участие в этих публикациях сформировало у многих из них исследовательские интересы, определившие направление работ на долгие годы[84]. Говоря о новейших изданиях актов, нельзя не упомянуть публикации А. В. Антонова и прежде всего фундаментальную публикацию актов служилых землевладельцев XV — начала XVII в.[85]

В отличие от более раннего времени основная часть юридических памятников за XVI в. сохранилась до наших дней, поэтому судебную систему и судебную практику тех лет мы можем представить гораздо лучше, чем за предыдущий период. Крупнейшими юридическими памятниками являются Судебник Ивана IV, а также различные законодательные акты, выпущенные в период между Судебником и Соборным уложением 1649 г. Академическое издание судебников было подготовлено под редакцией Б. Д. Грекова в 1952 г. Важно отметить академическое издание законодательных актов Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в., продолжившее ту же серию публикаций. В подготовке «Законодательных актов» принимали участие Ю. Г. Алексеев, А. И. Копанев, Е. Н. Носов, В. М. Панеях и другие специалисты по истории этого периода[86]. Что касается публикации материалов по церковному праву, здесь в первую очередь нужно отметить издания Стоглава, без текста которого невозможно понять суть отношений церкви и государства в XVI в.[87]

От XVI в. сохранилось и делопроизводство некоторых монастырей. Большое значение имеют монастырские хозяйственные книги, например приходо-расходные, а также книги, в которых регистрировались повинности монастырских крестьян, посевы и урожаи, содержались подробные описания строений и имущества монастыря. Монастыри проводили описания своих земель, переписывали население всех крестьянских дворов и составляли по результатам этого книги для внутреннего пользования[88].

[84] См., например: *Каштанов С. М.* По следам троицких копийных книг XVI в.: (Погодинский сборник 1846 г. и архив Троице-Сергиева монастыря) // Перечень актов архива Троице-Сергиева монастыря: 1505—1537. М., 2007. С. 55—238.

[85] Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Т. 1 / Сост. А. В. Антонов, К. В. Баранов. М., 1997; Т. 2 / Сост. А. В. Антонов. М., 1998; Т. 3 / Сост. А. В. Антонов. М., 2002; Т. 4 / Сост. А. В. Антонов. М., 2008. Новейшие публикации актов см. также: Акты Троицкого Калязина монастыря XVI в. / Сост. С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина. М.; СПб., 2007; Акты Покровского суздальского девичьего монастыря XVI — начала XVII века / Сост. А. В. Антонов, А. В. Маштафаров. М., 2019; Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506—1608 гг. / Сост. С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина. М., 1998; Акты новгородского Вяжищского монастыря конца XV — начала XVII в. / Подг. И. Ю. Анкудинов. М., 2013. Многие новые акты опубликованы в сборнике: Русский дипломатарий. Вып. 1. М., 1997; Вып. 2. М., 1997; Вып. 3. М., 1998; Вып. 4. М., 1998; Вып. 5. М., 1999; Вып. 6. М., 2000; Вып. 7. М., 2001; Вып. 8: Антонов А. В. Частные архивы русских феодалов XV — начала XVII века. М., 2002; Вып. 9. М., 2003; Вып. 10. М., 2004.

[86] Судебники XV—XVI веков / Под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1952; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты / Под ред. Н. Е. Носова. Л., 1986; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Комментарии / Под ред. Н. Е. Носова и В. М. Панеяха. Л., 1987.

[87] На смену долгое время остававшегося классическим исследования Д. Ф. Стефановича (О Стоглаве: Его происхождение, редакция и состав. СПб., 1909) пришла новая работа: *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. М., 2000.

[88] В качестве примера приведем издания хозяйственных книг, подготовленные под редакцией А. Г. Манькова: Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Вытные оброчники и переписная книга вотчин Кирилло-Белозерского монастыря: 1559—1601 гг. М., 1983; Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 80—90-х гг.: В 2 вып. М.; Л., 1987; Писцовая книга езовых дворцовых волостей и государевых оброчных угодий Белозерского уезда 1585 года / Сост. В. С. Барашкова, З. В. Дмитриева, Л. С. Прокофьева; под ред. А. Г. Манькова. М., 1984.

Совершенно новыми источниками по XVI в., которых не знает предшествующая эпоха, является документация московских приказов. Приказы как центральные ведомства возникли в середине XVI в. Они находились в Москве, каждый из них ведал определенным кругом дел. В Посольском приказе, например, хранились посольские книги, наказы русским послам в другие земли, описания приемов иностранных послов, тексты мирных и других договоров и т. д. В Печатном приказе хранились сведения обо всех грамотах, запечатанных царской печатью, поэтому можно представить себе содержание даже тех из них, которые не дошли до нас. В Разрядном приказе хранилось огромное число документов о разных служебных назначениях. Для фиксирования лиц, входящих в состав Государева двора, служба которых протекала в Москве, составлялись боярские списки и потом на их основе — боярские книги. В боярских книгах указывались денежные и земельные оклады служилых лиц, и они являются источниками для изучения землевладения. Для записи служебных назначений составляли разрядные книги[89]. Для городовых служилых людей составлялись списки, которые назывались десятнями. К сожалению, значительная часть наиболее древних документов приказов не сохранилась. Они были уничтожены грандиозным пожаром 1626 г. Поэтому подавляющая часть сохранившейся документации относится ко времени после 1626 г. Тем не менее некоторые ранние материалы также известны. Сохранились описи, из которых можно понять, какие документы XVI в. находились в архивах до пожара. Важным этапом в историографии в свое время стала публикация описи Царского архива XVI в.[90] Основополагающими источниками по истории служилых людей XVI в. являются Тысячная книга и Дворовая тетрадь, последняя публикация которых осуществлена А. А. Зиминым[91], а также боярские списки (опубликованные С. П. Мордовиной и А. Л. Станиславским)[92] и большое число разрядных книг XVI в. различных редакций, изданных под редакцией В. И. Буганова. В архиве Посольского приказа хранились документы, важные для истории внешней политики России. По XVI в. значительная их часть исследована и опубликована. В последние десятилетия наибольший научный вклад в эту важную работу внес Н. М. Рогожин[93].

Из новых видов источников по своему значению выделяются материалы государственных описаний, позволившие исследовать те земли, по которым эти описания (или же сотные выписи из них) сохранились, и вывести их изучение на совершенно другой уровень по сравнению с предшествующим временем или с теми уездами, где

---

[89] О разрядных записях за XVI в. см. упомянутую выше работу В. И. Буганова (*Буганов В. И.* Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в.), а также исследование о разрядных книгах XV — начала XVII в. его ученика Ю. В. Анхимюка (*Анхимюк Ю. В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII веков. М., 2005).

[90] Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960.

[91] Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подг. к печ. А. А. Зимин. М.; Л., 1950.

[92] Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII вв. и Роспись Русского войска 1604 г: В 2 ч. / Сост. С. П. Мордовина, А. Л. Станиславский. М., 1979.

[93] *Рогожин Н. М.* Посольские книги России конца XV — начала XVII вв. М., 1994; *Он же.* Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии. М., 2003; *Он же.* Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в РГАДА (конец XV — начало XVIII в.). М., 1990. См. публикации посольских книг XVI в.: Посольские книги по связям России с Грецией (1588—1594) / Подг. текста М. П. Лукичева, Н. М. Рогожина. М., 1988; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1489—1549) / Подг. текста и вступит. ст. М. П. Лукичева, Н. М. Рогожина. М., 1984. См. также: Россия и греческий мир в XVI веке: В 2 т. Т. 1 / Подг. С. М. Каштанов, Л. В. Столярова, Б. Л. Фонкич. М., 2004.

такие описания не были проведены или не сохранились. Писцовые книги — государственные кадастры, новый вид письменных источников, которые стали составляться присланными из Москвы на места писцами только в конце XV в., когда были присоединены Новгород и другие земли. Писцы подробно описывали каждый город (его укрепления, церкви, лавки, дворы, население и т. д.), а также сельские местности (описывались каждое село, каждая деревня или пустошь). В книги заносились описания пахотных земель, сенокосные угодья и лесные участки. Поэтому писцовые книги — ценнейший источник по социально-экономической истории, истории быта и культуры, демографии. Описания всех земель государства с тех пор проводились постоянно, поскольку данные их быстро устаревали. Как правило, они проводились не одновременно по всему государству, а постепенно, по несколько уездов. Записи писцовых книг были основными документами для определения принадлежности земли и для установления налогообложения; в частности, в них указывалась платежеспособность населения. Поэтому писцовые книги хранились в Москве в Поместном приказе. В перерывах между составлением писцовых книг в уезды направлялись дьяки, которые должны были «дозирать», не произошли ли важные перемены в составе тяглого населения. Они составляли «дозорные книги». Издание писцовых книг XVI в., начатое еще в середине XIX в. Археографической комиссией[94], планомерно шло в течение длительного времени, продолжается оно и сейчас[95].

Местное делопроизводство сохранилось гораздо хуже, чем центральное. События последующих веков в России не способствовали сохранности архивных фондов. Лишь некоторые материалы воеводского управления отдельных городов уцелели. Особый случай являют новгородские делопроизводственные и актовые материалы начала XVII в., сохранившиеся благодаря тому, что они были вывезены шведами при оставлении Новгорода в 1617 г.

Кроме документов, сохранились традиционные для России нарративные (повествовательные) источники. Поскольку начало века совпало с расцветом идеологических споров в русской книжности, имеют особую важность некоторые академические публикации, подготовленные в конце 1950-х гг. А. А. Зиминым и Я. С. Лурье и представляющие тип издания источника, сопровожденного исследованием[96]. Выше отмечалась публикация переписки Ивана Грозного с князем Андреем Курбским, подготовленная Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыковым в серии «Литературные памятники». Ценные сведения содержат и другие сочинения князя Курбского[97]. Большое значение имели тома публикаций памятников письменности XVI в. в рамках двух серий, подготовленных Пушкинским Домом (ИРЛИ РАН):

---

[94] См., например, издания новгородских писцовых книг: Новгородские писцовые книги, изданные Императорскою Археографическою комиссиею. СПб., 1859—1910.

[95] См., например: Писцовые книги Новгородской земли. Т. 1: Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и отписные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530-х гг.; Т. 2: Писцовые книги Обонежской пятины XVI в. / Сост. К. В. Баранов. М., 1999. См. также: *Фролов А. А.* Новгородские писцовые книги: Источники и методы исследования. М.; СПб., 2017. Список новейших публикаций писцовых книг см.: *Дмитриева З. В., Козлов С. А.* Налоги и войны в России XVI—XVIII вв. СПб., 2020. С. 11—12, примеч. 11.

[96] Сочинения И. Пересветова / Подг. текста А. А. Зимина. М.; Л., 1956; Послания Иосифа Волоцкого / Подг. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959.

[97] Сочинение князя Курбского «История о великом князе московском» исследовал А. Цеханович, подготовившей его издание в серии «Памятники литературы Древней Руси» (Вып. 8: Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 218—399). Новое издание: *Курбский А.* История о делах великого князя московского / Подг. К. Ю. Ерусалимский. М., 2015.

«Памятники литературы Древней Руси» и «Библиотека литературы Древней Руси», а также издания отдельных памятников письменности, подготовленных в форме публикации текста с исследованием[98].

Для политической истории XVI в. большое значение имеют летописи, в особенности относящиеся к первой половине и середине столетия (за конец XVI в. до нас дошло существенно меньше памятников летописания). Историография и издания по летописанию XVI в. приведены во второй книге настоящего тома. В Москве продолжали составляться официальные великокняжеские, а потом — царские летописи. Великокняжеское летописание начала XVI в. отразилось в Воскресенской летописи, Софийской 1-й летописи (по списку Царского) и некоторых других летописях, а так называемый Свод 1518 г. — в Уваровской летописи, в переработанном виде — в Иоасафовской, Никоновской, Софийской 2-й, Львовской и Воскресенской летописях. После этого были составлены еще несколько великокняжеских сводов. Воскресенская летопись сохранилась в нескольких редакциях. Она названа так потому, что один список ее принадлежал Воскресенскому Новоиерусалимскому монастырю. В основе ее лежат московские великокняжеские своды XV—XVI вв., а также ростовское летописание. Первая редакция была составлена до 1533 г. кем-то из сторонников Василия III, а последняя редакция начала 1540-х гг., как считают, составлялась уже в окружении князей Шуйских. Большой интерес представляет рассказ Воскресенской летописи о княжении Василия III и правлении его вдовы Елены Глинской в малолетство его сына Ивана IV. В составе летописи сохранилась большая Повесть о смерти Василия III.

Иоасафовская летопись, сохранившаяся в одном списке, некогда принадлежавшем митрополиту Иоасафу, ведет рассказ с 1437 по 1520 г. Основанная на московских официальных сводах конца XV в., она содержит некоторые уникальные сведения, отсутствующие в других летописях, например подробно рассказывает о завоевании Москвой Твери и Смоленска, о борьбе московских великих князей с удельными князьями, о международных делах. Вероятнее всего, Иоасафовская летопись была составлена в канцелярии митрополита Даниила. Иоасафовская летопись стала одним из источников Никоновской летописи — наиболее грандиозного летописного свода XVI в., составленного во второй половине 1520-х гг., а потом дополненного описанием событий второй половины 1550-х гг. Название ей дано по одному из списков, принадлежавшему патриарху Никону. При составлении Никоновской летописи было использовано много более ранних летописных текстов, поэтому состав ее сложен, а некоторые известия о древних временах носят явно легендарный характер.

«Летописец начала царства» был составлен в 1550-е гг. и действительно описывает начало царствования Ивана IV. Его особенностью было то, что он описывал не всю русскую историю, а только один период, т. е. не являлся уже летописью в прямом смысле слова. Главная его ценность — в изложении подробностей жизни двора, дипломатических отношений, военной истории. Лицевой летописный свод — это многотомное описание событий мировой истории от Сотворения мира до 1567 г. в одном роскошном варианте, предназначенном для царя. Лицевым этот свод назван из-за миниатюр, которых насчитывается более шестнадцати тысяч. Тома Лицевого летописного

[98] См., например: Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков / Подг. текста и ст. В. И. Малышева. М.; Л., 1952; Повести о житии Михаила Клопского / Подг. текста и ст. Л. А. Дмитриева. М.; Л., 1958; Повесть о Петре и Февронии / Подг. текста и исследование Р. П. Дмитриевой. Л., 1979. Список подобных изданий можно было бы многократно увеличить.

свода в настоящее время рассредоточены по разным рукописным хранилищам Москвы и Петербурга. Особую историческую ценность имеет том, текст которого повествует о царствовании Ивана IV. Некоторые листы этого тома, который хранится в Государственном историческом музее, покрыты приписками, давно вызывающими споры.

Еще одним памятником книжности, составленным в середине XVI в., была Степенная книга. Это источник по истории русской культуры и государственной идеологии, свидетельствующий о стремлении переделать прошлое в интересах одного рода будущих московских князей и царей. Нужно учитывать житийный характер текста Степенной книги, наличие поздних и легендарных подробностей, которые выявляются при сопоставлении с ранними летописями. Об исследованиях Степенной книги отчасти сказано выше.

Некоторые летописи XVII в. также содержат известия по истории предшествующего столетия. Таков, например, Новый летописец, являющийся, как и «Летописец начала царства», летописью только по названию. Он излагает события с момента смерти Ивана IV и похода Ермака в Сибирь до 1630 г. Некоторые летописцы XVII в., например Постниковский и Пискаревский, использовали не дошедшие до нас летописи предшествующего столетия. Поэтому в них сохранились уникальные известия, например о царствовании Ивана Грозного. Кроме московского, сохранились памятники новгородского, устюжского, псковского летописания XVI в., летописные тексты о взятии Казани. В XVII в. следует отметить сибирское летописание, которое до сих пор является основным источником по истории начала освоения русскими Западной Сибири в конце XVI в.

В 1530—1550-х гг. были составлены Великие Четьи Минеи — собрание поучительных текстов, расположенных по месяцам, в которых читалось множество житий святых. Многие жития были новыми, поскольку объединение разных княжеств в Московском государстве потребовало включения всех местных святых в общерусский пантеон. Это также своего рода исторический источник, иногда содержащий информацию, которой нет в летописях и других письменных памятниках, но нужно учитывать его природу.

Известия иностранцев, побывавших в России, постоянно используются историками, потому что содержат описания тех сторон жизни, например быта, которые не фиксировались памятниками русского происхождения. Наиболее часто используются сочинения о России С. Герберштейна, Дж. Горсея, Дж. Флетчера, многочисленных иностранцев, посетивших Россию в царствование Ивана Грозного, например Г. Штадена, А. Шлихтинга, И. Таубе, Э. Крузе, либо участвовавших в Ливонской войне (М. Стрыйковского, А. Гваньини, П. Одеборна)[99]. Но при обращении к этим источникам следует всегда учитывать, владел ли иностранный автор русским языком (чаще всего они пользовались услугами толмачей), а также был ли он свидетелем того, что описывал, видел ли своими глазами или пользовался слухами и легендами о событиях, имевших место в прошлом. Так, С. Герберштейн не только сам видел Судебник Ивана III, но транслитерировал его в составе своего сочинения, так что этот текст долгое время был единственным вариантом, известным ученым, пока не обнаружился сохранившийся русский список. Важно и то, кто были информантами иностранца, насколько они могли быть осве-

[99] Из последних изданий см., например: *Герберштейн С.* Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А. Л. Хорошкевич. М., 1999—2006; *Штаден Г.* Записки о Московии: В 2 т. М., 2008—2009; *Горсей Дж.* Записки о России: XVI — начало XVII в.

домленными по роду своих занятий и своему статусу и, наконец, правильно ли он понял сообщенные ему сведения. Возможны ситуации, когда услышанные сообщения трактовались авторами сочинений неверно, поскольку они невольно придавали им тот вид, который делал их похожими на явления, известные на их родине (или, наоборот, противопоставлялись этим явлениям). Важно учитывать также, что писавшие в XVI в. о России западноевропейские авторы широко пользовались сочинениями друг друга.

При написании разделов тома авторы дают ссылки на используемые источники, раскрывая их названия и по возможности поясняя специфику того исторического материала, который можно из них извлечь. Что касается историографии, кроме ссылок, которые делаются по ходу изложения, в конце приведен список книг и статей, адресованных тем читателям, которые хотят глубже изучить какой-либо из вопросов.

В научной литературе в отношении некоторых явлений, существовавших в XVI в., используется разная терминология. Так, государство, о котором пойдет речь в томе, называют как Русским, так и Московским, а также Российским. В источниках встречаются и те и другие наименования, и мы используем их как синонимы, не вкладывая никакого иного смысла в понятие «Московское государство» кроме того, что речь идет о периоде, когда центром русских земель была Москва. Понятия «сословное представительство» и «сословно-представительная монархия» по отношению к периоду, когда существовали Земские соборы, а также выборные губные и земские органы власти, употребляются не всеми исследователями. Поскольку названные явления в XVI в. только зарождались, в большинстве случаев мы избегаем употреблять выражения, связанные с «сословным представительством» и «сословиями», хотя у авторов тома существуют разные точки зрения на этот вопрос. Так, авторы разделов, посвященных внутренней политике середины XVI в., обосновывают гипотезу, состоящую в том, что сословия в первой половине столетия начали складываться и выборные земские органы власти могли превратиться в органы сословного представительства. Этот процесс был прерван событиями второй половины царствования Ивана IV, в особенности опричнины, которые показали, что развитие страны пойдет по другому пути.

Также мы не стремились добиться абсолютной однородности в наименовании отдельных социальных категорий. В литературе долгое время употреблялось понятие «дворянство» в широком смысле по отношению к совокупности «служилых людей по отечеству» (по аналогии с тем, как понятие «дворяне» употреблялось в XVIII — начале XX в.). В некоторых главах слово «дворяне» употреблено в этом расширительном значении как историографический термин, однако в большинстве глав используется понятие «служилые люди» (без конкретизации «по отечеству»), а также названия отдельных чинов: «дворяне московские», «выборные дворяне», «думный дворянин». В тех случаях, когда речь идет о стрельцах, пушкарях, воротниках, служилых казаках и пр., используется понятие «служилые люди по прибору». Понятие «боярство» в широком смысле (т. е. для обозначения всего верхнего слоя окружения великих князей и царей, как это делалось ранее в историографии), как правило, не используется. В нашем томе термин «боярин» употребляется в качестве названия высшего чина в служилой иерархии Государева двора. Авторы тома, пишущие о восточной политике, употребляют терминологию, принятую в современной исследовательской литературе и отличающуюся от их традиционного использования. Так, потомки Чингисхана именуются Чингисидами, а не Чингизидами. Аристократический титул в татарских ханствах обозначается как «мирза», а не «мурза». Более специальные термины объяснены в отдельных главах.

Часть I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ

Административно-территориальное деление

На ранних стадиях развития государства территориальное деление в значительной степени формировалось вне зависимости от действий носителей власти, отражая исторически сложившееся территориальное образование. Подобными административными единицами с домонгольского времени были волости и погосты. Однако их терминологическое значение не было статичным на протяжении столетий. Волость как мелкая административная единица впервые упоминается в духовных грамотах Ивана Калиты 1330-х гг. В более ранние времена, с XI в., термин «волость» был равнозначным понятию «земля» («княжество»). По предположению А. А. Горского, в XIV в. на территории Северо-Восточной Руси сформировалась следующая система территориального деления: центральная часть княжества — городской «уезд», делившийся на «пути» и «станы», — волости[1].

К началу XVI в. территория Московского и других княжеств с точки зрения территориального деления была похожей; она состояла из уездов, включающих территорию, «тянувшую» к посаду (городу), который в состав уезда не входил. В свою очередь уезды состояли из станов и волостей.

Деление на уезды и волости было в основном административным делением, определявшим границы полномочий наместников и волостелей; деление на волости и станы, а также погосты и губы было вызвано фискально-податными причинами. Назначение прочих известных по документам территориальных единиц, таких, например, как половины, трети, четверти, пятины, углы, в полной мере неизвестно. Вероятно, их существование, отражая исторически сложившиеся географические объекты (территории), выполняло сугубо вспомогательное значение, в том числе при проведении межеваний и описаний земель.

Территория государства в XVI в. включала в себя уезды, которые относили к Замосковному краю, — земли древнего Владимиро-Суздальского княжества. Его границы пролегали на западе по Смоленской и Новгородской землям, на востоке — Вятскому краю и Поволжью, на юге — по берегу Оки и Рязанской земле. К замосковным уездам относились: Балахнинский, Бежецкий, Верейский, Владимирский, Волоколамский, Галицкий, Гороховецкий, Дмитровский, Звенигородский, Зубцовский, Кашинский, Кинешемский, Клинский, Коломенский, Костромской, Лушский, Московский, Муромский, Переяславский, Пошехонский, Романовский, Ростовский, Рузский, Серпуховский, Старицкий, Суздальский, Тверской, Углицкий, Устюженский, Шуйский,

[1] *Горский А. А.* От погоста к волости // Образы аграрной России IX—XVIII вв.: Памяти Натальи АлександровныГорской. М., 2013. С. 93.

Юрьевецкий, Юрьевский, Ярославский. Всего в XVI в. Ю. В. Готье насчитывает 35—40 уездов только к северу от Москвы, в замосковных городах[2], включая в их число также Вологодский, Нижегородский, Мещерский, Вятский и другие уезды.

Московский уезд включал в себя Васильцов, Кошелев, Почернев, Объезжий, Шеренский, Пехорский, Манатьин, Быков, Коровин, Сурожский, Горетов, Бохов, Радонеж, Бели, Ворь, Корзенев, Сосенский, Сетунский станы и две волости — Вохна и Тухачевская. В 1570-х гг., после ликвидации Хатунского уезда, его земли были включены в состав Московского уезда.

В XV—XVI вв. основным соперником России на территории Восточной Европы было Великое княжество Литовское. Успешные военные действия против него привели к присоединению в 1494 г. Вязьмы, Воротынска, Одоева, Белева, Новосиля, в 1503 г. — Брянска, Карачева, Мценска, Мосальска, Торопца, Новгорода-Северского, Чернигова, Гомеля, Рыльска. На территории этих земель в качестве административной единицы были сформированы уезды. Во время Ливонской войны, с 1563 по 1579 г., в состав государства входил Полоцк с округой, который в течение указанного срока представлял Полоцкий уезд.

Следует отметить, что интеграция в состав государства новых территорий не влекла за собой существенных изменений в структуре сложившегося административного деления. Так, присоединение в 1503 г. Торопецкого повета Великого княжества Литовского к Московскому великому княжеству привело к переименованию повета в уезд; волостное деление сохранилось. Более того, в течение XVI в. сохранялись специфические территориальные единицы Торопецкой земли — перевары.

Крупные города присоединенных княжеств стали центрами новых уездов. Так, после присоединения Тверского княжества возникли Тверской, Кашинский, Старицкий, Зубцовский, Клинский уезды. В 1514 г. в состав великого княжества Московского вошла Смоленская земля, на территории которой были созданы Смоленский, Вяземский, Дорогобужский, Бельский уезды. После присоединения в 1521 г. Рязанского княжества на его территории возникло четыре уезда (Рязанский, Зарайский, Пронский, Михайловский). На рубеже XV—XVI вв. формируется Каширский уезд, в состав которого вошли великомосковские земли и территория, перешедшая к Москве по «купле» от Рязанского княжества на правом берегу Оки.

В отдельные периоды XVI в. на территории страны сохранялись уделы: Угличский (до 1521 г.), Дмитровский (до 1533 г.), Старицкий (до 1574 г.). Стоит отметить, что территория уделов не полностью совпадала с территорией одноименных уездов. В состав Дмитровского удела входили Дмитровский, Звенигородский и Рузский уезды. Кроме того, в состав земель удела зачастую включались отдельные административные единицы в соседних уездах. Например, в состав Старицкого удела князя Владимира Андреевича входила волость Вохна Московского уезда.

Иная ситуация связана с опричниной. В 1565 г. в состав опричных земель, по данным летописи, был включен ряд уездов: Можайск, Вязьма, Козельск, Перемышль «два жеребья», Белев, Лихвин «обе половины», Ярославец с Суходровью, Медынь с Товарковою, Суздаль, Шуя, Галич «со всеми пригородки с Чюхломою и с Унжею и с Коряковым и з Белогородьем», Вологда, Юрьевец Поволской, Балахна с Узолою, Старая Руса, Вышегород на Поротве, Устюг «со всеми волостьми», Двина, Каргополь, Вага, а также волости Московского уезда: Олешня, Хотунь, Гусь, Муромское сельцо, Аргуново, Гвоздна, Опаков на Угре, Круг Клинской, Числяки, Ординские деревни и

[2] *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII веке. М., 1906. С. 197.

стан Пахрянской, Белгород в Кашине и волости Вселунь, Ошта, Порог Ладошской, Тотьма, Прибужь. В последующее время в состав опричнины включались другие уезды: Старица (1567), Кострома (1567), Ростов (1569), Ярославль (1569). С административно-территориальной точки зрения опричнина представляла собой уезды, на территории которых был введен особый режим управления. Следует отметить, что одним из последствий опричных переселений было формирование Шуйского уезда, выделенного в 1557 г. из Суздальского уезда и состоявшего из двух волостей (Телешовской и Борисоглебской)[3].

Структурными единицами уездов были волости и станы. Однако почти все уезды, сформировавшиеся к началу XVI в., имели свои особенности. Причем это относится даже к территории центральных уездов. Например, в XVI в. Ярополческая волость Владимирского уезда состояла из пятин и стана; в состав Хотунской волости Московского уезда входили трети и станы. В состав станов и волостей нередко включались дворцовые села в Московском уезде[4]. Некоторые станы могли состоять из волостей либо наоборот — отдельные волости делились на станы[5].

Волостное деление, как отмечал А. С. Лаппо-Данилевский, отражало древнее общинное деление территории, которое было использовано в административных целях и стало одной из административных единиц; другой стали станы, сформированные властью[6]. К этому выводу стоит сделать дополнение о том, что волостное деление, помимо прочего, отражало вольнонародную традицию районирования освоенной территории. Этим объясняется формирование и существование волостей в структуре уездов, сформировавшихся во второй половине XVI в.: Мценском, Белгородском, Орловской, Севском. Они были интегрированы в состав административного деления указанных уездов. Но образование волостей происходило и позднее, в следующем столетии: через освоение целины («дикого поля»), формирование единичных хозяйственных угодьев («ухожьев») и, наконец, системы хозяйственных единиц, принадлежавших разным людям[7]. Таковыми были Мужецкая волость в Путивльском уезде и Гаховская волость в Рыльском уезде. Однако в XVII в. территория этих волостей как единое целое не сохранилась, она вошла в состав различных станов; сложившееся деление уже не учитывалось при формировании административной структуры уездов. Между тем в течение XVI в. волости могли именоваться станами, и наоборот. Жесткой фиксации административных единиц в структуре уездов не было. Более того, известно, что Мышегская волость зачастую называлась уездом, что продолжалось до тех пор, пока в конце XVI в. она не вошла в качестве волости в состав Тарусского уезда[8].

Тверской уезд в 1551—1554 гг. состоял из волостей (Захожье, Суземье, Воловичи,

---

[3] *Бутрин Е. С.* Поместное хозяйство в Шуйском уезде по писцовым книгам 1629 г. // Писцовые книги и другие массовые источники по истории России XVI—XX вв.: Тезисы докладов XXIII всероссийской научной конференции, г. Кириллов, 20—23 июня 2023 г. СПб., 2023. С. 29—31.

[4] Там же. С. 189—190.

[5] *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история России XV—XVI вв. СПб., 2019. С. 26, примеч. 2.

[6] *Лаппо-Данилевский А. С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 83—85.

[7] *Мизис Ю. А.* Бортные ухожья как форма заселения и освоения южно-русского пограничья в XVI—XVII вв. // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. № 10 (126). С. 80—85.

[8] *Дедук А. В.* От столицы удела (княжества) до приходского центра: Судьба города Мышега // Региональные столицы России — точки опоры и роста: Материалы всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2023. С. 20—23.

Хорвач, Шостка, Чаглово, Шейский уезд[9], Озера Спасские, Кава, Ракитна, Кушалина) и волосток (Узкий угол, Видимль). При этом волость Хорвач включала в себя станы (Воскресенский, Юрицкий, Горицкий). Кроме того, в состав уезда входил Микулинский стан[10].

Важский уезд в XVI в. делился на Шенкурскую и Вельскую половины. В Важском уезде в состав некоторых станов входили более мелкие станы[11]. Двинский уезд состоял из половин, которые, в свою очередь, делились на станы и волости.

Вологодский уезд в XVI в. состоял из большого числа административных единиц: половин, третей, станов, станков, волостей, улусцев, углов, концов. По неполным данным М. С. Черкасовой, в составе уезда было более 70 волостей[12]. Клинский уезд, напротив, состоял из двух волостей и села Нового в качестве самостоятельной административной единицы.

Каргопольский уезд делился на четыре стана (Каргопольский, Устьмошский, Турчасовский и Мехреньгский), в которые входили волости и волостки. Например, в состав Каргопольского стана были включены девять волостей и шестнадцать волосток и в качестве самостоятельных территориальных единиц посад, село и слобода. Следует отметить, что внутреннее деление уездов и состав волостей и станов не были неизменными в течение всего XVI в., а границы ряда волостей и станов не были четко установлены даже в конце XVI в.[13]

Состояние источников не дает уверенности в том, что некоторые термины, которые считаются названиями территориальных единиц (например, «углы»), на самом деле не являются географическим обозначением местонахождения селений. Тем более что многие топонимы XV в. сохраняются по сей день[14].

Самостоятельной структурной единицей уездов в XVI в. в ряде случаев могла выступать слобода. Подобной была Маринина слобода в Переславском уезде. Слободы в качестве административной единицы известны с конца XIV в. С. Б. Веселовский доказывал, что термин «слобода» заменил собой термин «свобода», встречающийся уже в XIII в. Слободами называли территорию, на которой находится одно или несколько поселений, а иногда до двухсот (слободка Караш в Ростовском уезде), освобожденную от несения определенных повинностей. В этом значении слободы встречаются в XVI в. Они входили в состав уездов; на территории Новгородского уезда слободки входили также в состав погостов (например, слободка Микшино в Никольском погосте в писцовой книге Бежецкой пятины 1545 г.) или волостей (Новосольская слобода в волости Мореве Новгородского уезда). При этом важно отметить, что территория слобод в XVI в. могла состоять из поместных земель или полностью принадлежать монастырю. Владельческая принадлежность земель слободы могла быть различной. В течение XVI в. данный тип слобод постепенно исчезает, сохраняясь на окраинах государства (слободки Строгановых в Перми). В это же время постепенно термин «слобода» начинает приме-

[9] Таково название волости.

[10] В одном и том же документе он назван то станом, то уездом.

[11] *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история России XV—XVI вв. С. 60.

[12] *Черкасова М. С.* Новгород и Вологда в XIV—XV вв. // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): Сборник статей памяти академика Л. В. Черепнина. С. 429—430.

[13] *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII веке. С. 194.

[14] См.: *Чернов С. З.* Мужи Площевичи: Владения землей в раннемосковской волости XIV—XV вв.: (Археологическая экспертиза разъезжей грамоты АСЭИ-I-422) // Электронный научно-образовательный журнал «История». Вып. 8 (62). Т. 8: Собственность в средневековой Западной Европе (земля — власть — право). 2017. DOI: 10.18254/S0001984-1-1

няться к районам городских поселений, а с 1570-х гг. — также для обозначения пригородных зон расселения отрядов стрельцов и других «приборных» людей и их земельных наделов.

Значительными особенностями отличалось территориальное деление бывших земель Новгородского и Псковского государств. Присоединение Новгородской земли привело к формированию на ее территории особого административно-территориального деления. Новгородская земля делилась на пятины (Шелонская, Бежецкая, Деревская, Водская, Обонежская), которые, в свою очередь, состояли из уездов. Во второй половине XVI в. пятины стали делиться на половины.

Новгородские уезды и половины делились на погосты (в качестве исключения встречались волости). Погосты объединяли сельские поселения: деревни, сельца, села. Их количество в каждом погосте было различным и варьировалось от небольшого числа деревень до нескольких их десятков, преимущественно однодворных. Причем в состав погостов могли входить поместные, дворцовые земли и волостки. Например, в состав Водской пятины в начале XVI в. входило шесть уездов: Новгородский, Корельский, Копорский, Ореховский, Ладожский, Ямской. Самый крупный из них, Новгородский уезд, состоял из двадцати погостов; самые маленькие, Ладожский и Ямской, включали по три погоста.

Погосты в качестве административных единиц упоминаются с X в. и происходят от слова «гость». Несмотря на то что погостное деление характерно в XVI в. прежде всего для новгородских уездов, оно встречается в других уездах. Например, в 1580-х гг. в состав подмосковной волости Вохна входил Павлов погост[15].

В исторической литературе до сих пор нет единой точки зрения по вопросу о времени установления пятинного деления Новгородской земли. В настоящий момент большинство исследователей склоняются к мнению о введении пятин после вхождения Новгородской земли в состав Московского великого княжества для удобства ее описания. В специальной литературе отмечается, что в основе древнейшего, известного нам, административно-территориального деления Новгородской земли лежали церковные округа — десятины[16]. Согласно другой точке зрения пятинное деление отражает особенности древнего устройства Новгородской земли, как и деление Великого Новгорода на пять концов; более того, деление на пятины не имеет объяснения с точки зрения административного и финансового управления новгородскими землями в составе Московского государства[17].

Особенности древнего территориального деления сохранились в Псковской земле после ее вхождения в состав Московского государства. Она состояла из пятнадцати уездов. Самый большой по площади Псковский уезд делился на семь засад, которые, в свою очередь, состояли из губ; остальные уезды состояли только из губ. Всего на территории псковских уездов была 151 губа, центр губы назывался погостом[18].

Присоединение в 1552 г. Казанского и в 1556 г. Астраханского ханств привело к строительству новых крепостей и формированию их уездов — так называемых понизовых городов. К ним относились Казань,

---

[15] *Веселовский С. Б.* Московское государство: XV—XVII вв.: Из научного наследия. М., 2008. С. 37.

[16] *Фролов А. А.* Названия новгородских пятин и пятинное деление в свете некоторых источников по истории церкви // Русь, Россия: Средневековье и Новое время: Вторые чтения памяти академика Л. В. Милова. М., 2011. С. 34—40.

[17] *Степанова Л. Г.* К дискуссии о территориальном делении Новгородской земли // Северо-Запад в аграрной истории России. Вып. 19. Калининград, 2012. С. 5—13.

[18] АИСЗР III. С. 89.

Астрахань, Свияжск (основан в 1551 г.), Чебоксары, Новый Кокшанский город (1574), Косьмодемьянск (1583), Царевококшайск (1584), Царевосанчурск (1584), Уржум (1584), Василь-город, Тетюши, Лаишев, Арск, Алатырь, Арзамас. К понизовым городам относились и древние населенные пункты этого региона Нижний Новгород и Курмыш. Формирование уездов происходило с учетом территориальной специфики. Это проявилось, например, в том, что Казанский уезд состоял из «дорог» (Большая Ташкабацкая, Кадышевская, Галицкая, Кокшаская, Шигалеевская, Салмачская, Кеземетевская), такое же деление было в Свияжском уезде (Ногайская, Иски-Юрточная, Верхняя Чувашская, Средняя Чувашская, Арская, Алацкая, Атызская), а Лаишевский уезд состоял из слободы и нескольких волостей.

Хозяйственное и административное освоение земель на востоке, в исторической области Мещера, привело к формированию Касимовского, Елатомского (с 1570 г. Мещерский, позднее — Шацкий), Кадомского и Темниковского уездов. При этом некоторые из них не имели внутреннего деления на волости[19].

С 1550-х гг. началось постепенное расширение территории государства за Урал. Первоначально этот процесс носил характер установления юридической зависимости Сибирского ханства (юрта). С 1580-х гг. начинаются затяжные военные действия против Сибирского ханства с одновременным административным освоением его территории, строительством укрепленных городов-крепостей (Тюмень (1586), Тобольск (1587), Березов (1593), Сургут (1594), Тара (1594), Обдорск (1595)) и формированием уездов.

Южная граница государства к началу XVI в. проходила по водоразделу Оки, чуть южнее ее — отдельные участки, с востока — по землям Нижнего Новгорода, Вятки, Чердыни. Южная система обороны включала так называемые береговые города — Серпухов, Тарусу, Коломну, Каширу и их уезды. Не ранее 1519 г. из земель Каширского и Алексинского уездов был сформирован Тульский уезд; формирование уезда было обусловлено военно-оборонительными причинами, поскольку в 1520-е гг. на этой территории возводились засеки, а к середине XVI в. была полностью создана засечная черта к югу от Оки.

Формирование Тульского уезда стало началом создания в 1550—1560-х гг. системы оборонительных уездов заоцких «украинных городов», расширявших систему так называемых береговых городов. Они охватывали территорию уездов от Серпухова и Каширы до Карачева, включая Алексин, Болхов (1555), Белев, Дедилов (1554), Карачев, Крапивну (1569), Одоев, Орел (1566), Тарусу, Тулу, Новосиль (1563), Мценск, Михайлов (1551), Чернь, Епифань (1566), Венев, Донков (1568), Пронск, Ряжск (1557), Шацк (1553).

Однако формирование уездов происходило не сразу и было связано не столько с военным, сколько с хозяйственным освоением территории вокруг создаваемой крепости: появлением населения, населенных пунктов, отводом земли детям боярским. Как замечали служилые торопецкие люди на Земском соборе 1566 г., «и тому ся стати мочно ли, чтоб городу быти без уезда? Ано и село и деревни без поль и без угодий не живут, а городу как быти без уезда?»[20] Это относится к строительству крепостей, расположенных на значительном удалении от уездов «украинных городов». В 1580—1590-е гг. благодаря возведению новых крепостей и перестройке имевшихся стали формироваться новые уезды — административные единицы страны — на южном пограничье: Воронеж (1585/86), Лив-

[19] *Беляков А. В.* Историческая география Мещеры XIV—XVII вв. // Российская история. 2019. № 1. С. 77.
[20] Цит. по: *Чечулин Н. Д.* Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889. С. 309.

ны (1585/86), Елец (1592), Кромы (1596), Курск (1596) и далее на юг: Белгород (1593), Старый Оскол (1593), Валуйки (1599), Царев-Борисов (1599).

Следует отметить, что эти созданные на протяжении XVI в. уезды включали в себя только станы в качестве административных единиц низшего уровня. Самостоятельной единицей был посад; все уезды включали пригородный (или окологородный, или городской) стан[21] и слободы «приборных» служилых людей.

Территориальное деление отражает особенности административного и фискально-податного управления государства. Однако исконные земли Московского княжества и присоединенные к середине XVI в. новгородские, псковские, вологодские и другие земли сохранили свои территориальные размеры и особенности административного деления внутри уездов. Формирование уездов происходило здесь и в дальнейшем. Так, постройка Яренского городка (Яренского городища) привела к формированию уезда в конце XVI — начале XVII в.[22] Изменения внутриуездного деления в течение XVI в. были вызваны текущими административными и фискальными причинами. Формирование территориальных единиц в структуре уездов и изменения их территории были обусловлены, как отмечал в свое время С. Ф. Платонов, экономическими причинами.

Строительство крепостей на южных границах страны, обусловленное военно-оборонительными соображениями, приводило к созданию «типовых» уездов с точки зрения их структурного территориального деления (на станы). Важно отметить, что в обоих случаях размеры самих уездов, как и размеры мелких административных единиц (станов), варьировались в достаточно широких границах и не зависели от численности их населения либо иных критериев.

Население

Подсчеты численности населения Русского государства в XVI в. наталкиваются на объективную трудность, состоящую в отсутствии источников, которые содержали бы данные по всей интересующей нас территории. Отдельные части государства обеспечены материалами, например Новгородская и Псковская земли, частью Поморье. Но в отношении других можно проводить расчеты, опираясь лишь на сведения более позднего времени и на предположения о темпах прироста населения.

Тем не менее попытки предпринимались не раз. Так, П. П. Смирнов полагал, что в середине XVI в. в Московском государстве проживало 2 млн, а в конце — 2,9 млн человек[23]. В конце 1950-х гг. А. И. Копанев пришел к выводу, что численность населения к середине XVI в. составляла 9—10 млн человек, а к концу столетия — 11—12 млн. Расчеты А. И. Копанева базировались на данных прежде всего новгородских писцовых книг, наиболее ранние из которых сохранились по Новгородской земле за конец XV — начало XVI в., и тезисе (обоснованном рядом расчетов), что поскольку новгородско-псковские земли составляли примерно 1/6 всей площади государства,

[21] Городской стан в Брянском, Малоярославецком, Медынском, Мценском, Новосильском, Угличском, Чернском уездах; Пригородный стан в Вяземском уезде; Окологородный стан в Епифановском, Кайгородском, Крапивенском, Лихвинском, Мещовском, Мосальском, Рязанском, Серпейском, Тарусском, Чердынском уездах; Подгородный стан в Калужском, Карачевском, Козельском, Темниковском, Курском уездах.

[22] *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1. М., 1909. С. 17—18.

[23] *Смирнов П. П.* Движение населения Московского государства. Т. 2 // Русская история в очерках и статьях / Под ред. М. В. Довнар-Запольского. М., 1910. С. 62—80.

то можно получить численность населения страны, умножив на шесть число населения новгородско-псковских земель[24]. По мнению Я. Е. Водарского, несколько положений А. И. Копанева были ошибочными: расчеты соотношения площадей густонаселенных и слабонаселенных частей страны, плотности населения, а также принятый А. И. Копаневым вслед за П. П. Смирновым процент прироста населения в первой половине XVI в.[25]

Кроме того, работа А. И. Копанева не снимала некоторых очевидных вопросов, касающихся специфики источников. Во-первых, в писцовых книгах не сообщалась численность всего населения, а лишь мужского, т. е. число женщин восстанавливалось сугубо гипотетически. Во-вторых, население в них указывалось по дворам, и не вполне понятно, кто скрывался под формулой «люди», жившие в том или ином дворе, и какова была средняя населенность двора. Это породило в историографии длительный спор.

При написании многотомной «Аграрной истории Северо-Запада России» вопрос о подсчетах численности населения в разных частях Новгородской и Псковской земель, а также в Двинской земле разрабатывался Т. И. Осьминским. Его метод был основан именно на расчетах населения крестьянского двора. Средняя численность двора, по его данным, составляла 6,7 человек. При этом двор с одной семьей брался за 5, с двумя — за 7,5, с тремя — за 10 человек (предполагалось, что неотделившиеся семьи были меньшими по числу членов, чем основная семья). Зная из писцовых книг число дворов и семейных крестьян, можно было рассчитать количество населения определенной местности[26]. Так, исследуя население Деревской пятины, Т. И. Осьминский пришел к выводу, что в конце XV в., по приблизительным данным, в ней проживало 116 000 человек обоего пола (притом что общую численность населения всех пятин, включая города, он оценивал в 520 тыс. человек)[27]. В первой половине XVI в. (по данным двадцати погостов) в Деревской пятине население сократилось на 12,5 % из-за морового поветрия, ухода крестьян и разорения земель. При этом убыль была неравномерной в разных частях пятины[28]. Во второй же половине столетия, по таким же расчетам, население составило лишь 7,1 % от населения конца XV в.[29] Во второй половине столетия население сократилось и в других пятинах, в целом по сравнению с началом XVI в. — в пять раз. Но в каждой местности шли свои процессы: так, например, в Заонежских погостах население выросло[30]. Большая

[24] *Копанев А. И.* Население Русского государства в XVI в. // Исторические записки. Т. 64. М., 1959. С. 233—254. А. И. Копанев при расчетах соотношения новгородско-псковских территорий и общей населенной площади страны исключал слабозаселенные районы, к которым он относил север и северо-восток, а также Казанское, Астраханское ханства и Западную Сибирь.

[25] *Водарский Я. Е.* Население России в XI—XVII веках // Историческая география России: XI — начало XX века: Территория. Население. Экономика. М., 2013. С. 74—75. А. И. Копанев брал прирост населения в первой половине столетия за 50 %, Я. Е. Водарский же полагал справедливыми расчеты Б. Ц. Урланиса, который оценивал прирост за это время лишь в 15 %. См.: *Урланис Б. Ц.* Рост населения в Европе. М., 1941. С. 191—193.

[26] *Осьминский Т. И.* Двор и семья: «Люди» писцовых книг конца XV — первой половины XVI в. // АИСЗР I. С. 17—20.

[27] *Осьминский Т. И.* Деревская пятина: Население // Там же. С. 79—83; *Он же.* Население новгородских пятин в конце XV в. // Там же. С. 322.

[28] *Осьминский Т. И.* Деревская пятина в первой половине XVI в. // АИСЗР II. С. 69—70.

[29] *Осьминский Т. И., Амромина Р. А., Дмитриева З. В.* Деревская пятина во второй половине XVI в.: Население // Там же. С. 32—33.

[30] *Осьминский Т. И.* Население // Там же. С. 292.

работа, проведенная авторами «Аграрной истории Северо-Запада России», была важным опытом расчетов населения той части Московского государства, по которой сохранилось более всего письменных источников массового характера. Она показала сложность и неравномерность проходивших там демографических процессов.

Большой вклад в исследование вопроса о населении России в целом внес Я. Е. Водарский и ученые его школы[31]. Я. Е. Водарский базировался главным образом на материалах XVII в., а именно на описаниях 1640-х и 1670-х гг., и при этом исходил из предположения, что с конца XVI в. до середины XVII в. численность населения по причине внутриполитических обстоятельств практически не изменилась, а во второй половине XVII в. выросла почти в два раза, что было связано с экономическим подъемом и территориальным расширением страны. Произведя ретроспективные вычисления, Я. Е. Водарский пришел к выводу, что в 1500 г. численность населения должна была составлять 5,6 млн человек, в середине века — 6,5 млн, а в конце столетия — всего лишь 7 млн человек (учитывая убыль из-за Ливонской войны, опричнины и пр.).

Современные авторы многотомных «Очерков демографической истории России» уменьшили и эти показатели. Они опирались на подсчеты Т. И. Осьминского и его вывод о том, что население северо-запада сократилось в конце XVI столетия примерно в пять раз по сравнению с тем, что было в начале, составив, таким образом, 130—140 тыс. человек. Затем прибавили сюда число жителей московской части государства, которое рассчитывается исходя из данных 1620-х гг. В итоге получились данные, близкие к предположениям П. П. Смирнова: 2—2,75 млн человек в начале XVI в., 4—4,5 млн в середине столетия и 2,5—2,9 млн в конце, хотя, как пишут авторы, «все эти цифры сохраняют до некоторой степени свою относительность и приблизительность»[32]. Кроме общих демографических характеристик, в этом фундаментальном труде исследованы вопросы о численности населения и особенностях демографических процессов в разных частях страны, о людских потерях в XVI в. в ходе внутри- и внешнеполитических катаклизмов, о разнице в численности сельского и городского населения (в том числе приведены данные по числу населения всех городов Русского государства), проанализированы вопросы миграции населения, формирование его этнического состава и состава семьи в зависимости от ареала проживания и социального уровня, проблемы заболеваний, питания, грамотности и образования.

Если говорить об этническом составе населения Русского государства XVI в., то оно формировалось как полиэтничное, но картина существенно менялась на протяжении столетия. В начале века наиболее значительную этническую конгломерацию, кроме славян, представляли различные группы финно-угров. Последние появились на территории Восточно-Европейской равнины раньше славян и издревле были их соседями, жили на территории многих русских княжеств, перемежаясь со славянским населением, о чем свидетельствуют, в частности, многочисленные финно-угорские топонимы и гидронимы.

К началу XVI в. финно-угры проживали на территории большей части уездов. В предыдущие столетия процессы, происходившие в разных местах, где славяне входили

[31] *Водарский Я. Е.* Население России за 400 лет (XVI — начало XX в.). М., 1973; *Он же.* Численность населения России в XVI в.: (К вопросу о методах расчета) // Проблемы исторической демографии СССР и Западной Европы (период феодализма и капитализма). Кишинев, 1991. С. 3—8; *Он же.* Население России в XI—XVII вв. С. 73—100.

[32] Очерки демографической истории России: XI—XXI века. Т. 2: XVI—XVII века / Отв. ред. В. Б. Жиромская. М.; СПб., 2022. С. 78.

в соприкосновение с финно-угорским населением, были различными, исторически зависели от многих обстоятельств, что показывают данные археологии. Там, куда славяне приходили родами или большими семьями, основывая отдельные поселки, они держались обособленно. Там же, куда они проникали малыми семьями, имевшими хозяйственную самостоятельность, они нуждались в связях с соседями, в том числе иноэтничными, и смешение происходило быстрее. В этом случае взаимное влияние разных этнических традиций на протяжении нескольких веков постепенно приводило к ассимиляции части финно-угров, хотя в результате славянская культура также приобретала некоторые финно-угорские черты[33].

Значительная часть финно-угорского населения отошла под власть московского государя вместе с теми княжествами, где издревле обитала. Так, мурома населяла земли по среднему течению реки Оки, во Владимирской земле, на севере от Тулы и на востоке от Калуги, а также на территории Рязанского княжества, перемежаясь в местах своего обитания с мордвой, мещерой, а также с вятичами. Весь (вепсы) проживала в Тверской земле (и вошла под власть Москвы вместе с ней), на Белом озере, в окрестностях Тихвина, в Костромском и Нижегородском уездах, гранича с водью и коми.

На северо-западе весь (вепсы), водь, ижора, карелы, коми-зыряне и коми-пермяки вошли в состав государства вместе с завоеванием Новгородской (включая Поморье), а затем Псковской земель. Кроме того, на северо-западе бывших новгородских земель обитали саамы (лопари), а на севере — ненцы (самоеды). Другая часть ненцев вошла в состав государства после присоединения Западной Сибири в конце XVI в. На рубеже XV и XVI вв. под власть великого князя Московского отошла Югра — Югорская земля на севере Урала, т. е. бассейн реки Печоры, населенный финно-угорскими народами ханты и манси.

На Русском Севере, в Поморье, в документах конца XV в. еще упоминается чудское население (чудь) — те финно-угры, которые пришли сюда задолго до новгородской колонизации этих мест. Так, например, на Ваге в XV в. один из местных своеземцев (т. е. мелких землевладельцев) вызвал жалобу в свой адрес со стороны местной чуди по поводу земель Шенкурского погоста, которые чудское население (староста Азик и с ним Харагинец, Ровда и Игнатец), видимо, пыталось отстоять[34].

Коми-пермяки и коми-зыряне занимали обширные территории северо-запада и Предуралья в бассейнах рек Вычегды и ее притоков Выми и Сысолы, Печоры, Мезени и Пинеги, Вятки и верховьев Камы. В 1481 г. на значительной части этих земель (в Перми Вычегодской) было проведено государственное описание, закрепившее вхождение их под власть Москвы. Коми обитали также в Двинской и Устюжской землях. Общее число населения в этих местах, по примерным подсчетам, составляло в конце XV в. около 6—7 тыс. человек[35]. В дальнейшем осваивались все новые территории. Так, считается, что в первой половине XVI в. было заселено устье реки Сысолы, и там, в частности, возник погост Усть-Сысола (будущий Усть-Сысольск,

---

[33] *Макаров Н. А.* Население Русского Севера в XI—XIII вв. М., 1990. С. 90—91, 125—137. См. также: *Он же.* Русский Север: Таинственное средневековье. М., 1993. С. 100—105.

[34] Акты юридические. СПб., 1838. № 257 (I). С. 269—270; № 409 (I). С. 429—431. Во всяком случае, именно так трактуется данный акт в литературе: *Островская М. А.* Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI—XVIII веках. СПб., 1913. С. 2—3.

[35] Подробнее об административной структуре земель, населенных коми, см.: История коми с древнейших времен до конца XX века. Т. 1. Сыктывкар, 2004. С. 66—75.

совр. Сыктывкар), хотя он впервые упомянут только в писцовой книге 1586 г.[36] Во второй половине XVI в. коми стали все больше селиться в Прикамье, продвигаясь вниз по течению реки, а в конце столетия уходили в Сибирь[37].

Южнее коми жили вотяки (удмурты). Северные удмурты вошли в подданство московскому государю вместе с Вятской землей, южные находились под властью казанских ханов и вошли в состав Русского государства только вместе с Казанским ханством[38]. Еще до присоединения Казани, согласно особой жалованной грамоте царя, получили разрешения селиться жить на Вятке казанские вотяки и чуваши. На Вятке исторически выделялись также татарские каринские (арские) князья, во владении которых с начала XVI в. находился весь бассейн реки Чепцы, включая бобровые реки и озера[39]. Местное население в междуречье Чепцы и Вятки подчинялось каринским князьям и в первой половине столетия под их началом участвовало в походах русского войска, например в 1498 г. в походе на Югру[40]. Южная часть удмуртов проживала в Казанском ханстве, в основном на Арской стороне[41].

Финно-угры мари (черемисы) жили по берегам Волги, а также в междуречье рек Ветлуги и Вятки. Часть их попала под власть русских князей уже в XIV—XV вв. Одним из письменных источников по восстановлению этнической картины Московского государства являются «Записки о Московии» С. Герберштейна, посетившего Русское государство в 1517 и 1526 гг.[42] Говоря о крепости Сура за Нижним Новгородом, под которой следует понимать Васильсурск, основанный в 1522 г., он отметил «живущий здесь народ, зовущийся черемисами», а также то, что они живут и за Волгой, но, в отличие от последних, нижегородские черемисы именуются верхними, или горными.[43] Сложность состоит в том, что в источниках XVI в., по всей видимости, «черемисами» называли как марийцев, так и чувашей. Такое же смешанное население, вероятно, имелось в виду в источниках, когда в них уже во второй половине столетия упоминаются «свияжские черемисы», а также черемисы чебоксарские, кокшайские, казанские и др.[44]

С. Герберштейн записал, что «к востоку и югу от реки Мокши тянутся огромные леса, в которых обитает народ мордва <...> имеющий особый язык и подчиняющийся государю московскому. <...> Они живут в селах, разбросанных там и сям, возделывают поля, питаются мясом зверей и медом,

[36] История коми с древнейших времен до конца XX века. Т. 1. С. 85.

[37] Там же. С. 100.

[38] История Удмуртии: Конец XV — начало XX века. Ижевск, 2004.

[39] *Гришкина М. В.* Удмуртия в эпоху феодализма: (конец XV — первая половина XIX в.). Ижевск, 1994. С. 54—55; *Она же.* Служилое землевладение арских князей в Удмуртии XVI — первой половины XVIII веков // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 20—40; *Чураков В. С.* Влияние политики великих князей московских в отношении каринских арских князей на формирование этнической территории удмуртов // Иднакар: Методы историко-культурной реконструкции. 2007. № 2. С. 74—78; *Исхаков Д. М.* Арские князья и нукратские татары: (Историко-этнографические сведения, генеалогии, клановая принадлежность, место в социально-политической структуре Казанского ханства и Русского государства). Казань, 2010.

[40] Разрядная книга 1475—1598 гг. / Подг. текста, ст. и ред. В. И. Буганова. М., 1966. С. 29.

[41] *Хамидуллин Б. Л.* Южные удмурты в составе Казанского ханства // Финно-угорский мир. 2016. № 3. С. 76—81.

[42] *Герберштейн С.* Записки о Московии / Под ред. В. Л. Янина. М., 1988.

[43] Там же. С. 134.

[44] Подробнее о судьбах марийцев в XVI в. см. работы А. Г. Бахтина: *Бахтин А. Г.* Российское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV—XVI вв. СПб., 2022; *Он же.* XV—XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998; *Он же.* Марийские сотни-волости XVI века // Марийский архивный ежегодник — 2019. С. 72—84.

богаты драгоценными мехами. Это очень сильные люди, ибо зачастую храбро отражают даже набеги татар; почти все они пехотинцы, отличаются длинными луками и опытностью в стрельбе»[45]. Действительно, в Московском, Нижегородском, Рязанском княжествах проживало много мордвы, которая платила подати местным князьям и чей правовой статус был близок к таковому черносошных крестьян. Ясак платился московскому государю, тот, в свою очередь, передавал его часть местным татарским князьям[46]. В XVI в. на реке Мокше был восстановлен город Наровчат (1520), затем построены крепости Васильсурск (1523, устье Суры), Темников (1536, на Мокше), Шацк (1553, в верховьях Мокши). Мордва жила в таких уездах, как Арзамасский, Алатырский, Темниковский, Шацкий и Кадомский. Мордва исторически делилась на две группы: эрзя и мокша. Эрзя проживала на северо-востоке современной Мордовии, юго-востоке Нижегородской области, северо-востоке Пензенской области, в некоторых районах современной Чувашии, по рекам Мокше, Суре, Волге. В источниках для обозначения мордвы-эрзи встречаются понятия мордва алатырская, арзамасская, нижегородская и пр. Мокша жила на юге и юго-западе от эрзи (бóльшая часть современной Мордовии, восток Рязанской области). Это мордва кадомская, темниковская, рязанская, мценская, муромская. Мокшанские мирзы со временем вошли в состав московских служилых людей, тогда как эрзяне в XVI в. находились в основном на положении ясачных людей (т. е. платили в казну натуральный налог — ясак, который выплачивался главным образом пушниной, а также хлебом и медом). До начала XVI в. на землях мещеры существовало Темниковское княжество под управлением татарских князей, вошедшее к 1526 г. в состав Русского государства. Восточная мещера, как предполагают, какое-то время имела двойное подчинение (двоеданство): платила подати и Москве, и Казанскому ханству[47].

Перечисленные группы финно-угорского населения были в большинстве своем старыми обитателями русских княжеств. В духовной грамоте Ивана III 1504 г. в числе территорий, завещанных детям, перечислены также земли, населенные нерусскими народами: «...Новгород Нижнеи <...> и с мордвами, и с черемисою, что к Новугороду потягло. <...> город Муром с волостьми и путми <...> и со всеми пошлинами, и с мордвами, и с черемисою, что к Мурому потягло, да Мещера с волостьми и з селы, и со всем, что к неи потягло, и Кошковым, да князи мордовские все, и з своими отчинами <...>. Вятцкую землю всю, городы, и волости, и со всем, что к неи потягло, и с арскими князми...»[48]

Другое дело те группы финно-угров и других народов, которые вошли в состав Русского государства уже после того, как их земли объединились под властью Москвы, в процессе расширения государства на протяжении всего XVI столетия. С образованием Казанского ханства часть мордвы (жившая по верхнему и среднему течению рек Мокши и Суры) оказалась под властью казанских ханов (как и мари, чуваши, удмурты). Под власть московского государя эти народы перешли в момент завоевания Казанского ханства, которое, как и Русское государство, было полиэтничным поли-

[45] *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 134.

[46] *Заварюхин Н. В.* Очерки по истории Мордовского края периода феодализма. Саранск, 2009.

[47] *Беляков А. В.* Князья Еникеевы и г. Темников в XV—XVII вв. // На пути к государствам Нового времени: Запад и Восток Европы в конце XV — XVII веке / Отв. ред. И. Н. Берговская, В. Д. Назаров, П. Ю. Уваров. Калуга, 2020. С. 737—758; *Он же.* Историческая география Мещеры XIV—XVII вв. // Российская история. 2019. № 1. С. 72—85; *Акчурин М., Ишеев М., Абдиев А.* Эпоха татарских князей в Мещере (XV—XVII века). Казань, 2021.

[48] ДДГ. С. 356.

тическим образованием. Очевидно, что и в походах казанского войска на Русь принимали участие все народы, населявшие ханство, но детально разобраться можно не всегда, поскольку русские источники использовали в основном общий термин «казанцы». Поэтому, когда в середине столетия в результате ожесточенной борьбы за Поволжье Казанское ханство было повержено, в состав Русского государства вошли земли, населенные не только казанскими и астраханскими татарами, частично ногайцами и башкирами, а также тюркоязычными чувашами, но и финно-уграми. Речь идет о марийцах правобережья и левобережья реки Волги (так называемых горных и луговых), южной части удмуртов, западной части башкир, отдельных группах мордвы (как эрзи, так и мокши)[49]. Часть этого населения исповедовала, как и казанские татары, ислам, значительная часть оставалась язычниками. Некоторые группы финно-угров были в особенно сильной степени тюркизированы: примером могут быть бесермяне, жившие в Прикамье.

Существует точка зрения, что чуваши — древние потомки булгарского населения, вошедшие в состав Казанского ханства, платившие татарам ясак и подати. Одновременно чуваши ассимилировали какую-то часть финно-угорского населения (горных марийцев), и в результате была сформирована синкретическая культура, близкая культуре финно-угров. Чуваши давно вошли в соприкосновение с русскими властями. Первый документ, называвший переселившееся на реку Чепцу население чувашами, датирован 1510 г. (был выявлен М. В. Гришкиной)[50]. В 1542 г., как уже упоминалось, в одной из царских грамот «казанские люди вотяки и чувашене», которые хотели выходить из ханства на царское имя, получили разрешение жить на реке Вятке. Князь Андрей Курбский вспоминал о наименовании чувашей «черемисой горней», о малом числе у них населенных «сел», об укреплениях, незаметных «аще и близку ходящим», и о вкусном чувашском хлебе («сладостнейший паче драгоценных калачей обретеся»)[51]. После подчинения Русскому государству Горной стороны чуваши стали подданными московского государя, как и живущие рядом с ними горные марийцы. Остальная часть их вошла в состав государства после взятия Казанского ханства.

Земледельческое население Горной стороны стало ориентироваться на Москву еще до завоевания Казани, тогда как нетатарское население Луговой стороны было сильнее привязано к казанским ханам. Одной из причин более раннего перехода под власть Москвы горных людей исследователи считают то, что каждый поход русского войска на Казань шел через Горную сторону и приводил к ее разорению. В конце 1546 г. население Горной стороны («Тугай с товарыщи») отрядило к великому князю в Москву посольство («дву черемисинов») с предложением снарядить войско против Казани[52]. В 1547 г. был предпринят поход русского войска, дошедшего до реки Свияги, видимо в разведывательных целях[53]. После смерти хана Сафа-Гирея царь решил послать рать на Казань. В 1551 г. при прибытии русских войск старейшины и сотники горных

[49] *Бахтин А. Г.* XV—XVI века в истории Марийского края; *Свечников С. К.* Присоединение Марийского края к Русскому государству. Йошкар-Ола; Казань, 2014; *Ермолаев И. П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI — XVII вв.: (Управление Казанским краем). Казань, 1982.

[50] Подробнее см.: *Димитриев В. Д.* Чувашский народ в составе Казанского ханства: Предыстория и история. 2-е изд. Чебоксары, 2018.

[51] *Курбский А.* История о делах великого князя московского. С. 32—34.

[52] ПСРЛ. Т. 13. М., 1965. С. 150.

[53] *Бахтин А. Г.* Российское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV—XVI вв. С. 292—293.

черемисов сообщили русским, что их мирзы бежали в Казань, и с этого момента Горная сторона оказалась в составе Русского государства. В рассказе Никоновской летописи о возведении русской крепости на реке Свияге при упоминании местных народов, присягнувших на верность русскому царю, сказано: «И царь и воеводы горних людей, князей и мурз, и сотных людей и десятных, и чувашу, и черемису, и мордву, и можаров, и тарханов привели к правде на том, что им государю царю и великому князю служить и хотети во всем добра, и от города от Свияжского неотступными быти...»[54] В 1552 г. казанские отряды стали совершать нападения на горных людей, т. е., видимо, уже не считали их своими подданными[55].

Луговые люди отошли под власть царя лишь после завоевания Казанского ханства. Но почти сразу же они подняли восстание против новой власти, которое было подавлено только в 1557 г. Луговая и Арская стороны (на левобережье Волги) были в результате этого выступления разорены, население истреблено или разбежалось по лесам, но военное сопротивление русской власти продолжалось, то ослабевая, то затихая, до конца столетия, войдя в историю под названием черемисских войн.

Огромное влияние на демографическую ситуацию имело то, что в результате борьбы за Поволжье в состав Русского государства вошло большое число тюркского населения. Кроме уже упомянутых чувашей, положение которых в Казанском ханстве (как и финно-угорских их соседей) было зависимым, речь идет прежде всего о казанских и астраханских татарах, ногаях, а также живших южнее татар (по рекам Белой и Уфе) башкирах. В конце столетия в результате походов русских воевод в Западную Сибирь подданными московского царя стали сибирские татары.

Кроме того, под властью московского царя в конце столетия в результате походов русских воевод в Западную Сибирь и постройки там русских крепостей оказались манси (вогулы), остяки (ханты), частью селькупы (также именовавшиеся остяками).

Присоединение этих огромных территорий вызвало постепенный приток туда русского населения, способствовало расселению русских на Вятке, в Поволжье и Приуралье, движению на восток, в Сибирь. Местные народы в ходе расширения государства ставились в разные отношения к нему. Большинство оказалось в числе ясачных людей, т. е. должны были платить подати, в том числе мехами (ясак). После восстания 1580-х гг. (Третьей черемисской войны) арские князья перестали существовать как служилые князья[56]. Местное удмуртское население и бесермяне (жившие к северо-западу) были освобождены от их власти и подчинены государству, стали платить ему оброк — превратились в черносошных и ясачных крестьян.

Часть мордвы, марийцев и чувашей (так же как и татарская элита), став подданными русского царя, вошла в состав поместного войска и служила за земельное или денежное жалованье. Наиболее знатные и влиятельные из них именовались князьями и мирзами. Казаками называли служилых людей незнатного происхождения (не мирз). Существовали также сотники, пятидесятники и десятники — выборные административные должности. Лица, освобожденные от ясака за военную службу, именовались тарханами. Но и ясачные люди также несли военную службу, их набирали в ополчения.

[54] ПСРЛ. Т. 13. С. 167.

[55] *Бахтин А. Г.* Российское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV—XVI вв. С. 312—314.

[56] *Исхаков Д. М.* Арские князья на службе у московских государей // История, экономика и культура тюрко-татарских государств Западной Сибири. Курган, 2017.

Вопрос об этнической природе некоторых групп податных и служилых людей, упоминаемых в русских источниках, включая понятие «служилые татары», неясен. Если первоначально под «служилыми татарами» следует понимать только татар и ногаев, позднее в эту категорию могли включать другие группы неславянских служилых людей, в том числе марийцев, мордву, чувашей.

Во второй половине XVI в. можно говорить о заметном участии служилых марийцев, мордвы и чувашей, не говоря уже о татарах (все они числились в особых отрядах), в русских военных походах и в охране степных границ (с последней трети XVI в.)[57]. Удмурты в военных походах второй половины столетия участвовали редко, так как вместо этого, в отличие от соседей (марийцев и чувашей), платили повышенный ясак. Верховная власть была заинтересована в том, чтобы поощрять служилых инородцев и защищать их от произвола местных властей, о чем говорит, например, сохранившаяся в копии конца XVIII в. грамота Ивана IV чувашам Верхней Сюндырской и Ишлейской волостей от 9 февраля 1574 г.[58] Издатель грамоты В. Д. Димитриев полагал, что подобные грамоты были выданы всем волостям Казанской земли[59].

Церковь в лице архиереев стремилась к распространению православия среди местных народов Казанского края, а позднее и других территорий, предоставляя «новокрещенам» различные льготы, например на три года освобождая их от налогов, повинностей и судебных преследований. Но дело обращения в православную веру было крайне сложным, и вскоре оказалось, что для исполнения этой задачи необходимо вводить многие ограничения, в том числе чтобы не допускать влияния на «новокрещенов», зачастую принявших православие лишь формально, бывших единоверцев. Для этой цели в Казани, например, указом царя Федора Ивановича от 18 июля 1593 г. «новокрещены» переселялись на жительство в особую слободу, чтобы они не жили, как сказано в грамоте, одной жизнью с татарами, чувашами, черемисами и вотяками[60].

В середине столетия началось продвижение России на Кавказ. В 1557 г. союз с Русским государством заключила Кабарда. К концу столетия здесь появились русские войска и русские укрепления (первой была крепость Терки на реке Сунже). Однако ни о каком подчинении местного населения Русскому государству в это время говорить еще нельзя.

Крестьянская колонизация

Территория России XVI в. включала земли, различавшиеся природно-климатическими особенностями. В XVI в., кроме старых, давно населенных славянских земель и городов с окружавшими их селами и деревнями (Брянск, Псков, Смоленск, Пе-

[57] *Акчурин М. М.* О мордовских князьях Алатырского края // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. Казань, 2012. С. 8—11; *Демидов А. Н.* Алатырские мордовские князья и мурзы // Мордва в Чувашии: История и современность: Материалы межрегиональной научно-практической конференции / Сост. и отв. ред. Д. В. Егоров. Чебоксары, 2022. С. 60—67; *Илюшин Б. А.* Очерк военного дела и военной истории мордвы, марийцев и чувашей в составе Российского государства XVI—XVII веков. Новосибирск, 2021. С. 185; и др.

[58] *Димитриев В. Д.* Жалованная уставная грамота волостям Казанской земли 1574 г. // Димитриев В. Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX вв.). Чебоксары. 1986. С. 65—75.

[59] Там же. С. 67.

[60] ААЭ. Т. 1. № 358. С. 436—439. См. также: История и культура татар-кряшен (XVI—XX вв.). Казань, 2017.

реяславль-Рязанский), в состав России вошло Центральное Черноземье, нынешние воронежские, белгородские, курские, липецкие, тамбовские земли. Особенностью этого края было то, что на рубеже XV—XVI столетий там практически (за исключением крайней западной части современной Курской области) не имелось постоянного населения. Это были запустевшие в результате монголо-татарского нашествия и установления длительного ордынского гнета земли. К концу века на европейском юго-востоке в состав государства входили уже новые земли с разнообразным оседлым (народы, населявшие бывшее Казанское ханство), полукочевым (Башкирия), кочевым (ногаи, калмыки и т. д.) населением. Все это порождало неравномерность в развитии отдельных районов и придавало процессам, происходившим в них, особый противоречивый характер.

В. О. Ключевский характеризовал Россию как страну непрерывно колонизующуюся[61]. Под колонизацией большинство современных исследователей понимают процесс освоения и заселения пустующих или малонаселенных территорий. М. К. Любавский отмечал, что это был процесс расселения и хозяйственного освоения, а не завоевания и захвата[62], и подчеркивал, что осваивал земли крестьянин-земледелец. Организаторами переселенческих потоков могли выступать различные социальные группы: от монастырей до светских землевладельцев и их поверенных. По мнению М. К. Любавского, типы колонизационных потоков различались как раз по типу инициатора-организатора той или иной волны миграции и последующего собственника земли[63]. Историк считал, что государство шло за первопроходцами, оказывая им защиту, помощь, предоставляя льготы и т. д. Когда первоначальное освоение земель произошло, государство, решая проблемы безопасности своих границ, продолжило начатую колонизацию, руководствуясь уже экономическими соображениями или политической целесообразностью. По мнению Д. И. Менделеева[64] и М. К. Любавского, лишь около 12 % территории страны сформировалось в результате завоевания[65]. Процесс колонизации по своей сути был одновременно колонизацией-миграцией[66]. Миграционные процессы происходили в условиях низкой плотности населения. Последствием колонизации явились серьезные социально-экономические и этнокультурные изменения.

Широкомасштабные колонизационные процессы, сыгравшие особую роль в становлении единого Московского государства, привлекали внимание историков и позднее, в особенности их занимало своеобразное сочетание деятельности государства в качестве военно-административной стабилизирующей силы, создателя, по Л. В. Милову, «всеобщих условий производства» и различных социальных групп общества. В процессе хозяйственного освоения ранее незаселенных пространств закладывались основы для постепенного формирования в единую общность поликонфессионального и разноэтничного нового населения края, которое затем зачастую уже невозможно было разделить на коренных жителей и переселенцев. Чрезвычайно интенсивны-

---

[61] *Ключевский В. О.* Сочинения: В 8 т. Т. 1. М., 1956. С. 309—310.

[62] *Любавский М. К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен до XX века. М., 1998.

[63] *Семенков В. Е., Рабжаева М. Ф.* История российской колонизации // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. Вып. 1. С. 163—168.

[64] *Менделеев Д. И.* Заветные мысли: Желанное для блага России устройство правительства // Менделеев Д. И. К познанию России. М., 2002. С. 338.

[65] *Любавский М. К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен до XX века.

[66] *Ахиезер А. С.* Россия: Критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. 1: От прошлого к будущему. Новосибирск, 1998.

ми были и темпы формирования сельского населения. В настоящее время на смену противопоставления правительственной и вольной колонизации все чаще приходит мнение об их органической связи; в целом для практики освоения окраин в XVI—XVII вв. характерно тесное переплетение различных колонизационных форм, их постоянное взаимодействие.

Колонизационные процессы, происходившие на юге России в конце XVI — XVII в. в связи с расширением границ в южном направлении, имели первостепенное значение для успешного и мирного развития центральных регионов, защищенных от постоянных набегов кочевников несколькими оборонительными рубежами. Д. И. Багалей и А. И. Папков проследили процесс столкновения и взаимодействия двух потоков колонизации со стороны Российского государства и Речи Посполитой[67]. Российское правительство не могло не обращать внимания на наличие на территории Поля значительного количества казацких отрядов, занимавшихся как хозяйственной деятельностью, так и грабежом приграничных уездов, и во второй половине XVI в. попыталось не только привлечь лояльных черкасов к караульной службе, но и бороться с нежелательными переселенцами с помощью тех же казаков. Отсутствие крестьян в регионе во многом определяло сферу занятости «гулящих» людей: выступая в центральных областях и в Сибири в качестве работников в крестьянских хозяйствах, «гулящие» люди на юге занимались преимущественно торговлей или промыслами.

Все колонизуемые территории, в то или иное время присоединенные к России, были сопредельными, т. е. являлись продолжением единой страны. Проживающее в них население, небольшое по численности и находившееся на более ранних стадиях общественного развития, не изгонялось и не уничтожалось. Наряду с экономическими соображениями (налоговое обложение пустующих земель, улучшение торгового баланса, устранение аграрного перенаселения в центре страны и др.) большое значение имели политические мотивы, обеспечение безопасности границ[68].

Колонизация юга России началась в XVI в. и проходила в несколько этапов. Первый этап захватывает последнюю четверть XVI — начало XVII в. и был связан со строительством Воронежа, Ливен, Ельца, Белгорода, Оскола, Курска. Миграционно-колонизационные процессы в то время шли в первую очередь за счет крестьянской колонизации. В. Д. Назаров считает, что роль поместной системы в процессах колонизации противоречива. С одной стороны, возможная хозяйственная инициатива помещиков строго лимитировалась официально установленными размерами поместья, а также тяжестью военной службы. С другой стороны, поместная система оказалась достаточно действенной при освоении новых территорий в южном пограничье в первой половине XVI в. и в результате завоеваний середины XVI в. Кризис светской вотчины «первой генерации», ясно обозначившийся к середине XVI в. и ставший оборотной стороной становления и развития поместной системы, положил конец ее крупномасштабному участию в процессах внутренней колонизации. Роль монастырской вотчины в процессах колонизации особенно заметна на северных, восточных и юго-восточных окраинах даже в тех случаях, когда речь идет не о местных обителях, а о столичных или подмосковных.

---

[67] *Багалей Д. И.* Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. Т. 1. М., 1887; *Папков А. И.* «Фронтир» или «украйна»: Два подхода к изучению истории российской колонизации Днепро-Донской лесостепи в XVI—XVII вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время: Пятые чтения памяти академика Л. В. Милова. М., 2017. С. 176—182.

[68] *Блинова М. С.* Социология миграции: История становления и перспективы развития. М., 2009.

После присоединения Среднего и Нижнего Поволжья земледельческая колонизация затронула только территорию Казанского края[69]. Лесостепное пространство к югу и юго-востоку являлось своеобразной буферной зоной, фронтиром, где соседствовали орды кочевых и полукочевых сообществ, представители автохтонных народов Среднего Поволжья, осваивающих эти территории «наездом», станицы вольного казачества, ватаги русских рыболовов и на востоке аграрно-промысловое и военизированное население первых русских городов на Волге. Для оседлых земледельцев все пространство, лежащее к югу и юго-востоку от ареала их расселения, считалось пустынной «порожжей» землей, Диким полем. Понятие «Дикое поле» как обозначение определенного региона историки обычно относят к южной лесостепи и степи, расположенной к западу от Дона. Но в более узком смысле (для обозначения пустынных земель) им пользовались жители пограничных районов и на юго-востоке страны.

В конце XVI — начале XVII в. земледельческая колонизация перешагнула границу засек по линии Алатырь — Тетюши. В первую очередь она шла в рамках двух уездов — Алатырского и Свияжского (хотя между Алатырским и Свияжским вклинивались земли Чебоксарского и, возможно, других уездов, а по правобережью Волги узкой полосой тянулись от Тетюшей земли Казанского уезда). Иначе происходило хозяйственное освоение природных ресурсов акватории Волги и Камы. Здесь уже с конца XVI в. появились крупные сезонные предприятия Дворца, церковных корпораций, привилегированного купечества; мелкие оброчные — посадских и приборных людей, даже крестьян. Все эти предприниматели фактически выступали в роли организаторов и участников своеобразного промыслового освоения региона, способствовали формированию в районах промыслов значительных групп пришлого сезонного населения. В этническом отношении владельцы и организаторы промыслов, работники, арендаторы были в основном русскими, выходцами из средневолжских и центральных районов страны. Первые сравнительно небольшие населенные владения в рассматриваемом регионе начали складываться уже во второй половине XVI в. Например, в это время рядом с устьем Камы получил владения и поселил своих крестьян казанский Спасо-Преображенский монастырь.

В. А. Оборин учел все формы колонизации с XI по начало XVIII в. и отметил резкое возрастание числа переселенцев в Приуралье в первой четверти XVII в. (в шесть раз по сравнению с последней четвертью XVI в.), а также в Зауралье (вдвое меньше, чем в Приуралье). Основное место выхода мигрантов — Центральное Поморье[70]. Заселение отдельных регионов имело свою специфику. Так, в Верхотурье наибольшее количество крестьян пришло из Прикамья, меньшее — с Русского Севера, Вятки и центра страны. Не менее важно, что удается проследить хронологию переселенческих волн. В первые годы освоения верхотурского района правительство пыталось централизованно решить проблему заселения новых земель, используя в том числе принудительные методы переселения. В 1598/99 г. из Москвы было прислано 13 человек, в основном это были ссыльные литовские выходцы. В 1599/1600 г. с Вятки было призвано 16 крестьян. Можно выделить также 1601/02 и 1617/18 гг. как годы массового прибора крестьян. В условиях относительного многоземелья крестьяне владели сравнительно большими участками земли, зачастую несколько-

[69] «Обретение Родины»: Общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI — начало XX в.). Ч. 2: Заселение региона и этнодемографическая ситуация / Под ред. П. С. Кабытнова и др. Самара, 2014.

[70] *Оборин В. А.* Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII века. Иркутск, 1990. С. 132.

ми. Это обусловило определенную свободу для крестьян распоряжаться земельными угодьями. Распространенным явлением были покупки крестьянами земельных участков у вогулов и посадских людей. Были случаи заклада земли, сдачи на оброк другому крестьянину, земельных вкладов в монастыри и церкви, перепродажи земли. Единственной формой ренты была обработка государевой десятинной пашни. Оброк взимался только с мельниц; промысловая и торговая деятельность, покосы не облагались налогом. За торговые операции крестьяне платили пошлины в соответствии с общими таможенными правилами. Если в хозяйствах использовались половники (крестьяне без земельного надела, работающие за часть урожая), то за них крестьяне платили годовой оброк 1,5 руб.

До 1621 г. не получило распространения такое условие поряда, как предоставление льготных лет, но всем крестьянам давалась подмога из казны за обработку государевой десятинной пашни в пропорции 6 руб. за одну десятину. Обычной для этого времени была практика передачи части надела государевой пашни между крестьянами. В таких случаях тот, кто отдавал землю, был обязан дать получавшему участок и денежную подмогу согласно установленной пропорции. Если вместо беглого крестьянина община находила того, кто желал обрабатывать брошенную государеву пашню, именно ему давалась подмога.

Русская колонизация не нарушила традиционных направлений миграций местного населения. В ходе их продолжались процессы этнической консолидации. В процессе совместного заселения и освоения Урала происходило взаимодействие хозяйства, культуры, быта и языка у разных этнических групп населения. Более высокий уровень земледельческой культуры русского крестьянства способствовал общему подъему сельского хозяйства на Урале.

Началом колонизации Сибири можно считать 1580-е гг. В. И. Шунков показал неразрывность связи развития земледелия в Сибири с русской колонизацией края, первый этап которой он датировал концом XVI — началом XVIII в. Распространение русского земледелия в Сибири прошло в необычайно короткие сроки. В последнее десятилетие XVI в. и первые годы XVII в. начали распахивать земли в районе Пелыма, Верхотурья, Туринска, Тюмени и Тобольска. Основной причиной переселения и последующих миграций В. И. Шунков считал усиление крепостнического гнета в европейской части страны[71].

Изучая проникновение русского населения на Енисей, В. А. Александров датировал начало этого процесса концом XVI в.; он считает, что до 1630-х гг. «вольная» народная колонизация побуждалась промысловым предпринимательством[72]. А. А. Преображенский не только определил причины, но и показал направления и темпы переселения крестьян Северного Поморья в Сибирь. Исследователь рассматривал миграции на Урал и в Западную Сибирь как единый процесс[73].

Наряду с бегством отмечается легальный отход крестьян Поморья, миграционные явления (направления и темпы расселения) увязываются с эволюцией форм ренты в этих районах. П. А. Колесников, изучивший миграционные процессы начиная с XVI в. на территории всех поморских уездов, рассматривал как показатель миграции «дворовую пустоту», а в качестве ее причин выделил смерть главы семьи, обнищание, переход в посад или другие сословия, разорение в результате правительственной мобилизации. Им же отмечено в качестве основного направления миграции

[71] *Шунков В. И.* Вопросы аграрной истории России. М., 1974.
[72] *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в.: (Енисейский уезд). М., 1964.
[73] *Преображенский А. А.* Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в. М., 1956.

до конца XVII в. восточное. Передвижение населения происходило внутри «волости — уезда», за пределы уезда (ушли в соседние поморские уезды, в «Сибирские города», в Замосковные и другие уезды, «сошли» и «съехали» безвестно). П. А. Колесников отметил, что в первый период освоения края (в конце XVI — начале XVII в.) в Сибирь прибывали преимущественно одинокие мужчины, вследствие чего создавалась диспропорция полов, результатом которой явился пониженный естественный прирост населения[74].

Благодаря государственной политике и миграционно-колонизационным процессам в Среднем Поволжье подгородная земля вокруг Царевококшайска (основан в 1584 г.) оформилась в качестве одной из первых дворцовых вотчин в глубине ясачных марийских земель и стала стихийно осваиваться беглыми русскими крестьянами, бобылями, холопами, посадскими и другими «гулящими» людьми[75]. Аграрное освоение заволжских территорий в XVI в. происходило в виде традиционной погостской системы расселения. Характер пользования землей во многом был обусловлен особенностями природно-климатических условий, устоявшимися общинными традициями, ростом численности крестьянского населения и проводившейся фискально-податной политикой. Земледелие и агротехника дворцовых крестьян оказывали положительное влияние на ясачное марийское население. В свою очередь навыки бортничества, охоты и рыболовства местных жителей находили применение в хозяйстве дворцовых крестьян. Дворцовое ведомство, заинтересованное в исправном поступлении денежных средств, в ходе систематически проводившихся переделов пыталось равномерно наделить всех землей и тем самым обеспечить стабильность и тяглоспособность каждой крестьянской семьи.

В постановке и решении проблемы миграций в России XVI в. ярко проявилась связь демографических и экономических процессов. Несомненна связь усиления эксплуатации в центре и на севере Русского государства с массовыми миграционными процессами, в результате которых происходили колонизация и хозяйственное освоение юго-востока и юга, Дона, Нижнего Поволжья и Заволжья, Урала и Сибири. Если к середине XVI в. основная масса населения была сосредоточена в центре и на западе европейской части лесной зоны страны, и оно только начинало осваивать лесостепь, то со второй половины XVI в. начинается заселение степной зоны. В Приуралье и Сибири в ходе русской колонизации заселялась первоначально только лесная зона. Передвижения крестьян в северном и северо-восточном направлении в XVI в. происходили в условиях частой смены похолоданий и потеплений на протяжении двух столетий при общем снижении среднегодовой температуры[76]. Если неустойчивость погодных условий не сразу повлияла на арктические плавания и морской промысел, то крестьянское население Русского Севера довольно быстро испытало негативный эффект изменения климата. Снижение активности строительства новых деревень и запустение поселений совпадают с начавшимся похолоданием на севере. П. А. Колесников отмечал, что до 1570-х гг.

---

[74] *Колесников П. А.* Северная деревня в XV — первой половине XIX в. Вологда, 1976.

[75] *Иванов А. Г.* Региональные особенности развития крестьянского хозяйства Царевококшайской дворцовой волости в конце XVI — XVIII вв. // Типология и особенности аграрного развития России и Восточной Европы X—XXI вв.: XXXIII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений, 19—22 сентября 2012 г. Брянск, 2012. С. 41—43.

[76] *Андреев С. И., Каницев В. В., Клименко В. В. и др.* Региональные особенности изменений климата в Восточной Европе в X—XIX вв. как фактор истории аграрного общества (по материалам южной части Центральной России) // Там же. С. 66—68.

пустота была еще незначительной. Но в 1568—1570 гг. произошло резкое похолодание до самых низких за предшествовавшее тысячелетие температур, наблюдавшихся в это время на севере Европы. В это же время в Поморье резко увеличивается пустота, и на протяжении XVI и XVII вв. происходит массовое перемещение северного крестьянства в Сибирь[77].

На Белоозере в первой половине XVI в. наблюдался взрывной рост количества поселений и, как следствие, происходит выравнивание плотности населения. Бежецкий Верх, Углич, Суздаль, Белоозеро отличались изобилием слобод, выставляемых князьями и другими землевладельцами. В целях предотвращения интенсивных миграций крестьян монастыри добивались ограничений переходов[78]. Монастыри одновременно с хозяйственным освоением края способствовали формированию церковно-приходской структуры[79].

Начавшиеся во второй половине XVI — XVII в. освоение и вовлечение в хозяйственный оборот лесостепных черноземов Дикого поля охватили все огромное пространство юга и юго-востока европейской России — от границ с Речью Посполитой до Башкирии. Активная деятельность крестьянина обеспечила освоение не только Европейской России, но и неблагоприятных по климатическим условиям обширных пространств Русского Севера и Сибири. Справедлива оценка, данная Н. А. Горской, деятельности крестьянина, обеспечившего прогресс и земледельческое освоение территории в то судьбоносное для страны время: «Значение распространения русской земледельческой культуры на новые обширные территории (на юг от Оки) и Сибирь в XVI—XVII вв. так велико, что русскую колонизацию этого периода можно поставить в один ряд с наиболее выдающимися событиями отечественной истории»[80].

Территории, пожалованные татарским царям, царевичам и мирзам

В XVI в. продолжалась традиция, начавшая складываться еще в XV в., — жалования татарам, перешедшим на русскую службу, доходов с городов. Можно выделить три категории подобных державцев: 1) служилые татарские цари и царевичи (Чингисиды); 2) романовские мирзы; 3) темниковские князья Еникеевы.

В XVI в. в разные периоды Чингисидам жаловались «в управление» следующие города и дворцовые волости: Касимов (Городец Мещерский), Каширa, Звенигород, Юрьев-Польский, Руза, Бежецкий Верх, Сурожик, Хотунь, Андреев Городок Каменный, Клин, Городен, Астрахань, Тверь, Торжок. Отдельно следует упомянуть о Коломне и Кашине.

Касимовым Чингисиды жаловались с середины XV в. Первоначально он назывался Городец Мещерский или Царев (Царевичев) Городок, просто Городок или же по-татарски Хан-Кирман. Это был единственный населенный пункт, название которого, неизвестно почему, превратилось в своеобразный титул. Размещавшиеся в нем Чингисиды назывались касимовскими

[77] *Клименков В. В., Мацковский В. В., Пахомова Л. Ю.* Колебания климата высоких широт и освоение Северо-Восточной Европы в Средние века // История и современность. 2012. № 2. С. 130—163.

[78] *Аракчеев В. А.* Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тягловых сословий в России второй половины XVI — начала XVII века. С. 143.

[79] *Башнин Н. В.* Монастырская колонизация и хозяйственное освоение земель Русского Севера в первой половине XVI в. // Российская история. 2015. № 6. С. 47.

[80] *Горская Н. А.* Русская феодальная деревня в историографии XX в. М., 2006. С. 130.

царями (царевичами) (царевич на Городке, Касимове). Это послужило причиной того, что ряд исследователей стремится увидеть в нем некое вассальное образование, имевшее первоначально большую степень независимости от Москвы, которая, впрочем, со временем ослабевала[81]. Однако проследить явные признаки самостоятельности Касимовского царства (ханства) источники не позволяют. Похоже, особый статус города был нужен для того, чтобы подчеркнуть терпимое отношение Русского государства к приверженцам ислама и тем самым способствовать их притоку в свои пределы.

В городе почти постоянно проживал правитель из Чингисидов со своим двором и военным отрядом. На их содержание шли доходы с местных кабаков, таможен, посада, ясак с местного неправославного (мордовского по преимуществу) населения, дворцовых волостей, а также дополнительные денежные средства из государевой казны.

Около 1486 г. в Городце Мещерском поселили семью бывшего крымского хана Нур-Даулета, проигравшего в борьбе за власть своему более удачливому брату Хаджи-Гирею. После смерти Нур-Даулета (ок. 1503) правителем города стал его старший сын Сатылган (ок. 1503 — ок. 1506), а после его смерти другой брат — Джанай (до 1506 — ок. 1512). На этом крымская династия в городе пресеклась. Стремление к наследственной передаче города сохранялось и позднее. После смерти пожалованного городом астраханского царевича Шейх-Аулеара (ок. 1512 — ок. 1516) городецким царевичем становится его сын Шах-Али (ок. 1516—1519). Когда царевича избрали на казанский трон, город передали его младшему брату Джан-Али (1519—1532). После этого Шах-Али еще трижды становился касимовским царем (1535—1546, 1546—1551, 1551—20.04.1567). Именно при Шах-Али город переносится на то место, где он стоит в настоящее время. Ранее он располагался в районе старого посада, при впадении речки Бабенки в Оку. Тогда же за ним закрепилось нынешнее название — Касимов. В это же время из местного известняка, по-видимому казанскими мастерами, здесь строится комплекс зданий царского дворца, состоящий из собственно двухэтажного дворца, мечети с минаретом и текие (мавзолея). Строительство каменных мечети и минарета (во вновь присоединенных царствах они закрывались или разрушались) придавало дополнительный вес городу и его номинальному обладателю в глазах мусульман.

После неудачной попытки заполучить в город сына или же внука крымского хана Девлет I Гирея касимовским царем становится племянник московской царицы Марии (Гошанай) Темрюковны (сын сестры Алтын-сач) Саин-Булат бин Бекбулат (до 1570 — лето 1573). В определенной мере это было знаковым событием. Дело в том, что до сих пор касимовскими царями становились только те Чингисиды, которые до этого уже занимали тот или иной трон. Остальных называли только царевичами. Свойственник же Ивана IV был назначен царем в нарушение сложившихся норм.

Когда Саин-Булат принял православие и стал Симеоном Бекбулатовичем, город на некоторое время остался без правителя. Похоже, в Москве решили, что касимовские цари и царевичи изжили себя. Об этом эфемерном титуле вспомнили только после смерти Ивана Грозного. Его сын Федор Иванович, чтобы подчеркнуть свой статус, назначил новым касимовским царем Мустафу-Али бин Абдуллу бин Ак-Кобека (1585 — ок. 1590), внука астраханского хана и родственника Шах-Али и

[81] *Рахимзянов Б. Р.* Касимовское ханство (1445—1552 гг.): Очерки истории. Казань, 2009.

Саин-Булата. После его смерти город вновь лишился татарского правителя[82].

Кашира во второй половине 1511 г. (между июлем и началом декабря) была пожалована казанскому царю Абдул-Латифу бин Ибрагиму. Но уже в мае 1512 г. за предполагаемое содействие в нападении его сводных братьев, крымских царевичей Ахмад-Гирея и Бурнаш-Гирея, на Белев, Одоев, Воротынск и Алексин Абдул-Латиф попал в очередную опалу, Каширу у него отняли. В ноябре 1516 г. он опять получил город и находился в нем до своей смерти (19.11.1517). Причина вторичного пожалования видится в настойчивых просьбах крымских родственников отпустить Абдул-Латифа в Крым, с одной стороны, и просьбе казанцев о водворении его на казанский престол — с другой[83].

Непродолжительное время, с сентября 1532 г. по январь 1533 г., город принадлежал казанскому царю Шах-Али, хотя, возможно, пожалование произошло вскоре после изгнания Шах-Али из Казани в 1521 г. Особый статус городу придавало то, что сидевший в нем правитель с точки зрения московской власти стоял первым в списке претендентов на казанский престол. Это объясняет тот факт, что с завоеванием Казанского ханства пожалования Каширой прекращаются.

Со Звенигорода в 1551—1554 гг. получал доходы находившийся в России астраханский царь Дервиш-Али бин Шейх-Хайдар. Здесь же располагался и двор царя[84]. Следующим правителем Звенигорода стал крещеный казанский царь Симеон Касаевич (не ранее 1554 — 1566). Тут же был испомещен его двор, составленный из детей боярских[85]. Позднее в городе отмечен астраханский царевич Муртаза-Али бин Абдулла (Михаил Кайбулин). Нам не известно, когда произошло пожалование — до принятия им православия или после[86].

Юрьев-Польский в январе 1508 г. был дан казанскому царю Абдул-Латифу бин Ибрагиму (позднее пожалованному, как уже было сказано, Каширой)[87]. Он владел Юрьевом-Польским, как и Каширой, до мая 1512 г., когда его лишили владений. Затем, по приезде в Россию в 1552 г., в городе поселили астраханского царевича Абдуллу бин Ак-Кобека с его семьей. Он получал доходы с города до своей смерти (ок. 1570). После этого, возможно, их унаследовал кто-то из его сыновей[88].

После женитьбы казанского царя Симеона Касаевича (05.11.1554) на дочери Андрея Михайловича Клеопина-Кутузова Марии Иван IV пожаловал его Рузою «в вотчину со всем»[89]. Город стал свадебным подарком. Симеон, по-видимому, владел Рузой до своей смерти в 1565 г. На рубеже XVI—XVII вв. город принадлежал астраханскому царевичу Арслан-Али бин Абдулле, дата пожалования неизвестна, скорее всего, это конец 70-х — начало 80-х гг. XVI в. Царевич регулярно упоминается в документах с 1578/79 г. (возможно, по достижении совершеннолетия), а умер он

---

[82] *Беляков А. В.* Чингисиды в России XV—XVII веков: Просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 165—258, 265—278.

[83] *Кистерев С. Н.* Абдыл-Летиф и Мухаммед-Эмин на Руси рубежа XV—XVI столетий // Звенигород за шесть столетий. М., 1998. С. 76—78.

[84] Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой: 1551—1561 гг. Казань, 2006. С. 80—82.

[85] Писцовые книги XVI века. Отд. 1: Местности губерний Московской, Владимирской и Костромской. СПб., 1872. С. 728—730.

[86] *Смирнов П. П.* Города Московского государства в первой половине XVII века. Т. 1. Вып. 1. Киев, 1917. С. 80—82.

[87] СГГД. Ч. 2. № 26. С. 30—31; Ч. 5. № 55. С. 38.

[88] *Худяков М. Г.* Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. С. 171—172.

[89] Древняя российская вивлиофика. Ч. 13. 2-е изд. М., 1790. С. 68.

около 1603 г.[90] Известны размеры доходов, получаемых им с посада, — они составляли 15 руб. ружного оброка. В него входили оброк за землю, полавочное, плата за пользование сенными покосами на Княжьем лугу. Арслан-Али принадлежали также доходы с городского кабака и таможни. В 1617/18 г. городской кабак приносил 24 руб. 78 коп. в год[91].

Бежецкий Верх (Бежецк, Городецк) в конце XVII в. принадлежал сибирскому царевичу Мухаммед-Кулу бин Ахмед-Гирею, племяннику хана Кучума. Возможно, здесь располагались только его обширные поместья. По-видимому, город (поместья в уезде) достался ему после казахского царевича Ураз-Мухаммеда бин Ондана, которого пожаловали в 1600 г. титулом касимовского царя[92].

Серпухов в 1495 г. пожаловали казанскому царю Мухаммед-Эмину бин Ибрагиму. Он владел городом до 1502 г., когда вновь стал казанским ханом[93]. С сентября 1532 г. (возможно, и с 1521 г.) по январь 1533 г. Серпухов принадлежал казанскому царю Шах-Али. По данным сотной 1552 г., в городе в 623 дворах проживало 796 «середних и молодых» человек. «Впусте» находились 21 двор и 122 места дворовых. С торговых лавок полагался ежегодный оброк в 7 руб.76 коп.[94]

Сурожик — волость в Московском уезде Замосковной половины по среднему течению реки Истры и ее притокам Маглуше и Молодильне. Служилые татары отмечены в волости еще в конце XV в. В волости проживал или только получал доходы с территории, по-видимому, после выезда в Россию в 1502 г. и до пожалования Касимовом (ок. 1512) астраханский царевич Шейх-Аулеар бин Бахтияр, хотя он упоминается в городе только в 1508 г. Здесь же родился и его сын Шах-Али[95]. Позднее эту волость дали сибирскому царевичу Ак-Даулету бин Ак-Курту[96]. Вероятно, пошлины с волости и доходы с дворцовых сел далее отошли его сыну царевичу Шах-Али. Во второй половине XVI в. здесь отмечены значительные земельные владения астраханского царевича Ибака бин Ак-Кубека[97].

Доходы с дворцовой волости Коломенского уезда Хотунь с 1495 по 1502 г. шли на содержание казанского царя Мухаммед-Эмина[98].

Андреев Городок Каменный — ныне Темгенево городище на берегу реки Цны (окраине города Сасово Рязанской области)[99]. В августе 1508 г. городом владел касимовский царевич Джанай из крымской династии[100].

После принятия православия казанским царевичем Худайкулом бин Ибрагимом

---

[90] *Беляков А. В.* Новые документы к биографии Астраханского царевича Арслан-Али ибн Кайбулы // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 189—196.

[91] *Веселовский С. Б.* Акты писцового дела. Т. 1: (1587—1627 гг.). М., 1913. С. 295—296; Приходо-расходные книги Московских приказов: 1619—1621 гг. М., 1983. С. 334, 381.

[92] *Беляков А. В.* Чингисиды в России XV—XVII веков. С. 282.

[93] *Худяков М. Г.* Очерки по истории Казанского ханства. С. 60.

[94] *Симсон П. Ф.* История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще отечественною историею. М., 1880. С. 156.

[95] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб., 1863. С. 217—246.

[96] АФЗХ. Ч. 2. № 114. С. 107—108.

[97] Писцовые книги XVI века. Отд. 1. С. 116—118.

[98] *Худяков М. Г.* Очерки по истории Казанского ханства. С. 60.

[99] *Девликамов А. А., Шарифуллина Ф. Л.* Очерки по истории и культуре села Бастаново. Шацк, 2015. С. 21—22.

[100] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. С. 206.

(Петр Ибрагимович) и его женитьбы на сестре Василия III, княжне Евдокии, в январе 1506 г. ему пожаловали города Клин и Городен. Но в феврале 1507 г. Клин отписали на государя[101].

В результате очередного династического конфликта в Крыму летом 1584 г. на Северный Кавказ бежали три брата: царь Саадет-Гирей и царевичи-калга Мурад-Гирей и Сафа-Гирей, дети хана Мухаммед-Гирея. Осенью 1586 г. Мурад-Гирей в статусе служилого царевича оказался в Астрахани. Статус царевича в городе установить непросто. У нас нет однозначных сообщений о «пожаловании» его доходами с города. Слова Мурад-Гирея — «государь деи меня пожаловал, отпустил для нашего дела в свою государеву отчину в Асторохан, да дал деи мне воевод своих и ближних и великих людей, да дал деи мне волю над Волгою и над Терком, и над Яиком, и над Доном, и казаком велел быти в моей воле» — следует признать явным преувеличением. Царевич проживал в городе до своей смерти в 1591 г.[102]

После «сведения» в сентябре 1576 г. Симеона Бекбулатовича с великого княжения ему пожаловали титул великого князя Тверского. Вместе с ним Симеону достались доходы с Твери и Торжка. Система управления удела была хорошо разработана. Здесь имелись Дворцовый приказ, Сытный и Кормовой дворцы, Конюшенный, Житный и Судебный дворы, находившиеся в Твери[103]. В конце 1580-х гг. Симеон лишился доходов с городов, но сохранил свои обширные поместья. Возможно, в удел Симеона также входил Галич[104].

По сообщению А. Поссевино, Симеон Бекбулатович «получил город Коломну и некоторые другие города. Кроме того, за ним осталась и часть его владений» (касимовские поместья?)[105], но других свидетельств об этом мы не имеем.

Наконец, имеется упоминание о том, что город Кашин на рубеже XVI—XVII вв. принадлежал астраханскому царевичу Арслан-Алею бин Абдулле[106].

Среди пожалованных городов сложилась своя иерархия. На первом месте располагался Касимов (Городец Мещерский). Далее шла Кашира, обладатель которой до первой четверти XVI в. являлся первостепенным претендентом на Казань. Следом располагался Звенигород, «владелец» которого также имел первостепенные права на Казань и Астрахань. Только после него шел Юрьев-Польский. Последующую иерархию определить сложнее. Предположительно она выглядела так: Андреев Городок Каменный, Руза, Бежецк, Серпухов. Особняком стояли Клин, Городен, Суражик, Хотунь, Астрахань, Тверь, Торжок. Руза, Серпухов, а также Хотунь были своеобразными довесками к основному пожалованию. К концу века традиция передачи доходов с городов стала изживаться. Чингисиды фиксируются только в Касимове, Юрьеве-Польском, Рузе, Бежецке, Кашине.

Статус этих городов следует определить как пожизненные кормления. Даже если эти держания наследовали за отцами сыновья, пожалования от имени московского государя оформлялись заново. При этом реальная власть над городом была в значительной степени ограничена царскими воеводами, одновременно выступавшими и в роли приставов при татарских царях и царевичах. Воеводы руководили русскими служилыми людьми и обороной города. В их же руках

---

[101] *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 75.

[102] *Беляков А.В., Виноградов А.В.* Мурад-Гирей — служилый Чингисид в России или претендент на крымский престол? // Тюркологический сборник: 2011—2012. М., 2013. С. 11—59.

[103] Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. М., 2005. С. 425—426, 635—647.

[104] *Каштанов С.М.* Еще раз о Городовом приказе XVI в. // Вопросы истории. 1963. № 11. С. 211—213.

[105] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 47.

[106] *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI—XVII веков. М., 2004. С. 270.

находилось судопроизводство и сбор таможенных пошлин. Однако при сборе судебных и таможенных пошлин, а также в кабаках в обязательном порядке должен был находиться человек от царевича для контроля за денежными поступлениями в пользу своего сюзерена. Служилым царям и царевичам, по-видимому, принадлежало только право суда над татарами, входившими в состав их дворов[107]. При этом можно предположить, что на татар распространялось как традиционное степное, так и русское право. Об Ураз-Мухаммеде в его бытность касимовским царем говорилось, что он «правой рукой действовал по шариату, а левой рукой — согласно высочайшему указу (ярлыку) государя Бориса Федоровича-хана, бил кнутом воров, разбойников и неблагочестивых»[108].

Главным отличием татарских «кормленщиков» от православных служилых князей было то, что первые были только конечными получателями доходов с пожалованных территорий, а вся полнота управления находилась в руках лиц, назначаемых из Москвы. Наибольший доход с пожалованных территорий шел от кабаков и таможенных сборов. Посад приносил значительно меньше прибыли. Суммарные размеры судебных пошлин не поддаются подсчетам. Доходы с дворцовых сел также, за редким исключением, невозможно определить.

Исследователи, анализируя жалованные грамоты монастырям от имени татарских царей, размещенных в Кашире в первой половине XVI в., отмечали отсутствие стройной системы властных структур при татарском «владетеле», в отличие от системы управления великого князя[109]. Данное наблюдение можно перенести и на другие города.

Многие из перечисленных городов и их уездов в разное время являлись также уделами представителей различных ветвей московского правящего дома. В ряде случаев пожалования одних и тех же территорий Рюриковичам и Чингисидам осуществлялись попеременно. И при этом соблюдалась одна и та же иерархическая последовательность. Так, Кашира доставалась старшему сыну великого князя как старшее пожалование, за которым далее шел следующий по старшинству город Звенигород.

Пожалование того или иного представителя Чингисидов доходами с уезда или волости зависело также от наличия и размеров военного отряда, выехавшего на русскую службу вместе со своим сюзереном. Большой отряд требовал значительных средств на его содержание. Царевич, выехавший только с ближайшим своим окружением, обходился значительно дешевле.

Что касается ногайских мирз, они в XVI в. начали в большом числе выезжать на службу в Россию. Как дети и внуки природных государей они занимали здесь видное положение, но, в отличие от Чингисидов, им не жаловали доходов с городов. Исключением являлся только город Романов. В 1560-е гг. в Романовском уезде сформировалось место компактного проживания выезжих ногайских мирз. Место было выбрано не случайно. С 1564 по 1566 г. город входил в удел Владимира Андреевича Старицкого. Доходы с города пожаловали Иль (Эль) бин Юсупу и братьям Айдару и Алею, сыновьям Кутума бин Шейх Мухаммеда. Но, в отличие от Чингисидов, ногайцам шли не все городские доходы, а только годовое денежное жалованье: Ильмирзе — 250 руб., Айдар-мирзе — 70 руб., Алей-мирзе — 60 руб. Помимо этого с городских доходов на год полагалось давать

[107] *Беляков А. В.* Чингисиды в России XV—XVII веков. С. 265—292.

[108] *Трепавлов В. В.* «Белый царь»: Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV—XVIII вв. М., 2007. С. 88—89.

[109] *Кистерев С. Н.* Абдыл-Летиф и Мухаммед-Эмин на Руси рубежа XV—XVI столетий. С. 83.

мирзам 500 руб. на содержание их военных отрядов общей численностью 225 человек. Представители мирз контролировали сбор денежных средств. Однако деньги мирзы получали непосредственно из рук назначаемого из Москвы должностного лица. Судились все романовские служилые татары в Посольском приказе[110].

Восточная Мещера попала в политическую орбиту Московского княжества на рубеже XIV—XV вв. Однако окончательно эти земли вошли в состав Русского государства не ранее 1480-х гг. Данный процесс протекал мирно. Поэтому местные элиты длительное время сохраняли элементы традиционного управления краем. Регион по преимуществу был заселен служилыми татарами и мордвой. Русское население было представлено стрельцами, бортниками и крестьянами и являлось крайне незначительным. Власть здесь традиционно принадлежала князьям Кугушевым-Тенишевым-Еникеевым. Долгое время старшинство и княжеское достоинство передавались старшему в роде. Однако к концу XVI в. утвердился принцип наследования от отца к старшему сыну. За военную службу семье полагались доходы с города Темникова. Эти деньги делились между всеми представителями семьи. Сюда входили доходы с кабака, судебные и таможенные пошлины. В 1553 г. кабацкие доходы были переданы касимовскому царю Шах-Али. Затем они достались касимовскому царю Саин-Булату, но в 1572 г. по челобитью Еникея Тенишева они были ему возвращены. Сбором денег занималась городская администрация, однако при этом также присутствовали представители всех конечных получателей. В городе находились и русские воеводы. Наряду с ними документы всегда фиксируют старшего представителя татарского рода, а переписка с Посольским приказом велась исключительно от имени и на имя татарских князей. Постепенно их влияние в регионе ослабевало. По-видимому, основной причиной стал перенос города в 1536 г. на новое место, осуществленный по великокняжескому указу. Но, несмотря на это, вплоть до конца века назначаемые из Москвы воеводы по многим вопросам ничего не могли предпринять без согласования со старейшиной семьи Еникеевых[111]. В целом практики пожалования отдельных территорий представителям татарской элиты были способом ее инкорпорации в социальную структуру Русского государства.

Судьбы литовско-русского пограничья

Ближайшим соседом Московского государства на западе было Великое княжество Литовское. К середине первого десятилетия XVI в., когда Ивана III и Александра Ягеллона на престолах этих государств сменили соответственно Василий III и Сигизмунд I Старый, территория Великого княжества Литовского претерпела существенные изменения по сравнению с тем, как она выглядела в эпоху своего максимального расширения, достигнутого к 1430 г.[112] Несмотря на то что великие князья Литовские посто-

[110] АСЗ. Т. 1. № 307. С. 298—299.

[111] *Беляков А. В., Енгалычева Г. А.* Темниковское княжество по источникам XVI—XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 6. Казань, 2014. С. 62—71; *Акчурин М. М., Ишеев М.* Этнополитическая структура Мещеры в XVI в. // Там же. С. 4—17.

[112] Характеристику территории Великого княжества Литовского в XV в. см. в т. III настоящего издания (глава «Русские земли Великого княжества Литовского в XV — начале XVI в.»). См. также: *Natanson-Leski J.* Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Cz. 1: Granica moskiewska w epoce jagiellońskiej. Lwów; Warszawa, 1922 (классическая работа); *Błaszczyk G.* Geografia historyczna Wielkiego Księstwa Litewskiego: Stan

янно обещали не уменьшать территорию государства, она сокращалась прежде всего в результате московско-литовских войн вплоть до третьей четверти XVI в. При этом продолжались процессы оформления линеарных границ, сопровождавшиеся колонизацией пограничья, шло развитие административно-территориального деления и административных структур.

Процесс оформления границ начался раньше всего и проходил наиболее успешно на западном направлении: двусторонние комиссии время от времени инспектировали границы Великого княжества Литовского с Пруссией, Ливонией, Короной Польской и Мазовией и возобновляли пограничные знаки, реагируя на интенсивные колонизационные процессы и жалобы местных жителей[113]. Османская экспансия на черноморском побережье между Днестром и Днепром вызвала необходимость делимитации границ, которая была осуществлена в начале 1540-х гг.[114] Эти процессы, однако, значительно меньше затрагивали литовско-московское пограничье, которое по-прежнему мыслилось не как линеарная граница, а как совокупность территорий (не только волостей, но также непроходимых лесов и болот), населенных пунктов — крепостей, городов, сел с их угодьями, а также дорог[115].

Территориальный состав Великого княжества Литовского был отражен в титуле его правителя, систематически используемом с 40-х гг. XV в.: «великий князь литовский, русский и жомойтский». Постепенно граница между Литвой и Русью, существовавшая в представлениях их жителей, сдвигалась на восток, утверждались понятия о том, что она проходит по реке Березине — правому притоку Днепра, и это активно использовалось московскими дипломатами на переговорах с Литвой в XVI в.[116] В административно-территориальном плане Великое княжество Литовское к началу XVI в. представляло собой пестрое сочетание земель, управлявшихся воеводами, наместниками и старостами, и княжеских владений. Постепенно престижное наименование «воевода», которое поначалу официально относилось лишь к высшим светским сановникам Виленского и Трокского воеводств (с 1413 г.), а с 1471 г. и Киевской земли, распространялось на другие территории и их наместников: так, в 1504 г. появилось Полоцкое воеводство, в 1507 г. — Новогрудское, в 1508 г. — Витебское и Смоленское. Впрочем, старосты, управлявшие Волынью и Жомойтью, обладали не меньшей властью, чем воеводы. По мере угасания старых княжеских родов их владения переходили под власть велико-

---

i perspektywy badań. Wyd. 2. Poznań, 2012 (обзор литературы, впрочем, далеко не полный уже к моменту его выхода); Вялікі гістарычны атлас Беларусі. Т. 1. Мінск, 2009 (подробные карты).

[113] *Čelkis T.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės teritorija: Sienų samprata ir delimitaciniai procesai XIV—XVI amžiuje. Vilnius, 2014. P. 139—144, 167—176, 181—191, 282—298; *Sianko P.* Granica mazowiecko-litewska do 1569 roku: Kształtowanie się, rola społeczna. Rozprawa doktorska. Białystok, 2019.

[114] *Čelkis T.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės teritorija. P. 261—274.

[115] *Темушев В. Н.* Формирование московско-литовской границы в XV — начале XVI в. // Studia Historica Europae Orientalis — Исследования по истории Восточной Европы. Вып. 1. Минск, 2008. С. 56—77; *Он же.* Феномен московско-литовского порубежья XV в. // Вялікае княства Літоўскае і яго суседзі ў XIV—XV ст.: Саперніцтва, супрацоўніцтва, урокі. Мінск, 2011. С. 199—206; *Филюшкин А. И.* «Люди граничные»: Русско-литовское пограничье в конце XV — XVI в. // Уральский исторический вестник. 2019. № 3 (64). С. 15—23.

[116] *Halecki O.* Litwa, Ruś i Żmudź jako części składowe Wielkiego Księstwa Litewskiego // Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział historyczno-filozoficzny. T. 59. (Ser. 2; T. 34). Kraków, 1916. S. 214—254; *Варонін В.* Рака Бярэзіна як мяжа паміж "Руссю" і "Літвой" // Беларускі гістарычны агляд. 2006. Т. 13. Сш. 2; *Насевіч В., Спірыдонаў М.* "Русь" ў складзе Вялікага княства Літоўскага ў XVI ст. // З глыбі вякоў: Наш край. Вып. 1. Мінск, 1996. С. 4—27.

го князя: так с карты Великого княжества Литовского исчезли Городецкое, Клецкое, Кобринское, Пинское и Мстиславское княжества. Из крупных княжеских владений на территории Беларуси сохранилось Слуцкое княжество Олельковичей. На смену старым князьям приходили новые крупные землевладельцы-латифундисты — литовские паны, которые сами добивались возведения в княжеское или графское достоинство, например Радзивиллы (Радивилы). Значительно более прочными оставались позиции князей на Волыни, где им удавалось сохранить и расширить свои владения и свое влияние, в том числе за счет экспансии в соседние регионы, а также позиции многочисленной клиентелы, даже несмотря на реформы 60-х гг. XVI в. Яркими примерами могут служить князья Острожские, Заславские, Збаражские и Вишневецкие[117].

Сокращение территории Великого княжества Литовского было вызвано в первую очередь наступлением Московского государства и неспособностью Литвы отстоять свои земли от посягательств соседа. Это явление, как показал Х. Ловмяньский, имело социально-экономические и исторические предпосылки. На протяжении XV в. боярство (шляхта) осело на землю и потеряло заинтересованность в далеких и небезопасных военных походах, причем не только с целью завоевания новых территорий, вывода пленных и захвата трофеев, но и ради защиты уже имевшихся периферийных земель, где у него не было владений. Этому способствовали такие факторы, как относительный мир на протяжении почти всего правления Казимира Ягеллона, накопленные владения, благоприятная экономическая конъюнктура. В результате шляхта, призванная составлять основу войска Великого княжества Литовского, оказалась неподготовленной к натиску Московского государства, а затем и к полномасштабным войнам с ним. Разумеется, сказывались и такие факторы, как нехватка денежных средств, которые позволили бы усилить войско наемными отрядами, и недостатки разведки. Впрочем, при Василии III темпы завоевания Литовской Руси Московским государством замедлились по сравнению с временами Ивана III. Так, война 1507—1508 гг. не принесла территориальных изменений, а завершивший ее «вечный мир» 1508 г. лишь зафиксировал признание совершенных к этому времени приобретений московских князей — северских земель, Верховских княжеств, Бельского княжества, Торопецкой волости и расположенной к западу от него полосы с Невелем; при этом в состав Великого княжества Литовского, в Киевское воеводство, были возвращены владения в Поднепровье с центром в Любече, что несколько обезопасило Киев от угрозы военного похода на него. В результате следующей войны, начавшейся в 1512 г. и завершившейся перемирием 1522 г., к Московскому государству был присоединен Смоленск вместе с большей частью Смоленского воеводства, остававшегося под властью Великого княжества Литовского после войны 1500—1503 гг. Наконец, территориальные изменения по результатам Стародубской войны 1534—1537 гг. оказались минимальными: Великому княжеству Литовскому удалось отвоевать Гомельскую землю, потерянную в 1503 г., а к Московскому государству отошел Себеж[118]. После чего на ближайшие

[117] См.: *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского статута. М., 1892 (классическая работа); *Яковенко Н. М.* Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Вид. 2-ге. Київ, 2008. С. 77—127 (о позиции и владениях князей в украинском социуме Великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой).

[118] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой: Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. 3-е изд. М., 2019; *Он же.* Стародубская война (1534—1537): Из истории русско-

два десятилетия московско-литовская граница стабилизировалась.

Причина, как показал М. М. Кром, коренилась в территориально-политической и социальной структуре восточных регионов Великого княжества Литовского. Московское государство относительно быстро присоединило земли, слабее всего связанные с государственным центром Великого княжества Литовского, — удельные княжества и относительно небольшие города. Когда же дело дошло до крупных привилегированных городов, темпы завоеваний замедлились, их приходилось подкреплять широкомасштабной социальной политикой. Так, чтобы в 1514 г. взять Смоленск, понадобилось три осады, а для закрепления его в составе Московского государства Василий III был вынужден выдать жалованную грамоту по образцу привилея Сигизмунда Старого 1513 г., произвести репрессии против местной верхушки после заговора во главе с местным православным епископом Варсонофием, а также «вывод», т. е. массовое переселение в глубь России остававшихся на Смоленщине бояр и мещан, место которых заняли московские помещики, притом что немалая часть социальной верхушки предпочла покинуть земли, занятые Московским государством, и переселиться в глубь Великого княжества Литовского. Несмотря на походы на литовскую территорию, московским воеводам на этом этапе не удалось взять такие крупные и значимые города, как Полоцк, Витебск, Орша или Мстиславль. Еще одним последствием московско-литовских войн начала XVI в. был перенос центра транзитной польско-московской торговли из утраченного Литвой Смоленска в безопасный Могилев на Днепре, который к моменту пожалования магдебургского права (1577) по числу домов уступал лишь Вильне (и Полоцку по состоянию на 1552 г.), превосходя Берестье. Но если на северском и смоленском отрезках московско-литовская граница фактически стабилизировалась, поскольку обе стороны не предпринимали никаких практических шагов для ее изменения, то ее полоцкий участок наметился как потенциальное направление дальнейшего наступления со стороны Московского государства уже в начале XVI в.

Эта тенденция в полной мере дала о себе знать вскоре после начала Ливонской войны и вступления в нее Великого княжества Литовского. Зимой 1562/63 г. был организован масштабный поход московского войска на Полоцк, который завершился его взятием. Полоцкое взятие открывало московскому войску путь на Вильню, что отметил Сигизмунд Август, характеризуя Полоцк в феврале 1563 г. как «ворота панства (т. е. государства. — *С. П.*) нашего»[119]; развивать наступление царь и его воеводы не стали. На последующих переговорах с литовскими послами московская сторона поначалу выдвигала претензии почти на всю территорию Полоцкого воеводства, но в дальнейшем ограничилась фиксацией существующих границ. Ее инструментами стали испомещение служилых людей на новоприсоединенных территориях и строительство крепостей в восточной части прежнего Полоцкого воеводства, где они играли роль опорных пунктов контроля над завоеванной территорией: к югу от Полоцка были возведены Суша, Красный, Туровля и Ула, к северу — Сокол, к востоку — Усвят, Нещерда, Озерище, Ситна и Касьян. Фактически граница с Великим княжеством Литовским прошла к юго-западу от Двины

литовских отношений. М., 2008; *Темушев В. Н.* Гомельская земля в конце XV — первой половине XVI в.: Территориальные трансформации в пограничном регионе. М., 2009.

[119] Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. T. 6: 1549—1577 / Wyd. Z. L. Radzimiński. Lwów, 1910. S. 227.

параллельно ей, а сам Полоцк оказывался на переднем рубеже обороны[120].

Неудачи в противостоянии московскому наступлению, которое ложилось на плечи шляхты, а также династические проблемы Сигизмунда Августа — все это вело к дальнейшему росту требований литовской шляхты, добивавшейся прав по образцу тех, что были предоставлены шляхте польской, и к активизации переговоров о возобновлении польско-литовской унии, которая вплоть до 1569 г. носила персональный характер, когда два государства были объединены только личностью правителя. Одним из первых шагов на этом пути стала административная реформа 1564—1566 гг.: Сигизмунд Август специальным привилеем уравнял в правах шляхту с магнатами, а воеводства были поделены на новые поветы (вместо прежних поветов-волостей). К 1566 г. в состав Великого княжества Литовского входили тринадцать воеводств — Виленское, Трокское, Жомойтское (Жемайтийское или Жмудское, также именуемое княжеством), Берестейское (Брестское), Новогрудское, Менское (Минское), Мстиславское, Полоцкое, Витебское, Подляшское, Волынское, Подольское и Киевское, в которых было в общей сложности тридцать поветов. Впрочем, очень скоро их число уменьшилось: когда в канун заключения Люблинской унии 1569 г. четыре последних воеводства перешли в состав Короны Польской, то в Великом княжестве Литовском осталось девять воеводств, состоявших из двадцати двух поветов. Если не считать Смоленского воеводства, существовавшего в 1611—1654 гг., эта структура сохранялась без особых изменений вплоть до разделов Речи Посполитой в конце XVIII в. В каждом воеводстве существовала своя иерархия должностных лиц, в каждом повете были сеймик (представительный орган шляхты) и суды, состоящие из местной шляхты и отныне независимые от воевод: земский, разбиравший гражданские дела шляхты, гродский (замковый), занимавшийся уголовными преступлениями, и каптуровый, в компетенцию которого входили межевые споры. Реформа увенчалась введением Второго Литовского статута 1566 г.[121]

Вскоре Великое княжество Литовское понесло еще одну существенную территориальную утрату. В 1569 г. шляхта Великого княжества Литовского и Короны Польской собралась на сейм в Люблине для обсуждения условий будущей реальной унии. По условиям унии, заключенной летом того же года, объединенное государство — Речь Посполитая — имело общего монарха, общие сеймы и внешнюю политику. Тем не менее Великое княжество Литовское сохраняло название, представление о территории, границах (в том числе с Короной Польской) и гражданстве, отдельную систему должностей и органов власти, правовую систему, войско, казну (скарб) и денежную систему, важные преимущества в дипломатических контактах с Московским государством и Швецией[122]. Если в публицистике и историографии долгое время преобладали крайние оценки Люблинской унии как потери Великим княжеством Литовским государственности и чуть ли не инкорпорации его в состав Польского государства, которая открыла путь к ополячиванию шляхты, то

[120] *Филюшкин А. И., Кузьмин А. В.* Когда Полоцк был российским: Полоцкая кампания Ивана Грозного 1563—1579 гг. М., 2017; Иван Грозный — завоеватель Полоцка: Новые документы по истории Ливонской войны / Сост., подг. к публ., вступ. ст. В. Ю. Ермака; описание рукописи К. Ю. Ерусалимского. СПб., 2014.

[121] *Лаппо И. И.* Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия: Литовско-русский повет и его сеймик. Юрьев, 1911; *Vilimas D.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės žemės teismo sistemos formavimasis (1564—1588). Vilnius, 2006. См. также тома выходящей сейчас серии «Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego».

[122] *Rachuba A.* Kto wygrał w sporze o kształt unii polsko-litewskiej? // Lituanistyka i wschodoznawstwo: Studia dedykowane Profesorowi Krzysztofowi Pietkiewiczowi. Poznań, 2020. S. 243—251.

для современного этапа исследований характерно видение Люблинской унии как компромисса политических сообществ Короны Польской и Великого княжества Литовского, пусть и не во всем выгодного для последнего, и неравной конфедерации, участники которой искали и находили способ сосуществования вплоть до падения Речи Посполитой в конце XVIII в. Важно, что в процессе обсуждения условий унии четыре воеводства — Подляшское, Волынское, Подольское (Брацлавское) и Киевское (за исключением Мозырского повета) — перешли из состава Великого княжества Литовского в состав Короны Польской[123]. Значение этого события для формирования украинцев и белорусов, граница проживания которых примерно соответствует Припяти, трудно переоценить. Тогда же Задвинское княжество в Ливонии, присоединенное к Великому княжеству Литовскому в 1566 г., стало кондоминиумом (совместным владением) Великого княжества Литовского и Короны Польской.

Следующий этап изменения восточной границы Великого княжества Литовского связан с деятельностью Стефана Батория (1576—1586)[124]. В 1577—1578 гг. он отвоевал территории, находившиеся под властью царя в Ливонии, а в 1579 г. осуществил удачный поход на Полоцк, в результате которого город вернулся в состав Великого княжества Литовского. Хотя в последующие кампании войска Стефана Батория поначалу вели успешные наступательные действия на территории Псковской земли, замедлившиеся лишь с началом осады Пскова, согласно перемирию в Яме Запольском Россия потеряла лишь крепость Велиж с волостью.

---

[123] *Halecki O.* Przyłączenie Podlasia, Wołynia i Kijowszczyzny do Korony w roku 1569. Kraków, 1915; *Старченко Н.* Люблінська унія як ресурс формування концепту політичного “народу руського” (1569—1648 рр.) // Український історичний журнал. 2019. № 2. С. 4—45.

[124] *Natanson-Leski J.* Epoka Stefana Batorego w dziejach granicy wschodniej Rzeczypospolitej (Rozprawy historyczne Towarzystwa Naukowego Warszawskiego. T. IX. Zesz. 2). Warszawa, 1930.

ВЛАСТЬ В РОССИИ

Боярская дума

Великий князь (с 16 января 1547 г. — царь) был носителем верховной власти в Русском государстве. В источниках конца XV — XVI в. термин «государьство» был производным от слова «государь». Государь (великий князь) олицетворял собой государство. Шестнадцатый век — переходный период, когда происходит становление единого Русского государства, отношений власти и общества, власти и правящей элиты. Вопрос о степени ограничения власти государя со стороны Боярской думы, Земских соборов (с 1549 г.), органов местного самоуправления (губных и земских учреждений с 1540-х гг.) является дискуссионным. В период опричнины 1565—1572 гг. Иван IV сделал попытку усилить самодержавную власть, придать ей неограниченный характер путем террора, насильственных земельных переселений, раздела страны на опричнину и земщину. Однако введение неограниченного самодержавного правления в условиях того времени имело катастрофические последствия. Репрессивные меры, террор, земельные конфискации ослабили обороноспособность государства, подорвали экономику (к этому добавилось поражение в изнурительной Ливонской войне), вызвали хозяйственное разорение страны и в итоге привели к кризису власти, усугубленному трагической гибелью наследника престола — старшего сына Ивана IV царевича Ивана Ивановича — в ноябре 1581 г.

Московский великий князь перед принятием важных политических решений совещался с Боярской думой, советом из знатных придворных, происходивших из древних московских боярских родов. В конце XV — первой трети XVI в. в связи с образованием единого Русского государства происходит постепенная трансформация Думы из великокняжеского совета в общегосударственный орган с законодательными функциями. Следует отметить, что термин «боярская дума» был предложен во второй половине XIX в. В. О. Ключевским и в источниках XVI—XVII вв. не встречается. В вопросе о роли и месте Думы в политическом строе Русского государства мнения в научной литературе разделились. Одни ученые полагали, что Боярская дума в первой половине XVI в. уже существовала как государственное учреждение с постоянным составом и определенными законодательными, судебными, военными, административными, придворными функциями. Другие, напротив, считали, что Боярская дума не была учреждением, а являлась лишь советом при монархе, государственным органом, чьи функции, полномочия и состав были неопределенными. Трудности в решении этого вопроса вызваны недостатком источников, из-за чего точно неизвестно, регулярно ли проводились совещания московских государей и их бояр, каков был механизм принятия решений, насколько Дума ограничивала власть великого князя (царя),

реально участвовала в законодательной деятельности. Известно, что Боярская дума не имела собственной канцелярии, постоянного штата сотрудников, делопроизводства, архива решенных дел, поэтому признать ее сложившимся государственным учреждением нельзя, скорее это был высший совещательный орган власти.

Уже в трудах В. О. Ключевского и С. Ф. Платонова были изложены основные представления о роли Думы, сохраняющие актуальность до настоящего времени. С. Ф. Платонов показал такие особенности функционирования Думы, как отсутствие в столице до половины ее состава из-за пребывания на наместничествах и в посольствах, присутствие в Ближней думе как думных, так и недумных людей. Он выяснил состав Ближней думы в 1553—1554 гг., определил думных дьяков как «секретарей» Думы, ведших ее делопроизводство посредством своих канцелярий, а также формирование «ответных комиссий» для дипломатических переговоров[1]. А. А. Зимин первоначально полагал, что «во второй половине XVI в. Боярская дума не только сохранила, но и упрочила свои политические позиции»; однако в посмертно изданной монографии исследователь писал, что в последней четверти XVI в. Дума «практически не принимала участия в решении важнейших государственных дел» и имела «парадное значение»[2]. А. П. Павлов полагает, что Дума была «в полном смысле слова высшим правительственным органом государства», что определялось «ее статусом царской думы»[3].

Особенно сложной представляется проблема Ближней думы, данные о составе которой В. О. Ключевскому казались совершенно недостаточными; исследователь полагал, что после учреждения опричнины функции Ближней думы выполняла Опричная дума[4]. Состав правящей верхушки в 1564—1570 гг. изучали по посольским книгам Н. П. Лихачев и В. И. Савва. Последний предположил, что изученные им перечни не идентичны составу Ближней думы, численность которой он ограничивал не более чем десятью лицами, участвовавшими в приеме английского посольства в 1583 г.[5] Г.-В. Кампхаузен, так же как и Ключевский, полагал, что с 1565 г. именно Опричная дума стала играть роль Ближней[6].

С. В. Бахрушин отождествлял Ближнюю думу с «Избранной радой»[7]. А. А. Зимин, опираясь на данные посольских книг по отношениям с Великим княжеством Литовским и ногаями, считал вероятным вхождение в Ближнюю думу в 1563—1565 гг. семи человек. Он полагал, что в XVI в. «Ближняя дума, сыгравшая известную роль в ослаблении влияния Боярской думы на правительственную деятельность, так и не стала постоянно действующим учреждением с определенным составом»[8]. В отличие от

---

[1] *Ключевский В. О.* Боярская дума Древней Руси. М., 1902. С. 305—509; *Платонов С. Ф.* Боярская дума — предшественница Сената // Платонов С. Ф. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. М., 2012. С. 341, 343, 345, 356—357.

[2] *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 365, 370; *Он же.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986. С. 193.

[3] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 232.

[4] *Ключевский В. О.* Боярская дума Древней Руси. С. 338—340.

[5] *Лихачев Н. П.* Думное дворянство в Боярской думе XVI столетия // Сборник Археологического института. Кн. 6. СПб., 1898. С. 1—6; *Савва В. И.* О посольском приказе в XVI в. Вып. 1. Харьков, 1917. С. 206—207, 212—216.

[6] *Camphausen H.-W.* Die Bojarenduma unter Ivan IV: Studien zur altmoskauer Hershaftsordnung. Frankfurt a. M.; Bern; N. Y., 1985. S. 49.

[7] *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 2. М., 1954. С. 336.

[8] *Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV—XVI веках // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 81.

него С. Н. Богатырев предпринял попытку исследовать состав Ближней думы в 1553—1572 гг., определив ее как тайный совет, состоявший из 15—20 советников из числа служилых князей, старомосковских бояр, царских фаворитов, думных дворян и ведущих руководителей центрального исполнительного аппарата[9]. Однако методы его работы с источниками не могут быть признаны последовательными: так, при анализе состава царских советников 1550-х гг. исследователь лишь однажды привлек посольские книги, а при изучении их состава 1560-х гг. исследовал их систематически. Концепцию С. Н. Богатырева о существовании Ближней думы в полной мере разделяет и А. И. Филюшкин[10].

В Боярскую думу в конце XV — первой половине XVI в. входили чины бояр и окольничих. В Судебнике Ивана III 1497 г. в преамбуле к статьям говорится о том, что великий князь «уложил» с боярами о суде, «как судити бояром и околничим»[11]. В начале 1550-х гг. в Думе, помимо бояр и окольничих, появились думные дворяне, в начале 1560-х гг. фиксируется новый чин думных дьяков. Окончательно чины думных дворян и думных дьяков оформились в конце XVI в.

Не ранее начала XVI в. в источниках получает распространение термин «дума» в значении высшего органа власти при государе[12]. И раньше Иван III и его предки — московские великие князья действовали с советниками, но о думе с участием бояр, о боярском совете как об общегосударственном органе речи не шло. В сентябре 1517 г., во время переговоров с литовскими послами, о И. Ю. Шигоне Поджогине говорилось как о сыне боярском, «который у государя в думе живет»[13]. В декабре 1533 г., накануне смерти, великий князь неоднократно призывал к себе в «думу» бояр и представителей администрации, «думал» с боярами, «как строитися царству после его». После кончины Василия Ивановича при его малолетнем сыне Иване IV в русско-литовских дипломатических документах в январе 1537 г. и марте 1542 г. упоминались князья и дети боярские, «которые в думе живут» и «которые в думе не живут»[14].

Боярская дума в первой половине XVI в. обычно не собиралась в полном составе (т. е. все, кто носил думные чины), из нее образовывались отдельные боярские комиссии (в которые включали не только бояр, окольничих, но также дворецких, казначеев, дьяков) для решения текущих государственных вопросов. Кроме того, государь принимал ответственные решения, советуясь не со всеми думцами, а только с несколькими наиболее доверенными лицами, теми, кто находился при нем в Москве либо сопровождал его во время поездок и в походах[15]. Это вызывало недовольство со

---

[9] *Богатырев С. Н.* Ближняя дума в третьей четверти XVI в. // Археографический ежегодник за 1992 год. М., 1994. С. 119—133; Археографический ежегодник за 1993 год. М., 1995. С. 94—112; Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996. С. 64—81.

[10] *Филюшкин А. И.* История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». М., 1998. С. 172—177.

[11] Судебники XV—XVI вв. / Под общ. ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1952. С. 19.

[12] *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. 2. Кн. 5. М., 2007. С. 344; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 306—307; *Bogatyrev S. N.* The Sovereign and His Counsellors: Ritualised Consultations in Muscovite Political Culture: 1350s—1570s. Helsinki, 2000. P. 120.

[13] Сборник РИО. Т. 53. СПб., 1887. С. 40.

[14] ПСРЛ. Т. 43. М., 2004. С. 227; Сборник РИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 147.

[15] *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. М.; СПб., 2007. С. 176—179; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 304; *Корзинин А. Л.* Политическая борьба в России в годы боярского правления (1533—1538 гг.) // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. 2007. Вып. 4. С. 19—30; *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 140—141, 269—270, 434—439, 598.

стороны остальной части Думы, столичной элиты. Когда-то близкий к государю, а затем попавший в опалу дворянин И. Н. Берсень Беклемишев был возмущен тем, что великий князь Василий III «запершыся сам третей у постели всякие дела делает»[16].

При всей нечеткости государственных функций и традиционности строя государственной жизни заметную роль в политических делах играли любимцы («излюбленные советники») московских правителей. Фаворитами великого князя Василия III были боярин и конюший И. А. Челяднин (до его пленения литовцами в Оршанской битве 8 сентября 1514 г.), затем боярин М. Ю. Захарьин и тверской дворецкий И. Ю. Шигона Поджогин. Другом и особо приближенным молодого царя Ивана IV являлся в 1553—1560 гг. окольничий А. Ф. Адашев. Любимцами государя становились лица из его ближайшего окружения либо те, кто сумел заслужить его особую милость, личной преданностью обратить на себя внимание (как в случае с Г. Л. Малютой Скуратовым).

Наиболее распространенной формой работы Боярской думы было вынесение боярских приговоров по различным общегосударственным вопросам. В ведении Думы находилось принятие новых законов (Судебников), осуществление суда высшей инстанции по земельным делам (думцам докладывали судные списки, предназначенные для рассмотрения великим князем), вынесение решений по служебно-местническим спорам, ведение переговоров с иностранными послами, заключение мирных договоров, командование войсками, отдельными полками в военных походах, замещение ключевых должностей в центральном и местном аппарате управления, присутствие на торжествах по случаю венчания на престол московских самодержцев, участие в церковных и светских соборах, свадебных церемониях великих князей и их родственников и многое другое.

Важнейшие государственные решения принимались после того, как великий князь «приговорил с бояры» либо сами бояре «приговорили», но с согласия и по воле государя[17]. Согласно 98-й статье Судебника 1550 г., все новые законы следовало докладывать царю, а затем утверждать Боярской думой. Таким образом, боярский приговор стал обязательным элементом законодательной деятельности Думы, а Боярская дума была конституирована в высший правительственный орган власти при царе[18]. Центральным местом заседаний Боярской думы, вероятно, был Московский Кремль, великокняжеский (царский) дворец и Грановитая палата.

Дума играла особую роль в кризисных ситуациях. В период боярского правления, когда малолетний Иван Васильевич, лишившийся родителей, правил лишь формально, Боярская дума превратилась в центральное государственное учреждение, возросло ее значение как коллективного органа принятия решений в политической и судебно-административной сфере. В отсутствие верховного арбитра в условиях малолетства наследника престола Ивана IV родилась формула «со всех бояр приговору», подразумевавшая единогласное принятие решения всеми членами Боярской думы, находившимися в данный момент в Москве[19].

К середине XVI в. состав Боярской думы уже четко фиксировался в делопроизводственных материалах центральных государственных учреждений (в первую очередь в разрядных и посольских книгах, а также в

[16] ААЭ. Ч. 1. С. 142.

[17] *Савва В. И.* О Посольском приказе в XVI в. Вып. 1. С. 190—200; *Веселовский С. Б.* Две заметки о Боярской думе. М., 1910.

[18] *Павлов А. П.* Эволюция государства и общества в России во второй половине XVI в. (к вопросу о сословно-представительной монархии) // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1985. Bd. 27. S. 31—32.

[19] *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 269, 428—439, 598.

других документах Разрядного и Посольского приказов, содержащих сводные данные о военных, придворных, служебных назначениях, сведения о составе посольств в иностранные государства, встречах и переговорах с иноземными послами представителей знати, верхов дворянства). Вследствие образования единого государства, усложнения задач управления, роста бюрократического аппарата численность Думы значительно возросла. Новые назначения в Боярскую думу зависели не только от сложившейся политической конъюнктуры, но в не меньшей степени от родового порядка наследования высших чинов внутри узкого круга знатных и близких к престолу боярских кланов, распределявших титулы между своими родственниками.

В середине XVI в. (в частности, после династического кризиса 1553 г.) существенных изменений в отношениях царя с Боярской думой как будто не произошло, однако государь стал принимать более активное участие в управлении страной. В дополнение к сановникам, державшим в своих руках должности и полномочия со времен боярского правления, в Думу были кооптированы представители младшего поколения элиты, оттеснявшие от кормила власти немногочисленных думцев старшего поколения. Одним из следствий такого расширения состава Думы стало формирование ближайшего окружения царя, получившего устойчивое наименование «Ближняя дума».

Прямое упоминание Ближней думы содержится в переписке панов рады с московскими боярами о продлении перемирия 1555 г.: письмо панов рады от 8 мая было адресовано митрополиту Макарию и боярину И. В. Шуйскому. В царском письменной инструкции митрополиту о приеме посланника было указано, что в связи с походом против крымских татар все «бояре государские, ближняя дума» оказались с государем, «а о таком великом деле государьском мимо ближнюю думу государьскую советовати нельзе»[20]. Состав этой Ближней думы никак не конкретизирован, но И. И. Смирнов выявил его по разрядным книгам и приговору о разбойных делах: в ее состав он включал Ю. М. Булгакова, Д. И. Курлятева, И. М. Воронцова, А. Ф. Адашева, И. М. Вешнякова, В. С. Серебряного, И. И. Пронского, И. В. Шереметева-Большого, В. М. Юрьева, Д. Р. Юрьева[21]. С. Н. Богатырев полагает, что в состав Ближней думы входили еще шесть человек: И. Д. Бельский, И. Ф. Мстиславский, М. Я. Морозов, И. М. Висковатый, царь Симеон и царевич Кайбула[22]. Вне зависимости от правомерности такого расширения ее состава Ближняя дума в середине 1550-х гг. выглядит как совет с обширным представительством титулованной аристократии.

Первое упоминание думных дворян содержится в приписках к последнему тому Лицевого свода Царственной книги в сообщении о присяге думных людей малолетнему наследнику Ивана IV Дмитрию в марте 1553 г.: чин думных дворян впервые был присвоен А. Ф. Адашеву и постельничему И. М. Вешнякову[23]. Однако едва ли этот чин в момент его появления осознавался как постоянный. К 18 января 1555 г. А. Ф. Адашев уже получил чин окольничего, и вплоть до 1564 г. у нас нет данных о бытовании думных дворян в составе царского совета. Первым последствием этих изменений стало появление должности думного дьяка, которую в 1555 г. занял Угрим Львович Пивов. Обязанности думного дьяка предполагали вы-

[20] Сборник РИО. Т. 59. С. 468—469.

[21] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. С. 153—154.

[22] *Богатырев С. Н.* Ближняя дума в третьей четверти XVI в. // Археографический ежегодник за 1992 год. М., 1994. С. 128—133.

[23] ПСРЛ. Т. 13. М., 1965. С. 529, 531.

полнение множества поручений: У. Л. Пивов, наряду с И. М. Шуйским и казначеем Х. Ю. Тютиным, участвовал в посольском приеме в 1555 г. и вплоть до 1561 г., будучи главой приказа Большого прихода, контролировал сбор «кормленого окупа»[24]. В 1560-х гг. произошло важное изменение статуса дальнего родственника государя — князя с титулом «слуги» И. Д. Бельского, который с 1560 г. стал именоваться «боярином». Аналогичное изменение претерпел статус «слуги» М. И. Воротынского, который стал именоваться «боярином» после снятия с него опалы в 1565 г.[25] В обоих случаях терминологические изменения отражали реальное умаление веса и влияния служилых князей: в 1562 г. Бельский лишился Луховского удела, а князья Воротынские утратили свои доли в Новосильско-Воротынском уезде.

Термины «навысшая рада», «ближняя рада», «ближняя дума» упоминаются в посольской книге по отношениям с Великим княжеством Литовским в течение весьма краткого времени — с октября 1562 по июнь 1563 г. В. И. Савва предположил, что приговоры Боярской думы с перечнем лиц, бывших у приговоров, относятся к короткому промежутку времени, когда посольским дьяком был А. Васильев, и что ряд приговоров Думы по вопросам внешней политики был внесен в посольские книги без таких перечней[26]. Это означает, что состав Ближней думы был идентичен составу лиц, названных в приговорах. Впервые интересующий нас термин был употреблен в царском письме от 4 октября 1562 г., которое И. П. Федоров должен был отправить гетману Хоткевичу. В состав «навышей рады» были включены И. Д. Бельский, И. Ф. Мстиславский, В. М. Глинский, Д. Р. Юрьев. Их же имели в виду виленский епископ Валериан и Н. Я. Радзивилл, адресовавшие ответное письмо И. Д. Бельскому, Данилу Романовичу (Юрьеву) «и иншем бояром ближней раде государя вашего»[27].

Тот же состав Ближней думы (без И. Ф. Мстиславского, раньше других отправившегося в поход на Полоцк) был зафиксирован в посланиях панам рады митрополита Макария от 27 ноября 1562 г. и бояр от 28 ноября: И. Д. Бельский, В. М. Глинский, Д. Р. Юрьев, В. М. Юрьев. Ближняя дума здесь осмысляется как часть «всей государьской думы», одновременно выделяясь из ее состава[28]. Несколько иную конфигурацию приняла Ближняя дума, собравшаяся в походных условиях под Полоцком. Письмо королевской раде от 24 февраля 1563 г. было отправлено от имени «царского величества ближние думы», в состав которой вошли И. Д. Бельский, И. Ф. Мстиславский, В. М. Глинский, П. И. Шуйский и И. П. Яковля-Захарьин[29]. Очевидно, что Шуйский и Яковля заменили братьев Юрьевых, остававшихся в Москве. Последний раз в тексте посольской книги Ближняя дума упомянута в грамоте бояр к панам рады от 17 июня 1563 г., где в ее составе зафиксированы И. Д. Бельский, И. Ф. Мстиславский, И. И. Пронский и Д. Р. Юрьев[30]. Существование «навысшей (ближней) рады» или Ближней думы в составе четырехпяти вельмож было кратковременным явлением, вызванным уникальной политической ситуацией прекращения деятельности реформаторского правительства 1550-х гг.

---

[24] Сборник РИО. Т. 59. С. 468—469; *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 242—243.

[25] *Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV—XVI веках. С. 70, 73.

[26] *Савва В. И.* О посольском приказе в XVI в. Вып. 1. С. 206.

[27] Сборник РИО. Т. 71. СПб., 1892. С. 74, 94.

[28] Там же. С. 101—102.

[29] Там же. С. 125.

[30] Там же. С. 148.

Переход правящей верхушки к прямым репрессиям во второй половине 1563—1564 гг. привел к переформатированию структуры Думы. «Дело» князей Старицких завершилось к ноябрю 1563 г. обменом землями между Иваном IV и удельным князем, а также заменой всего его двора. В первой половине 1564 г. трое вельмож из числа постоянных участников Ближней думы ушли из жизни: в начале 1564 г. в сражении под Уллой был убит И. П. Шуйский, а в течение года скончались Д. Р. Юрьев и В. М. Глинский. В этих условиях продолжение заседаний Ближней думы в составе Бельского, Мстиславского, Пронского, Юрьева и Яковли-Захарьина могло вызвать серьезные разногласия в среде правящей элиты, и Ближняя дума в прежнем составе перестает созываться. А в связи с постоянными перемещениями царского двора в опричный период ее место занимают боярско-дьяческие комиссии более или менее случайного состава, формировавшиеся в зависимости от наличия в конкретном месте некоторого числа высокопоставленных вельмож.

К этому же времени относится оформление чина думных дворян. Упоминание «дворян, которые в Думе у государя з бояры» находится в крымской посольской книге в описании приема 29 февраля 1564 г., где под этой рубрикой перечислены князь А. П. Телятевский, князь П. И. Горенский, П. В. Зайцев, И. Черемисинов, Ш. Кобяков[31]. Отныне присутствие думных дворян на дипломатических приемах станет их важнейшей функцией, и наоборот, рядовые участники дипломатического протокола в дальнейшем пополнят ряды думных дворян, как, например, М. А. Безнин, встречавший ногайских послов в октябре 1564 г.[32]

Вторым этапом эволюции государевой Думы стал опричный период. Введение опричнины официально объяснялось «великими изменами» бояр, воевод и приказных людей, что подразумевало передачу важнейших государственных дел доверенным советникам государя. Однако внешнеполитическая деятельность первоначально осуществлялась земским правительством: приговор по отношениям с Ногайской Ордой в мае 1565 г. принимали совместно с государем шесть бояр (И. Д. Бельский, И. Ф. Мстиславский, И. И. Пронский, И. В. Шереметев-Большой, И. П. Федоров, Н. Р. Юрьев), казначей Н. А. Фуников и печатник И. М. Висковатый[33]. А. А. Зимин считал, что вышеуказанные сановники, включая отсутствовавшего по болезни В. М. Юрьева, составляли Ближнюю думу Ивана IV[34]. С. Н. Богатырев полагает, что в Ближнюю думу в 1565 г. входили также Фуников, Висковатый и вельможи из опричнины (А. Д. Басманов, А. И. Вяземский, П. В. Зайцев), дьяк А. Васильев, царевичи Кайбула и Симеон, князья Серебряные, А. П. Телятевский и И. П. Яковлев[35]. Однако называть Ближней думой совет, целиком состоявший из деятелей земщины, в то время когда опричнина и создавалась для решения экстренных вопросов внутренней политики и дел, связанных с придворной жизнью царя, не вполне корректно. Существование же в опричное время разросшейся до девятнадцати человек Ближней думы, большинство членов которой происходили бы из земщины, вообще представляется маловероятным.

Невозможным оказалось воссоздать Ближнюю думу и в опричнине, в том числе и потому, что до лета 1566 г. в Опричной думе состоял всего лишь один боя-

[31] РГАДА. Ф. 123. Кн. 10. Л. 369 об.—370.

[32] РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 7. Л. 27 об.

[33] Там же. Л. 70 об.

[34] *Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV—XVI веках. С. 81.

[35] *Богатырев С. Н.* Ближняя дума в третьей четверти XVI в. Ч. 2 // Археографический ежегодник за 1993 год. М., 1995. С. 101—110.

рин — А. Д. Басманов, и лишь через полтора года в чин боярина были возведены З. И. Очин-Плещеев и Ф. И. Умной-Колычев. Отсутствие достаточного количества бояр привело к необходимости ввести в состав Думы дворян, которые могли бы играть как представительские функции, так и роль советников. Усложнение задач, стоявших перед земской думой, привело также к росту численности думных дьяков. В приговоре о литовском деле 18 мая 1568 г., помимо шести бояр, казначея и печатника, приняли участие четыре думных дьяка, служивших в земщине: П. Михайлов, А. Васильев, А. Щелкалов и В. Щелкалов[36]. Завершающий этап формирования чина думных дворян приходится на 1570-е гг. В заседании Думы 27 мая 1570 г. приняли участие в числе десяти думных людей «из опришнины» пятеро «дворян, которые живут у государя з бояры»: И. Ф. Воронцов, П. В. Зайцев, И. С. Черемисинов, В. Г. Грязной, М. Л. Бельский[37]. По всей видимости, уже в 1571 г. к думным дворянам был причислен Р. В. Алферьев-Нащекин, назначенный печатником после казни И. М. Висковатого летом 1570 г.[38] В дипломатических приемах, особенно вне столицы, далеко не всегда существовала возможность обеспечить участие всех думных дворян, поэтому последние представляли Думу вместе с земскими думными дьяками. На приеме шведских послов в Новгороде 6 января 1572 г. присутствовали «дворяне, которые живут у государя в Думе: Малюта Скуратов, Иван Черемисинов; дьяки Ондрей да Василей Яковлевы дети Щелкалова»[39].

Формирование Особого двора Ивана IV непосредственно после опричнины и в период нахождения на «великом княжении» Симеона Бекбулатовича привело к дальнейшему размыванию понятия «ближняя дума». В царской грамоте имперским послам от декабря 1575 г. «ближней думой» названы Н. Р. Юрьев, В. А. Сицкий-Ярославский и А. Я. Щелкалов[40]. Одновременно это привело к завершающему оформлению чина думных дворян. В историографии проблема роли думных дворян в истории России последней четверти XVI в. решалась по-разному. Р. Г. Скрынников полагал, что «подлинное руководство» в удельной думе осуществляли думные дворяне, А. А. Зимин отверг его точку зрения, а А. П. Павлов указывает на исключительное значение думных дворян в осуществлении внешней и оборонной политики страны[41]. В росписи калужского похода 1576 г. под заголовком «А за государем ездити дворянам з бояры» названы Б. Я. Бельский, М. А. Безнин, Д. И. Черемисинов, Б. В. Воейков, И. П. Татищев и В. Г. Зюзин[42]. С. П. Мордовина и А. Л. Станиславский предположили, что привилегией ездить с боярами в походах обладали именно думные дворяне, и определили численность последних в уделе: вместе с печатником Р. В. Алферьевым она составила восемь человек[43].

В 1574 г. чин думных дворян пополнился вернувшимся из десятилетнего пребыва-

---

[36] Сборник РИО. Т. 71. С. 564—565.

[37] Там же. С. 665—666.

[38] *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. С. 87.

[39] РГАДА. Ф. 96. Кн. 2. Л. 219—220.

[40] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 1. СПб., 1851. С. 501.

[41] *Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины: Очерки политической и социальной истории. С. 29; *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. С. 40; Правящая элита Русского государства IX—XVIII вв.: Очерки истории / Отв. ред. А. П. Павлов. СПб., 2006. С. 221—222.

[42] Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 259—260.

[43] *Мордовина С. П., Станиславский А. Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 157.

ния с посольской миссией в Крыму А. Ф. Нагим. Пользовавшийся безусловным доверием Ивана IV, Нагой на протяжении января 1575 — ноября 1576 г. участвовал в важнейших дипломатических переговорах с послами Священной Римской империи, панами рады Великого княжества Литовского, Крыма, Речи Посполитой[44]. Во время приема посольства Дании в Старице в июле 1575 г. именно «думные люди» А. Ф. Нагой и В. Щелкалов вели переговоры с королевским посланником Э. Эйзенбергом[45]. В январе 1576 г. Нагой с титулом дворянина Ближней думы вел переговоры в Можайске с австрийскими послами, а 1 ноября 1576 г. в составе комиссии из бояр Н. Р. Юрьева и В. А. Сицкого он принимал гонцов Стефана Батория[46]. В состав боярской комиссии, ведшей в январе—марте 1578 г. переговоры с посольством С. Крыйского, входили Н. Р. Юрьев-Захарьин и думные дворяне оружничий Б. Я. Бельский, В. Г. Зюзин и Д. И. Черемисинов-Караулов[47]. А. Ф. Нагой в качестве дворового воеводы участвовал в ливонских походах 1577—1579 гг. и сыграл важную роль в переговорах с послами Речи Посполитой в 1581—1582 гг.[48] В. Г. Зюзин числился после опричнины в Особом дворе Ивана IV с окладом в 400 руб. и, по данным А. А. Зимина, уже в 1576 г. получил чин думного дворянина[49]. Зюзин сочетал военную службу с дипломатической: в 1578 г. он вел переговоры с польскими, датскими и крымскими послами в Москве и Александровской слободе[50].

По предположению С. П. Мордовиной и А. Л. Станиславского, Б. Я. Бельский стал думным дворянином в 1577 г. По данным В. И. Саввы, в конце 1570-х гг. Бельский был участником наиболее важных дипломатических переговоров. Так, 29 июня 1581 г. он входил в состав ответной комиссии, от имени которой было отправлено письмо панам рады с предложением о мире[51]. Близость Бельского к Ивану IV проявилась и в факте присутствия его осенью 1580 г. в качестве дружки на свадьбе царя и Марии Нагой. Ефим (Баим) Воейков начал писаться с чином думного дворянина также с 1577 г., но был занят главным образом на военной службе. После завершения Ливонской войны он был начальником личной охраны царя, в каковой должности зафиксирован 15 мая 1583 г.[52] В 1577—1584 гг. думные дворяне выполняли обязанности дворовых воевод, как, например, Д. И. Черемисинов, командовавший вместе с князем Хилковым корпусом в кампании 1580 г. и попавший в плен к Баторию под Торопцем[53].

В 1578 или 1579 г. думным дворянином стал Р. М. Пивов, который начал службу в 1552 г., а ко времени Земского собора 1566 г. в его списках числился дворянином первой статьи[54]. В 1580 г. Р. М. Пивов вел мирные переговоры в лагере С. Батория[55].

---

[44] *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. С. 19.

[45] ЧОИДР. 1916. Кн. 2. Отд. 2. С. 169.

[46] РГАДА. Ф. 79. Кн. 10. Л. 217 об.

[47] Там же. Л. 350—350 об.

[48] Там же. Кн. 13. Л. 22 об. —23; Кн. 14. Л. 140—141.

[49] *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. С. 39.

[50] *Савва В. И.* О посольском приказе в XVI в. Вып. 1. С. 397.

[51] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 13. Л. 126 об.—127.

[52] *Мордовина С. П., Станиславский А. Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича. С. 168.

[53] Документы Ливонской войны (1571—1580 гг.) // Памятники истории Восточной Европы. М.; Варшава, 1998. № 22. С. 227; № 24. С. 229.

[54] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 223, 427.

[55] *Новодворский В.* Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитой (1570—1582 гг.). СПб., 1904. С. 166—168.

Папский нунций А. Поссевино среди двенадцати сенаторов, докладывавших царю важнейшие дела, отметил пятерых думных дворян: М. А. Безнина, Б. В. Воейкова, И. П. Татищева, В. Г. Зюзина и особенно Б. Я. Бельского[56]. Однако переговоры с А. Поссевино вел, помимо перечисленных дворян, и Р. М. Пивов[57]. Не позднее 1583 г. чин думного дворянина получил И. П. Татищев[58]. В декабре 1581 — январе 1582 г. именно думные дворяне князь Д. П. Елецкий и Р. В. Алферьев вели с польскими представителями в Яме-Запольском мирные переговоры, закончившиеся подписанием десятилетнего перемирия[59]. На приеме польского посольства Я. Збаражского в ответную комиссию вошли боярин Н. Р. Юрьев и думные дворяне Б. Я. Бельский, А. Ф. Нагой, Р. В. Алферьев, а также дьяки А. Щелкалов и А. Демьянов, а договорную запись польским послам «по государеву приказу» дали Н. Р. Юрьев и Б. Я. Бельский[60]. На встречу английского посла в бухте Святого Николая в июне 1583 г. были отправлены думные дворяне М. А. Безнин и недавно вернувшийся из польского плена Д. И. Черемисинов; они же вместе с Б. Я. Бельским вели переговоры с Д. Боусом в Москве с октября 1583 по январь 1584 г.; 7 февраля 1584 г. английского посла встречал думный дворянин и печатник Р. В. Алферьев[61].

К концу правления Ивана IV Дума оставалась расколотой на земскую и дворовую части, в каждой из которых были представлены и титулованная знать, и старомосковское боярство. Существенное отличие состояло в том, что десять думных дворян входили в состав лишь дворовой думы. Кончина Ивана IV радикально изменила положение думных дворян, поставив под угрозу прежде всего положение оружничего Б. Я. Бельского. Острый конфликт в Думе сопровождался мятежом 2 апреля 1584 г. посадских людей Москвы, которые встали на «защиту» якобы побиваемых Годуновыми бояр. Уговаривать повстанцев разойтись к Фроловским воротам выходил вместе с дьяком А. Щелкаловым думный дворянин М. А. Безнин. Ссылка Б. Я. Бельского открыла период умаления роли думных дворян и сокращения их численности: с политической сцены вслед за Бельским сошел Б. В. Воейков, оказавшийся на службе в головах в Пронске и Царево-Санчурске[62]. Постриг в монахи М. А. Безнина в 1586 г. всего лишь подтвердил общую тенденцию. Р. В. Алферьев сохранил чин думного дворянина, хотя и лишился должности печатника. В боярском списке 1588/89 г. думными дворянами числились Р. В. Алферьев, И. П. Татищев и Р. М. Пивов. А. А. Зимин полагал, что помимо них чин думного дворянина носили Ф. А. Писемский, Е. Л. Ржевский и казначей Д. И. Черемисинов[63]. Р. В. Алферьев после 1584 г. попал в опалу и умер в Царицыне в 1590 г.[64] Р. М. Пивов умер вскоре после 1595 г.[65] Пожалуй, единственным думным дворянином Ивана IV, избежавшим опалы после кончины царя, был И. П. Татищев, который 3 сен-

[56] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. С. 49.

[57] *Савва В. И.* О посольском приказе в XVI в. Вып. 1. С. 397—398.

[58] *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. С. 87.

[59] *Новодворский В.* Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитой (1570—1582 гг.). С. 274.

[60] РГАДА. Ф. 79. Кн. 14. Л. 151—151 об., 249—252 об.

[61] *Мордовина С. П., Станиславский А. Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича. С. 181.

[62] Там же. С. 169.

[63] *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. С. 113—114, 194.

[64] *Мордовина С. П., Станиславский А. Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича. С. 182.

[65] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 223, 427.

тября 1598 г. был пожалован Годуновым в казначеи, а в 1598—1604 гг. исполнял обязанности главы Казенного приказа[66].

На место думных дворян в 80—90-е гг. XVI в. выдвигаются представители старомосковской знати и столичной бюрократии, однако это не означало изменения характера взаимоотношений государя с Думой. Как показал А. П. Павлов, служилый характер русской аристократии предопределял и статус царской Думы, остававшейся высшим органом законодательной власти при царе. Ее роль в регулировании служебных отношений, выражавшемся в приговорах о местничестве, в управлении боярами и окольничими отдельными приказами, городами, в замещении высших командных постов в армии, продолжала оставаться первостепенной. В годы царствования Федора Ивановича и Бориса Годунова без участия Думы, без боярского приговора не обходилось принятие ни одного важнейшего закона. Боярская дума руководила работой всех общегосударственных приказов[67].

Государев двор

Великокняжеский (Государев) двор был институтом социальной организации привилегированных слоев общества и с конца XV в. осуществлял функции государственного управления[68]. Верхней частью Государева двора была Боярская дума. Государев двор представлял собой административное, военное, придворное объединение служилых людей «по отечеству» (т. е. по происхождению). Понятие «по отечеству» означало непрерывную преемственность и наследственность службы, складывание верхушки служилых людей как особой социальной группы, для которой служба государю родных и предков определяла положение служилого человека на лестнице чинов и строго ограждала от допуска к высшим и почетным местам неродословных лиц из худородных семей. Служилые люди Государева двора занимали важнейшие посты в центральной и местной администрации, участвовали в походах, посольских миссиях, судопроизводстве, придворных службах, назначались на дворцовые должности (дворецких, казначеев), получали думные чины (окольничих, бояр).

Состав Государева двора изучают по разрядным и посольским книгам, а также по актам о собственности на землю и нарративным (повествовательным) источникам (летописи, исторические повести, жития святых и пр.). Уже во второй половине 1540-х гг. составлялись особые боярские списки, в которые вносили имена не только тех, кто имел чин боярина, но и всех, кто входил в Государев двор[69]. Государев двор как столичная служилая корпорация складывался на протяжении длительного времени. В древности каждый из владетельных князей имел свой двор, поэтому в каждом княжестве были свои служилые люди. Когда возникло Московское государство, они разделились на тех, кто был взят в Москву, и тех, кто остался «на местах». В конце XV в. преобладало территориальное устройство двора. Столичный двор объединял лиц из прежде независимых княжеств, с которыми они продолжали сохра-

[66] *Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М.* Приказы Московского государства XVI—XVII вв. М.; СПб., 2015. С. 83.

[67] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 228—232.

[68] *Назаров В. Д.* Государев двор // Большая российская энциклопедия. Т. 7. М., 2007. С. 513—515.

[69] *Назаров В. Д.* О структуре Государева двора середины XVI в. // Общество и государство феодальной России: Сборник статей, посвященный 70-летию академика Л. В. Черепнина. М., 1975. С. 52—54.

нять прочные связи. Из дошедших до нас источников видно, что к середине XVI в. в основе комплектования двора лежали два принципа: чиновный и территориальный. Лица, входящие в состав Государева двора, имели уже различные столичные чины, но в то же время воспринимались еще пока как члены местных служилых корпораций и значились в специальных документах по тем «городам» (так стали называться местные объединения служилых людей), с которыми они исторически были связаны службой и землевладением[70].

В конце XV — первой половине XVI в. сложилась иерархия чинов Государева двора. В двор входили носители думных чинов (бояре и окольничие), дворцовых чинов (дворецкие, оружничие, кравчие, постельничие, конюшие, ясельничие, сокольничие, ловчие, шатерничие), представители великокняжеской казны (казначеи и печатники), чины стольников, стряпчих, жильцов, дьяки (делились на больших, дворцовых, казенных, конюшенных, ямских) и дворовые дети боярские.

Бояре и окольничие заседали в Боярской думе. Чин дворецких возник в последней четверти XV в., когда из общей массы княжеских сел были выделены дворцовые земли. Функции дворецких были разнообразными. Они не только ведали великокняжеским хозяйством, дворцовыми землями (являлись хозяйственной и судебной инстанцией), но и наряду с боярами, введенными в первой половине XVI в., стали осуществлять суд высшей инстанции по земельным делам. Это нововведение было закреплено в 1-й статье Судебника 1550 г., где в качестве судей высшей инстанции указаны не только бояре и окольничие (как в Судебнике 1497 г.), но также дворецкие, казначеи и дьяки[71]. Казначеи занимались сбором общегосударственных налогов, таможенными платежами, надзором за выполнением натуральных повинностей, выдавали жалованные грамоты церковным и светским земельным собственникам с освобождением от уплаты налогов и пошлин. Казначеи снабжали продовольствием иностранные посольства, участвовали в их приеме и размещении. В Казне хранились государственные сокровища, ценности великокняжеской семьи. Главным помощником казначея и хранителем государственной печати был печатник. В связи с распространением в первой трети XVI в. огнестрельного оружия впервые упоминается чин оружничего. Оружничий заведовал доспехом (вооружением) и мастерами (оружейниками)[72]. Церемонии торжественных застолий самодержца проходили с участием стольников, чашничих и кравчих. Кравчий (крайчий) во время обедов или пиров держал в руках чашу (кубок, ковш) и подносил государю напитки. Забота о великокняжеском быте была поручена постельничим (заведовали государевой постелью, гардеробом и личной канцелярией). Содержание великокняжеских конюшен, обеспечение кормом коней находилось в ведении конюших и ясельничих. Охотой («потехой») заведовали сокольничие и ловчие. Стольники выступали в должности рынд (т. е. телохранителей-оруженосцев) государя во время походов. Стряпчие (от глагола «стряпать» — выполнять всякого рода поручения) использовались для разнообразных услуг, помогали в текущих государевых делах. Бараши берегли государев шатер. К июню 1552 г. появился новый чин жильцов (в конце XV в. предшественниками жильцов были постельники)[73]. Жильцы, набиравшиеся из молодых дворян, только поступивших на службу, жили в личных покоях правителя, участвовали в походах

[70] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 86.

[71] *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 453—456.

[72] Сборник РИО. Т. 35. СПб., 1882. С. 65.

[73] *Назаров В. Д.* О структуре Государева двора в середине XVI в. (жильцы в 1550-е годы) // Зубовские чтения. Вып. 4: Образы власти, институты и культурное пространство российского общества в XV—XVII вв.,

в должности поддатней у рынд (помощников телохранителей-оруженосцев царской особы).

Вопреки распространенному мнению чин конюшего не сразу становится первым чином Государева двора. В середине XIV в. конюшество было тесно связано с системой кормлений. Постепенно к середине XV в. конюшество стало приобретать значение дворцового чина и соответствующей ему должности в аппарате управления великих князей и княгинь. Конюшие были близки к господскому хозяйству, конюшням, организации содержания и ухода за лошадьми, охоте, торжественным выездам. В середине XV в. в источники попадают сведения о конюших удельных канцелярий, митрополита. Перерастание конюших из чина дворцовой администрации в думный чин состоялось в первой трети XVI в. Конюший, ранее придворное звание, при Василии III и в период боярского правления становится думным чином Государева двора[74]. Чин боярина и одновременно конюшего, впервые зафиксированный в ноябре 1508 г. (звание было пожаловано И. А. Челяднину), означал высшую степень почета, особое положение в придворной иерархии, старшинство в Боярской думе. После И. А. Челяднина думный чин боярина и конюшего в июле 1534 — январе 1537 г. носил князь И. Ф. Овчина Телепнев-Оболенский, фаворит Елены Глинской. Сын И. А. Челяднина Иван Иванович также дослужился до этого высшего чина. Он был записан «конюшим и боярином» в феврале 1539 г. на церемонии поставления в митрополиты Иоасафа и в июле 1541 г. После него в июле 1546 г. чином боярина и конюшего был пожалован И. П. Федоров (вероятно, был конюшим вплоть до своей казни в сентябре 1568 г.), женатый на дочери В. А. Челяднина. В январе 1547 г. боярином и конюшим стал дядя царя князь М. В. Глинский. Лиц, имевших чин боярина и конюшего, следует отделять от просто конюших (например, конюшего Новгородского дворца), которые не играли заметной роли в государственных делах, хотя и были знатными людьми.

Входившие в великокняжеский двор носители думных и дворцовых чинов, а также дворовые дети боярские осуществляли разнообразные государственные функции, им давались важные поручения на службе. Члены великокняжеского двора назначались полковыми воеводами и головами, сеунчами (гонцами, сообщавшими о военных успехах), послами и посланниками, гонцами, членами посольств, приставами у иностранных послов, участвовали в придворных церемониях, свадебных торжествах (фигурировали на свадьбах великих князей и их близких родственников). Дворовые дети боярские выполняли функции писцов, отдельщиков и разъездчиков (так обозначались лица, проводившие разделы земель в уездах и определявшие границы спорных владений), межевщиков земель, находились в местной великокняжеской администрации на постах наместников (в городах) и волостелей (в уездах и волостях). Представители придворной элиты были судьями различных инстанций по земельным, местническим и прочим делам, выполняли ответственные миссии по указанию государя (например, арест высокопоставленных особ, передача великокняжеских посланий, другие почетные поручения).

Дворовые дети боярские на протяжении первой половины XVI в. по причине расширения состава двора начинают оседать по городам, реже призываться в столицу для выполнения общегосударственных дел. В связи с постепенным и неуклонным осе-

принципы научной реконструкции и музеефикации памятников и интерьеров, 16—17 октября 2006 г., г. Александров. М., 2008. С. 12—25.

[74] *Корзинин А. Л.* Состав Боярской думы и дворцовых чинов в правление великого князя Ивана III. Ч. 2: Дворцовые чины // Древняя Русь: Во времени, в личностях, в идеях: Альманах. Вып. 9. СПб., 2018. С. 284—287.

данием дворовых детей боярских на местах возникает потребность в призыве из городов служилых землевладельцев, для которых основной являлась столичная служба. К 1552 г. под влиянием Тысячной реформы формируется новый чин выборных дворян. Выборные дворяне набирались из тысячников («лучших слуг»), состав которых зафиксирован в Тысячной книге 1550 г. Выборные дворяне представляли собой верхи уездных служилых корпораций, включенные в Государев двор, и служили в Москве (в отличие от общей массы городовых детей боярских, несших службу в уездных городах).

Во второй половине XVI в. происходил постепенный переход от чиновно-территориального к чиновному устройству Государева двора, закрепленному в боярском списке 1577 г. Разрушение прежней территориальной структуры двора было ускорено опричной политикой земельных переселений, вследствие которой были нарушены традиционные связи членов двора с местными (уездными) корпорациями. В результате выборные дворяне все реже призывались в Москву и постепенно стали оседать по городам, служить по тем уездам, где у них располагались земли («с городом вместе»). Окончательно процесс оседания выборных дворян по городам и прекращения их службы при Государевом дворе завершился к 30-м гг. XVII в. Верхушка выборного дворянства — московские дворяне (этот чин возник к 1577 г., возможно, уже в 1573—1574 гг.) — порвали связи с уездными корпорациями и отныне служили из столицы по особому «московскому списку»[75].

К 1560—1570-м гг. сформировались думные, дворцовые и столичные чины двора, число которых увеличилось по сравнению с первой половиной XVI в. В Боярской думе заседали бояре, окольничие, думные дворяне (впервые зафиксированы в марте 1553 г.)[76] и думные дьяки (появились к ноябрю 1562 г.)[77]. К чинам дворцовой администрации относились дворецкие, оружничие, кравчие, постельничие, сокольничие, ловчие, ясельничие, шатерничие (бараши). Казначеи и их помощники печатники, как и прежде, заведовали царской казной и государственной печатью. Из столичных чинов в Государев двор входили стольники, стряпчие, жильцы, выборные и московские дворяне. Нижний уровень двора занимали приказные служащие, дьяки, которые в середине XVI в. делились на больших (сидели в различных приказах, нередко их возглавляли), дворцовых (трудились в дворцовом аппарате управления, в ведомстве дворецкого), конюшенных и ямских (служили в Конюшенном и Ямском приказах).

Земские соборы

Тема изучения Земского собора в России является одной из наиболее политизированных. Исследование истории Земских соборов в России началось в середине XIX в. Споры о советах «всей земли» начали западники и славянофилы. Появле-

---

[75] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 101—102, 107.

[76] При Василии III в 1517 г. чин «сына боярского, который у государя в думе живет», имел И. Ю. Шигона Поджогин, доверенный человек государя (*Лихачев Н. П.* Думное дворянство в Боярской думе XVI столетия. С. 8; *Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV—XVI веках. С. 79; Сборник РИО. Т. 53. С. 40). На посольских приемах с литовскими послами в 1536 и 1542 гг. у великого князя упоминались князья и дети боярские, которые в думе живут (Сборник РИО. Т. 59. С. 43, 147). Однако *думные дворяне* как особый чин Государева двора появились не ранее марта 1553 г. (ПСРЛ. Т. 13. М., 1965. С. 523).

[77] Сборник РИО. Т. 71. С. 91.

ние первых работ было связано не только с развитием исторической науки, но и с влиянием либеральных реформ императора Александра II. Общественные круги рассчитывали на введение представительного учреждения в Российской империи и видели в Земском соборе его предтечу. В начале XX в. в связи с образованием Государственной думы наблюдался новый всплеск интереса к средневековому органу сословного представительства. Во второй половине XIX в. историки стремились показать, что советы «всей земли» по важнейшим вопросам являются особенностью развития России. Споры шли о том, были ли дворяне, присутствовавшие на соборных заседаниях, выбранными на местах (мнение К. С. Аксакова, М. В. Клочкова, С. Л. Авалиани), назначенными правительством (точка зрения С. М. Соловьева, Б. Н. Чичерина) или уполномоченными провинциального дворянства по положению (не по выбору), а по должности представлявшими интересы правительства (взгляды В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова)[78]. В целом большинство дореволюционных историков склонялись к тому, что Земский собор был совещательным органом власти при царе и его деятельность во многом зависела от воли царя[79]. В советское время, с 50-х гг. XX в., подчеркивалось, что власть государя в середине XVI — второй половине XVII в. была ограничена Боярской думой и Земскими соборами и что Русское государство развивалось по тому же пути, что и Западная Европа, поэтому форма его устройства во второй половине XVI в. соответствовала сословно-представительной монархии в Англии либо Франции[80]. В современной историографии эта точка зрения подверглась критике. Сопоставив представительство дворян на Земских соборах в России с представительством дворянства Германии и Польши, немецкий историк Х.-Й. Торке пришел к выводу об отсутствии у русского дворянства политических прав, наличие которых позволило бы этой группе населения консолидироваться в сословие западного типа. Можно ли вести речь об установлении сословно-представительной монархии в XVI—XVII вв., если дворянское сословие как реальная политическая сила, обладающая льготами и привилегиями, сформировалось в России только во второй половине XVIII в.?[81] В. М. Панеях вслед за Х.-Й. Торке считал, что сословия в России XVI в. не сложились, и поэтому следует отвергнуть точку зрения о сословном представительстве и политическом строе, определяемом как сословно-представительная монархия. Историк предлагал называть политический строй Русского государства XVI в.

---

[78] *Соловьев С. М.* Шлёцер и антиисторическое направление // Русский вестник. 1857. Т. 8. Апрель. Кн. 2. С. 442—445; *Чичерин Б. Н.* О народном представительстве. М., 1866; *Беляев И. Д.* Земские соборы на Руси: (Речь, читанная 12 января 1867 г. на торжественном акте). М., 1902; *Сергеевич В. И.* Земские соборы в Московском государстве // Сборник государственных знаний. Т. 2. СПб., 1875. С. 1—61; *Платонов С. Ф.* Заметки по истории Земских соборов // ЖМНП. 1883. № 3. С. 1—20; *Ключевский В. О.* Состав представительства на Земских соборах Древней Руси // Сочинения: В 9 т. Т. 8. М., 1990. С. 280—301; *Клочков М. В.* Дворянское представительство на Земском соборе 1566 г. // Вестник права. 1904. Ноябрь. С. 213—241; *Авалиани С. Л.* Земские соборы. Одесса, 1910.

[79] *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в Древней Руси. СПб., 1907. С. 143—144.

[80] *Ротенберг С. С.* Монархия с Боярской думой: (К вопросу об установлении самодержавия в России) // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. М., 1946. Т. 35. Вып. 2. С. 56—95; *Юшков С. В.* К вопросу о политической форме Русского феодального государства // Вопросы истории. 1950. № 1. С. 71—92; *Тихомиров М. Н.* Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России XVI в. С. 3—23; *Черепнин Л. В.* К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI—XVIII вв.). М., 1968; *Он же.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв.

[81] *Торке Х.-Й.* Так называемые земские соборы в России. С. 3—11; *Torke H.-J.* Die staatsbedingte Gesellschaft im Moscauer Reich: Zar und Zemlja in der Altrussischen Herrschaftsverfassung: 1613—1689.

«самодержавной монархией деспотического типа»[82]. Ю. Г. Алексеев, как и В. М. Панеях, отрицал существование в России сословий западноевропейского типа, но доказывал наличие сословий иного рода уже в конце XV в., определяя сословия как широкие социальные группы с определенными правами и обязанностями, передаваемыми по наследству. В противовес Х.-Й. Торке Ю. Г. Алексеев предлагал учитывать специфику отдельно взятой страны (России) при употреблении термина «сословие» и вкладывал в этот термин расширенное значение[83]. Б. Н. Флоря полагает, что если до середины XVI в. Русское государство было патримониальной (вотчинной) монархией, при которой государство рассматривалось как родовая собственность (вотчина) государя, и власть находилась в руках тех лиц, которым передавал ее государь, то в 1550-е гг. был сделан важный шаг на пути создания в России сословного строя и сословной монархии[84]. По мнению А. П. Павлова, начавшийся в результате реализации реформ середины XVI в. процесс развития сословных прав и сословного самоуправления дворянства, духовенства, крестьянства и горожан был прерван опричниной Ивана IV, которая привела к окончательной победе самодержавных начал над началами сословного представительства[85]. М. М. Кром считает, что Земские соборы в XVI в. выполняли почти исключительно законосовещательную функцию, процедуры выборов еще не существовало, а сословия в России находились в стадии формирования[86]. Некоторые исследователи склоняются к тому, что сословия образовались в России не ранее середины XVII в. (были юридически оформлены в Соборном уложении 1649 г.)[87] либо в конце XVIII в.[88] Есть мнение, что правильнее говорить об элементах сословного представительства, о самодержавной монархии с чертами сословного представительства[89] либо о сословной монархии[90] для Московского царства второй половины XVI в.

---

[82] *Панеях В. М.* Русь в XV—XVII вв.: Становление и эволюция власти русских царей // Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 35, 66, 74—80; Ср.: *Кобрин В. Б., Юрганов А. Л.* Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси: (К постановке проблемы). С. 54—64; *Дворниченко А. Ю.* Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. М., 2010. С. 266, 438—454.

[83] *Алексеев Ю. Г.* Судебник Ивана III: Традиция и реформа. С. 433.

[84] *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. 4-е изд. М., 2009. С. 57.

[85] *Павлов А. П.* Самодержавие и земские соборы Русского государства XVI—XVII веков. С. 115—121; *Он же.* Эволюция государства и общества в России во второй половине XVI в.: (К вопросу о сословно-представительной монархии) // Russishe und Ukrainishe vom 16.—18. Jahrhundert. Bd. 58. Wiesbaden, 2001. S. 31—35.

[86] *Кром М. М.* Рождение государства: Московская Русь XV—XVI веков. С. 155—156.

[87] *Данилова Л. В.* Становление системы государственного феодализма в России: Причины, следствия // Система государственного феодализма в России: Сборник статей. Вып. 1. М., 1993. С. 79.

[88] *Миронов Б. Н.* Социальная история России. Т. 1. СПб., 2003. С. 77—80, 140.

[89] *Корзинин А. Л.* Земский собор 1566 г. в отечественной историографии // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. 2011. Вып. 3. С. 23.

[90] Термин «сословная монархия», введенный еще в дореволюционной историографии Н. И. Кареевым в работе «Поместье-государство и сословная монархия средних веков» (СПб., 1906), и понятие «сословно-представительная монархия», впервые предложенное историком права С. В. Юшковым в учебнике «История государства и права СССР» (Ч. 1. М., 1940), по сути тождественны и означают перераспределение монархом власти в пользу представительного органа. Однако К. В. Базилевич и Л. В. Данилова вкладывают иное содержание в термин «сословная монархия». По их мнению, при «сословной монархии» не было законодательного ограничения власти царя со стороны сословий. К. Б. Базилевич подчеркивал, что Земские соборы в России, в отличие от Западной Европы, не являлись постоянными сословно-представительными учреждениями и не только не ограничивали царскую власть, но и служили средством к ее укреплению (*Базилевич К. В.* Опыт периодизации истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1949. № 11.

Из-за нехватки источников до настоящего времени нерешенными остаются вопросы о составе соборов второй половины XVI в., о том, были ли служилые люди, участвовавшие в соборных заседаниях, избранными на местах представителями уездных корпораций либо их назначило правительство для исполнения воли государя, в какой мере Земские соборы ограничивали власть царя.

Земские соборы являлись государственными институтами власти, представляли собой общегосударственные совещания, на которых царь в присутствии «земли» (боярства, духовенства, дворянства, купечества, посадских людей; в первой половине XVII в. к этим группам добавились выборные от казаков, стрельцов, служилых татар, черносошных крестьян) обсуждал важнейшие внутренние дела и внешнеполитические вопросы, а после обсуждения принималось решение, которое считалось голосом «всей земли». Соборы созывались чаще всего при объявлении реформ, принятии важнейших законов, чтобы начать войну и заключить мир, для избрания на престол царя. В период Смутного времени, в 1610—1612 гг., Земский собор был высшим законосовещательным и исполнительным органом власти[91]. Первым Земским собором в истории России считается собор «примирения», который состоялся в феврале 1549 г. Последний Земский собор о «вечном мире» с Польшей прошел в 1683—1684 гг.[92]

Советы «всей земли» проходили на территории Московского Кремля, в палатах царского дворца, в Оружейной палате. Соборы собирались не регулярно, а только тогда, когда в них возникала необходимость. Инициатором созыва собора выступал царь. Не существовало четкого регламента созыва избирателей, не было определено точное время их работы, отсутствовала программа заседаний, не было единообразия в составе «лучших людей» из разных социальных групп, приглашаемых в столицу.

Нелегко отделить Земские соборы от церковных соборов того времени, так как те и другие собирались по инициативе государя, на них присутствовали церковнослужители, бояре и дьяки, на церковных соборах могли обсуждать светские вопросы[93]. В соборных заседаниях, имевших место во второй половине XVI в., принимали участие Боярская дума, Освященный собор, члены Государева двора (из разных чиновных групп), служилые люди из городов и купцы.

Словосочетание «земский собор» принято в литературе, но в документах XVI—XVII вв. оно не встречается (его впервые употребил публицист и философ, славянофил К. С. Аксаков в 1851 г. в полемике с С. М. Соловьевым)[94]. Слово «собор» имеет церковное происхождение. Церковные соборы известны с древности[95]. В 1549 и 1566 гг. совещания царя с различными социальными группами источники не обозначали специальным термином. В 1598 г. в документах, относящихся к Земскому собору,

---

С. 86; *Данилова Л. В.* Становление системы государственного феодализма в России: Причины, следствия. С. 78—79).

[91] *Назаров В. Д.* Земские соборы. С. 445—447.

[92] *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв.

[93] *Кром М. М.* Рождение государства: Московская Русь XV—XVI веков. С. 150—151.

[94] *Аксаков К. С.* Несколько слов о русской истории, возбужденных Историею г. Соловьева. По поводу I тома // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Избранные труды / Сост. А. А. Ширинянц и др. М., 2010. С. 217.

[95] *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. С. 67; *Кром М. М.* Рождение государства: Московская Русь XV—XVI веков. С. 147—148. В. Г. Вовина-Лебедева, однако, сомневается в существовании в XVI в. Освященного собора как отдельного органа церковной власти и высшего церковного учреждения (*Вовина-Лебедева В. Г.* Церковные иерархи XVI в. // Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII в.: Очерки истории. С. 274).

впервые было употреблено слово «собор». Так, 17 февраля патриарх Иов велел быть у себя «на соборе» представителям от духовенства и «боляром, и дворяном, и приказным и служилым людям»[96]. В XVII в. соборами стали называть совещания государя со светскими и церковными властями.

В советский период, после публикации статьи М. Н. Тихомирова о Земских соборах в России в XVI в., наметилась тенденция к поиску и выявлению новых Земских соборов. М. Н. Тихомиров «открыл» собор 7 января 1550 г. во Владимире (созванный в связи с походом русского войска против Казани) и собор 1580 г. (на нем обсуждался вопрос о мире России с Речью Посполитой)[97]. С. О. Шмидт обосновывал созыв Земских соборов осенью—зимой 1547 г. (итогом заседаний стало примирение царя с боярами, приказными людьми, кормленщиками), в июне—июле 1550 г. (обсуждалось принятие нового Судебника 1550 г., приговора о местничестве, Тысячная реформа двора и пр.), в 1555—1556 гг. (собор принял решение об отмене кормлений, проведении земской и губной реформ, принятии Уложения о службе), в сентябре 1560 г. (были осуждены руководители «Избранной рады» А. Ф. Адашев и протопоп Сильвестр), в конце 1564 — начале 1565 г. (собор кануна опричнины), летом 1571 г. (в связи с сожжением Москвы крымским войском во главе с Девлет-Гиреем и обсуждением вопроса о войне с Крымским ханством), осенью 1576 г. (когда Иван IV свел с великого княжения Симеона Бекбулатовича и вновь объявил себя царем)[98]. В. И. Корецкий доказывал открытие Земского собора в первой половине октября 1575 г. (на нем обсуждались вопросы продолжения Ливонской войны и сбора денежных средств, в итоге против Ивана IV выступила оппозиция из аристократии, высшего духовенства, что повлекло за собой массовые казни и провозглашение великим князем Симеона Бекбулатовича)[99]. Р. Г. Скрынников считал, что в 1585/86 г. по инициативе митрополита Дионисия и князя И. П. Шуйского и его родственников был собран собор, на котором участники попытались добиться развода царя Федора Ивановича с бесплодной царицей Ириной Годуновой, чтобы отстранить от власти ее брата Бориса[100]. Со справедливой критикой сомнительных соборов, число которых в научной литературе стало стремительно расти, выступили Н. И. Павленко и Л. В. Черепнин, подчеркивая бездоказательность, недостаточную аргументированность версий о частых соборных заседаниях[101].

Историки продолжают спорить о земском заседании конца апреля — начала мая 1584 г. М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, В. Д. Назаров, Я. Г. Солодкин доказывают, что это был собор, избравший на царский

---

[96] *Павлов А. П.* Соборная утвержденная грамота об избрании Бориса Годунова на престол // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 10. Л., 1978. С. 208—209, 211.

[97] *Тихомиров М. Н.* Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России XVI в. С. 8—9, 15—17.

[98] *Шмидт С. О.* Соборы середины XVI века // История СССР. 1960. № 4. С. 72—73, 78—81; *Он же.* К истории земской реформы (Собор 1555/56 г.) // Города феодальной России: Сборник статей памяти Н. В. Устюгова. М., 1966. С. 125—134; *Он же.* К истории соборов XVI в. // Исторические записки. Т. 76. М., 1965. С. 123—145.

[99] *Корецкий В. И.* Земский собор 1575 г. и поставление Симеона Бекбулатовича «великим князем всеа Руси» // Исторический архив. 1959. № 2. С. 148—153; *Он же.* Материалы по истории Земского собора 1575 г. и о поставлении Симеона Бекбулатовича «великим князем всеа Русии» // Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971. С. 296—299.

[100] *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». М., 1981. С. 35—36.

[101] *Павленко Н. И.* К истории земских соборов XVI в. // Вопросы истории. 1968. № 5. С. 82—105; *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. С. 74—77, 115—120.

трон Федора Ивановича[102]. Н. И. Павленко, А. А. Зимин, А. П. Павлов, напротив, опровергают это мнение, подчеркивая, что речь может идти не о Земском соборе, а о совместном заседании Освященного собора и Боярской думы для обсуждения дня коронации Федора, который в действительности сразу же по смерти отца Ивана IV 18 марта 1584 г. был признан единственным наследником престола и официально вступил в свои законные права государя[103].

Достоверно известно, что в XVI в. было созвано только три Земских собора: в конце февраля 1549 г. состоялся так называемый собор примирения, затем собор в конце июня — начале июля 1566 г. (в начале опричнины) и третий собор — в феврале—сентябре 1598 г. (был избран на царство Борис Годунов)[104].

Известия о первом Земском соборе, соборе «примирения», сохранились в летописи (в так называемом Продолжении Хронографа 1512 г.)[105]. Неизвестны ни численность этого совещания, ни порядок его созыва. Молодой царь Иван Васильевич 27 февраля 1549 г. в Москве «перед отцем своим Макарьем митрополитом и предо всем Освященным собором говорил боярам своим», окольничим, казначеям о том, что в период его малолетства от бояр и их людей «детем боярским и христьяном чинилися силы и продажи и обиды великие в землях и в холопех и в ыных во многих делех»[106]. Государь пообещал наложить опалу и казнить тех своих слуг, «хто вперед кому учинит силу или продажу и обиду». В ответ на это предупреждение присутствующие бояре, воеводы, княжата, дети боярские, большие дворяне били челом царю о прощении и помиловании. Иван Васильевич смилостивился и такое прощение даровал. После этого 29 февраля 1549 г. было объявлено о начале перемен в местном управлении, отмене системы кормлений, передаче всех административных и судебных дел (за исключением дел об убийствах, воровстве и разбойных нападениях) из юрисдикции наместников и волостелей выборным уездным служилым людям (которые носили названия старост, целовальников, сотских, пятидесяцких). Лаконичность летописного сообщения породила в научной литературе немало вопросов о ходе и результатах февральского совещания царя с церковными иерархами, членами Боярской думы и Государева двора[107].

---

[102] *Тихомиров М. Н.* Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России XVI в. С. 17—19; *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. С. 125—132; *Лукичев М. П., Назаров В. Д.* Из родословной Дивовых: Известия «статейного списка» по истории земских соборов конца XVI—XVII вв. // Исторический архив. 1994. № 6. С. 167—177; *Солодкин Я. Г.* Земские соборы Московской Руси конца XVI века: (Спорные вопросы истории и историографии). Нижневартовск, 2010. С. 41—52.

[103] *Павленко Н. И.* К истории земских соборов XVI в. С. 101—105; *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. С. 117—119; *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 219—221.

[104] *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. С. 68—76, 106—1149; *Павлов А. П.* Соборная утвержденная грамота об избрании Бориса Годунова на престол. С. 221—222; *Он же.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. С. 218—221; *Назаров В. Д.* Краткий обзор литературы о Земских соборах (конец XX — начало XXI вв.) // Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. Т. 2. М., 2015. С. VI—VIII.

[105] *Шмидт С. О.* Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. 1951. Т. 7. С. 295—296.

[106] Памятники русского права. Вып. 4 / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1956. С. 575.

[107] *Тихомиров М. Н.* Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России XVI в. С. 4—9; *Павленко Н. И.* К истории земских соборов XVI в. С. 83—88; *Шмидт С. О.* У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С. 162—165; *Назаров В. Д.* Февральский собор «примирения» 1549 г. и посмертные реабилитации. С. 482—494.

Собор 1566 г. был созван в первые годы опричнины Ивана IV, но в его работе приняли участие лица из состава Земского двора[108]. Земский собор открылся 28 июня 1566 г.[109] По составу участников он был шире собора 1549 г. (кроме Освященного собора, Боярской думы, казначеев, дворян в его работе приняли участие приказные люди, дьяки, купцы)[110]. Всего участвовало немногим более 370 человек. На соборе шла речь о продолжении войны с Великим княжеством Литовским в случае несогласия литовцев принять условия мира, предложенные русской стороной. Отдельно друг от друга совещались люди разных званий и чинов: духовенство (архиепископы, епископы, игумены, архимандриты, старцы, келари), бояре, окольничие и казначеи, дьяки и приказные люди, дворяне первой и второй статей, помещики Торопца и Великих Лук, купечество (гости и торговые люди). Участники прений высказались за продолжение войны с Великим княжеством Литовским. Земский собор 1566 г. решил прервать безрезультатные переговоры с литовскими послами об условиях заключения мира и урегулирования взаимных территориальных претензий[111]. После собора возобновились боевые действия между Россией и Литвой.

«Приговорная» грамота, содержащая решения собора 1566 г., была подписана 2 июля. В отличие от всех других документов Земских соборов XVI в., она сохранилась в подлиннике в составе царского архива. С обратной стороны грамоты поставлены подписи участников заседаний: архиепископов, епископов, архимандритов, игуменов, монахов, бояр и дьяков (всего 58 рукоприкладств). Наличие подписей не всех, а только части присутствовавших на земском собрании лиц объясняется тем, что в практике того времени было необязательно ставить подписи всем, кто явился на заседание. Сохранившиеся подлинные поручные грамоты 1527—1571 гг. по боярам и членам Государева двора, которых постигло наказание, содержат также лишь часть подписей заявителей, взявших на себя материальные обязательства поручиться за опального в его верной службе (в случае нарушения выручаемым лицом присяги и повторной вины поручители обязаны были заплатить в казну значительные суммы денег)[112]. Размер грамоты, вероятно, также не позволял поместить рукоприкладства всех делегатов Земского собора. Скорее всего, в ходе заседаний были высказаны различные точки зрения по вопросу о продолжении войны с Литвой, при составлении окончательной редакции текст грамоты неоднократно корректировался и в спешке подправлялся подьячими. Некоторые листы документа (особенно листы 3 и 4) были обрезаны, а первоначальный текст, повествовавший о мнениях сторон, значительно сокращен. Видимо, совещания, где присутствовали бояре, казначеи, приказные люди и большие дьяки, проходили бурно, шли острые дискуссии. Из-за спешки некоторые слова в грамоте были пропущены и чуть позже вставлены между строк той же рукой, какой был написан документ. Создается впечатление, что участники собора лично присутствовали на заседаниях. Не случайны форма заявительства каждого из присутствовавших лиц («яз такой-то»), а также наличие индивидуальных подписей

[108] *Кобрин В. Б.* Опричнина: Генеалогия. Антропонимика. С. 15—16; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 266—301.

[109] ПСРЛ. Т. 13. М., 1965. С. 402—403.

[110] *Антонов А. В.* Приговорная грамота 1566 г. // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 171—182.

[111] Сборник РИО. Т. 71. С. 336—395; *Ардабацкий Е. Н.* Внешняя политика Русского государства на Земском соборе 1566 г. // Историографический сборник. Вып. 16. Саратов, 1994. С. 139—149.

[112] *Антонов А. В.* Поручные записи 1527—1571 гг. // Русский дипломатарий. Вып. 10. С. 8—79.

(рукоприкладств) от духовенства, думных людей, дьяков[113].

Мнения историков о том, как собирались участники в 1566 г., разошлись. По одной версии (А. А. Зимин), никаких выборов не было и собор составили из тех детей боярских, которые в это время находились в Москве «для государевой службы»[114]. Согласно другой точке зрения (В. Д. Назаров), возможно, происходили выборы от некоторых городов. Находившиеся в Москве дворяне выбирали делегатов на собор из собственных рядов[115]. По всей вероятности, участников на земское совещание избирали из числа тех служилых людей, кто находился в тот момент в полной боевой готовности в столице, поскольку времени на созыв собора в условиях войны, которая вот-вот могла возобновиться, не было[116]. После окончания собора большинство участников прямо из Москвы отправились на войну с Литвой[117]. Самой многочисленной группой, присутствующей на Земском соборе, были дворяне из центральных уездов (Москвы и Переславля-Залесского). За ними следовали служилые землевладельцы из западных (Можайск, Вязьма) и северо-западных (Новгород, Псков, Торопец) уездов. Уже В. О. Ключевский заметил, что присутствие дворянства из западных и северо-западных городов было продиктовано их непосредственным участием в боевых действиях с Великим княжеством Литовским. Правительство стремилось узнать личное мнение западных дворян относительно условий мирного договора, чтобы обеспечить поддержку своим действиям. Великие Луки и Торопец граничили с полоцкими землями, поэтому к соборным заседаниям были привлечены служилые землевладельцы этих городов. Приглашение дворян из Москвы и Переславля-Залесского объясняется тем, что местом проведения соборных заседаний была столица. Участие лиц от разных социальных и чиновных групп в работе Земского собора свидетельствует об их заметной роли в государственных делах. С позицией духовенства, бояр, приказных людей, дворян и купцов государь не мог не считаться в своей политике.

Что касается Земского собора 1598 г., то подлинник Утвержденной грамоты об избрании на престол Бориса Федоровича Годунова не сохранился, до наших дней дошли только ее копии (списки). Грамота была составлена в двух экземплярах: одна — для царя (хранилась в царской казне) и другая, меньшего размера, — для патриарха (после заверения подписями она была положена в патриаршую казну). Документ содержал детальное описание выборов, церемонии коронации, присяги новому избранному царю Боярской думы и патриарха, а также подписи участников соборных заседаний. Земский собор был многолюдным (всего около 600 делегатов) и широким по составу; в него входили Освященный собор, Боярская дума, столичные чины Государева двора, гости, купеческие старосты и пр. По наблюдениям С. П. Мордовиной, на соборных заседаниях присутствовали почти все члены Боярской думы, все стольники, большая часть московских дворян, т. е. самая привилегированная часть служилых людей. Вместе с тем участие в соборных прениях выборных дворян менее чем из половины

---

[113] *Корзинин А. Л.* Состав дворянства на Земском соборе 1566 г. Ч. 1 // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. 2012. Вып. 1. С. 4—5.

[114] *Зимин А. А.* Опричнина. М., 2001. С. 120.

[115] *Назаров В. Д.* К истории Земского собора 1566 г. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 296—303.

[116] *Назаров В. Д.* К истории Земского собора 1566 г. С. 302; *Усачев А. С.* О составе Освященного собора в 1566 г. // Представительные институты в России в контексте европейской истории: XV — середина XVII в. М., 2017. С. 111.

[117] *Зимин А. А.* Опричнина. С. 120—121.

городов России, где существовал институт выбора, сводит к минимуму возможность проведения в 1598 г. выборов (или вызова) на Земский собор делегатов от местных дворянских обществ. Поэтому анализ состава участников собора 1598 г. не позволяет относить его к развитым сословно-представительным учреждениям XVI в.[118] А. П. Павлов, в отличие от С. П. Мордовиной, допускает выбор делегатов с мест на Земский собор 1598 г. В частности, о выборах в 1607 г. писал французский наемник на русской службе Ж. Маржарет. Призыв делегатов осуществлялся не только по территориальному, но и по должностному принципу. Верхушка церкви, боярство, московские чины не избирались, а присутствовали на соборе по своему должностному положению (были приглашены все, кто находился в то время в столице). В целом, с точки зрения историка, история Земских соборов XVI в. показывает, что прочного союза служилых людей в уездах и посадских людей на местах в это время не было, носители различных чинов Государева двора также были отделены друг от друга и не консолидированы. Это делало, по существу, невозможным законодательное ограничение власти царя со стороны общества и Земских соборов[119].

В настоящее время, как и в XIX веке, существуют две тенденции в оценке Земских соборов, берущие свое начало еще от споров западников (С. М. Соловьев) и славянофилов (К. С. Аксаков). Следует ли уподоблять Земские соборы в России западным сословно-представительным учреждениям — сеймам в Польше, ландтагам в Германии, парламенту в Англии, генеральным штатам во Франции, кортесам в Испании (мнение Н. И. Кареева, В. Н. Латкина, В. И. Сергеевича, Н. П. Павлова-Сильванского, Л. В. Черепнина, М. М. Крома и др.), или нужно признать их чисто русскую специфику, уникальность и кардинальные отличия, не позволяющие проводить параллели с западными выборными учреждениями (точка зрения К. С. Аксакова, Н. И. Костомарова, В. О. Ключевского, Б. Н. Чичерина, К. В. Базилевича, М. А. Бойцова и др.)? Ограничивали ли законодательно советы «всей земли» самодержавную власть, или, как писал В. О. Ключевский, на Земских соборах «не бывало и помину о политических правах, еще менее допускалось их вмешательство в государственное управление, характер их всегда оставался чисто совещательным»?[120] Одна из главных проблем в изучении Земских соборов XVI в. — отсутствие юридических документов, законодательных актов, определявших функции Земских соборов, их деятельность, властные прерогативы, взаимоотношения с царем и т. д. В период Средневековья и раннего Нового времени границы властных полномочий главы государства определялись обычаем, в юридической практике преобладали неписаные правила, традиции, а не фиксированные нормы права.

Приказная система

Шестнадцатое столетие стало временем возникновения и оформления системы органов центрального государственного управления — приказов. Название этих административных учреждений происходит от слова «приказ», означающего поруче-

[118] *Мордовина С. П.* Характер дворянского представительства на Земском соборе 1598 г. // Вопросы истории. 1971. № 2. С. 62—63.

[119] *Павлов А. П.* Соборная утвержденная грамота об избрании Бориса Годунова на престол. С. 224—225; *Он же.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 226.

[120] *Ключевский В. О.* Состав представительства на Земских соборах Древней Руси // Сочинения: В 9 т. Т. 8. С. 280.

ние великого князя тому или иному доверенному лицу. По мере того как однотипные поручения становились регулярными, приказ из разового поручения постепенно превращался в постоянную функцию, для обеспечения которой стали необходимы штат профессиональных исполнителей и ведение специального делопроизводства. Приказная система возникла в Московском государстве в ходе формирования централизованного государства: рост территории, возникновение новых задач административного, военного и финансового характера вызвали необходимость реконструкции административной системы.

Изучение истории приказов началось в конце XVIII в. и до сих пор далеко от завершения. Одной из дискуссионных проблем истории приказной системы является вопрос о ее истоках и времени возникновения. До середины XIX в. в историографии господствовало убеждение, что приказы были абсолютным новшеством в административной практике и были созданы в годы княжения Ивана III[121]. С. М. Соловьев, относя возникновение приказов к XVI в., поставил под сомнение мысль об их абсолютной новизне как административных структур и предложил искать их корни, в частности, в канцелярии Боярской думы; эта версия была в дальнейшем поддержана И. Д. Беляевым и В. О. Ключевским[122]. С середины XIX в. в исторических трудах появилась идея о вотчинном происхождении государственных органов Московского царства: колыбелью приказной системы было предложено считать дворцовые ведомства, подчиненные дворецкому и казначею[123]. В. О. Ключевский считал приказы продолжением прежней системы управления и одновременно связывал их формирование с канцелярией Боярской думы[124]. Схема Ключевского получила развитие в трудах других ученых, писавших, что приказная система выросла из личной великокняжеской и думской канцелярий, вследствие чего «контора вотчинника заменилась рядом учреждений с государственным оттенком»[125], а приказы «превратили частно-хозяйственный строй удела в известную систему государственной администрации»[126]. Ряд историков рубежа XIX—XX вв. выступали с критикой «вотчинной теории» происхождения приказов, видя в их возникновении решительный разрыв с прежними вотчинно-дворцовыми институтами[127].

Развернувшаяся в XIX столетии дискуссия о корнях приказной системы получила продолжение в XX в. А. А. Зимин и А. К. Леонтьев связывали генезис приказов с расширением функций дворцовых ведомств. По мнению Зимина, приказы возникли в

---

[121] *Арсеньев К. И.* Об устройстве управления в России с XV до исхода XVIII столетия // Материалы для статистики Российской империи, издаваемые с Высочайшего соизволения при статистическом отделении Совета министерства внутренних дел. СПб., 1839. С. 4; *Неволин К. А.* Образование управления в России от Иоанна III до Петра Великого // Неволин К. А. Полное собрание сочинений. Т. 6: Исследования о различных предметах законоведения. СПб., 1859. С. 121.

[122] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: В 18 кн. Кн. 3. Т. 5. М., 1989. С. 157; Кн. 7. Т. 13. М., 1991. С. 76.

[123] *Панов А.* Московские приказы // Московские ведомости. 1855. № 36, 79—82; *Хлебников Н. И.* О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории. СПб., 1869. С. 171—173.

[124] *Ключевский В. О.* Боярская дума Древней Руси. С. 128, 159.

[125] *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века: Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. X—XI, 3.

[126] *Платонов С. Ф.* Боярская дума — предшественница Сената. С. 454.

[127] *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. Ч. 1: Население, экономический, государственный и сословный строй. СПб., 1909. С. 196; *Вернер И. И.* О времени и причинах образования Московских приказов // Ученые записки Лицея цесаревича Николая. М., 1907—1908. Вып. 1—2.

середине XVI в., выделившись из Казны[128]; Леонтьев выводил их из состава Дворца и датировал этот процесс концом XV — первой третью XVI в.[129] С резкой, хотя и непоследовательной, критикой сторонников «антинаучной вотчинной теории» выступил А. В. Чернов, отметивший, что «дворцовое управление сыграло крупную роль в развитии государственного управления», но написавший в заключении, что «следов влияния дворцово-вотчинного управления на зарождение государственного управления не существовало»[130]. Относительно недавно к вопросу о происхождении приказной системы обратился Ю. Г. Алексеев, отметивший отсутствие для Средневековья четких границ между государственными и придворными ведомствами и предложивший считать зародышем приказной системы государеву казну (относя, в отличие о А. А. Зимина, начало этого процесса к эпохе Ивана III)[131]. Д. В. Лисейцев, доказав принадлежность ямских дьяков рубежа XV—XVI вв. к ведомству дворецких, предложил искать истоки приказной системы управления в структурах государева Дворца[132].

Приказный принцип управления стал складываться в конце XV — начале XVI в. С этого времени начала быстро увеличиваться численность дьяков на великокняжеской службе, дьяки делались все более заметными фигурами при дворе. Началось ведение делопроизводства, характерного для приказов более позднего времени (их материалы нашли отражение в посольских и разрядных книгах); сами правительственные учреждения стали периодически именоваться приказами, избами и палатами. Для первой половины столетия типичным было распределение полномочий между государственными органами по территориальному принципу. Большую часть территории страны контролировал Большой дворец, однако отдельные земли находились в ведении «областных дворцов». Их возникновение А. А. Зимин связывал с ликвидацией самостоятельности удельных княжеств[133]. Появление некоторых из «областных дворцов» (Новгородского, Нижегородского, Тверского, Калужского) гипотетически относят к концу XV — началу XVI в., первые упоминания о других фиксируются с 1520—1530-х гг. Рязанский дворец, в частности, появился после присоединения Рязанского княжества к Московскому государству (1521); примерно в это же время в связи с ликвидацией Углицкого удела был сформирован Углицкий дворец, в ведении которого находились Бежецкий Верх, Галич, Зубцов, Калуга, Углич и, возможно, Переславль-Залесский. Дмитровский дворец возник после ликвидации удела князя Юрия Ивановича (1533) и включал в себя земли Дмитровского, Звенигородского и Рузского уездов[134]. Свидетельства существования «областных дворцов» появля-

---

[128] *Зимин А. А.* О складывании приказной системы на Руси // Доклады и сообщения Института истории Академии наук. Вып. 3. М., 1954. С. 164—176.

[129] *Леонтьев А. К.* Образование приказной системы управления в Русском государстве: Из истории создания централизованного государственного аппарата в конце XV — первой половине XVI века. М., 1961. С. 32, 71.

[130] *Чернов А. В.* О зарождении приказного управления в процессе образования Русского централизованного государства // Труды Московского государственного историко-архивного института. 1965. Т. 19. С. 176—179, 191, 193.

[131] *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV—XV вв. С. 258, 275—276.

[132] *Лисейцев Д. В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 163—170.

[133] *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 176.

[134] *Волков Л. В.* Областные дворцы // Государственность России (конец XV — февраль 1917 г.): Словарь-справочник. Кн. 3 (Л—П). М., 2001. С. 195—196.

ются в документах в моменты ликвидации уделов, когда их территории переходили под управление великокняжеской власти. Возрождение удела влекло за собой ликвидацию соответствующего дворца, поскольку с этого момента власть над его территориями осуществляла уже администрация удельного князя[135].

Первое известное упоминание о приказах как учреждениях датируется февралем 1512 г. (жалованная грамота владимирскому Успенскому монастырю). В документе наряду с дворцовыми упомянуты «свои» дьяки великого князя. Под последними надо понимать дьяков казенных, поскольку речь в документе шла о покупке великим князем монастырской вотчины, передаче великокняжескими дьяками денег за нее в рост (под 10 % в год) и ежегодной выплате процентов обители. Заниматься этой операцией должны были названные поименно «свои» и дворцовые дьяки «или кто на их место в тех приказех будут иные дьяки»[136]. Видимо, в данном документе речь идет о первых дворцовых приказах — Большого дворца (ведал великокняжеским хозяйством) и Казенного (государева казна), ставших фундаментом для формирования приказной системы. С 1530-х гг. в документах упоминаются Разрядный (вопросы военного и административного управления) и, возможно, Разбойный (организация борьбы с преступностью) приказы. От конца 1540-х гг. сохранились наиболее ранние упоминания об Оружейной и Мастерской палатах, Конюшенном (дворцовые службы, организовывавшие изготовление парадного вооружения, домашний быт государя и его выезды за пределы Кремля) и Посольском (осуществление дипломатических контактов с зарубежными державами) приказах. С 1550-х гг. функционировали приказы Ямской (почтовая служба, главным образом организовывавшая связь между столицей и администрацией на местах), Поместный (обеспечение земельными угодьями служилых людей), Большого прихода (сбор налогов и податей); к 1560-м гг. относятся не вызывающие сомнений упоминания Земского двора (ведал в полицейском отношении территорией и населением Москвы) и Челобитного приказа (выполнявшего функции личной царской канцелярии)[137]. Основные приказы Московского государства, таким образом, оформились уже к середине XVI в. и достаточно долго сосуществовали с «областными дворцами». Поэтому нет оснований считать, будто приказы были созданы в середине XVI в., с тем чтобы ликвидировать устаревшую дворцово-вотчинную систему управления. Приказы вызревали и оформлялись в недрах органов дворцового управления и были их прямым продолжением.

Тем не менее середина XVI в. для Московского государства стала временем радикального переустройства государственного механизма: менялись сами принципы функционирования системы центральных государственных органов. Упразднение системы «областных дворцов» А. А. Зимин относил к концу 1550-х гг. (к 1555 г. относилось последнее известное историку упоминание о тверском дворецком, к 1556 г. — о новгородском, к 1558 г. — об угличском, к 1559 г. — о рязанском)[138]. В этом можно было бы видеть результат целенаправленной деятельности правительства А. Ф. Адашева, однако имеются и более поздние упоминания о некоторых из «областных

---

[135] *Назаров В. Д.* Из истории государственного аппарата России в конце XVI — начале XVII в. // Советские архивы. 1969. № 2. С. 96—102.

[136] ААЭ. Т. 1. № 155. С. 125.

[137] *Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М.* Приказы Московского государства XVI—XVII вв. С. 47, 60, 89, 106, 132, 137, 150, 158, 223, 238.

[138] *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 458—459.

дворцов». Тверской дворецкий упоминается в 1566 г. (этот чин имел брат покойной царицы Анастасии Никита Романович Захарьин-Юрьев). До времени учреждения опричнины просуществовал и Рязанский дворец[139].

Общей судьбы «областных дворцов» удалось избежать Нижегородскому дворцу. Причиной тому стало значительное расширение территории Московского государства на восточных рубежах за счет присоединения Среднего и Нижнего Поволжья. В первые годы после «казанского взятия» (1552—1553) административный контроль над новообретенными землями был возложен на главу Большого дворца Д. Р. Юрьева, именовавшегося дворецким московским и казанским[140]. К концу 1550-х гг. земли Поволжья перешли в ведение нижегородских дворецких — в 1559—1562 гг. в документах встречаются упоминания о казанском, астраханском, нижегородском и мещерском дворецком боярине М. И. Вороном-Волынском, а Нижегородский дворец продолжал функционировать под своим прежним названием по меньшей мере до 1561 г.[141] Первое известное упоминание о приказе Казанского дворца относится к 1565 г.[142] Однако искать время основания этого ведомства в промежутке между 1552 и 1565 гг. было бы неправильным: для управления землями Среднего и Нижнего Поволжья не создавали нового приказа — эти функции возложили на уже существовавший к тому моменту около полувека Нижегородский дворец, сменивший в 1560-е гг. название на приказ Казанского дворца. Это учреждение, таким образом, оказалось одним из старейших приказных ведомств Московского государства. Под его управление попали обширные территории в Поволжье, на Северном Кавказе, а с 1599 г. — земли Западной Сибири. На этих обширных (но не самых густонаселенных) пространствах приказ Казанского дворца ведал практически всеми административными вопросами, будучи единственным центральным учреждением, чей функционал оставался территориальным, а не отраслевым. Изучение истории приказа Казанского дворца чрезвычайно затруднено практически полной утратой его архива[143].

Последние упоминания об «областных дворцах» (за исключением Нижегородского (Казанского), приобретшего особый статус и оставшегося важной составной частью системы центральных органов управления) относятся к первым годам опричнины. Более поздними упоминаниями этих ведомств историческая наука не располагает. Следовательно, мы вправе предположить, что ликвидация «областных дворцов» произошла в годы опричнины, что, в свою очередь, позволяет добавить еще один штрих к истории той сложной и противоречивой эпохи. Именно тогда система органов центрального управления подверг-

---

[139] *Лисейцев Д. В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. С. 175.

[140] *Назаров В. Д.* Из истории центральных государственных учреждений России середины XVI в.: (К методике изучения вопроса) // История СССР. 1976. № 3. С. 82.

[141] *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. Т. 1. СПб., 1902. С. 439; Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов. Вып. 3: Грамоты Коллегии экономии по Арзамасскому, Балахнинскому и Нижегородскому уездам. Ч. 1: (1498—1613 года) / Под ред. А. К. Кабанова // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Т. XIV. Вып. 3. Отд. 3. Н. Новгород, 1913. № 15. С. 18; № 16. С. 19; № 21. С. 35—36; *Середонин С. М.* Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe common wealth» как исторический источник. СПб., 1891. С. 268.

[142] *Эскин Ю. М.* Казанского дворца приказ // Государственность России (конец XV — февраль 1917 г.): Словарь-справочник. Кн. 2 (Д—К). М., 1999. С. 150—151.

[143] *Ермолаев И. П.* Территориально-административная сфера деятельности приказа Казанского дворца: (К постановке вопроса) // Классы и сословия России в период абсолютизма: Межвузовский сборник статей. Куйбышев, 1989. С. 5—6.

лась радикальному переустройству: территориальный принцип распределения функций уступил в ней место отраслевому. И это, в свою очередь, дает дополнительный аргумент историкам, считающим опричнину системой политических мероприятий, направленных на централизацию системы управления и государства в целом.

Вторая половина XVI в. также внесла свой вклад в развитие приказной системы. В 1571 г. в документах впервые упоминаются приказы Стрелецкий (ему были подведомственны вопросы, связанные со службой стрелецкого войска) и Холопьего суда (судебное регулирование споров относительно принадлежности холопов). Попытки отнести их возникновение к середине XVI в. и связать их появление с «реформами Избранной рады» неубедительны и подкреплены лишь аргументами умозрительного характера[144]. В 1576/77 г. приказная система дополнилась Пушкарским приказом, руководившим изготовлением артиллерийских орудий и строительством крепостных сооружений. Наряду с наиболее часто употребляемым названием в документах иногда встречаются и иные его наименования — Городовой или Засечный приказ (это обстоятельство вызвало целую дискуссию между ведущими историками, построившими несколько изящных, но, к сожалению, не нашедших подтверждения в источниках гипотез о функциях этих ведомств)[145].

Среди прочих вопросов истории приказной системы времени Ивана IV наиболее оживленную дискуссию между учеными породил спор о четвертных приказах. Не вызывает сомнения связь между их зарождением и отменой кормлений в 1555/56 г., последнее неизбежно должно было отразиться на фискальной системе Московского государства. Сбор «кормленого окупа» был поручен государственным органам, периодически именуемым в документах XVI в. четвертями. П. Н. Милюков полагал, что четверти были выделены из приказа Большого прихода и некоторое время оставались подчинены ему, окончательно обособившись к концу XVI в.[146] С. М. Середонин связывал появление приказов четвертей с опричниной[147]. Оригинальную гипотезу генезиса четвертных приказов сформулировал С. Ф. Платонов. Он полагал, что в связи с земской реформой 1555/56 г. был учрежден особый «Четвертной приказ», находившийся в подчинении у разрядных дьяков. В 1580-е гг. это ведомство было разделено на несколько четвертей, подчиненных думным дьякам[148]. М. А. Дьяконов, обнаружив относящееся к 1561/62 г. упоминание о «Четвертной избе», опроверг версию об опричном происхождении четвертных приказов. Формирование этих ведомств, как и приказа Большого прихода, ученый связал

---

[144] *Мезенцев Е. В.* Стрелецкий приказ // Государственность России (конец XV — февраль 1917 г.): Словарь-справочник. Кн. 4: (Р—Я). М., 2001. С. 183; *Он же.* Холопий приказ // Там же. С. 384.

[145] *Буганов В. И.* О Городовом приказе в России XVI в. // Вопросы истории. 1962. № 10. С. 211—214; *Каштанов С. М.* Еще раз о Городовом приказе XVI в. С. 211—213; *Он же.* Известие о Засечном приказе XVI века // Вопросы истории. 1968. № 7. С. 204; *Рогожин Н. М., Эскин Ю. М.* Приказы и приказное делопроизводство России XVI—XVII вв. // Памяти Лукичева: Сборник статей по истории и источниковедению. М., 2006. С. 242—243; *Лисейцев Д. В.* К вопросу о Городовом приказе конца XVI — начала XVII века // Российская реальность конца XVI — первой половины XIX в.: Экономика. Общественный строй. Культура: Сборник статей к 80-летию Ю. А. Тихонова. М., 2007. С. 10—36.

[146] *Милюков П. Н.* Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII века и реформы Петра Великого // ЖМНП. 1890. № 9. С. 26—34.

[147] *Середонин С. М.* Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe common wealth» как исторический источник. С. 254—264.

[148] *Платонов С. Ф.* Как возникли чети? // ЖМНП. 1892. № 5. С. 158—171.

с Казной[149]. Е. Д. Сташевский был солидарен с Дьяконовым в вопросе о происхождении четвертей, предположив при этом, что в 1561/62 г. они были ненадолго объединены в некий «Четвертной приказ»[150]. Разработку проблемы возникновения четвертных приказов продолжил П. А. Садиков[151]. В исторической науке долгое время придерживались версии о довольно раннем (середина XVI в.) возникновении и обособлении приказов-четвертей. Однако внимательный анализ сохранившихся источников не позволяет прийти к такому выводу. Все лица, ведавшие в 1550—1580-е гг. сбором «кормленого окупа» и соответственно именовавшиеся четвертными дьяками, возглавляли одновременно другие центральные ведомства — Разрядный, Поместный, Посольский приказы и Большой приход[152]. Даже к концу царствования Ивана IV четверти не стали еще отдельными приказами или даже «автономными отделениями» других учреждений. Сбор доходов закреплялся не за конкретным ведомством, а за дьяком, с переходом которого из приказа в приказ переносился и круг обязанностей по сбору «кормленого окупа». В этом особенно ярко проявила себя архаическая природа приказной системы, в основе которой лежал приказ — личное поручение конкретного дела тому или иному лицу. Обособление четвертей в самостоятельные приказы произошло лишь на рубеже XVI—XVII вв.[153]

Последнее десятилетие царствования Ивана IV ознаменовалось для приказной системы любопытными трансформациями, в ходе которых сложились особые «дворовые» приказы, действовавшие параллельно с уже существовавшей системой центральных административных органов. Эти ведомства обслуживали нужды Особого двора Ивана IV, в котором ряд исследователей видит продолжение (или же «реанимацию») опричнины. Интересно, что вопрос о системе приказов в опричнине неоднократно поднимался в историографии, однако конкретных фактов, подтверждающих их существование, до сих пор не приведено. Вряд ли можно сомневаться, что при особе Ивана IV функционировали дворцовые службы (дворецкий, постельничий, конюший, оружничий с подчиненным им штатом), упоминаемые в так называемом списке опричников 1573 г.[154] Существование же в 1565—1572 гг. системы приказов, действовавших параллельно общегосударственной, прямых подтверждений не имеет и обосновывается по преимуществу гипотетически[155]. Более убедительным выглядит мнение С. Ф. Платонова, писавшего,

[149] *Дьяконов М. А.* Дополнительные сведения о московских реформах половины XVI в. // ЖМНП. 1894. № 4. С. 196—198.

[150] *Сташевский Е. Д.* К вопросу о том, когда и почему возникли чети? // Киевские университетские известия. 1908. № 12. Ч. 2. С. 1—40.

[151] *Садиков П. А.* «Кормленые дьяки» и вопрос о происхождении приказов-четей в Московском государстве XVI века // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб., 1922. С. 153—180; *Он же.* Московские приказы-«четверти» во время опричнины (1564—1584 гг.) // Исторические записки. Т. 10. М., 1941. С. 117—166.

[152] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 33, 80, 333, 578.

[153] *Лисейцев Д. В.* Административно-финансовая реформа правительства Бориса Годунова и оформление четвертных приказов в Московском царстве конца XVI в. // Преподаватель XXI век. 2010. № 4. С. 244—253; *Он же.* Четвертные приказы в России начала XVII века // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 3. Ч. 1. С. 203—210.

[154] Список опричников Ивана Грозного / Подг. текста Д. Н. Альшица // Рукописные памятники. Вып. 7. СПб., 2003. С. 68—111.

[155] См., например: *Морозов Б. Н.* Неизвестные документы об Александровской слободе в правление Ивана Грозного: (Была ли городом слобода и действовал ли в ней «дворовый» Посольский приказ?) // Государев двор в истории XV—XVII столетий: Материалы международной научно-практической конференции. 30.X—01.XI. 2003 г., Александров. Владимир, 2006. С. 11—26.

что «опричнина не создала новых учреждений, кроме нового „двора особного“. Этот „особной двор“ пользовался для своих целей старыми, до него существовавшими органами управления, выделяя из состава приказных людей особый штат „дьяков из опришнины“, но оставляя их сидеть в их прежних приказах и ведать дела старым порядком»[156]. Формирование особых «дворовых» приказов прослеживается по документам уже после официального упразднения опричнины.

Начиная с 1574 г. документы фиксируют существование дворового Разрядного приказа. Дьяком «Разряду дворового» именуется известный в приказной среде Андрей Васильевич Шерефединов, служивший в этом ведомстве до 1579/80 г.[157] Одновременно с ним (упоминается в 1576—1584 гг.) в дворовом Разрядном приказе служил дьяк Иван Стрешнев[158]; недолго (в 1577 г.) в том же ведомстве нес службу дьяк Андрей Арцыбашев[159]. Параллельно продолжал функционировать прежний Разрядный приказ, который иногда, чтобы отличать его от дворового, именовали земским Разрядом. Подобный случай зафиксирован в материалах судебной тяжбы между дьяком Андреем Шерефединовым и рязанским вотчинником Тимофеем Шиловским. Последний в ходе разбирательства сообщил, что дьяк Шерефединов, пытаясь «вымучить» у Шиловского имение, неправомочно приказал доставить его в столицу под конвоем специально присланного за ним «московского города сына боярского». Дьяк опровергал обвинения в свой адрес, утверждая, что Шиловского привезли в Москву потому, что тот «явился в нетях», и «присылали по него из земского Розряду»[160]. С начала 1570-х гг. (по меньшей мере с 1572 г.) действовала дворовая Поместная изба, во главе которой стоял сначала князь Д. А. Друцкий, а затем князь И. Гагарин, вместе с которыми до 1578/79 г. нес службу дьяк Кирей Горин, а в 1575 г. — Андрей Шерефединов. Этот дворовый Поместный приказ ведал, в частности, продажей в вотчины запустевших поместий во включенном в Особый двор Ивана IV Московском уезде[161]. В 1578—1583 гг. документально фиксируется существование дворового Большого прихода, где несли службу дворовые дьяки Андрей Арцыбашев и Семейка Суморокова[162]; в 1579 г. упоминается дворовый Ямской приказ[163]. Дублировали друг друга и дворцовые ведомства. В документах последнего десятилетия царствования Ивана IV встречаются упоминания «государевой конюшни земской» и «Большого земского дворца»[164], что позволяет предполагать существование дворовых Конюшенного приказа и Большого дворца.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о дублировавших друг друга общегосударственном и дворовом приказах с судебным функционалом. В 1581 г. в Москве действовал дворовый Судный приказ,

---

[156] *Платонов С. Ф.* О титуле «думный дьяк» // Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. М., 2012. С. 152.

[157] *Мордовина С. П., Станиславский А. Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича. С. 155, 190; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. С. 578. См. также новейший биографический очерк об А. Шерефединове: *Мазуров А. Б.* Государев дьяк Андрей Шерефединов и его род // Российская история. 2011. № 2. С. 77—92.

[158] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 2. М., 1982. С. 392; Т. 3. Ч. 2. М., 1987. С. 25.

[159] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. С. 33.

[160] Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. 1 / Собрал и издал А. Юшков. М., 1898. С. 204.

[161] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. С. 125, 578; *Корецкий В. И.* Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины // Вопросы истории. 1967. № 5. С. 33—34.

[162] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. С. 33, 501—502.

[163] Исторические акты Спасского монастыря. Т. 1: Княжие и царские грамоты. М., 1896. № L. С. 60.

[164] *Дьяконов М. А.* Дополнительные сведения о московских реформах половины XVI в. С. 195.

который возглавлял князь В. В. Тюфякин, затем — П. А. Нащокин, а после него — князь Н. Р. Трубецкой[165]. Надо полагать, этому ведомству были подсудны члены Особого двора Ивана IV. Одновременно с ним существовал другой приказ — Судная изба, главой которой был дьяк Василий Щелкалов[166]. К 1582 г. эта Судная изба стала именоваться Владимирским судным приказом[167], а дворовый Судный приказ — Московским судным приказом. По всей вероятности, географические элементы в определении этих учреждений отсылают нас к 1575/76 г., ко времени «великого княжения» Симеона Бекбулатовича, когда Москва с уездом оказалась в составе территорий Особого двора Ивана IV, а Владимирский уезд был поставлен под контроль администрации царя Симеона[168].

Дальнейшая судьба Московского судного приказа демонстрирует общую участь дворовых приказов Ивана IV после кончины инициатора их создания. Реконструировать процесс их упразднения позволяют материалы двух судных дел, которые были инициированы в первые недели после смерти Ивана IV. На тот момент во главе Московского судного приказа стояли члены Особого двора боярин князь В. И. Шуйский и дьяк С. Сумороков; Владимирский судный приказ (или иначе Судную палату) возглавляли окольничий князь Б. П. Засекин, Н. Г. Ржевский и дьяк И. Мешаев[169]. Между 30 апреля и 20 мая 1584 г., после венчания на царство Федора Ивановича, Особый двор его отца был упразднен путем включения его членов в состав двора нового государя. Вместе с тем отпала и необходимость в приказах, обслуживавших ранее нужды Особого двора. Владимирский и Московский судные приказы были объединены в одно учреждение, причем объединились и судейские коллегии ведомств. Объединенное учреждение в течение нескольких дней именовалось Московской судной палатой, а затем — просто Судной палатой. В ее руководство вошли представители обоих судных приказов: боярин князь В. И. Шуйский, окольничий князь Б. П. Засекин и дьяки С. Сумороков и И. Мешаев. Впоследствии за этим учреждением закрепилось наименование «Владимирский судный приказ»[170]. Звучавшее в историографии предположение о том, что возникновение системы судных приказов следует увязывать с реформами «Избранной рады»[171], не подтверждается документально. Гораздо более вероятной выглядит версия о том, что их корни следует искать во внутренней политике правительства царя Ивана IV позднеопричного периода.

Трансформация системы судных приказов продолжалась. По-прежнему функ-

---

[165] *Морозов Б. Н.* Документы дворцовых приказов конца XV — начала XVII в. из нотной библиотеки государевых певчих дьяков // Русский дипломатарий. Вып. 3. М., 1998. С. 80, 85; АСЗ. Т. 1. № 208. С. 174. Отметим, что частая смена руководителей судных приказов была характерной особенностью этих учреждений и в XVII столетии.

[166] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 4. Ч. 1. М., 1994. С. 60; *Князьков С. Е.* Судные приказы в конце XVI — 1-й половине XVII в. // Исторические записки. Т. 115. М., 1987. С. 270.

[167] *Шумаков С. А.* Обзор «Грамот коллегии экономии». Вып. 3: Верея, Волоколамск, Дмитров и Звенигород. М., 1912. С. 28—29.

[168] РИБ. Т. 22. СПб., 1908. Стб. 76—77; *Корецкий В. И.* Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины. С. 42.

[169] Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. 1. С. 197—233; Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. № 24. Стб. 58—62.

[170] Подробнее об этом см.: *Лисейцев Д. В.* Судные приказы Московского царства в конце XVI — начале XVII века // Российская история. 2010. № 6. С. 106—115.

[171] *Князьков С. Е.* Судные приказы в конце XVI — 1-й половине XVII в. С. 271.

ционировал Владимирский судный приказ, упоминания о котором документально зафиксированы источниками последнего десятилетия XVI в.[172] С 1591 г. известны еще два судных приказа — Рязанский и Дмитровский[173]. Что же касается Московского судного приказа, то, будучи упраздненным вскоре после смерти Ивана IV, он был восстановлен лишь в самом конце XVI столетия[174]. Первое упоминание о нем относится к 1598/99 г., а одним из руководителей Московского судного приказа царь Борис Годунов поставил видного деятеля опричнины и Особого двора Ивана IV окольничего Богдана Яковлевича Бельского[175]. В дальнейшем, в начале XVII в., Московский судный приказ неоднократно упраздняли и восстанавливали, в чем, возможно, отразилось неоднозначное отношение российской политической элиты к позднеопричным мерам правительства Ивана IV. К рубежу XVI—XVII вв. система судных приказов включала в себя четыре ведомства, руководители которых нередко соперничали между собой в местническом отношении. Иерархически (по убыванию статуса) они выстраивались в следующем порядке: Владимирский, Московский, Рязанский, Дмитровский[176].

С конца XVI в. в документах появляются упоминания об Иноземском (Панском) приказе. Первое указание на это ведомство обнаруживается в сочинении английского дипломата Дж. Флетчера, находившегося в Москве в 1588—1589 гг. По определению англичанина, приказ ведал земли «определенные на содержание иноземных наемных солдат, как-то: поляков, шведов, голландцев, шотландцев и проч.»[177]. Впрочем, в оригинале текста приказ фигурирует под иным названием: «Prikaz Shishevoi Nemskii»[178]. Другое название этого ведомства, известное с самого конца XVI в., — Панский приказ[179] — на протяжении длительного времени вводило в заблуждение исследователей, построивших немало гипотез относительно функций этого учреждения (в нем видели особое дипломатическое ведомство, предназначенное для осуществления контактов с Речью Посполитой, предполагали, что оно управляло военнопленными иноземцами, зачисленными в русские войска, и связывали его возникновение с увеличением численности поляков в России в годы Сму-

---

[172] РГАДА. Ф. 281. Оп. 4. Д. 5137. Л. 1—1 об.; АСЗ. Т. 1. № 288. С. 279—282; Т. 2. № 89. С. 95; Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями) 1588—1594 гг. М., 1988. С. 90—91; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 3. Ч. 3. М., 1989. С. 67; *Шумаков С. А.* Обзор «Грамот коллегии экономии». Вып. 3. С. 28.

[173] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 3. Ч. 2. М., 1984. С. 190—191; Т. 3. Ч. 3. М., 1989. С. 99; *Анпилогов Г. Н.* Новые документы о России конца XVI — начала XVII века. М., 1967. С. 354.

[174] Имеются упоминания Московского судного приказа под 1592/93 и 1597/98 гг., однако они содержатся в документах позднего происхождения и существования этого ведомства в последнее десятилетие XVI в. не доказывают.

[175] Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. 2. Вып. 1. М., 1976. С. 165.

[176] *Князьков С. Е.* Судные приказы в конце XVI — 1-й половине XVII в. С. 268—285; *Лисейцев Д. В.* Судные приказы Московского царства в конце XVI — начале XVII века. С. 106—115.

[177] *Флетчер Дж.* О государстве Русском // Проезжая по Московии: (Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов) / Отв. ред. Н. М. Рогожин. М., 1991. С. 63.

[178] О. В. Скобелкин транслитерировал это название как «приказ Шишевой немецкий», производя его от обладающего «ярко выраженной отрицательной семантикой» слова «шиш» (*Скобелкин О. В.* Западноевропейцы на русской военной службе в XVI — 20-х гг. XVII в. Дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 2015. С. 391). Более вероятным представляется искажение названия при подготовке текста Дж. Флетчера к публикации. Возможно, наиболее раннее название этого приказа — приказ Служивых немцев.

[179] «Писаные законы России»: Английское описание Московского государства конца XVI века // Исторический архив. 1995. № 3. С. 197.

ты)[180]. Тождественность Панского и Иноземского приказов и возникновение этого ведомства в 1580-е гг. были установлены относительно недавно[181].

На исходе XVI в. возникло еще одно учреждение приказного типа — Новый Земский двор. Он существовал наряду со Старым Земским двором с 1599/1600 г. и занимался управлением разросшейся территории Москвы, в частности Новым Царевым Каменным Белым и Новым Деревянным городом[182]. Попытки сделать историю этого учреждения более древней, отнеся создание Нового Земского двора ко времени опричнины[183], подтверждения в источниках не получили.

Наиболее значимым событием в истории приказной системы конца XVI в. стало обособление четвертных приказов в самостоятельные учреждения. До конца царствования Ивана IV четверти как самостоятельные приказы не существовали: функции сбора четвертных доходов («кормленого окупа») были распределены между руководителями (четвертными дьяками) основных приказов Московского государства. Непосредственная работа по сбору этих средств осуществлялась силами местной администрации и штата подчиненных четвертным дьякам приказных учреждений. В случае перевода четвертного дьяка на службу в другое ведомство вместе с ним на новое место его службы переносились и обязанности по сбору четвертных доходов с определенных территорий (например, Новгород мог в фискальном плане перейти из-под управления Разрядного приказа в подчинение Посольского). В случае смерти или опалы четвертного дьяка подведомственные ему территории переходили под управление его преемника на посту руководителя последнего приказа, которым он управлял. В первые десять лет царствования Федора Ивановича ситуация оставалась прежней — четвертными дьяками были Андрей Щелкалов (Посольский приказ), Василий Щелкалов (Разрядный приказ), Елизарий Вылузгин (Поместный приказ) и Дружина Петелин (приказ Большого прихода). Последний из них, дьяк Д. Петелин, в 1588 г. перешел на службу в приказ Казанского дворца, сохранив при этом свои прежние функции четвертного дьяка. Именно эта ситуация нашла отражение в сочинении английского дипломата Дж. Флетчера, прибывшего в Москву в ноябре 1588 г.: «Вся Россия <...> разделяется на четыре части, называемые четвертями, или тетрархиями. Каждая четверть заведывает несколькими областями и несет определенную обязанность, от которой заимствует свое название. Первая четверть, или тетрархия, называется Посольской четвертью, или Посольским приказом...»[184] Уникальность сведений Флетчера и стабильность приказной администрации при царе Федоре Ивановиче привели некоторых ученых к ошибочной мысли о том, что четвертные приказы были подчинены Посольскому, Разрядному, Поместному приказам и Казанскому дворцу с середины XVI в.[185], тогда как на самом деле картина административно-финансовой

---

[180] *Неволин К. А.* Образование управления в России от Иоанна III до Петра Великого. С. 173; *Лохвицкий А. В.* Панский приказ // ЖМНП. 1857. № 4. С. 24—25; *Рыбалко Н. В.* Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII в. М., 2011. С. 226.

[181] *Лисейцев Д. В.* Панский (Иноземский) приказ в конце XVI — начале XVII столетий // Иноземцы в России в XV—XVII веках: Сборник материалов конференции 2002—2004 гг. / Отв. ред. С. П. Орленко. М., 2006. С. 59—69.

[182] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 4. Ч. 1. С. 100—101, 113—114, 136—137.

[183] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 143.

[184] *Флетчер Дж.* О государстве Русском. С. 53.

[185] См., например: *Волков Л. В., Эскин Ю. М.* Четверти // Государственность России (конец XV — февраль 1917 г.): Словарь-справочник. Кн. 4. С. 412.

подчиненности русских земель во второй половине XVI столетия менялась довольно динамично.

При этом организация сбора четвертных доходов изменениям не подвергалась. С опалой в 1594 г. посольского дьяка Андрея Щелкалова финансовый контроль над Владимиром, Вяткой, Двиной, Новгородом Великим, Сибирью перешел в руки его преемника — дьяка Василия Щелкалова. Покинув Разряд в связи с переводом в Посольский приказ, В. Щелкалов тем не менее сохранил контроль над сборами четвертных доходов с Вологды, Галича и Соли Вычегодской[186]. Сменивший В. Щелкалова в Разрядном приказе Сапун Аврамов четвертным дьяком не был, вследствие чего и сам Разряд утратил статус четвертного приказа. Посольский приказ, напротив, стал контролировать в финансовом отношении огромную территорию. Вероятно, именно это обстоятельство (концентрация в руках одного дьяка контроля за финансовыми поступлениями со слишком значительной части территории страны) заставило правительство Бориса Годунова задуматься над необходимостью финансово-административной реформы, в ходе которой и были сформированы самостоятельные приказы-четверти.

В 1595 г. был учрежден приказ Новой четверти, возглавленный дьяками Иваном Нармацким и Постником Дмитриевым. Под управление Новой четверти передали ранее контролируемые Василием Щелкаловым Великий Новгород, Псков, Корелу, Поморье, Нижний Новгород, Балахну и Вятку. Этот приказ не был организационно связан ни с одним другим приказом — ее дьяки служили только в Новой четверти. В 1596 г. появился еще один четвертной приказ — четь дьяка Ивана Вахромеева (другое название — Сибирская четверть). Этот приказ вывел из-под контроля посольского дьяка Сибирь, Владимир, Лух, Тулу, Тверь, Торжок, Устюжну, Кольскую волость, Соль Вычегодскую[187]. Иван Вахромеев, подобно руководителям Новой четверти, к руководству другими приказами отношения не имел. В том же 1596 г. потерял функции четвертного приказа Казанский дворец. Сменивший в этом приказе дьяка Дружину Петелина Семейка Сумороков, покинув Казанский дворец, встал во главе особого четвертного приказа, который до конца XVI в. продолжал именоваться Казанской, а в дальнейшем — Костромской четью[188].

Параллельно происходили изменения и в организации сборов четвертных доходов на территориях, подчиненных Посольскому и Поместному приказам. Согласно наблюдениям А. П. Павлова, подьячие этих приказов со второй половины 1590-х гг. перестали выполнять «четвертные» функции: эти задачи были возложены на особый штат подьячих, подчиненных руководителям Посольского и Поместного приказов[189]. Иначе говоря, с 1596 г. происходило административное обособление четвертных ведомств, которые с их прежними административными структурами связывала теперь лишь персона их руководителя.

Наконец, в 1599 г. из ведения Посольского приказа ушли последние террито-

---

[186] Перечень городов, подчиненных четвертям Андрея и Василия Щелкаловых, приведен в работе А. П. Павлова (*Павлов А. П.* Приказы и приказная бюрократия (1584—1605 гг.) // Исторические записки. Т. 116. М., 1988. С. 200—201).

[187] Там же. С. 198—199; «Писаные законы России»: Английское описание Московского государства конца XVI века. С. 196.

[188] *Павлов А. П.* Приказы и приказная бюрократия (1584—1605 гг.). С. 191; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. С. 173; «Писаные законы России»: Английское описание Московского государства конца XVI века. С. 199.

[189] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. С. 110; *Павлов А. П.* Приказы и приказная бюрократия (1584—1605 гг.). С. 198—199, 203—204.

рии: ими стала управлять созданная в том же году Новгородская четверть. Это новое учреждение получило под свое управление земли упраздненной Новой чети и северные территории ликвидированной тогда же Сибирской четверти. Сибирь в ходе этой реформы оказалась в ведении приказа Казанского дворца, которому подчинялась вплоть до 1637 г. Вероятно, тогда же была создана четверть дьяка Богдана Власьева (в будущем — Владимирская), под управление которой расформированная Новая четверть передала Тверь, Торжок, Владимир, Лух и Тулу. Находившиеся ранее в подчинении посольского дьяка земли стали ядром четверти дьяка Семена Чередова (в дальнейшем — Галицкая четь). Чуть позже, в 1601 г., из состава Новгородской четверти ненадолго выделилась Нижегородская четь, которой в финансовом плане были подведомственны земли Среднего Поволжья. Позже всех — в 1602 г. — окончательно обособилась четверть, подчиненная дьякам Поместного приказа. Ее возглавил дьяк Василий Марков, впоследствии она называлась Устюжской четью[190].

Деятельность приказной системы не могла осуществляться без многочисленного штата служащих — дьяков и подьячих. Во главе приказа одновременно стояли один-два дьяка; число служащих более низкого ранга — подьячих — было приблизительно вдесятеро больше. А. А. Зимину удалось выявить имена 121 дьяка и подьячего, служивших в годы княжения Василия III[191]; М. М. Кром за 1533—1548 гг. насчитал в документах 157 дьяков и подьячих[192]; А. Ю. Савосичев для всей эпохи Ивана IV (1533—1584) насчитывает 898 персоналий (338 дьяков и 560 подьячих)[193]. Безусловно, численность представителей этой социальной группы на протяжении всего столетия росла, хотя точно оценить динамику этого процесса сложно. В силу слабой сохранности источниковой базы мы не можем быть уверены в полноте полученных данных; следует учитывать и то, что сохранность документов первой половины XVI в. намного ниже в сравнении с таковой материалов второй половины столетия. Вопрос о социальном происхождении приказных служащих остается дискуссионным. В историографии бытует представление о том, что приказные служащие были преимущественно выходцами из рядов провинциального дворянства (правда, этот вывод сделан главным образом на материалах конца XVI — XVII в.)[194]. Этой точке зрения противостоят заключения А. Ю. Савосичева, настаивающего на том, что приказные люди XVI в. были по преимуществу лицами «недворянского происхождения»[195].

---

[190] РИБ. Т. 28. Стб. 17; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 4. Ч. 1. С. 27, 92; *Павлов А. П.* Приказы и приказная бюрократия (1584—1605 гг.). С. 193, 199—200; *Лисейцев Д. В.* Административно-финансовая реформа правительства Бориса Годунова и оформление четвертных приказов в Московском царстве конца XVI в. С. 244—253.

[191] *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат в России в XV—XVI веках // Исторические записки. Т. 87. М., 1971. С. 282.

[192] *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 491.

[193] *Савосичев А. Ю.* Дьяки и подьячие XIV—XVI вв.: Происхождение и социальные связи. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Орел, 2015. Т. 1. С. 347; Т. 2. С. 3.

[194] *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. С. 492; *Богоявленский С. К.* Приказные дьяки XVII века // Исторические записки. Т. 1. М., 1937. С. 224—225; *Павлов А. П.* Приказы и приказная бюрократия (1584—1605 гг.). С. 211; *Лисейцев Д. В.* О социальном происхождении дьяков эпохи Смуты // Paleobureaucratica: Сборник статей к 90-летию Н. Ф. Демидовой. М., 2012. С. 208—224.

[195] Принять выводы исследователя сложно в силу нескольких обстоятельств. Лиц, чье происхождение ему установить не удалось, он относит к числу выходцев из социальных низов; происхождение из среды приказной бюрократии исследователь также трактует как недворянское. Наконец, настораживает распространение сделанных на материале XVI в. выводов на следующее столетие, изучением которого Савосичев

Безусловно, дьяков и подьячих XVI в. нельзя причислить к аристократии, что не мешало им, однако, иметь огромное влияние на государственные дела. Достаточно вспомнить, каким политическим весом при дворе обладали в свое время дьяки Иван Висковатый, Андрей и Василий Щелкаловы, Андрей Шерефединов и многие другие. Разумеется, это не могло не раздражать служилых людей. Один из них, Т. Тетерин, в письме к боярину М. Я. Морозову в 1564 г. не мог удержаться от выпада в адрес приказных: «есть у великого князя новыя верники дьяки, которыя его половиною кормят, а большую себе емлют, которых отцы вашим отцам в холопство не пригожались, а ныне не токмо землею владеют, но и головами вашими торгуют»[196]. Ему вторил в 1599 г. ясельничий М. И. Татищев, заместничавший с печатником В. Я. Щелкаловым: «а дьяки, государь, и дьячьи дети на нас, холопей твоих, глядети не смели, знали свою братью, поповых детей»[197]. К тому времени, однако, претензия Татищева уже не имела под собой твердой почвы: дьяки конца XVI в. были в массе своей связаны с дворянством не только приобретенным статусом членов Государева двора, но и самим социальным происхождением. На дьяков (как и на подьячих) распространялись все сословные привилегии и обязанности, характерные для служилых людей. Они имели право владеть (и владели) землей (как поместьями, так и вотчинами) и были обязаны являться на смотры «конны, людны и оружны» и выставлять в походы боевых холопов.

Зародившись на рубеже XV—XVI вв. в системе дворцовых учреждений, приказная система прошла за XVI столетие сложную эволюцию. Наиболее важными этапами трансформации системы центральных административных органов стали формирование в середине века учреждений с отраслевым функционалом и отмирание в годы опричнины так называемых областных дворцов, в основе деятельности которых лежал территориально-административный принцип. В последние годы царствования Ивана IV возникла система «дворовых» приказов, дублировавших общегосударственные органы, но распространявших власть лишь на Особый двор Ивана IV. Упразднение этой социально-политической структуры привело к ликвидации «дворовых» приказов. В последние годы XVI в. приказная система дополнилась несколькими новыми учреждениями. Наиболее заметным изменением ее стало выделение приказов-четвертей в самостоятельные ведомства. В целом к концу XVI столетия приказная система завершила свое формирование и в дальнейшем, меняя состав, уже не претерпевала радикальной реконструкции своих основ на протяжении почти ста лет.

Местное управление

В первой половине XVI столетия государственный строй России был архаичным, поскольку ему не хватало институциональной связи с населением, отсутствие которой компенсировалось широкими полномочиями кормленщиков. Власть наместников с боярским судом в миниатюре копировала власть государя, усвоив такое ее важное качество, как синкретичность, — слитность, нерасчлененность административных, су-

не занимался (*Савосичев А. Ю.* Дьяки и подьячие XIV—XVI вв.: Происхождение и социальные связи. Т. 1. С. 466; Т. 2. С. 87—88).

[196] РИБ. Т. 31. Стб. 490.

[197] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 4. Ч. 1. С. 61.

дебных и фискальных полномочий. Унаследованная от удельной эпохи система кормлений была, как показал С. Б. Веселовский, «нормальной формой управления» при помощи наместников и волостелей, которые были «универсальными органами княжеской власти». В кормление давались должности наместников, волостелей, а также разнообразные доходные статьи — право держать тиунство, правду, ключ, собирать ясельничее, бражное, бобровое и т. д.[198] Служба кормленщиков представляла собой сочетание судебной, фискальной, административной, военно-мобилизационной деятельности, обеспечиваемой фиксированными кормами и доходами. Обычно кормление предоставлялось служилому человеку на один год, однако в порядке особой милости могло продлеваться еще на год и дополнительно на несколько месяцев, как, например, И. И. Коробьину на волости Инебож, Вольга и Залипенье Владимирского уезда в 1515—1518 гг.[199] Доходы наместников и волостелей фиксировались в двух видах документов: уставных грамотах наместничьего управления, которые выдавались населению, и доходных списках. К началу XVI в. некоторые кормленщики все еще получали такие важные доходы, как мыт, взимавшийся со всех людей (включая служилых и холопов), едущих «с товаром», хотя в большинстве случаев таможенные пошлины, включая явку и протаможье, взимались откупщиками[200].

Изложенные в уставных грамотах принципы были неизменными до 1550-х гг. и предполагали взимание с населения въезжего и трех праздничных кормов (на Рождество, Велик день и день свв. Петра и Павла), исчисленных в натуральном и иногда в денежном выражении отдельно с частновладельческих и черносошных земель[201]. Выгоднейшими с доходной точки зрения кормлениями были волости и посады промысловой специализации, в особенности связанные с солеварением, развитым в Старой Руссе и Мореве Новгородской земли, Соли Великой и Малой Костромского уезда, Соли Галицкой, где уже в 1520-х гг. наблюдается коммутация кормов. Уже в жалованной грамоте 1528 г. на Соль Малую волостель Г. Д. Кобяков наделялся кормами, почти полностью пересчитанными на деньги: «емлет в год на три празники — на Рожество, на Велик день, на Петров день по получетверта рубля на празник». В дворцовых селах администрация также осуществляла коммутацию кормов: доходы великокняжескому посельскому по уставной грамоте села Андреевского Звенигородского уезда 1544 г. выплачивались исключительно в деньгах (по две деньги с выти). Праздничные кормы были пересчитаны на деньги и в уставной грамоте Устьянским волостям 1539 г.: «...и всего волостелю и его тиуну, и доводчику корму, и праведчикова побору в год на три праздники со 119 деревень 1485 бел, а деньгами 15 рублев без пяти алтын и без деньги». Не менее важное нововведение в Устьянских волостях касалось порядка сбора кормов, которые волостель, его тиун, доводчик и праведчик не имели права собирать самостоятельно: «А сбирают тот корм с тех волосток старосты и крестьяне сами промеж себя»[202]. Хозяйственно-административная деятель-

[198] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. С. 114, 263—280.

[199] АСЗ. Т. 4. № 229. С. 172.

[200] АСЗ. Т. 4. № 228. С. 171; Памятники русского права. Вып. 3 / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955. С. 171, 176.

[201] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 3. М.; Л., 1964. С. 150, 202; АСЗ. Т. 4. С. 171.

[202] Наместничьи, губные и земские Уставные грамоты Московского государства / Под ред. А. И. Яковлева. М., 1909. С. 26, 30.

ность кормленщиков касалась распоряжения пустующими землями, контроля за промысловыми и сельскохозяйственными угодьями и торговыми операциями. Контроль над наместниками и волостелями в сфере фиска и управления тяглым населением осуществлялся центральными правительственными учреждениями — Казной и дворцами.

Важнейшей привилегией кормленщиков было право суда над населением кормленого округа; судебные пошлины в установленном уставными грамотами и судебниками размере составляли личный доход наместника и его тиуна. Компетенции наместников и волостелей на окраинах и в центре России существенно различались: на землях Северо-Восточной Руси, за исключением древнейших княжеских центров (Переславль-Залесский, Галич, Дмитров), исторически аккумулировавших дань и суд в округе, кормленщики не пользовались правом боярского суда, а в новгородско-псковском регионе (включая обширные территории Поморья) и в Вятской земле наместникам и волостелям жаловались кормленые грамоты краткого типа «с судом боярским», т. е. с максимальными судебными полномочиями[203]. Когда наместник или волостель получал право «боярского суда», то он решал тяжбы в последней инстанции; в противном случае кормленщик «засуживал» дело и посылал протокол своего суда на окончательное решение вышестоящему наместнику или на суд великого князя и его бояр введенных[204]. Генезис права боярского суда в новгородско-псковских землях восходит к республиканской эпохе: несомненно, наместники вечевых столиц — Новгорода и Пскова — обладали не только высшими судебными прерогативами, но и осуществляли, по словам С. М. Каштанова, «непосредственно княжескую, правительственную функцию», ведя переговоры и заключая договоры с Ливонским орденом и Швецией[205]. Помимо номенклатуры наместнических держаний, великие московские князья унаследовали от республиканских времен и расширенные судебные полномочия, свойственные местным кормлениям и приравненные к бытовавшему в Северо-Восточной Руси праву боярского суда. Поэтому таким правом жаловались кормленщики незначительных административных единиц северо-запада, таких как Боровичи, Березовец, Курск в Новгородской земле, Кобылье городище, Выбор, Изборск, Остров в Псковской земле, Ржева Пустая[206]. Некоторые из них наряду с новгородскими и псковскими наместниками получали особый вид дохода — «посадничью пошлину»[207]. Вне юрисдикции наместников и волостелей находились держатели иммунитетных «несудимых» грамот — монастырские, церковные вотчины, вотчины и поместья светских землевладельцев, а также тяглые люди, основывавшие слободы, как, например, устюжане Лукины в 1517 г.[208]

Эта устоявшаяся к рубежу XV—XVI вв. административная система претерпела изменения, связанные со становлением общегосударственного аппарата управления.

---

[203] *Антонов А. В.* Из истории великокняжеской канцелярии: Кормленые грамоты XV — середины XVI в. // Русский дипломатарий. Вып. 3. М., 1998. С. 91—155.

[204] *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 186—191; *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. С. 396—420.

[205] *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI века. С. 131—133.

[206] АСЗ. Т. 4. С. 125, 127; Т. 1. С. 236; Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. 1. № 62.

[207] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 827. Л. 744 об., 946, 1294 об.; Новгородские писцовые книги. Т. 5. СПб., 1905. Стб. 356, 358.

[208] ААЭ. Т. 1. № 163.

Важнейший этап в эволюции кормлений зафиксирован в наказном списке 1535—1542 гг. Третьяку Котенину, которому было велено «ведать на великого князя» половину Галича с волостьми. Весь наместничий корм, тиунов сбор, доводчиков и праведчиков побор предписывалось «Третьяку имать на великого князя», для чего все поборы на три праздника были исчислены в денежном эквиваленте. В частновладельческих землях, которые в документе отождествлены с «грамотчиками», кормы взимались с сохи, в черных волостях — с приравненных к сохе шести деревень. «Праветчиков побор» в станах и волостях взимался со всех категорий земель по три деньги с крестьянского двора[209]. Третьяк Котенин, сосредоточив в своих руках полномочия наместника с боярским судом (душегубство, татьба с поличным, разбой), передавал другие судебные дела в ведение слободчиков, которых он контролировал только через процедуру доклада[210]. Аналогичные административные практики имели место и к северу от Галича — в Соли Вычегодской, где в 1539 г. вместо волостеля Усольским «присудом» ведал приказчик. Судя по тексту указной грамоты, приказчик Вычегодской Соли наряду с устюжскими наместником и тиуном взимал полевые пошлины, штраф за душегубство и обладал карательными функциями по отношению к «душегубцам»[211]. Вероятнее всего, эта новация, как и в случае с Галичским наместничеством, не утвердилась в качестве обычного порядка управления, поскольку уже в 1547—1550 гг. в Соли Вычегодской сидели волостели[212], но направленность изменений в системе местного управления на протяжении XVI в. очевидна. Великокняжеская канцелярия еще до земской реформы начала использовать приемы приказного управления городами и волостями, что отмечал С. Б. Веселовский: «Так называемая реформа земского самоуправления не казалась бы ни столь резкой, ни столь значительной, т. е. получила бы более правильную оценку, если бы надлежащим образом была установлена ее связь с предшествующими явлениями»[213].

Синхронно с изменениями в административной практике кормлений формировалась новая система военно-административного управления городами. Ее необходимость была обусловлена инкорпорацией в состав единого государства новых территорий, где не было развитого аппарата дворцово-вотчинного управления во главе с дворскими и ключниками. Так, в 1510 г. на территории Псковской земли помимо наместников начали функционировать «12 городничих, 12 старост московских и 12 псковских», которым были выделены поместья и вменены обязанности контроля над судом наместников и их тиунов; количество городничих соответствовало числу городов с уездами в Псковской земле. Термины «городничий», «городчик», «городовой приказчик» применялись для обозначения нового института военно-административного и фискального управления, представители которого отвечали за обороноспособность городов, мостовое дело, сбор посохи, разверстку ямской повинности, контроль над великокняжескими землями в городах и уездах. В их ведении оказались отряды пищальников и пушкарей, на нужды которых городовые приказчики собирали пищальные деньги; новый институт был подчинен казначеям, а служба приказчиков оплачивалась не кормами, а предоставлением поместий, жаловавшихся

---

[209] АСЗ. Т. 1. С. 97—98; Т. 4. С. 157—158.

[210] АСЗ. Т. 1. № 123. С. 97—98.

[211] Архив СПбИИ РАН. Ф. 174. Оп. 1. № 129.

[212] Архив СПбИИ РАН. Ф. 72. Оп. 1. № 6; Щукинский сборник. Вып. 3. М., 1904. С. 11—12.

[213] *Веселовский С. Б.* К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. С. 73.

городничим, которые «живут на городовом приказе»[214].

В 1530—1540-х гг. была осуществлена губная реформа, в ходе которой был создан прототип Разбойного приказа (коллегия бояр, в ведение которых были переданы губные дела), а на местах вводились выборные должности губных старост и целовальников. Основываясь на данных грамоты 1531 г. Корнильеву Комельскому монастырю, М. М. Кром предположил, что между 1534 и 1539 гг. велось составление первых губных грамот[215]. Однако упомянутая в 1531 г. московская комиссия из бояр, которые должны были «обыскивати лихих людей, татей и розбойников», необязательно должна была рассылать губные грамоты; задачи комиссии могли ограничиваться рассылкой «обыщиков», упомянутых в губных грамотах 1539 г. В них констатируются факты роста разбоев в городах и селах и страдания «христиан». Последние оказывались жертвой насилий как разбойников, так и присылаемых из столицы «обыщиков», сотрудничество с которыми было затруднено «великими убытками» и «великой волокитой»[216].

Собственно губная реформа состояла в наделении представителей провинциального дворянства и тяглых людей такими полномочиями по борьбе с уголовной преступностью, которые позволяли отказаться от обременительных услуг «обыщиков» и получить известную самостоятельность от кормленщиков. Территориальный охват губной реформы может быть установлен лишь приблизительно: наиболее ранние сохранившиеся губные грамоты охватывают территорию северных уездов (Белозерского, Каргопольского, Вельского, Устюжского, Солигалицкого, Слободского). Очевидно, что в 1540-х гг. губные старосты появились также в Рузском уезде, Обонежской пятине Новгородской земли, вотчинах Троице-Сергиева монастыря. Но вплоть до 1550-х гг. они делили свои полномочия с наместниками и волостелями, а в те города и уезды, где губных старост не было, посылались недельщики. На должности наместников крупных военно-административных центров все чаще назначались не имевшие думных чинов представители знати: князь Д. И. Микулинский, пребывавший в 1546/47 г. на должности наместника в Рязани, в Тысячной книге 1550 г. был зафиксирован в числе детей боярских 1-й статьи[217]. В историографии трактовка губной реформы основывалась, во-первых, на представлении о ней как реформе местного управления и, во-вторых, на презумпции коррумпированности и безответственности кормленщиков, а ее причины увязывались с ростом классовой борьбы[218]. В действительности на первом этапе осуществления губной реформы изменения в системе управления на местах были минимальны: у нас нет данных об административных или фискальных функциях губных старост вплоть до 1550-х гг.

Губная реформа была вызвана причинами, общими с мотивами других преобразований середины XVI в. и изложенными в известных «царских вопросах» к Стоглавому собору, которые датируются июнем—июлем 1550 г. Обращаясь к митрополиту и собору, царь отчитывался, что по благословению митрополита и собора он предписал боярам, приказным людям и кормленщикам «со всеми землями» и «со всеми хрестьяны царствия своего в прежних во всяких делех

---

[214] Писцовые книги Новгородской земли. Т. 4 / Сост. К. В. Баранов. М., 2004. С. 611.

[215] *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 584—592.

[216] Памятники русского права. Вып. 4. С. 176.

[217] *Зимин А. А.* Список наместников Русского государства первой половины XVI в. // Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962. С. 39; Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. С. 56.

[218] *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века; *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 569—579, 591—595.

помиритися на срок»[219]. Под «христианами» и «землями» следует понимать массу провинциального дворянства и тяглых людей, а риторика «царских слов» показывает, что правящий слой в лице бояр, приказных людей и кормленщиков стал осознаваться как противостоявшая «христианам» социальная фракция, чья деятельность провоцировала анархию и беспорядки в обществе и стала нетерпимой для верховной власти. Неустойчивость государства, имевшего слишком слабые связи с населением, наглядно проявилась в ходе майского восстания 1547 г. в Москве и вызвала законодательные мероприятия правительства 1549—1550-х гг., воплотившиеся в принятии Судебника 1550 г. В состав Судебника 1550 г. оказались включены статьи 62—77, являвшиеся, по сути, уложением о местном суде и управлении. В 68-й статье констатировался факт отсутствия выборных старост и целовальников во многих волостях, входивших в состав кормленых округов, и в ней же содержалось предписание «быти» старостам и целовальникам «в тех волостех <...> во всех».

Несовершенство системы сбора кормов и трудности государственного контроля за его результатами побуждали правительство еще в 1530-х гг. лишать кормленщиков права самостоятельного сбора доходов; следующий шаг состоял в замене кормленых доходов «откупом» и самостоятельной выплате его в казну местным населением. До настоящего времени в историографии считались спорными почти все ключевые характеристики земской реформы, в том числе хронологическая (динамика реформы, ее этапы) и географическая (территориальное распространение откупов). Земская реформа 1552—1556 гг. первоначально была ответом правительства на челобитья посадских и крестьянских миров, и лишь на втором этапе в 1555 г. она охватила большую часть территории страны. Результатом практического воплощения земской реформы в 1552—1555 гг. стал «Приговор о кормлениях и службе», летописное изложение которого является свидетельством принятия закона об отмене кормлений царем и Боярской думой в 1555 г. Уже после этого, не позднее 29 апреля 1556 г., была создана в качестве модели «уставная грамота», которая обобщала судебную практику по гражданским делам и неквалифицированным уголовным преступлениям преимущественно для уездов центра и северо-запада страны. Ход земской реформы отразился в Боярской книге 1556/57 г., данные о кормлениях которой представляют собой в целом достоверную проекцию реального состояния кормленой системы и хода реформы. Перевод кормлений на откуп и создание института выборных старост продолжались до начала 1560-х гг.

Земская реформа 1555/56 г. опиралась на сложившуюся в отдельных землях Русского государства земскую традицию; законодатели стремились учесть и сохранить опыт самоуправления городов и волостей, а также документальную традицию, которая проявлялась в архаичной терминологии. Мероприятия 1550-х гг. приняли характер последовательной реформы только в черносошных посадах и волостях с однородной структурой населения, которое получило существенные права; в уездах поместно-вотчинного землевладения действительно самоуправляющиеся земства так и не возникли, поскольку этому препятствовали объединенные в одну «кость» разные категории населения. Служилое и тяглое население этих земель получало либо грамоты, редуцированные из уставных грамот наместничьего управления, либо судные грамоты, по объему привилегий и самому предназначению существенно отличавшиеся от уставных. По своему

[219] Российское законодательство X—XX вв.: В 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования Русского централизованного государства / Отв. ред. А. Д. Горский. М., 1985. С. 267.

характеру реформа носила фискальный, а не политический характер, почему и воплотилась в регионах в различных формах, многообразие которых придавало ей устойчивость[220]. Существенные региональные различия в проведении земской реформы наблюдались в районах черносошного Севера и в уездах поместно-вотчинного землевладения, что было связано в том числе с особенностями проведения губной реформы в 1555—1556 гг. Уже в земских уставных грамотах черносошным волостям и уездам 1552 г. обязанность «чинить управу» в душегубстве, разбойных делах, татьбе возлагалась на «излюбленных голов», в подчинении которых находилась сотенная организация в составе сотских, пятидесятских, десятских и целовальников. Именно «излюбленные головы» должны были задерживать и казнить душегубцев, не давать «приезду и приходу» татям и разбойникам, ездить на выемку поличного и казнить ведомых лихих людей и функционально заменять губных старост[221]. Их отсутствие в Поморье подтверждается и 114-й статьей Судебника 1589 г., где, в отличие от 60-й статьи Судебника 1550 г., отсутствует разграничение компетенции наместников и губных старост. В то же время в уставных грамотах центра России (включая волости Устюжского уезда) разбойные дела поручались суду и управе губных старост по губным грамотам[222].

На территории Замосковного края деятельность выборных земских органов самоуправления прослеживается в Вологде, Белоозере, Ярославле, Бежецком Верхе, Владимире, Переславле-Залесском, Суздале, Московском уезде, Коломне, Кашине, Вязьме, Малоярославце, Медыни, Балахне. Наиболее ранним сроком перехода волостей и посадов Замосковного края на откуп, по данным Боярской книги 1556/57 г., было Благовещение 25 марта 1555 г. Указание о деятельности в Вологде «выборного старосты» Ивана Львова и целовальников Хари Ермолова «с товарищи» содержит царская грамота, датированная также мартом 1555 г. Город Белоозеро с землями станов перешел на откуп еще в марте 1555 г.; 1 сентября 1555 г. на откуп перешли еще как минимум две волости Белозерского уезда. Широкие фискальные полномочия белозерских старост сохранялись не менее полутора десятков лет, и в памяти из приказа Большого прихода от 24 ноября 1568 г. говорилось, что «белозерские выборные старосты правят <...> ямские деньги и всякие подати по сошному письму сполна» на крестьянах монастырских деревень, розданных в поместье детям боярским княгини Евдокии Старицкой[223]. Во второй половине 1570-х гг. фискальные полномочия на Белоозере оказались в руках городового приказчика, которому была адресована грамота от 19 августа 1577 г., но урезание функций земских старост не сопровождалось восстановлением наместничества на Белоозере, ибо в грамоте были отмечены собираемые приказчиками «за наместнич и их пошлинных людей доход и за присуд оброчные и пошлинные деньги»[224].

О ликвидации кормлений в Переславль-Залесском уезде исчерпывающе говорится в трех земских уставных грамотах, адресованных посадским людям Соли Переславской 11 августа 1555 г., рыболовам слободки Стольничьего пути 15 августа 1555 г.

---

[220] Подробнее см.: *Аракчеев В. А.* Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тяглых сословий Русского государства второй половины XVI — начала XVII века.

[221] Памятники русского права. Вып. 4. С. 189—194; Наместничьи, губные и земские Уставные грамоты Московского государства. С. 104—110, 135.

[222] Наместничьи, губные и земские Уставные грамоты Московского государства. С. 114, 117, 122, 132, 139, 144.

[223] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. № 17. С. 443.

[224] Там же. № 23. С. 484.

и крестьянам царских подклетных сел Переславского уезда 29 апреля 1556 г.[225] В Ярославле и его уезде кормления были упразднены к февралю 1556 г., когда Иван IV отправил указную грамоту в Ярославль выборному старосте Якову Петрову сыну Сабурову и целовальнику Дружине Никитину, поводом к составлению которой послужило распоряжение старост «доправить» с монастырских сел и слободок «за наместнич корм, и за присуд, и за пятно, и за поголовщину с сохи по 43 алтына»[226].

Волости Владимирского уезда были переданы на откуп с 1 сентября 1555 г.; уже от 1556/57 г. до нас дошла отпись выборного головы Аргамакова и целовальника Дрищова в получении налогов с пустоши Вахрамеево волости Тальша, а от июля 1558 г. сохранилась царская грамота с предписанием вернуть Покровскому монастырю «кормовые деньги за наместнич корм». Из грамоты 1570 г. из приказа Большого прихода известно, что во Владимире функционировали целовальники Иван Татьянин «с товарищи», которые должны были собирать ямские деньги, посоху и иные подати с вотчин Покровского девичьего монастыря[227]. Несохранившейся жалованной уставной грамотой обладали выборные земские власти дворцового сельца Муромского Владимирского уезда[228]. Несмотря на то что непосредственных данных о земской реформе в Суздальском уезде нет, структуры земского самоуправления действовали в Суздале в течение 1560-х гг. В актах 1560-х гг. упомянуты земские судьи Дмитрий Яковлев сын Берсенев «с товарищи», целовальники зелейного амбара, которые наряду с городовым приказчиком выбирали целовальниками к ямчужному делу крестьян вотчин Покровского девичьего монастыря[229]. Свидетельством осуществления земской реформы 1550-х гг. в Шуе и, возможно, в других волостях Суздальского уезда является упоминание жалованной уставной грамоты Ивана IV посаду Шуи.

В самой Москве кормления сохранялись, но, как следует из указной грамоты выборному старосте Московского уезда Истоме Мишакову и целовальникам Михаилу Иванову «с товарищи», в Московском уезде земская реформа также была осуществлена. Выборному старосте предписывалось не собирать налогов с владений Симонова монастыря в связи с переходом его со всей своей вотчиной в опричнину[230]. Поскольку губные старосты сбором налогов не занимались, в лице Истомы Мишакова мы сталкиваемся с земским старостой, выбранным на свою должность, скорее всего, частью волостей Московского уезда. О земской реформе в Рузском уезде свидетельствует указная грамота Ивана IV старостам и целовальникам Вышковского стана от 21 февраля 1565 г. Грамота посвящена выборам некоего Ульяна Михайлова в губные целовальники. В старостах и целовальниках Рузского уезда, на наш взгляд, нельзя видеть губных старост и целовальников по одной существенной причине: в грамоте указано выдать новому губному целовальнику подмогу. «И вы бы старосты,

---

[225] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. № 17. С. 113—120, 130—132.

[226] Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. Т. 1 / Изд. И. А. Вахрамеев. М., 1896. № 22. С. 27—28.

[227] ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. № 190. Л. 115; АИ. Т. 1. № 166; *Садиков П. А.* Из истории опричнины // Исторический архив. 1940. Т. 3 (43). С. 244.

[228] РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 24. № 37562.

[229] *Каштанов С. М.* Из истории русского средневекового источника. С. 202; *Маштафаров А. В.* Явочные челобитные 1568—1612 гг. из архива Суздальского Покровского девичьего монастыря // Русский дипломатарий. Вып. 9. № 1. М., 2003. С. 275.

[230] Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты Московского Симонова монастыря. Л., 1983. № 178. С. 227.

и целовальники, и сотцкие, и пятидесятцкие, и десятцкие, и все крестьяне дали тому новому губному целовальнику подмогу на сей год с сохи по полтине, з дву сох по рублю, с тех двух, со с которых з дву сох тот целовальник выбран...»[231] То, что старосты и целовальники должны были выдавать губному целовальнику денежную подмогу, свидетельствует об их фискальных функциях, присущих именно земским выборным структурам.

В результате исследования Боярской книги Н. Е. Носов пришел к выводу, что переход на откуп посадов и волостей Коломенского и Кашинского уездов был осуществлен в 1555—1556 гг.[232] Последнее упоминание о кормлении в Вязьме в Боярской книге 1556/57 г. относится к 31 марта 1555 г., когда с «Вяземского ключа» съехал П. А. Окинфов. В этом же году на откуп был переведен Малоярославец, с которого 20 июля 1555 г. съехал Н. З. Чеглоков, «а с Ильина дни Ярославец отдан в откуп»[233]. Отсутствуют прямые данные о земской реформе в Медынском уезде и Балахне, однако Медынский губной наказ от 25 августа 1555 г. содержит обращение к старостам, сотским, пятидесятским и всем крестьянам уезда, из чьей среды, видимо, избирались в помощь губным старостам целовальники[234]. Посадское население Балахны до 1570-х гг. обладало уставной грамотой, упомянутой в Описи царского архива: «две грамоты уставные: Иванегородская, по Иванову письму отдана Путилу, да Балахонская — взяты, потому что отставлены». Н. Е. Носов предположил, что речь идет об уставной грамоте наместничьего управления, «отставленной» именно в результате земской реформы 1555 г.[235] Выборные земские учреждения на северо-западе и территории Замосковного края сосуществовали с властью наместников, дьяков, городовых приказчиков, чья компетенция в годы Ливонской войны все больше оказывалась связана с нуждами обороны, а первоочередной задачей земских структур была разверстка и взимание государственных и земских повинностей. Сами земские учреждения не представляли собой единой системы: посадские земские избы не были взаимосвязаны с выборными старостами волостей и других сельских административных образований. В указной грамоте Ивана IV от 20 февраля 1562 г. в Суздаль содержится ремарка, обращенная к выборным судьям: «...или по вас иные выборные судьи или верные целовальники будут, или коли Суздаль будет за нашими наместники в кормленье»[236]. Она дает основание полагать, что правительство осмысляло земскую реформу в Замосковном крае как многовекторный процесс, в котором оставалось место и для вроде бы упраздненной системы кормлений.

Несколько отличную тенденцию развития земского самоуправления демонстрируют города и волости Поморья: Двинская земля, Вага, Тотьма, Устюг Великий. Помимо посадов и уездов, с 1 октября 1555 г. была переведена на откуп Тотьма. Устюжские волости переходили на откуп в течение 1555 г., в частности Усецкие и Заецкие волости получили уставную грамоту 15 октября 1555 г.[237] Крупнейшей опричной

[231] РГАДА. Ф. 281. Руза. № 10320. Л. 1.

[232] *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. С. 427, 432—433, 464—465.

[233] *Антонов А. В.* «Боярская книга» 1556/57 года / Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 90, 85.

[234] Памятники русского права. Вып. 4. С. 179—185.

[235] Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа: 1614 год. М., 1960. С. 34; *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. С. 476.

[236] ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. № 17. Л. 11.

[237] Наместничьи, губные и земские Уставные грамоты Московского государства. С. 103, 134; *Антонов А. В.* «Боярская книга» 1556/57 года. С. 90.

территорией с развитой системой земского управления была Двинская земля, где выборные должностные лица во главе системы самоуправления были утверждены уставной Двинской грамотой 1556 г. Выборные судьи и должностные лица подвергались ротации: в грамоте не позднее 6 декабря 1557 г. упомянуты В. С. Настасьин и В. Губанин от Верхней половины Двинской земли и А. Амосов и Ф. Родионов — от Нижней[238]. В торгово-промышленной среде Двины нередко отсутствовало согласие, ее представители вели бескомпромиссную борьбу за промысловые угодья, а обширные судебные и фискальные полномочия, предоставленные выборным властям Двины, далеко не всегда использовались земскими старостами и судьями во благо. Но земская организация Двинской земли была разветвленной и дееспособной, она обладала достаточно широкими правами в фискальной сфере, осуществляя разруб налогов и повинностей. Не ранее 1555/56 г. было упразднено наместничество в Каргополе, поскольку в сотной грамоте из писцовых книг 1561—1564 гг. исчислен размер наместничьего откупа с Каргопольского уезда, составлявшего 1000 руб.[239]

Устьянские волости Устюжского уезда первоначально получили грамоту об отмене кормлений от 24 мая 1555 г. и перешли на откуп 15 октября 1555 г. Судя по уставной земской грамоте, к этому времени крестьяне Устьянских волостей получили права самоуправления и уже не подчинялись властям Устюжского уезда, заключив с ними «мировую запись», «что им с устюжаны ни во что не тянути». В 1558—1559 гг. земские судьи на Великом Устюге А. Скрябин «с товарищи» посягали на иммунитет местных монастырей и получили царскую грамоту с указанием контролировать деятельность устюжских таможенных целовальников[240]. В Усольском (Сольвычегодском) уезде земская реформа была осуществлена в 1555 или 1556 г. одновременно с «разводом» (отделением в судебном и фискальном отношении) от волости Луцкая Пермца с предписанием «поводить земские розметы по себе в Луцкой Пермце»[241]. Сведения о земских учреждениях в Соли Вычегодской могут быть существенно дополнены на основании указной грамоты Ивана IV от 25 января 1559 г., отправленной выборным судьям Соли в связи с «мезениной» (голодом) и содержавшей распоряжения о снижении суммы кормленого окупа и запрете корчемства в уезде. Из грамоты выясняется, что в Соли Вычегодской «землей» были откуплены только наместничьи кормы, «а мыт, и пятно, и отъезд, и приезд, и выводную куницу и новоженной убрус» выборным судьям было велено «ведати и збирати на веру по старине по тому ж, как естя те все пошлины збирали и ведали преж сего». Следовательно, архаичные элементы в сфере фиска пережили земскую реформу и вошли в качестве составной части в новую систему управления. Откуп «за наместнич доход и присуд» сольвычегодские крестьяне платили и в 1570 г., когда в четвертной приказ деньги за них внесли Строгановы[242].

По данным Вычегодско-Вымской летописи, земская реформа в Вымском уезде была проведена в 1554/55 г.: «...повеле князь великий Иван Васильевич на Перми Вычегоцкие волостелем не бытии, а волостелины доходы пооброчить деньгами, а в волостех учинити судеек, целовальников, сотских, пятидесятских и десятских по

[238] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. № 11. С. 428—429.

[239] Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. Вып. 2. Вологда, 1972. С. 295—390.

[240] РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. 1647 г. № 30. Л. 47—48; РИБ. Т. 14. СПб., 1894. Стб. 823—826; Архив СПбИИ РАН. Кол. 120. Оп. 2. № 1. Л. 1—2.

[241] Наместничьи, губные и земские Уставные грамоты Московского государства. С. 124.

[242] ОР РНБ. Ф. 536. Оп. 1. № 1585; *Дмитриев А.* Пермская старина. Вып. 6. Пермь, 1890. С. 130—131.

излюбу и управа им чинити и волостные доходы взимати; волостелиным тиуном и доводчиком и приставом не быти ж, по тому их судят свои судейки излюбленные по уставной грамоте по царевой»[243]. Судя по жалованной разводной грамоте крестьянам Ужгицкой волости Вымского уезда 1559/60 г., власть «приказных людей и судеек сысольских» распространялась на весь Вымский уезд, куда они посылали приставов, осуществляли всеуездные земские разметы, привлекая из волостей целовальников в таможню и охотников на ямы. Земские учреждения Поморья по своей компетенции в сфере административно-финансовых дел несущественно отличались от выборных органов Замосковного края и северо-запада 1550—1560-х гг. Однако по мере того, как земские структуры посадов Замосковного края и северо-запада утрачивали свою судебную автономию под властью центральных приказов и воевод, земские учреждения на севере ее сохранили и не утратили «всеуездного» характера в XVII в.

В уставных земских грамотах представлена сложная система подчиненности органов местного управления центральным. Согласно Плесской грамоте 1551 г., оброк «за наместничьи пошлины» вносился в казну дьяку Угриму Львову, в то время как судом волость ведалась непосредственно у царя. Волости Малая Пинежка, Выйская и Сура Поганая по уставной грамоте 1552 г. вносили кормленый оброк и были подсудны казначеям И. П. Головину, Ф. И. Сукину и дьяку И. Новугородову[244]. Туда же вносило оброк и там же судилось население Важского уезда по уставной грамоте 1552 г. Посадские люди Соли Переяславской и переяславские рыболовы по уставным грамотам 11 и 15 августа 1555 г. должны были сдавать оброк в казну дьяку Угриму Львому (Пивову), а ведаться судом — у казначеев Ф. И. Сукина, Х. Ю. Тютина и того же казенного дьяка У. Львова. У них же ведались и судились по уставной грамоте 1555 г. крестьяне Усецких и Заецких волостей Устюжского уезда. Тяглое население Двинской земли по уставной грамоте 1556 г. выплачивало «кормленый окуп» в казну дьяку Путилу Нечаеву и у него же получало управу по судебным делам с «опричными людьми»[245]. Переходившие на откуп волости и посады поступали под верховную юрисдикцию казначеев и подчиненных им дьяков; для управления некоторыми перешедшими на откуп землями не позднее 1561 г. создается «четвертная изба» дьяка В. Колзакова, а в дальнейшем и другие четверти, подчиненные в административном отношении Посольскому, Разрядному и Поместному приказам[246]. Связь земских учреждений местного управления с центральными правительственными учреждениями носила главным образом административно-фискальный характер.

Институты земского представительства после земской реформы в Поморье в последней трети XVI в. продолжали оставаться всеуездными, с обширными полномочиями. Стоявшие во главе системы земского управления в Великом Устюге и его уезде земские судьи, староста судецкий и целовальники передавали церкви земли, ругу. Помимо них в каждом из двадцати восьми станов, волостей и отдельных погостов уезда имелись выборные должностные лица — старосты и целовальники[247]. Из поморских

---

[243] *Доронин П.* Документы по истории Коми // Историко-филологический сборник. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 265—266.

[244] Памятники русского права. Вып. 4. С. 191—195.

[245] Наместничьи, губные и земские Уставные грамоты Московского государства. С. 106—109, 114—115, 117—118, 121—122, 134—136.

[246] *Павлов А. П.* Приказы и приказная бюрократия (1584—1605 г.). С. 202—205.

[247] *Шляпин В. П.* Акты великоустюжского Михаило-Архангельского монастыря. Ч. 1. Великий Устюг, 1912. № 75—76. С. 91—96.

городов наместничество было восстановлено в середине 1580-х гг. в Каргополе, что видно из указной грамоты каргопольскому наместнику В. Ф. Скопину-Шуйскому от 23 декабря 1585 г.[248] В уездах поместно-вотчинного землевладения институт наместников эволюционировал в связи с такими важными явлениями, как утверждение системы земского представительства, изменения в фискальной политике, эволюция холопства, оформление приказного аппарата. В грамотах от 14 августа 1562 г. и от декабря 1584 г. переславскому городовому приказчику говорится о взимании с вотчин Спасского монастыря «наместнича доходу кормов». В грамотах сохранились сведения о функционировании земских учреждений в конце XVI в. в Переславле-Залесском[249]. Коль скоро наместничьи доходы собирались и в 1560-х, и в 1580-х гг., система кормлений в Переславле-Залесском едва ли была восстановлена.

Упрощение социальной структуры городов северо-запада и центра приводило к ликвидации в них отдельных звеньев системы самоуправления. Так, в Новгороде Великом институт наместников сохранился после реорганизации системы самоуправления, но в 1562—1572 гг. власть кормленщиков в Новгороде была временно заменена властью воевод и дьяков[250]. Уменьшение численности населения Пскова было связано с «выводами» его жителей, в том числе бывших «больших старост», на посады Замосковного края в 1569 и 1571 гг. Еще в начале 1580-х гг. сборщики Петровского конца собирали оброчные деньги «в писетцкой корм, и в подводы, и в сторожей, и в казаков в наем», но вскоре в Пскове концы как официальные единицы управления исчезли, а кончанская администрация в лице старост, денежных сборщиков и дьячков перестала избираться[251]. После 1585 г. определение тяглоспособности посадских людей и раскладка повинностей «по животам» перешли в ведение «всего города», т. е. общегородской «избы». Деятельность земских органов самоуправления в Галиче и его волостях в конце XVI в. проявлялась в активном участии посадской общины во главе со старостой в обысках о размежевании посадской и поместной земли[252].

Над земскими структурами возвышались многообразные административные образования, в числе которых были как наместники, так и разного рода «приказные люди»: губные старосты, воеводы, которые зачастую были вынуждены делить свои полномочия друг с другом. Уже в 1554—1555 гг. в Нижнем Новгороде исполнял судебные полномочия воевода князь Семен Иванович Гундоров, а в 1563 г. в Переяславле-Рязанском — воевода окольничий Михаил Васильевич Тучков. В январе 1585 г. «приказной человек» Ошанин, управлявший Ярославлем, невзирая на уже упомянутую иммунитетную грамоту Ивана IV, «правил» на землях Спасского монастыря «кормовые деньги за наместнич доход», которые вновь предписывалось вернуть монастырю[253]. В 1587—1589 гг. в Рославле исполнял обязанности «судного головы» местный помещик и «сотенный голова» рославльского «служилого города» К. Маслов, который получал указные грамоты из Поместного приказа и приказа Большого дворца. В то же время присутствия получившего еще в 1587 г. доходный

[248] Архив СПбИИ РАН. Кол. 174. Оп. 1. № 456. Л. 1—2.

[249] Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. Т. 1. № 28. С. 36.

[250] *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 384—385.

[251] *Аракчеев В. А.* Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тягловых сословий в России второй половины XVI — начала XVII века. С. 250—256.

[252] *Кистерев С. Н.* Документы о посадских людях Галича XVI — начала XVII в. // Русский дипломатарий. Вып. 7. М., 2001. № 4. С. 239; № 7. С. 244.

[253] Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. Т. 1. № 58. С. 70—71.

список на кормление в Рославле наместника Н. А. Клокачева в этом городе не заметно до мая 1590 г.[254] Судя по Торопецкой грамоте 1590/91 г., земское самоуправление в торопецком посаде существовало параллельно с воеводским управлением: посадские люди по судебным и финансовым делам становятся подведомственны выборным земским целовальникам. При местническом столкновении назначенного в 1586 г. в Торопец воеводы с наместником царь повелел последнему «ведать свое дело наместническое», а воеводе «дело ратное ведать»[255].

В некоторых южных городах Русского государства (Переяславле-Рязанском, Путивле, Новгороде-Северском) кормления были ликвидированы безвозвратно, но, судя по всему, земские старосты значительных функций в управлении территориями не получили. «Намесничьи доходы» с них в 1589 г. передавались «рыльским черкасом» и служилым людям и собирались в Казну «приказными людьми»[256]. В других юго-восточных (Ряжск, Арзамас), юго-западных (Стародуб, Чернь и Новосиль, Рославль), северо-западных (псковские пригороды) городах институт кормлений сохранился, но дошедшие до нас доходные списки на кормления 1568, 1585 и 1587 гг. отличаются от аналогичных документов первой половины XVI в. уже почти полной коммутацией кормов, т. е. пересчетом их в денежном эквиваленте. В оставшихся под управлением кормленщиков общинах все кормы были разверстаны на дворы или глав семейств: в Черни и Новосиле князь Морткин взимал в 1585 г. корм и наместничьи пошлины «в год на три празники, на Рожество Христово з двора по денге, на Велик день з двора по денге, на Петров день з двора по денге ж». Аналогичная система пошлин (по деньге с двора на каждый из трех праздников) существовала в 1587 г. в Рославле[257].

Одна из существенных прерогатив наместников с боярским судом в первой половине XVI в. состояла в праве выдавать беглые, правые и отпускные грамоты на холопов. Судебник 1550 г., однако, внес в компетенцию этих администраторов существенные изменения: согласно 63-й статье, за наместниками с боярским судом осталось лишь оформление полных и докладных грамот, и до 1586 г. полные и докладные грамоты составляли наместники в тех городах Русского государства, где они сохранились. Правые и беглые грамоты теперь могли выдаваться на местах через доклад боярам в Москве. В соответствии с 77-й статьей Судебника право выдачи отпускных грамот осталось лишь за боярами и дьяками в Москве, а также за наместниками и дьяками Великого Новгорода и Пскова[258]. Постановления Судебника действовали непродолжительное время, а в Новгородской земле и на других территориях государства, видимо, они были отменены в 1560-х гг., когда в Великом Новгороде не было наместников, а право выдачи отпускных реализовывал новгородский дьяк.

Окончательно новый порядок утвердился изданием указа от 1 июля 1586 г., адресованного в ведомство казначеев, который содержал постановление об обязательном оформлении служилых кабал докладом: в Москве в приказе Холопьего суда, в городах в Приказной избе, а в сельских местностях у губных старост с занесением кабал в записные кабальные книги. В указе должен

[254] ЧОИДР. 1916. Кн. 2. Отд. 1. С. 32—44.

[255] Наместничьи, губные и земские Уставные грамоты Московского государства. С. 143—146; Синбирский сборник. М., 1844. Т. 1. С. 91.

[256] РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 24. № 37730. Л. 2; № 37939. Л. 16; Ф. 141. 1588 г. № 5.

[257] АСЗ. Т. 1. С. 151, 289; Т. 4. С. 129, 145.

[258] *Колычева Е. И.* Холопство и крепостничество. М., 1971. С. 191—199; Российское законодательство: В 9 т. Т. 2. М., 1985. С. 109, 115.

был определяться порядок доклада, записи и взимания пошлин, которые вместе с копиями самих книг пересылались в Москву на Казенный двор казначеям[259]. Указ 1586 г. разрешал и отпускные грамоты регистрировать «во всех городех» с ведома приказных людей, в число которых, несомненно, входили и воеводы, и уже в 1595 г. об отпускных грамотах докладывали новгородскому воеводе Д. А. Ногтеву. Таким образом, в 1586 г. был бюрократизирован такой архаичный процесс, как порабощение людей, что оказало существенное влияние на судьбу наместничества. Коль скоро регистрация сделок и отпускных на холопов сделалась заурядной бюрократической процедурой, наместники лишились чрезвычайно важной прерогативы, причем для наместников Новгорода (с 1572 г.) и Пскова, контролировавших выдачу докладных и отпуск холопов вплоть до 1580-х гг., она имела решающее значение. Указ 1586 г. о служилых кабалах, несомненно, ускорил ликвидацию института наместников, а в некоторых городах, например в Пскове, был синхронен ей.

Реорганизация института наместников в третьей четверти XVI в. совпала по времени еще с одним процессом — складыванием центральных приказов-четвертей. С формированием особой опричной четверти под руководством первоначально Ф. Рылова, а потом Д. Володимерова суд по делам, превышавшим компетенцию земских старост, перешел в руки опричных казначея и дьяков. Аналогичные процессы шли и в земщине, где с 1567 г. судом над тяглым населением перешедших на откуп волостей ведал служивший в Посольском приказе четвертной дьяк А. Васильев[260]. Для волостей и посадов эта трансформация центрального приказного аппарата имела далеко идущие последствия, хотя началась она не сразу. Вплоть до середины 1580-х гг. наместники с боярским судом, получая свои кормления, не подчинялись четвертям, обладая прежним судебным полноправием по всем делам кроме выдачи отпускных. А тяглое население городов и уездов, в которые в 1570-х гг. стали назначаться воеводы, ведались верховным судом у своих четвертных дьяков, что видно из тяжбы 1577 г. между крестьянами Иломанского погоста, которые, оставаясь подсудными воеводе, получили право судиться в четверти А. Клобукова по делам, по которым воевода был не в состоянии «управы учинить»[261]. Эта система повсеместно устанавливается в 1580-х гг., последняя кормленая грамота была выдана в 1589 г., и с тех пор приказной порядок торжествует в местном управлении, а в конце 1590-х гг. завершается оформление четвертей как самостоятельных учреждений[262].

С полной отменой кормлений в 1580-х гг. существенно перераспределяются полномочия центра и провинции: лишенные права собирать в свою пользу пересчитанные в денежном эквиваленте наместничьи доходы и судебные пошлины, обремененные с 1586 г. хлопотными и неприбыльными обязанностями по контролю за оформлением и отпуском холопов, ограниченные в судебных полномочиях, воеводы конца XVI — XVII в., конечно, уступали прежним наместникам в объеме компетенции. Сказанное справедливо прежде всего в отношении воевод незначительных городов и уездов. Но даже применительно к крупным административным центрам справедливо суждение об умалении полномочий этих администраторов, что видно

[259] *Кушева Е. Н.* К истории холопства в конце XVI — начале XVII в. // Исторические записки. Т. 15. М., 1945. С. 84.

[260] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 320—321, 356.

[261] АСЗ. Т. 4. С. 149.

[262] *Павлов А. П.* Эволюция четвертных приказов в конце XVI — начале XVII в. // Архив русской истории. М., 1993. № 3. С. 217—227.

на примере воевод в Астрахани и Великом Новгороде. Среди многочисленных и порой ответственных обязанностей астраханских воевод в 1591 г. отсутствуют прерогативы, свойственные прежним наместникам в области суда, и права на получение доходов[263].

Статус новгородского воеводы, вершившего дела в местном судном приказе в 1593—1600 гг., отнюдь не был равнозначен статусу приказного судьи в московском приказе. Если наместник судил как владелец должности, собирая пошлины в свою пользу, то воевода в Новгороде судил, опираясь на бюрократическое учреждение — так называемый судный приказ, который на самом деле был воеводской канцелярией. Существенным отличием компетенции воеводы от прерогатив наместника являлись ограниченные судебные полномочия нового властного института[264]. Утраченные воеводами судебные прерогативы (так называемое право боярского суда, предполагавшего высшие судебные полномочия) переместились в центральные органы власти, а именно в четверти. Таким образом, создание четвертей как отдельных учреждений было обусловлено глубокой трансформацией всей системы управления в стране. Уже на рубеже XVI—XVII вв. четверти ведали не только фискальными вопросами, но и судебно-административным управлением тяглым населением городов и уездов, разрешая все дела, которые превышали компетенцию воевод и земских старост. В таком контексте замена наместников воеводами в 1580-х гг. выглядит, во-первых, как значимая реформа, а во-вторых, как закономерный результат земской реформы 1551—1556 гг.

Законодательство

На рубеже XV—XVI вв. основным источником права была воля государя; именно от его имени издавались постановления как общего, так и частного характера. Но как в великокняжеских и позднее царских уложениях, так и в постановлениях церковных соборов определенную роль играло обычное право, о чем сохранилась реплика в Стоглаве: «земский обычай — неписаный закон»[265]. Первый свод законов единого Русского государства — Судебник 1497 г. — содержал важнейшие положения об организации центрального и наместничьего суда и управления в конце XV — первой половине XVI в.[266] В Судебнике впервые в общегосударственном масштабе были провозглашены общие принципы правосудия: «посула от суда не имати никому»; «а каков жалобник к боярину придет, и ему жалобников от себе не отсылати, а давати всемь жалобником управа в(о) всемь, которым пригоже». Порядок осуществле-

[263] АИ. Т. 1. № 230. С. 436—446.

[264] Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. 2. СПб., 1864. № 139. Стб. 176—187.

[265] Российское законодательство. Т. 2. С. 318.

[266] По вопросу о времени и этапах составления Судебника в исторической науке нет единства мнений: Ю. Г. Алексеев отстаивал традиционную точку зрения о «единовременном составлении и редактировании» дошедшего до нас памятника, в то время как Г. В. Семенченко считал, что Судебник возник в результате соединения «трех законодательных пластов» во второй половине 1480-х — 1497 г. См.: *Алексеев Ю. Г.* Судебник Ивана III: Традиция и реформа. С. 178; *Семенченко Г. В.* Судебник 1497 г. и некоторые вопросы правительственной политики в конце XV в. // Архив русской истории. Вып. 7. М., 2002. С. 272. В 1980-х гг. А. И. Плигузов установил, что дошедшая до нас рукопись Судебника принадлежит перу архимандрита московского Новоспасского монастыря Нифонта Кормилицына и трех его помощников; ученый датировал ее 1552—1554 гг. Затем Б. М. Клосс и В. Д. Назаров уточнили эту датировку, приведя данные в пользу середины 1540-х гг. как времени изготовления копии по заказу Иосифо-Волоколамского монастыря.

ния правосудия в Судебнике был описан применительно к центральному суду (бояр и окольничих) и местному суду (наместников и волостелей). Описание функционала должностных лиц центрального и местного суда, прав и обязанностей «судных мужей» (представителей местного населения), указание размеров и порядка взимания пошлин имели исключительное значение для организации судебного процесса, даже если реальный его ход отступал от предписаний кодекса. В Судебнике был впервые установлен регламент действий тяглых общин по борьбе с разбоями, в основе которых лежала процедура повального обыска, количество послухов в ходе которого составляло 5—6 или 10—20 человек. Судебник 1497 г., несомненно, был действующим законом: от первой половины XVI в. сохранилось около тридцати ссылок на его нормы, речь в которых шла о взимании судебных пошлин («а пошлину взяти по Судебнику»). Но в целом нормы права, использовавшиеся в судебных делах первой половины XVI в., т. е. периода, когда действовали изданные в 1497 г. законы, не всегда соответствовали нормам, которые были установлены Судебником[267].

Это объясняется отсутствием иерархии источников права и территориальным характером многих правовых норм, поскольку важнейшим и относительно самостоятельным видом законодательных актов были уставные грамоты наместничьего управления. Их получали как крупные территориальные объединения (уезды и их группы), так и мелкие промысловые общины. Несмотря на то что до нас дошли единичные документы, уставные грамоты наместничьего управления выдавались всем или почти всем посадам и уездам, что доказывается ретроспективным анализом позднейших грамот. Так, в основе Торопецкой уставной земской грамоты 1590/91 г. лежал несохранившийся протограф уставной грамоты наместничьего управления, составленной для Торопца в 1500—1535 гг. В ее статьях, посвященных преследованию «ведомых лихих людей», усматривается прототип будущих губных грамот, поскольку земским целовальникам предписывалось совместно с губными старостами вести сыск в отношении «лихих людей»[268].

Особый разряд уставных грамот наместничьего управления составляли жалованные грамоты тяглым людям, к числу которых относятся уставные грамоты Моревской слободе 1530 г. и дворцовым крестьянам села Андреевского 1544 г.[269] Формально эти грамоты относились к уставам, определявшим жизнь тяглых людей в условиях наместничьего управления, однако оба тяглых мира — Моревская слобода и село Андреевское — в значительной степени выводились из подчинения наместникам, за которыми оставался лишь суд по делам о душегубстве и разбое с поличным. Их верховная подсудность великому князю, казначею или дворецкому роднила уставные грамоты тяглым людям с иммунитетными пожалованиями.

Существенные изменения в законодательстве, порожденные преобразованиями органов местного управления в 1530—1550-х гг., воплотились в губных грамотах. Наиболее ранние из сохранившихся губных грамот датированы 1539 г., к настоящему времени известно 19 губных грамот, которые можно подразделить на три типа. Белозерская губная грамота, выданная 23 октября 1539 г. населению Белозерского уезда, относится к типу губных грамот, общей чертой которых было избрание губных старост и целовальников из числа детей

[267] *Калашникова А. А.* К вопросу о применении норм Судебника Ивана III // Грани русского Средневековья: Сборник статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М., 2016. С. 286—293.

[268] Подробнее см.: *Аракчеев В. А.* Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тягловых сословий в России второй половины XVI — начала XVII века. С. 77—80.

[269] Наместничьи, губные и земские Уставные грамоты Московского государства. С. 13—16, 30—32.

боярских и тяглых людей[270]. Второй тип губной грамоты представлен Вельской губной грамотой 1539/40 г., архаичные черты формуляра которой свидетельствуют о том, что она стала одним из первых документов подобного рода, вышедших из недр великокняжеской казны, и Слободской грамотой 1540 г., передававшими полномочия губных старост в руки целовальников из числа посадских людей и крестьян[271]. Очевидно, грамоту такого же типа, не дошедшую до нас, получили посадские люди Пскова зимой 1540/41 г.[272] Третий тип губных грамот — грамоты населению монастырских вотчин, подобные выданным в октябре и ноябре 1541 г. губным грамотам селам и деревням Троице-Сергиева монастыря[273]. «Губное» право грамот основывалось на норме Судебника 1497 г. о повальном обыске разбойников с участием послухов, однако волостелей, наместников и их тиунов заменили губные старосты и целовальники. В связи с проведением в 1555 г. губной реформы выдача губных грамот отдельным уездам и посадам была прекращена, а губные старосты стали получать губные наказы. В дальнейшем губные грамоты выдавались лишь в исключительных случаях тому же Троице-Сергиеву монастырю или на вотчины Бориса Годунова.

Процесс создания Судебника 1550 г. длительное время был предметом дискуссии, в ходе которой не подвергалась сомнению конечная дата работы над ним — июнь 1550 г., начальная же дата работы над Судебником была спорной. В ходе дискуссии были высказаны две точки зрения на ход законодательного процесса: обсуждение Судебника могло происходить на Земском соборе в феврале или июне—июле 1550 г. либо на соборе 27—28 февраля 1549 г.[274] В настоящее время вторая точка зрения подтверждена данными Рыльской уставной наместничьей грамоты 27 июня 1549 г., в тексте которой содержится статья о судебных пошлинах в пользу наместников, величина которых тождественна размерам судебных пошлин 62-й статьи Судебника. Они должны были взыскиваться и с истца, и с ответчика в одинаковом размере «с рубля по гривне», что свидетельствует о детальном обсуждении Судебника до 27 июня 1549 г., а это могло произойти только на соборе 27—28 февраля 1549 г.[275]

Значительное влияние на развитие законодательства оказал процесс разработки уставных и судных грамот земского управления. К настоящему времени известно 14 земских грамот в подлинниках и списках, датируемых 1551—1630 гг. По своей структуре грамоты начинались с изложения царского пожалованья местным выборным лицам (сотскому, старостам) и «христианам» о ликвидации наместничества и введении откупной системы, а для суда и сбора «кормленого окупа» им предписывалось выбрать «излюбленных голов». Наиболее ранними сохранившимися земскими грамотами являются акты, выданные волостям Малой Пинежке, Вые и Суре Поганой и

[270] Наместничьи, губные и земские Уставные грамоты Московского государства. С. 51—53.

[271] *Воробьев А. В., Черкасова М. С.* «А которых розбойников или татей где поимаете, доведчи на них да их казните...»: Вельская губная грамота 1539/40 г. // Исторический архив. 2011. № 3. С. 174—183; Наместничьи, губные и земские Уставные грамоты Московского государства. С. 55—58.

[272] Псковские летописи. Вып. 1 / Подг. А. Н. Насонов. М.; Л., 1941. С. 110.

[273] Наместничьи, губные и земские Уставные грамоты Московского государства. С. 60—65.

[274] *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 337; *Шмидт С. О.* У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. С. 192; *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. С. 19—44; *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. С. 68—77; *Семенченко Г. В.* Посад и волость в правительственной политике в середине XVI в. // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы истории города. Л., 1988. С. 180.

[275] АСЗ. Т. 4. № 504. С. 397—399; Памятники русского права. Вып. 4. С. 249.

Важской земле в феврале—марте 1552 г. и составленные в Казне под руководством казначеев Головина, Сукина и казенного дьяка Новгородова, которым оказались подотчетны выборные земские власти. Выдаче уставной грамоты 15 октября 1555 г. крестьянам Усецких и Заецких волостей Устюжского уезда предшествовала отправка им указной грамоты об отмене кормлений от 24 мая 1555 г.[276] Уставной Двинской грамотой от сентября 1556 г. устанавливалось земское управление в Нижней половине Двинской земли, представлявшей собой наместничество в Холмогорах и в окружающих двинских землях.

Принципиальное отличие вышеперечисленных уставных грамот волостям и землям Поморья от грамот, выдававшихся промысловым общинам и посадам Замосковного края, состояло в том, что разбойные дела по Переславским грамотам 1555 г. передавались в ведение губных старост, а судить их предписывалось по губным уставным грамотам, в то время как на черносошном Севере разбойные дела передавались выборным «излюбленным головам»[277]. Неизменными на протяжении XVI в. оставались основные правовые понятия, например понятие самосуда, использовавшееся и в грамоте переславским рыболовам 1506 г., и в Торопецкой уставной грамоте 1590/91 г. В обеих грамотах использовался термин «поличное» (а не «татебное»), а для обозначения штрафа с татя применялся термин «продажа».

Особый разряд законодательных актов составляют царские указы и боярские приговоры второй половины XVI — XVII в. Часть новых законов приписывалась к Судебнику, поскольку они были приняты царем совместно с Боярской думой или собором (земским или церковным). Если указ принимался без участия Думы и не вводил новые общеправовые нормы, а давал истолкование, дополнение или разъяснение к действующим законам, он просто рассылался по приказам, а если имел региональное значение — в местные приказные или земские избы[278]. Вышеизложенное объяснение позволяет понять особенности законодательного процесса во второй половине XVI в. и объяснить лакуны, имеющиеся в сохранившихся царских указах. В тексте указа 1557 г. о займах (ростовых кабалах) хорошо видна техника исполнения законов: указ в виде памяти направлялся в приказ, в данном случае в приказ Д. И. Немого[279], а оттуда рассылался «во все городы» «в свой приказ», т. е. в города, находившиеся в ведомстве Д. И. Немого. Из указа 1558 г. ясно, что другие города могли находиться в ведомстве других бояр: «И бояром в закладных отчинах своего приказу всем людем управа давати по сему государеву указу, да и по городом, которые у них в суде»[280]. Тот факт, что оба указа в ведомство Д. И. Немого были посвящены служилым людям — их долгам и вотчинам, понуждает думать, что в документах 1557—1558 гг. речь идет об учреждении, из которого в дальнейшем выросли судные приказы.

Наиболее важные законодательные акты, как, например, приговор от 18 января 1555 г., издавались от лица царя, бояр и других доверенных лиц, например окольничего А. Ф. Адашева и постельничего

---

[276] РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. 1647 г. № 30. Л. 39—42.

[277] Наместничьи, губные и земские Уставные грамоты Московского государства. № 3. С. 114.

[278] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. С. 8—9.

[279] А. А. Зимин в связи с этим упоминанием и в полном противоречии со свидетельством источника называл приказ Д. И. Немого «избой», отмечая, что невозможно сказать, какой «избой» он ведал. См.: *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 455.

[280] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. № 26. С. 47; № 29. С. 50.

И. М. Вешнякова[281]. В тексте приговора формулировались методы дознания и наказания «лихих людей», меры ответственности губных старост, способы организации губной службы и мест лишения свободы. Предназначенный стимулировать активность выборных людей, приговор содержит данные о структурах местного управления (сотнях, десятках) и формах участия тяглых людей в губном сыске. Одной из новых задач, возложенных на губных старост в приговоре о губных делах 22 августа 1556 г., была функция общего надзора: они должны были сообщать не только о запустевших местах и причинах их запустения (например, от «сильных людей») в те приказы, где ведом их уезд, но и «о государевых делех, и о земских, и о всяких росправах» (т. е. общеосведомительные функции), а также о лицах, вступающих в сговор с целью поклепа во время обыска. Приговор о губных делах утвердил статус губных старост как агентов власти вообще, а не только Разбойного приказа, что подтверждается документально, — именно с 1555—1556 гг. они начинают исполнять поручения других приказов. Для профилактики преступлений на губных старост возлагалась обязанность полицейского контроля над лицами (так называемой явки), пришедшими из другой губы. Пятнание лошадей и явка всех новоприбывших ранее считались прерогативой кормленщика и по большей части рассматривались как его доходная статья. Получившие эти функции губные старосты, в отличие от кормленщиков, не имели права брать пошлину ни за регистрацию сделок, ни за явку, что превращало эти процедуры из доходных статей держателей должностей кормленщиков в бюрократические.

Однако в течение почти всего XVI в. в судоустройстве и судопроизводстве сохранялись архаичные практики, три из которых — служба недельщиков, поле и данные судьи — нуждаются в отдельном рассмотрении. В уездах Замосковного края в первой половине XVI в. сложилась практика предварительного расследования дел о земле и составления судного списка «данными» судьями, которых государь «давал» истцу и ответчику по их челобитным. В. Б. Кобрин полагал, что в роли «данных» судей, как правило, выступали представители определенных семей уездных землевладельцев, осведомленных о положении дел в уезде и отношениях между местными землевладельцами и связанных с наиболее влиятельными вотчинниками[282]. Однако Б. Н. Флоря показал, что «данные судьи», высланные для первоначального расследования по земельному спору между Клинской Изосиминой пустынью и наследниками сытника Курбата Третьякова, скорее всего не принадлежали к числу местных землевладельцев[283]. Эта практика была изменена в Судебнике 1550 г., постановлением которого было запрещено «дву судей на землю» посылать.

Должность недельщика была оплачиваемой службой в системе суда и предоставлялась служилым людям вместо регулярного жалованья: недельщик был обязан вызывать обвиняемых в суд, за что получал «езд» и «хоженое», «вязчее» за участие в поимке обвиняемого и «полевые» пошлины в случае контроля за судебным поединком. Служилым людям было выгодно ходить «в неделях»: согласно московской десятне 1578 г., не менее 50 человек из 260 детей боярских не брали жалованья, поскольку

[281] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. № 6. С. 33; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Комментарии. С. 20.

[282] *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). С. 177—180.

[283] *Флоря Б. Н.* О путях политической централизации русского государства (на примере Тверской земли) // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1: (Киевская и Московская Русь) / Сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. М., 2002. С. 387.

«били челом о неделях»[284]. Не менее устойчивой оказалась практика судебных поединков. Согласно статьям 1—4 Приговора о губных делах 1556 г., судебный поединок в качестве способа доказательств был заменен розыском, а статья 20 запрещала принуждение к судебному поединку. Судя по исчезновению поля из системы правоприменения, эти постановления действовали, но периодически отменялись. Во время посещения Новгорода в декабре 1571 — январе 1572 г. Иван IV провел реорганизацию системы управления и суда, восстановив «наместника по старине» и распорядившись «полям быти в Великом Новегороде по старине»[285]. Судебный поединок, так же как и деятельность недельщиков, существенно ограничивал полномочия выборных земских институтов в сфере суда.

Соотношение светской и церковной юрисдикций до середины XVI в. было традиционным и основывалось как на источниках церковного права, так и на жалованных грамотах князей. В руках церкви находился суд по семейным и брачным делам, начиная с процедуры выдачи архиереем «венечной памяти» — разрешения на брак с уплатой венечных пошлин. Безусловным правом церкви было улаживание имущественных споров супругов и дозволение разводов. Церковь стремилась участвовать и в разрешении споров при наследовании имущества на уровне семьи до передачи дел о наследстве в светский суд. Насельники монастырей, церковный причт и население монастырских и церковных вотчин было подсудно владычным кафедрам и монастырским властям, но если в древнерусский период они обладали полным судебным иммунитетом, то к началу XVI в. основные уголовные преступления — татьба, разбой, душегубство — находились в ведении княжеского суда[286].

Жесткий контроль иерархов церкви и княжеской власти был установлен над приходским духовенством посредством назначения в уезды или их части десятинников из числа митрополичьих и епископских детей боярских и владычных наместников из числа митрополичьих бояр. Исполнявшие обязанности десятинников служилые люди были, по сути, кормленщиками, взимавшими со священников традиционные въезжий, великоденский и петровский кормы и «всякие пошлины». На местах наместники и десятинники зачастую вступали в конкуренцию за сбор пошлин с населения, как это произошло в Торопце в 1525 г.[287]

Существенным ограничением власти церковных иерархов над приходским духовенством и монастырями было подчинение их патронату ктиторов, особенно широко распространенное в бывших вечевых республиках. Архиепископ Новгородский Макарий в 1528 г. настаивал на контроле владычного наместника и старост псковских «соборов» над профессиональной подготовкой священников в Пскове и самим процессом их «поряда» на должности и «отсылки». Судя по тому, что в Новгороде даже накануне Стоглавого собора «уличане» не принимали на свои приходы кандидатов, присланных архиепископом, особых успехов в выстраивании иерархии до середины XVI в. руководству церкви достичь не удалось.

Многогранная деятельность Стоглавого собора по реорганизации церкви не упразднила назначавшихся из числа владычных бояр и детей боярских десятинников; десятинники по-прежнему судили приходское

[284] *Сташевский Е.Д.* Десятни Московского уезда 7086 и 7094 гг. // ЧОИДР. 1911. Кн. 1. С. 7.

[285] Новгородские летописи / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1879. С. 109.

[286] *Щапов Я.Н.* К истории соотношения светской и церковной юрисдикции на Руси в XII—XIV вв. // Щапов Я. Н. Очерки русской истории, источниковедения, археографии. М., 2004. С. 177—186.

[287] Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. / Подг. текста А. И. Плигузова. М., 2008. С. 521—522.

духовенство по гражданским делам, но совместно — с выборными «поповскими старостами». На должности «поповских старост» назначались духовные лица в сане протопопа, помощь им должны были оказывать «десяцкие» из числа простых священников. Именно «на поповских старост» и десяцких (а не на десятинников), согласно Стоглаву, возлагались обязанности по сбору дани и различных церковных пошлин в пользу кафедры; они должны были контролировать правильность исполнения обрядов и образ жизни духовенства.

В суде владычных бояр и десятинников вместе с «поповскими старостами» и десятскими священниками должны были участвовать «градские» и «земские» старосты как лица, стоящие во главе соответствующих сословных структур светского общества[288]. Этим старостам статьями 62, 68 и 74 Судебника 1550 г. были делегированы существенные прерогативы в суде наместников и волостелей. В Москве в 1552 г. надзор за нравственностью священнослужителей должны были осуществлять А. Берсенев и староста московских гостей Хозяин Тютин. Согласно царскому указу, священнослужителей, предающихся пьянству и аморальному поведению, Берсенев и Тютин должны были «имати, да и заповедь на них царскоую имати по земскому обычаю, якож и с простых людей безчинников и бражников заповедь емлют, да отсылают тех черньцов в монастыри к архимаритом и игоуменом, и они их смиряют по монастырскому чиноу, а попов и диаконов отсылают к поповскым старостам, и они о тех безчинникех святителем возвещают и святители их исправляют по священным правилом, а на котором черньце невозможно заповеди доправити, ино взяти заповедь на том, кто его напоит, а чернца отослать в монастырь, и они его смиряют по монастырскому обычаю»[289]. Решения Стоглавого собора были осуществлены далеко не в полной мере; пересмотр тарханов в 1551 г. привел к утрате судебного иммунитета настоятелями, братией многих монастырей и причтом соборов и переходу этих корпораций под юрисдикцию митрополита и епископов. Но часть духовенства резко протестовала против реформы; выступил за сохранение подсудности царю обладавший статусом архимандритии новгородский Юрьев монастырь[290]. Изложенные факты свидетельствуют о сохраняющейся зависимости церкви от государства, хотя определенная иерархическая структура, связавшая иерархию и приходские миры, уже начала складываться.

Государственная идеология и публицистика

Применительно к реалиям России XVI в. термины «идеология» и «общественно-политическая мысль» следует использовать с некоторой долей условности. В то время развивались идеи, имевшие государственное значение и получившие обоснование в специально созданных текстах. Однако идеологии как системы идей в то время еще не было.

Важнейшей государственной задачей в области идеологии следует считать идею легитимности верховной власти. Московское княжество превращалось в единое Российское государство, и вопрос о законности права московских князей самодержавно управлять этим государственным образованием был весьма актуален. Нужно было доказать, что московский государь

[288] *Флоря Б. Н.* Отношения государства и церкви у восточных и западных славян. М., 1992. С. 126—128.
[289] РГАДА. Ф. 197. Оп. 3. № 58. Л. 1—1 об.
[290] ДАИ. Т. 1. № 46. С. 63—65.

имеет право на неограниченную власть на всей стремительно расширявшейся территории Российского государства. Решение этой задачи в дальнейшем предопределило развитие монархической идеологии.

В конце XV — XVI в. Великое княжество Владимирское и Московское преобразовалось в государство «всеа Русии» (или «всея Руси»), а с 1547 г. — в Российское царство. Самоназвание «Московское государство» («Московское господарство», нередко во множественном числе — «Московские господарства») отражало идею светского господства московского монарха над всеми суверенами внутри государства, а также международный статус, идентичный мусульманскому Османскому султанату и католической западнохристианской Священной Римской империи германской нации. В московской дипломатии за европейскими императорами закрепился титул «цесарей», который в византийской политической иерархии был более низким, чем царский. Царский же титул спорадически применялся к русским великим князьям и до XVI в. Великий князь Василий I Дмитриевич отказывался признавать имперскую власть Константинополя, чем вызвал гнев императора[291]. Великий князь Борис Александрович был наделен царским титулом в панегирике, написанном тверским книжником иноком Фомой[292]. В конце XV в. царский титул все чаще применялся в отношении Ивана III, которого так титуловали и некоторые заграничные монархи (власти Венеции, Дании, Ливонии, ганзейских городов)[293].

Дипломатическими путями и военными союзами московские монархи добились к середине XVI в. признания царского титула от Священной Римской империи (1514) и королевского, переведенного в Москве как царский, от Османского султаната (1549). На этом фоне в январе 1547 г. прошло торжественное венчание на царство Ивана IV, а сразу после него — венчание царицы Анастасии, что гарантировало династическое понимание высшей власти и идею прямого наследования высшего суверенитета.

Параллельно шло формирование самого титула с обозначением всех подвластных московскому государю территорий. Ногайские князья уже в середине 1550-х гг. иногда обращались к московскому правителю, называя его прямым потомком Чингисхана. Титул государя стремительно разрастался и к началу 1560-х гг. включал в описательной части претензии московской власти не только на спорные Северские земли, Смоленск и Полоцк (с потерей которых власти Польши и Литвы не смирились), но и царства Казанское, Астраханское, Сибирское, всю «Северную землю», Ливонию. В правление Федора Ивановича в титуле появилась грузинская земля — Имеретинская.

Папский престол около 1551 г. и в 1580—1582 гг. выступал с инициативой имперской коронации московского правителя, но только в обмен на признание им главенства римского папы, что для православной России было недопустимым. Отказался от признания царского титула великого князя Московского и венский императорский двор. В Польше и Литве также не признавали Ивана IV и его наследников на престоле вплоть до приглашения в 1610 г. на московский престол Владислава Ваза, сына польского короля Сигизмунда III. Лишь изредка

---

[291] Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: (XI—XV вв.). 2-е изд. / Под ред. А. С. Павлова. СПб., 1908. Приложение. С. 269—271. (РИБ; Т. 6); *Стремоухов Д.* Москва — Третий Рим: Источник доктрины // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. С. 427—428.

[292] *Флоря Б. Н., Кучкин В. А.* Княжеская власть в представлениях тверских книжников XIV—XV вв. // Римско-константинопольское наследие на Руси: Идея власти и политическая практика. М., 1995. С. 194—198; *Конявская Е. Л.* Очерки по истории тверской литературы XIV—XV вв. М., 2007. С. 291—292.

[293] *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в.; *Горский А. А.* Русь: От славянского расселения до Московского царства. М., 2004.

(в 1568 и 1569 гг.) в устных приветствиях московского государя польско-литовские посланники с согласия короля и панов рады использовали царский титул, но в официальной межгосударственной переписке его за московскими властями не признавали. В ответ русская дипломатия неоднократно пыталась лишить польских и литовских суверенов королевского титула или «братства» (1551, 1577). Восточные иерархи также не сразу признали царский титул Ивана IV и в 1560—1561 гг. прислали грамоту, которая вызвала недовольство в Москве, поскольку она не содержала окончательного признания законности его венчания на царство в 1547 г.[294]

Борьба русских великих князей за признание и расширение высшего суверенитета началась задолго до венчания Ивана IV на царство, которое было лишь внешним выражением этой идеологической программы. Рост политического авторитета и имперского самосознания московской власти происходил за счет преобразований во всех сферах культурной жизни, что во многом определило развитие культуры в России XVI в.

Прямые потомки московского князя Ивана Калиты сохраняли за собой право на Московское княжество. После смерти Ивана Ивановича Красного и вплоть до смерти последнего представителя рода, царя Федора Ивановича, основным принципом наследования трона был майорат: великим князем и царем становился старший сын предыдущего великого князя. Хотя принцип нарушался неоднократно, его соблюдение выставлялось как обязанность даже для нарушителей. Внук Дмитрия Донского Василий Васильевич в споре за великокняжеский престол со своим дядей Юрием Дмитриевичем Галицким, несмотря на возраст, отстаивал свое первенство и главенство старшинством и майоратом. Принцип был важнее, чем завещание деда, Дмитрия Донского. Соправление Ивана III с сыном от первого брака Иваном Ивановичем не предполагало равноправия. После трагической смерти Ивана Ивановича возвышение его сына, Дмитрия Ивановича, и его венчание на престол в 1498 г. по византийскому цесарскому чину на великокняжеский трон означало, что высшая власть в стране представлена двумя неравными между собой по объему полномочий действующими монархами. Для Ивана III было важно возвышаться над венчанным великим князем, поскольку венчанный статус был не только ниже «господарского всеа Русии» великокняжеского статуса его отца по объему полномочий, фактическому положению и именованию в дипломатии — царя, но и отделял Ивана Васильевича от основной массы суверенных, служилых и зависимых князей непроходимой политической дистанцией[295].

Василий Иванович, сын Ивана III от брака с Софьей Палеолог, выдвинулся на престол по воле отца и матери, а не по какому-то закону, позволявшему смещать венчанного великого князя, но стремление Василия III избавиться от племянника, «царя» Дмитрия, свидетельствовало о нехватке легитимности московской светской власти и предоставляло наглядный пример устранения политических конкурентов, которым позднее неоднократно пользовались и Василий III, и окружение его малолетнего наследника и Елены Глинской, и сам Иван IV, и его наследники. Наиболее опасные для неустойчивого майората боковые ветви рода, удельные князья, были к рубежу 1560—1570-х гг. полностью уничтожены. Насильственной смертью умерли Юрий Дмитровский, Андрей Старицкий,

[294] *Савва В. И.* Московские цари и византийские василевсы: К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. М., 2012. С. 89—91.

[295] *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий. С. 138—147; *Каштанов С. М.* Государь и подданные на Руси в XIV—XVI вв. // II MEMORIAM: Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 227—228; *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. 4-е изд. М., 2009. С. 94—110.

Владимир Старицкий. Иван IV в завещании грозил младшему сыну Федору справедливой смертью, если он погнушается своим уделом и захочет царствовать при жизни старшего брата Ивана.

Конечно, картина усложнялась, когда на трон претендовали одновременно первенцы от разных великокняжеских и царских браков, и эти осложнения видны в завещательной политике Ивана III и Ивана IV. Соблюсти систему наследования престола можно было только в том случае, если у правящего монарха имелось мужское потомство и не было конкуренции за власть со стороны удельных князей, т. е. ближайших родственников из числа потомков Калиты. Отсутствие наследников приводило к драматическим событиям в великокняжеской и царской семье. Так, бесплодие первой жены Василия III Соломонии Сабуровой обернулось разводом, отсутствие мужского потомства у царя Федора Ивановича привело к падению династии Ивана Калиты и успеху самозванца, который объявил себя сыном Ивана IV. Запреты удельным князьям на вступление в брак и расправы над удельными князьями в правление Василия III и Ивана IV, а затем и гибель царевича Дмитрия в Угличе — звенья одной цепи становления династического майората.

Брачная политика содействовала росту самодержавного самосознания великих князей Московских. После Дмитрия Донского возникла традиция вступать в брак или женить старших княжичей на девушках из иных правящих родов для укрепления международного статуса будущего или действующего правителя. Так, московской династии удалось породниться с великими князьями Тверскими, Литовскими и Черкасскими, с византийскими Палеологами, с потомками молдавских господарей и великих князей Киевских, с литовскими князьями Глинскими и потомками сербских деспотов Якшичами. Более внушительным было вымышленное родство, которое московские правители приписывали себе и своим заграничным женам. В 20-е гг. XVI в. в Москве утвердилось представление, согласно которому Иван Калита и его правящие потомки были прямыми наследниками родного брата императора Августа, Пруса, от которого будто бы происходил основатель русского княжеского рода Рюрик. По матери Иван IV был внуком Василия Львовича Глинского, который выводил себя от ордынского темника Мамая. Таким образом, царь Иван полагал, что происходит по отцу и по матери одновременно от двух полководцев, сразившихся между собой в 1380 г. на Куликовом поле за власть в русских землях, — Дмитрия Донского и Мамая.

Русские земли, окружавшие Москву, не сразу признали первенство московских великих князей. И даже когда признавали, соседи допускали лишь частичное подчинение им как великим князьям Владимирским. Внесение других русских земель в титул московских правителей было первой в истории Руси попыткой «собрать» воедино наследие распавшейся древнерусской общности. Конкурентами московских князей выступали великие князья Тверские, Нижегородские, Литовские, Рязанские. Не сдавались в борьбе за обособленность от Москвы Новгород и Псков, Ярославль и Ростов. Завершающие стадии этого процесса пришлись на первую половину XVI в.

Согласно одной из псковских летописей, в 1510 г. посадники и простые жители Пскова так говорили московскому послу дьяку Третьяку Долматову о великом князе Московском: «тако в нас написано в летописцех, с прадеды его и з деды и со отцем его крестное целование с великими князьми положоно, что нам псковичам от господаря своего великого князя, кои не будеть на Москве, и нам от него не ити ни в Литву, ни в Немцы; а нам жити по старине в добровольи»[296]. Летописец отстаивал «старину»,

[296] Псковские летописи. Вып. 1. С. 94.

в которой не было подданства, а было добровольное дипломатическое подчинение.

Право Москвы на их владения на первых порах не признали рязанские и северские князья. Северского князя Василий III выманил из имения и, нарушив крестоцелование, бросил в тюрьму. Последний великий князь Рязанский Иван бежал в Великое княжество Литовское, а за его земли позднее боролся его племянник князь Семен Бельский, который войной и дипломатией пытался вернуть власть, свою и своих братьев, в утраченных землях. Война эмигрантов князя Семена Бельского и Ивана Васильевича Ляцкого за свои вотчины была воспринята с энтузиазмом королем Сигизмундом I, который видел в ней не только удобный случай вернуть территориальные потери от войн конца XV — начала XVI в., но и борьбу ограбленных Москвой окраин за свой былой суверенитет[297].

Рост имперских тенденций в московской политике проявился и в сфере культуры. Прежде всего в самом языке, где разрастался круг имперских понятий, почерпнутых из языков Византии, монгольского хозяйствования и управления, католической Европы и особенно от южных славян. Второе южнославянское влияние на церковнославянский язык привело в первой половине XV в. к переработке книжности в духе высокой патетики. Книги наполнились не только южнославянским орнаментом и стилем «плетения словес», но и государственным славословием. Московская книжность создавалась лицами, прошедшими южнославянскую выучку, в сотрудничестве с деловыми людьми нового поколения — дьяками и подьячими, монахами-иосифлянами, придворными интеллектуалами. В середине XV в. Пахомий Логофет переработал Житие Сергия Радонежского, превратив Сергия в духовного пособника Дмитрия Донского в победе над татарами. На рубеже XV—XVI вв. было написано «Сказание о Мамаевом побоище», в котором приближенные великого князя стремились обозначить участие своих предков в сокрушении ордынского войска. В начале XVI в. Иосиф Волоцкий проповедовал новый тип монастырского общежития и одновременно суровые правила очищения церкви. Ему принадлежит возрождение представлений византийского писателя VI в. Агапита, уподоблявшего духовную власть царей божественной власти. Подобно европейским учениям о «двух телах короля», в рассуждениях Иосифа монарх подобен человеку и Богу одновременно, и ответственность царя всегда предполагает соблюдение духовной чистоты, без чего ему грозит деградация, а христианскому государству — гибель. Формированию нового статуса русских земель способствовали дипломатические успехи, и особенно первое официальное титулование Василия III императором в грамоте, адресованной ему императором Максимилианом в 1514 г. Есть основания считать, что Василий III намеревался венчаться на царство, для чего были подготовлены шапка Мономаха и другие царские регалии. Однако венчан на царство впервые был лишь его сын Иван IV[298].

В русских землях XV в. повсеместно признавались два царства, сохранявшие верховенство над Русью, в том числе и над Москвой. Первое — древнее Ромейское (Римское), Второй Рим, т. е. Византия, во главе с царствующей там династией Палеологов. Второе, посланное Богом в наказание и порабощение, — Орда, которая была кочевой империей с исконной столицей в Каракоруме, но на конец XV в. фактиче-

[297] *Kappeler A.* Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit: Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes. Bern; Frankfurt a. M., 1972; *Kąkolewski I.* Melancholia władzy: Problem tyranii w europejskiej kulturze politycznej XVI stulecia. Warszawa, 2007. S. 252—285; *Ерусалимский К. Ю.* На службе короля и Речи Посполитой. М.; СПб., 2018. С. 63—143.

[298] *Богатырев С. Н.* Шапка Мономаха и шлем наследника: Репрезентация власти и династическая политика при Василии III и Иване Грозном // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2011. № 1 (9). С. 171—200.

ская столица находилась в городе Сарае на Волге. Обе эти державы в относительно короткий исторический промежуток рухнули, открыв для московских книжников богатый ресурс для формирования идеологии нового царства. Из этого не следует, что идеология Византии и Орды была непосредственно унаследована Москвой. Особенности русской культуры были весьма существенны, а симбиоз влияний был более сложным. Ордынское влияние не следует сводить к утверждению восточного деспотизма, потому что сам этот термин неточно характеризует систему монгольского владычества на подвластных им территориях. В Москве тем не менее утвердились татарские системы контроля, отразившиеся в быту и в экономике. Куны стало принято называть под татарским влиянием деньгами, ткани измерялись пришедшими с арабского рынка аршинами, в местном управлении все так же действовал ордынский «выход», поступавший отныне в московскую казну. После присоединения поволжских царств и Сибири Москва переняла здесь у татар систему налогообложения — ясак, сохранявшийся вплоть до начала XVIII в. В мужской моде к середине XVI в. прочно закрепились нижние головные уборы — тафьи, против которых церковь тщетно боролась, видя в них мусульманское влияние. Великие князья были окружены подобострастием подданных и обращались к ним не иначе, как к холопам, в чем князь Андрей Курбский в эмиграции видел результат монгольского влияния на русскую власть.

Великие князья все чаще титуловались царским титулом, но титулы господаря «всея Руси» и великого князя воспринимались в Москве с не меньшим пиететом. Царский титул, по традиции все еще ассоциируемый с татарскими ханами, византийскими и германскими императорами, уже в конце XV в. воспринимался как равный московскому великокняжескому титулу. Еще до того, как царский титул был официально принят на общерусском и более широком международном уровне, великие князья присвоили себе ряд имперских символов. Среди них — имперский двуглавый орел, «ездец»-копьеносец, побеждающий змия, и Единорог (Инорог) — символ вечного царства Христа. Единорог встречается на монетах Ивана III, выступает на Большой и Малой государственных печатях Ивана IV, упомянут в дипломатической переписке в канун войны с Великим княжеством Литовским при Иване IV — в годы, когда при митрополите Макарии восторжествовала идеология симфонии духовной и светской властей. Позднее данный символ сохранял основное идейное значение, символизируя идеалы правды, святости и христианских ценностей, которые декларировала и которых стремилась придерживаться московская власть.

Систематической перестройке при участии и по проектам итальянских мастеров подвергся Московский Кремль, став не только самым могущественным крепостным сооружением в Российском государстве, но и сакральным центром, пространство которого было организовано в символической связи между церемониальным храмом (Успенским собором), великокняжеской усыпальницей (Архангельским собором) и личным храмом царской семьи (Благовещенским собором). После пожара 1547 г. в Сенях и Золотой палате Кремля были восстановлены настенные росписи, которые изображали преемственность между ветхозаветными царствами, Римской империей, Русью и Москвой. В Успенском соборе было создано Царское место — шатровая молельня, опирающаяся на четырех зверей, подобных апокалиптическим зверям, в толкованиях пророка Даниила символизировавшим четыре мировые империи, над которыми Москве предстояло возвыситься как последнему царству. На резных стенках, окруживших Царское место, были изображены сцены из «Сказания о князьях Владимирских», показывающие, как царские регалии были унаследо-

ваны русскими князьями от древних империй. Шатер молельни с венчающим его двуглавым орлом символизировал Московское царство. В стенописи Архангельского собора, являвшегося великокняжеским и царским некрополем, князья-предки Ивана IV, даже не канонизированные церковью, были изображены как святые — с нимбами над головами.

Сам царь Иван ревниво напоминал своему боярину князю Андрею Курбскому, что святыми признан и сыноубийца-император Константин Флавий, и предок князя Курбского князь Федор Ростиславич Смоленский и Ярославский, устроивший как-то в Смоленске казни на Пасху. В одном из посланий князю Курбскому Иван IV величал царями тех князей, которые такого титула не имели. Среди них — киевский князь Владимир Святославич, Владимир Мономах, Александр Невский, Дмитрий Донской. Это было новшество, на которое не решались еще московские книжники, принимавшие участие в работе над Сводом митрополита Даниила конца 1520-х гг. (Никоновской летописью) и Воскресенской летописью в 1520-е — начале 1540-х гг.

История вымышленного брата императора Августа по имени Прус возникла не случайно. Если Прус — царственный предок Рюрика, то все его русские потомки должны были считаться царями. В дипломатии такая трактовка неоднократно вызывала конфликты, поскольку предки Ивана IV на свое царское венчание не ссылались и в известных источниках выступали без «царского имени». На это ссылался и князь Курбский в ответном послании царю, упрекая того в непомерных и неоправданных амбициях, и король Стефан Баторий, оскорбленный унизительным отношением к нему Ивана Васильевича. В своем послании 1580 г. король уничижительно назовет Ивана господарем «своея Руси», а в посланиях и в польско-литовской государственной пропаганде 1579—1581 гг. не раз будут упоминаться «басни бахорей» — вымыслы Ивана Васильевича о несуществовавшем императоре Прусе, наследовании царского титула и ложных правах Москвы на «всю вселенную»[299].

Крупнейший памятник эпохи — Степенная книга царского родословия, основные работы над которой были завершены вскоре после 1560 г., — еще не содержит царской родословной, отразившейся в упомянутом послании Ивана IV. Названные там князья упоминаются только с великокняжескими титулами, а заняв Казань, согласно Степенной книге, царь Иван Васильевич прославился «превыше отец своих»[300].

Великий князь Иван IV Васильевич унаследовал от отца не только большую страну, но и амбиции полного единовластия в государстве, где в его собственном окружении было много носителей княжеского титула, ближайших родственников — удельных князей и даже называвшихся когда-то на Руси царями Чингисидов, теперь перешедших к нему на службу. В образе царя Ивана проявилось противоречие, ставшее символом двух разнонаправленных тенденций: вера в харизму монарха и законной монархической власти, с одной стороны, и своеобразный федерализм, пестрота и разобщенность разросшейся и плохо контролируемой страны — с другой. Исследователи биографии и твор-

[299] *Гольдберг А. Л.* К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. 1976. Т. 30. С. 204—216; *Мыльников А. С.* Мифологемы «Кесарь Август» и «Москва — третий Рим», или Московская страница в истории европейского измерения славянского мира // Славяне и их соседи: Славянский мир между Римом и Константинополем. Вып. 11. М., 2004. С. 184—208; *Ерусалимский К. Ю.* Прус и «Прусский вопрос» в дипломатических отношениях России и Речи Посполитой 1560-х — начала 1580-х гг. // Хорошие дни: Памяти Александра Степановича Хорошева. Великий Новгород; СПб.; М., 2009. С. 276—293.

[300] *Усачев А. С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009. С. 617—655.

чества Ивана IV в целом пришли к согласию, что гипертрофированные масштабы его самодержавия были отчасти подготовлены преобразованиями предшественников, и уже в детстве он воспитывался и рос, осознавая свое царское предназначение. Убежденность Ивана IV в своей харизме граничила к тому же с манией величия, обострявшейся из-за нереализованных планов и неудовлетворенных амбиций. Венчание на царство как его самого, так и его жены Анастасии Романовны Захарьиной-Юрьевой впервые в русской истории создавало непреодолимую дистанцию между верховным правителем и его родичами, независимыми русскими суверенами, удельными князьями и верхушкой боярства. Номинально царь возвысился и над польскими королями, которые в титуле также сохраняли верховенство над русскими землями.

Дипломатические усилия по признанию царского титула отражались на самосознании царя, усиливали его подозрительность и вели ко все новым придворным и международным коллизиям. В конце 1560-х гг. царь расправился с последним удельным конкурентом своей власти Владимиром Старицким и учредил вассальное Ливонское королевство. Позднее фактическим правителем в Москве почти на год сделался потомок Чингисхана, царь и великий князь Симеон Бекбулатович.

Харизма царя подпитывалась священными смыслами царского титула и особенностей ритуала коронации (венчания на царство). В основу принятого церемониала были положены особые чины, по которым совершался сакральный обряд. Первый чин 1546—1547 гг. был создан на основе переработанного в конце XV в. в Москве византийского образца, позднее он был переделан уже в царствование Ивана IV, и по новому чину были венчаны Федор Иванович, Борис Годунов и последующие монархи. Царь не просто венчался и облекался шапкой Мономаха, бармами, скипетром и державой, но еще и помазался на царство руками митрополита или патриарха, получая «причастие святых и животворящих божественных Христовых таин»[301]. Новый статус требовал переосмысления жилища царя и его деятельности. Отныне только московский царь получал доступ к сакральным обрядам, унаследованным, как считалось, от первых веков христианства. На Красной площади, «на Рву», построили необычной архитектуры Покровский собор (храм Василия Блаженного), который вплоть до 1693 г. ежегодно служил центром проведения в Вербное воскресенье церемонии «шествия на осляти», во время которой царь из Успенского собора Кремля вел под уздцы лошадь митрополита, символизируя Христа, вступающего в Иерусалим верхом на осле[302]. А в миниатюрах Лицевого летописного свода, подобно ветхозаветным, римским и византийским императорам, Иван IV изображался в царском венце, в отличие от всех других русских князей.

Став самым могущественным государем православного мира, московский царь воспринимал себя главой всех православных христиан, а Россию — центром православия. Такие амбиции требовали соответствующего идеологического оформления. Так идея наследования Россией статуса Византийской империи породила легенды о перемещении византийских святынь на Русь. Самой популярной из них стала легенда о чудесном явлении иконы Тихвинской Богоматери, которую в XVI в. сопоставляли с древней христианской святыней — иконой Лиддской (Римской) Богоматери. По преданию, эта икона уплыла из охваченной

[301] *Успенский Б. А.* Царь и патриарх: Харизма власти в России: (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 14—29.

[302] *Флайер М. С.* Расшифровка кода: Образ царя в обряде Вербного воскресенья в Московском государстве // Американская русистика: Вехи историографии последних лет: Период Киевской и Московской Руси: Антология / Сост. Дж. Маджеска; пер. с англ. З. Н. Исидоровой. Самара, 2001. С. 203—239.

иконоборчеством Византии в Рим и по воде вернулась обратно, когда с ересью иконоборчества было покончено[303]. Путешествие по воде Тихвинской иконы и обретение ею места пребывания в 1383 г. в XVI в. воспринимались как особый знак благочестивого царства, которым отмечена Русская земля[304]. Характерно, что в XVI в. чудотворные иконы и другие святыни свозили в Москву, а некоторые потом торжественно возвращали на место прославления, маркируя таким образом территорию страны как некое сакральное пространство. Кроме Тихвинской иконы, в XVI в. получили прославление иконы Николы Великорецкого (в Вятской земле), Казанской Богоматери (в Казани), привозили в Москву и вернули обратно в Полоцк крест Евфросинии Полоцкой[305].

Царскому происхождению правящей династии посвящено «Послание о Мономаховом венце» бывшего литовского митрополита Спиридона-Саввы, адресованное неизвестному лицу из окружения Василия III. Спиридон-Савва, происходивший из тверских земель, в 1470-е гг. оказался во главе православной церкви в Великом княжестве Литовском[306]. После низложения с митрополичьего престола он попал в Россию и был заключен в Ферапонтовом монастыре, где пользовался несомненным авторитетом как книжник. Так, в 1503 г. по заказу властей Соловецкого монастыря он написал Житие Зосимы и Савватия Соловецких. Поэтому неудивительно, что именно к нему обратился некий высокопоставленный вельможа с просьбой объяснить происхождение царских регалий. Высказывалось убедительное предположение, что этим вельможей был князь-инок Вассиан (в миру Василий Иванович Патрикеев), в 1499 г. попавший в опалу и насильственно постриженный в монахи в Кирилло-Белозерском монастыре[307]. Впоследствии Вассиан Патрикеев вернулся в Москву и вплоть до осуждения на соборе 1530 г. был одним из ближайших советников Василия III.

Впервые царские регалии — шапка Мономаха, золотая цепь и сердоликовая коробочка — были задействованы в 1498 г. при венчании на великое княжение Дмитрия, малолетнего внука Ивана III. После этого события Вассиан, скорее всего, и обратился к Спиридону-Савве за разъяснениями относительно их происхождения. «Послание о Мономаховом венце» состоит из трех сюжетно не связанных между собой частей. Первый раздел «Послания» посвящен происхождению династии Рюриковичей. Автор утверждает, что предком Рюрика был Прус, приближенный римского императора Октавиана-Августа (в тексте «Послания» — Август кесарь). В качестве доказательства приводится рассказ

[303] *Квливидзе Н. В.* Сказание о Лиддской-Римской иконе Богоматери в Московском искусстве второй половины XVI в. // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. М., 2007. С. 230—236.

[304] *Jääskinen A.* The Icon of the Virgin of Tikhvin: A study of the Tikhvin monastery palladium in the hodegetria tradition. Helsinki, 1976. P. 48; *Кириллов В. М.* Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия»: Литературная история памятника до XVII века: Его содержательная специфика в связи с культурой эпохи: Тексты. М., 2007. С. 20—28, 201—220.

[305] *Маханько М. А.* Почитание и собирание древних икон в истории и культуре Московской Руси XVI века. М., 2015. С. 17—126.

[306] С канонической точки зрения он был легитимным главой всей Русской церкви, поскольку в киевские митрополиты его рукоположил константинопольский патриарх. Митрополиты же Московские ставились собором епископов и не имели связи с Константинопольским патриархатом. По этой причине в Москве к литовским митрополитам относились крайне отрицательно, давали им оскорбительные для церковных иерархов прозвища. Так, предшественника Спиридона-Саввы прозвали «Черт», а самого Спиридона — «Сатана».

[307] См.: *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 84; *Флоря Б. Н.* «Царьский жребий»: Кто заказал Спиридону-Савве «Послание» // Родина: Российский исторический журнал. 2004. № 12. С. 5—8.

Хронографа о разделении Августом своей империи между родственниками и приближенными[308]. В хронографическом рассказе имени Пруса нет, оно появляется только в «Послании о Мономаховом венце». Так появилась Августианская легенда, ставшая одной из идеологических основ монархии в России XVI в. Типологически эту легенду можно связать с легендой о Палемоне, возникшей в Великом княжестве Литовском во второй половине XV в. и повествующей о происхождении знатных литовских родов от троянцев, которые после разрушения Трои приплыли на корабле на территорию будущей Литвы и там поселились. Легенда о Палемоне, в свою очередь, оказывается родственной польскому Сарматскому мифу о происхождении польской шляхты от древнего народа сарматов. Подобные легенды получили распространение в разных странах Западной Европы в XV—XVI вв. Их цель состояла в поиске в древней истории человечества первопредка своего народа, для чего обращались к библейской или античной истории. Отличие Августианской легенды от западных образцов состоит в том, что она обосновывает происхождение от античных предков не народа или его элиты, а только правящей династии[309].

Второй раздел «Послания о Мономаховом венце» посвящен собственно происхождению царских регалий — это так называемая легенда о дарах Мономаха. Согласно «Посланию» Спиридона-Саввы, шапку-корону, золотую цепь и коробочку из сердолика получил киевский князь Владимир Мономах от своего деда по матери — византийского императора Константина Мономаха, унаследовавшего их от предков. Изначально же они принадлежали римскому императору Октавиану Августу[310]. В тексте «Послания» сказано, что киевский князь пошел войной на византийскую провинцию Фригию, и, чтобы откупиться от завоевателя, византийский император отправил к нему посольство с царскими дарами, хотя в момент кончины Константина Мономаха его внуку Владимиру Мономаху было всего четыре года. В действительности же так называемая шапка Мономаха и другие регалии с давних пор хранились в великокняжеской казне как драгоценные предметы и никаких сведений об их происхождении не имелось.

Третий раздел «Послания о Мономаховом венце» представляет собой изложение родословия литовских князей, которое оканчивается самим Вассианом Патрикеевым, исключительное положение которого при дворе Василия III опиралось на родство Патрикеевых одновременно с двумя правящими династиями — литовской и московской. Присутствие и литовского родословия, и персоны самого Вассиана Патрикеева в «Послании о Мономаховом венце» дает возможность предположить, что адресатом послания был именно Вассиан Патрикеев.

«Послание о Мономаховом венце» получило известность в 1520-е гг. Причем, как показал А. Л. Гольдберг, в его тексте имеются заимствования из договора России с Тевтонским орденом 1520 г. Так появилось имя Пруса и полученные им от Августа города Мальборк, Торунь, Хвойница и Гданьск. Россия обязалась поддерживать претензии Тевтонского ордена на эти го-

---

[308] См., например: ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 230; Ч. 2. С. 47. СПб., 1911.

[309] *Филюшкин А. И.* Легендарные родословия великих князей Литовских и великих князей Московских: Принципы построения // Русский родословец. 2001. № 1. С. 6—14.

[310] Б. Н. Флоря полагает, что в легенде о дарах Мономаха получил отражение реальный факт присылки при Владимире Мономахе в Киев из Константинополя важной христианской реликвии, которую могли использовать в качестве великокняжеской инсигнии — «перста» Иоанна Крестителя (*Флоря Б. Н.* К генезису легенды о «дарах Мономаха» // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования: 1987 год. М., 1989. С. 185—188).

рода, принадлежавшие Польше, в соответствии с договором 1520 г.[311] Вероятно, «Послание» Спиридона-Саввы в 1520-е гг. было отредактировано с учетом политической конъюнктуры[312]. Близкие легенды бытовали в литературе Византии, Болгарии и Сербии[313]. Например, в сербской легенде о происхождении правящей династии Неманичей сын родоначальника Стефан Первовенчанный объявлен родственником Октавиана Августа[314].

На основе «Послания» Спиридона-Саввы в 1520-е гг. составили «Сказание о князьях Владимирских», которое, по существу, является его незначительной переработкой. Августианская легенда была включена в Воскресенскую летопись, Степенную книгу, Лицевой летописный свод. Легенда о дарах Мономаха стала основной темой для рельефов, украсивших Царское место московского Успенского собора в 1551 г. Августианская легенда отразилась в созданном около 1555 г. Государеве родословце, который стал основным генеалогическим руководством для разрядных дьяков[315].

Эта легенда была известна некоторым западноевропейским путешественникам, посещавшим Москву в XVI в. С ней явно был знаком С. Герберштейн, посетивший Россию в 1517 и 1526 гг.: «Русские похваляются, что эти три брата вели свой род от римлян, как и, по его собственным словам, нынешний московский государь»[316]. «Сын Всеволода Владимир, по прозвищу Мономах, снова обратил всю Руссию в монархию, оставив после себя некоторые инсигнии, которые и поныне еще употребляются при коронациях государей»[317]. Легенду упоминает и Д. Принтц, описывая свое участие в имперском посольстве 1575 г.[318]

В середине — второй половине XVI в. Августианская легенда, как и легенда о дарах Мономаха, неоднократно фигурировала в посольской документации[319], а также в посланиях Ивана IV. Так, на свое происхождение от Августа Иван IV ссылался во втором послании шведскому королю Юхану III 1573 г.: «А что писал еси о Римского царства печати, и у нас своя печать от прародителей наших, а и римская печать нам не дико: мы от Августа кесаря родством ведемся»[320]. В послании А. Полубенскому 1577 г. Иван IV писал: «И сице обладающу Августу всею вселенною и посади брата

---

[311] *Гольдберг А. Л.* К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. 1976. Т. 30. С. 208—211.

[312] *Ранчин А. М.* Спиридон-Савва // Большая российская энциклопедия. Т. 31. М., 2016. С. 79.

[313] *Гольдберг А. Л.* К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха. С. 206.

[314] См.: *Дуйчев Й.* Византия и византийская литература в посланиях Ивана Грозного // ТОДРЛ. 1958. Т. 15. С. 161; *Стојановић Љ.* Српски родослови и летописи // Гласник Српског ученог друштва. Кн. 53. 1884. С. 48.

[315] *Гольдберг А. Л.* Историко-политические идеи русской книжности XVI—XVII вв. Дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1978. С. 166.

[316] *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 1. С. 44—45; Т. 2. С. 299; *Лимонов Ю. А.* Герберштейн и русские летописи // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 2. Л., 1969. С. 214—229.

[317] *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 1. С. 60—63.

[318] Записки Д. Принтца стали источником, из которого Августианская легенда попала в другие сочинения западноевропейских авторов XVI—XVII вв., писавших о России (см.: *Жданов И. Н.* Повести о Вавилоне и «Сказание о князьях владимирских» // Жданов И. Н. Русский былевой эпос. СПб., 1895. С. 70—71; *Гольдберг А. Л.* Отражение историко-политических идей русской книжности // Рукописная и печатная книга. М., 1975. С. 134—135; *Он же.* Историко-политические идеи русской книжности XVI—XVII вв. С. 171; *Лимонов Ю. А.* Русские источники «Московии» Д. Мильтона // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 245).

[319] См. об этом: Сборник РИО. Т. 59. С. 345; *Жданов И. Н.* Русский былевой эпос. С. 73; *Гольдберг А. Л.* Историко-политические идеи русской книжности XVI—XVII вв. С. 172—178.

[320] Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 158.

своего Пруса во град глаголемый Малборок и Торун и Хвойницу и преславный Гданеск по реке глаголемую Неман, яже течет в море Варяжское»[321]. Только пресечение правящей династии Рюриковичей после смерти царя Федора Ивановича в 1598 г. положило конец активному использованию этой легенды.

Другая концепция, которая утверждала легитимность правления московских князей, была сформулирована в послании старца псковского Елеазарова монастыря Филофея 1523—1524 гг., которое адресовано государеву дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю-Мунехину[322]. Его появление было вызвано запросом М. Г. Мисюря-Мунехина, который прочитал труд великокняжеского лекаря, немца Николая Булева, известного переводчика латинских сочинений — причем как естественнонаучных (он перевел первый в России труд по медицине — «Травник» немецкого издания 1492 г.), так и богословских. Николай Булев оказался в России еще в конце XV в. и работал в окружении новгородского архиепископа Геннадия, в том числе занимаясь составлением новой пасхалии — хронологической таблицы с расчетами дат Пасхи на разные годы. Труд Булева, вызвавший вопросы со стороны Мисюря-Мунехина, представляет собой перевод на русский язык астрологического сочинения немецкого гуманиста Штофлера, в котором предсказывается всемирный потоп в 1524 г. Но, помимо этого, в переводе Булева содержались указания на Рим как центр христианской цивилизации. Этот пункт был далеко не центральным в сочинении Штофлера, но в России именно он вызвал наибольшие нарекания. Им оказался недоволен не только Мисюрь-Мунехин, но и Максим Грек, жестко критиковавший богословские воззрения Булева. В ответ на просьбу прокомментировать предсказание Штофлера Филофей сочинил свое послание — его называют, прибегая к терминологии автора, «На звездочетцев»[323]. Разумеется, Филофей писал его не только для своего адресата, понимая, что текст будут читать и переписывать, и в этом проявилась его публицистичность. В послании Филофей рассуждал о значении России в мировой истории, принимая идущий из античности взгляд на центричное устройство мира. Мир имеет свой центр, свою столицу, и эта столица — Рим. Вопрос только в том, где сейчас центр мира. Первый Рим впал в ересь, и его статус перешел на «второй Рим» — Константинополь. Но и Константинополь пал под ударами турок, а кроме того, впал в ересь, согласившись на унию с католиками. И настала очередь «третьего Рима» — Москвы. Филофей пишет: «Да веси, христолюбче и боголюбче, яко вся христианская царства приидоша в конець и снидошася во едино царство нашего государя, по пророчьскимь книгамь, то есть Ромейское царство. Два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти»[324], т. е. на Московском царстве закончится мировая история. Согласно этой концепции, Россия стоит во главе христианского мира и сыграет главную роль в финале

[321] Послания Ивана Грозного. С. 193.

[322] Михаил Григорьевич Мисюрь-Мунехин — государев дьяк в Пскове. Учеником Мисюря Мунехина называл себя известный русский книжник Дмитрий Герасимов. Необычное прозвище дьяка Мисюрь указывает на его связи с Египтом (в древнерусской традиции Египет называли Мисюрем). В 90-е гг. XV в. он посетил Египет, Иерусалим, Константинополь и записал свои впечатления от этой поездки. Впоследствии его привлекали для приема восточных послов. С момента окончательного присоединения Пскова к Русскому государству Мисюрь-Мунехин — государев дьяк при псковских наместниках.

[323] *Синицына Н. В.* Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XVI—XVII вв.). М., 1998. С. 174—187; *По М.* Изобретение концепции «Москва — третий Рим» // Ab imperio: Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. 2000. № 2. С. 61—86.

[324] Цит. по: *Синицына Н. В.* Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XVI—XVII вв.). С. 345.

мировой истории, а русский царь, согласно «Откровению» Мефодия Патарского, нанесет поражение «варварам», объединит под своей властью весь христианский мир и утвердит в нем истинную веру. Это делало царя, «нового Константина», сакральной фигурой. Филофей сразу предельно четко и недвусмысленно сформулировал концепцию «Москва — третий Рим». В ряде переработок, адресованных другим лицам, это послание получило некоторое распространение в книжности XVI в., но ни официального признания, ни широкой популярности оно не получило, оставаясь мнением частного лица. Лишь во второй половине XVI в. концепция «Москва — третий Рим» прозвучала в пространной редакции «Повести о белом клобуке», в «Казанской истории» и к концу XVI в. стала использоваться в довольно широком круге повествовательных текстов и официальных документов[325]. Не случайно в летописных текстах целью войн XVI в. (начиная от походов Василия III на Смоленск и до похода Ивана IV на Полоцк в 1563 г.) декларируется распространение истинной веры и освобождение православных от власти еретиков.

Других правителей царь делил по знатности, причем редко кто из них, по его мнению, был равен ему самому. Равными себе он считал только императоров и султана, «братьями» — крымского царя, польского и датского королей. Английских и шведских королей он недооценивал, особенно шведских, которым было запрещено вести прямые дипломатические отношения с Москвой; им предписывалось обращаться не к царю, а к новгородскому наместнику. Европейские суверенные князья, татарские и ногайские мирзы и беи занимали в его представлениях низшие позиции среди правителей, а советники любого ранга могли вести переговоры только с Боярской думой или московскими посольскими служащими, а с самим Иваном IV — только в представительстве от своего монарха.

Одним из последствий такого возвышения царской власти стало возникновение изощренного языка смирения, а по сути — риторического принижения подданных по отношению к государю. Известны также оскорбительные высказывания Ивана IV о своих подданных. Военная служба была милостью государя, поэтому служилые люди, по представлениям того времени, должны были безропотно терпеть опалы, не всегда обоснованный государев гнев и телесные наказания.

Монархическая идея присутствовала не только в памятниках официальной идеологии. По-разному ее осмысляли и развивали в том числе и частные лица. Одним из них был первое время близкий к Максиму Греку Федор Иванович Карпов — потомок обмельчавшего и лишившегося титула рода князей Фоминских. Он начинал службу как постельничий Ивана III, сделал выдающуюся карьеру на дипломатическом поприще при Василии III и оставался при дворе в первые годы правления его сына. Его близость к старцу Максиму сделала его подследственным в 1525 г. Зная европейские и восточные языки, Федор Карпов беседовал с Франческо да Колло и Сигизмундом Герберштейном, в своих посланиях цитировал Овидия и «Никомахову этику» Аристотеля. Он интересовался географией, занимался картографированием Муромского уезда, в переписке с Максимом Греком обсуждал влияние звезд на политику и склонялся, по всей видимости, к пользе придворной астрологии. Свое учение Федор Карпов сводил к освободительной миссии светской власти, считая порядок в государстве и светский суд неподвластными церковным учениям о «терпении»: «Аще бо под тръпе-

[325] *Усачев А. С.* Об истории бытования идеи «Третий Рим» в России XVI в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 3 (64). С. 9—17.

нием жити уставиши, тогда несть треба царьству или владычьству правители и князи; престанет убо начальство, владычьство и господьство и живется без чину... ниже треба будеть судей в царстве имети»[326]. Всю мировую историю Федор Карпов делил на три периода: естественного закона, закона Моисея, закона Христа. Последнее царство, увенчанное законом Христа, по его мнению, уже наступает, но «начальники» препятствуют ему, и спасительной силой является самодержавная власть.

Реформы середины XVI в. породили полемическую литературу. Наиболее исследовано творчество Ивана Семеновича Пересветова, незнатного служилого человека, который перешел на службу к великому князю Ивану IV из Великого княжества Литовского в 1538 г. Позиция И. С. Пересветова — это позиция ландскнехта, служившего на военной службе у нескольких государей. Он выступает за сильную самодержавную власть, при которой самодержец является гарантом справедливости и законности и не допускает произвола со стороны вельмож. Эта мысль проводится И. С. Пересветовым, подчас иносказательно, в ряде сочинений: «Большая челобитная», «Сказание о Магмеде-салтане», «Сказание о царе Константине»[327]. И. С. Пересветов писал о Божьем Промысле, руководящем судьбами мира, о Боге в его отношениях с человеком. Он в иносказательной форме говорил о путях преобразования страны. Главным инструментом для их осуществления должна быть «царская гроза», «правда» — сильная, справедливая власть («Бог не веру любит — правду»)[328]. Следует отметить, что И. С. Пересветов не только рекомендовал перенести на русскую почву устройство Османской империи периода Мехмеда II, но и противопоставлял Руси Турцию как некий образец справедливого государственного устройства.

Мысли о переустройстве царства не всегда поощрялись верховной властью, воспринимались с настороженностью или даже трактовались как «измена» и «ересь». Показательна в этом ряду судьба Ивана Никитича Берсеня Беклемишева, который позволял себе говорить острые слова («встречу») на великокняжеских совещаниях. Он сравнивал Василия III с его отцом, замечая, что нынешний великий князь нарушает обычай, не советуясь и решая дела единолично, «людей мало жалует». Во время следствия по делу Максима Грека на Берсеня обрушилась вся мощь государственного обвинения. На допросах его заставили дать признательные показания о винах старца: «Только мне скажи на Максима всю истину, и яз тебя пожалую». В результате Иван Берсень был казнен, Максим Грек отправлен в заточение. Любые высказывания, несущие угрозу имени государя, его авторитету среди подданных, а также престижу в международных отношениях, пресекались, а их авторы попадали под подозрение в государственной измене или заговоре.

Среди ярких публицистов XVI в. видное место принадлежит самому Ивану IV, который сформулировал свое видение монархической идеи. Бегство во вражеский стан во время Ливонской войны в 1563 г. воеводы князя Андрея Михайловича Курбского породило длительную полемику между князем и Иваном IV. Сбежав в Литву, князь Курбский в 1564 г. написал свое первое послание к царю, где обвинил его в тирании и злоупотреблении самодержавной властью. По мнению князя, неограниченная монархическая власть, на путь которой встал Иван IV, приведет страну к запустению и гибели. Царь в ответном послании изложил

[326] *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. С. 346.

[327] *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. С. 312—395.

[328] *Каравашкин А. В.* Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М., 2000. С. 137.

свое понимание самодержавной власти. Иван IV утверждал, что имеет право на неограниченную власть в своем государстве по праву рождения. Он вправе казнить и жаловать своих подданных, и это право у него никто не может оспорить. Царь был уверен, что правление многих не может быть эффективным, ссылаясь при этом на историю упадка Византии и на период боярского правления в России. Второе послание князю Курбскому, написанное после победы над ливонцами, показывает, что, по мнению царя, эта победа означает одобрение Богом действий Ивана IV. Князь же Курбский с этих позиций оказывается изменником и предателем. Ответ его на первое послание царя выдержан в традициях европейской риторики. Автор выступает как представитель европейской цивилизации, как гуманист и обличает невежество своего оппонента. Следующее послание царь написал через несколько лет, в 1577 г., когда русские войска одержали очередную победу в Ливонской войне и захватили город Вольмар. Потерпевший поражение в этой кампании князь Курбский, выступавший на стороне Речи Посполитой, был вынужден отступить от Вольмара. Это преимущество дало повод царю вернуться к полемике и написать свое второе послание князю Курбскому, которое тот также не оставил без ответа. Кроме того, в эмиграции князь Курбский много лет работал над написанием исторического памфлета «История о великом князе московском», где развернуто и аргументированно высказал свои претензии к Ивану IV[329]. По его мнению, лучшим временем царствования Ивана IV были 1550-е гг., когда вокруг молодого царя сформировался круг советников, которых князь Курбский назвал на польский манер «Избранной радой». Царь и его просвещенные советники коллективно правили страной, проводили реформы, и народ благоденствовал. Беды начались позже, когда царь встал на путь неограниченной монархии. Тогда начались репрессии против несогласных, необдуманные решения во внешней и внутренней политике — все это повергло страну в бедственное положение[330].

Послания Ивана IV князю Курбскому отразили обостренное восприятие им своего статуса. Он видел свою царскую миссию в том, чтобы миловать своих холопов, а изменников (так все чаще называли не только вероотступников, но и политических преступников-«воров») следовало «огнем спасать». Царь был убежден, что имеет полное и никем не ограниченное право казнить и миловать своих холопов, каковыми он считал всех подданных, и за это звание приходилось еще побороться, особенно «ясачным» людям-язычникам, мусульманам (прежде всего татарам) или лютеранам-немцам. Ивана IV окружала масса служилых людей, которые должны были доказывать свою преданность государю верной службой, прежде всего военной.

Полемика Ивана IV и князя А. М. Курбского была рассчитана на широкую читательскую аудиторию. В ней образно и эмоционально представлены две модели государственного развития страны с их положительными и отрицательными сторонами. Царь выступал за неограниченную монархию, а его оппонент — за монархию ограниченную. На деле неограниченной власти царя при Иване IV не было. Царь постоянно был вынужден считаться с разными общественными силами. Но са-

---

[329] См.: *Ерусалимский К. Ю.* Сборник Курбского: Исследование книжной культуры. Т. 1—2. М., 2009.

[330] *Филюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007. С. 13—122; *Ерусалимский К. Ю.* Историческая память и социальное самосознание Андрея Курбского // Соціум: Альманах соціальної історі. Вип. 5. Київ, 2005. С. 225—248. См. также: *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный: (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998. С. 165—182.

ма концепция неограниченной монархии, сформулированная в сочинениях Ивана Пересветова и особенно в посланиях Ивана IV князю А. М. Курбскому, является важным продуктом той эпохи. Монархия как система верховной власти в ту эпоху российской истории только формировалась, и немалый вклад в этот процесс внесла общественно-политическая мысль.

Так разными путями в России XVI в. постепенно шло формирование монархической идеологии, которая была необходима для легитимации власти московского великого князя над все более расширявшейся державой.

Другая задача, стоявшая перед государственной властью, касалась взаимоотношений светской и церковной властей. Митрополиты с начала XIV в. рассматривали Москву как свою постоянную резиденцию. Их духовная власть распространялась на все русские земли, осеняя великих князей авторитетом церкви. С середины XV в. московский митрополит перестал зависеть от Константинопольского патриархата, и Русская церковь получила, таким образом, автокефалию.

Во второй половине XV в. церковь в России стала крупнейшим землевладельцем, чему способствовали многочисленные земельные вклады со стороны различных представителей знати. Особенно усилился процесс обогащения монастырей в конце XV в. Это было связано с ожидавшимся в 1492 г. концом света и практикой поминовения усопших в монастырях и храмах[331]. Накануне этой даты многие представители знати делали вклады в монастыри, как земельные, так и денежные, готовясь таким образом предстать на Страшном суде. К началу XVI в. этот процесс становился все менее контролируемым, нарушая баланс сил в тогдашнем обществе, что беспокоило великого князя[332].

Проблема взаимоотношений светской и церковной властей носила не только канонический характер. Основным пунктом полемики был вопрос: могут ли монастыри владеть недвижимостью, не противоречит ли это самой идее монашеской жизни? Крупные монастыри превращались в феодальные хозяйства, для управления которыми монастырские власти использовали штат наемных работников. Монастырские старцы были вынуждены заниматься в большей мере административной и хозяйственной деятельностью, чем молитвой и спасением души. Это хозяйственное направление развития русских монастырей вызывало протест у некоторых церковных деятелей. Так, школа аскетического монашества сложилась на рубеже XV—XVI вв. в Кирилло-Белозерском монастыре под руководством Нила Сорского. «Заволжские старцы», как их называли в Москве, выступали за «нестяжание», т. е. за отказ монахов владеть собственностью, в том числе феодальной. Пребывание в это время в Кирилло-Белозерском монастыре Вассиана Патрикеева совпало с расцветом деятельности Нила Сорского и его учеников и произвело на князя-инока сильное впечатление. Со временем Вассиан стал последовательным сторонником «нестяжательства», переехал в Москву и проповедовал свои идеи в окружении великого князя, которому такое мнение весьма импонировало. Секуляризацию церковных земель собирался провести еще Иван III, и он даже попытался провести эту реформу на церковном соборе 1503 г. Но тогда против нее решительно выступил влиятельный церковный деятель Иосиф Волоцкий, которого поддержали церковные иерархи. Важно понимать, что

[331] Это был 7000 г. от Сотворения мира, и многие богословы как в Византии, так и в Западной Европе считали, опираясь на толкование Апокалипсиса, что мир должен существовать 7000 лет. См.: *Алексеев А. И.* Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI в. СПб., 2002.

[332] *Алексеев А. И.* «Бодроопасный воин Христов»: Иосиф Волоцкий и его сочинения в свете данных современной науки. М.; СПб., 2019. С. 171—204.

принципиальных разногласий у Иосифа Волоцкого и Нила Сорского не было. Нил Сорский выступал за нравственное самоусовершенствование русского монашества, а Иосиф Волоцкий — против того, чтобы великий князь отчуждал церковные земли в свою пользу. Собственно, полемика возникла между Вассианом Патрикеевым и церковными иерархами, которые выступали против секуляризации[333], когда Василий III пытался при помощи Вассиана эту реформу все-таки провести, хотя не решался вступить в конфликт с митрополитом Даниилом, учеником Иосифа Волоцкого и последовательным противником секуляризации. В первой половине 1520-х гг. Вассиан Патрикеев выступил с рядом полемических сочинений против церковного землевладения. Его позицию поддержал Максим Грек, написавший «Повесть страшну и достопамятну о совершенном иноческом жительстве», где привел в качестве примера для русского монашества католических монахов-картезианцев, известных своим аскетическим образом жизни. Митрополит Даниил добился осуждения Максима Грека на церковном соборе 1525 г. Ученому греку было вменено в вину вольное обращение с текстами Священного Писания при их переводе с греческого на церковнославянский.

После заточения Максима Грека в Иосифо-Волоколамский монастырь Вассиан Патрикеев приступил к составлению свода церковных канонических правил — Кормчей книги, в которой сделал акцент на постановлениях, запрещающих монахам владеть недвижимостью. Однако союз великого князя и «осифлян» (церковных иерархов, последователей Иосифа Волоцкого) продолжал укрепляться. Стратегия Василия III изменилась: он предпочел иметь в сильной церкви верного союзника, а не противника. В 1531 г. состоялся церковный собор, осудивший самого Вассиана Патрикеева, которого признали также еретиком и заточили в Иосифо-Волоколамский монастырь[334], где, по словам князя Курбского, его «уморили злые осифляне». Несмотря на поражение Вассиана Патрикеева в придворной борьбе, спор о «монастырских селах» продолжал оставаться актуальным на протяжении всего XVI в. Он не переходил в политическую плоскость, но балансировал на ее грани. С одной стороны, авторы «нестяжательских» сочинений напоминали монахам об их истинном предназначении, с другой — светская власть в любой момент могла воспользоваться этой аргументацией для проведения реформы монастырского землевладения, рост которого она старалась ограничивать. Поэтому сочинения в защиту церковного землевладения для церкви были также необходимы. В таком ключе выдержано сочинение известного богослова Зиновия Отенского «Истины показание». Не отрицая идеалов «нестяжательства», Зиновий Отенский, будучи монахом бедного новгородского монастыря, писал о необходимости поддерживать церковное «благолепие», чтобы монастыри оставались независимыми центрами православия.

В спорах о церковном имуществе и авторитете светской власти победу одержали умеренные последователи Иосифа Волоцкого. Они видели задачу церкви в том, чтобы помочь верующим спасаться молитвой и пожертвованиями, а в экономическом благополучии белого духовенства и епископов находили залог независимости церкви от государства и равноправной симфонии власти и духовенства. Эта симфония осуществлялась в правление Ивана IV, когда митрополиту Макарию удалось построить сбалансированные отношения между церковной и светской властями. В 1551 г. на церковно-земском соборе был утвержден

[333] *Плигузов А. И.* Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. М., 2002. С. 102—178.

[334] *Казакова Н. А.* Вассиан Патрикеев и его сочинения: Исследование и тексты. С. 285—318.

комплекс из двух законодательных памятников, каждый в сто глав, — светский Судебник и церковный Стоглав. Идея унификации древнерусского книжного наследия, наметившаяся еще в Новгороде и Москве в конце XV — начале XVI в., была началом полемики об унификации сакральной книжности («книжной справе») и регламентации православного вероучения на фоне растущей Реформации и католической Контрреформации в Европе.

Митрополичья власть достигла пика своего могущества в правление Ивана IV. Митрополит Макарий принимал активное участие в воспитании великого князя Ивана Васильевича, в его дипломатии и военных кампаниях, выступив инициатором и идеологом войны против Казанского ханства и пытаясь в 1555 и 1562 гг. примирить Москву и Вильно (в первом случае — успешно). По его инициативе из Новгорода в 1563 г. был заимствован обычай ношения митрополитом белого клобука, уравнивающий новгородского архиепископа, а затем и московского митрополита с древними патриархами. Кончина Макария ознаменовала закат доктрины церковно-светской симфонии властей. Отношения между иерархами и царем накалились в годы опричнины. На стороне светской власти было не только силовое давление, но и воспринятое царем, а во многом им самим созданное учение об исконном разделении сфер ответственности духовенства и светской власти.

На фоне разрастающегося противостояния с Римом и борьбы за возрождение церковного влияния в Восточной Европе в 1589 г. в Москве был создан отдельный патриархат, вытеснивший Рим и поставивший себя на третье место после Константинопольского и Иерусалимского в числе первых пяти церковных престолов Вселенской церкви. Это был первый и единственный раз, когда учение о Москве как третьем Риме было использовано в дипломатической практике — в обоснование прав на патриарший статус.

Московская церковь поддержала властные амбиции великих князей и способствовала укреплению их правления. Так, автокефалия означала усиление роли великого князя Московского в назначении митрополитов, а позднее, уже в XVI в., смещение и избрание митрополитов проходило при активном вмешательстве светской власти. С конца XV в. покаянная дисциплина (таинство исповеди) церкви требовала от священников разоблачения заговора и даже злых помыслов против московского государя[335].

Таким образом, в XVI в. процесс формирования монархической идеологии включал два основных направления: светское и конфессиональное. Великий князь Московский выступал не только как хозяин своего значительно увеличившегося удела, он уподоблял себя обладавшему сакральной властью византийскому императору. Страна представляла собой вотчину московского самодержца, но одновременно и православное царство, своего рода центр мира для православных христиан. От такого восприятия страны и ее правителя, разумеется, еще далеко до имперской идеологии, но первый шаг в этом направлении был сделан именно в XVI в.

---

[335] *Флоря Б.Н.* Исповедные формулы о взаимоотношениях церкви и государства в России XVI—XVII вв. // Одиссей: Человек в истории: 1992. М., 1994. С. 204—214.

ЭКОНОМИКА

Формы земельной собственности

Основные тенденции в развитии форм землевладения в Российском государстве формируются в конце XV в. после присоединения к Москве Новгорода и новгородских земель. В результате политических действий Ивана III земельный фонд Великого Новгорода сменил владельцев на 87,1 %. Почти полностью была проведена ликвидация земельного могущества новгородского архиепископа и новгородских монастырей. В результате преобразований удельный вес церковного и монастырского землевладения уменьшился в пять раз. Однако, по подсчетам Ю. Г. Алексеева, церковное землевладение продолжало составлять более 45 тыс. десятин земли. В ряде уездов (Ладожском, Ореховском, Корельском и др.) монастыри не пострадали и сохранили свои земли[1].

Значительно сократился земельный фонд светских вотчинников, прежде всего олигархической господствующей верхушки Новгорода. До конфискации в руках шестидесяти крупнейших землевладельцев было сосредоточено 52,4 % пашенных земель (одна вотчина могла включать свыше 1500 десятин в трех полях). Свыше половины вотчинников имели владения, часто по своим размерам не превышавшие крестьянские (в дальнейшем своеземцев)[2]. В целом вотчинное землевладение до конфискации составляло 65,9 %, после — 4,2 %.

Конфискованные у архиепископа, монастырей и крупных землевладельцев земли составили значительный земельный фонд (44,8 %) государевых оброчных и поместных земель (36,3 %)[3]. По данным Ю. Г. Алексеева, на рубеже XV—XVI вв. основная масса помещиков получила во владение 150—600 десятин земли в трех полях и могла обеспечить конную службу с земли (согласно Уложению о службе, один вооруженный всадник выставлялся со 100 четвертей земли (150 десятин в трех полях))[4]. В первой половине XVI в. в Вотской, Шелонской, Бежецкой и Деревской пятинах поместное землевладение занимало господствующее положение. В Обонежской пятине преобладали черносошные и дворцовые земли.

Значительные движения земельного фонда происходили и в других частях Российского государства. В Псковском уезде получило распространение монастырское и поместное землевладение. На Русском Севере — в Поморье и на Двине — сохранилось черносошное землевладение. В этом значительном по территории регионе не

[1] АИСЗР. I. С. 333—334.

[2] Там же. С. 330. Подробно о земельных владениях своеземцев писал Т. И. Осьминский: Там же. С. 337—342.

[3] Там же. С. 333, диаграмма.

[4] Там же. С. 335.

было поместий, но в XVI в. здесь возникают обители и происходит рост монастырского землевладения (прежде всего за счет владений черносошных крестьян).

В Вологодском и Белозерском уездах на протяжении первой половины XVI в. развитие поместья шло в основном за счет оброчных и дворцовых земель, а также черных волостей. К 1550-м гг. на северо-западе помещикам принадлежало в полтора раза больше угодий, чем в начале века[5]. На протяжении века соблюдался принцип испомещения основной массы помещиков в одной пятине, что было важно для соблюдения принципа службы «по городам».

Важным этапом в развитии поместного землевладения стало Уложение о службе 1556 г. Как отметил В. И. Корецкий, в XVI в. шел процесс юридического сближения поместья и вотчины: устанавливается наследственное владение поместьями, расширяются права помещика, что по распоряжению ими (разделу, обмену и т. п.) сблизило поместья и вотчины в отношении военной службы; появилось понятие «служилая вотчина»[6]. В 1550-е гг. для обеспечения семей служилых людей, погибших во время военных действий, часть поместья отводилась на «прожиток» вдовам и малолетним детям[7]. Тем самым государство стремилось поддержать нарождающийся класс служилых людей.

Во второй половине XVI в. поместное землевладение становится доминирующим, оно развивается на вновь присоединенных землях Поволжья и распространяется за Оку. Вторая половина XVI в. — период активного формирования служилого сословия из нерусского населения Среднего Поволжья в Казанском уезде[8]. Служилые татары имели право владения землей и получения денежных окладов на условиях службы. В нерусском служилом землевладении Казанского края выделяются два типа поместий: 1) поместья в селениях, полностью принадлежащих одному или нескольким феодалам; 2) поместья, часть земли которых находилась во владении служилых татар, а остальная (часто бóльшая часть) оставалась в руках ясачного (тяглого) населения[9]. Нередки были случаи перераспределения земли ясачного и служилого населения, когда у ясачных крестьян земля отбиралась и передавалась служилым татарам, переходила дворцовым селам или в состав русского поместного землевладения.

В период опричнины происходила массовая конфискация вотчин и дальнейшее перераспределение земли[10]. Помещики лишились владений на территориях, отошедших в опричнину. Так, например, массовый их вывод произошел из Старорусского уезда, одного из центров солеварения. Гибель владельцев в ходе Ливонской войны и опричных правежей приводила к появлению многочисленных выморочных владений, становящихся объектом для разграбления, запустевающих и превращающихся

---

[5] История крестьянства Северо-Запада России: Период феодализма. СПб., 1994. С. 102.

[6] *Корецкий В. И.* Развитие феодальной земельной собственности в России XVI в. // Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи: Материалы XVII сессии симпозиума по изучению проблем аграрной истории, Ростов-на-Дону, 1978. Ростов/Д., 1980. С. 37.

[7] О появлении прожитка и эволюции прав на прожиток во второй половине XVI в. подробно см.: *Петров К. В.* Некоторые виды земельной собственности и система русского права до начала XVIII в.: Прожиток // Российское государство XIV—XVII вв: Сборник статей, посвященных 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 115—153.

[8] *Ермолаев И. П.* Писцовая книга Ивана Болтина как источник // Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 годов: Публикация текста. Казань, 1978. С. 5—32.

[9] Там же. С. 5—32.

[10] *Алексеев Ю. Г., Копанев А. И.* Развитие поместной системы в XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв.: Сборник статей, посвященный памяти А. А. Новосельского / Отв. ред. Н. И. Павленко. М., 1975. С. 57.

в «порожжие» земли. Средний размер пашни на владение составлял всего 20 четвертей, что соответствовало мельчайшим хозяйствам первой половины XVI в.[11] В середине 1580-х гг. состав владельцев стабилизируется, намечается оживление хозяйства. Поместная система распространяется на пограничные западные уезды, Торопецкий, Тверской и большинство южных уездов. В уездах центра поместья составили около трети всех владельческих земель. Но в XVI в. реальная земельная дача почти никогда не соответствовала земельному окладу. К концу XVI в. поместный и вотчинный виды землевладения превалировали на северо-западе и в центре.

Черное землевладение было оттеснено на северо-восточную периферию. Кроме Поморья черные земли в середине XVI в. сохранились в Бежецком, Белозерском, Галицком, Костромском, Московском, Переславском, Ростовском, Суздальском, Торопецком, Углицком, Юрьевском, Пусторжевском уездах. Черносошные земли в значительной степени сохранились на Русском Севере[12]. Полностью черносошными были Устьянские волости, Мезенский, Кольский и Пустозерский уезды; в Кеврольском, Кайгородском, Чердынском, Яренском, Каргопольском, Устюжском и на Чаронде они составляли от 99,5 до 92 %, в Двинском, Сольвычегодском — от 86 до 81 %, 75 % — в уездах Вятской земли, в Соликамском уезде — 37 %, в Заонежских погостах — 65,8 %.

На северо-западе, в Пусторжевском уезде, Буруцкая, Кудеверская, Столбушинская и Острейская черные волости составляли не менее одной трети всей территории уезда[13]. В Старорусском уезде к черным относилась Сумерская волость. Следы черных волостей к XVI в. сохранялись на территории Деревской пятины. По мнению Т. И. Осьминского, свидетельством этого являлось отсутствие имен старых владельцев новгородского времени, уплата черных кун, черты деления и упоминание лиц самоуправления (старосты, сотские и десятские), необычайно низкие платежи. Все они после присоединения к Москве вошли в состав оброчных земель[14].

В центре страны сокращение черных земель происходило уже в первой половине XVI в. в результате их раздачи в поместья и вотчины. В Переславском уезде из пяти волостей, известных по источникам до начала XVI в., Гавинская потеряла значительную часть своих земель, а Бармазовская и Площевская полностью прекратили свое существование[15]. Но особенно интенсивным этот процесс становится во второй половине XVI в. Согласно межевой книге 1592/93 г., черные земли остались только в южной части уезда, по берегам рек Киржач и Шерна.

На северо-западе, в Пусторжевском уезде, Буруцкая, Кудеверская, Столбушинская и Острейская черные волости были розданы помещикам в 1580-х гг. Если поглощение черносошного землевладения в центральных уездах в XVI в. в основном завершилось, то на Двине черные волости в небольших количествах раздавались монастырям, и только Варзужская промысловая волость в начале XVII в. целиком была пожалована церковным феодалам.

Наряду с черносошными землями на Двине были земли оброчные, состоявшие

---

[11] *Воробьев В. М., Дегтярев А. Я.* Русское феодальное землевладение от «смутного времени» до кануна петровских реформ. Л., 1986. С. 40—41, 75, 86—87.

[12] *Колесников П. А.* Северная деревня в XV — первой половине XIX века. С. 41.

[13] *Аракчеев В. А.* Служилые землевладельцы Пусторжевского уезда в XVI — первой половине XVII вв. Псков, 2000. С. 13.

[14] *Осьминский Т. И.* Землевладение в Деревской пятине в конце XV в. // АИСЗР. I. С. 83—85.

[15] *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв.: Переяславский уезд. С. 164.

из конфискованных вотчин новгородских феодалов[16]. Они лежали между черными крестьянскими землями, границы их были четко обозначены и не менялись[17]. В XVI в. это была самостоятельная категория земель и угодий со своим юридическим статусом[18].

После сокращения церковно-монастырского землевладения в результате конфискаций в Новгородской земле, когда монастыри потеряли три четверти своих владений, политика церкви была направлена на сохранение и приращение земель. На протяжении XVI в. увеличение землевладения шло за счет государевых пожалований, получения в качестве вкладов, покупки земель. В конце столетия, согласно описи 1593/94 г., Троице-Сергиев монастырь владел более чем 2500 деревнями и починками, которые в основном (около 3/4) были получены в дар, лишь 1/4 приходилась на покупки. Удельный вес церковного и монастырского землевладения в Псковской земле во второй половине XVI в. составлял 44,5 %, в то время как в пятинах он равнялся 10,7 %. Самыми значительными были владения Псково-Печерского монастыря. К началу XVII в. ему принадлежало 27 % всех крестьянских дворов и 22,5 % всех крестьян Псковского края. Монастырь привлекал в свои владения не только помещичьих крестьян, которые возвращались из польского плена, но и выходцев из Прибалтики[19]. Развивалось монастырское хозяйство. Продолжалось создание новых монастырей, в первую очередь на восточных, южных окраинах Русского государства и на Русском Севере[20]. С конца XV по XVII в. было основано около 180 монастырей и пустынь[21]. Всего, по данным Я. Е. Водарского, в конце XVI в. было более 536 монастырей и скитов.

Масштабы роста монастырского землевладения можно показать на примере одного из крупнейших вотчинников России — Кирилло-Белозерского монастыря. А. И. Копанев приводит по Белозерскому уезду следующие цифры: в 1482 г. — 3 села, 133 деревни, 16 пустошей; в 1544 г. — 3 села, 4 сельца, 241 деревня, 145 починков; в 1601 г. — 11 сел, 5 селец, 607 деревень, 320 пустошей[22]. Всего же за монастырем в 1559 г. было 969 сел, селец, деревень и починков в восьми уездах: Белозерском, Вологодском, Романовском (Пошехонье), Угличском, Бежецком Верхе, Кашинском, Дмитровском и Московском. К началу XVII в. вотчины монастыря находились в одиннадцати уездах, к вышеперечисленным регионам добавились Костромской, Клинский и Коломенский уезды. По данным переписной книги 1601 г., за монастырем значилось более 1400 живущих и пустых поселений[23].

На протяжении второй половины XVI в. государство активно выступало за ограничение монастырского землевладения (указ Ивана IV не ранее июня 1550 г., соборный приговор Ивана IV от 1 мая 1551 г., Стоглав, Судебник 1550 г., указ Ивана IV от 9 октября 1572 г., соборный приговор от 15 января 1580 г.). Тем самым государство регламентировало практику продажи мо-

[16] Г. В. Демчук также находит подтверждение тому, что бывшие «княжчины» влились в оброчный фонд. Она отмечает, что крестьяне помнили об их прошлом статусе до конца XVII в. (*Демчук Г. В.* Земельный строй в Двинском уезде в XVII веке. Екатеринбург, 2002. С. 206).

[17] *Копанев А. И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 40.

[18] *Демчук Г. В.* Земельный строй в Двинском уезде в XVII веке. С. 196.

[19] История крестьянства Северо-Запада России: Период феодализма. С. 110.

[20] *Башнин Н. В.* Монастырская колонизация и хозяйственное освоение земель Русского Севера в первой половине XVI в. С. 46.

[21] *Камкин А. В.* Православная церковь на Севере России. Вологда, 1992. С. 54.

[22] *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. С. 140.

[23] *Дмитриева З. В.* Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI—XVII вв. СПб., 2003. С. 97, 195.

настырями вкладных (по душе) вотчин за денежные вклады (что было явным нарушением принципов канонического права), а также на получение вкладных вотчин с денежными доплатами от монастыря и пр. Российское законодательство предусматривало право родового выкупа земель у монастырей. Окончательно приобретение земель монастырям и церковным иерархам было запрещено 42-й статьей главы XVII «О вотчинах» Соборного уложения 1649 г.[24] Однако крупные монастыри находили способы получения новых земель и в дальнейшем. Одним из них был обмен, а за «перехожие» земли монастырь платил деньги, что, несомненно, было скрытым актом купли-продажи[25].

Российские власти не только проводили политику ограничения роста земельной собственности монастырей, но и в годы кризиса пытались поставить под контроль монастырское имущество. С этой целью проводились ревизии Троице-Сергиева, костромского Ипатьева, Антониево-Сийского, Николо-Коряжемского, Иосифо-Волоколамского, Соловецкого, Кирилло-Белозерского, Кирилло-Новоезерского и других монастырей[26]. Как писал В. И. Корецкий, «весьма возможно, что общее описание Троице-Сергиева в 1592—1594 гг. было произведено в связи с имевшей тогда место попыткой правительства Бориса Годунова провести секуляризацию части монастырских земель»[27]. Е. И. Колычева писала, что в 1590-е гг. «правительство предпринимает принципиально новый шаг в отношении церковного землевладения, идя по пути частичной секуляризации, правда, достаточно робкий»[28].

Дворцовые земли, несмотря на их раздачу в начале века, во второй половине XVI в. занимают заметное место в составе земельного фонда страны. В ряде мест происходит восстановление дворцовых земель или формирование новых дворцовых вотчин. В дворцовых землях в годы кризиса не только сохранилось много дворов, но и выросла населенность двора (с 1,03 «людей» на двор до 1,48 в 1584 г.). В 1584 г. в дворцовой волости Валдай проживало около 2700 человек против 1500 в 1500 г. (прирост 80 %)[29]. В Белозерском крае вдоль реки Шексны государю принадлежало двенадцать езовых волостей (Чуровская, Милобудская, Усть-Угольская и др.). Крестьяне (в 1585 г. числилось 725 крестьянских дворов) здесь строили специальные сооружения (езы), ловили рыбу ценных пород и поставляли к государеву столу осетров, стерлядей, белуг, осетровую икру[30]. Общая земельная площадь до запустения составляла более 5 тыс. пашенных земель[31]. Возникновение дворцового землевладения в Среднем Поволжье стало возможным благодаря государственной политике и миграционно-колонизационным процессам. Одной из первых среди ясачных марийских земель сформировалась дворцовая Царевококшай-

[24] Соборное уложение 1649 года: Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 90; *Маньков А. Г.* Уложение 1649 года: Кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 89—90.

[25] *Горфункель А. Х.* Хронологический перечень земельных приобретений Кирилло-Белозерского монастыря (1601—1700) // Российское государство XIV—XVII вв.: Сборник статей, посвященных 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. С. 280—299.

[26] *Дмитриева З. В.* Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI—XVII вв. С. 55—82.

[27] *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970. С. 121.

[28] *Колычева Е. И.* Аграрный строй России XVI века. М., 1987. С. 159.

[29] АИСЗР. III. С. 137.

[30] Писцовая книга езовых дворцовых волостей и государевых оброчных угодий Белозерского уезда 1585 года.

[31] Там же. (Подсчет наш. — *З. Д.*)

ская волость, стихийно заселявшаяся беглыми русскими крестьянами, бобылями, холопами, посадскими и другими «гуляющими людьми». Сюда же в соответствии с царскими указами переселяли крестьян из центральных дворцовых вотчин.

Светское землевладение

В Русском государстве первой половины XVI в. сохранялось первоначальное значение термина «вотчина» — совокупность обычно-правовых норм, обусловливавших наследственное владение землей, которую получали по пожалованию или покупали «в вотчину». К середине XVI в. сложилось представление о вотчине как о полном и наследственном владении недвижимостью вне зависимости от того, как она была приобретена: княжеским пожалованием, дарением, покупкой или по наследству[32]. Светские вотчины на Руси различались своими размерами, зависевшими от статуса владельца, и сопряженными с ним привилегиями. Распространение светского вотчинного землевладения было неравномерным: крупные вотчины отсутствовали на северо-западе (Новгород, Псков, Поморье), западе (Смоленск), южных и юго-восточных уездах, в то время как на территории Замосковного края вотчинное землевладение господствовало до середины XVI в. и продолжало занимать значительный удельный вес в дальнейшем.

Взятый правительством в конце XV в. курс на формирование поместной системы не предполагал щедрых пожалований земель в вотчину даже наиболее высокопоставленным боярам и окольничим. Весьма показательным примером является изученная С. Б. Веселовским структура вотчины боярина П. М. Плещеева, переданной по духовной 1511 г. его сыновьям. Из вотчин в Московском, Верейском, Звенигородском уездах всего две деревни были пожалованы Плещееву удельным князем Юрием, все остальные были куплены им у мелких и крупных вотчинников, включая родственников[33].

Сделки на вотчины осуществлялись с соблюдением многочисленных условий обычного и писаного права; деревня Рахнево в Бежецком уезде была продана Троицкому монастырю в 1539 г. с условием отведения и отмежевания земли, полного очищения («испростания») деревни от движимого имущества и людей: вотчиннику было необходимо «самому выйти и с семьею, и людей своих вывезть всех на тот же срок на Юрьев день на вешней»[34]. Практика вотчинного землевладения сохраняла архаичные черты. Так, братья Фомины владели нераздельно вотчинами в Московском и Переславском уездах, и в духовной 1570 г. Д. Фомин воспрещал своей жене и сыну делиться с его бездетным братом[35].

Вотчинник утрачивал права собственника, если переходил в холопы и терял свободу, но продолжал пользоваться своей вотчиной пожизненно. Такая судьба постигла вотчинника Кашинского уезда П. Клобурникова, который продался в холопство к окольничему В. П. Бороздину и продолжал жить в своей деревне. Продавая вотчину Колязину монастырю, Бороздин уступил в ее составе и деревню Максимовку, «что на ней жил мой человек Поветко Клобурников»[36].

[32] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. С. 17—18.

[33] Акты Русского государства 1505—1526 гг. / Сост. С. Б. Веселовский. М., 1975.

[34] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. С. 173.

[35] Там же. С. 199.

[36] Акты Троицкого Калязина монастыря XVI в. М., СПб., 2007.

Исторически светские вотчинные владения обладали податными и судебными привилегиями (иммунитетами), подтверждавшимися жалованными грамотами великих и удельных князей. С 1490-х гг., с образованием единого национального государства, выдача новых грамот с податным иммунитетом прекратилась. Вместе с тем вотчинные владения, издавна обладавшие иммунитетными привилегиями, получали новые грамоты или подтверждения на старые. Так, по жалованной грамоте от ноября 1547 г. М. И. Кубенский получил полный податной и судебный иммунитет на свои села в Дмитровском уезде, очевидно ранее уже обладавшие таковым: «...и тем его людем и христианом ненадобе моя царева великого князя дань, ни примет, ни посошной корм, ни посошная служба, ни иныя никоторыя пошлины, и коня моего не кормят, и тукового не дают, и сен моих не косят, ни подымного, ни мыта, ни перевозу не дают, и двора моего и наместнича не делают, и прудов моих не копают, и извести не жгут, и камени не возят, и города не делают, и корму в том его селе и в деревнях и в починках и в пустошах к нашему приезду не берут, и подвод с них в нашу службу и на ям не емлют, и на дела на наши не наряжают». Судебный иммунитет предоставлялся Кубенскому также в полном объеме, включая расследование по уголовным делам (душегубство, разбой, татьба с поличным), которые обычно выводились из подсудности грамотчика. В случае исков сторонних людей судить «людей» и крестьян Кубенского должен был царь или его введенный боярин[37]. Но даже влиятельные светские землевладельцы, как показали Б. Н. Флоря и С. М. Каштанов, сохраняли свои привилегии только до середины XVI в.[38]

Имеющиеся данные о размерах денежных сумм, полученных при продаже и выкупе вотчин, свидетельствуют, как заметил еще С. Б. Веселовский, о значительном повышении цен на землю на протяжении XVI в. Так, село Троицкое, впервые переданное Монастыревыми Кириллову монастырю в 1515 г. за 30 руб., в дальнейшем выкупалось за 50, 70 руб. и наконец в 1569 г. было продано монастырю за 95 руб. Деревня Рахнево в Бежецком уезде была продана Михаилом Останком Головкиным в 1539 г. за 130 руб.[39] Финансовая мощь боярских родов и крупных монастырей была несопоставима. Так, постригшийся в монахи Троицкого монастыря представитель разорившегося рода Головкиных Евфимий (Евстафий), ставший келарем и большим посельским старцем, в 1572—1602 гг. вложил в свой монастырь 1500 руб., что, как заметил С. Б. Веселовский, было больше того, что получили все родичи Евфимия за 150 лет отчуждения монастырю своих вотчин[40]. В редких случаях представители боярских родов, сохранивших свое влияние, выкупали родовые вотчины у церкви, как это сделали, например, потомки И. М. Валуева, передавшего свою вотчину село Покровское в землевладение новгородского Софийского дома по духовной 1553 г. Несмотря на то что митрополит Пимен получил на эту вотчину жалованную грамоту, племянник прежнего вотчинника Л. Г. Валуев выкупил его у церкви[41].

Помимо вкладов в монастыри на помин души и прямой продажи, широко распространялась практика залога и закупа вотчин, детально исследованная С. Б. Веселов-

[37] ААЭ. Т. 1. № 215. С. 205.

[38] *Флоря Б. Н.* Эволюция податного иммунитета светских феодалов России во второй половине XV — первой половине XVI в. // История СССР. 1972. № 1. С. 64—71; *Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. С. 242.

[39] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. С. 172—173, 185.

[40] Там же. С. 177.

[41] Там же. С. 189—190.

ским. Подавляющее большинство сделок по залогу вотчин сопровождалось их передачей во владение и пользование кредитора до выплаты долга, а пользование владением осуществлялось за счет процентов по долгу — «за рост владеть». Условия залога вотчины Р. Воронцова в Дмитровском уезде слуге Троице-Сергиева монастыря Жуку Лодыгину включали право кредитора «за рост Жуку те земли и пустоши пахати и сено косити и лес сечи и починки ставити... а мне, Роману, ни во что в ту вотчину у Жука не вступаться»[42].

Крупная вотчина в середине XVI в. обладала рядом уникальных черт, что хорошо видно на примере белозерских владений И. П. Федорова. В отписной книге 1568 г. села Воскресенского с деревнями зафиксирована достаточно архаичная фискально-хозяйственная система, для которой были характерны не свойственные поместной системе признаки. Во-первых, в вотчине практически отсутствовала барщина. Почти все крестьянские дворы несли повинности в виде натурального и денежного оброка. Натуральная рента состояла из хлебного оброка и пушного, зафиксированного в целых числах и долях белок, взимаемых с выти. Понятно, что оброк белками принадлежал к числу наиболее архаичных видов ренты, ведущих свое начало с времен Древней Руси, хотя Е. И. Колычева предположила, что по крайней мере часть оброка белками в реальности выплачивалась деньгами[43]. В боярской вотчине существовал значительный разнобой в окладных единицах. Так, наиболее льготно были обложены селения, испытывавшие дефицит сенных покосов и, стало быть, не имевшие возможности содержать нужное количество скота. «Посильность» оброков позволяла учитывать экономическое состояние крестьянского хозяйства.

Катастрофа вотчинного землевладения в годы Ливонской войны и опричнины затронула как мелких, так и крупнейших землевладельцев. По данным С. Б. Веселовского, с 1552 по 1590 г. в руки монастырей перешли 657 вотчин в Замосковном крае. Очевидно, что среди этих вотчин преобладали мелкие и средние владения, собственники которых были зачастую неоплатными должниками монастырей[44]. Показательным является необычайно крупный вклад И. В. Большого Шереметева в 1569 г. Кириллову монастырю, состоявший из села Шильбутово и двадцати деревень и пустошей, часть которых он покупал для укрупнения предназначенной для вклада вотчины[45].

В то же время, невзирая на постепенный рост удельного веса поместных земель, даже в конце XVI в. в Замосковном крае был велик удельный вес вотчин и имели место сделки на вотчинную землю. Более того, высокопоставленные члены Государева двора продолжали получать крупные вотчины даже в конце XVI в., как, например, Ф. И. Хворостинин, получивший уже в годы правления Федора две вотчины: в Переславском (1200 четвертей) и Костромском (1400 четвертей) уездах[46]. Вотчинная форма собственности оставалась самой привлекательной для служилого класса, и наиболее влиятельные из его состава небезуспешно добивались получения таких земельных владений.

В отличие от обстоятельств крупной привилегированной вотчины, история землевладения земцев (своеземцев) — непривилегированных свободных собственни-

[42] РГАДА. Ф. 281. Дмитров. № 3781/69.

[43] *Колычева Е. И.* Аграрный строй России XVI века. С. 103—104.

[44] *Веселовский С. Б.* Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. // Исторические записки. Т. 10. М., 1941. С. 95—116.

[45] ОР РНБ. Ф. Q IV. Кн. 1136. Л. 188, 598—606, 637—643.

[46] *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история России XV—XVI вв. С. 259.

ков — изучена гораздо хуже. Помимо исследования С. Б. Веселовского[47], подавляющая часть работ о земцах основана на анализе новгородских по происхождению источников, что не может не искажать исследовательскую оптику. После инкорпорации Новгорода в состав единого государства термины «земец» и «своеземец» применительно к мелким новгородским вотчинникам употребляются в качестве синонимов. Будучи податной стратой, своеземцы обладали ярко выраженным качеством, отличавшим их от соседских крестьян, иногда, как в Ильинском Иломанском погосте Корельского уезда Водской пятины в начале XVI в., называемых «чернокунцами». Своеземцы были отделены от волостных общин в тягловом отношении и должны были вносить налоги в казну либо индивидуально, либо вместе с социальными группами некрестьянского типа, например «с городчаны с кореляны»[48]. Показательно описание в писцовой книге Водской пятины 1500 г. деревень своеземцев Городенского погоста Ореховского уезда, располагавшихся у истока Невы. Большая часть вотчин своеземцев находилась в совместном владении с другими своеземцами. Фамилии некоторых своеземческих родов генетически восходили к местным топонимам, в том числе гидронимам: шестеро своеземцев Лепесурских владели деревней Лепесурья на речке Лепесурье, а семеро своеземцев Охтинских владели деревнями с корневым названием «Охта»: «Охта Минино», «деревня на Охте ж», «деревня на Охте ж на усть Лубны»[49]. В одной из своеземческих вотчин, принадлежавшей шести совладельцам, были зафиксированы семь дворов поземщиков — зависимых людей, аналогичных псковским котечникам. Как и котечники, поземщики «живут промыслом ловлею», причем в фискальном отношении они были отделены от волости: «тянут потугом с городчаны»[50]. Своеземцы Кирьяжского погоста также тянули «с городчаны во все потуги в городок Корелу»[51]. Но более распространенной практикой было владение земцами деревнями с половниками: в Городенском погосте в волостке Федора Михайлова сына Зуева помимо «большого» двора, где жил «сам Федко с детьми», был двор, где жили «половники их Пахомко Тимошкин да Фомка Ивашков»[52]. По данным Т. И. Осьминского, в новгородских пятинах на рубеже XV—XVI вв. было 953 своеземческих владения с 3275 обжами[53].

В составе земцев выделяются владельцы городских дворов — жители Яма, Ладоги, Корелы, Орешка и Русы. На посаде Корелы были зафиксированы дворы «своеземцев корельских», чьи основные владения были сельскими и с «городчанами» тянули в оброк лишь жившие на этих дворах дворники, на посаде Орешка — «лучших своеземцев». Жившие в городах своеземцы, как правило, тянули «в оброк з городчаны»[54]. Фрагмент описания Русы в писцовой книге Шелонской пятины 1497/98 г. включает данные о городских дворах двенадцати своеземцев, чьи владения были обложены оброком, а арендаторы своеземческих дворовых мест должны были платить владельцу «позем»[55]. Еще Е. З. Вулих отметила, что

---

[47] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. С. 203—216.

[48] АИСЗР. I. С. 71—72.

[49] Новгородские писцовые книги. Т. 3. СПб., 1868. Стб. 827—828.

[50] Там же. Стб. 830—831.

[51] Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1851. Кн. 11. С. 139.

[52] Там же. С. 137.

[53] АИСЗР. I. С. 338.

[54] Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 11. С. 4—5.

[55] Новгородские писцовые книги. Т. 5. С. 202—203.

налоги с дворов своеземцев Русы меньше, чем с обычных черных дворов, предположив, что разница компенсировалась обязанностью службы своеземцев. Если принять это предположение, то включение русских своеземцев в службу следует отнести к более раннему времени, чем 1520-е гг.

Новый порядок вещей отразился в описаниях 1520-х гг. волосток земцев в погостах Бежецкой и Шелонской пятин, которые свидетельствуют, что земцы продолжали владеть своими волостками на вотчинном праве, о чем говорят факты неразделенного владения земцев-«братаничей» (по половинам либо третям деревень). А обороты «за земцом» свидетельствуют об их статусном уравнении с помещиками, подразумевавшем несение службы по неизвестной нам разнарядке[56]. На данный момент неизвестно время, когда своеземцы были включены в состав поместных корпораций; возможно, в Бежецкой пятине, территориально близкой к княжествам Северо-Восточной Руси, это произошло раньше. Насколько это заметно по сохранившимся источникам, смена формы своеземческого землевладения в Новгородской земле — от мелкой вотчины к поместью — шла на протяжении второй четверти XVI в. Еще в 1525/26 г. земцы в Бежецкой пятине были мелкими вотчинниками, владевшими как родовыми, так и приобретенными землями. Земец Максим Алексеев с детьми и племянниками совместно владел пятью деревнями, а индивидуально — обжой пашни и пожней, которые заложил ему, а затем «ступился» Офоня Трофимов «в рубле ноугородцком»[57].

В наиболее ранних сохранившихся писцовых книгах Псковской земли 1580-х гг. следы земецкого землевладения отсутствуют. По всей видимости, «выводы» местных землевладельцев, осуществлявшиеся в 1560—1570-х гг., уничтожили этот вид землевладения, а участь самих земцев, как показывают фрагментарные данные, могла быть различной. В сотной грамоте на вотчину Псково-Печерского монастыря 1566 г. упомянут сын «сведеного» из Псковской земли Семена Тростенского Савва, который к 1566 г. стал обычным крестьянином, хотя его отец вполне мог иметь статус земца[58]. Деградация земца до крестьянского статуса являет собой красноречивый пример социальной мобильности, обусловленной высоким статусом военной службы и невозможностью соответствовать возраставшим требованиям к ней.

В соседнем с Псковской землей Пусторжевском уезде в середине XVI в. земцы рассматривались как часть поместной корпорации: в начале 1550-х гг. писцы Истома Корчев «с товарищи» отказали земли в черносошных деревнях и пустошах, находившихся на льготе, наряду с пусторжевскими помещиками «земцу Данилку Кирилову, а от черных деи деревень тех лготных деревень, селищ и починков сошным писмом не росписали»[59]. В писцовых книгах 1580-х гг. земцы и даже их следы уже не упоминаются, что также было следствием «выводов» местных землевладельцев в 1570-х гг. Единственной семьей землевладельцев, которые могут быть отождествлены с бывшими земцами в Торопецком уезде 1540-х гг., является семья Роздеришиных, состоявшая из шести братьев (Ефим, Микифор, Ляпун Прокошовы; Пигас, Федор Филипповы; Пахом Савин), совместно владевших деревнями, починками и рыбными ловлями в Збуцкой переваре. Однако формально их земли уже не отличались от поместных, числясь «за» землевладельцами[60]. Как свидетельствуют данные Рыльской уставной грамоты 1549 г., социальные группы с особым ста-

[56] Писцовые книги Новгородской земли. Т. 3 / Сост. К. В. Баранов. М., 2001. С. 1—4.

[57] Там же. С. 1.

[58] ОР РГБ. Ф. 256 (Рум.). № 55. Л. 20 об.

[59] Архив СПб ИИ РАН. Кол. 2. Кн. 23. Л. 94 об.—96.

[60] Писцовые книги Новгородской земли. Т. 3. С. 559—561.

тусом существовали и в Рыльске. В грамоте наряду с «рыленами детьми боярскими» упоминаются «севрюки» и «дети боярские залешане, которые в Рыльску службу служат»[61]. Эти группы могли быть как территориальными, так и социальными по своему характеру, чей генезис мог быть связан с непривилегированными землевладельцами Северщины.

Земецкое землевладение к середине XVI в. было существенной частью земельного фонда страны и как таковое было упомянуто в числе двенадцати видов собственности в царских вопросах к Стоглавому собору 1551 г. В 12-м вопросе предписывалось послать писцов «писать и сметити <...> земецкие земли всякие»[62]. Однако в действительности земецкое землевладение таяло на глазах: во второй половине XVI в. земцы исчезли в Торопце, Пусторжевском уезде, Псковской земле, сливались с черносошными крестьянами на Двине, еще раньше, видимо, исчезли на Вятке. С. Б. Веселовский констатировал аналогичные факты «разложения» вотчинного землевладения земцев и его ликвидации в Северо-Восточной Руси в третьей четверти XVI в.[63]

Диаметрально противоположно сложилась судьба земецкого землевладения в новгородских пятинах. В Шелонской пятине в 1550/51 г. земцы по-прежнему жили компактными сообществами на территории отдельных погостов, но совместно владели деревнями уже на поместном праве. Так, четверо двоюродных братьев Безгачево владели тремя усадищами, находившимися в составе трех деревень; на одной обже сидел непоименованный зависимый человек, 4,5 обжи земцы пахали «на собя» и 4 запустевших обжи — наездом[64]. «Братские» семьи своеземцев в Обонежской пятине фиксируются в писцовой книге 1563 г., но характер их землевладения существенно меняется. Все земцы Обонежской пятины к 1563 г. владели не своими старыми деревнями, а бывшими «купетцкими» землями и боярщинами. В Воскресенском Важенском погосте в руках земцев оказались деревни из «ларионовской боярщины Понкратова да офремовской Ондреева сына Мишнева». Эти деревни первоначально находились в качестве оброчных также за земцами Гридей и Антоном Васильевыми детьми Тяполкова и Андреем Демидовым сыном Власьева. Впоследствии земец Семен Иванов Авраамов получил их «по царевой и великого князя грамоте к старому <...> поместью», что предполагает распространенную практику закрепления за земцами их прежних вотчин на поместном праве, расширения их владений из состава земецких[65].

Совладельцами своеземческих земель были порой по пять братьев, как обстояло дело с шестью деревнями в Важенском погосте, находившимися в руках Худяка, Пятого, Томилка, Васюка и Сурья Лениных детей Пантелеева[66]. В зависимости от земельной обеспеченности земцы либо несли «службу большую», как земец Шелонской пятины Ф. Ф. Должицкий в 1571 г., получая «подмогу» от сотоварищей, либо сами выплачивали «подмогу» служилым земцам[67]. Итак, во второй половине XVI в. значительную часть новгородских землевладельцев составляли земцы — потомки прежних непривилегированных землевладельцев, в том числе житьих людей республиканской эпохи. Этот феномен объясняется сложившейся в Новгородской земле обычно-правовой практикой передачи выморочных земецких

[61] АСЗ. Т. 4. С. 397—400.
[62] Памятники русского права. Вып. 4. С. 579.
[63] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. С. 214—215.
[64] Писцовые книги Новгородской земли. Т. 6 / Сост. К. В. Баранов. М., 2009. С. 59—60.
[65] РГАДА. Ф. 137. Олонец. Кн. 1. Л. 154 об., 157 об.
[66] Там же. Л. 161 об.
[67] Новгородские писцовые книги. Т. 5. С. 539—542.

земель другим земцам, что было закреплено царским указом 1554/55 г., гласившим: «неземцу сыну боярскому без государевы грамоты земецких земель давати не велено, а которых земцов не станет бездетных, и те их земли давати земцом ж, которой в службу пригодитца». Этим распоряжением регионального характера земецкое землевладение в новгородских пятинах было законсервировано, а особый чин «земцев» существовал в составе новгородского дворянства до второй половины XVII в.[68]

Типология светского землевладения в России XVI в. вызывала значительный интерес у исследователей, которые сопоставляли русское поместье прежде всего с бенефицием VIII—IX вв. При сопоставлении Н. П. Павлов-Сильванский, во-первых, опирался на особенности службы землевладельцев на Руси и в Западной Европе, указывая на введение норм службы с земли. Вторым важным критерием их тождества Павлов-Сильванский считал постепенный переход поместий в наследственное владение[69]. С. М. Каштанов также полагает, что поместье было тождественной бенефицию «формой окольного внедрения частной собственности» и условного землевладения[70]. Ю. Г. Алексеев и А. И. Копанев писали о вотчине и поместье как о «двух формах феодального землевладения, отражающих два этапа развития русского феодализма», и полагали, что именно в период опричины «программа И. Пересветова» была реализована в форме массовой конфискации вотчин, основанных на «традиционных отношениях»[71]. Б. Н. Флоря сопоставил поместную систему периода ее становления на рубеже XV—XVI вв. с тимарной системой Османской империи, указав на такую важную особенность их развития, как регламентация доходов землевладельца. Исследователь показал, что направленность развития тимара и поместья оказалась различной: в то время как тимариоты до конца XVI в. были лишены возможности повышать доход с крестьян и не обладали судебной властью над ними, русские помещики уже с начала XVI в. стали получать судебный иммунитет, а во второй половине столетия сведения о повинностях крестьян перестали включаться в текст писцовых книг. С его точки зрения, это означало отказ от «программы Пересветова», предполагавшей сохранение фиксированных доходов с крестьян, собираемых «кадыями»[72].

К началу XVI в. система условного землевладения была распространена не только на новгородских землях, где она возникла в результате крупномасштабных мобилизаций земли, земельных экспроприаций и массового испомещения на северо-западе вотчинников с территории Замосковного края. По вероятному предположению В. Д. Назарова, удельный вес «владельцев земель на условном праве» в 1504 г. на границах между великокняжескими и удельными владениями достигал трети всех землевладельцев[73]. Земельные мобилизации продолжались и в первой половине XVI в. По подсчетам В. Б. Кобрина, в 1539/40 г. в Тверском уезде около 40 % старопоместных и вновь розданных поместных земель принадлежали вотчинникам из других уездов.

---

[68] *Аракчеев В. А.* Земцы: эволюция социального статуса и отношений собственности в XV—XVI вв. // Российская история. 2020. № 3. С. 204—205.

[69] *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в России. М., 1988. С. 450—456.

[70] *Каштанов С. М.* Московское царство и Запад: Историографические очерки. М., 2015. С. 440.

[71] *Алексеев Ю. Г., Копанев А. И.* Развитие поместной системы в XVI в. // Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история России XV—XVI вв. С. 476.

[72] *Флоря Б. Н.* Тимар и поместье // Особенности российского исторического процесса: Сборник статей памяти Л. В. Милова. М., 2009. С. 131—134.

[73] *Назаров В. Д.* К истории светского землевладения в России XV — начала XVI в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время: Шестые чтения памяти академика Л. В. Милова. М., 2019. С. 20—23.

Поместные раздачи 1539/40 г. осуществлялись в интересах представителей всех страт служилых людей, и в ходе них был достигнут паритет между представителями Государева двора и провинциальных помещиков в общем количестве розданной в поместья земли. Согласно подсчетам М. М. Крома, на долю придворной верхушки и мелких дворцовых слуг досталось около 12 380 четвертей земли, в то время как рядовые дети боярские получили почти столько же — 12 584 чети[74]. С 1500 по 1540 г. на сопоставимой территории новгородских пятин фонд поместных земель увеличился более чем в полтора раза. Несмотря на выбытие из состава обрабатываемых земель «порожжих», удельный вес поместного землевладения до конца XVI в. не уменьшился[75].

Вопрос о количестве и удельном весе иммунистов в составе категории светских землевладельцев остается дискуссионным, ибо от предполагаемых, по расчетным данным, более чем 20 тыс. служилых землевладельцев в России XVI в. сохранилось 157 несудимых грамот XV—XVI вв. Из них лишь четыре относятся к западным уездам (Вяземский уезд и Смоленская земля), две — к Вятке, одна — к Великолукскому уезду, а все остальные — к городам и уездам Замосковного края[76]. Формуляр жалованных грамот служилым людям обычно включал статьи о судебном иммунитете, которые, как правило, укладывались в выявленную С. Б. Веселовским четырехчастную формулу. Однако немногочисленные иммунитетные грамоты служилым людям на их поместья в северо-западных и западных уездах составлялись по особому формуляру, отличавшемуся от формуляра грамот, выдававшихся служилым людям Замосковного края. Обладавшие правом боярского суда волостели и наместники бывших новгородско-псковских земель должны были обладать расширенной компетенцией и по отношению к местным служилым людям. Все они правили в районах, где московская власть не имела глубоких корней, и в значительной степени являлись главными доверенными лицами великого князя. Поэтому несудимые жалованные грамоты служилых людей этих территорий содержали существенные изъятия из общероссийского иммунитетного права, передавая суд над детьми боярскими в руки наместников. По большому счету к помещикам окраинных уездов перешла лишь судебная власть над их крестьянами, что, конечно, было немаловажно для установления вотчинного режима. Но личный судебный иммунитет светские землевладельцы этих территорий не получили, причем можно предположить, что в составе поместного дворянства России удельный вес служилых людей, лишенных судебного иммунитета, был немалым. С 1549 г. начался процесс унификации иммунитетных норм для вотчинников и помещиков; в 1556 г. были уравнены их нормы службы с земли.

В. Б. Кобрин не связывал рост поместного землевладения с опричниной, хотя и не исключал некоторого «увеличения удельного веса поместий в землевладении» после опричнины[77]. Однако в современных исследованиях обосновывается концепция, что одной из целей опричных переселений и совершенно определенно их итогом стало превращение поместья в основную форму землевладения дворянского сословия. Значительная часть новых поместий возникала в направлениях внешнеполитической экспансии (Поволжье, Поле, Полоцкий повет, Ливония), но после утраты завоеваний на

[74] *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). С. 119; *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 551—552.

[75] АИСЗР. II. С. 270—273.

[76] *Аракчеев В. А.* Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI — начала XVII века. С. 197—201.

[77] *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). С. 159.

западе помещики переселялись на территории черносошных и дворцовых сел уездов северо-запада, что приводило к увеличению удельного веса поместной системы. В писцовой книге Полоцкого повета 1567—1572 гг. зафиксированы 146 поместий землевладельцев, переведенных из Невельского уезда, Обонежской и Бежецкой пятин. Прифронтовые уезды серьезно страдали от военных действий, и владения многих помещиков получали освобождения от налогов на срок до четырех лет, как, например, усвятское владение С. В. Харламова[78]. Видимо, еще более крупными были испомещения русских помещиков в Ливонии. Сохранившиеся документы Городового приказа показывают факты существования «служилых городов» не менее чем в девяти городах и зáмках оккупированной территории Ливонии[79]. Судьба этих владений была сходна: к моменту заключения Ям-Запольского перемирия все помещики Полоцкого повета и Ругодивского уезда уже покинули свои владения, а в январе—феврале 1582 г. свои владения оставили помещики Юрьевского и прилегающих к нему уездов Ливонии, выселенные на территорию России.

Одной из важных проблем, дебатировавшихся в исторических исследованиях, была проблема различий и сходства вотчины и поместья. Если в дореволюционной и ранней советской историографии упор делался на различия этих двух видов землевладения, то в современных исследованиях чаще всего указывают на быстрое сближение их статуса. В. Б. Кобрин полагал, что «поместье было наследственным (если не де-юре, то по крайней мере де-факто) с самого начала» становления поместной системы[80]. Введенная в 1550-х гг. большая соха и унификация посошного обложения коснулись в первую очередь светского вотчинного и поместного землевладения, ибо размеры сохи для вотчин и поместий были одинаковы — 800 четей доброй, 1000 «середней» и 1200 худой земли[81]. Равный фискальный статус сближал вотчину и поместье больше чем что-либо другое. Владельческие права помещика тоже постепенно уравнивались с правами вотчинников и были определены Иваном IV в вопросах Стоглавому собору: «что на своей земле ни примыслит, то все Божье да ево»[82].

С хозяйственно-экономической точки зрения, однако, вотчина и поместье все еще были различающимися системами. В течение всего XVI столетия новгородские помещики нередко пахали собственную пашню, хотя, по подсчетам исследователей, удельный вес барской пашни, обрабатываемой холопами, к концу века неуклонно рос. Тем не менее ведущей формой хозяйствования на поместных землях барское хозяйство все еще не было: средний размер усадища был невелик, пашня обрабатывалась чаще всего силами холопов, а в случаях привлечения к барщинным работам крестьян интенсивность их труда была невелика. Мобильность в среде помещиков могла вести и к социальной деградации: известны факты окрестьянивания помещиков Бежецкой пятины по писцовым книгам 1564 и 1594 гг.[83]

Поместья, владельцы которых в ходе катаклизмов XVI в. часто менялись, испытывали наибольшие экономические трудности в годы кризиса 1570—1580-х гг. Так, по оценке Е. И. Колычевой, в 70-х гг. XVI в. в Московском уезде поместное хозяйство как система перестало существовать, а процент запустения поместий достигал

[78] Иван Грозный — завоеватель Полоцка: (Новые документы по истории Ливонской войны) / Сост. В. Ю. Ермак. СПб., 2014. С. 141.

[79] Документы Ливонской войны 1571—1580 гг. / Сост. И. Граля и др. М.; Варшава, 1998. С. 122—196.

[80] *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). С. 93.

[81] *Колычева Е. И.* Аграрный строй России в XVI века. С. 24.

[82] Памятники русского права. Вып. 4. С. 578.

[83] АИСЗР. II. С. 228, 232—233.

98,2 %. Большая часть разоренных земель в Коломенском уезде также относилась к поместьям: три четверти земель к 1577—1579 гг. лежали «в пусте»[84]. Аналогичное положение вещей существовало на северо-западе России.

Однако экспансия поместной системы была неостановима. Выселенные из Ливонии помещики «розных немецких городов» в 1582—1585 гг. получили в раздачу запустевшие поместные земли в новгородских пятинах, а также дворцовые села и черные волости в Пусторжевском и Великолукском уездах. Последняя черная волость в уездах северного литовского порубежья — Славуйский черный стан — была пущена в раздачу помещикам в 1595 г.[85] Экспансия поместного землевладения была распространена на всю территорию России, причем наиболее крупномасштабным было распространение поместного землевладения в заоцких уездах, где сформировались новые «служилые города». К концу XVI в. светское землевладение, невзирая на политическую нестабильность и хозяйственный кризис, выполняло функцию обеспечения служилого класса землей и трудом зависимых крестьян.

Монастырское землевладение

Впервые обратился к изучению монастырского землевладения как одной из форм земельной собственности в Средневековой Руси А. Б. Лакиер.[86] Во второй половине XIX в. возрос интерес к обстоятельствам этого вопроса с историко-юридической точки зрения[87]. На рубеже XIX—XX вв. проблемами монастырского землевладения в историко-хозяйственном и экономическом плане плодотворно занимались В. О. Ключевский и Н. К. Никольский[88]. Н. К. Никольский впервые изучил рост монастырского землевладения в зависимости от политики великих князей и царей по отношению к монастырским вотчинам в целом. Учитывая особенности истории Кирилло-Белозерского монастыря, борьбу иосифлян и нестяжателей, он показал, что в 1450—1470-х гг. происходит замедление роста монастырской вотчины, а в 1520—1540-х гг. спад сменился подъемом. Перед запретительными мерами правительства 1551, 1572 и 1580 гг. кирилловские владения увеличивались.

Значительные успехи в изучении феодального землевладения были достигнуты в XX в. Широко известны работы Б. Д. Грекова, С. Б. Веселовского, А. А. Зимина, А. И. Копанева, М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина. М. С. Черкасова показала, что советские ученые, во-первых, продолжали изучать историю отдельных монастырей (преимущественно Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского, Иосифо-Волоколамского, Соловецкого), во-вторых, что такое изучение велось в рамках отдельного ре-

---

[84] *Колычева Е. И.* Аграрный строй России в XVI века. С. 183—184.

[85] *Аракчеев В. А.* Аграрная история Великолукского и Пусторжевского уезда во второй половине XVI — XVII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1994.

[86] *Лакиер А. Б.* О вотчинах и поместьях. СПб., 1848.

[87] *Милютин В. А.* О недвижимых имуществах духовенства в России. М., 1862; *Павлов А. С.* Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Одесса, 1871; *Горчаков М. И.* О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода (988—1738 гг.). СПб., 1871; *Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897.

[88] *Ключевский В. О.* Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае // Ключевский В. О. Сочинения: В 8 т. Т. 7. М., 1959. С. 5—33; *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века. Т. 1. Вып. 1—2. СПб., 1897, 1910.

гиона и уезда (например, Поморье, Белозерье) и, в-третьих, что вопросы церковно-монастырского землевладения затрагивались в работах по общим проблемам поместно-вотчинной системы и феодальной собственности[89]. В конце XX — первых десятилетиях XXI в. наблюдается расширение исследовательского поля, в том числе и территориального, поскольку появились работы, в которых затронут вопрос землевладения средних и малых[90] монастырей (Белозерский, Вологодский уезды, Нижегородское Поволжье, Урал)[91].

В XVI в. в Российском государстве существовало 536 монастырей, при этом 279 были основаны в этом столетии. Согласно подсчетам Я. Е. Водарского, из них мужских было 452, женских — 82, совместных — 2. Обратим внимание, что большинство обителей были сельскими — 361[92]. По словам английского путешественника Дж. Флетчера, «монашествующих у них бесчисленное множество <...>. Каждый город и значительная часть всей страны ими наполнены <...> все лучшие и приятнейшие места в государстве заняты обителями или монастырями <...>. Число монахов тем более значительно, что они размножаются не только от суеверия жителей, но и потому, что монашеская жизнь наиболее отстранена от притеснений и поборов, падающих на простой народ...»[93] Согласно сведениям англичанина Климента Адамса, «третья часть полей» принадлежала в середине XVI в. монастырям. С этим утверждением не согласились митрополит Амвросий (Орнатский) в 1810 г. и В. А. Милютин в 1860 г., но после выхода в свет работы А. С. Павлова это положение закрепилось в историографии. В 1988 г. А. И. Плигузов показал, что утверждение К. Адамса необоснованно[94]. В 1990 г. Н. А. Горская, Л. В. Милов, А. Г. Маньков, В. И. Корецкий привели карту Европейской части России с расчетами о долях пашни разных собственников в шести регионах страны в 1620—1640 гг. Согласно этим вычислениям, в Центральном нечерноземном регионе духовенству принадлежало 22 % пашни, в Северо-Западном — 22, Западном (Вяземский уезд) — 4, Центральном черноземном — 6, Среднем Поволжье (расчет Я. Е. Водарского) — 13, Вологодском уезде — 19, на Севере и в Северном Приуралье — 3 %[95]. Очевидно, что при таком соотношении духовным феодалам в предыдущем столетии не могло принадлежать одной трети всей пашни. Е. И. Колычева полагает, что мо-

---

[89] *Черкасова М. С.* Крупная феодальная вотчина в России конца XVI — XVII века (по архиву Троице-Сергиевой лавры). М., 2004. С. 14—15.

[90] О классификации обителей по размеру земельных владений см.: *Башнин Н. В.* Дионисиево-Глушицкий монастырь и его архив в XV—XVII вв.: Исследование и тексты. М.; СПб., 2016. С. 9, 12, примеч. 19.

[91] *Соколова Н. В.* Монастырское землевладение и хозяйство в Нижегородском крае в XVI — середине XVIII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990; *Манькова И. Л.* Монастыри Восточного Урала в XV — первой четверти XVIII вв.: Социально-экономическое развитие. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1993; *Шамина И. Н.* Монастыри Вологодского уезда в XVI—XVII вв.: Землевладение и организация хозяйства. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; *Сазонова Т. В.* Кирилло-Новоезерский монастырь как социокультурное явление средневековой жизни Московского государства (1540-е — 1660-е гг.). Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005; *Адаменко О. Н.* Землевладение и хозяйство Спасо-Каменного монастыря в XV—XVII веках. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2008.

[92] *Водарский Я. Е., Истомина Э. Г.* Православные монастыри России и их роль в развитии культуры (XI — начало XX в.). Тула, 2009. С. 67, 535.

[93] *Флетчер Дж.* О государстве Русском. СПб., 1906. С. 98—99.

[94] *Плигузов А. И.* Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. С. 320—329.

[95] История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: В 5 т. Т. 2: Крестьянство в период раннего и развитого феодализма. М., 1990. С. 369.

настырям в XVI в. принадлежало около 20 % земли[96].

Некоторые представления о соотношении монастырского землевладения с другими формами земельной собственности дают новгородские и псковские материалы. Накануне присоединения Новгорода к Москве Софийскому архиерейскому дому и монастырям принадлежало 25 % всех учтенных земельных угодий, а после конфискаций, проведенных Иваном III, их доля стала равняться 5,5 %[97], однако, по книгам 1580-х гг., церковные вотчины составили 11 % всех учтенных обеж[98]. В 1678 г. в Новгородской земле во владениях новгородского митрополита и 117 монастырей доля крестьянских и бобыльских дворов составила 33,3 % от всех учтенных.[99] В Псковской земле в 1580-х гг. насчитывалось 283 духовных вотчинника (монастыри и церкви), которым принадлежало 58 144 (51,3 %) четверти земли, а помещикам — 55 123,5 (48,7 %) четвертей. Сведений о размерах дворцовых земель в Псковской земле нет[100]. Приведенные данные по северо-западу России не могут быть безоговорочно экстраполированы на остальную территорию страны, однако они дают косвенные указания как о соотношении церковного и светского землевладения, так и о секуляризационных тенденциях в государственной политике.

Исследована прежде всего история крупных монастырских вотчин в XVI в. Троице-Сергиев монастырь был крупнейшим землевладельцем среди всех обителей. По словам М. С. Черкасовой, «земельные приобретения Троицкого монастыря возобновляются с 1506 г., и нарастание их продолжается до начала 1580-х годов»[101]. В первой трети XVI в. монастырь получал земли по вкладам и завещаниям, а также купил 3 села и 31 деревню. Подчеркнем, что в эти годы зафиксировано полное отсутствие земельных пожалований как от Василия III, так и от его удельных братьев[102]. Более того, известен случай изъятия троицких владений великим князем, когда он «погневался» на монахов за «бранные дела»[103]. К концу первой трети XVI в. владения монастыря располагались в 26 уездах Российского государства. В 1530—1540-х гг. у него появляются городские дворы в Вологде, Коломне, Владимире, Городце, Плесе, Холуе и других городах[104]. Именно в эти годы, как заметил С. Б. Веселовский, монастырь получает значительные денежные вклады, которые были пущены на покупку земель[105]. В это же время возобновляются пожалования обители со сто-

[96] *Колычева Е. И.* Православные монастыри второй половины XV — XVI века // Монашество и монастыри в России: XI—XX вв.: Исторические очерки. М., 2005. С. 99.

[97] *Алексеев Ю. Г.* Распределение землевладения после конфискаций Ивана III: Поместья и помещики // АИСЗР. I. С. 333. См. новые наблюдения: *Фролов А. А.* Конфискации вотчин Новгородского владыки и монастырей в последней четверти XV в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2004. № 4 (18). С. 54—62.

[98] *Осьминский Т. И.* Земли новгородского владыки: Монастырские земли // АИСЗР. II. С. 274—279.

[99] *Воробьев В. М., Дегтярев А. Я.* Землевладение в новгородских пятинах // АИСЗР. IV. С. 94.

[100] *Масленникова Н. Н.* Землевладение // АИСЗР. III. С. 98—100.

[101] *Черкасова М. С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV—XVI вв. М., 1996. С. 105. Также см. работы иностранных авторов: *Miller B. D.* Saint Sergius of Redonezh, His Trinity Monastery, and the Formation of the Russian Identity. Illinois, 2010 (рец.: *Башнин Н. В., Черкасова М. С.* Новая книга о преподобном Сергии Радонежском и Троице-Сергиевом монастыре // Вестник церковной истории. 2012. № 12 (25—26). С. 367—379); *Gonneau P.* La Maison de la Sainte Trinité: un grand monastère russe du Moyen-âge tardif (1345—1533). P., 1993 (рец.: *Дмитриев М. В.* К проблемам истории русского монашества в XIV — начале XVI века (по страницам книги П. Гонно) // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 146—153).

[102] *Черкасова М. С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV—XVI вв. С. 114.

[103] Там же. С. 115.

[104] Там же. С. 122.

[105] Там же. С. 124—125.

роны верховной власти. В 1550-х гг. землевладение Троице-Сергиева монастыря проникает в Свияжский и Казанский уезды[106]. М. С. Черкасова подчеркивает, что ни одному другому духовному феодалу из центра России проникнуть в Среднее Поволжье в 1550—1570-е гг. не удалось. При этом расширение троицких земель в Ярославском, Тверском, Оболенском, Стародубском уездах происходило исключительно за счет княжеских вотчин[107]. Во время опричнины троицкие поземельные акты «глухо» фиксируют перипетии политической борьбы. Так, вотчины Морозовых и Плещеевых перешли к монастырю не от них, а от новых хозяев — Щелкаловых, Бутурлиных. Незадолго до своей казни в 1571 г. продал свои земли монастырю царский казначей Никита Фуников-Курцев[108]. В 1550—1570-х гг. обитель приобрела 164 новых села и сельца. На покупки было потрачено более 12 тыс. руб., что, учитывая поступления по вкладам около 48 тыс. руб., не так и много[109].

С. М. Каштанов отметил, что в 1580-х гг. произошла переориентация троицких монахов на Русский Север (покупка соляных варниц, рыбных ловель), поскольку собор 1580 г. запретил получение земли от служилых людей[110]. В 1570-х гг. обострились отношения царя с Троицкой обителью. Иван IV писал: «У Троице в Сергиеве благочестие иссякло, и монастырь оскудел»[111], однако в 1583 г. именно в эту обитель самодержец приехал оплакивать своего сына и дал по нему крупный денежный вклад — 5,5 тыс. руб.[112] К началу 1580-х гг. земельные владения Троице-Сергиева монастыря были в 39 уездах страны, и почти в каждом городе-центре этих регионов имелись городские дворы[113]. Кроме этого, у Троицы в XVI в. зафиксировано 18 приписных монастырей[114]. Несмотря на соборный приговор 1584 г., рост троицких земельных владений продолжился. За 1584—1600 гг. сохранилось около 200 актов, которые показывают способы роста вотчины в это время: вклады, обмены, покупки и пожалования царя Федора Ивановича. Крупные вотчины были получены от Глинских и Годуновых[115]. По мнению М. С. Черкасовой, «слабость светской вотчины в средневековой Руси отчасти может служить объяснением образования феноменальной по масштабам Троицкой латифундии»[116].

Л. И. Ивина показала, что рост земельных владений Симонова монастыря начинается с 20-х гг. XVI в. и идет исключительно за счет покупок, и это является его особенностью, в отличие от Троице-Сергиева, Чудова и Иосифо-Волоколамского, которые в это время получают поземельные вклады[117]. В опричнину Симонов монастырь стал «опричным государевым богомольцем», а его владения в Московском уезде продолжали увеличиваться до соборных

---

[106] *Черкасова М. С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV—XVI вв. С. 132.

[107] Там же. С. 135.

[108] Там же. С. 146—147.

[109] Там же. С. 154.

[110] *Каштанов С. М.* Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVI в. // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки имени Ленина. Вып. 18. М., 1956. С. 37.

[111] Послания Ивана Грозного. С. 320.

[112] *Черкасова М. С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV—XVI вв. С. 158.

[113] Там же. С. 160—161.

[114] *Черкасова М. С.* Крупная феодальная вотчина в России конца XVI — XVII веков (по архиву Троице-Сергиевой лавры). С. 303—304.

[115] *Черкасова М. С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV—XVI вв. С. 164—165.

[116] Там же. С. 198.

[117] *Ивина Л. И.* Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV — первой половины XVI в. (по материалам Московского Симонова монастыря). Л., 1979. С. 198.

приговоров 1580 и 1584 гг.[118] Благодаря ретроспективному исследованию писцовых материалов 1620-х гг. и сопоставлению их с актами XV—XVII вв. Л. И. Ивина выяснила, что владения Симонова монастыря находились в 19 уездах Русского государства и к концу XVI в. за обителью значилось не менее 48 сел, а всего насчитывалось более 500 поселений[119]. Согласно жалованной грамоте 1584 г., в этих владениях (исключая Нижегородский уезд) было 25 ½ сохи (17 850 четвертей «средней» земли в одном поле или 8925 десятин пашни). Для сравнения заметим, что, по подсчетам С. Б. Веселовского, за Кирилло-Белозерским монастырем в белозерских вотчинах в 1557/58 г. числилось 22 ¾ сохи, а в 1600/01 г. — около 20 сох,[120] а владения этой северной обители находились в 12 уездах (51 село). За Иосифо-Волоколамским монастырем к началу XVII в. было 23 446 четвертей земли в одном поле (в это время существовал трехпольный севооборот; 35 169 десятин пашни), которые находились в 11 уездах[121]. У Троице-Сергиева монастыря к концу XVI в. насчитывалось 143 000 четвертей пашни в одном поле[122]. М. С. Черкасова подсчитала по всему комплексу писцовых книг 1592—1593 гг., что за Троице-Сергиевым монастырем было 218 тыс. десятин в трех полях (пашни и перелога) в 33 уездах[123]. По мнению Я. Е. Водарского, во владениях духовенства к концу XVI в. проживало около 700 тыс. крестьян[124].

Приведенные сведения показывают, что в конце XV — начале XVI в. при Иване III и Василии III произошло замедление роста монастырского землевладения[125]. Эти факты не согласуются с точкой зрения, высказанной Д. Островски и поддержанной А. И. Плигузовым, о том, что на соборе 1503 г. Иван III не поднимал вопроса о церковном землевладении[126]. В историографии церковную политику Ивана III в конце XV — начале XVI в. считают секуляризационной, понимая под секуляризацией изъятие церковного имущества светской властью[127]. А. И. Плигузов полагал, что се-

[118] *Ивина Л. И.* Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV — первой половины XVI в. (по материалам Московского Симонова монастыря). С. 198—199.

[119] Там же. С. 196—197.

[120] *Веселовский С. Б.* Сошное письмо: Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т. 1. М., 1915. С. 219.

[121] *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV — XVI в.). М., 1977. С. 185—188.

[122] *Рожков Н. А.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899. С. 402.

[123] *Черкасова М. С.* Крупная феодальная вотчина в России конца XVI — XVII века (по архиву Троице-Сергиевой лавры). С. 180.

[124] *Водарский Я. Е.* Население России за 400 лет (XVI — начало XX в.). С. 25—27, 30—31.

[125] *Колычева Е. И.* Традиция и законотворчество в Русском средневековом государстве XV—XVI вв. (правовые аспекты отчуждения собственности) // Представления о собственности в российском обществе XV—XVIII вв.: Проблемы собственности в общественном сознании и правовой мысли феодальной эпохи. М., 1998. С. 23—24.

[126] The Council of 1503: Source Studies and Questions of Ecclesiastical Landowning in Sixteenth Century Muscovy / Eds. E. L. Keenan, D. G. Ostrowski. Cambridge (MA), 1977; *Ostrovski D. A.* "Fontological" Investigation of the Muskovite Church Council of 1503. Ann Arbor, 1986; *Плигузов А. И.* Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. С. 352—353. Критику этих построений см.: *Синицына Н. В.* Спорные вопросы истории нестяжательства, или О логике исторического доказательства // Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII веков. М., 1990. С. 250—254.

[127] *Павлов А.* Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Ч. 1: Попытки к обращению в государственную собственность поземельных владений Русской Церкви в XVI веке (1503—1580 г.). Одесса, 1871; *Бегунов Ю. К.* «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви // ТОДРЛ. 1964. Т. 20. С. 351—364; *Ивина Л. И.* Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV — первой половины XVI в. С. 128, примеч. 1.

куляризация в Англии и Северной Европе была основана на идеологии Реформации, которая была немыслима в России того времени[128]. А. И. Алексеев подчеркнул, что собор 1503 г. следует изучать в контексте предыдущих правительственных мероприятий, и привел сведения об отчуждении монастырских земель великими князьями в предыдущие годы[129]. Согласно точке зрения А. И. Алексеева, основой политики Ивана III «являлись мероприятия по ограничению последствий распространения поминальной практики»[130]. Историк рассмотрел источники о соборе 1503 г.[131] и показал, что концепция Д. Островски и А. И. Плигузова, в рамках которой поземельные споры относятся к эпохе Стоглава, несостоятельна[132]. По мнению А. И. Алексеева, «великокняжеская власть в 1503 г. имела самый реальный шанс осуществить отчуждение церковных земель в обмен на денежные и хлебные пожалования»[133].

Как было показано выше, в 1530—1590-х гг., несмотря на ограничительные меры правительства, происходило увеличение монастырского землевладения. Ярким примером того, как обходили запреты, являются пожалования Годуновых костромскому Ипатьевскому монастырю[134].

Обратимся к характеристике законодательных актов и соборных постановлений XVI в. Правительством Елены Глинской от имени великого князя Ивана Васильевича 23 июня 1535 г. была выдана указная грамота Глушицкому монастырю[135]. А. С. Павлов полагал, что эта грамота — результат «общей законодательной меры, которая касалась всех монастырей»[136]. В подтверждение своей мысли ученый приводит летописные сведения о том, что в 1536 г. у новгородских церквей и монастырей было «отобрано в казну довольно значительное количество земель, именно — все подгородние пожни»[137].

Эту точку зрения поддержал И. И. Смирнов. По его мнению, правительством Елены Глинской был издан закон (текст которого не сохранился), формулирующий установление контроля над ростом монастырского землевладения, причем его содержание можно вполне точно выяснить на основании грамоты от 23 июня 1535 г. Глушицкому монастырю[138]. И. И. Смирнов подчеркивает, что «выписи» о своих приобретениях монастырь должен был направить такому видному дьяку, как Федор Михайлович Мишурин[139] (в 1534—1538 гг. именно он был основным исполнителем канцелярской

---

[128] *Плигузов А. И.* Историографические заметки о «нестяжательстве» // Архив русской истории. Вып. 2. 1992. С. 13—15.

[129] *Алексеев А. И.* Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI в. С. 232.

[130] Там же. С. 235.

[131] Там же. С. 245—278.

[132] Там же. С. 295. См. также: *Алексеев А. И.* Религиозные движения на Руси последней трети XIV — начала XVI в.: Стригольники и жидовствующие. С. 484—492.

[133] Там же. С. 300.

[134] *Захаров А. Н.* Крупная феодальная вотчина Костромского края в XVI—XVII вв. (по материалам Костромского Троицкого Ипатьевского монастыря). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

[135] *Башнин Н. В.* Дионисиево-Глушицкий монастырь и его архив в XV—XVII вв. С. 536—538.

[136] *Павлов А. С.* Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Ч. 1. С. 102, примеч. 1.

[137] Там же. С. 103.

[138] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. С. 45—46. Автор приводит текст грамоты целиком по «Истории российской иерархии» Амвросия Орнатского.

[139] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. С. 344—345. Подробнее о роде Мишуриных см.: *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 835—837; *Мазуров А.* Род дьяков Мишуриных в XVI веке // Российская история. 2013. № 5. С. 105—121.

операции по подтверждению жалованных грамот[140]). Это мнение разделял А. А. Зимин[141], и он же отмечал, что попытки ограничить монастырское землевладение явно противоречили интересам иосифлян[142]. Л. И. Ивина считала, что выдача грамоты Глушицкому монастырю от 23 июня 1535 г. свидетельствует «об особой его активности по приобретению земель у детей боярских в начале 30-х гг. XVI в.»[143].

В пользу того, что московским правительством могли быть предприняты меры, ограничивающие монастырское землевладение, свидетельствуют следующие факты. В 1536 г. был издан акт о конфискации монастырских земель в Великом Новгороде[144]. Это мероприятие, вероятно, было проведено в русле ограничительной земельной политики правительства Елены Глинской. Но о каких-либо других аналогичных документах и действиях сведений нет, а после смерти Елены Глинской и захвата власти боярами в 1539 г. ярославскому Спасскому монастырю была выдана жалованная грамота, прямо противоположная глушицкому акту[145].

В указной грамоте от 23 июня 1535 г. игумену Глушицкого монастыря Феодосию утверждается, что «в нашем государстве» монастыри покупают, берут в заклад и закуп «многие села и деревни», а потом их «мимо монастырей вотчин никому ни у кого купити не мочно», а дети боярские свои земли отдают в монастыри «по душе» для того, чтобы их вотчины «ближнему их роду» не достались[146]. Далее следовало требование от Феодосия «выписей» на земли, полученные монастырем до этой грамоты «за год или за два»[147]. Был ли такой итоговый документ составлен глушицкими властями и отослан в великокняжескую канцелярию, неизвестно. В будущем Глушицкому монастырю запрещалось без «ведома однолично» покупать, брать в заклад, закуп и на помин души вотчины. Если же данное предписание рассчитывали обойти, то за светскими властями оставалось право «у вас те вотчины велети отписывати на себя»[148]. Можно согласиться с закрепившейся в историографии точкой зрения о том, что эта грамота свидетельствует об особой активности Глушицкого монастыря по приобретению земель у детей боярских в начале 30-х гг. XVI в., однако никаких источников об этих сделках до нас не дошло, равно как и каких-либо упоминаний о них в позднейшей документации.

М. М. Кром полагает, что «действия властей в этой ситуации можно описать как попытку навести порядок в сфере поземельных отношений». По мнению исследователя, «принятые тогда меры связаны с деятельностью влиятельного дьяка Федора Мишурина»[149]. Выборочный контроль

---

[140] *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 496—498.

[141] *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 232, примеч. 3.

[142] *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV — XVI в.). С. 291. См. также: Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. Ч. 2 / Подг. текста и коммент. А. А. Зимина. М., 1978. С. 271.

[143] *Ивина Л. И.* Внутреннее освоение земель России в XVI в.: Историко-географическое исследование по материалам монастырей. Л., 1985. С. 195.

[144] *Павлов А.* Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Ч. 1. С. 102—103; *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. С. 46—47; Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. Ч. 2. С. 271.

[145] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. С. 78—79.

[146] *Амвросий.* История российской иерархии. Ч. 3. М., 1811. С. 713.

[147] Там же. С. 714.

[148] Там же.

[149] *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 529.

за отчуждением вотчин светских землевладельцев в пользу монастырей действительно существовал, но в поле зрения великокняжеских дьяков попадали крупные земельные вклады[150]. Поэтому остается открытым вопрос, почему именно Глушицкий монастырь получил указную грамоту.

Кратко обозначим основные этапы законодательного ограничения роста монастырского землевладения в XVI в. В соборном приговоре от 1 мая 1551 г. упоминается, что «из старины по уложенью великого князя Ивана Васильевича всеа Русии и по уложенью великого князя Василья Ивановича всеа Руси» существовал запрет жителям некоторых городов и уездов, а также потомкам суздальских, ярославских и стародубских князей продавать и давать вкладом «по душе» вотчины в монастыри без доклада великому князю[151].

Сохранился указ Ивана IV не ранее июня 1550 г. о разрешении продавать, закладывать и завещать монастырям купленные земли полностью, а вотчинные — только половину: «а более половины вотчин мимо отчичь ни продати, ни заложити, ни по душе отдати»[152]. А. И. Копанев полагает, что этот указ дополняет 85-ю статью Судебника 1550 г.[153] и направлен против монастырей, так как они «чаще всего, используя богатую казну, покупали вотчинные земли и брали их в залог»[154].

Соборный приговор Ивана IV, датируемый 1 мая 1551 г., наряду с другими ограничениями лишил высшее духовенство и монастыри права увеличивать землевладение путем покупок «без доклада» государю (вклады на помин душ были разрешены). Источник зафиксировал следующую норму: «вперед архиепископу, и епископом, и монастырем вотчин без царева и великого князя ведома и без докладу не покупати ни у кого; а князем, и детем боярским, и всяким людем вотчин без докладу им не продавати же; а хто купит, или продаст вотчину без докладу, и у тех, хто купит, денги пропали, а у продавца вотчина взяти на государя царя и великого князя безденежно»[155]. Это же положение находим в Стоглаве[156]. По мнению А. И. Копанева, приговор 1551 г., безусловно, применялся на практике, а отсутствие сведений о докладе царю про сделку объясняется их регистрацией в Поместном приказе[157].

По указу Ивана IV бояре вместе с освященным собором 9 октября 1572 г. «приговорили» об ограничении права распоряжения вотчинами. Так, в «болшие монастыри, где вотчины много» запрещалось давать земли, а те, которые были уже «написаны», следовало не записывать в «Поместной избе», а отдать служилым людям. «Малые» монастыри могли получать вотчины в собственность, только «доложа государя»

---

[150] *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 529.

[151] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. № 5. С. 32—33. См. комментарий А. И. Копанева: Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Комментарии. № 5. С. 17.

[152] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. № 1. С. 29. См. комментарий А. И. Копанева: Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Комментарии. № 1. С. 9.

[153] Судебники XV—XVI веков. С. 171—172, 297—319.

[154] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Комментарии. № 1. С. 9.

[155] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. № 5. С. 31—32. См. комментарий А. И. Копанева: Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Комментарии. № 5. С. 17—19.

[156] *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. С. 413—414.

[157] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Комментарии. № 5. С. 18—19.

и после боярского приговора[158]. По мнению А. И. Копанева, запрет монастырям приобретать земли здесь сформулирован более категорично, чем в приговоре 1551 г.[159] В этом законодательном акте отразилась и непоследовательность борьбы с монастырским землевладением — приговор запретил выкуп земель у монастырей, тем самым закрепив земли за ними.

Духовенством 15 января 1580 г. был подписан соборный приговор о запрете выкупа и возвращения по суду вотчин у митрополичьей кафедры, епископий и монастырей, даже если «которое место и не утвержено крепостми, и того у монастыря не выкупити. И вперед с монастыри о вотчинах не тегатися»[160]. Однако на будущее иерархам и монастырям запрещалось покупать земли и брать в заклад, в случае нарушения вотчины отбирались «на государя безденежно». Церковным иерархам и монастырям следовало «земель не прибавливати никоторыми делы, жити им на тех землях, что ныне за ними». Только если обитель была «убогой», по челобитью ее могли «устроить» землей[161]. По мнению А. И. Копанева, Дж. Горсей верно передал общее представление об обострении борьбы по вопросу о монастырском землевладении накануне 1580 г. В историографии бытовала точка зрения, что существовал приговор от 15 января 1581 г., однако она убедительно опровергнута[162].

Двадцатого июля 1584 г. был подписан соборный приговор, который подтвердил соборный приговор от 15 января 1580 г. от имени нового царя — Федора Ивановича, а также отменил тарханы (податные привилегии). Основанием для отмены налоговых льгот монастырям и архиерейским кафедрам стала «великая тощета воинским людем», в связи с чем тарханы следовало «отставити, покаместа земля поустроитца». Царские подати и земские «розметы» теперь следовало платить «ровно всей земле»[163]. А. И. Копанев поддержал мнение С. Б. Веселовского об этом приговоре как документе, который реально действовал, в результате чего произошло сокращение земельных поступлений в монастыри[164]. Е. И. Колычева отметила, что монастырские купчие встречаются во второй половине XVI в. крайне редко[165].

Окончательно приобретение земель монастырям и церковным иерархам было запрещено 42-й статьей главы XVII «О вотчинах» Соборного уложения 1649 г.: «Впредь с нынешняго Уложения патриарху, и митрополитом, и архиепископом, и епископом, и в монастыри ни у кого родовых и выслуженых и купленых вотчин не покупать, и в заклад не имать, и за собою не держать, и по душам в вечной поминок не имать никоторыми делы, и в Поместном приказе за патриархом, и за митрополиты, и за архиепископы, и епископы, и за монастыри та-

---

[158] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. № 37. С. 56.

[159] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Комментарии. № 37. С. 59.

[160] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. № 40. С. 58.

[161] Там же.

[162] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Комментарии. № 40. С. 61—62.

[163] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. № 43. С. 62.

[164] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Комментарии. № 43. С. 64.

[165] *Колычева Е. И.* Традиция и законотворчество в Русском средневековом государстве XV—XVI вв. (правовые аспекты отчуждения собственности). С. 25.

ких вотчин не записывать, а вотчинником никому вотчин в монастыри не давати». В случае ослушания вотчину следовало «взять на государя безденежно и отдать в роздачю челобитчиком, кто о той вотчине учнет государю бити челом»[166].

На сегодняшний день установлено следующее: 1) динамика монастырского землевладения (рост и замедление); 2) связь монастырского землевладения с объединительным процессом в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв., дальнейшим укреплением Русского государства в XVI—XVII вв. (монастырское землевладение как фактор политического объединения страны); 3) влияние на рост монастырских вотчин ограничительной земельной политики великих князей и царей; 4) связь земельной собственности и власти (иммунитет). Историки полагают, что в XVI в. рост земельных владений духовных феодалов был обусловлен недостаточной денежной обеспеченностью светских землевладельцев по сравнению с крупными монастырями и постоянной острой нуждой служилых землевладельцев в деньгах. К тому же бытовало традиционное право дробления светских (родовых прежде всего) вотчин при передаче их по наследству. Право родового выкупа оказывалось нереализованным из-за недостатка средств у светских вотчинников, а также канонического права невыкупаемости земель, данных в монастыри и церкви «в наследие вечных благ».

Крестьянская экономика

В XVI в. система сельских поселений была представлена погостами, селами, сельцами, слободами, деревнями и починками. К ним следует добавить заброшенные поселения: пустоши, селища и печищи. Зародышем поселения в Сибири выступало займище. Основной вид поселений на северо-западе России — малодворная деревня. Воссоздание картины поселений на территории новгородских пятин и ее изменений на протяжении XVI в.[167] является важнейшим итогом работы ленинградской аграрной группы под руководством А. Л. Шапиро. На рубеже XV—XVI вв. в границах новгородских пятин было более 37—38 тыс. поселений. За первую половину XVI в. возникло не менее 3,5 тыс. селений. К середине века их было около 40 тыс. Среднее расстояние между деревнями в Шелонской, Деревской, Бежецкой и южной части Водской пятин — 2—2,5 км. К крупным поселениям относилось большинство погостов-мест, села и сельца (1,6 % всех поселений). М. В. Витов установил, что в Обонежье сохранились архаические черты расселения — гнездовой тип, который находился в стадии распада (шел процесс срастания гнезд)[168]. Возникновению близко расположенных селений способствовало неравномерное расположение удобных для заселения мест. К середине века увеличивается число селец, где кроме господского двора отмечены и дворы людские, холопьи. Особенно заметен этот процесс в Бежецкой пятине.

Многодворные селения фиксируются в тех местах нечерноземной лесной полосы, где почвы отличались плодородностью, например на территории Ямского, Копорского и части Новгородского уезда Водской пятины, где располагался массив дерново-карбонатных почв. В числе многодворных

[166] Соборное уложение 1649 года: Текст. Комментарии. С. 90. *Маньков А. Г.* Уложение 1649 года: Кодекс феодального права России. С. 89—90.

[167] *Горская Н. А.* Русская феодальная деревня в историографии XX в. С. 31.

[168] Там же. С. 33.

оказывались и селения, где основные средства существования жители получали от рыболовства: Ужин и Взвад в Шелонской пятине, погост Березовец на озере Селигер и погост на Глубоком озере в Деревской. В Псковской земле — это исады на берегах Псковского, Теплого и Чудского озер в Псковском, Кобыльском и Гдовском уездах (всего более 112)[169]. На Северной Двине крупные селения были сосредоточены в нижнем течении, где удельный вес торгового рыболовства и морского промысла был особенно значителен[170].

В XVI в. писцовые книги не фиксируют в качестве повсеместной тенденцию укрупнения поселений. Она проявляется на хорошо освоенных плодородных землях Старорусского и Новгородского уездов Шелонской пятины, где количество однодворных деревень сокращается за счет семейных разделов. В Деревской пятине, наоборот, между 1500 и 1540 гг. процент однодворных деревень возрос, что связано с моровым поветрием. Одновременно в первой половине XVI в. фиксируется возникновение значительного числа новых поселений. В Шелонской пятине их было не менее 700, в восемнадцати Заонежских погостах — 611 новых деревень. В Тверской половине Бежецкой пятины возникло 1637 новых селений, прирост составил 52,6 %, а среднее расстояние между ними сократилось до 1,9 км[171].

Данная тенденция станет господствующей в регионе в последующие столетия и будет сопровождаться одновременным процессом сокращения числа поселений и ростом людности двора. В первой половине XVI в. ее развитие на северо-западе России сдерживали имевшиеся еще в наличии свободные, неосвоенные земли и отсутствие явного перенаселения территории. Эти ресурсы помогали отъединяться молодым семьям от родительского дворохозяйства, совершать переходы крестьян на свободные земли, основывать новые поселения с получением дополнительных льгот.

Починки в первой половине XVI в. возникали и там, где население росло, и там, где оно сокращалось. Писцовая книга Пусторжевского уезда Псковской земли содержит следующие указания на особенности их появления. Часть из них представляла собой «выставки» из деревень. Часть починков и других селений ставились «ново» при угодьях (на отхожих нивах). Отхожие пашни через какое-то время могли получить имя собственное: в починке Шелыханове указана пашня паханая «и с отхожею пашнею Выползиной, Фешневский заход». Возможно, это фиксация пахотных угодий, на которых могли быть поставлены дворы. Другие починки ставились в лесу. Для некоторых при этом указано, что они отхожие и «стали после прежних книг»[172]. П. А. Колесников отмечал, что «в социально-экономическом отношении починок, выставок, займище, выселок — это различные наименования поселений, отражавших в XVI—XVII вв. в основном начальный процесс устройства земледельческого хозяйства»[173].

---

[169] *Салмина Е. В.* Рыболовные поселения и угодья в Псковской земле XVI в. (проблема изучения археологических памятников) // Проблемы аграрной истории Северо-Запада России: К 2150-летию отмены крепостного права: Труды межрегиональной научной конференции 20—22 сентября 2011 г. Псков, 2011. С. 88—96.

[170] АИСЗР. III. С. 146.

[171] *Дегтярев А. Я.* Русская деревня в XV—XVII веках: Очерки истории сельского расселения. Л., 1980. С. 38.

[172] *Пиотух Н. В.* Писцовый наказ конца XVI в. и его реализация (по материалам Псковской земли) // Псков в российской и европейской истории: (К 1100-летию летописного упоминания). Т. 1. М., 2003. С. 275.

[173] *Колесников П. А.* Северная деревня в XV — первой половине XIX века. С. 73—125.

Крестьяне были заинтересованы в освоении новых земель, что осуществлялось за счет пустошей и разработки лесных массивов и объясняется получением более высоких урожаев в первые годы эксплуатации новых земель, отсутствием необходимости внесения удобрений в начальный период включения земель в севооборот, получением крестьянами дополнительных выгод при освоении лесных массивов (строительного материала, дров, сырья для промысловой деятельности), получением повинностных льгот.

По мнению А. Я. Дегтярева, относительно невысокая и подвижная степень крестьянской несвободы в XIII—XVI вв. определяла наличие и масштаб крестьянской инициативы, в результате которой крестьянин активно формировал путем переходов новые поселения. Он считает, что на северо-западе России от новгородских времен к середине XVI в. произошло общее повышение степени подвижности населения[174]. К росту числа крестьянских переходов на Новгородчине после ее присоединения к Москве привело создание массы небольших помещичьих хозяйств. То же характерно для Тверского уезда. Изучение Н. Н. Масленниковой крестьянских переходов 1570—1580-х гг. по данным топо- и антропонимики в Порховском уезде Шелонской пятины с точным выяснением причин ухода или перехода показывает, что, несмотря на большое количество переходов, в большинстве случаев (особенно в благополучные в экономическом отношении годы) они совершались в пределах уезда, а нередко и погоста, т. е. происходили в небольшом радиусе от родной деревни. Во дворе, из которого совершался переход, оставался отец или брат, «значит, эти переходы говорят больше о стабильности, постоянстве крестьянского населения на его родине, чем о мобилизации»[175].

За первую половину века на новгородских землях выросло около 3,5 тыс. селений, но процесс сельского расселения протекал неравномерно. Если в Водской пятине масштабы внутренней колонизации были незначительны — крестьянами окультуривались удаленные от поселений и ранее неудобные для хлебопашества массивы земель, то Бежецкая пятина осваивалась активно.

Привычными стали судебные поземельные конфликты. Ареал окультуренных земель, соотношение леса и пашни, достигнутое к 50-м гг. XVI в., сохранялись в главных своих показателях до конца XVII в.[176] Главной причиной роста дворности селений исследователи считают распространявшуюся практику удобрения полей, совершенствование земледельческого производства и животноводства[177]. Шестнадцатое столетие следует рассматривать как серьезный рубеж в повышении производительности сельскохозяйственного труда.

Отмеченные процессы — наглядное свидетельство влияния развития производительных сил на структуру расселения. На XVI в. приходится окончание длительного процесса возникновения новых поселений. С этого времени процесс образования новых селений перестал быть ведущим в хозяйственном освоении территории[178].

Изучая Русский Север (Поморье), территорию, составлявшую в конце XV — начале XVI в. не менее 60 %, а в середине XVI в. половину территории государства, П. А. Колесников установил наличие в этом регионе более 20 тыс. селений[179]. Для Северной Руси процесс хозяйственного осво-

[174] *Дегтярев А. Я.* Сельские поселения Северо-Запада России // АИСЗР. III. С. 145—154.
[175] Там же.
[176] *Солнцев Н. И.* Историческая география (Россия XI—XIX вв.). Н. Новгород, 2008. С. 183.
[177] *Горская Н. А.* Историческая демография России эпохи феодализма. С. 51.
[178] АИСЗР. III. С. 153.
[179] *Колесников П. А.* Северная деревня в XV — первой половине XIX в. С. 73—125.

ения земель интенсивно продолжался и в конце XVI в., и в начале XVII в. Сравнивая показания писцовых книг 20-х гг. XVII в. с более ранними данными, исследователь установил 22 226 учтенных в книгах жилых населенных пунктов. Из них старых — 20 042 поселения (90,1 %), новых — 2184 (9,8 %). Районами наиболее активного заселения были Вятская земля (32,8 % всех возникших селений), затем Приуралье, Яренский, Тотемский и Сольвычегодский уезды. В центральных для Поморья — Двинском и Устюжском — уездах починков было мало, а в Вологодском не было совсем. В центральных уездах селения существовали уже целые столетия — с XIV—XV вв., а поморские деревни в XVI в. были малодворными, некоторое укрупнение наблюдается во второй половине века.

Белозерский край — один из регионов Поморья, колонизация которого завершается к середине XVI в., когда происходит максимальная распашка земель, пригодных для ведения зернового хозяйства. Формирование монастырских вотчин было одним из факторов стабильного аграрного развития региона. В 1540-е гг. на землях Кирилло-Белозерского монастыря починки составляли 40 % от всех живущих деревень. В некоторых волостях они численно преобладали над деревнями. К концу 1550-х гг. количество поселений и дворов возрастает почти в два раза, починки составляли всего 6,5 %, причем средняя дворность деревень изменилась незначительно (2,3 двора в 1544 г., 2,6 двора в 1559 г.). Рост населения и освоение значительных территорий происходили без изменения типов поселений. Темпы освоения новых земель определяла хозяйственная политика кирилловских властей, состоявшая в привлечении новопорядчиков и выдаче хлебной ссуды крестьянам на посев. Эти действия были поддержаны государством: в декабре 1559 г. монастырь получил право не «выводить» крестьян, перешедших жить на кирилловские земли «не в срок без отказу»[180].

Становление системы расселения в Устюженском крае совпадает с завершением хозяйственного освоения территории и экономическим подъемом первой половины XVI в. В 60-е гг. XVI в. число населенных пунктов достигло максимума и в границах территории уезда XVII в. превысило 750.

Л. И. Ивиной удалось проследить укрупнение поселений в Угличской и Галичской землях к середине XVI в. В начале XVI в. здесь, на периферии старых феодальных владений, еще был резерв годных к освоению земель, к середине XVI в. необработанных земель становилось все меньше, плотность населения внутри увеличилась, многие деревни превратились в сельца и села. В то же время в Вологодской земле в 40—50-х гг. XVI в. резервы неосвоенных земель оставались очень значительными[181].

Укрупнение поселений способствовало складыванию компактных пахотных массивов[182]. С увеличением дворности связан и прогрессивный сдвиг в животноводстве — переход к пастьбе скота с пастухами, что способствовало лучшей его сохранности, регулярному доению[183].

На вновь осваиваемых землях юга деревня обычно имела от двух до шести дво-

---

[180] *Дмитриева З. В.* Государственная и вотчинная политика в аграрном и демографическом развитии крупной монастырской вотчины (XVI—XVII вв.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы: 2016 год: Аграрное освоение и демографические процессы в России X—XXI вв. М.; Уфа. 2016. С. 43—45.

[181] *Ивина Л. И.* Внутреннее освоение земель России в XVI в.: Историко-географическое исследование по материалам монастырей.

[182] *Шапиро А. Л.* Русское крестьянство перед закрепощением (XIV—XVI вв.). Л., 1987. С. 20.

[183] Там же. С. 27.

ров,[184] некоторые из них образовывались в результате соединения более мелких поселений. В Орловском уезде в конце XVI в. однодворных деревень было всего 2,8 %. В этом уезде на починок приходилось в среднем 1,9 двора, на деревню — 8,3, на село — в среднем 24,1 двора[185]. В селах центра в среднем было 20—30 и более дворов. Они принадлежали крупным владельцам, монастырям, царскому двору.

Предметом историографических споров является различие между селом и сельцом[186]. По замечанию А. Я. Дегтярева, церкви не являлись постоянным признаком северо-западного села, но встречаются в них чаще, чем в селениях иных типов. Владельческие дворы, не являясь обязательным элементом, встречаются в селах и сельцах чаще, чем в деревнях. Различаясь в размерах по пятинам, села были в два-четыре раза крупнее селец. Но и в тех и в других существовали господские дворы. Церкви в начале XVI в. встречались редко, приблизительно в каждом десятом поселении. Степень распространенности этих селений автор связывает с исторически сложившейся структурой землевладения. Развитие поместной системы активизирует процесс возникновения селец — хозяйственных центров владения, вырастающих большей частью из ранее существовавших деревень. Наряду с господским двором в них отмечены дворы холопов, церкви[187].

К числу крупных поселений относились погосты. Погосты в Новгородской земле выступали не только как селение, но и как район-округ, религиозная, административно-хозяйственная и финансово-податная единица[188]. Развитие крупного землевладения в центральных уездах Руси в XV—XVI вв. способствовало отмиранию погостов, теперь они объединяли население исключительно в религиозном отношении — место с церковью, дворами церковников и кладбищем[189]. Однако, как показала Н. В. Соколова, аграрное освоение заволжских территорий в XVI в. происходило в виде традиционной погостской системы расселения[190]. На великокняжеских, а потом царских землях они были структурообразующими элементами сельского мира, волостными религиозно-общественными и административными центрами. Но с раздачей дворцовых земель в поместья и вотчины, строительством в новом владении селец или деревень с церковью погосты превращались в кладбища или разрастались в села и редко сохраняли свой первоначальный статус.

Часть крестьян проживала в слободах. Право иметь слободы предоставлялось жалованными грамотами монастырям и архи-

---

[184] Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1: Материальная культура / Под ред. А. В. Арциховского. М., 1977. С. 157.

[185] *Смирнов П. П.* Орловский уезд в конце XVI века по писцовой книге 1594/95 г. Киев, 1910. С. 88—90.

[186] *Дегтярев А. Я.* Русская деревня в XV—XVII веках: Очерки истории сельского расселения. С. 41.

[187] Там же. С. 41—48.

[188] *Любавский М. К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен до начала XX века. М., 1996. С. 208.

[189] *Веселовский С. Б.* Городки, погосты, села и деревни // Московское государство XVI—XVII вв.: Из научного наследия. С. 35—37; *Стефанович П. С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI—XVII веках. М., 2002. С.184.

[190] *Соколова Н. В.* Церковь/монастырь как полиморфный маркер сельского расселения (на материалах Нижегородского Поволжья XVI — первой четверти XVII в.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы: 2016 год: Аграрное освоение и демографические процессы в России X—XXI вв. М.; Уфа, 2016. С. 30—42; *Она же.* Погосты как структурообразующие элементы сельского мира XVI—XVII веков (на материалах Нижегородского Поволжья) // Веков неспешный ход: Проблемы социально-экономической и политической истории России: Сборник статей к 70-летию проф. В. Н. Никулина. Калининград, 2018. С. 24—41.

епископам. Иван IV в 1555 г. выдал жалованную грамоту ростовскому архиепископу Никандру на четыре слободы в Ростове. Крестьяне проживали также в Никольской владычной слободе в Вологде. После присоединения Казанского ханства к России в самой Казани, а также в Свияжске появляются слободы Троице-Сергиева монастыря. В 1576 г. жалованная грамота была выдана Александровскому монастырю в Суздале. Согласно жалованной уставной грамоте на вотчину Новинскому монастырю патриарха Иова, на территории Москвы монастырю принадлежали две слободы, в которых проживали крестьяне, которые должны были давать монастырю «за всякие монастырские дела з году на год на Петров день» с двора по пять алтын, «а болши им того денег не давати и манастырских никаких дел не делати»[191]. Во второй половине XVI в. появились многочисленные ямские слободы. Новые слободы возникли на юге в связи с возведением крепостей. В них наряду с разными категориями служилых людей проживали и черные крестьяне. М. С. Черкасова рассматривает формирование и функционирование городских слобод как проявление социально-профессиональной организации посада, торгово-ремесленной специализации зависимого крестьянства, что было важно для устойчивости крупных вотчин[192].

Земледельца в крестьянина превращает общественное разделение труда, при котором выполнение отдельных производственных и вообще социальных функций институционально закрепляется сословным статусом. Крестьянство и крестьянская экономика образуют фундамент, на котором возвышается вся социальная пирамида. В современном крестьяноведении при изучении общины исследователи исходят с позиций «моральной экономики». Под этим термином понимается целостность, социальная, экономическая, культурная сращенность крестьянской организации в традиционном обществе[193], когда определяющим в деятельности крестьянина является стремление избежать риска оставить себя и свою семью один на один с угрозой голода[194].

Хлебопашество в XVI в. оставалось основной отраслью земледельческого производства. Важнейшей культурой была рожь, которую высевали от Поморья до Белгородского и Орловского уездов. Но на севере, вплоть до Ярославского уезда, из-за опасности ранних осенних заморозков в посевах преобладал овес. Лишь с области Суздальского ополья рожь занимала около 50 % всех посевов. Доля других культур была невелика, но обязательно высевались ячмень, пшеница, ярица, горох, гречиха. Севернее 60—62° северной широты пшеницу уже не сеяли. За полярным кругом возделывался только ячмень, на Кольском полуострове не было и ячменя[195]. Высевая ячмень, крестьянин учитывал не только его короткий вегетационный период (90—105 дней), но и способность давать урожай при двухтрехкратных посевах на одном месте при внесении ранее удобрений[196]. Начиная с Двинского уезда везде на севере возделывался лен, в Новгородской и Псковской землях он постоянно входил в мелкий доход. Развитию льноводства в Ярославской,

[191] АФЗХ. Ч. 3. № 23.

[192] *Черкасова М. С.* Городские слободы на Руси в контексте аграрной истории XIV—XVI веков // Северо-Запад в аграрной истории России. Вып. 24. Калининград, 2018. С. 4—17.

[193] Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / Под ред. В. В. Бабашкина. М., 2015. С. 52.

[194] *Бабашкин В. В., Никулин А. М., Шанин Т.* Крестьянство и современность // Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / Под ред. В. В. Бабашкина. С. 20.

[195] АИСЗР. II. С. 343.

[196] АИСЗР. III. С. 21.

Владимирской, Вологодской и Костромской землях способствовала торговля, ведущаяся через Архангельск. Лен из центра и западных уездов продавали в Москве. Почти повсеместно выращивали коноплю. В Торопецком уезде она входила в состав основного «хлебного дохода»[197]. Конопля выращивалась на особых огородах — конопляниках. Из нее изготавливали крестьянскую рабочую посконную одежду, канаты и веревки, из конопляного семени отжимали масло. В огородах-хмельниках выращивали хмель, входивший в состав владельческих платежей.

К началу XVI в. трехполье[198] повсеместно господствовало в Водской, Шелонской, Бежецкой пятинах; в Деревской и Обонежской пятинах оно сочеталось с подсекой; на Двине была распространена подсека в сочетании с трехпольем. В Псковской земле озимая рожь высевалась повсеместно. Использование паровой зерновой системы с трехпольным севооборотом предполагало систематическое унавоживание почвы. Судебник 1589 г. запрещает своз навоза с полос, выделенных вновь пришедшему новому лицу. Порядные грамоты XVI в. содержали обязательство порядчиков «гной на землю возити»[199]. Производство навоза предусматривалось заранее. Писцовая книга 1552 г. зафиксировала в Порховском уезде починок «по конец поля», который помещик выставил из усадища «навозу для». Часто покупатель земли покупал и долю навоза или весь навоз во дворе. На десятину пашни в Нечерноземье необходимо было 60—80 возов навоза (воз — 20 пудов)[200]. Для этого в крестьянском дворе должно было быть не менее шести голов крупного рогатого скота. Дворовый надел в девять десятин в трех полях требовал около 5100—6200 пудов навоза, а для получения такого его количества в хозяйстве должно было быть две лошади, шесть коров, четыре телки и пятьдесят овец. По мнению А. Л. Шапиро, такое количество скота можно было заводить только при значительном рынке сбыта продуктов животноводства, что было характерно в этот период только для стран Западной Европы[201]. Недостаток органических удобрений испытывали не только крестьянские, но и владельческие хозяйства. Так, Кирилло-Белозерский монастырь мог удобрить свои земли один раз в 9 лет, а Иосифо-Волоколамский — один раз в 24 года[202]. Степень потребности в удобрениях варьировалась в зависимости от района. П. А. Колесников считает, что включение в пашню на Европейском Севере в XV — первой половине XVI в. каждые десять лет в среднем 40 тыс. десятин новых целинных земель заметно снижало удельный вес старовыпаханной пашни, нуждавшейся в удобрении[203].

Не только в XVI в., но и значительно позже сельскохозяйственная освоенность территорий Западного и Центрального Поморья оставалась незначительной и приуроченной в основном к речным долинам[204]. Особенностью земледелия на севере были раздробленность и разбросанность пахотных угодий крестьянского двора. Земельные владения крестьянина состояли из 10—30 полос, «лоскутов» размером до

---

[197] АИСЗР. III. С. 46.

[198] Трехполье — система обработки почвы, когда последовательно использовали два участка земли из трех, чтобы один не засевать. Таким образом каждое поле «отдыхало» от посевов раз в три года. Такой принцип позволял избежать истощения земли.

[199] АИСЗР. III. С. 20.

[200] Очерки русской культуры XVI в. Ч. 1. С. 54.

[201] АИСЗР. III. С. 20.

[202] Очерки русской культуры XVI в. Ч. 1. С. 54.

[203] *Колесников П. А.* Северная деревня в XV — первой половине XIX в. С. 288.

[204] АИСЗР. III. С. 172.

0,1—0,3 десятины, были удалены друг от друга и усадьбы. Эта дробность определялась трудностью подбора пригодных для земледелия участков и семейными разделами.

В историографии дискуссионным является вопрос о том, как квалифицировать наличие перелога (заросшей небольшими деревьями и кустарником пашни) не только на окраинах России, но и на ее западе, и в центре. В торопецкой писцовой книге в 1540 г. перелог и лес пашенный на поместных землях превышали пашню в полях, — это сохранялось на фоне роста числа поселений, починков и деревень. В центральных, а также в Белозерском, Костромском, Ярославском уездах перелог и лес пашенный в первой половине XVI в. составляли не более 17 % обрабатываемых земель. В 1560-е гг. источники связывают появление перелога с наличием пустых дворов. Таким образом, наличие перелога не является характеристикой переложной системы земледелия, а свидетельствует о временном неблагополучии в хозяйстве[205]. При использовании переложные земли обрабатывались по трехпольной системе. Л. В. Милов рассматривал наличие переложных земель как резерв, который при необходимости вовлекался в трехпольный севооборот, позволяя восстанавливать плодородие пашни. Такой резерв был необходим для поднятия урожайности при недостатке органических удобрений[206]. Залежная система сохранялась на удаленных от деревень участках, куда навоз было невозможно доставить[207]. К залежно-паровой системе прибегали крестьяне многосевных, с запашкой в 20 и более десятин. На пашне наездом плодородие земли восстанавливалось благодаря трем-четырем перепашкам земли с одногодичным паром.

Наряду с полевым земледелием в России XVI в. повсеместно занимались огородничеством. Основные огороды располагались рядом с двором, «против дворов», но известны и огороды в поле. Единицей определения величины огорода выступала гряда, во всяком случае оброк, собираемый новгородским Софийским домом, назывался «погрядные деньги». Для крестьян Чудинцевского Заполья в Новгороде занятие огородничеством являлось главным[208]. Наиболее распространенной огородной культурой на всей территории России была капуста. Под нее отводились специальные огороды-капустники. Капустную рассаду саженями и грядами покупали на городских торгах и по селам у крестьян, в том числе и на дальних торгах. Болдин-Дорогобужский монастырь, продавая свою капусту в Смоленске, в то же время закупал ее в Костроме. Упоминается капуста «белая» и «вилая». Наряду с капустниками упоминаются хмельники и репища. Частое упоминание огородов, по мнению В. С. Жекулина, позволяет рассматривать их в качестве устойчивых окультуренных комплексов. В ряде волосток хмель входил в оброк. В начале XVI в. с Коростынского погоста Шелонской пятины великий князь получал 15 коробей хмеля. Хмель входил в состав оброка в 18 из 60 погостов Деревской пятины. По существу, огородным растением являлась конопля, которую высевали вблизи изб на хорошо удобренной почве. В 1560-е гг. в Боровичах были лавки, где торговали овощами[209]. Огурцами и «борканом» (морковью) торговали в 1560-е гг. в рядках в Бежецкой пятине. В Бо-

[205] Очерки русской культуры XVI в. Ч. 1. С. 50, 52.
[206] *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
[207] *Шапиро А. Л.* Русское крестьянство перед закрепощением. С. 11—12.
[208] *Греков Б. Д.* Монастырское хозяйство XVI—XVII вв. М., 1924. С. 109.
[209] АИСЗР. III. С. 168.

ровичах и Вышнем Волочке велась торговля хмелем[210].

При разделах поместий, согласно ввозным грамотам, делили повытно дворы, огороды, полевую и пашенную земли. Зачастую огороды, клети и пожни оставляли помещикам на прожиток по окончании службы, когда остальная часть поместья уже перешла к служащим сыновьям. Псковские церкви и монастыри издавна владели «безоброчными» огородами, что составляло важную статью их доходов. Но они брали огороды и на оброк, продукция с них шла как на содержание причта, так и на продажу. Огороды, составлявшие собственность церквей, были переданы им по завещаниям, даны «на церковное строение», встречаются записи об их покупке и продаже. Огородами на оброке пользовались и крестьяне, особенно дворцовые. Огородничество в это время распространилось далеко на север. Так, крестьяне Николо-Корельского монастыря продавали выращенный ими лук и чеснок. В литературе содержатся суждения о сравнительно позднем начале возделывания в России целого ряда культур, используемых как приправы. Однако на государевых огородах в Новгороде уже в XVI в. их ассортимент был велик. Здесь выращивались хрен, зоря (любисток), чабер, мята, горчица, кишнец (кориандр), гунба (тмин). Костромской Ипатьевский монастырь в середине века покупал для засолки капусты «чабр», мяту и лук.

Сведения о посевах, посадках, продажах и покупках лука, чеснока и огурцов многочисленны и относятся к Новгородской земле, Белоозеру, Вологде, центральным уездам России, Рязанскому и Дорогобужскому уездам. Источники сохранили прямые свидетельства о покупке этих овощей у крестьян. Свежие огурцы держатся в продаже до первых чисел сентября. Кроме лука репчатого, который покупают и продают четвертями, источники упоминают для Белоозера и центральных уездов «лук зеленый», «лук саженец» и «лук плоский». Упомянут также «чеснок саженец». Распространенными были посадки свеклы, моркови, редьки. Эти овощи везли на продажу с новгородских крестьянских огородов на тихвинский рынок. Большие партии семян покупали и продавали монастыри (красноholмский Антониев монастырь, расположенный в Бежецком уезде, костромской Ипатьевский монастырь и др.).

Садоводство в Русском государстве XVI в. также получило широкое распространение. В Москве сады, как и огороды, были, по словам С. Герберштейна, почти при каждом доме. Его внимание привлекли также плоды, произраставшие в Рязанском уезде и особенно южнее по берегам Дона, которые представились ему тщательно возделанным садом. Должности «садовников» были обязательными для хозяйств крупных светских и духовных феодалов[211].

В Новгородской земле в начале XVI в. яблоки и вишни входили в состав оброка, что свидетельствует о возделывании садов в крестьянских хозяйствах. Плодовые сады, судя по писцовым книгам, иногда встречаются и в боярских усадьбах. Так, в Деревской пятине в боярском саду было 200 яблонь. По Шелонской пятине есть редкие упоминания о крестьянских садах с яблонями и вишнями[212].

Первая половина XVI в. характеризуется повсеместным ростом средней запашки на крестьянскую *семью*. Средняя запашка на *двор* увеличилась в Деревской, Водской и Бежецкой пятинах Новгородской земли. А в Шелонской пятине ее снижение было следствием сокращения населенности дво-

[210] *Тимошенкова З. А.* Садоводство и огородничество в вотчине Иверского монастыря во второй половине XVI — начале XVIII века // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2001. С. 17—26.

[211] *Бахрушин С. В.* Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI в. // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 2. С. 17—18.

[212] АИСЗР. III. С. 47, 114, 129.

ра и не свидетельствует, таким образом, о каком-либо хозяйственном упадке.

Общая площадь господской и крестьянской запашки росла между 1500 г. и 1540-ми гг. даже там, где сокращалась численность населения. Так было в Деревской пятине (рост пашни на 7,3 % при сокращении населения на 12,5 %) и в Ореховском уезде Водской пятины (рост пашни на 11 % при сокращении числа крестьянских и холопьих дворов на 32 %).

Наряду с тенденцией к увеличению посевных площадей и запашки на двор и на семью первая половина XVI в. характеризуется постепенным стиранием порайонных различий в размерах запашки. В начале века средняя запашка крестьянского двора в Деревской пятине была примерно в два раза, а в 1540-е гг. — в полтора раза меньше, чем в Шелонской. По всей территории пятин разрыв между средними порайонными размерами запашки на семью сокращается: они колеблются в пределах от 7,6 до 11,2 десятины в трех полях.

В Водской пятине увеличение запашки на двор и на семью продолжалось до конца 1560-х гг. Тенденция к увеличению запашки на крестьянский двор прослеживается и во многих поместьях Бежецкой пятины по обыскным книгам 1565—1568 гг., и на юге Обонежской пятины по писцовой книге 1563 г.

Но во второй половине 1560-х гг. размеры запашки крестьянского двора возрастали не повсеместно. В начале 1570-х гг. во всех пятинах (кроме Заонежских погостов) наблюдалось резкое уменьшение средних размеров дворовой запашки. В 1582—1585 гг. в Водской пятине ее средние размеры равнялись 6 десятинам, а в остальных пятинах — всего 3—4,2 десятины в трех полях. При этом тяглый надел многих крестьянских хозяйств не превышал нескольких соток.

Крестьянин стремился обеспечить соотношение земледелия и скотоводства, которое поддерживало бы плодородие почв, способствовало повышению урожайности, обеспечивало семью молочными и мясными продуктами, позволяло выплачивать животноводческую составляющую владельческой ренты. В состав крестьянского оброка землевладельцам входили бараны, боровы, овчины, полти мяса, говяжьи и бараньи лопатки, сыры, масло коровье, куры, яйца. На развитие этой отрасли влияли природно-климатические условия, интенсивность введения в сельскохозяйственный оборот новых пахотных и сенокосных угодий, уровень агротехники, имущественное и социальное расслоение и другие факторы. Северная граница разведения крупного рогатого скота и лошадей в Европейской России примерно совпадала с границей земледелия[213]. В среднем на крестьянский двор в XVI в. приходилось по одной-две лошади, две коровы, не считая молодняка, трех-пяти овец и свиней[214]. На Новгородчине больше, чем по одной лошади, имели сравнительно более населенные дворы Шелонской пятины (зачастую здесь в одном дворе проживало по две-три семьи). Для юга Русского государства наличие в крестьянском хозяйстве в конце XVI в. четырех-шести лошадей было делом обычным и обусловливалось необходимостью поднимать целину. Значительное обеспечение крестьянского двора рабочим скотом наблюдается в начале XVII в. на самой западной окраине Русского государства — в бывших дворцовых волостях Смоленского уезда. В среднем на каждый из 24 дворов, разграбленных литовскими людьми весной 1605 г., здесь приходилось более 5 (от 4 до 10) лошадей[215]. При переселении крестьян на государственные земли в Соль Вычегодскую в каждом хозяйстве предписывалось

[213] *Дулов А. В.* Географическая среда в истории России: Конец XV — середина XIX в. М., 1983. С. 70.
[214] *Колесников П. А.* Северная деревня в XV — первой половине XIX века. С. 290.
[215] Очерки русской культуры. Ч. 1. С. 93.

иметь на семью «по три мерина добрых, да по три коровы, да по две козы, да по три свиньи, да по пяти овец, да по двое гусей, да по пятеру курей, да по двое утят, да на год хлеба, да соха со всеми для пашни, да телега, да сани и всякая житейская рухлядь, а на подмогу им велено дати по двадцати по пяти рублев человеку»[216]. В качестве тяглой силы встречаются и волы, но их удельный вес невелик. В хозяйстве Кирилло-Белозерского монастыря на Белоозере на рубеже XVI—XVII вв. на 619 пашенных лошадей приходилось всего 36 «волов пашенных». К началу XVI в. в Новгородской земле сумма доходов крестьян от животноводства (вкупе с техническими культурами) составляла не менее 25 % от суммы доходов от четырех основных хлебов. Важное значение имело животноводство, особенно разведение крупного молочного скота в Псковской земле. О значительном развитии скотоводства, благоприятно влиявшем на урожайность зерновых культур, свидетельствуют данные рубежа XVI—XVII вв. для хозяйства Кирилло-Белозерского монастыря, в котором было более тысячи лошадей и около тысячи голов крупного и мелкого рогатого скота. Значительным было в 1590 г. и стадо Иосифо-Волоколамского монастыря — 307 лошадей и 1152 головы крупного и мелкого рогатого скота, а также свиней. Об особом внимании со стороны этого монастыря к развитию животноводства свидетельствует раздача в 90-х гг. XVI в. денег крестьянам «на животинный приплод»[217].

В Новгородской земле в первой половине XVI в. редко упоминаются арендованные пашни, чаще сенокосы. На северо-западе в это время кормовая база была достаточной для развития животноводства, а увеличение площади сенокосов в 1560-е гг. свидетельствует о повышении его роли в крестьянском хозяйстве[218]. Сено с заливных лугов ценилось выше, чем лесное или болотное. Урожайность и его пищевые качества зависели также от климата. В ряде районов (Печорском, Вятском, в Пермской земле, Среднем Поволжье), будучи сравнительно ограниченным, земледелие тем не менее являлось важным занятием населения. В северных уездах, где было достаточное количество лесных пастбищ и заливных лугов, создались предпосылки для формирования местной продуктивной породы скота. В Поволжье скотоводство оставалось одним из главных видов занятий и имело две формы: домашнее (марийцы, чуваши, мордва) и кочевое (башкиры).

Основным пахотным орудием была соха с полицей. В материалах об ограблении крестьянских дворов в комплексе сельскохозяйственных орудий на одно хозяйство упоминаются две сохи с полицами, две косы, восемь серпов, три топора или соха с полицей, две косы, пять серпов, два топора. В Вологодском крае упоминаются плуги, там существовал определенный сбор — «поплужное». С плугом были хорошо знакомы и в центральных уездах, но широкого распространения он здесь не получил. На землях низкого качества с тонким почвенным слоем, не допускавших глубокой вспашки, применение плуга давало меньший качественный эффект, чем применение усовершенствованной сохи. Но сам факт обмена сельскохозяйственными орудиями между удаленными друг от друга областями Русского государства XVI в. очень интересен и свидетельствует об общности достижений земледельческой культуры. В середине XVI в. появляется усовершенствованная тяжелая соха-косуля (в 20 раз

[216] Цит. по: *Балюк Н. А.* К проблеме становления крестьянского хозяйства государственной деревни Западной Сибири в конце XVI — XVIII веках // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2005. С. 43.

[217] Очерки русской культуры. Ч. 1. С. 90.

[218] История крестьянства Северо-Запада России: Период феодализма. С. 134.

дороже сохи с полицей), которая получает широкое распространение с конца XVI в.[219] В сохе-косуле соединились легкость сохи с ее режущей частью, похожей на плужную. Пласт при этом отваливался и переворачивался.

В формуле, очерчивающей границы владения, наряду с сохой упоминались борона, топор и коса[220]. При рыхлении земли использовались бороны суковатки и плетуши. Как орудия уборки более широко в это время были распространены косы-горбуши. Но в западных районах, на землях по Верхнему Днепру и Угре широко применялись косы-литовки (лятцкие или «большие косы»). Главным орудием жатвы оставался серп. Хлеб молотили на гумнах после просушки в овинах.

Посевам предшествовала тщательная обработка почвы. В центральных уездах паровое поле «троили», в северных — даже четверили. Яровое поле пахали дважды.

Различие в степени благоприятности природных условий для сельского хозяйства наблюдалось не только между отдаленными районами. Производительность труда и урожайность могли различаться даже для отдельных селений и полей из-за особенностей химического и механического состава почвы и подпочвы отдельных полей, их микрорельефа, условий окружающей растительности и вод[221].

Данные об урожайности в XVI в. немногочисленны. В Рязанском крае, который считался наиболее плодородным, средняя урожайность в хозяйстве крестьян составляла для ржи около сам-4,5, для овса — сам-4,3—сам-6, для ячменя — сам-8—сам-16, для пшеницы — сам-7,5—сам-8[222]. В южных уездах в начале освоения фиксировались урожаи ржи от сам-9,5 до сам-17,3. В Новгородской земле в конце XVI в., по официальной оценке, урожай ржи сам-2—сам-3 считался низким, сам-4 — средним. На монастырских полях в северных уездах на рубеже XVI—XVII вв. средний урожай ржи составил сам-3,5—сам-4, овса — сам-2,5, ячменя — сам-4—сам-5. В центральных уездах урожайность была ниже: от сам-2 до сам-3 для ржи, сам-1,3—сам-2,2 для овса, сам-2,7—сам-4,8 для ячменя[223].

Охота, рыболовство и бортничество в XVI в. носили промысловый характер. Охота на зверя и птицу играла заметную роль в жизни северного крестьянина. В Обонежье, в Двинской земле, на Печоре, в Пермском крае и Приуралье охота и рыбная ловля являлись ведущими отраслями хозяйства.

Судя по орудиям лова, это была преимущественно охота на мелкого пушного зверя; меха ценного пушного зверя в это время доставляли уже из Сибири. В Судебнике 1589 г. особая статья посвящена охране охотничьих угодий деревни, запрещающая жителям других населенных пунктов ходить по ее путикам. То же касается охраны угодий волости. В обширных лесах, которые окружали волости, крестьянам «звериными и птичьими ловлями слопцы и путики владети <...> по старине всем вопче, безоброчно, то им в угодье»[224]. В конце XVI в. богатые двиняне посылали нанятые партии охотников в далекую Мангазею. Такие же экспедиции отправляли для охоты на морского зверя владельцы морских судов. Хозяйство промысловика Кононова из Матигоры имело в 1588 г. 15 голов скота, из них 7 лошадей, 7 морских судов с комплектом лодейной снасти, которые были рассредоточены для промысла на сотни километров.

---

[219] История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. Т. 2: Крестьянство Европы в период развитого феодализма / Отв. ред. М. А. Барг. М., 1986. С. 422—423.

[220] Там же. С. 128—129.

[221] *Дулов А. В.* Географическая среда в истории России: Конец XV — середина XIX в. С. 60.

[222] История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма: Т. 2. С. 424.

[223] Там же.

[224] АИСЗР. III. С. 26.

Его промысловая деятельность осуществлялась благодаря привлечению большого числа наемных людей. Крупные охотничьи предприятия, требующие значительных затрат и технического оснащения, организовывались богатыми крестьянами или посадскими людьми, но каждый крестьянин мог охотиться и индивидуально с помощью простейших средств. Удачная охота давала возможность пополнить бюджет. Некоторые промыслы облагались оброком. Так, в Каргопольском уезде оброком облагались лебяжий и бобровый промыслы[225]. Население Усть-Цыльмы платило в казну подати с «звериных и со птичьих и з бобровых ловищь и с кречатьих седбищь»[226]. В Пермской и Вятской землях охотились на белку, росомаху, соболя, куницу, горностая, рысь. По сообщению Дж. Флетчера, высоким было качество этих мехов также на территории Заволжья, в Костромском и Галицком уездах. Подспорьем к пашенному хозяйству была охота в новгородских пятинах, Смоленской и Псковской земле. В Псковской земле, в Опочецком уезде, оброк за бобровый гон должны были распределить между собой помещиковы и дворцовые крестьяне двух губ[227]. Значительную роль играла охота на юге России. С. Герберштейн восторгался богатством лесов в бассейне Оки, в Рязанской земле. В центральных районах значение охоты было минимальным, тут водились зайцы, водоплавающая птица. К XVI в. здесь были истощены бобровые угодья, «бобровые» деревни превратились в пашенные поселения, в уставных грамотах «бобровникам» Владимирского уезда 1537 г. и Плесской волости на Волге середины XVI в. предусматривалась альтернатива: «а не добудут бобров, и им давати за бобры оброком»[228].

Наиболее распространенным орудием лова мелких зверей были ловушки-«слопцы», для охоты на крупного зверя использовались замаскированные ямы, для ловли водоплавающей птицы применялся перевес. На охоте находил применение лук со стрелами.

Промысловый характер приобретают лов трески, палтуса, сельди и семги, добыча тюленей, моржей и китов на побережье Белого моря и Северного Ледовитого океана. В низовьях рек и на прилегающих к устьям участках Двинской губы, а также на южном берегу Кольского полуострова источники XVI в. зафиксировали более 400 тонь. На Ладоге велся промысел сига и лосося, в Переславском озере — сельди и снетков. Промысловый характер носила рыбная ловля в Онежском, Чудском и Псковском озерах. Важное значение имели Волга и Ока. Промысловый характер рыболовства привел к возникновению многочисленных царских, монастырских и частновладельческих слобод рыбников. Рыболовство было основным занятием крестьян Кирилло-Белозерского монастыря, живших на побережье Белого озера[229]. В Удомельской волости Бежецкой пятины оброк за право рыбной ловли в 18 озерах в начале XVI в. составлял 1/10 стоимости хлебного оброка. Своим мастерством славились рыболовы Осташковской слободы на Селигере, оброк с них в пользу Иосифо-Волоколамского монастыря на протяжении века увеличился в пять раз. Рыболовство играло важную роль в Заоцко-Брянском крае. Поселения рыболовов известны на побережье озера Ильмень, вдоль Волхова. Это также дворцовая Борисоглебская слобода на Волге, слободки Троице-Сергиева монастыря на Шексне, исады в Псковской земле. Однако к концу

[225] АИСЗР. III. С. 54.

[226] Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1. С. 152.

[227] Сборник Московского архива министерства юстиции. Т. 5. Кн. 1. М., 1913. С. 366.

[228] Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1. С. 154.

[229] *Дмитриева З. В.* Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI—XVII вв. С. 211.

XVI в. эти поселения теряют исключительно рыболовецкий характер, сочетая рыбную ловлю с пашней и торговлей. В 1599 г. Борис Годунов передал рыбные ловли на Волге по оба берега реки Ветлуги крестьянам-бортникам и разрешил им поставить дворы и пахать пашню[230].

Продукты рыболовства широко использовались в крестьянском хозяйстве. Крестьянин имел право на ловлю рыбы в водах, прилегавших к его земле, в реках и других водоемах, взятых волостью на оброк. В Псковской земле, в Дубковском уезде, за рыбную ловлю на малых озерах оброк было определено платить «по старине всем Дубковским уездом, а развытити им тот оброк меж себя самим»[231]. В этих случаях был возможен коллективный труд (устройство заборов, заколов и других ловушек, раздел улова). Самым распространенным устройством для ловли рыбы в реках был ез. О его устройстве, конструкции, размерах, особенностях ремонта, количестве работников для обслуживания свидетельствуют езовые книги Белозерского уезда[232]. В XVI—XVII вв. в Псковской земле наблюдается своеобразная унификация, утилитаризация, упрощение снастей — из крупных сетей остается один невод как наиболее уловистый, а среди небольших снастей наибольшее распространение получают ловушки и крючные снасти[233].

Тони находились в собственности одной семьи или в долевом владении. При их эксплуатации применялся наемный труд.

В центральных уездах, в обширной вотчине Троице-Сергиева монастыря, рыболовство было повседневным занятием. Использование природных рыбных ресурсов сочеталось с рыборазведением в ряде сел и деревень Владимирского, Муромского, Юрьевского, Ярославского и Пошехонского уездов[234].

Удельный вес доходов от промыслов в Поморье был значительнее, чем в новгородских пятинах. Солеварение, рыболовство и охота — важные источники накоплений богатой верхушки, они же позволяли сводить концы с концами бедноте[235].

В XVI в. получает дальнейшее развитие промысловое солеварение. Соль в это время добывалась в Костромском уезде, Новгородской земле, Западном и Восточном Поморье, Пермском крае, Тотемском уезде[236]. Возрастает значение промыслов в Поморье и Прикамье, которые снабжали солью значительные территории Русского государства. На Крайнем Севере соль выварили из морской воды, источником для выварки соли в Старой Руссе было «озерко соленое ключевое». В ряде мест (Соль Вычегодская, Тотьма и др.) соль добывалась из растворов, поднимаемых с глубины до 160 м[237].

Первоначально в Поморье варницы принадлежали волостным крестьянам, на базе соляных промыслов вырастали посады. До середины XVI в. промысловые угодья были в руках крестьян. Так, в 60-е гг. XVI в. в 86 варницах Подвинья вываривалось свы-

---

[230] Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1. С. 147.

[231] Сборник Московского архива министерства юстиции. Т. 5. Кн. 1. С. 136.

[232] Писцовая книга езовых дворовых волостей и государственных оброчных угодий Белозерского уезда 1585 года.

[233] *Салмина Е. В.* Рыболовство средневекового Пскова по данным археологии // Труды VI Международного конгресса славянской археологии: Средневековый славянский город. Т. 2. М., 1997. С. 334—342.

[234] *Черкасова М. С.* Промысловая структура крупной феодальной вотчины в XV — первой половине XVIII века (по архиву Троице-Сергиевой Лавры) // Северо-Запад в аграрной истории России. Вып. 17. Калининград, 2010. С. 17.

[235] АИСЗР. III. С. 28.

[236] Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1. С. 137.

[237] Там же. С. 138.

ше 400 тыс. пудов соли[238]. Социальной стороной этого процесса являлось расслоение крестьянства, обогащение крестьянской верхушки. В 1560 г. братья Амосовы владели тридцатью тонями и четырьмя варницами, Кологривовы — четырнадцатью тонями и девятью варницами, Федор Шуйгин — десятью тонями. Кроме того, они владели частями тоней и варниц (с долевым участием эксплуатировалось две трети тонь[239]). Но постепенно, особенно с 1580-х гг., расширяется участие монастырей в связи с пожалованием Иваном IV волостей Кирилло-Белозерскому (Умба), Соловецкому (Сумская, Кемская волости, Нюрехта, Унежма и др.), Сийскому и другим монастырям. Некоторые монастыри (Введенский, Спасо-Прилуцкий, Николо-Корельский) скупали у крестьян паи, принимали вклады и заклады. Корпоративная собственность Троице-Сергиева монастыря сформировалась как совокупность земледельческо-промысловых комплексов[240] в районе Соли Переяславской, Соли Галицкой, Балахны. Монастырские власти, наряду с развитием своего производства, получали право контроля над крестьянским солеварением (см. уставную грамоту Соловецкого монастыря 1564 г.). На протяжении XVI в. они составили серьезную конкуренцию посадским и крестьянским солеварам. Монопольными владельцами варниц в Соли Вычегодской, Тотьме и Перми через ростовщические операции и заклады стали Строгановы.

Новгородские писцовые книги фиксируют значительные центры крестьянского солеварения в пятинах: в Новгородском уезде Шелонской пятины на реке Пшаге и в Выгозерском погосте Обонежской пятины «у моря». На реке Пшаге (Мшаге), левом притоке реки Шелони, было два соляных озерка, имевших сток в реку Мшагу. В 1498 г. в селе Соль Новая (впоследствии Мшага) на 25 крестьянских дворов приходилось 22 варницы. Сравнение размеров оброка с дворов и варниц свидетельствует о том, что солеварение являлось основным занятием местных крестьян, а денежный характер оброка показывает, что вываренная соль шла на рынок. Судя по тому, что соль в незначительном количестве входила в мелкий доход, крестьяне вываривали соль и в некоторых других погостах Шелонской (Пажеревитский погост) и Водской (Кипенский и Врудский погосты) пятин.

На севере Обонежской пятины, в Выгозерском погосте, «у моря» в волостях Нюхче, Сумской, Колежме, Сухом наволоке, Шижме и Вирме было 68 крестьянских варниц, больше всего — в Суме (25) и Нюхче (22). Эти волости в новгородское время принадлежали Марфе Борецкой, а затем, в 1496 г., были пожалованы Соловецкому монастырю. Подавляющее большинство варниц находилось в общем владении двух-четырех и более крестьян. Солеваренный промысел «у моря» был сезонным, «а заваривают с Рождества Христова, а иные за неделю, варит до роспутия, варят день и ночь». Одна варка давала сугреб соли в четыре короба. С варницы, согласно писцу 1496 г., взимался оброк в размере 56—57 денег. Несмотря на то что солеварение занимало значительное место в хозяйстве крестьян этого погоста, они занимались и сельским хозяйством. Большое число варниц в погосте, денежная форма оброка свидетельствуют о товарном характере крестьянского солеваренного промысла во второй половине XV — XVI в.

В новгородских писцовых книгах встречаются сведения о значительном количестве копачей, которые платили «копащину». В. Н. Кашин отождествлял их с сезонными рабочими, нанимавшимися для копки руд в Устюжна-Железнопольском

[238] *Копанев А. И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. С. 154.

[239] АИСЗР. III. С. 17.

[240] *Черкасова М. С.* Промысловая структура крупной феодальной вотчины в XV — первой половине XVIII века (по архиву Троице-Сергиевой Лавры). С. 13—29.

уезде и Водской пятине. Копачи проживали в Деревской и Шелонской пятинах. В Деревской пятине копачи в числе 713 человек были только в Курском уезде, а в Шелонской пятине (744 человека) — только в семи погостах Старорусского уезда: Околорусском, Коломенском, Воскресенском, Рамушевском, Офремовском, Дретонском и Черенчицком. К. Н. Сербина обратила внимание на то, что места их проживания были удалены на 330—390 верст от мест добычи руды. В то же время погосты, население которых платило «копащину» и никакими другими промыслами не занималось, лежали на реках Порусье, Полисти или Каменке, впадающей в Полисть, и находились на расстоянии 75 верст (Курский уезд) и 50—20 верст (ряд погостов Шелонской пятины), а околорусские деревни — в радиусе 3—8 верст от Русы, население которой издавна занималось солеварением. В конце XVI в. здесь насчитывалось 509 соляных варниц, требовавших большого количества рабочих рук. Деревские и шелонские копачи обслуживали не крестьянскую железоделательную промышленность Водской пятины и Устюжна-Железнопольского уезда, а старорусскую посадскую солеваренную. Поскольку в Старой Руссе раствор отводился к варницам через систему открытых «копаных рек» (каналов), труб и колодцев, которые требовали постоянного ухода и ремонта, объем земляных работ был постоянен и велик[241]. Уплата пошлины («копащины») свидетельствует о том, что приработок крестьян был постоянным. В XVII в. крестьяне рассматривали многочисленные занятия, связанные с обслуживанием старорусского соляного промысла, в качестве основного источника денежных поступлений для уплаты налогов и владельческих повинностей. Средний процент денежности повинностей крестьян в Старорусском уезде на помещичьих землях вырос к 1540 г. почти вдвое и составил 41,1[242]. Деньги входили в состав повинностей, сходивших с 82,6 % обеж, при этом с 15,8 % обеж оброк был исключительно денежным[243].

Большое распространение имело смолокурение. Этот промысел не требовал значительных затрат и был доступен рядовому крестьянину. Особенно славилась важская смола. Шалаши смольников, так же как и дегтярей, упоминаются в Корельской земле, Ладоге и в других местах[244]. Смола шла и на экспорт.

При возгонке смолы попутно производили древесный уголь для кричных печей. Углежжение существовало в качестве самостоятельного промысла, новгородская таможенная грамота 1571 г. предусматривает обложение угольев пошлиной[245]. В XVI в. продолжали гнать деготь. Английский посол писал: «...деготь гонится в большом количестве из сосновых деревьев в областях Двинской и Смоленской. Его много отправляют за границу»[246]. В таможенных грамотах 1551 г. (Белозерской) и 1571 г. (Новгородской) зафиксировано обложение пошлиной привезенного для продажи дегтя[247]. Общегосударственной повинностью было изготовление селитры. В 1545 г. она была введена в Нижнем Новгороде[248]. В 1582 г. грамота в Кирилловский монастырь определила поставить «емчужной онбар <...> и емчугу велели вам варити на соху по

---

[241] *Рабинович Г. С.* Город соли — Старая Русса в конце XVI — середине XVIII веков. Л., 1973. С. 23—41.

[242] АИСЗР. II. С. 289.

[243] Там же. С. 125.

[244] *Лукьянов П. М.* История химических промыслов и химической промышленности в России до конца XIX в. Т. 3. М., 1951. С. 320; *Чечулин Н. Д.* Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889. С. 52.

[245] ААЭ. Т. 1. № 282.

[246] Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. Ю. В. Готье. Л., 1937. С. 14.

[247] ААЭ. Т. 1. № 230, 282.

[248] *Лукьянов П. М.* Краткая история химической промышленности в СССР. М., 1959. С. 38.

два пуда <...> и вы бы велели сварити <...> тридцать восемь пуд емчуги добрые перепущеные, которая бы емчуга пригодилась к ручному зелью <...> прислали бы есте <...> на Москву, в Пушечной Приказ...»[249] По замечанию Дж. Флетчера, «селитру изготовляют во многих местах», а воск англичанам отпускали только в обмен на селитру и порох. Повсеместным было производство минеральных органических красок.

При широком распространении бортных угодий определились районы, где они получили наибольшее развитие: Суздальская, Переславская, Московская, Рязанская земли, Шелонская, Водская и Деревская пятины Новгородской земли, Псковская и Северская земли. При освоении территории Заволжья бортный промысел у значительного числа населения был основным занятием и лишь дополнялся земледелием. В Самарской Луке в качестве пользователя бортными ухожьями выступала мордва[250]. Подобная структура хозяйствования вытекала из ресурсных возможностей — бедности почв и обширности лесов с наличием травостоя и удобных для устройства бортей, в отличие от правобережья. В структуре крестьянского хозяйства соляной, рыбный и бортный промыслы тесно переплетались.

В XVI в. четко определились районы сосредоточения железодобывающей промышленности. Важное значение в производстве железа в XVI в. играла Водская пятина. В писцовых книгах зарегистрировано 215 домниц, которые были сконцентрированы в трех уездах этой пятины: Ямском, Копорском и Ореховском, в основном на дворцовых землях. Крестьяне, кроме оброка, должны были уплачивать дворцовому приказчику «брязгу» — арендную плату за возможность разрабатывать месторождения руды. Единицей обложения была печь.

Железная руда для домниц добывалась в той же деревне, где находилась домница, «на своей земле», или на землях соседних деревень. Из 215 домниц для 102 (47.4 % общего количества домниц) руду копали на арендованной земле. Рудоносные земли в основном принадлежали великому князю, которому платили бразгу владельцы 99 домниц, владельцы же трех домниц платили бразгу соседнему помещику. В деревнях, где было наибольшее количество домниц и печей, руду копали «у себя». Количество домниц этих трех деревень составляло 46,2 % ко всем домницам, пользовавшимся рудой безденежно.

Наиболее мощными были залежи железной руды в дворцовой волости на Красных горах и по берегам реки Ковоши. Бразга всегда взималась деньгами, редко крицами. Размер ее колебался от одной деньги и одной крицы с печи до 23 денег и одной крицы, наиболее распространенной была плата в 16 денег или 16 денег и одну крицу. Размер бразги и принцип взимания были стабильными в течение более чем полувека. Бразга составляла 22,2 % стоимости годовой продукции одной доменной печи, владелец печи имел «чистого» дохода 43,4 деньги. «Чистый» доход домников, копавших руду «у себя» и не плативших бразгу, естественно, был выше — 59,4 деньги. Каждый владелец домницы занимался сельским хозяйством, от которого имел «чистый» доход в среднем около 200 денег. Таким образом, доход от доменного промысла в зависимости от того, платил он бразгу или нет, составлял 21,5 или 29,5 %, удельный вес его в хозяйстве крестьян-домников был значительным. В селе Заозерье Водской пятины, где домники выковывали из криц еще и железные пруты, оброк составлял 20 денег. К. Н. Сербина, вслед за В. Н. Кашиным и С. С. Гадзяцким,

[249] ААЭ. Т. 1. № 317.

[250] «Обретение родины»: Общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI — начало XX в.). Ч. 2. С. 14—15.

считает домников мастерами доменного производства высокой квалификации или специалистами по кладке доменных печей. Домники, так же как владельцы домниц, занимались сельским хозяйством.

Рудяной промысел включал поиски рудоносных земель, очистку их от леса, копку, просушку и обжигание «железной земли», рубку леса, копку угольных ям, жжение угля, постройку домницы и ее оборудование, кладку доменной печи, постройку угольника и, наконец, саму плавку руды. Все это требовало больших затрат физического труда и денежных средств для постройки и оснащения домницы, а также для уплаты бразги, если руда копалась не «у себя». Для рудяного промысла семье иногда приходилось объединяться с соседями, хотя в писцовых книгах есть только одно прямое указание на владение домницей сообща крестьян двух соседних деревень: в отношении одного из трех дворов деревни Черной сказано, что «у них же с казимеровскими домница вопчая». Домницы имели одну-две печи. Из 215 домниц Вотской пятины в 128 домницах было по одной печи. Работа в домнице с одной печью требовала одновременной работы двух человек — один «дул» мехами, а другой подкладывал руду и уголь, поэтому у 234 плавильных печей работало не менее 468 человек. Почти в половине деревень, имевших домницы, оброк на протяжении XVI в. не увеличивался, а в остальных увеличился примерно в два раза. Что же касается перевода натурального оброка на денежный, это свидетельствует о товарном характере их промысла.

К северу от Водской пятины находились Лопские погосты. Этот район был ближайшей железнорудной базой для соляных варниц Поморья.

Железодобывающая и железоделательная промышленность сосредоточилась также в Заонежье, Бежецкой пятине (в нее входила значительная часть Устюжна-Железнопольского и Белозерского уездов), в Тихвинском крае, а также в бассейне Ваги и Сухоны в Важском и Тотемском уездах. В Важском уезде и на реке Вычегде крестьянская железоделательная промышленность была подорвана во второй половине XVI в., когда Строгановы получили от правительства право на поиски и разработку руды.

На юге Серпухов и Кашира были окружены многочисленными крестьянскими домницами. С. Герберштейн в 1517 г. писал: «Серпухов в 8 милях от Каширы на реке Оке, где даже на ровном месте добывается железная руда»[251]. Каширский и Серпуховский уклады славились далеко за пределами места ее производства[252].

В Новгородской земле на рубеже XV—XVI вв. писцовые книги зафиксировали около тридцати различных крестьянских ремесел. Наиболее распространенным было кузнечное. Можно говорить об известной специализации пятин и погостов.

Доменный и кузнечный промыслы на рубеже XV—XVI вв. существовали уже раздельно, но, судя по составу оброка, в ряде случаев домники совмещали выплавку криц с кузнечным делом (в Водской пятине владельцы 8,8 % домниц вносили оброк не крицами, а прутовыми железными косами). Крестьяне пятины изготавливали сельскохозяйственные орудия (косы, топоры, лемехи, сошники) и предметы домашнего обихода («рукоятные» сковороды). В пятидесяти погостах Бежецкой пятины в 40-х гг. XVI в. было 19 кузнецов, которые работали на местном, выплавленном здесь же металле.

По неполным данным, в Водской пятине был 131 кузнец. Из них 80 проживали в Копорском и Ямском уездах, 26 — в Корельском и 25 — в Ореховском уезде. Больше всего кузнецов было в деревне Сандалик-

[251] *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 108.

[252] Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1. С. 108—109.

ше Корельского уезда (в 16 дворах жило 26 кузнецов), в деревне Пилоле Толдожского погоста насчитывалось 19 кузнецов на 64 крестьянских двора. Так как в этих селениях не было ни одной домницы, следует, что они использовали покупное железо. Железо из погостов поступало и в Новгород. В 1580-е гг. в городе более двухсот ремесленников занимались обработкой черных металлов[253]. В городе изготавливалось более 10 000 железных изделий разного наименования и назначения: сошников, кос, серпов, мотыг, оковов лопат, рыболовных снастей. В XVI в. Новгород обеспечивал изделиями железоделательного производства не только ближайшую округу, но и более отдаленные районы[254]. Найденные в Новгороде крицы и готовые изделия сделаны из одного и того же железа местного происхождения. Существовали тесные связи городского железоделательного ремесла с деревенским железодобывающим промыслом.

В Обонежской пятине все кузнецы были пашенными людьми, в Деревской непашенные кузнецы составляли 14,2 %, в Шелонской пятине — 46,1 %. В Шелонской пятине один из «безпашенных» кузнецов назван бобылем, а другой — «худым человеком». В этой пятине «безпашенные» кузнецы платили «позем» в размере трех денег с человека. С пашенных взимался чаще всего смешанный оброк деньгами и продуктами сельского хозяйства. Но в Деревской пятине кузнецы платили только денежной оброк в размере 28 денег с человека.

Белозерское железо продавали в Вологде, его отправляли в Верхотурье. Белозерские кузнецы специализировались на производстве гвоздей — сапожных, кружальных, однотесных, двоетесных, скобяных, судовых.

Даже в годы хозяйственного разорения Серпуховский посад вместе с местной крестьянской промышленностью продолжал снабжать железом, укладом и изделиями Москву и многие отдаленные пункты восточной части страны. Московские кузнецы работали на привозном сырье. Уклад привозился из Новгорода, Корельской земли, Серпухова и других мест. Здесь производились науглероживание железа, превращение его в сталь, ковка железных изделий и наварка их стальными лезвиями. Способы наварки стали на железную основу были те же, что и в остальных ремесленных центрах.

Псковское железообрабатывающее ремесло на протяжении пяти столетий отличалось стабильностью и высоким уровнем владения технологиями обработки черного металла. Владели всеми приемами, необходимыми для улучшения рабочих качеств изделия: термической обработкой, цементацией, сваркой. В XV—XVII вв. преимущество стало отдаваться более простым, не требующим значительных временных затрат технологиям. Т. Ю. Закурина связывает это с процессом перехода к мелкотоварному производству[255].

Монастыри имели своих оброчных кузнецов. Ремесленники жили на монастырских землях, в слободках и монастырских селах. Восемьдесят два процента торгово-промышленных сел принадлежало монастырям: Троице-Сергиеву, Кирилло-Белозерскому, Волоколамскому[256].

В XVI в. в крестьянской среде представлен широкий круг ремесленных специальностей. Из новгородских пятин, судя по

---

[253] *Арциховский А. В.* Новгородские ремесла // Новгородский сборник. Вып. 6. Новгород, 1939. С. 12.

[254] Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1. С. 102—104.

[255] *Закурина Т. Ю.* Железообрабатывающее ремесло Пскова X—XVII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Псков, 2000.

[256] *Сербина К. Н.* Из истории возникновения городов в России XVI в. // Города феодальной России. М., 1966. С. 138.

писцовым книгам начала XVI в., наиболее разнообразен он был в Шелонской пятине: кузнецы (12 человек), овчинники, скорняки, кожевники, швецы (19 человек), епаничники, сапожники (10 человек), ситники, гончары, токари, плотники, ковшечники, решетники, дегтяри, жерновики, скоморохи (9 человек), серебряники, кровопуски, коновалы, шестники (5 человек)[257].

Преобладание черносошного крестьянского землевладения на Русском Севере обусловило особенности экономического и социального развития края, характеризующегося активной мобилизацией земли, поземельным неравенством, господством крестьянской верхушки в общинном самоуправлении, в обладании промыслами. Имущественная дифференциация основывалась в первую очередь на земельном неравенстве в пользовании волостными землями. Две трети крестьян в XVI в. имели мелкие и мельчайшие наделы. Из нескольких сотен промышленников, согласно платежной книге 1560 г., двенадцать семей владели 40 % тонь, три из них владели почти четвертью варниц. Солеварение в XVI в. переживало расцвет. Двинские крестьяне ежегодно производили около 400 тыс. пудов соли. Успешной предпринимательской деятельности в этой сфере способствовала организация товариществ с двумя-восемью пайщиками. Соляные промыслы — главный источник богатств Амосовых, Кологривовых, Вепревых. Все солепромышленники также были владельцами тонь — организаторами крупного рыболовного промысла. Большую часть доходов от предпринимательской деятельности они вкладывали в покупку земель и промысловых угодий. Поэтому они всячески противились переводу их как крупных торговцев в Архангельск или Москву, а проживая там, несли тягло и разрубы, оставаясь членами волостных миров. Земельные владения приобретались ими путем скупки, ростовщических операций, кабальных сделок, иногда в результате насильственного захвата земель.

Крупные крестьянские хозяйства, по словам А. И. Копанева, «лепились из мелких кусков и не были компактными: они находились в разных деревнях внутри волости, а иногда и в нескольких волостях»[258]. Крестьянин, независимо от величины его владения, был в хозяйственной деятельности связан со всеми крестьянами — своими соседями. В крупных крестьянских хозяйствах использовался труд холопов (Амосовы в 20-е гг. XVI в. имели по 15—17 холопов), половников, порядчиков. К вольнонаемному труду прибегали в первую очередь в солеварении и крупном рыболовном промысле. В 1560 г. братья Амосовы владели тридцатью тонями и четырьмя варницами. По подсчетам Н. Е. Носова, для эксплуатации 30 тонь было необходимо 150—180 человек, а для работы четырех варниц — 20—30 человек[259]. В 1549 г. крестьянин Куроостровской волости Василий Бачурин уплатил 110 денег разрубных платежей, столько же пришлось на 48 беднейших дворохозяев[260]. Хозяйство Г. Кологривова Н. Е. Носов оценил в 2800 руб., что превышает оценку имущества крестьян всей Куроостровской волости[261].

Положение наймита (половника) регулировалось 148-й статьей Судебника 1589 г., фактически воспроизводившей 83-ю статью Судебника 1550 г. Половничество хотя и вело к зависимости крестьянина от хозяина земли, в массе своей даже в случаях передачи по наследству не лишало крестьянина личной свободы.

---

[257] АИСЗР. I. С. 299.

[258] *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 116, 153, 155, 157, 176.

[259] *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. С. 267.

[260] *Копанев А. И.* Северная Двина // АИСЗР. III. С. 18.

[261] *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 206.

Торговля

Образование Московского государства привело к появлению новой экономической ситуации для российских торговцев как внутри, так и за пределами страны. Важным фактором, повлиявшим на развитие торговли, стало пока в значительной степени формальное объединение разных по уровню развития, сложившимся экономическим практикам, ресурсным возможностям территорий в одно экономическое пространство. Преодоление различий, формирование новых коммерческих связей взамен утраченных, попытки переформатирования некоторых ранее сложившихся отношений — все это создавало специфику экономического развития России в XVI в. Политические факторы, такие как затяжная Ливонская война, оказавшаяся не по силам новому государству, опричнина, приведшая к крушению прежних отлаженных связей, способов коммуникации и оказавшая разрушительное воздействие на экономику значительной части страны, одновременно создали предпосылки для поиска новых форм экономической активности населения. Запустение территории и упадок городов северо-запада вместе с открывшимися в ходе продвижения на восток возможностями освоения новых ресурсов привели к своеобразному географическому сдвигу, способствуя формированию новых центров ремесленно-торговой деятельности на северо-востоке Московского государства.

В XVI в. происходит постепенное изменение характера внешней торговли. При этом в первой половине столетия фактически сохраняются как основные торговые партнеры, так и структура экспорта-импорта, в значительной степени повторяющие ситуацию XV в. Иноземные купцы могли торговать только в «порубежных городах». Для того чтобы получить допуск во внутренние районы страны, они должны были иметь жалованную или проезжую грамоту. Кроме того, заключенные договоры между Россией и другим государством также являлись основанием для ведения торговых операций. В договорах, как правило, прописывались общие правила ведения торговли, касавшиеся и русских и иноземных торговцев, главным из которых считалось право свободного перемещения и защиты товаров. В ряде случаев по запросу давался отдельный указ на пропуск иноземного торговца.

Вместе с тем в течение XVI в. идет постепенное расширение международных торговых связей Московского царства, а также происходят изменения в составе коммерческих партнеров и структуре экспорта-импорта.

Традиционными для XIV—XV вв. компаньонами русских купцов являлись Ганза и Ливония. Но в XVI в. произошли изменения в структуре балтийской торговли. Если ранее основными участниками и посредниками здесь выступали северонемецкие города, то теперь ганзейский сектор торговли, в которой активно ранее участвовали Новгород и Псков, теряет свое значение в результате конфликтов первой четверти века. Главной проблемой в результате потери этих связей для России стала утрата стабильного канала поступления стратегически важных товаров: оптовые ганзейские купцы привозили медь, олово, серебряную проволоку для чеканки монеты, а также порох, пушки и другие оружейные товары. Выход из сложившейся ситуации был найден: эти источники заменили другими — медь и олово стали поступать из Литвы, а поставку оружейных товаров, хоть и с определенными трудностями и перебоями, удалось наладить благодаря Дании, с которой московские государи стремились наладить отношения, а во второй половине века экспорт этих товаров осуществлялся из Англии[262].

[262] *Пронштейн А. П.* Великий Новгород в XVI веке: Очерк социально-экономической и политической истории русского города. Харьков, 1957. С. 140; *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV— начала XVI в. С. 64.

Кроме того, несмотря на запрет ливонским и ганзейским городам в открытую торговать с Россией, купечество этих городов продолжало тайно поставлять сюда некоторую часть продукции и сырья. Посредниками в этих операциях выступало ревельское, рижское и нарвское купечество. При этом Нарва не являлась ганзейским городом, но имела ряд привилегий на торговлю с прусскими городами, участвуя в так называемой необычной торговле в обход ганзейских городов[263].

В целом характер импорта из Ганзы и Ливонии в Россию мало изменился. Помимо групп товаров, которые были ориентированы на небольшой круг покупателей, относящихся к политической элите или богатому купечеству, — фландрских, английских и немецких сукон, дорогих шелковых тканей (бархат, атлас), атлантической сельди, вина, специй, орехов — все большее значение приобретают товары, предназначенные для массового потребителя и ориентированные на развивавшийся внутренний рынок ремесленного производства, такие как дешевые сукна, краска, квасцы. Со второй половины XV в. этот рынок осваивают итальянские и французские поставщики бумаги, спрос на которую постепенно возрастает[264]. В XVI в. в этот сегмент торговых отношений вмешиваются англичане, хотя основным каналом поставок товаров для них выступала беломорская торговля.

В структуре российского экспорта в ливонские города, напротив, происходят изменения: на смену чисто сырьевым товарам приходят изделия ремесла (железные сошники, косы, топоры, гвозди, жесть, хомуты, рукавицы, свечи, синяя крашенина, мыло), продукты первичной переработки — кожи, поташ, ворвань[265].

Торговля с Ганзой возобновляется после подписания новгородскими наместниками в 1514 г. договора, согласно которому снимались ограничения на торговлю серебром, пушечным товаром, возобновлялись торговые нормы «по старине». Ситуация изменилась после занятия Нарвы войсками московского государя в 1558 г. В сентябре 1561 г. в Москву прибыло датское посольство от короля Фредерика II, целью которого было обсуждение нейтралитета Дании в Ливонской войне в обмен на признание прав Дании относительно Ревеля. Во время этих переговоров также обсуждалось право свободного прохода иностранных торговых судов в Россию и обратно, что нашло отражение в договоре от 7 августа 1562 г.[266]

Вместе с тем ганзейская торговля все больше теряла свое значение, на место старых партнеров приходили новые — голландцы, англичане, ставшие к XVII в. лидерами европейской торговли.

В первой четверти XVI в., несмотря на сложный политический контекст (русско-литовские войны конца XV — XVI в.), расширялись возможности торговых отношений с Великим княжеством Литовским. В договорах Великого княжества Литовского с различными землями Северо-Восточной Руси еще с XV в. содержались положения, позволявшие разрешать возни-

---

[263] *Бессуднова М. Б.* «Необычная торговля» как фактор видоизменения русско-ганзейских отношений в XV — начале XVI века // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2019. № 5 (21). С. 1—7.

[264] *Вебер Д. И., Носова Е. И.* Эпизод из истории балтийской торговли: Импорт бумаги в Московское государство // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2021. № 1 (29). С. 63—76.

[265] *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975. С. 293—310; *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV— начала XVI в. С. 72.

[266] *Хорошкевич А. Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003. С. 271; *Щербачев Ю. Н.* Датский архив: Материалы по истории Древней России, хранящиеся в Копенгагене: 1326—1690 гг. М., 1893. С. 47—49.

кающие спорные коллизии. В дальнейшем вопросы обид, причиненных купцам, поднимались в ходе переговоров между Великим княжеством Литовским и Московским государством[267]. Основными проблемами становились случаи насильственного захвата купеческих товаров обеими сторонами, их намеренные или непроизвольные порча или уничтожение, а также задержание самих торговцев. Об этом, в частности, велась речь в переговорах между великим князем Литовским Александром Казимировичем и Иваном III в 1490—1502 гг.[268] В дальнейшем договоры подтверждали необходимость соблюдения правила «чистого пути» для купцов. В договоре от 26—28 марта 1503 г. правило свободно, без препятствий, торговать отнесено к любым купцам Московского и Литовского государств: «А вашым купцом изо всих вашых земль во вси мои земли прыехати со всяким товаром и торъговати на всякии товар, а прыехати им, и отъехати доброволно, безо всяких зачепок»[269]. Но, например, в договоре 1508 г. речь идет лишь о тех, кто являлись жителями Новгородской, Псковской и Тверской земель, что, по-видимому, отражало не перспективу, а реальную ситуацию, в которой именно торговцы данного региона имели устойчивые связи с городами Великого княжества Литовского, и вплоть до середины века ситуация не менялась.

Особую статью международной торговли занимали так называемые заповедные товары, которые в XVI в. имелись у любого государства. Так, из Великого княжества Литовского запрещено было вывозить серебро, из России, в свою очередь, нельзя было вывозить, согласно Новгородской таможенной грамоте 1571 г., золото и серебро[270].

В Балтийском регионе в XVI в. происходит усиление позиций Швеции, с которой у жителей северо-западных районов страны существовали давние торговые связи. Накануне Ливонской войны русские купцы пытались добиться расширения своих привилегий и высказывали предложения о свободном проезде с товарами через Швецию в Антверпен, о планах создания торгового двора в Копенгагене. Позднее, в 1567 г., Иван IV отправил своих гостей в Антверпен с целью развития торговых связей.

Интерес к балтийскому региону был связан в том числе с его возросшей ролью в торговле между странами северной части Европы и восточноевропейскими государствами, в частности с Россией. Европейские страны были заинтересованы в большем количестве поступавших из России льна, конопли, сала, ворвани и кож. В свою очередь для России балтийская торговля оставалась важным каналом, по которому ввозились качественное европейское железо и цветные металлы, поскольку в XVI в. собственное производство железа оставалось на низком, практически домашнем уровне, не удовлетворяя требованиям к качеству и количеству продукта, которые были необходимы для ведения активной военной политики[271].

Соперничество за Балтику в течение всего столетия мешало развитию русско-швед-

[267] *Дячок О. А.* Вопросы торговли Великого княжества Литовского с русскими княжествами и землями в дипломатических документах середины XV — начала XVI в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI—XIX вв.: Сборник материалов Второй международной научной конференции (Курск, 2009 г.). Курск, 2009. С. 24; *Костомаров Н. И.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб., 1862. С. 3, 91, 122.

[268] *Дячок О. А.* Вопросы торговли Великого княжества Литовского с русскими княжествами и землями в дипломатических документах середины XV — начала XVI в. С. 22.

[269] Там же. С. 23.

[270] *Дмитриенко С. А.* Государственно-правовая деятельность по развитию предпринимательства в период сословно представительной монархии в России // История государства и права. 2004. № 3. С. 55.

[271] *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII века. С. 5—6.

ской коммерции, к тому же и сами шведы в основном ограничивались торговлей в порубежье, преимущественно в Новгороде, Пскове и новгородских землях[272].

Примерно с середины XVI в. происходит заметный поворот в сторону поиска новых торговых партнеров, растет роль морских торговых путей, русское купечество знакомится с новыми формами коммерческой деятельности, которую ведут прежде всего европейские негоцианты: с активным использованием фрахта, посредническими операциями, кредитом, организацией торговых компаний, биржевыми играми. Впрочем, далеко не все из вышеперечисленного становилось (в том числе в силу языковых и культурных барьеров) понятным и приемлемым на этом этапе развития экономики России для российских участников торговли.

Важным явлением в международной торговле Московского государства стало зарождение торговых отношений с Голландией. В XVI в. голландская система коммерции достигла расцвета и в дальнейшем удерживала первенство в мировой торговле более 150 лет. Торговля между Голландией и Московским государством приобретает значительный размах после того, как в 1558 г. в ходе Ливонской войны московской стороной была захвачена Нарва, являвшаяся важным торговым портом на Балтике. В 1560—1570-х гг. купцы из Нидерландов торговали с Россией через Нарву, пока в 1581 г. город не был завоеван шведами. Согласно Плюсскому перемирию (1583), к Швеции отошли также Ивангород, Ям, Копорье близ Финского залива, Орешек и Корела на берегу Ладожского озера, а также Гдов на берегу Чудского озера. В результате Россия фактически лишилась выходов в Балтийское море и стала аутсайдером быстро развивавшейся балтийской торговли раннего Нового времени. У Московского государства для внешней торговли оставались лишь северные гавани на Мурманском берегу — Кола, Печенга и Кьегор[273]. В 1560—1570-е гг. сюда перенесли свою торговлю с Россией ганзейские немцы, французы и голландцы. В 1583—1584 гг. была заложена крепость и основан порт на Пур-Наволоке вблизи Михайло-Архангельского монастыря, получивший название Новые Холмогоры, позднее — «город Архангельский». После того как здесь завершилось создание торгово-таможенной инфраструктуры — строительство таможенной избы, важни (место взвешивания товаров), частных дворов для приема русских и иноземных гостей (1584—1586), — именно Архангельск стал официальным и основным портом для иноземной торговли по северным морям. Указом 1586 г. в Коле было разрешено торговать лишь треской, палтусом, рыбьим жиром и ворванью[274].

Голландцы перенесли в Архангельск торговлю с Россией и к 1590-м гг. потеснили англичан. Особенностью голландской коммерции были посреднические услуги: предоставление кораблей для перевозки товаров, транзитная торговля. К началу XVII в. экспорт из России в Голландию составил около 149 тыс. руб. (1,1 млн гульденов)[275], а Архангельск превратился в важный торговый центр Северной Европы. При этом состав российского экспорта оставался постоянным: примерно половину его составляли меха, которые являлись

---

[272] *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве: [С прил.]. Пг., 1918. С. 204.

[273] *Шаскольский И. П.* О возникновении города Колы // Исторические записки. Т. 71. М., 1962. С. 278.

[274] *Флоря Б. Н.* Торговля России со странами Западной Европы в Архангельске (конец XVI — начало XVII в.) // Средние века. Вып. 36. М., 1973. С. 134.

[275] *Велувенкамп Я. В.* Голландская система торговли и русский рынок в 1560—1760 гг. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI—XIX вв.: Сборник материалов Второй международной научной конференции (Курск, 2009 г.). С. 40.

в Европе предметом роскоши, спрос на них был даже в Италии, другую часть — кожи и сало, применявшиеся в быстро развивавшемся европейском мануфактурном производстве. Состав ввозимых в Россию товаров был разнообразнее: серебро и золото, жемчуг и драгоценные камни, дорогие ткани, оружие, порох, цветные металлы, бумага, красители. Определенную нишу, ориентированную на потребителей из верхних социальных групп, составляли экзотические продукты, такие как вина, сахар и специи. Посредническая роль голландцев во внешней торговле России проявлялась в том, что они торговали товарами из разных стран. По словам Я. В. Велувенкампа, «серебро <...> шло из Латинской Америки, ткани были из Азии и Нидерландов, оружие — из Льежа, Германской империи и Нидерландов, вино — из Франции и с Рейна, сахар — из Бразилии, жемчуг, драгоценные камни и специи — из Азии»[276].

К середине XVI в. относится начало торговых отношений Московского государства с Англией. В борьбе с Испанией и Португалией за контроль над торговыми путями англичане искали путь через северные моря в Тихий океан. В 1553 г. на поиски Северного морского пути отправилась экспедиция Уиллоуби—Ченслера (Ченслора), но два из трех кораблей погибли, раздавленные льдами. Последний — «Эдуард Благое Предприятие» — в августе 1553 г. с самим Ченслером на борту достиг Карельского устья Северной Двины и причалил вблизи Николо-Корельского монастыря. Отсюда путешественники отправились «на малых судах» в Холмогоры и далее в Москву, где были приняты Иваном IV. Будучи заинтересованным в поиске альтернативных партнеров вместо поляков и шведов, московский царь «велел им ходити с торгом безопасно» и «дворы им велел ставити и покупати»[277]. Большие привилегии англичан в России были во многом связаны также с доставкой ими цветных металлов, прежде всего качественной меди, которая была необходима для артиллерии, игравшей главную роль в военном деле того времени. По возвращении в Лондон Ченслер содействовал созданию английскими купцами Московской торговой компании. Акционеры компании оставались по преимуществу в Англии, отправляя в Россию своих агентов, которых жестко контролировали. В дальнейшем грамотами 1555, 1567 и 1569 гг. Иван IV даровал Московской компании широкие привилегии: право свободно приезжать в Россию и выезжать из нее, вести торговлю беспошлинно, возможность приобретать дома и складские помещения в Москве (дом на Варварке у церкви Св. Максима), Вологде, Холмогорах, Ярославле, Костроме, Нижнем Новгороде, Казани, Астрахани, Великом Новгороде, Пскове, Ругодиве (Нарве) и Юрьеве Ливонском (Дерпте), право вести транзитную торговлю с восточными странами (в основном их интересовала Персия), исключительное право кораблям компании приставать на всем северном побережье Московского государства (всем другим иноземцам, а также англичанам, не являвшимся агентами компании, запрещалось причаливать в устьях Северной Двины, Мезени, Колы, Печоры)[278]. Купцам Московской компании было разрешено пользоваться гаванью около Николо-Корельского монастыря. Здесь располагался английский двор, склады, важня, но не было таможни[279]. Даже после основания Архангельска в 1584 г. и перевода царским указом иноземной морской торговли

[276] *Велувенкамп Я. В.* Голландская система торговли и русский рынок в 1560—1760 гг. С. 40—41.

[277] ПСРЛ. Т. 33. Л., 1977. С. 138.

[278] Сборник РИО. Т. 3. СПб., 1868. С. 94; *Толстой Ю. В.* Первые сорок лет сношений между Россией и Англией: 1553—1593 // Грамоты, собранные, переписанные и изданные Юрием Толстым. СПб., 1875. С. 17.

[279] *Гамель И. Х.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях. Ст. 2 / Сочинения акад. И. Гамеля. СПб., 1869. С. 91—92.

в этот новый порт с 1585 г. корабли англичан продолжали использовать прежнюю гавань, пока указом 1591 г. их не принудили окончательно перенести торговлю в Архангельск[280].

Привилегии были предоставлены не всем английским купцам, они касались только представителей Московской компании, все прочие являлись для нее конкурентами, причем с точки зрения английской короны такие торговцы действовали в России незаконно, ущемляя английские интересы в целом.

Но претензии английской Московской компании на монополизацию российской внешней торговли, а также отказ Англии от политической поддержки России привели к повороту в русско-английских торговых отношениях. В конце 1570 г., согласно новой царской грамоте, привилегии компании были резко сокращены: теперь ее агентам разрешено было торговать только в русских городах, поездки в Казань и Астрахань были возможны только после получения письменного разрешения царя, торговые пошлины следовало уплачивать, хотя и в половинном размере[281].

Основными товарами, которые компания вывозила из России, были лен (его скупали на вологодском рынке, что обходилось гораздо дешевле приобретения через Новгород), воск (к концу столетия объемы его экспорта в целом снизились), сало, ворвань, канаты и дешевые меха (беличьи, лисьи, куньи). Мачты, смола и ряд товаров корабельного дела, которые возобладают в английском экспорте в последующие века, на данном этапе развития торговых отношений составляли незначительную долю в общем объеме вывоза, поскольку их транспортировка обходилась дорого[282].

В целом номенклатура товаров, составлявших экспорт и импорт во внешней торговле Московского царства к концу XVI в., может быть восстановлена по сохранившейся торговой книге конца XVI — начала XVII в. Так, в Россию в большом количестве ввозились дорогие иноземные ткани: сукна «брюкиш», «полубрюкиш», «аглинское» (английское), «свицкое» (шведское), «лимбарское» (лимбургское), «брабантское», «новоесское», «четцкое», «колтырь», «утрофим», «влосское», «еренга», «муравское», «лятчина», «багрец», «шарлот» (французские), венецианская камка, «венедицкие» (венецианские) и «флоренские» бархаты (гладкие и ворсистые — «одноморхие» и «двоеморхие»), итальянские атласы[283], а также ряд дешевых сукон массового спроса, например «настрафиль», «рословские» и др.; гарус, бархат, камки, тафты, кружева; «пряденое золото». Второй статьей импорта были драгоценные камни: яхонты, бирюза, шпинели (лалы), красно-фиолетовые аметисты (вареники), гранаты (венисы) и жемчуг. Далее следовали отсутствовавшие на тот момент металлы (серебро, медь, олово, железо, свинец);

---

[280] *Любименко И. И.* История торговых отношений России с Англией: XVI в. Юрьев, 1912. Вып. 1. С. 18—19.

[281] Сборник РИО. Т. 38. СПб., 1883. С. 95; *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 1. М., 1894. С. 93; *Толстой Ю. В.* Первые сорок лет сношений между Россией и Англией: 1553—1593. С. 29; *Любименко И. И.* История торговых отношений России с Англией: XVI в. С. 47—48, 116—117; *Лурье Я. С.* Русско-английские отношения и международная политика второй половины XVI в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 429. Некоторые нидерландские компании также получили привилегию и были полностью освобождены от уплаты пошлин; см.: *Шумилов М. М.* Торговля и таможенное дело в России: Становление, основные этапы развития (IX—XVII вв.). СПб., 2006. С. 224.

[282] *Горсей Дж.* Записки о России: XVI — начало XVII в. С. 79—80; *Гамель И. Х.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях. Ст. 2. С. 38—39; *Толстой Ю. В.* Первые сорок лет сношений между Россией и Англией: 1553—1593. С. 9; *Любименко И. И.* История торговых отношений России с Англией: XVI в. С. 75—93.

[283] *Шаркова И. С.* Россия и Италия: Торговые отношения XV — первой четверти XVIII в. Л., 1981. С. 40—45.

золото листовое и сусальное; европейские вина «мушкатель» (десертное вино из мускатных сортов винограда), «романея» (от названия бургундской деревни Романе), «ренское», «конарское», «бастр», «алкат», «шпанское» (испанское) и другие, винный уксус, сахар, лимоны, чернослив, грецкие орехи, миндальные ядра, лекарственные травы, а также специи (анис, гвоздика, кардамон, перец, шафран, ладан, тмин, фимиам, мускат и т. д.). Наконец, развитие делопроизводства и переписки книг вело к широкому потреблению бумаги (писчей и книжной), различавшейся по цене, а формирование внутреннего производства тканей требовало ввоза «солей и красок» (купорос, квасцы, мышьяк, нашатырь, сулема, камфора, ртуть, бура, киноварь)[284].

Перечень товаров, вывозимых из России, значительно у́же; в основном он состоял из кож, говяжьего сала, поташа и мехов (61 % экспорта). При этом если дешевые меха интересовали английских торговцев, то дорогую пушнину везли для перепродажи голландцы, а также французы. В числе отпускных товаров значились хлеб (пшеница, греча), льняное семя, масло коровье и растительное, мясо (солонина), черная икра, рыба (треска и семга), рыбий жир («сало тресковое»), ворвань, лен, пенька, конопля, смола, вар, деготь, свиная щетина, воск, слюда, зола, рыбий клей и т. д. Количество готовых изделий, таких как гвозди сапожные, сошное железо, мыло, канаты и рукавицы, составляло незначительную часть общего объема и структуры русского экспорта[285].

Особое положение занимала торговля серебром. Из германских городов и Великого княжества Литовского серебро поступало либо в виде проволоки, либо в виде талеров, которые в России именовали ефимками. Казной устанавливалась закупочная цена на ефимки, которые после закупки перечеканивали в местную монету. Установленная цена ефимков превышала рыночную или совпадала с ней, поэтому русские торговцы охотно скупали привозную монету, а затем перепродавали ее на монетный двор с небольшой прибылью.

К концу XVI в., с построением Архангельского порта, гостиного двора и таможни (1585—1587), было завершено создание контролируемой правительством системы международной морской торговли по Северному пути, установлены коммерческие связи с английскими, голландскими, а в последней четверти века — гамбургскими и французскими купцами[286]. Несмотря на то что поступавшие морским путем иноземные товары были ориентированы преимущественно на обслуживание интересов казны и элит, их дальнейшее продвижение на внутренние рынки способствовало развитию внутренних торговых путей, созданию торговой инфраструктуры в городах, знакомству московских торговых людей с практиками европейской коммерции. Дальнейшее постепенное сокращение таможенных привилегий для иноземцев имело целью насыщение казны необходимым количеством денежной массы, а сама раздача тех или иных льгот становилась инструментом политического манипулирования в международных отношениях.

До последней четверти XV в. одним из основных направлений южной и восточной торговли было Северное Причерноморье, через которое шли транзитные пути в средиземноморский регион, где главными

---

[284] *Флоря Б. Н.* Торговля России со странами Западной Европы в Архангельске (конец XVI — начало XVII вв.). С. 134.

[285] *Костомаров Н.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб., 1862. С. 80—81.

[286] *Мартенс А.* Гамбургские купцы в Москве в XVII в. // Немецкие предприниматели в Москве. М., 1999. С. 46.

агентами являлись итальянские города-соперники Генуя и Венеция, а другой конец этого большого пути уводил торговцев на Восток, в Малую, Среднюю Азию и далее в Китай и Индию. Здесь для русских земель посредническую роль играли связи с Судаком, где находились дворы как итальянских, так и русских торговцев[287]. В Судак (в древнерусских источниках — Сурож), Кафу, Константинополь и далее на восток и запад шли воск, мед, лен, некоторое количество пушнины (рост объемов вывоза этого товара был еще впереди), а также рабы. В обратную сторону на Русь двигались дорогие восточные шелка («суровский наряд»), пряности и вина. С конца XIV в. в Москве осела часть торговцев — выходцев из Судака, которые не только получили различные привилегии в торговле, но и по статусу приближались к положению бояр. Ведя посредническую торговлю с Золотой Ордой, Византией, странами Средиземноморья и Востока, гости-сурожане получали большие прибыли. Их связи были также использованы московским великокняжеским двором и некоторыми родовитыми боярами для выполнения торговых поручений: они сбывали часть поступавших в казну и производимых в вотчинах продуктов промыслов и ремесла в обмен на дорогие заморские товары. В результате завоеваний турок-османов Судак и другие торговые центры Крыма пострадали, хотя некоторое время продолжали функционировать уже при османском правительстве. Тем не менее к концу XV в. эта часть черноморской торговли приходит в упадок; московские представители гостей-сурожан были переселены Иваном III в Новгород, и со временем они утратили свои позиции в системе восточной и юго-западной торговли Московского государства[288].

Вместе с тем итальянские купцы пытались компенсировать потери, развивая по новым путям транзитную торговлю восточными пряностями и шелком, которые они везли через Россию в Европу: в 1519 г. генуэзец Паоло Чентурионе стремился получить от русского правительства разрешение на торговлю индийскими пряностями через Астрахань и Москву[289]. Добиться привилегий для проезда с товарами в Персию и обратно через территорию России пытались и венецианцы, что было одним из пунктов переговоров итальянского гонца А. Поссевино в 1581 г. Получить такую привилегию венецианцы не смогли, но и им, и папским представителям разрешалось свободно торговать в Московском государстве[290].

В начале XVI в. в Москве стали появляться турецкие купцы, а в 1515 г. был подписан и в 1520 г. подтвержден русско-турецкий договор, включавший в том числе статьи о торговых отношениях двух стран. Путь на юг проходил по Дону, торговые караваны отправлялись вниз осенью, поскольку летом Дон сильно пересыхал. За двадцать дней купцы добирались до Азова, где проходила ярмарка, а затем двигались к Кафе, куда съезжались также купцы из Персии, Армении, Бухары. Вторым путем, помимо Донского, был сухопутный, пролегавший через степь к Киеву. Эти направления торгующие стороны (в том числе московские и литовские государи) признавали официальными, что означало обеспечение безопасности и возмещение убытков в случае ограбления. Третий путь, через Путивль, использовали обычно контрабандисты, желавшие избежать уплаты торговых пошлин, но рисковавшие попасть в руки казаков. В этих случаях убытки не возмещались, поскольку торговец исполь-

[287] *Сыроечковский В. Е.* Гости-сурожане. М.; Л., 1935.
[288] *Перхавко В. П.* Гости-сурожане // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 149—153.
[289] *Шаркова И. С.* Россия и Италия: Торговые отношения XV — первой четверти XVIII в. С. 25.
[290] Там же. С. 27—28.

зовал неконтролируемый и опасный путь и сам нес ответственность за потерю имущества[291].

Завоевание Казани (1552) и Астрахани (1556) открыло для России возможность контролировать и использовать Волжский торговый путь, связавший центральные районы страны с Каспийским морем. Это позволило также установить регулярные прямые торговые отношения России с ханствами Средней Азии, Азербайджаном[292] и Персией. С использованием Камского пути торговые московские люди смогли продвигаться в Сибирь, где главным товаром, пользовавшимся спросом на рынках Московского государства и у иностранных посредников, были меха. Вторая ветка торговых путей шла к Яику и далее в новые Бухарское и Хивинское ханства, Ташкент и Ургенч; эти связи были регулярными, но набор товаров был не очень широкий: из среднеазиатских государств в Московское царство везли различные ткани — зендени («занданачи» — хлопчатобумажная ткань, изготавливавшаяся в ремесленном местечке Зандани около Бухары), пестреди, «кушаки бумажные», а также шелк. В обратную сторону везли конскую сбрую, кожи, «щепье», деревянную посуду.

В новых сибирских городах — Таре, Тобольске, Тюмени — в силу особых условий (отдаленность от Москвы и основных торговых путей европейской части Московского государства) сложился свой режим торговли с бухарскими и иными среднеазиатскими купцами, временно нарушенный во второй четверти XVI в. и требовавший восстановления. Этому отвечали наказы и грамоты тарским воеводам конца XVI в. об открытии свободных торговых отношений между населением сибирских посадов и среднеазиатскими купцами — с той оговоркой, что им было запрещено вывозить из Сибири ножи и иные виды «заповедных товаров», преимущественно на тот момент состоявших из разного рода вооружения, но не включавших пока меха.

Центром восточной торговли России со второй половины XVI в. становится Астрахань, сюда прибывали и здесь держали дворы купцы из Бухары, Хивы, кызылбашские, гилянские, шемахинские, ногайские, армянские, турецкие и др. За счет казны здесь содержались Гилянский и Бухарский гостиные дворы[293]. Вместе с тем Волжский путь (особенно от Казани до Астрахани) был небезопасен. Для обеспечения безопасности военных и торговых караванов вблизи Переволоки и ниже по течению были срублены остроги, давшие начало таким городам, как Самара (1586), Царицын (1588) и Саратов (1590)[294].

Из Астрахани торговый путь шел по Каспийскому морю в Дербент и Шемах (столицу Шиванского ханства), откуда в Московское государство поступали шелк-сырец, шелковые и хлопчатобумажные ткани, москательные товары, пряности, транзитная нефть. Следующими пунктами были города Персии — Тебриз, Казвин, Кашан, Ормуз, где добывался самый крупный в мире жемчуг. Вторым маршрутом был путь в города Средней Азии: по северо-восточному берегу Каспия до Мангышлака, затем к озеру Сара-Камыш в Ургенч — столицу Хивинского ханства[295].

Основу российского экспорта в астраханской торговле составляли сырые и обработанные кожи (красная юфть), меха, воск, мед, деревянные ларцы и посуда, седла и

---

[291] *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. С. 199—200; *Фехнер М. В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. 2-е изд. М., 1956. С. 10—11, 15—18.

[292] Имеется в виду историко-географическая область на северо-западе Ирана, именуемая также Иранский, или Южный, Азербайджан.

[293] *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. С. 195.

[294] *Фехнер М. В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. С. 19—21.

[295] Там же. С. 22—40.

конская сбруя, хлеб и другие съестные припасы, зеркала, кошельки, моржовая кость («рыбий зуб»), музыкальные инструменты (накры, зурны, бубны), гвозди, ножи, топоры, сабли, рогатины, железные наконечники и древки стрел, кольчуги, серебряные московские кубки, стопы, ковши, золотые перстни, позолоченные рукомойники и лохани и др. Как можно заметить, в экспорте на восток преобладали товары отечественного ремесленного производства. К числу второстепенных экспортных товаров относились холст, полотно, крашенина, шерстяные и полотняные одежды (однорядки, кафтаны, тегиляи), слюда, зерно (пшеница, греча), мука, сало, масло. В состав товаров транзитной торговли входил и ряд изделий, привезенных из европейских стран: сукна, олово, свинец, медь, ртуть, стекло, писчая бумага[296].

Основу восточного импорта составляли шелковые и хлопчатобумажные ткани (бухарские бязи, миткали, зендени, киндяки, кисеи), шелк-сырец, свалянные шерстяные материи белого цвета, из которых делались красивые и хорошо защищавшие от дождя епанчи, кожи (сафьян), ковры, холодное оружие (сабли в ценной оправе, топоры, кинжалы, ножи), роскошные седла и конская упряжь, самоцветы, пряности и специи[297].

В первой половине XVI в. важной частью восточного направления торговли Московского государства являлись торговые операции с Ногайской Ордой, которые были начаты при Василии III. Исследователи отмечают устойчивый характер русско-ногайской торговли, постепенно растущую зависимость Ногайской Орды от русского экспорта[298]. Для Московского государства русско-ногайская торговля являлась экономическим инструментом решения политических вопросов, касавшихся связей и отношений с восточными соседями. Купцы были в составе ногайского посольства, прибывшего в Москву еще в конце XV в., но развитие торговли фиксируется только в начале следующего столетия. Регулярной она становится уже к 1530-м гг., когда вводятся также меры по регуляции этих отношений. Основной принцип, характерный для торговли Московского государства с западными партнерами, — свободное перемещение, складирование товаров — применяется и здесь[299]. Вместе с тем участившиеся нападения обеих сторон на караваны и украинные поселения привели к введению специальных мер. Одной из них стало учреждение должности «базарного воеводы», в обязанности которого входило пресечение любых контактов местного населения с ногаями, контроль за обстановкой на базаре, сыск в случаях преступлений, учет проданных товаров, а также взимание штрафов. «Базарные воеводы» следили за тем, чтобы не были нарушены правила торговли «заповедными товарами». Во всех случаях нарушений установленного торгового порядка воевода конфисковывал товар, а нарушителей отправлял в Посольский приказ[300].

До середины века основным пунктом российско-ногайской торговли была Москва, где торговыми местами, по-видимо-

[296] *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 1. М., 1952. С. 181; *Фехнер М. В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. С. 6, 43—44, 51—66.

[297] *Фехнер М. В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. С. 51—66.

[298] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. 2. Т. 4. М., 1989. Стб. 118—119; *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. 3. Т. 6. М., 1989. С. 466; *Бахрушин С. В.* Москва в период укрепления Русского централизованного государства XVI века // История Москвы. Т. 1: Период феодализма: XII—XVII вв. М., 1952. С. 171; *Назаров В. Д.* Российско-ногайская торговля (первая половина XVI века) // Восток. 1998. № 1. С. 48—64.

[299] *Моисеев М. В.* Русско-ногайская торговля в XVI столетии // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI—XIX вв.: Сборник материалов Второй международной научной конференции (Курск, 2009 г.). С. 34—38.

[300] Там же. С. 35.

му, становились территории размещения самих торговцев и их товаров. Чаще всего их ставили либо под деревней Пашнино, либо «на лугу» рядом с Симоновым монастырем, реже — в Наливках и Красном селе[301]. Завоевание Казани и Астрахани в середине 1550-х гг. позволило, кроме прочего, расширить число центров русско-ногайской торговли за счет этих традиционных для Ногайской Орды пунктов торговли. Важную роль как в западной, так и восточной торговле играли толмачи, обязательно присутствовавшие на торге, часто сопровождавшие караваны купцов.

В XVI в. сохраняется большая дробность пошлин с иноземных торговцев и их товаров. Пошлины, взимавшиеся с ногайских купцов, зависели от маршрута, которым те следовали. Так, в Москве взималась тамга на царя, в Рязани и Коломне — на коломенского, а во Владимире — на владимирского наместника. Если ногаи ехали через Касимов, тамгу взимали на царя и царевича, а также «на болшого князя на Ширинского». Особое право сбора пошлин за клеймение ногайских лошадей имел Троице-Сергиев монастырь[302]. Именно вопрос о размере пошлин становился предметом политического давления и манипулирования в политических отношениях с Ногайской Ордой. При этом общая таможенная политика Московского царства в XVI в. не предусматривала кардинальных перемен в организации сбора пошлин и их структуре. Как для внутренних, так и для внешних участников торговли основным инструментом регулирования в этом вопросе было введение льгот, которые действовали ограниченное время и были, по сути, именными. Так, в отношении ногайских торговцев льгот добивались отдельные представители правящей династии Ногайской Орды, от имени которых действовали ногайские купцы. Так, например, в июле 1558 г. самую значительную льготу получил Исмаил-бий, когда по причине голода в Ногайской Орде московский государь освободил ногаев от взимания «тамги и иных пошлин» на три года[303].

Самый древний путь из Ногайской Орды в Москву шел через Казань на Муром. Ногайские посольства, в число которых всегда обязательно входили торговцы, и торговые караваны в основном двигались через Мещеру или Рязанщину. В середине XVI в. основным направлением караванных путей становится «казанская» дорога: Самара — Казань — Нижний Новгород — Владимир — до Москвы или Переволока — вдоль Дона — устье Воронежа — Ряжск — Рязань — Москва. Возвращались ногаи чаще всего водным путем через Нижний Новгород и Казань на Астрахань[304]. Основным товаром ногайских купцов, приводимым на московские рынки, были лошади. Особое значение поставки ногайских лошадей приобрели после 1515 г., после того как крымские торговцы лошадьми переориентировались на турецкий рынок. Обычно ногайские кони стоили от полутора до пяти рублей[305], но цена аргамаков могла достигать даже двадцати и более рублей[306]. Самых лучших лошадей еще до торгов отбирали «на государя». Количество пригоняемых на рынки Московского государства ногайских лошадей не было стабильным. Самая крупная поставка в 40 000 коней была в 1555 г., но смута в Ногайской Орде середины века привела к экономическому упадку и, как следствие, к снижению оборотов торговли, в том числе лошадьми.

---

[301] *Моисеев М. В.* Русско-ногайская торговля в XVI столетии. С. 35.

[302] Там же. С. 36.

[303] Там же. С. 35—36.

[304] *Фехнер М. В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. С. 18—19, 45; *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2001. С. 526.

[305] *Назаров В. Д.* Российско-ногайская торговля (первая половина XVI века). С. 48—64.

[306] *Костомаров Н. И.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. С. 247.

Другими товарами ногайского экспорта были овцы, а также продукция животноводства — войлок, «кожи телятинные», топленое сливочное масло, шкуры. Особой популярностью у жителей Московского государства пользовались ногайские тулупы[307]. Еще одной статьей российско-ногайской торговли были пленные, захваченные в ходе Ливонской войны. Так, в 1561 г. упоминается просьба Исмаил-бия разрешить его представителю Бекчуре купить своим женам по «девке немецкой», а для себя бий хотел приобрести двух полонянок[308]. Работорговля находилась под контролем московского правительства, задачей которого было пресечение возможных случаев продажи в рабство под видом «немцев» жителей Московского государства.

Основным явлением внутреннего рынка Московского государства в XVI в. становится расширение масштабов торгового обмена. Этому способствовал рост количества городов и их населения, развитие промыслов и ремесленного производства, устранение внутренних рисков в ходе объединения земель, начавшаяся унификация (деньги, таможни, меры), контроль над Волжским торговым путем, создание Сухоно-Двинского и Беломорского путей. В операции товарного обмена вовлекаются разные слои населения — от крестьянства до духовенства.

В XVI в. одной из наиболее развитых сфер становится торговля солью и хлебом. О росте хлебного рынка свидетельствует положительная динамика цен на разные виды хлеба, которые, по подсчетам А. Г. Манькова, выросли за век в четыре—четыре с половиной раза[309]. Большие объемы товарного хлеба отмечал английский путешественник Ричард Ченслор. Он пишет о большом количестве саней с хлебом и рыбой, едущих с севера в Москву, а также из Москвы в нехлеборобные районы Поморья (700—800 в день)[310]. В этой торговле участвовали и монастыри. О деловой активности монастырей писали иностранцы: А. Дженкинсон в 1557 г. был впечатлен торговлей, которую вели монахи Троице-Сергиевого монастыря, Дж. Флетчер также считал монахов самыми оборотистыми купцами в России[311].

Вторым товаром, в торговлю которым оказались вовлечены различные слои населения, была соль[312]. Она была необходима (и в больших количествах) для запаса продуктов на зиму, поскольку засолка являлась почти единственным способом консервации мяса, рыбы, грибов и овощей. В первой половине столетия главным торговым путем для перевозки северной соли в центральные и южные районы являлся Онежский водный путь с перевалочными пунктами Турчасовым и Каргополем, а также системой волоков в районе белозерских сел Короткое, Пидьма и Крохино[313]. В первой половине XVI в. великокняжеское, а затем и царское правительство Московского государства заметно поощряло развитие соледобычи в новых регионах, расположенных

---

[307] *Моисеев М. В.* Русско-ногайская торговля в XVI столетии. С. 37.

[308] Там же.

[309] *Маньков А. Г.* Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.; Л. 1951. С. 25—41, 104, табл. 1.

[310] Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. С. 56.

[311] *Флетчер Дж.* О государстве Русском. СПб., 1906. С. 100; *Кашин В. Н.* Торговля и торговый капитал в Московском государстве. Л., 1926. С. 61—63.

[312] *Демкин А. В.* Промышленность и торговля Русского государства в XVI—XVII вв. // Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 года: Памяти профессора А. А. Преображенского / Отв. ред. А. В. Семенова. М., 2007. С. 90—91.

[313] *Французова Е. Б.* Торговля солью в Вологде в XVI в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI—XVIII вв.: Сборник материалов международной научной конференции. СПб., 2001. С. 20.

на северных речных путях. Так, широко раздавались грамоты на владение варницами и их долями в молодом тогда поселке Соль Вычегодская[314], с которым окажется впоследствии связана известная своим размахом торговли династия Строгановых. Осевшая здесь ветвь этой семьи, идущая от Аники Строганова, смогла создать огромную разветвленную коммерческо-производственную структуру, которую по масштабам и характеру деятельности вполне можно сравнить с позднейшими купеческими компаниями. Главным направлением деятельности этой ветви Строгановых стало именно солеварение. Позднее Строгановы расширили ареал солеваренного дела до Перми на Урале и Колы на Белом море.

Во второй половине XVI в. торговые потоки и сами центры солеварения переместились восточнее, центрами торговли солью и хлебом стали Вологда и Нижний Новгород, расположенные на трассе двух крупнейших водных путей — Сухоно-Двинском и Волжском. К перемещению торговых путей привело в том числе запустение соляных промыслов в Западном Поморье и на северо-западе, вызванное фискальными правежами 1560—1570-х гг., моровым поветрием и разорением территории в ходе войн[315]. Другим фактором, способствовавшим подъему солеваренного дела в северо-восточных районах и торговли по Сухоно-Двинскому пути, стало развитие промыслового хозяйства северных монастырей (Соловецкий, Антониево-Сийский, Корнильев, Спасо-Прилуцкий, Николо-Корельский, Троице-Сергиев) как результат завершения монастырской колонизации этого края. Монастыри получили грамоты на беспошлинный провоз соли из Холмогор до Вологды. Так, в 1534 г. Спасо-Прилуцкий монастырь получил право на провоз 7000 пудов соли в одном насаде, а позднее расширил это право до 14 тыс. пудов[316]. Соловецкому монастырю в 1540-е гг. было выдано подтверждение права на провоз 10 тыс. пудов соли[317]. К концу столетия монастыри приобрели путем покупки и пожалований от государя значительную часть варниц у промысловых северных крестьян и посадских людей, выстроили транспортную сеть, обеспечивавшую регулярные поставки крупных партий соли на Вологодский рынок, а также установили прочные связи с сетью оптовых перекупщиков, отправлявших соль из Вологды на центральные рынки Московского государства. Определенную конкуренцию торговой деятельности монастырей и архиепископских кафедр, также включившихся к концу столетия в выгодную торговлю, составляли крупные светские участники соляного рынка: Строгановы, Булгаковы, Юдины. Тем не менее, кроме сольвычегодской ветви Строгановых, они не могли соперничать с монастырским производством соли и ее продажей. По подсчетам А. А. Савича, в 1599/1600 г. Соловецкий монастырь поставил в Вологду около 95 тыс. пудов соли[318] как своей выварки, так и перекупленной у мелких производителей Поморья, для которых транспортировка представляла большие издержки, чем, обладая большими возможностями и льготами, широко пользовались монастыри.

Понизовое Поволжье обеспечивалось солью в основном за счет собственных ресурсов. Астраханские соляные промыслы занимали ведущее место на юго-востоке

---

[314] *Введенский А. А.* Дом Строгановых в XVI—XVII веках. М., 1962. С. 18—22.

[315] *Французова Е. Б.* Торговля солью в Вологде в XVI в. С. 21—22.

[316] ГАВО. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 4.

[317] *Досифей, архим.* Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря. Т. 3. М., 1836. С. 6—9.

[318] *Савич А. А.* Соловецкая вотчина в XV—XVII вв. Пермь, 1927. С. 147—148.

европейской части России во второй половине XVI — XVII в. Одновременно этот регион являлся одним из крупнейших поставщиков данного продукта в центральные районы России. Через него шли потоки товарной соли, направленные прежде всего в сторону Казани и Нижнего Новгорода. Расположение основных соляных месторождений Понизового Поволжья совпадало с районами организации рыбных промыслов. Местное население и иногородние промышленники сами занимались добычей соли или закупали ее у производителей[319].

Помимо монастырей, сыгравших важную роль в развитии торговли, крупной фигурой становится предприниматель, торгующий товарами массового спроса и для этого подчиняющий себе их производство. На примере дома Строгановых можно проследить, как создавалась обширная сеть таких ранних «компаний»: начав с удачного приобретения солеварен в Соли Вычегодской, где Строгановы постепенно заняли позицию монополистов, скупив мелкие доли местных производителей, представители этой семьи включили в свою систему торговли новые виды товаров — от ориентированных на экспорт и местную элиту (торговля сибирской пушниной, которую выгодно обменивали на дешевые ткани, колокольцы и другие товары у автохтонного сибирского населения) до товаров массового спроса, который начал формироваться у населения растущих посадов и торговых поселений: соль, дешевые сукна, недорогое железо и ряд других[320].

Общим центром всей русской внутренней и внешней торговли в XVI в. становится Москва. Сюда стекались товары со всех других направлений, здесь устраивались ярмарки, действовал постоянный торг. Самым удобным временем для доставки товаров гужевым транспортом в Москву, не связанной напрямую с удобными водными путями, были зимние месяцы. Санный путь действовал в среднем с середины—конца ноября по середину—конец марта. В другое время состояние дорог в России было таковым, что свободно проехать по ним тяжелым возам не представлялось возможным. Казна оставляла за собой право осмотра привезенных товаров до начала торгов и отбора лучшего товара в казну «на государя». В первой половине XVI в. это отчасти объясняло стремление иноземцев ездить через Новгород, в котором данное правило, по-видимому, практически не соблюдалось[321].

Первоначально основным местом, где проходила торговля в Москве, была территория Красной площади и примыкавших к ней улиц. Специализированные ряды, в которых торговали определенным товаром (суконный, иконный, сапожный, серебряный, кафтанный и т. д.), располагались перед Кремлем и далее по Никольской улице, Варварке, Ильинке. Самым богатым и красочным был сурожский ряд, в котором торговали дорогими иноземными товарами (шелковыми тканями и др.). По Великой улице эта территория соединялась с пристанями на реке. Зимой торговые ряды ставились на льду Москвы-реки. Обнесение района между Москвой-рекой и Неглинной стенами привело к возникновению Большого посада, позднее превратившегося в Китай-город. Здесь же находились Гостиный и Купецкий дворы для приезжих купцов, а неподалеку от них — Устюжский,

[319] *Дубман Э. Л.* Рынки соли промыслов понизового Поволжья в конце XVI — XVII вв. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI—XIX вв.: Сборник материалов Третьей международной научной конференции (г. Коломна, 24—26 сентября 2013 г.). Т. 1: XVI—XVIII вв. Коломна, 2015. С. 116—117.

[320] *Введенский А. А.* Дом Строгановых в XVI—XVII веках. С. 25—40.

[321] *Костомаров Н.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. С. 5.

Английский, Армянский и Литовский гостиные дворы[322].

В XVI в. изменения в структуре торговли, а также влияние внешних и внутренних факторов могло приводить к изменению положения и роли некоторых старых центров торговли. Одной из самых богатых и широко известных в первой половине XVI в. была ярмарка Холопьего городка, недалеко от впадения реки Мологи в Волгу. С. Герберштейн, посещавший Россию в 1517 и 1526 гг., отмечал, что это была самая многолюдная ярмарка «изо всех существующих во владении московского государя», куда съезжались иноземные торговцы из европейских стран (Швеции, Ливонии), русские, татары и другие торговые иноземцы из восточных стран. Здесь находилась таможня, взимались тамга, мыт и другие пошлины. Позднее, с 1560 г., торг был перенесен в село Весь Егонская, которое принадлежало Симонову монастырю[323].

В первой половине XVI в. Новгород и Псков продолжали оставаться главными «порубежными» городами Московского государства, через которые шел поток товаров из Ливонии, Литвы, ганзейских городов, Швеции. На Торговой стороне Новгорода располагались гостиные дворы иноземцев, склады, лавки (до 1800 лавок в доопричный период). Хлебная торговля проходила на Хлебной горке, где продавали калачи и другой выпечной хлеб. В Пскове торговля была организована на Большом торгу, где находилось более 1400 лавок, а также специализированные соляной и льняной, московский и тверской гостиные дворы.

Ливонская война (1558—1583), запустение земель, мор и опричные погромы нанесли торговле Новгорода, Пскова и в целом северо-западу России большой урон. Косвенно о нем свидетельствует тот факт, что большая часть дорог в Новгородско-Псковской земле оказалась к 1580-м гг. в запущенном состоянии[324]. Лишь в самом конце XVI — начале XVII в. наметился новый подъем новгородской торговли. В этих условиях важным фактором подъема новых торговых центров становится перемещение товарных потоков из Балтийского региона и новгородско-псковских земель на север и северо-восток России.

На Русском Севере в удельную эпоху сложились свои центры торговли. Одним из перевалочных пунктов между Новгородом, Поморьем и северо-восточными землями, а также местом ярмарок было Белоозеро. Сюда традиционно, еще с XV в., приезжали купцы из Твери, Новгорода, Каргополя, Вологды и других городов, а также из окрестных монастырей, имевших в то время значительные обороты и пользовавшихся торговыми льготами. Одним из основных товаров была беломорская соль, привозимая сюда по Онежскому пути. Климатические особенности Белозерья и скудные почвы не способствовали созданию здесь товарного земледелия, поэтому после перемещения центров пушной торговли в северо-восточные районы России население Белозерья стало развивать промысловую деятельность, используя богатые водные ресурсы, прежде всего рыболовство. Рыба из Белоозера стала известным товаром не только в ближайшей округе, ее привозили на торги в Вологду, Москву, закупали удаленные от Белозерья монастыри, чья потребность в рыбных продуктах была существенной. Для гостей из Московской, Тверской и Новгородской земель Белозерье становилось конечным пунктом назначения их торговых экспедиций. Близость речных путей позволяла совершать переезды и приводить сюда тяжелые грузы как летом по

[322] История предпринимательства в России. Кн. 1: От средневековья до середины XIX века. М., 2000. С. 84.

[323] *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 1. С. 355.

[324] РИБ. Т. 22: Дела Тайного Приказа. Кн. 2. СПб., 1908. Стб. 78.

Шексне (из Москвы и Твери), Ковже, Белому озеру, через Бадожский волок (из Новгорода), так и зимой санным путем. Наличие в Волоке Словенском таможни предполагает, что этим путем следовали гости из Устюга и Вологды. Соседствующий с Белоозером череповецкий Воскресенский монастырь ранее имел определенные привилегии во взимании здесь торговых пошлин, но в первой четверти XVI в. эти льготы были отменены и компенсированы выдачей монастырю 50 руб. за померное (пошлина за проведение операций по измерению товаров)[325]. В дальнейшем позиции посадского населения Белоозера были укреплены выводом за пределы города монастырских слобод и запретом монастырской торговли в его пределах, а также «за озером»[326], где производились преимущественно рыбные торги. Монастыри Белозерья тем не менее активно включались в промысловую и торговую деятельность. Так, хорошо известны черные кирилловские сукна (вырабатывались в мастерских Кирилло-Белозерского монастыря), соленая и свежая рыба, транзитная торговля солью.

Среди городов, связанных с Волжским бассейном и торговлей по Волжскому пути, до середины XVI в. важную позицию занимал открывавший этот путь город Дмитров, известный своей соляной, рыбной и хлебной торговлей. В городе имели дворы те купцы, которые были заняты в восточной торговле, ведущейся через Каспий и Волгу[327]. Крупнейшими торговыми центрами этого региона являлись также Ярославль, Нижний Новгород и Балахна. Развитие животноводства в районе Ярославля сформировало структуру товаров, которые здесь можно было купить: кожи, животное сало, а также хлеб и воск. Можно заметить, что воск и мед, в более раннее время перечисляемые в документах как продукты одного промысла (бортничество) обычно вместе, в XVI в. составляют разные товарные потоки. На внутреннем рынке воск предназначался для делопроизводства (восковые печати), которое существенно увеличилось в эту эпоху, а также запечатывания товаров и сканья[328] церковных свеч, поскольку сальные свечи не позволялось использовать во время церковных служб. Рост количества монастырей и церквей к XVI в. был, по-видимому, еще одной причиной популярности данного товара. Что касается меда, то в условиях начинавшегося периода похолодания производительность северных пчел и качество их меда значительно сокращались, что было обусловлено их биологическим циклом. Мед, привозимый на торги, был скорее всего южного происхождения[329].

В ряде случаев появление новых торговых центров и перенаправление торговых потоков становились результатом политических манипуляций московских властей. Еще при Василии III, который стремился ослабить Казань путем подрыва ее роли как крупного центра восточной торговли, был введен запрет московским купцам ездить на казанскую ярмарку, привлекавшую купцов из Персии, Средней Азии, Азербайджана.

---

[325] *Грязнов А.Л.* Торговля на Белоозере по актам XV—XVI вв. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI—XIX вв.: Сборник материалов Четвертой международной конференции (Нижний Новгород, 28—30 сентября 2017 г.). Н. Новгород, 2018. С. 23.

[326] Там же. С. 27.

[327] *Костомаров Н.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. С. 5; *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. С. 195.

[328] Термин, обозначавший процесс производства сальных и восковых свеч путем скатыванья исходного материала.

[329] Рынок воска в России в настоящее время всерьез не подвергался изучению, в качестве сравнительного материала см.: *Sapoznik A.* Bees in the Medieval Economy: Religious Observance and the Production, Trade and Consumption of Wax in England, c. 1300—1555 // Economic History Review. 2019. Vol. 72 (4). P. 1152—1174.

В результате была организована ярмарка в Нижнем Новгороде — будущая знаменитая Макарьевская. Соответственно позиции Нижнего Новгорода в Поволжье резко усилились, он стал привлекателен для богатого русского и иноземного купечества.

Опричное разорение Новгорода, вывод из него во внутренние города наиболее процветавших купеческих семей, запустение северо-запада в ходе затяжной Ливонской войны привели к тому, что роль главного центра торговли на севере во второй половине XVI в. перехватила быстро развивавшаяся Вологда. Именно отсюда начинался Сухоно-Двинской торговый речной путь, связавший центральные регионы страны с важным торговым пунктом на Русском Севере Холмогорами, а затем с Архангельском. Вдоль этого пути располагались быстро развивавшиеся благодаря торговле Великий Устюг, Тотьма, Соль Вычегодская, Яренск и Усть-Сысольск. Через Вологду проходили и сухопутные пути, важнейшим из которых был Московский тракт, проложенный через Ярославль, Ростов Великий, Переславль. Дорога на Кострому и другие города Верхнего Поволжья связывала Северный речной путь с Волжским. Наконец, Вологда имела давние связи и пути сообщения с Белоозером, Каргополем, Важским уездом[330], где регулярно проходила ярмарочная торговля. По санному пути, открывавшемуся здесь со второй половины ноября, а иногда и ранее, сюда привозили товары из Москвы, Ярославля и Костромы. Вдоль реки находилось большое количество складов, где товары лежали до половодья. С наступлением навигации в середине—второй половине апреля начинались их нагрузка в дощаники и насады и отправка до Холмогор. Обыкновенная плата за провоз с пуда была 15 коп.[331]

Важность Вологды как центра пересечения различных торговых путей Московского государства была быстро понята агентами английской Московской компании. Кроме того, англичане обратили внимание на высокое качество льна, выращиваемого в этом крае. Итогом стало создание ими канатного двора, имевшего функцию опорного пункта компании. Наряду со льном преобладающими товарами на вологодском рынке являлись хлеб, воск, пенька и сало.

Вторым крупным центром, расположенным на Сухоно-Двинском пути, являлся Великий Устюг. Здесь пересекались также сухопутные волоковые пути к Камню (Уральским горам) и далее в Сибирь, во второй половине столетия ставшую главным регионом, откуда поставлялось «мягкое русское золото» — роскошные меха. В Великий Устюг съезжались купцы и промысловики из Пермской, Печорской, Угорской и других отдаленных северных областей. Еще одним важным пунктом в оптовой торговле мехами стали Холмогоры, куда на Никольскую ярмарку на оленях из Печоры, Пинеги, Лампожни и Пустозерска привозили собольи, куньи, лисьи белые, черные и рыжие, заячьи и горностаевые меха. Холмогоры являлись также конечным торговым пунктом Сухоно-Двинского пути. Отсюда товары северных промыслов, тюлений и моржовый жир, соль, семга, треска и т. д. поступали в Новгород, Вологду, Москву и другие города страны. В Новгороде их скупали нидерландские и ливонские купцы, ставшие посредниками в реализации этих товаров в европейских странах. Для территории Поморья Холмогоры были важны как центр поступления необходимого продовольствия, прежде всего хлеба, а также продуктов животноводства. Обычным набором товаров, привозимых сюда из Вологды, были рожь, мука ржаная и пшеничная, овес, солод, крупы, толокно, мясо свиное, хмель, горох, мед, патока, а также пенька и лен. В Холмогорах, так же как и в Вологде,

[330] Таможенная книга города Вологды 1634—1635 гг. / Сост. Е. Б. Французова. М., 1983. С. 4.

[331] *Костомаров Н.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. С. 81.

основывали свои торговые дворы и склады участники торговли — северные монастыри, купеческие товарищества, иноземные торговцы. Заинтересованные в русском экспорте англичане добились разрешения устроить канатные дворы и склады в обоих конечных пунктах Сухоно-Двинского пути — в Холмогорах и Вологде[332].

Развитие внешнеторговых операций создавало большой спрос у иноземных купцов на специфические русские товары — пушнину, ворвань, моржовую кость, оленьи шкуры. В обменные операции включалось местное промысловое население северных районов, начинавших специализироваться на поставке тех или иных популярных товаров в обмен на привозимые хлеб, сукно, медную и оловянную посуду и другие необходимые предметы. Большой известностью в XVI в. пользовалась проводимая два раза в год ярмарка в селе Лампожня (Лампас), недалеко от впадения реки Мезень в Белое море[333]. Долгое время сюда из всех иноземцев проникали лишь агенты английской Московской компании, пользовавшиеся преимуществом отсутствия конкурентов в столь удаленных районах России.

Рост товарообменных операций на внутреннем пространстве Московского государства в XVI в. способствовал формированию в России системы основных сухопутных и водных путей сообщения. Водный транспорт имел преимущества перед сухопутными перевозками. Грузоподъемность речных и прибрежных морских судов в разы превышала возможности гужевого транспорта, что покрывало издержки на провоз товара таким способом. Важную роль в развитии торговых связей как внутри страны, так со второй половины XVI в. для провоза товаров европейской торговли, поступавших по Северному морскому пути, стала играть Сухоно-Двинская речная система. Для южных районов страны и связей с востоком подобную роль стал выполнять Волжский речной путь. Вместе с тем многие реки России не могли полностью использоваться в течение всего времени навигации из-за мелководья. Тяжело нагруженные суда должны были успевать пройти во время подъема воды в весеннее половодье[334].

В среднем путь от Вологды до Холмогор занимал от 20 до 30 дней. Отрезок пути до Тотьмы вниз по течению занимал примерно 5—7 дней, столько же дней плыли вниз от Тотьмы до Устюга. Дальнейшее продолжение пути или остановка зависели, вероятно, от ситуации на Двине: при условии, что река очистилась ото льда, можно было продолжать путь, в противном случае суда могли задержаться в Устюге на несколько дней. Суровые климатические условия и скудость почв не позволяли в условиях хозяйства XVI в. северным районам страны полностью обеспечивать себя необходимыми запасами продовольствия. Освоение и развитие этих территорий были возможны при условии обмена продукцией различных северных промыслов (морских, солеваренных, рыбных) на хлеб и крупы, а также на мед, воск, деготь, пеньку, производимые хозяйствами южнее расположенных регионов. Вопрос грузоподъемности используемых на речных перевозках в XVI—XVII вв. судов остается спорным, так как в источниках указан вес груза (обычно соль или хлеб), но следует учитывать тот факт, что суда могли нагружаться не полностью. В. В. Брызгалов предположил, что используемые при речных перевозках дощаники (плоскодонные

---

[332] *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. С. 196, 214; *Любименко И. И.* История торговых отношений России с Англией: XVI в. С. 84.

[333] *Костомаров Н. И.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. С. 8; *Гамель И. Х.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях. Ст. 2. С. 39—40.

[334] Историческая география России IX — начала XX века: Территория. Население. Экономика: Очерки. М., 2013. С. 173—174.

суда с палубой или полупалубой, имеющие парус) делились на малые (грузоподъемностью примерно 1200 пудов) и большие (2300 пудов) так называемые дощанички[335]. Если посчитать степень нагрузки судов другого типа, насадов, то по данным конца XVI — начала XVII в., полученным из хозяйственных книг Спасо-Прилуцкого монастыря, от Вологды их нагружали более чем 1000 четями разного хлеба и круп, что при принятой тогда вологодской шестипудовой четверти составит более 6000 пудов[336].

Меньшая загруженность судов, идущих в обратный путь, могла иметь вполне резонные основания: суда шли вверх по рекам за счет тягловой силы нанятых для этого работников — осначих, а не за счет течения рек. Кроме того, впереди на Сухоне имелось несколько сложных для прохождения мест, а вода к тому времени, когда начинался обратный ход, была уже не самой большой, и слишком глубокая осадка могла привести к аварии, что иногда и случалось.

Еще одним видом судов, используемых для крупных перевозок, были лодьи. Они были необходимы для доставки в Холмогоры соли, вываренной в усольях, расположенных вдоль побережья Белого моря. Этот путь проходил вдоль Летнего берега Белого моря, позднее мимо Архангельска и далее вверх по Северной Двине. Известны лодьи малые (грузоподъемностью 2100—2300 пудов) и большие (2700 —2800 пудов)[337].

Пришедшие к Холмогорам суда с грузом торговые люди стремились отправить как можно скорее назад, нагрузив их купленной солью и иными товарами. Тем самым торговцы избегали простоя команды и дополнительных издержек. По завершении поездки после выноски соли насады как недолговечные суда, по-видимому, разбирали на доски, а дощаники, чей срок использования был дольше, чистили, смолили и конопатили. Постепенно вдоль речных и морских торговых путей складывались центры судостроения (например, с конца XVI в. был хорошо известен Шуйский городок на Сухоне, недалеко от усолья Уна на побережье Белого моря) и другие места, где находились верфи, владельцам которых торговцы заказывали суда.

В торговые операции в Московском государстве были вовлечены различные слои населения помимо собственно купечества. Продукцию своего домохозяйства продавали, в том числе для уплаты денежных налогов, крестьяне. Как агенты монастырей или бояр действовали служки, мелкие сыновья боярские. Предлагали свои услуги и продавали продукцию ремесла казаки, стрельцы. Некоторые крестьяне, особенно промыслового Севера, полностью порывали с сельским хозяйством и вливались в купеческую среду. Значительную роль начала играть посредническая торговля, хотя ее формы были существенно примитивнее тех, которые можно было наблюдать среди европейских торговцев. Так, распространение получили скупка и дальнейшая (иногда многоходовая) перепродажа, в ходе которой стоимость товара возрастала на несколько пунктов. Первоначально специализацией скупщиков была продукция сельского хозяйства, но постепенное развитие промыслов и ремесел и их специализация, а также рост числа городских жителей, сильнее

---

[335] *Брызгалов В. В.* Транспортировка соли из поморских усолий в Холмогоры в середине XVII века // Краеведение и краеведы: Материалы научной конференции, посвященной 105-летию со дня рождения К. П Гемп. СПб.; Архангельск, 2000. С. 134.

[336] Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря: 1574—1600 гг. Вып. 1. М.; Л., 1979. С. 220—221.

[337] *Брызгалов В. В.* Транспортировка соли из поморских усолий в Холмогоры в середине XVII века; *Гуслистова А. Н.* Торговый речной флот вологжан в начальный период Петровских реформ // Историческое краеведение и архивы: Материалы межрегиональной научной конференции. Вып. 11. Вологда, 2004. С. 92—100; *Филин П. А.* Судостроение Соловецкого монастыря: Лодья «Преподобный Зосима». М., 2004.

зависящих от предложений рынка, стимулировали скупку соли, железа и ремесленных товаров. Формы предпринимательской деятельности становятся более сложными, распространение получает складничество, известное, впрочем, и ранее. Появившиеся богатые купцы обладали крупными торговыми предприятиями и действовали через многочисленных агентов-приказчиков (примером удачного развития такой деятельности является клан Строгановых). Но складничество, даже при объединении крупных денежных капиталов, не было тождественно коммерческим компаниям, с деятельностью которых русское купечество могло познакомиться, взаимодействуя с голландцами или англичанами. По сути, складничество — это простое объединение вкладов в предприятие, дающее право на долю (пай, выть) в прибыли, но также влекущее полную ответственность в случае неудачи коммерции, вплоть до «продажи» личного имущества и «ответа головой» для покрытия суммы издержек. Отсюда происходила большая неустойчивость московских торговых объединений, и, по-видимому, это объясняет излишний консерватизм русских торговцев, которые не были готовы к большим экономическим рискам.

Развитие торговых связей и увеличение оборотов торговли наталкивались на ряд трудностей, таких как большое разнообразие мер и весов, существовавших на всей территории Московского государства. Например, главная мера веса зернового хлеба — четверть, представлявшая собой большую деревянную емкость, окованную сверху железом во избежание изменения ее величины, не была одинаковой в Москве, на Двине, в Устюге Великом и колебалась от четырех до восьми пудов (пуд равнялся 16,3 кг). В ряде районов существовали свои собственные меры объема и веса. Это приводило к необходимости перевешивать и перемерять товар по прибытии в пункт его сбыта. Мерные операции осуществлялись при таможне, где за них брали особые пошлины — померное, весчее. Запись принятого таможенниками товара в книги также облагалась пошлиной (писчее), за провоз товара без торговли (транзит) следовала уплата проезжего или проплавного (если путь был водный), береговая пошлина уплачивалась за право пристать к берегу для выгрузки-погрузки товаров; кроме того, взимались пошлины за использование складов, услуги носильщиков и т. п. Но основной пошлиной была тамга — собственно налог на продаваемый товар. В случае отвоза непроданного товара далее могло быть выдано свидетельство об уплате пошлины в первом пункте (впрочем, такая практика становится обязательной только в XVII в.). Особой пошлиной было «пятно» — сбор за обязательное клеймение лошадей и скота. Причем при выявлении случаев уклонения от «пятнания» (соответственно и от уплаты пошлины) на виновного налагался штраф. Штрафы полагались и в случае иных уклонений от таможенных пошлин. В XVI в. пошлины брались преимущественно с количества определенного товара, а не с его стоимости.

Сбор пошлин и контроль за ходом торговых операций возлагались на выборных таможенных голов и целовальников вместо прежних великокняжеских наместников-кормленщиков. С конца XV в. происходит распространение системы передачи этих служб на откуп. Обычно по выбору общины посада ими становились зажиточные горожане, купцы. Но это было тяжелой обязанностью, связанной с отсутствием в Московском государстве представлений о различии физического и юридического лица. Традиционно выполнение обязанностей, а также любая финансовая ответственность были сопряжены с опасностью разорения и даже «продажи» самого ответчика «за долг», поскольку считалось, что лицо отвечает всем, что у него есть, включая самого себя. Распространенное к тому времени понятие европейского права о юридическом лице, которое отвечает лишь в установлен-

ном объеме (кроме случаев кредитования), приводило к частым разорениям торговцев и вообще лиц, в той или иной мере связанных с деньгами. Так, в случае обнаружения недостачи в таможне головы и целовальники должны были выплачивать ее из личных средств. В итоге целовальников выбирали по очереди из разных семейных кланов[338]. С другой стороны, при умелом ведении дел это открывало широкие возможности для увеличения капитала, создания связей в торговом мире. Тем не менее к 1550-м гг. посадские жители были недовольны действиями откупщиков, что привело к отмене откупов. Раньше всего это произошло на черносошном Севере, и сбор торговых пошлин был передан в руки представителей волостных и посадских общин, которые теперь должны были выбирать целовальников без передачи им таможен на откуп. В середине—второй половине XVI в. возникает институт таможенных голов: обычно их назначали из привилегированного купечества (гости, Суконная сотня, Гостиная сотня)[339].

Обложение торговых иноземцев состояло из уплаты основной торговой пошлины — тамги (во второй половине XVI в. обычно составляла четыре деньги с рубля), а также в зависимости от способа транспортировки и вида товара уплачивалось осмничее, весчее, рукознобное, судовое и пр.[340]

С середины XVI в. началось постепенное лишение монастырей торговых привилегий на сбор пошлин, появился запрет жить в монастырских городских дворах посадским торговым людям — они приравнивались в уплате пошлин к остальному посаду[341]. В 1551 г. произошел пересмотр тарханных грамот: Троице-Сергиев монастырь и ряд иных монастырей[342] утратили право не уплачивать проезжих и торговых пошлин (мыт, тамга и пр.); Симонов, Николо-Песношский и другие монастыри утратили право беспошлинной торговли на товары сверх объема, необходимого «на обиход» самой обители[343]. В 1581—1584 гг. произошла отмена тарханов, монастыри совсем лишились податных льгот[344].

В XVI в. постепенное формирование единого экономического пространства Русского государства вело к развитию путей сообщения, создавало более оживленные и устойчивые связи между отдельными областями страны; оно также сопровождалось ростом товарооборота, укреплением торговых связей с Европой и восточными странами. Менялась номенклатура привозных и вывозных товаров. Острой оставалась проблема монетного обеспечения торговых операций и административных потребностей государственной власти: нуждаясь в привозном серебре, Россия стремилась иметь активный внешнеторговый баланс. Велика была доля привозного серебра,

---

[338] *Копанев А. И.* Новгородские таможенные целовальники 70—80-х годов XVI в. // Исследования по социально-политической истории России. Вып. 12. Л., 1971. С. 142—151.

[339] *Флоря Б. Н.* Сбор торговых пошлин и посадское население в Русском государстве (конец XV — начало XVII в.) // Исторические записки. Т. 118. М., 1990. С. 330—345. Б. Н. Флоря полагает, что институт таможенных голов возник не ранее последней трети столетия, но данную точку зрения оспаривает С. Н. Кистерев; см.: *Кистерев С. Н.* Возникновение института таможенных голов // Вестник Альянс-Архео. 2015. № 8. С. 3—11.

[340] *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. С. 195, 213—214.

[341] Российское законодательство X—XX веков. Т. 2. М., 1985. С. 119.

[342] *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. С. 215—239.

[343] *Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. С. 145—149; *Тихонов Ю. А.* Таможенная политика Русского государства от середины XVI в. до 60-х годов XVII в. // Исторические записки. Т. 53. М., 1955. С. 258—276.

[344] *Колычева Е. И.* Аграрный строй России XVI века. С. 142—155.

которое поступало в монетный передел, принося казне дополнительную прибыль. Одним из инструментов увеличения доходов казны были поступления от таможенной деятельности, в связи с чем усилился контроль за регулярным сбором таможенных пошлин, упразднялись иммунитетные преимущества монастырей как наследие удельного периода. Вторым инструментом денежных поступлений в казну была монополия на торговлю определенными видами товаров, которыми имели право торговать только сам царь и казна. К ним в разное время относились хлеб, пенька, поташ, икра, шелк-сырец, лес, воск и т. д. Монополия могла быть как постоянной, долговременной, так и кратковременной (на период закупки и продажи товара казной).

Налогообложение

Государственная казна XVI в. формировалась за счет прямых, косвенных и экстраординарных налогов. Уплата прямых налогов и несение государственных повинностей возлагались на тяглецов, крестьянское и посадское население. От уплаты части налогов освобождались крупные землевладельцы, прежде всего монастыри. Финансовые привилегии закреплялись тарханными, тарханно-оброчными и обельными грамотами[345]. В городах в обложение не были включены отдельные категории населения, в том числе несущие государевы «службы», и привилегированное купечество[346].

В качестве главной единицы обложения выступала соха, служившая, как отмечает Е. И. Колычева, «своего рода показателем податного состояния тех или иных слоев населения»[347]. До середины XVI в. соха не была унифицирована, т. е. в разных уездах она включала неодинаковое число крестьянских дворов и различное количество пашенных земель. Отдельные крестьянские дворы облагались обжами[348] и вытями[349]. На новгородских землях в конце XV — начале XVI в. соха включала три обжи. Новгородцы в 1478 г. (год присоединения Новгорода к Москве) на вопрос Ивана III, «что их соха», отвечали: «Три обжи

[345] О податном иммунитете и выдаче тарханных грамот отдельным землевладельцам см.: *Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. С. 28—29, 61—108. Начиная с середины XVI в. российское правительство идет на ограничение финансовых привилегий (Там же. С. 111—162).

[346] В городах от государевых податей помимо белых монастырских слобод и дворов освобождались дворы: воеводские, приказных людей, казенные (таможенные, кабацкие, житничные, зелейные и др.), служилых людей «по прибору» (стрельцов, пушкарей, затипщиков, воротников, казенных кузнецов), ямщиков, уездных дворян и детей боярских, «лучших людей», приписанных к Гостиной и Суконной сотням. Из посадского тягла также исключались дворы нищих и убогих «вдовиц». См.: *Веселовский С. Б.* Сошное письмо: Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т. 2. М., 1916. С. 232, 283, 336; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. № 20. С. 44 (1556/57 г. — Указ об освобождении ямщиков от податей и повинностей).

[347] *Колычева Е. И.* Аграрный строй России XVI века. С. 7. О бытовании сохи в качестве окладной единицы для государственных налогов и повинностей во второй половине XV в. см.: Там же. С. 7—9.

[348] Подробно о происхождении обжи как единицы обложения и раскладки, ее бытовании в новгородских пятинах см.: *Степанова Л. Г.* Новгородское крестьянство на рубеже XV—XVI столетий (уровень развития хозяйства). М., 2004. С. 58—63.

[349] Выть наряду с обжой широко бытовала на вотчинных, черносошных и дворцовых землях. Происхождение выти как налоговой единицы и ее трансформация в отдельных регионах на протяжении XVI в. подробно рассмотрены: *Шапиро А. Л., Дмитриева З. В.* Выть — единица обложения в Русском государстве XIV—XVII вв. // Средневековая Русь: Сборник научных статей к 65-летию со дня рождения профессора Р. Г. Скрынникова. СПб., 1995.

соха, а обжа один человек на одной лошади орет, а кто на трех лошадех сам третей орет, ино то соха»[350]. Таким образом, на территории новгородских пятин соха соответствовала трехлошадному крестьянскому хозяйству или трем однолошадным хозяйствам. Это была окладная единица, типичная для Средневековья. В разных странах «упряжка» являлась окладной единицей и одновременно приблизительной единицей измерения земельной площади[351]. Соха могла включать несколько десятков обеж. На северо-востоке в первой половине XVI в. сохи были значительно больше, чем на новгородских землях. В одну соху могли включать сто и более дворов; по выражению А. Л. Шапиро, сохи оставались «разнокалиберными»[352]. Размер сохи зависел от социального статуса землевладельца и от «посильности» хозяйств, т. е. от возможности крестьян платить налоги государству. Соха как единица обложения могла определяться не только площадью пашенных земель, но и другими реалиями, например в городах количеством дворов[353].

В 1550-е гг. в русле общих реформ была проведена унификация посошной системы налогообложения в России и введена новая единица обложения — большая московская соха, величина которой зависела от качества земли и социальной принадлежности землевладельца; принципы поземельного обложения стали общегосударственными[354].

Введение нормированной большой сохи историки единодушно связывают с Уложением о службе 1555—1556 гг., согласно которому со ста четвертей «добрые угожей земли» должен был быть выставлен конный воин в полном вооружении («в доспехе в полном»). Безусловно, и до появления Уложения как вотчинники, так и помещики должны были служить сами и выставлять людей для участия в ратной службе. Но теперь эта служба строго регламентировалась, утверждался принцип несения воинской повинности в соответствии с размерами землевладения. Служилые люди имели право требовать не меньше ста четвертей земли[355] (150 десятин в трех полях или примерно 170 га) и периодически получали денежное жалованье.

Согласно нововведениям, земля по качеству подразделялась на «добрую», «се-

---

[350] ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 217.

[351] *Шапиро А. Л.* Средневековые меры земельной площади // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1969. С. 59—72.

[352] *Шапиро А. Л.* Соха как единица обложения в XIV — первой половине XVI в. // Проблемы социально-экономической истории России: К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Романова. СПб., 1991. С. 82.

[353] *Пугач И. В.* Из истории налогообложения русского феодального города (по описаниям Устюжны Железопольской в XVI — первой половине XVII в.) // Материалы XIII Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников по истории России XVI—XIX вв. Вологда, 2003. С. 38.

[354] Р. Б. Мюллер указ о количестве земли, приходящейся на соху, датирует «около 1557 г.»; см.: Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. С. 19. Текст указа устанавливал размер сохи в дворцовых землях; см.: Там же. № 27. С. 48. А. И. Копанев, комментируя этот указ, приводит текст серпуховской сотной грамоты 1556 г. о размерах сохи на монастырских, поместных и черносошных землях. Здесь же автор приводит датировку П. А. Садикова о введении большой московской сохи — в 1551—1555 гг.; см.: Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Комментарии. № 27. С. 50—51.

[355] Понятия «четверть» и «четь» земли употреблялись синонимично; с конца XV в. они становятся основными единицами измерения земли наряду с десятиной. Две четверти составляли одну казенную десятину (2400 кв. сажень — 1 га 925 кв. м) (*Дмитриева З. В.* Меры площади // Специальные исторические дисциплины: Учебное пособие. С. 483—486).

реднюю» (среднюю), «худую» и «добре худую» (самую плохую и безугодную)[356]. На поместных и вотчинных землях соха включала 800 четвертей «доброй» земли, 1000 — средней, 1200 — «худой» земли и 1300 — «добре худой». Для церковных и монастырских земельных владений была введена соха в 600—700—800—900 четвертей в зависимости от качества. Более тяжелое обложение этого типа земель объясняется тем, что их владельцы не несли «государеву службу», как помещики и вотчинники[357]. Самый меньший размер сохи был введен на черносошных землях: 500—600—700 четвертей[358]. Как видим, наиболее тяжелым было обложение «государевых черных» крестьян. Особую группу в системе государственного обложения занимали дворцовые земли, крестьяне которых обеспечивали потребности Государева двора; их соха была в два раза больше, чем у черносошных крестьян: 1100—1200—1300 четвертей. На всех землях, независимо от феодальной принадлежности, составной частью сохи, мелкой единицей обложения и мирской раскладки повинностей на местах, была государева выть, равная, как правило, 10—14 четвертям земли.

Однако введение фиксированной сохи не исключало колебаний ее размеров в разных уездах. На Новгородской земле соха включала 30 обеж, обжа (выть) — 10 четвертей, тем самым величина новгородской сохи была в три и более раз меньше большой московской сохи[359]. При этом следует учитывать, что новгородская обжа была приравнена к десятичетвертной выти только в 1580-е гг.[360] В других уездах на монастырских, черносошных и дворцовых землях размеры сохи также не всегда совпадали с установленными нормами и могли зависеть от сложившихся региональных традиций и посильности крестьян платить государевы налоги[361]. Население, занимавшееся промыслами, облагалось луками. С луков платили с эксплуатации мельниц, варниц и «всяких угодий»[362].

Складывание налоговой системы в XVI в. непосредственно связано с формированием единого Русского государства. При этом важнейшим инструментом финансово-экономической и политической централизации выступали земельные описания[363]. После присоединения к Москве в новые территории посылались государевы писцы для составления государственных кадастров. В них фиксировалось распределение земельного фонда между владельцами и учитывалась платежеспособность населения с целью обложения его налогами. В результате составлялись книги «письма и меры», получившие в литературе название писцовых. Описанию предшествовала большая подготовительная работа по выра-

---

[356] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Комментарии. № 27. С. 50—51.

[357] *Колычева Е. И.* Аграрный строй России XVI века. С. 24.

[358] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Комментарии. № 27. С. 51.

[359] *Абрамович Г. В.* Государственные повинности владельческих крестьян Северо-Западной Руси в XVI — первой четверти XVII в. // История СССР. 1972. № 3. С. 65—84.

[360] АИСЗР. II. С. 10—13.

[361] Сотная с пошехонских писцовых книг письма Ф. И. Чулкова и дьяка Ф. Фатьянова на волость Иванов Борок 1557 г. // Акты юридические. № 228. С. 244—247; *Колычева Е. И.* Аграрный строй России XVI века. С. 24; *Мацук А. М.* Фискальная политика русского правительства и черносошное крестьянство восточного Поморья и Приуралья в XVII веке. Сыктывкар, 1998. С. 49—51.

[362] Об обложения луками см.: История Карелии XVI—XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоенсу, 1987. С. 186—242.

[363] *Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. С. 22—39.

ботке общих принципов обложения и уточнения мер длины и площади[364]. Описание проводилось группами писцов по уездам, внутри уездов по административным единицам (погостам, волостям) или по видам землевладения (помещики, вотчинники, монастыри и др.). В писцовые книги включали сведения о поселениях (селах, деревнях, починках, пустошах и др.). Описание поселения начиналось с его названия и местонахождения, далее перечислялись имена крестьян-дворохозяев (глав семей), размеры пашни, обрабатываемой или пустой[365], и сенокосных угодий, а также указывалась величина налогообложения населения в обжах, сохах и др.

Первые известия о переписях на Руси относятся к XIII в. и связаны с попытками татар произвести «исчисление народу»[366]. Регулярные описания начинают проводиться во второй половине XV в. Описания земель и городов происходили на протяжении всего XVI в. и охватывали огромные территории. Некоторые из них носили всероссийский характер[367]. Первое такое описание проводилось в конце XV — начале XVI в. Большинство уездов было описано в 1497—1504 гг. Самыми древними из сохранившихся писцовых книг являются книги Деревской пятины Новгородской земли письма 1495—1496 гг.[368] После издания Императорской Археографической комиссией новгородских писцовых книг 1497—1504 гг.[369] этот вид исторических источников становится базовым для изучения исторической географии, экономической и социальной истории России XVI—XVII вв.[370]

[364] *Колычева Е. И.* Аграрный строй России XVI века. С. 12.

[365] Размеры пашни на владельческих землях указывались в четвертях, на дворцовых, как правило, — в десятинах.

[366] О составлении первых государственных кадастров (писцовых книг) и влиянии «татарского фактора» на их происхождение см.: *Дмитриева З. В., Козлов С. А.* Налоги и войны в России XVI—XVIII вв. С. 18—24.

[367] Описания конца 1530 — начала 1540-х гг. и 1580-х гг. охватывали значительные территории. В исторической литературе их принято считать валовыми (*Колычева Е. И.* Аграрный строй России XVI века. С. 22—31).

[368] Сохранившаяся подлинная писцовая книга Деревской пятины позволила А. А. Фролову и Л. В. Мошковой проследить последовательность описания территории пятины и стадии формирования самой писцовой книги (*Фролов А. А., Мошкова Л. В.* Комплексное исследование древнейшей русской писцовой книги // Вестник РГНФ. 2009. № 1. С. 21; *Фролов А. А.* Методы работы писцов в Деревской пятине Новгородской земли во время письма 1495—1496 годов и проблема реконструкции писцовых полевых записей // Исследования по истории средневековой Руси. М.; СПб., 2006. С. 299—318).

[369] Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. Т. I —VI. СПб., 1895—1915.

[370] В историографии сложилось два подхода в оценке достоверности государственных кадастров. С одной стороны, историки отмечали их высокую информативную ценность и незаменимость в исследованиях по истории средневековой России, но с другой — подвергали сомнению достоверность данных писцовых книг. Историографию изучения писцовых книг см.: *Кочин Г. Е.* Писцовые книги в буржуазной историографии // Проблемы источниковедения. Т. 2. М.; Л., 1936. С. 145—186; *Киселев Е. А.* Проблема достоверности писцовых книг в дореволюционной и советской литературе // Проблемы истории СССР. Вып. 6. М., 1977. С. 40—58; *Милов Л. В., Булгаков М. В., Гарскова И. М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия: Источник, компьютер и методы исследования. М., 1986. С. 6—55; *Проштейн А. П.* Источниковедение в России. Ростов/Д., 1991. С. 483—501; *Дмитриева З. В., Крайковский А. В.* Вклад Александра Львовича Шапиро в изучение писцовых и переписных книг Русского государства // Массовые источники отечественной истории: Материалы X Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI—XX вв.: Проблемы изучения и издания», посвященной 90-летию Александра Львовича Шапиро, Архангельск, 23—26 июня 1998 года. Архангельск, 1999. С. 5—15; *Дмитриева З. В.* Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI—XVII вв. С. 243—248; *Новожилов А. Г.* Возможности использования данных писцовых книг: История проблемы и вклад А. Л. Шапиро в ее разработку // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. 2005. Вып. 4. С. 100—115; *Дмитриева З. В., Козлов С. А.* Налоги и войны в России XVI—XVIII вв. С. 12—17.

Писцовые книги как государственные кадастры фиксировали систему налогообложения. Сведения о величине налогов и пошлин содержатся в указных, жалованных и таможенных грамотах. Согласно актовым источникам, государственные налоги и повинности в первой половине XVI в. были разнообразными и не существовало четкой грани между обязательными и необязательными платежами. Основными государственными налогами и повинностями в Русском государстве XVI в. были дань, ям (ямские деньги), городовое дело и посошная служба. Понятие «дань» могло употребляться не только в качестве конкретного налога, но и в обобщающем значении как весь комплекс налогов[371].

Ям в качестве основной повинности населения включал ремонт дорог, заготовку и возку камня и извести, постройку мостов, прокладку гатей, строительство ямских дворов, обслуживание яма, предоставление подвод и выполнение других работ по поддержанию и функционированию дорог. И. Я. Гурлянд так описывал ямскую гоньбу в Московском государстве в XVI в.: «По некоторым дорогам в известном расстоянии друг от друга были учреждены станции, называвшиеся ямами, имевшие значение пунктов, куда окрестное население должно было выставлять определенное количество подвод; в случаях особой надобности сюда же сгонялось и большее против нормы число подвод, сюда же населением доставлялся и корм»[372]. Ямом заведовали ямщики. В составе яма находился ямской двор с избами, сенниками и конюшнями. К ямскому двору прирезывалась пашня, сенокосные земли, которые обрабатывали ямщики.

В начале XVI в. ямы находились на дорогах, идущих от Москвы через Новгород и Псков «к немецкому рубежу» на Ругодив (границе с Ливонией), «южной украине» (через Серпухов и Калугу), в Поволжье (через Муром и Нижний Новгород) и на север (к Белоозеру). Ямская гоньба обслуживала не только внутренние, но и внешние интересы страны[373]. Новые ямы появлялись на территориях, вновь вошедших в состав Русского государства. После взятия Смоленска в 1514 г. там была учреждена ямская гоньба. В жалованной грамоте Василия III смоленским жителям (10 июля 1514 г.) отмечалось: «А мещаном и черным людем под наши гонцы подвод не давати; а держати подводы нашим ямщиком, и наем давати от подвод по тому ж, как и в наших землях»[374]. После присоединения Казанского ханства в 1552 г. Иван IV сразу же поселил ямщиков на левом берегу Булака; по мере освоения Сибири там также появляются ямские учреждения[375]. В зависимости от назначения дороги и ее состояния определялось расстояние между ямами.

Как отмечал И. Я. Гурлянд, «главная тяжесть ямского строя падала на население», ямщики «не ограничивались следуемыми с населения подводами и требовали лишние подводы», а если тяглецы противились, «то брали силой»[376]. Государство ограничивало самоуправство ямщиков. Так, в государевой грамоте угличским и белозерским ямщикам от 20 марта 1546 г. указывалось на недопустимость «отымать» у крестьян села Кабановского Кирилло-Белозерского монастыря «лошади на торгу»[377]. Право пользоваться ямской гоньбой регламентировалось подорожными грамотами, кото-

---

371 *Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. С. 63.

372 *Гурлянд И. Я.* Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль, 1900. С. 51—52.

373 *Семенов О. В.* О времени и обстоятельствах возникновения ямской гоньбы в русских землях // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 1. С. 103.

374 СГГД. Ч. 1. № 148. С. 412.

375 *Гурлянд И. Я.* Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. С. 54.

376 Там же. С. 60—61.

377 ААЭ. Т. 1. № 206. С. 195.

рые выдавались центральными и местными властями[378].

В XVI в. ям трансформировался в один из важнейших прямых налогов — ямские деньги («большие ямские деньги»). Впервые термин «ямские деньги» вместо «ям» был употреблен в жалованной грамоте волоцкого князя Федора Борисовича от 7 марта 1500 г. на деревню Медведкову и половину слободы Тимофеевской во Ржеве в Кличанском уезде: «...и тем их людем и крестьяном не надобе моя дань, ни ямские денги, ни коня моего не кормят, ни сен не косят...»[379] По мнению С. М. Каштанова, в первой трети XVI в. в формулярах жалованных грамот господствовал оборот «опричь яму», который с середины 1530-х гг. изживается и вытесняется оборотом, где фигурируют «ямские деньги», а не «ям»[380].

В конце 1550-х гг. происходила реорганизация ямского строя: на смену ямам приходят ямские слободы. Как правило, на ямскую службу брали по одному или по два ямских охотника с сохи. Успешное функционирование ямской службы во многом зависело от выполнения налогоплательщиками (тяглецами) следующих обязанностей: 1) «сбирание с сох» на ям охотников; 2) осуществление единовременной и погодной подмоги, в том числе подводами; 3) «починка» дорог, постройка ямских дворов; 4) уплата ямских денег[381].

Г. В. Абрамович на материале новгородских платежных книг привел следующие данные о размере государственных платежей, обеспечивавших ямское дело в XVI в.: на вотчинных, поместных и монастырских землях население с 1 обжи ямских денег с приметом платило 50 денег в 1552—1556 гг., 91 деньгу — в 1561—1562 гг., 100,5 деньги — в 1570—1572 гг., 200 денег — в 1586—1588 гг.; за подмогу ямским охотникам — 13 денег (1570—1572), 21 деньгу (1586—1588); ямским охотникам на ямы и на прогоны — 66,5 деньги (1586—1588)[382]. В реальности эти показатели в отдельных поместьях варьировались. По нашим подсчетам, с обжи за подмогу ямским охотникам в разных поместьях платили 19,5—20 денег, ямским охотникам на ямы и на прогоны — 63,3, 66,5, 67 денег[383].

В первой половине XVI в. в связи с активизацией внешней политики Российского государства были введены дополнительные налоги на содержание армии. В 1530-е гг. начали собирать «пищальные деньги», как правило, на покупку огнестрельного оружия и содержание отрядов пищальников. Пищалью называли и ручное огнестрельное оружие, и одну из разновидностей артиллерийского орудия. Пищальники входили в состав русской армии и участвовали в боях. По мнению В. Н. Глазьева, для середины XVI в. пищальники — пехотинцы с ручным огнестрельным оружием[384]. Вначале налог не был общегосударственным, но уже в 1550-е гг. сбор был распространен на большинство уездов страны. Трансформировалась (переведена на деньги) обязанность населения изготавливать селитру («ямчугу») для производства пороха и возводить укрепления впереди городских стен. Сборы соответственно получили на-

[378] *Гурлянд И. Я.* Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. С. 74.

[379] АФЗХ. Ч. 2. № 25. С. 28—29.

[380] *Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. С. 67.

[381] *Гурлянд И. Я.* Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. С. 94.

[382] *Абрамович Г.* Государственные повинности владельческих крестьян Северо-Западной Руси в XVI — первой четверти XVII века // История СССР. 1972. № 3. С. 76.

[383] РГАДА. Ф. 137 (Боярские и городовые книги). Кн. II. Л. 78 об., 79 об., 264 об., 322, 365 об.

[384] *Глазьев В. Н.* Опора царской власти: Стрельцы и их начальники в XVI в. // Российская монархия: Вопросы истории и теории. Воронеж, 1998. С. 88—97.

звания «ямчужные (емчужные) деньги» и «примет»[385].

Во второй половине XVI в. государство вводит новый налог — сбор полоняникам на окуп. Денежные средства собирались для выкупа соотечественников из «бусурманского» плена, тем самым российские власти стремились ликвидировать последствия набегов и нападений, совершаемых крымскими татарами на приграничные территории юга России. На протяжении более чем двух столетий (вплоть до присоединения Крымского ханства к России в 1783 г.) российским властям приходилось мириться с захватом в плен сотен русских людей и продажей их в рабство на невольничьих рынках Кафы и Стамбула[386].

Первым актом, направленным на упорядочение выкупа пленных, принято считать грамоту 1535 г. Ивана IV архиепископу Новгородскому Макарию. В ней от имени малолетнего государя повелевалось боярам «сребро дати елико достоит, а хрестьянские души от иноплеменных искупити», а владыке Макарию «в ту мзду самому вкупну быти, по обежному счету, а в своей архиепископии в Великом Новегороде и Пскове и во окрестных городех своей архиепископии со всех монастырей <...> собрати семьсот рублев»[387]. По мнению Ю. Л. Гессена, бояре выплатили из государевой казны выкупную сумму, но духовенство возместило расходы[388].

Вопрос об организации выкупа пленных, попавших «в полон к бусурманам», Иван IV вынес на обсуждение церковного собора (1551). В 10-м царском вопросе Стоглавому собору указывалось на то, что «пленных привозят на окуп из орд: бояр и боярынь и всяких людей. А иные сами выходят, должни и беспоместны, и здеся окупитися нечим, а никто не окупит. И тех полонеников, мужей и жен, опять возят назад в бесерменство, а и здеся над ними поругаются всякими сквернымы богомерзкими. Достоит о сем уложити соборне, как тем окуп чинити, а в неверные не отпущати»[389]. Иван IV стремился передать вопрос о полоняниках в ведение православной церкви. Однако высшие церковные иерархи в своем ответе указали, что пленных следует «окупати из царевы казны»[390].

В результате новый государственный сбор, полоняничные деньги, из нерегулярного (как добровольного пожертвования, христианской милостыни) быстро превратился в систематически взимавшуюся подать. С 1580-х гг. предусматривались уже два полоняничных сбора: на выкуп русских людей из плена и на содержание пленных, захваченных российской армией в ходе военных действий («полоняникам немцам на корм»).

Полоняничные деньги собирались в разных объемах. Так, в новгородской платежной книге, составленной в марте 1586 г., фиксировались все виды налогов, в том числе полоняничные сборы. Норма платежей с поместных и монастырских земель с обжи колебалась незначительно: детям боярским полоняникам на окуп — от 13 до 14 денег, полоняникам немцам на корм — от 13 до

---

[385] Внедрение пороха и огнестрельного оружия в повседневную военную практику историки увязывают с началом военной (пороховой) революции. Историографию концепции военной революции см.: *Дмитриева З. В., Козлов С. А.* Налоги и войны в России XVI—XVIII вв. С. 29, примеч. 79.

[386] Об организации выкупа русских пленных см.: *Козлов С. А.* Русские пленные и полоняничные деньги (вторая половина XVI — 20-е годы XVIII в.) // Меньшиковские чтения: Научный альманах. Вып. 7 (17). СПб., 2016. С. 225—236.

[387] ПСРЛ. Т 6. СПб., 1853. С. 294.

[388] *Гессен Ю. Л.* Пленные в России с древних времен. Вып. 1. Пг., 1918. С. 12.

[389] Российское законодательство X—XX вв. Т. 2. С. 270.

[390] Там же. С. 350.

14,5 денег[391]. Но были исключения — в тех случаях, когда обложение составляло сотые доли обжи.

Как отмечал П. Н. Милюков, полоняничный оклад «далеко не установился»: на 1581 г. с одного монастырского имения они брались (в три приема) в размере 18 руб. 39 коп. с сохи, на 1582 г. с того же имения — 13 руб. 46 коп., а с другого — 13 руб. 63 коп. с сохи; на 1588—1589 гг. — с двух равных имений поровну по 2 руб. с сохи[392]. По подсчетам Г. В. Абрамовича, величина двух государственных податей — детям боярским полоняникам на откуп и полоняникам немцам на корм на вотчинных, поместных и монастырских землях — с 1586 по 1602 г. не менялась и составляла соответственно 13,5 и 14,5 деньги с обжи[393].

В общей номенклатуре налогов полоняничные деньги во второй половине XVI в. составляли (подсчеты Н. А. Рожкова) 4,8 %. Расчеты Г. В. Абрамовича, подвергшего критике методику Н. А. Рожкова, оказались сопоставимыми с этими данными — 3,5 %, а вместе со сбором полоняникам немцам на корм достигали 7,2 %[394].

Помимо уплаты полоняничных денег, население южных рубежей России выполняло засечную повинность, что было вызвано строительством Большой засечной черты — линии укреплений к югу от Оки для защиты от крымской опасности. Уложением о сторожевой службе 1571 г. в степь выдвигались «сторожи» и «станицы» из служилых людей, которые вели разведку и оповещали жителей приграничных городов о появлении крымцев. Впоследствии данная повинность была заменена денежными платежами и превратилась в городовое и засечное дело (засечные деньги). В 1550-е — начале 1580-х гг. налоговый сбор составлял 9,6 % от общего размера основных налогов и сборов с сохи[395].

Во второй половине XVI в. геополитические интересы Русского государства потребовали обеспечения боеспособности и содержания русской армии. Для Ливонской войны нужны были дополнительные государственные расходы, что привело к увеличению размеров налогов с сохи и переводу практически всех натуральных повинностей на деньги.

Относительно размеров государственных налогов во второй половине XVI в. у историков до настоящего времени нет единого мнения. Во многом это обусловлено неполнотой источниковой базы и методикой расчетов номинальных и реальных платежей. Н. А. Рожков (1899) считал, что в 1550—1580-е гг. номинальные платежи с сохи составляли 42 руб., а в конце 1580-х — начале 1590-х гг. — 151 руб. Однако его методика расчетов вызывала критику у историков. Н. А. Рожков не учитывал разновеликость единиц обложения и отсутствие унифицированной сохи в отдельных регионах до 1580-х гг.

Г. В. Абрамович (1972), опираясь на материалы северо-запада России (летописи, писцовые книги, указные грамоты новгородским дьякам 1555, 1556, 1562 гг. о сборе государевых податей, платежные книги начала 1570-х, 1583, 1586, 1588 гг. и др.), высчитал платежи крестьян Новгородской земли с обжи за весь XVI в. По его подсчетам, перевод государственных повинностей

---

[391] РГАДА. Ф. 137. Кн. 11. Л. 78, 264 об., 322, 332, 334, 345, 365 об., 445, 449.

[392] *Милюков П. Н.* Спорные вопросы финансовой истории Московского государства: Рец. на соч. А. С. Лаппо-Данилевского: Организация прямого обложения в Московском государстве. СПб., 1892. С. 66—71.

[393] *Абрамович Г. В.* Государственные повинности владельческих крестьян Северо-Западной Руси в XVI — первой четверти XVII века. С. 76.

[394] *Рожков Н. А.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. С. 230; *Абрамович Г. В.* Государственные повинности владельческих крестьян Северо-Западной Руси в XVI — первой четверти XVII века. С. 76.

[395] *Рожков Н. А.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. С. 230—231.

на деньги в 1550-е гг. привел к увеличению размеров платежей на северо-западе России более чем в 16 раз по сравнению с началом столетия. Денежные платежи росли и в дальнейшем: к 1561 г. (по сравнению с 1556 г.) они выросли на 32 %, а за 1561—1570 гг. — еще на 40, к 1583 г. по сравнению с 1570—1572 гг. — на 78, к 1588 г. — на 55 % по сравнению с 1583 г.[396]

Однако при изучении движения государственных налогов во второй половине XVI в. и особенно в 1570—1580-е гг. необходимо учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, в 1582—1584 гг. был унифицирован размер обжи, и она стала составлять 10 четвертей пашни во всех новгородских пятинах, тогда как раньше она включала в пятинах разное количество коробей (четвертей) пашни от трех-четырех четвертей в Обонежской пятине до шести четвертей в Бежецкой, Водской и Шелонской пятинах. Во-вторых, в эти годы сокращались размеры тяглых наделов и увеличивалось число дворов на обжу[397].

Сопоставление номинальной и реальной суммы податей на обжу и на двор во второй половине XVI в. показало, что первая выросла с 1552—1556 гг. по 1588 г. на 210 % на обжу и на 2,2 % на двор, а вторая — лишь на 68 % на обжу, а на двор даже уменьшилась на 45 %. Снижение темпа увеличения реальной суммы податей, взимаемых с обжи, Г. В. Абрамович связывал с окончанием Ливонской войны, а уменьшение налогов, падающих при раскладке их с обжи на двор, с уходом крестьян от налогообложения[398].

А. Л. Шапиро рассчитал величину налогов с четверти пашни и установил, что платежи в 1552—1556 гг. составляли 7,5 деньги, в 1561—1562 гг. — 9,9 денег, в 1570—1572 гг. — 14 денег, в 1583 г. — 25 денег, в 1586—1588 гг. — 39 денег[399]. Как видно, с 1552 по 1588 г. величина государственных налогов с четверти пашни (так же как и платежи с обжи за эти же годы по подсчетам Г. В. Абрамовича) возросла в 5,2 раза[400].

Е. И. Колычева предприняла попытку проследить динамику важнейших прямых налогов (дань, полоняничные деньги) в центральных уездах в 1580-е гг. на основе шести податных тетрадей Иосифо-Волоколамского монастыря. В 1581—1582 гг. с монастырских крестьян собирали с сохи в среднем 38 руб. прямых налогов, в 1583—1584 гг. — 43 руб., в 1587—1588 гг. — 35 руб.[401]

При оценке тяжести налогового бремени с населения на протяжении XVI в. необходимо также учитывать изменение денежной стопы. К началу XVI в. монеты чеканились четырьмя денежными дворами — в Новгороде, Пскове, Москве и Твери. Однако в хождении оставались разнообразные в весовом отношении монеты. В 1534—1535 гг. правительство Елены Глинской провело денежную реформу, согласно которой запрещались к приему все монеты старого времени и был начат чекан монет нового образца: из гривны серебра стали чеканить монет не на 2,6, а на 3 руб. После реформы оформился денежный счет, состоявший из следующих единиц: рубль, полтина, алтын, деньга. Рубль равнялся 200 денег, полтина — 100 деньгам, алтын — 6 деньгам. После реформы 1530-х гг. получили хождения монеты трех достоинств: копейка (деньга-новгородка), вес которой был 0,67

---

[396] *Абрамович Г. В.* Государственные повинности владельческих крестьян Северо-Западной Руси в XVI — первой четверти XVII века. С. 74—76.

[397] Там же. С. 76—77.

[398] Там же. С. 79.

[399] *Шапиро А. Л.* Русское крестьянство перед закрепощением (XIV—XVI вв.). С. 104.

[400] История крестьянства Севера-Запада России: Период феодализма. С. 137. Табл. 6.

[401] *Колычева Е. И.* Аграрный строй России XVI века. С. 161—166.

(0,66) г серебра, деньга (московка) — 0,33 г и полушка — 0,16 г[402].

Сбор налогов, хранение и расход денежных средств осуществлял приказ Большого прихода. По мнению П. А. Садикова, в его компетенцию с конца 50-х гг. XVI в. входил сбор важнейших податей — деньги ямские, приметные, за городовое и ямчужное дело[403].

Государственные налоги с населения собирали не всегда в полном объеме, и зачастую недоимки носили хронический характер. Об этом свидетельствует ранняя из сохранившихся царская грамота новгородским дьякам Ф. Еремееву и К. Дубровскому, дворцовому дьяку А. Бабкину от 1 февраля 1556 г. Как явствует из документа, «с Новагорода, с посаду, и со всех с пяти пятин и станов и с волостей с ноугородцких и с пригородцких» ежегодно должны были платить с сохи ямских и приметных денег 7,5 руб., за посошную службу и «всякие городовые дела» — 40 алтын, за ямчужное дело — по 1 руб. 10 алтын. Общий объем платежей составлял 2000 денег или 10 руб.[404]

Собранные налоги направлялись в Москву «на Крещенье Христово». Однако в 1556 г. платежи из новгородской казны в столицу вовремя не поступили. Кроме того, накопились значительные недоимки с 1552 г. От новгородских дьяков, ответственных за сбор государственных налогов, потребовали прислать «недоборов прошлых лет всех сполна» и предупредили, что в противном случае «прогоны велим на вас доправити вдвое» и «быти в великой опале»[405]. В условиях Ливонской войны налоговые неплатежи населения в государеву казну лишь возросли.

Изысканию средств на военные нужды в немалой степени должно было послужить введение в России в январе 1565 г. чрезвычайного положения и учреждение опричнины. Согласно царскому указу, «за подъем» Иван IV брал с земщины экстраординарный налог в сумме 100 тыс. руб. Безусловно, это была значительная сумма. В 1564—1565 гг. на 100 тыс. руб. можно было купить в разных уездах более 50 тыс. четвертей ржи и приблизительно в 2—2,5 раза больше четвертей овса[406]. На эту же сумму можно было приобрести 200 тыс. лошадей по 100 руб. или более 60 тыс. жеребцов по 330 денег[407]. Сопоставим также экстраординарный налог с ежегодными платежами прямых налогов с Новгородской земли. По подсчетам Г. В. Абрамовича, в 1563—1566 гг. новгородские тяглецы ежегодно должны были вносить 13 000 руб., что составляло 13 % от «опричного сбора»[408]. Вероятно, запраши-

---

[402] *Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская метрология. М., 1975. С. 171—172.

[403] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 85.

[404] ДАИ. Т. 1. № 94. С. 146. Нормы платежей с сохи, указанные в грамоте, соответствуют подсчетам Г. В. Абрамовича, за исключением белого посошного корма, не упомянутого в грамоте (*Абрамович Г. В.* Государственные повинности владельческих крестьян Северо-Западной Руси в XVI — первой четверти XVII века. С. 76. Табл. 1).

[405] *Абрамович Г. В.* Государственные повинности владельческих крестьян Северо-Западной Руси в XVI — первой четверти XVII века. С. 147.

[406] Четверть ржи в 1564 г. в Холмогорах стоила 24 деньги, в Суздальском уезде — 30 денег, в Волоколамске — 34 деньги; в 1565 г. в Костромском уезде — 34 деньги, в Волоколамске — 21 деньгу. Четверть овса в 1564 г. в Суздальском уезде можно было купить за 12 денег, а в 1565 г. Никольский Корельский монастырь покупал овес за 14 денег (*Маньков А. Г.* Цены и их движение в Русском государстве XVI века. С. 105—106. Табл. 1). Четверть ржи как сыпучая мера включала 4 пуда ржи (*Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская метрология. С. 107).

[407] *Маньков А. Г.* Цены и их движение в Русском государстве XVI века. С. 124. Табл. 9; С. 208. Табл 37; С. 214. Табл. 40.

[408] *Абрамович Г. В.* Государственные повинности владельческих крестьян Северо-Западной Руси в XVI — первой четверти XVII века. С. 81. Табл. 7.

ваемая денежная сумма «на подъем» была определена исходя из суммы налоговых поступлений в казну с территорий, включенных в земщину.

В 1566 г., через год после учреждения опричнины, Иван IV вынес вопрос о продолжении Ливонской войны на обсуждение Земского собора, который открылся 28 июня. На нем была высказана единодушная поддержка внешнеполитическому курсу Ивана IV, что позволило властям продолжить сбор экстраординарных платежей и переложить основное бремя военных расходов на земщину.

В условиях чрезвычайного положения (опричнины) функции приказа Большого прихода как центрального финансового органа были существенно ограничены, и появились дублирующие учреждения. В опричнине возникла должность казначея — главного хранителя и распределителя царской опричной казны. В его ведение была передана Четверть (или Четвертной приказ), ставшая одним из основных финансовых учреждений опричнины. В годы опричнины сбором налогов с местного населения по-прежнему ведали городовые приказчики и губные старосты. Им поручался сыск ратных людей, укрывавшихся от военной службы. Продолжали свою деятельность ямские приказчики, таможенники и другие финансовые агенты государства на местах[409].

Финансовые ведомства оказались не в состоянии собрать те гигантские суммы, которые требовал от них Иван IV. Постоянная нехватка денег в условиях затяжной и изнурительной Ливонской войны вызывала у царя немилость к тем, кто был ответствен за своевременный сбор податей и пошлин: к казначею земщины Никите Фуникову-Курцеву и руководителю Большого прихода Ивану Булгакову Кореневу.

Для взыскания огромных недоимок и погашения задолженности опричный корпус во главе с царем в декабре 1569 г. совершил карательный поход на Новгород. Предваряло это событие так называемое изменное дело, приведшее к массовым выселениям городского населения Новгорода и Пскова. По мнению П. А. Садикова, в ходе следствия обнаружилось также явное попустительство со стороны приказной администрации новгородцам в недостаточной мобилизации денежных средств. Новгород и Псков платили мало, пользуясь покровительством московских дьяков и части опричной верхушки[410].

В Новгороде опричники изымали у монастырей в казну колоссальные денежные богатства и сокровища. На новгородское духовенство была наложена значительная денежная контрибуция. Опричники разграбили многочисленные торговые склады Новгорода, а все конфискованные у торговых людей деньги и наиболее ценные товары стали добычей казны[411]. Как заметил Б. Н. Флоря, во время новгородского погрома ярко проявилось стремление захватить и «выбить» из населения как можно больше денег и товаров[412]. Большую денежную контрибуцию наложили и на Псков. Населению пришлось выполнять и государев указ — готовить запасы и дороги к предстоящим военным походам в Ливонию[413].

Для пополнения опустевшей в годы Ливонской войны государевой казны правительство пошло на отмену финансовых привилегий духовенству и временную отмену тарханов с 1 сентября 1584 г.: «для

---

[409] *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 387—388.

[410] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 35—36.

[411] Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 343—346, 396; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 372—373.

[412] *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М., 2002. С. 243.

[413] ПСРЛ. Т. 4. СПб., 1848. С. 318.

воинского чину и оскудения тарханы отменяются, покаместа земля поустроится»[414]; указа о восстановлении не последовало[415]. Однако государство продолжало выдавать тарханные грамоты крупным монастырям, а также проводить практику освобождения их от уплаты налогов, но «приговор от 20 июля 1584 г., — как пишет А. П. Павлов, — сыграл важную роль в уничтожении тарханных привилегий духовенства и светских феодалов. <...> Он узаконил прежнюю практику начала 1580-х гг., когда правительство Ивана IV в интересах казны явочным порядком проводило широкомасштабные сборы податей с отархаченных земель»[416].

Помимо прямых и экстраординарных налогов, население Русского государства «тянуло» многочисленные торговые и таможенные пошлины. При продаже с товаров платили тамгу; за провоз товаров через установленные заставы — мыт; за определение веса и объема товаров (соли, овса, ржи и др.) взимали весчее, померное, подымное, пудовщину; костки платили с лиц, которые сопровождали товары; гостинное — с купцов за пребывание на гостином дворе; за хранение и передвижение товара — амбарное, поворотное; за клеймение лошадей — «пятно» («пятенное»); «восмичное» — одну восьмую часть стоимости товара и другие пошлины[417]. Таможенные и торговые сборы фиксировались в таможенных книгах.

За XVI в. сохранились только фрагменты таможенной книги Морёвской слободы 1599 г. (Деревская пятина Новгородской земли)[418]. Из ее текста следует, что здесь за разгрузку возов (свальное) брали по 2 деньги с воза, за помер с продажи хлеба — по 1 деньге с коробьи, за взвешивание товара на казенных весах (весчее) — по 1 деньге, за подъем с соли — 2 деньги с луба, за продажу лошадей продавец уплачивал сбор «с шерсти» в размере 1 деньги, а покупатель — пошлину в размере 2,5 % от цены лошади. Рублевую пошлину местные жители платили от стоимости предложенного к продаже товара 1,25 %, приезжие — 2,5 %[419].

За уклонение представления товара таможенникам и неуплату налога с продавца взимался штраф — протаможье (протамга). Порядок взимания таможенных пошлин определялся таможенными грамотами[420]. От части таможенных пошлин могли освобождаться крупные вотчинники, как правило монастыри. Они получали жалованные грамоты на свободный провоз и торговлю отдельными товарами, прежде это были хлеб и соль. Такая грамота была выдана Кирилло-Белозерскому монастырю в январе 1577 г.: «А что их попы, и дьяконы, и люди, и крестьяне монастырские на Мо-

---

[414] 1584 г. июля 20. — Соборный приговор о подтверждении соборного приговора 1580 г. января 15 и об отмене тарханов // Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. С. 62.

[415] Об отмене тарханного иммунитета духовенства см.: *Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. С. 208—230; *Колычева Е. И.* Аграрный строй России XVI века. С. 138—160; *Дмитриева З. В., Козлов С. А.* Налоги и войны в России XVI—XVIII вв. С. 61—62.

[416] *Павлов А. П.* К вопросу об отмене тарханов в 1584 г. // Россия в IX—XX веках: Проблемы истории, историографии и источниковедения: Сборник статей и тезисов докладов Вторых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. Москва, 26—28 января 1995 г. М., 1999. С. 323—324.

[417] О многочисленных видах и размерах торговых и таможенных пошлин подробно см.: *Шумилов М. М.* История торговли и таможенного дела в России IX—XVII вв. СПб., 1999. С. 203—220.

[418] Опубл.: *Раздорский А. И.* «Того ж дни продал старорушанин два луба соли без розмеры»: Таможенная книга Морёвской слободы 1599 г. // Исторический архив. 2011. № 5. С. 155—171.

[419] Там же. С. 155. Здесь же А. И. Раздорский приводит перечень сохранившихся таможенных пошлин начала XVII в.

[420] Примером такого акта может быть Белозерская таможенная грамота 1497 г. (Российское законодательство X—XX вв. Т. 2. С. 200—206).

скве, в котором городе ни буди, купят в монастырь собе, что монастырское или свое продадут или повоз повезут к Москве, и с которого сена зиме на санях, а лете на телегах или судех водою в Новегород Великой, или к морю для соли, или в которой город ни буди и с товаром с каким-нибуди, и в тех городех наши бояре, и намесницы, и волостели и их тиуны с тех монастырских людей и со крестьян мыта, и тамги, ни померного, ни речего, ни по рекам перевозов, ни мостовщин, ни иных ни которых пошлин не емлют и не судят их ни в чем»[421].

Значительные денежные суммы поступали в государеву казну от питейных сборов. Сохранившаяся за XVI в. налоговая документация не позволяет определить процент, который составляли в «бюджете» государства таможенные и питейные сборы. Мы располагаем данными о налогах новгородской казны за 120 (1611/12) г., в совокупности всех денежных поступлений косвенные налоги и питейные сборы составляли более 40 %[422].

Итак, на протяжении XVI в. сложилась посошная система налогообложения тяглого населения (крестьянского и посадского). Ее эволюция, формы и величина налоговых сборов находились в прямой зависимости от внешнеполитических задач Русского государства. Многочисленные косвенные налоги и сборы не претерпели существенных изменений на протяжении века и возлагались на все население страны.

От подъема к кризису

Завершение объединения русских земель, ликвидация усобиц и пограничных конфликтов создали условия для устойчивого хозяйственного развития страны и роста численности сельского и городского населения в России. Сохранившиеся новгородские писцовые книги рубежа XV—XVI вв. позволяют определить общее число городских и сельских жителей в новгородских пятинах, куда входили северо-западные и северо-восточные земли Русского государства (общая площадь составляла приблизительно 293 тыс. кв. км)[423]. Площадь Пскова с пригородами превышала 33 тыс. кв. км[424]. По расчетам Т. И. Осьминского, на землях Великого Новгорода и Пскова (присоединен к Москве в 1510 г.) общая численность населения к началу XVI в. составила 640 тыс. человек, причем в городах проживало менее 10 %[425]; в 1540-е гг. она осталась на уровне начала века или несколько возросла[426]. В ряде пятин между 1500 и 1540 гг. произошло небольшое сокращение населения: в Водской пятине — на 17 %, в Деревской — на 12,5 %, а в Бежецкой пятине и Заонежье в отдельных погостах оно возросло на 30 % и более[427].

В первой половине XVI в. на территории новгородских пятин в хозяйственный оборот была введена большая часть пригодных к обработке земель, при этом преобладал хуторской тип расселения. Наиболее распространенными были малодворные поселения, от одного до трех дворов, доля

---

[421] Список начала XIX в. опубл.: *Дмитриева З. В.* Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI—XVII вв. С. 290.

[422] *Дмитриева З. В., Козлов С. А.* Налоги и войны в России XVI—XVIII вв. С. 85.

[423] АИСЗР. I. С. 321, примеч. 1.

[424] АИСЗР. III. С. 137.

[425] АИСЗР. I. С. 326. Табл. 179; АИСЗР. III. С. 137.

[426] АИСЗР. III. С. 136.

[427] Там же.

однодворных деревень достигала 40 и более процентов[428].

В Поморье освоение новых земель продолжалось до конца 1550-х гг. Еще в 1540-е гг. на землях Кириллова монастыря в Белозерском и Вологодском уездах починки занимали почти 40 % от числа всех поселений, в некоторых волостях они преобладали над числом живущих деревень. Например, в Сизме на 30 деревень приходилось 58 починков. Однако менее чем за 10 лет, к 1559 г., число деревень и крестьянских дворов возросло почти вдвое, многие починки стали деревнями[429]. В эти же годы колонизационные процессы наблюдались и в Вологодском уезде[430]. На Двине, Пинеге и Мезени в первой половине XVI в. население увеличилось в 1,5 раза[431]. Рост населения зафиксирован и в центральных уездах (Московском, Владимирском, Юрьево-Польском, Ростовском, Пошехонском), и в восточных районах, прежде всего на монастырских землях[432].

С конца 1560-х гг. существенно меняются демографическая ситуация и экономическое состояние регионов России: резко уменьшается численность населения, сокращаются площади пашенных земель, повсеместно пустоши (ранее живущие поселения) преобладают над деревнями, заброшенные пашни переходят в перелог и обрабатываются «наездом», тем самым нарушается трехполье как регулярная система сельскохозяйственного производства.

В историографии наблюдаемые явления характеризуются как хозяйственное разорение, хозяйственный и экономический кризис[433]. При характеристике социально-экономического положения России последней четверти XVI в. мы опираемся на шесть признаков кризиса, предложенные А. Л. Шапиро: затянувшееся на длительный период и достигшее катастрофических размеров сокращение сельского населения важнейших жизненных районов государства; значительное сокращение посевных площадей и наделов крестьян; распространение экстенсивных систем землепользования; обнищание крестьянства, увеличение числа бобылей и холопов; резкое увеличение числа «порозжих» земель и «выморных» помещичьих и своеземческих владений; сокращение числа посадского населения и объема торгово-ремесленной деятельности в центре и на северо-западе[434].

Причины, время возникновения и масштабы распространения кризиса в историографии остаются дискуссионными и требуют сравнительного исследования с привлечением материалов разных регионов. Началом 1560-х гг. кризис датировал Н. Ф. Яницкий. По его мнению, на северо-западных землях 1564 г. можно считать годом кризиса[435]. По мнению С. М. Каштано-

---

[428] АИСЗР. II. С. 115. Табл. 76. В Деревской пятине — 44,9 % (С. 32. Табл. 13); в Водской пятине — 46,1 % (С. 143. Табл. 113).

[429] АИСЗР. IV. С. 46. Табл. 29.

[430] *Башнин Н. В.* Монастырская колонизация и хозяйственное освоение земель Русского Севера в первой половине XVI в. С. 43—50.

[431] АИСЗР. III. С. 3.

[432] *Копанев А. И.* Население Русского государства в XVI в. С. 237—238; *Он же.* История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л., 1951. С. 140.

[433] *Рожков Н. А.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. С. 473—474; *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. Т. 8. М., 1990. С. 386; *Яницкий Н. Ф.* Экономический кризис в Новгородской области XVI века. Киев, 1915. С. 22—35; *Зимин А. А.* Хозяйственный кризис 60—70-х годов XVI в. и русское крестьянство // Материалы по истории землевладения и крестьянства. Сб. V. М., 1962. С.11—20; *Каштанов С. М.* К изучению опричнины Ивана Грозного // История СССР. 1963. № 2. С. 114; *Колычева Е. И.* Аграрный строй России XVI века. С. 169—172; Очерки демографической истории России: XI—XXI века. Т. 2. С. 38—39.

[434] АИСЗР. II. С. 294.

[435] *Яницкий Н. Ф.* Экономический кризис в Новгородской области XVI века. С. 22—35.

ва и А. А. Зимина, хозяйственное разорение начинается уже в 1550-е гг. Его возникновение авторы связывают с опричниной и ростом феодальной ренты[436]. Е. И. Колычева высказала тезис о локальности проявления кризисных явлений в 1550—1560-х гг. и выступила с критикой в адрес С. М. Каштанова и А. А. Зимина. На основе летописных известий она показала драматические ситуации, влиявшие на запустение территорий разных регионов страны в 1550-е гг. (моровые поветрия, голод, пожары в городах, набеги татар и крымцев). От эпидемий, неблагоприятных климатических условий и высоких цен на хлеб в 1551/52—1558/59 гг. страдало население Новгорода, Старой Руссы, Пскова, Устюга, Важского и Двинского уездов. В 1553 г. «от татарской войны» пострадали Рязанский, Коломенский и Боровский уезды. В 1566/67 г. Казанский, Чебоксарский и Свияжский уезды подверглись нашествию грызунов: «мышь малая с лесов» погубила урожай и запасы хлеба в житницах. В Поволжье в 1558—1560 гг. в результате чумы и голода погибло «свыше 1000 тысяч» человек. В 1560-е гг. Девлет-Гирей неоднократно совершал набеги на южные районы России. В 1565 г. крымцы разорили земли «меж Проньска и Рязани», сожгли посад города Рязани[437]. Как показала Е. И. Колычева, под влиянием неблагоприятных природно-географических факторов и общественно-политических причин в отдельных регионах «складывались кризисные ситуации с убылью населения и запустением земель, но они носили локальный характер и не оказывали существенного влияния на состояние экономики страны в целом»[438]. Это дало основание автору отказаться от датировки начала кризиса 1550—1560 гг. Приведем аналогичные летописные известия за первую половину XVI в. В начале века, в 1500—1501 гг., летописи отмечают сильные морозы, дождливые лето и осень; в 1506—1508 гг. на псковских землях и в Пскове — эпидемии, в Новгороде «бысть мор», «по три осени и в последнюю осень» «помре» 15 396 человек; в 1508 г. — засуха «по всей земле», голодный год, в Новгороде сильнейший пожар, погибло 3315 человек; 1510 г. — голодный год, эпидемия; 1511 г. — голодный год; 1512 г. — засуха, голодный год[439]. За первую половину XVI в. (1500—1547) летописи зафиксировали более двадцати голодных лет (дождливое лето, рано выпал снег, сильные морозы зимой, засуха)[440]. Эпидемии («мор велик», «помре железою») наблюдались в первой трети века (1505—1527)[441]. Городское население страдало от пожаров, горели Великий Новгород, Псков, Москва, Владимир, Ярославль, Тверь, Коломна, Нижний Новгород, Стародуб и другие города[442]. Пожары часто были следствием засухи. В Софийской летописи под 1508 г. читаем: «...бысть засуха велика, много городов выгоре, также и сел и лесов и хлеба и травы много выгоре»[443]. Пожары отмечены в летописях за весь XVI в., только в первой половине — более пятнадцати известий[444].

Приведенные сведения о катаклизмах в первой половине XVI в. носили локальный

---

[436] *Колычева Е. И.* Аграрный строй России XVI века. С. 170—171.

[437] Там же. С. 172—173.

[438] Там же. С. 174—175.

[439] *Борисенков Е. П., Пасецкий В. М.* Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988. С. 306—307.

[440] Там же. Приложение: XVI в.

[441] Там же. С. 306—309.

[442] Там же. С. 306—313.

[443] ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 53.

[444] *Борисенков Е. П., Пасецкий В. М.* Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. С. 306—313.

характер и не привели к демографическим сдвигам; население быстро восстанавливалось, отстраивались города. Более всего страдали территории, пограничные с Западной Европой, откуда приходили эпидемии на земли Новгорода и Пскова. Так, в Деревской пятине в 1500 г. жилых поселений было 1458, а в 1543 г. их число сократилось до 1443 (на 2,1 %), число дворов еще больше — на 10,2 %. Однако в некоторых погостах (на западе и северо-западе) число поселений и дворов возросло, а в центральных погостах сократилось[445]. В Новгородском уезде Шелонской пятины (20 погостов) средний прирост населения составил около 30 %, в отдельных погостах он колебался: от 6 % в Боротенском погосте до 260 % в Щепецком[446]. На территории уезда в первой половине XVI в. писцы учли более 200 починков, т. е. здесь происходит распашка новых земель[447]. В Старорусском уезде к 1539 г. количество дворов возросло в 1,7 раз[448]. Еще более высокий процент прироста поселений можно наблюдать в Тверской половине Бежецкой пятины, в 1540-е гг. он составил 45,7[449].

В Замосковном крае 1550-е гг., по определению Е. И. Колычевой, были благоприятными для развития хозяйства; в центральных районах страны до начала 1560-х гг. не отмечается признаков упадка[450]. Материалы сотных грамот дали возможность автору показать уровень прироста населения и увеличение площадей обрабатываемых земель. Сопоставляя сотные 1552/53 и 1561 гг. в одной из черносошных волостей Коломенского уезда, Е. И. Колычева установила: менее чем за десять лет численность дворов увеличилась на 60 %, пустующие селища записывались в пашню[451]. Аналогичные процессы происходили и на западе Замосковного края: в Звенигородском уезде в 1558/59 г. в сохранившихся описаниях трех станов из 1211 поселений только 116 (9 %) значились пустыми[452]. В эти годы следов запустения нет и в Белозерском крае. По данным вытных книг Кирилло-Белозерского монастыря 1559 г., в восьми волостях было 662 деревни и 49 починков (более 1600 крестьянских дворов обрабатывали более 4 тыс. четвертей пашни в одном поле)[453]. Однако в сотной на белозерскую дворцовую волость Иванов Борок 1557 г. записаны пустые дворы и пустоши[454].

В начале 1560-х гг. неурожаи и эпидемии, введение опричнины «с переборомземель» и неудачи в Ливонской войне повлияли на экономическое положение. В ряде центральных уездов заметны признаки запустения. В Можайском, Костромском, Кашинском, Рузском и других уездах растет число пустошей и количество запустевших посевных площадей (на монастырских землях «пустота» составляла 10 и более процентов)[455].

Несколько иную картину можно видеть на северо-западе. По писцовым книгам 1568/69 г. в Водской пятине количественные показатели дворности и населенности

[445] АИСЗР. II. С. 32. Табл. 13—14.

[446] Там же. С. 112.

[447] Там же. С. 112. Табл. 76 (данные приведены на территории, сопоставимой с 1498 г.).

[448] Там же. С. 115. Табл. 74.

[449] Там же. С. 185. Табл. 151.

[450] *Колычева Е. И.* Аграрный строй России XVI века. С. 175.

[451] Там же.

[452] Там же. С. 176.

[453] *Дмитриева З. В.* Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI—XVII вв. С. 195—196. Табл. 2.

[454] Сотная с пошехонских писцовых книг письма Ф. И. Чулкова да дьяка Ф. Фатьянова на волость Иванов Борок 1557 г. // Акты юридические. № 228. С. 244—247.

[455] *Колычева Е. И.* Аграрный строй России XVI века. С. 177.

с 1540-го к 1569 г. привел Ю. Г. Алексеев: в Новгородском уезде число деревень увеличилось на 132 %, дворов — на 162,8 %; в Ладожском численность поселений сократилась на 2,5 %, а дворов — увеличилась на 19,4 %[456]. В двадцати поместьях Тверской половины Бежецкой пятины, по данным обыскных книг 1565—1568 гг., число живущих дворов по сравнению с 1551 г. возросло на 39,2 %, причем пустых увеличилось почти вдвое (182 %), при этом писцы зафиксировали рост бобыльского населения (в 1565 г. было 2 двора, в 1568 г. — 93). В других поместьях Тверской половины в 1568 г. Г. В. Абрамович установил рост населения, прежде всего холопов и бобылей, но отметил увеличение пустоты[457]. Писцовая книга Заонежских погостов 1563 г. показывает неустойчивость починков, которые образовались в первой половине XVI в. и запустели к началу 1560-х гг. (30 % от числа новых поселений, пустые дворы — менее 3 %)[458]. При этом, по подсчетам Р. Б. Мюллер, пашенные земли составляли 91 % от пригодной для обработки земли[459].

Как видим, материалы государственных кадастров 1540—1560-х гг. дают основания говорить о неоднозначности демографического и аграрного развития отдельных регионов России, локальности и степени проявления кризисных явлений.

В начале 1570-х гг. ситуация меняется на территории всего государства. Е. И. Колычева привела данные о запустении в центральных уездах. Так, по подсчетам автора, в Васильцеве стане (примыкал к Московскому посаду) в 1573/74 г. запустело более 80 % пашен[460]. Высокий процент пустоты наблюдался во владениях Иосифо-Волоколамского монастыря: в Горетовском стане перелог достигал 87 %, а в Сурожском — 93 %. В «поветрие» вымерли троицкие рыболовы, промышлявшие по реке Воре[461]. В помещичьих хозяйствах Московского уезда в 1573/74 г. с учетом вымороченных владений запашка занимала 7 %, а в 1576—1578 г. она уменьшилась до 1,8 %. Общий процент запустения в помещичьих хозяйствах достиг 98,2[462]. На монастырских землях в Московском уезде в 1573/74 г. количество перелога составило 87—93 %[463]. Появление пустоты в 1570-е гг. отмечено писцами в Белозерском уезде. В выписи из дозорных книг 1577 г. в волости Волок Словенский значится 89 поселений живущих и 14 пустых, крестьяне которых «вымерли моровым поветрием», «сошли от голоду безвестно», «сошли кормиться в мир»[464]. По сведениям писцовой книги езовых дворцовых волостей 1585 г., «от голоду и морового поветрия в 78-м» (1569/70) запустело почти 50 % деревень и более 2,5 тыс. десятин ранее обрабатываемых земель[465]. Согласно сотной 1586/87 г. на белозерское село с деревнями Богоявленское, запустело более 70 % поселений (всего 77, впусте — 54)[466].

---

[456] АИСЗР. II. С. 32. Табл. 13,

[457] Там же. С. 190. Табл. 155.

[458] Там же. С. 245, 247. Табл. 194.

[459] Там же. С. 246. Табл. 192.

[460] *Колычева Е. И.* Аграрный строй России XVI века. С. 181—182. Табл. 13.

[461] Там же. С. 182.

[462] Там же. С. 182—183. Табл. 14.

[463] Там же. С. 186.

[464] Выпись из дозорных книг конца 1577 г. Л. Ашанина на волость Волочек словенский // Шумаков С. А. Обзор «Грамот коллегии экономии». Вып. 2: Тексты и обзор белозерских актов (1395—1758 гг.). М., 1900. С. 140—144; АИСЗР. IV. С. 46.

[465] *Барашкова В. С., Дмитриева З. В., Прокофьева Л. С.* Пришекснинские езовые дворцовые волости XVI в. // Проблемы истории крестьянства европейской части России (до 1917 г.). Пермь, 1982. С. 55. Табл. 2.

[466] Сотная с дозрных книг 1586—1587 гг. И. А. Шетнева и подьячего Ж. Софонова на с. Богоявленское на Ерге с деревнями // Шумаков С. А. Обзор «Грамот коллегии экономии». Вып. 2. С. 154—163.

В документе названы причины и годы образования пустоты: «жильцы вымерли в мор в 79-м году» (1570/71), «сошли безвестно в 92 и 94 гг.» (1583/84, 1585/86)[467]. Как видим, эпидемия, а затем голод продолжались в Белозерском крае более года (с конца 1569 по 1571 г.), а их последствия можно наблюдать и в 1580-х гг.[468]

«Моровое поветрие» и голод как причины бедственного положения населения источники называют и в других регионах России и странах Западной Европы. В 1569 г. «недород был великий хлебному плоду: рожь обратилась травою мятлицею и быть глад великий по всей вселенной». В 1570 г. на Москве и во всех русских землях — «глад велик» и «мор силен». Необычайно дождливое лето с заморозками в этот год наблюдалось и в Германии[469]. Эпидемия и неурожаи продолжались и в следующем году: «...во всей Русской земле мор силен был, якоже многие грады и села запустеша»; мороз побил летом яровые и озимые хлеба[470]. В том же году в западнорусских землях и Польше голод и «мор был великий <...> большего не помнят»[471].

В 1570 г. отмечены самые высокие цены на рожь и овес за весь XVI в.: в Подмосковье и Суздальском уезде за четверть ржи платили рубль (200 денег), за овес — полтину (100 денег), в Волоколамске цена ржи поднялась до 336 денег (рубль с полтиною и 6 алтын). Для сравнения приведем цены на рожь в Волоколамске за последующие годы: в 1573 г. — 23 деньги, в 1574 г. — 30 денег, в 1575 г. — 27 денег, в 1576 г. — 20 денег, в 1579 г. — 27 денег, в 1580 г. — 34 деньги; до конца века цена за четверть ржи здесь не поднималась выше 80 денег[472].

Р. Г. Скрынников связывал голод и эпидемии в России этих лет с опричным разгромом Новгорода Иваном IV в конце 1569 — начале 1570 г.: «В дни опричного погрома <...> голодающие горожане в глухие зимние ночи крали тела убитых людей и питались ими <...>. Вслед за голодом в стране началась чума, занесенная с Запада. К осени 1570 г. мор был отмечен в 28 городах»[473]. К. Г. Васильев и А. Е. Сегал, специалисты по истории эпидемий в России, считали, что в 1570 г. свирепствовал тиф[474].

Вероятно, эта эпидемия вызвала сокращение населения и в вотчинах Кирилло-Белозерского монастыря. Об этом свидетельствует переписная книга кирилловских вотчин 1601 г., согласно которой пустоши и пустые деревни составили третью часть всех поселений. Наибольшая пустота наблюдалась в волостях, находившихся в юго-восточной части Белозерского края и в Вологодском уезде: в Романовой слободке запустело 63,7 % поселений, в Сизме — 48,5 %. С продвижением к Белому озеру количество пустых поселений сокращается, а

---

[467] Сотная с дозрных книг 1586—1587 гг. И. А. Шетнева и подьячего Ж. Софонова на с. Богоявленское на Ерге с деревнями. Вып. 2. С. 157.

[468] О высокой смертности среди насельников Кирилло-Белозерского монастыря в годы эпидемии упоминается в грамоте, выданной Кириллову монастырю 31 января 1577 г. В грамоте цитируется челобитная кирилловских старцев, которые писали государю и просили обелить подмонастырскую вотчину: «...было де у них в Белозерском уезде лихое поветрие, и тем де лихим поветрием в их Кирилове монастыре люди деловые повымерли...» (*Дмитриева З. В.* Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI—XVII вв. Приложение I: 1577 г. января 31. — Жалованная тарханная грамота Ивана IV игумену Кирилло-Белозерского монастыря Козьме на подмонастырские деревни и несудимая и тарханно-проезжая на всю вотчину. С. 289).

[469] *Борисенков Е. П., Пасецкий В. М.* Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. С. 318.

[470] Там же.

[471] Там же.

[472] *Маньков А. Г.* Цены и их движение в Русском государстве XVI в. С. 106—108. Табл. 1.

[473] *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М., 1975. С. 143.

[474] *Васильев К. Г., Сегал А. Е.* История эпидемий в России. М., 1960. С. 43.

на севере они исчезают совсем[475]. Как видим, максимально запустели пограничные территории, где свирепствовала эпидемия, а также поселения, близкие к землям, которые отошли в опричнину.

Властям посредством жестких мер удавалось локализовать распространение эпидемии. По дорогам были устроены карантинные заставы. Дворы, где появились больные, заколачивались и туда под угрозой сожжения не допускались даже священники. Умерших хоронили не на кладбище, а в специально отведенных местах. Однако этих мер было недостаточно, «лихое поветрие» начала 1570-х гг. стало страшной эпидемией Средневековья, которая возникала примерно раз в сто лет[476]. «Моровое поветрие» опустошительным смерчем прокатилось не только по северо-западным, но и центральным уездам России.

Рассмотрим совокупность степени влияния всех факторов на запустение в регионах России[477]. При обысках (перепись населения и земель с целью определения степени разорения конкретной территории) у местных жителей в 1570—1580-е гг. спрашивали: «...сколь давна и отчего запустели деревни и от кого?» Так, в одной из самых разоренных новгородских пятин — Деревской пятине[478] — с ноября 1572 по август 1573 г. проводился обыск представителями новгородской администрации при участии выборных лиц из посадской и крестьянской общин[479]. В обыскной книге, составленной по результатам ревизии, учтены все пустые поселения, пустоши и обжи с указанием года и причины их запустения. По данным этого источника, главными причинами запустения до 1561 г. были «поветрия» (мор), в 1560-е — начале 1570-х гг. крестьяне указывали «худобу» и «государевы подати». В юго-западных, западных и южных погостах причиной запустения были, по словам тяглецов, «государев поход 78-го года» (1570), а также грабежи опричников из соседних опричных погостов[480]. При рассмотрении степени запустения в Деревской пятине в 35 погостах с 1500 по 1573 г. выявляется следующая картина: от эпидемий запустело обеж 14,1 %, от голода — 15,6, «от худобы» — 17,2, от государевых податей — 32,1, от «дорог» — 8,3, от опричнины — 8,6, от «ратных людей» — 2,7 и прочие причины — 1,4 %[481]. Вместе с тем в отдельных районах можно наблюдать корректировку рассчитанных показателей. Так, в западных погостах «от худобы» запустело всего 0,9 % обеж, а от последствий опричнины — 27,2 %; в юго-западных погостах от опричного разорения запустение достигло 34,6 % обеж, а в северных погостах в обыскной книге не зафиксировано случаев

---

[475] АИСЗР. II. С. 47.

[476] *Колычева Е. И.* Аграрный строй России XVI века. С. 179.

[477] В начале XXI в. С. А. Нефедов отказался от определения причин запустения по материалам актов и государственных кадастров и предложил вслед за Ч. Даннингом рассматривать возникновение кризиса в России во второй половине XVI в. в контексте структурно-демографической теории американского историка Дж. Голдстоуна. Критику концептуальных подходов и несостоятельность применения структурно-демографической теории к реалиям российской средневековой деревни см.: *Дмитриева З. В., Козлов С. А.* Налоги в России XVI—XVIII вв. С. 64—67.

[478] К 1572 г. в сорока погостах Деревской пятины зафиксировано 93,5 % пустых обеж (АИСЗР. II. С. 64. Табл. 35).

[479] О проведении обыска и составлении итогового документа см.: *Победимова Г. А.* Обыскная книга 1573 г. Деревской пятины // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 12. Л., 1981. С. 47—60.

[480] АИСЗР. II. С. 66. Оценивая число жертв опричного террора, авторы «Очерков демографической истории России: XVI—XXI века» на основе синодиков «опальных» и записок современников пишут, что «кровавый след» тянулся «от Москвы через Клин, Тверь, Медное и Бежецкую пятину». Общее число жертв в Новгороде, по их подсчетам, не превысило 5 тыс. человек (Т. 2. С. 121—123).

[481] Проценты рассчитаны нами по: АИСЗР. II. С. 66. Табл. 37.

«пустоты» от опричнины, а запустело более 50 % обеж от голода и «худобы»[482]. Как видно из приведенных показателей, основными причинами запустения на большей части Деревской пятины были экстремальные природные явления и «государевы подати».

На территориях, непосредственно охваченных Ливонской войной, или порубежных землях крестьяне и посадские люди среди причин запустения особо выделяли последствия войны («от литовской войны», «от немецкие войны», от «свейских немец»)[483]. Как явствует из обыскной книги 1575 г. дьяка Т. Г. Репьева, Холмская земля (юго-западная часть Деревской пятины) испытала на себе все тяготы военных кампаний[484]. Особенно пострадал от разорения город Холм, который по числу дворов в середине XVI в. превосходил большинство новгородских городов, уступая лишь Великому Новгороду и Старой Руссе[485]. В городе находились крепость, пушечный и ямской дворы, были ремесленные мастерские, в гостином дворе велась торговля местными и привозными товарами. В обыскной книге 1575 г. учтено 124 жилых и 241 «пустой и горелый двор и полудвор», 53 «места пустых дворовых». Посадские люди, участвовавшие в обыске, называли следующие причины запустения: «лихое поветрие», непосильные государевы подати и дополнительные воинские повинности (поставка подвод «под государевых посланников на шесть дорог», припасов и фуража для «ратных людей»)[486]. В феврале 1581 г. город Холм был захвачен литовским отрядом армии Стефана Батория. Воевода Ф. М. Ласкирев докладывал царю 16 февраля 1582 г. о том, что, несмотря на заключенное перемирие, «литовские люди» «безпристани» грабили села Великолукского и Холмского уездов «и такое кровопролитство чинят, чего и в ратное время не бывало»[487].

Как видим, с начала 1570-х гг. причинами пустоты источники называют небывалые по масштабам распространения эпидемии, голод, «ратное разорение» и непомерные налоги. В центральных регионах запустение усиливали набеги «крымцев». В мае 1571 г. крымский хан Девлет-Гирей сжег Москву[488], разорил и опустошил города с уездами Серпухов, Каширу, Рязань и др.[489] В вотчине серпуховского Высоцкого монастыря татары сожгли более тридцати трех дворов, крестьяне были убиты или взяты в плен, пашня паханая сократилась до 11 %[490]. На землях рязанского Богословского монастыря «в приход крымского царя» запустело 32 % поселений[491]. Масштабы разорения даже отразились во вкладной книге Кирилло-Белозерского монастыря первой четверти XVII в., в записи вклада Ивана Васильевича Большого Шереметева села Шибутова в Московском уезде: «И того же лета 7079-го майа в 24 день <...> крымской царь приходил к Москве, посады зажгли. И в обеих городех хоромы выгорели. И то село Шибутово днем преже

---

[482] Проценты рассчитаны нами по: АИСЗР. II. С. 66. Табл. 37.

[483] *Осьминский Т. И., Романовский В. М., Шапиро А. Л.* Новгородские обыскные книги второй половины XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 7. Л., 1976. С. 174.

[484] Города России XVI века: Материалы писцовых описаний / Подг. Е. Б. Французовой. М., 2002. С. 154—161.

[485] *Осьминский Т. И., Романовский В. М., Шапиро А. Л.* Новгородские обыскные книги второй половины XVI в. С. 176.

[486] Города России XVI века: Материалы писцовых описаний. С. 157.

[487] *Аракчеев В. А.* Псковский край в XV—XVII веках: Общество и государство. СПб., 2003. С. 159.

[488] О разорении Москвы крымскими татарами в 1571 г. см.: Очерки демографической истории России: XI—XXI века. Т. 2. С. 193.

[489] *Колычева Е. И.* Аграрный строй России XVI века. С. 180.

[490] Там же.

[491] Там же.

Москвы те же крымские татарове сожгли <...>. А то село Шибутово преже его данья за тринатцеть дней татарове сожгли с всем хлебом и з животиною. А крестьяне того села вымерли, а достальные на Москве в осаде погорели»[492]. После прихода крымских татар в Коломенском уезде в живущем, по данным писцовой книги 1577—1578 гг., значилось 49 %, на окраинах уезда пустоши — 58—81 %[493]. В Рузском уезде, в вотчине Иосифо-Волоколамского монастыря, в 1571/72 г. «села и деревни выжжены, а крестьяне многие побиты <...> а иные <...> з женами и з детьми в полон пойманы», а в 1584 г. — «хлебный недород», проезд «сильных и ратных людей», подмога ямским охотникам, уплата налогов с пуста («крестьянишка изнемогают ото всяких государевых податей, по таму што платят з живущего и за пуста»)[494]. Как видим, население на «воеванных» территориях страдало не только от войны и голода, но и от непомерных налогов.

На территории новгородских пятин, по данным писцовых книг 1582—1585 гг., сохранилась лишь пятая часть (20,9 %) населения (при этом почти половина живущих дворов находилась в семнадцати Заонежских погостах)[495]. Некоторые погосты были полностью заброшены. Так, в густонаселенной Деревской пятине (в 1500 г. в 54 погостах проживало 18 622 человека) в 1580-е гг. осталось 1333 человека (7,2 %), причем на 781 крестьянский двор приходилось 200 бобыльских; еще более запустели пашни (96,1 %), в центральных погостах — 98,9 %[496]. Писцовые книги 1580-х гг. фиксируют «порожжие» земли, на территории которых уже не было ни помещиков, ни крестьян (в Водской пятине в 31 погосте писцы учли 691 такую пустошь)[497]. Резко сократились площади обрабатываемых земель. Средний размер крестьянской запашки на двор сократился в два и более раз. Наиболее обеспеченные землей крестьяне Шелонской пятины на 1500 г. имели в среднем на двор: в Порховском уезде — 13,8 десятин в трех полях, в Новгородском — 12 десятин; в 1580-е гг. средняя величина уменьшилась в Порховском уезде в 4,5 раза (3,1 десятин), в Новгородском — в 3 раза (4,2 десятин). Эти показатели дворовой пашни были характерны и для остальной территории Новгородской земли (только в Водской пятине они составили 6 десятин в трех полях)[498]. При этом необходимо учитывать, что «за этими средними цифрами, — как подчеркивал А. Л. Шапиро, — скрывались многие крестьянские хозяйства, весь тяглый надел которых не превышал нескольких соток»[499]. Крестьяне сокращали обременительную податями запашку и брали землю в аренду. Льготная арендная система отношений поддерживала минимальный жизненный уровень населения, но приводила к частичному отказу от паровой системы земледелия[500]. Схожая ситуация была в Шелонской и Бежецкой пятинах. В 1580-е гг. пустоши преобладали и в Псковской земле. По данным Н. Н. Масленниковой, в восьми уездах было всего 16,2 % живущих поселений (1408 сел, се-

[492] ОР РНБ. Кир.-Бел. № 78/1317. Л. 80 об.—81.

[493] Очерки демографической истории России: XI—XXI века. Т. 2. С. 178. Данные приведены А. В. Демкиным по: *Кузнецов В. И.* Из истории феодального землевладения России (по материалам Коломенского уезда XVI—XVII вв.). М., 1993. С. 94—95, 127.

[494] АФЗХ. Ч. 2. С. 420—421.

[495] АИСЗР. II. С. 292.

[496] Там же. С. 70. Табл. 39—40, 69.

[497] Там же. С. 171. Табл. 136.

[498] Там же. С. 267. Табл. 211.

[499] Там же. С. 268.

[500] Там же. С. 268—269.

лищ, деревень и починков)[501]. На этой же территории процент обрабатываемой пашни был еще ниже — 6,7[502]. Огромные массивы земель находились в перелоге (в целом в пятнадцати уездах их объем превышал 125 тыс. четвертей)[503]. Вместе с тем в ряде уездов в конце 1580-х гг. ситуация меняется: появляется небольшое число починков, земли пустых деревень и пустошей начинают вводиться в хозяйственной оборот. Так, в Псковском уезде были припущены в пашню земли 136 заброшенных поселений[504].

Высокая степень запустения наблюдается в большинстве центральных и южных уездов. По подсчетам Е. И. Колычевой, в одиннадцати московских станах, описанных в писцовой книге Тимофея Хлопова 1584—1586 гг., пашня составляла 13,4 % от общего количества посевных площадей. При этом значительные массивы пашни оказались в «порозжих землях» (на поместных землях их было 21 %, на вотчинных — 5,1 %.) В Тульском уезде в эти годы из 56 052 четвертей живущая пашня занимала 14,3 %[505].

Рязанский край в начале 1570-х и в 1590-е гг. пострадал от грабительских набегов крымских и ногайских татар[506]. По данным писцовой приправочной книги Рязанского уезда 1594—1597 гг., в Перевицком, Ростиславском и Моржовском станах запустело более половины деревень (62 %), где осталось немного более 45 % крестьянских и бобыльских дворов (крестьянских — 945, бобыльских — 450) (подсчет Г. Н. Анпилогова)[507]. При этом «пашня паханая» значительно сократилась по сравнению с убылью населения и составила всего 8,5 % от общего объема учтенных писцами земель[508]. Как видно из текста рязанской книги, пашня «наездом» в четыре раза превышала размеры земель «в живущем» и была включена писцами «впусто», т. е. не облагалась налогами[509].

Сокращение тяглых пашен и убыль населения в центральных и северо-западных уездах, несомненно, были связаны с тем, что крестьяне уходили от налогов, забрасывали тяглые наделы, пахали землю «наездом» и распахивали пустоши.

Однако проявление кризисных явлений не было повсеместным. Другую картину можно наблюдать в Заонежье и на Русском Севере. По подсчетам Р. Б. Мюллер, в 11 из 18 Заонежских погостов с 1563 г. к 1582 г. произошло увеличение площади обрабатываемой земли на 33 %, а в Андомском и Пудожском погостах — более чем на 100 %[510]. Общее число живущих и пустых дворов в эти годы увеличилось на 30 %, а в некоторых погостах — на 70 % и более[511]. Р. Б. Мюллер приводит также данные о динамике численности живущих деревень в Заонежских погостах: в 1496 г. в них за-

---

[501] АИСЗР. III. С. 92. Табл. 35.

[502] Там же. С. 91. Табл. 34.

[503] Там же.

[504] Там же. С. 92. Табл. 35.

[505] *Колычева Е. И.* Аграрный строй России XVI века. С. 189—191. Табл. 16.

[506] ПСРЛ. Т. 13. М., 1965. С. 87—88.

[507] *Анпилогов Г. Н.* Рязанская писцовая книга конца XVI века. М., 1982. С. 7.

[508] Г. Н. Анпилогов приводит следующие данные: пашня паханая — 4632 четверти, наездом — 16 568 четвертей, перелог — 28 579 четвертей, лесом поросло — 3240 четверти, дикий лес — 1595 четвертей (Там же).

[509] Приведем типичный формуляр описания сошного оклада поместных земель: «И всего пашни паханые и с наезжею пашнею и перелогом добрые земли 150 чети в поле, а в дву потому ж, сена. <...> В живущем четвертные пашни 5 чети, а впусте сошного письма и с наезжею пашнею пол-полтрети и пол-полчети и пол-пол-полчети сохи и 3 чети пашни» (Там же. С. 92 и др.). Как видим, в государево тягло включались только пашни «в живущем», в данном случае 3,3 % всей пригодной для обработки земли.

[510] АИСЗР. III. С. 246. Табл. 192.

[511] Там же. С. 247. Табл. 194.

фиксировано 744 деревни (900 дворов), в 1563 г. — 776 деревень (1179 дворов), т. е. налицо колонизационные процессы и рост численности населения[512]. Резкое сокращение населения происходит в 1580-е гг., когда территория Заонежья оказалась охваченной Ливонской войной. По подсчетам А. И. Копанева, в 1580-х гг. население на Двине, Пинеге, Мезени увеличилось по сравнению с началом XVI в. более чем в два раза и достигло 44 230 человек[513]. Как отмечала Р. Б. Мюллер, в Лопских погостах в эти же годы шел интенсивный приток нового населения[514].

Увеличение численности населения в 1580-е гг. наблюдалось и на территории новгородских дворцовых земель. По подсчетам Т. И. Осьминского, в годы кризиса средняя населенность двора не только не уменьшилась, но и выросла в конце XV в. с 1,03 «людей» на двор до 1,48 в 1584 г.[515] В 1584 г. в дворцовой волости Валдай проживало около 2700 человек против 1500 жителей в 1500 г. (прирост составил 80 %)[516].

Рост численности населения к 1580 г. можно видеть и в Белозерье. В вышеупомянутой дворцовой волости Иванов Борок количество дворов возросло в 1,5 раза (было 39 — стало 59), причем в волости писцы нашли только три пустых двора; размер обрабатываемой пашни увеличился в 1,4 раза[517]. В других езовых дворцовых волостях Белозерья запустение проявилось крайне неравномерно. Полностью вымерли Чуровская и Милобудская волости, находившиеся соответственно в юго-восточной и восточной частях уезда[518]; в некоторых волостях пустые поселения преобладали над живущими: в Усть-Угольской их было 80 %, в Долгой слободке — 80,4, в Веретейке Малой — 78,6 %[519]. В то же время в волостях, расположенных в верхнем течении Шексны ближе в Белозерску, заброшенных деревень писцы почти не обнаружили (в Федосьине Городке — 4,8 %, в Вогнеме — 7,3, в Липнике Заозерском — 10,3, в Ивачевской — 13,8 %)[520].

Близкая демографическая ситуация в конце XVI в. сложилась в вотчинах Кирилло-Белозерского монастыря. Села и деревни, находившиеся в северной части уезда и по берегам Белого озера, не были затронуты кризисом (Покровское, Вашки, Кивуй, Городище и др.)[521]. Вероятно, «моровое поветрие» не затронуло эти земли. На белозерских землях (монастырских и дворцовых) в 1570—1590-е гг. не прослеживается снижения размеров крестьянских наделов. В эти годы в житницы Кирилло-Белозерского монастыря поступали десятки четвертей ржи и овса в виде вкладов «людей разных чинов», в том числе крестьян[522].

---

[512] АИСЗР. III. С. 248. Табл. 195. Данные приведены Р. Б. Мюллер на сопоставимой территории.

[513] Там же. С. 9.

[514] Там же. С. 83.

[515] Там же. С. 138.

[516] Там же.

[517] *Барашкова В. С., Дмитриева З. В., Прокофьева Л. С.* Пришекснинские езовые дворцовые волости XVI в. С. 57. Табл. 4.

[518] Писцовая езовая книга дворцовых волостей и государевых оброчных угодий Белозерского уезда 1585 года. С. 60—84.

[519] Там же. С. 38—51, 25—38, 68—75. (Подсчет наш.)

[520] Там же. С. 84—133.

[521] Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Вытные книги, хлебные оброчники и переписная книга вотчин Кирилло-Белозерского монастыря: 1559—1601 гг. / Сост. А. Х. Горфункель и З. В. Дмитриева; под ред. А. Г. Манькова. М.; Л., 1983. С. 391—399.

[522] *Дмитриева З. В.* Цены на зерно по вкладной книге Кирилло-Белозерского монастыря (1570—1610 гг.) // Традиционные и новаторские пути изучения социальной истории России XII—XX веков: Сборник статей в честь Е. Н. Швейковской. М., 2021. С. 74—78.

В Романовском уезде (граничил с Ярославским, Белозерским и Пошехонским уездами), по подсчетам А. В. Демкина, в 1590-е гг. живущих поселений было в 1,5 раза больше, а доля пустых дворов составляла 3 %[523]. Автор на основе писцовой книги 1593—1594 гг. выявил причины запустения 70 дворов: 38 дворовладельцев «сошли безвестно», 32 умерли. В Романовском уезде одновременно с запустением в писцовой книге зафиксирован приток населения (15 крестьян, 16 бобылей и 3 монастырских «детеныша»)[524].

В 1580—1590-е гг. активно заселяются территории на юге страны, возводятся новые порубежные города-крепости (в 1585 г. — Воронеж, Ливны, в 1592 г. — Елец, в 1596 г. — Белгород, Курск)[525]. В конце XVI в. начинается строительство городов в Сибири[526].

Как видим, территориальная локальность запустения, отмеченная в 1550—1560-х гг., была характерна и для демографического положения России в последней четверти XVI в.

В 1590-е гг. начались медленное хозяйственное восстановление и рост населения на разоренных эпидемией и Ливонской войной новгородских землях. В Деревской пятине, одной из наиболее запустевшей, в 1594 г. дозорщики обнаружили деревни, возникшие на пустошах, часть земель которых не была в тягле, а обрабатывалась «из оброка», т. е. крестьяне получили ее в аренду; были выявлены также посевы и покосы «наездом»[527]. Безоброчное использование пашенных и сенокосных угодий дозорщики выявили и в других новгородских пятинах[528]. По мнению Н. Н. Масленниковой, «передача пустующих земель на оброк была одним из найденных путей преодоления запустения»[529]. В Бежецкой пятине число живущих обеж (по подсчетам Г. В. Абрамовича) с 1580-х гг. к 1601 г. увеличилось на 19 %[530].

Кризис, в котором оказалась страна в последней четверти XVI в., вынуждал правительство искать пути выхода из него. Только увеличение налогов не могло решить проблему пополнения государевой казны. Темпы сокращения налоговых сборов показал Г. В. Абрамович. По его подсчетам, с новгородских крестьян в 1570—1572 гг. было собрано государственных налогов на сумму 9150 руб., но уже в 1576 г. — всего 71 % от этой суммы, а в 1583 г. — 9,8 %[531].

В такой ситуации власти вынуждены были пойти на внесение корректив в систему сошного письма и исключить из обложения пустую землю, налоги с которой должны были платить оставшиеся жители деревни. К 1573 г. принципы обложения изменились: пустые сохи были отделены от живущих[532].

Для преодоления кризиса и пополнения казны государство предприняло ряд мер, направленных на отмену налоговых привилегий монастырям, ограничение крестьянских переходов и освобождение от налогообложения господской пашни.

Для ограничения выхода крестьян, владевших тяглыми наделами, в 1580-е гг. был

---

[523] Очерки демографической истории России: XI—XXI века. Т. 2. С. 178.

[524] Там же.

[525] Там же. С. 296, 299.

[526] Там же. С. 180.

[527] АИСЗР. II. С. 78.

[528] Там же. С. 133. Табл. 103.

[529] Там же. С. 110.

[530] Там же. С. 193—194.

[531] *Абрамович Г. В.* Государственные повинности владельческих крестьян Северо-Западной Руси в XVI — первой четверти XVII в. С. 81.

[532] *Колычева Е. И.* Аграрный строй России XVI века. С. 187.

введен режим так называемых заповедных лет[533]. Тем самым нарушалось установленное статьями Судебников 1497 и 1550 гг. право крестьянских переходов в течение двух осенних недель — недели до и недели после Юрьева дня (26 ноября по ст. ст.).

Кризис привел также к массовому разорению служилых людей. Нередко «оскудевшие» помещики бросали свои поместья и уходили в другие уезды. В документах 80-х гг. XVI в. обычными были следующие известия: «помещик <...> ходит меж дворы, людей и крестьян нет, поместье стоит пусто». Для укрепления поместной системы государство стало освобождать («обелять») от налогообложения господскую пашню, которую помещик пахал непосредственно на себя «со своими людми». В 1590-е гг. происходила раздача помещикам «порожжих земель», что также являлось одной из мер властей, направленных на преодоление кризиса.

В условиях кризиса российские власти пытались поставить под контроль имущество и земельный фонд духовных корпораций и проводили переписи монастырей и их вотчин. В Кирилло-Белозерском монастыре государевы писцы в июле 1601 г. описали все: от храмовых построек до «рухляди»[534]. Одновременно писцам надлежало переписать земельные владения монастыря, расположенные в десяти уездах, провести переоброчку крестьян, а также предусмотреть сокращение монастырских слуг до 101 человека и определить («сметить»), «сколько им в год надобе на монастырской обиход денег и всяких годовых запасов», а слугам, которые находились «на приказех и доводех» и «ели и пили монастырское», впредь предписывалось «есть хлеб свой»[535]. В вотчинах монастыря надлежало переписать села, деревни, пустоши и слободы и «что в котором селе вытей в живущем, и сколько где на монастырь пашни пашут, и сен косят, и что с которого села каких доходов денежных, и хлебных, и столовых в год емлют»[536]. Помимо этих широких полномочий, ревизоры вводили десятинную пашню: пустующие земли следовало раздать крестьянам. В тех волостях, где возможности крестьян были ограничены, заброшенную землю надлежало пахать монастырским слугам из расчета 10 десятин на человека. Тем самым в хозяйственный оборот вводились значительные площади заброшенных земель[537].

Обращение «государева ока» к монастырям было обусловлено как отношением средневекового общества к монастырской собственности (напомним дискуссии начала XVI в. и политику государства в течение всего столетия), так и состоянием монастырских ценностей и хозяйства в кризисные годы. В конце века в монастырских житницах хранились тысячи пудов зерна, на скотных дворах держали сотни голов скота. Приведем несколько цифр. В Соловецком монастыре в 1514 г. хлебные запасы составляли 1000 четвертей, в 1549 г. — 5640, в 1570 г. — 4185, в 1597 г. — 5525

---

[533] О введении ограничения крестьянских переходов см.: *Аракчеев В. А.* «Заповедные годы» на Северо-Западе России: Историография, источники, методы исследования // Отечественная история. 2004. № 3. С. 128—140; *Он же.* Из истории закрепощения в России: Прикрепление к тяглу в конце XV — начале XVII в. // Очерки феодальной России. Вып. 3. М., 2001. С. 128—140.

[534] Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года: Комментированное издание / Сост. З. В. Дмитриева и М. Н. Шаромазов; отв. ред. Г. И. Вздорнов. СПб., 1998; *Дмитриева З. В.* Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI—XVII вв. С. 83—91.

[535] *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397—1625). Т. 1. Вып. 2. СПб., 1910. С. 0LXII—0LXIV (смета доходов и расходов).

[536] Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Вытные книги, хлебные оброчники и переписная книга вотчин Кирилло-Белозерского монастыря. С. 358.

[537] *Дмитриева З. В.* Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI—XVII вв. С. 108.

(четверть ржи XVI в. вмещала 4 пуда)[538]. В Антониево-Сийском монастыре в 1597 г. писцы намерили более 844 четвертей «всякого хлеба»[539]. В Кирилло-Белозерском монастыре накануне великого голода в житницах было более 25 тыс. четвертей (ржи, муки, ячменя, овса, солода, круп и толокна)[540]. В голодные годы начала XVII в. этот хлеб спас насельников монастыря и население Белозерского края[541]. Таким образом, в годы кризиса монастыри оставались оплотом стабильности в разных регионах страны.

Как видим, кризис в отдельных регионах страны проявлялся с разной степенью интенсивности, носил локальный характер и не привел к разрушению традиционного жизненного уклада. Крестьянство искало способы выживания: сокращение тяглых земель, распашка пустошей безоброчно, переселение на земли, отдаленные от «военных» территорий. При этом следует учитывать особенность средневекового воспроизводства, что определяло быстрое восстановление отдельных хозяйств (прежде всего монастырских), рост населения в северных регионах страны.

Для стабилизации экономического положения государство провело ряд антикризисных мер. Для пополнения государевой казны власти пошли на ограничение финансовых привилегий крупных землевладельцев (отмена тарханов) и свободного передвижения населения, учет монастырских земель и ценностей. Одновременно для облегчения финансового бремени были выведены из обложения пустые и запереложенные земли, которые могли обрабатываться крестьянами «наездом», что в дальнейшем могло привести к включению этих земельных массивов в сошное письмо с уплатой налогов.

---

[538] *Дмитриева З. В.* Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI—XVII вв. С. 66. Табл. 1.

[539] Там же. С. 70. Табл. 2.

[540] Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года. С. 226.

[541] *Дмитриева З. В.* Хлебный «бюджет» Кирилло-Белозерского монастыря в начале XVII в. // Монастыри и архиерейские дворы в документах XVI—XVIII веков. СПб., 2015. С. 11—39.

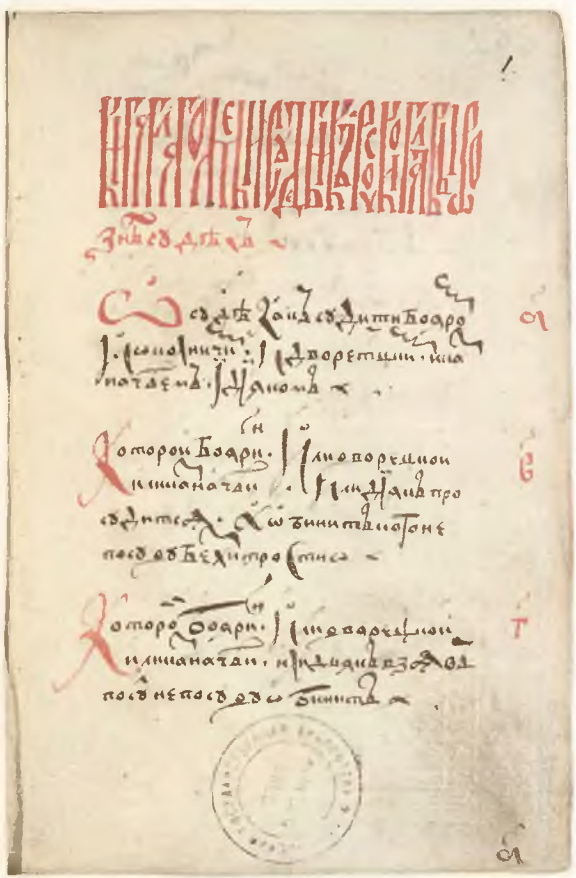
Карта Московского государства Сигизмунда Герберштейна

План Москвы Сигизмунда Герберштейна

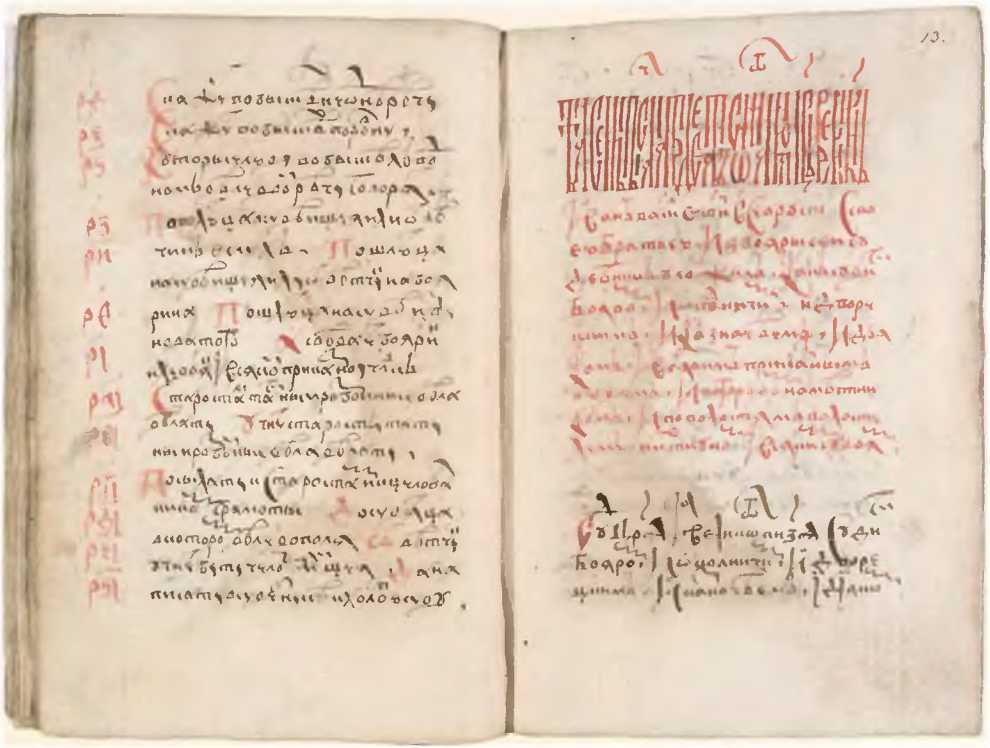
Крестьяне. Миниатюра из Лицевого Жития Сергия Радонежского. XVI в. Российская государственная библиотека

Царь Иван Васильевич велит поставить двор для князя Владимира Андреевича и жалует его дворовым местом боярина князя Ивана Мстиславского. Лицевой летописный свод. XVI в. Государственный исторический музей

Судебник 1550 г. (фрагмент 1)
Российская государственная библиотека



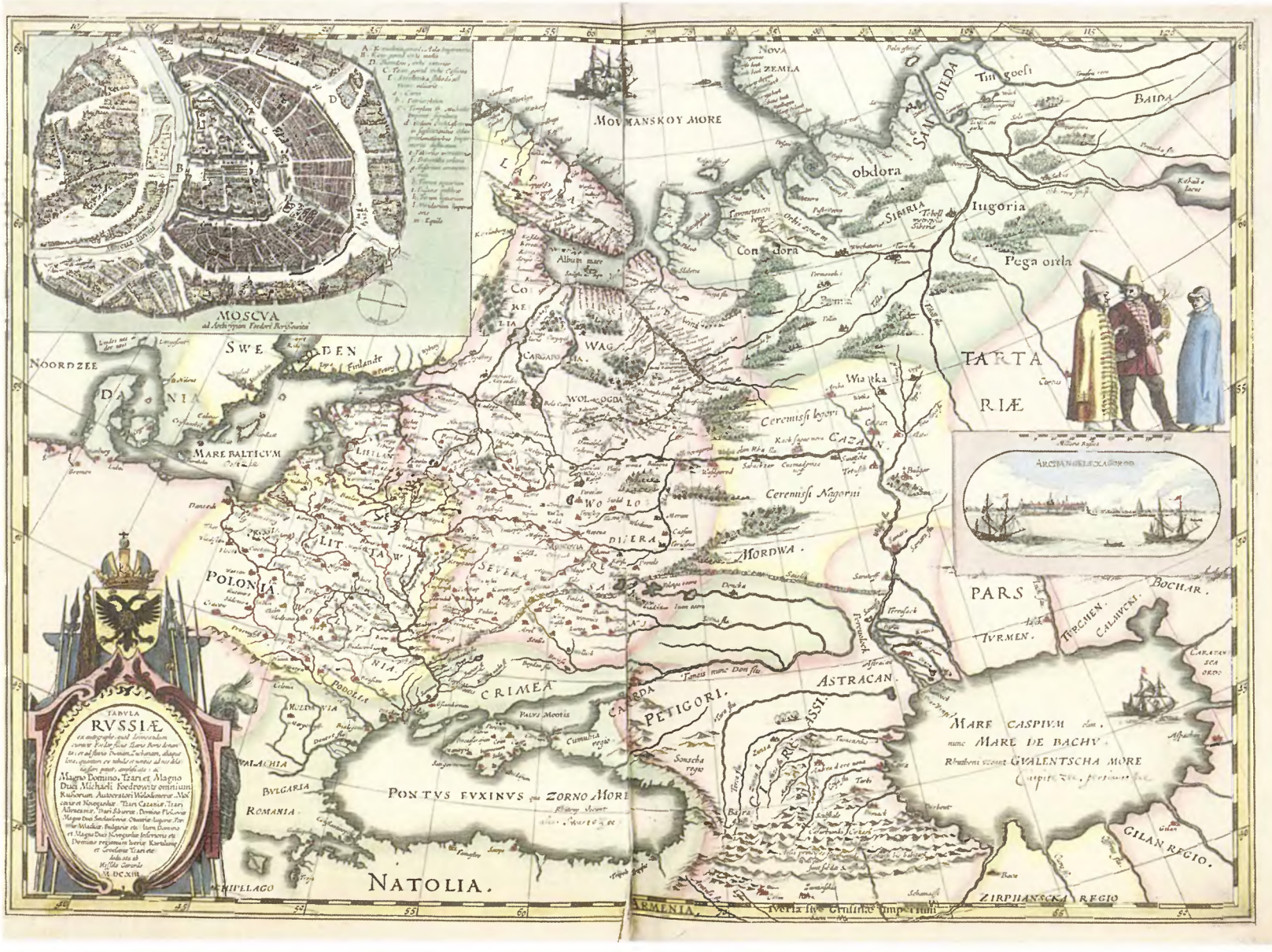
Судебник 1550 г. (фрагмент 2)
Российская государственная библиотека



Царское моленное место (Мономахов трон) в Успенском соборе Московского Кремля.
1551 г.; ткань – XVII в.
Музеи Московского Кремля

Шапка Мономаха.
Первая половина XIV в. (?).
Фото: С. В. Баранов.
Музеи Московского Кремля

Шапка Казанская.
Вторая половина XVI в. (?).
Фото: С. В. Баранов.
Музеи Московского Кремля



Карта России XVI в. Гесселя Герритса

Великий князь Василий III. Гравюра.
1551 г. Государственный исторический музей

Святитель Василий Великий и великий
князь Василий III в молении Богоматери
«Знамение». Икона. Последняя четверть XVI в.
Государственный исторический музей

Великий князь Василий III.
Гравюра Андре Теве. 1584 г.
Государственный исторический музей

Великий князь Василий III. Стенопись Архангельского собора Московского кремля. 1652—1666 гг. Фото: В. Е. Оверченко. Музеи Московского Кремля

Великая княгиня
Елена Васильевна Глинская.
Скульптурный портрет —
реконструкция по черепу.
Автор С. А. Никитин

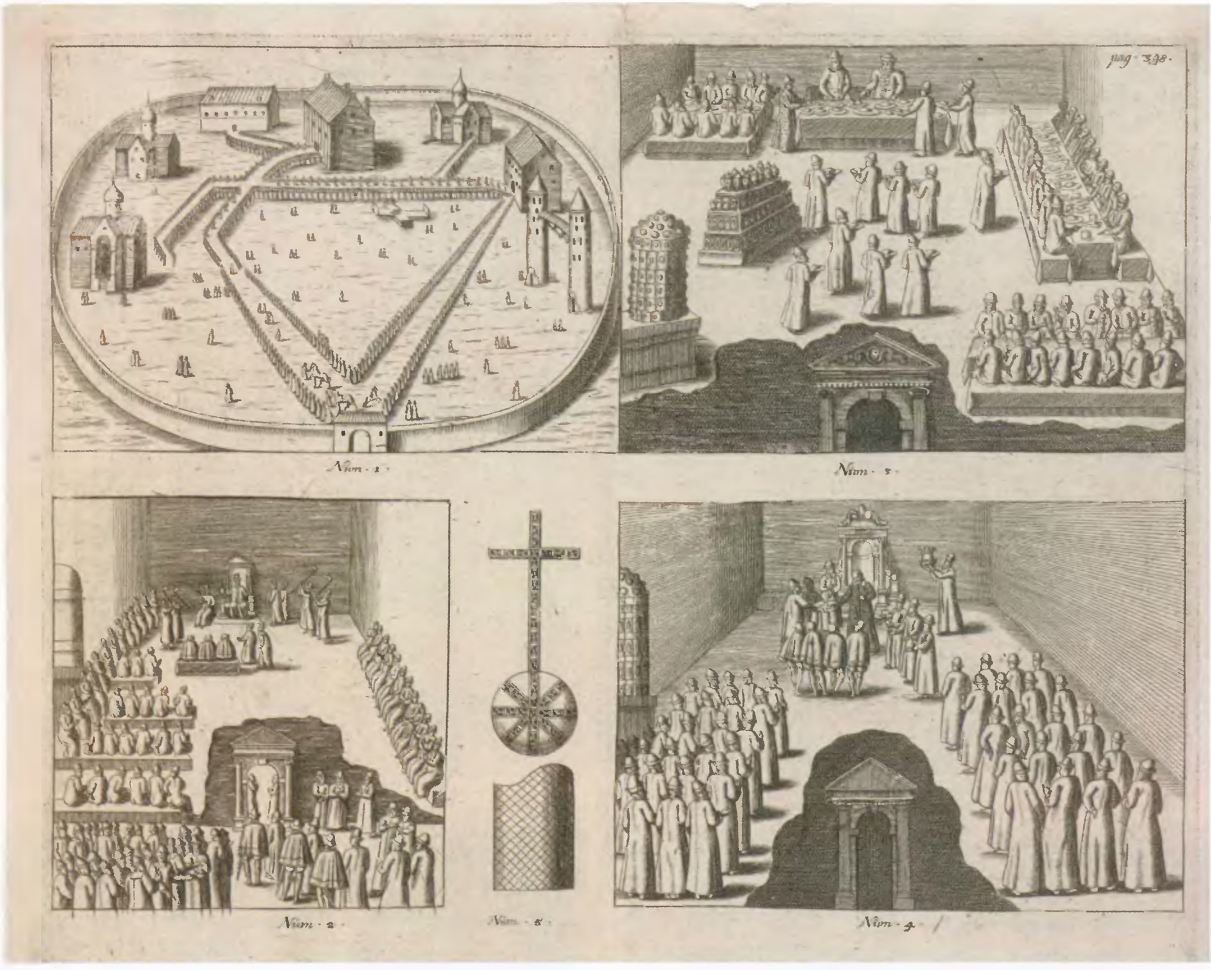
Царь Иван IV Васильевич.
Ксилография Ганса Вейгеля-старшего. 1563 г.

Царь Иван IV Васильевич.
Гравюра из книги Пауля Одерборна

Портрет царя Ивана IV Васильевича.
Неизвестный художник.
Вторая половина XVIII в.
Государственный исторический музей

Копейка.
Серебро, чеканка.
1533—1584 гг.
Новгородский
музей-заповедник

Царь Иван IV Васильевич. Скульптурный
портрет — реконструкция по черепу.
Автор М. М. Герасимов.
Государственный исторический музей



Александровский кремль в XVI в.
Гравюра Якоба Ульфельда

Опричник. Изображение на поддоне подсвечника
из Александровской слободы. XVI—XVII вв.
Музей-заповедник «Александровская слобода»

Царь Феодор Иоаннович.
Портрет-парсуна. Начало XVII в.
Государственный исторический музей

Трон царя Бориса Годунова. Иран.
Конец XVI — начало XVII в. Фото: В. Н. Серегин,
С. Ю. Миронов. Музеи Московского Кремля

Портрет царя Бориса Годунова.
Неизвестный художник. Вторая половина XVIII в.
Государственный исторический музей

Карта Ливонии XVI в.

Царь Иван Васильевич
идет из Нижнего Новгорода
с царем Шигалеем, царевичем Едигеем,
боярами и князьями к Казани.
1565—1576 гг. Лицевой летописный свод.
Государственный исторический музей

Встреча посла Ф. И. Умного-Колычева в Гродно. 1567 г.
Гравюра Матиаса Цюндта

Русский конный воин.
Гравюра из книги Сигизмунда Герберштейна

Русская поместная конница.
Гравюра из книги Сигизмунда Герберштейна

Битва при Орше 1514 г.
Гравюра. Летучий листок

Warhafftiger anfāg

vnd vndericht der schlacht / ßo der König yn Poln ꝛc. ytzundt mit dem obersten Hertzogē yn Moscouia am tag der yückfraw Marie geburt / ym viertzenden yar / gehabt.

Deß Durleuchtigsten Großmechtigsten Fürsten vnnd Herren / Herren Jwan Bassilowitz / Herrschern der Reussen / ꝛc. Vnd Groß Fürsten zu Bladomir / Moscaw vnnd Nawgarten / ꝛc. Credentz vnnd ander schreiben / so seine Durchleuchtigkeit / bey Herren Kutzen Sachary Jwancobitz Pulersecky / Stathaltern auff Weyssensee / vnnd Herren Andreen Archibarschaff / Fürstlichen Moscouischen Ziacken vnnd Secretario / sampt anderen Abgesanten, Röm: Kay: May: zu Regenspurg vberreichen lassen.

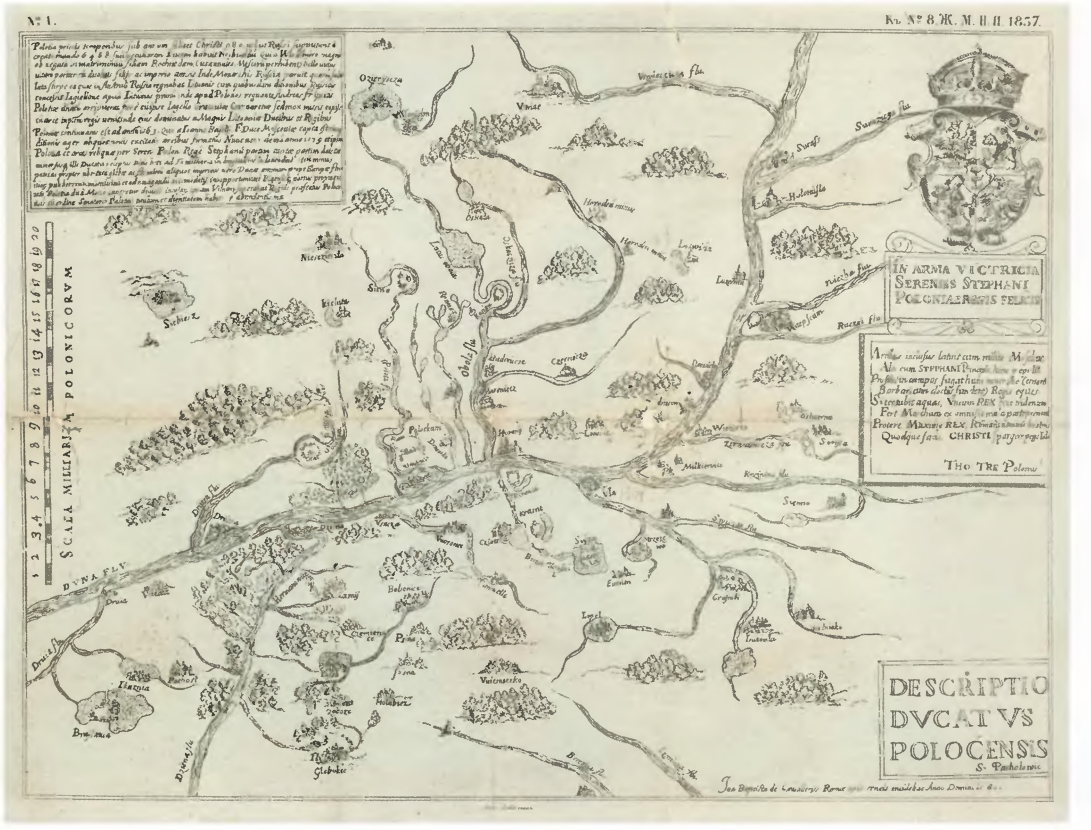
Daneben auch höchstgedachter Röm: Kay: May: gegenschreiben vnd beantwortung: So jr May: ꝛc. bey wolermelter Bottschafft / Fürstlicher Moscouischer Durchleuchtigkeit widerumb vberschickt.

Изображение московита.
Гравюра. Летучий листок. 1576 г.

Групповой портрет российской дипломатической миссии с верительными грамотами и подарками от царя Ивана IV к императору Максимилиану II по случаю рейхстага в Регенсбурге 18 июля 1576 г. Гравюра (фрагмент 1)

Групповой портрет российской дипломатической миссии с верительными грамотами и подарками от царя Ивана IV к императору Максимилиану II по случаю рейхстага в Регенсбурге 18 июля 1576 г. Гравюра (фрагмент 2)

Групповой портрет российской дипломатической миссии с верительными грамотами и подарками от царя Ивана IV к императору Максимилиану II по случаю рейхстага в Регенсбурге 18 июля 1576 г. Гравюра (фрагмент 3)

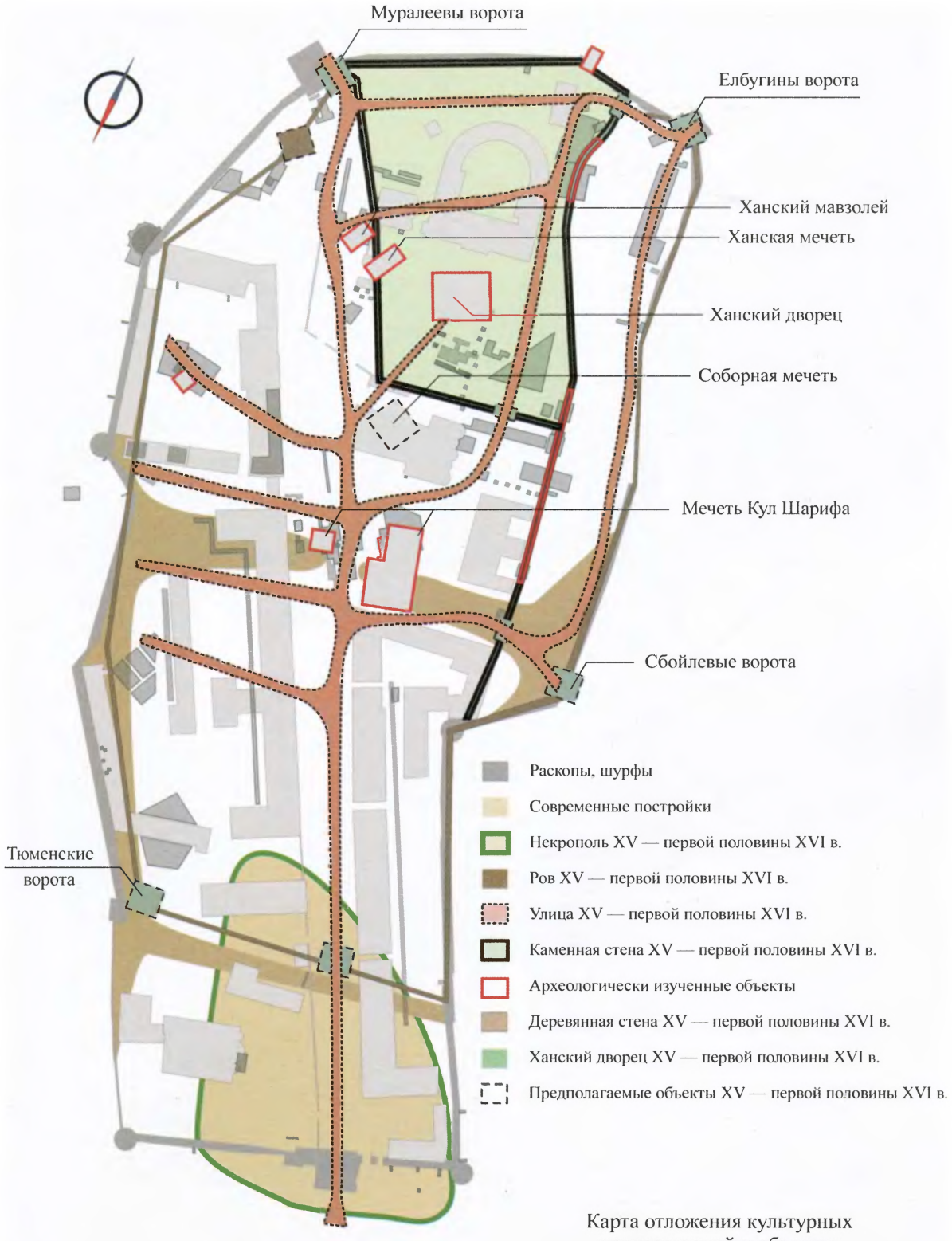


Полоцкие пригороды в 1579 г. Гравюра

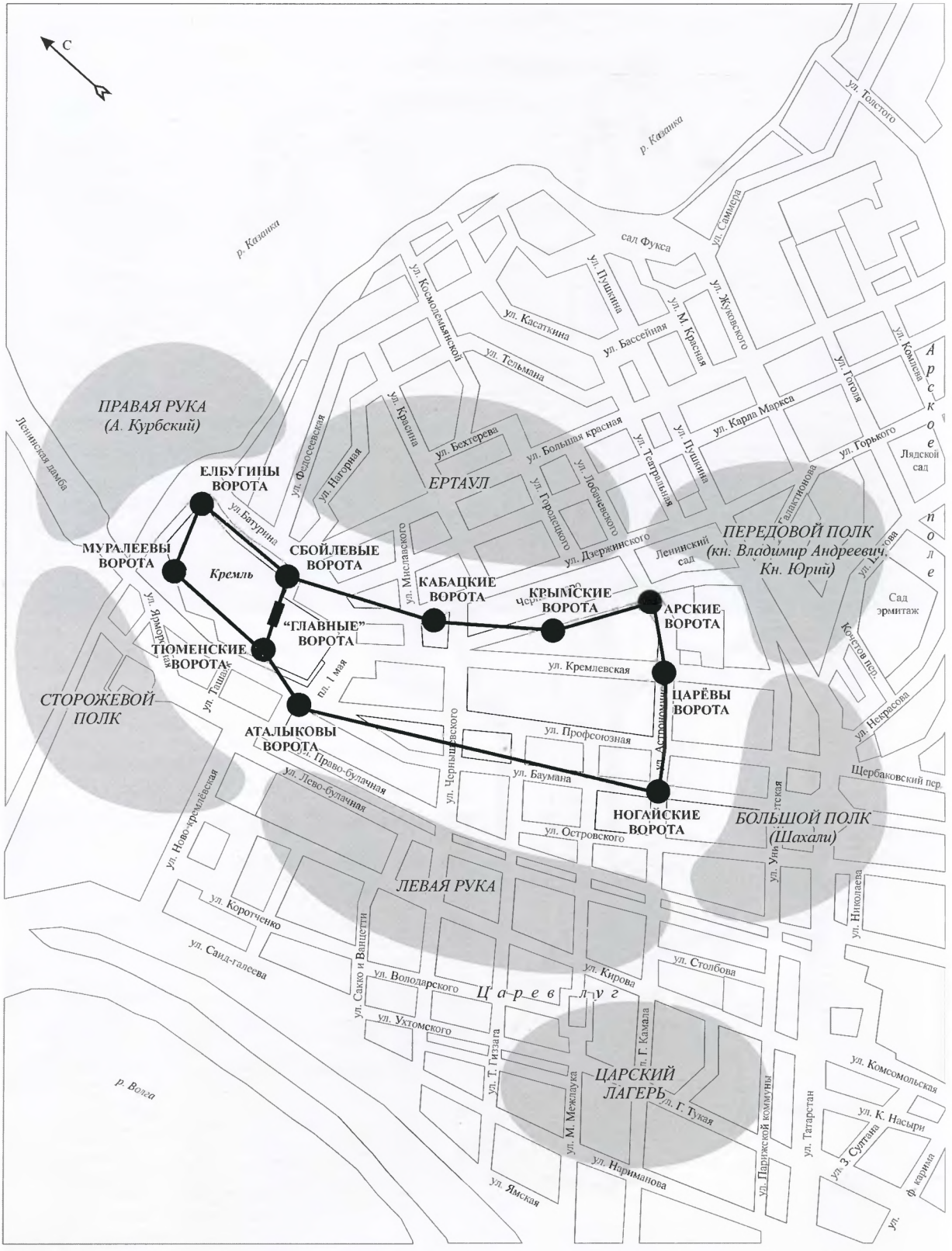
Полоцк и полоцкие пригороды в 1579 г. Гравюра

Казань Арк (цитадель) на закате. Реконструкция Н. Х. Халитова

Футляр для миниатюрного Корана.
Казанское ханство. XVI в.
Фонд Марджани

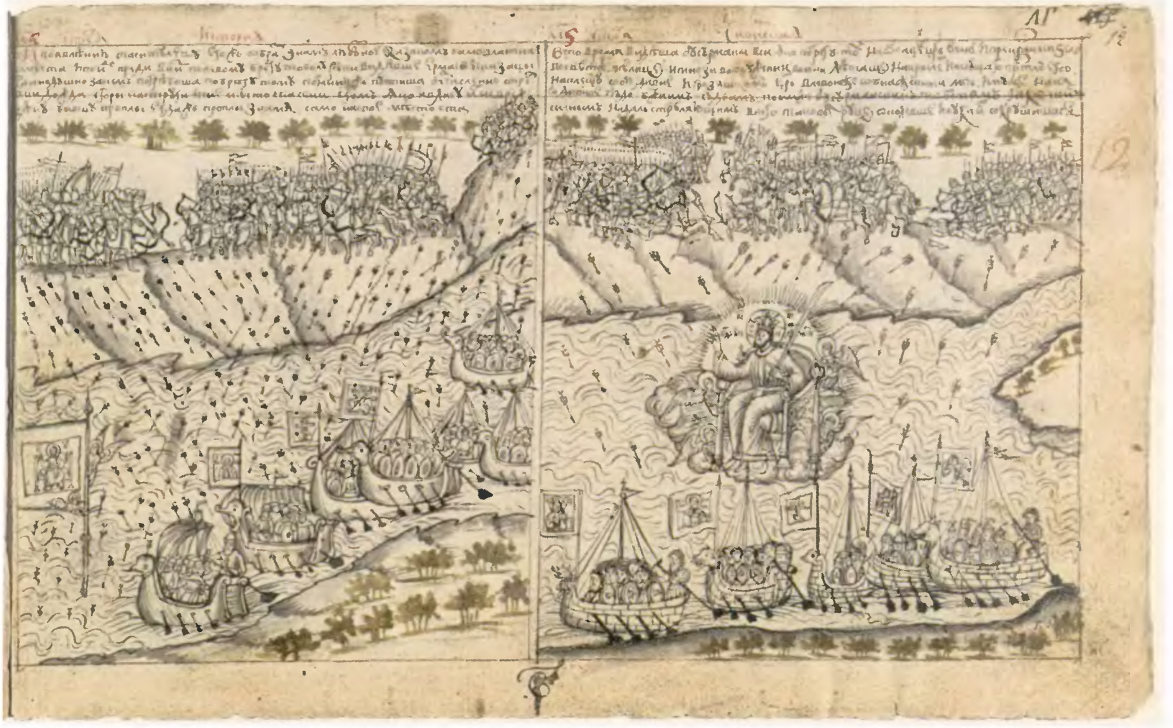


Карта отложения культурных напластований и объектов второй половины XV — первой половины XVI в. на территории Казанского кремля. Составил А. Г. Ситдиков



Осада г. Казани в 1552 г. Реконструкция А. Г. Ситдикова

Сибирские народы (слева). Ермак в шатре (справа). Миниатюра Ремезовской летописи. Библиотека Академии наук



Казаки плывут по реке Тобол, обстреливаемые с берега татарскими воинами. Миниатюра Ремезовской летописи. Библиотека Академии наук

Сражение между сыном Кучума Али и Сейдяком за оставленный казаками Искер (слева). Татары находят в воде тело Ермака (справа). Миниатюра Ремезовской летописи. Библиотека Академии наук

Осада остяками Обского городка (слева). Основание Тюмени (справа). Миниатюра Ремезовской летописи. Библиотека Академии наук

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ — СЕРЕДИНЫ XVI в.

Внутренняя политика великого князя Василия III (1505—1533 гг.)

Вступление Василия III на престол. Государь всея Руси Иван III скончался 27 октября 1505 г. В своем духовном завещании[1] он распределил между сыновьями обширное наследство, полученное в результате объединительной политики московских великих князей. Старшему сыну Василию он завещал основную территорию Русского государства[2]. Впервые наследнику престола великому князю Василию III передавалась Москва целиком (раньше столица дробилась по третям между сыновьями государя). По подсчетам В. А. Кучкина, Василию Ивановичу передавалось шестьдесят шесть городов — крупных административных и экономических центров, тогда как остальным четверым сыновьям — только тридцать. Такое неравномерное распределение наследства вносило коренные изменения в отношения великого князя с удельными родственниками и создавало территориальные, экономические и военные преимущества для развития самодержавной монархической власти[3].

Передачей своим сыновьям городов с уездами, многочисленных волостей, сел и деревень Иван III воссоздал систему уделов. Василий III не сразу выделил уделы братьям Семену и Андрею по распоряжению своего отца, данному ему накануне смерти: «Сына своего Семиона да Андрея дасть на руки братоу их, великому князю Василию, и повеле им дати уделы»[4]. Калужский удел был передан Семену Ивановичу в 1507 г., а Старицкий удел Андрею Ивановичу — только в октябре 1518 г.

Василий III был провозглашен великим князем Владимирским, Московским и всея Руси 14 апреля 1502 г.[5] Существует мнение, что за провозглашением Василия великим князем последовали торжественное венчание его на великое княжение Владимирское и Московское и коронация. Точки зрения о коронации Василия III придержи-

---

[1] Завещание Ивана III датируется историками по-разному: либо декабрем 1503 г., либо мартом—апрелем 1504 г. См.: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. 1. М.; Л., 1948. С. 221; *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. // Проблемы источниковедения. Т. VI. М., 1958. С. 319—320; *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI века. С. 200—202.

[2] ДДГ. № 89. С. 354—361; *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. С. 62—65.

[3] *Кучкин В. А.* О новом издании договоров и завещаний русских князей XIV—XVI вв. // Российская история. 2016. № 3. С. 16.

[4] ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921. С. 215.

[5] ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. С. 255.

ваются С. М. Соловьев, В. Д. Назаров, не разделяют ее Н. М. Карамзин, А. А. Зимин, А. Л. Хорошкевич, А. И. Филюшкин и др.[6] Основанием для предположения о возложении на государя инсигний служат летописная статья официального летописания от 14 апреля 1502 г., в которой говорится о «посажении» Василия Ивановича на великокняжеский престол «самодержцем по благословению Симона, митрополита всеа Руси», и известие одной из редакций Хронографа XVI в. В Хронографе, в частности, повествуется о том, что митрополит Симон «возложьшу на великого князя Василия Ивановича животворящий крест и порфиру, и виссон, и златую гривну, и венец Мономахов возложи на главу его и всеми царскими утварьми украси и царем его нарече»[7]. В. И. Савва убедительно оспорил достоверность этого свидетельства Хронографа[8]. Кроме этого, известно, что первое упоминание о Василии III как царе в государственных документах относится не к 1502 г., а к более позднему времени, к 1515 г.[9]

Незадолго до смерти отца, 4 сентября 1505 г., Василий III женился на Соломонии Юрьевне Сабуровой[10]. Невесту наследнику престола искали в странах Европы (в Дании, Сербии и др.)[11]. В конце 1504 г. Иван III в переписке с дочерью — великой княгиней Литовской и королевой Польской Еленой Ивановной — обсуждал разных кандидаток, происходивших из семей европейских монархов[12]. Посол Германской империи С. Герберштейн отмечал, что совет жениться на представительнице русской боярской фамилии, а не на иноземной принцессе, Василию III дал казначей и главный советник Юрий Малый Траханиот, рассчитывавший выдать за него замуж свою дочь. Но в итоге Василий из всех предложенных ему невест (1500 девиц) выбрал Соломонию, дочь Юрия Константиновича Сверчкова Сабурова[13]. В летописи есть уникальное указание на смотрины: в 1505/06 г. «князь великий Василий Иванович помысли женитися и нача избирати княжьны и боярчины»[14]. Л. Е. Морозова ставит под сомнение грандиозные смотрины невест в Кремле, где негде было разместить большое число знатных девушек с сопровождавшими их лицами. Неизвестно, являлся ли Ю. Д. Траханиот главным советником Василия Ивановича и была ли у него дочь на выданье[15]. Большинство летописей свидетельствует о том, что жену для наследника

---

[6] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: В 18 кн. Кн. 3. Т. 5. С. 62, 346; *Назаров В. Д.* Софья Палеолог, князь Василий и князья Патрикеевы // Проблемы истории России. Вып. 10. Екатеринбург, 2013. С. 76—79; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 5. СПб., 1819. С. 5; *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий. С. 150; *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 2. Комментарий. С. 305, примеч. 103 (автор — А. Л. Хорошкевич); *Филюшкин А. И.* Василий III. М., 2010. С. 51.

[7] Цит. по: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 3. Т. 5. С. 346, примеч. 84.

[8] *Савва В. И.* Московские цари и византийские василевсы: К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901. С. 144—146.

[9] *Филюшкин А. И.* Титулы русских государей. М., 2006. С. 78—79; *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 1. С. 95, 97, 99.

[10] *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. С. 67; *Кучкин В. А.* Московские Рюриковичи (генеалогия и демография) // Исторический вестник. 2013. Т. 4 (151). С. 45—46.

[11] *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. С. 147, 175—176.

[12] Сборник РИО. Т. 35. С. 453.

[13] *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 1. С. 99; *Колло Ф.* Доношение о Московии. М., 1996. С. 66; *Russell M.* Bride for the Tsar: Bride-Shows and Marriage Politics in Early Modern Russia. Illinois, 2012. P. 43—54.

[14] *Лурье Я. С.* Краткий летописец из Погодинского собрания // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 444.

[15] *Морозова Л. Е.* Женщины и власть в Московском царстве XV — начала XVII в. М., 2018. С. 131—140.

престола выбрал сам отец, Иван III. Выбор государя был не случайным. Представители костромского боярского рода Сабуровых во второй половине XV — начале XVI в. служили московским великим княгиням[16]. Однако Сабуровы не принадлежали к первостатейной московской знати и не сразу смогли попасть в Государеву думу. Отец Соломонии Юрий Константинович Сабуров получил думный чин боярина только к сентябрю 1509 г. К этому же времени титул окольничего был пожалован двоюродному брату Юрия А. В. Сабурову. И. К. Сабуров, родной брат Ю. К. Сабурова, стал новгородским дворецким только к апрелю 1519 г. В связи с бракосочетанием великая княгиня получила в удел Соль Вычегодскую, о чем сохранилось упоминание в жалованной грамоте устюжскому Архангельскому монастырю от 8 сентября 1510 г.[17]

В апреле 1506 г. состоялась свадьба родственника Василия III, князя Василия Семеновича Стародубского, и Марии, родной сестры Соломонии Юрьевны Сабуровой[18]. Князь В. С. Стародубский относился к разряду служилых князей, но, подобно братьям Василия III, владел обширными территориями. Князь Василий Стародубский был сыном Семена Ивановича Можайского, правнука Дмитрия Донского. Он сохранил за собой отцовскую вотчину — города Стародуб, Гомель, Чернигов, Карачев, Хотимль, а также владел Хотунской волостью в Серпуховском уезде[19]. Другим служилым князем, имевшим крупные владения на литовско-русской границе, был князь Василий Иванович Шемячич, внук врага Василия Темного Дмитрия Юрьевича Шемяки. С весны 1500 г., после перехода из Литвы на московскую службу, князь В. И. Шемячич владел вотчиной на западе — городами Новгородом-Северским, Рыльском, Радогощем, некоторое время держал Путивль и Малый Ярославец. Земельные владения В. С. Стародубского и В. И. Шемячича, лежавшие на пограничье с литовскими землями, заставляли Василия III постоянно держать их под контролем, пресекать измены. После смерти князя Стародубского в сентябре 1518 г. его выморочное владение перешло к великому князю.

Летописи сообщают, что в ноябре 1508 г. был схвачен князь В. Д. Холмский. Он был увезен на Белоозеро и там летом 1509 г. умер[20]. Источники не говорят о подлинных причинах опалы тверского князя. В. Д. Холмский был придворным, близким к престолу, поскольку состоял в родстве с Василием Ивановичем. Он женился в феврале 1500 г. на его сестре, великой княжне Феодосии, которая умерла спустя полгода после свадьбы. К моменту вступления Василия III на престол князь Василий Холмский являлся фактическим главой Боярской думы. В 1508 г. грамота от литовских панов рады (епископа виленского Войтеха и др.) была адресована именно В. Д. Холмскому[21]. Князь Холмский находился в родственных отношениях с представителями высшей знати[22]. Опала главы тверского клана имела следствием ликвидацию особого статуса тверских князей в составе великокняжеского двора. Следы существовования отдельного Тверского двора прослеживаются

[16] *Морозова Л. Е.* Женщины и власть в Московском царстве XV — начала XVII в. С. 138—139.

[17] *Амвросий.* История российской иерархии. Ч. 3. С. 316.

[18] Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 16.

[19] Акты Русского государства 1505—1526 гг. № 169. С. 163—164; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 137—138.

[20] ПСРЛ. Т. 13. С. 10.

[21] Сборник РИО. Т. 35. С. 484.

[22] *Корзинин А. Л.* Состав Боярской думы и дворцовых чинов в правление великого князя Ивана III. Ч. 2: Дворцовые чины. С. 292—293.

в источниках до конца 1509 г., а затем исчезают[23].

У Василия III долгое время не было наследника, и он имел основания опасаться тех, кто мог посягнуть на престол. Вскоре после ареста князя Холмского, 14 февраля 1509 г., был убит в тюрьме Дмитрий-внук, племянник Василия Ивановича, сын его сводного брата Ивана Ивановича Молодого, венчанный на великое княжение в феврале 1497 г. В начале 1499 г. Дмитрий-внук попал в немилость к Ивану III, а 11 апреля 1502 г. вместе с матерью Еленой Стефановной оказался под стражей[24]. После смерти деда, Ивана III, Дмитрий по приказу Василия был посажен «в железа» и в «палату тесну». По одной версии, Дмитрий-внук умер от голода и холода, по другой — задохнулся от дыма. Наличие законного претендента на престол, пусть даже опального, в лице царевича Дмитрия угрожало власти Василия III и в случае его болезни либо смерти могло привести к дворцовому перевороту.

Расширение территории Русского государства. Разрешив династический вопрос, великий князь мог приступить наконец к внутренним делам, главным из которых была необходимость укрепления центральной власти и объединения основных русских земель под властью Москвы. Василий III возобновил войну с Великим княжеством Литовским за присоединение к Москве западнорусских земель и Смоленска. В результате военных кампаний 1512—1514 гг. Смоленск в конце июля 1514 г. был присоединен к Русскому государству. За взятием города последовал вывод местных князей, бояр, мещан и черных людей, уличенных в пролитовском заговоре, за пределы Смоленска во внутренние районы России[25]. На завоеванные территории были переселены служилые люди из московских городов. Псковская республика и Рязанское великое княжество фактически потеряли независимость в середине XV в., попав под московский контроль. Их статус к началу XVI в. можно определить как внутреннюю автономию при утрате права внешних сношений[26].

В 1509 г., 23 сентября, великий князь Василий Иванович в сопровождении брата Андрея Ивановича, царевича Петра (своего шурина), епископа Коломенского Митрофана, архимандрита Симонова монастыря Варлаама отправился из Москвы в Великий Новгород[27]. Эта поездка стала прологом к официальному присоединению Пскова к Русскому государству, хотя фактически контроль над Псковом уже был установлен. Еще 21 марта 1499 г., во время династической борьбы между Василием и Дмитрием-внуком, когда Иван III провозгласил Василия великим князем и передал ему «Новгород и Псков великое княжение», псковичи потребовали от государя, чтобы у них правил Дмитрий, а не Василий. Едва ли Василий III в 1509 г. забыл о недоверии к нему жителей Пскова. Но в то время государственные интересы стояли выше личных симпатий. После присоединения

[23] *Флоря Б. Н.* О путях политической централизации Русского государства (на примере Тверской земли) // Общество и государство феодальной России: Сборник статей в честь академика Л. В. Черепнина. С. 288.

[24] ПСРЛ. Т. 13. С. 249, 255.

[25] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой: Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 2010. С. 220, 238—239, 246—249, 255—258; *Бенцианов М. М.* «Князья, бояре и дети боярские»: Система служебных отношений в Московском государстве в XV—XVI вв. М., 2019. С. 163—164.

[26] *Флоря Б. Н.* Лекции по русской истории: Курс истории России до начала XVII в. М., 2021. С. 354—364; *Кирпичников И. А.* Рязанская служилая элита в конце XV — XVII в. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2021. С. 70—71.

[27] ПСРЛ. Т. 13. С. 12; *Масленникова Н. Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955. С. 185.

Новгорода в 1478 г. Псков сохранял независимое положение. При этом он уже давно находился в орбите московского влияния, а псковская боярская республика переживала кризис.

Поводом к походу стал конфликт между руководством Пскова и великокняжеским наместником князем И. М. Репней Оболенским. После прибытия в Новгород государя, 26 октября 1509 г., к нему приехали псковские посадники Ю. Е. Каплин и М. И. Помазов, а также бояре с жалобами на самоуправство и злоупотребления властью в вечевой республике великокняжеского воеводы князя И. М. Репни Оболенского и его людей. Затем в Новгород прибыл сам воевода, за ним последовали остальные псковские посадники, бояре, купеческие старосты, купцы и житьи люди. Василий Иванович приказал им собраться в палате, где переговоры с ними вела боярская комиссия во главе с князем А. В. Ростовским и боярином Г. Ф. Давыдовым. Она передала псковичам волю великого князя о ликвидации независимости Пскова: «Колокол бы вечной свесити, и вперед вечю не быти, а быти на Пскове двемя наместником, а по пригородом псковским быти наместником же»[28]. Вслед за тем все находившиеся в Новгороде знатные и богатые псковичи по приказу Василия III были арестованы. В Псков 10 января 1510 г. был выслан дьяк Третьяк Долматов, заявивший псковичам о воле великого князя и ликвидации независимости города. Жители покорно приняли эту весть и «колокол вечной свесили перед Третьяком»[29]. Все республиканские институты власти (вече, посадники, «господа») в Пскове были упразднены. В поверженный город явились бояре и воеводы московского великого князя и привели к присяге на верность государю «всех пскович городских и сельских», а также выселили всех жителей из Среднего в Большой город, заняли дворы зажиточных псковичей. А 20 января 1510 г. из Новгорода «в свою отчину во Псков» двинулся сам Василий III в сопровождении бояр, воевод, военной силы. Московское войско шло тремя колоннами[30]. Государь со свитой прибыл в Псков 24 января. Через три дня, 27 января, в Большой судебной избе боярская комиссия от имени великого князя объявила приглашенным посадникам и их детям, боярам, купцам, «лучшим (т. е. знатным и богатым) людям» о выселении из родного города: «А зде вам в нашей отчине во Пскове быти непригоже того для, что наперед того многие жалобы на вас в ваших неправдах и неисправлениих, в продажех и в ыных обидах были. А жалую вас ныне своим жалованием в Московской земле. И вам ехати к Москве ныне же, и з женами, и з детми»[31]. На следующий день, 28 января, около 300 «лучших семей» с приставами были вывезены из Пскова в Новгород и далее разосланы по городам Русского государства. Наместниками в Псков были назначены близкие Василию III боярин Г. Ф. Давыдов и конюший И. А. Челяднин. Государь 17 марта 1510 г. вернулся в Москву, увезя с собой псковский вечевой колокол[32]. Присоединение Пскова к Русскому государству было завершено.

После похода на Псковский уезд был распространен новгородский опыт создания поместной системы и служилой корпорации. В Пскове местное духовенство оказало поддержку московскому великому князю, и поэтому земли церкви и монастырей, вероятно, не были секуляризованы. Конфисковали только вотчины посадников и бояр, все они были розданы в поместья

[28] *Масленникова Н. Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. С. 188.

[29] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. М., 2003. С. 94.

[30] ПСРЛ. Т. 13. С. 12—13; *Масленникова Н. Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. С. 191—192.

[31] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 96.

[32] Там же; ПСРЛ. Т. 13. С. 13.

служилым людям Василия III. В 1510 г. завершилась первая перепись земель Псковского уезда комиссией во главе с писцами И. К. Сабуровым и И. Т. Зезевитовым[33]. Среди первых псковских помещиков в первой половине XVI в. преобладали выходцы из всех пятин Новгородской земли (сами новгородцы, а также их дети и близкие родственники), но большинство были переселенцами из Шелонской пятины, которая вплотную подходила к границам Псковского уезда. В «Повести о взятии Пскова» говорится о том, что после вывода псковских посадников, бояр с женами и детьми их земли были пущены в поместную раздачу, «а детей боярских оставил князь великий во Пскове на годованье у псковских наместников у Григорья Федоровича да у Ивана Ондреевича помещиков новогородцких тысячю человек»[34]. Псковские летописи сохранили информацию об оставлении государем в городе «детей боярских 1000 да пищальников новгородцких 500»[35]. Вероятно, в связи с относительной легкостью присоединения Пскова к Москве и использованием уже имеющегося новгородского опыта освоения новоприсоединенных территорий отпала необходимость в щедрых раздачах псковских земель московской знати, которая приняла непосредственное участие в походе, а затем в управлении Псковом. Что касается новгородских переселенцев, то переход их в состав псковской служилой корпорации, очевидно, сопровождался утратой поместий в Новгородском уезде. Служба в составе псковского служилого города начиная с 1510 г. была тесно связана с испомещением детей боярских в Псковском уезде. Социальный статус псковских помещиков в первой трети XVI в. не был высоким и заметно уступал положению новгородских детей боярских. Псковичи позже новгородцев попали в состав великокняжеского двора. О дворовой службе псковских землевладельцев до 1550-х гг. ничего не известно. Первый опыт крупномасштабного привлечения псковичей для общерусского военного мероприятия вне района их проживания имел место в ноябре 1549 г. во время похода Ивана IV на Казань (местом сбора псковских ратников определили Переславль)[36]. К середине XVI в. местные псковские помещики делились на дворовых (более высокого ранга) и городовых (менее знатных) землевладельцев. Благодаря реализации Тысячной реформы 1550 г. часть дворовых и некоторые семьи городовых детей боярских Псковской земли (Хвостовы и др.) были произведены в новый чин выборных дворян и инкорпорировались в структуру столичного двора[37].

В результате присоединения Пскова вместо псковских боярских семей в Среднем городе появились «гости, сведенные москвичи з десяти городов, 300 семей», которые стали основой для формирования новой псковской посадской общины. По мнению В. А. Аракчеева, после присоединения к Москве в Пскове были ликвидированы республиканские структуры верхнего уровня власти, в то время как сохранились органы самоуправления низшего административного звена — сотни и концы[38]. Выселенные псковские бояре и их дети быстро

[33] *Аракчеев В. А.* Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI — начала XVII века. С. 108—109.

[34] *Масленникова Н. Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. С. 193—194; *Аракчеев В. А.* Средневековый Псков: Власть, общество, повседневная жизнь в XV—XVII веках. Псков, 2004. С. 298—299.

[35] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 96; Вып. 2. С. 298—299.

[36] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 2. М., 1977. С. 365—366.

[37] *Корзинин А. Л.* Государев двор Русского государства в доопричный период (1550—1565 гг.). М.; Л., 2016. С. 220—222, 228—229.

[38] *Аракчеев В. А.* Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI — начала XVII века. С. 170.

растворились в массе служилого люда. Вероятно, их знатное происхождение после 1510 г. перестало иметь значение. В середине ноября 1512 г. в первом походе на Смоленск приняли участие тысяча псковских пищальников и псковские земцы под предводительством сведенных псковских посадников. Неудачу первой осады Смоленска великий князь усмотрел в действиях земцев и посадников, поэтому вскоре после этого последовал вывод земцев из Пскова.

Вскоре после вхождения в Московское государство Пскова была присоединена Рязань. Летом 1521 г. крымский хан Мухаммед-Гирей внезапно начал поход на Русь. Ночью 28 июня он во главе войска переправился через Оку, разбив русскую заставу[39]. Стремительным маршем крымцы подошли к Москве на расстояние 15 км, не встречая серьезного сопротивления. Крымцы сожгли Угрешский монастырь, посады Коломны и Каширы. Василий III успел выехать из столицы и двинулся в Волоколамск, оставив оборонять город братьев Юрия и Андрея, а также царевича Петра. Мухаммед-Гирей 12 августа снял осаду столицы и отвел войска. На обратном пути крымское войско попыталось с ходу взять Рязань. Благодаря мужеству и самоотверженности воеводы И. В. Хабара Симского и жителей города Рязань выстояла под ударами крымских войск[40].

Во время осады столицы войсками хана Мухаммед-Гирея рязанский князь Иван Иванович, находившийся под арестом в Москве (с 1519/20 г. по подозрению в тайных переговорах с Крымом), в суматохе в ночь на 29 июля 1521 г. бежал в Литву[41]. Иван Иванович был единственным сыном великого князя Рязанского Ивана Васильевича. Иван Васильевич являлся старшим сыном великого князя Рязанского Василия Ивановича и младшей сестры Ивана III Анны Васильевны. Младшим братом Ивана был Федор. По договору рязанских князей от 19 августа 1496 г. старший брат Иван Васильевич получил две трети удельных владений (Переяславль-Рязанский, Ростиславль, Пронск), а младший Федор — одну треть (Старую Рязань, Перевицк, а также земли будущего Шацкого уезда)[42]. По условию докончания 1496 г., в случае смерти Федора бездетным его земли должны были отойти брату Ивану. В 1503 г. перед смертью бездетный князь Федор Васильевич Третный передал свой выморочный удел дяде — Ивану III. Условия межкняжеских договоров не были нарушены, так как старший брат великий князь Рязанский Иван Васильевич умер раньше Федора, в 1500 г.

Уже в княжение Ивана III Рязанская земля оказалась в зависимости от Москвы. В русско-литовской войне 1492—1494 гг. участвовали рязанские воеводы и сам князь Федор Васильевич[43]. Рязанские войска захватили Вязьму и города верховских княжеств. В 1500/01 г. великий князь Московский Иван Васильевич послал к рязанской великой княгине Аграфене своих воевод рязанцев С. Тутыхина и Н. И. Измайлова, к рязанскому князю Федору — М. Булгака Денисьева. Зависимость Рязанской земли усилилась с переходом под власть Ивана III Перевицкого удела князя Федора Васильевича. В начале XVI в. начался массовый переход представителей рязанской знати (Апраксиных, Коробьиных, Денисьевых, Измайловых и др.) на великокняжескую

[39] ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 14.

[40] *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. С. 242—245.

[41] *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 2. СПб., 1891. С. 607—608.

[42] ДДГ. № 84. С. 332—341; Писцовые книги Рязанской и Нижегородской земли / Сост. М. Ю. Зенченко. М., 2018. С. 432.

[43] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1977. С. 33.

службу[44]. Отсутствие значительных привилегий в Рязанском княжестве, которые рязанские элиты могли бы потерять при присоединении к России, облегчило их переход на сторону Москвы.

События 1520—1521 гг. реконструируются на основе свидетельств С. Герберштейна, разрядных записей, отрывка розыскного дела о бегстве из Москвы князя Ивана Ивановича Рязанского. Узнав о переписке князя Ивана с крымским ханом Мухаммед-Гиреем, Василий III вызвал его в Москву. Рязанский князь колебался, но его убедил приехать в столицу один из его советников С. И. Коробьин. Зимой 1519/20 г. Иван Иванович был схвачен в Москве и посажен под арест. Герберштейн сообщает, что вслед за этим государь заточил в монастырь мать князя Ивана — Аграфену Васильевну, занял княжество и во избежание мятежей выселил значительную часть рязанцев за пределы родной земли[45]. Во время присоединения в Рязани находились великокняжеский наместник И. В. Хабар Симский и члены рязанских боярских родов, перешедшие на московскую службу: Б. и Ф. Денисьевы, С. Коробьин, И. Стрекало Измайлов. Среди воевод в Рязани в источниках указаны и бояре князя Ивана Рязанского К. В. и М. И. Кобяковы, Ф. И. Тутыхин-Сунбул[46]. В июле 1521 г., пользуясь отсутствием Василия III в Москве в связи с походом Мухаммед-Гирея на Русь, Иван Иванович бежал из столицы и двинулся в Рязанское княжество. Он безуспешно пытался связаться со своими боярами Кобяковыми, Ф. И. Сунбулом, Н. С. Глебовым, прося их прибыть к нему[47]. Не получив поддержки от собственных слуг, Иван Иванович бежал в Литву. Там от польского короля Сигизмунда I князь Иван Рязанский получил в пожизненное владение местечко Стоклишки в Ковельском повете Трокского воеводства, где и скончался после января 1524 г.[48]

После бегства князя Ивана Ивановича Рязанского в Литву летом 1521 г. его удел взял Василий III. Рязанское княжество окончательно вошло в состав Русского государства. За присоединением Рязани к Москве, возможно, последовал вывод некоторой части местных землевладельцев за пределы княжества, однако большинство коренных рязанских родов сохранили свои земли[49]. Нет никаких сведений о каких-либо репрессиях по отношению к тем боярам, которых рязанский князь хотел привлечь на свою сторону. Традиционное вотчинное землевладение и в середине XVI в. оставалось ведущей формой земельной собственности в Рязани. До 1530 г. земли новоприсоединенного Рязанского княжества были описаны великокняжеским писцом И. И. Волынским.

Для управления Рязанской землей после ее присоединения направлялись великокняжеские наместники из титулованной аристократии и старомосковских родов, они находились как в самом городе, так и за городом. Но в помощь наместникам в ка-

---

[44] АСЗ. Т. 4. № 6—7, 227—229; Сборник РИО. Т. 95. С. 619, 622, 629, 668, 671.

[45] *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 1. С. 307; Т. 2. С. 412.

[46] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1977. С. 175.

[47] АСЗ. Т. 3. № 391. С. 406—409.

[48] *Сметанина С. И.* Новый документ о пребывании рязанского князя Ивана Ивановича в Литве // Русский дипломатарий. Вып. 6. М., 2006. С. 15.

[49] *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 1. С. 305, 307; *Сметанина С. И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству // Архив русской истории. Вып. 6. 1995. С. 79—80; *Флоря Б. Н.* Два пути формирования общегосударственной политической элиты (на материале, относящемся к истории Польши XIV в. и Русского государства XV—XVI вв.) // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2011. № 4 (46). С. 8—9.

честве воевод активно привлекались члены местных рязанских боярских родов[50].

Историки спорят о времени образования Рязанского дворца для управления некогда независимым княжеством. А. А. Зимин считал, что уже в середине 1520-х гг. был образован специальный Рязанский дворец во главе с дворецким князем И. Ф. Палецким, который 14 марта 1525 г. скрепил своей подписью грамоту игумену Спасо-Прилуцкого монастыря на земли в Вологодском уезде. М. М. Кром, напротив, приводит данные о подведомственности Рязани в феврале 1533 г. дворецкому Большого двора князю И. И. Кубенскому и относит первое упоминание о рязанском дворецком к 30 августа 1539 г., считая, что данные о подведомственности Вологды рязанскому дворецкому в начале 1550-х гг. не следует автоматически переносить на более раннее время. По мнению историка, упоминание дворецкого князя Палецкого в Вологодском уезде в 1525 г. следует расценивать как кратковременную попытку центральной власти создать особый дворец для управления вологодскими землями[51].

Преобразования в местном управлении, земельной политике, военном деле. Система местного управления в княжение Василия III оставалась традиционной, однако были проведены важные преобразования, вызванные насущными потребностями развития государства. Рост поместного землевладения вел к сокращению юрисдикции кормленщиков и их доходов, так как помещики достаточно часто получали освобождение от кормов. Одновременно увеличилось количество кандидатов на получение кормлений. Показания кормленых грамот и свидетельства С. Герберштейна говорят о том, что общий срок пребывания на кормлении на рубеже XV—XVI вв. составлял полтора года, затем он мог быть продлен великим князем еще на несколько месяцев. После этого наступал перерыв в шесть лет, когда служба проходила без кормления, «даром»[52]. В связи с этим наместники и волостели стремились извлечь из подвластного населения максимум доходов (наместничья администрация взимала с населения гораздо больше поборов, чем было зафиксировано в уставных грамотах). Постепенно формировались предпосылки для кризиса традиционной системы местного управления[53]. Центральная власть стремилась регулировать отношения кормленщиков с населением выдачей уставных грамот и доходных списков, расширением практики участия в суде представителей населения. Если раньше лица от местного населения привлекались к суду (согласно 19-й статье Белозерской грамоты 1488 г.: «А наместником нашим и их тиуном без сотцков и без добрых людей не судити суд»), то теперь соответствующие нормы права начали разрабатываться более детально. Так произошло в Пскове после присоединения его к Москве, когда 12 городничих, 12 московских старост и 12 псковичей были назначены «в суду седети с наместники и с их тиуны, правды стеречи» и «деревни им даша»[54]. Очевидно, что речь шла об участии в суде представителей разных слоев

[50] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 2. С. 201—202, 211, 216, 223, 225; *Бенционов М. М.* «Князья, бояре и дети боярские»: Система служебных отношений в Московском государстве в XV—XVI вв. С. 58—59, 179.

[51] *Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. // Исторические записки. Т. 63. М., 1958. С. 190; *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 442—443.

[52] *Флоря Б. Н.* Кормленые грамоты XV—XVI вв. как исторический источник // Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971. С. 118—119.

[53] *Флоря Б. Н.* О некоторых источниках по истории местного управления в России XVI в. // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 96—97; *Пашкова Т. И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века (наместники и волостели). М., 2000. С. 47—49.

[54] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 96.

населения города. Смена верхов городской общины Пскова была продиктована интересами великокняжеской власти. Приезжие московские купцы по-новому организовали сбор торговых пошлин, чеканку монеты. По-иному была проведена реформа в Новгороде в 1518 г. В суде наместников должен был присутствовать староста купецкий Василий Тараканов, а из среды простых жителей — уличан следовало выбирать 48 «лучших людей», которые по очереди (по четыре человека в месяц) должны были судить с четырьмя тиунами новгородского наместника. Одновременно купеческий староста был уполномочен «судити с наместники»[55]. Такая организация суда могла эффективно выполнять свои функции при наличии сильной и авторитетной верховной власти, в иной ситуации сложившийся порядок мог создать дополнительную почву для конфликтов между кормленщиками и населением.

Введение института городовых приказчиков (городских комендантов) явилось заметным преобразованием в области местного управления, осуществленным при Василии III. К 11 августа 1511 г. относятся первые сведения о городовых приказчиках[56]. В ведении городовых приказчиков находились значительные военно-административные, хозяйственные и финансовые функции. Предшественниками городовых приказчиков были городчики, появившиеся в 1460-е гг. Но если городчики ведали преимущественно городовым делом, «наряжали» местное тяглое население для исполнения городовой повинности, то круг административных, военных, судебных обязанностей городовых приказчиков (или городничих, как их нередко называли источники) был гораздо шире, что позволяет говорить о городовых приказчиках как о новом институте местного управления. Городовые приказчики ведали не только городовым делом (строительством и содержанием городских укреплений, дворов, мостов, дорог, организацией посошной службы, ямчужным делом), но и административно-хозяйственными вопросами (сбором прямых налогов, ямских и вытных денег, примета, дани, занимались надзором за городскими и уездными землями, таможенными сборами, судебными делами, в том числе уголовными). По мнению Н. Е. Носова, появление нового института, в ведении которого оказался значительный объем дел на местах, «способствовало сосредоточению власти на местах непосредственно в руках местного дворянства, которое и получает в лице городовых приказчиков свой первый сословный орган местного управления»[57]. Судя по отрывочным данным источников, институт городовых приказчиков возник не сразу повсеместно, а постепенно формировался в различных городах, и к 30-м гг. XVI в. охватил территорию Русского государства (за исключением северных и северо-восточных районов, где в них не было необходимости)[58]. Согласно 70-й статье Судебника 1550 г., городовые приказчики должны были выполнять судебные обязанности и наравне со старостами и целовальниками участвовать в суде наместника и волостеля[59].

Василий III подтвердил уложение Ивана III об обращении родовой земельной

---

[55] *Флоря Б. Н.* Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве (вторая половина XV — начало XVII в.) // История СССР. 1977. № 5. С. 152.

[56] Грамота великого князя Василия Ивановича во Владимир об Олешковской пожне на Ореховской стороне 1511 г. (из актов собрания Н. Ф. Самарина) // ЧОИДР. 1903. Кн. 3. Смесь. № 12. С. 16.

[57] *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. С. 44, 191—196.

[58] *Каштанов С. М.* К проблеме местного управления в России первой половины XVI в. // История СССР. 1959. № 6. С. 136—138.

[59] Памятники русского права. Вып. 4. С. 251—252.

собственности в кругу членов дворянского рода. Время принятия уложения точно неизвестно[60]. О законодательстве Василия III в сфере землепользования сохранились сведения из позднего источника, из соборного приговора 1 мая 1551 г. (его текст отразился в Стоглаве и в виде дополнительной статьи к Судебнику 1550 г.). В законе сказано, что «изстарины по уложенью великого князя Ивана Васильевича всеа Руси и по уложенью великого князя Василья Ивановича всеа Руси во Твери, в Микулине, в Торшку, во Оболенску, на Белеозере, на Резани мимо тех городов людей иных городов людем вотчины не продавали и по душам в манастыри без докладу не давали, а суздальские князи, да ярославские князи, да Стародубские князи без царева и великого князя ведома вотчин своих мимо вотчич не продавали никому же и в манастыри по душам не давали»[61]. Уложение Василия III запрещало вклады в местные монастыри родовой земельной собственности без доклада великому князю и без его согласия и ограничивало круг лиц, имевших право покупать вотчины, либо местными землевладельцами — дворянами (для Твери, Микулина, Торжка, Рязани, Оболенска, Белоозера), либо родственниками продавцов — «вотчичами» (для княжеских корпораций Суздаля, Ярославля, Стародуба Ряполовского). В вопросе о политической направленности уложения Василия III мнения в науке разделились. И. И. Смирнов считал, что законодательство Ивана III и Василия III имело ярко выраженную антикняжескую установку и было направлено на ликвидацию экономической мощи княжат и аристократии[62]. Другие исследователи (например, А. А. Зимин, Б. Н. Флоря) возражают против этого, подчеркивая, что уложение имело консервативный характер, консолидировало местные княжеские корпорации и, кроме того, сократило источники роста монастырского землевладения[63]. В. Б. Кобрин считает, что в приговоре содержались не ограничения прав вотчинников, а их привилегии; правительство фиксировало привилегии вотчинников и князей ряда уездов после присоединения княжеств к Москве, гарантировало сохранение их вотчин[64]. По мнению Р. Г. Скрынникова, запрет продавать земли иногородним (дворянам из других городов) имел цель не законсервировать удельную старину, а поддержать служилый город, объединявший землевладельцев данного уезда в единую служилую корпорацию, а также ввести правительственный контроль над сделками на княжеские вотчины[65]. В. Д. Назаров видит в законах, регулирующих землепользование при Иване III и Василии III, усиление контроля за оборотом недвижимости со стороны московских государей в связи с сосредоточением в их руках всех прерогатив верховной собственности на землю, включая родовые земли

[60] Н. Е. Носов высказал предположение, что уложение Василия III об ограничении распоряжения родовыми вотчинами появилось после 16 июля 1511 г., когда великим князем была выдана Троице-Сергиеву монастырю жалованная несудимая грамота на село Туму в Суздальском уезде, данное монастырю князем С. Б. Суздальским без специального доклада государю (*Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждения в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. С. 146—147).

[61] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. С. 32.

[62] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. С. 443—444.

[63] *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. С. 233; *Флоря Б. Н.* О путях политической централизации Русского государства (на примере Тверской земли). С. 282—283.

[64] *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). С. 71, 77, 81, 89.

[65] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 104.

княжеских кланов и территорий уездов, где сохранялось вотчинное землевладение[66].

Вскоре после вступления Василия III на престол были проведены важные преобразования и в военном деле. Первое упоминание в источниках пищальников встречается в 1508 г. В сентябре 1508 г., во время порубежной войны России с Великим княжеством Литовским, в походе из Вязьмы на Дорогобуж «князь великий велел нарядить из городов пищальников и посошных»[67]. Пищальники — это пехота, вооруженная огнестрельным оружием — пищалями. Использование в бою воинов с ручным огнестрельным оружием усиливало эффективность применения дворянской конницы и посошной рати. В вопросе о том, было ли войско стрельцов, созданное в 1550 г., непосредственным преемником отрядов пищальников, идут споры. Некоторые историки (С. Л. Марголин, А. А. Зимин, Н. Н. Масленникова и др.) считают, что именно пищальники являлись предшественниками стрельцов[68]. А. В. Чернов, напротив, полагает, что между пищальниками и стрельцами не было ничего общего ни в способе комплектования, ни во внутренней организации, ни в служебном и материальном положении[69].

Пищальников набирали из посадского тяглого населения, жившего в слободах на посаде, по одному от четырех—шести дворов. Их использовали для походов, при обороне границ, защите переправ и дорог, они находились в гарнизонах крепостей. Пищальники обеспечивались денежным и хлебным жалованьем, земельными участками (от 4 до 8,5 четвертей на человека). На их содержание шел особый налог (пищальные деньги), существование которого фиксируется документами 1530-х гг. Нередко в документах 1530—1540-х гг. пищальников именовали стрельцами. Воины «огненного боя» были предтечами постоянного войска, они набирались только на время похода, обороны города, а затем распускались по домам. Пищальники были освобождены от уплаты посадского тягла (налога), подлежали суду великого князя (его казначея) и городовых приказчиков (на местах). Н. Е. Носов разделял пищальников на две категории: «пищальников з городов» (т. е. ополченцев, принудительно набираемых с посадских дворов для единичных походов) и «казенных пищальников» (которые набирались с сох и содержались на пищальные деньги, получали денежное и хлебное жалованье, были освобождены от тягла)[70].

В последние годы жизни Василия III преобразования в сфере местного управления были продолжены. В дальнейшем, в конце 1530-х гг., эти нововведения вылились в губную реформу. С. М. Каштанов обратил внимание на жалованную грамоту Василия III Корнильеву Комельскому монастырю от 18 сентября 1531 г., в которой впервые говорится о боярах, которым великий князь «приказал обыскивати лихих людей, татей и розбойников». По мнению С. М. Каштанова, поддержанного М. М. Кромом, речь шла о возникновении в Москве боярской комиссии по разбойным делам (прообраза Разбойного приказа), впоследствии координировавшей деятель-

---

[66] *Назаров В. Д.* Княжеское родовое землевладение в России: Традиционное право и приговор 1551 г. // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты): Материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Калуга, 22—24 сентября 2002 г.). С. 31, 26—27.

[67] Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 42.

[68] *Марголин С. Л.* Начало стрелецкого войска // Ученые записки Московского областного педагогического института. М., 1954. Т. 27. С. 48—51; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 201; *Масленникова Н. Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. С. 118.

[69] *Чернов А. В.* Образование стрелецкого войска // Исторические записки. Т. 38. М., 1951. С. 284, 290.

[70] *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. С. 111—112.

ность всех губных учреждений[71]. А. К. Леонтьев и А. В. Воробьев возражают против отождествления комиссии по разбойным делам с боярами, разбиравшими разбойные дела, полагая, что бояре выполняли лишь кратковременные поручения по разбору судебных исков и дел, не подведомственных юрисдикции иммунистов, судебной администрации, и их функции существенно отличались от сферы компетенции комиссии. Эта комиссия, в отличие от бояр, редко вмешивалась в процесс судопроизводства, отданный всецело губным старостам[72]. Возможно, в боярах, которым «разбойные дела приказаны», следует видеть предтечу боярской комиссии по разбойным делам, принимая во внимание, что не все их функции совпадали.

Василий III стремился ограничить рост числа уделов, традиционно выделяемых сыновьям великих князей Московских по завещаниям правителей. Сокращение числа уделов чаще всего происходило и естественным путем. Василий III в связи с неплодием своей супруги Соломонии Сабуровой запрещал жениться и иметь законных наследников престола своим братьям. Поэтому выморочные уделы членов великокняжеской семьи неизбежно попадали к нему в руки. В мае 1513 г., после смерти князя Федора Борисовича Волоцкого, Волок Ламский и половина Ржевы отошли к великому князю. В связи с кончиной бездетного Семена Ивановича Калужского его выморочный удел 26 июня 1518 г. попал в великокняжескую казну; 14 февраля 1521 г., после смерти князя Дмитрия Угличского, его удел также достался Василию III[73]. Таким образом, число уделов неуклонно сокращалось.

Настороженно великий князь относился к вотчинам служилых князей В. С. Стародубского и В. И. Шемячича, обширным владениям, расположенным на пограничье с Великим княжеством Литовским. После смерти князя Василия Стародубского в 1518 г. его огромная вотчина с городами Стародубом, Черниговым и Гомелем перешла к Василию III. По настоянию Василия III 18 апреля 1523 г. новгород-северский князь Василий Иванович Шемячич прибыл в Москву. Князь занимал независимую позицию в дипломатических контактах с Крымом, Великим княжеством Литовским и уже в июле 1517 г. был заподозрен в государственной измене. Речь шла о тайных переговорах с киевским воеводой О. Гаштольдом о переходе служилого князя с землями под власть Литвы. За недостатком улик поначалу он был прощен. Однако в конце июня 1521 г. Шемячич не оказал вооруженного сопротивления при вторжении на Русь войск Мухаммед-Гирея, а летом 1522 г., когда государь намеревался послать его для обороны южных границ от крымского хана, в походе не участвовал[74]. Несмотря на данное митрополитом Даниилом крестное целование и гарантию безопасности, В. И. Шемячич после приезда в столицу в конце апреля 1523 г. был арестован. По словам С. Герберштейна, его обвинили, как и в 1517 г., в переговорах с киевским наместником о переходе в подданство Польши. Шемячич 10 августа 1529 г. умер в темнице. Его жена и две дочери в апреле 1534 г. были пострижены в монахини в

[71] *Каштанов С. М.* К проблеме местного управления в России первой половины XVI в. С. 145, 148; *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 575, 585.

[72] *Леонтьев А. К.* Образование приказной системы управления в Русском государстве: Из истории создания централизованного государственного аппарата в конце XV — первой половине XVI в. С. 160; *Воробьев А. В.* Разбойный приказ в XVI — начале XVII века: Эволюция, руководство и административная практика // Российская история. 2012. № 1. С. 18.

[73] *Кучкин В. А.* Московские Рюриковичи (генеалогия и демография). С. 48—49.

[74] *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 140—142.

Каргополе, затем отправлены в суздальский Покровский монастырь, где и закончили свои дни. Обширные новгород-северские земли В. И. Шемячича, примыкавшие к Великому княжеству Литовскому и Польше, отошли к Василию III.

Со смертью 13 марта 1523 г. царевича Петра, женатого с 25 января 1506 г. на сестре великого князя Василия III Евдокии, его удел вернулся в великокняжескую казну. Царевич Кайдакул (в крещении получивший имя Петр) приходился братом крымскому хану Мухаммед-Эмину и казанскому хану Абдул-Латифу. После свадьбы государь передал ему в удел Клин, Городец, пять сел возле Москвы[75]. В литературе существует мнение, что Петр (Кайдакул) должен был стать преемником великого князя Московского. А. А. Зимин полагал, что по духовному завещанию, составленному Василием III поздней осенью 1509 г. во время поездки в Новгород, а затем похода на Псков, московский правитель передавал престол именно своему зятю Петру[76]. Но после смерти царевича Василий III был вынужден пересмотреть завещание и в июне 1523 г., «идучи на свое дело х Казани», составил к нему специальную «запись»[77]. Однако в этой «записи» ничего не сказано о наследнике престола. Есть только указание на существование первого завещания (скрепленного подписью митрополита Варлаама) и на обязательство после завоевания Смоленска «поставити на Москве на посаде» Новодевичий монастырь, которое в случае своей смерти великий князь приказал выполнить «казначеем своим и приказным своим людем». Точку зрения о выборе Василия III в качестве своего преемника царевича Петра недавно оспорил А. И. Филюшкин. Историк ссылается на отсутствие у Чингизида реального политического веса, авторитета, и на его чисто номинальный статус как «царя»[78]. Нужно иметь в виду, что и своим братьям государь едва ли собирался передавать великое княжение Московское, поэтому вопрос о преемнике Василия III в 1509 г. пока что остается открытым.

Второй брак Василия III. Одна из главных невзгод, которая тяготела над великим князем и заставляла его вмешиваться в семейные дела и личную жизнь родных и двоюродных братьев, состояла в бесплодии супруги Соломонии Сабуровой, отсутствии у них детей, а именно наследника престола. Существует мнение, согласно которому сам государь был нездоров; долгое время он не мог зачать ребенка и обращался за содействием к знахарям и колдунам[79]. Регулярные поездки семейной четы на богомолье в монастыри, молитвы о чадородии не помогли решить эту проблему. Последнее совместное путешествие великого князя и великой княгини по святым обителям Волока Ламского и Можайска состоялось в сентябре 1524 — августе 1525 г. В осеннюю поездку с 10 сентября до 10 ноября 1525 г. Василий III отправился один.

Уже осенью 1523 г., согласно официальной версии, Василий Иванович начал думать о расторжении брака с Соломонией Сабуровой. Во время обсуждения вопроса о разводе с бездетной супругой Боярская дума, состав которой долго не обновлялся, по свидетельству псковской летописи, оказалась полностью лояльной к государю и поддержала его намерение развестись с Соломонией[80]. По прошествии времени князь А. М. Курбский в «Истории о делах великого князя московского», напротив, писал о негативной реакции на развод при-

[75] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925. С. 468.
[76] *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. С. 75, 99, 257.
[77] ДДГ. № 100. С. 415.
[78] *Филюшкин А. И.* Василий III. С. 181.
[79] *Курбский А.* История о делах великого князя московского. С. 150.
[80] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 103.

дворной элиты: «Аще и возбраняюще ему сего беззакония многим святым и преподобным, не токмо мниси, но и сигклитове его»[81]. Можно допустить, что некоторые придворные, входившие в окружение Василия III, не одобряли второй брак правителя и даже осуждали его. Курбский среди недовольных разводом с первой женой духовных лиц указал близкого к государю монаха Вассиана Патрикеева, а из «мирских сигклитов» — своего родственника князя С. Ф. Курбского (который на самом деле в Боярскую думу, «государев синклит», не входил, а прославился как полководец). О том, кто были остальные оппоненты государя, известно мало и в основном из документов, касающихся следствия по делу о Максиме Греке и дворянине И. Н. Берсене Беклемишеве, которые обвинялись в целом ряде преступлений (в числе прочих и в несогласии с внутренней и внешней политикой государя).

Максим Грек (в миру — Михаил Триволис, грек по происхождению) прибыл на Русь в марте 1518 г. с Афона, из Ватопедского монастыря, как переводчик богослужебных книг[82]. В начале декабря 1525 г. он был схвачен по обвинению в еретических взглядах. Чуть позже Максима Грека были арестованы И. Н. Берсень Беклемишев, П. Ф. Муха Карпов, дьяк Федор Жареный и прочие лица, входившие в круг общения афонского монаха[83]. Келейник Максима Грека Афанасий в феврале 1525 г. признался на допросе: «Прихожи были к Максиму Иван Берсень, князь Иван Токмак, Василей Михайлов сын Тучков, Иван Данилов сын Сабурова, князь Андрей Холмской и Юшко Тютин»[84]. В настоящее время установлено, что близкие родственники И. Н. Беклемишева, П. Ф. Карпова, князя И. В. Токмака Звенигородского служили при дворе брата великого князя Юрия Ивановича Дмитровского, который в случае бездетности Василия III был главным претендентом на великокняжеский трон. Намечавшийся развод государя рушил планы князя Юрия и его сторонников[85]. Однако в сохранившихся документах отсутствует информация о противодействии второму браку великого князя со стороны соратников Максима Грека из светских лиц. Сказано только, что вместе они «говаривали с Максимом книгами и спиралися меж себя о книжном». Характерно, что во время церковного собора, проходившего в апреле—мае 1525 г. по делу Максима Грека при личном участии великого князя, речь ни разу не заходила о Вассиане Патрикееве и его выступлении против женитьбы государя на Елене Глинской (Вассиан в то время еще находился в приближенных у Василия III и был осужден только на церковном соборе, состоявшемся в мае 1531 г.). Об осуждении второго брака Василия III кем-либо из обвиняемых на соборе 1525 г. не было сказано ни слова. А. А. Зимин оговаривался, что «взгляды Максима Грека и Берсеня по поводу развода могут быть восстановлены только по косвенным свидетельствам»[86]. Речь идет о «Выписи о втором браке» Василия III — позднем документе, составленном не ранее конца XVI — начала XVII в. В ней сказано о противодействии свадьбе великого князя и Елены Глинской со стороны Вассиана Патрикеева, Максима Грека, Саввы Святогорца, М. Ме-

[81] *Курбский А.* История о делах великого князя московского. С. 16, 18.

[82] *Синицына Н. В.* Максим Грек. М., 2008; *Буланин Д. М.* Максим Грек: греческий писатель или московский книжник? // Studia Slavica et Balcanica et Petropolitana. 2017. № 2 (22). С. 85—98.

[83] *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. С. 268.

[84] ААЭ. Т. 1. № 172. С. 141.

[85] *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. С. 277.

[86] Там же. С. 291, 293.

доварцева и их единомышленников[87]. Однако указанные лица были осуждены в разное время, поэтому возникают сомнения относительно их единодушия в обличении решения великого князя жениться второй раз. По результатам проведенного расследования Максим Грек 24 мая 1525 г. был сослан в Иосифо-Волоцкий монастырь, И. Н. Берсеню Беклемишеву отрубили голову, Ф. Жареному вырезали язык и подвергли торговой казни (битью батогами). В мае 1531 г., после очередного церковного собора, Максима Грека повторно осудили и выслали из Волока Ламского в Тверь, а Вассиана Патрикееева отправили в заключение в Иосифо-Волоколамский монастырь.

Показательно и то, что на церковном соборе, состоявшемся в мае 1531 г., свидетелями против Максима Грека выступили боярин М. Ю. Захарьин и В. М. Тучков (ранее входивший в окружение монаха-святогорца). Тучков откровенно оговаривал своего бывшего единомышленника, но ни словом не обмолвился о семейных делах правителя: «И просился, государь, Максим у тобя наперед сего прочь, и ты его не отпустил, а молвил ему: „Поживи еще здесь“. И Максим говорил: „Яз чаял, что благочестивый государь, а он таков, как прежних государей, которые гонители на християнство“»[88]. Поэтому вопрос об установлении личностей придворных, выступавших против развода Василия III и Соломонии Сабуровой, остается не до конца раскрытым.

Великий князь не мог официально развестись, мотивируя свое решение отсутствием наследника. Православная церковь не могла одобрить развод по причине неплодия супруги. Развод с Соломонией Сабуровой не мог считаться каноническим и должен был вызывать недовольство не только в церковных, но и в светских кругах, в различных слоях русского общества. Второй брак государя приравнивался к прелюбодеянию. В одном из списков псковской летописи летописец сокрушался, что «князь великий Василей Иоанович постриже княгиню свою Соломонею, а Елену взят за собя; а все то за наше согрешение, яко же написал апостол: пустя жену свою, а оженится иною, прелюбы творит»[89].

В связи с намерением Василия III придать расторжению брака канонический вид и законность в ноябре 1525 г. был начат обыск о колдовстве Соломонии Сабуровой. В одном из ящиков царского архива хранились «Сказки Юрья Малого, и Стефаниды резанки, и Ивана Юрьева сына Сабурова, и Машки Короленки, и иных про немочь великие княгини Соломониды». Сохранился донос родного брата Соломонии И. Ю. Сабурова от 23 ноября 1525 г., где говорилось о приближенных великой княгини: знахарке Стефаниде и безносой монахине, которые пытались навести любовное заклятие на Василия III с помощью его личных вещей, одежды[90]. Обвинение великой княгини в колдовстве могло иметь для нее тяжкие последствия — осуждение и наказание церковным судом, поэтому она была вынуждена согласиться на уход в монастырь.

Великая княгиня 29 ноября 1525 г. была пострижена в монахини под именем Софии в монастыре Рождества Богородицы на Рву в Москве. По данным Постниковского летописца и князя Андрея Курбского, вначале Соломонию великий князь сослал в Каргополь «и велел ей устроити в лесу

---

[87] *Зимин А. А.* Выпись о втором браке Василия III // ТОДРЛ. 1976. Т. 30. С. 142—143; *Каган М. Д.* «Повесть о втором браке Василия III» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 230—233.

[88] *Казакова Н. А.* Очерки по истории русской общественной мысли: Первая треть XVI века. Л., 1970. С. 188, 222.

[89] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 227.

[90] АИ. Т. 1. № 150. С. 149.

келью, отыня тыном», а затем перевел в Покровский женский монастырь в Суздале[91]. По версии С. Герберштейна, после того как митрополит Даниил постриг великую княгиню в монахини, дворецкий И. Ю. Шигона ударил Соломонию плеткой за то, что она растоптала поданный ей митрополитом монашеский куколь[92]. Л. Е. Морозова поставила под сомнение достоверность этого сообщения в связи с тем, что митрополиты никогда не занимались постригом женщин (это было обязанностью игуменов монастырей, и Соломонию постриг игумен Никольского монастыря Давид). Кроме этого, на церемонии пострижения не могло присутствовать светское лицо (дворецкий И. Ю. Поджогин)[93].

По словам С. Герберштейна, после высылки Соломонии в монастырь возник слух, что она родила там сына Юрия, но он вскоре умер. Слух подтвердили «две почтенные женщины, супруги первых советников» жены казначея Ю. Д. Траханиота и постельничего Я. И. Мансурова. За это они были наказаны. Больше всего досталось жене Траханиота, она даже была побита великим князем. Василий III якобы направил в монастырь комиссию в составе дьяков М. Путятина и Т. Ракова для расследования этого дела[94]. Соломония, в иночестве София, пережила вторую жену Василия III Елену Глинскую. Она умерла в Суздале 16 декабря 1542 г. и была похоронена в соборной церкви Покровского монастыря. В 1934 г. в суздальском Покровском монастыре недалеко от могилы Соломонии Сабуровой был обнаружен кенотаф, символическое захоронение. В белокаменном саркофаге лежала одежда из дорогих материалов мальчика трех-пяти лет, принадлежавшего к высшему слою общества[95]. Имитация детского захоронения, конечно, не является аргументом в пользу рождения у Софии-Соломонии сына после ее удаления в монашескую келью[96], но служит отражением трагической судьбы великой княгини, ее несбывшейся мечты обрести радость материнства.

К выбору второй жены великий князь отнесся с большой ответственностью. Принимались во внимание здоровье, внешние данные девушки и особенно ее происхождение: родословная, семейные связи родителей. Сохранился уникальный источник — память о сыске невесты великому князю, данная окольничему И. В. Ляцкому и дьяку Т. Клобукову в декабре 1525 — начале января 1526 г. В памяти Ивану Ляцкому предписывалось: «Беречи ему того накрепко и пытати о том собе тайно, чтоб которой девке не было в племяни Щенятевых и Плещеевых. Того Ивану и Тимофею беречи накрепко. А хоти девка будет и добра, а будет хоти мало в племяни Щенятевым и Плещеевым — и Ивану и Тимофею тое девки смотрити, да отписати к великому князю, какова девка рожаем, и в колько лет, и какова ростом, и сколь далече от того роду, и по отцу ли племя или по матери»[97]. Трудно понять причины гнева государя на боярина князя М. Д. Щенятева и М. А. Плещеева в 1525 г., однако Щенятевы и Плещеевы, а также фамилии, состоявшие с ними в родстве, были исключены из предстоящих смотрин невест.

Василий III 21 января 1526 г. вторично женился. Он выбрал себе в супруги Елену, дочь князя Василия Львовича Глинского.

---

[91] ПСРЛ. Т. 34. С. 15; *Курбский А.* История о делах великого князя московского. С. 16, 483—484.

[92] *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 1. С. 99, 141, 143.

[93] *Морозова Л. Е.* Женщины и власть в Московском царстве XV — начала XVII в. С. 145.

[94] *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 1. С. 99, 101, 143; Т. 2. С. 344.

[95] *Филюшкин А. И.* Василий III. С. 281—282.

[96] *Никитин А. Л.* Соломония Сабурова и второй брак Василия III // Григорьев Г. Л. Кого боялся Иван Грозный? М., 1998. С. 77—118.

[97] *Назаров В. Д.* Свадебные дела XVI века // Вопросы истории. 1976. № 10. С. 116.

Новобрачных венчал митрополит Даниил, давший согласие на вступление государя во второй брак[98]. Князья Глинские появились в Москве в 1508 г. В начале февраля 1508 г. в окрестностях города Турова в Великом княжестве Литовском вспыхнул мятеж князя Михаила Львовича Глинского, дяди Елены Глинской. Глинские владели в Литве уделом городом Глинеском (Глинском), от которого их род и получил название. М. Л. Глинский был видным литовским военачальником, фаворитом короля Александра Ягеллона (мужа великой княгини Елены Ивановны, дочери Ивана III), скончавшегося в 1506 г. Симпатии нового польского короля и великого князя Литовского Сигизмунда I Старого оказались обращены к противнику Глинского Яну Заберезинскому, который был убит по приказу Михаила Глинского[99].

Василий III позвал князя Глинского на русскую службу в надежде получить захваченные им литовские земли. К тому моменту М. Л. Глинским были заняты города Мозырь, Клетцк, взяты в осаду Минск и Слуцк. Брат Михаила Василий осадил Житомир и Овруч[100]. Михаил Львович «с братьею» в марте 1508 г. принес присягу на верность московскому государю[101]. Однако вследствие военных неудач князья Глинские отъехали на Русь без земель, рассчитывая снискать милости у московского монарха. Князь М. Л. Глинский получил в вотчину Малый Ярославец, в кормление Боровск, а его братья Иван Мамай и Василий Слепой, отец княгини Елены Глинской, были пожалованы в вотчину Медынью. Глинские были включены в состав Государева двора в ранге служилых князей. Князь М. Л. Глинский летом 1514 г. сыграл заметную роль при завоевании Смоленска и хотел получить крепость в личное владение, но был обманут в своих надеждах. В сентябре 1514 г. он пытался бежать к польскому королю, но был схвачен, закован в кандалы и брошен в тюрьму. Во время свадебных церемоний племянницы в 1526 г. Михаил Глинский еще находился в темнице и только в феврале 1527 г. был выпущен на свободу под поручительство многочисленной группы бояр и детей боярских[102]. Вскоре М. Л. Глинский женился на дочери боярина князя И. В. Немого Телепнева Оболенского. Осенью 1527 г. Василий III выдал княжну Марию Глинскую, родную сестру своей супруги, замуж за князя И. Д. Пенкова-Ярославского[103].

На свадьбе Василия III и Елены Глинской присутствовали братья великого князья Юрий Дмитровский и Андрей Старицкий[104]. Характерно, что никто из родственников невесты на свадьбу не был приглашен. Елена Глинская отличалась молодостью (она родилась в 1510/12 г.), красотой, но была бесприданницей. Несмотря на то что Глинские возводили свое родословие к легендарному темнику Золотой Орды Мамаю[105], а мать Елены Анна происходила из старинного сербского рода деспотов Якшичей (она была дочерью Стефана Якшича и Ангелины из рода Комнинов),[106] предки

[98] ПСРЛ. Т. 13. С. 45.

[99] *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. С. 85—90; *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой: Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 2010. С. 137—151.

[100] *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. С. 88.

[101] ПСРЛ. Т. 13. С. 8.

[102] *Антонов А. В.* Поручные записи 1527—1571 годов. С. 9—11.

[103] ПСРЛ. Т. 13. С. 46.

[104] Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 9; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 2. М., 1977. С. 192.

[105] *Бычкова М. Е.* Русско-литовская знать XV—XVII вв.: Источниковедение. Генеалогия. Геральдика. С. 273—293; *Шабаев Л. Е.* Родословные росписи, поданные в палату родословных дел в конце XVII в.: Дополнение (А—К) // Российская генеалогия: Научный альманах. Вып. 10. М., 2021. С. 155.

[106] *Тихомиров М. Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 155—158. Правда, имперский дипломат С. Герберштейн писал, что Анна, мать Елены Глинской, вела

Елены во второй половине XV в. находились в числе слуг средней руки при дворе великих князей Литовских.[107] Женитьба московского правителя на литовской княжне среди прочего должна была повлиять на выезды литовской знати на московскую службу. Уже в июле 1526 г. на Русь приехал князь Ф. М. Мстиславский (Ижеславский), потомок великого князя Литовского Гедимина. Он был пожалован в вотчину Малым Ярославцем, Кременцом, в кормление Каширой. Князь Федор Мстиславский 11 июня 1530 г. женился на Анастасии, дочери царевича Петра и сестры великого князя Василия III Евдокии.

Вступая во второй брак, Василий III стремился преодолеть династический кризис. После 1514 г. государь воздерживался от новых назначений в Боярскую думу, возможно, опасаясь поддержки боярами своих конкурентов — братьев Юрия и Андрея. В связи с женитьбой на Елене Глинской и ожиданием рождения наследника престола в 1526—1527 гг. боярским званием было пожаловано шесть лиц. Однако заключение брака с литовской княжной Еленой Глинской спровоцировало раздор внутри правящей элиты. Оказалось, что некоторые аристократы возлагали надежды на удельного князя Юрия Ивановича Дмитровского, младшего брата Василия III. В начале лета 1528 г. князья И. М. и А. М. Шуйские попали в опалу. Их обвинили в попытке отъехать на службу к князю Юрию Дмитровскому, который вынужден был выдать их Василию III. Иван и Андрей были молодыми людьми, думных чинов не имели (в отличие от их старших родственников — бояр князей В. В. Шуйского и Б. И. Горбатого), поэтому их желание сделать карьеру при дворе главного соперника московского великого князя вполне естественно. В результате они были посажены в тюрьму, но к началу лета 1531 г. помилованы и выпущены на свободу. В июне 1528 г. группа княжат и бояр при поручительстве князя Б. И. Горбатого и П. Я. Захарьина в случае нового побега Шуйских обязалась выплатить в великокняжескую казну две тысячи рублей[108].

После 15 августа 1530 г., даты окончания третьего похода на Казань, был брошен в темницу командующий войском князь И. Ф. Бельский. Поход начался в апреле 1530 г. и завершился провалом и гибелью воевод — князей Ф. В. Лопаты Оболенского, И. И. Дорогобужского и др. Одной из главных причин поражения стала ссора И. Ф. Бельского с князем М. Л. Глинским, начальником конной рати, по поводу выяснения, кому первому въехать в город, что позволило врагу внезапно ударить в тыл русским[109]. Князя М. Л. Глинского спасла от опалы только близость к племяннице, великой княгине, но его авторитет, и без того слабый, был подорван.

Отношения Василия III с братьями, удельными князьями, в целом не сопровождались конфликтами и противостоянием. Завещание Ивана III (1504), а затем договор великого князя Московского и Юрия Дмитровского (1531) налагали на братьев обязанности «слушать во всем старейшего брата», быть с ним «везде заодин, и до живота, на всякого нашего недруга». Эти нормы договоров действительно соблюдались. Братья Василия III либо сами участвовали в военных походах, в частности в походах на Смоленск, либо присылали своих воевод. Причиной напряженности, которая имела

происхождение от венгерских магнатов славянского происхождения Петровичей, с одним из которых, Петром Петровичем, сам Герберштейн был близко знаком (*Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 1. С. 101; Т. 2. С. 95, 346; *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. С. 298).

[107] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой: Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. С. 128—129; *Полехов С. В.* Василий III. М., 2015. С. 24—25.

[108] *Антонов А. В.* Поручные записи 1527—1571 годов. С. 11—13.

[109] *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. С. 364—366.

место, была длительная бездетность государя, когда его наследником мог оказаться следующий по старшинству брат Юрий. Как представляется, политика Василия III не вызывала массового недовольства в среде дворянского сословия. Соотношение сил явно было в пользу московского государя.

В день святых апостолов Варфоломея и Тита, 25 августа 1530 г., великая княгиня Елена Глинская родила Василию Ивановичу наследника престола, нареченного Иваном. По словам летописца, «быть же в граде Москве радость велия о государьской радости и о государьском сыну рождение, такожде и по всей земли возрадовашася людие радостию неизреченною». Иван IV 4 сентября был крещен в Троице-Сергиевом монастыре[110]. В честь рождения долгожданного первенца была снята опала с князей Ф. М. Мстиславского, М. Д. Щенятева, Б. И. Горбатого, М. А. Плещеева, Я. Д. Морозова, И. В. Ляцкого, И. Ю. Шигоны Поджогина, дьяка И. И. Телешова «да иных многих детей боярских и не токмо тех, но и тюрмы велел розпущати»[111].

Появление на свет наследника Ивана не помогло в полной мере преодолеть внутриполитический кризис. В январе 1531 г. в Великое княжество Литовское пытался бежать князь Ф. М. Мстиславский, но был пойман в Можайске; 5 февраля с него была взята крестоцеловальная запись в верной службе[112]. Измена Мстиславского вызвала у Василия III сомнение в благонадежности других придворных. Государь 31 июня 1531 г. повелел установить надзор за князем Д. Ф. Бельским. Чуть позже, 15 августа, присягу на верность Василию III, Елене Глинской и Ивану IV принесли жители Новгорода; 24 августа было заключено соглашение с князем Юрием Дмитровским, куда был включен пункт о присяге на верность малолетнему Ивану Васильевичу[113]. Аналогичное докончание, вероятно, было подписано Василием III с младшим братом Андреем Старицким. Позже, 1 декабря 1532 г., крестоцеловальную запись дал М. А. Плещеев.

В 1532 г., 30 октября, в семье Василия III и Елены Глинской родился второй сын — Юрий. Только после этого события великий князь позволил жениться своим ближайшим родственникам, вначале младшему брату. Свадьба князя Андрея Старицкого и Евфросинии, дочери князя А. Ф. Хованского, состоялась 2 февраля 1533 г. Хованские издавна служили волоцким и углицким удельным князьям, были младшей ветвью литовских князей Гедиминовичей.

Болезнь и смерть Василия III. Смерть великого князя Василия III наступила в ночь с 3 на 4 декабря 1533 г. Перед уходом из жизни Василий Иванович принял монашеский постриг под именем Варлаама. Кончина государя, которому исполнилось 54 года, была неожиданной как для него самого, так и для придворных. Примерно за месяц до этого рокового события, в начале ноября, великий князь во время потехи (охоты) под Волоком Ламским заметил болячку на бедре: «явися у него мала болячка на левой стране на стегне на сгибе с булавочною голову». Предполагают, что великий князь заболел периоститом (острым воспалением надкостницы бедра)[114]. Врачи стали прикладывать к ране лекарства, снадобья, но острое воспаление не прошло и стремительно переросло в заражение крови и затем в гангрену. Тяжелобольного Василия Ивановича с трудом доставили в Москву, где

[110] ПСРЛ. Т. 13. С. 48.

[111] ПСРЛ. Т. 28. М.; Л., 1963. С. 161.

[112] СГГД. Ч. 1. С. 439—443.

[113] ДДГ. С. 416—420.

[114] *Пресняков А. Е.* Завещание Василия III // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 72.

он, посовещавшись с боярами и простившись с женой и сыновьями, ушел из жизни. Место на великокняжеском престоле в связи с малолетством Ивана IV (ему в 1533 г. исполнилось только три года) оказалось вакантным. Духовное завещание Василия Ивановича до наших дней не сохранилось, что дало повод ко многим догадкам историков относительно его содержания. Издавна, со времен Н. М. Карамзина, М. М. Щербатова и С. М. Соловьева, в исторической литературе утвердилось мнение, что перед смертью Василий III назначил соправительницей своему трехлетнему сыну Ивану IV его мать — великую княгиню Елену Глинскую[115]. В дальнейшем в науке появилось мнение об опекунах и возникла дискуссия о составе опекунского (регентского) совета при малолетнем Иване IV. В. И. Сергеевич, в отличие от Н. М. Карамзина, М. М. Щербатова и С. М. Соловьева, считал, что государь передал власть в период несовершеннолетия Ивана IV своим ближайшим советникам князьям В. И. и И. В. Шуйским, М. Ю. Захарьину, казначею П. И. Головину, дворецкому И. Ю. Шигоне, князю М. Л. Глинскому, М. В. Тучкову, дьякам М. Путятину и Ф. Мишурину[116]. С мнением Сергеевича о составе «боярского совета из доверенных лиц» согласились С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков, И. И. Смирнов[117].

А. А. Зимин полагал, что великий князь Василий III поручил ведение государственных дел после своей смерти всей Боярской думе. Кроме этого, опекунами великокняжеской семьи были назначены князья М. Л. Глинский и Д. Ф. Бельский[118]. Р. Г. Скрынников считал, что великий князь не передавал власть Елене Глинской, а назначил своего брата и бояр, которые должны были управлять страной до совершеннолетия Ивана IV: удельного князя Андрея Старицкого, М. Ю. Захарьина, М. С. Воронцова, М. Л. Глинского, В. В. и И. В. Шуйских, М. В. Тучкова, П. Головина, И. Ю. Шигону Поджогина, дьяков М. Путятина и Ф. Мишурина[119].

По мнению С. А. Морозова, регентами являлись М. Ю. Захарьин, М. Л. Глинский и И. Ю. Шигона Поджогин[120]. А. Л. Юрганов считает, что опекунами могли быть назначены только члены великокняжеской семьи и митрополиты, и определяет душеприказчиками наследника престола великую княгиню Елену Глинскую, митрополита Даниила, князей Андрея Старицкого и М. Л. Глинского. Роль правительства играла Боярская дума во главе с Еленой Глинской[121].

М. М. Кром полагает, что Василий III назначил душеприказчиками сыну «триумвират» из М. Ю. Захарьина, князя М. Л. Глинского и И. Ю. Шигоны Поджогина, которые становились «главными гарантами выполнения политической воли великого князя». Само ведение государственных дел было поручено свидетелям завещания — князьям В. В. и И. В. Шуйским, М. С. Воронцову,

---

[115] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. 2. Т. 7. М., 1989. С. 100—102; *Соловьев С. М.* История России. Кн. 3. Т. 5. С. 275—284, 287—292.

[116] *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. 2. Кн. 5. С. 354.

[117] *Платонов С. Ф.* Иван Грозный // Платонов С. Ф. Сочинения по русской истории: В 2 т. Т. 2. СПб., 1994. С. 22—23; *Пресняков А. Е.* Завещание Василия III. С. 74—79; *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. С. 33.

[118] *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 226—232; *Он же.* Россия на пороге нового времени. С. 395.

[119] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 81—87.

[120] *Морозов С. А.* Летописные повести по истории России 30—70-х гг. XVI в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979. С. 12—14.

[121] *Юрганов А. Л.* Политическая борьба в годы правления Елены Глинской (1533—1538 гг.). М., 2019. С. 41—60; *Он же.* Политическая борьба в 30-е годы XVI века // История СССР. 1988. № 2. С. 109—110; *Он же.* Духовная Василия III и завещательная традиция XIV—XVI вв. // I Чтения памяти А. А. Зимина. Ч. 2. М., 1990. С. 311—312.

М. В. Тучкову, казначею П. И. Головину и дьякам М. Путятину и Ф. Мишурину[122].

С точки зрения В. В. Шапошника, опекунами малолетнего сына Ивана государь определил свидетелей, упомянутых в его духовной грамоте, — князей В. И. и И. В. Шуйских, князя Б. И. Горбатого, М. С. Воронцова, М. В. Тучкова, М. Ю. Захарьина. Что касается князя М. Л. Глинского, М. Ю. Захарьина и дворецкого И. Ю. Шигоны Поджогина, то «Василий Иванович сделал их опекунами именно великокняжеской семьи, защитниками и выразителями интересов Елены и Ивана Васильевича»[123].

Такой значительный разброс мнений исследователей в вопросе о том, кому великий князь Василий III завещал престол, как уже было отмечено, объясняется утратой (или сознательным уничтожением) его последней, второй, духовной грамоты[124]. Известно, что первую духовную, которую Василий III написал во время поездки в Новгород и Псков в 1509/10 г., перед смертью он повелел сжечь[125]. В сохранившейся записи Василия III, составленной во время похода на Казань в июне 1523 г., ничего не сказано о последней воле государя, но есть указание на его первую духовную грамоту, скрепленную печатью митрополита Варлаама (стал митрополитом в августе 1511 г.)[126]. До нашего времени дошли преимущественно нарративные документы, повествующие о последних днях жизни государя и его совещаниях с боярами. Главный источник, подробно рассказывающий об этих событиях, — «Повесть о болезни и смерти великого князя Василия Ивановича». С некоторыми вариациями текста эта повесть содержится в составе Софийской 2-й летописи, Постниковском летописце, Новгородской летописи по списку Дубровского, Лицевом своде. Вероятно, ключ к разгадке последней воли смертельно больного правителя лежит в составе советников на совещаниях у его постели и в содержании обсуждаемых вопросов. Историки спорят о том, кто был автором «Повести...»: дьяк Постник Губин Моклоков (мнение М. Н. Тихомирова и Р. Г. Скрынникова), Мисаил Сукин (точка зрения С. А. Морозова), М. Ю. Захарьин (Х. Рюс). Ясно одно: повесть написана либо самим очевидцем тех событий, лицом очень близким к государю, либо со слов такого человека[127].

Из летописной повести известно, что на одном из первых совещаний в столице с боярами и придворными «начат князь великий говорити о своем сыну о князе Иване и о своем великом княжении и о своей духовной грамоте <...> и как строитися царству после его. И тогда князь великий приказа писати духовную грамоту дьяком своим...»[128] Состав приглашенных на это заседание лиц совпадает с составом лиц, присутствующих на одном из последних совещаний государя с приближенными после его причащения. На нем Василий III «при-

[122] *Кром М. М.* Судьба регентского совета при малолетнем Иване IV: Новые данные о внутриполитической борьбе конца 1533 — 1534 года // Отечественная история. 1996. № 5. С. 40; *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 79—82.

[123] *Шапошник В. В.* К вопросу о завещании Василия III // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. СПб., 2009. Вып. 2. С. 23, 26.

[124] В сентябре 1535 г., октябре 1536 г. и, возможно, в 1572 г. духовная грамота Василия III еще существовала. Царь Иван Грозный в своем завещании 1572 г. указывал, что его отец «написал в своей душевной грамоте брату моему, князь Юрью» в удел Углич, Бежецкий Верх, Калугу, Малый Ярославец, Кременск, Медынь, Мезецк (Мещевск), Опаков (ДДГ. С. 440—441; *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 522).

[125] ПСРЛ. Т. 34. С. 18.

[126] ДДГ. № 100. С. 415; *Пресняков А. Е.* Завещание Василия III. С. 72.

[127] *Корзинин А. Л.* К вопросу об Опекунском совете при малолетнем Иване IV // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. 2014. Вып. 2. С. 5—16.

[128] ПСРЛ. Т. 34. С. 20; Т. 6. СПб., 1853. С. 270.

казав им о своем сыну великом князе Иване Васильевиче, и о устроенье земском, и како быти и правити после его государства». На этих наиболее важных с точки зрения судьбы престола собраниях при государе находились бояре князья В. В. и И. В. Шуйские, М. С. Воронцов, М. Ю. Захарьин, М. В. Тучков, князь М. Л. Глинский, тверской и волоцкий дворецкий И. Ю. Шигона, казначей П. И. Головин, дьяки М. Путятин и Ф. Мишурин. Не случайным было приглашение в покои государя не только членов Боярской думы, но и князя М. Л. Глинского (не имел боярского титула, но приходился великой княгине Елене Глинской родным дядей), дворецкого И. Ю. Шигоны, казначея П. И. Головина и двух дьяков, одного из которых, Г. Н. Путятина, Царственная книга называет «введенным» дьяком[129]. Речь шла о создании и выделении из Боярской думы особой боярской комиссии, обладающей правительственными функциями, для решения государственных дел особой важности.

В тексте летописи говорится о том, что советники должны были управлять государством после смерти Василия III («како быти и правити после его государства»). Непосредственно перед смертью Василий III пригласил к себе М. Ю. Захарьина, князя М. Л. Глинского, И. Ю. Шигону Поджогина и «приказав о своей великой княгине Елене и како ей без него быти и как к ней бояром ходити. И обо всем им приказа, как без него царству строитись»[130]. На этом совете присутствовали самые близкие великому князю люди, его фавориты. На заключительном совещании фавориты и близкий великокняжеской семье князь Глинский обсуждали весьма щекотливый вопрос о взаимоотношениях Елены Глинской с боярами. Скорее всего, подразумевались личные доклады бояр княгине о положении дел в стране и заслушивание ее мнения по особо важным вопросам внутренней и внешней политики. Великая княгиня Елена обладала большим влиянием в стране (как мать наследника престола), которое, однако, было несоизмеримо с тем, которое она получила, если бы стала правительницей. Но супруг отвел Глинской скромную роль: «Благослови есми своего Ивана государством, великим княжением, а тобе есми написал в духовной своей грамоте, как в прежних духовных грамотах, отец наших и прародителей по достоянию, как прежним великим княгиня». Как отмечал Р. Г. Скрынников, «вдовы московских государей „по достоянию“ получали вдовий прожиточный удел, но их никогда не назначали правительницами»[131]. В России, в отличие от Западной Европы, не сложился институт регентства, который мог бы стать твердой почвой для власти Елены Глинской[132].

---

[129] ПСРЛ. Т. 13. С. 410.

[130] ПСРЛ. Т. 34. С. 21; Т. 6. С. 272.

[131] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 82. Другой случай, имевший место в более раннее время, когда московский государь «приказал» наследника престола своей жене, имел место в 1423 г. Великий князь Московский Василий I Дмитриевич в духовной грамоте передал своего сына малолетнего Василия (будущего Василия Темного) в руки матери, великой княгине Софье Витовтовне, повелев княжичу слушать мать «в мое место, своего отца». Это указание содержится в начальной части документа. Однако в конечном счете и наследник престола, и великая княгиня, и остальные ее дети были «приказаны» тестю Василия Дмитриевича великому князю Литовскому Витовту, братьям великого князя Московского князьям Андрею и Петру Дмитриевичам и сыновьям князя Владимира Андреевича Серпуховского Семену и Ярославу, о чем прямо говорится в заключительной части духовной (ДДГ. № 22. С. 60—62). Назначение опекунов Василию II не уберегло престол от кровавой смуты второй четверти XV в., в которой участвовали как удельные князья (Юрий Звенигородский и его сыновья), так и удельные и великокняжеские бояре.

[132] *Кром М. М.* Институт регентства на западе и востоке Европы: Опыт сравнительно-исторического исследования // Образы прошлого: Сборник статей памяти А. Я. Гуревича. СПб., 2011. С. 411—426.

На первом месте по влиянию и значению в опекунском совете[133] стояли князья Шуйские. Суздальские князья образовывали две ветви — старшие, Шуйские, шедшие от князя Василия Кирдяпы, и младшие, Горбатые, ведущие родословие от князя Семена Дмитриевича. Высокое положение при дворе князей Шуйских, активная полководческая деятельность, родовитость (происхождение от великого князя Владимирского Всеволода Большое Гнездо) поддерживали их высокий авторитет среди бояр. Помимо суздальских князей в совет вошли три представителя московской аристократии: М. Ю. Захарьин (из старомосковского боярского рода Андрея Кобылы), М. С. Воронцов (из рода тысяцкого Ивана Калиты Протасия) и М. В. Тучков (из старомосковского боярского рода Морозовых). К первостатейной знати примыкали казначей П. И. Головин (происходил из рода Ховриных, выехавших из Крыма в начале XV в.) и тверской дворецкий И. Ю. Шигона Поджогин (из старинного рода Редеги, из его младшей ветви).

Опекунский совет представлял как бы верхушку Боярской думы, в которую к началу декабря 1533 г. входило двенадцать бояр и двое окольничих[134]. В совет при малолетнем Иване IV попало пятеро из двенадцати бояр Думы, что вполне совпадает с сообщением псковской летописи о тех «боярах немногих», которым Василий III приказал беречь своего наследника до пятнадцати лет[135].

Василий Иванович не поручил опеку над подрастающим сыном всей Боярской думе, вероятно, из-за ее многочисленности. Он выделил отдельную комиссию (с казначеем, дьяками) из состава Думы как раз для выполнения столь важного государственного дела. Великий князь наделил ее особыми полномочиями и поставил во главе нее представителей суздальских князей, потому что именно они по причине своей родовитости и знатности пользовались наибольшим авторитетом в стране. Опекунский совет, по существу, выполнял правительственные функции в связи с малолетством и недееспособностью наследника престола[136].

Итак, великое княжение Василия III завершилось объединением основных терри-

---

[133] Следует подчеркнуть условность употребления термина «опекунский совет» применительно к тем боярам, придворным и дьякам, которым умирающий Василий III, вероятно, делегировал властные полномочия в государстве. В источниках того времени данный термин не встречается. Не сохранилось следов деятельности каких-либо коллегиальных органов власти наподобие регентского или опекунского совета, на что указывают в своих работах М. М. Кром и В. В. Шапошник (*Кром М. М.* Спорные вопросы политической истории России 30-х гг. XVI в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2022. № 1 (87). С. 90—91; *Шапошник В. В.* Регентство и делегирование властных полномочий в Московской Руси // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. 2023. Вып. 1. С. 183—185).

[134] Титулованная знать бояре князья В. В. и И. В. Шуйские, М. В. и Б. И. Горбатые, Д. Ф. Бельский, А. А. Ростовский, Ю. Д. Пронский, С. Д. Щепин Серебряный, старомосковская знать бояре В. Г. и И. Г. Морозовы, М. В. Тучков, М. Ю. Захарьин, М. С. Воронцов и окольничие Я. Г. Морозов и И. В. Ляцкий (*Корзинин А. Л., Штыков Н. В.* Состав Боярской думы и дворцовых чинов в княжение Василия III // Былые годы (Bylye Gody). 2017. Vol. 44 (2). P. 335—336).

[135] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 106.

[136] Позже в царствование Ивана IV Васильевича, около 1562 г., был похожий случай создания опекунского совета. Наследнику царевичу Ивану Ивановичу в то время было около восьми лет. Для безопасности престола на случай внезапной своей смерти Иван IV выбрал ему опекунами членов Боярской думы князя И. Ф. Мстиславского, В. М. Юрьева, И. П. Яковлева, Ф. И. Умного Колычева, князей А. П. Телятевского и П. И. Горенского, Д. Р. Юрьева, а также дьяка А. Васильева. В записи бояр и дьяка на верность наследнику Федору они указывали: «Государь наш царь и великий князь написал нас в своей душевной грамоте» и «как в твоей государя нашего душевной грамоте писано, и как писано в розрядной грамоте твоей государя нашего о разряде, и по тому нам правити в правду безо всякие хитрости по сему крестному целованию». Далее стояли их подписи (СГГД. Ч. 1. С. 474—475).

торий Русского государства. Были присоединены Псковская республика и Рязанское княжество, в состав России вошел Смоленск. Во внутренних делах было продолжено создание системы центрального управления и новых органов власти. В первой трети XVI в. произошло превращение Боярской думы из совещательного органа при великом князе Московском в общегосударственный орган с законодательными функциями. Боярская дума постепенно институализировалась в высший законосовещательный орган власти. С начала XVI в. функции великокняжеских дворецких наряду с боярами, осуществлявших суд высшей инстанции по земельным делам с докладом великому князю, значительно расширились по сравнению с предшествующим временем, увеличилась роль дворецких в делопроизводстве. Василием III были осуществлены преобразования в местном управлении, введен институт городовых приказчиков, расширилась практика участия в наместничьем суде представителей местного населения. В результате целенаправленной политики сократилось число уделов, вместо пяти остались лишь уделы князя Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого. Достигнутые Василием III успехи в укреплении власти, централизации страны, преобразовании государственного аппарата и системы местного управления были продолжены в правление его сына Ивана IV.

Боярское правление (1533—1547 гг.)

Первые годы. После смерти великого князя Василия III в Русском государстве наступил период политической нестабильности, затянувшийся на полтора десятка лет. Основными причинами, которые привели к кризисной ситуации, были малолетство и, следовательно, неспособность к управлению наследовавшего престол великого князя Ивана IV, соперничество различных боярских группировок, стремившихся получить власть для удовлетворения своих интересов, а также недостаточное развитие государственных институтов, которые не успели сформироваться к концу первой трети XVI в. В отечественной историографии исследователи по-разному оценивают период боярского правления. Так, И. И. Смирнов считал, что княжата и бояре — представители «феодальной реакции» — стремились задержать процесс строительства Русского государства, вернуть страну во времена раздробленности[137]. О временном торжестве «княжеско-боярской реакции» упоминал и А. А. Зимин[138]. Для современного историка М. М. Крома основным содержанием событий 30—40-х гг. XVI в. является «политический кризис»[139].

Через несколько месяцев после кончины Василия Ивановича власть в стране перешла в руки его вдовы, великой княгини Елены Глинской. А. Л. Юрганов и М. М. Кром установили, что уже в августе 1534 г., после ареста князя М. Л. Глинского, Елена Васильевна фактически стала соправительницей сына[140]. Правительница смогла удержать власть до самой своей смерти в апреле 1538 г. Исследователи обращались к изучению периода правления Елены Глинской, однако в историографии нет единого мнения по многим вопросам. Так, Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев считали, что власть великой княгини была абсолютно

[137] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. С. 3.

[138] *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 223.

[139] *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 20.

[140] *Юрганов А. Л.* Политическая борьба в годы правления Елены Глинской (1533—1538 гг.). М., 2019. С. 74—95; *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 120—121.

законной и соответствовала предсмертным распоряжениям ее мужа[141]. С. Ф. Платонов и И. И. Смирнов отмечали, что великая княгиня пришла к власти, устранив назначенных Василием III опекунов[142]. А. Л. Юрганов писал о том, что Елена Васильевна входила в опекунский совет наряду с другими лицами, однако смогла отстранить их от власти[143]. Для М. М. Крома приход к власти Елены Глинской — один из эпизодов политического кризиса, разразившегося в России после смерти Василия III[144]. Великая княгиня по воле умирающего государя становилась главой великокняжеской семьи и в этом качестве должна была обладать серьезным политическим влиянием, но не полной властью в государстве[145]. Устранив назначенных мужем опекунов, она получила власть, но, очевидно, далеко не все представители московской элиты того времени относились к ней лояльно. Интересно, что после ее смерти вклад по душе великой княгини в Троице-Сергиев монастырь составил всего 30 руб., тогда как по душе Василия III было вложено 500 руб.[146] Очевидно, что Елена Васильевна не воспринималась как фигура, равнозначная Василию III.

Первый серьезный конфликт при дворе произошел спустя считанные дни после смерти великого князя Василия Ивановича. События связаны с князем Юрием Дмитровским, младшим братом покойного государя, старшим дядей маленького Ивана IV. Основные источники по-разному рассказывают о них. Так, по Воскресенской летописи, 11 декабря 1533 г. князь Юрий Иванович прислал своего дьяка Третьяка Тишкова к Андрею Шуйскому с предложением перейти к нему на службу. Шуйский заметил, что удельный князь лишь «вчера» целовал крест Ивану IV, а «ныне от него людей зовет». Тишков заявил, что Юрия Ивановича бояре «приводили заперши к целованию», а сами за великого князя «правды» не дали. Это делает присягу недействительной: «ино то какое целование, то неволное целование». Дьяк удельного князя напомнил, что отношения между великими и удельными князьями традиционно строились на принципах договора, т. е. стороны брали на себя обязательства и обе приносили присягу. Так было, например, при подписании соглашения 1531 г. князя Юрия с Василием III[147], хотя в действительности подобные отношения уже изжили себя. Теперь же со стороны великого князя Ивана IV (его бояр) никаких обязательств по отношению к Юрию не было. Третьяк Тишков дал понять Андрею Шуйскому, что в таких условиях его удельный князь считает себя свободным от присяги. Источник не сообщает, какой ответ дал Андрей Шуйский. Но дальше говорится о том, что он поведал о разговоре своему родичу князю Б. И. Горбатому, который, в свою очередь, сообщил о произошедшем боярам. Бояре все рассказали великой княгине Елене. Глинская напомнила о принесенной присяге и, «берегучи сына и земли», «велела князя Юриа поимати и посадити оковав за сторожи в полату, где наперед того князь

---

[141] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. 2. Т. 8. М., 1989. Стб. 28—29; *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. 3. М., 1993. С. 396, 425—426.

[142] *Платонов С. Ф.* Иван Грозный // Платонов С. Ф. Сочинения по русской истории. Т. 2. С. 22—23; *Смирнов И. И.* Иван Грозный. Л., 1944. С. 20—21.

[143] *Юрганов А. Л.* Политическая борьба в годы правления Елены Глинской (1533—1538 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 12—18.

[144] *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 20, 136, 156.

[145] *Шапошник В. В.* К вопросу о завещании Василия III. С. 21—28.

[146] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Подг. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева. М., 1987. С. 26.

[147] ДДГ. С. 416—419.

Дмитрей внук сидел». Юрий Дмитровский 11 декабря был «поиман»[148].

В более позднем «Летописце начала царства» история ареста князя Юрия выглядит совершенно не так. По его версии, никаких замыслов против племянника у удельного князя не было, а все произошедшее объясняется происками дьявола, который внушил боярам мысль о том, что, находясь на свободе, дмитровский князь представляет постоянную угрозу Ивану IV, так как он «совершен человек, люди приучити умеет, и как люди к нему поедут, и он станет под великим князем государьства его подискивати». Дьявол вошел в князя Андрея Шуйского, который еще при Василии III хотел отъехать к Юрию, но попал в заключение. После смерти великого князя Василия III Шуйского освободили по просьбе митрополита и бояр. Теперь же Андрей Шуйский решил выполнить свое давнее желание и не только поступить на службу к Юрию, но «и на великое княжение его подняти». Однако Бог не допустил осуществления дьявольских замыслов: Шуйский рассказал о своем замысле Борису Горбатому. По словам «мятежника», князь Юрий призывал его к себе на службу. Шуйский хотел привлечь к отъезду и Горбатого. Вообще же «слова носятся про князя Юрья; и толко будет князь Юрьи на государьстве, а мы к нему ранее отъедем, и мы у него тем выслужим».

Борис Горбатый не захотел изменить Ивану IV и велел Шуйскому не совершать предательства. Очевидно, опасаясь доноса со стороны родственника, Шуйский решил обезопасить себя доносом на Юрия Дмитровского и Бориса Горбатого. Он сообщил великой княгине, что Борис Горбатый подговаривал его отъехать к удельному князю, а Юрий Иванович приглашал его к себе на службу, и «к нему хотят будто многие люди». Горбатому удалось оправдаться. Великая княгиня выяснила, что «князь Андрей лгал, а князь Борис сказывал правду». Шуйский был арестован и провел в заключении все время правления Глинской.

После этого бояре заявили Елене Глинской о необходимости «поимати князя Юрья», мотивируя это тем, что иначе невозможно «государьство <...> крепко дрьжати». Елена, находившаяся в «кручине» по мужу, «умыла руки», заявив боярам: «как будет пригоже, и вы так делайте». Автор летописи подчеркивает, что у Юрия Дмитровского не было никаких коварных замыслов и он не прислушался к многочисленным предупреждениям своих бояр и дворян, которые доносили ему о готовящемся аресте, — «тебе бытии одноконечно поиману». Они предлагали удельному князю уехать в свою столицу Дмитров, где он был бы в безопасности. Разговор между удельным князем и его вассалами состоялся, вероятно, еще до смерти Василия III, так как Юрий упоминает, что «государь по грехом болен». Между тем бояре окончательно договорились об аресте Юрия и «великой княгине сказаша думу свою». Елена ответила: «то ведаете вы». Бояре арестовали дмитровского князя и его приближенных[149].

Среди историков единства нет: одни считают князя Юрия невинной жертвой боярских интриг, другие настаивают на его виновности[150].

---

[148] ПСРЛ. Т. 8. М., 2001. С. 286.

[149] ПСРЛ. Т. 29. М., 2009. С. 10—11.

[150] *Платонов С. Ф.* Иван Грозный // Платонов С. Ф. Сочинения по русской истории. Т. 2. С. 23; *Тихомиров М. Н.* Князь Юрий Иванович Дмитровский // Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVII веков. М., 1973. С. 163 — 169; *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. С. 28—31; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 227—228; *Каштанов С. М.* Социально-политическая истории России конца XV — первой половины XVI века. С. 278—280; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 85; *Юрганов А. Л.* Политическая борьба в годы правления Елены Глинской (1533—1538 гг.). С. 61—74; *Кром М. М.* Судьба регентского совета при малолетнем Иване IV: Новые данные о внутриполи-

Ситуация, когда в живых оставались сын и младшие братья покойного великого князя Василия Ивановича, была потенциально опасна. Подобные обстоятельства вызвали во второй четверти XV в. ожесточенную борьбу за великокняжеский стол между князьями московского дома: с одной стороны — Василием Темным, с другой — его дядей Юрием Галичским и его сыновьями Василием Косым и Дмитрием Шемякой. Вновь, как в XV в., в событиях 1534 г. могли столкнуться две традиции передачи престола: наследование верховной власти отца его старшим сыном и порядок передачи трона от старшего к младшему брату. Отношения между Василием III и Юрием Дмитровским при жизни государя оставляли желать лучшего. Удельный князь больше двадцати лет законным образом претендовал на великокняжеский престол после смерти бездетного старшего брата. Рождение в 1530 г. Ивана Васильевича резко осложнило положение Юрия Дмитровского. По меркам XVI в. Василий III был уже человеком преклонных лет. В таких условиях взрослый дядя становился реальной угрозой для маленького племянника. Великий князь Василий заключил с Юрием договор, в который было внесено обязательство удельного князя «блюсти» великое княжение под племянником. Однако в случае каких-либо осложнений договор всегда можно было объявить недействительным. Василий III это прекрасно понимал.

Должны были это понимать и представители боярской верхушки. Ситуация могла разрядиться только со смертью Юрия или в случае, если бы Василию Ивановичу удалось дожить до того времени, когда Ивана IV можно было объявить своим соправителем. Однако смертельная болезнь застигла государя в тот момент, когда Ивану было всего три года.

Юрий Дмитровский представлял собой потенциальную угрозу независимо от своих действий или своего бездействия. Нельзя исключить и того, что Василий III перед смертью, чтобы защитить своего наследника, отдал распоряжение боярам, членам опекунского совета, арестовать Юрия в случае каких-либо осложнений, как об этом пишет князь А. М. Курбский[151].

После смерти великого князя у Юрия не оставалось иного выхода, кроме как предпринять попытку добиться перехода великокняжеского престола к нему. Вероятно, он не упоминался в духовной грамоте Василия III, бояре не дали ему «правды» за нового великого князя. В то же время существовали придворные, которые считали, что Юрий на великокняжеском престоле — лучший вариант, чем трехлетний ребенок. И в самом деле, от действий удельного князя уже почти ничего не зависело, едва ли он остался бы на свободе даже в случае своей полной лояльности.

У сторонников Ивана IV также не было другого выхода, кроме как изолировать старшего дядю нового великого князя. Оставаясь на свободе, он представлял явную угрозу для племянника. У Юрия Ивановича был лишь один выход — самому захватить власть, что он и попытался сделать, начав переговоры о переходе к нему на службу видных представителей знати. Когда все вскрылось, его судьба была окончательно определена. Таким образом, можно сказать, что удельный князь пал жертвой сложившихся обстоятельств: члены опекунского совета с согласия великой княгини арестовали князя, из заключения он уже не вышел, скончавшись в 1536 г.[152]

тической борьбе конца 1533 — 1534 года. С. 40—41; *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 98—99; Правящая элита Русского государства: IX — начало XVIII в.: Очерки истории. С. 187; *Корзинин А. Л.* Политическая борьба в России в годы боярского правления (1533—1538 гг.). С. 21.

[151] *Курбский А.* История о делах великого князя московского. С. 150.

[152] ПСРЛ. Т. 29. С. 27.

История с Юрием Дмитровским была лишь первым из тех политических кризисов, которые потрясали Москву и Россию в период малолетства Ивана IV. Второй брат покойного Василия III, князь Андрей, также вскоре доставил хлопоты правительству. В январе 1534 г., после сорочин по великому князю, Андрей Старицкий, по свидетельству летописи, «припрашивал к своей отчине городов чрез отца своего благословение и чрез духовную грамоту». В связи с этим можно предположить, что в несохранившемся завещании Василия III был пункт, согласно которому Андрей должен был получить какие-то земельные владения в благодарность за преданность наследнику. Однако просьба князя была отклонена, вместо нее он был одарен шубами, кубками и иноходцами в седлах. Однако совершенно очевидно, что Андрей Старицкий рассчитывал на другое. Он начал «на великого князя и на его матерь <...> гнев держати о том, что ему вотчины не придали»[153]. Для московских властей недовольство старицкого князя было потенциально опасно, но они были заняты в тот момент более насущными проблемами.

По традициям того времени в окрестные государства были отправлены гонцы от имени малолетнего великого князя Ивана с сообщением о смерти отца и своем вокняжении. К королю Польши и великому князю Литвы Сигизмунду I в январе 1534 г. был послан сын боярский Тимофей Васильевич Бражников Заболоцкий. Ему, кроме объявления о переменах на престоле, надлежало добиться сохранения «дружбы и братства», которые были между Сигизмундом и Василием III. Однако вернувшийся Тимофей привез от короля «ответ гордостен». Король потребовал вернуть Литве города, занятые русскими[154]. Это означало, что в любой момент могла вспыхнуть война между Россией и Литвой, поскольку последняя никак не могла смириться с потерей части восточнославянских земель, отвоеванных в свое время Иваном III и Василием III. Ситуация, казалось, благоприятствовала замыслам литовцев: малолетство великого князя, арест князя Юрия, недовольство Андрея Старицкого. Все это вселяло в Сигизмунда Старого уверенность в собственные силы.

Вдобавок ко всему в среде нового руководства не было единства. Елена Глинская стремилась получить реальную политическую власть в стране. Она сблизилась с известным воеводой князем Иваном Федоровичем Овчиной Телепневым-Оболенским. Ее дядя Михаил Львович Глинский, которому покойный великий князь поручил заботу о семье, согласно сообщению С. Герберштейна, стал упрекать Елену: «...видя, что сразу по смерти государя вдова его стала позорить царское ложе с неким [боярином] по прозвищу Овчина <...> неоднократно наставлял ее жить честно и целомудренно; она же отнеслась к его наставлениям с таким негодованием и нетерпимостью, что вскоре стала подумывать, как бы погубить его»[155]. Конфликт в ближайшем окружении великой княгини был чреват серьезными потрясениями, особенно в то время, когда назревала война на западных границах.

Для защиты от нападения были отправлены войска. Сигизмунд I пытался договориться с крымским ханом о совместном нападении на Россию. Поэтому часть войск во главе с князем Иваном Бельским была отправлена в Коломну, а другая, под началом Семена Бельского и Ивана Лятского, — в Серпухов. Князь Иван Воротынский должен был прибыть в Одоев. Однако 3 августа 1534 г. воеводы Семен Бельский и Иван Лятский из Серпухова бежали в Литву. Вслед за этим были арестованы виднейшие представители знати князья Иван Бель-

[153] ПСРЛ. Т. 8. С. 292.
[154] ПСРЛ. Т. 13. С. 79, 82, 83, 420.
[155] *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 88.

ский и Иван Воротынский с детьми. Они были объявлены «советниками» беглецов. Вскоре попал в темницу и князь Михаил Глинский. Его обвинили в том, что он фактически отравил великого князя Василия и стремился вместе со своим сообщником М. С. Воронцовым захватить власть в стране. Глинский был посажен в ту же палату, в которой сидел и раньше, при Василии, где и скончался[156].

События августа 1534 г. по-разному трактовались исследователями. И. И. Смирнов считал, что имел место масштабный антиправительственный заговор во главе с Михаилом Глинским[157]. А. А. Зимин объяснял произошедшее разногласиями по основным направлениям внешней политики[158]. А. Л. Юрганов и М. М. Кром считают, что главную роль в событиях играла борьба за власть[159]. Как такового заговора Михаила Глинского не было. У него был конфликт с племянницей и ее фаворитом Овчиной, которые использовали побег воевод для расправы над князем. Это подтверждается тем, что другой активный участник «заговора», Михаил Воронцов, несмотря на тяжесть предъявленных обвинений, вскоре был отправлен на воеводство в Новгород. Что касается князя Семена Бельского и Ивана Ляцкого, то их поступок мог мотивироваться тем, что в условиях жесткой конкуренции и борьбы за влияние при дворе они едва ли могли когда-либо повысить свой статус. Кроме того, литовские порядки импонировали русской знати, привилегии которой все больше ущемлялись великими князьями.

Побег в Литву московских воевод оказал большое влияние на дальнейшие события не только потому, что в это время был арестован и сошел с политической арены Михаил Глинский, но и потому, что из-за него пострадал также М. Ю. Захарьин, которого Василий III назначил одним из опекунов, поскольку бежавший из Серпухова Иван Ляцкий был его двоюродным братом. Захарьин был арестован, но вскоре он оказался на свободе[160]. Тем не менее его позиции были, вероятно, подорваны. Опекунский совет фактически был ликвидирован и не мог функционировать как единый институт. Реальная власть в стране перешла в руки Елены Глинской и ее окружения, правивших с помощью Боярской думы.

Впрочем, вся правительственная деятельность осуществлялась от имени малолетнего великого князя Ивана IV. Он постоянно фигурирует в летописях вместе с матерью, отдает распоряжения, отправляет дипломатические миссии, назначает воевод, хотя очевидно, что его участие в событиях было чисто формальным. Собственно говоря, это признает и летопись. Описывая появление в Москве бывшего хана Казани Шигалея (Шах-Али), источник говорит о том, что согласно протоколу хан сначала побывал на приеме у Ивана, а затем получил аудиенцию у Елены Глинской — реальной правительницы государства. Но участие великой княгини в переговорах было нарушением традиции, и летописец дает такие объяснения: Глинская, посовещавшись с боярами, решила, что может принимать Шигалея, «занеже еще великий государь млад, а положение царьскаго скипетра дръжавы великыя Росиа все есть Богом положено на ней и вручено ей от Бога на сохранение и на съблюдение всего благо-

---

[156] ПСРЛ. Т. 13. С. 79, 83, 420; Т. 34. С. 24, 168.

[157] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. С. 33—44.

[158] *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 229—232.

[159] *Юрганов А. Л.* Политическая борьба в годы правления Елены Глинской (1533—1538 гг.). С. 84—90; *Он же.* Политическая борьба в 30-е годы XVI века. С. 108—109; *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 99—111; *Корзинин А. Л.* Политическая борьба в России в годы боярского правления (1533—1538 гг.). С. 21—23.

[160] Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 2. СПб., 1848. С. 332—333.

честиа православие на милость благым и на отмщение злым»[161].

Правление Елены Глинской. Недолгое правление Елены Глинской отмечено целым рядом мероприятий. Во-первых, были предприняты меры к пресечению неконтролируемого роста церковно-монастырского землевладения. Специального законодательного акта по этому вопросу не сохранилось, но о подобных шагах правительства можно говорить на основании грамоты вологодскому Глушицкому монастырю от 1535 г. В документе монастырским властям предписывалось предоставить в столицу документы с перечнем всех приобретений обители за «год или за два». Также объявлялось, что теперь расширять свои земельные владения монастырь может лишь с разрешения центральных властей, в противном случае земельные владения будут конфискованы[162].

Другим направлением политики Глинской является широкое привлечение средств духовенства на решение общегосударственных задач, в основном при строительстве городских укреплений. Так, еще Василий III решил построить в Москве линию укреплений — Китай-город, осуществить его замысел пришлось уже великой княгине Елене. Сначала были построены деревянные стены, а затем каменные. Причем митрополиту Даниилу было велено выделить средства «елико достоит, такоже и всему священническому чину урок учиниша». Кроме духовенства, в выделении денег участвовали государственная казна, бояре, торговые люди. То же самое происходило и в Новгороде: при строительстве новых стен «на самого архиепископа Макария урок учиниша, такоже и на весь священный лик, на церковные соборы». С духовенства собирали деньги на выкуп пленных, проводили описания пожен у монастырей с последующей их раздачей в аренду тем же монастырям[163].

В правление Елены Глинской широкий размах имело строительство новых городов и укрепление старых. Сгоревшие городские стены были восстановлены в Ярославле, Торжке, Владимире, Перми Великой, была расширена крепость в Вологде, построены городские стены в Буйгороде, Устюге, Балахне. Несколько новых городов было возведено на западных рубежах России: Заволочье, Велиж и другие, и это не считая укреплений Великого Новгорода (начаты весной 1534 г.) и мощной каменной крепости Китай-города в Москве, возведенной в мае 1535 г. (под руководством итальянского архитектора Петра Малого Фрязина)[164].

Важнейшее значение имела денежная реформа, проведенная правительством в 1535 г. До реформы в стране существовали две денежные системы: новгородская и московская. Новгородская деньга составляла сотую часть рубля, московская — двухсотую. Кроме того, широкое развитие получило фальшивомонетничество: деньги обрезали, облегчая вес монеты. Меры для борьбы с этим злом предпринимались еще при Василии III, но проводившиеся репрессии не могли дать результата. Правительство предписало старые деньги перелить на новые. Они были более легкими. Основой денежного обращения стала монета, получившая название копейки — по изображению на ней всадника с копьем. Сто копеек составляли рубль[165].

---

[161] ПСРЛ. Т. 13. С. 102.

[162] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории 30—50-х годов XVI века. С. 45—46.

[163] ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 292—293; Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 566—567, 574.

[164] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории 30—50-х годов XVI века. С. 47—49; *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 555.

[165] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории 30—50-х годов XVI века. С. 50—52; *Мельникова А. С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 2012. С. 18—36; *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 564—569.

Серьезным испытанием для правительницы стали события 1537 г., известные как «мятеж» удельного князя Андрея Ивановича Старицкого. Этим событиям посвящена обширная историография[166]. Младший брат великого князя Василия III Андрей Иванович Старицкий после окончания сорокадневного траура по умершему великому князю в январе 1534 г. стал просить об увеличении своих владений. Однако ему было отказано. Это вызвало гнев князя Андрея, и он удалился в свою столицу Старицу, «держа гнев на великого князя и его матерь». Решительных действий со стороны московских властей тогда не последовало. Вместе с тем было очевидно, что возможно любое развитие событий. Андрей хорошо понимал, что правительница, не пожалевшая в борьбе за власть собственного дядю Михаила Глинского, едва ли оставит его в покое. В Старицу доходили слухи о том, что его, так же как и Юрия Дмитровского, собираются арестовать. Между тем в Москве опасались открытого выступления старицкого князя. Для урегулирования отношений в удельную столицу прибыла делегация в составе И. В. Шуйского и дьяка Меньшого Путятина. Они должны были заверить Андрея, что никаких планов в отношении него у правительства нет. Безопасность старицкому князю гарантировал и глава церкви митрополит Даниил. На первый раз ситуацию удалось разрядить. Андрей явился в Москву и провел переговоры с Еленой Глинской, которая лично подтвердила, что планов на арест удельного князя у нее нет. После переговоров Андрей был отпущен обратно в Старицу, однако беспокойство его не оставило, тем более что приближенные убеждали князя спасаться бегством и укрыться в Великом Новгороде, жители которого будут ему рады.

В Москве же решили предпринять упреждающие шаги и арестовать Андрея, не доводя дела до его открытого выступления. Но сделать это в Старице, где князя окружали многочисленные служилые люди его удела, было невозможно. Решили еще раз заманить князя в Москву. В качестве предлога использовали ухудшение отношений с Казанским ханством. Старицкий князь был вызван в столицу для совещания. Но он ехать отказался, сказавшись больным. Прибывший из столицы врач Феофил после возвращения в Москву заявил, что болезнь Андрея носит дипломатический характер. Поняв, что арест придется производить в Старице, правительница решила ослабить силы удельного князя, очевидно еще не мыслившего идти на открытый разрыв с Москвой. По требованию правительства удельные войска были отправлены в Коломну для охраны от предполагавшегося нападения татар. К Елене же Андрей Старицкий послал для переговоров своего приближенного князя Федора Дмитриевича Пронского, который, правда, не смог доехать до столицы.

Вскоре фавориту Елены Овчине Телепневу донесли, что князь Андрей принял решение бежать из Старицы. Насколько справедливыми были эти известия, сказать трудно. В Старицу срочно была отправлена делегация духовенства. Ей следовало убедить Андрея в том, что у правительницы нет никаких злых намерений. Не слишком надеясь на уговоры, из Москвы отправили также войско под командованием Ивана Овчины. Находившийся на подъезде к столице посланец Андрея Федор Пронский был арестован, но одному из старицких дворян удалось бежать и предупредить удельного князя о мерах правительства. Получив эти известия, князь Андрей Старицк-

[166] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. С. 53—74; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 243—248; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 87; *Юрганов А. Л.* Старицкий мятеж // Вопросы истории. 1985. № 2. С. 104—110; *Он же.* Политическая борьба в годы правления Елены Глинской (1533—1538 гг.). С. 96—131; *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 172—219.

кий 2 мая (вместе с недавно родившимся сыном Владимиром, женой Ефросиньей и оставшимися в его распоряжении силами) бежал из своей столицы к Торжку.

Правительственные воеводы устремились за ним. Положение старицкого князя ухудшалось из-за того, что некоторые из его дворян предпочли покинуть своего господина и перейти на сторону московских властей. Андрей стремился захватить Великий Новгород и использовать для борьбы с правительницей многочисленных местных дворян. Им были посланы грамоты, содержание которых сводилось к предложению перейти к нему на службу: «Князь великий мал, а держат государство бояре, и вам у кого служити? А яз вас рад жаловати». Часть новгородских помещиков действительно перешла на сторону Андрея, хотя большинство из них сохранили верность правительству. К удельному князю смог пробиться и командующий его армией, находившейся в Коломне, князь Юрий Оболенский. Выступление князя Андрея Старицкого вызвало смятение и в самой Москве, о котором вскользь упоминают источники.

Однако занять Великий Новгород князю Андрею не удалось. Город был в течение нескольких дней укреплен и оттуда против мятежника выступили войска. Вскоре подошли правительственные силы. Две армии приготовились к битве, но до серьезных вооруженных столкновений дело не дошло. Начались переговоры между противоборствующими сторонами. В ходе переговоров московские воеводы дали клятву на кресте: если Андрей прекратит сопротивление и явится в Москву, то никаких репрессий против него предпринято не будет. Источники специально подчеркивают, что клялся Иван Овчина по собственной инициативе, без разрешения великой княгини. За это на него была наложена «словесная великая опала», что являлось, конечно, лишь фикцией. Вся история с опалой нужна была лишь для того, чтобы снять с великой княгини обвинения в нарушении клятвы, так как князь Андрей был арестован и через несколько месяцев уморен в темнице. Его удел, как и ранее удел Юрия Дмитровского, вошел в состав великокняжеских владений.

В заключении оказались жена и единственный сын Андрея — Владимир Андреевич Старицкий, которому было два года. Приближенные удельного князя были арестованы и после пыток и торговой казни также оказались в темнице. Первоначально их собирались казнить, но заступничество митрополита сохранило им жизнь. Хуже всего пришлось новгородским помещикам, перешедшим на сторону князя Андрея Старицкого. Их били кнутом, а затем повесили вдоль дороги от Москвы до Новгорода. Мятеж был подавлен, широкомасштабной междоусобной войны удалось избежать[167].

Для основных участников событий (Елены Глинской, Андрея Старицкого, князя И. Ф. Овчины Телепнева) этот конфликт был неизбежен, особенно после смерти в заключении Юрия Дмитровского. Это сразу же делало удельного князя Андрея основным династическим соперником малолетнего Ивана IV, особенно учитывая недееспособность князя Юрия Васильевича — младшего сына Василия III. Оставаясь на свободе, князь Андрей Старицкий представлял опасность для племянника, что прекрасно понимали и великая княгиня Елена, и сам князь Старицкий. Таким образом, вопрос был лишь в том, когда и в каком направлении развернутся события. После устранения удельных князей у Ивана IV не осталось реальных династических соперников, чего, очевидно, и добивалась его мать. Вполне возможно, именно это и по-

[167] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 577—588; Т. 8. С. 292—295; Т. 29. М., 2009. С. 29—30; Т. 34. С. 25—26, 171—173; *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники XVI в. // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 221—224.

зволило будущему первому русскому царю сохранить корону и жизнь в бурных перипетиях боярского правления, наступившего после смерти матери.

У власти великая княгиня Елена Васильевна Глинская находилась три с половиной года. Будучи женщиной, к тому же иностранкой, она, вероятно, не имела крепких связей в московской элите. Князья Глинские не обладали среди московской знати достаточным авторитетом, о чем свидетельствует целый ряд источников. Можно вспомнить, например, слова больного Василия III, который стремился ввести князя М. Л. Глинского в состав участников совещания, обсуждавшего дела у постели смертельно больного государя. Великий князь ввел его в совет, только «поговоря с бояры», потому что он был родственником его жены. К приближенным великий князь обратился еще раз, говоря о князе Михаиле так: он приезжий, но бояре не должны об этом вспоминать, им следует считать его «здешним уроженцем», так как ему он «прямой слуга»[168]. Интересен еще один эпизод, связанный с местническим спором между М. И. Воротынским и И. В. Глинским. Они оказались наместниками в Костроме, причем Воротынский на «большой половине», а Глинский на «меньшой». Попытка Глинского заявить, что ему «меньше» Воротынского «быть невмесно», привела к скандалу: «Бояре все ему о том лаели и велели быть ему у князь Михайла в меньших»[169]. Открытая неприязнь к князьям Глинским с очевидностью проявилась чуть позже, в период восстания в Москве в конце июня 1547 г.[170]

В такой ситуации должны были существовать достаточно влиятельные силы, на которые могла опереться великая княгиня Елена для упрочения и сохранения своего положения в московской элите. Исследователи неоднократно обращались к этому вопросу[171]. Они уже давно отмечали, что великая княгиня правила, широко применяя террор к своим противникам. Указывается на огромную роль И. Ф. Овчины Телепнева в ее правительстве. Однако, как представляется, влияние Овчины Телепнева едва ли могло помочь правительнице удержаться у власти больше трех лет. М. М. Кром высказал мнение, что Елена Глинская была нужна московской элите как «правитель-арбитр», которым не мог пока выступать малолетний Иван IV[172]. Данное утверждение не кажется бесспорным. В качестве «арбитра», вероятно, гораздо более удачными фигурами были Юрий Дмитровский или Андрей Старицкий — сыновья Ивана III. Великая княгиня явно проигрывала им как иностранка. Столичная элита, правда, могла опасаться серьезной конкуренции со стороны приближенных удельных князей. Но роль Елены Глинской как «арбитра» для придворной среды представляется скорее результатом того, что она смогла получить и удержать реальную власть. И снова следует попытаться понять, какие силы ей помогли в этом.

А. Л. Корзинин и М. М. Кром отмечали, что в представлении многих подданных

---

[168] ПСРЛ. Т. 34. С. 20—21.

[169] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1977. С. 179—180.

[170] ПСРЛ. Т. 29. С. 54; Т. 22. М., 2005. С. 527.

[171] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории 30—50-х годов XVI века. С. 19—74; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 225—248; *Он же.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 289—292; *Юрганов А. Л.* Политическая борьба в 30-е годы XVI века. С. 101—112; Правящая элита Русского государства: IX — начало XVIII в.: Очерки истории. С. 195—197; *Корзинин А. Л.* Политическая борьба в России в годы боярского правления (1533—1538 гг.). С. 19—27; *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 136—164.

[172] *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 111, 136.

Елена была матерью законного государя и имела право называться государыней, а также править от имени малолетнего сына[173]. Очевидно, без этого условия она никак не могла прийти к власти. Малолетний Иван IV обеспечивал легитимность власти Глинской в глазах населения страны. Вполне возможно, как пишет М. М. Кром, что сама великая княгиня источником своих полномочий считала «приказ» покойного мужа[174]. Однако этот «приказ», известия о котором появляются только в Воскресенской летописи и отсутствуют в «Повести о болезни и смерти Василия III», не существовал в смысле передачи Елене реальной полной политической власти. Историки выяснили, что в первые месяцы после смерти Василия Ивановича великая княгиня властью не обладала. Она добилась влияния к осени 1534 г. Если кто-то из подданных и верил в существование этого «приказа», то все равно в глазах подавляющего большинства населения главным основанием власти великой княгини Елены являлось малолетство и, следовательно, неполная дееспособность Ивана IV.

Верным сторонником Елены Глинской выступал митрополит Даниил. Почему же митрополит ориентировался именно на великую княгиню? Представляется, что причиной этому служит то положение, в которое он себя поставил еще в правление Василия III. Отношение к нему со стороны многих людей было настороженное. Как писал автор Постниковского летописца, Даниил «учал ко всем людем быти немилосерд и жесток, уморял у собя в тюрьмах и окованных своих людей до смерти, да и сребролюбие было великое»[175]. Первосвятитель принимал участие в некоторых акциях, которые едва ли соответствовали его духовному сану. Так, он, судя по всему, помог Василию III заманить в Москву Василия Шемятича, где тот был арестован[176]. Не все придворные были довольны осуждением Вассиана Патрикеева и Максима Грека[177]. Самые разные толки вызывал второй брак великого князя[178]. О том, что авторитет митрополита был не очень высок даже в придворной среде, свидетельствует и эпизод с предсмертным пострижением Василия III. Несмотря на ясно выраженное желание государя и присутствие самого Даниила, Андрей Старицкий, боярин М. С. Воронцов и тверской дворецкий И. Ю. Шигона выступили против этого намерения[179]. Все это свидетельствует о том, что положение первоиерарха к концу 1533 г. было достаточно сложным, и поэтому ему было выгодно, чтобы у власти находилась великая княгиня Елена, которая в какой-то степени была обязана Даниилу устройством своего блестящего брака. Со своей стороны, понимая всю сложность положения митрополита, она могла опираться на авторитет церкви, которая освящала своим благословением все действия правительства[180].

Состав Боярской думы в период со смерти Василия III до смерти Елены Глинской неоднократно изучался исследователями[181].

---

[173] *Корзинин А. Л.* Политическая борьба в России в годы боярского правления (1533—1538 гг.). С. 21; *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 128.

[174] *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 128.

[175] ПСРЛ. Т. 34. С. 26.

[176] *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 141.

[177] *Курбский А.* История о делах великого князя московского. С. 18.

[178] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. М., 2000. С. 227; *Курбский А.* История о делах великого князя московского. С. 16—18; *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 87.

[179] ПСРЛ. Т. 34. С. 23.

[180] ПСРЛ. Т. 8. С. 288—289.

[181] *Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV—XVI веках. С. 54; *Он же.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 289; Правящая элита Русского государства: IX — начало XVIII в.: Очерки истории. С. 195—196; *Корзинин А. Л.* Политическая борьба в Рос-

В декабре 1533 г. боярами являлись двенадцать человек[182]. К весне 1538 г. бояр стало одиннадцать. Вместо умерших М. В. Горбатого, Б. И. Горбатого, А. А. Ростовского и М. С. Воронцова появились И. Ф. Овчина Телепнев Оболенский (с июля 1534 г.), И. Д. Пенков (с июля 1534 г.), Н. В. Оболенский Хромой (с мая 1536 г.) и А. Д. Ростовский (с июля 1536 г.)[183]. По наблюдениям М. М. Крома, только четверо бояр постоянно находились в столице: князья В. В. и И. В. Шуйские, М. В. Тучков и М. Ю. Захарьин. Ученый справедливо отмечает, что пребывание вне Москвы лишало бояр возможности активно участвовать в принятии важнейших решений[184]. Остальные члены Боярской думы могли назначаться наместниками в города или находиться на службе в полках. Впрочем, военная служба не имела чрезвычайно длительного характера, в то время как наместничество могло продолжаться несколько лет. Подобного рода назначения в провинцию могли быть формой «почетной ссылки», отстранения от власти неугодных лиц[185]. Но даже те бояре, которые постоянно находились в Москве, не всегда, вероятно, могли играть видную роль при дворе. Так, М. В. Тучков не фигурирует в источниках с осени 1534 г., с 1534 до начала 1537 г. нет известий о деятельности М. Ю. Захарьина[186].

Однако само по себе пребывание в Боярской думе и в столице не может свидетельствовать о влиятельности того или иного боярина и о степени его близости к правительнице. Для того чтобы понять, кто из представителей московской элиты поддерживал великую княгиню, важно, вероятно, провести анализ упоминаний тех или иных лиц в летописных источниках, разрядах, дипломатических документах. По частоте упоминаний и характеру поручений, выполнявшихся тем или иным человеком, можно судить о том, насколько правительство доверяло ему, и, возможно, о степени поддержки Елены Глинской.

Елену Глинскую, очевидно, поддерживали роды, связанные с ней личными или семейными связями: князья Оболенские и Ярославские. Не случайно в важнейших походах тех времен представители этих родов занимали не меньше половины воеводских должностей. Лояльно настроены к великой княгине были и представители нетитулованных родов, что подтверждается ролью в ее окружении Челядниных, И. Ю. Шигоны, Ф. И. Карпова. Об этом говорит и значительное представительство нетитулованных воевод в крупнейших походах. Положительно настроена к великой княгине была и дьяческая верхушка. Об этом свидетельствует участие в важнейших событиях дьяков Федора Мишурина, Меньшого Путятина, Елизара Цыплятева.

Князья В. В. и И. В. Шуйские сохраняли свое влияние в период правления Глинской и принимали участие в важных событиях. Однако их роль определялась скорее их происхождением и авторитетом в среде московской элиты, а не близостью к правительнице. Их искренняя приверженность великой княгине вызывает сомнение — едва ли они забыли о своих родственниках А. М. Шуйском (сидевшем в тюрьме) и Б. И. Горбатом (отправленном наместником в Великий Новгород). Возможно, они пред-

---

сии в годы боярского правления (1533—1538 гг.). С. 19—29; *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 136—164.

[182] *Корзинин А. Л., Штыков Н. В.* Состав Боярской думы и дворцовых чинов в княжение Василия III. С. 337.

[183] *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 163—164.

[184] Там же. С. 140—141. См. также: *Корзинин А. Л.* Политическая борьба в России в годы боярского правления (1533—1538 гг.). С. 22.

[185] Там же.

[186] Там же. С. 142—143.

почли подчиниться сложившимся обстоятельствам, ожидая изменения ситуации.

Нельзя забывать и о репрессиях, которые правительство Елены Глинской не стеснялось применять в случае необходимости. Удачно сложившиеся обстоятельства и правильно подобранное окружение сделали возможным приход к власти великой княгини. Но созданная ей властная конструкция была, как показало будущее, очень хрупкой; стоило выпасть главному звену (самой Елене Васильевне Глинской), как рассыпалось все здание — временный союз князей Оболенских, Ярославских, руководства Русской церкви, нетитулованных родов и дьяческого аппарата.

Великая княгиня Елена Васильевна Глинская умерла 3 апреля 1538 г., ей еще не исполнилось и тридцати лет[187]. С. Герберштейн писал, что, по слухам, она была отравлена[188]. Многие ученые допускают такую возможность[189]. Однако М. М. Кром пишет, что бесспорных доказательств отравления правительницы все-таки нет[190]. Т. Д. Панова на основании проведенных в конце XX в. исследований определенно настаивает на отравлении солями ртути[191].

В отличие от смерти отца, кончину матери Иван IV запомнил на всю жизнь. Спустя годы он вспоминал о том, как неуважительно вели себя бояре на ее похоронах. Особенную его ненависть вызвал Михаил Тучков, который произнес «многая надменая словеса» и этим, по словам Ивана IV, уподобился ехидне[192].

Елене Глинской удалось избавиться от основных династических соперников своего сына, чем, вероятно, она обеспечила сохранение за ним московского престола. Но ее кончина в то время, когда Иван IV еще не достиг возраста, необходимого для управления государством, неизбежно вела к новой вспышке борьбы за власть между боярскими группировками и положила начало периоду боярского правления.

Уход из жизни великой княгини был на руку боярам, недовольным ее правлением и тем фавором, которым она окружила близких ей придворных и советников. Уже 9 апреля 1538 г. в Москве был схвачен князь И. Ф. Овчина Телепнев Оболенский. Вскоре он погиб от «глада» и «тягости железной» в той же темнице, что и князь М. Л. Глинский. Устранение боярина и конюшего было выгодно всем соперничавшим за власть придворным кланам, но особенно князю В. В. Шуйскому, который делил власть с фаворитом великой княгини в последние месяцы ее жизни. В «Летописце начала царства» содержится указание на то, что любимец вдовы Василия III был пойман «боярским советом князя Василия Шуйского и брата его князя Ивана и иных единомысленных им». Вслед за этим родная сестра князя И. Ф. Овчины Аграфена Васильевна Челяднина, мамка (воспитательница) Ивана IV, входившая в ближайшее окружение Елены Глинской, также была арестована, сослана в Каргополь и насильно пострижена в монахини.

После кончины правительницы бояре, находившиеся в тот момент у власти, в апреле 1538 г. провели важную акцию — амнистию политических заключенных. На свободу «из нятства» были выпущены бояре и дети боярские из дворов князей Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого (в частности, князья И. А. Хованский и Б. И. Па-

[187] ПСРЛ. Т. 8. С. 295; Т. 13. С. 431. *Филюшкин А. И.* Василий III. С. 283.

[188] *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 88, 192.

[189] *Платонов С. Ф.* Иван Грозный // Платонов С. Ф. Сочинения по русской истории. Т. 2. С. 23—24; *Смирнов И. И.* Очерки политической истории 30—50-х годов XVI века. С. 75, 80—81; *Абрамович Г. В.* Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991. С. 81—82.

[190] *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 222—234.

[191] *Панова Т. Д.* Яды в борьбе за власть. М., 2017. С. 88.

[192] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 74.

лецкий, И. И. Умной Колычев), а также князья Иван Федорович Бельский (был арестован в августе 1534 г. в связи с бегством его брата князя С. Ф. Бельского в Литву) и Андрей Михайлович Шуйский (был арестован за попытку отъехать к князю Юрию Дмитровскому вместе с удельным князем 11 декабря 1534 г.). И князь И. Ф. Бельский, и А. М. Шуйский были пожалованы боярскими чинами.

Иван IV вспоминал в первом письме к князю Андрею Шуйскому о том, что сразу после смерти Елены Глинской бояре «казну матери нашей перенесли в Большую казну, неистово ногами пхающе и осны колюще, а иное же разъяша»[193]. Казначеем в то время был И. И. Третьяков, который впервые упомянут в этой должности в русско-крымских дипломатических документах 17 сентября 1536 г.[194]

Историки спорят о том, кто стоял за апрельским переворотом. Если, по мнению И. И. Смирнова, переворот «был произведен блоком основных княжеско-боярских группировок Бельских и Шуйских», то, с точки зрения А. А. Зимина и М. М. Крома, он был совершен «боярским советом», т. е. основной массой боярства[195]. Пожалование думными чинами представителей двух конкурирующих боярских кланов говорит в пользу определенного консенсуса, достигнутого князьями Шуйскими и Бельскими.

Шестого июня 1538 г. состоялась свадьба князя В. В. Шуйского и двоюродной сестры Ивана IV Анастасии Петровны (дочери крещеного татарского царевича Петра (Кайдакула) от брака с сестрой Василия III великой княжной Евдокией). Иван IV позднее в первом послании князю Андрею Курбскому гневно отзывался об этом времени: «И тако князь Василей и князь Иван Шуйские самовольством у меня в бережении учинился, а тако воцаришася; а тех всех, которые отцу нашему и матери нашей были главные изменники, ис поимания их выпускали и к себе их примирили. А князь Василей Шуйской на дяди нашего княж Андрееве дворе (князя Андрея Старицкого. — *Авт.*) учал житии»[196].

Компромисс, временно достигнутый боярскими группировками, проявился в щедрых пожалованиях думными и дворцовыми чинами летом 1538 г. К июню 1538 г. званием окольничего был пожалован С. И. Злобин. К августу 1538 г. боярином стал князь М. И. Кубенский (старший брат дворецкого князя И. И. Кубенского), титулом окольничего был пожалован И. С. Фока Воронцов (младший брат боярина М. С. Воронцова), угличским дворецким впервые упомянут Ф. С. Демид Воронцов (младший брат окольничего Ивана Фоки), дмитровским дворецким стал князь Д. Ф. Палецкий. В августе 1538 г. в русско-крымских дипломатических документах указан с чином окольничего Ф. И. Карпов[197]. Злобин и Карпов в 1530-е гг. активно участвовали в переговорах с крымцами, за что, вероятно, были вознаграждены думными чинами. Возможно, Ф. И. Карпов был близок к Шуйским. Во время аудиенции 20 октября 1539 г. крымского посла Сулеша-мирзы у князя И. В. Шуйского у последнего «был в те поры Федор Карпов»[198].

Об иерархии, сложившейся в высшей придворной среде в начале осени 1538 г., красноречиво говорит список лиц, сопровождавших венценосных особ. Так, 22—29 сентября 1538 г. состоялась поездка великого князя Ивана с братом Юрием

[193] Послания Ивана Грозного / Подг. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. М.; Л., 1951. С. 27.

[194] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 299.

[195] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. С. 80; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 249; *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 233.

[196] Послания Ивана Грозного. С. 27—28.

[197] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 525, 605, 608 об.

[198] Там же. Л. 664 об.

в Троице-Сергиев монастырь. На богомолье с ними отправились князья В. В. и И. В. Шуйские, дворецкий И. И. Кубенский. Ранее, 20—22 июня 1536 г., в свите братьев, отправившихся в Троицкую обитель, значились князь И. Д. Пенков (муж родной сестры Елены Глинской), И. Ф. Овчина Оболенский, князь И. И. Кубенский, боярыня Агриппина Челяднина[199]. Видимо, князь Кубенский устраивал Шуйских и благодаря этому сохранил свои позиции при дворе.

К октябрю 1538 г. боярином стал князь И. М. Шуйский (брат князя А. М. Шуйского), что является еще одним сигналом усиления власти Шуйских в то время (в Боярской думе находились четверо бояр из рода суздальских князей, больше чем выходцев из других княжеских и боярских родов).

«Летописец начала царства» и Лицевой свод (Царственная книга) сообщают о том, что в конце сентября — начале октября 1538 г. вспыхнула вражда между князьями В. В. и И. В. Шуйскими с одной стороны и князем И. Ф. Бельским и М. В. Тучковым — с другой. Последние двое пытались через митрополита Даниила добиться расположения великого князя для своих сторонников — князя Ю. М. Голицына-Булгакова (ему был обещан боярский чин) и И. И. Хабарова (для него хотели исхлопотать чин окольничего). Могущество Шуйских оказалось сильнее влияния их политических противников. В середине октября 1538 г. князь И. Ф. Бельский был арестован (посажен в Москве на двор князя Ф. М. Мстиславского), а М. В. Тучков сослан в свое село. Ближний дьяк Ф. Мишурин, принявший сторону Бельского и Тучкова, 21 октября 1538 г. подвергся публичному унижению и жестокой казни в Москве: «октября 21 бояре поимали диака Федора Мишурина на княж Андреевъском дворе. Платье с него ободрали донага, а его вели до тюрьмы нага, а у тюрем ему того же часу головы ссекли»[200].

Князь В. В. Шуйский, очевидно стоявший за этими расправами, не успел насладиться пиком своего могущества. В конце октября (до 1 ноября) 1538 г. он ушел из жизни. Несмотря на кончину старшего боярина в Думе, его младший брат князь Иван Шуйский сохранил влияние на государственные дела.

Период влияния князей Шуйских. В течение лета—осени 1538 г. главные нити управления страной находились в руках князя И. В. Шуйского и близких к нему придворных (князей Кубенских, их родственника князя И. Д. Пенкова и др.). В память великого князя Ивана глубоко врезалась картина самовластья Шуйского: «Едино вспомянути: нам бо в юности детская играющее, а князь Иван Васильевич Шуйской седит на лавке, лохтем опершися о отца нашего постелю, ногу положа на стул, к нам же не прикланяяся не токмо яко родительски, но ниже владетельски, рабское ничто же обретеся. И такова гордения кто может понести? Како же исчести таковая беднее страдания многа, еже от юности пострадах?»[201]

Князь И. В. Шуйский 11 мая, 24 сентября, 20 октября 1539 г. принимал на своем дворе крымского посла Сулеша-мирзу и говорил с ним от имени великого князя[202]. Рядом с именем князя И. В. Шуйского в переговорах с крымскими послами упомянуты братья князья М. И. и И. И. Кубенские («а бояр у великого князя были князь Иван Васильевич Шуйской, князь Михайло да князь Иван Кубенские»), что свидетельствует об их ключевой роли во внешней политике вместе с князем Иваном Шуйским[203].

[199] ПСРЛ. Т. 13. С. 113, 126.
[200] ПСРЛ. Т. 34. С. 26.
[201] Послания Ивана Грозного. С. 28.
[202] РГАДА. Ф. 123. Крымские дела. Оп. 1. Кн. 8. Л. 589 об., 591, 647, 664 об.—665.
[203] Там же. Л. 589 об.

Именно к И. В. Шуйскому 19 октября 1539 г. обратился Сулеш, прося его устроить аудиенцию у великого князя. Несмотря на высокий ранг, Иван Шуйский не принимал решений единолично. Когда 20 октября 1539 г. «Сулеш-мырза приехал ко князю Ивану, тож говорил, чтобы „Меня государь пожаловал отпустил". И князь Иван ему говорил тож: „Сулеш-мырза! Государь о том хочет говорит и з бояры и поговоря государь з бояры, ответ тебе государь о том велит учинити"»[204]. Из этого вытекает, что боярский приговор выносился только после коллективного обсуждения и принятия решения боярским советом во главе с И. В. Шуйским. М. М. Кром полагает, что с 1540—1541 гг. в источниках начинает звучать коллективное начало в обсуждении и принятии указов Боярской думой, признаются легитимными только те решения, которые были одобрены всем государевым советом, вероятно, единогласно, единодушно[205]. В дальнейшем формула, возникшая в 1540-е гг., — «с государева докладу и со всех боар приговору» — была закреплена в 98-й статье Судебника 1550 г.[206]

Современный исследователь политического кризиса периода боярского правления М. М. Кром возражает против мнения, распространенного в советской историографии (в работах И. И. Смирнова, А. А. Зимина, С. М. Каштанова), о боярских правительствах Шуйских, затем князей Бельских, Воронцовых, князей Глинских и т. д.[207] Историк пришел к обоснованному выводу о борьбе за власть отдельных знатных лиц и примкнувших к ним боярских кланов. Словно в калейдоскопе, придворные группировки стремительно сменяли друг друга у кормила государства. Их состав не был постоянным, власть влиятельных царедворцев и боярских партий не считалась легитимной, приказной аппарат обладал определенной долей автономии по отношению к носителю верховной власти и временщикам.

Митрополит Даниил 2 февраля 1539 г. был сведен с митрополии, как отметил летописец, князем И. В. Шуйским «и его съветники». Вместо Даниила, сосланного в Иосифо-Волоколамский монастырь, уже 9 февраля на митрополичий престол был возведен игумен Троице-Сергиева монастыря Иоасаф[208]. На церемонии поставления в митрополиты Иоасафа с титулом «конюшего и боярина» впервые был упомянут И. И. Челяднин. Он был сыном конюшего и боярина Василия III И. А. Челяднина, попавшего в литовский плен в результате Оршанской битвы 1514 г. и скончавшегося в плену к 1538 г. Иван Иванович Челяднин был близок к князьям Бельским, противникам Шуйских[209], и, следовательно, не полностью контролировал думские назначения, распределение которых зависело не только от политической конъюнктуры, но и от сложившегося порядка замещения мест знатными лицами из аристократических родов (родового принципа назначения).

К июню 1539 г. боярином стал князь П. И. Репнин Оболенский, родственник боярина Н. В. Хромого Оболенского. Таким образом, князья Оболенские сумели отчасти восстановить свои позиции, поколебленные казнью их родича князя Ивана Овчины Оболенского.

[204] РГАДА. Ф. 123. Крымские дела. Оп. 1. Кн. 8. Л. 664 об.—665.

[205] *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 269—270, 428—439, 598, 617.

[206] Памятники русского права. Вып. 4. С. 260.

[207] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. С. 80—120; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 248—312; *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI века. С. 327—374; *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 248, 251, 264, 266, 274.

[208] ПСРЛ. Т. 34. С. 26.

[209] И. И. Челяднин был связан родственными отношениями с князьями Бельскими. Он приходился шурином князю Д. Ф. Бельскому, так как женой князя Бельского была Марфа, родная сестра И. И. Челяднина.

С июня 1539 г., с разряда полков во Владимире, в Московском государстве начинается полоса местнических конфликтов, которые, несомненно, были показателем глубокого политического кризиса, поразившего государственную систему вследствие отсутствия верховного арбитра и неспособности молодого наследника престола поддерживать вертикаль власти. Местничество — это порядок назначения на высшие должности в военных походах, в центральной и местной администрации, который зависел от происхождения, знатности аристократа и службы данного лица и его предков великим князьям Московским. Как показал А. А. Зимин, местничество в конце XV — первой трети XVI в. имело скромные размеры. Первоначально местничество было распространено среди старомосковской нетитулованной знати и носило служилый, а не родословный характер[210]. В связи с переходом литовской знати и князей Северо-Восточной Руси на московскую службу местничество постепенно приобретает вид системы, сочетавшей в себе родство и службу. От времени правления Елены Глинской местнические разбирательства неизвестны, однако после ее смерти конфликты внутри знати, суды чести стали повседневным явлением. Местничество вступило в пору своего расцвета.

В июне 1539 г. в Коломне князь Ф. И. Одоевский бил челом о счете на князя В. А. Микулинского, предводителя войска, князь Ф. М. Мстиславский — на князя В. А. Микулинского, а князь М. М. Курбский — на боярина князя П. И. Репнина. В июле 1540 г. боярин князь Ю. М. Булгаков во Владимире также писал, что «ему ко князю Василью Микулинскому ездить непригоже»[211]. Вполне вероятно, что тверской князь В. А. Микулинский, назначение которого командующим ратью не устраивало служилых князей Одоевского, Мстиславского и потомка литовского князя Гедимина Булгакова, мог быть креатурой князя М. И. Кубенского. Последний, будучи боярином и главой передового полка под началом князя Микулинского, никак не отреагировал на понижение своей чести. Впрочем, М. М. Кром видит в этих первых конфликтах противостояние недавних выходцев из Литвы (князей Одоевских, Мстиславских, Булгаковых) и представителя старинной знати Северо-Восточной Руси (князя Микулинского)[212].

О сохранении определенного влияния князем И. В. Шуйским в начале 1540 г. свидетельствует его упоминание 8 февраля 1540 г. с пышным титулом «боярина и наместника Московского», когда от его имени была выдана губная грамота в Слободской городок на Вятке[213]. Утверждение документа не самим великим князем, а московским боярином, вероятно, вызвало беспрецедентное повторное утверждение губной грамоты Иваном IV в августе 1549 г. Однако временщик уже не мог полностью контролировать ситуацию при дворе. К апрелю 1540 г. боярином стал князь Ю. М. Булгаков Голицын, против назначения которого осенью 1538 г. выступали князья В. В. и И. В. Шуйские. Рост социального статуса Булгакова был закреплен получением им крупного поместья в Тверском уезде.

Осенью 1539 г. началось преобразование местного аппарата управления, в отечественной историографии получившее название губной реформы (от слова «губа» — территориальный округ). В результате губной реформы судебные дела по тяжким уголовным преступлениям, душегубству (убийствам), разбою (вооруженным ограблениям), татьбе (воровству) с по-

[210] *Зимин А. А.* Источники по истории местничества в XV — первой трети XVI в. // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 109—118.

[211] Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 96; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 2. М., 1977. С. 285.

[212] *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 257.

[213] Наместничьи, губные и земские Уставные грамоты Московского государства. С. 57—59.

личным были переданы от наместников и волостелей в руки представителей местной администрации. С осени 1539 г. поиском, поимкой, допросом и наказанием преступников в уездах стали заниматься выборные лица из князей и детей боярских, в черносошных волостях — выборные старосты из зажиточных крестьян, на посаде — сотские, десятские и «лучшие люди», выбираемые из состоятельных посадских людей. Губные старосты фактически возглавляли местные учреждения и могли самостоятельно решать все судебные дела вплоть до вынесения приговора. Их помощниками были губные целовальники, занимавшиеся разнообразной деятельностью (розыском преступников, доставкой грамот, пытками подозреваемых). Губные дьяки вели делопроизводство, в обязанности палачей входили пытка и казнь виновных[214].

Началом реформы считается выдача первых уставных губных грамот. Боярская комиссия в Москве во главе с боярином князем И. Д. Пенковым 23 октября 1539 г. выдала Белозерскую и Каргопольскую уставные грамоты. В 1539/40 г. была выдана Вельская уставная губная грамота. Боярская комиссия по разбойным делам являлась центральным органом, координировавшим деятельность всех губных учреждений страны. Н. Е. Носов называл главу разбойной комиссии «лицом, осуществлявшим от имени московского правительства повсеместное проведение губной реформы»[215]. К настоящему времени известно около двадцати губных грамот. Псковский летописец зимой 1540/41 г. восторженно отреагировал на государственные преобразования, приписывая их воле великого князя, которому на тот момент исполнилось всего 11 лет: «показа милость свою и нача жаловати, грамоты давати по всем градом большим и по пригородом и волостем, лихих людей обыскивати самым крестьяном межь собя по крестномоу целованию, и их казнити смертною казнию, а не водя к намесником и к их тивуном лихих людей разбоиников и татей; и бысть наместником по городом нелюбка велика на крестьян»[216]. Псковский житель особенно обрадовался реформе в связи со злоупотреблениями в Пскове наместников князей А. М. Шуйского и В. И. Репнина Оболенского, приехавших в город в 1540 г.: «Быша намесники на Пскове сверепи, аки львове, и людие его аки зверие диви до крестьян, и начаша поклепцы добрых людей клепати, а разбегошася добрые люди по иным городом, а игумены честные из монастырей избегоша в Новгород <...> и при их наместничестве за множество грехов наших пожары частые»[217]. Видимо, подобные злоупотребления властью со стороны наместников случались и в других городах Русского государства.

Относительно причин, целей, этапов и последствий губной реформы в науке существуют дискуссии. Н. Е. Носов и А. А. Зимин причинами реформы считали обострение классовой борьбы, неспособность и нежелание наместнической администрации бороться с воровством и разбоями. По мнению А. А. Зимина, «реформа подрывала судебно-административную власть феодальной аристократии на местах» и отвечала интересам дворянства. Н. Е. Носов полагал, что губная реформа имела повсеместное распространение, А. А. Зимин и С. М. Каштанов, напротив, считали, что первоначально губные учреждения возникли на севере и северо-западе страны и с течением времени, к середине 1550-х гг., охва-

[214] *Воробьев А. В.* Разбойный приказ в XVI — начале XVII века: Эволюция, руководство и административная практика. С. 22.

[215] *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. С. 296.

[216] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 110.

[217] Там же.

тили остальные территории государства[218]. В недавнее время эти наблюдения и выводы были пересмотрены в работах Т. И. Пашковой и М. М. Крома. Историки доказывают, что главная цель губной реформы заключалась не в стремлении правительства ограничить власть наместников и волостелей (за ними и впоследствии сохранилась значительная часть судебных полномочий), а в намерении создать на местах эффективные органы борьбы с разбойниками, причем деятельность этих органов координировалась из центра — Москвы (в то время как деятельность наместников и кормленщиков замыкалась в пределах своих уездов и волостей). В столице к октябрю 1539 г. была создана специальная боярская комиссия по разбойным делам (бояре, «которым розбойные дела приказаны») во главе с князем И. Д. Пенковым. Этой комиссии стали подотчетны губные органы. Наместники и волостели, обремененные различными функциями (хозяйственными, административными, военными, дипломатическими), очевидно, не могли в полной мере справиться с судебно-полицейскими обязанностями, за отправление которых к тому же они взимали особые пошлины с местного населения. Кроме наместников и волостелей, уголовное судопроизводство на местах в первой половине XVI в. осуществлялось специальными агентами, занимавшимися поимкой и доставкой в суд «лихих людей», — недельщиками «с записью»; их направлял в уезд или волость великий князь или его боярин.

В 1548—1549 гг. боярская комиссия по разбойным делам была преобразована в Разбойный приказ (выделившийся из Дворца либо из Казны), который должен был координировать деятельность всех губных учреждений, контролировать работу губных старост, заниматься расследованием дел о разбоях, воровстве и убийствах[219]. Губные учреждения взимали судебные пошлины, распоряжались конфискованным у преступников имуществом, а также брали с местного населения особый денежный сбор для обеспечения деятельности губных изб и работавших в них чиновников[220].

Мы не обладаем достаточным количеством данных, для того чтобы говорить о введении губных учреждений единовременно по всей стране. Губные грамоты первоначально рассылались по отдельным уездам и волостям, и только в 60-й статье Судебника 1550 г. губные учреждения были узаконены как общегосударственные органы, в юрисдикцию которых в итоге перешли преимущественно дела о разбоях (расследование о татьбе, душегубстве и другие «лихие дела» остались в зоне ответственности наместников и волостелей)[221]. Введение начал местного земского самоуправления не имело целью ограничить власть наместников и волостелей, но само появление первых губных грамот осенью 1539 г. свидетельствует о росте криминогенной ситуации в то время, произволе кормленщиков и их агентов[222]. Выдаче указных грамот предшествовали многочисленные челобитья служилых людей, старост, крестьян правительству, где они жаловались на то, что у них в волостях «многие села и деревни розбойники розбирают и животы грабят, и села

[218] *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. С. 227—235, 250—251, 299—304; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 253—255; *Каштанов С. М.* К проблеме местного управления в России первой половины XVI в. С. 134—148.

[219] *Воробьев А. В.* Разбойный приказ в XVI — начале XVII века: Эволюция, руководство и административная практика. С. 17—22.

[220] *Воробьев А. В.* Делопроизводство Разбойного приказа как исторический источник по истории государственного управления в России XVI — первой половины XVII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. С. 19—20.

[221] Памятники русского права. Вып. 4. С. 247—248.

[222] *Воробьев А. В., Черкасова М. С.* «А которых розбойников или татей где поймаете, доведчи на них, да их казните...»: Вельская губная грамота 1539/40 года // Исторический архив. 2011. № 3. С. 177.

и деревни жгут, и на дорогах многих людей грабят и розбивают, и убивают многих людей до смерти»[223]. Разгул преступности, по замыслу законодателей, должен был быть поставлен под жесткий контроль местных властей — губных органов, а также центрального ведомства — боярской комиссии по разбойным делам. Следовательно, губная реформа проводилась в интересах всех социальных групп населения: дворянства, духовенства, посадских людей, крестьянства. Значение реформы не следует недооценивать. В отличие от института городовых приказчиков, губные учреждения впервые стали выборными органами, контролировавшими весь процесс судопроизводства по уголовным преступлениям. В середине XVI в. они превратились в одно из важнейших звеньев нарождавшейся системы местного сословного самоуправления.

В конце 1530-х — начале 1540-х гг. в целях увеличения земельного обеспечения дворян бояре осуществили добавочную прирезку земель к поместьям. На это важное мероприятие, знаменовавшее собой дальнейшее развитие поместной системы, первым обратил внимание Г. В. Абрамович. «Поместное верстание» имело причиной дробление поместий вследствие многодетности дворянских семей, захудания и обеднения среднего слоя служилого сословия. Результаты нововведения и по сей день вызывают в науке споры. Абрамович установил, что валовая перепись новгородских и тверских земель пришлась на 1538—1541 гг. и совпала по времени с поместным верстанием дворян 1538—1539 гг. Исследователь сосредоточил внимание на анализе сохранившейся писцовой книги Тверской половины Бежецкой пятины Новгорода 1545 г.[224] По подсчетам Абрамовича, в данной части пятины «154 помещика из 360 получили прибавки, в результате чего средний размер их поместий увеличился с 17,5 до 21 обжи»[225]. На основании уцелевшей переписки новгородских дьяков с московским правительством в 1550-е гг., зафиксировавшей многочисленные дворянские челобитные с просьбами о прирезке земель, историк установил, что «из 9 случаев упоминания о верстании лишь в одном помещику было отказано в прирезке земли и приказано служить со старого поместья без придачи», а «в остальных случаях к имевшимся 123,5 обжи было прибавлено еще 97 обеж, или 79 %». По мнению историка, в результате поместного верстания за образец была взята норма в 11—13 обеж на человека, что явилось важнейшим шагом на пути подготовки Уложения о службе 1556 г. В целом поместная политика князей Шуйских в 1538—1542 гг. (по мнению Абрамовича, они находились у власти в этот период) «полностью соответствовала интересам широких масс поместного дворянства»[226]. С критикой концепции Абрамовича выступили Е. И. Колычева, М. М. Кром и М. М. Бенцианов. Историки поставили под сомнение минимальную норму обеспечения служилого человека в 10 обеж (100 четвертей доброй земли), сославшись на многочисленные случаи ее несоблюдения, придачи гораздо меньших по объему наделов[227]. М. М. Кром дополнительно привлек данные из царских грамот новгородским дьякам 1555—1556 гг. и обратил

---

[223] *Воробьев А. В., Черкасова М. С.* «А которых розбойников или татей где поимаете, доведчи на них, да их казните...»: Вельская губная грамота 1539/40 года. С. 177.

[224] Новгородские писцовые книги. Т. 6. СПб., 1910. С. 35—564.

[225] *Абрамович Г. В.* Поместная политика в период боярского правления (1538—1543 гг.) // История СССР. 1979. № 4. С. 194.

[226] Там же. С. 194, 199.

[227] *Колычева Е. И.* Аграрный строй России XVI века. С. 16—17; *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 541; *Бенцианов М. М.* «Поверстати по достоиньству безгрешно...»: Система окладов в Русском государстве XV—XVI вв. // Quaestio Rossica. 2016. Vol. 4 (1). С. 26.

внимание на частое невыполнение дьяками решений правительства о прирезке помещикам земли: из одиннадцати разбирательств только в пяти случаях помещики получили прибавку[228]. Кроме того, исследователь проанализировал другие источники, сообщающие о реализации на практике поместного верстания 1538/39 г., — писцовую книгу Деревской пятины 1538/39 г. и половину писцовой книги Водской пятины 1539 г. В них реальные факты прирезки помещикам земель составляют не более 23 % случаев[229].

Если рассмотреть писцовую книгу Торопецкого уезда 1539—1541 гг., то в ней можно найти картину, сходную с ситуацией в Водской и Деревской пятинах. Из 43 описанных поместий придача земли наблюдается лишь в двенадцати случаях[230]. Следовательно, итоги поместного верстания конца 1530-х гг., проведенного боярами, не следует оценивать исключительно в позитивном ключе. На деле лишь четверть дворян получила земельную прибавку.

М. М. Кром допускает, что поместное верстание должно было коснуться и других уездов, писцовые описания которых до нас не дошли: Владимирского, Кашинского, Каширского, Коломенского, Московского и других; «поместная политика эпохи „боярского правления“ затронула, вероятно, более широкие слои провинциального служилого люда, чем можно судить по немногим сохранившимся писцовым книгам»[231].

Сохранился источник, свидетельствующий о вотчинном и поместном землевладении в Подмосковье в начале 1540-х гг. Это фрагмент платежной книги поместных, вотчинных и монастырских земель Московского уезда — станов Шеренского, Вори и Корзенева, Радонежа и Бели[232]. Л. И. Ивина убедительно доказала, что первая часть росписи появилась не позднее 1542/43 г., а вторая часть, содержащая роспись черных земель, отданных в волости Шерна в поместье детям боярским, была составлена не ранее 1547 г.[233] Всего в первой части росписи сошных окладов упомянуто не менее 140 помещиков и вотчинников. Большинство из них происходили из малоизвестных фамилий: Борзецовых, Верхоглядовых, Дворянкиных, Желтухиных, Княжниных, Мошниных, Рогатиных, Стоговых, Царевых, Щулеповых и др. Обычный размер поместья составлял 25—35 четвертей доброй земли, реже — 50—65. Преобладали мелкие поместные владения у представителей мелких и средних родов. В росписи не отмечены случаи прирезки помещикам земель в Московском уезде, несмотря на наличие у них довольно скромных владений. Значит, поместное верстание затронуло не все уезды Московского государства, а охватило преимущественно северо-западные районы, Новгородскую землю и соседний Тверской уезд, в первую очередь районы поместного землевладения.

Борьба за власть боярских группировок сопровождалась щедрыми раздачами земель наиболее могущественным царедворцам, а также придворным, близким к кормилу власти. Пожалования значительными по объему землями отразились в писцовой книге Тверского уезда 1539/40 г.[234] Вероят-

---

[228] *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 541—546.

[229] Там же. С. 547—548.

[230] Писцовые книги Новгородской земли. Т. 4. С. 597, 619—622, 633, 641—644, 647, 657, 660—663, 666, 670, 675.

[231] *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 552.

[232] ОР РГБ. Ф. 303. Оп. 1. Кн. 637. Л. 284 об.—297.

[233] *Ивина Л. И.* Троицкий сборник материалов по истории землевладения Русского государства XVI—XVII вв. // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина. Вып. 27. М., 1965. С. 150—152.

[234] Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. С. 13—143.

но, пик поместных раздач в Тверском уезде пришелся на лето — начало осени 1540 г.[235]

Если не считать князей Микулинских, издревле владевших землями в Микулинском стане (Микулинские владели 3656 четвертями земли), недвижимость в Тверском уезде к 1540 г. досталась следующим лицам: представителям рода суздальских князей (всего за князьями П. И. Шуйским и А. Б. Горбатым числилось 2378 четвертей земель), находившимся с ними в родстве елецким князьям (1195 четвертей), родственникам фаворита Елены Глинской князя И. Ф. Овчины Телепнева князьям Щепиным-Оболенским (2038 четвертей), родственникам великого князя по матери князьям Глинским (за князем С. И. Глинским находилось 1117 четвертей земли), а также фамилиям, представители которых в 1534—1540 гг. состояли в Боярской думе: князьям Стародубским (1168 четвертей), Морозовым (791), Ростовским князьям (588), Гедиминовичам (533 четверти). В дозорной книге Тверского уезда 1551—1554 гг. упоминается поместье в волости Суземье князя И. М. Шуйского в 743 четверти, приобретенное им после 1540 г. (в книге 1540 г. эти деревни числились еще черносошными)[236]. В документе отмечены факты насильственного захвата князем И. М. Шуйским, Г. В. Морозовым помещичьих земель[237].

Любопытно, что владения в период боярского правления приобретались, как правило, не самими временщиками (исключением является князь И. М. Шуйский), а их родственниками, очевидно, не без протекции членов семьи. Общий объем пожалованных двадцати семи представителям титулованной и нетитулованной аристократии земель в 14 190 четвертей (не считая 985 четвертей поместной земли, доставшихся дьяческим семьям Моклоковым и Карачаровым) из 22 500 четвертей, пущенных в поместную раздачу, свидетельствует о преобладании в Тверском уезде владений придворной верхушки над поместьями дворовых и городовых детей боярских. Эти факты красноречиво свидетельствуют о правоте обращенных к князю Андрею Курбскому слов царя Ивана Васильевича о корыстных поступках бояр: «Вся восхитиша лукавым умышлением, бутто детем боярским жалование, а все себе у них поимаша во мздоимание, а их не по делу жалуючи, верстая не по достоинству»[238]. В январе 1565 г., накануне введения опричнины, Иван IV вновь вспомнил, как в годы его малолетства «бояре его и воеводы земли его государьские себе разоимали, и другом своим и племяни его государьские земли роздавали. И держачи за собою бояре и воеводы поместья и вотчины великие, и жалования государьския кормленые емлючи, и собрав себе великие богатства, и о государьстве и о всем православном християнстве не хотя радети»[239]. Царь, очевидно, сильно преувеличивал масштабы расхищения боярами и их родичами государевых земель, но все же в словах монарха прозвучала значительная доля правды.

После смерти Елены Глинской в апреле 1538 г. правительство отказывается от политики контроля над земельными сделками духовных феодалов, курс на который был взят 23 июня 1535 г. выдачей жалованной грамоты Дионисиево-Глушицкому монастырю. Уже с весны 1538 г. некоторым обителям (Троице-Сергиевой, ярославской Спасской, угличской Покровской) были

---

[235] *Корзинин А. Л.* Государев двор в период боярского правления: Практическая реализация поместного верстания 1530—1540-х гг. // Вопросы истории. 2018. № 8. С. 19.

[236] Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. С. 183; *Абрамович Г. В.* Поместная политика в период боярского правления (1538—1543 гг.). С. 199.

[237] Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. С. 168.

[238] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 28.

[239] ПСРЛ. Т. 29. С. 342.

возвращены ранее отписанные у них на государя земли, был снят контроль над вкладами в монастыри светских землевладельцев. Троице-Сергиевой, Кирилло-Белозерской, московской Симоновой, суздальской Спасо-Евфимьевой и прочим духовным обителям поступают богатые вклады, прежде всего от тех аристократов, кто находился на вершине власти: князей Шуйских, Бельских, И. И. Кубенского, Воронцовых и др. С лета 1538 г. имело место пожалование целому ряду монастырей новых земель с предоставлением иммунитетных прав (освобождением от уплаты налогов на определенное время). Установлено, что выдача великокняжеских жалованных грамот особенно активизировалась в 1544 и 1546—1548 гг.[240] Необходимость ограничения неуклонного и неконтролируемого роста церковных вотчин в период боярского правления станет одной из главных задач только в начале 1550-х гг. Царские требования по возвращению незаконно приобретенных церковью земель грозно прозвучат на Стоглавом соборе в 1551 г.

Ослабление центральной власти и ее роли во внутригосударственных делах наблюдалось не только в церковной политике, но и в городском строительстве. В отличие от бурной градостроительной деятельности 1534 — начала 1538 г., за период с весны 1538 до 1548 г. был построен только город Любим на реке Обноре. Прекращение крупномасштабного городского и крепостного строительства могло быть связано с исчезновением единой политической воли, способной мобилизовать в кроткий срок людские ресурсы для решения стоящих перед страной военных и экономических задач[241]. Не исключены и экономические трудности, недостаток средств в казне, истощившейся после Стародубской войны 1534—1537 гг. и интенсивного городского строительства в 1534—1538 гг.

В 1538—1539 гг. появляются новые областные дворцы — Рязанский, Дмитровский и Угличский. Рязанский дворец с февраля 1533 до августа 1539 г. находился в ведении большого дворецкого, а затем управлялся специальным рязанским дворецким. В его юрисдикцию входила не только Рязань, но и Вологда с уездом. Образование Дмитровского дворца (в его ведении находились Дмитров и Звенигород с уездами) к августу 1538 г. последовало за смертью князя Юрия Дмитровского, случившейся 3 августа 1536 г. По завещанию великого князя Василия III выморочный Угличский удел достался его младшему сыну Юрию, но уже к августу 1538 г. удел перешел под управление угличского дворецкого (в его ведении находились Углич, Калуга, Зубцов, Бежецкий Верх с уездами). Кроме новых дворцов в конце 1530-х гг. продолжали функционировать прежние дворцы — Тверской и Новгородский. Тверской дворец являлся крупнейшим дворцовым ведомством после Большого дворца. Ему были подведомственны Тверь, Волок Ламский, Клин, Ржева, Ростов, Романов и Пошехонье с уездами[242]. Функции дворецких были разнообразными. Они не только ведали великокняжеским хозяйством, дворцовыми землями (являлись высшей хозяйственной и судебной инстанцией), но и наряду с введенными боярами в 1534—1547 гг., стали осуществлять суд высшей инстанции по земельным делам. Это нововведение в дальнейшем будет закреплено в 1-й статье Судебника 1550 г., где в качестве судей высшей инстанции указаны не только бояре и окольничие (как в Судебнике 1497 г.), но также дворецкие, казначеи и дьяки[243].

---

[240] *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 534.
[241] Там же. С. 555—560.
[242] Там же. С. 442—447, 453.
[243] Там же. С. 453—456.

Следует отметить еще одно нововведение боярского правления, ранее ускользавшее от внимания историков. Эта новация заключалась в обладании влиятельными аристократами одновременно двумя чинами: бояр (окольничих) и дворецких. Ранее в княжение Ивана III и Василия III случаев, когда носители высших думных чинов одновременно занимали посты дворецких, не было[244]. Первым боярином, получившим должность дворецкого к началу февраля 1534 г., следует считать князя С. Д. Серебряного Оболенского. Дворецким Большого дворца с февраля 1524 г. был князь И. И. Кубенский; 23 мая 1540 г. он стал боярином, но при этом остался дворецким Большого дворца, т. е. имел два чина: боярина и дворецкого. Наиболее почетные и значимые должности большого и тверского дворецких занимали, как правило, бояре. Чем можно объяснить новацию боярского правления? Вероятно, ответ следует искать в отмеченном М. М. Кромом процессе бюрократизации управления в этот период, выразившемся в обособлении государственного аппарата от носителя верховной власти и формировании профессиональной группы управленцев, сосредоточившей в своих руках наиболее значимые административные функции[245]. Нововведение, возникшее при боярах, закрепилось в придворной среде в середине XVI в.[246]

Неожиданно 25 июля 1540 г. из темницы был освобожден главный враг Ивана Шуйского князь И. Ф. Бельский. Опального вельможу выпустил на свободу сам великий князь «по печалованию» митрополита Иоасафа (который, как и его предшественник митрополит Даниил, просил за князя Ивана Бельского). По словам летописца, «и о том възнегодовал князь Иван Васильевич Шюйской, на митрополита и на бояр учал гнев дръжати и к великому князю не ездити, ни з боляры съветовался о государьских делех, ни о земских, а на князя Ивана на Бельскаго великое враждование имети и зло на него мыслити; и промеж бояр велик мятеж бысть»[247].

Однако в результате освобождения князя Ивана Бельского правительство Бельских не заменило собой правительство Шуйских (как полагали И. И. Смирнов и А. А. Зимин). Для того времени, как верно отмечает М. М. Кром, правильнее говорить об усилении отдельных лиц, боярских группировок. В 1560-е гг. в первом послании к Курбскому царь Иван IV вспоминал о Шуйских и помиловании Бельского, подчеркивая свою личную инициативу в событиях тех лет: «И тако им многа лета жившим, мне же возрастом тела преспевающе, и не восхотех под властию рабскою бытии, и того для князя Ивана Шуйского от себя отослал, а у себе велел быти боярину своему князю Ивану Федоровичу Бельскому»[248]. Однако не следует сбрасывать со счетов и влиятельных бояр, противников И. В. Шуйского, на которых он «учал гнев дръжати».

Освобождение из темницы опального князя Бельского привело к обострению внутриполитического кризиса, показателем которого стала местническая борьба. Когда в июле 1540 г. в Коломне расположилось войско во главе с князем А. М. Шуйским, князь И. А. Прозоровский был недоволен назначением князя К. И. Курлятева и бил челом о местах. Князь И. В. Шемяка Пронский не хотел быть ниже по должности князя И. И. Турунтая Пронского, князь Б. А. Приимков отказался быть «в менших»

---

[244] *Корзинин А. Л.* Состав Боярской думы и дворцовых чинов в правление великого князя Ивана III. Ч. 1: Думные чины // Древняя Русь: Во времени, в личностях, в идеях: Альманах. Вып. 8. СПб., 2017. С. 326.

[245] *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 427—428, 617.

[246] Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. С. 113—114; *Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. С. 203.

[247] ПСРЛ. Т. 13. С. 132—133.

[248] Послания Ивана Грозного. С. 28.

с князем Б. Д. Корецким, а Ф. Сназин — с Т. Заболоцким. В июле 1540 г. на Угре И. П. Федоров писал к великому князю, что ему к князю Ивану Ногтеву «ездити непригоже». Во Владимире князь Ю. М. Булгаков отказался явиться на службу к князю В. А. Микулинскому[249].

На июль 1540 г. падает самое большое количество местнических челобитий по сравнению с предыдущим и последующими (до 1546 г.) годами — девять случаев, из них семь относятся ко времени пребывания полков «на Берегу» (на реке Оке). Никогда раньше выступление войска в поход не вызывало такого количества судебных разбирательств[250].

Осенью 1540 г. князь Иван Шуйский не был полностью удален от управления, хотя и был вынужден уступить первое место князю Ивану Бельскому. Когда 21 сентября 1540 г. состоялась поездка великого князя Ивана IV и его брата Юрия на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, их сопровождали князья И. Ф. Бельский, И. В. Шуйский, М. И. Кубенский[251].

Перемена в верхах власти вновь, как и после смерти Елены Глинской, отразилась на судьбе политических узников. По печалованию митрополита Иоасафа и бояр 20 декабря 1540 г. великий князь выпустил из заключения князя Владимира Старицкого (сына Андрея Старицкого) и его мать княгиню Евфросинию. Но только через год, 25 декабря 1541 г., был восстановлен Старицкий удел. Для безопасности престола бояр и детей боярских удельного князя заменили служилыми людьми великого князя. Из темницы в Переславле 20 декабря 1540 г. был освобожден князь Дмитрий Андреевич Углицкий (сидевший в застенке с 1491 г.). Его дальнейшая судьба отражена в летописи: «и пожил немного и там преставися, а у великого князя на Москве не бывал»[252].

В целом об усилении князей Бельских при дворе свидетельствует руководство старшим братом Ивана Бельского, князем Д. Ф. Бельским, переговорами с литовскими панами рады начиная с октября—декабря 1540 г. до конца марта 1541 г.[253] Переговоры о продлении перемирия с Литвой, срок которого истекал в начале 1542 г., вели князь Д. Ф. Бельский, «воевода Владимирский», и И. Г. Морозов, «воевода Ржевский». Боярин и дворецкий князь И. И. Кубенский 2 марта 1541 г. был поставлен во главе боярской комиссии по разбойным делам в Москве и выдал губную грамоту Вятской земле.

В мае 1541 г. князь И. Ф. Бельский настолько освоился со своей новой ролью всесильного временщика, что даже, как выразился летописец, «бил челом Иоасафу митрополиту, чтобы печаловался великому князю о брате его о князе Семене о Федоровиче о Бельском, чтобы его великий государь пожаловал, гнев свой отложил и проступку отдал», поскольку «он по грехом своею молодостию от великого князя дерзнул отъехати»[254]. Иван Бельский не только добился от великого князя прощения брата Семена, но поторопился отправить в Крым посланца А. Кайсарова с грамотой о вели-

[249] Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 98—99; *Эскин Ю. М.* Местничество в России XVI—XVII вв.: Хронологический реестр. М., 1994. С. 44.

[250] *Эскин Ю. М.* Местничество в России XVI—XVII вв.: Хронологический реестр. С. 43—46; *Он же.* Динамика местнических споров в XVI—XVII веках // Российская история. 2013. № 4. С. 80—82.

[251] ПСРЛ. Т. 13. С. 134.

[252] ПСРЛ. Т. 34. С. 26. Князь Дмитрий Андреевич Углицкий был родным дядей князей М. И. и И. И. Кубенских, поскольку их мать, княгиня Ульяна, была дочерью князя Андрея Большого Васильевича Углицкого, отца Дмитрия, и племянницей великого князя Московского Ивана III.

[253] *Корзинин А. Л.* Политическая борьба в годы боярского правления (1538—1541 гг.) // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. 2008. Вып. 1. С. 35.

[254] ПСРЛ. Т. 13. С. 136—137.

кокняжеской милости[255]. Это был небывалый случай. Курьез состоял в том, что посланец не застал князя С. Ф. Бельского в Крыму, так как тот вместе с крымским ханом Сахиб-Гиреем I в это время готовился к походу на Русь. О начале вторжения в Москве стало известно 21 июля 1541 г.

Близость И. Ф. Бельского к малолетнему Ивану IV повлияла на ослабление позиций И. В. Шуйского. В мае 1541 г. князь был отправлен на службу из Москвы во Владимир для похода на Казань, что воспринималось современниками как опала. Для контроля над ситуацией в стране и опеки над малолетним государем могущественные временщики должны были постоянно находиться в столице. В июле—декабре 1541 г. князь И. В. Шуйский продолжал оставаться во Владимире.

В двадцатых числах июля 1541 г. к Коломне была направлена рать под командованием бояр Д. Ф. Бельского, И. М. Шуйского и М. И. Кубенского, которая должна была стоять на берегу реки Оки для отражения похода Сахиб-Гирея I[256]. Когда 28 июля 1541 г. крымский хан подошел к реке Осетр, был дан приказ идти с реки Похры на Оку князю Ю. М. Булгакову с войском, с Москвы на Похру — князю В. М. Щенятеву и боярину и конюшему И. И. Челяднину во главе полков[257]. В результате ожесточенного боя между русской ратью князя Д. Ф. Бельского и крымским войском, состоявшегося на берегу Оки недалеко от Ростиславля 30—31 июля 1541 г., Сахиб-Гирей I вынужден был отступить. В столице праздновали победу[258]. В Москве во время осады Ивана IV и великокняжескую семью берегли князья И. Ф. Бельский и И. И. Кубенский.

Борьба за власть боярских кланов в 1542—1546 гг. В Москве 2 января 1542 г. произошел очередной дворцовый переворот. «Советом боярским», вступившим в переговоры с князем И. В. Шуйским (явившимся в столицу из Владимира), был схвачен князь И. Ф. Бельский. Заговорщиками, поддержавшими князя Ивана Шуйского, летописец называет князей М. И. и И. И. Кубенских, дмитровского дворецкого Д. Ф. Палецкого, казначея И. И. Третьякова. Вооруженной силой заговора стали новгородские дети боярские (наместником в Новгороде в октябре 1538 г., июне 1541 г., июне 1542 г., феврале 1543 г. был князь И. М. Плетень Шуйский, троюродный брат И. В. Шуйского). В ночь на 2 января 1542 г. в Москву прибыли сторонники Шуйского — его сын князь П. И. Шуйский и И. В. Большой Шереметев[259]. В результате заговора Иван Бельский сначала был посажен на Казенном дворе (у казначея И. И. Третьякова), а затем увезен на Белоозеро; его советники также пострадали: П. М. Щенятев был сослан в Ярославль, И. И. Хабаров посажен в погреб на дворе И. П. Фомы Головина, а затем сослан в Тверь, митрополит Иоасаф лишен сана и отправлен в ссылку в Кириллов-Белозерский монастырь. Иван IV позже в своих сочинениях подчеркивал ключевую роль в перевороте не только Шуйского, но и князей Кубенских: «И князь Иван Шуйской, приворотя к себе всех людей и к целованию приведе, пришел ратию к Москве, и боярина нашего князя Ивана Федоровича Бельского и иных бояр и дворян переимали советники его Кубенские и иные, до его приезду, и сослали на Белоезеро и убили, да и митрополита Иоасафа с великим безчестием с митрополии согнаша»[260].

---

[255] ПСРЛ. Т. 13. С. 137.

[256] Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 101.

[257] ПСРЛ. Т. 13. С. 102.

[258] Там же. С. 137—139.

[259] Там же. С. 140—141, 439.

[260] Послания Ивана Грозного. С. 28.

Несмотря на личное участие в заговоре и устранение из столицы Ивана Бельского, Шуйский не смог вернуть себе роль временщика. Когда 1 марта 1542 г. состоялся прием литовских послов в Москве, то с правой стороны от государя «береженья для» сидел боярин князь Д. Ф. Бельский, а с левой — боярин князь И. В. Шуйский. На правой стороне стоял боярин князь М. И. Кубенский, а на левой — окольничий И. С. Воронцов[261]. То есть во время аудиенции И. В. Шуйский находился на втором после князя Д. Ф. Бельского месте.

На митрополичий престол 16 марта 1542 г. был избран новгородский архиепископ Макарий; 19 марта состоялось поставление Макария в митрополиты всея Руси.

В 1541—1542 гг. состав Боярской думы практически не обновлялся, что являлось одним из симптомов политического кризиса. В марте 1542 г. окольничим стал Ю. Д. Шеин (к сентябрю 1542 г. он получил пост тверского дворецкого, оставаясь окольничим). Шеин происходил из боярского рода Морозовых. В ноябре 1542 г. чин окольничего был пожалован И. И. Беззубцеву (происходившему, так же как Захарьины-Юрьевы, из старомосковского рода Андрея Кобылы).

В мае 1542 г. на Белоозере «уморен быть гладом» князь И. Ф. Бельский. По одним данным, он был убит «боярским самовольством», по другим — умертвлен «повелением князя Ивана Шуйского да князя Ондрея Шуйского»[262].

Князь И. В. Шуйский ненадолго пережил своего врага и умер также в мае 1542 г. Его кончина привела к временному возвышению князя Д. Ф. Бельского. В сентябре—октябре 1542 г. князь Д. Ф. Бельский разбирал дела в Москве, будучи старшим боярином в Боярской думе, направлял послания юному великому князю, который находился в поездке по монастырям[263].

В течение 1543 г. происходила щедрая раздача думных и дворцовых чинов, ставшая отголоском вражды боярских кланов за власть и влияние. К февралю 1543 г. боярином стал князь Д. Д. Пронский (вероятно, сторонник князей Шуйских)[264]. К июню 1543 г. на свободу был выпущен И. И. Хабаров, «советник» князя И. Ф. Бельского. В то же время боярский чин достался И. С. Воронцову. К августу 1543 г. боярином стал князь И. А. Катырь Хохолков-Ростовский (он сменил в Думе своего старшего брата князя А. А. Хохолкова-Ростовского, скончавшегося до 1 октября 1538 г.). Окольничим 1 сентября 1543 г. впервые упомянут князь В. В. Ушатый (однородец князей Кубенских). Окольничим также указан 8 сентября 1543 г. Г. В. Морозов (сын боярина В. Г. Морозова). К 18 сентября 1543 г. боярство получил Ф. С. Воронцов, младший брат И. С. Воронцова. В середине сентября 1543 г. Федор Воронцов уже обладал одновременно двумя чинами — боярина и дворецкого угличского и калужского, что явно усилило его позиции.

Порядок иерархии высших сановников государства отразил состав воеводского корпуса в Коломне в июне 1541 г.: в большом полку были бояре и воеводы князья Д. Ф. Бельский, И. М. Шуйский, М. И. Кубенский и И. С. Воронцов. При этом первый и последний воеводы, видимо, желали находиться в столице, а не в полках, и демонстративно пренебрегли воинскими назначениями. «А боярину князю Дмитрею Федоровичу Бельскому и боярину Ивану Семеновичю велено бытии в Коломне по вестем, и оне того лета на Коломне не были», — отмечено в разрядной книге[265].

---

[261] Сборник РИО. Т. 59. С. 147.
[262] ПСРЛ. Т. 29. С. 42; Т. 34. С. 27.
[263] *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 284.
[264] Там же. С. 287.
[265] Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 104.

О росте влияния при дворе клана Воронцовых летом 1543 г. свидетельствует то обстоятельство, что они находились рядом с великим князем и высшими придворными лицами на аудиенции литовского посла. Когда 8 сентября 1543 г. в Москву прибыл посланец от польского короля Сигизмунда I для обсуждения вопроса о размежевании спорных Себежских земель, за большим столом у великого князя сидели бояре князья Д. Ф. Бельский и И. М. Шуйский, И. С. и Ф. С. Воронцовы[266]. Взлет карьеры Воронцовых, видимо, объяснялся тем фавором, которым они пользовались у Ивана IV. Однако это не устраивало другие боярские кланы. Показателем политического кризиса летом 1543 г. является местническая борьба. На 1543 г. падает примерно пять судебных разбирательств, три из которых приходятся на лето 1543 г.

Боярин Ф. С. Воронцов 9 сентября 1543 г. был схвачен и едва не убит в покоях великого князя в Кремлевском дворце. Летопись описывает данный инцидент так: «Бояре взволновашеся между собою перед великим князем и перед митрополитом в Столовой избе у великого князя на совете. Князь Андрей Шюйской да Кубенские и иные их советницы изымаша Федора Семенова сына Воронцова за то, что великий государь жялует и бережет, биша его по ланитам и платье на нем ободраша и хотеша его убити, и едва у них митрополит умоли от убиства»[267]. Взбунтовавшиеся бояре бросились на Макария. И. П. Фома Головин даже порвал на митрополите рясу. На стороне высшего церковного иерарха и великого князя, по воспоминаниям Ивана IV, выступили бояре И. Г. и В. Г. Морозовы[268]. Инцидент закончился тем, что Ф. С. Воронцов с сыном Иваном был отправлен на службу в Кострому и удален от монарха.

В январе 1544 г. с боярским чином впервые упомянуты князь Ф. И. Скопин Шуйский и его родственник князь А. Б. Горбатый, которые, вероятно, получили думные звания к концу 1543 г. (до опалы князя А. М. Шуйского).

Усиление Шуйских, их родичей и соратников длилось недолго. Разгневанный великий князь 29 декабря 1543 г., по словам летописи, «не мога того търпети, что бояре безчиние и самовольство чинят, без великаго князя веления, своим советом единомысленых своих советников <...> велел поимати первосоветника их князя Андриа Шюйскаго и велел его предати псарям, и псари взяша и убиша его, влекущее к тюрмам против ворот Ризположенских, в граде, а советников его розослал, и от тех мест начали боляре от государя страх имети». Приписка Царственной книги советниками А. М. Шуйского называет «князя Федора Шюйскаго, князя Юрия Темкина, Фому Головина и иных»[269]. Вотчины казненного князя А. М. Шуйского были конфискованы. Видимо, не случайно князь Ф. И. Скопин Шуйский, двоюродный племянник И. М. и А. М. Шуйских, оказался в январе 1544 г. в Костроме воеводой вместе с опальным Ф. С. Воронцовым, так как сам попал в немилость.

Опалой Ф. С. Воронцова попытались воспользоваться князь И. С. Ногтев-Суздальский, первый воевода сторожевого полка в войске во Владимире, и Ю. И. Кашин-Оболенский, второй воевода полка правой руки там же. Они 19 января 1544 г. били челом государю о том, что не хотят быть ниже местом боярина И. С. Воронцова (родного брата Федора), занимавшего более высокий пост первого воеводы полка правой руки. Однако воеводы, очевидно, не учли расположения великого князя к Воронцовым,

[266] Сборник РИО. Т. 59. С. 218.
[267] ПСРЛ. Т. 29. С. 45.
[268] Послания Ивана Грозного. С. 29.
[269] ПСРЛ. Т. 13. С. 145, 444.

тельности на правительственном поприще или о солидарности в борьбе с соперниками при великокняжеском дворе[275]. По мнению историка, в 1544 — первой половине 1546 г. ни одна из боярских группировок не имела значительного перевеса, скорее имело место неустойчивое равновесие сил. Действительно, за назначениями в Боярскую думу в первой половине 1546 г. трудно увидеть интересы какой-либо одной боярской группировки. К этому следует добавить, что с конца 1543 г. инициатива в выборе фаворитов перешла к Ивану IV, который начал активно вмешиваться в государственные дела.

К 20 февраля 1546 г. боярином и дворецким Большого дворца стал И. И. Хабаров (бывший в начале января 1542 г. советником князя И. Ф. Бельского). К 26 февраля 1546 г. окольничим и угличским дворецким стал И. И. Беззубцев (из старомосковского рода Кобылиных). В апреле 1546 г. чинами бояр были пожалованы князья В. М. Щенятев (родной брат князя П. М. Щенятева, высланного И. В. Шуйским из Москвы в январе 1541 г. за поддержку И. Ф. Бельского) и Д. Ф. Палецкий (ранее, в январе 1542 г., выступивший на стороне И. В. Шуйского и князей Кубенских).

К июлю 1546 г. высшее звание боярина и конюшего получил И. П. Федоров (женатый на дочери дворецкого В. А. Челяднина). Таким образом была восстановлена преемственность в передаче титула конюшего в роду Ратшичей (супруга И. П. Федорова Мария была племянницей боярина и конюшего в 1508—1514 гг. И. А. Челяднина и двоюродной сестрой боярина и конюшего в 1539—1541 гг. И. И. Челяднина). В июле 1546 г. окольничим стал И. Д. Шеин (младший брат окольничего и дмитровского дворецкого В. Д. Шеина, который в декабре 1546 г. получил уже боярский титул).

В разгар лета 1546 г. под Москвой случились трагические события: 21 июля в Коломне перед великокняжескими шатрами были казнены (обезглавлены) бояре князь И. И. Кубенский, Ф. С. Воронцов и В. М. Воронцов. Боярин и конюший И. П. Федоров был раздет донага, но помилован (по словам летописца, за то, что «он против государя встречно не говорил, а во всем ся виноват чинил»), а затем сослан на Белоозеро. Был подвергнут пытке И. М. Воронцов[276]. Часть вотчин и поместий князя И. И. Кубенского и Воронцовых была отписана на государя. Трудно разобраться в истинных причинах трагедии. Одни летописи сообщают, что молодой Иван Васильевич поверил ложному доносу своего ближнего дьяка Василия Гнильевского, другие связывают казни с бунтом новгородских пищальников, недовольных конфискацией имущества за недопоставку на службу ратников, и опять-таки клеветой дьяка Гнильевского, который обвинил в беспорядках Кубенского и Воронцовых[277]. Царственная книга дополняет рассказ о клевете на бояр тем, что содержит указания на близость к великому князю Ф. Воронцова («а преже того государь Федора пожаловал после Шуйского князя Ондрея и опять ево в приближение у себя учинил; и кого государь пожалует без Федорова ведома, и Федору досадно»), и называет одной из причин расправы прежние прегрешения опальных вельмож («и по прежнему их недобьству, что многие мзды в государьстве его взимаху во многых государьских и земьских делех, да и за многие их сопротивства»)[278]. Вероятно, недовольство великого князя сановниками подогре-

[275] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. С. 101—113; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 266—269; *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI века. С. 352—359; *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 309.

[276] ПСРЛ. Т. 34. С. 27.

[277] *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 316—323.

[278] ПСРЛ. Т. 13. С. 449.

валось не только вошедшим в милость государя дьяком В. Г. Гнильевским, но и теми придворными, которые завидовали фавору Воронцовых и высокому положению князя И. И. Кубенского.

Историки спорят, кто именно стоял за опалой Воронцовых. По мнению И. И. Смирнова и С. М. Каштанова, это были родственники великого князя Глинские, однако М. М. Кром оспаривает это мнение, полагая, что усиление Глинских при дворе имело место только в декабре 1546 — январе 1547 г.[279] Но близость Глинских к государю можно констатировать уже в сентябре 1546 г. Когда Иван IV поехал в Псков, то, как свидетельствует разрядная книга, «взял с собою князь Михаила Васильевича Львовича Глинского не во мнози силе, а братью свою оставил в Новегороде Великом князя Юрья Васильевича да князя Володимера Ондреевича»[280]. Дядя Ивана IV князь М. В. Глинский также принимал активное участие в подготовке царской свадьбы в середине декабря 1546 г., он находился в Москве и рассылал грамоты о смотринах невест и необходимости приезда дворян с юными дочерями в столицу[281].

В летописях 3 января 1547 г. говорится о том, что «повелением князя Михайла Глиньского и матери его княгини Анны» (вдовы князя В. Л. Глинского) «положил князь велики свою опалу на князя Ивана на княж Иванова сына Дорогобужского да на князя Федора на княж Иванова сына Овчинина Оболенского, велел их казнити смертною казнью: князю Ивану головы сечи, а князя Федора велел на кол посадити; и животы их и вотчины велел на себя взяти»[282]. Жестокие казни явились актом личной мести Глинских своим врагам и конкурентам. Федор был сыном фаворита Елены Глинской князя Ивана Овчины Оболенского, при котором погиб в темнице князь М. Л. Глинский, дядя М. В. Глинского. Князь И. И. Дорогобужский был сыном Марии Васильевны Челядниной (жены боярина И. П. Федорова) от первого брака с князем И. И. Порошей Дорогобужским и приемным сыном И. П. Федорова (своих детей у него и Марии не было). Вероятно, не обошлось и без прагматических причин: были уничтожены сыновья двух конюших князя И. Ф. Овчины Оболенского и И. П. Федорова, которые при удачном стечении обстоятельств могли наследовать высшее звание конюшего. Глинские интриговали против И. П. Федорова (по линии Челядниных он приходился им родственником), рассчитывая отобрать у него титул конюшего, и им это удалось. Уже 16 января 1547 г. во время царского венчания боярином и конюшим отмечен дядя царя князь М. В. Глинский. Федоров утратил звание конюшего и в июле 1547 г. в Коломне был записан в свите царя вторым боярином после князя М. В. Глинского[283].

Венчание на царство Ивана IV. Завершение боярского правления. 16 января 1547 г. произошло торжественное венчание Ивана IV на царство, знаменовавшее начало самостоятельного правления и строительства им царства. О том, кто был инициатором возведения Ивана Васильевича на царский престол, нет единого мнения. Часть историков считают, что за этим стоял

---

[279] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. С. 112; *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI века. С. 359; *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 308, 323, 329.

[280] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 2. М., 1977. С. 320; *Шмидт С. О.* Продолжение Хронографа редакции 1512 года. С. 290; ПСРЛ. Т. 34. С. 28.

[281] *Назаров В. Д.* Свадебные дела XVI века // Вопросы истории. 1976. № 10. С. 117.

[282] *Шмидт С. О.* Продолжение Хронографа редакции 1512 года. С. 290; ПСРЛ. Т. 34. С. 29.

[283] Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 110.

митрополит Макарий[284]. Другие полагают, что великий князь был возведен в царское достоинство под влиянием своей родни Глинских[285]. Царственная книга (официальное летописание), а за ней В. О. Ключевский подчеркивают личное желание юного великого князя (которому исполнилось тогда только 16 лет) «на царство на великое княжение сести»[286]. Коронация состоялась в Успенском соборе Московского Кремля в присутствии митрополита, архиепископов, епископов, всего Освященного собора, бояр и придворных. В центре собора было устроено высокое «место большое, на чем святители стоят, и учиниша на том месте два стула, един царскии, а другии святительскии». Рядом был поставлен аналой с царскими инсигниями. При входе великого князя в церковь митрополит и весь Освященный собор, облаченные в ризы и священные одежды, начали служить молебен Животворящему Кресту, Пречистой Богородице, митрополиту Петру. После чтения тропарей и молитв на Ивана Васильевича были торжественно возложены бармы (царские оплечья), наперсный крест из Животворящего Древа, на голову надет царский венец (шапка Мономаха)[287]. По легенде, эти инсигнии были переданы византийским императором Константином IX Мономахом его внуку Владимиру Всеволодовичу[288]. Митрополит произнес торжественную молитву, провозгласил с собором «многолетие царю Ивану Васильевичю Русскому», совершил молебен и литургию. На пути от Успенского собора до царского дворца были расстелены бархатные и шелковые ткани, при выходе из церковных ворот нововенчанного осыпали золотыми монетами[289].

Подробное описание торжественной церемонии возведения Ивана Васильевича на царский престол отразилось в чине венчания, который сохранился в двух редакциях: Краткой и Пространной. Наиболее близка по времени к описываемым событиям Краткая (Летописная) редакция обряда венчания, сохранившаяся в летописях («Летописце начала царства», Львовской летописи, Царственной книге и др.) и появившаяся в конце 1540-х гг. Пространная (Формулярная) редакция возникла в середине 1550-х гг. в связи с отправлением в Константинополь архимандрита Феодорита Кольского за благословением от патриарха (патриарх Иоасаф II одобрил царское венчание только в 1561 г.). В отличие от Краткой Пространная редакция содержит дополнительные сюжеты (речи великого князя к митрополиту и митрополита к великому князю, участие в церемонии супруги, отца великого князя, патриарха, описание обряда миропомазания на царство, упоминание о «царском месте» (троне), включение в царские регалии скипетра и золотой цепи), которые были составлены задним числом позже произошедших событий[290]. Пространная редакция чина венчания на

---

[284] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. С. 116—117; *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. С. 111—113; *Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения в России в 30—80-е годы XVI века. СПб., 2006. С. 48.

[285] *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 274; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 90.

[286] ПСРЛ. Т. 13. С. 450—451; *Ключевский В. О.* Курс лекций по русской истории. Ч. 1. СПб., 1902. С. 316.

[287] Венчания на царство и коронации в Московском Кремле: В 2 ч. Ч. 1: XVI—XVII века. Каталог выставки в Музеях Московского Кремля 27 сентября 2013 г. — 22 января 2014 г. / Сост. С. А. Амелёхина, И. А. Бобровницкая, Е. А. Моршакова. М., 2013. С. 11—13, 31—33, 58—59, 62—63, 65.

[288] Подробнее об инсигниях московских Рюриковичей см.: *Сиренов А. В.* Сердоликовая крабица московских князей XIV—XVI вв. как царская инсигния // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2014. № 2. С. 57—58.

[289] ПСРЛ. Т. 13. С. 150—151, 451—453; Т. 29. С. 49—50.

[290] *Щапов Я. Н.* К изучению «чина венчания на царство» Ивана IV // Римско-Константинопольское наследие на Руси: Идея власти и политическая практика: IX Международный семинар исторических исследова-

царство Ивана Васильевича возникла на основе поучения византийского императора Василия I Македонянина своему сыну Льву VI, описания коронации византийского императора Мануила II Палеолога, а также чина венчания Дмитрия-внука (в свою очередь включившего в себя заимствования из чинопоследования при поставлении византийских императоров, чина хиротонии епископа и др.)[291].

Исследователи сходятся во мнении, что венчание на царство Ивана IV способствовало укреплению самодержавной власти, усилению авторитета главы государства внутри страны и за ее пределами, поднятию международного престижа Русского государства, освящению верховной власти и ее носителя со стороны церкви.[292] Титул «царь» был сокращением от слова «цесарь» (caesar), которым называли императоров Римской империи. На Руси византийские императоры (василевсы) именовались царями[293]. Перенос титула от византийских императоров к московским великим князьям, закрепление царского достоинства за Иваном IV посредством акта коронации подчеркивали преемственность в наследовании высшей власти Руси от Византии, способствовали сакрализации личности царя, наделению его особой харизмой, божественными качествами[294].

Третьего февраля состоялась свадьба молодого царя и Анастасии Романовны Захарьиной-Юрьевой, происходившей из старомосковского боярского рода Кобылиных. Очевидно, выбор невесты Иваном IV был сделан не без согласия его родни Глинских. По случаю торжественного события царские родственники были пожалованы думными чинами. К началу февраля 1547 г. боярами стали князь Ю. В. Глинский (дядя жениха), И. М. Большой Юрьев (двоюродный брат невесты) и И. И. Турунтай Пронский (протеже князя М. В. Глинского), окольничим — Д. Р. Юрьев (родной брат невесты). К 24 марта 1547 г. последний получил должность дворецкого Большого дворца (26 марта 1548 г. упоминался боярином и дворецким)[295].

В Москве 21 июня 1547 г. вспыхнул сильный пожар, в результате которого выгорело примерно треть зданий, погибло несколько тысяч жителей; 26 июня в столице начался бунт. Черные люди, по словам

ний: От Рима к Третьему Риму. Москва, 29—31 мая 1989 г. М., 1995. С. 213—225; *Успенский Б. А.* Царь и патриарх: Харизма власти в России: (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 14—29, 109—113.

[291] *Богданов А. П.* Чины венчания российских царей // Культура средневековой Москвы XIV—XVII веков. М., 1995. С. 212; *Тихонюк И. А.* Чин поставления Дмитрия-внука // Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. Ч. 3 / Под ред. В. И. Буганова. М., 1987. С. 604.

[292] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. С. 113—118; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 274; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 91; *Miller D.* The Coronation of Ivan IV of Moscow // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1967. Bd. 15. S. 559—574; *Хорошкевич А. Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 66; *Михайлова И. Б.* И здесь сошлись все царства...: Очерки по истории государева двора в России XVI в.: Повседневная и праздничная культура, семантика этикета и обрядности. СПб., 2010. С. 47—48; *Филюшкин А. И.* Титулы русских государей. М., 2006. С. 124—151.

[293] *Горский А. А.* Об эволюции титулатуры верховного правителя в Древней Руси: (Домонгольский период) // Римско-константинопольское наследие на Руси: Идея власти и политическая практика. С. 97; *Филюшкин А. И.* Титулы русских государей. С. 71—81.

[294] *Гардзанити М.* Библейские слова и образы в «Чине венчания на царство Ивана IV» // Римско-константинопольское наследие на Руси: Идея власти и политическая практика. С. 226—230; *Живов В. М., Успенский Б. А.* Царь и Бог: (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. М., 1996. С. 214—221.

[295] Отрывки из расходных книг Софийского Дома за 1548-й год // Известия Археологического общества. Т. 3. Вып. 1. СПб., 1861. С. 49.

летописца, в Кремле «на площади убиша камением царева и великого князя боярина князя Юрия Васильевича Глинского и детей боярских многих побиша, а людей княжь Юрьевых безсчислено побиша и живот княжой розбиша»[296]. А 29 июня москвичи двинулись к царю в село Воробьево требовать выдачи княгини Анны Глинской и князя М. В. Глинского. Царская родня находилась в то время в Ржеве, и это уберегло ее от скорой расправы.

Мнения исследователей об истинных руководителях восстания в столице разнятся. И. И. Смирнов, А. А. Зимин, С. О. Шмидт и вслед за ними М. М. Кром подчеркивают стихийность восстания черни, собравшейся «вечьем» (подобно древнерусскому вечу), и отрицают возможность какого-либо руководства их действиями со стороны бояр[297]. Р. Г. Скрынников полагает, что в бунте участвовали не только посадские люди, холопы, но и столичные дворяне. Что касается участия бояр, то историк считает, что свидетельства об этом источников тенденциозны и не поддаются проверке[298].

Однако версию о боярах, направивших стихийно взбунтовавшийся люд против Глинских, не следует полностью отвергать[299]. Иван IV в полемике с Курбским вспоминал, как во время пожара «наши же изменные бояре, от тебе же нарицаемыя мученики (их же имена волею премину); аки время благополучно своей изменой злобе улучиша, научиша народ скудожайших умов, бутто матери нашей мать княгини Анна Глинская с своими детьми и людьми сердца человеческия выимали и таким чародейством Москву попалили; да бутто и мы тот их совет ведали»[300]. Царственная книга в числе заговорщиков против Глинских называет духовника царя, протопопа придворного Благовещенского собора Федора Бармина, князя Ф. И. Скопина Шуйского, Ю. И. Темкина Ростовского, И. П. Федорова, Г. Ю. Захарьина, Ф. М. Нагово и «инии мнози»[301]. Видимо, не случайно предполагаемые соучастники бунта посадских людей летом—осенью 1547 г. добились думных званий. Г. Ю. Захарьин стал боярином к июлю 1547 г., Ф. М. Нагой — окольничим к июлю 1547 г. Князь Ю. И. Темкин упоминался боярином в сентябре—октябре 1547 г. И. П. Федоров спустя год после своей опалы с боярским званием, которое он сохранил, упоминался на службе в июле 1547 г. Федор Скопин Шуйский и Юрий Темкин и ранее, в декабре 1543 г., действовали заодно, приняв сторону А. М. Шуйского.

По мнению ряда исследователей, июньское восстание в Москве положило конец боярскому правлению[302]. Я. С. Лурье и А. И. Филюшкин связывают начало самостоятельного правления Ивана IV с венчанием его на царство в январе 1547 г.[303] Р. Г. Скрынников считает, что следствием бунта были только перемены в составе

---

[296] ПСРЛ. Т. 29. С. 54.

[297] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. С. 122—135; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 298—308; *Шмидт С. О.* У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. С. 104—105; *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 338.

[298] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 93—94.

[299] *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 300—302.

[300] Послания Ивана Грозного. С. 29.

[301] ПСРЛ. Т. 13. С. 455—456.

[302] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. С. 136; *Альшиц Д. Н.* Начало самодержавия в России: Государство Ивана Грозного. Л., 1988. С. 34; *Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения в России в 30—80-е годы XVI века. С. 51.

[303] Очерки истории СССР. Т. 4: Период феодализма: Конец XV в. — начало XVII в. / Под ред. А. Н. Насонова, Л. В. Черепнина, А. А. Зимина. М., 1955. С. 115; *Филюшкин А. И.* История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». С. 35.

придворных группировок, и Глинские вынуждены были уступить свое место при дворе боярам Захарьиным[304]. М. М. Кром отодвигает дату завершения боярского правления к февралю 1549 г., собору «примирения», когда политический кризис был преодолен[305].

Подводя итоги боярскому правлению, следует отметить непоследовательность и незавершенность ряда реформ — губной реформы конца 1530-х гг., поместного верстания дворян конца 1530-х — начала 1540-х гг. Несмотря на передачу ряда важных судебных функций выборным от местного населения, наместники и волостели сохранили свою власть на местах, пределы их полномочий дублировали юрисдикцию старост, десятских и «лучших людей», избираемых от уездов и волостей, губные учреждения оставались лишь одним из органов по борьбе с разбойниками и ворами. На практике не всегда выполнялись и декларируемые принципы упорядочивания поместных окладов и увеличения средней нормы земли дворян и детей боярских. Нередки были случаи захвата придворной знатью крупных поместных владений в Твери и, вероятно, в других уездах страны в ущерб среднему и нижнему слою землевладельцев, испытывавшему сильный земельный голод.

Придворная борьба, несмотря на свой кровавый характер, не сопровождалась полной анархией и развалом государства. Правительственная политика в период боярского правления отвечала нуждам государства. Без перебоев производились назначения в полки, посольские миссии, на должности наместников в местной администрации. Боярская дума, осуществляя функции верховной власти, объективно справлялась с задачами во внутренней и внешней политике. Однако постоянные раздоры бояр за влияние и господство существенно ослабляли государственную власть, периодически приводили к рецидивам острого политического кризиса. Время преобразований 1535—1538 гг. (монетная реформа, интенсивное строительство городов и крепостных сооружений), когда у власти находилась Елена Глинская и ее сторонники, сменилось периодом открытой и непрерывной борьбы боярских кланов за власть в 1538—1547 гг.

Реформы «Избранной рады»

Термин «Избранная рада» употребил И. М. Курбский в послании Ивану IV. Так он назвал ближайшее окружение царя — людей, имевших на него влияние в конце 40-х и в 50-е гг. XVI в. К «Избранной раде» Курбский относил священника Благовещенского собора Сильвестра и окольничего А. Ф. Адашева. В исторической науке XIX—XX вв. реформы середины XVI в. называли реформами «Избранной рады», отождествив обозначенное Курбским ближайшее окружение молодого царя и администраторов, проводивших в то время крупные реформы. Следует, однако, предполагать, что А. Ф. Адашев и особенно Сильвестр могли и не иметь непосредственного отношения к внутриполитическим реформам, которыми занимались профессиональные администраторы. Поэтому термин «Реформы „Избранной рады“» носит условный характер.

Восстание в Москве в 1547 г. стало наиболее ярким проявлением охватившего страну глубокого внутриполитического кризиса. В общественном сознании явно обозначилось стремление к переменам. В конце 40-х гг. XVI в. такие разные лица,

[304] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 94.

[305] *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 326, 352—355.

как выехавший из Литвы иноземец Иван Пересветов и священник Ермолай (в монашестве Еразм), выступили с проектами преобразований, предусматривавшими важные перемены в целом ряде областей общественной жизни.

В этих условиях стали намечаться перемены в поведении и образе мыслей представителей правящего слоя. Влияние на дела стали постепенно приобретать более дальновидные представители правящей элиты, понимавшие, что для сохранения и укрепления ее традиционных позиций необходимо прекратить столкновения в борьбе за власть и консолидировать правящий слой. Другой, более важной, задачей было укрепление позиций органов власти, находившихся в руках элиты, и одновременное проведение преобразований, которые позволили бы положить конец опасному конфликту между управляющими и управляемыми и нормализовать отношения между ними.

Определенные тенденции к консолидации правящего слоя, которые стремилась поддерживать церковная иерархия во главе с митрополитом Макарием, обозначились уже на рубеже 1546/47 г., когда был поднят вопрос о церковном венчании Ивана IV. Тогда в обсуждении этого вопроса приняли участие приглашенные митрополитом в Думу бояре, которые в «опале были», и «все бояре» вместе с митрополитом приветствовали решение великого князя[306]. Гораздо более серьезные шаги были предприняты уже после восстания в Москве, когда был резко расширен состав Боярской думы — вместо двенадцати бояр, входивших в состав Думы в 1530-е гг., к концу 1549 г. в ней насчитывалось тридцать два боярина, десять из них получили звание после февраля 1549 г. Если ранее в Думе было всего два—три окольничьих, то в 1549 г. их было уже девять, шесть из них тоже получили свои звания в 1549 г.[307] Такое расширение Думы, когда все основные группы знати принимали участие в управлении государством, способствовало консолидации правящей элиты.

С решением второй из стоявших перед властью задач оказался связан созыв 27 февраля 1549 г. так называемого собора примирения[308]. В это время в царских палатах собрались Боярская дума и Освященный собор во главе с митрополитом Макарием. Согласно летописному рассказу, царь обвинил бояр в том, что «от них и от их людей детям боярским и христьяном чинилися силы, и продажи, и обиды великие в землях и в холопех и в иных во многих делех», и, угрожая опалами и казнями, потребовал, чтобы они «вперед так не чинили». В ответ бояре «били челом» и просили о прощении, обещая впредь верно служить. Одновременно, судя по царской речи на Стоглавом соборе, царь и бояре «били челом» «о своем согрешении» и получили от митрополита прощение за совершенные в прошлом грехи. Так при участии и под патронатом церкви завершился начавшийся в 1547 г. процесс консолидации правящей элиты.

Теперь на первый план выдвинулся вопрос об урегулировании отношений между управляющими и управляемыми. Судя по перечню «обид», приведенному в летописи, власти беспокоило прежде всего настроение детей боярских, недовольных злоупо-

---

[306] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. СПб., 1904. С. 450. См. также: *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. С. 113 и сл.

[307] *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 317—318.

[308] Сведения о его деятельности сохранились в рассказе «Продолжения Хронографа редакции 1512 г.» и в царской речи на Стоглавом соборе 1551 г. (Памятники русского права. Вып. 4. С. 575—576; *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследования и текст. С. 252—253). Представляется убедительной аргументация Н. Е. Носова, что в обоих текстах речь идет об одном и том же событии (*Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. С. 19 и сл.).

треблениями вельмож в годы боярского правления.

В летописном рассказе содержится важное сообщение о том, что бояре обратились к царю с просьбой, чтобы, если на них и «их людей» будут «бить челом», для разбора дел был устроен суд. Таким образом, суд должен был стать местом для урегулирования споров между кормленщиками и населением. В царской речи на соборе 1551 г. говорится, что царь «заповедал» боярам «со всеми християны царствия своего и в предних всяких делех помиритися на срок», и в итоге «кормленщики со всеми землями помирилися во всяких делех». Власть настойчиво направляла участников конфликта управляющих и управляемых к тому, чтобы они разрешали свои споры в суде, не прибегая к другим неправовым действиям.

Не случайно тогда же, как ясно из царской речи на соборе 1551 г., царь получил «благословение» на подготовку нового свода законов — Судебника. Новые законы, очевидно, должны были стать для общества гарантией того, что суд между кормленщиками и населением будет скорым и справедливым и поэтому не следует для удовлетворения своих жалоб прибегать к каким-либо другим действиям.

Как отмечено в летописном рассказе, царь затем сообщил о принятых решениях находившимся в Москве людям, принадлежавшим к верхним слоям Государева двора, т. е. кормленщикам, которые должны были помириться с недовольными. Царь, очевидно, настоятельно рекомендовал им эту линию поведения.

На следующий день, 28 февраля, было принято решение «во всех городех Московьские земли наместником детей боярьскых не судити ни в чем, опричь душегубства и татьбы, и разбоя с поличным». «Во все городы <...> детем боярьским» были отправлены соответствующие «жаловальные» грамоты. Позднее в 64-й статье «Судебника» 1550 г. было зафиксировано, что наместники должны были судить детей боярских «по всем городом по нынешним царевым государевым жалованным воочим грамотам»[309]. Все это говорит о том, что первоочередной задачей в то время было успокоить недовольных действиями кормленщиков детей боярских, освободив их от власти наместников по большому числу судебных дел.

Исследователи неоднократно отмечали, что на территории Северо-Восточной Руси на детей боярских распространялась власть лишь наместников крупных городов, обладавших правом «боярского суда», от власти других кормленщиков они освобождались жалованными несудимыми грамотами. В настоящее время можно утверждать, что на детей боярских окраин в конце XV — первой половине XVI в. распространялась судебная власть кормленщиков разных категорий. Выданные в начале 1549 г. «вопчие» грамоты ликвидировали эти различия в положении детей боярских разных регионов страны[310]. Показаниям приведенных источников противоречит текст недавно найденной уставной грамоты, выданной населению Рыльска и уезда в июне 1549 г.[311] Согласно этому документу, дети боярские подчинялись судебной власти наместников по разным делам, они и их люди освобождались только от судебного поединка с посадскими людьми и крестьянами[312]. Источники не позволяют объяснить это противоречие. Возможно, на южные окраины принятое постановление не распространялось.

Вместе с тем в грамоте предписывалось выбрать «всей землей» старост и целовальников, без которых наместнику предписывалось «суда не судити». «Всей землей» следовало выбрать и земского дьяка,

[309] Памятники русского права. Вып. 4. С. 249.

[310] *Аракчеев В. А.* Наместники в России XVI века. С. 4—8.

[311] АСЗ. Т. 4. № 504. С. 397—399.

[312] Там же. С. 398. *Аракчеев В. А.* Наместники в России XVI века. С. 10—11.

который один имел право писать судебные протоколы[313]. Эти меры явно преследовали цель ограничить возможности злоупотреблений со стороны наместников.

Свидетельства Рыльской грамоты позволяют связать с событиями начала 1549 г. слова царя в его речи на соборе 1551 г., что он «устроил по всем землям <...> старосты, и целовальники <...> по всем градом, и по пригородом, и по волостем <...> и уставные грамоты подписал»[314]. Одним из таких документов и была Рыльская уставная грамота[315]. В первой половине 1550 г., вскоре после неудачного похода на Казань, был составлен план реформ, дошедший до наших дней[316]. Свидетельства о событиях начала 1549 г. говорят о заинтересованности власти в прекращении конфликтов между разными слоями формирующегося сословия служилых людей «по отечеству» и его консолидации. Ряд мер, направленных на достижение этой цели, предусматривал царские вопросы, адресованные Боярской думе и Освященному собору во главе с митрополитом.

В начале документа с беспокойством затрагивался вопрос о местничестве. Уже осенью 1549 г., перед походом на Казань, как следует из текста, при участии Думы и митрополита было принято решение об отмене местнических счетов на время военной кампании[317]. В декабре во Владимире — месте сбора войска — это решение было подтверждено при участии митрополита и Освященного собора[318]. Несмотря на это, «некако без кручины и вражды промежь себя никоторое дело неминет»[319]. Царя и его советников беспокоило продолжающееся соперничество разных групп знати в борьбе за власть и влияние.

Власть также беспокоило и отсутствие ясных представлений о материальном обеспечении служилых людей. В вопросах высказывалось убеждение, что данные писцовых книг, составленных в годы боярского правления, не соответствуют действительному положению дел. В связи с этим было принято решение (упомянутое в двенадцати из царских вопросов)[320] провести новое писцовое описание земель всех категорий. Одновременно в вопросах выдвигалось предложение учредить «вотчинные книги», в которых бы фиксировались все сделки с наследственной земельной собственностью бояр и детей боярских. Из текста вопросов ясно следует, зачем государственной власти нужны были соответствующие сведения. Предполагалось, что в результате переписи к государству отойдут «лишки» незаконно занятой земли и за счет этого можно будет обеспечить нуждающихся детей боярских. Вместе с тем точное представление о состоянии земельного фонда и его владельцев давало возможность установить, «хто с чего служит», а соответственно и определить размер их служебных обязанностей. Некоторые выражения в тексте документа («по вотчине и служба знать»)[321] показывают: предполагалось, что вотчинники станут нести службу в соответствии с размерами их владения. В этом плане представляет интерес описание Тверского уезда начала 1550-х гг. В нем были использованы данные писцового описания уезда 1539/40 г., но дополненные сведениями о современных владельцах тех или иных земель, об их правах

[313] АСЗ. Т. 4. С. 397.
[314] *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. С. 253.
[315] *Аракчеев В. А.* Наместники в России XVI века. С. 11—12.
[316] Памятники русского права. Вып. 4. С. 576—580.
[317] Там же. С. 576—577.
[318] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 159.
[319] Памятники русского права. Вып. 4. С. 577.
[320] Там же. С. 579—580.
[321] Там же. С. 578.

на землю и о том, кому они служат[322]. Очевидно, это было одно из мероприятий по подготовке к осуществлению соответствующих планов.

В тексте царских вопросов на соборе 1551 г. отразилось представление о служилых людях, которые должны нести службу в пользу государства в зависимости от размера находящейся в их владении земли. В соответствии со сложившейся традицией в вопросах подчеркивалось, что поместье — собственность не помещика, а государства: если служилый поместье «запустошит», то ему грозит «опала» со стороны царя[323]. Эти представления нашли свое отражение и в ряде статей нового свода законов, подготовленного к июню 1550 г.

Дети боярские, согласно его тексту, делились на два слоя — верхний, члены которого в виде вознаграждения за службу получали административные должности и связанные с ними кормления, и более многочисленный низший, получавший жалованье. Таким образом, место сына боярского на лестнице социальной иерархии определялось не самим фактом принадлежности к служилому сословию, как это имело место в памятниках права других европейских стран, а, по существу, характером вознаграждения за службу, в конечном итоге ценностью его службы[324].

С введением так называемой большой сохи земли, находившиеся во владении бояр и детей боярских, стали облагаться по более льготным налоговым ставкам, чем земли церкви и черносошных крестьян. Для земель детей боярских в большую соху входило 800 четвертей «доброй земли» в одном поле, для церковных земель — 600 четвертей и для земель черносошных крестьян — 500 четвертей[325].

Цели, поставленные весной 1550 г. в проекте реформ, были во многом достигнуты в ходе писцовых описаний 1550-х гг., охвативших большую часть территории Русского государства. Как и предполагалось, при описании были выявлены «лишки», подчас немалые. Отобранные земли были розданы в поместья. Шли в раздачу и черносошные земли. В то же время у людей, не явившихся на службу, поместья отбирали и передавали другим владельцам[326].

Наделяя детей боярских землями и облагая их владения по льготным ставкам, государственная власть стремилась при этом добиться от них и исправного несения службы. Одним из путей, ведущих к этой цели, было установление единых обязательных правил службы. Под 1556 г. в правительственной летописи помещена запись о том, что царь установил правила службы «с вотчин и с поместья» — «со ста четвертей добрые угожей земли человек на коне и в доспесе полном»; за выполнение такой службы сын боярский мог получить кормления и жалованье «на уложенные люди»; тому, кто приводил вооруженных людей больше, чем обязан, следовало выплачивать жалованье в два с половиной раза больше обычной суммы[327].

Разумеется, эти установления имели значение для роста размеров ополчения и повышения его боеспособности, а также для определения общего характера отношений между государственной властью и служилыми людьми. Хотя детей боярских в

---

[322] О датировке источника и его характере см. в статье: *Антонов А.В.* Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. С. 6—7.

[323] Памятники русского права. Вып. 4. С. 578.

[324] См. подробнее: *Флоря Б.Н.* Формирование сословного статуса господствующего класса Древней Руси (на материале статей о возмещении за «бесчестье») // История СССР. 1983. № 1. С. 61—74.

[325] *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. С. 392—393.

[326] *Смирнов И.И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. С. 423 и сл.

[327] Там же. С. 269.

целом уже в конце XV — первой половине XVI в. можно рассматривать как служилое сословие, часть вотчинников из их среды на практике никакой службы все-таки не несла[328]. Очевидно, появление Уложения о службе должно было положить конец такому обстоятельству. Власть была заинтересована не только в приходе сынов боярских на службу, но и в исполнении ими обязанностей в соответствии с размером владения. Поэтому Уложение предусматривало карательные функции для тех, «кто землю держит, а службы с нее не платит». С них следовало взимать деньги за людей, которых они не привели на службу. За недоставленного человека взимался штраф в двойном размере, за недоставленный доспех — 2 руб.

Летом 1556 г. был проведен целый ряд смотров (главным из них был смотр в присутствии самого Ивана IV в Серпухове), на которых проверялась боеспособность войска в соответствии с нормами Уложения[329]. С этими смотрами было связано составление первых известных нам «десятен»[330] — списков детей боярских того или иного уезда, где указывались поместный и денежный оклад каждого, а также было описано вооружение и сына боярского, и выставленных им на службу людей.

В 1550-е гг. происходили важные перемены в структуре служилого сословия, и именно с этого времени можно получить представление о том, из каких частей оно состояло. Как следует из данных Судебника 1550 г., существовало различие между детьми боярскими, принадлежавшими к Государеву двору и имевшими право на получение государственных должностей и кормлений, и детьми боярскими, которые кормлений не получали, но им выплачивалось жалованье за участие в военных походах. В составе верхнего слоя выделяются особые чины «стольников» и «стрелчих», заметно различавшихся по своему генеалогическому составу, — стольники были выходцами из самых знатных фамилий, происхождение «стрелчих» было гораздо более скромным (одним из них был костромской сын боярский Алексей Адашев). Существовало и другое различие: князья — потомки Рюрика — несли службу по особым княжеским спискам, а другие дети боярские были связаны с теми или иными городами, очевидно теми, в уезде которых располагались их владения[331].

Октябрем 1550 г. датируется составление так называемой Тысячной книги, связанное с необходимостью быстрого и исправного выполнения разных служб, для чего было принято решение наделить тысячу «детей боярских лутчих слуг» поместьями в Московском и других подмосковных уездах. Всего такие поместья должны были получить 1078 человек, им предполагалось раздать 118 200 четвертей земли[332]. Вопреки высказывавшимся в научной литературе сомнениям[333] есть основания полагать, что эта реформа была проведена в жизнь[334].

Текст Тысячной книги четко делится на две части. В первой помещен перечень членов Думы и детей боярских из Северо-Восточной Руси, во второй — детей боярских из Северо-Западной Руси. В первой части дети боярские поделены на три

---

[328] См. записи в материалах обследования Тверского уезда начала 50-х годов XVI в. — «не служит никому» (Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. С. 147—149 и др.).

[329] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. С. 427—428.

[330] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 99.

[331] Подробнее см.: *Назаров В. Д.* О структуре «государева двора» в середине XVI в.

[332] Тысячная книга и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. С. 366—371.

[333] *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 366—371.

[334] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 9—95.

статьи: дети боярские первой статьи должны были получить по 200 четвертей земли (как члены Боярской думы), второй — 150 и третьей статьи — 100 четвертей. Таким образом, хотя все эти дети боярские и принадлежали к верхнему слою служилых людей, в их среде существовала тем не менее очевидная иерархия отношений. К элите Государева двора явно принадлежала сравнительно меньшая часть тысячников (в первой статье — 33 человека, во второй — 79, в третьей — 614). Из их среды пополнялись думные чины — из 33 тысячников первой статьи к середине 1560-х гг. боярами стали 25 человек[335]. В этой среде особое место занимали члены княжеских родов — потомков Рюрика. Соответствующие статьи Тысячной книги открываются списками членов княжеских родов, которые отделялись от простых землевладельцев тех же территорий, на которых проживали члены того или иного княжеского рода. Сравнение с другими разделами Тысячной книги и другими источниками показывает, что особое положение в структуре служилого сословия занимали лишь князья — владельцы родовых вотчин на территории своих княжеств. К сожалению, источники не позволяют установить, с какими преимуществами была связана служба по княжескому списку, но ясно, что потомки Рюрика — владельцы родовых вотчин — занимали в иерархии служилых людей особое место.

Остальные дети боярские разных статей обозначены в Тысячной книге и в боярских списках 1540-х гг. как лица, связанные с тем или иным городом. Очевидно, эти люди, принадлежавшие к элите служилых людей и выполнявшие ответственные поручения власти, в то же время оставались членами своих уездных корпораций. Исследование биографий отдельных тысячников показывает, что даже знатные лица начинали свою службу с более низкой статьи, постепенно продвигаясь вверх[336].

Вторая часть Тысячной книги заметно отличается от первой. В самом заголовке внесенные в перечень дети боярские названы «помещиками», что связано с абсолютным преобладанием в северо-западном регионе помещичьего землевладения. В отличие от детей боярских первой части, эти помещики поделены только на две статьи: оклад служилых первой статьи (их было только 7 человек) составлял 150 четвертей, остальные (317 человек) получали по 100 четвертей. Судя по помещенным в списке заголовкам, в их состав вошли и дворовые, и городовые помещики разных уездов.

Эти сопоставления показывают, что привилегированное сословие в России 50-х гг. XVI в. находилось еще на этапе своего формирования и что положение детей боярских отдельных регионов сильно различалось. Очевидно и более подчиненное, более неравноправное положение служилых людей северо-запада по сравнению с положением служилых людей исторического центра страны. Вместе с тем появление такого списка помещиков северо-запада в Тысячной книге отражает определенную тенденцию к консолидации, когда верхи обществ разных регионов объединяются в составе единого целого — Государева двора. Однако обращает на себя внимание отсутствие в перечнях Тысячной книги центров, расположенных на Смоленщине, в Северской земле, в Поволжье (отсутствует здесь такой крупный город, как Нижний Новгород), — очевидно, дети боярские из этих регионов в состав Государева двора вообще не входили.

В начале 1550-х гг. была составлена так называемая Дворовая тетрадь — список, в который вместе с членами Думы и дьяками были внесены «князи и дети боярские дво-

[335] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 96.
[336] Там же. С. 97.

ровыя Московской земли»[337]. В этом списке нет деления на статьи. Как и Тысячную книгу, перечень открывают многочисленные княжеские списки, за которыми следует перечень детей боярских по уездам, обозначенным названиями их центров — городов. Список охватывает ту же территорию, что и первая часть Тысячной книги, но если в этой части было записано 614 человек, то в Дворовой тетради на той же территории было записано уже около 3000 человек. Сохранившиеся пометы показывают, что на протяжении 1550-х гг. в ней отмечали болезнь или смерть детей боярских и вписывали людей, начинавших службу. Исследование списка и его сопоставление с другими источниками позволило сделать вывод, что это был, возможно, более полный перечень всех людей (многие вносились вместе с членами семей), которые традиционно причислялись к категории дворовых детей боярских. Такой полный список необходимо было составить в условиях, когда предполагались изменения структуры служилого сословия, начатые с составлением Тысячной книги[338].

По-видимому, перед нами список, с помощью которого можно было пополнять ряды «лутчих слуг», каковые и составляли реальный состав Государева двора, являясь орудием осуществления военно-административной власти в стране. Так с составлением Тысячной книги был сделан крупный шаг по пути выделения правящего слоя из среды формирующегося привилегированного сословия.

Об итогах проведенных реформ и общей структуре служилых людей к началу 1560-х гг. позволяет судить такой источник, как «Записная книга Полоцкого похода 1562/3 г.». В росписи главного, царского, полка в этом походе отмечено (вслед за составлявшими окружение царя «стольниками», «стряпчими» и «жильцами») «дворян выборных — 374 ч.». И лишь затем идет перечень «дворовых» и «городовых» детей боярских из различных «московских городов». Перед нами особая, ранее неизвестная группа, стоящая выше основной массы детей боярских. Из какой среды сделан выбор, выясняется из концовки статьи, где отмечено в составе полка «детей боярских московских городов дворовых и с выборными 870 человек»[339]. Это показывает, что из среды «дворовых» детей боярских оказалась «выбрана» особая группа людей, занимавшая более высокое место в среде служилых людей. «Выборные дворяне» образовывали своеобразную элиту провинциальной служилой корпорации, которая входила в состав Государева двора. Этих людей периодически вызывали в Москву для несения службы[340]. Объективно они представляли собой важный канал связи между правящей элитой и основной массой провинциального служилого люда. Персональный состав этой группы был, по-видимому, близок к составу «лутчих слуг» Тысячной книги. Так определился круг лиц, которые теперь реально участвовали в выполнении важных государственных поручений. Название «дворовые дети боярские» традиционно сохранялось, они принадлежали к верхнему слою служилой корпорации, но не участвовали в деятельности Государева двора[341].

Есть основания полагать, что сложение этого нового чина следует относить ко времени не позднее 1556 г., так как следы его существования обнаруживаются в вы-

[337] Тысячная книга и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. С. 111.

[338] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 87—90.

[339] *Баранов К. В.* Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 125; *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 98.

[340] *Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора в России XVI—XVII веков. С. 130—133.

[341] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 98—99.

писках из составленных в то время «десятен»[342]. Возможно, не случайно образование этого особого чина совпало с проведением земской реформы, когда ликвидировались кормления и решался вопрос, какой слой детей боярских будет получать компенсацию за утраченные доходы. Впоследствии именно выборные дворяне были самым многочисленным слоем среди тех, кто получал жалованье из четверти — учреждения, созданного для осуществления таких выплат.

Хотя государственная власть к середине 1550-х гг. установила одинаковые общеобязательные условия службы для всех землевладельцев, и это должно было содействовать консолидации служилого сословия, на практике между положением отдельных частей этого сословия сохранялись существенные различия. Различия эти были связаны отчасти с тем, что к середине XVI в. на западных и юго-западных окраинах Русского государства абсолютно преобладало поместное землевладение.

Другое важное различие было связано с тем, что активное участие в жизни Государева двора принимала лишь служилая верхушка исторического центра государства — Московских городов. Причисленные к этому двору новгородские и псковские помещики участвовали в его жизни менее активно, а верхушка служилых людей западных, юго-западных и восточных окраин в состав двора не входила не только в 1550-е гг., но и в последующие десятилетия.

Важной особенностью в положении верхних слоев служилого общества Московских городов, образовывавших, по существу, правящий слой Русского государства 1550-х гг., было то, что люди, стоявшие на высокой ступени социальной лестницы, не прерывали связи со своими служилыми корпорациями. Таким образом, в историческом центре государства сохранялись определенные связи между знатью и нижестоящими слоями служилых людей.

Отношения между государственной властью и духовным сословием были противоречивыми: моменты тесного сотрудничества перемежались с резкими подчас столкновениями противоположных интересов. Хотя отдельные обители сумели получить привилегии от боярских правителей, духовенство в целом страдало от смут и стремилось к их прекращению. Кроме того, иерархи совсем не желали ослабления государства, которое одно могло служить надежной защитой православной веры от экспансии католицизма и ислама. Неудивительно поэтому, что духовные иерархи во главе с митрополитом Макарием сыграли важную роль в преодолении кризиса. Именно при участии и под патронатом церкви, как отмечалось выше, были приняты решения собора «примирения» в 1549 г. К авторитету главы церкви и Освященного собора обращались при решении важных вопросов общественной жизни. Так, перед походом на Казань в 1550 г., несмотря на принятие Боярской думой приговора об отмене местнических счетов на время похода, царь пригласил в пункт сбора войска митрополита с Освященным собором, и митрополит обратился к войску, призывая его выполнять это решение[343]. О важной роли митрополита Макария в политической жизни России конца 1540-х — начала 1550-х гг. наиболее красноречиво говорит тот факт, что во время походов на Казань в 1547—1548 гг. и 1552 г. именно митрополит ведал государственными делами в отсутствие царя[344]. Очевидно, в эти годы роста веса и влияния церкви был поднят вопрос о консолидации

[342] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 99.

[343] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 159.

[344] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. С. 195—196.

духовенства и обеспечении его определенной автономией. Большие возможности для вмешательства во внутрицерковную жизнь давала правителям выдача так называемых несудных грамот, по которым клир церкви или братия монастыря освобождались от суда архиерея и уплаты пошлины в его казну и подчинялись суду великого князя (а затем — царя). Тем самым значительная часть духовенства оказывалась связанной не со своими духовными иерархами, а с правителем.

Вместе с тем в отношениях между властью и духовенством стали возникать определенные сложности в связи с намерениями правящих кругов сократить значительные финансовые привилегии, которые приобрели крупные землевладельцы в годы боярского правления. Значительную часть этих землевладельцев составляли духовные учреждения. Известно, что уже в 1549 г. правительство отменило право целого ряда монастырей на беспошлинную торговлю в Дмитрове[345]. В первой половине 1550 г. приобрел остроту вопрос о городских слободах церковных землевладельцев. В составленном тогда проекте реформ указывалось, что «у монастырей, и у князей, и у бояр слободы вновь починены, а где бывали старые, извечные слободы, государьская подать и земьская тягло изгибла»[346]. Дело было не только в том, что в городах образовались слободы с торгово-ремесленным населением, освобожденным от уплаты налогов и повинностей в пользу государства, что наносило ущерб его интересам. Положение усугублялось еще и тем, что в эти слободы, желая избавиться от тягла, уходили члены посадских общин и здесь уменьшалось число налогоплательщиков.

Неизвестно, как проходило обсуждение этой части проекта реформ в присутствии митрополита и епископов. В тексте нового Судебника, подготовленного к июню 1550 г., было предложено радикальное решение вопроса. Статья из этого кодекса предусматривала отмену всех тарханных грамот, — грамот, дававших освобождение от основных налогов. Имеющиеся грамоты следовало изъять у владельцев, а новых не давать[347]. Таким образом, городские слободы (как и другие церковные владения) должны были утратить свои податные привилегии. Но составители Судебника этим не ограничились. В 91-й статье памятника предписывалось «торговым людем городцким в манастырех в городцких дворех не жить», их следует «с манастырей сводити», а жить там можно лишь «нищим, которые питаютца от церкви Божьи»[348]. То есть свои городские владения церковь могла сохранить, но в них не должно было остаться «торговых людей». Впрочем, власти не торопились с проведением этих решений в жизнь. В начале 1551 г. текст Судебника был предложен на рассмотрение церковного собора.

Положение стало еще более напряженным, когда в 1550 г. появились слухи об опасности, угрожающей земельной собственности самой церкви. Нуждаясь в земле для новых поместных раздач в условиях напряженной борьбы за обладание Средним Поволжьем, власти обратили внимание на нестяжателей, оттесненных к концу правления Василия III на периферию официальной церковной жизни. Между молодым царем и главой нестяжателей — старцем Артемием — началась переписка, которая содействовала распространению таких слухов. В своем послании царю Артемий писал, что его обвиняют в том, что «будто сь аз говорил и писал тобе — села отнимати у монастырей»[349]. В начале 1551 г.

[345] *Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. С. 106.
[346] Памятники русского права. Вып. 4. С. 577.
[347] Там же. С. 242.
[348] Там же. С. 259.
[349] Послания старца Артемия XVI в. // РИБ. Т. 4. СПб., 1878. Стб. 1440.

Артемий «по братцкому прошению и по государеву велению» стал игуменом самой чтимой обители — Троице-Сергиевой[350]. Он был назначен настоятелем после благоприятного отзыва царского советника Сильвестра[351]. Все это не могло не вызвать серьезного беспокойства у церковных иерархов. Архиепископ Новгородский Феодосий написал «Избрание от священных правил боголюбивым и боговенчанным царем всеа России». В нем доказывалось, что, согласно этим правилам, «аще кий царь или князь» присвоит себе что-либо из церковного имущества, то «аки святотатцы осуждаютца». Далее излагалась грамота Константина Великого папе Сильвестру как «заповедь», которой неизменно следовали православные цари[352]. Послание Феодосия было использовано митрополитом Макарием при составлении его ответа Ивану IV «о недвижимых вещех вданных Богови в наследие благ вечных»[353]. Использовав в первой части ответа послание Феодосия, митрополит дополнил его сведениями о пожалованиях церкви со стороны «предков» Ивана IV — Владимира, Ярослава, Андрея Боголюбского. Он утверждал, что даже «нечестивые цари» — правители Золотой Орды — сохраняли церковные земли. В заключительной части послания говорилось, что никто из святых никогда не соглашался принадлежащих церкви «недвижимых вещей отдати или продати», и митрополит не может поступить иначе даже под угрозой смерти. Послание заканчивалось словами: «молим твое царское величество и много со слезами челом бьем, чтоб еси <...> тех недвижимых вещей не велел взяти».

В феврале 1551 г. царь созвал в Москве церковный собор. Участникам собора дважды предлагалось ответить на царские вопросы, касавшиеся разных сторон и собственно церковной жизни, религиозной жизни общества, а также отношений светской власти и духовенства. Эти вопросы и ответы на них участников собора образовали постановления, разделенные на сто разделов (отсюда название сборника — Стоглав). В своей совокупности царские вопросы и ответы на них рисуют картину диалога главы светской власти и духовенства, охватывающего многие вопросы субординации в среде духовного сословия, взаимоотношений духовенства и светского общества и, наконец, духовенства и светской власти.

Рассматривая круг вопросов, касающихся тесного сотрудничества светской власти и церкви, можно отметить проявление в этой сфере очевидных черт патроната главы государства (царя) над церковью. Царь созывает собор, формирует программу его работ[354], вмешиваясь в самые разные вопросы. Русское духовенство явно воспринимало царя как исторического преемника византийских императоров, главу всего христианского мира, чья власть является полной и всесторонней и чья обязанность — поддерживать порядок в христианском мире во всех сферах жизни.

Вместе с тем в 1550-х гг. в деятельности русского духовенства явно проявилось стремление ослабить патронат монарха над церковью, обеспечить известную автономию для своей деятельности. Об этих устремлениях духовенства говорит вклю-

---

[350] О датировке этого события см.: *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. С. 73.

[351] *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. С. 154—155.

[352] Там же. С. 83—84.

[353] Летописи русской литературы и древности, изданные Н. Тихонравовым. Т. 5. М., 1863. С. 129 и сл.

[354] Хотя вопрос о возможном авторстве царских вопросов является предметом продолжительных дискуссий (*Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения в России в 30—80-е годы XVI века. С. 127 и сл.), предлагались они участникам собора от имени царя.

чение в текст постановлений собора целого комплекса глав «О святительском суде», включившего в себя постановления церковных соборов, новеллы византийских императоров, устав Владимира и послания митрополита Киприана — тексты, где последовательно утверждалось, что все духовные люди должны подчиняться только суду своего архиерея[355].

Глава 67 решений собора провозглашала отмену «несудимых» грамот и подчинение всего «священнического и иноческого чина» суду архиерея, «опричь душегубства и разбоя с поличным». В случае спора между духовными и светскими людьми дело должны были рассматривать светские и церковные судьи совместно[356]. Католическая церковь на переходе от раннего к развитому Средневековью добилась того, что все дела, касавшиеся духовных лиц, должны были рассматриваться только в духовном суде (privilegium fori). Русская церковь таких прав не добилась. Однако уступка со стороны светской власти была серьезной. Был сделан важный шаг по пути консолидации духовного сословия и подчинения всех духовных лиц власти архиереев. Важно, что принятые решения были затем проведены в жизнь во время пересмотра жалованных грамот в мае 1551 г.

Во время этого пересмотра настоятелям некоторых монастырей (например, новгородского Юрьева монастыря) удалось сохранить свои «несудимые» грамоты, но в десятках грамот, выданных обителям на территории разных епархий, были сделаны записи о подчинении настоятеля и братии суду архиерея[357]. Одновременно духовные иерархи получили грамоты, утверждавшие власть архиерея над всем духовенством епархии[358].

Тем не менее ряд элементов традиционного патроната светской власти над церковью продолжал сохраняться. Так, настоятелей монастырей следовало назначать, как и ранее, «по цареву слову и совету»[359]; при смене настоятелей, как и ранее, дворецкие и дьяки должны были описывать монастырское имущество и «считать» «архимандритов, и игуменов, и строителей во всем в приходе и в росходе»[360], архиереи не должны были «без царева ведома» «отсылать» и «поставлять» дворецких и бояр своих дворов[361]. В целом в это время вырисовывалась такая картина отношений между светской и духовной властью, в которой имелись перспективы для эволюции в разных направлениях.

Выше уже отмечалось, что произошли серьезные изменения в организации духовенства с избранием «поповских старост» и наделением их важными функциями. Перемены эти затронули и органы церковного управления. Сами эти органы управления находились в противоречии с правилами, провозглашавшимися на соборе церковными иерархами. Суд, управление и сбор налогов с приходского духовенства в архиерейскую казну осуществляли не духовные лица, а дети боярские — светские вассалы архиереев, так называемые десятинники, распоряжающиеся на территории десятины церковного административного округа. Эти дети боярские часто вели себя как обычные кормленщики, и здесь налицо был серьезный конфликт между управляющими и управляемыми. Священники имели право жаловаться на действия десятинников

---

[355] *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. С. 343—358 (гл. 53—66).

[356] Там же. С. 358—359.

[357] См. подробнее: *Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. С. 130—135.

[358] См. такую грамоту ростовскому архиепископу Никандру в: Сборник Археологического института. Кн. 4. СПб., 1880. С. 99—112.

[359] *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. С. 392.

[360] Там же. С. 359—360.

[361] Там же. С. 369.

царю и, по-видимому, пользовались этим правом. В царских «вопросах», обращенных к участникам собора, говорилось, что десятинники «попов по селам продают без милости и дела ставливают с ябедники». Царь предлагал защитить священников от этих злоупотреблений[362].

И соответствующие меры были приняты. Правда, приходские священники по-прежнему подчинялись суду десятинников, но теперь в суде вместе с ними должны были участвовать выборные представители из среды приходского духовенства — старосты и десятские, а также земские старосты, целовальники и земский дьяк, «которым царь повелит». Земский дьяк должен был писать судебные протоколы и хранить их у себя. Если «учнут десятинники не в правду судити, и посулы имати, и делы волочити, и продажу чинити», то старосты могли жаловаться на них и архиерею, и царю. Виновного ожидала «великая опала» — утрата должности и тройное возмещение ущерба.

Одновременно менялся и характер более высокой судебной инстанции — суда владычных бояр. В этом суде также должны были участвовать выборные представители духовенства — «старосты поповские и пятидесятцкие и десятцкие» вместе с «градскими старостами и целовальниками» и земским дьяком, «которых царь прикажет». Земский дьяк должен был писать протоколы судебных дел и здесь.

Для владычных бояр также устанавливались суровые санкции: в случае неоднократных проступков следовало виновного лишить должности, «поместья отписати и с очей сослати». Важно, что участвовавшие в судебном процессе старосты и священники получали право, «обыскав без суда», наказать неправедного судью.

Собор принял еще одно важное постановление. Когда десятинники собирали дань и пошлины в архиерейскую казну, священникам была «нужа велика и продажа». Теперь сбор дани и пошлин передавался в руки выборных представителей духовенства — «десятских» священников, которым должны были помогать «земские» старосты и целовальники[363].

Таким образом, для урегулирования конфликта между управляющими и управляемыми были использованы те же способы, которые были применены при составлении предложенных на рассмотрение Стоглава «уставных грамот». И здесь было налицо серьезное возрастание роли выборных представителей — главной, наиболее многочисленной части духовенства, а также приобретение ими ряда важных функций. Тем самым был сделан важный шаг на пути превращения приходского духовенства той или иной десятины в самоуправляющуюся сословную структуру. Особенностью положения было установление тесного взаимодействия между выборными приходского духовенства и органами земского самоуправления на территории их проживания[364].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать общий вывод относительно взаимоотношений государственной власти и церкви в начале 1550-х гг. Духовенство не только обеспечило себе определенную автономию (достаточно ограниченную) по отношению к светской власти, но и сделало крупный шаг на пути к превращению в сословную самоуправляющуюся структуру. Выборные представители наиболее многочисленной его части — приходские священники — приобрели ряд прав, в их руки перешли и некоторые важные функции управления.

---

[362] *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. С. 255.

[363] Там же. С. 361—364, 369.

[364] См. подробнее: *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. С. 76 и сл.

Заметное место в отношениях светской власти и духовенства занял вопрос о городских владениях церкви. В 91-й статье предложенного участникам собора Судебника было сформулировано постановление о принудительном выселении торговцев и ремесленников из этих владений. По-видимому, сразу после составления Судебника началась борьба церкви против этого постановления, и власть пошла на уступки. Был принят приговор, по которому все «новые» (очевидно, заложенные в годы боярского правления) слободы должны «тянути з городцкими людьми во всякое тягло и з судом», т. е. их податные и судебные привилегии ликвидировались. Что касается «старых» слобод, то их статус, судя по всему, оставался традиционным. По другому приговору устанавливалось, что из «новых» слобод должны быть выведены посадские люди, которые поселились в них «после описи», т. е. после проведения писцового описания. Таким образом, речь не шла о массовом выводе торгово-ремесленных людей из городских владений церкви, принятые меры касались только «новых» слобод. Вскоре, однако, стал нарушаться статус и «старых» слобод, и такое положение дел стало предметом обсуждения на встрече Ивана IV и митрополита Макария 15 сентября 1550 г.

Была достигнута договоренность, что церковные учреждения могут держать «свои старые слободы по старине о суде и о всяких делех по прежним грамотам», но в них запрещалось принимать посадских людей; принимать можно было только жителей деревни, а из города «людей нетяглых». Запись о достигнутой договоренности была затем внесена в 98-ю главу решений собора[365]. Тем самым от массового выселения посадских людей правительство окончательно отказалось, и этот вопрос больше не поднимался.

Вместе с тем часть достигнутых соглашений была фактически пересмотрена, когда в 1551 г. был произведен пересмотр жалованных грамот в соответствии с установлением 43-й статьи Судебника 1550 г. об отмене тарханов. Пересмотр не коснулся лишь владений иерархов, обладавших тарханами (так, была подтверждена тарханная грамота 1538 г. коломенскому епископу на слободу в Коломне), были подтверждены тарханные грамоты Василия III Иосифо-Волоколамскому монастырю, но в остальном упомянутые в 98-й главе Стоглава «прежние» грамоты утратили свое действие, даже когда речь шла о привилегиях такой почитаемой обители, как Троице-Сергиев монастырь. Грамоты на городские владения церковных учреждений подтверждались с оговоркой: «оприч ямских денег и посошные службы и тамги», что уже означало отмену значительной части податных привилегий. Но этим дело не ограничивалось. Далее в грамотах указывалось, что все жители владения, кроме дворника, на монастырском подворье должны «всякие подати давати с черными людьми ровно, а наместницы <...> и их тиуны судят, как иных черных людей». Таким образом, пребывание торговых и ремесленных людей в городских владениях церкви сохранялось, но никакими преимуществами по сравнению с членами посадской общины они больше не пользовались, и эти владения переставали быть привлекательными для посадских людей.

Поскольку, в отличие от церковной собственности, податные привилегии церкви не ограждали какие-либо церковные каноны, то власть использовала пересмотр жалованных грамот в мае 1551 г. для ограничения и других податных привилегий церкви. На сельские владения многих монастырей было распространено требование платить главные государственные налоги.

---

[365] *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. С. 408—409. Подробный анализ текста главы см.: *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. С. 367—375.

Был отменен и ряд грамот, дававших право беспошлинной торговли[366].

В самом конце работы собравшегося в феврале 1551 г. церковного собора, в мае, царем и собором был принят приговор, оформивший договоренности, касавшиеся землевладения церкви. Об утрате церковным сословием (или какой-то его частью — монастырями) земельной собственности речи не было, но на ряд уступок церковные иерархи были вынуждены пойти. Так, в приговоре отмечалось, что у церкви должны быть отобраны земли, приобретенные нечестным путем — «насильством», т. е. в результате подкупа писцов или незаконного освоения государственных земель. По причине выполнения этого условия утратил довольно значительные земли серпуховский Высоцкий монастырь. Другим постановлением аннулировались земельные пожалования, которые бояре «подавали» церкви после смерти Василия III. Вместе с тем относительно земель, данных ранее как заупокойные вклады в монастыри, устанавливалось, что этих земель «у монастырей никому никако же не выкупати». Таким образом, уступки были налицо, но одновременно торжественно провозглашалась неприкосновенность основной части церковной собственности.

Соглашаясь на это, власть поставила в приговоре в то же время ряд серьезных препятствий на пути дальнейшего роста церковного землевладения. Так, церкви запрещалось приобретать «вотчины» «без царева и великого князя ведома и без докладу». Одновременно на целом ряде территорий (Тверская земля, Рязань, Белоозеро и др.), а также суздальским, ярославским и стародубским князьям запрещалось давать заупокойные вклады «без государева докладу». Карательной санкцией была конфискация незаконно отчужденного владения: «да те вотчины отдавати в поместья»[367]. Имеется ряд свидетельств, что установленные запреты соблюдались, а заключенные земельные сделки фиксировались в особых книгах[368].

Рассмотрение вопросов, касающихся земельной собственности, податных привилегий церкви и патроната светской власти, рисует картину сложных, подчас напряженных отношений, где попытки церкви отстоять свой привилегированный статус и ослабить зависимость от светской власти сталкиваются с противодействием. Власть настаивала на своем и добивалась уступок, но одновременно и сама шла на уступки и добивалась договоренности. Церковь в 1550-е гг. выступала как достаточно самостоятельная и влиятельная политическая сила. Так относился к представителям церкви и сам молодой царь. В своей речи, обращенной к участникам собора, он не только просил помочь ему в осуществлении миссии, возложенной на него Богом, и «просвещать его», но и призывал их защищать «божественнаа правила», даже жертвуя жизнью. «Аще ли аз буду вам супротивен кроме божественых правил <...> вы о сем не умлъкните. Аще преслушник буду, воспретите ми без всякого страха»[369].

Позицию церкви ослабляли попытки отдельных духовных лиц и корпораций добиться удовлетворения своих особых интересов с помощью светской власти. Так, братия новгородского Юрьева монастыря в 1551 г. добивалась того, чтобы даже «в духовном деле» она подчинялась архиепископу лишь «с ведома» царя[370]. Недовольный

---

[366] О пересмотре жалованных грамот в мае 1551 г. см. подробнее: *Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. С. 114 и сл.

[367] *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. С. 413—416. См. также: *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. С. 445.

[368] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. С. 93.

[369] *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. С. 249—250.

[370] ДАИ. Т. 1. № 46. С. 63—65.

размерами «подъезда» с псковского духовенства, установленными собором в 1551 г., новгородский архиепископ Пимен в 1555 г. обратился к царю с тем, чтобы добиться от него более благоприятного решения[371].

Вместе с тем следует отметить, что и после завершения работы Стоглава имело место сотрудничество царской власти и духовенства, которое не ограничивалось активным участием царя в соборах, осуждавших еретиков. Всем своим авторитетом церковь поддерживала походы русских войск на Казань[372], а создание на землях Казанского ханства новой Казанской архиепископии было предпринято при активном участии царской власти. Повелением Ивана IV в 1555 г. был созван собор, принявший решение о создании новой епархии и ее границах, и царь выделил на содержание архиепископской кафедры и других церковных учреждений на территории этой епархии «изо всех доходов Казанское земли десятое»[373]. Наказ от царя первому архиепископу Гурию Рутотину, постриженнику Иосифо-Волоколамского монастыря, содержал подробные указания, как вести миссионерскую деятельность среди нехристианского населения бывшего ханства. Царь и митрополит совместно провожали архиепископа Гурия из Москвы в мае 1555 г.[374] В том же 1555 г. по приказу царя архиепископской кафедре были выделены обширные земельные владения (свыше 2000 четвертей), большие рыбные ловли на Волге, место для устройства в Казани слободы «на сто дворов крестьянских»[375]. Позднее преемник Гурия Герман Полев получил на эти земли тарханную грамоту[376]. В конце того же 1555 г. в Казань по приказу царя были отправлены из Пскова мастера Посник Яковлев и Иван Ширяев и с ними двести каменщиков[377], начавших строить первые христианские храмы в Казани.

Сотрудничество церковной и светской властей проявилось и в начале Ливонской войны, когда подчинившуюся Нарву освящали архимандрит новгородского Юрьева монастыря и протопоп Софийского собора[378]. В занятых ливонских городах царь приказывал строить православные храмы[379]. Описание успешных военных действий 1558 г. в официальной летописи заканчивалось словами: «государевы воеводы взяли <...> дватцать городов <...> и во всех городех церкви крестианские возвигнули и православие и благочестие утвердили»[380]. Такие события оправдывали надежды русского духовенства, что сильная царская власть будет не только сохранять и защищать, но и содействовать распространению православной веры.

В 1550-е гг. сложной проблемой для власти были отношения с тяглым населением — горожанами и черносошным крестьянством, резко выражавшим свое недовольство существующей системой управления. В царских вопросах весны 1550 г. проблема отношений с тяглым населением не получила отражения. По-видимому, предполагали, что рассылка уставных грамот (подобных Рыльской грамоте 1549 г.) успокоит недовольных. Правда, в некоторых вопро-

[371] Древняя российская вивлиофика. Ч. 13. М., 1790. С. 16 и сл.

[372] *Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения в России в 30—80-е годы XVI века. С. 212—224.

[373] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 249—250.

[374] Там же. С. 259.

[375] АИ. Т. 1. 1841. № 162. С. 298—299. О владениях кафедры в Казани и Казанском уезде по данным писцовой книги см.: *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. С. 491, 493, 495, 501.

[376] Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. № 58.

[377] ДАИ. Т. 1. № 82. С. 136.

[378] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 295.

[379] Там же. С. 295—296, 299.

[380] Там же. С. 306.

сах наметились благоприятные для интересов купечества перемены при взимании таможенных пошлин. Так, предполагалось отменить проезжие пошлины и взимать соответствующие только при купле-продаже товара («а где не торгует, ино не достоит ничего взяти»)[381]. Однако эти предложения не были осуществлены.

По-видимому, Судебник 1550 г. должен был стать тем актом власти, который окончательно положил бы конец конфликту управляющих и управляемых. Параллельно с подготовкой Судебника власти предприняли ряд других мер для укрепления своих позиций по отношению к тяглому населению и ослабления существующей напряженности.

Власти, по-видимому, извлекли уроки из событий Московского восстания 1547 г., когда в столице не оказалось организованной военной силы, способной защитить бояр в Кремле от недовольных горожан. В этом следует видеть одну из причин решения о создании стрелецкого войска. Правда, исследователи, ссылаясь на известия «Казанской истории» об участии «огненных стрельцов» в военных действиях под Казанью, относят существование такого войска к более раннему времени[382]. Однако эти известия не имеют соответствия в тексте официальной летописи. Следует также отметить, что в «Большой челобитной», поданной царю в 1549 г., И. С. Пересветов предлагал ему «держати <...> юнаков храбрых со огненою стрелбою»[383]. Очевидно, к этому времени стрелецкого войска еще не было. Все это позволяет видеть в известии Русского хронографа под 1550 г.[384] сообщение не о каких-либо преобразованиях стрелецкого войска, а о его создании. Три тысячи «выборных стрельцов» были поселены под Москвой в Воробьевской слободе. Они были поделены на шесть статей по 500 человек, подчиненных «головам» из детей боярских. Статьи, в свою очередь, делились на сотни. Стрельцам было определено денежное жалованье — по 4 руб. в год. Вскоре после этого события в рассказе официальной летописи о завоевании Казани стали упоминаться стрельцы, их «головы» и «соцкие»[385].

Конечно, создание стрелецкого войска было вызвано к жизни прежде всего внешнеполитическими факторами, но оно стало также важной вехой в истории отношений власти и посадского населения. Если ранее пехоту в русской армии образовывали отряды пищальников, набиравшиеся во время войны из среды посадской общины, то теперь стрельцы — преемники пищальников — были исключены из состава посадской общины, приобрели особый статус и жалованье от государства. В их лице власть обрела военную силу, с посадской общиной не связанную и получившую от власти свой привилегированный статус.

Вместе с тем правительство прибегло к ряду мер для снижения социальной напряженности. В новгородских грамотах 1555—1556 гг. сохранились упоминания об относящемся к более раннему времени уложении, в котором предписывалось в течение ряда «урочных лет» выплачивать долги без процентов[386].

Снижению социальной напряженности в отношениях между кормленщиками и тяглым населением должны были способствовать уставные грамоты, направ-

---

[381] Памятники русского права. Вып. 4. С. 578.

[382] *Чернов А. В.* Образование стрелецкого войска. С. 282—284.

[383] *Пересветов И. С.* Сочинения / Подг. А. А. Зимин. М.; Л., 1956. С. 175.

[384] Русский хронограф // ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. СПб., 1911. С. 532.

[385] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 203, 205 и др.; *Чернов А. В.* Образование стрелецкого войска. С. 286—287.

[386] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. № 8. С. 35.

лявшиеся в районы с тяглым населением после собора «примирения». Сохранились тексты двух таких документов — уставной грамоты нижней половины Двинской земли и протограф уставной грамоты Устюжны Железнопольской 1614 г.[387] В обоих документах устанавливалось обязательное участие в суде целовальников и земского дьяка, которых «землею выберут и к целованию приведут». Целовальники и дьяк освобождались от подсудности наместнику, исключение составляли лишь случаи тяжелых уголовных преступлений. Тем самым по своему положению они приравнивались к детям боярским, освобожденным в начале 1549 г. от суда наместников. Такие достаточно серьезные уступки должны были способствовать преодолению внутриполитического кризиса. В Двинской уставной грамоте указывалось, что «на середокрестие Христово» (середину Великого поста) жители обеих половин Двинской земли могут приехать в Москву с жалобами на наместника.

В Москве уже на этом этапе думали, как использовать намечающиеся перемены в своих интересах. На людей, выбранных «землей», следовало возложить ответственность за сбор государственных налогов. Эта тема, кратко затронутая в Двинской грамоте, получила полное развитие в грамоте Устюжне Железнопольской. На выборных представителей была возложена ответственность по разверстке налогов, «а которые дворы опустеют, и те дворы оплачивать всем городом».

К лету 1550 г. была завершена работа по подготовке Судебника, в котором большой комплекс статей об органах местного управления и их отношениях с населением подвергся серьезной переработке. Изучению этих статей Судебника были посвящены работы целого ряда выдающихся ученых[388].

Важным делом было завершение начатой в предшествующие десятилетия губной реформы. В 61-й статье Судебника указано, что именно выборные представители населения — губные старосты — судят «ведомых разбойников» и «татей» по губным грамотам. Очевидно, к этому времени этот институт утвердился повсеместно[389].

В целом ряде статей памятника (62, 68) устанавливалось обязательное участие в суде наместника или волостеля выборных старост, а также целовальников и выборного земского дьяка; последний параллельно с людьми кормленщика должен был писать судный список. При появлении жалоб оба списка следовало представлять на суд в Москву (статья 69). Между тем положение об освобождении целовальников и дьяка от суда наместников в текст Судебника не попало. Тем самым должна была устраняться возможность для злоупотреблений и связанных с ними конфликтов.

Для достижения этой цели составители Судебника стремились тщательно регламентировать разные стороны отношений кормленщика и населения. Так, точно определялись размер судебных пошлин в пользу кормленщика (статья 62), процедура арестов и отдачи людей на поруки при обязательном участии выборных старост и целовальников (статья 70). Подробно разрабатывалась процедура рассмотрения жалоб на наместников и волостелей (статья 75). Все это должно было способствовать сня-

[387] Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. № 15—16. О датировке документов см.: *Семенченко Г. В.* Посад и волость в правительственной политике в середине XVI в. С. 176—177, 181—182.

[388] См. комментарий Б. А. Романова к тексту Судебника 1550 г.; *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. С. 320—336; *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. С. 53—70.

[389] О проведении губной реформы на Двине см.: *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. С. 339—341.

тию напряженности, нормализации отношений между кормленщиками, населением и в итоге сохранению (в несколько измененном виде) традиционной системы управления. Позиция московских правящих кругов понятна. Правительство, несомненно, было заинтересовано в том, чтобы власть на местах находилась в руках лиц, не связанных с местным обществом и готовых проводить его политику, — лиц, которым это правительство дало и должности, и доходы от них.

В Судебнике, вслед за уставными грамотами, проявилось стремление власти использовать происходящие перемены в своих интересах. Статья 75 этого памятника возлагала на выборных представителей населения — старост и целовальников — составление «розметных книг» (содержавших сведения о раскладке налогов на территории посада или волости) и присылку их в Москву, «а которого году старосты и целовальники розметных книг к Москве не пришлют, и в том году на намесника суда не дати».

Когда в начале 1551 г. в Москве собрался Стоглавый собор, его участникам был представлен текст Судебника и уставных грамот[390], очевидно, составленных с нормами Судебника, которые предполагалось, вероятно, разослать населению. Приступив в том же 1551 г. к осуществлению мер по ограничению привилегий церковных и светских «беломестцев», правительство, конечно, исходило прежде всего из своих финансовых интересов, но при этом, как представляется, учитывало, что эти меры будут содействовать улучшению отношений между властью и посадским населением, а также рассчитывало на взаимное сотрудничество при проведении соответствующих мероприятий.

В полной мере осуществить на практике нормы 91-й статьи Судебника не удалось, тем не менее большое значение имело само провозглашение запрета «торговым людем городским» жить на землях монастырей, что было важным шагом к признанию за посадской общиной монопольного права на занятие торговлей и ремеслом на территории города. Знаменательно, что в осуществлении норм 91-й статьи важная роль отводилась самим посадским людям. В сохранившейся сотной серпуховского посада 1552 г. указывалось, что, если «люди торговые и мастеровые» станут жить на церковных землях, «и серпуховскому соцкому и всем городцким людем тех людей ис тех дворов вывозити и сажати в свои старые дворы в тяглы»[391]. Другой пример: гость Прокофий Цвиленев в 1553 г., проводя описание Балахны, приписал к посаду слободку Троице-Сергиева монастыря[392]. Вся совокупность предпринятых шагов, казалось, давала возможность при ряде уступок (достаточно серьезных) сохранить привычную систему управления. Однако уже к февралю 1551 г. намечаются первые шаги по ее ликвидации.

В феврале 1551 г. крестьяне Плесской волости Владимирского уезда, которые ранее были «приданы <...> судом и кормом» владимирскому наместнику князю Д. Ф. Бельскому (он умер в январе 1551 г.), получили возможность выбрать старосту и целовальников для решения всех дел между ними, в том числе и тех, которые входили в компетенцию губных старост. Доставлять на суд в Москву следовало лишь убийц[393]. Из текста неясно, что побудило власти

[390] *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. С. 253.

[391] *Симсон П. Ф.* История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще отечественною историею. С. 329.

[392] См.: *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. 1. М.; Л., 1947. С. 142—143. Как «гость» П. Цвиленев фигурирует в приговоре Земского собора 1566 г.

[393] Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. № 1. С. 101—102.

пойти на такой шаг. О какой-либо общей отмене кормлений речи не было. В грамоте отмечалось, что крестьяне не должны подчиняться тиунам владимирского наместника.

Вместе с тем уже этот первый шаг на пути земской реформы показал, что за предоставленное самоуправление населению придется нести немалые финансовые тяготы. Сначала крестьяне Плесской волости должны были платить «за наместничи и его пошлинных людей пошлины» 15 руб. в год, затем эта сумма была увеличена вдвое[394].

За первым шагом последовали и другие. В феврале 1552 г. грамота о предоставлении самоуправления была выдана трем волостям Двинского уезда[395]. Эта грамота заметно отличалась от краткого документа, выданного Плесской волости. В преамбуле излагалось челобитье населения, служившее своеобразным объяснением причин выдачи документа. Здесь указывалось, что поселения пустеют, так как крестьяне уходят «от насильства и продажи» волостелей и их слуг в другие волости и монастыри «безсрочно и без отказу». Челобитье заканчивалось словами о том, что «крестьянам впредь от наших волостелей и от их пошлинных людей от продажи и от всяких податей тянуть сполна немочно». Таким образом, ясно, что грамота была выдана в ответ на настойчивые требования местного населения, которое фактически отказывалось платить налоги, если его требования не будут удовлетворены. «Выборным лутчим людем», как и в Плесской волости, передавалась вся полнота судебно-административной власти. Доходы, поступавшие в пользу волостей и их людей, заменялись оброком 700 руб. в год, который следовало уплачивать казначеям в Москву. При нарушении сроков сумма должна была взыскиваться в двойном размере.

В отличие от Плесской грамоты, грамота двинским волостям содержала подробные указания, как головы должны управлять волостью и вершить суд, ориентируясь на нормы нового Судебника. Устанавливалось, что казначеи становились той инстанцией, которая должна была решать спорные вопросы. Выборным головам и земскому дьяку, который должен был записывать судебные протоколы, за отступления от установленных правил, посулы и поминки угрожала смертная казнь и конфискация имущества[396].

Включение в грамоту подобной инструкции показывает, что к началу 1552 г. уже достаточно серьезно разрабатывались планы ликвидации традиционной системы управления, что было, несомненно, связано с борьбой населения против ее сохранения. И действительно, в марте 1552 г. аналогичная грамота была выдана Важской земле[397]. От других грамот она отличалась суммой оброка, гораздо более значительной, — 1500 руб. В основном же содержание обоих документов и преамбула с изложением «челобитья» совпадают. Очевидно, что к началу 1552 г. были выработаны определенные общие принципы реформы, которая привела бы к отмене кормлений и передаче власти на местах в руки выборных представителей местного населения.

Однако после взятия Казани положение дел изменилось. Бояре и дети боярские добились крупного военно-политического успеха, и в соответствии с традицией им полагалось вознаграждение за «службу», а таким вознаграждением издавна были доходные кормления. В ноябре 1552 г. в тече-

---

[394] Подробный анализ документа см.: *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. С. 84—88.

[395] Памятники русского права. Вып. 4. С. 188—197.

[396] Подробный анализ документа см.: *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. С. 295—307.

[397] Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. № 2. С. 103—117.

ние трех дней царь раздавал боярам и детям боярским кубки, шубы, коней, доспехи и деньги, и «кормлении государь пожаловал всю землю»[398]. Введенное в этой земле в 1551—1552 гг. самоуправление было отменено в 1554 г. с приездом на Двину наместника князя Микулинского[399]. Эти факты показывают, что вопрос о том, быть или не быть кормлениям, являлся предметом борьбы; существовали силы, выступавшие за сохранение кормлений, и тут не было расхождений с планами правящих кругов.

Однако в 1555 г. началась постепенная ликвидация кормлений на территории Русского государства. Сохранилось два текста с изложением мотивов этого решения: это преамбула грамот, адресованных населению волостей и посадов, и текст Никоновской летописи. В преамбуле грамот говорилось, что крестьяне жалуются «на продажи и убытки великие», которые ведут к запустению их земель, «отчего дани и оброки сходятца не сполна», а кормленщики и их люди жалуются на то, что «посадцкие и волостные люди под суд и на поруки не даютца и кормов им не платят, и их бьют»[400]. Еще более резко характеризовала положение официальная летопись: кормленщики в переданных им землях «сотворишася им гонители и разорители», а «тех городов и волостей мужичья многия коварства содеяша и убийство их людем»[401]. При всем различии и фактического содержания, и эмоциональной окрашенности эти тексты, безусловно, сходятся в одном: традиционный порядок пришлось изменить из-за активного противодействия населения.

Каковы же были последствия отмены кормлений и какой устанавливался порядок управления отдельными территориями? Летопись так излагала принятое решение: «в градех и в волостех» были учреждены «старосты и сотцкие, и пятидесятцкие и десятцкие <...> чтоб им разсужати промежь разбои, и татбы и всякие дела»[402]. Таким образом, управление территорией и суд (в том числе по тяжким уголовным преступлениям) передавался в руки старост и сотских из среды местного населения. Уставные грамоты позволяют представить себе эти перемены конкретнее. Здесь указывалось, что старост, «кому меж крестьян управа чинити», следовало выбирать «всею землею» вместе с другими членами суда — целовальниками и земским дьяком. Как и ранее, за недобросовестное исполнение своих обязанностей угрожали самыми суровыми санкциями. Вопреки утверждениям Никоновской летописи, «разбойные дела» должны были оставаться в ведении губных старост. «За волостелины доходы» накладывался «оброк», ответственность за его сбор и доставку в Москву ложилась на тех же выборных. Верховной судебной инстанцией становилось ведомство казначеев, куда и следовало вносить оброк[403]. С некоторыми деталями здесь повторялись основные положения грамот 1552 г.

Важные уточнения вносит уставная грамота Двинской земле 1556 г. Выбранные «землей» судьи должны были назначить в разных частях Двинской земли «соцких, пятидесяцких и десяцких», которые бы следили за порядком и приводили нарушителей к судьям. Таким образом, традиционная система управления ликвидировалась, и власть на местах переходила в руки выборных представителей местного населения.

---

[398] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 228.

[399] *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. С. 327 и сл.

[400] Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. № 3. С. 113; № 4. С. 116; № 5. С. 120 и др.

[401] ПСРЛ. Т. 13. С. 267.

[402] Там же. С. 268.

[403] Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. № 3—5. С. 113—123.

Как показал анализ данных Боярской книги 1555—1556 гг., проведение реформы началось весной 1555 г., и в 1555—1556 гг. она охватила бóльшую часть территории Русского государства[404].

Правда, к концу 1550-х гг. на западных и южных окраинах страны, в городах больших и малых снова появились наместники, власть которых распространялась как на город, так и на земли окружающего город уезда. Выборные старосты и целовальники в соответствии с нормами Судебника должны были участвовать в суде этих наместников. На них же возлагалась ответственность за сбор государственных налогов и «корма» наместникам, который к этому времени был полностью переведен на деньги[405]. На основной же территории страны результаты земской реформы в конце 1550-х — начале 1560-х гг. не пересматривались.

Земская реформа была важным событием в социально-политической истории России. Сошла со сцены архаическая система управления, восходившая к эпохе раннего Средневековья. Аналогичная система управления существовала в эпоху раннего Средневековья и у западных соседей России — в Польше, Чехии, Венгрии, но там она сошла с исторической сцены в XII—XIII вв. В России же такая система просуществовала до середины XVI в. Распад этой системы управления в странах Центральной Европы был связан с действием двух факторов — образованием феодального землевладения с широким податным и судебным иммунитетом и борьбой городского населения за завоевание своего самоуправления. Действие этих факторов в несколько измененном виде можно проследить и в русской действительности середины XVI в. Правда, бóльшая часть детей боярских в XVI в. значительными податными привилегиями не обладала, но в их руках была административно-судебная власть над крестьянами и во многих случаях они освобождались от корма в пользу наместников. В событиях середины XVI в. проявилось в числе прочего явное нежелание детей боярских подчиняться суду наместников. Имела место и активная борьба городского и сельского (на черносошных землях) населения за завоевание самоуправления.

Уход с исторической сцены старой системы управления сопровождался у западных соседей России переходом ряда функций управления в руки выборных представителей формирующихся сословных структур — городских общин, провинциальных служилых корпораций. В России в середине XVI в. был также сделан важный шаг в этом направлении. На территории посадов и черносошных волостей власть перешла в руки выборных представителей местного населения. Это хорошо отразилось в текстах уставных грамот, выданных населению ряда территорий, о содержании которых уже говорилось. На территориях, охваченных реформой, даже сбор торговых пошлин, которые ранее собирали в свою пользу наместники и волостели, осуществлялся теперь целовальниками, выбранными населением[406].

Важной особенностью преобразований, происходивших в 1550-е гг. в России, было приобретение широкого самоуправления крестьянскими волостями на черносошных (государственных) землях. В странах Центральной Европы в XIII—XIV вв. распространилось так называемое немецкое право, когда крестьяне и на государственных,

[404] *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Гл. 5; *Аракчеев В. А.* Кормления и земские миры: К вопросу о территории и хронологии реформы 1551—1556 годов // Отечественная история. 2007. № 6. С. 40—45.

[405] *Аракчеев В. А.* Кормления и земские миры. С. 46 и сл.; *Он же.* Наместники в России XVI века. С. 12 и сл.

[406] *Флоря Б. Н.* Сбор торговых пошлин и посадское население в Русском государстве (конец XV — начало XVII в.). С. 338 и сл.

и на частновладельческих землях приобретали определенное самоуправление, но оно подчинялось или власти господина, или (на государственных землях) королевского управляющего. В России земская реформа также охватила многие районы, где к середине XVI в. преобладало дворянское землевладение, но по отношению к этим территориям уставных грамот не сохранилось. Там главным органом местного управления стали губные старосты — выборные представители детей боярских[407]. Обращение к свидетельствам о деятельности губных старост в 1550—1560-х гг. показывает, что в их ведение переходят вообще все уголовные дела — не только о разбое, но и о воровстве. Кроме того, у них появляется целый ряд обязанностей, выходящих за рамки их полицейских функций: участие в делах, связанных с описанием, измерением и отделением земель, расследование земельных споров. Им адресовались распоряжения об освобождении земель от налогов и повинностей; очевидно, они следили за теми или иными уплатами и работами. В боярском приговоре 1555 г. им предписывалось регистрировать сделки о продаже лошадей, а приговором 1556 г. — «беречи накрепко, чтоб у них пустых мест и насилства християном от силных людей не было»[408]. С превращением губных старост в главный орган местного управления был сделан важный шаг на пути превращения местной служилой корпорации в самоуправляющуюся сословную структуру.

После реформ Стоглава заметно возросли элементы самоуправления и в среде духовного сословия, когда ряд важных функций управления перешел в руки его выборных представителей. И в этом налицо безусловная общность исторического развития России и других европейских стран.

Вместе с тем следует отметить и ряд весьма важных различий. Распад архаичной системы управления и формирование самоуправляющихся сословных структур у западных соседей России вели к расширению податных и судебных привилегий духовных и светских землевладельцев и, как следствие, к сокращению финансовых ресурсов, поступавших в распоряжение государственной власти. Соответственно происходило сокращение или замораживание размеров государственного аппарата, а для получения дополнительных средств правитель должен был созывать собрания выборных представителей сословий и просить их согласия. Наконец, служилые люди освободились от обязанности нести постоянную военную службу. Их созывали, лишь когда стране угрожала серьезная опасность. В России 1550-х гг. дело выглядело иначе. Большое количество детей боярских уже в первых десятилетиях XVI в. не пользовалось какими-либо податными привилегиями, а тарханные грамоты, освобождавшие в годы боярского правления владения крупных духовных и светских землевладельцев от уплаты главных государственных налогов, в соответствии с 43-й статьей Судебника 1550 г. были отменены во время пересмотра жалованных грамот в мае 1551 г.

Реформы 1550-х гг. сопровождались не сокращением, а ростом государственных налогов. Уже под 1547 г. новгородский летописец отметил: «Царь и великий князь велел дань имати с сохи 12 рублев, и от того крестьянам тягота была великая»[409]. Тягота была связана в определенной мере с тем, что значительная часть натуральных повинностей была заменена денежными платежами. Как показало исследование записей о налогообложении в новгородских

[407] *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Гл. 6.

[408] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. № 10. С. 31; № 16. С. 41.

[409] Русский хронограф. С. 527.

писцовых книгах и других источниках, размер государственных повинностей в Новгородской земле увеличился на протяжении 1550-х гг. в полтора раза[410].

Тяжесть государственного обложения существенно возросла после проведения земской реформы, когда население должно было уплачивать весьма значительные суммы в качестве «кормленого окупа»[411]. Собранные средства поступали дьякам разных ведомств, которые должны были одновременно осуществлять контроль за деятельностью органов самоуправления на отдельных территориях. К началу 1560-х гг. стали создаваться занимавшиеся этим особые ведомства — четверти[412]. Рассказ о проведении земской реформы в Никоновской летописи заканчивался словами о том, что царь «бояр же и велможь и всех воинов устроил кормлением, праведными уроки, ему же достоит по отечеству и по дородству»[413]. Это означало, что люди, ранее получавшие кормление за свою службу и в соответствии со своим положением на лестнице социальной иерархии, будут теперь получать у дьяков, а затем в четвертях денежное возмещение утраченных доходов. Тем самым сохранялась определенная зависимость верхних слоев служилых людей от государственной власти, которая в обмен за предоставленное жалованье требовало исправной службы.

В других странах, где архаические системы управления сходили со сцены, подобного положения не обнаруживается. Государство и в XVI в. в значительной мере оставалось той силой, которая материально поддерживала служилое сословие. Здесь, вероятно, следует учитывать воздействие природного фактора, когда земледельческое хозяйство не приносило землевладельцу достаточных доходов, и обеспечение ему достаточно высокого жизненного стандарта оставалось важной функцией государственной власти, использовавшей это положение в своих интересах. Как видно из рассмотренных выше данных о взаимоотношениях власти и служилого сословия в 1550-е гг., никакого ослабления служебных обязанностей дворян и детей боярских не произошло. Обязательная служба «с земли» стала всеобщей, и государство настойчиво требовало ее исправного выполнения, используя при этом различные средства. К этому следует добавить, что, если у западных соседей России — Чехии, Польши, Венгрии — наследственная земельная собственность к концу XIV в. утвердилась как господствующая форма землевладения, то в России середины XVI в. значительная часть земельного фонда в руках бояр и детей боярских была условной собственностью, и ее удельный вес еще увеличился во время поместных раздач 1550-х гг.

В это же время произошло расширение и укрепление центральных органов государственного управления. Конечно, и в первой половине XVI в. в ходе практической деятельности постепенно возникали группы чиновников, рассматривавших определенный круг дел. В общественной жизни деятельность таких групп начинала играть все более заметную роль. В начальной части Судебника 1550 г. помещен обширный комплекс статей, устанавливавших разнообразные правила, в соответствии с которыми бояре, окольничьи, дворецкие, казначеи и дьяки должны были расследовать в Москве порученные их рассмотрению дела, взимать пошлины, составлять и оформлять соответствующие документы. Из текста статей ясно следует, что важным делом для

[410] АИСЗР. II. С. 25—26.

[411] По наблюдениям Н. Е. Носова размер «окупа» значительно превышал возможные доходы кормленщиков (Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. С. 344—347).

[412] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 226 и сл.

[413] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 268.

всех этих лиц было и регулировать конфликты, возникавшие на местах. В 50-х гг. XVI в. был сделан важный шаг на пути к образованию центральных органов управления со стабильным аппаратом, определенной компетенцией и правилами работы.

Одним из первых в 1549 г. обособился Посольский приказ — ведомство, занимавшееся иностранными делами, во главе с дьяком Иваном Михайловичем Висковатым[414]. Определенные данные о создании других приказов относятся к середине 1550-х гг. Не случайно одновременно с составлением Уложения о службе и проведением смотров в 1555—1556 гг. появляются сведения об образовании Поместной избы во главе с дьяком Путилой Михайловым и Разрядной избы во главе с дьяком И. Е. Ципляевым[415]. Разрядная изба ведала организацией военной службы в Русском государстве, прежде всего военной службы бояр и детей боярских. В Разряде велись разрядные книги, содержавшие записи служебных назначений, составлялись десятни. С Разрядом связано и создание «Государева родословца», который должен был служить пособием при регулировании местнических счетов. Поместная изба должна была осуществлять учет земельного фонда, обеспечивать поместьями детей боярских, исправно несущих службу, лишать поместий тех, кто на службу не являлся. Это были важные органы контроля и наблюдения за служебной деятельностью и ее материальным обеспечением. Совместная служба детей боярских должна была обеспечить государство боеспособной военной силой, необходимой для решения внешнеполитических задач.

В эти же годы отмечены попытки власти сосредоточить в руках особого органа значительную часть поступающих государству финансовых ресурсов, которые увеличивались не только за счет повышения налогов, но и за счет отмены податных привилегий духовных и светских землевладельцев. В конце 1540-х — первой половине 1550-х гг. в ведомстве дьяка Юрия Сидорова сосредоточивались поступления от главных государственных налогов и торговых пошлин. В этом ведомстве проводился упоминавшийся выше пересмотр жалованных грамот в мае 1551 г. Ведомство занималось и рядом других вопросов[416].

К середине 1550-х гг. образовалось специальное ведомство — Большой приход во главе с дьяком Угримом Пивовым, куда и стали поступать основные государственные налоги. Важной задачей Большого прихода, который постепенно становился главным финансовым учреждением страны, в 1550-х гг. было установление правильных ставок налогообложения с введением большой сохи[417].

К середине 1550-х гг. относится и образование Разбойной избы — учреждения, которое сменило временную комиссию бояр, «которой разбойные дела приказаны». Создание приказа, в ведении которого были дела о сыске и наказании разбойников, сопровождалось составлением Уставной книги, куда вносились законодательные акты, определявшие характер деятельности этого учреждения, важнейшей задачей которого был контроль за деятельностью губных старост[418]. Вошедшие в Уставную книгу законодательные акты и документы, исходившие из самой Разбойной избы, позволяют судить о том, как это происходило.

Выборы губных старост утверждались в Москве, и им вручались подробные наказы, регламентировавшие их деятельность[419].

---

[414] *Граля И.* Иван Михайлович Висковатый: Карьера государственного деятеля в России XVI в. С. 67 и сл.

[415] *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 449 и сл.

[416] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 261 и сл.

[417] Там же. С. 247—254, 270—276.

[418] См.: Памятники русского права. Вып. 4. С. 356—370.

[419] О рассылке таких наказов в 1555 г. см.: *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 420.

Об имуществе казненных разбойников следовало сообщать в Разбойную избу, туда же следовало обращаться для производства розыска на территории другой губы[420]. Предусматривались и разные санкции по отношению к губным старостам. В приговоре Боярской думы от 18 января 1555 г. предписывалось «сажати в тюрму» тех старост, которые «грамот царя и великого князя не слушают»[421]. В приговоре думы от 22 августа 1556 г. предписывалось губного старосту, который будет действовать «не по государеву наказу», «казнить без милости»[422].

Еще более жесткой была позиция государственной власти по отношению к органам земского самоуправления. За нарушения служебных обязанностей («не учнут правити по нашему уложенью») земским выборным лицам угрожала смертная казнь и конфискация имущества[423]. На земских выборных возлагалась и ответственность за сбор и доставку «кормленого окупа», в случае задержки предписывалось «те оброки доправливати вдвое»[424]. В уставных грамотах подчеркивалось, что земские выборные должны вершить суд по нормам Судебника 1550 г., который высылался на места «за дьячьей приписою»[425], и «по уставной грамоте, как <...> уложили о суде во всей земле»[426]. В случае возникновения споров между населением соседних территорий эти споры должен был рассматривать в Москве дьяк, ведавший сбором «кормленого окупа»[427].

Таким образом, одной из функций новых центральных органов государственного управления был надзор за деятельностью органов самоуправления на местах, их подчинение своему руководству. Образование многочисленных сильных органов центрального управления, власть которых распространялась на всю территорию страны, привело, очевидно, к упадку областных дворцов, игравших ранее важную роль в жизни страны[428].

В отличие от того, что происходило у западных соседей в более раннее время, в России 1550-х гг. мы наблюдаем одновременное проявление двух различных и во многом противоположных тенденций развития. С одной стороны, происходит формирование органов сословного самоуправления, которые превращаются в органы власти на местах. С другой стороны, возрастают финансовые ресурсы государственной власти, расширяется и укрепляется центральный аппарат, усиливается служебная зависимость служилых людей. К рубежу 50—60-х гг. XVI в. Русское государство оказалось на своего рода историческом перекрестке, откуда развитие могло пойти либо по пути дальнейшего расширения прав сословий и формирования органов сословного представительства в общегосударственном масштабе, либо по пути дальнейшего усиления государственной власти и подчинения ей формирующихся сословий.

Пятидесятые годы XVI в. оказались временем обширных преобразований, затронувших положение всех слоев русского общества того времени. Преобразования эти проводились в жизнь по инициативе и при участии верховного органа власти го-

---

[420] См. текст Медынского губного наказа 1555 г.: Памятники русского права. Вып. 4. С. 181—182.

[421] Там же. С. 358.

[422] Там же. С. 367.

[423] Наместничьи, губные и земские Уставные грамоты Московского государства. С. 116, 118, 136.

[424] Там же. С. 134.

[425] Там же.

[426] Там же. С. 114.

[427] Там же. С. 136.

[428] См.: *Назаров В.Д.* Из истории центральных государственных учреждений (к методике изучения вопроса). С. 76—96.

сударства — Боярской думы. Члены Думы входили в круг советников царя и занимали наиболее значительные военные и административные посты в государстве. По традиции членами Думы становились представители княжеских и московских боярских родов. Эта традиция и в 1550-е гг. продолжала соблюдаться. Имелись исключения (костромской сын боярский Ф. Г. Адашев и его дети), но их было немного и на общий характер деятельности думы они влиять не могли.

Важной чертой в жизни этого органа стал, как это неоднократно отмечалось в научной литературе, значительный рост численности думских чинов — бояр и окольничих. Уже в 1547 г. состав Думы увеличился более чем вдвое (вместо десяти бояр — двадцать, вместо двух окольничих — шесть)[429]. В 1549 г. в состав Думы вошло еще восемь бояр и пять окольничих[430]. В дальнейшем больших перемен не происходило, но в 1555 г. в состав Думы вошли девять бояр и четверо окольничих[431]. Такая политика пополнения, расширения размеров Думы, осуществлявшаяся по крайне мере на рубеже 1540—1550-х гг. при активной поддержке митрополита Макария, явно имела своей целью добиться консолидации социальной элиты, прекращения конфликтов между боярскими кланами, которые довели страну до опасного состояния. Такая цель на определенный период была достигнута, и это дало возможность перейти к осуществлению описанных выше преобразований. При их характеристике не затрагивался вопрос, в какой мере эти преобразования наносили ущерб интересам верхнего слоя формирующегося служилого сословия, нескольким десяткам княжеских и боярских родов, представители которых заседали в Думе. Действительно, определенные потери имели место. Так, при отмене тарханных грамот были ликвидированы и те широкие привилегии, которые приобрели для себя некоторые бояре в годы боярского правления[432]. Была, вероятно, утрачена и какая-то часть земель, незаконно захваченная в эти годы «сильными людьми». Но потери такого рода, наносившие ущерб отдельным представителям элиты, содействовали росту ее престижа и влияния, укреплению ее связей с нижестоящими слоями служилых людей. Кроме того, следует учитывать, что высший их слой — это не только собрание богатых землевладельцев, но и собрание лиц, причастных к осуществлению верховной власти в государстве. Тем самым и рост государственных доходов, и усиление роли центральных органов управления означал и рост их доходов, и рост их власти.

Резкое расширение размеров Думы, связанное с проведением определенной политики, привело к известному изменению самого характера этого органа. Из достаточно узкого круга доверенных лиц — советников государя — Дума превратилась фактически в собрание знати, где были широко представлены члены всех главных кланов. Заметную группу в этом собрании составляли потомки прежних удельных «государей», члены княжеских родов — потомков Рюрика. О мировоззрении этой среды позволяют некоторым образом судить взгляды ее достаточно типичного представителя — князя Андрея Курбского, члена ярославского княжеского рода, ставшего боярином в 1556 г. Исследование написанной им «Истории о великом князе московском» показывает, что в глазах этого круга людей власть московских государей не была окружена таким ореолом, как в представлении других слоев служилого сословия. В их сознании сохранялась память, что при объединении

[429] *Филюшкин А. И.* История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». С. 37.
[430] Там же. С. 48—49.
[431] Там же. С. 101.
[432] См. такую грамоту, выданную боярину князю М. И. Кубенскому в декабре 1547 г.: ААЭ. Т. 1. № 215.

русских земель московские государи не останавливались перед нарушением установленных норм. Все это создавало для Думы возможность играть гораздо более значительную и самостоятельную роль, чем ранее.

Характерно, что 98-я статья Судебника 1550 г. предусматривала пополнение кодекса новыми законами «з государеву докладу и со всех бояр приговору»[433]. Конечно, для внесения в Судебник нового закона было необходимо согласие государя, но предполагалась возможность самостоятельной выработки такого закона Думой. Практика, когда те или иные дела решались по приговору «всех бояр», восходила к годам боярского правления. Теперь она была в известной мере узаконена[434].

Особо следует остановиться на роли в деятельности Боярской думы таких людей, как костромской сын боярский Алексей Адашев и священник Благовещенского собора в Кремле Сильвестр, который, по признанию самого Ивана IV, имел на него большое влияние. В «Истории о великом князе московском» Андрей Курбский утверждал, что именно они собрали вокруг царя тех «советников, мужей разумных и совершенных», которые и управляли государством в 1550-е гг.[435] Сам Иван IV в первом послании Курбскому обвинял его и Сильвестра в том, что, пользуясь влиянием на царя, они «всех бояр начаша в самовольство приводити», «ни единые власти не оставиша, идеже своих угодники не поставиша»[436]. Исследования сохранившихся свидетельств о деятельности Алексея Адашева и Сильвестра[437] показали, что эти характеристики не соответствуют реальному положению дел. Адашев был доверенным лицом царя, выполнявшим ряд его важных поручений, но нет никаких оснований видеть в нем главу правительства, якобы формировавшего его состав. Еще меньше оснований видеть в этой роли Сильвестра. Вместе с тем особые упоминания этих лиц в сочинениях Ивана IV и Курбского не были случайностью. Эти люди, близкие к царю и пользовавшиеся его доверием, вероятно, убеждали его принимать и одобрять решения Думы.

Исследователи выявили ряд важных фактов, которые говорят о самостоятельной позиции Думы в 1550-е гг. и о том, что царь был вынужден с этой позицией считаться. Так, во время переговоров с послами Великого княжества Литовского в 1549 г., когда выяснилось, что литовская сторона не желает признать царский титул Ивана IV, царь об этом «много говорил с бояры» несколько раз[438], и бояре «приговаривали и били челом», чтобы царь, несмотря на это, заключил перемирие с Великим княжеством Литовским. В тексте переговоров в составе посольских книг сохранилась запись, восходящая, очевидно, к высказываниям бояр: «которые крови христианские прольюьца за одно имя, а не за землю, ино от Бога о гресе сумнительно»[439]. Само выражение сомнений, что можно вести войну из-за царского титула, и внесение этих высказываний в текст посольской книги — яркое свидетельство характера взаимоотношений царя и советников в первые годы правления Ивана IV. Очевидно, факт царского венча-

[433] Памятники русского права. Вып. 4. С. 260.

[434] См. об этом подробнее: Правящая элита Русского государства: IX — начало XVIII в.: Очерки истории. С. 205—206.

[435] Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XVI века. С. 226, 228.

[436] Послания Ивана Грозного. С. 36—38.

[437] Об Адашеве см.: *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. С. 212—230; *Филюшкин А. И.* История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». С. 281—308. О Сильвестре см.: *Курукин И. В.* Сильвестр: Политическая и культурная деятельность (источники и историография). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.

[438] Сборник РИО. Т. 59. С. 287, 297, 300.

[439] Там же. С. 287.

ния монарха в эти годы на характер отношений не повлиял.

Царь Иван IV впоследствии придавал особое значение событиям, происходившим во время его болезни в 1553 г. В летописи, писавшейся по указаниям царя в конце его правления, так и было отмечено: «и оттоле бысть <...> в боярех смута и мятеж, а царству почала быть во всем скудость»[440]. В нескольких рассказах о событиях, записанных в это время, говорится о том, что во время болезни царя, когда встал вопрос о присяге бояр на имя малолетнего наследника Дмитрия, то уже отец Алексея Адашева Федор заявил, что не желает подчиняться родственникам царицы Захарьиным, которые могут попытаться прийти к власти при малолетнем наследнике. Между группами бояр начались сильные споры — «почали бранитися жестоко, а говорячи им, что они хотят сами владети, а они им служити и их владения не хотят»[441]. Некоторые из бояр высказывались в том смысле, что регентом следовало бы сделать двоюродного брата царя — Владимира Андреевича Старицкого[442]. Дело закончилось разговорами и присягой бояр малолетнему царевичу.

Сопоставление этих рассказов, записанных под диктовку царя (которым он явно придавал особое значение), с данными источников о судьбах представителей правящей элиты после этого события показало, что лица, которые вели дурные, с точки зрения царя, разговоры и не проявили верности ему и его наследнику, продолжали занимать высокие посты, а окольничий Ф. Г. Адашев уже в 1553 г. стал боярином. Одновременно к середине 1550-х гг. произошло отстранение Захарьиных от участия в управлении государством[443]. Очевидно, предводители Думы, стремившиеся не допускать раздоров в правящем слое, приняли во внимание недовольство знати возвышением Захарьиных и приняли соответствующие меры. В политике, проводившейся правящей элитой, 1553 г. не является какой-либо значимой датой, но эти события, несомненно, стали важным рубежом в истории отношений царя и правящей элиты. Очевидно, Адашев и Сильвестр убедили царя одобрить такие решения Думы, но со временем царь стал сомневаться в их правильности.

В ряду этих фактов должно быть рассмотрено и «дело» князя Семена Ростовского, о котором говорится и в приписках правительственной летописи, и в послании Ивана IV Курбскому. Летом 1554 г. боярин был уличен в наносивших вред государственным интересам разговорах с литовским послом С. Довойной и в намерении бежать в Литву. При расследовании выяснилось, что вместе с ним хотели бежать его братья и племянники, князья Лобановы и Приимковы. На следствии боярин жаловался, что «государь не жалует великих родов, безчестит, а приближает к себе молодых людей, а нас ими теснит»[444]. Тогда же выяснилось еще раз, что многие бояре предпочитали регентство Владимира Андреевича регентству Захарьиных. Князь Семен Ростовский был приговорен к смертной казни, но по ходатайству митрополита и епископов был помилован и сослан на Белоозеро. Другие члены ростовского княжеского рода были освобождены от ответственности, так так они только «бежать хотели», но не предприняли каких-либо действий. Один из собиравшихся бежать — князь А. И. Катырев — через три года по-

[440] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 526.

[441] Там же. С. 524.

[442] Там же. С. 526.

[443] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 117 и сл.; *Назаров В. Д.* Из истории центральных государственных учреждений России (к методике изучения вопроса). С. 82—83, 86—87; *Филюшкин А. И.* История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». С. 94 и сл.

[444] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 237.

лучил боярский сан. В ссылку князю было отправлено «утешительное» послание от самого Сильвестра, «что умилостивилася душа царская», а позднее он стал получать воеводские назначения[445]. Позднее Иван IV с негодованием писал, что Сильвестр и другие «злые советники» «того собаку почали в великом бережении держати и помогати ему всеми благими»[446].

Не поддается точной датировке эпизод, о котором Иван IV неоднократно вспоминал, когда члены Думы хотели его «судити» и «обыскивали, кабы злодея»[447]. Суть дела из высказываний царя не рисуется достаточно ясно, но очевидно, что с царем обращались как с одной из сторон конфликта, что и вызвало его возмущение.

Самостоятельные действия Думы, умевшей, по-видимому, неоднократно подчинять молодого государя нужным решениям, в немалой мере были связаны с тем, что члены Думы воспринимали себя не только как советники государя, но и как собрание наиболее знатных представителей служилого сословия. Характерно, что в беседах бояр с литовскими послами фигурировали «дяди и братья, дума государя нашего»[448]. В условиях достаточно быстро развивавшегося процесса формирования самоуправляющихся сословных структур существовала реальная перспектива превращения собранной в Думе знати в особый орган, выражающий интересы верхушки служилых людей, сохранявшей связи с нижестоящими слоями на территории Московских городов.

Такие отношения правителя и его советников складывались в условиях, когда церковь во главе с митрополитом Макарием, желая преодолеть внутриполитический кризис, активно пропагандировала сложившиеся в первых десятилетиях XVI в. представления об особой роли и назначении царской власти, на которой лежит ответственность за судьбы всего христианского мира в финале мировой истории, о власти, которая, подобно власти византийского императора, распространяется на все сферы общественной жизни. Представления эти достаточно ясно отразились и в процедуре работы Стоглава, и в его решениях.

Такие же представления внушал Ивану IV и Сильвестр. «Нарек тя Бог, — писал он царю, — начальника, судью и пророка, вождя и учителя всемирна». Деятельность царя приведет к изменению всего мира — «поклонятца тебе все царие земстии, и все языцы поработают тебе»[449]. Это представление о царе не только как правителе, но и как наставнике и учителе, направляющем своих подданных на путь истинный, оказывалось в явном противоречии с практикой отношений царя и его советников, и, как видно из царских посланий, Иван IV с течением времени все острее ощущал это несоответствие.

В «Летописце начала царства» — памятнике, в котором отразилась политическая идеология первых лет царского правления Ивана IV, — на конкретных примерах описывалась картина отношений царя и подданных (бояр и детей боярских). Царь наделяет воинов столь щедрыми дарами, о которых не говорится «в предних летописцех», и, «видев такую его любовь и жалованье», воины «почали тщитися как за Бога и за него, государя, пострадати»[450]. Именно в такой тональности выдержано обширное повествование о походе на Казань,

---

[445] См. подробнее: *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 117—119.

[446] Послания Ивана Грозного. С. 40.

[447] Там же. С. 40, 209.

[448] Сборник РИО. Т. 59. С. 294, 369, 372.

[449] Благовещенский иерей Сильвестр и его писания / Исследование, начатое <...> Д. П. Голохвастовым в 1849 году и доконченное <...> Архимандритом Леонидом в 1873 // ЧОИДР. 1874. Кн. 1. С. 69, 82.

[450] ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 62.

после которого царь щедро одарил всех воинов, раздав одних денег 48 000 руб.[451]

Такие же представления внушали царю Сильвестр и Адашев, и он следовал их советам. Однако со временем он стал приходить к выводу, что щедрые пожалования совсем не укрепляют его власть. Позднее царь с раздражением писал в послании Курбскому, что, пользуясь его доверием, Сильвестр «вотчины ветру подобно роздал»[452].

К концу 1550-х гг. Иван IV пришел к заключению, что, следуя наставлениям Сильвестра и Адашева, он ослабил свою власть, и в 1560 г. удалил их от себя[453]. Однако это не решало сложную проблему его отношений с членами Думы, состав которой не подвергся каким-либо серьезным изменениям[454]. Формально власть царя была ничем не ограничена, но существовали нормы неписаного обычая, определявшие и круг лиц, из числа которых царь мог выбирать советников, и нормы отношений с этими советниками.

Важным событием стало возвращение к управлению государством Захарьиных и их сторонников[455]. По собственным высказываниям царя в его послании Курбскому, он пытался создать партию своих союзников в Думе, связав их особыми обязательствами, скрепленными «крестным целованием», но, по его же словам, «наша заповедь ни во что же положися»[456]. В сообществе людей, тесно связанных между собой (в том числе и родственными узами), такие действия царя оказывались малоэффективными.

Актуальным становился вопрос об осуществлении иных, более серьезных, мер для ослабления позиций правящей знати. Путь к усилению власти монарха должен был идти через использование противоречий между отдельными группами знати и отдельными слоями служилого сословия.

Возможности для проведения такой политики открывались благодаря тому, что служилые люди были сословием, благосостояние которого во многом зависело от государева жалованья, в положении отдельных частей сословия существовали заметные различия, не было в связи с этим общего, признанного правом сословного статуса ни отдельного сына боярского, ни всей их совокупности. Служилое сословие лишь формировалось, и в нем еще не выработались сознание общесословных интересов и чувство общесословной солидарности.

Противоречия между знатью и другими слоями служилых людей (а также в среде самой знати) порождала система местничества, с одной стороны, обеспечивавшая монополию служилых людей «по отечеству», на занятие высоких государственных должностей, но с другой — создававшая особые преимущества для группы наиболее знатных родов.

В русском обществе были люди, считавшие такой порядок несправедливым и подвергавшие его резкой критике. Такие взгляды нашли выражение в сочинениях И. С. Пересветова. Описывая порядки, существовавшие, по его мнению, в Османской империи при султане Мехмеде II, он подчеркивал, что султан того, кто ему «верно служит, хотя он меншаго колена, и он его на величество подъимает и имя велико ему дает, и жалования много ему прибавливает». Возвышая таких людей, султан совсем не интересовался, «какова они отца дети»[457]. Конечно, взгляды Пересветова, вы-

---

[451] ПСРЛ. Т. 29. С. 115.

[452] Послания Ивана Грозного. С. 98.

[453] См. об этом подробнее: *Филюшкин А. И.* История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». С. 292—293, 323—324.

[454] Там же. С. 154—155.

[455] Там же. С. 155, 163—164.

[456] Послания Ивана Грозного. С. 41—42.

[457] *Пересветов И. С.* Сочинения. С. 158.

ехавшего в Россию литовского шляхтича, нельзя считать типичными для настроений широких кругов детей боярских, но кто-то читал и переписывал его сочинения и, следовательно, проявлял интерес к содержавшимся в них идеям. Свои сочинения Пересветов, как известно, постарался вручить и самому царю, и из их содержания Иван IV мог узнать о существовании подобных настроений.

Таким образом, у монарха были реальные возможности усилить свою власть. Для этого ему нужно было использовать противоречия между различными группировками знати и разными слоями формирующегося служилого сословия.

ОПРИЧНИНА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Опричнина и послеопричный период правления Ивана IV (1565—1584 гг.)

Накануне опричной грозы. На рубеже 1550—1560-х гг. происходит изменение политического курса. С конца 1550-х гг. сворачиваются реформы, проводимые правительством «Избранной рады». Царь Иван порывает со своими бывшими советниками А. Ф. Адашевым и Сильвестром. Главной причиной разрыва была неудовлетворенность царя результатами проводимой ими политики, которая не привела к реальному возвышению власти государя над подданными. После событий так называемого боярского мятежа 1553 г. первый русский царь стал все глубже осознавать несоответствие русской политической действительности идеалам неограниченной, богоустановленной, самодержавной царской власти. Венчание Ивана IV на царство не привело к изменению характера взаимоотношений монарха с правящей боярской элитой. Царь не мог по своему усмотрению карать неугодных ему лиц и вынужден был считаться с позицией Боярской думы, влияние которой в государстве в годы реформ середины XVI в. значительно возросло. Законодательство того времени (Судебник 1550 г.), в отличие от законодательства более позднего периода, не различало преступлений, направленных против государства, и преступлений, направленных против личности самого государя и его семьи. В середине XVI в. судебные преследования по политическим делам регламентировались нормами обычного права, традицией. Обычай предусматривал обязательное участие в суде бояр. Обвинение следовало предъявить публично. Важным фактором, сдерживавшим произвол монарха, являлось старинное право церковных властей «печалования» за опальных. Реформы Государева двора 1550-х гг. способствовали консолидации верхов дворянства вокруг трона на условиях обязательной службы государю. В то же время продолжали сохраняться земельные и служебные связи правящей дворовой элиты с уездным дворянством, что обеспечивало ее влияние в государстве.

Реформы середины XVI в. способствовали развитию органов местного сословного самоуправления. После отмены кормлений власть на местах на основной территории страны оказалась сосредоточенной в руках выборных от местных сословных групп губных и земских органов. Права самоуправления получили различные сословия — дворянство в лице губных органов, посадские люди и черносошные крестьяне в лице земских органов. Хотя деятельность губных и земских органов была подчинена контролю центральной власти, а земские миры вынуждены были «откупаться» от государства ценой усиления налогового гнета, сам факт перехода власти на местах к представителям сословий способствовал их консолидации, усилению активности, с чем не могла не считаться государственная

власть. Как полагал Н. Е. Носов, становление системы сословного представительства в перспективе могло привести к трансформации самодержавной монархии в сословно-представительную, при которой власть государя ограничивалась бы сословиями[1]. Но такой путь государственного развития не устраивал Ивана IV. Необходимость делить власть с боярами, считаться с интересами поднимавшихся сословий воспринималась им как ущемление власти самодержавного государя. Свои представления об идеальном для России государственном устройстве царь Иван весьма отчетливо выразил в своих посланиях князю Андрею Курбскому и иностранным государям, в которых проводится главная идея неограниченной, не зависимой ни от каких земных сил самодержавной власти. Свою власть «по Божию изволению» Иван IV противопоставлял власти европейских монархов, которые «царствами своими не владеют, како им повелят работные их (т. е. подданные. — *А. П.*), и тако и владеют». Только царь, поставленный на царство самим Богом, согласно этим представлениям, может пользоваться исключительным правом «добрых жаловать, а лихих казнить».

Весной 1560 г. Адашев был удален из Москвы и отправлен воеводой в Ливонию. Был вынужден покинуть Москву и принять постриг в Кирилло-Белозерском монастыре священник Сильвестр. С удалением Адашева и Сильвестра главенствующую роль при дворе вновь начинают играть родственники царицы Анастасии — бояре Захарьины, а также их сторонники. На авансцену выдвигаются и новые лица. Все более заметной фигурой при дворе становится Алексей Данилович Басманов-Плещеев, проявивший себя выдающимся военачальником. Позднее он станет одним из руководителей опричнины. Усиливаются тенденции к репрессивной политике. Толчком к началу проведения репрессий со стороны царя против своего окружения явилась смерть царицы Анастасии 6 августа 1560 г. В ее смерти были заподозрены противники Захарьиных Адашев и Сильвестр, негативно относившиеся и к самой царице. В конце 1560 г. был созван собор из представителей духовенства и бояр для суда над Адашевым и Сильвестром. Следует отметить одну важную черту собора — обвиняемые не присутствовали на его заседаниях. Заочное осуждение обвиняемых шло вразрез с традициями судопроизводства на Руси и явилось важной вехой в становлении новых принципов судопроизводства по политическим делам. Стали утверждаться новые понятия политического преступления как направленного прежде всего против самой личности государя и членов его семьи.

Царь Иван 21 августа 1561 г. вступил во второй брак. Его супругой стала дочь кабардинского князя Кученей, в крещении Мария Темрюковна. Чтобы обеспечить в случае своей смерти права своего наследника — семилетнего царевича Ивана, Иван IV распорядился образовать при нем опекунский совет, в составе которого решительно преобладали родственники прежней царицы — бояре Захарьины[2]. Их господство при дворе не могло не вызвать недовольства в широких кругах знати. Недовольство княжеской знати вызвал и принятый 15 января 1562 г. Приговор о княжеских вотчинах, который по сравнению с прежним Приговором 1551 г. значительно ограничивал права князей распоряжаться своими родовыми имениями и усиливал вмешательство государства в дела вотчинного землевладения[3].

---

[1] *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. С. 9—13.

[2] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 142—144.

[3] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. С. 32—33, 55—56.

В 1560-е гг. наблюдается рост оппозиционных настроений в княжеско-боярской среде. Летом 1561 г. у царя произошел какой-то конфликт с его родственником князем Василием Михайловичем Глинским. Правда, конфликт был вскоре улажен при посредничестве митрополита Макария. С князя было взято обязательство, что он не изменит впредь своему государю и не отъедет в Литву. В январе 1562 г. был арестован другой царский родственник, знатный боярин князь Иван Дмитриевич Бельский, уличенный в попытке бежать в Литву. По ходатайству митрополита и после составления двух поручных записей он был освобожден из-под стражи. В том же 1562 г. в опалу попали еще два знатных князя — Михаил и Александр Ивановичи Воротынские. Возможно, власти заподозрили братьев в намерении перейти на службу к королю со своим уделом, который располагался на границе между Русским государством и Литвой. Князь Михаил Воротынский со всей семьей был сослан на Белоозеро, заключен в тюрьму и пробыл в ссылке три с половиной года. Князя Александра Воротынского с семьей отправили в ссылку в Галич, а через полгода освободили, выдав на поруки боярам и дворянам. Осенью 1562 г. опала постигла одного из виднейших государственных деятелей середины XVI в., человека, близкого к Адашеву и Сильвестру, боярина князя Дмитрия Ивановича Курлятева. Во время пребывания на воеводстве в пограничном с Литвой Смоленске князь предпринял попытку уйти за рубеж, но был задержан[4]. Задержание Курлятева на границе дало властям удобный повод расправиться с неугодным боярином. Д. И. Курлятева насильно постригли в монахи и отправили в заточение в отдаленный монастырь в Каргопольском уезде, где, если верить сообщению Курбского, опальный князь-инок впоследствии был удавлен. Вместе с ним были пострижены его жена и дети. Гонения не только на самого обвиняемого, но и на членов его семьи явились нарушением тогдашних норм судопроизводства, еще одним показателем стремления царя Ивана и его окружения порвать с существующими традициями.

Одним из крупнейших политических процессов первой половины 1560-х гг. явилось «изменное дело» старицких князей. В условиях обострения внутриполитического кризиса царь серьезно опасался возможного объединения оппозиционных сил вокруг удельного князя. Поводом для наступления на старицких удельных князей послужил донос старицкого удельного дьяка Савлука Иванова, в котором сообщалось, что княгиня Евфросинья и ее сын, князь Владимир, готовят заговор против царя. Правительство серьезно отнеслось к доносу: для суда над подозреваемыми царь созвал Освященный церковный собор, и лишь по ходатайству митрополита Макария и церковных властей за князей Старицких царь их помиловал. Однако вскоре княгиня Евфросинья была вынуждена принять постриг в основанном ею Воскресенском Горицком монастыре на Белоозере. Сам князь Владимир Старицкий после кратковременной опалы был отпущен в свой удел, но при этом царь Иван произвел полную смену личного состава удельного двора, взяв к себе на службу бояр, дворян и приказных Владимира Старицкого и назначив на их место своих людей. Кроме того, царь вынудил князя Владимира «обменять» ряд удельных владений, взяв у него город Вышгород с уездом и несколько богатых дворцовых волостей в Можайском уезде и отдав ему взамен город Романов на Волге.

В конце 1563 г., 31 декабря, умер митрополит Макарий, пользовавшийся большим авторитетом и влиянием. Макарий был сторонником сильной самодержавной власти. В то же время он всячески стремился улаживать конфликты царя с его подданными,

[4] Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. С. 36.

используя свое традиционное право «печалования» перед государем за опальных. В феврале 1564 г. на митрополичий престол был возведен старец Чудова монастыря Афанасий, бывший до своего пострижения протопопом Благовещенского собора и являвшийся царским духовником. Новый митрополит не обладал, однако, влиянием своего предшественника и был не в силах остановить рост политического противостояния в стране. С 1564 г. происходит ужесточение репрессивной политики. В январе были казнены двое видных бояр из рода князей Оболенских — Юрий Иванович Кашин и Михаил Петрович Репнин. За оскорбление государевой чести и чести царского фаворита Федора Басманова поплатился головой еще один представитель рода князей Оболенских — Дмитрий Федорович Овчинин Оболенский. Осенью 1564 г. в Литву пытался бежать князь Петр Иванович Горенский-Оболенский, но был схвачен на границе, доставлен под конвоем в Москву и казнен. Вместе с ним были казнены его родственники князья Никита и Андрей Черные-Оболенские. В списке лиц, казненных в 1564 г., мы встречаем имя знатного князя из рода стародубских князей — боярина Дмитрия Ивановича Хилкова. В конце апреля 1564 г., видимо опасаясь царской опалы, в Литву бежал князь Андрей Михайлович Курбский-Ярославский. В своих посланиях царю из-за рубежа Курбский проявил себя приверженцем традиционных норм взаимоотношений монарха с подданными и противником нового политического курса Ивана IV и его окружения.

«Измена» Курбского была только одним из звеньев длинной цепи побегов за границу московских служилых людей. За рубеж бежали не только бояре и князья, но и представители дворян и приказных людей. Видным деятелем русской эмиграции в Литве был Тимофей Иванович Пухов Тетерин, выходец из можайских дворян, отец и дед которого служили в дьяках. Сам Тимофей дослужился до чина стрелецкого головы, но в начале 1560-х гг. за какую-то вину он подвергся опале, был насильно пострижен в монахи и сослан в далекий Антониево-Сийский монастырь. Около 1563 г. ему удалось бежать в Литву. Здесь монах-расстрига развернул активную антимосковскую деятельность. Измена Тетерина вызвала широкие преследования его родственников.

Глубокий конфликт Ивана IV со своим окружением грозил тяжелыми последствиями для страны, включившейся в затяжную Ливонскую войну. Утратив опору в лице значительной части представителей правящего слоя, царь Иван не мог управлять страной обычными методами, руководствуясь сложившимися правовыми нормами. Выход из политического кризиса был найден им в учреждении опричнины.

Введение опричнины. 3 декабря 1564 г. царь Иван с семьей и большой вооруженной свитой, забрав с собой свою казну, неожиданно для подданных выехал из Москвы и в конце концов обосновался в хорошо укрепленной Александровской слободе, расположенной в 100 км к северо-востоку от столицы. Царский гонец 3 января 1565 г. привез в Москву две грамоты. В первой царь обвинял бояр, дворян и приказных людей в уклонении от ратной службы, расхищении казны; гневался он и на духовенство, которое якобы покрывало недостойные дела служилых людей. В заключении этого послания он заявил о своем отказе от власти, так как не желает больше «терпеть многих измен». Во второй грамоте, направленной к простым жителям столицы, Иван объявлял, что никакого гнева на них (горожан) у него нет. Зачитанные перед народом царские послания вызвали в Москве широкие волнения. Напуганные выступлением горожан, вельможи были вынуждены обратиться к митрополиту Афанасию, чтобы тот упросил царя остаться на московском престоле. В Александровскую слободу двинулась делегация бояр и представителей духовенства с изъявлением покорности и просьбой к

царю вернуться в столицу. После проведенных переговоров царь дал согласие остаться на престоле, но при этом выговорил себе важное условие — по своему усмотрению вершить суд и расправу над «изменниками», т. е., по сути, над всеми неугодными лицами. Духовенство фактически лишалось своего традиционного права ходатайства за опальных, узаконивалась практика заочного осуждения обвиняемых и вообще внесудебных форм расправы над лицами, подозреваемыми в изменах, и членами их семей. В указе об опричнине Иван IV заранее оговорил невозможность индивидуального и коллективного заступничества за жертв и неотвратимость конфискаций их вотчин: «А которые бояре и воеводы и приказные люди дошли до государьские великие измены, до смертные казни, а иные дошли до опалы, и тех животы и статки взяти государю на себя; архиепископы же и епископы, и архимандриты, и игумены, и весь освященный собор, да и бояре и приказные люди, то все положили на государьской воле»[5]. Для обеспечения чрезвычайных полномочий в стране царь объявил о своем решении учредить особый политический режим — опричнину. Введение опричнины, по существу, означало политический переворот.

Опричнина явилась одним из наиболее драматичных периодов русской истории. Невиданный прежде на Руси размах опричных репрессий поразил воображение как современников, так и последующих историков. По этому поводу В. О. Ключевский остроумно заметил: «Учреждение это (т. е. опричнина) всегда казалось странным как тем, кто страдал от него, так и тем, кто его исследовал»[6]. В исторической литературе до сих пор нет единого мнения о политическом смысле и результатах опричной политики. Со времен С. М. Соловьева в российской историографии надолго утвердился взгляд на опричнину как на борьбу «государственных» и «антигосударственных» тенденций. Носителями последней тенденции выступали удельные князья и крупные бояре, преимущественно княжеского происхождения. Концепция опричнины как борьбы государственной власти против могущественной княжеско-боярской знати представлена в работах С. Ф. Платонова, а ее важнейшим результатом историк считал разгром родового княжеско-боярского землевладения, являвшегося основой политического могущества русской аристократии[7]. Взгляд на опричнину как на борьбу центральной самодержавной власти, опиравшейся на «прогрессивное» дворянство, против «реакционного» боярства был в целом характерен для советской историографии 1930—1950-х гг.[8], но не был принят С. Б. Веселовским, а в 1960-х гг. стал подвергаться критике и другими историками[9]. В концепции Веселовского террор не объяснялся социальными сверхзадачами; было показано, что он ударил по всем социальным стратам, а сама опричнина трактовалась как архаичный институт, копировавший уделы князей и другие государственные институты земщины[10].

В трудах В. Б. Кобрина были решительно оспорены представления о боярстве, в том числе княжеско-боярской знати, как о слое могущественной земельной аристократии, способной экономически и поли-

---

[5] ПСРЛ. Т. 13. М., 1965. С. 393.

[6] *Ключевский В. О.* Боярская дума Древней Руси. С. 327.

[7] *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. 5-е изд. М., 1995. С. 81—124.

[8] См., например: *Бахрушин С. В.* Иван Грозный // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 2. С. 256—329; *Смирнов И. И.* Иван Грозный.

[9] *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 340—341; *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. С. 386—420.

[10] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 96—237.

тически противостоять централизованной монархической власти[11]. В противовес концепции об антибоярской направленности опричнины А. А. Зимин высказал мнение о том, что опричнина своим острием была нацелена против таких «форпостов» феодальной раздробленности, как остатки уделов и новгородских «вольностей», а также против независимости и экономического могущества церкви[12]. Данная точка зрения встретила справедливые возражения со стороны Р. Г. Скрынникова, который показал, что наиболее тяжелый удар опричнина нанесла крупным вотчинам и особенно княжескому землевладению[13]. Итак, мы не видим ни в княжеско-боярской знати, ни в остатках уделов, ни в церкви, ни в мятежном Новгороде тех мощных антицентрализаторских сил, против которых Иван IV должен был с неизбежностью вести борьбу во имя централизации государства. Вопреки традиционному мнению, борьба велась не столько за или против централизации страны, сколько по вопросу о различных путях и методах самой централизации. Утверждавшееся на Руси самодержавие с его претензиями на безраздельную власть в государстве неизбежно должно было вступить в столкновение со всеми силами, которые могли реально и потенциально ее ограничить. Учреждая опричнину, царь Иван IV стремился избавиться от традиционной опеки со стороны Боярской думы и высшего духовенства. Но корни опричного конфликта лежали глубже. Иван IV видел опасность возможного ограничения самодержавия со стороны не только элиты, но и более широких слоев общества, получивших в результате реформ середины XVI в. широкие права сословного самоуправления. По большому счету опричнина явилась своеобразной реакцией царя на развитие сословно-представительных тенденций и представляла собой попытку путем введения чрезвычайного положения пресечь возможные политические притязания формировавшихся сословий и направить весь сословный организм на путь единого государственного служения.

Указ об опричнине. По возвращении царя в Москву в начале февраля 1565 г. был обнародован указ об опричнине. Подлинный текст указа не сохранился, однако его содержание подробно и обстоятельно передано в официальной летописи[14]. Согласно указу, территория страны подлежала разделению на две части — опричнину, своеобразный «государев удел», и земщину, остальную часть страны.

Для обеспечения хозяйственных потребностей опричнины в состав ее территории были включены богатые города и уезды: Двина, Каргополь, Вага, Великий Устюг, Вологда, Галич с пригородами, Юрьевец-Поволжский, Балахна, Старая Русса, ряд дворцовых волостей в Подмосковье и других уездах. Указ об опричнине 1565 г. предусматривал выделение особых территорий, на которых должны были располагаться земельные владения царских слуг-опричников. Преимущественно это были уезды, занимавшие важное стратегическое положение на западных и юго-западных подступах к столице, близкие к границе (Можайский, Вяземский, Козельский, Белевский, Малоярославецкий, Лихвинский, Перемышльский (два жеребья), Вышгородский, Медынский). В этих уездах, с одной стороны, господствовала поместная форма землевладения, а помещиками являлись лица, перемещенные сюда в недавнем прошлом из самых различных районов государства. Не имея прочных, традиционных

[11] *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). С. 48—89.
[12] *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 212—305.
[13] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 508—518.
[14] ПСРЛ. Т. 13. С. 394—395.

корпоративных связей, дворяне-помещики этих уездов находились в зависимости от государственной власти, и не случайно именно на них правительство Ивана IV обратило внимание в первую очередь при формировании отряда опричников. С другой стороны, Белевский, Лихвинский и частично Перемышльский уезды входили прежде в состав удельных владений князей Воротынских и Одоевских и были у них конфискованы незадолго до опричнины. Из центральных районов страны, где традиционно существовало развитое вотчинное землевладение, в состав первоначальной территории опричнины был включен лишь Суздальский уезд с Шуей — родовое гнездо князей Шуйских и других потомков Суздальско-Нижегородского княжеского дома. В опричнину была включена часть территории самой Москвы (районы Арбата, Знаменки, Воздвиженки, Чертольской улицы), где разрешалось селиться лишь опричникам, земские же дворяне выводились со своих дворов. Центром опричнины, ее своеобразной столицей, стала Александровская слобода, которая позднее (к началу 1568 г.) приобрела статус города («града»)[15].

Вся остальная территория страны (земщина) передавалась под управление земской Боярской думы. Однако свобода земских бояр в делах управления была ограниченной. Указ об опричнине предписывал боярам докладывать о всех важнейших делах, как военных, так и гражданских, лично государю. На содержание опричнины царь наложил на земщину налог (своего рода контрибуцию) в 100 тыс. руб. — огромную по тем временам сумму. Кроме того, в опричную казну должны были переходить земли и имущество, конфискованные у казненных или попавших в опалу «государевых изменников».

Для охраны личности государя и борьбы с «изменой» создавался особый корпус опричников, который представлял собой личную гвардию царя. Первоначально, согласно указу об опричнине, намечалось набрать в него тысячу дворян. В опричнину, согласно показаниям современников-иностранцев, принимали лишь тех, кто не имел родственных и дружеских связей с земскими людьми; опричник давал особую клятву, что и впредь не будет вступать ни в какие связи с земщиной[16]. Учредители опричнины действительно всеми способами старались подчеркнуть ее «особность» от земщины. Согласно предписаниям царского указа, в уездах, вошедших в состав опричной территории, должны были оставаться только те дворяне, которые принимались в отряд опричников. Все же прочие — земские дворяне (а их было большинство) обязаны были в короткий срок оставить свои поместья и вотчины и переселиться в земщину. Их владения шли в раздачу опричникам. Эти меры были призваны обеспечить службу опричников «с одного», т. е. раздельно от земских. Опричники должны были отличаться от земских даже по внешнему виду. Для них вводились особые знаки отличия — собачья голова и метла, которые символизировали их готовность по приказу царя выводить из страны всякую измену.

Опричное окружение Ивана IV. Традиционно в литературе считалось, что царь Иван набирал в опричнину людей, как правило, худородных. Данное представление было оспорено в работах Л. М. Сухоти-

[15] *Рыков Ю. Д.* Еще раз к вопросу о городском статусе Александровской слободы в эпоху Ивана Грозного // Государство и общество в России XV — начала XIX века: Сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 122—158.

[16] Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе / Пер. М. Рогинского // Русский исторический журнал. Пг., 1922. Кн. 8. С. 35—36; *Штаден Г.* Записки о Московии. Т. 1. С. 95.

на, С. Б. Веселовского и В. Б. Кобрина[17]. С. Б. Веселовский отметил, что опричный двор комплектовался из состава старого (доопричного) двора[18]. Автор специального исследования о составе Опричного двора В. В. Кобрин пришел к выводу: хотя Опричный двор был несколько «худороднее» по сравнению с Земским двором, «разницу между опричниной и земщиной нельзя преувеличивать, она не была настолько велика, чтобы мы были вправе их резко противопоставлять друг другу»[19]. В состав опричников входили представители весьма знатных княжеско-боярских родов, такие как князья Одоевские, Трубецкие, Шуйские. Правда, основная часть представителей первостепенной княжеской знати служила в земщине[20].

Образ опричника обычно ассоциируется с именем Малюты Скуратова (полное имя — Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский)[21]. Однако Малюта выдвинулся в число руководителей опричнины лишь на позднем этапе существования этого учреждения. В первые годы у руля управления опричниной стояли Алексей Данилович (отец) и Федор Алексеевич (сын) Басмановы-Плещеевы, их сородич Захарий Иванович Очин-Плещеев, князь (не слишком знатный) Афанасий Иванович Вяземский и некоторые другие лица. Формально опричную думу возглавлял выходец из Кабарды князь Михаил Темрюкович Черкасский, родной брат второй жены Ивана IV Марии Темрюковны. В Москве ходили слухи, которые воспроизвел в своих записках один из иностранных наблюдателей, что именно Мария Темрюковна подала царю совет об учреждении привилегированной опричной стражи[22]. Согласно показанию Пискаревского летописца, опричнина была учреждена «по злых людей совету: Василия Михайловича Юрьева да Олексия Басманова», но достоверных подтверждений этих показаний нет[23]. Как предполагаемые инициаторы, так и жертвы опричнины были связаны тесными родственными и свойственными узами. Князь М. Т. Черкасский и его зять В. М. Юрьев являлись близкими родственниками первой и второй жен Ивана IV. В родстве (свойстве) с Захарьиными-Юрьевыми находились Басмановы, а также видный опричный боярин князь Василий Андреевич Сицкий. В земщине остался близкий свойственник царя и обладатель чина дворецкого Никита Романович Юрьев, которому среди прочих лиц была объявлена опала в отреченной грамоте. Захарьины были тесно связаны родством с представителями земской знати: Н. Р. Юрьев был женат на дочери боярина князя Александра Борисовича Горбатого-Суздальского, а В. М. Юрьев был женат на сестре князя Ивана Дмитриевича Бельского, «первого» боярина в земщине; прямых сведений о нахождении В. М. Юрьева в опричнине мы не имеем, среди опричников упоминается лишь его сын Протасий.

На рубеже 1560—1570-х гг. в обстановке ужесточения опричных репрессий

[17] *Сухотин Л. М.* Список опричников Грозного // Новик. Вып. 3. Нью-Йорк, 1940; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 143—144, 200—237; *Кобрин В. Б.* Состав опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 16—91.

[18] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 143. К такому же выводу пришел А. Л. Корзинин (*Корзинин А. Л.* О персональном составе опричного двора Ивана Грозного // Исторический формат: Международный исторический журнал. 2016. № 4. С. 9—34).

[19] *Кобрин В. Б.* Опричнина: Генеалогия. Антропонимика. С. 131—132.

[20] О составе земского двора см.: *Корзинин А. Л.* Земский двор в 1565—1572 гг. // Сборник статей в честь В. К. Зиборова СПб., 2017. С. 152—175. (Опыты по источниковедению; Вып. 5).

[21] *Володихин Д. М.* Малюта Скуратов. М., 2012; *Башнин Н. В., Корзинин А. Л.* Новые данные к биографии опричника Малюты Скуратова // Российская история. 2017. № 2. С. 172—188.

[22] *Штаден Г.* Записки о Московии. Т. 1. С. 93—95.

[23] ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 190.

и растущего недовольства в разных слоях общества опричными порядками происходит смена руководства опричниной. Царь Иван утрачивает доверие к своему прежнему окружению. В ходе расследования о новгородской «измене» 1570 г. в сношениях с новгородцами наряду с представителями высшей московской бюрократии из земщины (казначеем Н. А. Фуниковым и печатником И. М. Висковатым) были обвинены видные опричники — Алексей Басманов с сыном Федором, князь Афанасий Вяземский и Семен Васильевич Яковля (из рода Захарьиных)[24]. Это дало повод царю расправиться со своими бывшими фаворитами.

В конце 1560-х — начале 1570-х гг. на первый план в руководстве опричниной выдвигаются люди новые и худородные. В отличие от прежних руководителей Опричного двора, они, будучи выходцами из рядов провинциального дворянства, не имели прочных связей с земской знатью. Иван IV рассчитывал найти в них более надежную опору в борьбе с «крамолой», в подавлении растущей оппозиции опричному режиму. Самыми яркими представителями этой новой группировки были Малюта Скуратов Бельский и Василий Григорьевич Грязной, доказавшие царю свою преданность многочисленными убийствами государевых «изменников» (расправой над князьями Старицкими, новгородскими «изменниками»). Этот круг людей фактически встал у руля управления опричниной на последнем этапе ее существования, а затем и в послеопричный период.

Учреждая опричнину в 1565 г., царь Иван, очевидно, не ставил своей задачей полностью обособить ее от земщины. По-видимому, не сразу была сформирована особая опричная Боярская дума. Характерно, что до лета 1566 г. бесспорным опричным боярином значится в источниках только один А. Д. Басманов, и лишь через полтора года существования опричнины боярами стали еще двое опричников — З. И. Очин-Плещеев и Ф. И. Умной-Колычев. По справедливому мнению С. Б. Веселовского, эти бояре одновременно являлись и членами общегосударственной (земской) Боярской думы[25]. Сравнительно поздно (с конца 1560-х гг.) в разрядных книгах появляются отдельные росписи опричных стольников и других дворовых чинов. По словам В. О. Ключевского, «в опричнине учреждалась высшая полиция по делам государственной измены: назначенный по уставу учреждения отряд в тысячу человек становился корпусом дозорщиков внутренней крамолы и охранителей безопасности царя и царства, а сам царь <...> становился верховным шефом этого корпуса»[26]. Опричнина на первых порах не представляла собой отдельного, полностью изолированного от земщины государственного образования, «государства в государстве», а была своего рода надстройкой над традиционно сложившимся государственным организмом. Главным предназначением этой политической надстройки являлось оказание давления на деятельность старых институтов власти в нужном для царя русле.

Репрессивная политика опричнины. Ключевой проблемой в изучении репрессий периода опричнины являются логика, масштаб, продолжительность карательных акций верховной власти и степень их отражения в источниках. Репрессии начались до введения опричнины, продолжались вплоть до начала 1580-х гг. и воплощались в разнообразных формах — ссылки, насильственного пострижения опального в монашество

[24] Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. С. 257—258; Новое известие о России времени Ивана Грозного: «Сказание» Альберта Шлихтинга / Пер. А. И. Малеина. Л., 1934. С. 32.

[25] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 141.

[26] *Ключевский В. О.* Боярская дума Древней Руси. С. 330.

(иногда вместе с другими членами семьи), смертной казни. Важной проблемой является достоверность данных о датах и масштабах репрессий, поскольку нарративные источники (записки иностранцев и А. М. Курбского) составлялись не только на основании показаний очевидцев, но и слухов, и значительное количество дат гибели жертв опричнины, содержащееся в их текстах, гадательно. Более надежную основу для умозаключений предоставляет Синодик опальных Ивана IV, первоначальный текст которого был реконструирован С. Б. Веселовским и Р. Г. Скрынниковым. Жертвы террора в Синодике частично названы по именам, но большей частью определена лишь численность казненных одновременно в конкретном месте. Объединяя жертвы репрессий в большие группы, исследователи смогли реконструировать «заговоры». Так, А. А. Зимин и Р. Г. Скрынников были склонны датировать гибель многих высокопоставленных членов двора 1568—1569 гг., временем расправы с И. П. Федоровым и удельным князем Владимиром Старицким, что наводило на мысль об их участии в заговорах в пользу влиятельных оппонентов царя[27].

Масштабы и характер террора изменялись по мере того, как нарастали трудности в системе военно-административного управления, ужесточалось идейно-политическое противостояние с противниками опричнины, возникали опасения царя за судьбу династии. В основе выдвигавшихся против жертв опричнины обвинений были подозрения в государственной измене (действиях в интересах враждебных государств, попытках лишить власти государя), коррупции, не совместимом со священническим служением стяжательстве. Передача опальных под суд практиковалась в тех случаях, когда в опале оказывалось исключительное по своему статусу лицо, как, например, обвинявшийся в измене глава земской думы князь Мстиславский. За него поручились 288 князей, бояр, детей боярских из земщины, и, невзирая на тяжесть обвинений, Мстиславский был оставлен на свободе, ему было возвращено Юхотское удельное княжество[28]. Несмотря на бездоказательный характер обвинений, руководство опричнины пыталось придать им видимость законности, поэтому методы карательной политики включали в себя как следствие и суд по официальным обвинениям в измене или коррупции, так и внесудебные расправы.

Свидетельства обвиняемых, как показывает заголовок следственного дела 1570 г. «про измену» новгородского архиепископа Пимена и протокол допроса возвратившихся из Крыма, выбивались под пыткой с применением огня[29]. Как предположил С. Б. Веселовский, в ходе внесудебных расправ руководители карательных отрядов опричников получали на руки наказы с перечнем лиц, подлежащих казни, и составляли «донесения об исполнении возложенных на них поручений». С трудом поддаются логической интерпретации и карательные практики опричнины. Веселовский реконструировал идейное оформление репрессивных практик, в основе которых лежали средневековые представления о Страшном суде и участи душ «собак-изменников», недостойных христианской смерти и погребения. Он показал, что конфискация недвижимого и разграбление движимого имущества (включая убийство холопов) преследовали своей целью лишение опального и его родственников средств поминания души. В современной историографии были развиты идеи С. Б. Веселовского о Страшном суде

[27] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 319—320; *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 196—283.

[28] *Антонов А. В.* Поручные записи 1527—1571 гг. С. 64—79.

[29] Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. Ч. 2. С. 436—437; *Богоявленский С. К.* Допрос царем Иоанном Грозным русских пленников, вышедших из Крыма // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 26—33.

и предложена концепция, согласно которой царь действовал в соответствии с библейскими образцами, уничтожая «скверное» имущество, либо принадлежавшее особо опасному преступнику, либо приобретенное предосудительным образом[30]. В основном опале и казни подвергались близкие и дальние родственники обвиняемых, но иногда опала носила персональный характер, как в случае с П. А. и А. П. Куракиными.

С другой стороны, вопиющие нарушения законности, зафиксированные в записках Г. Штадена («Судите праведно, наши виноваты не были бы»)[31], не отразились в законодательных актах. Белозерский губной наказ 1571 г. вводил процедуру совместного расследования земскими и опричными губными старостами уголовных дел: «А изымут в татьбах и в розбоех в опришнине земских, и губным старостам с теми людми, кого изымут из опришнины, ехати в земские к губным старостам да судити в земском и всякими сыски сыскивати накрепко ж и управа чинити безволокитно»[32].

Дискуссии в историографии вызвала одна из первых акций опричного правительства — «ссылка» в Казанский край в 1566 г. нескольких сотен служилых людей, в том числе многочисленных ярославских, ростовских и стародубских княжат[33]. Анализ данных источников показывает, что временное поселение служилых людей в Казанском крае сопровождалось конфискацией их родовых вотчин и разорением их родов. «Ссылка» продлилась не более года, завершившись амнистией в апреле 1566 г. и возвращением вотчин служилым людям, которые продолжали ими распоряжаться. Судя по тому, что одновременно был возвращен из ссылки князь М. И. Воротынский, получивший родовое удельное Новосильское княжество, возвращенные из ссылки княжата могли быть восстановлены в своих владельческих правах. Относительная мягкость репрессивных акций 1565—1566 гг. демонстрирует намерение царя не вступать в конфликт с правящей элитой; судя по всему, целью этих акций было стремление разрушить корпоративное единство княжат, ибо принцип корпоративности вступал в противоречие с идеологией самодержавия.

Дальнейшее обострение отношений царя с подданными относится к лету 1566 г., когда после завершения Земского собора группа бояр и дворян в числе от 200 до 300 передала Ивану IV челобитную с просьбой отменить опричнину. П. А. Садиков, А. А. Зимин и Р. Г. Скрынников полагали, что челобитчики были участниками Земского собора[34]. Важным представляется другое обстоятельство: в земской фронде не приняли участия 75 московских гостей и купцов, присутствовавших на соборе 1566 г. Просьба об отмене опричнины исходила исключительно от служилой аристократии, и последовавшие репрессии против диссидентов не затронули торгово-промышленное население столицы, за исключением постригшегося в монастырь гостя А. Ивашова. Непосредственно после подачи челобитья об отмене опричнины были казнены трое служилых людей не самого высокого ранга, однако впоследствии, на протяжении 1567—1568 гг., были казнены более двадцати участников собора из числа

[30] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 333, 335, 343—344; *Булычев А. А.* Между святыми и демонами: Заметки о посмертной судьбе опальных Ивана Грозного. М., 2005. С. 43—160.

[31] *Штаден Г.* Записки о Московии. Т. 1. С. 97.

[32] Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. С. 78.

[33] В отличие от С. Б. Веселовского и Р. Г. Скрынникова, В. Б. Кобрин отказывался видеть в массовом назначении на службу и испомещении в Казанском крае служилых людей «ссылку» как акт репрессивной политики. См.: *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). С. 152—155.

[34] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 29; *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 203; *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. С. 294.

представителей Государева двора и приказных людей, казнь которых Р. Г. Скрынников связывал с их участием в действиях «земской фронды».

К очередному витку репрессий привело расследование так называемого дела И. П. Федорова, которое возникло после обнаружения в России посланий польского короля и Литовской рады в 1567 г. Королевские «листы» были направлены И. П. Федорову, М. И. Воротынскому и ряду других представителей элиты, хорошо известных в Великом княжестве Литовском в качестве влиятельных руководителей земщины. Несмотря на то что королевский лазутчик был выдан опричникам самим И. П. Федоровым, его репутация и привходящие обстоятельства подорвали к нему царское доверие. После разгрома подчиненного Федорову отряда князя П. Серебряного под крепостью Копие и отмены похода русской армии осенью 1567 г. подозрения царя в боярской измене и желании передать власть князю Владимиру Старицкому воплотились в расследование «заговора» в рядах правящей элиты. В Синодике опальных одна из немногих точно датированных записей обозначает завершение казней по «делу И. П. Федорова» 6 июля 1568 г. — к этому дню было «отделано 369 человек». Среди пострадавших по этому «делу» лиц числятся многочисленные холопы-послужильцы, помещики уездов, где находились вотчины боярина Федорова, а также связанные с ним слуги иерархов церкви[35]. Гибель самого конюшего была отложена на два месяца, и ей предшествовала полная конфискация его вотчин.

Сентябрь 1568 г. ознаменовался казнью не менее чем четырех думцев: бояр И. П. Федорова-Челяднина и А. И. Катырева-Ростовского, окольничих М. И. Колычева и М. М. Лыкова. Обескровленная Боярская дума не посмела препятствовать осуждению митрополита Филиппа (Колычева), которое состоялось в конце октября — начале ноября 1568 г. Длительный конфликт царя с митрополитом Филиппом был предопределен бескомпромиссной позицией святителя по отношению к опричнине. Низложению митрополита была придана видимость законности: на протяжении нескольких месяцев в Соловецком монастыре вела следствие комиссия, в составе которой были боярин В. И. Темкин, дьяк Д. М. Пивов, епископ Пафнутий и ряд других церковных иерархов. Получив в свое распоряжение лжесвидетельства «порочной жизни» Филиппа в бытность его игуменом Соловецкого монастыря, Дума и Освященный собор не вняли объяснениям митрополита; Филипп заявил о добровольном сложении с себя сана после службы в Успенском соборе в день св. Михаила 8 ноября. Низложение митрополита было осуществлено опричниками А. Д. Басмановым и М. Скуратовым, а сам опальный святитель был отправлен в «вечное заточение» в тверской Отроч монастырь.

Важность и острота взаимоотношений Ивана IV с удельным князем Владимиром Андреевичем в 1560-х гг. хорошо видны из того, что только в текст поручных записей 1562—1566 гг. включалась клаузула о неотъезде князя Старицкого «в уделы»[36]. Иван IV и его окружение имели основание полагать, что по мере развертывания опричных репрессий имя Владимира Старицкого может стать знаменем для всех заинтересованных в возможной смене монарха и привести к династической смуте. Вне зависимости от реальности такой угрозы удельный князь и его семья автоматически становились потенциальной мишенью для опричников. Одновременно с семьей удельного князя казни подвергся новгородский подьячий Антон Свиязев, показания допросов которого, пересланные из Новгорода, ускорили

[35] *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. С. 531.

[36] *Антонов А. В.* Поручные записи 1527—1571 годов. С. 15, 18, 22, 25, 30, 33, 38, 43, 50, 54, 56—57, 60.

расправу над семьей Владимира Андреевича и стали отправной точкой «новгородского изменного дела»[37]. А 9—11 октября 1569 г. была осуществлена казнь самого удельного князя, его жены, матери и детей от второго брака, причем его дети от первого брака были оставлены в живых.

Крупнейшей карательной акцией опричнины стал грандиозный поход на Тверь, Новгород и Псков, результатом которого стала гибель тысяч подданных разного статуса. Причины этого похода изложены в дипломатической переписке Посольского приказа, где репрессии в Новгороде поставлены в связь с тем, что новгородцы «з государьскими изменники лазучьством ссылались»[38]. В историографии существует мнение об «абсурдном характере» обвинений в адрес новгородцев, которые содержали «взаимоисключающие моменты»: одновременную передачу трона князю Старицкому, а Новгорода и Пскова — под власть польской короны[39]. По всей видимости, новгородцев обвиняли в намерении расчленить Русское государство, передав трон великого княжения Московского Владимиру Андреевичу без Новгорода и Пскова. Таким образом, становится понятным масштаб репрессий против семьи удельного князя и во время карательного похода 1569—1570 гг.: болезненно мнительный царь интерпретировал полученные на пытках показания как разветвленный заговор. Как обоснованно предположил Р. Г. Скрынников, важнейшие обличающие новгородцев показания были получены от беглых пушкарей и главы Пушкарского приказа боярина В. Д. Данилова, который вместе с земским дьяком Ю. Сидоровым впоследствии был доставлен для вынесения обвинения и казни в Новгород. В Синодике опальных в поименных перечнях казненных новгородцев абсолютно преобладают служилые люди, помещики и приказные (348 из 379 человек)[40]. Но среди 2170—2180 человек, погибших во время карательной экспедиции в Новгороде, численно, конечно, преобладали посадские люди, в числе которых были новгородские гости Ф. Сырков и А. Тараканов. Помимо наказания ненадежных, с точки зрения царя, местных дворян и приказной администрации поход преследовал еще одну цель: пополнение опричной казны путем насильственных конфискаций сокровищ у монастырей и верхушки посада.

Пиком массовых расправ в Москве стали публичные казни на торговой площади Китай-города 25 июля 1570 г.[41] За пять дней до начала казней были без суда убиты на своих дворах князь П. С. Серебряный-Оболенский и дьяк К. С. Мясоед Вислого. Как обоснованно предположил Р. Г. Скрынников, казни 25 июля были инициированы влиятельными представителями приказной бюрократии — братьями Щелкаловыми. В борьбе за высшие посты и земельные владения А. Я. Щелкалов летом—осенью 1570 г. сосредоточил в своих руках управление Разрядным приказом, приказом Казанского дворца и Посольским приказом, где служил также его брат Василий, получивший титул «введенного дьяка»[42]. К смертной казни были приговорены опытные приказные дельцы, десятилетиями

[37] Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. Ч. 1. С. 98.

[38] Сборник РИО. Т. 71. С. 777.

[39] *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. С. 369.

[40] Там же. С. 366—369.

[41] См.: *Рыков Ю. Д.* Торговая площадь за стенами Кремля или «Поганая лужа»? К вопросу о месте совершения массовых казней «государевых изменников» в Москве 25 июля 1570 г. // Эпоха Ивана Грозного и ее отражение в историографии, письменности, искусстве и архитектуре: Сборник материалов Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, 16—17 октября 2017 года, г. Александров. Т. 2. Владимир, 2018.

[42] АИ. Т. 1. № 180. С. 341—343.

руководившие внешней и внутренней политикой страны: печатник И. М. Висковатый, главный казначей Н. А. Фуников, глава Поместного приказа В. Степанов, глава приказа Большой казны И. Булгаков, глава Разбойного приказа Г. Шапкин. Вместе с руководителями приказного аппарата расправа постигла новгородских дьяков и помещиков, арестованных и, видимо, до поры до времени не признававших своей вины, а также их семьи[43].

Одновременно была осуществлена замена руководства опричниной, во главе которой встали М. Скуратов и В. Грязной. Сокрушительное поражение от войск Крымского ханства летом 1571 г. вызвало последнюю волну репрессий, направленных против опричного руководства. В начале 1570-х гг. в царской опале, часто в тюрьмах вдалеке от Москвы, погибли видные опричники А. Д. и Ф. А. Басмановы, князь А. И. Вяземский, З. И. Очин-Плещеев, князь М. Т. Черкасский, боярин и дворецкий Л. А. Салтыков, боярин князь В. И. Темкин-Ростовский, думные дворяне И. Ф. Воронцов и П. В. Зайцев, кравчий Ф. И. Салтыков, боярин С. В. Яковлев-Захарьин с сыном Никитой, боярин В. П. Яковлев-Захарьин и его брат боярин И. П. Хирон Яковлев. Суровой расправе подверглось потомство одного из инициаторов опричнины В. М. Юрьева — царь велел убить его дочь и внука, не позволив при этом хоронить их тела по христианскому обычаю.

В историографии преобладает представление о репрессиях, осуществлявшихся только лишь участниками опричного корпуса. Однако действительность была намного сложнее; рядовые жители опричных волостей, пользуясь безнаказанностью, сами грабили и разоряли соседние земские волости, как это было во время «правежа» Б. Ф. Леонтьева в 1568 г. Даже крестьяне опричных волостей были не прочь воспользоваться своим привилегированным положением для решения насущных проблем. В отписном и отдаточном акте поместья Нелединского в Водской пятине от 26 января 1571 г. зафиксирован случай, когда крестьяне опричной Пироской волости «с иными со многими людьми» отбили у дворцового подьячего вышедших ранее «без отказу» крестьян, которых они возвращали на их старые «жеребьи». Не менее трех семей были вывезены в опричную волость с пожитками, «без отказу» и «сильно»[44].

Трансформация опричного режима в дворовый не привела к прекращению репрессий. По всей видимости, в начале лета 1573 г. были казнены арестованные прямо в ходе военной кампании против крымских татар Н. Р. Одоевский и М. Морозов; прославившийся в сражении при Молодях М. И. Воротынский был подвергнут пытке и скончался в ссылке на Белоозере. Внутри двора шла непрерывная местническая борьба, проигрывавшие далее попадали в опалу и пополняли списки казненных. Один из последних витков репрессий приходится на конец лета — осень 1575 г., когда расправе подверглись руководители дворового правительства. Проигравшие местнические споры с Годуновым В. И. Умной и Б. Д. Тулупов были казнены не позднее августа 1575 г. по стандартным обвинениям в «измене». В едином поминальном списке Синодика с этими лицами упомянуты родственники Тулупова, опрично-дворовые администраторы Старого, Мансуровы, Сунбуловы. Позднее были казнены боярин князь П. А. Куракин, окольничие И. А. Бутурлин, Н. В. Борисов-Бороздин, дьяки С. Мишурин и Д. Володимеров[45].

В целом репрессии значительно снизили эффективность работы опричной системы управления, поскольку бессудные рас-

[43] *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. С. 541—542.

[44] *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал: Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. Т. 2. Ч. 2. М., 1905. С. 55.

[45] *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. С. 544.

правы и казни парализовали административную деятельность дьяков.

Рост территории опричнины. После 1565 г., по мере нарастания конфликта царя с земщиной, для укрепления военного и экономического потенциала «государева удела» происходит расширение территории опричнины, зачисление в ее состав новых уездов.

В феврале—марте 1567 г. в состав опричнины был включен крупный Костромской уезд[46]. Вхождение Костромы в опричнину не было случайным и, вероятно, было связано с выступлением в 1566 г. группы дворян (в том числе костромских во главе с князем В. Ф. Рыбиным-Пронским) за отмену опричнины. После состоявшейся в начале 1566 г. «мены» землями между царем Иваном и удельным князем Владимиром Старицким в состав опричнины вошел Старицкий уезд[47]. Около 1567 г. в опричнину была включена часть земель Боровского уезда, не вошедшая после «мены» землями 1566 г. в состав удельных владений князя Владимира Старицкого[48]. Спорным остается вопрос о вхождении в состав опричнины Переславского уезда. Мнение о его переходе в опричнину в 1560-х гг. высказывали П. А. Садиков и С. Б. Веселовский[49]. О зачислении Переславля в опричнину в числе других городов сообщают современники-иностранцы И. Таубе и Э. Крузе[50]. Однако прямыми и надежными сведениями о земельных переселениях в связи с нахождением уезда в составе опричнины в актовом материале мы не располагаем. Это дало основание А. А. Зимину усомниться в факте включения Переславля в опричнину[51]. Р. Г. Скрынников склоняется к мнению о нахождении Переславского уезда в составе опричнины, хотя и не считает этот вопрос окончательно решенным[52]. В состав опричниной территории вошли земли в Белозерском и Пошехонском уездах, а также часть Ржевского уезда[53]. В начале 1569 г. в состав опричнины были включены Ярославский и соседний Ростовский уезды[54]. В 1571 г.,

---

[46] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 161—164, 189; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 167—168; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 302; А. А. Зимин допускает вхождение Костромского уезда в состав опричнины, но полагает, что данный вопрос нуждается в дополнительном исследовании (*Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 321—328).

[47] Согласно С. Б. Веселовскому и П. А. Садикову, переход Старицы в состав опричнины произошел около 1566 г., вскоре после обмена землями между царем Иваном и Владимиром Старицким (*Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 167—168; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 164—167). А. А. Зимин считает, что вхождение Старицы в опричнину состоялось позже, не ранее мая 1569 г. (*Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 335—339). Мнение А. А. Зимина было оспорено Р. Г. Скрынниковым, относившим включение Старицы в опричнину ко времени не позднее осени 1567 г. (*Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 302—303).

[48] *Садиков. П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 169—170; *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 210.

[49] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 166—167; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 172.

[50] Послание И. Таубе и Э. Крузе. С. 36.

[51] *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 329—330.

[52] *Скрынников. Р. Г.* Царство террора. С. 350—351.

[53] Послание И. Таубе и Э. Крузе. С. 36; *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 164—166, 168—169, 174—175; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 17; *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 308, 329, 334—335; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 351; *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 210; *Павлов А. П.* Земельные переселения в годы опричнины: (К вопросу о практической реализации указа об опричнине 1565 г.) // История СССР. 1990. № 5. С. 96.

[54] *Анхимюк Ю. В.* Записи летописного характера в рукописном сборнике Кирилло-Белозерского монастыря — новый источник по истории опричнины // Архив русской истории. Вып. 2. М., 1992. С. 121—129.

после похода на Новгород, в состав опричнины вошли Торговая сторона Новгорода и земли Бежецкой и Обонежской пятин Новгородского уезда[55].

Новые обширные земли, включенные в состав опричнины, стали важной базой земельного испомещения опричников. Многократно увеличилась численность опричного корпуса. Согласно сообщению И. Таубе и Э. Крузе, численность опричного войска, участвовавшего в карательном походе на Новгород в 1569—1570 гг., составляла 15 тыс. человек[56]. По мнению В. Б. Кобрина, эта цифра не является завышенной — число одних дворян и детей боярских из опричнины в 1570 г. составляло примерно 4—5 тыс. человек[57]. Р. Г. Скрынников считает, что вся опричная армия перед походом на Новгород насчитывала не более 6—7 тыс. человек, включая дворян, стрельцов и военных холопов[58]. Если на начальном этапе опричнины опричные отряды на театрах военных действий выступали достаточно случайно, лишь как вспомогательные силы в добавление к основным (земским) войскам, то начиная с 1567 г. для участия в боевых операциях формируются особые опричные полки под командованием воевод из опричнины[59]. Однако главными функциями опричного корпуса, как и прежде, оставались охрана персоны государя и борьба с «изменой» в государстве.

В связи с ростом опричной территории и углублением раскола общества начинают меняться сами формы опричнины. Если первоначально она замышлялась как своего рода полицейская надстройка над общим государственным аппаратом страны, то к концу существования опричнины происходит ее обособление от земщины[60]. Одним из показателей этого являлось образование особой системы параллельных земских и опричных приказов[61].

Система управления в опричнине и земщине. Управление страной в годы опричнины осложнялось тем, что впервые с удельных времен в России появилась «блуждающая столица»: с января 1565 г. значительную часть времени царь проводил в Александровской слободе; с сентября—октября 1565 г. статус опричной столицы фактически получила Вологда; с 1567 по лето 1571 г. царь жил в Москве за пределами Кремля на Арбате; в дальнейшем до конца правления Иван IV все больше времени проводил в Старице. Важнейшие приказы, такие как Посольский, Поместный (ведавший учетом и распределением поместных и вотчинных владений служилых людей) и Разрядный (ведавший служебными назначениями дворянства), оставались в земщине. В указе об учреждении опричнины царь «государство свое Московское, военные дела, суд, управление и прочие государственные дела приказал ведать бояром своим, которым велел быть в земских», всем чиновникам «велел быть по своим приказам и управлять по старине», а если придут какие-либо военные вести или возникнут особо значимые государственные вопросы («земские великие дела»), то боярам над-

---

[55] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 172—173; *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 339—340; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 409.

[56] Послания И. Таубе и Э. Крузе. С. 47—48.

[57] *Кобрин В. Б.* Опричнина: Генеалогия. Антропонимика. С. 101—102.

[58] *Скрынников Р. Г.* Трагедия Новгорода. М., 1994. С. 81.

[59] *Кобрин В. Б.* Опричнина: Генеалогия. Антропонимика. С. 103—104.

[60] В. А. Колобков связывает начало преобразования опричнины в сторону ее обособления от земщины с решениями совместного заседания церковного Освященного собора и Боярской думы конца 1567 — начала 1568 г. (*Колобков В. А.* Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004. С. 159—161, 540).

[61] О системе управления в опричнине и земщине см. ниже.

лежит приходить к государю, и государь с боярами по этим делам примут решение[62]. Таким образом, все основные функции по административному, судебному и военному управлению страной сохранялись за прежними органами государственной власти, которые оставались в земщине (за земской Боярской думой и приказами), но с введением опричнины значительно усиливался контроль царской власти над деятельностью этих структур.

Это обстоятельство привело к двум важным последствиям: во-первых, оно упростило делопроизводственный процесс и систему управления в опричнине и, во-вторых, обусловило применение методов фискального принуждения государственными учреждениями в отношении земщины. В первые годы опричная система обладала ярко выраженными чертами персонального управления, что выразилось в объявлении высшей судебной инстанцией в опричнине «бояр введенных». Это же обстоятельство препятствовало возможному разрушению территориальной целостности страны: при учреждении опричнины не была создана особая, параллельная земской, система приказов, за исключением приказов, ведавших дворцовым хозяйством, Казны как главной правительственной канцелярии и ведомства печатника. П. А. Садиков предположил, что функции дворцового опричного дьяка выполнял Петр Григорьев, за чьей подписью из опричнины выдавались грамоты монастырям[63]. По предположению А. А. Зимина, первыми опричными дворецкими были погибшие в 1571 г. Л. А. Салтыков и И. Ф. Гвоздев-Ростовский, а в начале 1570-х гг. опричным дворецким был Ю. И. Токмаков-Звенигородский[64]. С. Н. Богатырев полагает, что на рубеже 1569—1570 гг. должность опричного дворецкого занимал И. Я. Чеботов[65]. Около 1569 г. наряду с земским казначеем Н. А. Фуниковым-Курцовым царь назначил на должность опричного казначея У. Л. Пивова (Львова)[66]. Опричным казначеем в 1569—1570 гг. был также Семен Путила Михайлович Митрофанов[67].

Опричные дьяки в пределах своей компетенции должны были сноситься с земскими дьяками профильных приказов, как это сделал опричный дьяк Никита Титов, направивший память в Поместный приказ об испомещении «у государя в опришнине» М. К. Ильина[68]. Однако записные вотчинные книги для вотчин на территории опричнины, судя по всему, вели опричные казначеи, как, например, У. Л. Пивов в 1569 г.[69] Опричным казначеям подчинялась Четверть во главе с дьяками Ф. Рыловым и К. Лапиным, которая, скорее всего, была фискальным повытьем (департаментом) Казны и куда следовало сдавать дань и оброк с вотчин на опричной территории. В грамоте выборным старостам Московского уезда 1569 г. констатировалось, что до перехода Симонова монастыря в опричнину налоги с его вотчин шли в приказ Большого прихода, а после смены юрисдикции должны

[62] ПСРЛ. Т. 13. С. 395.

[63] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 81—82.

[64] *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 372—373.

[65] *Богатырев С. Н.* Ближняя дума в последней четверти XVI в. Часть вторая (1560—1570) // Археографический ежегодник за 1993 год. М., 1995. С. 107.

[66] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 511.

[67] *Богатырев С. Н.* Путила Михайлов: Поместный дьяк и опричный казначей // Реализм исторического мышления: Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского: Тезисы докладов и сообщений. М., 1991. С. 38—39; *Рыков Ю. Д.* Вклады государева дьяка П. М. Митрофанова в русские монастыри в эпоху царя Ивана Грозного. С. 484.

[68] *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал: Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV—XVII вв. Т. 1. М., 1905. С. 160.

[69] *Садиков П. А.* Из истории опричнины. № 37. С. 235.

были поступать «в опричнину ж»[70]. Как показал П. А. Садиков, четверти до конца XVI в. не были самостоятельными приказами, а входили в ведомство дьяков, которые «заведывали самыми разнообразными приказами; чети все еще по старине сохраняли характер личной „казны“ былого „кормленого дьяка“, не носили обычно прозвания, заимствованного от того или иного „города“ подведомственной им территории, и назывались в официальных документах по именам и прозвищам своих начальников»[71].

Стремлением сосредоточить в опричнине основные доходные статьи бюджета было вызвано зачисление в опричнину владений Строгановых и английской Московской компании, получившей жалованную грамоту от 20 июля 1569 г. Новые привилегии состояли в переходе ее купцов под юрисдикцию опричного суда, сохранении за ними торговых домов и складов в земских городах, праве беспошлинной торговли по всей России, праве заказывать на денежных дворах чеканку денег из импортных талеров. Спустя год жалованная грамота была аннулирована, но в дальнейшем английская Московская компания сохранила свое привилегированное положение в России[72]. Судя по ряду косвенных данных, опричная администрация была причастна к введению в Новгороде и на других опричных территориях государственной монополии на продажу алкоголя, и кабацкие доходы стали существенным пополнением опричной казны[73]. Не меньшее значение имели изменения, внесенные в организацию таможенной службы, хорошо заметные по Новгородской таможенной грамоте 1571 г.[74] Период опричнины стал временем усиления контроля над монастырями, судебные прерогативы митрополита и епископата над ними были аннулированы в пользу царского суда. Одновременно расширялись тарханные привилегии близких к трону монастырей, и наоборот, монастыри епархий, к которым у самодержца существовала устойчивая неприязнь, рисковали своим благополучием[75]. В августе 1570 г. в Москву были отправлены жалованные грамоты всех новгородских монастырей, хотя следов их пересмотра не сохранилось.

Методы фискального принуждения, наиболее интенсивно применявшиеся государственными учреждениями во второй половине 1560-х гг., выразились в активной деятельности должностных лиц, называвшихся посланниками. Происхождение термина «посланник», видимо, связано с профессиональной деятельностью этих чиновников — сбором податей на чрезвычайные расходы, в первую очередь на нужды обороны на местах, куда их посылали из столицы. В наиболее ранних документах, в которых упоминаются посланники, например в указной грамоте выборному старосте и целовальникам Московского уезда 1569 г., они упоминаются в контексте с «иными нашими земскими денежными зборами». К земщине же относится царская грамота от 26 июня 1569 г., подписанная земским дьяком Ю. Сидоровым, адресованная земским старостам Заклинской засады Псковской земли. В грамоте предписывалось отделить земли Никольского монастыря в податном отношении от других владений. Акт предназначался для предъявления «прежним государевым посланником для государевых податей», когда «государевы посланники в

[70] Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты московского Симонова монастыря (1506—1613 гг.). Л., 1983. № 176. С. 225.

[71] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 303, 452—453.

[72] *Гамель И.* Англичане в России в XVI—XVII столетиях. СПб., 1865. С. 90—91.

[73] *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. С. 418.

[74] Великий Новгород во второй половине XVI в. / Сост. К. В. Баранов. СПб., 2001.

[75] *Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. С. 171.

ту засаду поедут по нашим наказом государевых данных денег и посошных людей правити»[76].

Деятельность посланников контролировали и направляли известные приказные деятели того времени, среди которых особый интерес представляют Андрей Васильев, Юрий Сидоров, Парфентий Родионов, Андрей и Василий Щелкаловы. Юрий Сидоров после учреждения опричнины остался земским дьяком; в земщине же, в приказе Большого прихода, служил в 1569 г. Парфентий Родионов. Трое из упомянутых дьяков позднее управляли четвертями; возникшая после учреждения опричнины земская четверть находилась в ведении дьяка Посольского приказа Андрея Васильева (1567—1570). После казни Васильева по «новгородскому изменному делу» в 1570 г. его преемником стал дьяк Василий Яковлевич Щелкалов.

Возникновение института посланников было стимулировано опричной политикой, приведшей к чересполосице земских и опричных земель, вынуждавшей земские приказы изобретать экстраординарные формы управления. Не случайно в одно время появляются первые сведения о четвертях (четверть Андрея Васильева) в момент учреждения опричнины и первые упоминания посланников в актах (1565—1567). Будучи институтом чрезвычайного управления страной, опричнина оказала влияние и на земскую систему управления, где действовали «всякие земские посланники»[77]. Соотнесение деятельности посланников с административной принадлежностью территорий, на которых они выполняли свои функции, позволяет заключить, что во второй половине 1560-х гг. посланники направлялись на места земскими финансовыми приказами — Большим приходом (П. Родионов) и земской четвертью (А. Васильев). После ликвидации опричнины, которая, как считает А. П. Павлов, «препятствовала созданию четкой общегосударственной системы учреждений по управлению отдельными землями государства»[78], посланники остались в ведомстве земских четвертей.

Вопрос о влиянии опричного режима на социально-политическое развитие России до настоящего времени остается дискуссионным; ряд исследователей считают, что следствием опричной политики был перелом во взаимоотношениях земских миров и государства. Н. Е. Носов развивал концепцию, согласно которой в первой половине XVI в. в Поморье зарождалась «северная буржуазия» в лице «двинских торговых мужиков», монополизировавших соляную промышленность и захватывавших наиболее доходные области уральской и сибирской меховой торговли. Носов полагал, что именно опричнина вкупе с войной и разорением приостановила процесс возвышения «третьего сословия» в России, что в сфере городского управления привело к «сужению прав земства и подчинению его таким дворянским органам власти, как городовые приказчики и городские воеводы»[79]. По мнению А. П. Павлова, «опричнина являлась своеобразной реакцией царя на развитие сословно-представительных тенденций и представляла собой попытку путем введения чрезвычайного положения пресечь „своеволие“ формировавшихся сословий и поставить существовавшие общественные

[76] Труды Псковского археологического общества: 1909—1910. Вып. 6. Псков, 1910. С. 42—43.

[77] Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты московского Симонова монастыря (1506—1613 гг.). № 176. С. 225.

[78] *Павлов А. П.* Приказы и приказная бюрократия (1584—1605 гг.). С. 202.

[79] *Носов Н. Е.* Русский город в XVI столетии // Россия и Италия: Материалы IV конференции советских и итальянских историков. М., 1972. С. 60; *Он же.* Становление сословно-представительных учреждений в России XVI в.

институты под контроль государственной власти»[80]. В. А. Аракчеев показывает, как соотносилась территория опричнины с волостями и городами, получившими земские учреждения, и усматривает противоположные тенденции правительственной политики по отношению к земским мирам[81].

Установление нового порядка взаимоотношений царя с подданными, конфликт Ивана IV со своим окружением, приведший к реорганизации Государева двора и выделению земельных наделов опричнины на его содержание, вынудили царя апеллировать к земским мирам, что проявилось уже в его известном обращении к жителям московского посада. В указе об учреждении опричнины результаты земской реформы не только не ставились под сомнение, но, наоборот, вошли в новую систему в качестве ее органичной основы. Помимо городов и волостей, взятых «на свой обиход» в опричнину, «иные волости государь поймал кормленым окупом» с целью «жаловати бояр и дворян и всяких его государевых дворовых людей, которые будут у него в опришнине»[82]. Приведенная цитата из летописного изложения указа об опричнине означает, что помимо поименованных административных единиц, непосредственно составивших опричную территорию, «кормленый окуп за наместнич доход» на содержание опричнины должны были платить «и иные волости», не вошедшие в ее состав. Обозначение вида повинностей, которые «волости» должны были вносить в опричную четверть («кормленый окуп»), дает ответ на вопрос, какие это были «волости». Очевидно, это были административные единицы, затронутые земской реформой 1552—1556 гг., население которых должно было выплачивать «кормленый окуп» в качестве компенсации за освобождение от власти наместников.

Земская реформа в ее наиболее последовательном варианте, предполагавшем упразднение кормлений и передачу функций самоуправления выборным земским старостам и целовальникам, затронула территории, которые в дальнейшем в большинстве своем вошли в состав опричнины. И наоборот, города и уезды, где сохранились кормленые должности наместников, как правило, оказывались в составе земщины. Изложенный вывод побуждает иначе взглянуть и на другую проблему — на взаимоотношения опричных властей с местными земскими мирами, которую целесообразно рассмотреть на примере «правежа» Басарги Федоровича Леонтьева 1568 г. в Поморье. Эта акция устрашения была вызвана извечным конфликтом между оставшимися в земщине земскими волостями и посадами на Кольском и Корельском побережье Белого моря и перешедшими в опричнину жителями Двины, которые занимались промысловым ловом на земской территории. «Правеж» Басарги был инициирован верхами промышленников-поморов, прежде всего Истомой Бачуриным, чьи представители доминировали в выборной администрации Двинской земли. Плодами победы над земскими волостями в полной мере воспользовались торгово-промышленные верхи Двинской земли, добившиеся проведения межевания, по результатам которого «теми всеми угодьи» стали промышлять двиняне[83].

Если следовать логике большинства исследователей, то естественные интересы двинских «торговых мужиков» должны были вступить в непримиримое противоречие с политикой опричных властей. Однако реальная картина событий на севере в годы

[80] *Павлов А. П.* Эволюция государства и общества в России во второй половине XVI в.: (К вопросу о сословно-представительной монархии). С. 33.

[81] Подробнее см.: *Аракчеев В. А.* Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI — начала XVII века. С. 363—383.

[82] ПСРЛ. Т. 13. С. 393—395.

[83] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 198; № 20. С. 462.

опричнины была иной. Как показано выше, формирование нового опричного порядка управления приняло формы беспрецедентного террора, ударившего в том числе и по посадам и волостям, но в источниках нет прямых указаний на сознательное искоренение опричниками созданных в ходе реформ земских учреждений. Объективно посадская община Новгорода понесла колоссальные людские и материальные потери и была ослаблена. Однако земские органы самоуправления в Новгороде и особенно в Пскове продолжали функционировать в 1570-х гг. В Новгороде действовал аппарат пятиконецких старост[84], в Пскове существовала разветвленная система земских старост, денежных сборщиков, целовальников в концах и сотнях. Взаимоотношения опричных властей с посадскими и волостными мирами строились прежде всего на принципах фискального принуждения, когда волостям и посадам во главе с земскими старостами адресовывались нарастающие требования выплаты налогов. Однако, во-первых, репрессивные формы фиска активно применялись и в земской части государства, а во-вторых, опричнина не была абсолютной антитезой земщине. Несмотря на то что в долговременной перспективе земские миры проиграли от введения опричного порядка, в условиях социально-политической конъюнктуры 1560—1570-х гг. власть могла опираться на «землю». Торгово-промышленная верхушка земских миров, как это было на Двине в 1568 г., восприняла опричные методы управления и использовала их для ущемления прав конкурентов. Земская же часть государства, являясь объектом посягательства опричников, не была носителем альтернативных тенденций в развитии общества. Именно практика работы земских приказов породила такой специфический административный институт, как посланники, чьи прерогативы отличались от функций опричников, но генезис был идентичным.

Послеопричный двор Ивана IV (1572—1584 гг.). Осенью, в ноябре 1572 г., была отменена опричнина[85]. Это важное событие было вызвано глубоким политическим кризисом внутри страны, непопулярностью опричной политики среди населения, расколом общества на противоборствующие стороны, что привело к падению авторитета верховной власти, ослаблению обороноспособности страны, неудачам в Ливонской войне. Вместе с отменой опричнины должно было исчезнуть ее порождение — царский Опричный двор. Но на смену ему вскоре пришел новый Особый (или Особный) двор; есть данные о его существовании уже весной 1573 г. В свадебном разряде короля Ливонии Магнуса и княгини Марии, дочери князя В. А. Старицкого (их брак был заключен 12 апреля 1573 г.), отделены «стольники из земских» (т. е. лица из Земского двора) князья Ф. Д. Шестунов и Л. Бутурлин от «дворовых детей боярских» (т. е. слуг из Особого двора). Известно, что ранее, 20 марта 1573 г., Иван IV выдал своим личным «бояром, и околничим, и дияком, и дворяном, и приказным людям свое жалование по окладу».

Д. Н. Альшиц, обнаруживший и в 1949 г. издавший царский список раздачи жалованья «бояром, и околничим, и дияком, и дворяном, и приказным людем» от 20 марта 1573 г., выдвинул предположение, что найден список опричников Ивана IV[86].

---

[84] Великий Новгород во второй половине XVI в. С. 47, 53.

[85] *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 475—477; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 457—461; *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 310—311; *Володихин Д. М.* Когда была отменена опричнина? // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): К 80-летию В. И. Буганова. М., 2012. С. 177—187.

[86] Список опричников Ивана Грозного / Подг. текста Д. Н. Альшица // Рукописные памятники. Вып. 7. СПб., 2003.

Историк полагал, что опричнина не была отменена в 1572 г. По его мнению, и после осени 1572 г. земельная политика двора оставалась, по существу, опричной, сохранялось разделение территорий на земскую и дворовую, не претерпел серьезных изменений и состав царского Опричного двора, что видно из анализа лиц, внесенных в список раздачи жалованья дворовым детям боярским в марте 1573 г., при сравнении их имен с именами бывшего опричного окружения Ивана IV. С точки зрения О. А. Яковлевой, обнаруженный Альшицем реестр думных и приказных людей, дворян и дьяков — это список не опричников и даже не лиц из Особого двора Ивана IV, а «просто список людей, составлявших придворный штат Ивана Грозного», лиц, принятых на службу в дворцовое ведомство[87]. В. Б. Кобрин не согласился с отождествлением Альшицем внесенных в реестр 1573 г. бояр, окольничих, детей боярских с опричниками. Сравнив первые 76 имен, имеющихся в списке, историк установил принадлежность к опричнине только одной пятой перечисленных лиц[88]. Р. Г. Скрынников рассматривал список 1573 г. как перечень дворовых Ивана Грозного[89]. А. Л. Станиславский, посвятивший анализу списка 1573 г. отдельное исследование, вслед за Скрынниковым пришел к выводу, что в нем зафиксирован не Опричный, а «Особный» двор государя, причем не менее его половины. С точки зрения Станиславского, личный двор Ивана IV в 1573 г. существенно отличался от Опричного двора периода его расцвета, но все же был близок к окружению Ивана IV последнего года опричнины[90]. Костяк двора остался прежним, верхушка, правящее окружение царя, не претерпела существенных изменений.

Вероятно, отправной точкой начала формирования нового Особого двора следует считать конец февраля 1573 г., когда царь со свитой находился в Великом Новгороде[91]. Не случайно, что самый ранний список дворовых возник в Новгороде к 20 марта 1573 г., когда рать вернулась в город после взятия крепости Вейсенштейн (Пайде).

В исторической литературе высказаны различные точки зрения о сущности послеопричной политики Ивана IV и о развитии Государева двора после 1572 г. По мнению С. Ф. Платонова, упразднение опричнины было формальностью, опричнина получила новое название «двор» и просуществовала до конца царствования Ивана IV[92]. С. Б. Веселовский, напротив, считал, что отмена опричнины была окончательной, Опричный двор прекратил существование. После отмены опричнины от нее осталась только «одна вывеска», нельзя сказать, что Государев двор в 1572—1584 гг. стал опричниной под другой вывеской[93]. П. А. Садиков, напротив, полагал, что опричнина продолжала существовать после 1572 г. в виде «двора», хотя и подверглась некоторым изменениям[94]. С точки зрения А. А. Зимина, с отставкой собственно опричнины ее политика в действительности не была отменена, теперь опричные порядки распространились на всю страну. В перемене названия

[87] *Яковлева О. А.* К вопросу о списке служилых людей 7081 (1573 г.) // Записки Научно-исследовательского института при Совете министров Мордовской АССР. Вып. 13. Саранск, 1951. С. 235.

[88] *Кобрин В. Б.* Опричнина: Генеалогия. Антропонимика. С. 15.

[89] *Скрынников Р. Г.* «Княжение» Симеона Бекбулатовича и возрождение опричнины в 1575—1576 гг. // Исторические записки. Т. 87. М., 1971. С. 193; *Он же.* Царство террора. С. 461—462, 470—471.

[90] *Станиславский А. Л.* Книга раздачи денежного жалования 1573 года // История СССР. 1976. № 4. С. 136—140.

[91] *Корзинин А. Л.* К изучению Особого двора Ивана Грозного в 1573—1575 гг. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2017. Т. 1 (67). С. 49—60.

[92] *Платонов С. Ф.* Иван Грозный. Пг., 1923. С. 122.

[93] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 196—199.

[94] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 40, 44.

отразился только процесс чистки личного состава опричников[95]. Р. Г. Скрынников полагал, что после 1572 г. доопричные порядки не были возрождены в полном объеме, однако вместо Опричного двора возник его двойник — Особый двор. В разделении двора Иван IV видел средство укрепления своей единоличной власти[96].

«Особный» двор заменил собой Опричный двор, но верхушка прежнего Опричного двора осталась у власти. Царские воеводы из удельного двора принимали участие в военных действиях на заключительном этапе Ливонской войны. В апреле 1574 г. царь Иван Васильевич с царевичем Иваном Ивановичем во главе войска отправился в Серпухов. В одной из редакций разрядных книг отмечено, что государь в Серпухове «розметил *своих* государевых дворовых бояр, и окольничих, и дворян, и детей боярских». Вслед за этим шло перечисление дворовых воевод «царя и великого князя», окольничего «з государем», дворян, голов и прочих лиц Особого двора[97]. В апреле 1576 г. в Калуге находились полки под командованием царя Ивана Васильевича и царевича Ивана Ивановича, «а с ними дворовые воеводы»[98]. Дворовые дети боярские, дворовые стольники и стряпчие (т. е. принадлежавшие к Особому двору) участвовали в посольских церемониях, в частности были на аудиенции посла папы римского А. Поссевино, посетившего Россию в 1581 г. Во время посольского приема дворовые лица противопоставлялись земским детям боярским. Осенью 1583 г. члены Особого двора находились в столице на приеме английского посла Ч. Боуса.

К настоящему времени удается выявить не менее 800 имен лиц, входивших в состав Особого двора в 1573—1584 гг. Костяк «Особного» двора к марту 1573 г. состоял из бывших опричников. Верхушку Особого двора и позже, в 1573—1575 гг., занимали несколько руководителей прежней опричной Боярской думы, бывшие опричники из среднего командного звена (дворовые воеводы, рынды и поддатни, полковые головы). В руководстве Особого двора 1573—1575 гг. находились два боярина (князь Ф. М. Трубецкой и В. И. Умной-Колычев), в недавнем прошлом опричники. Из пяти окольничих трое раньше являлись опричниками (Д. И. Годунов, князь Б. Д. Тулупов, М. Т. Плещеев). Из четырех думных дворян трое — бывшие опричники (А. Ф. Нагой, М. Т. Плещеев, Р. В. Алферьев). Из двадцати дворовых стольников можно обнаружить пятерых опричников (Б. Я. и Г. Н. Бельские, Б. Ф. и Я. А. Годуновы, князь Б. Д. Тулупов). В целом число бояр и окольничих в Думе Особого двора заметно сократилось по сравнению с опричным периодом.

Значительное число фамилий, представители которых были связаны с Опричным двором[99] (Блудовы, Бороздины, Волынские, Воронцовы, князья Вяземские, Грязные, Мишурины, Молчановы, Наумовы, князья Охлябинины, Писаревы, Писемские, Полевы, Поливановы, князья Пронские и Приимковы, Салтыковы, князья Сицкие, Совины, Тыптыковы, князья Телятевские и Хворостинины, Хитрово, князья Хованские, Хлоповы, князья Черкасские, Шейдяковы и Щербатовы), после отмены опричнины в 1572 г. попали в земщину, а не в Особый двор.

Номинальным руководителем Особого двора в 1573—1574 гг. стал князь Ф. М. Трубецкой (в прошлом — опричный боярин), в Думу Особого двора вошли представители фамилии Колычевых (ставшие весьма мо-

[95] Очерки истории СССР. Т. 4. С. 139—140.

[96] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 470.

[97] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 2. М., 1982. С. 361—364.

[98] Там же. С. 402—404.

[99] *Кобрин В. Б.* Опричнина: Генеалогия. Антропонимика. С. 21—98; *Корзинин А. Л.* О персональном составе Опричного двора Ивана Грозного. С. 9—34.

гущественными), кроме них — Годуновы, Нагие, князья Тулуповы (все в прошлом входили в опричнину). После гибели под стенами Пайде 1 января 1573 г. думного дворянина Малюты Скуратова и пленения под Донковом весной 1573 г. Василия Грязного чин думного дворянина был пожалован А. Ф. Нагому, М. Т. Плещееву, возможно М. В. Колычеву (все они вошли в руководство Особого двора).

О земельных владениях дворовых дошли отрывочные сведения, которые позволяют судить о том, что ряд членов Особого двора происходил из уездов, ранее побывавших в опричнине (Вяземского, Старицкого, Козельского, Суздальского). Среди них можно отыскать помещиков Водской и Шелонской пятин Новгородской земли, Торопца, Ржевы Владимировой, вотчинников земских уездов — Звенигородского, Галичского и Дмитровского.

Уже в июле—августе 1575 г. в результате разгоревшейся борьбы за власть была проведена чистка Особого двора. В начале августа 1575 г. был казнен боярин В. И. Умной Колычев (один из руководителей Боярской думы Особого двора), а его родичи Колычевы и Лошаковы попали в опалу. На плахе закончили свои дни М. Т. Плещеев (который носил титул думного дворянина, а затем дворового окольничего), князья Б. Д., И. В. и А. В. Тулуповы, Г. А. и А. К. Колтовские, Ф. М. и С. М. Сунбуловы и др.[100]

За чисткой Особого двора в конце лета 1575 г. последовали существенные перемены во власти. Царь Иван Васильевич 30 октября 1575 г. вновь, как в начале 1565 г., объявил об отречении от престола. Под скромным именем «князя Иванца Васильева Московского» он отправился в созданный им удел, а на свое место посадил татарского хана Симеона (Саин Булата) Бекбулатовича[101]. Ранее, в 1573 г., Саин (Сеин) Булат Бекбулатович (правнук хана Большой Орды Ахмата), владевший Касимовским ханством на реке Оке, был крещен в православную веру под именем Симеона и женился на дочери боярина князя И. Ф. Мстиславского, войдя в семейный круг самого царя. Князь Симеон Бекбулатович с титулом «великого князя» формально управлял Русским государством до конца августа 1576 г., когда Иван IV принял решение вернуться на царский трон и уже не покидал его до дня своей смерти 18 марта 1584 г.

Историки по-разному объясняют мотивы, побудившие Ивана IV провозгласить великим князем вместо себя Симеона Бекбулатовича. С. М. Соловьев, Л. М. Сухотин, Я. С. Лурье, В. И. Корецкий, Р. Г. Скрынников видели в этом событии возврат к опричным временам, к политике террора[102]. П. А. Садиков считал, что снятием с себя титула «великий князь» Иван IV хотел добиться избрания себя на польский престол в период бескоролевья. Когда определилось избрание королем в Польше и Литве Стефана Батория, «исчез с горизонта и „великий князь всея Руси Симеон“»[103]. С. М. Каштанов, в отличие от Садикова, связывает поставление Симеона с русско-крымскими отношениями. По мнению историка, это также была форма политического маневрирования, создавшая картину дробления власти. В условиях недостаточной цент-

---

[100] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 544.

[101] Послания Ивана Грозного. С. 195—196.

[102] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: В 15 кн. Кн. 3. Т. 5—6. М., 1960. С. 565; *Сухотин Л. М.* К пересмотру вопроса об опричнине. Вып. V—VI. Белград, 1940. С. 58—59; *Лурье Я. С.* Вопросы внутренней и внешней политики в посланиях Ивана IV // Послания Ивана Грозного. С. 481—484; *Корецкий В. И.* Земский собор 1575 г. и поставление Симеона Бекбулатовича «великим князем всеа Руси». С. 149—150; *Скрынников Р. Г.* Княжение Симеона Бекбулатовича и возрождение опричнины в 1575—1576 гг. С. 200—201, 217.

[103] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 43—44.

рализации государственной власти княжеско-боярская знать и церковь не могли сразу примириться с единовластием одного монарха[104]. С точки зрения А. А. Зимина, великое княжение Симеона Бекбулатовича было своеобразной «антиопричниной», поскольку в борьбе со старой опричной гвардией царем были использованы опричные приемы властвования[105].

Есть основание думать, что крещеный хан был подставной фигурой на престоле, которая позволила Ивану IV (как бы с разрешения «царя Симеона») ввести в стране чрезвычайное положение, провести новый «перебор людишок», санкционировать повторное разделение государства. Симеон был коронован великокняжеской короной, но не по чину венчания царя, без церемонии присяги митрополита, Боярской думы. Симеон Бекбулатович именовался в документах «великим князем всеа Русии». «Великий князь» начал жить в Московском Кремле, а «Иванец Московский» удалился с семьей на Арбат за реку Неглинную[106].

Одновременно с поставлением хана Симеона проводилась чистка Особого двора. Были казнены крупные фигуры дворовых, ранее известные своей службой в опричнине, когда-то руководившие опричной думой. Так, 24 октября 1575 г. на эшафот взошли П. М. Юрьев (племянник царя и бывший опричник), бывшие опричники В. Ф. Ошанин («государев ближний дворянин», затем опричный ясельничий), В. М. Желнинский. В Москве 27 ноября 1575 г. были казнены Д. А. Бутурлин (в прошлом опричный окольничий), Н. В. Борисов (ранее опричный окольничий) с сыном Василием, князь Д. А. Друцкий (опричный оруженосец), вначале опричные, а затем дворовые дьяки Д. В. Лазарев и О. Ильин. Осенью 1575 г. были осуждены на смерть И. А. Бутурлин (бывший опричный боярин) с сыном и дочерью, а также крупный земский боярин князь П. А. Булгаков-Куракин[107].

По словам Ивана IV, сказанным английскому посланцу Д. Сильвестру 29 ноября 1575 г. в Александровской слободе, причиной казней стали «преступные и злокозненные поступки наших подданных, которые ропщут и противятся нам за требование верноподданнического повиновения и устрояют измены против особы нашей»[108]. Насколько реальным был этот мятеж, насколько серьезными и опасными могли быть его последствия для царя, сказать трудно, но репрессии определенно были направлены против тех, кто в конце опричнины был наиболее близок к монарху.

Основными источниками для реконструкции состава Особого двора при «великом князе» Симеоне могут служить разрядные записи о назначении воевод на службу во время царского похода из Великого Новгорода в Ливонию (в апреле 1577 г.) и дело о приезде папского посла А. Поссевино (1581). Путем сравнения стольников и жильцов боярского списка 1577 г., отразившего состав Земского двора[109], со списком

[104] *Каштанов С. М.* О внутренней политике Ивана Грозного в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 16. М., 1961. С. 458—462.

[105] *Зимин А. А.* Иван Грозный и Симеон Бекбулатович в 1575 г. // Ученые записки Казанского государственного педагогического института. Вып. 80. Казань, 1970. С. 157.

[106] *Скрынников Р. Г.* «Княжение» Симеона Бекбулатовича и возрождение опричнины в 1575—1576 гг. С. 201.

[107] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 544.

[108] *Толстой Ю.* Первые сорок лет сношений между Россией и Англией: 1553—1593. СПб., 1875. С. 181—182.

[109] *Мордовина С. П., Станиславский А. Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича. С. 154—155; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 153—193; *Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора в России XVI—XVII веков. С. 43—46.

похода 1577 г. (где смешаны имена дворовых и земских служилых людей) можно определить имена представителей Особого двора.

Большинство выявленных дворовых 1575—1576 гг. имели поместья в Новгородской земле, что связано с необходимостью привлечь служилых землевладельцев запада и северо-запада страны к участию в боевых действиях во время Ливонской войны. Помимо Новгорода земельные владения ближайшего окружения Ивана IV послеопричного времени были сосредоточены в Ржевском, Вяземском, Козельском, Старицком и Порховском уездах.

Именно в период великого княжения Симеона Бекбулатовича осенью 1575 — осенью 1576 г. сложился новый баланс сил в руководстве Особого двора. Сохранили места в думе Особого двора служилый князь Ф. М. Трубецкой (имел боярский чин, фактически возглавлял Особый двор), Д. И. Годунов (был окольничим), Р. В. Алферьев (печатник и думный дворянин), А. Ф. Нагой (думный дворянин). Боярская дума пополнилась боярином князем И. П. Шуйским, окольничим С. В. Годуновым и кравчим Б. Ф. Годуновым, окольничим Ф. Ф. Нагим, думными дворянами Б. Я. Бельским, Б. В. Воейковым и В. Г. Зюзиным.

Несмотря на присутствие первостатейных фигур — бояр князя Ф. М. Трубецкого, князя И. П. Шуйского, окольничего Д. И. Годунова, всем заправляла гвардия худородных людей, таких как Бельские (родственники Малюты Скуратова), Алферьевы, Воейковы, Зюзины, Фофановы и др. Они добились чинов думных дворян, стольников, стряпчих, которые не могли получить в обычных условиях.

Сплоченность Особого двора была подкреплена тесными родственными связями между его членами и их детьми, близостью к царской династии. Так, дочь опричника Малюты Скуратова Бельского, дяди думного дворянина Б. Я. Бельского, Мария вышла замуж за дворового кравчего (будущего царя) Б. Ф. Годунова. Другую дочь, Екатерину (у нее было второе имя — Христина), Скуратов Бельский выдал за дворового стольника князя Д. И. Шуйского. Третья, тоже Екатерина, стала женой стольника князя И. М. Глинского. Четвертая дочь вышла замуж за опричника князя Ивана Келмамаевича[110]. Родная сестра Б. Ф. Годунова, племянница дворового окольничего Д. И. Годунова Ирина, не позднее 5 марта 1575 г. вышла замуж за царевича (будущего царя) Федора Ивановича. Дочь дворового печатника Р. В. Алферьева Мария стала женой дворового М. А. Нагого[111]. Дворовые царские слуги вступали в родственные отношения и с земскими дворянами. Так, родная сестра члена Особого двора А. П. Веригина Клешнина (воспитателя, дядьки царевича Федора Ивановича) Василиса была замужем за земским деятелем П. Я. Салтыковым, а дочь А. П. Клешнина Мария стала женой Г. Ф. Нагого, родного брата последней жены царя Ивана царицы Марии Нагой[112].

В конце августа 1576 г. хан Симеон Бекбулатович был сведен с великого княжения и получил под свое управление Тверь, стал титуловаться «великим князем Тверским»[113]. Однако возвращение Ивана IV на царский престол почти никак не повлияло на судьбу «Особного» двора, состав которого в последние годы правления царя Ивана (1577—1584) восстанавливается по списку участников Ливонского похода в апреле

[110] *Башнин Н. В., Корзинин А. Л.* Новые данные к биографии опричника Малюты Скуратова // Российская история. 2017. № 2. С. 184.

[111] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 3. Ч. 1. М., 1984. С. 170.

[112] Там же; Архив РАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 44. Л. 140—140 об.

[113] *Баранов К. В.* Когда закончилось правление Симеона Бекбулатовича // Русский дипломатарий. Вып. 3. М., 1998. С. 156—158.

1577 г. и фрагментарно сохранившемуся списку дворовых, приказных и служилых людей разных чинов, составленному в конце октября — ноябре 1583 г.[114] в связи с приемом в Москве английского посла Джерома (Еремея) Боуса[115]. Из этих источников видно, что власти стремились назначать в полки и посольские приемы совместно лиц из состава Особого и Земского дворов. Создается впечатление, что удельным дворовым поручали осуществлять негласный надзор над земцами, укреплять ряды представителей Земского двора. Можно думать, что власти пытались скрыть факт раскола Государева двора на Земский и Особый дворы. Так, в начало списков служилых людей вносились, как правило, имена земских дворовых, за ними фиксировались фамилии из состава Особого двора. Впрочем, иногда имена лиц из Особого и Земского дворов перемешивались, что затрудняет их идентификацию.

Особый двор 1577—1584 гг., члены которого сохранили особый привилегированный статус, по знатности и численности уступал Земскому двору, но отличался пестрым составом. Верхушка двора была представлена Годуновыми, князьями Шуйскими и Трубецкими. Боярский чин имели Д. И. и Б. Ф. Годуновы, князья И. П. Шуйский и В. Ф. Скопин Шуйский, князь Ф. М. Трубецкой, Н. Р. Юрьев, чин окольничего — И. В. и С. В. Годуновы, Ф. Ф. Нагой и М. Т. Соловой Петров. Чин кравчего получил Б. Ф. Годунов (осенью 1580 г. стал боярином). Костяк Особого двора составляли худородные дворяне, получившие доступ в Боярскую думу благодаря получению ими чина думных дворян. Думными дворянами являлись Р. В. Алферьев (также исполнял обязанности печатника) и его родственник М. А. Безнин Нащокин, Б. Я. Бельский (вскоре получил чин оружничего), А. Ф. Нагой, Е. В. Воейков, В. Г. Зюзин, Р. М. Пивов, И. П. Татищев, Д. И. Черемисинов.

После смерти Ивана IV в марте 1584 г. Особый двор с царским уделом были ликвидированы. Был воссоздан единый Государев двор. Что касается бывших удельных дворовых, то в результате пересмотра персонального состава двора почти все худородные лица были понижены в чинах, некоторые оказались в опале и навсегда были удалены из окружения нового царя Федора Ивановича[116].

В целом после отмены опричнины в 1572 г. кадровая политика правительства по отношению к служилым людям немного смягчилась, однако разделение страны, а также органов власти, Государева двора сохранялось вплоть до смерти царя Ивана IV 18 марта 1584 г.

Внутренняя политика двора в 1570-х — начале 1580-х гг. В отличие от территории особого порядка управления, наименование которой неоднократно менялось («опричнина», «двор», «удел»), территория традиционного порядка управления вплоть до 1584 г. именовалась земщиной, а совокупность функционировавших в ее пределах структур — земским, о чем свидетельствуют перечни дворцовых чинов 1581 г.[117] Некоторые административно-исполнительные учреждения после отмены опричнины перешли в удел Ивана IV. Возникли повытья приказов, ведавшие обширными территориями на севере страны: Каргопольская дворовая четверть и дворовая Двинская четверть, занимавшиеся сбором налогов с этих территорий и выдачей грамот на землю. Этими четвертями заведовали дьяки из состава Особого двора, а денежные доходы с них поступали в царскую

[114] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 3. М., 1982. С. 441—458; *Сторожев В. Н.* Материалы для истории русского дворянства. Вып. 2. М., 1908. С. 55—63.

[115] Сборник РИО. Т. 38. С. 80—123.

[116] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 251.

[117] *Лихачев Н. П.* Дело о приезде в Москву Антония Поссевина. СПб., 1903. С. 44—46.

казну. До смерти Ивана IV Двинская земля находилась в ведении дьяка Андрея Арцыбашева; последнее указание на «дворовую четверть» Арцыбашева относится к 1 февраля 1584 г. После вступления на трон царя Федора Ивановича «дворовая четверть» как территориальный приказ наряду с другими земскими четвертями была перекроена, и большинство северных областей Поморья ушло в четверть дьяка Андрея Яковлевича Щелкалова. Документально финансовое управление Двиной в четверти Щелкалова можно проследить с декабря 1584 г.[118] «Дворовые» эквиваленты были созданы для управления ямской гоньбой («дворовой ямской приказ» во главе с дьяками Стахеем Ивановым и Меньшим Башевым в 1579 г.), дворцовыми вотчинами царя (помимо «из земского дворцового» дьяка известен дворцовый «дворовой» дьяк П. Сулдешев)[119].

Под управлением земского дьяка Василия Щелкалова в 1570—1580-х гг. находились такие территории, как Ярославль, Белоозеро, Галич и Вологда. Одновременно его брат Андрей Щелкалов в 1570 г. объединил в своих руках Казанский, Нижегородский и Мещерский дворцы[120]. Две грамоты в Свияжск 1581 и 1586 гг. были подписаны Андреем Щелкаловым[121]. Акты, свидетельствующие о заведовании Щелкалова Казанским дворцом, сохранились за период с 1577 по 1587 г., что позволило П. А. Садикову заключить, что в звании начальника Казанского дворца Щелкалов пробыл до середины 1587 г. Состав территорий, переданных в 1572—1574 гг. для финансового обеспечения Особого двора Ивана IV, до настоящего времени в полной мере неизвестен, за исключением поморских земель — Двины и Каргополя[122]. Применительно к периоду великого княжения Симеона Бекбулатовича (с октября 1575 г. до конца августа 1576 г.) исследователи пришли к выводу о пребывании в уделе «Иванца Московского» Старицы, Дмитрова, Ржева, Зубцова, Пскова, Порховского уезда Шелонской пятины, Двины, Ростовского и Переславского уездов, Каргополя, Вологды, Пошехонья, Себежа, Красного, Опочки, Белева, Козельска, Перемышля, Лихвина[123]. Видимо, в территорию Особого двора также входили Белоозеро и Ярославль[124]. С этих земель, как и во времена опричнины, выселялись местные земские дети боярские, а их земли передавались в поместья членам Особого двора. После окончания формального правления Симеона Бекбулатовича в Особом дворе остались Ростов, Дмитров, Переславль, Каргополь, Вологда, Пошехонье, Себеж, Красный, Опочка, Белев, Козельск, Перемышль и Лихвин с прилегающими уездами[125]. В 1579/80 г. к удельным землям

---

[118] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 332—334, 336—337, 354.

[119] Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. Т. 1. № L; *Лихачев Н. П.* Сборник актов. Вып. 1. СПб., 1895. № XIX. С. 63.

[120] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 355—358.

[121] ДАИ. Т. 1. № 127; Список старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина. Ч. 3. М., 1897. С 228—229.

[122] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 204, 332, 336—337, 359—368.

[123] *Корецкий В. И.* Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины. С. 40—45; *Скрынников Р. Г.* «Княжение» Симеона Бекбулатовича и возрождение опричнины в 1575—1576 гг. С. 204—207; *Мордовина С. П., Станиславский А. Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича. С. 154—155; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 487—488.

[124] *Каштанов С. М.* О внутренней политике Ивана Грозного в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича. С. 431; *Зимин А. А.* Иван Грозный и Симеон Бекбулатович в 1575 г. С. 157.

[125] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 3. М., 1982. С. 461—462; *Садиков П. А.* Из истории опричнины. С. 281; *Скрынников Р. Г.* «Княжение» Симеона Бекбулатовича и возрождение опричнины в 1575—1576 гг. С. 205; *Мордовина С. П., Станиславский А. Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича. С. 155.

отошли Суздаль со Стародубом Ряполовским[126]. Известно, что в связи с включением в царскую территорию Стародуба Ряполовского вотчины князей Стародубских были розданы в поместья, а им выплачена денежная компенсация за земли[127].

Если в 1565—1572 гг. основные функции административного и фискального управления страной сохранялись за прежними органами государственной власти, которые оставались в земщине, то с 1572 г. начинается процесс обособления дворовых приказов. Степень завершенности этого процесса неясна: Д. В. Лисейцев полагает, что в 1570-х гг. возникли отдельные дворовые Поместный приказ, приказ Большого прихода и ряд других[128]. П. А. Садиков полагал, что отдельного дворового Поместного приказа не существовало, а дворовый дьяк А. В. Шерефединов в связи с готовившимся разделом Московского государства на удел Ивана IV и великое княжение Симеона в мае—июне 1575 г. вершил дела в общегосударственной земской Поместной избе[129]. Подписанные А. В. Шерефединовым ввозная грамота на поместье в Муромском уезде от сентября 1574 г. и указная на отдел поместья в Рязанском уезде от мая 1575 г. относятся к землям, не входившим в состав двора, что подтверждает предположение П. А. Садикова[130]. Поскольку с 1574 по 1579/80 г. А. В. Шерефединов был дьяком «разряду дворового», уместно предположить, что его включение в процесс выдачи ввозных и указных на отдел грамот в земском происходило в рамках его дьячества именно в Разряде.

П. А. Садиков считал единым для всего государства (земской и дворовой его частей) и приказ Большого прихода, обосновывая это предположение сведениями источников об управлении дьяками этого приказа как земскими, так и дворовыми городами. С его точки зрения, дворовый дьяк А. Арцыбашев, возглавлявший дворовую четверть, стал начальником общеземского учреждения (приказа Большого прихода), но не покинул прежнего — четвертной избы на «дворовой стороне». Технически в условиях перемещений дворовой канцелярии вместе с царем дьяк, оказываясь в «дворовой» столице Старице, мог назвать возглавляемый им общеземский приказ «дворовым»[131]. Достоверно существовавшими в 1570—1580-х гг. приказами были Московский и Владимирский судные, которым были подсудны соответственно придворные московские чины и служилые люди из земского. Д. В. Лисейцев предположил, что территориальные определения судные приказы получили с 1575 г., когда город Владимир получил в состав своего великого княжества Симеон Бекбулатович[132].

В условиях прогрессирующего разорения северо-запада и центра страны правительство в 1572—1573 гг. предприняло беспрецедентную попытку «оживить» хотя бы землевладение в Московском уезде, где приказ во главе с князем Д. А. Друцким вел распродажу запустевших поместий в вотчины дворянам, приказным людям, гостям, выдавал на запустевшие вотчины льготные грамоты[133]. Сохранившиеся за 1574—1577 гг. льготные грамоты были выданы предста-

---

[126] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 151; *Черкасова М. С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XVI—XVII вв. С. 140.

[127] Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506—1608 гг. № 231.

[128] *Лисейцев Д. В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. С. 193—195.

[129] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 338—339.

[130] АСЗ. Т. 1. С. 79, 112.

[131] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 293—294.

[132] *Лисейцев Д. В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. С. 201—202.

[133] *Корецкий В. И.* Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины. С. 33—34.

вителям высокопоставленных семей правящей элиты — И. Ю. Грязному, вдове князя А. П. Телятевского и И. Г. Нагому. Льготы в выплате основных государственных налогов («ямские и приметные деньги, за городовое, засечное и ямчужное дело») с запустевших частей вотчины предоставлялись на пять лет, в течение которых вотчинник должен был «оживить» пустые выти путем перезыва нетяглых крестьян[134].

По подсчетам Г. В. Абрамовича, увеличение размеров налоговых платежей в конце XVI в. по сравнению с началом XVI в. в абсолютных цифрах было более чем шестнадцатикратным, учитывая доказанное А. Г. Маньковым обесценивание денег. За 1561—1570-е гг. налоги в северо-западных землях выросли на 40 %, к 1583 г. общая сумма податей возросла по сравнению с 1570—1572 гг. на 78 %, к 1588 г. — еще на 55 % и с 1588 по 1602 г. — еще на 10 %. В итоге за вторую половину XVI в. подати в номинальном выражении увеличились в 5,7 раза[135]. Выводы Абрамовича принял и суммировал А. Л. Шапиро[136]. В этих условиях в качестве наиболее простого и эффективного способа повысить собираемость налогов правительство рассматривало отправку на места облеченных чрезвычайными полномочиями посланников. В грамотах 1577 г. в Бежецкий Верх и Юрьевский уезд посланники упоминаются в контексте с городовыми приказчиками, которые взимали ямские деньги и прочие подати. В жалованной грамоте 1584 г. на вотчины Симонова монастыря в восемнадцати уездах Замосковного края, подписанной дворовым дьяком Андреем Арцыбашевым, возглавлявшим Большой приход, царь обязывался «посланников своих в тое их монастырскую вотчину для своих всяких податей не посылать»[137]. Процитированные запретительные формулы, обращенные к земским властям сопредельных земель, лежавших чересполосно с монастырскими, показывают, что деятельность посланников была широко распространена и носила фискальный характер. Аналогичные функции выполняли посланники, упомянутые в документах 1571—1572 гг., предметом рассмотрения в которых были вотчины Троице-Сергиева монастыря. Грамота от 20 марта 1572 г. в Гороховец содержала привилегию монастырским властям самостоятельно платить налоги «на Москве и в Слободе», и лишь для посланников было сделано исключение: «А коли велим з Гороховского уезда посоху збирати, и с тое их монастырские вотчины посоха збирати самим же и посланником отдавати самим, хто приедет для посохи в Гороховской уезд збирати»[138].

В жалованных грамотах московскому Новодевичьему монастырю посланники упоминаются также в 1570-х гг. Одна из формул грамоты от 26 июля 1571 г. посвящена невзиманию с монастырских вотчин великокняжеских и «посолских кормов», а в следующем обороте говорится о том, что «наши князи и бояре и воеводи ратные и посланники и всякие ездоки в их селех и деревнях ни у кого сильно не ставятца». В этом контексте деятельность посланников определенно связана с обеспечением нужд обороны страны, и в дальнейшем эта

---

[134] *Дьяконов М. А.* Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве. Вып. 2. Юрьев, 1897. С. 18—20, 24—26.

[135] *Абрамович Г. В.* Государственные повинности владельческих крестьян Северо-Западной Руси в XVI — первой четверти XVII века. С. 75—76.

[136] *Шапиро А. Л.* Русское крестьянство перед закрепощением (XIV—XVI вв.). С. 100—107.

[137] Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты Московского Симонова монастыря (1506—1613 гг.) / Сост. Л. И. Ивина. Л., 1983. № 176. С. 225; № 178. С. 227; № 190. С. 237; № 191. С. 238; № 192. С. 239; № 199. С. 245; *Дьяконов М. А.* Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве. № 20. С. 18.

[138] *Садиков П. А.* Из истории опричнины. № 59. С. 267.

норма была повторена в жалованных грамотах 1573 и 1575 гг.[139] Посланники в числе других государственных чиновников — городовых приказчиков и мытчиков — упоминаются в указных грамотах наместникам и городовым приказчикам 1575—1582 гг., а также в жалованных грамотах 1576 и 1580 гг. суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю[140]. Помимо сбора налогов посланники могли выполнять и разовые поручения, как, например, государев посланник В. Н. Кочуров, который 7 июля 1576 г. продал в пользу казны «немецкий» двор на посаде Костромы[141].

Сфера деятельности посланников хорошо видна из делопроизводственных материалов Соловецкого монастыря, в актах которого посланники упоминаются начиная с 1573 г. Источники отмечают такую важнейшую функцию посланников, как набор посошных людей для армии. Посоху или деньги на нее в вотчинах Соловецкого монастыря собирали следующие посланники: А. Г. Квашнин в 1573 г., Д. И. Мосальский в 1570-е гг., некий Михаил Иванович в 1578 г., В. Т. Евлашков в 1579 г., И. В. Сомов в 1582 г.[142] Однако основным родом деятельности посланников был государственный фиск. В 1574 г. посланник Г. Секирин собирал деньги на полоняничный откуп. В 1578 г. посланник некий Андрей Иванович разбирал тяжбу по выплатам налогов между жителями Неноксы и старцами Антониево-Сийского монастыря[143]. В 1580 г. посланник С. И. Фролов собирал налоги «в государеву денежную службу за плавные люди». В 1581 г. посланник И. В. Титов также собирал «государевы деньги за плавных людей». Кроме того, сохранились сведения об экстраординарных сборах 1582 и 1583 гг., когда с Двинского уезда были взяты «государевы деньги» в размере двух и четырех тысяч рублей. В Неноксе и Лудской волости эту важнейшую акцию осуществляли государевы посланники С. Фролов в 1582 г. и З. Шестаков в 1583 г. В некоторых случаях посланников подменяли государевы дьяки. Так, в декабре 1580 г. полоняничные деньги с жителей Сумской волости взимали государевы дьяки И. Осеев и Т. Репьев[144]. Посланники выполняли и разного рода чрезвычайные поручения. Указная грамота Ивана IV 1583 г. о запрещении использовать на строительстве Кольского острога крестьян соловецкой вотчины предназначалась для уведомления «приказных людей и посланников»[145].

Персональный состав посланников характеризуется отсутствием среди них представителей высших чинов Государева двора. Лишь Афиноген Гаврилов сын Квашнин входил в состав выбора по Дорогобужу и соответственно боярского списка 1588—1589 гг. и списка выборных дворян начала 1590-х гг.[146] Другие же посланники отсутствуют в реестрах служилых людей своего времени и были, видимо, чиновниками низшего звена, что неудивительно, поскольку посланники командировались в большинство уездов страны, и каждый раз было задействовано немало чиновников этого ранга.

---

[139] Акты российского государства: Акты московских монастырей и соборов XV — начала XVII в. М., 1998. № 128. С. 307; № 131. С. 319.

[140] *Дьяконов М. А.* Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве. № 23. С. 22; № 26. С. 26; № 28. С. 29; Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506—1608 гг. № 194. С. 362; № 212. С. 389.

[141] *Садиков П. А.* Из истории опричнины. № 69. С. 278.

[142] Акты социально-экономической истории Севера России конца XV — XVI вв.: Акты Соловецкого монастыря 1572—1584 гг. Л., 1990. № 491. С. 33; № 591. С. 80; № 651. С. 105; № 700. С. 130; № 814. С. 184.

[143] Там же. № 541. С. 55; № 665. С. 114.

[144] Там же. № 727—728. С. 143; № 756. С. 156; № 786—787. С. 171; № 856. С. 206—207.

[145] Там же. № 881. С. 220.

[146] *Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора в России XVI—XVII веков. С. 247, 353.

Документы земских миров, касающиеся деятельности посланников, и акты делопроизводства самих посланников сохранились фрагментарно. Так, 28 и 29 декабря 1584 г. датированы отписи сотников двух тяглых общин Двинской земли, в которых упоминаются мирские расходы на прием посланников: «что приежжал на Колмогоры государьской посланник Дементьян, обыскивали про обельные про манастыри, и про немцы аглинские, и про Ивана Белобородa, да что послали к тому ж земскому обыску земских людей с сотниками, и священника, и дьяка земского»[147]. Н. С. Чаеву удалось отыскать в собрании Белозерских актов Археографической комиссии четыре документа, которые он определил как фрагменты делопроизводства, ведшегося одним из посланников, возможно Тимофеем Шокуровым или Дементием Яковлевым[148]. Эти уникальные источники дают возможность предметно описать положение вещей, с которым сталкивались посланники на местах, и условия, в которых проходила их деятельность.

В обыскных речах жителей Неноксы детально охарактеризована чрезвычайно запутанная ситуация с выплатой налогов, сложившаяся на соляных промыслах Поморья. Недовольство черной общины вызывала усиливавшаяся экспансия Кириллo-Белозерского монастыря и вологодских купцов Кобелевых. Так, еще в 1578 г. один из «лучших людей» посада Неноксы продал свой двор и соляную варницу Кирилловскому монастырю, но при этом по сошному письму двор продолжал числиться на черном тяглом месте. С 1581 г. кирилловские старцы начали скупку вновь разрабатываемых варниц, стоявших на государевой земле, черных тяглых дворов и амбаров. Посадские люди Неноксы были озабочены не столько самим фактом покупки тяглых мест, сколько тем, что дворы и угодья не были выделены из черных земель в особый податной округ: «А от нас, государь, те их монастырские и Федора Кобелева черные промыслы изс тягла из черных сох не выведены, и не отставлены, и мы, государь, черные тяглые отсталые людишка с тех промыслов в государевых податех в земских розметех в конец загибли, платячи за тех силных людей, за монастыри». Поскольку перешедшие в монастырь промысловые угодья находились в одном податном округе (в одной «кости») с черными и на них не распространялись иммунитетные привилегии, монастырские власти были обязаны участвовать в волостном разрубе по выплатам налогов. Однако, к неудовольствию жителей Неноксы, старцы с ними «на счет <...> не садилися в своих черных промыслех» и за 1582—1584 гг. не доплатили в волостной разруб более 150 руб.[149]

Столь запутанная ситуация была прямым следствием непоследовательной политики правительства: отсутствие государственной воли рельефно проявлялось в продолжающемся существовании монастырских налоговых льгот и неурегулированности податных отношений между монастырями и черносошными тяглыми общинами. Деятельность посланников не была направлена исключительно на выполнение постановлений земско-церковных соборов 1580 и 1584 гг. и проходила отнюдь не только на монастырских и черносошных землях Севера. Посланники «строили» волости и посады Поморья, осуществляли сбор налогов и сыск закладчиков в замосковных вотчинах крупнейших монастырей, представляли интересы государства в земельных спорах. Именно посланники в 1570—1580-х гг. были призваны сокра-

[147] РИБ. Т. 25. Приложение: Акты Лодомской церкви. СПб., 1908. Стб. 103—105.

[148] *Чаев Н. С.* К вопросу о сыске и прикреплении крестьян в Московском государстве в конце XVI в. // Исторические записки. Т. 6. М., 1940. С. 153—154.

[149] Архив СПбИИ РАН. Кол. 174. Оп. 1. № 439. Л. 2—2 об. (Приложение 2. № 7).

тить ущерб, наносимый государственному фиску бегством и закладничеством тяглого населения, а сами методы государственного управления в России этого времени носят черты фискального принуждения, свойственные другим европейским монархиям раннего Нового времени. Аналогичный административный институт существовал в средневековой Европе до XV в.; это были *missus vices gerens* — «посланники, исполняющие поручения». Они выполняли как судебные функции, так и особые поручения по сбору налогов[150]. Сходство функций и даже терминологии (*missus* — «посланники») административных институтов Западной Европы и России свидетельствует о принципиальном совпадении инструментария, применявшегося централизующимися государствами эпохи Средневековья.

Земельная политика опричнины и послеопричного двора. Согласно указу об опричнине 1565 г., все земские дворяне подлежали сплошным выселениям из опричных уездов и должны были поселиться на территории земщины. Трудами Л. М. Сухотина, П. А. Садикова и других ученых были выявлены многие акты, свидетельствовавшие о переселениях дворян из опричных уездов в земские. По вопросу о масштабах этих переселений в исторической литературе высказывались различные точки зрения. По словам С. Б. Веселовского, «указом об опричнине началось великое переселение служилых землевладельцев, разорившее несколько десятков тысяч средних и мелких владельцев и много десятков тысяч крестьянских хозяйств»[151]. По мнению А. А. Зимина, программа опричных переселений либо вообще не была реализована, либо осуществлялась далеко не в полном объеме, поскольку следов выселений из опричных территорий сохранилось немного[152]. К выводу о массовом характере опричных выселений пришел Р. Г. Скрынников, отметивший значительное сокращение численности дворянства опричных уездов по данным росписей Разрядного приказа 1563 и 1572 гг.[153]

Новые возможности для изучения проблемы опричных земельных переселений дает ретроспективный анализ писцовых книг конца XVI в. и 20—30-х гг. XVII в. Имеется возможность сопоставить состав землевладельцев до опричнины и после нее по материалам писцовых книг Вяземского, Можайского, Малоярославецкого, Медынского и Верейского (Вышегородского стана) уездов конца XVI в. и 20-х гг. XVII в., составители которых «для приправки» использовали материалы еще доопричных описаний этих территорий. Анализ указанных писцовых книг свидетельствует о весьма значительных переменах, произошедших в составе землевладельцев за вторую половину XVI в. Фамильный состав землевладельцев в этих уездах, вошедших в состав опричнины при ее учреждении, изменился более чем на 75 %[154]. Эти изменения нельзя, разумеется, связывать только с опричниной; серьезные подвижки в составе землевладельцев рассматриваемых уездов происходили еще до опричнины в процессе формирования местных служилых корпораций[155]. Однако опричнина сыграла здесь далеко не последнюю роль. По свидетельству И. Таубе и Э. Крузе, подавляющее большинство землевладельцев, не приня-

[150] *Шмитт К.* Диктатура. СПб., 2005. С. 67—68.

[151] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 178.

[152] *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 314.

[153] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 221—222.

[154] *Павлов А. П.* Земельные переселения в годы опричнины: (К вопросу о практической реализации указа об опричнине 1565 г.). С. 89—104.

[155] *Бенционов М. М.* «Князья, бояре и дети боярские»: Система служебных отношений в Московском государстве в XV—XVI вв. С. 148.

тых в опричники, подлежали выселению из уездов, взятых в опричнину[156]. Анализ состава вяземских, можайских, малоярославецких, медынских и верейских (по Вышегородскому стану) землевладельцев по писцовым книгам показывает, что на своих местах к концу XVI в. оставались, как правило, опричники, земские же дворяне утрачивали земельные связи со своими уездами и их владения раздавались людям из опричнины. Все это говорит о весьма последовательной реализации опричной политики земельных переселений.

Интенсивные земельные переселения проводились и в уездах, включенных в состав опричной территории после 1565 г. Источники сохранили известия о переселениях больших групп дворян из взятого в опричнину Костромского уезда во Владимирский, Смоленский, Новгородский и другие земские уезды[157]. Ценнейший источник о переселении детей боярских из опричного Костромского уезда в земскую Бежецкую пятину Новгородского уезда — копия отдельных книг К. И. Морина и подьячего М. Васильева 1568 г. — был введен в научный оборот В. Н. Козляковым. Эти материалы свидетельствуют не только о массовом масштабе опричных земельных переселений (всего в Новгородский уезд было переселено 310 костромских детей боярских), но и, что особенно интересно, о реальной практике обустройства на новом месте переселенных[158]. Представления о переменах, произошедших в составе землевладельцев Ярославского уезда после его вхождения в опричнину в 1569 г., можно получить при сопоставлении материалов описания земель 1567—1569 гг. (когда уезд был еще земским[159]) с данными писцовых книг 20-х гг. XVII в. Большая часть фамилий землевладельцев 1567—1569 гг. (135 из 225) в 1620-х гг. уже не встречается в уезде. Свои владения в уезде утратили многие земские фамилии, а на местах оставались, как правило, представители опричных фамилий[160]. После Новгородского погрома выселениям (в том числе на территорию Полоцкого повета) подверглись земские дворяне из Бежецкой и Обонежской пятин, а на освободившихся землях были испомещены опричники[161].

Земельные переселения затрагивали не только опричные, но и земские уезды. На территории земщины получали поместья и вотчины лица, высланные из опричных уездов. В Рязанском уезде в результате политики опричных переселений старинное вотчинное землевладение сократилось более чем вдвое; конфискованные вотчины раздавались в поместья переселенным из опричнины дворянам[162].

В послеопричный период, в годы великого княжения Симеона Бекбулатовича

---

[156] Послание И. Таубе и Э. Крузе. С. 36.

[157] *Павлов А. П.* Земельные переселения в годы опричнины: (К вопросу о практической реализации указа об опричнине 1565 г.). С. 93—94.

[158] *Козляков В. Н.* Новый документ об опричных переселениях // Архив русской истории. Вып. 7. М., 2002. С. 197—211.

[159] *Кобрин В. Б.* К вопросу о времени включения в опричнину Ярославского уезда // Краеведческие записки / Государственный Ярославо-Ростовский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Вып. 4. Ярославль, 1960. С. 94—96.

[160] *Павлов А. П.* Земельные переселения в годы опричнины: (К вопросу о практической реализации указа об опричнине 1565 г.). С. 94—96.

[161] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 172—173; *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 339; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 409; *Ермак В. Ю.* Землевладение российских помещиков в Полоцком повете в 1563—1571 гг. по данным писцовых книг // Studia Historica Europae Orientalis — Исследования по истории Восточной Европы. 2009. Вып. 2. С. 136—151.

[162] *Сметанина С. И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. С. 20.

(1575—1576), произошло новое разделение территории страны на земщину и «государев удел». Как и во время опричнины, вновь стали производиться массовые выселения земских дворян из уездов, взятых в состав «государева удела», а их поместья и вотчины переходили к дворовым служилым людям. Правда, по своим масштабам послеопричные земельные переселения, очевидно, уступали опричным и не всегда сопровождались массовыми выселениями земских дворян[163].

В целом за годы опричнины и в послеопричный период в результате переселенческой политики едва ли не бóльшая часть русских дворян была сдвинута со своих насиженных мест, пострадали многие сотни помещиков и вотчинников. Общие масштабы переселений за вторую половину XVI в. можно представить, сравнив данные Тысячной книги и Дворовой тетради о территориальной принадлежности дворовых в середине XVI в. и боярских списков конца XVI — начала XVII в., где наиболее многочисленная группа двора — выборные дворяне — расписаны по «городам». Всего выявляются имена 153 лиц, которые встречаются одновременно в Тысячной книге, Дворовой тетради и послеопричных списках двора 1577—1604 гг. Большая часть этих лиц — 91 человек — к концу XVI в. сменила географию землевладения и службы и была расписана уже по другим «городам»[164].

Серьезный удар нанесла опричнина по родовому боярскому землевладению и, в частности, по родовым княжеским вотчинам. С. Ф. Платонов считал, что крушение княжеско-боярского землевладения было главной целью и результатом опричной политики[165]. Возражая Платонову, С. Б. Веселовский указал на пребывание в опричнине только двух районов бывших независимых княжений — Суздальского и Ярославского[166]. А. А. Зимин усомнился в факте пребывания в опричнине Ярославля и пришел к выводу, что почти все уезды, изобиловавшие вотчинами княжеской аристократии, оказались за бортом опричнины[167]. Мнение С. Ф. Платонова об антикняжеской направленности опричнины, по крайней мере на начальном этапе ее существования, поддержал Р. Г. Скрынников. Но при этом ученый полагает, что главный урон княжеской вотчине был нанесен опалами 1565 г. и казанской ссылкой[168]. Ссылка представителей княжеской аристократии в Казань действительно нанесла ощутимый урон родовому княжескому землевладению. Однако правительству Ивана IV не удалось полностью реализовать намеченную в 1565 г. программу казанской ссылки. Ссылка в Казань была кратковременной, и уже через год опальные, получив амнистию, стали возвращаться в свои старые имения.

Главный, завершающий, удар по княжеско-боярскому землевладению был нанесен именно в связи с проведением общей политики земельных переселений служилых людей из опричных уездов в земщину. В опричнину помимо первоначально вошедшего в нее Суздальского уезда были включены Ярославский и Ростовский уезды (с 1569 г.). Несколько позднее в состав уже послеопричного «удела» (в 1580 г.) был зачислен Стародуб-Ряполовский уезд. Таким образом, все «княжеские» уезды Северо-Восточной Руси (Суздальский, Ярославский, Ростовский и Стародубский)

---

[163] *Павлов А. П.* Земельные переселения в годы опричнины: (К вопросу о практической реализации указа об опричнине 1565 г.). С. 97.

[164] Там же. С. 98.

[165] *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. С. 92—105.

[166] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 30—31.

[167] *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 316—319.

[168] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 238—265.

побывали в составе «государева удела». Анализ данных писцовых книг и актового материала показывает, что основная часть князей утратила к концу XVI в. свои старинные родовые вотчины. При этом свои вотчины в родовых гнездах сохранили преимущественно лишь те князья, которые служили в опричнине[169].

Трудно переоценить социальные и политические последствия проводимой Иваном IV переселенческой политики. Важнейшим ее результатом явилось серьезное разрушение традиционных земельных и служебных связей русского дворянства, в том числе связей княжеско-боярской знати с уездами, местными дворянами.

Итоги опричного и послеопричного правления Ивана IV. По вопросу об итогах опричнины и о ее влиянии на дальнейший ход развития Русского государства в историографии нет единого мнения. В. О. Ключевский и С. Б. Веселовский не видели в опричнине большого смысла и считали, что она свелась к истреблению отдельных неугодных царю лиц и не изменила общего государственного порядка[170]. Согласно другой точке зрения, опричнина прервала наметившийся в середине XVI в. процесс формирования сословного общества и окончательно повернула русскую государственность на путь самодержавного развития, в этом смысле она явилась важным поворотным пунктом в истории России[171]. При решении поставленной проблемы следует отдельно проанализировать непосредственные итоги опричного правления Ивана IV и долгосрочные результаты опричной политики.

В последние годы царствования Ивана IV страна переживала острый экономический, политический и династический кризис. Многолетнее разделение страны на земщину и «государев удел» (опричнину, а затем Особый двор), политика репрессий приводили к глубокому недовольству действиями царя и его окружения в разных слоях русского общества. После кончины Ивана IV в правящей боярской среде развернулась острая борьба за власть. В этой борьбе сторонники продолжения прежнего дворового (опричного) курса потерпели поражение. В начале царствования Федора Ивановича был ликвидирован Особый двор. Бывшие дворовые деятели Ивана IV в большинстве своем лишились прежних высоких чинов и должностей, уступив место представителям княжеско-боярской знати, которые стали занимать крупнейшие посты в силу своего происхождения[172]. На первый взгляд, все это свидетельствует о полном крахе и безрезультатности опричной и послеопричной политики Ивана IV.

Тем не менее ведшаяся посредством опричных методов многолетняя и напряженная борьба Ивана IV за утверждение самодержавия не прошла бесследно для русской истории. В результате политики земельных переселений опричнины и двора большая часть русских дворян была сдвинута со своих насиженных мест. Серьезно нарушились традиционные земельные и служебные связи дворянства, что ослабляло перед лицом монархии местные общества

---

[169] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 151—160.

[170] *Ключевский В. О.* Курс лекций по русской истории. Ч. 2 // Ключевский В. О. Сочинения: В 8 т. Т. 2. Ч. 2. М., 1957. С. 183—184; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 28.

[171] *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. С. 9—13; *Альшиц Д. Н.* Начало самодержавия в России: Государство Ивана Грозного. С. 61 и др.; *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 58, 395; *Павлов А. П.* Судьбы самодержавия и земства в России XVI века (опричнина Ивана Грозного) // История России: Народ и власть. СПб., 1997. С. 203—244; *Шапошник В. В.* Иван Грозный. СПб., 2015. С. 291—292.

[172] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 27—50.

служилых людей. Серьезный удар нанесла опричнина по родовой княжеско-боярской вотчине и, в частности, по родовому княжескому землевладению. Разгром родовой боярской вотчины, утрата прежних связей с местным дворянством приводили к существенной трансформации русской аристократии, ставили ее в полную зависимость от монархии. Нарушение прежних земельных связей повлекло за собой и серьезные перемены в самой структуре правящей элиты. К середине 1570-х гг. произошло разрушение прежней территориальной структуры Государева двора, при которой наиболее знатные и видные дворяне одновременно служили при дворе и возглавляли местные дворянские организации. Утвердился новый, чиновный, принцип строения двора. Из общей массы дворянства выделялась его привилегированная верхушка — дворяне московских чинов (стольники, стряпчие и дворяне московские). Они полностью обособлялись от уездного дворянства и несли службу уже исключительно по «московскому списку», что значительно усиливало их зависимость от государственной власти. Данная тенденция эволюции Государева двора продолжалась и при преемниках Ивана IV[173]. В результате лишенная связей с уездами, чуждая местным интересам и целиком зависимая от монархии верхушка дворянского сословия (московские чины Государева двора) в качестве государственных чиновников стала жестко проводить на местах политику самодержавия вопреки сословным интересам различных групп населения, в том числе и уездных дворян.

Сходные тенденции в период царствования Ивана IV наметились и в эволюции посадских людей. В результате политики массовых принудительных переселений купечества, продолжавшейся на протяжении 1570—1580-х гг., провинциальные посады лишились своей наиболее влиятельной и зажиточной верхушки, и население городов превратилось в однородную тяглую массу. Получившие значительные привилегии и одновременно поставленные на службу государству верхи купечества — гости и члены гостиной и суконной сотен — оказались противопоставленными основной части городского населения[174].

Из сказанного видно, что формирование сословий в последней трети XVI в. совершалось не по линии консолидации близких страт общества, а по линии их дробления на чины, разделения на привилегированные верхи и бесправные низы. Все это приводило не только к ослаблению сословий, но и к трансформации самой их сущности, к утрате ими способности отстаивать перед верховной властью свои политические интересы.

Опричнина нанесла ощутимый удар по органам местного сословного самоуправления. В годы опричнины происходило дальнейшее подчинение государству губных органов. Так, они были вынуждены участвовать в осуществлении разорительной для дворянства политики опричных земельных переделов[175], что трансформировало их суть как органов дворянского самоуправления. Проводимая опричным правительством политика массовых раздач помещикам черносошных земель привела

---

[173] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 101—139, 250—253.

[174] *Флоря Б. Н.* Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве // История СССР. 1977. № 5. С. 145—160.

[175] *Колобков В. А.* Опричное самоуправление // Политические институты и социальные страты России (XVI—XVIII вв.): Тезисы международной конференции 2—3 октября 1998 г., Москва. М., 1998. С. 56—61.

к тому, что в центральных уездах страны черная крестьянская волость была практически уничтожена,[176] что оказало сильное разрушительное влияние на судьбы земского крестьянского самоуправления в целом. В результате политики переселений «лучших», наиболее зажиточных и влиятельных купцов и ремесленников произошла серьезная деформация органов сословного самоуправления в городах. Упадок системы сословных органов самоуправления на местах сопровождался заметным усилением контроля центральной власти над уездами. Для контроля над земскими учреждениями на местах был создан институт посланников, причем методы фискального управления местными земскими мирами были сходными в опричнине и земщине[177]. В конце царствования Ивана IV получает развитие новая — воеводская — форма местного управления. При этом воеводская власть утверждается не только в пограничных городах, но и во внутренних областях страны и на севере, где особенно были развиты традиции самоуправления. Местные органы сословного самоуправления постепенно оказываются в подчинении у воевод — представителей центральной власти. Усиление централизованных начал в управлении проявилось также и в развитии системы особых территориальных ведомств — приказов, осуществлявших административный, судебный и финансовый контроль над населением уездов[178].

Таким образом, результатом опричного и послеопричного правления Ивана IV явилось значительное возвышение государственной власти над обществом, что способствовало утверждению самодержавного строя в России.

Царствование Федора Ивановича

Придворная борьба в начале царствования Федора Ивановича. Выход из политического кризиса. В конце царствования Ивана IV страна переживала острый политический, социальный и экономический кризис. Затяжная Ливонская война и стихийные бедствия привели хозяйственную жизнь страны в полный упадок. Катастрофические масштабы приобрели запустение земель и убыль населения[179]. Экономическая разруха сказывалась на боеспособности армии — многие дворяне не могли нести службу с опустошенных поместий. Польский король Стефан Баторий после смерти Ивана IV вынашивал планы вторжения в Россию. Над страной нависала реальная угроза иноземного нашествия и внутренней смуты. Кризис усугублялся неспособностью к самостоятельному правлению государством царевича Федора Ивановича и малолетством царевича Дмитрия. Многолетнее разделение страны на земщину и «государев удел» (опричнину, а затем Особый двор), политика репрессий привели к глубокому расколу в правящих верхах и обществе в целом.

После смерти Ивана IV накапливавшиеся годами противоречия в боярской среде стремительно вырвались наружу. В ту же ночь по его кончине (с 18 на 19 марта 1584 г.) в Боярской думе произошли столкновения, в результате которых были взяты

[176] *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв.: Переяславский уезд. С. 168—185.

[177] *Аракчеев В. А.* Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тягловых сословий в России второй половины XVI — начала XVII века. С. 363—383.

[178] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 233, 240.

[179] АИСЗР. II. С. 291—292; *Колычева Е. И.* Аграрный строй России XVI века. С. 178—195.

под стражу и удалены от двора родственники царевича Дмитрия Нагие[180]. Спустя некоторое время царевич Дмитрий Иванович был отправлен на удел в Углич. На престол был возведен старший сын Ивана IV Федор. Роль правительства при новом царе взяли на себя члены опекунского совета, назначенного еще Иваном IV для управления страной при не способном к государственным делам наследнике. В числе опекунов источники называют имена бояр князя И. Ф. Мстиславского, князя И. П. Шуйского, Н. Р. Юрьева, Б. Ф. Годунова и Б. Я. Бельского[181]. Внутри этого правительства не было единства, и вскоре борьба за власть разгорелась с новой силой. По мнению С. Ф. Платонова, борьба в верхах в начале царствования Федора не была борьбой боярских «партий», она «сводилась лишь к простым столкновениям за дворцовое влияние и положение между людьми, причитавшими себя в родство с царем»[182]. Но такая точка зрения не учитывает всей сложности и специфичности тогдашней обстановки. После смерти Ивана IV не мог не встать вопрос о путях дальнейшего политического развития страны. О принципиальном, политическом характере протекавшей борьбы может свидетельствовать уже сам состав соперничавших группировок. Логика политической борьбы сплотила в особую группировку первостепенную княжескую знать — как бывших опричников (дворовых), князей Шуйских, так и бывших земских, князей Мстиславских, Воротынских, Куракиных и Голицыных. Эти бояре-князья в силу своей исключительной родовитости, а не на правах царских фаворитов могли претендовать на роль первосоветников при государе. Политическим идеалом этой группировки было, по-видимому, ограничение царской власти в пользу первостепенной княжеской аристократии. Социальным и политическим антиподом этой княжеской группировки были худородные опричные («дворовые») деятели, заинтересованные в сохранении тех прав и привилегий, которыми они пользовались при жизни Ивана IV. Наиболее энергичный из них — Б. Я. Бельский попытался захватить власть и принудить царя к продолжению опричного курса. В Москве 2 апреля 1584 г. произошло восстание против этого всесильного ранее временщика Ивана IV, что привело к его отставке и удалению из Москвы (отправке на воеводство в Нижний Новгород)[183]. В волнениях в столице 2 апреля приняли участие широкие слои посадского населения, а также дворяне, что свидетельствовало о крайней непопулярности опричного политического курса в стране. С отставкой Бельского положение бывших «дворовых» серьезно пошатнулось[184].

Спустя месяц после волнений, в начале мая 1584 г., в Москве состоялся собор, на котором присутствовали представители высшего духовенства, боярской знати, а также, очевидно, дворянства. О самом характере этого собрания и целях его созыва в литературе нет единой точки зрения.

[180] ПСРЛ. Т. 14. М., 1965. С. 35.

[181] Р. Г. Скрынников считает, что царь Иван, намеревавшийся развести сына Федора с бесплодной Ириной Годуновой, не назначил Бориса Годунова в число его душеприказчиков. Данное мнение было оспорено А. А. Зиминым, который, в свою очередь, усомнился в назначении в число регентов Федора Б. Я. Бельского (*Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». Л., 1981. С. 10—11; *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. С. 104—108). Я. Г. Солодкин считает, что регентского совета в первые годы царствования Федора Ивановича не существовало, а ключевая роль в управлении страной принадлежала Ближней думе (*Солодкин Я. Г.* Московское государство накануне Смуты: Спорные проблемы политической истории рубежа XVI—XVII вв. Нижневартовск, 2013. С. 6—20, 109).

[182] *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. С. 125—127.

[183] *Корецкий В. И.* Бездинский летописец конца XVI в. из собрания С. О. Долгова // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Вып. 38. М., 1977. С. 195, 208.

[184] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 30—31.

Одни историки считают его Земским собором, другие склонны рассматривать его как совместное заседание Освященного собора и Боярской думы с возможным участием дворянства[185]. В историографии распространена точка зрения о том, что на Земском соборе 1584 г. состоялось избрание на царство Федора Ивановича[186]. Данное мнение является, однако, небесспорным. По сообщениям официальных источников, царь Федор Иванович «сел на свои государства <...> по благословению отца своего» (а не по соборному избранию). Уже 21 марта 1584 г., по погребении Ивана IV, о вступлении на престол царя Федора официально было объявлено польским послам. С этого времени Федор Иванович правил страной как полновластный государь (первые царские грамоты от его имени относятся к началу апреля)[187]. Наиболее полную информацию о деятельности собора встречаем в сочинении англичанина Дж. Горсея. Согласно его сообщению, «на 4 мая был собран парламент (parliament), представленный митрополитом, архиепископами, священниками, высшими духовными лицами и всей знатью, какая только была (all the nobility whatsoever), там решались вопросы, о которых я не могу рассуждать: все говорило за перемены в правительстве, но [что для нас] особенно интересно, определили срок и день празднования коронации нового царя»[188]. Очевидно, собрание, о котором говорит Горсей, было созвано по случаю сорочин по усопшем царе Иване[189], когда и стало возможным приступить к подготовке торжеств коронации нового государя. По убедительному мнению Ю. Н. Мельникова, на соборе было принято решение о ликвидации двора Ивана IV[190]. Действительно, после отставки Б. Я. Бельского, высылки из Москвы Нагих и общего падения статуса группировки худородных деятелей Особого двора не мог не встать вопрос о судьбе этого детища царя Ивана IV. Спустя несколько недель после собора, 31 мая 1584 г., состоялось венчание Федора Ивановича на царство.

Со смертью Ивана IV и поражением партии бывших опричников (дворовых) в кругу первостепенных князей возродились надежды на восстановление своего прежнего значения в государстве. В начале царствования Федора Ивановича наблюдается заметное усиление позиций первостепенной княжеской знати. Думные чины получили братья Василий, Андрей и Дмитрий Ивановичи Шуйские, сторонники Шуйских (Ф. В. Шереметев, В. В. Головин), а также, очевидно, князья И. М. Воротынский и А. П. Куракин. Представители рода Шуйских получили богатые и доходные кормления. Часть родового Новосильско-Одоевского удела удалось вернуть себе князьям Воротынским[191].

Однако группировке первостепенных князей и их сторонников (так же как ранее партии худородных опричников-дворо-

---

[185] Подробный разбор мнений о соборе 1584 г. см.: *Солодкин Я. Г.* Земские соборы Московской Руси конца XVI века (спорные проблемы истории и историографии). Нижневартовск, 2010. С. 41—62.

[186] *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. Т. 8. М., 1990. С. 52; *Тихомиров М. Н.* Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России XVI века. С. 17—19; *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. С. 125—132; *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». С. 14—15.

[187] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 219.

[188] *Горсей Дж.* Записки о России: XVI — начало XVII в. С. 142.

[189] Сорочины по смерти Ивана IV приходились на 27 апреля. Как показал Я. Г. Солодкин, дата собора у Дж. Горсея (4 мая, или 24 апреля по юлианскому календарю) указана неверно; собор состоялся в начале мая 1584 г. (*Солодкин Я. Г.* Земские соборы Московской Руси конца XVI века (спорные проблемы истории и историографии). С. 52).

[190] *Мельников Ю. Н.* Ликвидация двора (опричнины) // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 196—201.

[191] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 31—32.

вых) не удалось добиться победы в политической борьбе. На авансцену выдвинулась третья политическая сила во главе с Годуновыми и Романовыми, которая и одержала верх. К лету 1584 г. произошло сближение этих родов и заключение между ними «завещательного союза дружбы», по которому престарелый боярин Никита Романович Юрьев, родной дядя царя Федора по матери, вверил попечение своих юных сыновей — братьев Никитичей Романовых — царскому шурину Борису Годунову[192]. Соглашение было выгодно Годунову. По всей вероятности, не без поддержки Н. Р. Юрьева Борис получил к моменту царского венчания высший боярский чин конюшего. С этого времени наблюдается стремительный взлет Годуновых. К лету 1584 г. в Думе было уже пятеро представителей этой фамилии. Посланник в Священную Римскую империю Лука Новосильцев называл в Вене в ноябре 1584 г. Бориса Годунова «правителем земли и милостивцем великим»[193]. Итак, начиная с лета 1584 г. стоявший до того в тени Годунов становится официально признанным правителем государства. С этого времени в течение двадцати лет, вплоть до своей смерти, он является центральной политической фигурой Московского государства.

Укрепившись у власти, Борис Годунов повел борьбу со своими политическими противниками — князьями Шуйскими и их сторонниками. В 1584 г. опалам и репрессиям подверглись Головины. В июле 1585 г. удалился из Москвы, а затем был вынужден принять постриг в монахи глава Боярской думы, старейший боярин князь И. Ф. Мстиславский. В 1585—1586 гг. в опалу попали князья А. П. Куракин, И. М. Воротынский и В. Ю. Голицын. Затем, в конце 1586 г., наступила очередь князей Шуйских. Еще в мае 1586 г. Шуйские, заручившись поддержкой главы Русской церкви митрополита Дионисия и московских посадских людей, организовали от имени сословий челобитную царю Федору с просьбой о разводе его с бесплодной царицей Ириной Годуновой. Но царь отверг это предложение. Годунов не решился тогда подвергнуть Шуйских прямым преследованиям. Отставка Шуйских произошла вскоре после возвращения из Польши русского посольства (1 октября 1586 г.), когда Борис мог получить доказательства своим подозрениям в сношениях Шуйских с польскими панами[194]. Осенью 1586 г. Шуйские были высланы из столицы, а в следующем году подвергнуты суровым репрессиям. Наиболее видные и активные из них — Иван Петрович и Андрей Иванович — были умерщвлены (первый из них — в Кирилло-Белозерском монастыре, второй — в темнице в Буйгороде) приставами, вероятно не без ведома Годунова[195]. Были сведены со своих престолов митрополит Дионисий и епископ Крутицкий Варлаам. Опалам и казням подверглись «торговые мужики», поддержавшие Шуйских.

Конец 1580-х гг. был важной вехой политической борьбы, закончившейся полной победой Бориса Годунова. Главным ее результатом был разгром верхушки родовитых «княжат» и отстранение от власти худородной опричной гвардии.

Как и Иван IV, Борис Годунов стремился к укреплению самодержавной царской власти, подчинению ей различных слоев общества и прежде всего верхов служилого сословия. Но Годунов добивался этой цели иными методами. В исторической литературе долгое время господствовала точка зрения о том, что Борис Годунов, укрепляя самодержавную власть, опирался на рядовое дворянство и оттеснял на задний

[192] *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве. XVI—XVII вв. С. 129—130.

[193] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Ч. 1. С. 934.

[194] *Корецкий В. И.* Безнинский летописец конца XVI в. из собрания С. О. Долгова. С. 199; *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы. С. 140.

[195] *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». С. 58—59.

план княжеско-боярскую аристократию[196]. Изучение состава Боярской думы при Борисе Годунове заставляет оспорить данное положение — на протяжении всего периода его правления и царствования в ней решительно преобладали представители знатных княжеско-боярских родов. Из бояр и окольничих в конце царствования лишь один окольничий А. П. Клешнин не принадлежал к боярскому роду. Резко сократилось при Борисе Годунове, по сравнению с последними годами царствования Ивана IV, число думных дворян. Подвергая гонениям своих противников из числа знатных родов, Борис Годунов, обладая реальной властью, способствовал другим представителям княжеско-боярской знати продвинуться в чинах и по службе, а те, в свою очередь, считали себя обязанными правителю и оказывали ему поддержку[197]. Таким образом, едва ли можно считать Бориса Годунова принципиальным противником княжеской знати вообще.

Суть политики Бориса Годунова по отношению к знати еще больше проясняется при изучении реформы Государева двора, проведенной в годы его правления во второй половине 1580-х гг. Уже в первые годы царствования Федора Ивановича, как говорилось выше, было ликвидировано разделение Земского и Особого дворов. Следующим шагом стало создание единого списка членов Государева двора и выработка единых принципов организации службы дворовых. Есть основания полагать, что правительство Бориса Годунова обратилось к идеям реформы двора середины XVI в. (прежде всего Тысячной реформы 1550 г.), направленным на консолидацию знати и верхов дворянства вокруг трона при условии обязательной службы государю.

В 1586/87 г. был издан указ о наделении членов Государева двора подмосковными поместьями[198], который, как и указ 1550 г. об испомещении под Москвой тысячи «лучших слуг», обеспечивал эффективность несения членами двора московской службы. Указ в целом активно претворялся в жизнь[199]. Осуществляемая правительством Годунова реформа двора не была, однако, простым повторением реформ середины XVI в. За вторую половину века произошли существенные перемены в самой структуре двора. Опричные перетасовки серьезно ослабили земельные и служебные связи между дворянством, что привело к разрушению прежней территориальной структуры Государева двора и оформлению новой — чиновной — его структуры, выделению особой группы московских чинов дворянства (стольников, стряпчих и дворян московских), не связанной уже с местной служилостью и целиком зависимой от московской службы. Интересами прежде всего именно этой верхушки дворянства (московских чинов) руководствовалось правительство Годунова, проводя пересмотр личного состава Государева двора.

Правительство явно преследовало цель приведения чиновного состава двора в соответствии с происхождением его членов и удаления из двора лиц худородных. В составе верхних чинов двора — думных людей и московского дворянства — решительное преобладание получили, как можно судить по сохранившемуся списку Го-

[196] См., например: Очерки истории СССР. Т. 4. С. 276—480 (автор соответствующего раздела И. И. Смирнов).

[197] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 27—63.

[198] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. С. 63.

[199] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 140—149.

сударева двора 1588/89 г.[200], представители знатных княжеско-боярских фамилий. По наблюдениям А. Л. Станиславского, почти все худородные стольники, стряпчие и жильцы Особого двора Ивана IV оказались к 1588/89 г. в рядах выборного городового дворянства или провинциальных детей боярских[201]. Аристократический состав двора сохранялся на всем протяжении правления и царствования Годунова — к боярско-княжеской знати принадлежали 91 % стольников, 76 % московских дворян и около 60 % стряпчих. Иным был социальный состав нижних чинов двора — выборных городовых дворян и жильцов. Здесь преобладали выходцы из провинциального дворянства и редко встречались представители знати. Но и эти люди не были случайными при дворе.

Подавляющее большинство жильцов и выборных дворян имели родственников среди тысячников и дворовых середины XVI в., т. е. были выходцами из фамилий, традиционно связанных с Государевым двором. В конце XVI — начале XVII в. происходило увеличение численности выборных дворян и рост числа городов, где оформился институт выбора. Однако уездное дворянство оказалось в значительной мере отстраненным от дел управления страной. В рассматриваемое время шел процесс постепенного оседания выборных дворян по уездам и ослабления их связей с Государевым двором. Не все служилые города получили при дворе адекватное представительство. К концу XVI в. связи с двором утрачивает многочисленное дворянство Новгородского и Псковского регионов.

Слабо было представлено при дворе (в качестве выборных дворян) дворянство южных окраин. Правительство Бориса Годунова весьма редко допускало к высшим чинам и постам людей неродословных, выходцев из провинциального дворянства. Высшие посты в государственном аппарате были сосредоточены в руках аристократических по составу верхов Государева двора (думных и высших московских чинов), а также представителей приказной бюрократии — дьяков. В конце XVI в. возрастает роль боярской знати в управлении центральным и местным административным аппаратом: более заметным, чем ранее, становится участие бояр и московских дворян в работе приказов, укрепляется воеводская власть на местах.

В годы правления Годунова мы отчетливо наблюдаем процесс консолидации аристократической по составу верхушки двора и дьячества в особую правящую и привилегированную группировку служилых людей. Но подобная консолидация не противоречила процессу развития самодержавия. Утратившая к концу XVI в. основную часть своих родовых вотчин и прежние связи с местным дворянством княжеско-боярская знать отнюдь не представляла собой слоя крупных и всесильных на местах магнатов. Целиком зависимая от государевой службы, раздираемая местническими противоречиями, русская аристократия была не способна выступить как единая сила в защиту своих корпоративных интересов[202]. Годунову не потребовалось массовых опал и казней, чтобы удержать знать в повиновении. Но ему удалось избежать применения опричных методов во многом именно потому, что он имел возможность воспользоваться плодами самой опричнины и результатами предшествующей централизаторской политики московских государей.

Одним из важнейших событий времени царствования Федора Ивановича и правле-

[200] Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. Ч. 1. С. 104—176.

[201] *Станиславский А. Л.* Источники для изучения состава и структуры государева двора последней четверти XVI — начала XVII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. С. 19.

[202] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 202—203.

ния Бориса Годунова явилось учреждение патриаршества в России в 1589 г. Учреждение патриаршества приводило к дальнейшему сближению церкви и государства. Наблюдается процесс все более активного участия духовенства в делах защиты интересов государства. На патриарший престол был возведен сторонник Бориса Годунова митрополит Иов. Были повышены рангами и прочие иерархи. Укреплением своего положения они во многом были обязаны правителю государства Борису Годунову. В дальнейшем руководство церкви сыграло видную роль в деле избрания Годунова на царский престол и обосновании законности его самодержавной власти, в обличении Самозванца и т. д.

Проводя политику консолидации верхушки служилого сословия и верхов духовенства под эгидой самодержавной власти, Борис Годунов сумел вывести государство из внутриполитического кризиса, восстановить авторитет русской монархии и прочно утвердиться у власти самому.

В конце XVI в. шел процесс дальнейшего развития органов государственного управления. Происходило совершенствование и развитие приказной системы, наблюдается заметный рост дьяческих кадров, уровня их специализации[203]. В рассматриваемое время отчетливо проявляется тенденция дальнейшего усиления контроля центра над уездами. Это нашло выражение в развитии территориальных приказов — четвертей, которые на рубеже XVI—XVII вв. окончательно обрели свою номенклатуру (Новгородская, Владимирская, Галицкая, Костромская и Устюжская четверти)[204]. Тенденция централизации управления проявилась и в развитии воеводской власти на местах. Новой чертой рассматриваемого времени было появление воевод не только в пограничных «украинных» городах, но и на севере страны, где имели место развитые традиции самоуправления (на Двине, Белоозере, в Вологде). В конце XVI — начале XVII в. мы встречаем представителей центральной власти — членов Государева двора — во главе управления городов, не имевших пограничного значения (Устюг Великий, Тверь, Владимир и др.). Правда, в источниках они не упоминаются как воеводы, а именуются «судьями», «приказными людьми» и т. д. Но важен уже сам факт присутствия во многих уездах, в том числе во внутренних областях государства, в качестве администраторов назначаемых из Москвы чиновников[205]. Последняя четверть XVI — начало XVII в. явились качественно новым этапом в развитии местного управления, характеризовавшимся падением на местах роли сословного самоуправления (губных и земских органов) и усилением роли центральной власти. Главным проводником политики центральной власти и политической опорой самодержавия становятся верхи служилого сословия.

Внутренняя политика и борьба за власть в 1590-х гг. Центральной проблемой внутренней политики русского правительства конца XVI в. было преодоление последствий хозяйственной разрухи и острого социального кризиса. Задачей первостепенной важности было удовлетворение экономических интересов дворян-«воинников» (дворянская поместная конница составляла в тот период боевое ядро русской армии). Уже в первый год царствования Федора Ивановича (20 июля 1584 г.) правительство добилось от церковного собора принятия приговора, который подтверждал прежнее постановление 1580 г. о запрещении земельных вкладов в монастыри и вносил важный

[203] *Павлов А. П.* Приказы и приказная бюрократия (1584—1605 гг.). С. 187—227.

[204] *Павлов А. П.* Эволюция четвертных приказов в конце XVI — начале XVII в. С. 217—227; *Лисейцев Д. В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. С. 218—222.

[205] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 239—249.

новый пункт об отмене податных привилегий (тарханов) крупных церковных и светских землевладельцев[206]. Мероприятие это мотивировалось интересами «оскудевшего воинства», на разоренные владения которых падала основная тяжесть налогообложения. Несмотря на ясность формулировок Приговора об отмене тарханов от 20 июля 1584 г., вопрос о его действии на практике является дискуссионным, хотя определенные тенденции прослеживаются явственно. Во-первых, упорная борьба монастырей за предоставление срочных («урочных») льгот, а также ограниченное количество их обладателей свидетельствует о повсеместном взимании налогов с монастырских вотчин как отархаженных, так и не имевших иммунитета. Во-вторых, очевидно, что постановления собора 20 июля 1584 г. стали рубежом, начиная с которого иммунитетные привилегии монастырям приобрели качественно иной характер. За первое десятилетие правления Федора монастыри не получили ни одной новой грамоты с полным тарханом, а подтверждения старых грамот носили фиктивный характер в полном соответствии с постановлением собора, исходившего из временного характера своих мер: «покаместа земля поустроится»[207].

В-третьих, крупнейшие и наиболее древние монастыри приобрели право самостоятельно собирать и отправлять в финансовые приказы ямские, приметные и другие деньги и получали лишь тарханно-проезжие и несудимые грамоты. В-четвертых, единственным способом уклонения от уплаты налогов стала временная льгота, которой добивались монастыри, оказавшиеся в особом приближении к власти (Симонов) или уязвимом положении (Псково-Печерский). Абсолютное же большинство обителей не получало иммунитетных грамот вообще, как, например, Калязин монастырь[208].

Не вполне последовательно реализовывались на практике и постановления церковных соборов 1580 и 1584 гг. о запрещении земельных вкладов в монастыри. С одной стороны, начиная с 1580-х гг. произошло резкое сокращение земельных вкладов в монастыри[209]. Но, с другой стороны, мы встречаем многочисленные случаи нарушения соборных постановлений. Крупные земельные вклады в монастыри поступали от «сильных людей» — бояр Годуновых, князей Трубецких, князя И. М. Глинского и других, для которых «законы не писаны»; дарителями монастырей выступали также мелкие служилые люди, незначительные вклады которых могли остаться незамеченными[210]. Правительство шло в обход закона, удовлетворяя челобитные монастырей или вкладчиков. Пытаясь ограничить рост монастырского землевладения, составители постановлений 1580 и 1584 гг. в то же время делали монастырям важную уступку: обширные вотчины, приобретенные до 1580 г., оставались за ними в неприкосновенности, запрещался выкуп земель, отданных в монастыри до 1580 и 1584 гг. В 1590-х гг. правительство предприняло попытки произвести ревизию монастырских владений. В частности, в 1592—1594 гг. были произведены описание вотчин Троице-Сергиева монастыря, проверка его владельческих прав и отписка «на государя» сел и деревень, правомерность владения которыми внушала сомнения. Но эта «частичная секуляризация» (по терми-

---

[206] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. С. 62.

[207] Там же. С. 61—62.

[208] *Аракчеев В. А.* Финансовая политика Русского государства в 1584—1590 гг. // Canadian-American Slavic Studies. 2015. Vol. 49. P. 253—266.

[209] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. С. 97; *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV — XVI в.). С. 179.

[210] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. С. 107.

нологии С. В. Рождественского[211]) не имела широкого размаха. Впоследствии, в конце 1597 — начале 1598 г., по крайней мере часть конфискованных вотчин вновь отошла монастырю[212].

Мероприятия 1580—1590-х гг. не остановили рост монастырского землевладения и не нарушили коренным образом податные привилегии крупных землевладельцев. Они не обеспечили серьезно ни равномерности налогообложения, ни добавочного земельного фонда для поместной раздачи. Более того, правительство продолжало широкие земельные пожалования монастырям и видным боярам. Не желая ссориться с влиятельным духовенством, правительство Годунова стремилось свести уступки дворянству за счет монастырей к минимуму.

В целях укрепления экономического положения дворянства в начале 1590-х гг. были проведены мероприятия по «обелению» (освобождению от податей и повинностей) собственной барской пашни в поместьях служилых людей[213]. В 1591/92 г. в Новгород была прислана государева грамота, по которой велено было обелить «усадищную пашню» детей боярских «по их окладом» и не брать податей «с пуста», а взимать их лишь с крестьянской пашни[214]. Указ касался, очевидно, всех новгородских пятин. Но это мероприятие затронуло, видимо, не все уезды. Так, по вяземским писцовым книгам 1594/95 г., обложению подлежали пашня паханая «помещикова» и пустующие угодья, а из орловской писцовой книги 1594/95 г. узнаем, что подати взимались и с тех поместий, в которых вовсе не было крестьянских дворов[215]. И в послесмутное время писцовые книги различных уездов включали в сошное письмо не только крестьянскую, но и помещичью пашню. Вероятно, обеление барской пашни было не общерусской мерой, а льготой лишь для Новгородской земли, а также некоторых других разоренных уездов. Но подобной льготой пользовались не только разоренные помещики, но и крупные и влиятельные землевладельцы, в лице которых правительство рассчитывало получить политическую поддержку. Так, в 1590-х гг. была обелена пашня татарских мирз в Романовском уезде[216]. В 1598 г. по вступлении на престол Борис Годунов дал ряд льгот Троице-Сергиеву монастырю и в том числе велел обелить монастырскую пашню в разных уездах[217].

В 1580—1590-х гг. была проведена перепись различных уездов. В литературе это мероприятие рассматривается в связи с политикой по закрепощению крестьян — запись в писцовые книги, по мнению исследователей, служила главным основанием крестьянской крепости. Однако перепись земель в конце XVI в. не носила такого всеобъемлющего характера, как полагал В. И. Корецкий[218], и крупных валовых описаний по целому ряду уездов в это время произведено не было. Так, в сборнике сотных выписей из писцовых и дозорных книг на вотчины московского Новодевичьего

---

[211] *Рождественский С. В.* Из истории секуляризации монастырских вотчин на Руси в XVI в. // ЖМНП. 1895. № 5. С. 82.

[212] *Павлов А. П.* Политика правительства царя Федора Ивановича относительно церковного землевладения // Studia Humanistica: 1996: Исследования по истории и филологии. СПб., 1996. С. 70.

[213] *Рожков Н. А.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. С. 266—269.

[214] РИБ. Т. 22. СПб., 1908. Стб. 361.

[215] Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 2. СПб., 1877. С. 605, 853 и сл.

[216] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 379. Л. 386 и сл.

[217] НИОР РГБ. Ф. 303. Кн. 530. Л. 255.

[218] *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. С. 119—123, 304—319.

монастыря, составленном в 1603 г.[219], содержатся выписи из писцовых книг 1550—1570-х гг. Звенигородского, Рузского, Дмитровского, Ростовского, Бежецкого, Волоколамского, Клинского и Оболенского уездов, но отсутствуют указания на книги по этим уездам 1580—1590-х гг. Вероятно, не было проведено общего удовлетворительного описания в конце XVI в. крупного Ярославского уезда — в начале XVII в. ссылались одновременно на ярославские писцовые книги 1568/69, 1577/78 и 1580/81 гг.[220] В конце XVI — начале XVII в. пользовались еще старыми описаниями 1570-х гг. Коломенского, Каширского, Епифанского, Веневского и Соликамского уездов. Писцы вотчин Троице-Сергиева монастыря 1592—1594 гг. ссылались на старые, 1570-х гг., а не на новые, 1580—1590-х гг., писцовые описания Юрьев-Польского, Суздальского, Стародубского, Муромского и Пошехонского уездов[221]. Неизвестно о крупных валовых описаниях в конце XVI в. еще целого ряда уездов страны.

Мы можем определенно говорить об общем описании в 1580—1590-х гг. лишь тридцати двух уездов поместно-вотчинного землевладения (Арзамасского, Брянского, Верейского, Вяземского, Дедиловского, Зубцовского, Карачевского, Козельского, Костромского, Великолукского, Луховского, Малоярославецкого, Медынского, Можайского, Московского, Нижегородского, Новгородского, Орловского, Псковского, Пусторжевского, Путивльского, Ржевского, Романовского, Рязанского, Старицкого, Тверского, Торжковского, Торопецкого, Тульского, Угличского, Устюженского, Холмского). Большая часть перечисленных уездов — это земли, расположенные к западу от Москвы и наиболее пострадавшие от Ливонской войны и стихийных бедствий (Брянск, Великие Луки, Верея, Вязьма, Зубцов, Козельск, Малоярославец, Медынь, Можайск, Новгород, Псков, Пусторжев, Ржева Володимерова, Старица, Тверь, Торжок, Торопец, Устюжна, Холм). Были описаны Московский уезд, некоторые южные уезды (в том числе крупные — Рязанский и Тульский), районы Нижегородского края. Из уездов, лежащих к северо-востоку от столицы, общая перепись охватила лишь Костромской, Луховский, Романовский и Угличский уезды. Основная же часть земель Северо-Восточной Руси в конце XVI в. не была описана. Из тридцати шести уездов, составлявших центральную часть Русского государства (территория Замосковного края), по крайней мере половина в конце XVI в. либо была описана неполно, либо вовсе не была описана (Бежецкий, Волоцкий, Владимирский, Дмитровский, Звенигородский, Кашинский, Клинский, Коломенский, Муромский, Переславский, Пошехонский, Ростовский, Рузский, Серпуховской, Суздальский, Шуйский, Юрьев-Польский, Ярославский)[222].

Незавершенность переписи, а также неравномерность описания территории страны не могли не сказаться на реализации многих внутриполитических мероприятий правительства в конце XVI — начале XVII в., в том числе мероприятий по крестьянскому вопросу.

Основы понимания процесса закрепощения в России были заложены еще

---

[219] Источники по социально-экономической истории России XVI—XVII вв.: Из архива московского Новодевичьего монастыря / Подг. к печати В. Б. Павлов-Сильванский. М., 1985. С. 33—80.

[220] *Сухотин Л. М.* Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе: 1610—1611. М., 1911. С. 92 и др.

[221] Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 1. СПб., 1872. С. 854, 872, 879—880; Ч. 1. Отд. 2. С. 39.

[222] *Павлов А. П.* К изучению внутренней политики Русского государства конца XVI в.: (О масштабе переписи земель в 1580—90-х гг.) // Сословия и государственная власть в России: XV — середина XIX в.: Чтения памяти академика Л. В. Черепнина: Тезисы докладов. Ч. 2. М., 1994. С. 14—19.

В. О. Ключевским, который обратил внимание на то, что все известные нам закрепостительные указы конца XVI — первой половины XVII в., включая Уложение 1649 г., не содержат формулировок, прямо запрещающих крестьянские переходы[223]. В историографии XX в. сложилось мнение, что в ходе описаний второй половины 1580-х гг. закрепощению на равных условиях подвергалось все тяглое население страны[224]. Общий смысл феномена «заповедных лет» не вызывал особых разногласий у исследователей, которые были согласны в том, что существо провозглашенного нововведения состояло в запрещении переходов крестьян и посадских людей в Юрьев день[225]. Разногласия существовали лишь по вопросу о территориальном распространении этого порядка. На самом же деле соотношение норм заповедных и урочных лет, действовавших на частновладельческих землях, и норм бессрочного сыска, осуществлявшегося на посадах и в черносошных общинах в конце XVI в., представляет собой серьезную проблему.

Феномен «заповедных лет» известен из упоминаний в тринадцати документах 1585—1592 гг., большинство из которых относятся к Деревской пятине Новгородской земли. Наиболее раннее известие о «заповедных летах» содержится в отдельной записи от 12 июля 1585 г. на поместье Б. Сомову в Холовском погосте[226], которой предшествовало проведение «обыска». Обыск «про Мошню про деревню» губные старосты Г. Т. Скрыплев и П. И. Есипов провели 9 февраля 1585 г., а его материалы отправили в приказную избу[227]. Спустя пять месяцев после обыска, 12 июля 1585 г., по царской грамоте и «по выписи за приписьми» дьяков В. Федорова и Л. Резанцова губные старосты Скрыплев и Есипов отделили в поместье Б. И. Сомову деревню Мошню. Тетрадь с отдельной записью, находившаяся в приказной избе, сохранила уникальные известия о жильцах деревни Мошни, которые «розошлись в заповидныя лита в 90 году, и в 91 году, и в 92 году, и в 93 году»[228]. В обыскных книгах 1588—1589 гг. имеются еще десять упоминаний о «заповедных летах», и следующий по времени комплекс известий об этом феномене относится к весне 1588 г. и представляет собой материалы семи обысков, проведенных губными старостами Мусиным и Бунковым с 30 марта по 16 апреля. Рассмотрим обстоятельства, при которых проводились обыски весной 1588 г.

Поместья князя Богдана Кропоткина располагались в Михайловском и Березайском погостах. За четыре года помещик лишился двенадцати крестьянских дворов: в 1584 г. от него вышли три крестьянина, в 1585 г. — еще три, в 1586 г. — один, в 1587 г. — пять. Все двенадцать крестьян ушли в Жабенский погост Деревской пятины и порядились во владения местных детей боярских. Волостные крестьяне Ми-

---

223 *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. Т. 8. М., 1990. С. 173.

224 *Чаев Н. С.* К вопросу о сыске и прикреплении крестьян в Московском государстве в конце XVI в. // Исторические записки. Т. 6. М., 1940. С. 152—156; *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба во второй половине XVI в. С. 121—124; *Скрынников Р. Г.* Заповедные и урочные годы царя Федора Ивановича (XVI—XVII вв.) // История СССР. 1973. № 1. С. 110; *Он же.* Россия после опричнины: Очерки политической и социальной истории. С. 192; *Флоря Б. Н.* Об установлении «заповедных лет» в России // Отечественная история. 1999. № 5. С. 121—124.

225 История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. С. 376.

226 *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал: Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. Т. 2. Ч. 2. С. 500.

227 РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 16939. Л. 23—24.

228 Там же. Л. 25—26 об. Ср.: *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал: Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. Т. 2. Ч. 2. С. 500.

хайловского, Березайского и Коломенского погостов заявили, что беглецы ушли «в государевы заповедные годы с тяглые пашни, а у тех детей боярских, которые в сем обыску писаны, живут в пустых деревнях, а не на тяглых землях». В то же время жители отдаленного Боровицкого погоста, подтвердив факт ухода крестьян в «заповедные годы», не смогли точно указать, «за ково вышли имянем, и живут на тяглых ли землях, или не на тяглых»[229]. Исследователи единодушны в признании того, что выход крестьян из тягла был главным основанием для их сыска и возвращения. Аналогичной процедуре обыска были подвергнуты жители Сеглинского, Млевского погостов и Березовского ряда 11—13 апреля 1588 г. В 1582 г., когда помещик И. Непейцын находился на службе, участвуя в войне с Швецией, из его поместья — деревни Крутец в Сеглинском погосте сбежали два крестьянина в соседний Михайловский погост, в Никольский монастырь. И. Непейцын подал челобитную с жалобой «на старца на Стахия на Николского монастыря Едровского в беглых крестьянех на Васку да на Трешку на Гавриловых детей, что они збежали в заповедные годы»[230]. По царскому указу и грамоте дьяка С. Емельянова губные старосты Мусин и Бунков провели обыски в Сеглинском погосте, где жили крестьяне, а также в двух соседних — Млевском погосте и Березовском ряду.

Три последних обыска были предприняты приказчиком Едровского яма Посником Скобеевым в ноябре 1589 г. также по царскому указу и грамоте новгородских воевод. Предметом обыска были крестьяне, вывезенные в 1583 г. из поместья, позднее пожалованного Т. Пестрикову. Осенью 1589 г. этот помещик не впервые обращался к властям по поводу вывоза крестьян; первый раз он бил челом еще до 14 сентября 1585 г., когда губные старосты П. Есипов и Г. Скрыплев спрашивали крестьян Березайского погоста о судьбе жителей сельца Заостровья. Из обстоятельств дела следует, что бывший владелец этого сельца князь М. И. Кропоткин в 1584 г., после Покрова, вывез трех крестьян, посадив двух из них в своем поместье в сельце Велье, а одного отдал своему родственнику П. И. Кропоткину в деревню Липское. Окрестные помещики и крестьяне подтвердили, что Кропоткин не только вывез крестьян, но и не пускал в поместье нового владельца, Т. Пестрикова, и сжал посеянную им рожь. Спустя восемь с половиной месяцев, 30 мая 1586 г., губные старосты приехали в поместье Кропоткина в Рютинском погосте, которое он к тому времени уже променял своему зятю Б. Белеутову, и вывезли двух крестьян «в старые их дворы»[231]. В материалах этого раннего дела 1585—1586 гг. термин «заповедные лета» не употреблялся. Спустя три года Т. Пестриков вновь обратился с челобитной и жалобой на прежнего владельца сельца Заостровья М. Кропоткина, который в Великий пост 1583 г. вывез трех крестьян, живших во дворах церковного причта, в вышеназванное сельцо Велье Рютинского погоста, перешедшее впоследствии к Б. Белеутову. По информации жителей Великопорожского погоста, крестьяне первоначально жили в сельце Велье, затем в 7091 г. (осенью 1582 г.?) Кропоткин перевез их в церковные дворы сельца Заостровья, а весной 1583 г. вновь перевел в Велье. Вывезенные крестьяне в Велье жили «не на тяглой земли, в захребетниках, и в книгах

[229] *Дьяконов М. А.* Заповедные и выходные лета // Известия Петроградского политехнического института. Т. XXIV. 1915. С. 3—4; *Анпилогов Г. Н.* Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. М., 1967. С. 415—418; *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал: Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. Т. 2. Ч. 2. С. 451.

[230] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. Кн. 16935. Л. 287—287 об.

[231] *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал: Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. Т. 2. Ч. 2. № 12. С. 444; № 42. С. 482.

деи те его крестьяне за Борисом не написаны»[232].

Открытое и изученное В. И. Корецким дело Д. И. Языкова 1590—1591 гг. позволяет заключить, что материалы обысков, проводившихся губными старостами с целью поиска беглых и вывезенных крестьян, предназначались для суда. По делу Языкова можно реконструировать движение документации и основные этапы сыска крестьян в новгородских пятинах. Дело начиналось по челобитной, причем неоднократной, служилого человека. Челобитные дважды подавал Т. Г. Пестриков (до 14 сентября 1585 г. и до 24 ноября 1589 г.), И. Непейцын (до 11 апреля 1588 г.), четыре челобитные подал Д. И. Языков в 1590—1591 гг. Новгородские дьяки выдавали губным старостам обыскную грамоту, на основании которой и проводились обыски. Обычно старосты или приказчики осуществляли обыски в трех-четырех погостах, и если «обыскные люди» подтверждали факт бегства или вывоза крестьян, то это служило достаточным основанием для передачи дела в суд. Как показывают материалы по сыску крестьян Языкова, судебные решения выполнялись не сразу, и губные старосты предприняли не менее трех неудачных попыток вывоза беглых крестьян. Тем не менее по сохранившимся источникам можно заключить, что по суду крестьян отдавали прежним владельцам. В 1586 г. губные старосты отвезли в старые дворы крестьян Т. Пестрикова, в 1587 г. — рядовичей Березовского ряда, в 1592 г. — крестьян В. З. Скобельцына в Шелонской пятине[233].

Режим «заповедных лет» по сохранившимся источникам предстает как система возвращения беглых и вывезенных крестьян по инициативе самих землевладельцев и по суду, введенная в начале 1580-х гг. и действовавшая по меньшей мере до начала 1590-х гг. Срок давности по таким делам, видимо, не был установлен, и власти принимали челобитные о крестьянах, бежавших с 1581/82 г. Однако главный акцент в указе о «заповедных летах» делался не на запрете перехода, а на розыске беглых по челобитью землевладельца. Этим обстоятельством объясняются ставившие в тупик многих исследователей факты переходов крестьян в новгородских пятинах в 1580—1590-х гг. Духов монастырь 20 марта 1585 г. получил льготную грамоту на свои вотчины в Обонежской и Деревской пятинах, в последней из которых безусловно действовал режим «заповедных лет». «Оживление» запустевших вотчин предполагалось осуществить за счет отказа крестьян: «И называти ему на те пустые на льготные деревни крестьян нетяглых, з деревень от отцов детей, и от дядь племянников, и от братии братию, а с тяглых ему мест крестьян на те на льготные деревни не называти»[234]. Разрешение перезывать крестьян можно было бы счесть реликтовой формулой, если бы не были известны порядные Вяжищского монастыря 1590-х гг., по которым переход крестьян представляется заурядной процедурой, осуществляемой в строгом соответствии с 88-й статьей Судебника 1550 г. По всей видимости, «заповедные годы» представляли собой мероприятия, направленные против переходов тяглых крестьян, ответственных налогоплательщиков. Именно такие переходы сами крестьяне называли «выход побегом», и именно таких выходцев должны были искать их землевладельцы, объявляя их в «заповедь», т. е. в розыск.

---

[232] *Дьяконов М. А.* Заповедные и выходные лета. С. 3—4; *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал: Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. Т. 2. Ч. 2. С. 452—453; *Анпилогов Г. Н.* Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. С. 418—420.

[233] *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал: Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. Т. 2. Ч. 2. С. 482—484; *Анпилогов Г. Н.* Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. С. 422—423.

[234] *Анпилогов Г. Н.* Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. С. 414.

Распространялся ли аналогичный порядок сыска на другие категории тяглого населения? В современной историографии сформулирована концепция об осуществлении в начале царствования Федора Ивановича (март 1584 — июнь 1585) параллельно с установлением в ряде регионов режима «заповедных лет» комплекса мероприятий по сыску и возвращению беглых посадских людей, черносошных и дворцовых крестьян[235]. Правовые нормы наказов действовали однонаправленно: они обязывали осуществлять сыск черных тяглецов «где ни буди», в том числе и на частновладельческих землях, но не предполагали сыск частновладельческих крестьян на посадах и в черных волостях. Под выражением «где ни буди» следует понимать главным образом монастырские земли, что свидетельствует о жестком разграничении в положении тяглого населения, в правовом статусе которого до конца XVI в. имелись существенные различия.

Наиболее раннее известное нам распоряжение о сыске беглых крестьян и посадских людей содержится в самом раннем сохранившемся наказе писцам Галичского, Чухломского и Солигаличского уездов, датируемом 30 июня 1585 г. Писцовый наказ Ю. И. Нелединскому и Л. Сафонову состоит из двух разделов, в первом из которых содержатся положения о параметрах описания посадов, а во втором — параметрах описания уездов, станов и волостей. Распоряжение о сыске беглых посадских людей приводится в наказе дважды: в первом и втором разделах. Резолюция первого раздела предписывает: «а которые будет люди с черных мест розошлися жити по слободам или по иным городом или по деревням за кого ни буде, и тех людей сыскивая, возити их на старые их дворы»[236]. Под слободами следует понимать главным образом монастырские слободы, и прежде всего в самих городах, подвергшихся описанию, однако своз тяглецов был предусмотрен также из других городов и из деревень «из за кого ни буде». В данном случае имеются в виду все категории владельцев: служилые люди, монастыри, Дворец.

Второй раздел наказа посвящен сыску посадских людей и волостных крестьян в сельской местности: наказ предписывал не просто выводить и сажать беглых «на старые дворы», но и непременно («однолично») прикреплять их системой поручительств и налоговой разверстки. «А однолично Юрью Ивановичю и Леонтью тех городов посацких беглых людей и волостных крестьян, сыскав где-нибуди, вывести назад, посадцких людей на посад, а волостных крестьян в волости, и записи по них поручные поимати, чтоб им жить по прежнему в старых своих дворех и государевы подати платить по своим жеребьям по сошному писму ровно, и вон не выходити без государева указу ни за кого...»[237] Это наиболее раннее известное нам распоряжение о сыске и выводе беглых тяглецов на их прежние места, более раннее, чем первое упоминание о «заповидных летах» в отдельной грамоте новгородскому помещику Б. Сомову от 12 июля 1585 г.[238]

В наказе не были отмечены меры по описанию земель служилых землевладельцев. В писцовом наказе речь идет о черносошных крестьянах, поскольку писцам предписывается взять в городах с подлинных писцовых книг и с платежниц противни (списки), а у «черных старост и целовальников» — сотные; сами крестьяне в тексте наказа именуются волостными; их сажают

[235] *Аракчеев В. А.* Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI — начала XVII века. С. 283—308.

[236] АСЗ. Т. 1. № 190. С. 156—158.

[237] Там же. С. 158.

[238] *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал: Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. Т. 2. Ч. 2. С. 499—500.

«в своей волости в старые ж их деревни и дворы», выводят в волости «и записи по них поручные» «имают». Сходная правовая норма имеется во втором сохранившемся от царствования Федора документе с известием о сыске беглых посадских людей. Это список с царской грамоты к Соли Галицкой воеводе И. Ильину от 30 июля 1596 г. Документ содержит предписание о сыске и вывозе на посад беглых тяглецов: «вышедших сыскать всех с женами и з детьми и со всеми их животы и вывезти на посад в старые их тяглые дворы, где хто наперед того жил, и на поруки их з записьми подавать в том, что им всякие наши подати платити с посадцкими людьми ровно, и с посаду вон ни за кого не выходить и в закладчиках ни за кем не жити»[239]. Грамота к воеводе Соли Галицкой 1596 г. важна еще и тем, что ее формулировки дословно повторяют определения писцового наказа Соли Галицкой 1585 г. Значит, спустя одиннадцать лет после начала описания на галицких посадах действовали нормы, заложенные в писцовом наказе, и прежде всего бессрочный сыск тяглецов. Наказ городовому приказчику Арзамасского уезда Ю. Лобанову от 28 ноября 1596 г. свидетельствует, что в это время беглые дворцовые крестьяне также подлежали сыску и свозу на прежние места жительства. В наказе говорится, что «в прошлом де в 104-м году прислан в Арзамас Парфен Нефимонов, а велено ему сыскивати государевых <...> арзамасских дворцовых сел беглых крестьян и вывозить в государевы <...> дворцовые села». Кроме того, упомянутый сыщик правил на помещике Я. Миленине за беглого крестьянина «на прошлые годы на десять лет денежных доходов и посопного хлеба»[240].

Вывоз старинных тяглецов «на старые места» в Торопце в 1590/91 г. проходил на аналогичных основаниях: на посадах и в черносошных и дворцовых волостях Торопецкого уезда с 1584/85 г. осуществлялся вначале бессрочный, а потом десятилетний сыск беглых тяглецов без суда силами самих писцов и представителей местных общин. В Торопецкой уставной грамоте 1590/91 г. содержится термин «заповедные лета»: «И на пустые им места старинных своих тяглецов из-за князей и из-за детей боярских, из-за монастырей и из волостей, которые у них с посаду разошлись в заповедные лета, вывозить назад на старинные их места, где хто жил наперед того, безоброчно и безпошлинно»[241]. Из цитированного фрагмента в историографии был сделан вывод о том, что сыску подлежало все тяглое население и что режим «заповедных лет» распространялся на посадское население. Однако сравнение статьи Торопецкой грамоты с приемами сыска и возврата тяглого населения, применявшимися писцами в 1580-х гг. и отразившимися в писцовых наказах, убеждает в неоднозначности такой трактовки.

Изучение режима «заповедных лет» на новгородских материалах показывает, что возвращение беглых частновладельческих крестьян осуществлялось в судебном порядке по решению дьяков приказной избы. Поскольку в Торопецкой грамоте не упоминается судебное разбирательство как основание для своза беглых, наиболее достоверным является предположение, что термин «заповедные лета» в акте 1590/91 г. относится именно к частновладельческим землям. Посадские люди Торопца, которые вышли с посада еще до введения «заповедных лет» и поселились в частновладельческих землях Торопецкого уезда, в 1580-х гг., как и в новгородских землях, оказались в рамках режима «заповедных лет». Записанные в писцовой книге 1583/84 г. тяглецы уже не могли быть вывезены «на

[239] *Сташевский Е.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Ч. 1. Киев, 1913. С. 139.
[240] Арзамасские поместные акты (1578—1618 гг.). М., 1915. № 112. С. 129.
[241] Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. С. 147.

старинные места», поскольку это нарушало введенный порядок. Поэтому по уставной грамоте 1590/91 г. посадская община Торопца получила в качестве привилегии право вывоза своих старинных тяглецов из помещичьих и монастырских земель, невзирая на введение там «заповедных лет». Таким образом, есть основания полагать, что в писцовых наказах, составлявшихся в царствование Федора, декларировалось прикрепление посадских людей к своим тяглым общинам. Практика прикрепления посадских людей к тяглу первоначально не осмыслялась как неизменная: по наказу 1585 г. посадским людям и волостным крестьянам предписывалось жить по-прежнему в старых своих дворах и «не выходити без государева указу ни за кого», что предполагало возможность отказа от такой практики «по государеву указу»[242].

Проблема режима «урочных лет», продолжавшего прежние правительственные распоряжения, неотделима от вопроса о том, существовал ли гипотетически реконструированный В. И. Корецким указ 1592/93 г. об отмене Юрьева дня. «Заповедные годы» упоминаются в источниках лишь в 1581—1592 гг., сменяясь впоследствии указами о пятилетнем сроке сыска беглых. В. И. Корецкий считал именно исчезновение упоминаний о «заповедных годах» важнейшим аргументом, подтверждающим точку зрения о существовании указа 1592/93 г.[243] Грамота двинскому судейке от 14 апреля 1592 г. действительно содержит последнее по времени упоминание о «заповедных годах», но значит ли это, что в 1592/93 г. система «заповедных лет» была заменена полным запретом переходов и отменой Юрьева дня по царскому указу?

Основным документальным комплексом, хронологически близким к предполагаемому времени издания указа, являются Елецкие акты 1592—1593 гг.[244] Они дважды подвергались исследованию, но результаты этих изысканий были истолкованы по-разному и повлекли за собой противоположные выводы. В. И. Корецкий пришел к выводу, что режим «заповедных лет» не распространялся на южные уезды государства и что там «помещики и крестьяне продолжали в какой-то мере руководствоваться ст. 88 Судебника 1550 г. о крестьянском отказе», а в 1592—1593 гг. правительство «распространило на юг действие указа о повсеместном запрещении крестьянского выхода»[245]. Г. Н. Анпилогов, наоборот, сделал вывод о том, что режим «заповедных лет» распространялся на тяглых крестьян южных уездов Русского государства, а осуществленную Корецким реконструкцию указа 1592—1593 гг. он признал сомнительной[246]. Р. Г. Скрынников также не признал возможности существования указа 1592—1593 гг., но считал, что на юге «правила Судебника о крестьянских переходах формально не были упразднены»[247].

Точно датированные документы в комплексе Елецких актов (значительная их часть датирована суммарно 1592/93 г.) относятся к периоду с 10 августа 1592 г. по 29 марта 1593 г. В тридцати пяти до-

[242] АСЗ. Т. 1. № 190. С. 156—158.

[243] *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. С. 118—119, 128—129.

[244] Российская крепость на южных рубежах: Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592—1594 гг. Елец, 2001.

[245] *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. С. 106; *Он же.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. С. 96—116; История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. С. 375.

[246] *Анпилогов Г. Н.* К вопросу о законе 1592—1593 гг., отменившем выход крестьянам, и урочных летах в конце XVI — первой половине XVII в. // История СССР. 1972. № 5. С. 164—165.

[247] *Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины: Очерки политической и социальной истории. С. 200.

кументах отразились сведения об отказе или побеге шестидесяти девяти крестьян, оформившихся на службу в Елец казаками, стрельцами или пушкарями. Очевидно, это были лишь те крестьяне, уход которых вызывал судебные иски, причем чаще всего по поводу оставленного имущества, семей или урожая. Многие «новоприбранные» казаки, не удовлетворенные условиями службы, вновь уходили в тягло на посады или в захребетники, как, например, шесть казаков, сбежавших со службы с оружием и боеприпасами и в момент подачи челобитной живших в деревнях пяти помещиков Тульского уезда[248]. В царских грамотах на Елец от 6 ноября и 31 декабря 1592 г. категорически предписывалось «прибирати иных стрельцов ис вольных людей, а не с пашен и не ис холопства по нашему указу»[249]. По ремаркам в других актах видно, что крестьяне уходили на службу или не с тяглых мест («прибирал на Елец в стрельцы сын от отца, брат от брата»), или оставляли вместо себя на тяглом месте других крестьян («в свое государь место яз на тягло посадил Лагутку Васильева сына Шубина»)[250]. Существенной разницы между принципами передвижения крестьянского населения на северо-западе России в период действия там «заповедных лет» и в южных уездах не прослеживается: в льготной грамоте Духову монастырю 1585 г. переходы крестьян не воспрещаются, но только при участии в них нетяглых людей; в обыскных книгах Деревской пятины 1588 г. также подчеркивался факт выхода крестьян с тягла: «А вси, господине, те крестьяне из-за князя Богдана вышли в государевы заповедные годы с тяглые пашни»[251]. Таким образом, практика, отождествляемая исследователями с режимом «заповедных лет», применялась и в южных уездах России в 1592—1593 гг.

Второй комплекс актов, данные которого использовались В. И. Корецким для доказательства тезиса о существовании закрепощающего указа 1592—1593 гг., относится к Новгородской земле. В июле 1595 — феврале 1596 г. в Новгородской приказной избе рассматривалось дело Пантелеймонова монастыря об обелении монастырской пашни. В 1588 г. монахи двух монастырей города Ям, оставшегося по Плюсскому перемирию в руках Швеции, были определены на жительство в древний Пантелеймонов монастырь под Новгородом, а в качестве вотчинных земель им были переданы «на льготу на 10 лет» запустевшие монастырские деревни в Петровском Рамушевском погосте Деревской пятины. Условием льготы было «оживление» запустевших земель путем «наведения» в пустые дворы крестьян. В 1595 г., когда срок льготы уже подходил к концу, монахи вернулись в Ям, который был возвращен России по Тявзинскому мирному договору, не выполнив условия предоставления льготы. Игумен Пантелеймонова монастыря Андреян был обеспокоен возможными санкциями за невыполнение этих условий, которые могли заключаться в том, чтобы «с тех пяти обеж взятии за хоромное поставление по пяти рублев за двор, и государевы ямские и приметные деньги и всякие подати, и за посоху за прошлые годы, да и вперед на них с тех пяти обеж государевы подати имати по книгам»[252]. Поэтому он подал челобитную с просьбой вновь «обелить» — освободить от налогов — монастырскую запашку. Объясняя причины, по которым не удалось «оживить» запустевшие деревни, игумен и

[248] Российская крепость на южных рубежах: Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592—1594 гг. № 36—37. С. 57—59.

[249] Там же. № 96. С. 118; № 145. С. 172.

[250] Там же. № 6. С. 25; № 9. С. 30.

[251] *Анпилогов Г. Н.* Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. С. 414, 416.

[252] *Корецкий В. И.* Новгородские дела 90-х гг. XVI в. // Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968. С. 313.

сослался на царский указ, воспретивший выход крестьянам и бобылям: «И нынеча деи их тем льготным пяти обжам срок находит, и им деи тех льготных пяти обеж крестьяны навести не мочно, потому что ныне по государеву указу крестьянам и бобылям выходу нет, а казны деи у них монастырской в том Пантелееве монастыре нет и подмоги давати крестьяном нечем, и государева деи годового хлебново и денежново жалованья в тот Пантелеев монастырь не идет ничего, и около деи того монастыря пашни и огородцу нет»[253].

Факты, опровергающие построения В. И. Корецкого, содержатся и в самом тексте документов, где прямо говорится об отсутствии монастырской казны для предоставления подмоги выходцам. Значит, если бы монастырь располагал средствами, достаточными для предоставления выходцам ссуды, он заселил бы запустевшие обжи, а следовательно, переходы сельских жителей, не являющихся ответственными налогоплательщиками, были возможны и в 1590-х гг. Как явствует из опубликованного В. И. Корецким дела Новгородской приказной избы, подобные переходы были осуществлены в монастырских владениях накануне подачи иска старцем Андреяном. Губной староста 12 декабря 1595 г. прислал дозорную книгу монастырских владений, из которой следует, что в 102 (1593/94) г. в деревню Липица, о запустении которой сетовал старец, пришли три крестьянина из Ладоги, Городенского погоста и Холмского уезда[254]. Значит, условия переходов крестьян после 1592 г. никак не изменились в сторону их большего ужесточения.

Для характеристики возможного содержания указа В. И. Корецкий выделил следующие основные черты: 1) указ запрещал выход крестьянам и бобылям на всей территории Русского государства; 2) правовым основанием «крепости» стала считаться запись в правительственные книги; 3) указ провозгласил принцип обязательной регистрации крестьян в правительственных документах; 4) в отношении вывезенных крестьян был установлен пятилетний срок подачи исковых челобитных, а в отношении беглых сохранен бессрочный сыск[255]. Однако все выделенные исследователем характерные черты гипотетического указа легко обнаруживаются в известных административных практиках конца XVI в. Запись в правительственные книги, которую Корецкий считал качественно новой чертой предполагаемого указа, требовалась для доказательства владельческой принадлежности крестьян уже в 1580-х гг., новшеством для 1590-х гг. этот порядок не являлся.

Третья отмеченная В. И. Корецким черта для конца XVI в. анахронистична, ибо в 1580-х гг. регистрировались только главы крестьянских и бобыльских семей, принадлежавших помещикам и вотчинникам. Вообще принцип регистрации всего мужского населения крестьянского двора утвердился лишь с момента переписи 1678 г.; даже в переписных книгах 1646 г., не говоря уже о писцовых книгах 1620-х гг., фиксировались лишь главы семейств или иногда взрослые мужчины. Наконец, пятилетний срок сыска вывезенных крестьян был введен указом, изданным не позднее 5 июня 1594 г. Таким образом, содержание гипотетического указа 1592—1593 гг. В. И. Корецкий сконструировал из известных явлений закрепостительной практики в Русском государстве 1580-х и 1590-х гг. — «заповедных» и «сыскных» лет. Судя по тому, что режим «заповедных лет» действовал в 1592—1593 гг. и в юж-

---

[253] *Корецкий В. И.* Новгородские дела 90-х гг. XVI в. С. 313.

[254] Там же. С. 314.

[255] *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба во второй половине XVI в. С. 145; История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. С. 376.

ных уездах государства (Елецкий, Тульский и др.), с некоторой долей условности можно утверждать, что он охватывал всю ту часть территории России, где имелось постоянное сельское население и привилегированное землевладение. Документальные данные, которыми В. И. Корецкий обосновывал свои соображения о возможности существования указа 1592 г., не могут быть использованы для характеристики поступательного процесса закрепощения. Для того чтобы объяснить известные по источникам изменения в положении тяглых людей, вполне достаточно известных указов о «заповедных летах» и «урочных годах» 1594 и 1597 гг. Реконструируемый В. И. Корецким указ 1592—1593 гг. в реальности не существовал.

Альтернативная концепция закрепощения в современной историографии не усматривает существенных различий в практике крестьянских переходов в 1580-х и 1590-х гг. Наиболее экономным способом объяснения складывавшегося крепостного режима является признание того факта, что режим «заповедных лет» в 1590-х гг. превратился в устоявшийся порядок. Переход же с 1594 г. к ограничению сроков подачи исков о вывезенных крестьянах пятью годами привел к исчезновению термина «заповедные годы»[256]. Впрочем, само использование этого выражения в официальной документации спорадически продолжалось вплоть до 1608 г., когда в жалованной грамоте Василия Шуйского казанскому Зилантову монастырю появилась цитата из жалованной грамоты тому же монастырю 1574 г.: «Которому крестьянину лучитца пойти за монастырь из-за кого-нибуди в выход в незаповедные лета, и с тех крестьян пошлин и пожилого имати с ворот с крестьянина по полтине да по два алтына». Однако в тексте грамоты 1574 г. фразы о «незаповедных летах» нет, а значит, она была вставлена в 1608 г., дабы подчеркнуть различие между заповедными в прошлом и выходными годами[257].

Принятый в практике «заповедных лет» способ сыска и возвращения беглых был крайне громоздок и неудобен в применении, поскольку предполагал подачу судебного иска землевладельцев, «обыск» местного населения и саму судебную процедуру. Выполнение решений судов также было сопряжено с многими препятствиями, начиная от открытого сопротивления вывозимых и их соседей. Накопление судебных исков землевладельцев привело правительство к мысли ограничения срока сыска крестьян, которое было предпринято на северо-западе России в указе, изданном ранее 3 мая 1594 г., — в историографии он интерпретируется как вводивший «урочные годы». Вопрос об урочных и выходных годах и их месте в закрепощении сельского населения является также одним из наиболее разработанных в историографии[258]. Очевидно, что переходы крестьян в это время были введены в определенные границы, и выяснение существа этих границ состоит, во-первых, в изучении понятия «урочных лет» и, во-вторых, в выяснении сущности режима сыска беглых по указам 1594—1602 гг. Понятие «урочных лет» начало применяться в законодательной практике в 1550-х гг. и первоначально обозначало законодательно определенный хронологически ограниченный срок, вводившийся распоряжениями правительства и не распространявшийся на будущее время. Следовательно, исходное значение термина «урочные годы» было тождественно

[256] *Аракчеев В. А.* Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тягловых сословий в России второй половины XVI — начала XVII века. С. 308—320.

[257] *Кунцевич Г. З.* Грамоты Казанского Зилантова монастыря. Казань, 1901. С. 14—15; АИ. Т. 1. 1841. № 191.

[258] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Комментарии. № 46, 48. С. 67—73.

понятию «определенный срок», который мог обозначать и срок, обусловленный конкретными датами, и срок давности, повторявшийся всякий раз при возникновении нового казуса. Понятие «урочные годы» применительно к беглым крестьянам впервые было употреблено в челобитной дворян и детей боярских от 3 февраля 1637 г. и царском указе от 20 февраля того же года об установлении срока сыска беглых крестьян служилых людей[259].

Основная трудность технического осуществления сыска беглых в рамках режима «заповедных лет» предполагала их возврат вне зависимости от сроков их бегства и времени пребывания на новом месте. Если крестьянин включался в тягло у нового землевладельца, срывать его с места для возвращения к прежнему помещику было крайне невыгодно для государства; вполне естественно, что в последующих правительственных распоряжениях сроки сыска начинают ограничиваться. Наиболее ранний указ, в котором, как предполагают некоторые историки, впервые были упомянуты «урочные годы», был процитирован в тексте двух судебных дел из фонда Новгородской приказной избы 1593—1595 гг. Первое дело было возбуждено по поданной 5 июня 1594 г. челобитной помещика Обонежской пятины П. Арцыбашева, который обвинял помещика А. Бухарина в свозе из общей деревни Телицыно Раменье крестьян и бобылей, утаенных от писцов. В ответной челобитной Бухарин изложил суть дела иначе, заявив, что он пригласил крестьян и бобылей в пустую деревню еще в 1583 г., одиннадцать лет назад. Поэтому Бухарин требовал оставить за ним вывезенных крестьян на основании царского указа: «А ныне твой государев указ: старее пяти лет во владенье и в вывозе суда не давати и не сыскивати»[260].

Аналогичная формулировка содержалась в выписке из царской грамоты по делу помещика С. Т. Молеванова от 3 мая 1594 г.: «Да и вперед бы всяким челобитчикам о крестьянском владенье и вывозе давати суд и управу за пять лет, а старее пяти лет суда и управы в крестьянском вывозе и во владенье челобитчиком не давати и им отказывати по таким челобитьям»[261]. В. И. Корецкий был склонен считать, что закон о пятилетнем сроке подачи исковых челобитных в крестьянском владении и вывозе не был самостоятельным, специально изданным указом. «Имеется больше оснований, — писал он, — видеть здесь одно из постановлений общего закона царя Федора о запрещении выхода, чем самостоятельный указ»[262]. Как известно, В. И. Корецкий считал, что этот «общий закон» появился в 1592—1593 гг. Спустя три года в Русском государстве был издан указ, сохранившийся в полном объеме, — указ от 24 ноября 1597 г. о праве иска о крестьянах, бежавших не далее пяти лет до 1597/98 г.[263]

В. И. Корецкий, открывший документы с упоминанием указа о пятилетнем сроке сыска крестьян, датированном не позднее 5 мая 1594 г., недооценил значение указа 1597 г. Он писал, что «указ 24 ноября 1597 г. <...> не имел того большого принципиального значения в общем ходе крестьянского закрепощения в России в конце XVI — начале XVII в., какое ему придавалось в исторической литературе», хотя и считал, что этим указом пятилетний срок

---

[259] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. № 237. С. 176.

[260] *Корецкий В. И.* Новгородские дела 90-х гг. XVI в. С. 316, 318.

[261] Там же.

[262] *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба во второй половине XVI в. С. 144.

[263] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. № 48. С. 66.

подачи исковых челобитных был распространен на беглых крестьян[264]. Напротив, Г. Н. Анпилогов утверждал, что введенная указом пятилетняя давность была обратной и на будущее время не распространялась. В его концепции указ 1597 г. также не занял важного места в закрепостительном процессе[265]. Точка зрения Р. Г. Скрынникова на роль указа в формировании крепостного права отличается оригинальностью. Он считает, что хотя «с формальной точки зрения указ 1597 г. не вносил ничего принципиально нового в предыдущее законодательство о крестьянах», он сыграл важную роль в закрепощении. Указ, во-первых, содержал подробно разработанное положение о сыске и возвращении беглых, и, во-вторых, в отличие от предшествующих временных распоряжений правительства этот указ вводился без ссылок на возможность его скорой отмены[266].

Эти тезисы представляются сомнительными прежде всего потому, что они не основаны на прямом содержании указа. Резолюция указа гласит: «Которые крестьяне из-за бояр, и из-за дворян, и из-за приказных людей, и из-за детей боярских, и из-за всяких людей из поместий, из вотчин, и из потриарховых, и из митрополичьих, и из владычних, и из монастырских вотчин выбежали до нынешняго 106-го году за пять лет, и на тех крестьян в их побеге и на тех помещиков и на вотчинников, за кем они, выбежав, живут, тем помещиком и вотчинником из-за кого они выбежали, и патриаршьим и митрополичьим, и владычним детем боярским, и монастырьских вотчин прикащиком и служкам давати суд и обыскивати всякими сыски накрепко, а по суду и по сыску велети тех беглых крестьян з женами и з детьми и со всеми их животы возити назад, где хто жил»[267]. Из текста указа с несомненностью следует лишь то, что крестьяне, бежавшие из вотчин и поместий после 24 ноября 1592 г., по результатам процедуры опроса обыскных людей и суду подлежали возврату на прежние места жительства. Однако на практике крестьяне, бежавшие до 24 ноября 1592 г., сыску и возвращению не подлежали. Действие этой правовой нормы проявилось в конфликте Никольского Вяжищского монастыря и помещицы А. Г. Борковой. Монастырский крестьянин Игнатий Ананьин «вышел вон из-за Николы побегом в прошлом в девяносто девятом году», т. е. в 1590/91 г. Пожив некоторое время в бобылях за помещиком Борковым, крестьянин стал объектом разбирательства, и после челобитья, поданного игуменом в 1598/99 г., А. Г. Боркова с сыном крестьянина «за собою искали, и сыскав да не ходя на суд, Николы Чюдотворца з братиею отдали»[268]. Видимо, впервые дело было «засужено» сразу после побега, и повторное челобитье монастыря свело на нет судебный иск помещицы.

Значение указа от 24 ноября 1597 г. состояло в том, что правительство подтвердило особый порядок разрешения конфликтов о крестьянах, живших на частновладельческих землях. В указе 1597 г. рассматривалось положение исключительно частновладельческих крестьян и ни слова не говорилось о крестьянах дворцовых и черносошных, а также о посадских людях, чье положение в это время изменялось в направлении государственного закрепощения. В современной историографии сущ-

[264] *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба во второй половине XVI в. С. 154.

[265] *Анпилогов Г. Н.* К вопросу о законе 1592—1593 гг., отменившем выход крестьянам, и урочных летах в конце XVI — первой половине XVII в. С. 168.

[266] *Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины: Очерки политической и социальной истории. С. 214—215.

[267] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. № 48. С. 66.

[268] Архив П. М. Строева. Т. 2. Пг., 1917. № 11. Стб. 7—8.

ность указа 1597 г. объясняется именно тем, что он предопределил различия правового положения этих двух больших групп тяглых людей, закрепощение которых вплоть до середины XVII в. шло различными путями: подачи судебных исков в отношении частновладельческих крестьян и избирательного государственного сыска в отношении дворцовых и черносошных крестьян, а также тяглецов посада[269].

Меры по выходу из экономического кризиса, преодоление кризиса в правящих верхах, а также обеспечение мира на границах дали свои результаты, и в 1590-х гг. наблюдается заметное оживление хозяйственной жизни, хотя экономика страны и не вышла вполне из кризисного состояния.

По единодушному мнению современников, годы царствования Федора Ивановича были временем покоя и процветания. Немаловажная заслуга в этом принадлежала «изрядному правителю» Борису Годунову. В годы царствования Федора во всем блеске проявился его правительственный талант. «Борис не образец никому», — говорили русские послы в Персии, подразумевая не только недюжинный ум правителя, но и его исключительное положение в государстве. Действительно, уже в 1580-х гг. при живом царе он официально именуется «правителем» и «милостивцем великим», который «радеет о всем государстве». В конце 1580-х гг. Годунов получил право самостоятельного сношения с иностранными государствами. Иноземные государи обращались к нему как к «любезному приятелю», царскому родственнику и соправителю царя, прося у него ходатайства перед царем в том или ином деле. Борис и сам принимал у себя послов, причем эти приемы по ритуалу походили на царские[270]. На торжественных церемониях он неизменно находился при особе государя выше прочих бояр[271]. Власть Бориса Годунова-правителя не имела прецедентов в истории государства. Свое исключительное положение он закрепил рядом высших титулов. Уже в первый год царствования Федора он получил чин конюшего. Впоследствии к его титулу присоединились наименования наместника и «содержателя» «царств» Казанского и Астраханского и «дворового воеводы». В титулатуре Бориса присутствовало и указание на его родство с царем — «государю великому шурин». В 1591 г., после отражения набега крымского хана, он получил титул «слуги»[272]. Этот титул окончательно закреплял за ним положение правителя государства. На самом деле положение Бориса как правителя, его активная переписка с иностранными государями и т. д. мало увязывались со статусом обычного боярина, «холопа государева». Посланец в Польшу А. Д. Резанов назвал лишь трех предшественников Бориса Годунова, которые носили почетное звание «слуги», — это виднейшие князья С. И. Ряполовский, И. М. и М. И. Воротынские[273].

Постепенно, но неуклонно Годунов шел к вершинам власти, достигая их четко продуманными ходами. Он не был склонен прибегать к массовым опалам и кровопролитию. За годы его правления и царствования не совершилось ни одной открытой публичной боярской казни. Но Борис отнюдь не был мягким и безобидным человеком. В отношении наиболее опасных своих противников он проявлял коварство и жестокость. Его репрессии носили скрытый и превентивный характер, и он был грозным

---

[269] *Аракчеев В. А.* Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тягловых сословий в России второй половины XVI — начала XVII века. С. 320—332.

[270] *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. С. 133—136.

[271] Разрядная книга 1474—1598 гг. С. 359—360.

[272] ПСРЛ. Т. 14. С. 43.

[273] *Анпилогов Г. Н.* Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. С. 78.

противником в политической борьбе. По дороге в ссылку был тайно убит, очевидно не без ведома Годунова, казначей П. И. Головин[274]. Можно с большой степенью вероятности считать Бориса причастным к смерти князей Ивана Петровича и Андрея Ивановича Шуйских, погибших в опале от рук годуновских приставов[275]. В борьбе со своими противниками Годунов руководствовался не слепой яростью, а трезвым политическим расчетом. Ведя искусную политическую игру, он делал и ходы вперед, устраняя не только непосредственных, но и потенциальных соперников. Так, он лишил Тверского княжества Симеона Бекбулатовича и свел его на обычную вотчину — тверское село Кушалино. С помощью доверенного лица — англичанина Дж. Горсея — Годунов уговорил вдову ливонского «короля» Магнуса Марию Владимировну (дочь Владимира Старицкого и Евдокии Одоевской) вернуться в Россию. Но по возвращении на родину она и ее малолетняя дочь были удалены в монастырь.

В мае 1591 г. при загадочных обстоятельствах в Угличе погиб младший сын Ивана IV царевич Дмитрий. Жители Углича, подстрекаемые родней царевича — Нагими, подняли волнение и убили представителя московской администрации дьяка Михаила Битяговского, его сына и еще несколько человек, которых считали виновными в гибели царевича. Вскоре в город прибыла из Москвы следственная комиссия во главе с князем В. И. Шуйским. Она пришла к заключению, что царевич сам наткнулся на нож в припадке эпилепсии. Но в народе широкое распространение получила версия об убийстве Дмитрия по указанию Бориса Годунова. При царе Василии Шуйском в связи с канонизацией Димитрия Угличского эта версия получила официальное утверждение церкви. В исторической литературе долгое время безраздельно господствовало мнение о виновности в его смерти Бориса Годунова. Положение изменилось после исследований С. Ф. Платонова и В. К. Клейна[276]. Проследив литературную историю легенды об «убиении» царевича Дмитрия, С. Ф. Платонов отметил, что русские писатели, пережившие Смуту, «неохотно и очень осторожно говорили об участии Бориса в умерщвлении Дмитрия», а драматические подробности убийства появились уже в позднейших сочинениях XVII в., которые нельзя считать надежными историческими источниками. В. К. Клейн, проделавший большую и скрупулезную работу по изучению и реконструкции Угличского следственного дела 1591 г., показал, что дело дошло до нас в подлиннике, а точнее — в том виде (правда, без начала), в каком оно было представлено следственной комиссией Василия Шуйского на заседании Освященного собора и Боярской думы 2 июня 1591 г. В поддержку версии, изложенной в следственном деле, высказались И. А. Голубцов, И. И. Полосин, Р. Г. Скрынников и другие историки. По мнению сторонников данной версии, материалы следственного дела рисуют довольно ясную и правдоподобную картину «самозаклания» царевича в результате приступа «падучей болезни» (эпилепсии) и возможность нечаянного самоубийства вполне допустима — игравший «в тычку» с ножом царевич вполне мог в припадке эпилепсии повредить на горле сонную артерию и тем самым нанести себе смертельную рану. Но сомнения относительно достоверности показаний следственного дела и добросовестности его ведения остаются и поныне. Ряд серьезных

[274] *Горсей Дж.* Записки о России: XVI — начало XVII в. С. 101. Характерно, что Борис сделал по нему вклад в монастырь (ОР РНБ. F IV. № 348. Л. 59).

[275] *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». С. 58—59.

[276] *Платонов С. Ф.* Борис Годунов. Пг., 1921. С. 96—97; *Клейн В. К.* Угличское следственное дело о смерти царевича Димитрия. М., 1913.

критических замечаний в адрес этого источника высказал А. А. Зимин[277]. Определенная тенденциозность следственного дела несомненна. Состояние источников таково, что полностью доказать причастность (или непричастность) Бориса Годунова к гибели царевича Дмитрия невозможно. Была ли выгодной Годунову смерть царевича? На этот вопрос также нельзя дать однозначного ответа.

С одной стороны, существование оппозиционного центра в Угличе, знаменем которого был царевич Дмитрий, не могло не вызывать у правителя тревоги. Но, с другой стороны, как полагают сторонники версии о «самозаклании» царевича, Борис мог достигнуть «высшей власти» и не прибегая к убийству царевича. Он умело пользовался тем обстоятельством, что Дмитрий был рожден от неканонического седьмого брака, что давало повод поставить под сомнение его права на престол. Духовенству было запрещено поминать имя Дмитрия вместе с именами царя Федора и царицы Ирины. Не всегда он фигурировал в документах как «царевич», а нередко именовался просто как «князь угличский». Одновременно Борис позаботился о поднятии авторитета своей сестры — царицы Ирины как возможной наследницы престола. С 1587 г. в царских грамотах рядом с именем царя Федора появляется и ее имя. После смерти Федора Ивановича царица Ирина (инока Александра) Федоровна правила страной в течение полутора месяцев — государственные грамоты того времени писались от ее имени. Падение в государстве роли группировки худородных дворовых Ивана IV лишили Нагих серьезной политической опоры. Отправленные на удел в Углич и на воеводства в отдаленные казанские пригороды, они были лишены возможности реально участвовать в политической жизни. За каждым шагом Нагих в Угличе следили царские приказные люди. С другой стороны, в конце 1580-х гг. значительно упрочилось положение Бориса Годунова при дворе. При такой расстановке сил «богозаконная супруга» царя Федора могла оспорить право на престол у сына Ивана IV, рожденного от незаконной седьмой жены. Вполне возможно, что Годунов вынашивал какие-то планы расправиться с царевичем и его родней[278]. Но если он и замышлял убийство Дмитрия, то май 1591 г. был для этого не самым подходящим моментом. В апреле—мае поступали тревожные вести о готовящемся набеге крымского хана, неспокойно было весной 1591 г. и в столице. В целом мы не располагаем вескими доводами, чтобы либо опровергнуть, либо подтвердить версию Угличского следственного дела, и вопрос об обстоятельствах смерти царевича Дмитрия остается открытым.

Угличские события, народные волнения и пожары в столице, нашествие крымского хана, широкая народная молва, называющая виновником всех бед Бориса, — все это грозило дестабилизировать обстановку в стране. Но искусный политик Борис Годунов сумел выйти из сложной ситуации. Авторитетное собрание духовенства и бояр 2 июня 1591 г. осудило «измену» Нагих. Восставшие угличане подверглись опалам и репрессиям. Важный центр антигодуновской оппозиции был ликвидирован. Для успокоения населения столицы, пострадавшего от пожаров, Борис Годунов организовал помощь погорельцам, чем расположил к себе московский посадский люд. Наконец, Борис въехал в Москву триумфатором после отражения набега хана и за победу получил титул «слуги» и другие «великие пожалования».

В мае 1592 г. двор торжественно праздновал рождение у царя Федора и царицы

[277] *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. С. 153—182.

[278] *Флетчер Дж.* О государстве Русском. СПб., 1906. С. 21.

Ирины дочери — царевны Федосьи. Но царевна умерла 25 января 1594 г., не прожив и двух лет. С ее смертью отчетливо обозначился кризис царской династии, и со всей остротой встал вопрос о престолонаследии. С этого времени претензии Годуновых на престол стали более явными. С середины 1590-х гг. Борис начал вводить в сферу государственного управления своего сына Федора. Но не один Борис Годунов мог претендовать на царский престол. На его пути встали его бывшие союзники Романовы, как и Годуновы, состоявшие в близком родстве с царем и принадлежавшие к кругу ближних царских людей. В отношении родства с царской династией Романовы имели то преимущество, что сам царь Федор был романовской крови (от брака Ивана IV с Анастасией Романовной). Братья Никитичи Романовы приходились ему двоюродными братьями. Царский шурин Борис Годунов не мог похвастаться кровным родством с царем. «Завещательный союз дружбы» с Романовыми принес Годунову немало выгод, а молодые и малоопытные в политике Никитичи пока что не были опасны для правителя. Но постепенно Романовы обживались при дворе и занимали места влиятельнейших членов Думы. Вокруг них складывался тесный кружок их родственников и сторонников. С начала 1590-х гг. на званые царские обеды начали отдельно приглашаться бояре годуновского и романовского круга. Характерно, что к царскому столу 14 июня 1592 г. по случаю крещения царевны Федосьи не были приглашены ни Романовы, ни их сторонники[279]. С этого времени наметился раздор и соперничество Годуновых и Романовых. Это было не столкновение разных направлений в политике, а борьба за власть и престол двух могущественных боярских кланов. Как и Годуновы, Романовы пользовались исключительным влиянием при дворе, но их роль носила скорее почетный, придворный характер и не шла ни в какое сравнение с ролью в государстве Годуновых. Обладая реальной властью, Борис Годунов сумел заручиться поддержкой значительной части членов Боярской думы и Государева двора, дьяческого аппарата, влиятельного духовенства и посадской верхушки, что и предопределило его успех в борьбе за престол.

[279] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 3. Ч. 3. М., 1989. С. 38—39.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Внешняя политика на западном направлении

Россия в контексте Восточной Европы. Шестнадцатый век — время крупномасштабных перемен в Европе, в том числе на восточноевропейском пространстве. Старые средневековые традиции уходили в прошлое. Наступила эпоха постепенного складывания государств раннего Нового времени с иными социальными, политическими и этнокультурными характеристиками[1]. Соответственно менялись и международные отношения.

Главной целью внешних устремлений московских государей было установление пределов расширения государственной территории России. В XVI в. ее новые границы установились, и начался процесс освоения новых огромных пространств.

В XIV—XV вв. разрозненные, зависимые от Орды русские княжества воевали друг с другом и делали набеги на Поволжье, Прибалтику, пограничные земли Великого княжества Литовского. В состав их владений входили земли с этнически разнообразным населением (славянским, финно-угорским и т. д.). Они не покоряли соседние иноэтничные и иноконфессиональные государства и не присоединяли их к себе. Правда, существовали вассальное Касимовское ханство (с 1452 г.) и ограниченный протекторат над Казанским ханством (установлен в 1487 г.). Их правители признавали сюзеренитет великих князей Московских, но в остальном жили автономно (сохраняя свои обычаи, владения знати, религию и т. д.).

В XVI в. Россия стала вести войны с целью покорения соседних государств и включения их территорий в свой состав. В 1558 г. началось завоевание Ливонии, и вплоть до 1582 г. существовала «Русская Ливония» с центром в Юрьеве-Ливонском (бывшем Дерпте). В 1552 г. было завоевано Казанское ханство, в 1556 г. — Астраханское, в 1582 г. началось покорение Сибири.

И в Ливонии, и в татарских ханствах были совсем другие, чем в России, социально-экономический уклад и культура. Русским властям приходилось вырабатывать механизмы власти на завоеванных территориях, способы управления покоренным населением и включения новых земель в структуру российской экономики и социальной жизни.

---

[1] Подробнее см.: *Shennan J.* The Origins of the Modern European State: 1450—1725. L., 1974; Resistance, Representation and Community: The Origins of the Modern State in Europe 13th to 18th Centuries / Eds. P. Blickle, W. Blockmans, J. Genet. Oxford, 1997; War and Competition between States: (The Origins of the Modern State in Europe: 13th—18th Centuries) / Ed. P. Contamine. N. Y., 2000; *Strayer J.* On the Medieval Origins of the Modern State. Princeton, 2005; *Кром М. М.* Государство раннего Нового времени: Общеевропейская модель и региональные различия // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 3—15; *Он же.* Рождение государства: Московская Русь XV—XVI веков.

Второй новой чертой можно назвать продвижение России на спорные территории или межгосударственные, практически ничейные земли. До этого такой опыт был только у новгородцев, расширивших владения Великого Новгорода до предгорьев Северного Урала. Еще в начале XVI в. южная граница России проходила недалеко от Тулы, а войска «держали» пограничный рубеж «по берегу», по реке Оке, по линии Калуга — Алексин — Серпухов — Кашира — Коломна — Рязань. Эти города назывались «украинными». Малозаселенные лесостепные и степные земли южнее линии «украинных» городов именовались Полем. Эти понятия в XVI в. меняли свои географические очертания: линия «украинных» городов двигалась на юг, соответственно менялась конфигурация Поля. К нему в XVI в. можно отнести территории, сегодня входящие в Тульскую, Орловскую, Липецкую, Воронежскую, Курскую, Белгородскую, Ростовскую, Донецкую области, бассейн Среднего и Нижнего Дона, Среднего и Нижнего Поволжья[2].

В середине XVI в. Россия начала расширять свои государственные земли на юг и закрепляла этот процесс созданием линии новых городов-крепостей. В результате в 1598 г. произошла отмена «берегового разряда» — росписи войск по первой линии обороны по берегу реки Оки. Сто пятьдесят лет русские войска именно здесь встречали татарские нападения, граница проходила приблизительно в 100 км от Москвы. В XVI в. граница России передвинулась далеко на юг.

В XVI в. «государство всея Руси» превратилось в центр, вокруг которого были сосредочены устремления соседей. Для одних Россия выступала угрозой и потенциальным источником агрессии, для других — желаемой заступницей и союзницей. «Выезд к Москве» с вотчинами верховских и северских князей Великого княжества Литовского породил в первой трети XVI в. феномен «порубежных войн» между Россией и Великим княжеством Литовским и привел к потере последним огромных территорий, отошедших под власть Москвы. Определенную роль в этом сыграли отдельные промосковские группы (их масштаб и влиятельность еще предстоит установить) в городах Великого княжества Литовского — Смоленске (взят в 1514 г.) и Полоцке (присоединен в 1563 г.).

В XVI в. на пространствах Восточной Европы были запущены процессы межэтнического и межконфессионального размежевания, которые уже в XVII в. стали одной из причин длительных военных конфликтов. Многочисленные войны России и Великого княжества Литовского привели к тому, что русины (русь) княжества и русское население Российского государства стали все больше осознавать свою инаковость. На рынке в Могилеве торговали пленными «москаликами»[3], а в российских городах сидели в плену «литвины дворовые» (при этом и те и другие были православными и мало различались в языковом отношении).

Когда в 1569 г. образовалась Речь Посполитая «обоих народов», русины оказались лишними среди поляков и литовцев[4]. Создание казачьей Сечи на Днепре в 1550-е гг., Люблинская уния 1569 г. и особенно Брестская уния 1596 г. привели к развитию другой линии размежевания и противостояния — между православным казачеством, русинской знатью и мещанами с одной стороны и «ляхами» (поляками)

---

[2] *Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 6—7.

[3] *Марзалюк І. А.* Гандаль нявольнікамі ў Магілёве XVI стагоддзя // Шляхі Магілёўскай гісторыі / Укад. І. А. Пушкін, В. В. Юдзін. Магілёў, 2005. С. 65—69.

[4] *Яковенко Н. Н.* Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. М., 2012. С. 249.

и униатами — с другой[5]. И это в Речи Посполитой, которую еще недавно за ее религиозную толерантность называли «государством без костров»[6].

Все вышеописанные новые явления и тенденции происходили в обновленном геополитическом контексте. На протяжении XVI в. в Восточной Европе изменились состав государств, их иерархия и взаимоотношения. В начале столетия ушли в прошлое две силы, которые около двухсот лет диктовали условия на пространстве от Балтики до Черного моря. В 1502 г. погибла Большая Орда — исторический наследник некогда великой Золотой Орды. Крымское ханство смогло стать важным фактором политики на континенте, но не господином положения[7]. Другой силой, сошедшей с исторической арены, стал Немецкий орден. Он постепенно утрачивал свои позиции после поражения при Грюнвальде в 1410 г. и разгрома в Тринадцатилетней войне с Польшей (1454—1466). В 1525 г. была секуляризирована старшая (прусская) ветвь тевтонцев, и новое светское Прусское герцогство стало вассалом польской короны. В 1561—1562 гг. в ходе войны с Россией был добит последний осколок Немецкого ордена — младшая (ливонская) ветвь. Она прекратила существование как государство, а последний немецкий орденский магистр стал герцогом курляндским, вассалом Польши[8].

На смену Орде и ордену в XVI в. пришли новые силы. Постепенно нарастало влияние Турции[9]. С 1475 г., когда Крымское ханство стало вассалом Османской империи, Стамбул начал определять политику Бахчисарая. К 1538 г. власть турок распространилась на Молдавское княжество. В 1569 г. Турция предприняла единственную за столетие попытку активной военной акции в Восточной Европе (осада Астрахани), правда, неудачную. Нарастала турецкая агрессия на Балканах и в Центральной Европе. В 1526 г. под Мохачем турецко-татарское войско Сулеймана I Великолепного разгромило армию венгерского короля Людовика II Ягеллона, павшего в сражении. В 1529 г. турки осаждали Вену, столицу Австрийского эрцгерцогства Священной Римской империи, но безуспешно. Европейские страны были крайне озабочены наступлением османов и пытались создать антимусульманскую лигу для борьбы с турецкой агрессией. Россия рассматривалась ими как потенциально полезный член лиги, прежде всего перспективный в военном отношении. Ее членство в лиге с конца XV в. некоторыми европейскими политиками увязывалось с возможностью заключения католической унии и включения русской монархии в европейскую систему пожалования королевских корон из рук римского папы или императора Священной Римской империи. Все переговоры с Россией на эти темы, имевшие место в конце XV—XVI вв., оказались безрезультатными, но они составили важную страницу отношений России и Европы в это время.

Изменения произошли и в Северной Европе. Распад Кальмарской унии (союз Дании, Норвегии и Швеции) в 1523 г. привел к обретению независимости Шведским королевством. Швеция начала активную борьбу за доминирование в Балтийском море и превращение его в «шведское озеро» (с 1561 г. эта политика называлась Stormaktstiden,

[5] *Дмитриев М. В.* Религиозные войны в Речи Посполитой? К вопросу о последствиях Брестской унии 1596 года // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2008. № 1. С. 3—22.

[6] *Tazbir J.* Państwo bez stosów: Szkice z dziejów tolerancji w Polsce w XVI i XVII wieku. Warszawa, 1967.

[7] Подробнее см.: *Хорошкевич А. Л.* Русь и Крым: От союза к противостоянию. М., 2001.

[8] Подробнее см.: *Вебер Д. И., Филюшкин А. И.* «От ордена осталось только имя...»: Судьба и смерть немецких рыцарей в Прибалтике. СПб., 2018.

[9] Подробнее см.: *Зайцев И. В.* Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV — первая половина XVI вв.). М., 2004.

«Эпохой великодержавия» Швеции)[10]. В борьбе за балтийские берега в XVI в. она вступила в конфликт с Польшей и Россией. В итоге были пересмотрены границы, остававшиеся неизменными с Ореховского мира 1323 г.

Утратив власть над Швецией, Дания активизировала свои силы в регионе. Датчане ушли из Прибалтики около 1348 г., но в XVI в. попытались восстановить свои владения на острове Эзель и в Северной Эстонии. Положение Дании в Ливонии было неустойчивым, она искала союзника и нашла его в лице России. Для России же Датское королевство стало единственной европейской страной, признавшей «Русскую Ливонию» как владение Москвы. Подобный альянс был первым русским опытом успешного военно-политического сотрудничества с европейской державой, который, впрочем, длился недолго (1562—1578). Он опирался на опыт предшествующих контактов: в 1499 г. шли переговоры о браке Василия III с дочерью датского короля. Позднее Василий III поддерживал дружеские отношения с Христианом II.

Главные западные соседи России в XVI в. — Королевство Польское и Великое княжество Литовское — с 1385 г. находились в династической унии. Шестнадцатое столетие называют золотым веком в истории Польши, и его в самом деле можно определить как эпоху возвышения и расцвета страны. В 1505 г. была принята Радомская конституция, оформившая особые права шляхты как «народа политического», закрепившая основы шляхетской демократии. Польская корона в 1525 г. одержала историческую победу над Немецким орденом, поставив точку в многовековом противостоянии с тевтонами. В 1561—1562 гг. к Польше была присоединена значительная часть Ливонии, и тем самым были заложены основы доминирования короны в Прибалтике.

Все тяготы военного противостояния с Россией в первой половине столетия несла не Польша, а Великое княжество Литовское. Поляки же, согласно их военной доктрине, должны были воевать только за свое Отечество. Следовательно, в войнах Великого княжества Литовского могли участвовать либо польские наемники, либо добровольцы. Ситуация стала радикально меняться после заключения Люблинской унии в 1569 г., когда Великое княжество Литовское объединилось с Королевством Польским. Одной из причин этого объединения было как раз то, что Великое княжество Литовское не выдерживало войны с Россией, и появились опасения, что оно не устоит в одиночку. Возникла Речь Посполитая — огромная держава от Балтийского до Черного моря, самая крупная в Восточной Европе. Это изменило баланс сил на полях сражений и в итоге привело в 1582 г. к военной победе Речи Посполитой над Россией в так называемой Московской («Баториевой») войне, которую историки считают финальной фазой Ливонской войны (1558—1583).

Эта победа в конце XVI в. вместе с другими успехами Речи Посполитой способствовала развитию польского триумфализма, чувства превосходства в международной политике[11]. Возникло самоощущение ее гегемонии в регионе. Польские политики всерьез рассуждали, стоит ли присоединять Россию к Речи Посполитой, но не могли решить, что делать с такой обширной страной. Рейнгольд Гейденштейн в своем сочинении о Московской войне Стефана Батория (“De bello Moscovitico commentariorum lib. sex.”, 1584) привел споры польских панов

[10] *Frost R.* The Northern Wars: War, State and Society in Northeastern Europe: 1558—1721. Longman, 2000. P. 133—134.

[11] *Виноградов А. В.* Русско-польско-литовское дипломатическое противостояние в контексте вооруженных конфликтов в Восточной Европе и Прибалтике (конец 80-х — начало 90-х гг. XVI в.) // От Смуты к империи: Новые открытия в области археологии и истории России XVI—XVIII вв. М., 2016. С. 248—259.

и высказывание польского канцлера Яна Замойского: «Но хотя бы и вся Московия поступила под нашу власть, то, спрашивали они, найдется ли надлежащее средство при таких обширных границах управлять такою громадой; и какая будет польза от того <...> Положение нашего государства, мне кажется, таково, что если только мы хотим иметь пружину дел (нерв войны) и если желаем сохранить настоящее положение республики, то совершенно необходимо присоединить к ней какое-нибудь новое королевство»[12].

В XVI в. Россия активно участвовала в международной торговле. Ведущее место в экспорте сохраняли пушнина и воск. В год вывозилось до полумиллиона шкурок белки и тысячи мехов других видов[13]. Причем добыча росла: в 1557 г. в Югре каждый мужчина должен был сдавать одну соболиную шкурку в год, а в 1609 г. — уже семь[14]. За XVI в. мы располагаем только отрывочными данными, но известно, что в 1621—1690 гг. в Сибири было добыто более семи миллионов шкурок соболей, что привело к появлению в английском языке прямого заимствования из русского: sable — «соболь». Объяснение таких масштабов международной торговли пушниной предложено в концепции А. Эткинда, который сравнил роль экспорта пушнины в XV—XVII вв. с ролью экспорта нефти в истории СССР и России во второй половине XX — начале XXI в. Он указывает, что размеры доходов казны от экспорта мехов составляли 20—25 % возможного бюджета, и связывает важные изменения в облике Восточной Европы (упадок Ганзы в XVI в., формирование направлений внешней политики России) с фактором «мехового барреля»[15].

В XVI в. в структуре русского экспорта нарастали изменения: увеличивался вывоз продуктов сельского хозяйства — льна, пеньки, кож, сала и т. д. Необходимо упомянуть еще одну «статью экспорта товаров», которые шли из России, но отечественные купцы не имели к ним никакого отношения. В XV—XVI вв. из русских земель вывозились люди и продавались на невольничьих рынках Каффы, Крымского ханства, Турции, вплоть до Испании, Италии, Франции. Рабы происходили из военнопленных, и захват «полона» был целью нападений на русские земли крымских и казанских татар. Проблема являлась острой: в Судебник 1497 г. была включена статья, согласно которой холоп, бежавший из плена, обретал свободу. С 1551 г. собирались специальные «полоняничные деньги» для выкупа русских с невольничьих рынков, но ликвидировать проблему можно было только путем ликвидации внешней угрозы.

Импорт в XVI в. состоял из тканей, соли, некоторых продуктов (например, сельди), цветных металлов и изделий из них, серебра. Проблема заключалась в том, что русские купцы были ограничены торговой политикой Священной Римской империи и связанных с ней торговых союзов: они не имели права продавать оружие и металлы, из которых можно было сделать оружие, странам, не относящимся к «христианскому миру» (а Русь считалась «чуждой» страной из-за церковной схизмы). В 1495 г. был запрещен вывоз меди, свинца, чугуна, в 1498 г. вышел запрет на вывоз пушек, селитры для производства пороха, доспехов. В 1507 г. закрыли вывоз на Русь цветных металлов. Эти запреты вплоть до середины XVI в. то вводились, то отменялись, а главное, соблюдались далеко не всеми участниками торговли с Россией (в частности, Дания и Англия занимались ввозом на Русь «стратегических товаров»).

[12] *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне. СПб., 1889. С. 87, 90.

[13] *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. С. 24—25.

[14] *Павлов П. Н.* Пушной промысел в Сибири XVII века. Красноярск, 1972. С. 70.

[15] *Эткинд А.* Внутренняя колонизация: Имперский опыт России. М., 2014. С. 111—129.

Присоединение к Москве Новгорода в 1478 г. и окончательное присоединение Пскова в 1510 г. означало расширение контактов русских купцов с Ганзой. Торговая деятельность на этом направлении была неустойчивой — в 1494 г. по политическим мотивам был разогнан Ганзейский двор в Великом Новгороде, и на какие-то периоды из-за политических осложнений торговля могла прерываться. В 1555 г. в Англии была создана Московская торговая компания. Россия получила новый опыт интеграции в мировую торговлю в годы «Нарвского плавания» 1558—1581 гг., когда перешедший под власть Москвы балтийский порт активно принимал европейские торговые суда. Проникновение России в Сибирь после 1582 г. также открывало перспективы развитию торговли, на этот раз на восточном направлении. На Русском Севере, через Холмогоры и Архангельск, были установлены контакты не только с Англией, но и с ведущей торговой державой того времени Голландией; большая часть кораблей, приходивших в начале XVII в. в Архангельск, была из Нидерландов.

В XVI в. Европа начала открывать для себя Россию. В европейской книжной культуре появилось множество печатных трактатов, описывающих «Московию» и «московитов» (сочинения Павла Йовия, Иоанна Фабри, Матвея Меховского и др.). Наиболее важными из них были «Записки о Московии» Сигизмунда Герберштейна (1549), которые вплоть до XVIII в. считались в Европе «энциклопедией» России. Во второй половине XVI в. была создана «иваниана» — комплекс сочинений про Ивана IV, в том числе и первая биография русского правителя, изданная на Западе ("Ioannis Basilidis Magni Moscoviae Ducis Vita" Пауля Одерборна, 1585). Все эти произведения формировали в европейской культуре определенный образ России как страны, чуждой «христианскому миру», более близкой к враждебной Турции[16]. Эти оценки влияли на характер европейской политики в отношении России и ставили ее в западной ментальной «модели мироустройства» вне Европы, как страну варварскую, агрессивную, враждебную католикам и протестантам.

В XVI в. происходит оформление институтов, отвечавших за осуществление внешнеполитической линии Русского государства, и отлаживается система их работы. С конца XV в. за внешнюю политику отвечала прежде всего Казна, потому что она финансово обеспечивала контакты с иностранными державами (так называемые поминки — церемониальные выплаты и посольские подарки, которые послы вручали в ходе своих миссий). Вопросы международных отношений также решали наместники приграничных территорий, Новгорода и Пскова. В XIV—XV вв. Новгород и Псков имели определенную традицию отношений с Ливонией, Швецией, Ганзой и сформировали свою систему международных договоров. После их вхождения в состав Российского государства эта традиция сохранялась до середины XVI в., хотя решения новгородских и псковских наместников формировались и утверждались в Москве. Это порождало определенные коллизии, например шведские короли видели в такой практике унижение своей страны, демонстративное умаление ее статуса (с послами шведского короля вели переговоры не великокняжеские

[16] *Филюшкин А. И.* Как Россия стала для Европы Азией? // Ab Imperio: Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. 2004. № 1. С. 191—228. Обзор западноевропейских сочинений о России см.: *Mund S.* Orbis russiarum: Genèse et development de la representation du monde "russe" en Occident à la Renaissance. Genève, 2003. Обзоры «иванианы» см.: *Kappeler A.* Ivan Grozny im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit: Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes. Frankfurt a. M., 1972; *Филюшкин А. И.* «Изобретая первую войну России и Европы»: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 291—600.

дипломаты, а всего лишь региональные наместники).

По мере роста международных контактов и развития посольского церемониала в Боярской думе формировались специальные комиссии, которые специализировались на разных направлениях внешней политики. В них входили бояре, окольничие и дьяки. Со временем дьяческий элемент усиливался, поскольку с конца XV в. получила развитие посольская документация. Когда посол отправлялся за рубеж, ему вручался наказ — инструкция, как вести переговоры. Когда дипломат возвращался, он представлял отчет (статейный список), где по пунктам отчитывался о своей миссии. Полномочия посла подтверждала «верющая» (верительная) грамота, а ехал он по чужой земле с пропуском, который назывался «опасной грамотой». Кроме того, составлялись перемирные грамоты, договоры, монархи обменивались дипломатическими посланиями, которые выдавались от их имени, но составлялись посольскими службами. Все эти документы собирались, редактировались и отбирались для сводной посольской книги, которая содержала всю актуальную документацию по сношениям с той или иной страной.

Посольскую документацию надо было вести, хранить, готовить для новых миссий. Сложность работы предполагала организацию специального ведомства. Считается, что выделение такого ведомства произошло в 1549 г., когда подьячему Ивану Михайловичу Висковатому было «приказано» посольское дело[17]. Этапы формирования государственного института, отвечающего за дипломатическую работу, устанавливаются не без затруднений, в 1549 г., видимо, речь шла о поручении («приказе») Висковатому заниматься посольскими делами. В 1562 г. упоминается Посольская изба, в 1576 г. — Посольский приказ. Учреждение отвечало за прием и отправку послов и гонцов, подготовку и ведение дипломатической документации. С середины XVI в. можно говорить о становлении русской посольской службы как государственного института.

Русско-литовские войны первой половины XVI в. В XIV—XV вв. земли будущей Восточной Европы от Вислы до Волги и от Балтийского моря до Черного вошли в состав нескольких государств: Ливонского ордена, Королевства Польского, Великого княжества Литовского и Русского, Русского государства («Государства всея Руси»), Большой Орды, Крымского, Казанского, Астраханского ханств. Границы между ними были размытыми, огромные пространства оказывались спорными. На протяжении сотен километров пограничья между Великим княжеством Литовским и Россией рубежи определялись в основном межами, разделявшими владения местных землевладельцев. Охранять границу на всем ее протяжении у государств не было возможности, пограничных служб еще не существовало. Поэтому на некоторых участках рубежи специально проводились по непроходимой местности, дремучим лесам и болотам[18].

На уровне верховной власти отношения между Москвой и Вильно постепенно становились все более сложными. Неурегулированность границ создавала потенциальную опасность территориальных споров. В Великом княжестве Литовском с подозрением относились к изменениям в титулатуре правителей «государства всея Руси», видя в добавлении к титулу слов «всея Руси» претензию на земли бывшей Древней Руси, входящие в состав Великого

[17] О нем см.: *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый: Карьера государственного деятеля в России XVI в.

[18] *Темушев В. Н.* Літоўска-маскоўская граніца ў другой палове XV — пачатку XVI ст. // Ягелоны: Дынастыя, эпоха, спадчына: Матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф. (Гальшаны-Навагрудак, 8—10 верас. 2006 г.). Мінск, 2007. С. 325—340; *Он же.* Формирование московско-литовской границы в XV — начале XVI в. С. 56—77.

княжества Литовского (Киевские, Черниговские, Полоцкие и т. д.).

Вопрос о времени внесения в государев титул «всея Руси» спорен, но очевидно возникновение титулатурного спора вокруг этой приставки между Россией и Великим княжеством Литовским в 1493 г., когда канцлер Миколай Радзивилл расценил новое государево имя как написанное «высоко, не по старине», его употреблением Иван III «войну на мир пустил»[19]. В 1503 г. Иван III сформулировал, что «вся Рускаа земля, Божьею волею, из старины, от наших прародителей наша отчина»[20]. Каковы границы этой «Русской земли» и соответственно насколько в XVI в. простирались претензии Москвы на власть над Восточной Европой? Анализ посольских документов показывает, что на протяжении 1503—1566 гг. эти границы в понимании русских дипломатов менялись, расширялись. Они использовали идею вотчины, возвращения земель как былых владений Рюриковичей, предков Ивана III, Василия III и Ивана IV. В наиболее четком виде эта идея была сформулирована в декларациях Боярской думы 1549 г. («...вотчина наша извечная Киев и Волынская земля, и Полтеск и Витебск, и иные городы русские»[21]), а в 1566 г. боярин В. М. Юрьев на переговорах заявил, что князья Великого княжества Литовского виноваты в захвате русских земель и должны искупить этот грех, вернув захваченное[22]. Поэтому войны Ивана IV по возврату этих территорий, по словам боярина, только восстанавливают справедливость. Таким образом, формирование в русской дипломатической практике концепции «всея Руси», возврата утраченных древнерусских земель как вотчины Рюриковичей, заняло более полувека.

Самую большую проблему в конце XV в. создали князья так называемых Верховских и Северских земель. В верховьях реки Оки, а также в бассейне рек Сейма, Сож и Псел располагались возникшие в предшествующие столетия удельные княжества: Новосильское, Бельское, Воротынское, Трубчевское, Новгород-Северское и т. д. Они вошли в состав Великого княжества Литовского, но в конце XV в. северских и верховских князей перестал устраивать их статус в составе княжества: Литовское государство наступало на удельные права.

Власти Великого княжества Литовского пытались ограничить «право отъезда» и право службы по специальным договорам («докончаниям»)[23]. Чтобы сохранить свои княжеские привилегии, правители этих земель решили перейти с вотчинами в состав соседнего Российского государства, хотя как раз в это время, в конце XV — начале XVI в., великие князья Московские приступили к искоренению у себя удельной системы[24]. И все же в иерархии «государства всея Руси» эти верховские князья, получавшие статус «служебных князей», занимали очень высокое место.

С 1473 г. (первый отъезд в Москву князя Семена Юрьевича Одоевского) и до 1503 г. в результате «выездов» князей с вотчинами Великое княжество Литовское лишилось практически всех Верховских и Северских земель. Оно пыталось вернуть их военным путем, что привело к так называемым порубежным войнам. Всего таких войн было пять, две состоялись при Иване III (1487—1494 и 1500—1503), две при

[19] Сборник РИО. Т. 35. С. 103—105.

[20] Там же. С. 380.

[21] Там же. Т. 59. С. 278.

[22] Там же. Т. 71. С. 357.

[23] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI века. М., 1995. С. 86—87, 93—98.

[24] О ликвидации удельной системы при Василии III см.: *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. С. 95—112, 208—240, 396—425.

Василии III (1507—1508 и 1512—1522) и одна при Елене Глинской (1534—1537). Все они закончились в пользу Москвы и закрепили ее территориальные приобретения. Последняя «порубежная война», так называемая Стародубская, состоялась в период малолетства Ивана IV в 1534—1537 гг. Следует заметить, что на русскую службу переходили сами князья и окружавшие их служилые люди. А остальная шляхта и горожане Великого княжества Литовского, несмотря на православную веру, которую исповедовало большинство населения, с недоверием относились к инициативам Москвы, проявляли лояльность к короне и властям княжества и активно противостояли русской армии на полях сражений.

Приход к власти Василия III в 1505 г. почти совпал со смертью великого князя Литовского Александра Казимировича (Александра Ягеллончика) (1506). Он был женат на сестре Василия III Елене Ивановне. Московский правитель расценил эту ситуацию как шанс претендовать на престол Великого княжества Литовского. Он писал великокняжеской вдове, чтобы она организовала «хотение» его на трон. Аналогичные грамоты были посланы крупнейшим магнатам княжества, епископу Виленскому и совету знати — раде панов. Кандидатура Василия III не получила поддержки у аристократии княжества, и к власти пришел Сигизмунд I Старый (1506—1548). То, что его правление фактически началось с конфликта в борьбе за власть с великим князем Василием III, осложнило русско-литовские отношения.

Взаимное раздражение вскоре вылилось в пограничные претензии, а затем и в боевые столкновения. В марте 1507 г. войска Великого княжества Литовского атаковали окрестности Брянска и сожгли Чернигов. В июле Россия нанесла ответный удар в пограничных районах, примыкавших к Северским и Смоленским землям. В сентябре русские войска сожгли посад Мстиславля.

Развивавшаяся по привычному сценарию пограничного конфликта третья «порубежная война» 2 февраля 1508 г. получила новое развитие. В Великом княжестве Литовском поднял мятеж князь Михаил Глинский. Мотивы восстания носили в основном личный характер — князь претендовал на более высокий статус и место при королевском дворе. События развивались неудачно для Глинского: он смог захватить только Новогрудок и Мозырь, которыми управляли его родственники. Осады Минска, Слуцка, Кричева, Орши, Мстиславля и других городов оказались неудачными. В августе 1508 г. Глинский с родственниками бежал в Россию, на этот раз — «без вотчин», в отличие от большинства выезжих литовских князей. Русские войска ограничились боевыми действиями в пограничье. Война закончилась. Ее итогом стал заключенный 8 октября 1508 г. мир, по которому Великое княжество Литовское признало утрату Верховских и Северских земель, потерянных в ходе предыдущих войн (1487—1494 и 1500—1503).

Мир оказался недолгим. Осенью 1512 г. сестра Василия III, вдова великого князя Литовского Александра Ягеллончика, великая княгиня Елена была в Великом княжестве Литовском арестована по обвинению в подготовке к бегству в Россию. Через несколько месяцев она умерла в заточении. Репрессии против сестры государя всея Руси стали поводом к началу четвертой «порубежной войны», которая в историографии обычно называется Смоленской войной. Русские полки под командованием И. М. Репни-Оболенского и И. А. Челяднина 14 ноября вторглись в Смоленскую землю. В январе 1513 г. началась первая осада Смоленска. Василий III считал этот город вотчиной великих князей Московских на том основании, что при его захвате Витовтом в 1404 г. последний великий князь Смоленский Юрий Святославич отъехал в Москву к Василию I и тем самым передал ему смоленскую вотчину.

Первая (длившаяся шесть недель), а затем и вторая (22 сентября — 1 ноября 1513 г.) осада оказались неудачными. Для русских войск за последнее столетие это был первый опыт столь крупномасштабных походов и осады столь значительной крепости. Третья осада, начавшаяся в июле 1514 г., развивалась уже по другому сценарию[25]. Ставка была сделана на массированный артиллерийский обстрел города и на переговоры с горожанами. Последние оказались перед выбором — погибнуть под огнем или выговорить условия почетной капитуляции. Василий III 1 августа вступил в сдавшийся Смоленск. Он подтвердил все льготы, которыми город обладал в составе Великого княжества Литовского. Правда, затем последовали переселения из Смоленска и Смоленской земли сначала бояр, а затем мещан — как потенциально опасных сторонников княжества.

В основном боевые действия проходили в пограничье, в Смоленской, Витебской, Полоцкой землях. Отдельные рейды русских войск достигали районов Киева и Вильно. Из крупных событий можно назвать победу войска Великого княжества Литовского 8 сентября 1514 г. под Оршей над полками под командованием М. И. Булгакова и И. А. Челяднина[26] и неудачную попытку осады отрядом К. Острожского псковской крепости Опочки в 1517 г.[27] Попытки вернуть Смоленск оказались безуспешными; 9 сентября 1522 г. было подписано перемирие на пять лет. Россия оставляла за собой Смоленск с волостями, Великое княжество Литовское отказывалось это признавать, но на пять лет прекращало боевые действия. Важным результатом переговоров стала подробная роспись русско-литовской границы на участках, которые не вызывали споров.

Последней, пятой, «порубежной войной» стала Стародубская война 1534—1537 гг.[28] После смерти в 1533 г. Василия III Великое княжество Литовское потребовало от России пересмотреть условия перемирия 1522 г. и вернуться к договору 1508 г., т. е. отдать Смоленск. Расчет был на то, что в условиях малолетства Ивана IV Россия не рискнет начать боевые действия. Но переговоры не состоялись, и в августе 1534 г. Великое княжество Литовское начало наступление в приграничье. Война развернулась вокруг Радогощи, Чернигова, Стародуба и Почепа. Был осажден Смоленск. Россия ответила контрударами в направлении Вильно, Новогрудка, Мстиславля. Успешным русское наступление оказалось в полоцко-псковском пограничье, где в 1535 г. была основана опорная крепость Себеж. Великое княжество Литовское развивало успех в направлении Гомель — Стародуб. Обе крепости летом 1535 г. были взяты. Но на этом успехи княжества закончились, война перешла в вязкие столкновения в приграничье. Осады литовцами Себежа, а русскими Кричева в 1536 г. оказались безуспешными. В 1537 г., 18 февраля, было подписано перемирие, по которому Великое княжество Литовское приобретало Гомельскую землю, но за Россией оставались крепости Себеж, Велиж и Заволочье, основанные русскими в 1535—1536 гг. в полоцко-псковском порубежье. Таким образом, результат войны можно считать ничейным. В 1535 г. военная кампания (с участием польских войск), закончившаяся

[25] Подробнее см.: *Кашпировский Е. И.* Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I Казимировичем из-за обладания Смоленском (1507—1522) // Сборник историко-филологического общества при Институте князя Безбородко в Нежине. Т. 2. Нежин, 1899. С. 173—289; *Лобин А. Н.* Взятие Смоленска и битва под Оршей: 1514 год. М., 2015. С. 4—36.

[26] См.: *Лобин А. Н.* Битва под Оршей 8 сентября 1514 года. СПб., 2011.

[27] См.: *Лобин А. Н.* Оборона Опочки: 1517: «Бесова деревня» против армии Константина Острожского. М., 2017.

[28] См.: *Кром М. М.* Стародубская война: 1534—1537: Из истории русско-литовских отношений. М., 2008.

взятием Гомеля и Стародуба, не привела к каким-либо переменам. Отсутствие средств не позволило восстановить крепости и поместить в них гарнизоны. Их восстановили весной 1536 г. русские войска.

Общий итог русско-литовских войн конца XV — первой трети XVI в. был в пользу России. В ее состав вошли огромные территории: Верховские, Северские, Смоленские земли, некоторые районы Полоцкой земли. Великое княжество Литовское, несмотря на отдельные военные успехи (битва под Оршей 1514 г., взятие Стародуба в 1535 г.), в целом проявило себя слабым военным противником. Был намечен следующий район пересмотра границ — Полоцкая и Витебская земли. Получив бывшие земли Древней Руси, правители России пришли к идее, что собирание земель «всей Руси» (как вотчины московских Калитичей) распространяется и на владения Великого княжества Литовского (по реку Березину). Но эта идея формировалась постепенно. Окончательно она стала частью аргументации русских дипломатов для оправдания целей внешней политики не ранее второй половины XVI в. (наиболее четко она была сформулирована в ходе русско-литовских переговоров после взятия Полоцка в 1566 г.).

Ситуация в Прибалтике и отношения России с государствами Северной Европы в первой половине XVI в. На рубеже XV и XVI вв. изменился расклад сил в Прибалтике. В предшествующий период существовал своеобразный треугольник: Ливония — Псков — Великий Новгород[29]. Все его стороны были заинтересованы во взаимовыгодной торговле, в которой Ливония выступала посредницей в торговых потоках из России в Европу и из Европы в Россию. Между сторонами могли возникнуть конфликты из-за условий торговли и мелких территориальных споров, но никогда не ставился вопрос о взаимном завоевании или войне на уничтожение противника.

В конце XV — начале XVI в. этот треугольник стал распадаться. В 1478 г. в состав России вошел Великий Новгород, в 1510 г. — Псков. Вместо них теперь было огромное Русское государство, склонное к силовым методам решения сложных вопросов. Лояльность населения Новгорода и Пскова после присоединения была достигнута, в том числе переселениями местных купцов, вводом московского гарнизона и т. д. Поставленные Москвой администрации Новгорода и Пскова начали вести новую политику. В 1488 г. новгородский наместник приказал взвешивать ливонские и ганзейские товары. Это обрушивало веками налаженную систему торговли в Прибалтике[30]. Получение прибыли Ганзой и Ливонией строилось на том, что в ходе продаж вес менялся и в разных пунктах в одну и ту же меру вкладывалось разное содержание. Например, шиффунт воска в Новгороде содержал 480 фунтов, в Ливонии он превращался уже в 400 фунтов, а в Любеке — в 320! Разница в 160 фунтов потом продавалась отдельно и составляла чистую прибыль, при этом купеческая этика (не допускать большой разницы между закупочной и продажной ценой, т. е. спекуляций) соблюдалась, поскольку цена почти не менялась. Ласт[31] импортируемой соли в Ревеле равнялся 15 мешкам, а в Новгоро-

[29] *Бессуднова М. Б.* Великий Новгород в конце XV — начале XVI в. по ливонским источникам. Великий Новгород, 2009. С. 10—55; *Она же.* Превратность судьбы (Великий Новгород в системе русско-ливонских отношений) // Новгородский исторический сборник. Вып. 13 (23). 2013. С. 171—184.

[30] *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: Конец XIV — начало XVI в. С. 196—197.

[31] Один ласт равнялся 1920 кг.

де — 12[32]. Москва меняла эту схему в свою пользу, заставляя соблюдать положенные меры веса. Но это лишало немецкую торговлю выгоды.

Позиции Ганзы в регионе были окончательно подорваны разгоном Ганзейского двора в Великом Новгороде в 1494 г. Торговые отношения России с Европой прервались. Судя по официальным документам, новгородско-ливонская торговля была прекращена в 1494—1514 гг., а псковско-ливонская — в 1501—1514 гг.[33] Возобновившиеся после этого отношения утратили былую стабильность, сами современники называли их «странной торговлей».

В XIV—XV вв. главным принципом ливонской торговли было посредничество — немецкие купцы перекупали русские товары, везли их в Прибалтику и далее в Европу. Самим русским дозволялось иметь дело только с посредниками, сами торговать на ливонских и тем более европейских рынках они не могли. В XVI в. роль старых ганзейских торговых центров ослабла, и этим немедленно воспользовались другие ливонские города — Нарва, Дерпт, Пярну и т. д. Они пустили русских купцов на свои внутренние рынки и разрешили им торговлю в Ливонии, в том числе без посредников. В результате резко выросло русское население в Прибалтике, развивались русские городские концы Дерпта, Нарвы, Риги, Ревеля. А приграничная территория стала зоной русско-ливонской торговли и активной контрабанды с обеих сторон[34], поскольку и московские власти, и правительство Священной Римской империи активно вмешивались в коммерцию, накладывали ограничения, запрещали торговать отдельными видами товаров и т. д.

В начале XVI в. меняется политика России в отношении Немецкого ордена, точнее его ливонского ответвления. Это было связано с поиском новых союзов как с русской, так и немецкой стороны. Ливонский магистр Вальтер фон Плеттенберг стремился укрепить позиции Немецкого ордена в Прибалтике. Для этого он заключил альянс с Великим княжеством Литовским и поддержал его во время русско-литовской войны 1500—1503 гг. В 1501 г. ливонские рыцари взяли псковский пригород — крепость Остров. Был осажден Ивангород. В 1502 г. Плеттенберг осадил Псков, но взять его не смог. На Смолинском озере (под Изборском) состоялось крупное сражение, которое выиграли войска магистра. Эта война (1501—1503) получила название Первой Ливонской войны[35]. Она закончилась в 1503 г. заключением шестилетнего перемирия. Собственно, это был последний военный успех Ливонского ордена в его истории. Внутри Ливонской конфедерации воинственные настроения Плеттенберга вызывали сочувствие далеко не у всех. Война мешала торговле, а «города живут торговлею», как говорили современники. Городские круги Ливонии предпочитали торговать, а не воевать.

В феврале 1507 г. семьдесят три ганзейских города (в том числе ливонские) обратились к Василию III с просьбой о возврате товаров, конфискованных в 1494 г. при разгоне Ганзейского двора в Новгороде.

[32] *Клейненберг И. Э.* Цены, вес и прибыль в посреднической торговле товарами русского экспорта в XIV — начале XV в. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968. С. 39—40; *Казакова Н. А.* Из истории сношений Новгорода с Ганзой в первой половине XV в. // Исторические записки. Т. 28. М., 1947. С. 119.

[33] *Хорошкевич А. Л.* Значение экономических связей с Прибалтикой для развития северо-западных русских городов в конце XV — XVI в. // Экономические связи Прибалтики с Россией. С. 14.

[34] *Бессуднова М. Б.* Россия и Ливония в конце XV века: Истоки конфликта. М., 2015. С. 266—269.

[35] Подробнее о Первой Ливонской войне см.: *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: Конец XIV — начало XVI в. С. 201—241; *Бессуднова М.* Походы магистра Вальтера фон Плеттенберга на Псковщину в 1501 и 1502 годах (по данным ливонских источников) // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы LII семинара им. В. В. Седова. Псков, 2007. С. 157—184.

В ответной грамоте Василий III назвал условием возобновления переговоров с Ливонией и Ганзой расторжение ливонско-литовского военного союза и возмещение потерь русским купцам. В 1509 г. ливонцы пошли на уступки, и в договоре о продлении перемирия взяли обязательство расторгнуть союз с Великим княжеством Литовским. По этому договору возобновлялась русско-ливонская торговля, однако вводилось ограничение на торговлю солью для защиты отечественной соледобычи. Для Ливонии это был ощутимый удар (тогда ходила поговорка, что «Ревель построен на соли»). Оставался также ряд ограничений на ввоз в Россию металлов.

Немецкие города обратились к властям Священной Римской империи германской нации за помощью: дипломатическим путем способствовать восстановлению отношений с Россией. В 1509 г. империя передала в Москву просьбу Любека и Ганзы. Василий III обещал восстановить в Великом Новгороде Ганзейский двор, что послужило началом сближения двух держав. В 1510 г. торговые отношения с Ганзой были возобновлены. Мирные соглашения с Ливонией перезаключались в 1521, 1531, 1535 и 1550 гг.[36] Вплоть до 1550 г. содержание русско-ливонских договоров принципиально не менялось. В них оговаривались основные условия торговли, судопроизводства, налогообложения, отношений на границах. Таким образом, первая половина XVI в. в русско-ливонских отношениях была сравнительно мирной. Шла торговля, мешать которой не хотела ни одна из сторон. Не считая незначительных стычек местного населения на границах, крупных военных столкновений не было.

Прусская ветвь Немецкого ордена, в отличие от Ливонии, стремилась заключить союз не с Великим княжеством Литовским, а с Россией. Мотивом для возникновения этого неожиданного альянса было желание оказать отпор Ягеллонам. После поражения в Тринадцатилетней войне 1454—1466 гг. тевтонцы утратили свои позиции в польском Поморье и ослабли настолько, что не могли вести войну с Королевством Польским самостоятельно.

В 1513 г. император Максимилиан I создал проект широкой антиягеллонской коалиции в составе Священной Римской империи, Тевтонского ордена, Дании, Бранденбурга, Саксонии, Валахии и России. В 1514 г. в Россию прибыл имперский посол Георг Шнитценпаумер фон Зоннег. Стороны обсуждали проект договора о союзе против Ягеллонов и делили сферы влияния в Европе. Империя признавала права России на Киев и русские земли в составе Великого княжества Литовского, а Россия обещала поддержать Габсбургов в их борьбе с Ягеллонами за земли Центрально-Восточной Европы. В договоре русский правитель именовался титулом «кайзер», т. е. цесарь, император. Это было возвышением статуса России на мировой арене как партнера и союзника Священной Римской империи.

Но по договору, заключенному Шнитценпаумером, империя должна была стать союзником России в том числе в военных действиях. Василий III рассчитывал на поддержку в Смоленской войне. Королевство Польское, напротив, предприняло максимум дипломатических усилий для изменения ситуации. В итоге Максимилиан I заявил, что Шнитценпаумер превысил полномочия и заключил договор на условиях, которые не были согласованы с имперским двором. России был предложен новый вариант соглашения, в котором союзные обязательства резко сокращались, зато империя выговаривала себе право выступать арбитром в русско-польских отношениях. Василия III новые условия не устро-

[36] *Каштанов С. М.* Договор России с Ливонией 1535 г. // Проблемы источниковедения. Вып. 1 (12). М., 2006. С. 182—297.

или. В результате переговоры сорвались. В 1515 г. на Венском конгрессе Максимилиан I получил от Ягеллонов обещание, что после смерти Владислава Ягеллона права на Чехию и Моравию перейдут к наследникам Максимилиана. Тем самым Габсбурги и Ягеллоны помирились, и Россия оказалась вне европейских политических альянсов.

Империя отказалась от поддержки территориальных претензий Тевтонского ордена к Королевству Польскому. Ордену ничего не оставалось, как искать союза с Россией. После его неудачи ливонская ветвь Немецкого ордена осталась единственным противником и России, и Польши в Прибалтике, что делало неизбежным грядущий конфликт «за ливонское наследство».

Ливония была дальней провинцией Священной Римской империи. В сложных международных ситуациях предполагалось использование права имперского суда, решениям которого должны были подчиняться европейские монархи (короли Польши, Венгрии, магистр Немецкого ордена и т. д.). За Ливонию империя заступалась слабо, зато попыталась выступить посредником в конфликте России, Королевства Польского и Великого княжества Литовского. В 1517 г. эту миссию пытался выполнить посол Сигизмунд Герберштейн. Он хотел склонить Василия III к возврату Смоленска, призывал русского правителя проявить добрую волю, уступить, угодить «христианскому миру». Переговоры провалились, поскольку в них учитывались интересы Великого княжества Литовского и Европы, а Россию призывали только делать уступки. Герберштейн так охарактеризовал свою миссию: «Я трудился и делал, и не нашел посредничества, и если была бы на это надежда — я бы еще трудился, но никто этого не хочет»[37].

Отдельным направлением западной внешней политики были отношения России с Данией и Швецией. На Балтике происходили перемены, которые через несколько десятилетий привели к обострению противостояния между странами балтийского региона. В 1491 г. начался конфликт датской короны и Ганзы, король Ганс ограничил ганзейцев в правах в пользу датских купцов. На море расцвело датское каперство, главным объектом нападений были корабли Гданьска и Любека. Ганзу в этом противостоянии поддержала Швеция, которая стремилась к независимости, к выходу из Кальмарской унии (союз Дании — Швеции — Норвегии 1397 г. под эгидой датской короны). В результате стороны начали искать новых союзников, и в различных политических комбинациях все чаще начинает фигурировать Россия. В 1488 г. губернатор Швеции Стен Стуре вел переговоры с Ливонией о заключении военного союза, в котором были статьи о возможности совместных боевых действий против Руси, в 1492 г. переговоры по этому вопросу получили продолжение.

Россия не хотела обострять отношения в балтийском регионе, ей было выгоднее торговать с шведами (прежде всего через Выборг), но существовали мелкие территориальные противоречия в пограничье (продолжал действовать давно устаревший и не отвечавший реалиям Ореховский договор 1323 г.). Наместники Великого Новгорода по указанию Москвы раз за разом продляли русско-шведские договоры (1487, 1493, 1497, 1504, 1510, 1513, 1524—1526 гг.). В них русским купцам давался «путь чист» за море, т. е. через Финский залив в Выборг. Однако временами политические противоречия и пограничные проблемы брали верх над экономической выгодой, и тогда между Россией и Швецией разворачивались боевые действия вплоть до полномасштабного конфликта, например в 1496 г., когда шведская армия захватила и разорила только что построенную русскую крепость на реке Нарове Ивангород. В 1523 г. Швеция вышла из Кальмарской унии и добилась независимо-

[37] Сборник РИО. Т. 35. С. 509—533.

сти, после чего главными соперниками за доминирование на Балтике стали Швеция и Дания. В связи с этим «русский вопрос» в шведской политической повестке отошел на второй план. В 1537 г. было в очередной раз подтверждено продление заключенного в 1510 г. перемирия с Россией на шестьдесят лет (с 1510 по 1570 г.).

Отношения России с Данией были тесно связаны с датско-шведскими отношениями. Датчане рассматривали Русь как потенциального союзника в борьбе с мятежным Стокгольмом. Есть предположение Е. А. Савельевой, поддержанное А. Л. Хорошкевич, что уже в русско-датском договоре 1494 г. была статья, в которой Дания выражала поддержку стремлению России вернуть земли, утраченные в пользу Швеции по Ореховскому миру 1323 г.[38] Косвенным указанием на эту поддержку были поставки вооружения, которое Дания везла на своих кораблях в Россию вопреки запретам Священной Римской империи. В 1506—1511 гг. между Россией и Данией отмечены интенсивные дипломатические контакты. В 1514 и 1517 гг. был подтвержден русско-датский договор 1494 г., причем датские купцы получили жалованную грамоту Василия III, предоставлявшую им крайне выгодные условия торговли. В 1517 г. Дания также поддержала Россию в оказании военной помощи Тевтонскому ордену в тевтонско-польской войне. Однако поражение Копенгагена в 1523 г. в противостоянии с Швецией привело к резкому снижению датско-российских дипломатических контактов. Дании стало не до России, она с 1524 г. добивалась союза с Польшей, Шотландией, Ганзой как более территориально близкими потенциальными союзниками в борьбе с Швецией. Однако отношения не испортились, мало того, Москва проявляла свою готовность к союзу: так, в 1524 г. через русские новгородские земли из Княжества Финляндского в Ливонию были беспрепятственно пропущены остатки разбитой шведами датской армии Маурица Ольденберга и Ролофа Матсона. Но интенсивность отношений значительно снизилась.

В 1530—1540-е гг. во внешней политике на западном направлении наступило некоторое затишье. Это было связано с малолетством Ивана IV. Со всеми европейскими соседями отношения развивались по налаженным схемам.

Отношения с Тевтонским орденом. Тевтонский орден, захвативший в XIII в. земли балтского племени пруссов, в течение XV в. оказывался все более под влиянием Польши. В результате Тринадцатилетней войны (1454—1466) между Тевтонским орденом в Пруссии и Польшей был заключен Второй Торунский мирный договор, согласно которому Тевтонский орден признавал себя вассалом польского короля. Кроме того, орден потерял пограничные с Польшей земли, которые впоследствии получили название Королевской Пруссии. В состав этих территорий входило Гданьское поморье с крупнейшим центром торговли Гданьском (нем. Данциг), а также земли Эльблонга, Мальборка и Хелмно. В первой четверти XVI в. великий магистр Тевтонского ордена предпринял попытку отвоевать у Польши эти земли.

Начало дипломатических контактов России и Тевтонского ордена относится к 1510 г. В 1508 г. литовский вельможа Михаил Глинский после неудачной попытки стать польским королем поднял мятеж и бежал в Москву. Будучи в дружеских отношениях с Фридрихом Саксонским, великим магистром Тевтонского ордена в 1498—1511 гг., а также понимая общие интересы России и ордена в противостоя-

[38] *Савельева Е. А.* Книга Олауса Магнуса «История северных народов» и ее известия о России // Исторические связи Скандинавии и России: IX—XX вв. Л., 1970. С. 334; *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. С. 141.

нии Польше, М. Л. Глинский организовал осенью 1510 г. посещение Москвы представителем ордена — саксонским дворянином Кристофером Шляйницем. В результате этого визита было получено согласие Василия III принять послов Тевтонского ордена[39]. Однако на обратном пути Шляйница ограбили, и содержание письма Василия III магистру Тевтонского ордена оказалось известно польскому королю Сигизмунду I[40]. Вторая попытка наладить отношения между Москвой и орденом относится к 1514 г. В 1511 г. великим магистром Тевтонского ордена был избран Альбрехт Гогенцоллерн (1490—1568) из рода маркграфов Бранденбург-Ансбаха, матерью которого была дочь польского короля Казимира IV. Он намеревался отвоевать у Польши земли, утраченные по Второму Торунскому миру, и для этого в 1514 г. представилась благоприятная ситуация. Император Священной Римской империи германской нации Максимилиан I претендовал на венгерские земли, которые в то время все активнее переходили под управление польского короля[41]. Для реализации своих целей Максимилиан вознамерился создать антипольскую коалицию, видную роль в которой должна была играть Россия, претендовавшая на земли Великого княжества Литовского, верховным владетелем которых также был польский король. К тому же в 1512 г. начались военные действия между Россией и Великим княжеством Литовским, в результате которых в 1514 г. русскими войсками был взят Смоленск. В том же 1514 г. был заключен направленный против Польши союзный договор между Максимилианом I и Василием III. В нем присутствовало условие, согласно которому Тевтонский орден возвращал себе земли, отошедшие к Польше в 1466 г.[42] Так Россия и Тевтонский орден оказались союзниками по антипольской коалиции, что привело к активизации дипломатического общения.

Предложение возобновить контакты для заключения антипольского союза было сделано Москвой прусскому магистру в мае 1515 г. через магистра Ливонского ордена Вальтера фон Плеттенберга, на что со стороны Пруссии в декабре 1515 г. было отвечено согласием[43]. Однако есть сведения о том, что еще раньше, в январе 1515 г., в Кенигсберг была отправлена делегация из Москвы, а к маю в Москву уже прибыло первое представительство из Пруссии[44]. В Москву 24 февраля 1517 г. прибыло первое официальное прусское посольство во главе с Дитрихом фон Шонбергом с просьбой о военной помощи в войне с Польшей. Правительство Василия III изъявило готовность выделить денежные средства для найма Тевтонским орденом войска — пехотного (10 тыс. человек) и конного (2 тыс. человек)[45]. Посоль-

[39] Саксонские сношения с польским королем касательно посольства Хр. Шлейница в Москву: 1511—1514 гг. // Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии. Кн. 1. Тула, 1915. С. 1—27.

[40] *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. С. 123—124.

[41] Венгерским королем был Владислав II, брат Сигизмунда I, а после его смерти в 1516 г. на трон возвели его малолетнего сына Лайоша II, опекуном которого являлся Сигизмунд I. И хотя Максимилиану I удалось выдать за Лайоша II свою внучку Марию, а сестру Лайоша Анну помолвить со своим внуком, все же будущее венгерской короны оставалось неопределенным.

[42] *Fielder J.* Die Allianz zwischen Maximilian I. und Wassili Iwanowicz // Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften. Bd. 43. Wien, 1863. S. 183—289.

[43] *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. С. 157.

[44] *Лобин А. Н.* Планы военного сотрудничества Тевтонского ордена и России в 1517—1522 гг. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2014. № 1. С. 12—13.

[45] Основной корпус документов, посвященный дипломатическим сношениям России и Тевтонского ордена в первой четверти XVI в., опубликован Г. Ф. Карповым; см.: Сборник РИО. Т. 53: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Немецким орденом в Пруссии: 1516—1520 гг.

ство Шонберга 11 марта покинуло Москву. Эта договоренность о финансовой поддержке Тевтонского ордена со стороны России явилась первым опытом подобного рода в российской внешней политике[46]. Соответствующие административные механизмы еще не были отработаны, и, чтобы реализовать заключенную договоренность, понадобился неоднократный обмен посольствами. Уже 26 марта, спустя две недели после отъезда прусского посольства, из Москвы в Мемель отправляется посольство Василия III во главе с опытным дипломатом, близким великому князю, сыном боярским Дмитрием Давыдовичем Загряжским, вся предшествующая деятельность которого была связана с посольствами в Литву и Польшу. Это посольство вернулось 12 июля, а 25 августа уже прибыло посольство от магистра Тевтонского ордена с предложением переслать обещанные Василием III деньги для найма войска через Псков в Кенигсберг, чтобы можно было воспользоваться им тотчас после начала боевых действий. На это московские бояре ответили, что деньги готовы и находятся в Пскове, но будут доставлены в Пруссию только после того, как военные силы Тевтонского ордена отвоюют у Польши принадлежавшие им ранее города и двинутся на Краков.

Следующее тевтонское посольство прибыло в Москву в декабре 1517 г. и пробыло там до 17 апреля 1518 г. К этому времени русские войска в ходе войны с Великим княжеством Литовским одержали победу у Опочки. Тевтонский же орден так и не вступил в военный конфликт с Польшей. Шонбергу удалось заручиться обещанием Василия III, что деньги для найма десяти тысяч воинов будут переданы великому магистру Тевтонского ордена сразу же после начала орденом военных действий против Польши. Вместе с возвращавшимся домой посольством Шонберга в Пруссию был отправлен русский посланник Елизар Сергеев, который должен был оценить степень готовности тевтонцев воевать с Польшей. В случае, если тевтонцы будут готовы выступить в поход, Сергеев имел полномочия связаться с посланным в Псков дьяком Иваном Харламовичем Некрасовым, чтобы тот переправил в Кенигсберг необходимую для найма десяти тысяч воинов сумму.

В свою очередь Некрасову было дано поручение производить найм солдат лично, выплачивая каждому вознаграждение по европейскому курсу. Оба московских посланных 1 августа вернулись в Москву — Елизар Сергеев из Кенигсберга, а Иван Некрасов из Пскова. Согласно грамоте тевтонского великого магистра Василию III, которую привез Елизар Сергеев, магистр решил не воевать с польским королем. В Москву 24 сентября 1518 г. прибыла грамота от магистра Тевтонского ордена, в которой тот сообщал о посольстве в Кенигсберг от римского папы, взявшего на себя роль посредника в переговорах между польским королем и прусским магистром. От папского посла магистр узнал о готовности польского короля не доводить дело до войны, а вернуть Тевтонскому ордену отнятые земли. От Василия III 22 ноября 1518 г. была составлена грамота прусскому магистру, в которой великий князь сообщал о военных действиях России против польского короля и призывал руководство Тевтонского ордена и впредь действовать в согласии с Россией. Позже, 9 марта, прибыл посол из Пруссии Шонберг с предложением от прусского магистра и от римского папы согласиться на пятилетнее перемирие с польским королем для организации антиосманского союза христианских государей. Римский папа попутно предлагал Русской церкви унию с Римом, митрополиту — сан патриарха, а Василию III — королевский титул. Василий III изъявил готовность пой-

[46] *Балязин Н. В.* Россия и Тевтонский орден в 1466—1525 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1963. С. 11.

ти на перемирие, но высказался категорически против идеи унии. Идея получить королевский титул из рук римского папы живой реакции в Москве не вызвала и более в переговорах не затрагивалась.

Из Москвы в Кенигсберг 3 апреля 1519 г. отправилось посольство сына боярского Константина Тимофеевича Замыцкого, который принимал участие в российско-польских сношениях с 1504 г. и, очевидно, считался в Москве опытным дипломатом именно западного направления. Замыцкому было дано поручение выразить согласие на перемирие с польским королем, но настаивать на заключении перемирия в Москве, а идею унии отвергать. Однако антиосманский альянс не состоялся, и совместные военные действия против польского короля снова обрели актуальность. В Москву 2 августа 1519 г. привезли грамоту от прусского магистра, в которой тот заверял о скорейшем начале им военных действий и просил ускорить выдачу денежной помощи. Великий князь в ответной грамоте от 16 августа, отправленной с посланником Василием Александровым, обещал выдачу денег сразу же после вступления ордена в войну с Польшей. В это же время из Москвы было послано распоряжение в Псков приготовить деньги к отправке в Пруссию. В Москву Замыцкий вернулся 19 августа и подтвердил, что магистр готов к войне, но не может ее начать без русских денег; 20 сентября наконец деньги для найма одной тысячи воинов были отправлены в Пруссию с Иваном Некрасовым. По прибытии в Пруссию оказалось, что денег недостаточно для найма даже тысячи воинов. Об этом сообщил прусский посол Мельхер Рабенштейн, прибывший в Москву 31 декабря 1520 г. Реакция Василия III была следующей: остаток денег для найма первой тысячи воинов будет выслан вскорости, а остальные деньги на найм десяти тысяч пехоты и двух тысяч конницы поступят в Пруссию после того, как прусское войско, одержав победы, двинется к Кракову. С этим решением Рабенштейн выехал из Москвы 18 марта 1520 г.

Военные действия Польши и ордена разворачивались не в пользу последнего, и в июле 1520 г. после неоднократных просьб со стороны прусского магистра Василий III распорядился отправить в Кенигсберг второй транш финансовой помощи. Однако в Пруссии орден все больше отступал перед польским войском. Московская финансовая помощь запаздывала, наемники, не получив жалованья, разбегались. Наконец магистр был вынужден заключить с Польшей перемирие. В декабре 1520 г. в Москву прибыл прусский посол Альбрехт фон Шлибен. Результатом его миссии была отправка следующего транша из России. Деньги прибыли в Пруссию в июне 1521 г., но их оказалось еще меньше, чем в 1519 г., — всего 11 389 гульденов[47]. В марте 1522 г. прусский посол Георг Клингенбек упрекал Василия III в выделении слишком малых сумм, которых доставало лишь на содержание одной тысячи наемников в течение года, и просил средств для найма десяти тысяч пехотинцев и двух тысяч конников на два года. На таких условиях орден соглашался развязать военный конфликт с Польшей. Однако актуальность для России этого военного союза уже сошла на нет, поскольку в 1522 г. Василий III заключил с Сигизмундом I перемирие на весьма выгодных для России условиях. В частности, к России отошла Смоленская земля.

Таким образом, дипломатические контакты России с Тевтонским орденом, развивавшиеся в 1515—1522 гг., хотя и не привели к задуманным результатам, но все же имели положительное значение для российской внешней политики. Российская дипломатия впервые вела самостоятельную игру на европейской политической арене. Выступив против польского короля, Василий III заключил военный союз с

[47] *Лобин А. Н.* Планы военного сотрудничества Тевтонского ордена и России в 1517—1522 гг. С. 21.

жаждущим реванша давним врагом Польши — Тевтонским орденом. Воюя на территории Великого княжества Литовского, Василий III вынуждал польского короля отвлекать свои военные силы на противостояние с Пруссией. А сумма, затраченная на военно-политическую интригу, была весьма скромной — она потребовалась для найма всего лишь одной тысячи пехотинцев, которые не смогли оказать существенной помощи ордену в войне с Польшей, но обеспечили открытие второго фронта[48]. Важным для Москвы был и характер дипломатических отношений с Пруссией: Василий III оказывал покровительство тевтонскому магистру, выступая в этом диалоге не как младший или равный, а как старший союзник.

Военные кампании магистра Тевтонского ордена Альбрехта Гогенцоллерна оказались неудачными. Орден потерпел очередное поражение от Польши. Этот провал был одной из причин упадка авторитета власти великого магистра и секуляризации прусской ветви ордена; в 1525 г. она стала светским государством — герцогством Пруссией, вассалом Короны Польской. Поэтому политические коллизии XVI в. не сводили больше Российское государство и Пруссию. Пруссия в своей внешней политике не была самостоятельной и во многом следовала в фарватере политики Польши и Священной Римской империи.

Россия и антиосманские коалиции европейских государств. Россия, папский престол, Габсбурги. Отношения с православным Востоком. В начале XVI в. активизировалось наступление Османской империи на европейский континент. В 1521 г. был взят Белград. В 1526 г. османы одержали победу в битве при Мохаче. Началось завоевание Венгрии, в 1529 г. осаде подверглась Вена. По договору 1547 г. часть Венгерского королевства была включена в состав Османской империи. Все это вызвало среди христианских стран Европы стремление создать союз, противостоящий угрозе с востока, — антимусульманскую лигу. Однако из-за противоречий между монархами можно было организовать только временные объединения (например, Священную лигу 1538 г. в составе Папской области, Испании, Венеции, Мальты и Священной Римской империи).

Папская курия и германские дипломаты рассматривали возможность привлечения в лигу России как могучей в военном отношении страны, потенциальной области расширения влияния Католической церкви. Первые переговоры состоялись еще в 1486 и 1491 гг., когда Москву дважды посетил имперский посол Николай Поппель. О союзе против турок говорил в 1516 г., во время своей первой поездки в Россию, имперский посол Сигизмунд Герберштейн, но понимания не нашел. В 1518 г. папа Лев X направил Василию III буллу с приглашением участвовать в крестовом походе против турок и вступить в лоно Католической церкви. Правда, булла до Москвы не дошла. Зато в том же году в Москву прибыли имперский посол Франческо да Колло и папский легат Антоний де Конти. Они заявили, что папа Лев X провозгласил «эру мира» между всеми христианскими государями. Им теперь возбранялось воевать друг с другом, а все силы надлежало бросить против Османской империи. России предлагалось присоединиться.

Никакого продвижения в этом вопросе на переговорах не случилось, русская сторона не отказывала, но ничего и не обещала. Москва поддерживала этот диалог, потому что он давал возможность взаимодействовать с папским двором, с германским императором. И Василий III, и потом Иван IV ценили эти дипломатические связи, но не хотели брать на себя каких-либо обязательств, выше всего ставя суверенитет

[48] *Лобин А. Н.* Планы военного сотрудничества Тевтонского ордена и России в 1517—1522 гг. С. 23.

державы, охранение православия и «честь государя».

В 1519 г. прусский дипломат Дитрих фон Шонберг привез очередные щедрые предложения римского папы: если Русь примет католическую унию, то русским купцам будет предоставлена свобода торговли во всей Европе, православная митрополия в унии с Католической церковью станет отдельной патриархией под эгидой Рима, московский государь будет коронован из рук папы и станет монархом «христианского мира». От России требовалось обещание оказать военную помощь в борьбе с Турцией. Но Россия по-прежнему не давала ответа на эти предложения.

В 1519 г. Лев X отправил на Русь своего легата Захарию Феррери. До Москвы он не доехал — его задержал польский король Сигизмунд I. В 1521 г. император Карл V заключил военный антитурецкий союз с римским папой и английским королем Генрихом VIII. К нему предлагалось присоединиться Польше, Венгрии, Дании, Португалии и Савойе. Возможно, приглашение посылалось и Василию III. Но, судя по посольству Якова Полушкина 1522 г., великий князь ограничился традиционными доброжелательными, но пустыми фразами. В 1524 г. в Москву прибыл посол папы Климента VII Паоло Чентурионе. Он предлагал королевский титул в обмен на католическую унию. В 1526 г. в Москву приехало совместное папско-имперское посольство в составе Сигизмунда Герберштейна, графа Леонардо Ногароли и епископа Джованни Франческо Питуса. Они в последний раз обратились к Василию III с прежним предложением продлить перемирие с Польшей, принять католичество, вступить в антитурецкую лигу, перейти в королевскую корону. Как и раньше, послы не получили нужного им ответа. В 1561 и 1562 гг. римский папа Пий IV предлагал царю Ивану IV прислать своих представителей на Тридентский церковный собор, но данные планы не были реализованы. В 1566 г. готовилась новая дипломатическая миссия от папы Пия V к Ивану IV, было составлено папское послание, но его отправка так и не состоялась[49]. Регулярные дипломатические провалы привели к охлаждению отношений между Москвой и Ватиканом. Европейские политики разочаровались в возможностях договориться с Россией. Вероятно, определенную роль здесь сыграла польская дипломатия, которая старалась всячески подчеркнуть роль Королевства Польского как форпоста западного католического «христианского мира» в борьбе с «угрозой с востока». В 1514 г., после победы поляков над «московитами» в битве под Оршей, в Риме прошли празднования и благодарственные молебны. Были изданы специальные газеты — «летучие листки», посвященные триумфу короля Сигизмунда I[50].

Тем не менее Москва стремилась поддерживать дипломатические отношения и с Ватиканом, и с империей. Во время польских бескоролевий 1570-х гг. послам Ивана IV удалось наладить активное взаимодействие с внешнеполитической службой императора Священной Римской империи Максимилиана II. Обсуждался вопрос о фактическом разделе Восточной Европы между германским миром и Россией; империя получала Королевство Польское, Москва — Великое княжество Литовское. В 1575 г. миссия Иоганна Кобенцля и Даниила Принца в Москве снова обсуждала перспективы союза и вступления России в антитурецкую лигу. Предполагались со-

[49] *Лихачев Н. П.* Письмо папы Пия V к царю Ивану Грозному в связи с вопросом о папских бреве: (Этюд по дипломатике пап) // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. LXXXI. № 6. 1906. С. 167—172.

[50] Подробнее см.: *Граля И.* Мотивы «оршанского триумфа» в ягеллонской пропаганде // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма: Чтения памяти В. Б. Кобрина. М., 1992. С. 46—50; *Лобин А. Н.* Битва под Оршей 8 сентября 1514 года. С. 166—184.

вместные действия с габсбургскими европейскими державами (Священной Римской империей, Речью Посполитой под властью избранного короля Максимилиана и Испании). Развитию отношений помешала смерть в 1576 г. императора Максимилиана II, которого часть шляхты Речи Посполитой провозгласила польским королем. В 1577—1578 гг. в империю была отправлена миссия Ждана Квашнина для возобновления контактов уже с новым императором — Рудольфом II. Иван IV надеялся вовлечь Рудольфа II в противостояние с новым польским королем Стефаном Баторием[51].

Продолжить выполнение задач, поставленных перед Квашниным, должен был Леонтий Истома Шевригин, в 1580 г. отправленный Иваном IV в Рим для переговоров о перспективах участия России в унии европейских государств. Эта миссия оказалась удачной: папа Григорий XIII отправил в Россию своего легата Антонио Поссевино для заключения соглашения об унии. Поссевино провел переговоры о союзе Ивана IV с императором и папой, о католической унии, но наткнулся на жесткое неприятие самой идеи унии. Иван IV назвал римского папу «волком». Можно сказать, что русская дипломатия использовала легата для достижения своих целей — выхода из Ливонской войны с минимально возможными потерями. В отношении же идеи унии позиция Москвы никак не изменилась: Россия поддерживала разговоры о ней, чтобы сохранить дипломатические контакты, но на все предложения отвечала крайне уклончиво и не брала на себя никаких обязательств.

Отношения России с австрийскими Габсбургами оставались неоднозначными до конца столетия. Постоянно возникали проекты заключения с Габсбургами антипольского союза (что продолжало традиции участия России в антиягеллонских коалициях в конце XV в.). В 1587 г., когда шли переговоры об избрании царя Федора на польский престол, русская посольская служба держала в уме запасной вариант: в случае неудачного исхода следовало переключить усилия на поддержку кандидата от Габсбургов.

Эта линия была продолжена и после смерти Ивана IV. В 1587 г. царь Федор Иванович послал императору Рудольфу II грамоту с предложением «стоять заодин <...> на турского», т. е. выразил готовность Русского государства присоединиться к антимусульманской лиге. В 1589 г. в Москву прибыл имперский посол Варкоч. Он должен был подтвердить серьезность данного заявления. На переговорах московские дипломаты заняли привычную уклончивую позицию, тем не менее Варкоч сумел добиться для Священной Римской империи большой денежной субсидии от России. При этом позиция Священной Римской империи была двуличной: в том же 1589 г. она заключила Бендзинский договор с Речью Посполитой, по которому брала на себя обязательства не оказывать России никакой помощи в случае ее конфликта с польско-литовской стороной. Иначе говоря, империя одновременно добивалась договоренностей с Россией и заключала союзы против нее.

Посол Варкоч еще дважды, в 1593 и 1594/95 гг., посетил двор царя Федора, обсуждал разные проекты союза (в том числе и намерение выдать замуж за представителя Габсбургов дочь Федора Ивановича Феодосию). Москва поддерживала план империи бороться за польский трон, благосклонно смотрела на ее попытки вовлечь в антиосманский союз Речь Посполитую. Никаких конкретных соглашений достигнуто не было, но важен сам факт поиска взаимовыгодных точек соприкосновения. Обсуждались и проекты создания более широкой коалиции: послу Варкочу в 1593 г.

[51] *Ерусалимский К. Ю., Шварц И.* Миссия Ждана Квашнина в Священной Римской империи: К истории русско-имперских отношений XVI века // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2018. № 1. С. 71—90.

были вручены «опасные грамоты» для послов империи и Испании, которые должны были приехать в Москву для заключения договора о союзе. Была обещана материальная помощь, и в 1595 г. императору было отправлено 40 тыс. соболей, 20 тыс. куниц, 100 тыс. белок. Однако представители Габсбургов в Москву так и не прибыли, Испания в войну с османами не вступила, как и Речь Посполитая, несмотря на призывы австрийской дипломатии.

В 1597 г. австрийский посол в Москве Лука Паули огласил предложения империи: Россия должна была поддержать планы возведения императора Максмилиана на польский престол. Максимилиан хотел воспользоваться непростым положением Сигизмунда III Васа, который вступил в конфликт с шведской знатью из-за трона. Но Россия не хотела в этот момент ссориться с Речью Посполитой взамен на эфемерный союз с Габсбургами, поэтому посольская служба согласилась обсуждать только вопрос о выделении империи со стороны России денежной субсидии. Тем более что в 1598 г. новому русскому царю Борису Годунову было явно не до внешнеполитических интриг: ему надо было укреплять свою власть внутри страны. Правда, условием получения денег Москва выдвинула заключение договора между Россией и империей, на что у послов полномочий не было.

В 1598 г. в Прагу выехал посол А. Власьев, который намеревался обсудить разные варианты союза с империей, в том числе и династические. Москва рассматривала возможность возведения на польский престол представителя Габсбургов (эрцгерцога Австрии), что превращало бы Речь Посполитую из главного противника России в ее потенциального союзника. Дипломатическая инициатива Москвы была вызвана интригами сторонников эрцгерцога Максимилиана, претендовавшего на польский трон. Но все эти планы не были переведены в плоскость практических решений. Габсбурги вели двойную игру: принимая русского дипломата, они в то же время вели переговоры с Сигизмундом III. На стороне последнего были родственные связи аристократических группировок империи и Речи Посполитой. В результате в политике империи победила пропольская направленность, и в событиях Смутного времени Габсбурги поддерживали антимосковскую политику Сигизмунда III.

К дипломатической сфере относились отношения не только с папским двором и Габсбургами, но и с православным Востоком[52]. На территории Османской империи оказалась не только Константинопольская патриархия, но и православные монастыри — Афон и другие центры православия. Россия на протяжении всего XVI в. посылала туда дары, денежную помощь[53]. После того как Константинополь в XV в. одобрил создание особой Киевской митрополии, в отношениях обеих сторон наступил период длительного охлаждения. Поддерживались отношения с Афоном, но не с патриаршей кафедрой. Перелом наступил в 1518 г., когда в Москву прибыло посольство патриарха Феолепта, к которому и Василий III, и митрополит Варлаам отнеслись «с великой честью». Посольство находилось в Москве долго и привезло в Стамбул патриарху «милостиню двойну». Тем самым Константинополь фактически признал автокефалию Русской церкви. В переписке с православными восточными иерархами в XVI в. зву-

[52] Россия и греческий мир в XVI веке: В 2 т. / Сост. С. М. Каштанов и Л. В. Столярова, при участии Б. Л. Фонкича. М., 2004.

[53] *Столярова Л. В.* Обмен дарами между русским правительством и Афоном: Социальный этикет и элита в XVI в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. № 1. С. 9; *Столярова Л. В., Каштанов С. М.* Из истории отношений Русского государства с Христианским Востоком в XVI в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. № 10 (74). С. 18.

чит мотив, что именно Россия может избавить христиан Ближнего Востока «от руки нечестивых».

В 1557 г. Иван IV обратился к константинопольскому патриарху с просьбой об утверждении царского титула. С этой миссией был послан суздальский архимандрит Феодорит. Царь отправил с ним на православный Восток деньги и драгоценные подарки, список членов царского рода, которых он просил поминать в заупокойных молитвах, и обращение о соборном или хотя бы патриаршем подтверждении его царского титула. Большие денежные пожертвования были выделены для патриархов Иерусалимского, Антиохийского и Александрийского. В декабре 1560 г. Константинопольский собор утвердил царский титул Ивана IV, а в сентябре 1561 г. грамоту патриарха Иоасафа с изложением соборного приговора доставили в Москву[54]. Тем самым был положен конец предложениям получить королевский титул, поступавшим со стороны римского папы и императора: царский титул теперь был получен из рук константинопольского патриарха, который в международной иерархии был никак не ниже папы или императора. Победы над Казанским и Астраханским ханствами, наступление на Крымское ханство после 1556 г. наделяли русского царя особым статусом. Иван IV чувствовал себя в масштабе «христианского мира» активным защитником православия, «рукой Бога», низвергающей «богохульные царства», и мессией, несущим народам свет истинной веры, подлинным царем. Утверждение царского титула Ивана IV константинопольским патриархом было несомненным успехом русской внешней политики.

Установление отношений с Англией и Голландией и торговля по северному пути. В 1497—1499 гг. португальский мореплаватель Васко да Гама открыл морской путь из Европы в Индию вокруг Африки. Англичане стремились не отставать. Они решили обогнуть Европу с другой стороны и первыми попасть в Китай через северные моря. При этом они не предполагали, что план нереалистичен: о существовании огромной Сибири, лежавшей между северными морями и Китаем, еще никто не знал. Желая открыть Китай, англичане случайно обнаружили северный морской путь в «Московию».

В 1551 г. под патронатом Джона Дадли, герцога Нортумберлендского, английские купцы Себастьян Кабот и Джон Ди основали в Лондоне «Компанию купцов-предпринимателей для открытия стран, земель, островов, государств и владений, неведомых и доселе морским путем не посещаемых». В 1553 г. компания снарядила экспедицию под командованием капитана Хью Уиллоби из трех кораблей: «Edward Bonaventure» («Эдуард Благое Предприятие»), «Bona Esperanza» («Добрая Надежда») и «Bona Confidentia» («Благое Упование»). В море корабли разметало бурей. Последние два под командованием Уиллоби прибило к безлюдным берегам Русской Лапландии, там экипажи зазимовали в устье реки Варзины и погибли от голода и холодов. А «Эдуард Бонавентура» под командованием Ричарда Ченслора вошел в Белое море и добрался до Двинской губы, где встал на якорь у села Ненокса. Ченслор добрался сухопутным путем до Москвы, получил аудиенцию у самого царя Ивана IV и вернулся в Англию.

---

[54] *Оболенский М. А.* Соборная грамота духовенства православной восточной церкви, утверждающая сан царя за великим князем Иоанном IV Васильевичем 1561 года. М., 1850; *Фонкич Б. Л.* Греческие грамоты советских хранилищ. 2: Из истории утверждения царского титула Ивана IV. Соборная грамота 1560 г. // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 247—248.

В 1555 г. в Англии была основана Московская торговая компания. Она получила монополию на торговлю в России. В 1556 г. эта привилегия была подтверждена Иваном IV. В Лондон был отправлен посол Осип Непея, первый русский дипломат, который посетил Англию с официальным визитом. С Непеей в Россию приехал посол Энтони Дженкинсон, перед которым была поставлена задача: отыскать северный путь в Китай, даже если этот путь будет сухопутным. Дженкинсон в 1558 г. спустился по Волге, пересек Каспийское море и добрался до Бухарского эмирата. Здесь он узнал, что сношения с Китаем у Бухары были, но уже три года как прекращены. Самостоятельно продолжать путь в глубину Азии Дженкинсон не решился и вернулся в Москву. В 1561 г. он вновь спустился по Волге к Каспию. На этот раз целью был поиск торгового пути в Персию. Наладить торговлю сразу не получилось, но маршрут в Персию был проложен. В 1564 и 1565 гг. в Персию через Россию были направлены новые экспедиции. Руководитель первой, Томас Алькок, был убит в стычке с местным населением под Шемахой. Вторая экспедиция также не достигла желаемых результатов.

В 1568 г. Дженкинсон, вновь посетивший Россию, стал добиваться у царя заключения новой торговой привилегии, подтверждавшей монополию англичан не только на торговлю в России, но и на будущую торговлю с Бухарой, Персией и другими странами Востока. Исключительной зоной торговли для купцов из Британии являлись Персия, Казань, Астрахань, принадлежавшие тогда России Нарва и Дерпт. Россия же предложила переговоры не только о торговых делах, но и о заключении военно-политического союза вплоть до принятия обязательств совместного участия в войне против «недругов». И. Гамель считал, что Дженкинсон тогда же провел первые тайные переговоры о сватовстве царя Ивана IV к английской королеве[55]. В 1568—1569 гг. новые переговоры, затрагивавшие старые вопросы, провел посол Т. Рэндольф. С 1569 г. англичане приступили к поиску полезных ископаемых (железной руды) на Вычегде.

Таким образом, экономический интерес, который Англия проявила к России, очень напоминал тот расчет, с которым она действовала в своих колониях. В основе всех действий лежали выгодная торговля и проникновение к районам добычи сырья. Из России вывозили масло, сало, меха, лен, пеньку и т. д. Англичане первыми создали в России прообразы мануфактур — так называемые канатные дворы, на которых из пеньки делали морские веревки и канаты (весьма востребованные для парусного флота), и вывозили в Лондон уже готовую продукцию. В Россию же везли оружие, металлы, сукна, предметы роскоши и европейского быта.

Если Англия видела в России выгодный рынок сырья и сбыта, то Ивана IV торговые вопросы интересовали мало. Предоставление англичанам привилегии он рассматривал как жест доброй воли, в обмен на который Англия должна была стать военно-политическим союзником России. Он всячески добивался такого союза. При этом возникало немало недоразумений, вытекавших из различий политической культуры России и Англии. Например, Иван IV предложил договор, по которому в случае войны или заговора он мог бежать и получить политическое убежище в Британии, а взамен изъявлял готовность предоставить такое же убежище английской королеве. Он требовал, чтобы англичане предоставили списки «врагов Англии», и был готов объявить им войну. Но того же он требовал и от виндзорского двора: чтобы английская королева объявила войну «врагам русского царя».

Не найдя отклика на свои предложения, Иван IV решил, что во всем виноват

[55] *Гамель И.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях. С. 79.

английский парламент (который он считал сборищем простых «мужиков»). Он обрушился с критикой на английскую королеву Елизавету: «И мы чаяли того, что ты на своем государьстве государыня и сама владееш и своей государьской чести смотриш и своему государству прибытка, и мы потому такие дела и хотели с тобою делати. Ажно у тебя мимо тебя люди владеют, и не токмо люди, но мужики торговые, и о наших о государских головах и о честех и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков. А ты пребывает в своем девическом чину, как есть пошлая девица»[56]. В 1570 г. Иван IV отменил для англичан торговые привилегии. Военно-политического союза не получалось, а льготы для английских купцов Ивану IV были неинтересны. Англичане путем больших усилий сумели восстановить торговую привилегию только в 1572 г.

Конец правления Ивана IV характеризуется нарастанием противоречий в русском обществе по поводу русско-английских отношений. В 1582—1583 гг. Иван IV обдумывал династический брак с представительницей английского королевского дома. Царь хотел тем самым решить проблему легитимности своих наследников, ведь для него это был бы уже шестой или седьмой брак. Православная церковь в то время допускала максимум три брака. Понятно, что царю священники боялись противоречить, но одно дело спорить с русским царем, другое дело — с его малолетним наследником. Государь не был уверен, что, к примеру, его последний сын Дмитрий (от шестой жены Марии Нагой) в будущем не столкнется с проблемами легитимизации своего статуса.

Смерть царевича Ивана в 1581 г. обострила проблему престолонаследия: трон отходил к Федору Ивановичу, которого считали слабоумным и неспособным к самостоятельному правлению. Династический брак Рюриковичей и Тюдоров означал бы соединение двух могущественнейших в Европе династий, и едва ли кто-либо осмелился бы оспорить статус царевича, рожденного в этом браке. В царском окружении на план Ивана IV смотрели с испугом и неприятием. Недаром, когда в 1584 г. государь умер, глава Посольского приказа дьяк Андрей Щелкалов злорадно бросил английскому послу Боусу (в передаче одного из современников-иностранцев): «Умер твой английский царь!»

Интенсивность торговли в России привела к пониманию необходимости создания для нее специальной базы, города-порта. В 1584 г. на мысе Пур-Наволок в Белом море была основана крепость Новохолмогоры, с 1596 г. получившая имя «Архангельский город». Так возник Архангельск, ставший центром русской зарубежной торговли через северные моря. После смерти Ивана IV в 1584 г. англичане стремились добиться подтверждения своей торговой монополии, однако на русском рынке их все больше теснили проникшие сюда голландские и французские купцы. В 1587 г. царь Федор Иванович подтвердил права англичан на монополию, но только в сфере оптовой торговли. Позиции Московской торговой компании были сильно подорваны делом члена компании Антона Мерша. Он задолжал своим русским партнерам огромную по тем временам сумму — 23 тыс. руб. и был объявлен банкротом. Русские купцы, незнакомые с таким стилем ведения дел, стали требовать возмещения убытков, но компания заявила, что Мерш вел дела на свой страх и риск и она не будет отвечать за его долги. Россия восприняла ответ с раздражением: зачем тогда нужна Московская торговая компания с ее претензиями на монополию? В 1588 г. для разрешения конфликта в Москву приехал посол Дж. Флетчер. Переговоры провалились, англичане лишились в России права беспошлинной

[56] Послания Ивана Грозного. С. 132.

торговли, русская сторона записала на Московскую компанию часть убытков по делу Мерша.

В 1598 г., взойдя на престол, Борис Годунов подтвердил английские торговые привилегии, но без права монополии на торговлю с Бухарой и Персией, чего добивалась английская сторона. Российскому государству монополия купцов одной страны была невыгодна, гораздо полезнее для государства была конкуренция торговых представителей разных стран. Кроме англичан через Русский Север торговали голландцы и французы. К концу XVI в. бóльшая часть кораблей принадлежала голландцам, ассортимент их товаров был самым богатым. Но английские купцы обладали большими торговыми привилегиями и возможностями. По мнению Б. Н. Флори, это было связано с тем, что именно англичане доставляли в Россию цветные металлы, необходимые для производства вооружения[57]. Участие французских купцов в архангельской торговле в конце XVI в. было очень скромным.

Ливонская война. Ливонская война стала первым крупным конфликтом между Россией и странами «восточного барьера» — Ливонским орденом, Литвой, Польшей, Швецией, история которого оказалась отражена в столь многочисленных и разнообразных источниках, что их ввод в научный оборот занял почти два столетия. В начале перечня источников стоят официальная летопись и разрядные книги, в которых фиксировался ход военных действий и внешнеполитические акции[58]. Книги и столбцы Посольского приказа, книги Метрики Великого княжества Литовского, в которых отразился ход дипломатического противостояния воюющих держав, были известны еще С. М. Соловьеву, но публиковали их вплоть до начала XX в.[59] Важную информацию несут источники по истории русско-датских и русско-шведских отношений, протоколы мирных переговоров в Яме Запольском[60].

Два с лишним века в научной среде ведутся споры о «деле Ганса Шлитте»[61]. Изданы с комментариями тексты русско-ливонских договоров 1554 г.[62] Источники, отражающие противостояние России с Великим княжеством Литовским, вводились в научный оборот с 1870-х гг., когда была издана писцовая книга Полоцка и Полоцкого повета[63]. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 г. издавалась неоднократно, и недавно были введены в научный оборот

---

[57] *Флоря Б. Н.* Торговля России со странами Западной Европы в Архангельске (конец XVI — начало XVII в.). С. 130—136.

[58] ПСРЛ. Т. 13. М., 1965; Разрядная книга 1475—1598 гг.; Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974.

[59] Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского. М., 1843; *Успенский Ф. И.* Наказ царя Ивана Васильевича Грозного князю Елецкому с товарищами. Одесса, 1885; *Он же.* Переговоры о мире между Москвой и Польшей в 1581—1582 гг. Одесса, 1887; Сборник РИО. Т. 59, 71, 129. СПб., 1910; *Лихачев Н. П.* Дело о приезде в Москву Антония Поссевина.

[60] *Щербачев Ю. Н.* Датский архив: Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене: 1326—1690 гг.; *Он же.* Русские акты Копенгагенского архива. СПб., 1897; *Он же.* Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. Вып. 1 // ЧОИДР. 1915. Кн. 4. С. 1—320; *Он же.* Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. Вып. 2 // ЧОИДР. 1916. Кн. 2. С. 1—288; Сборник РИО. Т. 129; *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. С. 150—188.

[61] *Баталов А. Л.* Европейские архитекторы и военные специалисты на службе Ивана IV // Музеи Московского Кремля: Материалы и исследования. Т. 22. М., 2014. С. 8—32; *Русаковский О. В.* Ганс Шлитте и наем немецких воинов на русскую службу в 1547—1548 гг. // Русский сборник. Т. 24. М., 2018. С. 7—29.

[62] *Попов В. Е., Филюшкин А. И.* Русско-ливонские договоры 1554 г. // Петербургские славянские и балканские исследования. 2010. № 1 (7). С. 109—130.

[63] Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 2. С. 421—566; Иван Грозный — завоеватель Полоцка: Новые документы по истории Ливонской войны / Сост. В. Ю. Ермак. СПб., 2014. С. 47—429.

документы походного архива князя Хилкова 1580 г.[64] Источники по истории русской торговли и господства России в Прибалтике издавались с конца XIX в.[65] Наконец, важными источниками по истории Ливонской войны являются мемуары и хроники того времени[66].

Значительные лакуны в освещении ключевых проблем Ливонской войны являются основной причиной длительных дискуссий об условиях ее возникновения, обстоятельствах ее затягивания и ее результатах. Важность городов Ливонского ордена для окружающих государств осознавалась уже в XVI в. Первые историографы Ливонской войны — Б. Рюссов и Р. Гейденштейн — сосредоточили внимание на агрессивных намерениях восточного соседа. Их интенции были продолжены частью современных немецких историков и некоторыми российскими исследователями, утверждающими, что Ливонская война не была вызвана «экономическими причинами»[67]. Представляется, что сама постановка проблемы «причинности» войны упрощена и приводит к банальным ответам.

Методологически проблема войн в Европе раннего Нового времени поставлена и решена в трудах П. Андерсона, И. Валлерстайна, Ч. Тили и Б. Тешке. Политические образования раннего Нового времени были экспансионистскими, а войны велись за контроль над ресурсами, получаемыми с территорий, обладающих развитой для данного региона городской торгово-промышленной инфраструктурой, где генерировались капиталы. Этими обстоятельствами объясняется длительный и ожесточенный характер Итальянских войн (1494—1559) и борьбы испанской монархии за Нидерланды и Фландрию (1566—1609)[68]. В середине XX в. в трудах А. Кристенсена и С. Свенсона были убедительно описаны именно экономические причины Ливонской войны, проистекавшие в том числе из-за нарастающего значения «балтийского экспорта» для голландской коммерции и флота. Урбанизация Западной Европы привела к образованию рынка сбыта продукции сельского хозяйства, «лесных товаров» и росту цен на них, отсюда расширение объемов торговли и рост косвенных налогов от ее обложения[69].

О причинах борьбы России за Балтику свидетельствуют следующие источники. Представить, насколько интенсивной была торговля России с ганзейскими городами, помогает уникальный документ: долговая книга ревельского купца Ольрика Элерса за 1533—1550 гг. Ревельские купцы в большинстве своем вели посредническую торговлю, скупая у своих контрагентов —

---

[64] *Сапунов А. П.* Разрядная книга Полоцкого похода 1563 г. // Витебская старина. Т. 4. Витебск, 1885. С. 27—70; *Баранов К. В.* Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 119—154; Памятники истории Восточной Европы: Источники XV—XVII вв. Т. 3: Документы Ливонской войны (1571—1580 гг.). М., 1998. С. 197—238.

[65] РИБ. Т. 15. СПб., 1894. Стб. 111—180; *Аракчеев В. А.* Власть прошлого: Очерки истории и культуры Псковской земли в XIII—XIX вв. Псков, 2012. С. 269—276; Памятники истории Восточной Европы: Источники XV—XVII вв. Т. 3. С. 47—196.

[66] *Рюссов Б.* Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 3. Рига, 1880. С. 125—352; *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне (1578—1582 гг.).

[67] *Angermann N.* Studien zur Livlandpolitik Ivan Groznyjs. Marburg, 1972; *Филюшкин А. И.* Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013; *Он же.* Первое противостояние России и Европы: Ливонская война Ивана Грозного. М., 2018. С. 61—66.

[68] *Валлерстайн И.* Мир-система модерна. Т. 1. М., 2015. С. 209—216; *Тешке Б.* Миф о 1648 годе: Класс, геополитика и создание современных международных отношений. М., 2011. С. 186 и др.

[69] *Christensen A. E.* Dutch Trade to the Baltic about 1600. Copenhagen, 1941. P. 360—370; *Svensson S.* Den merkantila bakgrunden till Rysslands anfall på den Livländska ordensstaten: 1558. Lund, 1951.

русских купцов из Новгорода, Ивангорода, Пскова — товары, предназначавшиеся для продажи на рынках Северной Европы, в том числе в Любеке[70]. Посредничество ливонцев в русской торговле носило принудительный характер, сделки между русскими и западноевропейскими купцами не допускались. Интенсивные торговые контакты через порт Ревеля русские купцы осуществляли и позднее, в 1560-х гг., когда в руках России оказалась Нарва. Но стапельный порт Ревеля, позволявший принимать крупнотоннажные морские суда, и его развитая торговая инфраструктура были вне конкуренции и побуждали Россию к вооруженной борьбе за него.

О наличии острой заинтересованности России в постоянных и никем не контролируемых контактах с развитыми государствами Западной Европы свидетельствует «дело Ганса Шлитте». Русское государство остро нуждалось в европейских специалистах-техниках, поставках цветных металлов и оружия, в то время как власти Ливонского ордена по настоянию соседних государств фактически организовали торговую блокаду России. Г. Шлитте выдавал себя за дипломатического представителя Ивана IV и на рейхстаге в Аугсбурге в конце 1547 г. обратился к императору Карлу V за разрешением нанять в Германии в интересах Русского государства ремесленников, врачей, архитекторов, инженеров, 5000 пеших ландскнехтов, 500 всадников. Получив санкцию императора, Шлитте отправил некоторое число гражданских специалистов в Россию и предпринял меры для набора наемников и найма кораблей, но по ходатайству магистра Ливонского ордена подвергся тюремному заключению в Любеке[71]. Дело Шлитте продемонстрировало, что страны «восточного барьера», и прежде всего Ливонский орден, намерены изолировать Россию от непосредственных политико-культурных контактов с Западной Европой.

Между Русским государством (в лице новгородских и псковских наместников), магистром Ливонского ордена и дерптским епископом 24 июня 1554 г. было заключено новое перемирие на пятнадцать лет. Ключевым пунктом договорных грамот был отказ Ливонского ордена от военного союза с королем Польским и великим князем Литовским как в мирное, так и в военное (в случае войны России с Литвой) время. Договоры предполагали ликвидацию посредничества ливонских купцов в торговых операциях русских («А у русских гостей у всех, немецким людем товары не барышничати, торговати им своими товары со всякими людьми и з заморцы без барышники»), свободный ввоз в Россию всех товаров «кроме панцырей» и въезд специалистов. Но выполнены эти условия не были[72]. Тем большее значение приобрело установление контактов с Англией через Белое море, поскольку англичане стали основными поставщиками цветных металлов, необходимых для производства оружия, что наглядно прослеживается по более поздним источникам[73].

Попытка решить насущный вопрос о выходе к морским портам была предпринята во время русско-шведской войны 1555—1557 гг., когда русские войска дважды безуспешно осаждали Выборг. Обостренный интерес русского купечества к открытым торговым связям с Западной Европой через территорию Швеции был выражен в речи А. Ф. Адашева и И. М. Висковатого, обращенной к шведскому послу на переговорах в июле 1557 г.: «...гости и купцы отчин ве-

[70] *Дорошенко В. В.* Русские связи таллиннского купца в 30-х гг. XVI в. // Экономические связи Прибалтики с Россией. С. 47—58.

[71] *Фречнер Р.* «Дело Шлите» // Герберштейн С. Записки о Московии. Т. 2. С. 132—148.

[72] *Попов В. Е., Филюшкин А. И.* Русско-ливонские договоры 1554 г. С. 118—124.

[73] ПСРЛ. Т. 13. С. 270, 285—286; *Флоря Б. Н.* Торговля России со странами Западной Европы в Архангельске (конец XVI — начало XVII в.). С. 129—151.

ликого государя изо многих городов говорят, чтобы им в торговых делех была воля: которые похотят торговати в Свейской земле, и те б торговали в Свейской земле, а которые похотят ити из Свейской земли в Любок, и в Антроп, и во Ишпанискую землю, и во Англию, и во Францыискую землю, и тем бы была воля и береженье, и корабли бы им были готовы, а они кораблены пошлины платят по тому, как в обычае ведетца»[74]. В этой речи видна, во-первых, высокая информированность о магистральной для Европы середины XVI в. товарно-денежной оси Севилья — Антверпен, ибо «Антроп» и «Ишпанская земля» названы в числе приоритетных для русских купцов торговых маршрутов. Во-вторых, предложения русских дипломатов касались расширения возможностей фрахта кораблей русскими купцами.

Тем не менее договор о сорокалетнем перемирии, заключенный с Швецией, не предусматривал никаких преференций русским торговцам на ее территории. На важность торговых пошлин для пополнения государственного бюджета России указывают более поздние данные из трактата Дж. Флетчера, согласно которым на долю косвенных налогов приходилось более половины всех государственных доходов[75]. Предположив, что такое же соотношение доходов было свойственно бюджету страны и в середине XVI в., логично заключить, что поддержка инициатив русского купечества со стороны Адашева и Висковатого была продиктована насущными интересами казны. А. И. Филюшкин полагает, что в русских источниках XVI в. прямо не говорится о необходимости выхода к морю[76]. Однако среди документов Ревельского архива сохранилась записка, датированная издателями 1558 г., в которой кратко, но недвусмысленно излагаются мотивы вступления России в войну с Ливонским орденом. Записка начинается с констатации «неправд великих», которые причиняли московским гостям, а также новгородским, псковским и ивангородским купцам жители ливонских городов, «доступать» которые царь угрожает в случае дальнейших «неисправлений»[77]. Недвусмысленные свидетельства о намерениях бороться за овладение «пристанищами морскими» в Прибалтике содержит и договор 1562 г. с Данией.

В качестве инструмента давления на власти Ливонского ордена русские дипломаты использовали так называемую юрьевскую дань: фиктивное, не выполнявшееся ранее обязательство дерптского епископа выплачивать контрибуцию Пскову. Эта «дань» впервые фигурирует в псковско-дерптском договоре 1474 г., ее происхождение устанавливается предположительно, а сама она в дальнейшем не выплачивалась[78]. Одновременно с Россией нарастающее давление на власти Ливонского ордена оказывал король Польский и великий князь Литовский Сигизмунд, которому удалось добиться важнейшего успеха в Прибалтике: вмешавшись в так называемую войну коадъюторов, король поставил Ливонский орден в зависимость от южного соседа. По условиям Позвольского мира, подписанного магистром Фюрстенбергом 14 сентября 1557 г., орден заключил с Великим княжеством Литовским союз против России, принял обязательства не пропускать на русскую территорию товары и военно-технических специалистов и предоставил литовским купцам свободу торговли на территории Ливонии. Таким образом, близка к выполнению оказалась одна из главных внешнеполитических задач Сигизмунда II: установление контроля над Восточной

[74] Сборник РИО. Т. 129. С. 52.

[75] *Флетчер Дж.* О государстве русском. СПб., 1906.

[76] *Филюшкин А. И.* Первое противостояние России и Европы: Ливонская война Ивана Грозного. С. 65—66.

[77] РИБ. Т. 15. Стб. 115—118.

[78] *Хорошкевич А. Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI в. С. 150—151.

Прибалтикой с ее развитой портовой инфраструктурой[79].

А. Н. Янушкевич обоснованно считает, что русские дипломаты не рассматривали как угрозу для России Позвольский договор между Литвой и орденом, в том числе потому, что не имели информации о военно-политическом союзе между ними вплоть до мая 1558 г.[80] Реальные обстоятельства начатой Россией борьбы за Прибалтику были обусловлены внешнеполитической концепцией Адашева и Висковатого, нацеленной на заключение стратегического союза с Великим княжеством Литовским для совместной борьбы с Крымом. На переговорах с посольством С. Збаражского в январе 1556 г. Висковатый фиксировал досадные разногласия в вопросе о царском титуле, препятствующие заключению «вечного мира» и союза между Россией и Литвой, однако шестилетнее перемирие, заключенное до 25 марта 1562 г., впоследствии воспринималось русскими дипломатами как прелюдия к дальнейшим мирным инициативам. В контексте осуществлявшегося в 1556—1559 гг. наступления на Крым давление на Ливонский орден рассматривалось в Москве как второстепенная задача, выполнение которой облегчалось предполагаемым нейтралитетом Великого княжества Литовского и Польши.

Прибывшее в декабре 1557 г. в Москву ливонское посольство деньги не привезло[81], после чего в январе 1558 г. с вторжения русских войск в Ливонию началась война, масштабы и характер которой были уже иными, чем в 1501—1503 гг. Помимо глубоких рейдов на территорию Прибалтики, осуществлявшихся для уничтожения материальных ресурсов противника и в начале 1558 г., и в начале 1559 г., русские войска уже в мае 1558 г. захватили Нарву. Захват города совпал с пребыванием в Москве ливонского посольства, привезшего часть «юрьевской дани», и с возвращением из Вильно посольства Р. Алферьева, которое привезло сведения о заключенном в августе 1557 г. в рамках Позвольского договора союзе между Литвой и орденом[82]. Поскольку ливонские власти, во-первых, включили в договор с Сигизмундом II статьи об антироссийском союзе и, во-вторых, саботировали выплату дани, прикрываясь разночтениями в русском и немецком вариантах договора, было принято решение отправить в центр Ливонии крупную армию с целью захвата Дерпта и принуждения ордена к миру на приемлемых условиях.

В результате краткой успешной кампании пал Дерпт, а также десятки окружавших его замков, что продемонстрировало намерение России аннексировать часть территории ордена. После взятия Дерпта, 21 июля 1558 г., псковский и впоследствии дерптский наместник П. И. Шуйский отправил в Ревель послание «посадником и ратманом и полатником, и всем земским людем». Шуйский объявил о переходе в подданство русского царя населения Дерпта: «бискуп и люди юрьевские — судьи, и посадники, и ратманы, и полатники, и заморские люди наезные — государю добили челом, и дался на всю его волю государеву». Шуйский призывал переходить в подданство России также жителей Ревеля и объявлял: «которые люди заморские торговые похотят ехати торговати в Юрьев, и во Псков, и во все государство Московское, и вы б их пропущали без зацепки, дорога им чиста, приехати и отъехать»[83]. Уже в октябре 1558 г. начались ответные нападения немецких рыцарей на приграничную Псковскую землю: немцы

[79] *Bodniak S.* Polska a Bałtyk za ostatniego Jagiellona. Kórnik, 1946. S. 229—240; *Lepszy K.* Dzieje floty polskiej. Gdansk, 1947. S. 237—239.

[80] *Янушкевич А. Н.* Ливонская война: Вильно против Москвы (1558—1570). М., 2013. С. 32.

[81] ПСРЛ. Т. 13. С. 287.

[82] Сборник РИО. Т. 59. С. 549.

[83] *Аракчеев В. А.* Власть прошлого: Очерки истории и культуры Псковской земли в XIII—XIX вв. С. 269.

«изгоном» напали на Красный городок и Себеж, жгли посады и монастыри, грабили волости. Со своей стороны и псковичи принимали активное участие в пограничной войне, целью которой было разорение приграничных территорий. Отряды добровольцев («торонщиков») совершали нападения на орденские земли зимой 1558 г. и весной—летом 1560 г.: «...ходили торонщики в Немецкоую землю, и много воевали земли, и полону и животины гоняли из земли много, а иных немцы побивали»[84]. Весьма масштабный поход к низовьям Западной Двины в декабре 1558 — январе 1559 г. предприняла армия под командованием С. И. Микулинского, разорив окрестности семи городов, включая Ригу, и уничтожив стоявшие во льду торговые суда.

Парадоксально, что в контексте наступления летом 1559 г. на Крым и повторявшихся попыток русской дипломатии заключить антикрымский союз с Великим княжеством Литовским начальный этап Ливонской войны воспринимался в Москве как второстепенная задача. Как справедливо полагает Б. Н. Флоря, в своей внешнеполитической стратегии А. Адашев и И. Висковатый исходили из предположения о заведомой слабости Ливонского ордена и согласия Великого княжества Литовского на совместную борьбу с Крымом. Добившись заключения мира и союзного договора с Литвой (для чего русские дипломаты пошли на беспрецедентные уступки, отказавшись в ходе переговоров в марте 1559 г. от признания царского титула Ивана IV и претензий на западнорусские земли, включая Витебск), они рассчитывали достичь с ней соглашения о российском протекторате над Ливонией, режим которого позволил бы осуществлять беспрепятственные торговые контакты со странами Северной и Западной Европы[85]. Когда в марте 1559 г. в Москве появилось датское посольство, немеревающееся застолбить за Данией древние владения ее королей в еще сохранявшей суверенитет Ливонии (Ревель и Гарриен, область Вик), русские дипломаты фактически проигнорировали требования датчан, но пошли навстречу их предложениям о заключении шестимесячного перемирия с Ливонским орденом с 1 мая по 1 ноября 1559 г. Датский посол К. Урне объяснял, что заключенное перемирие Ивану IV «самому на руку, так как в настоящее время у него довольно хлопот с татарами»[86].

Однако политика Великого княжества Литовского шла вразрез с внешнеполитической стратегией России. Переговоры в марте 1559 г. с посольством В. Тышкевича оказались безуспешными; летом посольство М. Гарабурды заключило союз с крымским ханом, направленный, судя по всему, против России; наконец, виленскими соглашениями августа—сентября 1559 г. Сигизмунд II установил свой протекторат над Ливонским орденом и Рижским архиепископством, получив в залог земли в Латгалии[87]. К моменту возобновления военных действий в Прибалтике в ноябре 1559 г. Россия могла рассчитывать лишь на недружественный нейтралитет Великого княжества Литовского, едва сдерживаемый продолжавшимся перемирием, и на союзническую экспансию Дании. Последняя получила за контрибуцию в объеме 30 тыс. талеров остров Эзель и Курляндское епископство, приводить которые под свою власть начал герцог Магнус, о чем датский

[84] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. М., 2000. С. 239.

[85] *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 129—133; *Хорошкевич А. Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI в. С. 226—228.

[86] РИБ. Т. 16. СПб., 1897. № 16. С. 42—47; Акты Копенгагенского архива // ЧОИДР. 1915. Кн. 4. № 63. С. 128—129; № 65. С. 131—132; № 68. С. 137.

[87] *Хорошкевич А. Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI в. С. 226—334.

король проинформировал Ивана IV в июне 1560 г.[88]

Лето 1560 г. стало периодом крупнейших успехов России в Прибалтике, обеспеченных наивысшей степенью концентрации вооруженных сил. Согласно данным А. Курбского, в походе на Вельян (Вильянди) было задействовано не менее 40 тыс. пехоты и конницы и 90 крупных и средних артиллерийских орудий[89], что превосходит по численности силы, задействованные позднее в походах 1563, 1570—1571 и 1577 гг. Осадив Вельян, 2 августа под Валком войско князя И. Ф. Мстиславского нанесло поражение армии ландмаршала ордена Белля, а в Вельяне был захвачен в плен магистр Фюрстенберг[90]. Столь впечатляющие победы позволяли надеяться на достижение главной цели — овладение всей Ливонией с ее стапельными морскими портами. Князь И. Ф. Мстиславский отправил ультиматум в различные города и замки. Он требовал прислать посольство для переговоров о сдаче крепостей[91].

Распад Ливонии стал реальностью в 1561—1562 гг. В июне 1561 г. Ревель принял протекцию Швеции, что вызвало семилетнюю датско-шведскую войну. В марте 1562 г. в условиях фактически начавшейся русско-литовской войны магистр Ливонского ордена, рижский архиепископ и магистрат Риги принесли присягу на верность Сигизмунду II как великому князю Литовскому. На северном фланге театра военных действий России удалось установить длительное перемирие: по итогам русско-шведских переговоров в июне—июле 1561 г. было достигнуто соглашение о двадцатилетнем перемирии с Благовещенья 1562 г. по Благовещенье 1582 г. на условиях владения захваченными городами[92]. Позднее, в августе 1564 г., условия перемирия были изменены — сокращены до семи лет, причем все завоевания Швеции в Эстляндии, включая Ревель и Пернов, были закреплены за Швецией[93]. Русская дипломатия 7 августа 1562 г. достигла весьма значимого успеха, осуществив раздел сфер влияния в Ливонии с Данией. Договорными грамотами между Иваном IV и Фредериком II за Данией сохранялись владения в Моондзундском архипелаге и прибрежной территории западной Эстляндии. Большая часть территории Ливонского ордена, включая еще незавоеванные города с морскими портами («пристанища морские») — Ригу, Ревель, Новый Пернов с уездом, была обозначена как «отчина» московских государей, в которую датский король не имел права «вступаться»[94]. Во время поездки И. М. Висковатого для ратификации договора русским купцам были предоставлены торговые дворы на Готланде и в Копенгагене, а также свободное плавание через Зунд[95].

Урегулирование отношений с Швецией и Данией дало возможность России сосредоточиться на войне с Великим княжеством Литовским и Польшей. После Николина дня (9 мая) 1562 г. литовский отряд совершил диверсию против Опочки: «...хотели

[88] Акты Копенгагенского архива // ЧОИДР. 1915. Кн. 4. № 77. С. 150.

[89] *Курбский А.* История о делах великого князя московского. С. 110—111, 624. Комментаторы усомнились в достоверности приведенных Курбским цифр, сочтя, что численность русской армии не могла превышать 15—20 тыс. человек, однако благоприятные внутриполитические (отсутствие хозяйственного кризиса) и внешнеполитические (ликвидация Ногайской Ордой угрозы со стороны Крыма) условия позволили сосредоточить в Ливонии и более крупные силы.

[90] ПСРЛ. Т. 13. С. 330.

[91] Акты Копенгагенского архива. С. 146, 164, 170, 177.

[92] Сборник РИО. Т. 129. С. 87—100.

[93] ПСРЛ. Т. 13. С. 385, 396.

[94] РИБ. Т. 16. СПб., 1897. № 20. С. 57—76; № 21. С. 76—90.

[95] *Граля И.* Иван Михайлович Висковатый: Карьера государственного деятеля в России XVI в. С. 247, 271.

посад зажечи, и гражане не дали зажечи посаду, за надолбами отбилися; и многых от них постреляли з города; и они та же Литва воевали по волостям, и семь волостеи вывоевали, и монастыри пожгли». В сентябре 1562 г. новый литовский отряд из Влеха (совр. Виляка) напал на окрестности Пскова, разорив волости Муравейно и Овсища и захватив много пленных[96]. К зиме 1562/63 г. относится крупномасштабный русский поход из Великих Лук на Полоцк, куда двинулась огромная армия, насчитывавшая вместе с посошным ополчением порядка 50—60 тыс. человек, из которых боевые подразделения — поместное ополчение, формирования служилых татар и стрельцы — составляли 31 546 человек. Посоху вновь собирали в псковских землях, и летописец свидетельствует, что «посошанам во Пскове давали коневникам по пяти роублев, а пешим по два рубля»[97].

Операция по взятию Полоцка была осуществлена молниеносно: 9 января 1563 г. выступлением ертаула началось движение армии из Великих Лук; 31 января подразделения русской армии окружили Полоцк, перекрыв Черсвятцкую и Виленскую дорогу за Двиной; с 8 по 13 февраля шла установка туров для артиллерийских орудий, а с 14 февраля начался массированный обстрел города[98]; 9 февраля был покинут и зажжен городской посад, значительная часть населения которого (11 060 человек) вышла в русский лагерь; 14 февраля полоцкий епископ, воевода Довойна и ряд других командиров сдались на милость победителей, последовав под охраной в русский лагерь, гарнизон прекратил сопротивление, а город в течение двух дней перешел в руки России[99]. Заключенное до декабря 1563 г. перемирие дало возможность противнику мобилизовать силы для возобновления войны, и предпринятое русской армией в январе 1564 г. наступление закончилось катастрофой на реке Уле, где потерпела поражение и была рассеяна армия под командованием П. И. Шуйского[100]. В результате успешного похода великолукской армии Семиона Касаевича, И. Пронского и В. Серебряного 6 ноября 1564 г. удалось захватить крепость Озерище, являвшуюся одновременно административным центром Озерищского повета[101]. В 1566 г. для защиты и обеспечения лучшей коммуникации с Полоцком на литовских землях были построены сразу три крепости: Сокол, Ула и Усвяты.

В марте 1565 г. литовские войска осуществили наиболее успешное с начала войны вторжение в псковские земли: «...приходиша литовские люди под Краснои городок с нарядом, и по городу били и Бог града не предал»[102]. Русское военное командование оказалось совершенно не готово к отражению противника. Из Великих Лук к Красному городку двинулся отряд под командованием воевод И. А. Шуйского и И. Шереметева. Литовцы, отпустив артиллерию на свои базы, пошли навстречу русским, явно намереваясь вступить в сражение. Войска сошлись под Вельем, и, как пишет летописец, «потравилися наши с ними немного, да отступив, пошли прочь к Вороначю». Русские воеводы фактически отказались от защиты пограничных земель, предоставив литовцам полную свободу действий. «И Литва за нашими ходили, за пять верст не доходили до Воронача; и оттуду воротяся воевали много земли псковскои, Красногородщину и Велейщину по Сине и Островщину; и вышли из земли к Оулеху,

[96] Псковские летописи. Вып. 2. С. 235, 242—243.

[97] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 155; Псковские летописи. Вып. 2. С. 244.

[98] *Баранов К. В.* Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 134, 138, 140—141.

[99] Там же. С. 141—142.

[100] *Янушкевич А. Н.* Ливонская война: Вильно против Москвы (1558—1570). С. 84—94.

[101] Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 21—22.

[102] Псковские летописи. Вып. 2. С. 247.

а воевали полторы недели, полону много вывели, и помесщиковы и христианские дворы жгли, церквеи не жгли...»[103] Мартовские бои в Псковской земле стали последним крупным сражением между русскими и литовскими войсками первого этапа войны. Возобновление активных военных действий уже с участием Польши произошло через десять лет, после интронизации Стефана Батория. После взятия Полоцка во вновь присоединенных землях начались крупномасштабные испомещения служилых людей приграничных уездов. В Полоцке, Озерище и других литовских поветах к началу 1570-х гг. владели поместьями 147 новгородских, невельских и себежских служилых людей[104].

Наступившее к лету 1566 г. равновесие сил сопровождалось переговорами с посольством Ю. Ходкевича в Москве в мае—июле, которые вела русская делегация из бояр и дьяков, служивших в Опричном дворе. Литовская делегация выдвинула ключевые перспективные предложения на переговорах 11 июня: России следовало уступить Смоленск и захваченные в 1563—1564 гг. Полоцк, Озерище и Усвят. В случае выполнения этих условий предлагалось осуществить урегулирование в Ливонии: взаимно признать захваченные города, «а которые городы за свейским королем, и тех у свейского доставати заодин, и что доступят, и те городы поделити или смен учинити, которые городы кому смежно»[105]. Вопрос о заключении мирного договора с Литвой был вынесен на заседание Земского собора 2 июля 1566 г., на котором его участники единогласно высказались против уступки захваченных земель Подвинья: «Мы за государя служити, и умирати, и радети, за одну десятину Озерищского и Полоцкого повету покладем головы свои»[106]. Иван IV был готов на некоторые территориальные уступки в Полоцкой земле, но настаивал на передаче России практически всей Ливонии, включая Ригу, за исключением Курляндии. Вместо мира и перспективного антишведского альянса было заключено перемирие до завершения следующего посольского съезда, назначенного на Крещение 1567 г., — русское правительство сделало ставку на затягивание конфликта, ошибочно полагая, что Великое княжество Литовское в обозримом будущем откажется от борьбы за Ливонию и Подвинье.

Переход Нарвы под власть России привел к оживлению торговли через этот порт. Еще в отчете королю Фредерику II от 19 мая 1559 г. датский посол К. Урне констатировал, что «ревельцы мешают подвозу морем в Выборг, Финляндию и Нарву». Однако их возможности преграждать нарвское плавание были ограничены; в письме ревельцев датскому королю от 12 мая 1560 г. сообщалось, что «в Нарву ежедневно проходят суда по одному и по два, и что еще вчера туда прошли флотом 18 судов»[107]. Об интенсивности товарообмена между глубинной Россией и новоприсоединенными городами свидетельствует жалованная грамота митрополиту о беспошлинной торговле митрополичьих купцов в Ругодиве, Юрьеве и Полоцке от 20 августа 1564 г.[108] С. Бодняк справедливо писал, что цифровые данные для характеристики объемов русской торговли на Балтике отсутствуют, но огромное внимание к «нарвской торговле» в Польше и других странах Северной Европы свиде-

[103] Псковские летописи. Вып. 2. С. 247.

[104] *Ермак В. Ю.* Землевладение российских помещиков в Полоцком повете в 1563—1571 гг. // Studia Historica Europae Orientalis — Исследования по истории Восточной Европы. 2009. Т. 2. С. 136—150.

[105] Сборник РИО. Т. 71. С. 371.

[106] *Антонов А. В.* Приговорная грамота 1566 г. С. 178.

[107] Акты Копенгагенского архива. № 69. С. 139; № 76. С. 149.

[108] АФЗХ. Ч. 3. С. 360—363.

тельствует о ее значительных масштабах и перспективах[109].

Ратифицированный в июне 1562 г. в Стокгольме русско-шведский договор о двадцатилетнем перемирии позволил в 1562—1570 гг. устанавливать интенсивные торговые отношения русских купцов с Ревелем и другими ганзейскими городами транзитом через него. Интенсивному товарообмену способствовали широкое развитие кредитных отношений в торговле между русскими и ганзейскими купцами, равные условия жизни и торговли для русских и немецких купцов, перешедших в российское подданство, а также судебная защита, которую оказывали власти ганзейских городов, в данном случае Ревеля, русским купцам. Когда в 1569 г. порт Ревеля атаковали датчане, ими было захвачено «более 30 торговых кораблей, из которых одни были полунагружены, другие же совсем нагружены разными русскими товарами»[110].

Военное разорение сопровождалось эпидемиями, крупнейшая из которых вспыхнула на русско-литовской границе в июле 1566 г. и продлилась до весны 1567 г., охватив западные и северо-западные земли: «А на весну прииде мор в Озерища городок, и вымерло много, мало осталося; потом прииде мор на Луки и в Торопец и в Смоленско, и по многим местом гнев божии был велик»[111]. После завершения эпидемии осенью 1567 г. Иван IV мобилизовал войска для участия в крупномасштабном походе на Литву. По замыслу царя наступление должно было привести к окончательному разгрому Великого княжества Литовского. Русская армия несколькими колоннами с берегов Оки, а также из Новгорода и Пскова начала стягиваться к Великим Лукам, но ее продвижение было затруднено осенней распутицей, и осадная артиллерия застряла недалеко от Новгорода. В октябре 1567 г. из-за неясных военных перспектив и страха перед военным заговором поход был отменен, а армия распущена[112]. Польша смогла использовать ослабление Великого княжества Литовского в войне с Россией для давно желанного создания объединенного государства, в котором Литва была бы младшим партнером. Люблинская уния 1569 г. дала возможность магнатерии и шляхте урегулировать внутренние противоречия и объединиться с Польшей в составе Речи Посполитой, причем, что было особенно болезненно для магнатерии Литвы, в состав коронных польских земель перешли Волынь, Подолия и Киевское воеводство. Заключенное в 1570 г. перемирие между Речью Посполитой и Россией позволило последней сосредоточить усилия на борьбе с Швецией.

Еще в апреле 1567 г. между Россией и Швецией был заключен военно-политический союз на условиях сохранения шведских завоеваний в западной Эстляндии и выдачи Ивану IV для последующего вступления в брак с ним жены финляндского герцога Юхана и сестры Сигизмунда II Екатерины[113]. Однако в сентябре 1568 г., после свержения короля Эрика XIV, к власти пришел женатый на сестре польского короля Юхан III, и заключенное в 1561 г. перемирие с Россией продлилось всего восемь лет. Как сообщали представители Ивана IV Таубе и Крузе на переговорах в замке Везенберг в апреле 1569 г., царь еще в 1567 г. «твердо решился завоевать со своим войском город Ревель», но началу операции помешала эпидемия. В случае перехода города в руки России переговорщики уверяли, что «Ревель будет снабжен всеми припасами и жизненными потребностями, потому что склады из Нарвы и других не-

[109] *Bodniak S.* Polska a Bałtyk za ostatniego Jagiellona. S. 10—11, 41, 46, 112—150.
[110] *Рюссов Б.* Ливонская хроника. С. 180.
[111] Псковские летописи. Вып. 2. 248.
[112] Сборник РИО. Т. 71. С. 563.
[113] ПСРЛ. Т. 13. С. 407.

мецких городов <...> будут перенесены сюда»[114]. Новые переговоры с шведскими послами о заключении взаимовыгодного мира были прерваны 12 июня 1570 г., что означало объявление войны, продлившейся до 1583 г. В свою очередь 26 июня 1570 г. Россия и Речь Посполитая заключили трехлетнее перемирие, которое царь решил использовать для достижения полной победы над Швецией[115].

Стремясь предотвратить вступление в войну Дании, Иван IV согласился на рискованный проект создания в Прибалтике вассального королевства во главе с братом датского короля герцогом Магнусом. В июне 1570 г. Магнус прибыл в Москву, где состоялось объявление его «королем» Ливонии и женихом племянницы царя. В состав марионеточного королевства датского герцога вошел единственный замок Полчев (совр. Пылтсамаа) с округой. Однако, согласно условиям договора с Магнусом, после окончания войны под его управлением должны были находиться все русские владения в Ливонии, включая Ригу и Ревель. «Ливонское королевство» должно было обладать широкой автономией, а купцам Риги и Ревеля предоставлялось право свободной и беспошлинной торговли на всей территории России. Первоочередной задачей герцога являлся захват Ревеля, для чего в августе 1570 г. к нему были «прикомандированы» воеводы князья Михаил Лыков и Никита Кропоткин, которым царь «велел быть для своего дела и земскова во Пскове». В наказной памяти воеводам предписывалось взять в Пскове артиллерийские орудия и детей боярских с казаками в качестве конвоя: «Да изо Пскова велено отпустить с королем Арцымагнусом четыря пищали полуторных со всем с нарядом и с колесы, а к пищали по триста выпусков (зарядов. — *В.А.*). И князю Михаилу и князю Никите взять по спискам во Пскове детей боярских и козаков и наряд пищали полуторныя со всем с нарядом у князь Юрья поимати»[116].

В составе двадцатипятитысячной армии Магнуса было немало ливонских помещиков (юнкеров) и «бюргерских детей из Ревеля и других мест», но большую ее часть составляло русское войско во главе с И. П. Яковлевым. Осада Ревеля дважды пополнявшейся армией длилась почти семь месяцев — с 21 августа 1570 г. по 16 марта 1571 г. В сентябре под Ревель прибыла крупнокалиберная артиллерия, а в октябре — дополнительный корпус опричников. Осада Ревеля стала самым длительным и ожесточенным сражением Ливонской войны, поскольку значимость этого портового города, обладавшего мощной крепостью, была понятна обеим сторонам конфликта. Начиная осаду, Иван IV рассчитывал на блокаду Ревеля датским флотом, но Фредерик II в сентябре 1570 г. заключил мирный договор с Швецией, с которой ранее вел войну. Два обстоятельства предопределили неуспех осады: шведские корабли не только доставили в город боеприпасы, запасы продовольствия и дров, но и участвовали в перестрелках с русской армией; русская же артиллерия оказалась маломощной и неспособной разрушить крепостные сооружения Ревеля[117].

В течение продлевавшегося в 1570—1574 гг. перемирия с Речью Посполитой Иван IV предпринял две попытки участия в выборах короля, трон которого стал вакантным после смерти в 1572 г. Сигизмунда II. Первая попытка была предпринята осенью

---

[114] *Рюссов Б.* Ливонская хроника. С. 174, 178.

[115] *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI в. С. 297—298, 550—551, 553.

[116] *Баранов К.В.* Акты XVI — начала XVII в. из местнических дел // Русский дипломатарий. Вып. 7. М., 2001. С. 40—41; *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. С. 47—49.

[117] *Рюссов Б.* Ливонская хроника. С. 195.

1572 г., когда, опираясь на поддержку недовольного засильем магнатов рядового польского шляхетства, Иван IV впервые высказал желание избираться на польский трон. Шляхта проявляла интерес к кандидатуре царя, но он претендовал на наследственную власть. Тогда же литовские магнаты во главе с М. Радзивиллом Рыжим начали обсуждение кандидатуры царевича Федора как более приемлемого претендента, но не сообщили Ивану IV о сроках выборов. Притязания царя на наследственную власть были оглашены на выборах, лишив его симпатий шляхетской массы Речи Посполитой и не оставив никакого шанса в избирательной борьбе. Возможности Франции влиять на политику Османской империи предопределили победу французского претендента Генриха Анжуйского, а сопротивление литовской шляхты было сломлено М. Радзивиллом и Я. Ходкевичем.

В условиях, продиктованных польской стороне, Иван IV отказался возвращать Литве Полоцк и Смоленск; кроме того, подтвердив свое намерение сохранить права и вольности шляхты, царь потребовал утверждения наследственной власти его династии в объединенном государстве. Не привели к какому-либо результату и контакты с императором Максимилианом II, предложившим Ивану IV план раздела Речи Посполитой, согласно которому к России отошла бы территория Великого княжества Литовского[118]. Поддерживая Габсбургов, Иван IV рассчитывал, что заинтересованные в союзе с Россией против османов Габсбурги пойдут на уступки в Ливонии. Столь же неудачной оказалась попытка определить на польский трон Федора или Максимилиана во время второго бескоролевья, несмотря на то что император уже был провозглашен королем на выборах 12 декабря 1575 г. Однако 14 декабря шляхта выдвинула и весной 1576 г. смогла утвердить на троне Стефана Батория, который, будучи вассалом Османской империи (трансильванским воеводой), давал гарантии мира на южной границе в Поднепровье.

В 1574—1575 гг. русские войска предпринимали отчаянные попытки захватить Ревель, подвергая опустошению его окрестности; в борьбе за северо-западную Эстляндию интересы России вступили в противоречие не только с шведскими интересами, но и с датскими: в письме Фредерику II от 7 апреля 1575 г. Иван IV предъявлял претензии на Гапсаль, Лоде, Ревель, Падис, которые следовало передать Магнусу. Русско-датские отношения должны были быть урегулированы во время посольства Э. Эйзенберга в Москву в июле 1575 г.[119] Главным результатом этих операций стал захват подконтрольных Речи Посполитой крепости и порта Пернов (Пярну) 9 июля 1575 г. Датские наместники на острове Эзель писали, что русские предоставили оставшимся жителям Пернова год для выбора подданства, и также выражали опасения относительно последствий взятия Ревеля: Россия в этом случае утвердилась бы на Балтике, «к чему, несомненно, стремятся все помыслы и намерения» царя[120].

В январе—феврале 1576 г. русская армия заняла провинцию Вик с главной превосходно укрепленной крепостью Гапсаль и разорила остров Эзель; местное дворянство расценивало эти успехи как окончательное завоевание Ливонии: «...оставшись у русских в Вике, многие отправились к великому князю в Москву и служили ему советом и делом против Ливонии»[121]. Вторая осада Ревеля длилась менее двух меся-

[118] *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы. С. 60; *Он же.* Иван Грозный. С. 301—309, 331.

[119] Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. Вып. 2. Кн. 2. № 257. С. 121—122, 145.

[120] Там же. С. 148, 155.

[121] *Рюссов Б.* Ливонская хроника. С. 243—244, 247—248; Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 258, 274—275.

цев (январь—март 1577 г.) силами армии Ф. И. Мстиславского и И. В. Шереметева, поклявшегося царю «или взять город Ревель, или не явиться перед его лицом», что, видимо, соответствовало умонастроениям русских воинов, говоривших, что Ревель — «это не Полоцк или Пернов». Допрошенные пленные оценивали численность осадной армии (видимо, вместе с посошными людьми) в 50 тыс. человек, что соответствует численности русской осадной армии под Полоцком. Осада 22 января — 11 марта была столь же неудачной, завершившись гибелью второго воеводы Шереметева, сожжением судов в порту и значительными боевыми потерями[122].

Крупномасштабный лифляндский поход 1577 г., когда во главе армии встал сам царь, предварялся заключением нового договора между Иваном IV и Магнусом, по которому за последним оставались лишь территория к северу от реки Аа и замок Кесь (совр. Цесис). Далее 13 июля 1577 г. Иван IV вместе с царевичем Иваном во главе тридцатитысячного войска выступил в поход в Латгалию к замку Улех (совр. Виляка). Псковский летописец писал: «А во Пскове баидаки и лодьи большие посохою тянули под ливонские городы, под Улех и, немного тянув, покинули по лесом, и тут згнили и людеи погубили»[123]. Несмотря на потери среди посошных, результаты похода были впечатляющими: русские войска захватили двадцать четыре замка в Латгалии и вышли на ближние подступы к Риге. Во время кампании 1577 г. вновь разгорелся конфликт царя с Магнусом, который без согласования с русским военным командованием занял несколько замков к югу от реки Аа, вне территории своего «королевства», которые были повторно заняты теперь уже русскими войсками. К 1570-м гг. на завоеванных землях Ливонии сложилась русская система землевладения и управления: служилые люди получали поместья и были объединены в «служилые города». Содержание войск в Прибалтике было чрезвычайно обременительным: в январе 1578 г. только из Великолукского уезда было отправлено в замок Куконойс на Двине более двух тысяч четвертей посопного и вытного хлеба[124].

Военные успехи 1577 г. стали последними для России в Ливонской войне: сказывалась усталость служилых людей от непрерывных походов и гарнизонных служб. В 1578 г. Стефану Баторию удалось мобилизовать польских магнатов, договориться с Швецией о совместных военных действиях против России и заключить союз с Крымом, для обороны от которого на южной границе приходилось держать крупную армию. Русские войска дважды в течение года пытались захватить Венден (Кесь); объединенная польско-шведская армия в октябре 1578 г. нанесла сокрушительное поражение русскому осадному корпусу, захватив пушки, расчеты которых, по свидетельству Р. Гейденштейна, «потеряв надежду на спасение орудий, добровольно повесились на веревках»[125]. Для того чтобы собрать русских дворян в поход, правительству требовалось применять самые жесткие меры, поскольку помещики стремились уклониться от службы из-за нараставшего опустошения их поместий. Таких служилых людей, отказывавшихся выступать на службу, царский указ предписывал «бить кнутьем и высылати на государеву службу во Псков тотчас», а неповинующихся казнить и «поместья их, и с животами и с хлебом, имати на государя»[126].

[122] *Рюссов Б.* Ливонская хроника. С. 257—266.

[123] Документы Ливонской войны (1571—1580 гг.). № 2. С. 31, 40; Псковские летописи. Вып. 2. С. 261—262.

[124] Документы Ливонской войны (1571—1580 гг.). № 40. С. 113; № 52. С. 132.

[125] *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне (1578—1582). С. 36—37.

[126] ДАИ. Т. 1. № 124. С. 180—181.

В 1579 г. Баторий нанял армию в Германии и Венгрии и перешел в контрнаступление. В разведывательную экспедицию в Курляндию, для того чтобы отрезать Ригу от Литвы, 7 июля отправилась армия Д. Хилкова и М. Безнина, однако после получения сведений о походе Батория на Полоцк выступление в Прибалтику было отменено[127]. Из Пскова к Полоцку 1 августа отправились русские полки под командованием Ф. Шереметева. Но воеводы не успели помочь гарнизону Полоцка, в начале августа Баторий осадил город. Русская армия заняла оборонительные позиции в крепостях Невеля и Сокола, безучастно наблюдая за героической борьбой полоцкого гарнизона. Исчерпав все возможности обороны крепости, воевода П. Волынский сдал Полоцк полякам, и 1 сентября 1579 г. Баторий въехал в захваченный город. В начале сентября семитысячный литовский отряд атаковал Рославль, но местный гарнизон отбил штурм[128]. Взятие Полоцка польскими войсками оказалось полной неожиданностью для Ивана IV. Царь был напуган военной катастрофой и бездействовал в Пскове более четырех месяцев, с июня по октябрь[129].

Поход Батория в 1580 г. был направлен на город Великие Луки — важный стратегический пункт на русско-литовской границе, который не имел каменной крепости. От Великих Лук шли две важнейшие дороги: на север — к Новгороду и Пскову, на восток — к Старице и Москве. Войска Батория 16 августа 1580 г. заняли Усвят и осадили Невель. Воевода Колычев успел сообщить в Москву, «что литовские люди у города стоят с нарядом, а наряд стоит за рекою меж Полотцкие и Заволотцкие дороги и по городу из наряду бьют розжигальными ядры»[130]. Действия русской армии были парализованы; служилые люди целыми отрядами покидали театр военных действий, как, например, нижегородские дворяне, которые ушли из прифронтового Невеля накануне подхода армии Батория. В наказах воеводам предписывалось не вступать в прямые боевые столкновения с врагом: «И вы б в одном месте не стояли, ходили б есте переходя, чтоб вас литовские люди не нашли, а на прямое бы есте дело с литовскими людьми не ставились, промышляли б есте смотря по тамошнему делу, чтоб вам нашего дела поискать, а собя уберечь». Войскам князя Хилкова, стоявшим в августе 1580 г. в Холме на Ловати, фактически предписывалось вести партизанскую войну, приходя «на литовских людей, на заставы и на загонщики частыми посылками, чтоб литовским людям помешка чинити, и нашего дела над ними поискати, а собя уберечи, а от больших бы людей однолично отходили, а на прямое дело не ставились»[131].

Войска Батория 26 августа подошли к Великим Лукам, и только 29 августа воеводе Хилкову было отправлено предписание доставить в Луки боеприпасы, а 1 сентября великолукскому воеводе Лыкову был отправлен наказ об обороне города: «А вы б сидели в городе крепко, а на выласку травитца с литовскими людьми из города людеи не посылали бы, чтоб вам людем истери не чинить...» Во время недолгой осады Великих Лук никакой помощи от русской полевой армии гарнизон не получил. Деревянная крепость, зажженная и разрушенная польской артиллерией, пала в ночь с 5 на 6 сентября 1580 г. От пожара и рук захватчиков погиб не только гарнизон, но и большая часть мирного населения города. Маневрировавшая в районе Торопца русская армия не смогла отойти и была разбита

---

[127] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 3. Ч. 1. С. 75—77.

[128] Масловский архив // ЧОИДР. 1916. Кн. 2. № 10. С. 18—19.

[129] *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. С. 56—57; Псковские летописи. Вып. 2. С. 262.

[130] Документы Ливонской войны (1571—1580 гг.). № 21. С. 225.

[131] Там же. № 6. С. 213; № 18. С. 222.

21 сентября[132]. Баторий 30 сентября отдал приказ захватить крепость Заволочье, которую польский отряд осаждал с 9 по 23 октября. Исчерпав возможности обороны, гарнизон крепости капитулировал, причем воеводы во главе с Сабуровым, опасаясь репрессий после возвращения из плена, отказались сдаваться и потребовали, чтобы их пленили «силою»[133].

На заключительном этапе войны в 1581 г. поход Батория был направлен на Псков. Полевая армия численностью 47 тыс. человек выдвинулась 21 июля из Полоцка. В августе польские войска овладели крепостями Воронач и Остров, а 26 августа армия Батория подошла к реке Черехе. Силы Польши и России были вполне сопоставимы: Псков оборонял гарнизон численностью до 15 тыс. человек, крупные гарнизоны стояли также в городах Ливонии и Новгороде. Полевая армия численностью до 30 тыс. человек находилась вблизи от резиденции царя в Старице на Волге, но раздробление сил России обрекло их на пассивную оборону. В сентябре 1581 г. шведы смогли занять Нарву, а затем новгородские пригороды.

Псков был подготовлен к длительной осаде. А. Поссевино писал 12 декабря 1581 г. Стефану Баторию: «Ваше величество и за 20 лет не возьмет крепостей, к которым стремится. <...> В Пскове пищи и снаряжения на 15 лет». Во время восстания 1650 г. псковичи в Большой челобитной на имя царя Алексея вспоминали о продовольственном обеспечении города в 1581 г., когда, по их словам, «с тем, государь, со всяким запасом стояло во Пскове в кремле 900 житниц, а тот, государь, всякой запас раздаван был служилым и всяким жилецким людем, которые были в осаду и после осады во Пскове»[134]. К концу 1560-х гг. было завершено сооружение стен и башен Окольного города. Наиболее мощные башни защищали город с юга: несохранившаяся Свинузская и крупнейшая по размерам (90 м в окружности) Покровская. Город, на протяжении двух десятилетий служивший оперативной базой для военных действий в Прибалтике, имел внушительный запас артиллерийских орудий и боеприпасов. Наконец, Псков почти не пострадал от опричных репрессий и среди горожан не наблюдалось склонности к измене («шатости»). Все это делало Псков неприступной крепостью, готовой к многолетней осаде. Следует напомнить, что в условиях Смуты начала XVII в. аналогичная по военной мощи крепость Смоленска выдерживала осаду польской армии в течение двадцати месяцев. Армия Батория вышла на ближние подступы к Пскову 26 августа. Первоначально ставка короля обосновалась в Никольском монастыре в Любятово, но псковская артиллерия открыла ураганный огонь по польским боевым порядкам, и в конечном итоге для штурма был выбран южный участок крепости — район Покровской и Свинузской башен.

В непосредственной близости от городских стен поляки установили пять батарей (туров), представлявших собой деревянные сооружения, засыпанные землей. Город был подвергнут весьма результативному обстрелу 7 и 8 сентября. Известняковые стены псковской крепости не выдерживали артиллерийского огня; по сообщению автора «Повести о прихождении Стефана Батория на град Псков», серьезным разрушениям подверглись Покровская и Свинузская башни, полностью были разбиты 24 сажени стен и частично — 69. Однако командование русского гарнизона учло возможность разрушения стен; позади южного участка крепости псковичи построили деревянную

[132] Документы Ливонской войны (1571—1580 гг.). № 22. С. 227; № 24. С. 229.

[133] Осада Пскова глазами иностранцев: Дневники походов Стефана Батория на Россию (1580—1581 гг.). Псков, 2005. С. 200—210.

[134] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. С. 114; *Якубов К. И.* Россия и Швеция в первой половине XVI в. // ЧОИДР. 1898. Кн. 1. С. 354—355.

стену, а на Похвальской (Романовой) горке соорудили батарею со сверхмощными орудиями — Похвальский раскат. Когда 8 сентября польско-венгерские отряды захватили Покровскую и Свинузскую башни, по вражеским солдатам был открыт артиллерийский огонь, и после контратаки, организованной И. П. Шуйским, штурмовые отряды оставили захваченные укрепления.

Осада города сопровождалась минной войной, артиллерийскими обстрелами, схватками у стен крепости. Стены и башни Пскова не выдерживали огня новейших артиллерийских орудий, но были неприступны для наемников, хотя те имели опыт штурма крепостей. А. Поссевино писал о мощи стен: «Осаждающие сбивали только зубцы, а стену, выступающую из пола от самого основания, не смогли повредить ни молотками, ни кирками настолько, чтобы ее разрушить»[135]. В октябре русское командование попыталось оказать помощь осажденному Пскову, отправив к нему два стрелецких приказа, но их судьба оказалась печальна. Отряд Н. Хвостова был разбит 3 октября, а сам Хвостов попал в плен; 7 октября в Псков прорвались 300 стрельцов отряда Ф. Мясоедова, при этом 150 человек попали в плен, а 60 были убиты. Однако положение осаждающих было еще хуже: через два месяца Баторию стало ясно, что поход на Псков провалился. Поляки 6 ноября 1581 г. покинули траншеи и сняли артиллерию с батарей, а король вскоре покинул Россию. Подчеркнем, что в течение полугодовой осады Пскова русские полевые армии оказали городу минимальную помощь.

Несмотря на открывшиеся возможности нанести поражение полякам в ноябре—декабре 1581 г., Иван IV упорно добивался мира с Польшей, стремясь сохранить завоевания в Ливонии. В наказе князю Д. П. Елецкому, ведшему переговоры с поляками в Яме Запольском, предписывалось отстаивать лишь возврат псковских пригородов. Предпочтительные условия договора («первая мера») предусматривали в обмен на сохранение за Россией Юрьева, Вильяна, Пернова уступку полякам Великих Лук, Невеля, Заволочья и Холма: «...да Стефану ж королю государь наш поступается, которые городы Стефан король у государя нашего поймал государства его, города Велижа, города Лук Великих, города Невля, города Заволочья, города Холму...»[136] Однако поляки предпочли отказаться от разоренных войной русских земель, и послы Ивана IV согласились на передачу Баторию всей Ливонии. В деревне Киверова Гора, недалеко от Яма Запольского, 15 января 1582 г. русское и польское посольства заключили перемирие сроком на десять лет.

Россия выводила все свои войска из Ливонии, а Польша оставляла Великие Луки и другие захваченные русские крепости. Процесс реализации соглашения занял два месяца. Россия должна была эвакуировать своих служилых людей и мирное население из десяти городов и двадцати трех замков. Предстояло вывозить не только военных, но и православное духовенство, в том числе юрьевского епископа. Под артиллерию, «пушечные и хлебные запасы», «образы и церковное строение» предстояло собрать латышей «с лошадьми и с саньми». Уполномоченный царя В. П. Головин докладывал, что еще 5 февраля он не получил требуемых подвод для эвакуации Юрьева. Другой уполномоченный, Ф. М. Ласкирев, докладывал, что 16 февраля поляки все еще не передали ему Великих Лук; лишь к концу февраля 1582 г. завершился взаимный отвод войск и установление границ. Действие договора в Яме Запольском первоначально не распространялось на занятые шведами земли, и только летом 1582 г. по

[135] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. С. 45.

[136] *Успенский Ф. И.* Наказ царя Ивана Васильевича Грозного князю Елецкому с товарищами. С. 14.

требованию Батория условия договора были распространены на Эстляндию, включая Нарву. После этого борьба за захваченные шведами Ям, Ивангород, Копорье и Корелу стала бессмысленной. Уступка этих городов Швеции была подтверждена Плюсским перемирием 5 августа 1583 г.

Ливонская война привела к резкому росту налогообложения и в совокупности с разорительными набегами Крымского ханства к затяжному экономическому кризису 1570—1580-х гг. И. Валлерстайн полагал, что следствием поражения в Ливонской войне стало отсечение России от западноевропейской мир-экономики и избавило ее от участи Польского государства, оказавшегося во власти собственной аристократии[137]. В действительности, помимо быстро развивавшейся торговли в Архангельске сохранялась торговля и с шведскими городами Балтики, но по своим масштабам она далеко уступала торговле в западноевропейских странах. Очевидно, что резкое сокращение масштабов международной морской торговли обрекло экономику России на складывание «неадекватных форм капитала»[138].

Русско-шведская война и Тявзинский мир 1595 г. В августе 1583 г. Россия и Швеция заключили первое Плюсское перемирие на три года по принципу «кто чем владеет на момент переговоров». Граница между шведской Прибалтикой (Северной Эстонией) и русскими приневскими землями прошла по реке Стрелке. В 1586 г. перемирие было продлено еще на четыре года на тех же условиях (второе Плюсское перемирие). Официально государства между собой не воевали, игнорируя активность приграничного населения, которое занималось взаимными набегами, грабежами и разбоями.

Как только Россия добилась гарантий, что Речь Посполитая не вмешается в конфликт, она начала готовиться к военному реваншу с Швецией. Не дождавшись окончания перемирия, 14 декабря 1589 г. русские войска вторглись в прибалтийские владения шведов; 27 января 1590 г. был взят Ям. Началась осада Ивангорода и Нарвы. Ивангород вскоре был взят, Нарва держалась, но было ясно, что русская сторона намерена добиться ее капитуляции. Швеция, чья армия состояла из наемников, не имела возможности быстро сформировать и перебросить на театр военных действий крупные воинские контингенты. Король Юхан III отказался от Яма, Копорья, Ивангорода в обмен на перемирие продолжительностью один или два года. Россия согласилась, потому что на этих условиях уже через семь лет после Плюсского перемирия Москва возвращала себе все русские прибалтийские земли от реки Наровы до устья Невы. Перемирие было заключено 25 февраля 1590 г., русское наступление остановилось.

Успехи России в Прибалтике насторожили Речь Посполитую, которая опасалась, что русские войска пойдут за Нарову и создадут угрозу польским владениям в Ливонии и Курляндии. В 1590 г. Варшава потребовала от России вернуться к условиям Ям-Запольского перемирия 1582 г., по которому Россия отказывалась от претензий на ливонские города, захваченные шведами. Москве было важно сохранить перемирие, и она согласилась отказаться от завоевания Северной Эстонии, кроме Нарвы, которую трудно было отделить от вопроса об Ивангороде. Речь Посполитая признала право России на возврат Яма, Копорья, Корелы и других русских земель от Наровы до Невы и Корельской земли. На этих условиях перемирие с Речью Посполитой было продлено еще на двенадцать лет.

Накопившая силы Швеция в 1591 г. попыталась нанести ответный удар, напа-

[137] *Валлерстайн И.* Мир-система модерна. Т. 1. С. 393.

[138] *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 530—553.

ла на окрестности Ивангорода и Пскова, на крепости Русского Севера (Кольский и Сумской остроги). Русская сторона зимой 1591/92 г. ответила походами под Выборг и Корелу. Но в 1592 г. умер король Юхан III. Сигизмунд III как наследник шведской династии Васа претендовал на шведский престол, а Священная Римская империя реанимировала планы захвата польского трона, рассчитывая, что Сигизмунд III Васа уедет в Швецию. Россия активно включилась в борьбу на стороне империи, строя планы ослабления Речи Посполитой. В 1593 г. для переговоров в Москву прибыл имперский посол Н. Варкоч. Россия признала права Священной Римской империи на Прибалтику (поскольку Ливония когда-то была имперской провинцией), выговорив себе только возможность завоевания Нарвы и Дерпта (как исконных древнерусских городов Ругодива и Юрьева). В связи с этой же интригой в Москву планировали пригласить Густава, внебрачного сына бывшего шведского короля Эрика XIV (союзника Ивана IV, свергнутого в 1568 г. своим братом Юханом III). Королевич жил в Польше на содержании Сигизмунда III. Москва хотела побудить Густава вмешаться в борьбу за шведский престол и тем самым осложнить жизнь Сигизмунду III, своему двоюродному брату, который в это время оказался меж двух огней. С одной стороны, польская шляхта ждала от него немедленного решения прибалтийского вопроса, т. е. изгнания шведов из Северной Эстонии и ее передачи Польше. Король обещал дворянству Речи Посполитой переход всей Ливонии под власть польской короны. С другой стороны, шведское дворянство нуждалось в защите своих интересов и владений в Прибалтике. Ситуация осложнялась религиозным вопросом: Сигизмунд был сторонником католической Контрреформации, что не находило сочувствия в протестантской Швеции. Зато его соперник, герцог Карл Сёдерманландский, пользовался поддержкой протестантских кругов.

В этих условиях Сигизмунд III склонился к миру с Россией, потому что война мешала решению внутренних проблем. В 1595 г. между Россией и Швецией был заключен Тявзинский мирный договор. Россия получила в дополнение к южному побережью Финского залива крепость Корелу с Корельской землей и признала права Швеции на Восточную Финляндию (Остроботнию). Правда, Тявзинский мир не был ратифицирован Россией до 1609 г., до подписания так называемых Выборгских соглашений.

Ученые расходятся в оценке того, насколько Тявзинский мир был выгоден России. Неудачным пунктом договора считается признание Россией исключительных прав на балтийскую торговлю за Ревелем, Выборгом и Нарвой, т. е. фактически признание монополии шведских купцов. Если учитывать, что более 90 % товаров, продававшихся в Нарве, были русскими, эти условия были явно несправедливыми в отношении России. Видимо, русская сторона в 1594 г. осознала, что планы империи в отношении трона Речи Посполитой не будут реализованы, поэтому согласилась на предложение Швеции. Б. Н. Флоря оценил условия мира как «чрезмерно дорогую» цену за полученные территории, поскольку Тявзинский мир «означал отказ для России на неопределенно долгое время от активной политики на Балтике и правовое закрепление посреднической роли ливонских купцов — подданных Швеции в экономических контактах между Россией и Западной Европой»[139]. Противоположного мнения придерживался А. А. Зимин, который считал, что в тогдашних условиях было невоз-

[139] *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. С. 61—62.

можно возвратить Нарву, а возврат Корелы имел огромное значение для России[140].

В 1599 г., когда стало ясно, что Сигизмунд III Васа потерял шведский престол, Россия пыталась вести переговоры с новым правителем Швеции герцогом Карлом Сёдерманландским (будущим королем Карлом IX). Швеции предлагался союз против Речи Посполитой и совместные боевые действия по вытеснению Польши из Прибалтики. За участие в этом союзе Россия должна была получить Нарву. На остальной территории Прибалтики предполагалось создать марионеточное королевство, зависимое и от Швеции, и от России под управлением шведского принца Густава. Россия поддержала вторжение в 1600 г. шведских войск в Эстляндию, рассчитывая, что эскалация польско-шведского конфликта ослабит Сигизмунда III и свяжет руки Швеции. Во внешнеполитическом контексте конца XVI в. это была расчетливая политика, но она зависела исключительно от успехов или неудач соседних стран. Россия не была удовлетворена условиями Тявзинского договора, и на рубеже XVI—XVII вв. Борис Годунов пытался пересмотреть ее позиции в Прибалтике.

Мирные переговоры с Речью Посполитой в конце XVI в. Смерть монарха в XVI в. влекла за собой перспективу пересмотра или подтверждения заключенных при нем международных соглашений. В 1584 г. умер Иван IV, и король Речи Посполитой Стефан Баторий объявил Ям-Запольский договор о десятилетнем перемирии недействительным. В июле этого года в Москву прибыл польский дипломат Лев Сапега. Варшава пыталась угрожать возобновлением боевых действий и тем самым добиться от России выгодных уступок. В качестве одного из инструментов давления был отказ от возобновления десятилетнего перемирия. Сапега продлил его всего на десять месяцев. Однако это был дипломатический жест, а не намерение всерьез вернуться к войне. В Речи Посполитой обсуждались перспективы возобновления боевых действий, они рассматривались на сейме 1585 г.; велись переговоры Батория с папой о получении субсидий на ведение войны. Планы не осуществились из-за нежелания шляхты воевать и ее противодействия королю Стефану Баторию.

В 1585 г. перемирие продлили на два года, хотя Россия не пошла на уступки. А в 1586 г. польский посол М. Гарабурда предложил заключить «вечный мир» при условии, что в случае смерти царя Федора Стефан Баторий займет русский престол, и наоборот, в случае смерти Стефана русский царь будет рассматриваться как кандидат на польский трон. Поводом послужили ходившие в Европе слухи, будто бы Иван IV завещал русский престол Габсбургам после смерти бездетного Федора Ивановича. Польша не собиралась уступать Россию своим давним европейским соперникам и предложила свой вариант династической унии. За поддержку проекта объединения государств под фактической властью Стефана Батория русским служилым людям обещались «свободы и вольности», а в случае противодействия ему Варшава грозила возобновлением войны.

Возможно, планы приглашения Стефана Батория на русский престол в случае смерти царя Федора Ивановича нашли некоторую поддержку в русских правящих кругах, оппозиционных временщику Борису Годунову. Однако в итоге Москва отвергла предложение. В то же время Борисом Годуновым была разгромлена оппозиция во главе с князьями Шуйскими, которые подверглись опале. Одним из обвинений в их адрес была «измена» — поддержка планов польского короля.

---

[140] *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. С. 189—190.

В Гродно 2 декабря 1586 г. скоропостижно скончался король Стефан Баторий. Речь Посполитая погружалась в третье в своей истории бескоролевье. Уже в январе 1587 г. русские послы Е. Ржевский и З. Свиязев выехали в Речь Посполитую с предложением личной унии двух государств. При этом, как показал Б. Н. Флоря, Россия продолжала сформировавшуюся еще во время первых бескоролевий в 1570-е гг.[141] линию раскола Речи Посполитой, отторжения от нее Великого княжества Литовского и присоединения его к Москве. В качестве компенсации литовской шляхте обещали вернуть Киев и Волынь, отошедшие к Польше после Люблинской унии 1569 г.

Однако планы замены польско-литовской унии на русско-литовскую (при непонятном статусе Королевства Польского) не нашли у знати Речи Посполитой никакого понимания. Поэтому от этих планов в Москве отказались и просто стали готовиться к выборам царя Федора на польский престол, тем более что его кандидатура имела немало сторонников, особенно на землях бывшего Великого княжества Литовского. За образец была взята Кревская уния 1385 г., заключенная между Польшей и Великим княжеством Литовским, которая подразумевала единого короля при сохранении самостоятельности государств во всех остальных сферах: разные советы знати, административный аппарат, законодательство, денежные системы, армии и т. д. К этому были прибавлены обещания льгот польским и литовским купцам и компенсаций землевладельцам, понесшим утраты, к примеру, из-за завоевания Россией Смоленска. Речь шла о возможности предоставления шляхте вотчин «в новых городах на Диком поле». Россия отказывалась от вмешательства во внутренние дела Речи Посполитой, от намерений изменить ее сословный строй.

Россия предлагала Речи Посполитой помощь в возврате прибалтийских земель, захваченных Швецией и Данией, но просила за это Нарву. Предполагалось также возвести на юге Восточной Европы сплошную оборонительную линию крепостей по Дону, Донцу и Днепру. Тем самым обе страны оказались бы защищены от агрессии Крымского ханства и Турции и действовали заодно. При этом все военные тяготы конфликта с Крымом и Швецией Москва была готова взять на себя и передавать новым союзникам результаты своих побед.

Речь Посполитая колебалась, как отреагировать на это предложение. Получение русской военной помощи против Швеции и Крыма было соблазнительным. Шляхта хотела воспользоваться возможностью приобретать землю в России, что было выгодно для шляхтичей-землевладельцев. Царь Федор Иванович имел репутацию слабого государя, при котором править будут паны, аристократы, а это соответствовало польским политическим идеалам. Наконец, предполагалось, что у царя Федора никогда не будет детей и что он, будучи больным, долго не проживет, а после его смерти на русско-польский престол мог взойти поляк. Россия же хотела нейтрализовать Речь Посполитую как своего противника. В историческом плане это был шанс создать в центре Европы огромную державу от Урала (и в перспективе — от Сибири) до Одера и от Балтики до причерноморских степей и Карпат, по масштабам и силам сравнимую со Священной Римской империей.

Но проект оказался слишком сложным для исполнения. Существовала проблема с католичеством и православием. Перспективы династии Рюриковичей также ставились под угрозу; если бы царь Федор не оставил после себя наследника, в Россию была бы привнесена чуждая политическая и религиозная культура, в частности традиция выборов короля. Наконец, военно-политические обиды и противоречия между недавни-

[141] *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы. С. 142.

ми противниками вряд ли можно было так быстро загладить[142].

К тому же общество Речи Посполитой традиционно было расколото на несколько политических группировок, имевших свои взгляды на то, кто должен быть королем. Часть польской шляхты традиционно поддерживала германскую кандидатуру — Максимилиана, брата императора Священной Римской империи Рудольфа II. Это были такие магнаты, как Зборовские и др. Другая группировка во главе с канцлером Яном Замойским, героем Ливонской войны, выдвинула кандидатуру Сигизмунда, сына одной из последних принцесс-Ягеллонок Екатерины и шведского короля Юхана III. Таким образом, вместо союза с православной Россией предполагался союз с более близкой Польше протестантской Швецией. Сигизмунд мог претендовать на шведский престол после смерти своего отца Юхана III (ум. в 1592). И тогда расклад сил оказывался бы иным: союз Швеции, Польши и Литвы против России. Шведы обещали взять Новгород, Псков и Архангельск и перекрыть все торговые сношения России с Европой.

В результате выборов в 1586 г. королем стал Сигизмунд III из шведской династии Васа (коронован в 1588 г.). Таким образом, произошло объединение сил двух главных противников России на основе враждебной по отношению к ней позиции[143]. Одним из аргументов в пользу шведско-польского сближения стал трагический по своим последствиям татарский набег на Польшу в 1589 г. В Варшаве инициатором нападения назвали Москву, которая якобы подкупила крымского хана. Эти обвинения стали поводом для возобновления в польском обществе активных дискуссий о грядущей войне с Россией, планах по ее завоеванию и присоединению к короне.

Чтобы Москва не сорвала сделку, начав войну, Речь Посполитая пошла на беспрецедентное продление Ям-Запольского перемирия на пятнадцать лет. Условия перемирия были изменены в пользу России, из них исключили пункт об обязательствах Москвы не претендовать на города в Прибалтике, захваченные шведами. Теперь можно было воевать за территории, потерянные после Плюсского перемирия 1583 г., не дожидаясь, пока Сигизмунд III взойдет кроме польского еще и на шведский престол.

В 1591 г. Речь Посполитая и Россия провели переговоры о продлении перемирия на двенадцать лет. Польские послы привезли в Россию планы заключения широкого межгосударственного соглашения. Это был, по оценке Б. Н. Флори, «первый <...> официальный проект восточноевропейской федерации»[144].

России предлагался обширный военно-политический союз. Речь Посполитая рассчитывала обезопасить свои южные границы с помощью организации совместной с русским войском обороны против Крымского ханства. Между странами вводился социально-экономический паритет: свобода торговли для купцов двух стран; кроме того, и русским дворянам, и шляхте дозволялось приобретать земли в любом районе обеих держав. Варшава настаивала на открытости границ, предлагала разрешить русским служилым людям «по отечеству» свободный выезд в Польшу для обучения в университетах. Она рассчитывала тем самым сформировать в России слой своих сторонников, распространить среди «московитов» пропольские идеи. По-прежнему предполагалось, что в случае бездетной смерти царя польский король станет русским государем.

Политический проект, который предлагался Речью Посполитой, был односто-

[142] *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы. С. 205.

[143] *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. С. 30—31.

[144] Там же. С. 239.

ронним. В нем рассматривалось участие польской знати в избрании нового российского царя после смерти бездетного Федора Ивановича, но вопрос о возможностях московских бояр высказать свое мнение при выборе польского короля в случае смерти Сигизмунда III не ставился. Столь же неравно предлагалось решить территориальные споры: Речь Посполитая требовала передать ей Новгород, Псков, Смоленск, Северские земли — т. е. отказаться от всех территориальных приобретений России в XVI в. Именно этот пункт польских предложений вызвал недоумение: русские послы наотрез отказались обсуждать возврат Смоленска, и далее остальные положения планируемого соглашения даже не обсуждались. Единственное, что Москва готова была рассмотреть, — это вопрос о заключении антитатарского и антитурецкого союза. Но и здесь стороны не договорились, потому что условием соглашения Россия выдвинула невмешательство Речи Посполитой в русско-шведский конфликт, а Польша хотела иметь свободу в решении этого вопроса.

В 1597 г. по инициативе виленского воеводы К. Радзивилла интерес к проекту возобновился. Поводом стали ожидания скорой смерти царя Федора Ивановича, который скончался 7 января 1598 г. Но уже 21 февраля в Москве был избран новый царь — Борис Федорович. Польские дипломаты не успели подготовить никаких документов, а только приступили к обсуждению проектов. «Великое посольство» Льва Сапеги в Москву везло в 1600 г. очередной проект унии, оказавшийся запоздалым. За образец для него по многим пунктам была взята Люблинская уния 1569 г. Проект развивал прежние положения о свободе торговли, поощрении купечества, свободном обороте земли между дворянством обеих держав, доступе к образованию. Полякам разрешалось строить на землях, приобретенных в России, католические костелы и при них школы, а русским на землях, купленных в Речи Посполитой, — православные церкви.

Новые предложения унии были детализированы в военном и внешнеполитическом отношении, но их односторонняя тенденция осталась прежней. Речь Посполитая пыталась соблюсти собственную выгоду и проявляла политическую близорукость, когда речь заходила об интересах России. По-прежнему детально обговаривались пункты организации обороны южной границы. Центром системы обороны предполагалось сделать Киев. После потери в 1599 г. прав на шведский трон Сигизмунд III Васа нуждался в союзниках в Прибалтике против Швеции. На эту роль теперь рассматривалась Россия, но ее собственные интересы польская сторона не собиралась учитывать. Для России символическую роль со времен правления Ивана IV играла Нарва. В 1582—1583 гг. Москва была готова отдать всю Ливонию, лишь бы сохранить за собой этот город. Между тем Речь Посполитая в 1600 г. предлагала вместе с Россией отвоевать Нарву у шведов, но передать ее полякам. Русским допускалось иметь лишь небольшую пристань в Ивангороде. Для войны предполагалось создать общий русско-польский военный флот, но командование должно было быть польским.

Россия отклонила почти все пункты этих предложений как неприемлемые. Помимо очевидных внешнеполитических потерь проект нес угрозу православной вере (костелы в русских землях были для Москвы недопустимыми). Договор об унии так и не был заключен. Между Россией и Речью Посполитой продлевались временные перемирия, основанные на краткосрочном признании принципа «кто чем владеет на данный момент». Решающее столкновение держав было впереди.

Внешняя политика на восточном направлении

Взаимоотношения с Крымским ханством. Отношения с Крымом являлись важной составляющей внешней политики Российского государства начиная с последней четверти XV столетия. Первоначально отношения между двумя государствами носили характер военно-политического союза, однако он не имел долговременной перспективы. После ухода в начале XVI в. с исторической арены основного общего геополитического противника — Большой Орды наступил период русско-крымской конфронтации, продолжающейся в разных формах почти три столетия. Конфронтация нарастала постепенно, приняв острые формы в начале 1520-х гг. Это был период наибольшего усиления Крыма, апофеозом которого стал кратковременный захват Хаджи-Тархана (старой Астрахани) ханом Мухаммед-Гиреем I.

В дальнейшем на протяжении всего XVI в. всплески военно-политической активности Крыма сменялись периодами ее спада, что было связано как с внутриполитической нестабильностью, так и с политикой Порты, в орбите политического влияния которой Крым находился с 70-х гг. XV в. Тем не менее при всех поворотах крымской политики враждебные в целом отношения с Русским государством оставались неизменными. Намечавшееся время от времени сближение сторон не носило долговременного характера, оно было продиктовано геополитической ситуацией, складывающейся в тот момент в Восточной Европе.

Прежде всего, для Русского государства Крым являлся фактором перманентной военной угрозы. Крымские ханы располагали значительными военными ресурсами — главным образом благодаря находившимся под их властью после падения Большой Орды правителям так называемого мангытского улуса, охватывающего значительную территорию причерноморской степной зоны, которая примыкала непосредственно к Крымскому полуострову. Крымское ханство на протяжении всего XVI в. практически ежегодно организовывало нападения на южные территории Русского государства с целью захвата военной добычи, в первую очередь полоняников, доходы от торговли которыми являлись одним из средств существования крымских татар. При этом формально между двумя государствами сохранялись «мирные» отношения и осуществлялись регулярные дипломатические связи. Это объяснялось тем, что помимо военной добычи вторым источником доходов и для крымских ханов из династии Гиреев, и для всей крымской знати являлось регулярное поступление из Москвы так называемых поминок и жалования — формально добровольных посольских даров и жалования за службу. Под ними подразумевалось содействие в установлении «доброго дела» между двумя государствами в форме присылки денег и материальных ценностей: оружия, доспехов, драгоценностей и особенно ценимых шуб — как компенсации за отказ от организации крупномасштабных нападений и удержание подданных от самостоятельных набегов (так называемых беш-башей) на Россию. Большинство крымских нападений на Русское государство осуществлялось в периоды русско-литовских, а затем русско-польско-литовских войн XVI—XVII вв. Между Крымом и Польско-Литовским государством с начала XVI в. существовали союзнические отношения, что не исключало крымских нападений на польско-литовские «украйны». При этом отказ от нападений на Польско-Литовское государство обусловливался присылкой польскими королями «упоминок» — добровольных посольских даров, аналогичных присылаемым поминкам из Москвы. Предполагалось, что хан пойдет войной на ту страну, которая пришлет меньшее количество подарков.

С 1520-х гг. Крым начал проявлять беспокойство усилением позиций Москвы в Восточной Европе. Наряду с ежегодными нападениями начались крупноформатные походы в центральные области Русского государства во главе с правящими ханами с требованиями материального (резкое увеличение поминок) и политического (отказ от борьбы за установление политического контроля над Казанским и позднее над Астраханским ханствами) характера. Это были походы 1521, 1541 и 1552 гг.

Их целью было не «установление нового ига» — полного политического контроля над Русским государством, а водворение представителей династии Гиреев в Хаджи-Тархан и Казань. Крым претендовал на роль Золотой Орды, что, в свою очередь, влекло за собой резкое увеличение требований к Москве присылать не только посольские дары, но и «запросные деньги», по оценке русских дипломатических представителей в Крыму сопоставимые с количеством ордынского выхода[145].

По мере усиления Русского государства (особенно с 1550-х гг., когда под контроль Москвы перешло Среднее и Нижнее Поволжье) возрастала заинтересованность других стран, например Османской империи, в крымских нападениях на Россию. С возобновлением в начале 1560-х гг. открытой военной конфронтации между Россией и Польско-Литовским государством возросли усилия польско-литовской дипломатии, старавшейся направить крымские набеги в сторону Москвы.

Регулярные вторжения начались в последние годы третьего правления хана Менгли-Гирея I (1478/79—1515). Первый набег на южные области Русского государства состоялся летом 1507 г. В 1512 г. было совершено более крупное нападение под предводительством ханских сыновей, затронувшее практически весь юг Русского государства и Рязанское княжество (города Белев, Брянск, Воротынск, Одоев, Путивль, Рязань, Стародуб). В правление Мухаммед-Гирея I (1515—1521) после непродолжительного периода относительно мирных отношений с Москвой (до 1520 г.) крымские нападения возобновились. Толчком к конфронтации стал отказ Москвы поддержать планы хана по захвату Астраханского ханства и водворению Гиреев на казанский престол. В 1521 г., после воцарения брата Мухаммед-Гирея I Сахиб-Гирея на казанском престоле, последовал грандиозный крымский поход на Москву с участием казанцев, так называемый крымский смерч, который привел к разорению центральных областей Русского государства (в том числе посадов Тулы, Коломны и др.). Крымцы, преодолев Оку, не дошли около двух верст до Москвы и разорили село Воробьево. По сведениям С. Герберштейна, в конце июля крымские отряды жгли посады Москвы, что подтверждают и летописные источники[146]. Крымцами командовал сын хана Богатыр-Гирей. Однако сам хан Мухаммед-Гирей I под Москвой не появился, с основными силами он стоял между реками Северской и Лопастней. В августе крымцы повер-

---

[145] О русско-крымских отношениях первой половины XVI в. см. также: *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2001. С 182—185 и др.; *Хорошкевич А. Л.* Русь и Крым: От союза к противостоянию. С. 124—141, 188—196; *Зайцев И. В.* Политическая история Крымского ханства в XVI—XVII вв. // История Крыма. Т. 1. М., 2018. С. 386—387; *Он же.* Социальные отношения // Там же. С. 444; *Виноградов А. А., Санин Г. А.* Крымских ханов набеги // Большая российская энциклопедия. Т. 16. М., 2010. С. 163—165; *Виноградов А. В.* Русско-крымские отношения 1591—1593 годов: От конфронтации к поискам мирных решений // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 6. Казань, 2014. С. 18—50; *Он же.* Русско-крымский посольский съезд под Ливнами осенью 1593 года // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 7. Казань, 2015. С. 62—77; *Он же.* Посольство князя М. А. Щербатова в Крым: Заключение русско-крымского договора 1594 года // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 9. Казань, 2017. С. 38—59.

[146] *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 173—174; ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. С. 38.

нули свои войска на Рязань. Причина отступления традиционно объясняется подходом новгородских и псковских войск под командованием князя М. В. Горбатого[147]. Перед отходом Мухаммед-Гирей I предъявил Василию III ультиматум, содержавший не только требование ежегодной присылки поминок, но и согласие на подчинение Крыму Казанского и Астраханского ханств. В ответ, по сведениям С. Герберштейна, хану была прислана некая грамота с согласием на эти требования, «забытая» им при отходе в Крым от Рязани[148]. Достоверность передачи этого документа косвенно подтверждается летописными источниками, а его содержание и обстоятельства утери ханом вызывают дискуссии в историографии[149].

В момент похода Мухаммед-Гирея I на Русское государство Крымскому ханству угрожали астраханцы, активно действовавшие в причерноморской степной зоне[150]. Астраханская угроза побудила хана начать наступление на Астраханское ханство. В 1522—1523 гг. он даже захватил Астрахань, но это привело к образованию антикрымской коалиции ногайских мирз при активной поддержке московской дипломатии. Хан был убит около Хаджи-Тархана вместе с сыном. Крымцы были разгромлены, уцелевшие ханские сыновья бежали в Крым, преследуемые ногаями, которые в 1524 г. опустошили Крымский полуостров. Эти события на время снизили внешнеполитическую активность крымских ханов и усилили османское господство над ними. В правление хана Сеадет-Гирея I (1524—1532) в 1530 г. было совершено лишь одно крупное нападение — на рязанские земли.

В 1532—1537 гг. в Крыму шла длительная борьба за престол между ханами Ислам-Гиреем I и Сахиб-Гиреем I. Оба стремились в равной степени заручиться поддержкой Москвы, Польши и Великого княжества Литовского. Первоначально Москва признала ханом Сахиб-Гирея, следствием чего явился крупный поход Ислам-Гирея I на Русское государство в 1533 г., однако крымцы не смогли тогда преодолеть Оку. Вскоре московскому правительству удалось достигнуть мирного соглашения с Ислам-Гиреем I, однако уже в августе 1534 г., в разгар русско-литовской войны 1534—1537 гг., последовал крымский набег на Переяславль-Рязанский. В 1537 г., после гибели Ислам-Гирея I, Сахиб-Гирей окончательно утвердился на крымском престоле (до 1551 г.). В этот период его отношения с Москвой оставались резко враждебными. Кульминацией конфронтации стал поход под предводительством хана на Москву в 1541 г., когда крымцы с большим трудом были остановлены на реке Оке, судя по сообщению «Летописца начала царства»[151]. Несмотря на временное урегулирование русско-крымских отношений в 1542 г., набеги продолжались в течение всех 1540-х гг. главным образом на «рязанские места». Однако крупных походов непосредственно в центральные области Русского государства во главе с ханом тогда не было, так как Сахиб-Гирей предпринял в 1546 г. очередную попытку захвата Астраханского ханства, вылившуюся в затяжной военный конфликт Крыма с Ногайской Ордой (продолжавшийся до 1549 г.).

Москва наряду с принятием военных мер по обороне южных рубежей страны стремилась предотвратить крымские нападения дипломатическим путем. Традиция заключения русско-крымских договоров, формально устанавливающих близкие к союзническим и добрососедские отношения

[147] *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. С. 244.

[148] *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 174—175.

[149] *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. С. 244; *Вернадский Г. В.* Россия в средние века. Тверь; М., 1997. С. 166.

[150] *Орешкова С. Ф.* Крымское ханство в XV—XVI вв. М., 2002. С. 229.

[151] ПСРЛ. Т. 13. С. 99—100.

между двумя государствами и закрепленных принесением шерти (клятвы) крымскими ханами и крестоцелованием московских государей, сохранялась на протяжении всего XVI в. Заключая «докончания», крымские ханы обещали не нападать на Русское государство. При отсутствии перемирия между Москвой и Польско-Литовским государством предусматривались совместные действия против «общего недруга литовского короля». Однако ни один из многочисленных разрабатываемых договорных актов так и не был введен в действие. Русско-крымский договор 1518 г., утвержденный шертью хана Мухаммед-Гирея I, был сорван уже в 1519—1520 гг., после отказа Москвы предоставить военную помощь хану в походе на Астрахань. Хан Сеадет-Гирей I перед русскими послами шертовал два раза: 18 февраля 1525 г. перед И. Колычевым и в ноябре 1530 г. перед С. Злобиным. Оба договорных акта также не были введены в действие. В 1532—1537 гг. о заключении договора велись переговоры с ханом Ислам-Гиреем I, но до принесения им шерти дело так и не дошло. Хан Сахиб-Гирей после долгих и изнурительных переговоров с различными московскими посольствами шертовал в 1539 г. перед послом И. Б. Федцовым, но договор был сорван. Десятилетний период после крымского нападения 1541 г. до смещения Портой хана Сахиб-Гирея в начале 1551 г. ознаменовался фактическим отказом обеих сторон от ведения переговоров. Между тем восшествие на престол Девлет-Гирея I (1551—1577) в разгар борьбы Русского государства за овладение Казанским ханством сделало нейтрализацию военно-политической угрозы Москве со стороны Крыма одной из главных задач дипломатии царя Ивана IV.

Пятидесятые годы XVI в. стали поворотным моментом в истории русско-крымских отношений. Обозначившееся проникновение Москвы на Северный Кавказ, установление фактического протектората над Большой Ногайской Ордой, а также падение Казани и Астрахани грозили могуществу Крымского ханства. Крупномасштабные крымские нападения имели место уже на завершающем этапе казанских походов царя Ивана IV. В частности, казанский поход 1552 г. происходил в условиях крупного крымского нападения, сорванного своевременной переброской русских военных сил к Туле.

В 1553—1554 гг. Москва добилась больших военно-политических успехов в Нижнем и Среднем Поволжье, что встретило активное противодействие со стороны Крыма. В течение 1552—1555 гг. хан Девлет-Гирей I содействовал продолжавшейся борьбе значительной части «казанских людей» против Москвы, желая предотвратить переход под московский контроль Астраханского ханства и продолжить борьбу за влияние в Ногайской Орде. Именно при поддержке Девлет-Гирея I осенью 1554 г. смещенный и бежавший в азовские степи хан Ямгурчи подготовил поход на Астрахань. Поход закончился неудачей, но показал, что «астраханское дело» еще далеко не завершено. В 1554 г. ожидали крупного похода Девлет-Гирея I на Русское государство, однако хан вынужден был пойти «на черкас». Следует отметить, что в своем противостоянии с Крымом «князья черкасские» в это время уже получали поддержку Москвы. Усиление позиций Москвы в Кабарде и в целом на Северном Кавказе стало еще одной из составляющих русско-крымских противоречий.

Летом 1555 г. Иван IV двинул непосредственно «под Крым» рать под командованием И. В. Шереметева, Л. А. Салтыкова и А. Д. Басманова. Предполагалось разорение «мангытского улуса», чтобы «промыслити над стада крымские»[152]. В походе участвовали значительные силы — до 16 тыс. человек. Русская рать столкнулась с двигаю-

[152] ПСРЛ. Т. 13. С. 256.

щейся ей навстречу ордой во главе с ханом Девлет-Гиреем I. А 3—4 июля 1555 г. произошло сражение при Судьбищах — самое крупное в XVI в. (наряду с Молодинским сражением 1572 г. и битвой под Москвой 1591 г.) полевое сражение крымской орды с вооруженными силами Русского государства. Русская рать потерпела поражение, но сумела избежать полного разгрома, и Девлет-Гирей I был вынужден в очередной раз повернуть назад.

В 1556 г. в Москве обдумывалась перспектива серьезных антикрымских операций. При получении известий о предполагаемом набеге Девлет-Гирея I Иван IV отправил отряды дьяка М. И. Ржевского через реку Полу на Днепр, а отряды Даниила Чуйкова — на Дон. Ржевский активно взаимодействовал с «кавказскими черкасами»[153], и весь Крым в течение пяти дней не мог уничтожить его отряд. Он добрался до Очакова и после разгрома крымцев вернулся по Днепру назад, что привело не только к срыву намеченного Девлет-Гиреем I набега на московские «украйны», но и к отказу от задуманной им экспедиции в Черкесию. В этот момент даже прошел слух, что летом сам Иван IV собирается «под Крым». Одновременно успешными действиями атамана Черкашенина, спустившегося с Дона, создалась угроза Керчи. И наконец, осенью на острове Хортица на Днепре объявились отряды князя Дмитрия Вишневецкого, пославшего «бить челом» Ивану IV. Возникли условия для проведения широких антикрымских акций с Днепра, с Дона и из Западной Черкесии. Однако это стало бы возможным только в условиях нейтралитета со стороны Польско-Литовского государства. Поэтому от срока перемирия между Москвой и Великим княжеством Литовским, истекавшего в 1562 г., зависело и осуществление «крымского дела». Не случайно в 1556—1559 гг. начался новый этап переговоров об антикрымском союзе. В 1557 г. Девлет-Гирей I отказался от нападений на московские «украйны» и, занятый борьбой с Д. Вишневецким, дважды (в январе и мае) подступал к острову Хортица, где осаждал Вишневецкого и в конце лета вынудил его бежать «в черкасы». Одновременно московская дипломатия пыталась привлечь ногайских правителей к войне против Крыма. В январе 1557 г. к Исмаилу и всем ногайским мирзам были отправлены посольства с целью принесения ими шерти: «хто царю и великому князю недруг, и им недругом же бытии и войною им ходити»[154]. Однако осенью 1557 г. в Москву стали поступать сведения о возобновлении в Ногайской Орде междоусобной войны, и все внешние дела там отошли на второй план. Между тем после падения Астраханского ханства, когда главную волжскую переправу стали контролировать царские воеводы, русско-крымские отношения еще более обострились, ведь Москва захватила государственное образование, давно являвшееся объектом крымской экспансии. От претензий на «астраханский юрт» крымские ханы не отказывались на протяжении всего XVI в.

Иван IV и его окружение, со своей стороны, были намерены продолжить военно-политическое давление на Крым и в условиях начавшейся в январе 1558 г. Ливонской войны. В декабре 1558 г. от бежавших полоняников были получены сведения о подготовке крымского нападения на Российское государство во главе либо с самим ханом Девлет-Гиреем I, либо с его старшим сыном калгой (наследником престола) Мухаммед-Гиреем. Численность орды составляла, согласно летописному сообщению, 100 тыс. человек[155], что является, конечно, преувеличением. Крымское ханство орга-

[153] ПСРЛ. Т. 13. С. 271.
[154] Там же. С. 279.
[155] Там же. С. 314.

низовало поход на московские «украйны», надеясь на неприкрытость границ в связи с занятостью войска в ливонской кампании. Но московским властям удалось наладить оборону южного пограничья, так что татары были вынуждены отказаться от своих намерений и отступить[156]. В феврале 1559 г. вновь предполагался сбор русских войск во главе с Иваном IV для движения «под Крым»; 11 марта даже состоялся «приговор» Ивана Грозного о начале крупноформатных военных действий против Крыма: русские войска должны были собраться в верховьях Дона. Однако неблагоприятный исход русско-польско-литовских переговоров, которые велись в это время, привел к отказу от похода.

В феврале 1560 г. «на черкасы» был отпущен князь Вишневецкий, которому было поручено «промышляти над крымским царем». В 1561 г. операции против Крыма планировались только им. Базы для проведения военных действий против Крыма в это время были потеряны. В апреле 1562 г. Вишневецкий был снаряжен по приказу царя вместе с «каневскими черкасами» в поход «недружбу делати царю крымскому и королю литовскому» на Днепр. Но уже 31 июля казаки оповестили царя, что Вишневецкий «господарю царю и великому князю изменил»[157]. Хотя, по летописным данным, с князем ушло в Литву только триста человек, а часть каневских атаманов осталась на службе у царя, измена Вишневецкого имела большое политическое значение. Отъезд Вишневецкого показал, что стремление Ивана IV использовать «украйных людей» для борьбы не только с Крымом, но и Польско-Литовским государством, не осуществилось.

В 1562 г. был совершен крупный крымский набег, который нанес серьезный урон Русскому государству. По мнению А. А. Новосельского, официальная летопись смягчила картину этого вторжения, между тем как в послании Сигизмунду II Августу крымский хан называл разоренными не только Мценск, который отмечен в летописи, но и города Одоев, Новосильск, Болхов, Белев[158]. Осенью 1562 г. царь приказал активизировать дипломатические связи с Крымом; с 1555 г. он не отпускал обратно в Крым гонцов, отказывался от размена послов, а также от уплаты поминок. Кстати, именно неуплатой поминок хан объяснял многие набеги на Россию. Восстановление «в полном объеме» дипломатических связей отвечало интересам хана и крымской знати. Задача заключения «докончания» была поставлена перед посольством А. Ф. Нагого, двинувшимся в Крым в мае 1563 г. Подготовка договора в 1563—1567 гг. протекала в условиях непрерывного военно-политического давления Крыма на Русское государство и была связана со многими сложностями. В конечном итоге уже утвержденный шертью хана 2 января 1564 г. договор не был введен в действие. В Москве 18 марта 1564 г. Иван IV целовал крест на русском варианте (противне) договора. Сразу выяснилось, что договор нуждается в повторном принесении шерти ханом из-за несовпадения формулировок в русском и крымском противнях относительно союза против «литовского короля». Отправленный с этой целью в Крым посланник Ф. А. Писемский не смог вместе с А. Ф. Нагим выполнить эту задачу, и процесс доработки договора был приостановлен к 1565 г. В дальнейшем хан пытался навязать несогласованный текст силой, причем стремился придать ему окончательный характер. Когда это не принесло результата, договор фактически был отменен крымской стороной, хотя фор-

[156] Подробнее см.: *Виноградов А. В.* Русско-крымские отношения: 50-е — вторая половина 70-х годов XVI века. Ч. 1. М., 2007. С. 144—145.

[157] ПСРЛ. Т. 13. С. 343.

[158] *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVI века. М.; Л., 1948. С. 18.

мально и в посланиях к Ивану IV, и на аудиенциях русских послов речь шла только о временном «порушении доброго дела». При этом в первой половине 1560-х гг. крымские нападения приняли характер крупномасштабных вторжений, охватывавших значительные территории южных областей Русского государства и угрожавших непосредственно Москве, что в условиях продолжавшегося вооруженного конфликта с Польско-Литовским государством могло иметь крайне тяжелые последствия.

Большой поход Девлет-Гирея I начался в августе 1564 г. Хан явно рассчитывал на то, что основные военные силы Российского государства будут находиться в Ливонии. Поход был с большой долей вероятности согласован с Сигизмундом II Августом. Официальная летопись недвусмысленно связывает крымское нападение с походом короля под Полоцк в сентябре—октябре 1564 г. По летописным сведениям, «польские гонцы в Крыму совет учинили в одно королю Польскому притти со всеми людми к Полоцку и Полоцка доставити, а Девлет-Кирею царю притти, перечи Ока-река и воевати коломенские места и к Москве итти»[159]. Но Девлет-Гирей I не пошел к Оке. Получив от «языков» сведения о том, что Иван IV не отправился, как предполагали крымцы, в Ливонию, хан решил изменить направление нападения. В первых числах октября крымцы силами, насчитывавшими примерно 60 тыс. человек, двинулись на «рязанские места». Девлет-Гирей I стал под Рязанью, которую защищал воевода А.Д. Басманов, и «распустил людей на войну». Тогда же он неожиданно предпринял попытку вступить в контакт с воеводой, чтобы передать послание царю. Крымский гонец доставил высланному к нему сыну боярскому ярлык Девлет-Гирея I Ивану IV. В нем хан объяснял мотивы нарушения мирного соглашения и предъявлял требование о выплате поминок. Сразу же после ухода татар царь отправил в Крым нового гонца с грамотой к А. Ф. Нагому, в которой требовал, чтобы тот добился выполнения мирных соглашений. В мае 1565 г. Девлет-Гирей I отправил в Москву нового гонца с посланием, содержавшим требование уступки Казани и Астрахани. На аудиенции у Ивана IV 5 июля 1565 г. крымским гонцам был передан категорический отказ, а в царской грамоте А. Ф. Нагому содержались категорические указания не обсуждать с ханом эти вопросы. Девлет-Гирей I и царевичи 16 сентября 1565 г. вновь вышли из Крыма. Девлет-Гирей I подошел к Болхову 7 октября 1565 г. и в тот же день отступил[160].

В апреле 1566 г. хан направил в Польшу послание, в котором содержались резкие претензии относительно того, что король ссорит его с Иваном IV, а когда крымцы совершают поход, то «сам туда не хаживает». В этих условиях хан предпринял шаги по налаживанию отношений с Москвой. Не отказываясь формально от ранее выдвинутых требований, он, по существу, ограничился требованием таких же поминок, какие выплачивали Мухаммед-Гирею I. Получив формальные подтверждения готовности Ивана IV выплатить «Магмет-Киреевские поминки», Девлет-Гирей I возобновил переговоры с А. Ф. Нагим и Ф. А. Писемским о заключении мирного соглашения. Но тексты договора 1564 г. (обе копии, ранее утвержденные в Москве и Бахчисарае) не устраивали хана. Он стремился убрать оттуда все обязательства о войне с «литовским королем». Обе стороны явно не доверяли друг другу. На приеме А. Ф. Нагого 16 июля 1566 г. Девлет-Гирей I заявил ему: «И яз де з государем вашем ныне доброго дела хочу прямо. Только де государя вашего опасаюся и дважды о том ссылаться не хочу. Государь де ваш не верит мне, а яз не верю госуда-

[159] ПСРЛ. Т. 13. С. 388.
[160] Там же. С. 399.

рю вашему»[161]. Тем не менее, используя обстоятельство, что часть противников русско-крымского соглашения из числа крымской знати вместе с калгой находились «за морем» для участия в венгерской кампании 1566 г. султана Сулеймана I, Девлет-Гирей I выразил готовность принести шерть, но на своих условиях. Последние исключали твердые обязательства крымцев воевать с Сигизмундом II Августом. Кроме того, соглашение должно было утратить силу, в случае если Иван IV заключит мир с королем. Требования крымской стороны вызвали протесты А. Ф. Нагого. Переговоры опять зашли в тупик.

В конце 1560-х гг. наступил новый период военно-политической конфронтации Крыма и Русского государства. Перелом в крымской политике произошел в начале 1567 г., а решающие события развернулись в летние месяцы: перед ханом встал вопрос о том, в каком направлении следует предпринять традиционный летний поход. Приезд очередного русского гонца Олябьева в апреле 1567 г. с незначительными поминками и жалованием послужил сигналом для активизации всех сил в правящей верхушке Крыма, заинтересованных в разрыве с Москвой. В июле хан отказался от размена послов и возобновил требования уступки Казани и Астрахани. Вопрос о заключении мирного «докончания» был снят. В итоге все усилия русской дипломатии в 1563—1567 гг. добиться урегулирования отношениий с Крымом не принесли успеха.

Хан Девлет-Гирей I, который был обеспокоен переходом под контроль Москвы всего волжского пути, столкнулся к тому же и с усилением русского влияния на Кавказе. Ситуация осложнялась тем, что обеспокоенность усилением Москвы на Кавказе проявила и Оттоманская Порта, следствием чего стала астраханская экспедиция 1569 г., в которой участвовал крымский хан. Подготовка и непосредственный ход событий астраханского похода 1569 г. известны как по русским источникам («речам» С. Мальцева, отпискам из Крыма послов А. Ф. Нагого и Ф. А. Писемского и статейного списка посла в Стамбул И. П. Новосильцева), так и по материалам из османских архивов, введенным в научный оборот французскими ориенталистами Ш. Лемерсье-Келькеже и А. Беннигсеном[162]. Имеют значение также сведения так называемой повести «О приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань» польского дипломата А. Тарановского, участвовавшего в походе и посланного из Стамбула польскими послами к султану в качестве «наблюдателя»[163]. Все источники указывают главную причину похода: стремление Порты исключить возможность дипломатических контактов Москвы и Сефевидов через Астрахань и ослабить позиции Русского государства на Кавказе[164]. Крымский хан хотел вернуть под власть Гиреев территорию бывшего Астраханского ханства. Эти намерения шли вразрез с планами Порты, чем объясняется двойственное поведение хана во время похода.

---

[161] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 12. Л. 221.

[162] *Садиков П. А.* Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. Т. 22. 1947. Приложение № 1. С. 153—159; Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1567—1572 гг. М., 2018. С. 253—262; «Отписки» А. Ф. Нагого и Ф. А. Писемского // Там же. С. 224—226, 228—235; Статейный список И. П. Новосильцева // Путешествия русских послов XVI—XVII вв. М.; Л., 1954. С. 63—99; *Беннигсен А.* Турецкий поход на Астрахань в 1569 г. по материалам «Реестра важных дел» Османского архива // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009. С. 145—173.

[163] История о приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань в 1677 г. [1569 р.] // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 8. Одесса, 1872. С. 479—488.

[164] *Зайцев И. В.* История Астраханского ханства. 2-е изд. М., 2006. С. 177; *Гёкбильгин Т.* Османский поход на Астрахань в 1569 г. // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. С. 167—168.

После затянувшейся подготовки в конце мая — начале июня 1569 г. османские силы двинулись из Азова на галерах вверх по Дону до так называемой Переволоки. Попытки прорыть далее канал между Доном и Волгой завершились провалом, после чего войска двинулись к Астрахани сухопутным путем. При подходе выяснилось, что организовать длительную осаду крепости невозможно ввиду отсутствия припасов. Не оправдались надежды османского командования и на поддержку со стороны Больших Ногаев. Перед подходом рати воеводы князя П. С. Серебряного османы и крымцы отошли от Астрахани. Возможно, что при этом имел место бой с подошедшими русскими силами. На обратном пути к Азову через степь османы понесли значительные потери, так как хан Девлет-Гирей I, как полагают, нарочно повел их по безводной, так называемой кабардинской дороге. В ноябре 1569 г. сам хан и участвовавшие в походе его сыновья вернулись в Бахчисарай.

К 1567 г. были окончательно прекращены переговоры русского посла А. Ф. Нагого с крымцами о возможности русско-крымского мирного соглашения. Крымская сторона помимо уступки Астрахани и Казани выдвинула требование сноса «городка на Тереке», которое было отвергнуто послами во время переговоров летом 1570 г., поскольку в июне 1570 г. было достигнуто русско-польско-литовское соглашение о перемирии, и Девлет-Гирей I не мог угрожать заключением союза с Речью Посполитой в случае начала крупноформатных вооруженных действий в Ливонии и на западных рубежах Русского государства. Напряженность в отношениях с Крымом нарастала. Осенью 1570 г. крымцы предприняли незначительные вторжения на московские «украйны», угрожая Новосилю. В сентябре царь лично прибыл в Серпухов для организации отпора возможному нападению. Вдоль Оки были развернуты значительные силы. В декабре 1570 г. Иван IV получил послание хана с требованием убрать из Крыма посольство А. Ф. Нагого и отпустить из Москвы крымское посольство. Во второй половине 1571 г. под нажимом Порты и Крыма русские снесли «городок на Тереке», что уже не могло принципиально повлиять на развитие событий. А 5 апреля русские послы узнали, что хан Девлет-Гирей I выступил в поход на Русское государство.

Поход крымцев весной и летом 1571 г. был крупномасштабным нападением, ознаменовавшимся прорывом непосредственно к Москве. Это нашествие повлекло за собой помимо страшного пожара Москвы (24 мая 1571 г.) и разорения центральных областей государства серьезные внешнеполитические последствия, которые неоднократно рассматривались в историографии[165]. Русские источники объясняют внезапный успех Девлет-Гирея I имевшимися у него достоверными сведениями о расположении русских военных сил «на берегу», а также бродов через Оку, указанных перебежчиками. Все источники свидетельствуют также о просчетах русского военного командования, приведших к развалу управления войском и в конечном итоге к катастрофе 24—25 мая 1571 г. — огромным потерям среди населения Москвы и находившихся там русских войск во время московского пожара.

В июне 1571 г. хан смог предъявить фактический ультиматум царю, суть которого заключалась в принципиальном признании Русским государством крымских претензий на Казань и Астрахань, т. е. перечеркивались все достижения Ивана IV на восточном направлении. В ходе аудиенции крымских гонцов во главе с Девлет-Килдеем в селе Братошине 15 июня Иван IV согла-

[165] См., например: *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVI века. С. 430; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 427—428.

сился признать крымские притязания на территорию бывшего Астраханского ханства, проигнорировав претензии на Казань. Однако реальные условия и сроки передачи Астрахани Иван IV затягивал на неопределенное время — до нового посольского размена. При этом с передачей Астрахани царь увязывал заключение долговременного военного русско-крымского союза, направленного против Речи Посполитой. Кроме того, саму передачу Астрахани крымским Гиреям Иван IV представлял как создание некоего полностью подконтрольного Москве государственного образования, аналогичного Касимовскому царству. Предполагалось, что правитель восстановленного «Астроханского юрта» будет назначаться московским государем по представлению крымского хана, а в Астрахани по-прежнему будут находиться русские воеводы со «служилыми людьми». Для Девлет-Гирея I это было абсолютно неприемлемо. Хан рассчитывал получить согласие Порты на водворение в Астрахань одного из своих сыновей на условиях создания там сильной османской крепости, контролирующей устье Волги, что было неприемлемо уже для Ивана IV. Тем не менее осенью 1571 г. хан в своем послании султану представил дело так, будто Иван IV согласился на уступку Астрахани на крымских условиях[166]. Между тем царь объявил о сборе войск в Новгороде для похода на шведского короля и на Ливонию. В декабре 1571 г., еще до отбытия в Новгород, он принимал в селе Братошине очередных крымских гонцов во главе с Джан-Мухаммедом (Ян-Магметом), известным крымским дипломатом, неоднократно бывавшим в Москве. На аудиенции тот передал, что причиной раздора с царем стали Казань и Астрахань, «юрты мусулманские дядь и дедов наших»[167]. В своем послании хан предлагал к лету 1572 г. провести посольский съезд у Путивля, а в случае отказа недвусмысленно угрожал повторным нападением.

Однако Иван IV решил не отпускать гонцов до завершения своего пребывания в Новгороде, что было вызвано сведениями, сообщенными русским гонцом С. Клавшовым, прибывшим из Крыма и имевшим там конфиденциальную встречу с «князем Сулешом» — московским «амиатом» (посредником в дипломатических связях) беком Сулешем Яшлавским. Тот известил русского гонца, что хан не собирается нападать на Русское государство до возвращения Джан-Мухаммеда с ответом на его требования. Поэтому, отпуская крымских гонцов, Иван IV лично дал им объяснения, что немедленно выполнить требования и уступку Казани и Астрахани невозможно. Главный аргумент заключался в необходимости сначала организовать новый посольский размен, после чего должны были последовать переговоры о заключении договора. Однако было очевидно: сколько бы царь ни медлил с ответом, новый поход Девлет-Гирея I на Москву был неизбежен. Летом 1572 г. вторжение произошло, и оно ознаменовалось самым крупным в XVI в. полевым сражением вооруженных сил Русского государства с крымцами — битвой при Молодях, в которой хан Девлет-Гирей I потерпел сокрушительное поражение.

Авангард крымской орды 26 июля вышел к реке Оке. К ночи туда же подошла вся остальная орда. После ожесточенных боев 27 июля крымцы в двух местах «перелезли» Оку. Они двигались двумя потоками — авангард во главе с Тягрибердеем-мирзой и основные силы во главе с ханом. Девлет-Гирей I 28 июля к исходу дня подошел к реке Похре. Тем временем русские войска

[166] *Лемерсье-Келькеже Ш.* Походы Девлет-Гирея на Москву в 1571 и 1572 году по документам Османского архива // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. С. 214—219.

[167] Посольская книга по связям Московского государства с Крымом: 1571—1577 гг. М., 2018. С. 81.

сняли оборону на Оке и двинулись вслед крымцам. Русскому передовому полку во главе с князем Д. И. Хворостининым в этот же день, 28 июля, удалось настигнуть авангард крымцев. Первый успех позволил основным силам под командованием князя М. И. Воротынского в течение дня занять позиции на Молодях у реки Рожая, поставив там гуляй-город (передвижное укрепление). Во второй половине дня крымцы, получив подкрепление, атаковали, но были отбиты[168]. Тем временем Девлет-Гирей I принял решение прекратить движение на Москву и двинуться к Молодям, с тем чтобы разгромить все русские войска в генеральном сражении. К вечеру 29 июля к Молодям подошли основные силы крымцев во главе с ханом. Основное сражение развернулось 2 августа; оно завершилось ударом с тыла по крымцам и истреблением их лучших сил у гуляй-города. На следующий день, 3 августа, русские войска преследовали крымцев, отходящих к Оке, через которую они переправились к утру 4 августа. Отход крымцев носил неорганизованный характер, хотя и не превратился в фактическое бегство. Кампания 1572 г. против хана Девлет-Гирея I была выиграна в результате своевременно организованной обороны «на берегу», верных тактических решений военного командования во главе с князьями М. И. Воротынским и Д. И. Хворостининым, а также эффективного использования полевых укреплений — гуляй-города — непосредственно во время сражения при Молодях[169]. Роковую роль для хана сыграло пленение во время сражения 30 июля фактического крымского командующего Дивея «князя мангытского» — карача-бека клана Мансуров. Поражение крымской орды 2—3 августа 1572 г. при Молодях имело серьезные последствия не только для русско-крымских отношений, но и для общего внешнеполитического положения Русского государства. Крымское ханство, понеся серьезные потери, было выведено из активного участия в военно-политических конфликтах в Восточной Европе, в первую очередь в Ливонской войне. Поражение при Молодях в значительной степени ослабило авторитет хана Девлет-Гирея и стимулировало начавшуюся после его смерти в 1577 г. «ссору великую в Крымском юрте» (династический кризис Гиреев 1577—1588 гг.) — борьбу за престол между его сыновьями и внуками, чем немедленно воспользовались московские дипломаты. В результате были созданы благоприятные условия для окончательного закрепления России на территориях Среднего Поволжья. Крым не имел возможности оказывать военно-политическую поддержку начавшемуся там восстанию — так называемой Второй черемисской войне.

В селе Лучанском Иван IV 4 сентября 1572 г. принял крымских гонцов, уже преодолевших часть обратного пути и по приказу Девлет-Гирея I повернувших назад. На этот раз царь, выслушав речь ханского гонца Шах-Али, содержавшую прежние требования уступки Казани и Астрахани, не дал крымцам никакого ответа, а сами гонцы были задержаны. Царю следовало на время прекратить все связи с Крымом для прояснения стремительно меняющейся политической ситуации в Восточной Европе. Одновременно с крымскими гонцами в Москву прибыл литовский гонец Ф. Воропай, привезший уже известное Ивану IV официальное извещение рады панов Великого княжества о смерти короля Сигизмунда II Августа. Начавшееся бескоролевье в Речи Посполитой, помимо прочего, отодвигало на неопределенный срок

[168] Разрядная книга 1475—1605. Т. 2. Ч. 3. М., 1982. С. 312—313.

[169] О битве при Молодях см. также: *Виноградов А. В., Малов А. В.* Сошлись две рати: Материалы о походе Девлет-Гирея I в Москву в Крымской посольской книге 1571—1578 гг. // «Единорогъ»: Материалы по военной истории Восточной Европы. Вып. 2. М., 2011. С. 194—244.

какое-либо соглашение Крыма с Польско-Литовским государством, направленное против Москвы. Расчеты Ивана IV на этот раз оправдались. В Москву 29 ноября 1573 г. вернулось посольство А. Ф. Нагого. Вслед за ним прибыли крымские гонцы. Теперь царь дал жесткий ответ на все крымские требования, указав, что Крым всегда являлся «одной саблей», угрожающей Москве, Казанская земля — «другой», Астраханская — «третьей», Ногайская Орда — «четвертой», а Литва — «пятой»[170]. Итак, крайне опасный для Русского государства период военных действий с Крымом был завершен. С 1573 г. на южных рубежах страны установилось относительное спокойствие.

В марте 1576 г. Иван IV, всерьез рассчитывая на долговременный союз с австрийскими Габсбургами на антитурецкой основе, отказался от приема крымских гонцов во главе с Девлет-Килдеем. После изъятия у них всех посланий они были отправлены в Углич, где уже находились задержанные крымские гонцы, прибывшие после Молодинского сражения. В течение нескольких летних месяцев 1576 г. Иван IV предполагал возобновить военное давление на Крым. Но, после того как стало ясно, что ситуация в Речи Посполитой развивается по неблагоприятному для Москвы сценарию, эти планы были оставлены. В октябре 1576 г. Иван IV принял всех задержанных крымских гонцов. На переговорах гонцы в крайне осторожной форме заявили о желании хана снять требования уступки Казани и Астрахани, хотя официально Девлет-Гирей I от них не отказывался.

Между тем ситуация в Крыму оставалась неопределенной. Девлет-Гирей I предпринимал дипломатические маневры для выстраивания отношений с Речью Посполитой. Еще в начале 1576 г. хан узнал об избрании на польско-литовский престол Стефана Батория и с осени 1576 г. начал с ним «ссылки». После кончины хана Девлет-Гирея I в июне 1577 г. позиция Крыма в отношении Русского государства некоторое время была неопределенной. Положение на престоле нового хана Мухаммед-Гирея II (1577—1584) казалось неустойчивым, продолжался его конфликт с братьями, в первую очередь с калгой Адыл-Гиреем[171]. Правительство Ивана IV пока устраивало такое положение вещей, однако вскоре царь с готовностью принял инициативу крымской стороны об активизации дипломатических «ссылок». В декабре 1577 г. из Крыма прибыл ханский гонец Халил-Челеби: хан Мухаммед-Гирей II извещал царя Ивана IV о своем водворении на престол и предлагал совершить посольский размен. После переговоров с Халилом-Челеби, проведенных посольским дьяком А. Я. Щелкаловым, было решено снаряжать в Крым посольство. На решение царя начать переговоры с новым ханом оказало влияние нарастающее обострение отношений Москвы с Речью Посполитой. В Крым двинулось посольство князя В. В. Масальского, в Москву — крымское посольство Араслана-мирзы Яшлавского («Сулешева»). Посольство князя В. В. Масальского везло в Бахчисарай русский проект договора с Крымом[172]. Накануне приезда крымского посольства от хана прибыли гонцы с извещением об успешном нападении крымцев на южные области Речи Посполитой и о дальнейшей борьбе против «общего недруга». Однако неожиданно для русской стороны новые переговоры обернулись возобновлением крымских требований об уступке Астрахани как условия заключения договора. К тому же почти одновре-

[170] Посольская книга по связям Московского государства с Крымом: 1571—1577 гг. С. 151.

[171] *Беннигсен А., Лемерсье-Келькеже Ш.* Московия, Османская империя и кризис наследования ханской власти в Крыму в 1577—1588 гг.: Кочевая традиция против модели оседлых монархий // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. С. 220—254.

[172] *Филюшкин А. И.* Проекты русско-крымского военного союза в годы Ливонской войны // «В кратких словесах многой разум замыкающе...». СПб., 2007. С. 339—341.

менно с отправлением посольства в Москву для переговоров со Стефаном Баторием во Львов отправилось посольство Ибрагима Белецкого (поляка, перешедшего на службу хану), а в Бахчисарай — польское посольство М. Брониевского. Стефан Баторий рассчитывал на вовлечение Крыма в войну против Русского государства, а Порта стремилась урегулировать отношения Крыма с Речью Посполитой для отправления крымской орды в поход против Персии, война с которой уже начиналась. В этих условиях хан, не желая быть связанным взаимоисключающими обязательствами, отказался от заключения в Бахчисарае договора с русским посольством князя В. В. Масальского и с польским посольством М. Брониевского. Таким образом, попытки привлечь Крым на свою сторону в качестве союзника завершились неудачей для обеих сторон. Однако некоторое время обе стороны (и Стефан Баторий, и русский царь) предполагали заручиться содействием крымцев и использовать их набеги на «украйны» противника в свою пользу.

Летом 1582 г., после заключения Ям-Запольского перемирия с Речью Посполитой, наконец состоялся посольский размен с Крымом. В Москву прибыло новое посольство Янши-мирзы «Сулешева» вместе с отпущенным из Крыма посольством князя В. В. Масальского, а в Крым двинулось отпущенное из Москвы посольство Араслан-мирзы «Сулешева» вместе с внушительным русским посольством князя М. Ф. Барятинского, который вез большие поминки. Путь русских послов закончился трагически: по дороге их ограбили «литовские» казаки, а сам князь погиб[173]. Это было самое крупное во второй половине XVI в. нападение приднепровских казаков на русскую дипломатическую миссию, следовавшую в Крым.

Следующий этап стабилизации дипломатических контактов между Москвой и Бахчисараем наметился во второй половине 1583 г. по инициативе хана Мухаммед-Гирея II в условиях его разрастающегося конфликта с Портой. Однако в начале 1584 г. отказ хана участвовать в очередной кампании Порты против Сефевидов привел к смещению его с престола, что произошло в ходе инспирированного Портой мятежа крымской знати (уже не первого) во главе с братом хана Алп-Гиреем, поддержанного османскими войсками. Крымское ханство вступило в длительный период внутриполитической нестабильности.

После смещения и убийства в начале 1584 г. хана Мухаммед-Гирея II на крымский престол был посажен Ислам-Гирей II (до 1588 г.). Реальной властью в Крыму при этом откровенно слабом правителе обладал Алп-Гирей, ставший при нем калгой. Однако уже через несколько месяцев они оба были изгнаны из Бахчисарая сыновьями погибшего хана — Сеадет-Гиреем, Мурад-Гиреем и Сафа-Гиреем. Занявший трон Сеадет-Гирей II через полтора месяца был изгнан османскими войсками. Ислам-Гирей II вновь занял бахчисарайский престол. Однако калге Алп-Гирею не удалось полностью разгромить Сеадет-Гирея и его братьев. Мятежные Гиреи, отступив со своими сторонниками из Крыма, намеревались продолжать борьбу за престол при поддержке Москвы. Сеадет-Гирей II по инициативе Б. Ф. Годунова фактически был признан «законным царем». Прибывший в Москву его брат Мурад-Гирей принес шерть за себя и своих братьев. В июле 1586 г. Мурад-Гирей был отправлен русским правительством в Астрахань, где предполагалось создать базу для вторжения Сеадет-Гирея в Крым[174]. Однако это являлось только одной из целей водворения Мурад-Гирея в Астра-

[173] Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. 1. М., 1975. С. 343.

[174] *Беляков А. В., Виноградов А. В.* Мурад-Гирей: Служилый Чингисид в России или претендент на крымский престол? // Тюркологический сборник: 2011—2012. М., 2013. С. 11—59.

хань. Одновременно предполагалось организовать усиление контроля Москвы над Большой Ногайской Ордой и расширить влияние на Кавказе[175]. Кроме того, само пребывание представителя династии Гиреев в Астрахани затрудняло реализацию планов нового похода османских войск в Нижнее Поволжье, к которым Порта вернулась в условиях войны с Сефевидами.

Для хана Ислам-Гирея II ситуация усложнялась: в условиях третьего бескоролевья 1586—1588 гг., сопровождаемого усилением антикрымских операций приднепровского казачества, заключить антимосковское соглашение с Речью Посполитой о совместном противодействии давлению на Крым со стороны Русского государства было невозможно. Дипломатическим путем проблема не решалась. В Москве было известно о тяжелом кризисе в Крымском ханстве, и с ним были связаны неудачи нескольких крымских миссий в Россию. Более того, посол Янши-мирза Яшлавский, отправленный в Москву еще ханом Мухаммед-Гиреем II, перешел на сторону Сеадет-Гирея II[176]. Москва откровенно угрожала хану Ислам-Гирею II вторжением в Крым мятежных «царевичей». Ситуация усугублялась захватом донскими казаками в 1585 г. эмиссара Порты, бывшего приближенного ханов Девлет-Гирея I и Мухаммед-Гирея II Муслы аталыка, отправленного из Стамбула к Сеадет-Гирею и его братьям с предложениями от султана примириться с Ислам-Гиреем II. Муслы аталык был препровожден в Москву. Требования о его освобождении из Бахчисарая и Стамбула были проигнорированы[177]. После смерти в 1587 г. Сеадет-Гирея II Б. Ф. Годунов, судя по всему, отказался от плана поддержать вторжение в Крым братьев царевича.

Ситуация была чревата прямым военным столкновением с Портой. Мурад-Гирей по-прежнему оставался в Астрахани, активно участвуя в «ссылках» с кавказскими правителями, а Сафа-Гирей, пребывая на Северном Кавказе и будучи неподконтрольным московскому правительству, начал вести свою политическую игру. В начале 1588 г., после внезапной смерти хана Ислам-Гирея II, в Крыму водворился прибывший туда из Стамбула Гази-Гирей. Его целью было добиться консолидации Крымского ханства и восстановления политического влияния Бахчисарая в причерноморской степной зоне и на Кавказе. Частично это было достигнуто уже весной 1588 г., когда в Крым вернулся Сафа-Гирей с большой группой сторонников из числа крымской знати. Однако Мурад-Гирей в Крым возвращаться отказался. Б. Ф. Годунов связывал его отъезд в Крым с заключением очередного «докончания» с четко зафиксированным отказом от нападений на Российское государство. Царевич по-прежнему являлся главной силой давления на Крым и препятствием усилению позиций Порты на Кавказе. Этот аспект пребывания Мурад-Гирея в Астрахани активно использовался и в дипломатических связях с иранскими Сефевидами. При переговорах в Персии с участием отправленного к шаху посольства князя Г. Васильчикова стало ясно, что Москва рассматривает Мурад-Гирея как центральную фигуру для формирования на Кавказе антиосманской коалиции[178].

---

[175] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2001. С. 334—335.

[176] От него произошел известный в XVII в. боярский род князей Сулешевых.

[177] *Беляков А. В., Виноградов А. В.* «Дело Муслы аталыка»: К истории военно-политического противостояния Речи Посполитой, Русского государства и Порты в период династического кризиса в Крыму в 1584—1588 гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 6. Казань, 2014. С. 51—61.

[178] Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1: Царствование Федора Ивановича / Под ред. Н. И. Веселовского. СПб., 1898. С. 52—53.

В этих обстоятельствах хан Гази-Гирей II после прихода к власти в Бахчисарае в начале 1588 г. был вынужден взять курс на установление отношений с Москвой, по крайней мере на период достижения им консолидации «Крымского юрта». Однако препятствием для проведения этой политики было то, что в Астрахани продолжал сидеть Мурад-Гирей. Отказавшись от амбициозных планов посадить «царевича» на крымский престол, Москва все еще видела в нем фактор давления на Бахчисарай. В 1588—1590 гг. интенсивные посольские «ссылки» между Москвой и Бахчисараем не привели к решению проблемы Мурад-Гирея. В 1590 г. «царевич» был вновь демонстративно приглашен в Москву. Б. Ф. Годунов не исключал его отъезда в Крым на своих условиях, для чего в Бахчисарай снаряжалось особое посольство. Все это побудило Гази-Гирея II в свою очередь угрожать России тем, что он может примкнуть к антимосковской коалиции Речи Посполитой и Швеции (провал этих планов стал очевиден после заключения в Москве договора в начале 1591 г. о продлении перемирия с Речью Посполитой), а затем начать организацию нового крупномасштабного похода на Русское государство. Из этого не следует, что хан планировал поход именно на лето 1591 г., но к такому решению его подтолкнули стремительные изменения в династической ситуации — отравление в Астрахани Мурад-Гирея весной 1591 г., а также новая угроза быть смещенным с престола и замененным одним из бежавших к султану «царевичей» (Алп-Гиреем или Селамет-Гиреем). Для расследования смерти Мурад-Гирея из Москвы в Астрахань была послана следственная комиссия во главе с О. М. Пушкиным, которая показала, что убийство было результатом заговора ногайских мирз, возможно инспирируемого Портой. Правительство царя Федора Ивановича, возглавляемое Б. Ф. Годуновым, видевшим в ослаблении Крыма одну из своих главных внешнеполитических задач, в целом достаточно ясно представляло себе ситуацию, сложившуюся в это время в русско-крымских отношениях. Гибель Мурад-Гирея явилась поводом для похода хана Гази-Гирея II на Москву. Однако подготовка к отражению возможного крымского нападения началась еще весной 1591 г., до получения известий о смерти в Астрахани крымского царевича.

Крымцы, преодолев Оку, были остановлены под Москвой, где русские войска заняли укрепленные позиции в районе современного Данилова монастыря. Ханские войска вышли к Москве 4 июля 1591 г., а 5 июля состоялось ожесточенное сражение. Отбив все атаки крымцев, русские войска ночью атаковали ханскую ставку в районе села Коломенского, после чего 6 июля крымцы беспорядочно отступили. Их арьергард был разгромлен при переправе через Оку. Этот провал самого крупного после 1572 г. крымского нападения на Русское государство привел к очередному повороту крымской политики в сторону улучшения отношений с Москвой. С осени 1591 г. по весну 1593 г. последовал ряд дипломатических маневров, которые завершились осенью 1593 г. посольским съездом-разменом на реке Сосне под Ливнами. Его проводил бек Ахмед-паша Яшлавский, который шертовал перед русскими разменными послами князьями Ф. И. Хворостининым и Б. Я. Бельским. Шерть принесли также представители основных крымских кланов. После этого посольство князя М. А. Щербатова отправилось в Крым для ведения переговоров о заключении очередного «докончания». В Москву двинулось посольство бека Ишмаметя Ширинского. В апреле 1594 г. в Бахчисарае посольством князя М. А. Щербатова и дьяка А. Демьянова был заключен русско-крымский договор. Он предусматривал отказ от нападений крымцев на территорию Русского государства. Договор был утвержден принесением

шерти ханом Гази-Гиреем II[179]. Силы крымской орды по приказу Порты были брошены в Центральную Европу и приняли активное участие в войне с австрийскими Габсбургами. Мирная передышка была использована Москвой для укрепления южных рубежей страны. В течение 1590-х гг. на русской границе по указам царей Федора Ивановича и Б. Ф. Годунова были построены крепости Елец (1592), Белгород и Оскол (ныне Старый Оскол) (1596), Царев Борисов (1599). Возводились также новые засечные черты.

Таким образом, период 1591—1598 гг. ознаменовался серьезными изменениями всего спектра русско-крымских отношений. Крымское ханство, вовлеченное в войну Порты против Священной лиги и ослабленное продолжающимися династическими распрями Гиреев, было не в состоянии прибегать к традиционным, установившимся еще в первой четверти XVI в. формам военно-политического давления на Москву. Политика «набеговой агрессии», успешно осуществлявшаяся на протяжении долгих десятилетий, постепенно уходила в прошлое. После похода 1591 г., организованного наспех, что проявилось в неготовности крымской орды к крупномасштабному столкновению с русскими силами, вплоть до 1598 г. имело место только одно успешное нападение на территорию Русского государства — набег Фетх-Гирея 1592 г. Кардинально изменился и характер претензий крымской стороны к Москве. Уже осенью 1591 г. Гази-Гирей II окончательно снял вопрос об «уступке мусульманских юртов». Это было сделано при переговорах его эмиссара Ямгурчея аталыка сначала с посольским дьяком А. Я. Щелкаловым, а затем в августе 1593 г. с Б. Ф. Годуновым. В дальнейшем вопрос о Казани и Астрахани уже не фигурировал ни в посланиях хана московскому государю, ни в «посольских речах» крымских дипломатов. Естественно, официально крымский хан от своих притязаний не отказывался, но после 1591 г. Крым постепенно терял возможности дипломатического давления на Москву. Напротив, возможности русской дипломатии возрастали по мере укрепления связей России с австрийскими Габсбургами и Сефевидами.

Крымское ханство уже не имело возможности прибегать и к вовлечению в военные акции против Москвы Больших Ногаев. С 1590-х гг. шло неуклонное ослабление Большой Ногайской Орды, вызванное целым комплексом причин долговременного характера. Москвой же был упрочен военно-дипломатический контроль над Большой Ногайской Ордой, что показал провал действий крымской дипломатии по организации ногайских нападений на Русское государство весной 1596 г. Серьезным фактором, ослаблявшим позиции Крыма, явилась сохранявшаяся политическая нестабильность внутри ханства. На протяжении 1591—1596 гг. русско-крымские дипломатические «ссылки» осуществлялись под знаком нарастающего в Крыму очередного династического кризиса. Речь шла о столкновении хана Гази-Гирея II с его братом калгой Фетх-Гиреем. Все это вело к пересмотру по инициативе Б. Ф. Годунова формата русско-крымских отношений. Традиционное отправление в Крым «запросных» денег — десять тысяч рублей как главное условие принесения ответной шерти ханом — в скором времени фактически было сорвано Москвой. Общая сумма выплат в Крым в 1593—1594 гг. как в форме поминок, так и запросов и жалования в денежном эквиваленте достигла более двадцати тысяч рублей, и Б. Ф. Годунов исходил из того, что выплаты в таком размере при каждом посольском размене неприемлемы. С лета

[179] Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством, хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства иностранных дел // Известия Таврической архивной комиссии. № 9. Симферополь, 1890. С. 45—47.

1594 г. по весну 1596 г. русская сторона отказалась выполнять обязательства по вводу в действие договора 1594 г., фактически уклонилась от его ратификации традиционным крестоцелованием московского государя на крымском противне договора. Формально это объяснялось «незнанием» того, где находился в тот момент хан, но в действительности в этом решении проявилось нежелание отправлять деньги в Крым в условиях вовлечения хана в войну против антиосманской коалиции с неясными для него перспективами. Все это было оформлено приговором царя с боярами в мае 1595 г., когда посольство бека Ишмаметя Ширинского отпустили из Москвы без посольского размена. Отказ от посольского размена по инициативе Москвы неизбежно вел к конфликту с ханом Газы-Гиреем II. Этот конфликт нарастал и был прерван лишь смещением хана с престола Портой[180].

В целом итог интенсивных дипломатических «ссылок» Российского государства с Крымом 1591—1596 гг. оказался явно в пользу Москвы. Внешнеполитическая линия Б. Ф. Годунова в отношении Крыма принесла ощутимые результаты. А поскольку в то же время был завершен конфликт с Швецией и нейтрализована угроза разрыва перемирия со стороны Речи Посполитой, были созданы условия для изменения организации обороны южных рубежей страны. Отсутствие постоянной угрозы крымских нападений расширило возможности для активизации политики на Кавказе, а также для дипломатической игры с Сефевидами и австрийскими Габсбургами.

Взаимоотношения с Казанским ханством. В начале XVI в. одновременно произошло несколько событий, серьезно изменивших расклад сил на постордынском пространстве. Еще в 1480-е гг. сложились два противоборствующих военно-политических блока. С одной стороны — Русское государство, Крымское и Казанское ханства, с другой стороны — Великое княжество Литовское и Большая Орда. Противостояние завершилось разгромом Большой Орды в 1502 г. и поражением Великого княжества Литовского в войне с Москвой и Крымом 1500—1503 гг.

В этих условиях в 1502 г. при поддержке московских сил к власти в Казанском ханстве пришел хан Мухаммед-Эмин. Основные источники по истории Казанского ханства — русские летописи и дипломатические документы — не дают ясного ответа на вопрос, почему великий князь Иван III решил заменить казанского хана Абдул-Латифа на его старшего брата Мухаммед-Эмина. Вологодско-Пермская летопись говорит о том, что Абдул-Латиф изменил Ивану III[181]. Но по русско-крымским и русско-ногайским дипломатическим документам прослеживается другой мотив[182]. Абдул-Латифу так и не удалось урегулировать конфликт с ногаями, начавшийся после его прихода к власти в Казани, из-за чего казанские войска были вынуждены отражать набеги и не могли участвовать в коалиционной борьбе против Большой Орды. Очевидно, лидеры ногаев Муса и Ямгурчи были недовольны правлением Абдул-Латифа и требовали возвращения на казанский престол Мухаммед-Эмина[183], с

---

[180] *Виноградов А. В.* Дипломатическое противостояние Москвы и Бахчисарая после договора 1594 года: От мирного соглашения до династического кризиса в Крыму 1596—1597 гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 10. Казань, 2018. С. 33—62.

[181] ПСРЛ. Т. 26. М.; Л., 1959. С. 295.

[182] Сборник РИО. Т. 41; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турциею. Т. 1: С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России. СПб., 1884. С. 376.

[183] С 1487 по 1496 г. Мухаммед-Эмин уже занимал казанский престол.

которым они уже успели породниться и наладить отношения. Таким образом, в разгар противостояния с Большой Ордой и Москва и Крым были заинтересованы в примирении с ногаями, путь к которому лежал через политические изменения в Казани.

К 1502 г. Мухаммед-Эмин стал надежным союзником Ивана III и имел хорошие отношения с ногаями, поэтому его приход к власти предвещал начало долгого мира с Русью и Ногайской Ордой. Но после падения Большой Орды и поражения Великого княжества Литовского в 1502—1503 гг. ситуация стала меняться. В результате этих войн великий князь Иван III присоединил к своим владениям почти треть литовских земель, а крымский хан Менгли-Гирей — значительную часть кочевий Большой Орды. Так Московская Русь и Крымское ханство усилились настолько, что превратились в сильнейшие государства на постордынском пространстве и начали конкурировать между собой, в результате отношения между ними постепенно стали ухудшаться. На эти перемены чутко реагировала казанская политическая элита, тесно связанная с Крымским ханством[184].

На ухудшение московско-казанских отношений повлиял и вопрос о престолонаследии, обострившийся в последние годы правления Ивана III. Правительство Мухаммед-Эмина успело заключить соглашение с внуком Ивана III Дмитрием Ивановичем, коронованным в 1498 г., но в 1502 г. Иван III «положил опалу на внука своего» и «пожаловал своего сына Василья»[185]. Но Мухаммед-Эмин не хотел признавать Василия Ивановича (Василия III) в качестве законного наследника московского престола.

Другим камнем преткновения в отношениях не только с Казанью, но и с Крымом стало то, что в 1502 г. Иван III сослал Абдул-Латифа на Белоозеро. Крымский хан Менгли-Гирей и его супруга Нур-Султан неоднократно просили Ивана III простить и «пожаловать» Абдул-Латифа, на что великий князь отвечал, что он всего лишь «свел с Казани» Абдул-Латифа и держит его у себя. Обращения, перераставшие постепенно в требования и принимавшие ультимативную форму, продолжились. Видимо, в Крыму знали о действительном положении дел: Абдул-Латиф находился в заточении, о чем ясно свидетельствуют русские летописи[186]. Сообщение Устюжской летописи о «гневе» казанского хана на великого князя и дальнейший ход событий указывают на то, что и Мухаммед-Эмин был недоволен заточением младшего брата и добивался его освобождения. Но основной причиной недовольства казанцев, по мнению А. Г. Бахтина, было то, что русская сторона, желая усилить зависимость ханства, «вышла за пределы договорных условий»[187].

Вероятнее всего, поводом к началу открытого конфликта послужили события в Великой Перми. Весной 1505 г. Иван III сместил пермского князя Матвея из местной династии и установил наместнический режим[188]. Великая Пермь была важным зве-

[184] Вдобавок к тому, что родоначальник казанской династии хан Улуг-Мухаммед приходился двоюродным дядей основателю династии крымских ханов — Хаджи-Гирею, казанские ханы Мухаммед-Эмин и Абдул-Латиф стали пасынками крымского хана Менгли-Гирея, который после смерти их отца, казанского хана Ибрагима, женился на их матери Нур-Султан. Очевидно, что и основные правящие кланы двух государств (Ширин, Кыпчак, Аргын, Барын) были связаны не менее близкими родственными узами.

[185] ПСРЛ. Т. 26. С. 295.

[186] ПСРЛ. Т. 28. М., 1963. С. 335; Т. 6. Вып. 2. М., 2001. Стб. 367; Т. 8. М., 2001. С. 241; Т. 20. М., 2005. С. 373.

[187] Присоединение Среднего Поволжья к Российскому государству: Взгляд из XXI века: «Круглый стол» в Институте российской истории РАН. М., 2003. С. 19.

[188] Еще в начале своего правления в 1462 г. Иван III организовал поход на Великую Пермь, в результате которого пермский князь признал власть Москвы и крестился (см.: ПСРЛ. Т. 8. С. 150). Позже пермяки вновь перешли на сторону казанского хана, поэтому в 1472 г. московские войска ходили на Великую Пермь и

ном в пушной торговле как русских, так и татарских купцов, она граничила с Казанским и Тюменским ханствами и долгое время была объектом территориальных споров между Москвой и Казанью. Поэтому изгнание местного князя и установление власти московского наместника привели к военному конфликту одновременно с двумя ханствами.

Реакцией на смещение князя Матвея стал поход тюменского султана Кутлука в пермские земли. Симптоматично, что в Устюжской летописи после летописной статьи о нападении татар на Великую Пермь следует рассказ о погроме русских купцов Мухаммед-Эмином и о нападении казанцев на Нижний Новгород[189]. Очевидно, действия сибирских и казанских татар были согласованы. Причем важную роль в этом сыграли ногаи, поддержавшие тюменского султана и участвовавшие в походе казанского хана на Нижний Новгород. Таким образом, в 1505 г. Мухаммед-Эмин резко изменил внешнеполитический курс Казанского ханства.

В ответ на это в 1506 г. новый государь Василий III организовал большой поход на Казань. Его войска потерпели поражение под Казанью. По численности войск Казанское ханство значительно уступало Русскому государству, но в данном случае казанцам удалось одержать победу во многом за счет правильно выбранной тактики ведения боя, при которой удалось внезапно атаковать противника и по отдельности разгромить московские рати, не допустив их объединения. Возможно, одним из организаторов этих маневров был сам Мухаммед-Эмин, поскольку он имел значительный опыт в совместных русско-татарских походах против Большой Орды и Литвы и хорошо знал сильные и слабые стороны московских войск.

В марте 1507 г. военные действия против Москвы начал польский король и литовский великий князь Сигизмунд I, желавший вернуть земли Великого княжества Литовского, утраченные в ходе русско-литовской войны 1500—1503 гг. В связи с этим Василий III был вынужден пойти на мирные переговоры с Мухаммед-Эмином.

Соглашение о перемирии было подписано Мухаммед-Эмином в 1508 г.; в 1509 г. Василий III освободил Абдул-Латифа и пожаловал его городами Юрьевом и Каширой с волостями. Казанская сторона освободила посла Михаила Кляпика и других пленных. Но до подписания мирного договора было еще далеко. Несколько лет стороны обменивались посольствами, и только к 1512 г. удалось заключить «вечный мир». Причем ни летописи, ни дипломатические документы точно не сообщают, какие вопросы решались в ходе этих переговоров, поэтому о сути дела можно только догадываться. В 1510 г. Менгли-Гирей отправил в Москву и Казань свою супругу Нур-Султан с посольством. Ханша уже давно хотела повидаться со своими сыновьями Мухаммед-Эмином и Абдул-Латифом, при этом важнейшей задачей ее посольства было урегулирование конфликта. В результате долгих трехсторонних переговоров к марту 1512 г. казанский «посол Шаусеин-сеит, мир вечный взяли с великим князем»[190].

Однако уже в мае 1512 г. Василий III вновь отправил Абдул-Латифа в заточение. Это привело к новому обострению межгосударственных отношений и возобновлению переговоров. В ноябре 1514 г. Сигизмунд I направил к Мухаммед-Эмину послание, в котором просил хана не заключать мир с

восстановили великокняжескую власть над ней (см.: Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 241—270). А в 1505 г. появилась возможность упрочить великокняжескую власть путем введения наместнического правления.

[189] ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 52.

[190] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 394.

московским государем. В июне 1516 г. он отправил в Казань еще одну грамоту с предложением совместных военных действий против Москвы. Вероятно, Сигизмунд I пытался создать антирусскую коалицию в составе Ливонии, Крымского и Казанского ханств, но казанский хан на закате своей жизни отошел от активной внешней политики и не реагировал на эти предложения.

К тому времени Мухаммед-Эмин тяжело заболел, и на первый план встал вопрос о судьбе казанского престола. Единственный наследник из казанской династии все еще находился в заточении, и, для того чтобы его вызволить и сделать своим преемником, в июне 1516 г. хан отправил в Москву посольство, которое добилось освобождения Абдул-Латифа. Несмотря на то что кандидатура Абдул-Латифа не устраивала Москву, великий князь, видимо из-за опасений войны на два фронта, все же согласился на это и «Абдыл Летифа царя из нятства выпустил и с сердца ему сложил, и дал ему город Коширу в своей земли»[191]. Однако 19 ноября 1517 г., за год до смерти Мухаммед-Эмина, Абдул-Латиф скоропостижно скончался в Кашире.

Таким образом, правление Мухаммед-Эмина (1502—1518) явилось периодом продолжительной внутриполитической стабильности в Казанском ханстве. Источники не сообщают о каких-либо событиях, связанных с конфликтами вокруг ханского престола. Это было третье и наиболее успешное правление Мухаммед-Эмина ханством[192], к тому времени он обладал уже большим опытом. Укреплению авторитета хана способствовали и успехи на внешнеполитической арене. Мухаммед-Эмин не только одержал победу над московскими войсками в 1506 г., но и в последующие годы наладил хорошие отношения с Крымским ханством, Ногайской Ордой и Польско-Литовским государством, что в итоге на время подорвало влияние России в Среднем Поволжье. При этом его внешнеполитическая активность не ограничивалась постордынским пространством.

Так, сохранились сведения о дипломатических связях Мухаммед-Эмина с могущественным среднеазиатским правителем Мухаммедом Шейбани. Известно, что тот написал стихотворение, восхваляющее победу Мухаммед-Эмина над великокняжескими войсками в 1506 г., и послал к казанскому хану поэта Гулама Шади, занимавшего видное место среди стихотворцев его державы[193]. Отправление такого человека в Казанское ханство было знаком особого внимания и дружеским жестом со стороны Мухаммеда Шейбани. При этом очевидно, что Гулам Шади прибыл в Казанское ханство с определенными политическими инструкциями. Мухаммед Шейбани стремился к возрождению великой мусульманской империи периода раннего ислама и одновременно хотел завоевать все земли, некогда входившие во владения Чингисхана и его потомков. Демонстрируя победы и достижения своего правления словами талантливого поэта и оратора, он стремился показать значимость своей персоны в деле возрождения мусульманского единства и склонить казанского хана к военно-политическому сотрудничеству. Но этим планам помешала гибель воинственного Мухаммеда Шейбани в 1510 г.

После смерти хана Мухаммед-Эмина в 1518 г. казанцы, следуя его политике, склонились к союзу с Москвой и возвели на ханское место служилого царевича Шах-Али. Правительство Василия III, пользуясь

[191] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 406—407. См. также: ПСРЛ. Т. 8. С. 260; Т. 28. С. 351.

[192] В 1486 г. Мухаммед-Эмин был изгнан своим старшим братом Ильхамом, через год при поддержке Ивана III Мухаммед-Эмин вернулся на казанский престол, но в 1496 г. казанцы вновь изгнали его, обвинив в насилии.

[193] Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков: (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969. С. 48.

малолетством и зависимостью Шах-Али, резко усилило свое влияние в Казанском ханстве. Впоследствии его вмешательство в дела ханства вызвало недовольство казанцев и привело к свержению хана в 1521 г.

Важную роль в этом сыграл и крымский хан, выдвигавший на казанский престол своих родственников. Еще во время предсмертной болезни Мухаммед-Эмина крымский хан Мухаммед-Гирей предложил Василию III кандидатуру одного из крымских царевичей. Но великий князь опасался Гиреев и поэтому ничего о данном деле послу в Крым «не наказал»[194]. Когда Мухаммед-Эмин скончался, Мухаммед-Гирей пытался отправить на ханское место в Казань одного из своих младших родственников — Сахиб-Гирея или Хаджибека, но из-за конфликта с Бахтияром Ширином[195] не сделал этого. Русско-крымские посольские документы указывают на причастность к этому конфликту и Василия III, под влиянием которого Бахтияр Ширин, отказав оглану Казы-Гирею, обручил свою дочь с сыном большеордынского хана Ахмада — заклятого врага Гиреев. То есть Бахтияр Ширин намеренно пошел на конфликт с Гиреями. По мнению И. И. Смирнова, Василий III опирался на Ширинов и в деле возведения Шах-Али на казанский престол[196].

Мухаммед-Гирей не мог смириться с тем, что правителями в Касимове, а затем и в Казани стали потомки хана Ахмада. Поэтому в 1521 г., когда в Крым прибыло казанское посольство с жалобами на Шах-Али и просьбой дать одного из Гиреев для правления ханством, Мухаммед-Гирей отправил в Казань своего младшего брата Сахиб-Гирея. Узнав об этом, Шах-Али покинул Казань. Новым казанским ханом был провозглашен Сахиб-Гирей. Это привело к открытой военно-политической конфронтации Казани с Москвой, продолжавшейся с незначительными перерывами вплоть до завоевания Казанского ханства.

В 1523 г. ногаи, опасаясь усиления крымцев, убили Мухаммед-Гирея и совершили опустошительный набег на Крым. Воспользовавшись ослаблением Крымского ханства, Василий III организовал три военные экспедиции против Казанского ханства. В 1523 г. московские войска на границе возвели крепость Василь-город (Васильсурск), которая стала опорным пунктом для похода на Казань. В 1524 г. в походе на Казань участвовали конная и судовая рати, во главе которых стояли двадцать воевод. Источники по-разному описывают это событие. Русские летописи говорят о том, что поход 1524 г. закончился успешно: великокняжеские силы одержали победу над ханскими войсками и «начаша приступати к граду», поэтому казанцы пошли на заключение перемирия «на всей воли великого князя»[197]. В посланиях Василия III польскому королю сообщалось, что в результате этого похода великий князь «лихих казанских людей» казнил и хана «на Казани посадил из своих рук»[198]. Автор «Казанской истории», наоборот, показал неудачный исход войны: великокняжеская конница, одолев ханские войска, не решилась на штурм города, так как узнала о разгроме судовой рати и потере стенобитных орудий. По заключению «Казанской истории», на обратном пути москвичей постигли голод и болезни, в результате не осталось в живых и половины того войска, что ходило под Казань[199]. С. Герберштейн, указав на воен-

[194] Сборник РИО. Т. 95. С. 598.

[195] Бахтияр Ширин был карача-беком (главой) наиболее влиятельного клана в Крыму. При этом род Ширинов занимал ключевые позиции и в политической жизни Казанского ханства.

[196] *Смирнов И. И.* Восточная политика Василия III // Исторические записки. Т. 27. М., 1948. С. 34.

[197] ПСРЛ. Т. 23. М., 2004. С. 203; Т. 8. С. 270—271; Т. 13. Ч. 1. СПб., 1904. С. 44; Т. 20. С. 402—403.

[198] Сборник РИО. Т. 35. С. 695.

[199] Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. СПб., 2001. С. 324.

ные промахи русского командования, пришел к выводу, что война закончилась на условиях продолжения переговоров в Москве, причем вернулась «едва не половина воинов»[200]. Вероятно, наиболее достоверная оценка кампании 1524 г. дана автором «Казанской истории» и С. Герберштейном. В случае решительного успеха московского оружия великий князь едва ли был вынужден вести многолетние мирные переговоры с неугодным ему представителем крымской династии на казанском троне.

В 1524 г. в Казанском ханстве произошла смена власти. Хан Сахиб-Гирей вызвал из Крыма своего племянника Сафа-Гирея и, оставив его вместо себя в Казани, отправился в Крым, а затем в Стамбул. М. Г. Худяков предположил, что Сахиб-Гирей покинул Казань, для того чтобы самому занять крымский престол, судьба которого решалась в Стамбуле[201]. Казанским ханом был провозглашен Сафа-Гирей, которому на момент приезда в Казань было тринадцать лет.

Несмотря на эти перемены, казанцам удалось оказать успешное сопротивление великокняжеским войскам и нанести ощутимый урон им в войне 1524 г. В ходе мирных переговоров, продолжавшихся с 1525 по 1529 г., сторонам было крайне сложно договориться, о чем свидетельствует частое изменение состава посольств. Василий III добивался патроната над Казанским ханством, а Сафа-Гирей отстаивал принципы равноправных («братских») отношений. Камнем преткновения в переговорах стал в том числе вопрос о переносе казанской ярмарки под Нижний Новгород, инициированный великим князем, который, по словамС. Герберштейна, «рассчитывал, что перенесение ярмарки нанесет большой урон казанцам, и что их можно будет даже заставить сдаться». «Но от такого перенесения ярмарки, — продолжает С. Герберштейн, — Московия претерпела ущерб не меньший, чем казанцы, так как следствием этого явились дороговизна и недостаток очень многих товаров, которые привозились по Волге от Каспийского моря с астраханского рынка, а также из Персии и Армении...»[202]

Переговоры зашли в тупик, и война возобновилась. В 1530 г. московские войска вновь выступили в поход на Казань конной и судовой ратью. Сведения источников о войне 1530 г. противоречивы. Согласно Воскресенской, Никоновской и Львовской летописям, она завершилась подписанием договора, по которому казанцы присягнули на верность великому князю и признали за ним право назначения ханов[203]. Между тем Софийская 2-я летопись и «Казанская история» говорят о неудачах военной экспедиции 1530 г. Из-за местнического спора между воеводами войска понесли большие потери и лишились обоза вместе с орудиями. Поэтому не было возможности продолжать осаду Казани, и воеводы великого князя вернулись, не достигнув поставленной цели[204].

В ходе мирных переговоров Василий III потребовал признать за собой право назначения ханов на казанский престол, вернуть захваченные орудия и освободить военнопленных. В свою очередь хан Сафа-Гирей потребовал от московского посольства освобождения своих людей, в том числе военнопленных и членов посольства, а также возвращения пушек и пищалей, захваченных москвичами.

Задержанные в Москве казанские послы предложили великому князю объявить ханом Шах-Али, который уже занимал казан-

---

[200] *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 73.

[201] *Худяков М. Г.* Очерки по истории Казанского ханства. С. 89—91.

[202] *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 179.

[203] ПСРЛ. Т. 8. С. 273. См. также: Т. 13. Ч. 1. СПб., 1904. С. 45—47. Т. 20. С. 406—407.

[204] ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 265; Казанская история. С. 328—332.

ский престол в 1519—1521 гг. При этом они заверили Василия III, что их родственники и противники Сафа-Гирея примут «государево жалование» и выберут себе ханом Шах-Али. В декабре 1531 г. Василий III отправил хана Шах-Али и казанских послов в Нижний Новгород, откуда боярин князь В. В. Шуйский разослал великокняжеские грамоты о «жаловании» нового хана «ко всей земли Казанской»[205].

Все это спровоцировало конфликт, в результате которого в мае 1532 г. казанцы во главе с князем Булатом Ширинским выслали Сафа-Гирея вместе с его крымскими и ногайскими советниками, но вместо Шах-Али попросили у Василия III на ханское место его младшего брата — царевича Джан-Али. В этом вопросе великий князь пошел навстречу казанцам, и уже в июне 1532 г. Джан-Али стал ханом. Для укрепления позиций своего ставленника Василий III согласился на брак Джан-Али с Сююмбике, дочерью ногайского мирзы Юсуфа. Однако правление Джан-Али в Казани продлилось лишь до 1535 г. Важнейшей причиной его свержения было ослабление московского влияния, вызванное неудачами в русско-литовской войне и нарастанием внутриполитического конфликта в Москве. При этом из-за нападений касимовских татар на ногайские караваны были испорчены русско-ногайские отношения, что не позволило московскому ставленнику на казанском престоле заручиться поддержкой Ногайской Орды.

В сентябре 1535 г. в Москву пришла тревожная весть о том, что казанцы предложили Сафа-Гирею вернуться на ханский престол. В результате очередного переворота казанским ханом вновь стал Сафа-Гирей, а Джан-Али был убит. В посольских донесениях русского посла Д. Губина подчеркивалась причастность ногайского мирзы Юсуфа к свержению Джан-Али. Позже Юсуф обвинил в убийстве Джан-Али казанского князя Булата Ширина, который втайне от «земли» пригласил править Сафа-Гирея.

Джан-Али поддержали в 1532 г. и свергли в 1535 г. одни и те же люди — представители казанской аристократии, возглавляемые князем из рода Ширинов. Тем не менее М. Г. Худяков, И. И. Смирнов, А. Г. Бахтин и некоторые другие историки полагали, что эти события были проявлением борьбы двух конкурирующих группировок казанской знати: прорусской и восточной партий[206]. Современник этих событий Мухаммад-Шарифи в «Зафер наме-и Вилайет-и Казан» объяснил произошедшее следующим образом: «В соответствии с необходимостью эпохи, в целях обеспечения богатства и благополучия страны, спокойствия и безопасности народа, для обеспечения мира правители прекрасного города Казани прикидывались друзьями, обменивались послами и государственными людьми»[207]. То есть, по мнению Шарифи, в 1532 г. казанская знать пошла на принятие московского ставленника лишь для того, чтобы сохранить мир, поскольку в это время, по выражению поэта, им было «неоткуда ждать помощи и поддержки»[208]. Но в 1535 г. ситуация изменилась. Крымский хан Сахиб-Гирей, разбив основные силы мятежников во главе с Ислам-Гиреем[209], выступил против Москвы в союзе с Литвой

---

[205] ПСРЛ. Т. 8. С. 275—276. См. также: Т. 13. Ч. 1. С. 55—56; Т. 20. С. 408—409.

[206] *Худяков М. Г.* Очерки по истории Казанского ханства. С. 95; *Смирнов И. И.* Восточная политика Василия III. С. 65; *Бахтин А. Г.* Русское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV—XVI веках. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. С. 188.

[207] *Шерифи Х.* Зафер наме-и Вилайет-и Казан // История татар с древнейших времен: В 7 т. Т. 4: Татарские государства XV—XVIII вв. Казань, 2014. С. 944.

[208] Там же.

[209] Сын крымского хана Мухаммад-Гирея, племянник Сахиб-Гирея, претендовавший на ханское место в Крыму.

и направил своего племянника Сафа-Гирея в Казань.

Во время второго правления в Казани Сафа-Гирей помимо Крыма опирался и на поддержку Ногайской Орды, находившейся в тот момент на пике своего могущества. Для укрепления своих отношений с ногаями он женился на дочери ногайского мирзы Юсуфа Сююмбике[210] и провел административные преобразования. Вероятнее всего, именно в это время на юго-востоке Казанского ханства появилось новое территориальное образование, получившее название «Мангытский юрт», или «Ногайская даруга»[211]. Казанский хан пожаловал кочевников Ногайской Орды правом выпаса скота в степной части этой провинции. При этом оседлое население Ногайской даруги подчинялось хану. Скорее всего, тогда же были установлены ежегодные выплаты в пользу ногайских правителей и введен пост ногайского бека[212] Казанского ханства[213].

Укрепившись на казанском престоле, Сафа-Гирей вместе с ногаями и астраханскими татарами организовал ряд военных походов против Русского государства. Основной удар пришелся на нижегородские, костромские, галичские и муромские земли. Эти походы имели вполне конкретные политические цели, так как известно, что во второй половине 1530-х гг. Казанское ханство присоединилось к антимосковской коалиции в составе Польши, Литвы и Крыма. Но, после того как на польско-литовском направлении военных действий стратегическая инициатива перешла к московским силам и в 1537 г. стороны заключили перемирие, Сафа-Гирей при посредничестве крымского хана Сахиб-Гирея инициировал мирные переговоры с Иваном IV, в ходе которых Гиреи отстаивали принципы «братства» и не признавали «старшинство» великого князя над казанским ханом. По этому вопросу стороны не смогли договориться, и переговоры завершились безрезультатно в 1542 г.

Неизвестно, как развивались события в истории Казанского ханства до середины 1540-х гг. После нападения московских войск на ханство в 1545 г. против Сафа-Гирея созрел заговор, во главе которого встали казанские князья Кадыш и Чура Нарыков. Заговорщики предложили великому князю выдать хана и тридцать крымцев, при условии что в Казань будут направлены воеводы. Московское правительство согласилось. В январе 1546 г. казанцы «согнали» Сафа-Гирея и попросили великого князя прислать на правление Шах-Али. Однако Сафа-Гирей, заручившись поддержкой астраханского хана, попытался вернуться к власти, и, видимо, из-за этого Шах-Али не удалось сразу занять казанский престол.

После того как поход Сафа-Гирея потерпел неудачу, 13 июля 1546 г. Шах-Али прибыл в Казань. Но уже через месяц, когда Сафа-Гирей с ногайскими войсками вновь приблизился к Казани, Шах-Али покинул город. На этот раз Сафа-Гирей вернул себе престол и, придя к власти, расправился с Чурой Нарыковым, Баубеком, Кадышем и другими заговорщиками. Некоторые противники Сафа-Гирея бежали в Москву.

Часть казанской знати была недовольна многолетней войной с Москвой, которая приносила людские потери и большие материальные убытки. Казанцев возмущало и то, что Сафа-Гирей обогащал выходцев из Крыма, приходивших на ханскую службу. В письме ногайских мирз Ивану IV го-

---

[210] Она была вдовой предшествующего казанского хана Джан-Али.

[211] Ногайская даруга — территория Казанского ханства, степная часть которой предоставлялась ногаям правого крыла для летних кочевий.

[212] Соправитель Ногайской даруги, назначавшийся казанским ханом и получавший определенный доход из ханской казны.

[213] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. Казань, 2016. С. 193—194.

ворится о том, что хан «чинит насилие» над казанцами, изымая доходы, которые должны были передаваться по наследству: «У ково отца не стало, и он отцава доходу сыну не давал. А у ково брата болшово не станет, и он тово доходу меншому брату не давал»[214]. Сафа-Гирей был решительным правителем и опытным полководцем, поэтому мог пойти на многое ради военных успехов и выполнения своих союзнических обязательств перед Крымом. Впрочем, по свидетельству другого современника событий, Сафа-Гирей был обладателем «сабли и пера», источником «благородства и щедрости»[215], т. е. просвещенным правителем.

В период своего второго правления Сафа-Гирей провел административно-территориальную реформу по учреждению Ногайской даруги и должности ногайского бека. Опираясь на ногаев, хан пытался ограничить привилегии правящих кланов, но вторично был свергнут. Но вскоре, при нерешительности Шах-Али, который бежал из Казани, едва услышав о приближении врага, ногаи помогли Сафа-Гирею вернуться к власти.

Подавив оппозицию, Сафа-Гирей продолжил свое энергичное правление, в ходе которого ему удалось отразить еще один крупномасштабный военный натиск — поход русских на Казань зимой 1547/48 г. В начале весны 1549 г., находясь во дворце, хан неожиданно скончался. На ханское место был возведен двухлетний сын Сафа-Гирея Утямыш-Гирей. При этом казанцы отправили послов в Крым с просьбой прислать к ним совершеннолетнего хана, но по пути в Крым послы были «побиты» мещерскими казаками. Но вскоре от имени Утямыш-Гирея к Ивану IV пришла грамота с просьбой о мире. Однако в Москве уже шли приготовления к новой военной экспедиции и переговоры о мире не продолжились. В конечном итоге эта война стала эпилогом истории Казанского ханства.

Присоединение Казанского ханства к Русскому государству. Завоевание Казани не являлось жизненно необходимой задачей для Русского государства именно в середине XVI в. В Москве еще не одно десятилетие готовы были мириться с существованием независимого татарского царства, главное, чтобы его политика находилась в общем фарватере с целями Русского государства. Но это ни в коей мере не отменяло постепенного продвижения Москвы на восток. Ее механизмы были вполне отработаны на примере Восточной Мещеры. Местные элиты могли надолго сохранить свою власть в регионе при соблюдении условия быть послушными воле московского государя. Однако постоянные противоречия, существовавшие среди отдельных кланов казанской аристократии, делали любые формы протектората невозможными. Замирение случалось только на время и обеспечивалось исключительно жесткой политикой того или иного хана.

Мы очень мало знаем о том, как принимались важнейшие властные решения в Казанском ханстве. Власть хана не была абсолютной[216]. Чингисид, севший на казанский престол, должен был учитывать интересы различных групп знати или же, опираясь на отдельных ее представителей, устанавливать автократическое правление. Вторая ситуация подразумевала наличие серьезной оппозиции, представители которой до времени должны были умалить свой голос или же отправиться во временную эмиграцию. О появлении так называемых русской

[214] Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой: 1551—1561 гг. Казань, 2006. С. 59.

[215] *Шерифи Х.* Зафер наме-и Вилайет-и Казан. Т. 4. С. 944.

[216] *Мухамедьяров Ш. Ф.* Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV — первая половина XVI вв.). Казань, 2012. С. 207—227; *Зайцев И. В.* Княжеские «юрты» Крымского ханства // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4. С. 188—206.

и крымской партий, непримиримо враждовавших между собой, можно говорить только с 1549 г.[217]

Неожиданная смерть Сафа-Гирея в 1549 г. означала для Казани конец достигнутого путем жестоких репрессий единства. Она послужила определенным катализатором дальнейшего развития событий, приведших к потере независимости Казанского ханства. Компромиссное решение о провозглашении новым ханом младшего сына Сафа-Гирея Утямыш-Гирея не исправило положения. Из Казани началась массовая эмиграция сторонников сближения с Россией. Москва активно стала зазывать их к себе. От них к царю поступило челобитье с просьбой о присылке на казанский престол касимовского царя Шах-Али. По зимнему пути было решено идти на Казань. Иван IV в сопровождении царя Шах-Али и царевича Ядгар-Мухаммеда бин Касая 12 февраля 1550 г. подошел к Казани. Полки простояли у стен города одиннадцать дней. Однако оттепель, сопровождавшаяся постоянными дождями, сделала штурм невозможным. Русское войско 25 февраля отправилось восвояси[218].

К следующей кампании подготовились основательней. Было решено построить на ближних подступах к Казани русскую опорную базу. Зимой 1550/51 г. под руководством дьяка И. Г. Выродкова началась заготовка необходимого для строительства новой крепости материала. Весной срубленные заранее крепостные стены и дома разобрали и спустили по воде до ранее выбранного места при впадении реки Свияги в Волгу, всего в 30 км от Казани. Датой закладки новой крепости стало 24 мая. Заново крепость собрали за четыре недели. В процессе сборки оказалось, что из-за особенностей рельефа заготовленных материалов не хватило. Часть леса пришлось рубить на месте[219]. Так возник Ивангород на Свияге (Свияжск). Крепости было уготовано стать главным опорным пунктом в последующей борьбе с Казанским ханством. Чтобы отвлечь казанцев от этой операции, к городу послали русскую рать во главе с князем П. С. Серебряным. Военные отряды также были направлены в другие регионы ханства. Для придания этим действиям легитимности во главе армии поставили изгнанного казанского хана Шах-Али. Здесь же находился военный отряд, состоявший из пятисот казанских эмигрантов.

Население Горной стороны (историческое название правобережья Волги в Казанском ханстве) — марийцы и чуваши — долго занимало выжидательную позицию. Теперь оно решило сделать ставку на московского царя: «а горние люди государю хотят служить». Они сами обратились к московскому государю за жалованной грамотой за золотой печатью[220]. Летом новые русские подданные совершили поход на Казань. Большого военного значения он не имел, однако со всей определенностью показал намерения марийцев и чувашей[221].

Успехи русского оружия и продолжившееся нарастание внутреннего кризиса привели к тому, что крымские выходцы из окружения Сафа-Гирея решили покинуть город. Около трехсот крымцев во главе с

---

[217] *Моисеев М. В.* Политическая борьба казанской знати: Историография и русские источники // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 5. Казань, 2013. С. 20—30.

[218] ПСРЛ. Т. 13. С. 169—160.

[219] *Хованская О. С.* Осада и взятие Казани в 1552 году: Историко-археологический очерк. Казань, 2010. С. 75—76.

[220] *Беляков А. В.* Где Иван IV выдавал грамоты за золотой печатью? // Диалог со временем. Вып. 80. 2022. С. 330—338; *Он же.* Жалованные грамоты за золотой печатью: История бытования и ареал распространения (об ордынской преемственности в вопросе инвеституры) // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10. № 1. С. 184—211; ПСРЛ. Т. 29. М., 2009. С. 62.

[221] ПСРЛ. Т. 13. С. 165.

Чингисидом огланом Кощаком побежали из города на север. Прямой путь в Крым им был отрезан. На реке Вятке их перехватили и разбили отряды Бахтияра Зюзина. Они пленили и отправили в Москву сорок шесть человек; по словам летописи, «государь их за их жестокосердие казнити велел смертию»[222].

В сложившихся условиях казанцы пошли на переговоры. Они отдали русским воеводам малолетнего хана Утямыш-Гирея, сына Сафа-Гирея, и его мать царицу Сююмбике. Шах-Али в третий раз стал ханом Казани. Потеря Горной стороны значительно сократила финансовые поступления ханства. К тому же многие были не готовы жить в новых политических реалиях. По версии Москвы, Казань следовало превратить в новый Касимов. В наказе новому хану Иван IV писал: «и укрепил бы Казань крепко государю да и собе, как Касимов городок, чтобы при нем и после его была неподвижна». Таким образом, русский царь был настроен на неспешную интеграцию этих земель в состав своей державы. Но это, а также традиционная нелюбовь казанцев к Шах-Али, вызванная как его происхождением от извечных противников Тукай-Тимуридов, так и личными качествами хана, привело к очередному витку обострения. Казанская элита в очередной раз не смогла договориться между собой. Для эскалации конфликта подходил любой повод. Началась новая волна эмиграции. Пытаясь упредить своих врагов, хан приказал убить около семидесяти князей, мирз и огланов, приглашенных перед этим на пир. Но данный шаг еще больше накалил обстановку[223]. История показывает, что местные элиты могли ненадолго объединиться только при одном условии: при непосредственной военной угрозе. Но теперь и это не срабатывало.

В январе 1552 г. часть казанской знати (Нур-Али ширин, Хосров и Алемердин-азей) предложили сместить Шах-Али и принять Казанское ханство в подданство России с сохранением автономного статуса. Ивана IV в городе должен был представлять наместник. На эту должность выбрали князя С. И. Микулинского. Под предлогом отъезда на рыбную ловлю Шах-Али в сопровождении стрельцов, касимовских татар и части казанской знати 6 марта 1552 г. покинул город и отправился в Свияжск[224].

Русский наместник 9 марта 1552 г. приблизился к городу. С ним в Казань ехали князья Ислам, Кебяк и мирза Алекей Нарыков. Они прискакали на конях в город, закрыли ворота и объявили, что наместнику дан приказ перебить всех татар. При этом они ссылались на сведения, полученные от городецких (касимовских) татар и самого Шах-Али. Им поверили. Мирное урегулирование было сорвано. Переговоры князя С. М. Микулинского с жителями Казани не дали результата. Русская сторона потеряла доверие ко всей татарской знати, выехавшей перед этим из города с Шах-Али. При возвращении в Свияжск их в «тюрму пометали». Теперь оставался только силовой сценарий развития событий, и он был неизбежен. В противном случае Иван IV был вынужден признать свое поражение. К тому же в Горной стороне начались отдельные восстания, впрочем, быстро локализованные и подавленные.

Часть казанцев, отказывавшихся подчиниться соглашению, начала поиск внешних союзников. Из Казани к ногайскому бию Юсуфу, занимавшему жесткую антирусскую позицию, в том числе и из-за судьбы своей дочери (царицы Сююмбике) и внука (хана Утямыш-Гирея), отправили посольство за помощью. Он предложил казанцам в ханы царевича Ядгар-Мухаммеда, а от военной помощи, похоже, отказался, заняв выжида-

[222] ПСРЛ. Т. 13. С. 198.
[223] Там же. С. 166—167.
[224] Там же. С. 172—174.

тельную позицию. Казань стали укреплять к осаде. Но времени было слишком мало.

В апреле 1552 г., по свидетельству разрядной книги, «царь и великий князь отпустил в судовой рати в плавных судех в Свияжской город бояр своих и воевод боярина князя Олександра Борисовича Горбатово да боярина и дворецково Данила Романовича Юрьева. И велел государь бояром своим и воеводам из Свияжского итти х Казани до ево, государева, приходу»[225]; 9 мая в Свияжск было велено идти воеводам из Мурома[226]. Несколько позднее водным путем из столицы туда же отправили артиллерию (наряд) и запасы. Иван IV и основные военные силы 16 июня выдвинулись из Москвы в Коломну; 19 июня царь был уже в городе. Отсюда водным путем он отпустил в поход через Городок (Касимов) прежнего казанского, а теперь касимовского царя Шах-Али («понеже велие тело имяше и не могы скоро на конех ездити»), который до этого безуспешно советовал перенести поход на зимнее время[227].

В Коломне 21 июня стало известно: «пришли крымские люди на Тульские места к городу х Туле». Сначала к городу подошел небольшой отряд, «сем тысешь», и, повоевав, отошел. Затем к крепости подошел сам крымский хан Девлет-Гирей I с артиллерией и янычарами турецкого султана. На помощь осажденным по первым известиям отправили войска. Узнав об этом, крымский хан, не приняв боя, отступил. Многих татар, бывших в это время «в загоне», побили и взяли в плен. Воеводы вернулись в Коломну 1 июля[228]. Девлет-Гирей знал о готовящемся казанском походе и рассчитывал воспользоваться отсутствием основных русских сил, однако неправильно рассчитал время для набега.

Царь 4 июля через Владимир двинулся на Муром. Часть полков была отправлена другим путем, через Рязань и Мещеру. Их встреча должна была состояться за Алатырем. В это время уже проходили активные подготовительные работы по пути движения полков, строились мосты и гати. Эта работа продолжалась и далее по пути следования войска. В ней активно участвовало местное мордовское, марийское и татарское население[229]. Иван IV 20 июля выдвинулся из Мурома. Он переправился через Оку и с основным войском двинулся в сторону реки Суры, к Алатырю. По дороге к ним присоединились отряды служилых татар и мордвы из Касимова и Темникова (Мещеры). Встретились два русских войска на Суре под Баранчеевым городищем. Путь следования московского царя детально описан, однако идентифицировать все упоминаемые в источниках объекты на настоящий момент не представляется возможным[230]. Полки 13 августа подошли к Свияжску. Здесь произошло соединение с войском и артиллерией, пришедшими в город заранее. Изголодавшаяся за время марша армия нашла в городе припасы. К Ядгар-Мухаммеду отправили послание от имени царя Шах-Али, чтобы, по выражению летописи, «от государя нашего не блюлся, поехал из города к государю нашему, государь его пожалует». Сам царь послал грамоту к Кул-Шерифу и всей земле Казанской[231]. Полки

---

[225] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 2. М., 1977. Л. 265 об. С. 408.

[226] Там же. Л. 266 об. С. 410.

[227] ПСРЛ. Т. 13. С. 184, 187.

[228] Там же. С. 189—191.

[229] *Бахтин А. Г.* XV—XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998. С. 130—131; *Заварюхин Н. В.* Очерки по истории мордовского края периода феодализма. Саранск, 1993. С. 27; *Свечников С. К.* Присоединение Марийского края к Русскому государству. Казань, 2014. С. 210—213; ПСРЛ. Т. 13. С. 199.

[230] *Хованская О. С.* Осада и взятие Казани в 1552 году: Историко-археологический очерк. Казань, 2010. С. 79—80.

[231] ПСРЛ. Т. 13. С. 199—201.

18 августа двинулись к Казани. По дороге к армии присоединялись отдельные представители казанской аристократии, недовольные ситуацией, сложившейся в ханстве[232].

Армия 23 августа подошла к Казани. Началась осада, которой руководил Шах-Али. Казань нельзя было назвать хорошо укрепленным городом. Пожалуй, только ханский дворец, расположенный при впадении в реку Казанку протока Булак, был защищен водными преградами. Город же был расположен к югу от ханского дворца на относительно равнинной местности, через которую от Кабан-озера в Казанку (с юга на север) протекал Булак, разделяя городское пространство на две части. Городские стены и башни были деревянными. Возможно, из камня были сооружены укрепления ханского дворца, хотя не исключено, что и они тоже были деревянными. Вызывает споры расстановка башен, упоминаемых в источниках. Ров перед городскими стенами, по данным археологии, представлял собой незначительное углубление — чуть более 1,5 м от древней поверхности. Ров-овраг, защищавший ханский дворец с юга, несомненно, был глубже и шире[233].

Историческая топография города Казани времени осады представлена в многочисленных исследованиях[234]. Город являлся самым крупным населенным пунктом ханства и ее столицей. По свидетельствам современников, Казань имела значительные размеры. Один из участников штурма города сравнивает его размеры со средневековым Вильно, отмечая, что Казань чуть меньше этого крупного столичного европейского города[235]. Вильно в описываемое время обладал укрепленной площадью около 90 га без незащищенного посада[236] с населением до 30 тыс. человек[237].

Имеющиеся материалы показывают, что Казань действительно была сопоставима с Вильно. Город состоял из нескольких частей. В нем выделяется неукрепленный посад площадью около 150 га, острог не более 70 га, включавший в себя «град» около 10 га и ханский двор менее 1 га[238]. Острог и «град» имели деревянные укрепления, ханский же двор был окружен каменными стенами, остатки которых были найдены при раскопках[239]. На линии стен находились многочисленные башни, и в их числе были одиннадцать острожных и градских

---

[232] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 2. Л. 272. С. 421.

[233] *Курбский А.* История о великом князе московском. С. 529—530; *Ситдиков А.Г.* Казанский кремль: Историко-археологическое исследование. Казань, 2006. С. 114—116; *Саначин С.П.* К вопросу реконструкции фортификации Казани 1550-х годов // Казань в Средние века и раннее Новое время: Материалы Всероссийской научной конференции. Казань, 2006. С. 66—74; *Он же.* Гипотеза фортификации столицы Казанского юрта в его последние дни // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 5. Казань, 2013. С. 73—89; ПСРЛ. Т. 13. С. 212, 214.

[234] *Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш.* Средневековая Казань: Краткий библиографический указатель. Казань, 2004. С. 116—121.

[235] *Курбский А.* История о великом князе московском. М., 2015. С. 54.

[236] *Дзикас Л.* Некоторые данные о росте территории Вильнюса в XII—XVI вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тезисы докладов. Псков, 1986. С. 45—46; *Vaitkevičius G.* Ankstyvasis Vilnius: įrodomumo vingiai in Kultūros paminklai. T. 7. Vilnius, 2000. P. 174.

[237] *Srebrakowski A.* The Nationality Panorama of Vilnius // Studia z dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. T. 55. Z. 3. 2020. S. 39.

[238] *Ситдиков А.Г.* Средневековая Казань: Историко-археологическое исследование (XI — первая половина XVI в.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2013. С. 17, 50.

[239] *Калинин Н.Ф.* Отчет о раскопках в Казанском кремле в 1935 г. и материалы к отчету (планы расположения, дневник раскопок) // АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 293. Л. 24—87; *Губайдуллин А.М.* Археологические исследования в северной части Казанского кремля (раскоп XLIII) // Археологические открытия в Татарстане: 2001 год. Казань, 2002. С. 7; *Ситдиков А.Г.* Казанский Кремль: История фортификации // Ученые записки Казанского государственного университета. 2010. Т. 152. Кн. 3. Ч. 1. С. 100—105.

ворот: Елбугины, Кабацкие, Сбойливые, Арские, Царские, Ногайские, Аталаковы и Тюменские. По городской территории протекала река Булак, вытянувшаяся вдоль западной стены града и острога. Булак делил неукрепленный посад на две части. По линии укреплений здесь располагались Муралеевы, Тюменские и Аталыковы ворота. Под ними на берегу Булака стояла Даирова баня. За Булаком, ближе к Царевому лугу, находились Отучева мечеть и местность, обозначаемая как Кураиш[240]. С северной стороны под стенами града и Елбугиными воротами протекала река Казанка, за которой на другом берегу начиналась Галицкая дорога. С восточной стороны под укрепленным острогом со Сбойливыми и Крымскими воротами располагались озера, за которыми был неукрепленный посад, размещавшийся на Старом городище и возвышениях на берегах озер. Напольная сторона острога с Арскими, Царевыми и Ногайскими воротами выходила на Арское поле с востока и озеро Кабан и реку Булак с запада, откуда от соответственных названиям ворот расходились на юг и восток Ногайская и Арская дороги[241].

В «граде» и ханском дворе располагались пять каменных зданий, четыре из них найдены и идентифицируются с ханским дворцом, ханской мечетью, ханским мавзолеем и мечетью Кул Шариф[242]. В неукрепленном посаде локализуется несколько каменных строений: Отучева мечеть, три бани, в том числе Даирова, а также два некрополя[243]. За пределами города располагались села и урочища, окруженные лесами и отделенные друг от друга природными преградами, в их числе Биш Балта, Царев луг, Старое городище, Кураиш и др.[244]

Восстанавливая облик посадской стены по описаниям источников и археологическим материалам, можно предположить, что она по всему периметру была устроена в виде тарасов, т. е. деревянных срубов, заполненных землей и камнем «сограждeн в седмь стен, в велицех и толстых древесех: в стенах же сыпан внутри хрящ и песок и мелкое каменье, толстина же градная от рек, от Казани и от Булака, трех сажен, и те бо места ратным непреступны»[245]. Перед стенами был выкопан ров, местами глубиной 10—15 м, «и яко крепкими стенами и водами вкруг обведет бе град, и токмо со единая града с поля Арского приступ мал, но туда стена градная была в толстоту в 7 сажен и перекопана около ея стремина велия, глубока»[246]. Остатки укреплений посада в виде насыпи вала шириной в 15—20 м и высотой не менее 3—4 м видны в раскопе между современным первым высотным корпусом Казанского университета и зданием Госархива[247]. Следы этих укреплений в виде углового вала высотой до 8 м и рва сохранились во дворе дома по улице Лобачевского. Об этой линии укреплений

---

[240] Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565—1568 годов. Казань, 2006. С. 129.

[241] *Ситдиков А.Г.* Некоторые аспекты топографии ханской Казани // Казанское ханство: Актуальные проблемы исследования. Казань, 2002. С. 165—172; *Он же.* Средневековая Казань: Историко-археологическое исследование (XI — первая половина XVI в.). С. 24—27; *Он же.* Казань — ханская столица // Кул Шариф и его время. Казань, 2005. С. 68—93; *Он же.* Казанский Кремль: История фортификации. С. 97—106; ПСРЛ. Т. 13. С. 215; *Курбский А.* История о великом князе московском. С. 36; Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565—1568 годов. С. 67, 81—82, 84—85, 102, 152, 170.

[242] *Ситдиков А.Г.* Средневековая Казань: Историко-археологическое исследование (XI — первая половина XVI в.). С. 32—34.

[243] ПСРЛ. Т. 13. С. 34, 50; Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565—1568 годов. С. 67.

[244] ПСРЛ. Т. 13. С. 16, 34; Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565—1568 годов. С. 129, 153, 162.

[245] ПСРЛ. Т. 13. С. 214; Казанская история. С. 119—120.

[246] Казанская история. С. 119—120.

[247] История Казани. Кн. 1. Казань, 1988. С. 31.

А. Курбский писал: «А от той реки около места ров копан зело глубокий аж до озерка, речного протокою»[248]. Остатки укреплений острога хорошо локализуются по описанию в Писцовой книге 1565—1568 гг. Археологически эти укрепления выявлены в котловане около здания Пассажа со стороны улицы Дзержинского в виде двух рвов и вала между ними[249]. Исключением из деревянных укреплений являлись стены ханского двора. Он был, согласно результатам археологических раскопок 1935, 1977—1978 и 1995—2000 гг., защищен белокаменными стенами[250].

Для ведения успешной обороны казанцы использовали все известные для того времени приемы. Безусловно, основным элементом этой системы были сами укрепления. За рвом перед воротами установили дополнительные укрепления в виде шанцев, обеспечивающие защиту ворот. Они использовались также для накопления войск в моменты вылазок и помогали организовать безопасный отход в крепость после их завершения[251]. Для создания численного преимущества на местах вылазок были специально сооружены дополнительные выходы в ров с внутренней стороны городских стен, упоминаемые в описаниях как «норы»[252].

Для динамичной обороны активно привлекались оставленные за пределами города воинские части. В их числе был и крупный отряд со стороны Арского поля во главе с князем Епанчой. Обороняющиеся взаимодействовали с внешними отрядами в организации вылазок. На направлениях планируемых контратак поднимался флаг, что служило сигналом для скоординированного удара по осаждающим в указанном месте[253].

Активное использование артиллерии и огнестрельного оружия также было важной частью обороны. Для успешного ведения пушечного боя напротив артиллерийского наряда в устье Булака, внутри крепости за стенами у Муралеевых ворот, была сооружена специальная горизонтальная бревенчатая площадка, обеспечивающая больший сектор обстрела, известная в терминологии русской фортификации как «раскаты»[254].

Сохранившиеся свидетельства внутреннего расположения казанских войск говорят об использовании пеших и конных отрядов. Военизированный отдельный отряд составляли ученики сеида — мюриды, защищавшие одни из городских ворот. Во главе других отрядов находились видные военачальники из известных родов[255].

Русские войска окружили Казань. Шах-Али во главе Большого полка поместили на Арском поле, у Кабан-озера (с юго-востока от города). Рядом разместили Ертаульный полк. Полк Правой руки расположился за рекой Казанкой (с севера от города). Полкам Левой руки и Сторожево-

---

[248] *Курбский А.* История о великом князе московском. С. 36.

[249] Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565—1568 годов. С. 123, 152, 154—155, 158, 164, 168, 170; История Казани. С. 32.

[250] АИЯЛИ. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 293; АИА РАН. Ф. Р-1. Оп.1. Д. 5563; 6643; НФ МА РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 44; *Валиев Р. Р.* Исследования Северной башни и прилегающей к ней стены Казанского кремля (по раскопкам 2003 г.) // Сборник материалов итоговых конференций молодых ученых Института истории АН РТ за 2003—2004 гг. Казань, 2004. С. 39—47.

[251] ПСРЛ. Т. 13. С. 212, 508.

[252] Там же. С. 211—212; *Ситдиков А. Г.* Средневековая Казань: Историко-археологическое исследование (XI — первая половина XVI в.). С. 27.

[253] *Курбский А.* История о великом князе московском. С. 40; ПСРЛ. Т. 13. С. 207.

[254] *Калинин Н. Ф.* Раскопки в Казанском кремле в 1953 году // Известия Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Казань, 1955. Вып. 1. С. 121—129; *Ситдиков А. Г.* Казанский кремль: Историко-археологическое исследование. С. 82.

[255] Кол Шәриф. Шигырьләр // Мирас. 1993. № 10. 14—15 бб.

му велели стать с западной стороны, за Булаком. Поставить во главе Большого полка бывшего казанского хана было очень символично. Тем самым казанская война как бы превратилась в очередной спор между татарами, причем московский государь выступал как арбитр, ставший на сторону правого, тем более что в царском войске находилось много опальной казанской знати.

Отдельные полки были поставлены у мест переправ и позади войск для обеспечения безопасности в случае нападений казанцев в тыл и для ведения боевых действий с отрядами, находящимися вне города. Царские шатер и полк располагались за Булаком на так называемом Царском луге недалеко от Отучевой мечети[256]. Артиллерийские наряды были выставлены на местах, обеспечивающих эффективность обстрела стен и башен: у устья Булака, на Старом городище у Поганого озера и со стороны Арского поля. За время осады интенсивный ежедневный артиллерийский обстрел из более чем 150 полевых орудий нанес значительный урон фортификационным сооружениям города[257]. Кроме разрушения стен с уничтожением боевых ходов сильные повреждения были нанесены городским постройкам, значительные потери были и среди населения[258].

Первый бой состоялся 25 августа. Казанцы со стороны Арских ворот устроили вылазку. В бой вступил Ертаульный полк. Потери имели место с обеих сторон, но в конечном итоге осажденные заперлись в городе. В ночь с четверга на пятницу 26 августа сторожевой полк поставил туры «по Булаку вверх, о Казани от реки»: «И приказал дворовым воеводам и во все полки послать велел, чтоб во все рати приготовили на 10 человек туру, да всяк человек бревно на тын оготовал, а обступя, даст Бог, город и укрепять турами и тыном». К турам подвезли артиллерию. Стрельцы на другой стороне Булака «закопалися во рвы». Эти работы продолжались в последующие дни, подчас в условиях постоянных вылазок со стороны неприятеля; 27 августа артиллерию подкатили к турам. С этого момента начался обстрел города[259].

Туры представляли собой плетеные корзины цилиндрической формы, крепившиеся к земле кольями и засыпавшиеся землей. Они делились на «бойчие», имевшие в высоту до трех метров и в диаметре до двух метров, и «ручные» с габаритами два и один метр соответственно. Большие туры ставились вплотную друг к другу, для пушек оставляли некоторое пространство. Там, где рельеф не позволял ставить туры, устанавливали частокол (тын) с отверстиями для нижнего и верхнего боя. Против проезжих башен сооружались выступы из сплошного ряда тур. Они позволяли в случае вылазок производить боковой обстрел противника. Перед линией туров выкапывали траншеи-«закопы» для казаков и стрельцов. Осадная линия была построена за пять дней и располагалась в 100 м от крепостных стен[260].

Из Арского острога князья Евгуш и Епанча 28 августа напали на Большой полк. Отсюда татары совершали набеги до 6 сентября. Чтобы обезопасить себя с тыла, 7 сентября Иван IV послал три полка, состоявшие в том числе из темниковских татар и мордвы, «воевать арские места». Проводниками служили «горние люди многие» (марийцы). Операция длилась десять дней и закончилась вполне успешно. Однако на-

256 ПСРЛ. Т. 13. С. 202.

257 *Курбский А.* История о великом князе московском. С. 40.

258 ПСРЛ. Т. 13. С. 206.

259 Там же. С. 204—206, 499.

260 *Хованская О. С.* Осада и взятие Казани в 1552 году: Историко-археологический очерк. Казань, 2010. С. 85—86.

леты марийцев на царские полки продолжались и далее[261].

Еще 31 августа начались работы по подведению подкопа под крепостные стены города. При этом один из подкопов должен был лишить осажденных возможности выхода к питьевой воде у Нуралеевских ворот. Удачный взрыв был осуществлен 4 сентября. Город остался без подхода к воде. Но защитники крепости оперативно смогли построить дополнительную линию обороны на месте пролома. Точная хронология осады устанавливается с трудом. Источники противоречат друг другу. В отличие от летописи, разрядная книга указывает на 13 октября как дату взрыва: «вырвало подкопом от городовой стены тарасы и метало через стену и з землею в город»[262].

Позднее Ивану Выродкову было велено напротив Царевых ворот поставить осадную башню высотой в шесть сажень (около 13 м). На ней разместили затинные и полуторные пищали, а также стрельцов, которые стали обстреливать город сверху. Это привело к тому, что обороняющиеся были вынуждены закапываться в землю. Следующим шагом стал перенос тур ближе ко рву. Постоянные военные акции осажденных не могли этому помешать. Подготовка к решительному штурму продолжалась.

В какой-то момент крепостную стену удалось поджечь. Источник не дает однозначного указания, как это произошло. Больший акцент сделан на горение мостов у Царевых, Аталыковых и Ногайских ворот. Возможно, их подожгли сами татары. Однако пламя перекинулось на стену, и та частично обгорела: «и стена городная обгоре и земля из города сыпася»[263].

Следующим этапом стал государев приказ от 1 октября, предписывающий засыпать рвы лесом и землей. На 2 октября был назначен штурм. Сигналом к нему стал взрыв двух подкопов. Взорванными оказались участки стен между Аталыковыми воротами и Безымянной башней, между Царевыми и Арскими воротами. Крепостные стены со стороны Арского поля оказались почти полностью разрушенными. В образовавшуюся брешь ринулись царские полки. Штурмующие сравнительно легко проникли в крепость. Но основные события развернулись на тесных улочках самого города[264]. Здесь преимущество в артиллерии и живой силе сводилось на нет. Наиболее активное сопротивление было оказано у главной казанской мечети на Тезинском овраге и в ханском дворце. Когда осажденные окончательно убедились в проигрыше, они попытались прорваться из города через Елбугины ворота. Но там стоял полк князя П. М. Щенятева. Поражение казанцев было полным, Казань пала.

Площадь Казанского кремля и его укреплений в ханский период до сих пор неясна и является предметом дискуссии. По одной версии, трасса стен периода независимости совпадает с трассой стен Казанского кремля XVII в. Другие версии предполагают, что протяженность стен составляла 5,1 и 3,95 км. Нет однозначного мнения о структуре крепости. По предположению А. Г. Ситдикова, казанский посад был окружен деревянными стенами (городнями), цитадель же защищалась каменными укреплениями. Против двухчастного устройства крепости выступает С. П. Саначин. По его мнению, у казанского посада укреплений не было, а сама крепость была деревянной. Вызывает споры расстановка башен, упоминаемых в источниках. Ров в городе выявлен археологически. Он представлял собой незначительное углубление — чуть

[261] *Курбский А.* История о делах великого князя московского. С. 42—48.

[262] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 2. Л. 274 об. С. 426.

[263] ПСРЛ. Т. 13. С. 214.

[264] *Волков В. А., Введенский Р. М.* Русско-казанская война 1547—1552 годов: Осада и взятие Казани // Преподаватель XXI век. 2015. № 2. Ч. 2. С. 261—270.

более полутора метров от древней поверхности. Ров-овраг на южной стороне кремля достигал в ширину 14 м, в глубину 4 м. Во рву отмечены «норы», которыми татарские воины «в град утекаху». В Никоновской летописи указаны иные размеры рва: 3 сажени (6 м) поперек, а глубиной 7 саженей (15 м)[265]. Нельзя не отметить и тот факт, что источники подробно описывают осаду и взятие городских стен, однако полностью игнорируют какие-либо действия против защитников Казанского кремля. Возникает ощущение, что его не обороняли.

Проблема подсчета численности как царского войска, так и защитников Казани до настоящего времени не решена. По наблюдению О. А. Курбатова, цифры, приводимые А. Курбским в его «Истории о делах великого князя московского», стандартно завышаются в десять раз. Сам Иван IV отмечал, что в Казанском взятии принимало участие значительно меньшее количество воинов по сравнению с Полоцким походом 1563 г.[266] Воинов со стороны Казанского ханства было значительно меньше. По подсчетам А. Г. Бахтина, казанцев было меньше в два—два с половиной раза. Однако очевидно, что исследователь преувеличивает численность русских войск[267].

Особо следует отметить тот факт, что казанская война не носила религиозного характера. Ее ни в коем случае нельзя сравнивать с Крестовыми походами[268]. Также нельзя преувеличивать жестокость русского войска по отношению к казанским жителям. Похоже, насилие не превосходило обычных «норм» войн того периода. К татарам неоднократно отправлялись послания с предложением покориться Москве. Было это сделано и перед финальным штурмом. Однако каждый раз приходил отрицательный ответ: «Не бьем челом! На стенах и на башне Русь, мы иную стену поставим, да все помрем или отсидимся». Сведения летописей всегда носят характер несколько тенденциозный. В том числе и для того, чтобы подчеркнуть величие своего оружия. Сразу за описанием кровавых уличных сражений Казанского взятия отмечается пленение хана Ядгар-Мухаммеда с двумя его имелдешами (молочными братьями), освобождение многотысячного русского полона, захват и раздача множества женщин и детей русскому воинству: «у всякого человека рускаго полон татарьской бысть». Последний факт также следует признать гиперболизированным.

На этом история взятия Казани и завоевания Казанского ханства завершилась. Теперь на повестку дня вышли вопросы подавления отдельных очагов сопротивления, хозяйственного освоения вновь присоединенных территорий, инкорпорации местного населения, а также мемореализации событий Казанского похода[269].

Захват города предопределил подведение итогов длительного противостояния. Казанское царство стало частью Русского государства с центрами управления в Свияжске и Казани. В новый край переселялось значительное число русского служилого и тяглого населения. К 1560-м гг. число вновь

---

[265] *Курбский А.* История о делах великого князя московского. С. 529—530; *Ситдиков А. Г.* Казанский кремль: Историко-археологическое исследование. С. 114—116; *Саначин С. П.* К вопросу реконструкции фортификации Казани 1550-х годов. С. 66—74; *Он же.* Гипотеза фортификации столицы Казанского юрта в его последние дни. С. 73—89; ПСРЛ. Т. 13. С. 212, 214.

[266] *Курбский А.* История о делах великого князя московского. С. 523, 534—534.

[267] *Бахтин А. Г.* Марийский край в XIII—XVI веках: Очерки по истории. Йошкар-Ола, 2012. С. 300.

[268] *Моисеев М. В.* Мусульманская политика Русского государства в эпоху Ивана Грозного: Дискуссионные аспекты // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4. № 1. С. 37—54.

[269] *Баталов А. Л.* Казанский поход и меморативное строительство Ивана Грозного: Гипотетическое и достоверное // В созвездии Льва: Сборник статей по древнерусскому искусству в честь Л. И. Лифшица. М., 2014. С. 36—47.

прибывших переселенцев в оба города достигло 5—6 тыс. человек[270]. Происходило формирование новой правительственной структуры управления завоеванных территорий — Приказа Казанского (Казанского и Мещерского) дворца. Позднее в сферу ответственности приказа вошли Астраханское и Сибирское ханства.

Многократные попытки изменить положение после присоединения Казанского ханства к Русскому государству со стороны недовольных подобным исходом жестко пресекались. В 1560—1570-е гг. значительные воинские части во главе с известными военачальниками регулярно направлялись для подавления выступлений на Горной, Луговой и Арской стороне[271]. После устранения активных организаторов вооруженных выступлений, появления воинских гарнизонов и переселения значительного числа русского населения ситуация стабилизировалась и волнения прекратились. Внешние силы безуспешно предпринимали давление с требованием восстановить Казанское ханство[272]. Служилое татарское население постепенно включалось в систему российской воинской службы[273]. В крае началась православная миссионерская деятельность, превратившая Казань из сугубо мусульманского города также в центр православия. Процесс интеграции региона в общую систему экономического, военного и политического управления российским государством фактически завершился к началу XVII в.

Черемисские войны

Хорошо известно, что сразу же после завоевания Казани началось строительство крепостей в Среднем и Нижнем Поволжье, растянувшееся на всю вторую половину столетия. В 1555 г. были построены Чебоксары, в 1557 г. — Лаишев, в 1558 г. — Тетюши, в 1573 г. — Кокшайск, в 1583 г. — Козьмодемьянск, в 1584 г. — Царевосанчурск, в 1584 г. — Царевококшайск, Цивильск, Уржум и Малмыж, в 1586 г. — Уфа, в 1589 г. — Царицын, в 1590 г. — Ядрин и Саратов, в 1591 г. — Яранск. Столь последовательно проводимый курс на укрепление русской власти в этих местах имел под собой вполне очевидное основание. Без укреплений с постоянными гарнизонами русская власть была крайне слаба. Поволжье в середине столетия было завоевано, но не замирено. И главным свидетельством этого были так называемые черемисские войны, которые начались сразу же после взятия русскими Казани и продолжились до конца столетия.

Термин «черемисская война» применительно к восстаниям населения Поволжья против царской власти был впервые использован в грамоте Строгановым от 6 августа 1572 г., что было обнаружено А. А. Введенским[274]. Сведения о восстаниях против русской власти местных народов Поволжья содержатся в русских источниках, как в документальных, так и в нарративных. Татарские письменные источники не сохранились. Существуют предания марийцев, чувашей, удмуртов, мордвы, татар и ногайцев, но все они записаны не ранее XVIII в. Важные сведения содержатся в государственных описаниях — писцовых и дозорных книгах Нижегородского, Казанского, Свияжского уездов, а также в официальных разрядных книгах. Из нарративных

[270] Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565—1568 годов. С. 34—37.

[271] ПСРЛ. Т. 13. С. 228—240, 245—248, 265—266, 269—270; История татар с древнейших времен. Т. 4. С. 339—358.

[272] История татар с древнейших времен. Т. 4. С. 354.

[273] ПСРЛ. Т. 13. С. 281, 349—350, 363—364.

[274] *Введенский А. А.* Дом Строгановых в XVI—XVII веках. С. 90.

источников прежде всего нужно упомянуть Никоновскую летопись, Царственную книгу, Александро-Невскую и Лебедевскую летописи и т. п. Казанский летописец описывает события 1560-х гг., а более поздние «Повесть о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси» и Новый летописец содержат краткие сведения о восстаниях казанских людей в конце столетия. Наконец, некоторые данные можно почерпнуть из сочинения князя Андрея Курбского, который лично принимал участие в событиях этого времени. Из иностранных авторов о черемисских войнах упоминали Генрих Штаден, служивший в опричном войске царя, Дж. Флетчер, Дж. Горсей и др. В целом по этим источникам канва событий давно выстроена исследователями и не вызывает больших разногласий[275].

Единство Казанского ханства было кажущимся. И. В. Зайцев показал, что ханство состояло из трех частей, имевших разную степень независимости-самостоятельности[276]. Другие национальные регионы, по-видимому, также обладали некой степенью самостоятельности. По крайней мере, они знали, что такое жалованные грамоты за золотой печатью. Чуваши с большим удовольствием получили их от московского царя в награду за помощь[277].

Первое крупное возмущение, которое по сложившейся традиции именуют Первой черемисской войной, случилось в 1552—1557 гг. Фактически сразу после взятия русскими Казани началось восстание, продолжившееся шесть лет и охватившее главным образом Арскую и Луговую стороны. Спорным является вопрос о степени и характере участия (во всяком случае, в первой из черемисских войн) населения Горной стороны. Хотя оно ранее само просило о российском подданстве, новая жизнь под властью русского царя, видимо, многим не нравилась. Тем не менее, по мнению А. Г. Бахтина, на Правобережье «повсеместного вовлечения населения в восстание не произошло», и вообще, в Первой черемисской войне большинство горных людей осталось лояльными власти[278]. Главную роль тогда, как и в последующих возмущениях, безусловно, сыграло население Левобережья. Этнический состав повстанцев был смешанным (в основном это были луговые мари, но в разное время также татары, удмурты и чуваши). Что касается Горной стороны (Правобережья Волги), по мнению некоторых исследователей, под горными черемисами этого времени нужно понимать в большей мере не марийцев, а чувашей[279].

Все начиналось как череда мелких мятежей в конце 1552 г. Как сказано в Никоновской летописи и Царственной книге, в декабре пришло донесение васильсурского воеводы о том, что луговые люди побили на Волге «гонцов и гостей и боярьских людей з запасы» и с ними были горные люди. Следствие, возложенное на свияжского воеводу, выявило зачинщиков, которые были

---

[275] См. изложение событий в работах А. Г. Бахтина, например: *Бахтин А. Г.* XV—XVI вв. в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998. С. 139—176.

[276] *Зайцев И. В.* Княжеские «юрты» Казанского ханства. С. 188—206.

[277] *Беляков А. В.* Где Иван IV выдавал грамоты? С. 330—338; *Он же.* Организация управления в Московском государстве XV — начала XVII в. на вновь присоединенных территориях с преимущественно нерусским населением // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2022. № 3. С. 64—80; *Он же.* Жалованные грамоты за золотой печатью: История бытования и ареал распространения (об ордынской преемственности в вопросе инвеституры). С. 184—211.

[278] *Бахтин А. Г.* XV—XVI вв. в истории Марийского края. С. 125.

[279] *Димитриев В. Д.* О значении этнонима «черемисы» в русских и западноевропейских источниках XVI—XVIII веков // Димитриев В. Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX вв.). Чебоксары, 1986. С. 5—17; *Он же.* Чувашский народ в составе Казанского ханства: Предыстория и история. 2-е изд. Чебоксары, 2018. С. 58—61.

арестованы и казнены. Далее в Москву из Казани пришло сообщение, что некие «Тугаевы дети с товарыщи» собрали на Арской стороне отряд, но были разгромлены, за чем опять последовали казни[280].

Поводом к крупному выступлению стал отказ луговых черемисов давать ясак (разновидность государевых податей, в основном мехами, но в зависимости от региона ясак могли собирать хлебом, медом и др.). Они убили сборщиков, что послужило сигналом к повсеместному движению. Скорее всего, причиной этих действий была не столько тяжесть выплат (ясак на вновь присоединенных территориях собирался на льготных условиях), сколько желание местной знати поднять свой статус в условиях, когда татарская власть пала, а русская власть еще не утвердилась окончательно, но на этот счет существуют разные точки зрения. По мнению А. Г. Бахтина, целью восставших было восстановление Казанского государства[281].

Повстанцы перешли на Арскую сторону, местное население примкнуло к ним, а русское войско были окружено и уничтожено, поскольку воеводы опять недооценили происходящее. Все Левобережье оказалось охвачено восстанием, Казань надолго попала в осаду. В семидесяти верстах от Казани на реке Мёше восставшие основали город, окруженный земляными укреплениями («хотяше тут отсидется», как сказано в Царственной книге под 1553 г.), и направили послов к ногайцам с просьбой о помощи.

С февраля 1553 г. волнение перекинулось на Горную сторону. Войско восставших появилось в окрестностях Свияжска. Русский отряд, направленный против них (во главе с воеводой Б. И. Салтыковым), был окружен и разгромлен, воевода попал в плен, а Свияжск и Васильсурск оказались в осаде. Стало ясно, что восстание затянется надолго. И действительно, оно продолжалось до 1557 г., но в итоге потерпело поражение, чему есть несколько основных объяснений: русские гарнизоны Казани и Свияжска выдержали многомесячную осаду, Горная сторона в целом осталась лояльной правительству, а объединение восставших с ногайцами и астраханцами так и не состоялось. Князь А. М. Курбский упоминал, что против царя в течение шести лет ополчались «оставшие князи казанские, вкупе со предреченными прочими языки поганскими, и воюют зелне, не токмо на град на Казанский приходяще с великих лесов, но и на землю Муромскую и Новаграда Нижняго наезжают и пленят»[282].

В Никоновской летописи приводятся известия, в том числе по донесениям воевод, о борьбе с восставшими. Весной 1553 г. царское войско под командованием Д. Ф. Адашева было послано с Вятки по рекам на Волгу для наведения порядка. В сентябре из Нижнего Новгорода в Казань выступила большая государева рать «на арьских изменников», к которой присоединились отряды горных людей. В феврале 1554 г. было получено известие о том, что из Казани и Свияжска государевы люди пошли «на арских людей», и «идучи на Арско и к Нурме и на Уржум идучи, воевали и жгли во всех местех», разбили «казанских людей», взяли многих пленных, и тогда же «город на Меше сожгли» и «до основания разорили»[283]. Повстанцев разбили, часть их (арские и побережные люди) прекратила сопротивление, после чего, как полагает А. Г. Бахтин, основной силой движения остались марийцы с их лидером сотенным князем Мамич-Бердеем. В начале 1555 г. против них на Луговую сторону было направлено войско,

[280] ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 228—229; Ч. 2. С. 526—528. СПб., 1904.

[281] *Бахтин А. Г.* Российское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV—XVI вв. С. 417.

[282] *Курбский А.* История о делах великого князя московского. С. 76.

[283] ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 238—239.

две недели опустошавшее эти земли, но не прекратившее движения восставших. Важно отметить, что в определенные моменты местные народы оказывались на стороне русских властей. Так, по сообщению Никоновской летописи, казанский воевода в марте 1555 г. доносил, что луговые люди «приходили на Арскую сторону войною», однако «арьские люди, остроги поделав, в них отбилися, а с ними в острозех были стрелцы царя и великого князя, ис пищалей побивали многых луговых, а луговые воевали села татарские». И тогда же свияжский воевода сообщил, что горные люди были посланы «на Луговую сторону воевать» и там «людей побили и в полон поимали и животину побили и пришли, дал Бог, здорово»[284]. Мамич-Бердей вел переговоры с ногайцами о помощи, однако отряд прибывших ногайцев вызвал своими действиями недовольство луговых марийцев, которые перебили их, включая царевича (претендента на ханский престол), стоявшего во главе отряда, хотя по поводу этих событий высказывались и другие суждения[285]. Так или иначе, большой антирусский союз не состоялся, к тому же в это время пало Астраханское ханство. Мамич-Бердей, продолжая контролировать Луговую сторону и блокируя Казань, решил переправиться через Волгу и в марте 1556 г. поднять восстание в Горной стороне. Однако вожди горных людей предали его, захватили в плен во время пира и привезли в Москву, где Мамич-Бердей был казнен. Горные люди тогда были оделены «великим жалованьем», им облегчили государевы подати[286].

Даже после этого восстание на Левобережье не угасло. Участники его были неоднократно разбиты, но продолжали сопротивляться, теснимые со всех сторон. В апреле 1557 г. потерпел поражение и попал в плен сотник Ахмачек, вождь восставших марийцев после казни Мамич-Бердея. Вскоре другие марийские сотники решили сдаться. Они били челом «о своих винах» и получили в ответ жалованную грамоту, в которой оговаривались условия их службы царю. Первая черемисская война была крайне кровопролитна и привела к гибели значительной части населения Луговой стороны, о чем сообщают все источники. В Казанском летописце содержатся цифры побитых и взятых в плен восставших, но они, скорее всего, имели целью, как и другие летописные исчисления, поразить воображение читателя, и проверить их невозможно[287].

После подавления восстания можно говорить о том, что Поволжье вошло в состав Русского государства. Но ожесточенное сопротивление Луговой стороны явно произвело впечатление на власть, тем более что угроза нового большого возмущения сохранялась, о чем говорит череда мелких, но опасных волнений, произошедших в 1560-х гг.

Вторая черемисская война разразилась в 1571—1574 гг. Возмущение началось в конце 1571 г., когда восстали луговые и горные марийцы, а также соседние с ними чуваши. Г. Штаден писал о том, как поднялся народ Казанской и Астраханской земель «и идет из обеих царств в землю великого князя, спалено было много незащищенных городов и увели с собою много тысяч русских пленных, не считая тех, кого они убили»[288]. Отряды повстанцев действовали на Каме, в Среднем и Нижнем Поволжье, в Предуралье. Сведения об этом сохранились в Галицком летописце и нижегородских дозорных книгах[289]. На ход Второй черемисской войны не могли не оказать влияния одно-

[284] ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 246.
[285] *Бахтин А. Г.* XV—XVI вв. в истории Марийского края. С. 149—150.
[286] ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 265—266.
[287] Там же. С. 186.
[288] *Штаден Г.* Записки о Московии. Т. 1. С. 211, 213.
[289] *Бахтин А. Г.* XV—XVI вв. в истории Марийского края. С. 163.

временные военные действия со стороны крымского хана. Как раз в эти годы он совершил два похода на Русь[290].

Весной 1573 г. «на черемису» было организовано большое наступление царских воевод, и часть восставших опять била челом «о своих винах». Но летом 1573 г. повстанцы разгромили царских воевод и в очередной раз осадили Казань. Царь направил предложение амнистии тем, кто прекратит сопротивление, и обещал жестоко покарать остальных. После этого часть «горной и луговой черемисы», для которой было важным обещание царя ограничить произвол местной администрации, приехала в Муром и была приведена к шерти. Они были богато одарены и в ответ обещали захватить и сдать главарей повстанцев. В сохранившейся копии жалованной уставной грамоты Ивана IV 9 февраля 1574 г. есть упоминание о челобитной восставших воеводе И. Ф. Мстиславскому, поданной в Муроме с просьбой «вины им отдать» и обещанием впредь от царя и великого князя быть «неотступными». Во главе восставших в тех волостях, о которых шла речь в грамоте, стояли в Верхней Сюндырской волости «десятный князь Естоул» и в волости Ишлейской Келдуш Енаив (оба имени языческие)[291]. Как писал Г. Штаден, «тогда пришли многие из предводителей, не участвовавших в этой затее, и поклялись от имени своей земли, что схватят всех своих предводителей, и пусть великий князь пошлет за всеми его русскими пленниками и вернет их обратно»[292]. Повстанцы, которые не сложили оружия, продолжали с переменным успехом воевать в 1574 г., пока их жестоко не подавили и не казнили вождей. На Волге, при впадении в нее реки Большой Кокшаги, в земле луговых черемисов заложили Кокшайск как центр русской власти в этих местах.

Через десять лет вспыхнуло новое восстание — Третья черемисская война (1581—1585). Обычно при осмыслении ее причин вспоминают слова англичанина Дж. Флетчера, который через несколько лет в книге «О государстве Русском» в главе под названием «О приобретениях и способе удерживать в подчинении завоеванные области» написал о землях «Печоры, Перми и той части Сибири, которая теперь принадлежит царю», что «их удерживают тем же простым способом, каким они были покорены, то есть более угрозой меча, нежели самым оружием». В частности, Дж. Флетчер упомянул «гарнизоны, хотя и незначительные по числу солдат, но достаточные для удержания туземцев в повиновении», и то, что «царь заботится, чтобы тамошние жители не имели ни оружия, ни денег, и для того налагает на них подати и обирает их, как только ему заблагорассудится, не оставляя им никаких средств сбросить с себя или облегчить это иго»[293]. Несмотря на то что это высказывание Флетчера туманно и не вполне понятно, о каких конкретно народах идет речь, возможно, что одним из поводов к новому восстанию действительно было недовольство злоупотреблениями властью со стороны местной администрации. Чтобы избежать притеснений, местное население стало даже уходить на Урал, где русская

---

[290] См. упоминание о переписке чувашей с крымским ханом в одной из посольских книг: Посольская книга по связям Московского государства с Крымом: 1567—1672. М., 2016. С. 23.

[291] *Димитриев В. Д.* Жалованная уставная грамота волостям Казанской земли 1574 г. С. 73.

[292] *Штаден Г.* Записки о Московии. Т. 1. С. 215.

[293] Проезжая по Московии (Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов) / Отв. ред. Н. М. Рогожин. М., 1991. С. 87—88. Трудно сказать, какие народы подразумевал Флетчер в процитированном отрывке. Далее в особой главе «О татарах и других пограничных народах, с коими русские имеют наиболее сношений, военных и мирных» он упоминает ногайцев, черемисов, мордву и черкесов. «Черемисские татары, — по его словам, — очень много беспокоили русских царей...» (Там же. С. 97).

власть была еще слаба[294]. В марте 1581 г. в Приуралье ханты и манси напали на Сылвянский острог, а осенью в Поволжье поднялось новое восстание луговых марийцев. И вновь оно вскоре перекинулось на Горную сторону, где в нем приняли участие также чуваши, удмурты, татары и башкиры. Весной 1582 г. по Волге, Каме и Вятке были направлены в лодках русские полки для подавления восстания. В Поволжье к ним присоединились местные отряды, в основном из служилых татар. Борьба с повстанцами была сложной и жестокой, что отразилось в тексте Нового летописца, составленного спустя несколько десятилетий, но использовавшего, вероятно, какие-то более ранние источники[295]. К весне 1583 г. на Горной стороне движение было подавлено, но на Луговой оно продолжалось. А. Г. Бахтин считает, что восставшие появлялись в Костромской земле и могли доходить до Арзамаса[296]. Зимой 1583/84 г. царь направил на Луговую сторону новое войско[297]. После того как царь Иван Васильевич умер, в конце лета — начале осени 1584 г. новые силы были посланы уже от имени царя Федора Ивановича. Именно тогда в сердце Луговой стороны был поставлен Царевококшайск с гарнизоном, вооруженным пушками. С этого момента победа русской власти становилась очевидной. Как и в предыдущих черемисских войнах, сложившим оружие были обещаны прощение и награды. Весной или летом 1585 г. черемисы принесли царю присягу на верность. Поскольку опасность новых волнений сохранялась, была возведена еще одна русская крепость — Царевосанчурск[298]. В «Повести о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси» восставшие именуются «болгарами», и в общих словах сообщается, что после смерти царя Ивана «Болгари <...> на благочестие востают и пришедши на пределы Росийскаго государства, якоже и преже, пленуюше намнозе», поэтому русское войско было послано в «пределы Болгарския области», и царь повелел «грады своя в пределех их поставити»[299]. В Новом летописце события Третьей черемисской войны рассматриваются как «взмущение казанцев» и кратко излагаются в главе «О войне Казанской и о походе бояр и воевод в Казань». Еще более определенно в ней говорится, что одной из причин восстания стало то, что казанцы «не похотеша видети православные християнския веры и под государевою рукою жить не похотеша», поэтому «противяхусь против рати московские <...> побиваху московских людей овогда на станех, овогда на походех; бояре же и воеводы не можаху их обратити»[300]. Переходя к царствованию Федора Ивановича, составитель Нового летописца сообщает, что казанцы принесли ему покорность «без войны и бес крови» как праведному государю, что, конечно, не отражает реальной картины. Скорее ей более соответствуют слова о том, что «чая от них впредь измены» царь повелел ставить «во всей Черемисской земле городы, — и поставиша на Нагорной и на Луговой стороне город Какшугу и город Цывилеск, и город Уржум»[301].

В самом конце столетия, в 1591/92 г., произошла еще одна, последняя из чере-

[294] *Бахтин А. Г.* XV— XVI века в истории Марийского края. С. 168.

[295] *Назаров В. Д.* «Новый летописец» как источник по истории царствования Лжедмитрия I // Летописи и хроники. М., 1974. С. 299—311.

[296] *Бахтин А. Г.* XV—XVI века в истории Марийского края. С. 170.

[297] См. подробную роспись похода на луговую черемису, боярский приговор о котором состоялся 7 ноября 1583 г.: *Анхимюк Ю. В.* Росписи Казанского зимнего похода в разрядной книге ОР РНБ Q. IV.53 // Государство и общество в России XV — начала XX века: Сборник статей памяти Н. Е. Носова. С. 180—188.

[298] Там же. С. 171.

[299] ПСРЛ. Т. 14. СПб., 1910. С. 3—4.

[300] Там же. С. 34.

[301] Там же. С. 36.

мисских войн, о которой сохранилась запись в одной из разрядных книг как об измене двенадцати волостей луговых черемисов[302]. Против восставших направили войско, и одно только это оказало на них устрашающее воздействие, после чего они разбежались. Видимо, в связи с этим возмущением была основана крепость Яранск. Вероятно, об этом восстании писал Исаак Масса, что это была «шайка, подстрекаемая несколькими негодяями», которая разоряла окрестности городов[303]. В данном случае оценка иностранца важна тем, что она отражает те слухи, которые ходили о восстании в Москве.

По поводу социальной природы черемисских войн в историографии высказывались различные точки зрения. В 1920—1930-е гг. всякие антиправительственные выступления рассматривались как освободительные в рамках концепции о дореволюционной России как «тюрьме народов». Позднее черемисские войны представлялись реакционными движениями местных феодалов, что тоже имеет под собой основание[304]. Их изучали также в рамках концепции о классовой борьбе низов, подчеркивая социальный, антифеодальный характер черемисских войн[305]. Правда, при таком понимании было сложно объяснить, почему во главе восстаний оказывалась как раз местная знать, т. е. верхи, а не низы.

В настоящее время некоторые исследователи рассматривают эти события как национально-освободительные или же несущие в себе определенные черты национально-освободительных движений. Так, А. Г. Бахтин в целом считает эти войны, в особенности первую, национально-освободительным движением[306]. Такой взгляд, однако, нуждается в пояснении. По поводу первой из войн А. Г. Бахтин писал, что часть марийской знати (в особенности луговых мари) была близка ханской власти и культуре ислама. Что касается остальных, то, находясь на службе Казани, они также постоянно принимали участие в походах на русские земли и охраняли северо-западные рубежи ханства. Многие источники подчеркивают воинственность черемисов и то, что они воевали постоянно. Походы позволяли обогащаться за счет добычи, а когда все более частыми стали выступления русских на восток, этот источник доходов сократился. Как пишет о черемисах А. Г. Бахтин, «пограничная война с русскими стала одной из составных черт их уклада жизни, превратилась в жестокую традицию»[307]. От привычного, сложившегося на протяжении длительного времени образа жизни было трудно отказаться. Это, возможно, стало одной из причин, вызвавших столь длительное и упорное сопротивление луговых мари власти русского царя. Иными словами, это было движение за «право жить по-своему», т. е. по-прежнему, как в Казанском ханстве[308]. Важными причинами было влияние со стороны татарской знати, симпатия в среде луговых мари к исламу как силе, направленной против русского царя (не-

---

[302] *Бахтин А. Г.* XV— XVI века в истории Марийского края. С. 172.

[303] *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 36.

[304] В основном эти оценки были присущи историографии 1950-х — начала 1960-х гг. Такой подход встречается, например, у М. Н. Тихомирова: *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. С. 489.

[305] См., например: *Зимин А. А., Хорошкевич А. Л.* Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С. 59—67; *Дубровина Л. А.* Первая крестьянская война в Марийском крае // Из истории крестьянства Марийского края. Йошкар-Ола, 1980. С. 3—65.

[306] *Бахтин А. Г.* Российское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV—XVI вв. С. 401—417.

[307] *Бахтин А. Г.* К вопросу о причинах повстанческого движения в Марийском крае в 50-х гг. XVI в. // Марийский археографический вестник. 1994. № 4. С. 21.

[308] Там же. С. 22.

смотря на то что бóльшая часть мари были язычниками), и надежда на помощь соседних ханств и Турции.

Оценка черемисских войн как национально-освободительного движения вызвала возражения Д. А. Котлярова, полагающего, что это упрощение. Тем не менее его точка зрения во многом сходится с оценкой А. Г. Бахтина, и он лишь делает иной акцент, когда пишет, что это была и борьба с русской администрацией, и одновременно внутренний этносословный конфликт. Последний был вызван тем, что после падения казанских ханов вырвались наружу силы, ранее сдерживаемые, новая же русская власть не была к этому готова[309].

Видимо, нужно признать, что эти движения имели сложную природу, поэтому их нельзя рассматривать односторонне. После падения власти казанских ханов местные финно-угорские и другие народы были поставлены перед необходимостью менять ценностные ориентиры, перестраивать систему отношений и взгляды на «своих» и «чужих». Им предстояло встраиваться в новую государственную структуру, и это оказалось крайне болезненным процессом. Сложность заключается в том, что показания источников, в частности русских летописей, не всегда могут быть однозначно истолкованы. Например, их создатели пользовались не этническими, а географическими характеристиками участников движения: «казанские люди», «горные люди», «арские люди», «луговые люди», «побережные люди». И это, конечно, затрудняет точные оценки участия в восстании тех или иных поволжских народов. И таким же образом мы не всегда можем определить социальный статус упоминаемых в летописях «изменников», т. е. вождей восставших.

Русские власти учились на горьком опыте. Если в начале восстаний они были не в состоянии оценить их опасность и предпринимать действия, которые не провоцировали бы недовольство местного населения, то со временем ситуация стала меняться. В ходе черемисских войн, как можно видеть по сообщениям сохранившихся источников, наряду с жестокими репрессиями в отношении повстанцев власть с готовностью принимала их изъявление покорности и легко соглашалась простить вины и даже награждать, а после этого включала верхи покорившихся народов в число служилых людей. Как показал И. П. Ермолаев[310], созданная на территории бывшего Казанского ханства воеводская система управления стремилась опираться на местную элиту[311]. Этот опыт затем применялся и при освоении новых земель в Западной Сибири, и вообще стал основополагающим при взаимоотношениях центра с многонациональными окраинами государства.

---

[309] *Котляров Д. А.* Московское государство и народы Поволжья в XV—XVI вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. С. 17—18; *Он же.* От Золотой Орды к Московскому царству: Вхождение народов Поволжья в состав России. СПб., 2017.

[310] *Ермолаев И. П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI — XVII вв.: (Управление Казанским краем). Казань, 1982.

[311] Эта практика применялась и раньше. См.: *Беляков А. В.* Еникеевы и г. Темников в XV—XVII вв. С. 737—758; *Исхаков Д. М.* Арские князья и нукратские татары: (Историко-этнографические сведения, генеалогия, клановая принадлежность, место в социально-политической структуре Казанского ханства и Русского государства). Казань, 2010.

Взаимоотношения с Астраханским ханством

Русско-астраханские отношения в первой половине XVI в. Специальная дипломатическая документация (посольские книги), фиксирующая отношения Москвы с вновь возникшим Астраханским государством, появляется только в начале XVI в. Очевидно, что до правления московского великого князя Василия Ивановича (1505) существовали лишь «ордынские» тетради (книги, в которых отражалось развитие отношений с Большой Ордой). Так, 11 июня 1508 г. из Москвы был отпущен посол ногайского мирзы Джан-Мухаммеда, «а отпустил князь велики того <...> человека <...> вместе с азтороканскими послы». Если послы были отпущены из Москвы в начале июня, следовательно, прибыли они туда, скорее всего, в конце весны. Это первое зафиксированное источниками астраханское посольство в Москву. Характерно, что пропускная грамота послам через русские города и Казань была записана в канцелярии великого князя в «ординских татратех»[312]. Возможно, это косвенное свидетельство того, что отдельных астраханских тетрадей тогда еще не было. С другой стороны, в архиве Посольского приказа хранились «Книги астороханские с лета 7016-го по лето 7025-го, при великом князе Василье Ивановиче всеа Русии, как был в Асторохани Обдыл-Керим царь»[313], т. е. начальным их годом был все тот же 1508 г. Таким образом, вполне вероятно, что специальные книги, отражавшие развитие отношений Москвы и Астрахани, появились именно в 1508 г. (возможно, после июня).

Именно в начале XVI в. в Москве Астрахань начинают расценивать как самостоятельное государство. В двух рукописных сборниках сохранилась статья, начинающаяся словами «Татарским землям имена...» и являющаяся перечнем различных мусульманских стран. Источником статьи была «Повесть о Темир-Аксаке» (начало XV в.), где приводится список земель, завоеванных Тимуром. Список «Повести...» был переработан с учетом политических реалий начала XVI в. и дополнен рядом названий «татарских» земель, которые отсутствовали в источнике статьи. В число этих названий наряду с Большой Ордой, Крымом, Азовом, Казанью, калмыками, ногаями, Сараем и «Шибанами» (Сибирью) была включена и «Васьторокан»[314], т. е. Астрахань.

В конце 1549 г. или начале 1550 г. на какое-то время город был захвачен московскими казаками. В 1551 г. московский посол в Ногайской Орде Петр Тургенев писал: «Да присылал, государь, турецкой царь к Исмаил мирзе посла своего, Чевушем зовут, сее весны. А сказывают, государь, с тем присылал: в наших, деи, в бусурманских книгах пишетца, что те лета пришли, что руского царя Ивана лета пришли, рука ево над бусурманы высока. Уже, деи, и мне от нево обида великая. Поле, деи, все да и реки у меня поотымал, да и Дон у меня отнел, да и Озов город упуст у меня доспел, поотымал всю волю. В Азове казаки ево с Озова оброк емлют и воды из Дону пит(ь) не дадут... Да ево же, деи, казаки Астарахан(ь) взяли и какую грубость учинили. Да царя же, деи, Ивана казаки у вас Волги оба берега отняли и волю у вас отняли, и ваши улусы воюют, да у вас же, деи, пришед городетцкие казаки в улусы ваши, воевали, да Дервиша царя Астараханского полонили. И то, деи, вам не соромоту ли учинили, как, деи, за то стать не умеете»[315]. Информация о взятии казаками города подтверждается еще одним источником. Московскому послу

[312] Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой: 1489—1508 гг. М., 1984. С. 76.
[313] Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. С. 106.
[314] *Казакова Н. А.* «Татарским землям имена» // ТОДРЛ. 1979. Т. 34. С. 253—254.
[315] РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 39—40.

в Литву Н. С. Сущеву, прибывшему к великому князю Литовскому в начале 1553 г., был дан наказ сообщить: «Тому три годы минуло, как Астарахань взяли государя нашего казаки; а царь астраханской Ямгурчей из Астарахани ушел был в Черкасы, да из Черкас присылал государю нашему бити челом, чтоб ево государь пожаловал посадил опять на Астарахани. И государь его пожаловал, посадил опять на Астарахани, и ныне на Астарахани сидит царь из государя нашего руки и смотрит во всем на государя нашего»[316].

Отношения Астраханского ханства с Россией до 50-х гг. XVI в. носили дружественный характер, обусловленный наличием общего врага — Крыма (конфликт с крымскими ханами Астрахань унаследовала от Большой Орды). До 1551 г. астраханцы, приезжавшие в Москву, появлялись здесь вместе с ногайцами. В 1552—1557 гг. упоминается уже и отдельный Астраханский двор в Москве, но о его местоположении ничего не известно. Вероятно, после взятия города он был ликвидирован: доставленный из Астрахани в 1558 г. царевич Ибак «поставлен был» на Рождественской улице «на крестьянском дворе»[317].

Присоединение Астраханского ханства к Русскому государству. В трудах московских книжников XVI в. была распространена идея о том, что современная им Астрахань — это древняя Тмутаракань, которой некогда обладали русские князья. Эта концепция отражена в «Летописце начала царства»[318], в «Сказании о взятии Астрахани», восходящем к летописанию XVI в.[319] Астрахань, которая будто бы во времена Владимира называлась по-другому, была дана этим князем в удел сыну Мстиславу. В городе был каменный храм Рождества Богородицы. Потом «грех ради православных христиан» городом завладели ханы Большой Орды[320]. Это искусственное отождествление сослужило службу в идеологическом обосновании завоевания города и присоединения его к Русскому государству.

В 1552 г. Иван IV отправил в Астрахань к хану Ямгурчи (Емгурчею, как его называют русские источники) своего посла Севастьяна Авраамова подписывать шерть, т. е. некое вассальное обязательство по отношению к Москве[321]. Московский посол застал в городе «рознь великую» между ханом и его калгой Такбилди. Кроме того, там всерьез опасались наступления московских войск. Миссия С. Авраамова результатов не принесла. Летопись пишет, что Ямгурчи московского посла ограбил[322]. Голландский купец Исаак Масса в своем сочинении о России упомянул, что посла с насмешками выгнали из Астрахани[323]. В сентябре 1552 г. Севастьян был выслан на каспийские острова.

---

[316] Сборник РИО. Т. 59. С. 375—376.

[317] *Хайретдинов Д. З.* Мусульманская община Москвы в XIV — начале XX века. Н. Новгород, 2002. С. 53.

[318] ПСРЛ. Т. 13. СПб., 1904. Ч. 1. С. 235—236; *Амелькин А. О.* Проблема Тмутороканского княжества в исторической мысли допетровской России // Восточная Европа в древности и средневековье: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии: XIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. М., 2002. С. 3—7.

[319] Как предположил С. О. Шмидт, источником «Сказания» мог быть первоначальный вариант официального летописного текста — так называемые летописные заготовки (*Шмидт С. О.* «Сказание о взятии Астрахани» в летописной традиции XVII — начала XVIII вв. // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 17. М., 1963. С. 396).

[320] Сказание о взятии Астрахани (РНБ. Погод. 1490. Л. 77—77 об.).

[321] ПСРЛ. Т. 13. С. 171.

[322] Там же. С. 235.

[323] *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. С. 25.

В это же время в город прибыли посланцы Османской империи и Крымского ханства[324]. Содержание переговоров остается неизвестным, однако можно предположить, что главной темой было привлечение Астрахани к османско-крымской политике на юге Восточной Европы. Попытки подобного рода предпринимались османской и крымской дипломатией и в Ногайской Орде: весной 1551 г. крымский посол Тагызекши и османский Ахмет-чауш побывали в Ногайской Орде у бия Юсуфа[325]. По всей вероятности, тогда же у ногаев находились и астраханские послы[326].

Весной 1552 г. крымские послы вновь пытались уговорить мирзу Исмаила идти походом на Москву. Однако большая часть ногаев поход июня 1552 г. не поддержала, Исмаил отговорил Юсуфа, а пришедший в Орду от султана и крымского хана посол был засажен в «крепи».

Возможно, в 1551 г. Юсуф предлагал Исмаилу перекочевать за Волгу и «воевать Русь» вместе с астраханским калгой Такбилди, причиной договоренности последнего с ногаями была его вражда с Ямгурчи[327]. Действительно, Такбилди избрал союзниками ногаев, а Ямгурчи (видимо, после успешного совместного посольства османского и крымского дипломатов) стал ориентироваться на Крым. Так, в 1552 г. Девлет-Гирей прислал Ямгурчи тринадцать пушек. Однако если разрыв Ямгурчи с Юсуфом и имел место, то длился он недолго: в 1553 г. Ямгурчи хотел дать Юсуфу в помощь пятьсот человек для похода на московские «украйны». Перевозить Юсуфа через Волгу в районе Астрахани должны были сами астраханцы[328]. В дальнейшем союз Ямгурчи с Юсуфом и его детьми не распался. Ямгурчи тем временем, стремясь укрепить власть, убрал с дороги неугодных родственников — претендентов на престол[329].

В октябре следующего 1553 г. в Москву прибыли послы от ногайских мирз с просьбой посадить в Астрахани вместо Ямгурчи другого хана — Дервиш-Али (Дербышацаря, в терминологии русских источников)[330]. Заинтересованность мирзы Исмаила в Астрахани была вполне понятной: его зимние кочевья располагались вблизи города. В своих грамотах в Москву Исмаил подчеркивал преданность и нежелание вступать в союзы с враждебными Москве силами, в том числе и с Астраханью[331]. Ногайский мирза фактически предлагал в обмен на дружбу и отказ от участия в антимосковском блоке Османской империи, Крыма и Казани завоевать Астрахань, посадив на престол Дервиш-Али[332], который в это время жил у ногайского мирзы Белек-Булата. Дервиш-Али направил Ивану IV просьбу принять его в Москве. Он выехал в столицу, вероятно, еще в сентябре 1551 г., а 28 октября, в среду, будущий астраханский хан был принят Иваном IV. К настойчивым просьбам Исмаила посадить его племянника («сестрича») ханом на Нижней Волге в Москве отнеслись с большим вниманием и организовали поход на Астрахань московских воевод под руководством Дервиша-

[324] Цит. по: *Бурдей Г.Д.* Взаимоотношения России с Турцией и Крымом в период борьбы за Поволжье в 40—50 годах XVI века // Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Т. 47. Харьков, 1956. С. 192.

[325] РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 33—33 об., 36.

[326] Там же. Л. 66 об.

[327] *Бурдей Г.Д.* Взаимоотношения России с Турцией и Крымом в период борьбы за Поволжье в 40—50 годах XVI века. С. 193.

[328] Там же. С. 199.

[329] Сборник РИО. Т. 59. С. 450.

[330] ПСРЛ. Т. 13. С. 235.

[331] РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 11—11 об.

[332] Там же. Л. 12—12 об.

Али[333]. Вероятно, в случае успешного взятия города сын или племянник Исмаила должен был стать при Дервиш-Али наместником (беклербеком).

В апреле 1554 г. Дервиш-Али был послан в Астрахань, а с ним отправился воевода князь Юрий Иванович Пронский Шемякин «с товарищи». Поход был организован традиционно: к городу шли три полка. Большим командовал сам князь Пронский и Михаил Петрович Головин, передовым — постельничий Игнатий Михайлович Вешняков и Ширяй Васильевич Кобяков, сторожевым полком — Степан Григорьевич Сидоров и князь Андрей Булгак Григорьевич Барятинский. С князем Ю. И. Пронским вместе шли также вятчане с князем Александром Ивановичем Вяземским[334].

Князь Ю. И. Пронский первым отправился в Нижний Новгород, где все силы должны были собраться воедино. Оттуда воевода выступил во главе объединенного войска в Петров пост[335], т. е. до 29 июня — Петрова дня. В московской рати были уроженцы и жители многих русских городов — казанцы, пермичи, вятчане, нижегородцы[336]. Войска на судах 29 июня подошли в район Переволоки — предположительной границы ханства[337]. Рать опоздала, в этот район намечено было выйти 1 июня. Ногаев, с которыми планировалось соединиться, там не оказалось. Виной тому была непрекращавшаяся вражда Исмаила и Юсуфа: первому, как сообщал московский посол в Ногайской Орде Н. Бровцын, тогда было «не до Астрахани — до себя»[338].

Вперед на разведку были посланы князь А. И. Вяземский, а также Данила Чулков с казачьими атаманами[339]. Встреча князя А. И. Вяземского с первым астраханским отрядом произошла выше Черного острова[340]: астраханцы гребли в небольших судах (ушкулях или ушкирях). Во главе их стоял некий Сакмак[341]. Астраханский отряд был разбит, а его предводитель взят в плен. Пойманные «языки» сообщили, что Ямгурчи находится ниже города в пяти верстах[342]. Воеводы оставили большие суда и спустились ниже на малых. Между тем информация «языков» подтвердилась сведениями от новых пленных (на Черном острове). Двигаясь далее, войска достигли «Больших Сараев, где была Большая Орда»; там «языки» сообщили то же[343]. Здесь решено было разделиться. К отряду князя А. И. Вяземского были прибавлены выбранные головы (командиры) — князь Давид Гундоров, князь Тимофей Кропоткин, Григорий Желобов, Данила Чулков, а с ними дворяне, царевы жильцы и дети боярские. Этот отряд был направлен непосредственно на лагерь Ямгурчи — «царев стан». Вероятно, московским войскам все-таки помогали ногаи, по крайней мере об их помощи пишет И. Масса[344]. Оставшаяся часть войска двинулась к городу. Второго июля Хаджи-

---

[333] ПСРЛ. Т. 13. С. 235.

[334] Там же. С. 236; Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 144.

[335] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 3. М., 1978. С. 467.

[336] Сборник РИО. Т. 59. С. 449.

[337] Переволока — место, где Волга более всего сближается с Доном и где в 1589 г. был основан Царицын, — вообще выступает в источниках как граница между Луговой/Ногайской и Горной/Крымской сторонами Средней и Нижней Волги.

[338] *Сафаргалиев М. Г.* Заметки об Астраханском ханстве // Мордовский государственный педагогический институт им. А. И. Полежаева: Сборник статей преподавателей института. Саранск, 1952. С. 45.

[339] ПСРЛ. Т. 13. С. 241.

[340] Район нынешнего Волгограда.

[341] В разночтениях — Сакман, Сакаман, Салман.

[342] Или в двух верстах ниже (РНБ. Погод. 1490. Л. 79 об.).

[343] ПСРЛ. Т. 13. С. 241.

[344] *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. С. 25.

Тархан был взят без боя; после того как войска пристали к берегу выше по реке, вышли из судов и направились к городу, немногочисленные жители выбежали[345].

Князь А. И. Вяземский, вероятно отпущенный чуть ранее основной части войска, прибыл в «царев стан» тогда же — 2 июля, однако Ямгурчи он там не нашел. Узнав о взятии города, хан бежал на конях, а цариц с детьми пустил в судах к морю. Астраханцы, спасаясь, в судах и пешие, бежали от московской рати. Того же дня князь Ю. И. Пронский посадил Дервиш-Али на астраханский престол и послал к Исмаилу служилого татарина Янбулата, а также приближенного Дервиша Айдеяра (Аиндеяря), с тем чтобы ногаи шли к Астрахани[346]. Из города воеводы вышли несколькими отрядами, а по всем островам были отпущены головы — их задачей была поимка Ямгурчи.

В Астрахани с Дервишем остались князь А. Барятинской и Петр Тургенев с небольшим гарнизоном — детьми боярскими, стрельцами и казаками[347]. Основные силы отдельными отрядами отправились в разных направлениях на поимку Ямгурчи[348]. От «языков» узнали, что Ямгурчи с остатками воинства бежал в северокавказскую Тюмень[349]. Он был связан с тюменским шамхалом родственными узами и пытался укрыться у своего тестя[350]. Бежавшие к Тюмени с Ямгурчи были перебиты и частично пленены. Тюменцы бросили город и «выбежали на лес»[351]. Самого Ямгурчи не нашли[352].

Между тем к воеводам прибыла делегация бывших подданных Ямгурчи во главе с кунгратским князем «Ираклешем»[353] с челобитьем о милости и службе великому князю и его служилому царевичу Дервишу. Князь подписал шерть и поклялся, как обычно делалось в таких случаях, на Коране. В улусы ханства к «черным людям» были разосланы письма с гарантиями безопасности населения. В Астрахань вернулась часть населения, представители разных слоев, социальных и национальных групп Астраханской земли для заключения шерти — признания своего подданства русскому царю[354]. Подсчет указанных в русских источниках данных показывает, что в Астрахань вернулось

---

[345] ПСРЛ. Т. 13. С. 242. Второго июля православные отмечают праздник Ризоположения. Служба на Положение ризы Богородицы развивает идеи милосердной защиты Богородицей людей и мира. На русской почве это выразилось в символе Покрова и связывалось с защитой русской земли от татар. Взятие города именно 2 июля может быть умелой конструкцией автора летописного известия, «подогнавшего» действительное событие (астраханский триумф) под символичный праздник. Реальная победа могла произойти и позже. Например, Исаак Масса указывает на 3 июля как день взятия города (*Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. С. 25).

[346] ПСРЛ. Т. 13. С. 242, 549.

[347] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 3. С. 469. Разрядная книга 1550—1636 гг. несколько иначе передает события: «а в Астарахани оставили Левонтия Мансурова, да голову с стрельцами Петра Туренева» (Т. 1. С. 36), т. е. Тургенева.

[348] Там же. С. 242—243.

[349] Там же. И. Масса повторил эти летописные сообщения: «Ямгурчей бежал с небольшим обозом и направился к Тюмени [Tumen], но за ним тотчас снарядили погоню, однако захватили только часть поклажи и всех его жен и наложниц, ему же самому удалось спастись» (*Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. С. 25).

[350] См. подробнее: *Зайцев И. В.* Астраханское ханство. 2-е изд. М., 2006.

[351] Сборник РИО. Т. 59. С. 450.

[352] РНБ. Погод. 1490. Л. 83; ПСРЛ. Т. 13. С. 550.

[353] Именно кунграты составляли при астраханских ханах главенствующую клановую группу.

[354] РНБ. Погод. 1490. Л. 85—85 об.

около 20 000 человек (точнее, 20 500: 17 000 «черных и кочевных»[355], 3000 духовенства и 500 князей мирз и уланов), но, скорее всего, эти цифры преувеличены. Вернувшиеся в город сообщили о судьбе хана. Он с двадцатью слугами бежал в османский Азов[356]. Поймать его так и не удалось. Официальная Москва распространяла информацию, что хан будто бы утонул в Волге при бегстве[357].

В конце августа (29 числа, в день рождения царя)[358] 1554 г. в Москву от князя Пронского прибыл князь Василий Иванович Барбошин с «сеунчем» (т. е. известием о победе). Вместе с ним были посланы князь Иван Гвоздь Федорович Приимков-Ростовский (от И. Вешнякова), князь Никита Григорьевич Гундоров (от М. Головина), Савва Матвеевич Товарищев (от Ш. Кобякова) и сын воеводы сторожевого полка Степана Сидорова Дмитрий[359]. Пойманные царицы и царевны были доставлены в столицу 18 октября[360]. В Литву к Сигизмунду-Августу с сеунчем был послан Федор Вокшерин (уехал из Москвы 14 сентября). В титуле Ивана IV появился элемент «царь Астраханский»[361]. В документах посольства к Сигизмунду-Августу Иван IV также именовал себя в числе прочего «царем Астраханским»[362]. Сигизмунд титул признал: его посол в ответе произнес слово «Астраханский». Это означало, что присоединение Хаджи-Тархана к Русскому государству было принято на международном уровне.

Борьбу с Астраханским ханством в 1554 г. Иван IV мотивировал нарушением со стороны Ямгурчи достигнутых договоренностей и обидой, нанесенной московскому послу. «Тмутараканская» легенда служила лишь подспорьем. Окончательное присоединение объяснялось уже изменой Дервиша. Наиболее ярко московская позиция отразилась в дипломатических документах по связям с Османской империей: «...Дербыш Алей государю нашему не учал прямити...»[363] Почти дословно этот пассаж был повторен в конце XVI в. в материалах посольства В. В. Тюфякина и С. Емельянова к сефевидскому шаху Аббасу[364]. Много позже московские приказные деятели рисовали картину полной зависимости астраханских ханов от великого князя: «бывали на Астрахани цари из рук государей наших»[365]. Безусловно, в идеологии завоевания присутствовали и религиозные мотивы. В сеунче, посланном в Литву с Федором Вокшериным, говорилось, что царь послал воевод «мстити прежние обиды и крови христьянские»[366].

---

[355] По другим спискам и летописной версии, черных людей пришло 7 тыс. (РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 179 об.; ПСРЛ. Т. 13. С. 551).

[356] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 179 об.

[357] Сборник РИО. Т. 59. С. 448, 450.

[358] ПСРЛ. Т. 13. С. 548. Эта дата тоже вызывает некоторые сомнения: если городом овладели 2 июля, то тогда почему сеунч пришел в Москву почти через два месяца?

[359] Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 144; Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. 1. С. 36; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 3. С. 469.

[360] *Карнович Е. П.* Покорение царства Астраханского // Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края. Вып. 1. Астрахань, 1896. С. 6.

[361] Сборник РИО. Т. 59. С.447. Как предположил С. М. Каштанов, Иван IV уже с июля 1554 г. (т. е. с момента возведения на трон Дервиш-Али) считал себя астраханским царем; см.: *Каштанов С. М.* Земельно-иммунитетная политика Русского правительства в Казанском крае в 50-х годах XVI века (по актовому материалу) // Из истории Татарии. Сборник IV. Казань, 1970. С. 170—171. (УЗ КГПИ; Вып. 80).

[362] Сборник РИО. Т. 59. С. 447.

[363] *Бурдей Г. Д.* Взаимоотношения России с Турцией и Крымом в период борьбы за Поволжье в 40—50 годах XVI века. С. 199.

[364] Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1. С. 365.

[365] Там же. С. 196.

[366] Сборник РИО. Т. 59. С. 448.

Несмотря на сохранившуюся формальную независимость Астрахани, в Москве с этим уже не считались. Характерно, что оставленного при Дервише царского чиновника Петра Тургенева называли наместником. С независимостью Астрахани было покончено.

На город наложили дань, которая должна была собираться ежегодно. Сообщения о ее размерах рознятся: 1000 руб. или 40 000 алтын, т. е. 1200 руб.[367] и 3000 рыб. Московские люди получили право ловить рыбу без всякого контроля и пошлин на всей акватории Волги от Казани вплоть до астраханских границ и до самого Каспия. В другом источнике о дани сказано иначе: 10 тыс. лошадей, 20 тыс. овец и 30 тыс. рыб «осетров и белуг»[368]. Даже учитывая, что размеры выплат могли быть сознательно завышены (по рыбе ровно в 10 раз), для того чтобы произвести впечатление на литовскую сторону (эти данные сохранились в материалах московско-польско-литовского посольского обмена), объем дани впечатляет. Перед нами традиционные продукты астраханской экономики, сочетавшей в себе скотоводство и добычу рыбы. Удивляет полное отсутствие упоминания соли. Вероятно, соль, будучи владением казны, была пока оставлена за ханом как основной источник его доходов.

Шерть предусматривала в случае смерти Дервиш-Али прямое обращение астраханцев в Москву к великому князю, который имел исключительное право поставить нового хана[369]. Московские воеводы покинули город 29 июля[370]. Дервиш для подтверждения своих полномочий послал в Москву к великому князю бить челом на жалованье Астрахани. Гонцы в Москву были также отосланы и от астраханских князей, мирз, уланов и «черных их людей»: шерть, подписанная ими в Астрахани, должна была быть скреплена великим князем в Москве.

Между тем Ямгурчи не смирился с потерей города. Сын Дервиш-Али Янтимер (т. е. Джан-Тимур, бывший, скорее всего, на первых порах калгой хана) 13 апреля 1555 г. прислал в Москву письмо вместе со своим гонцом Тинбулатом (Дин-Булат). В послании сообщалось, что Ямгурчи приходил к городу с ногаями и крымскими татарами, но города не взял и отступил. Дервиш послал вдогонку за бежавшим неприятелем самого Джан-Тимура, который и отправил своего человека в Москву «с погони»[371].

Как сообщал из Крыма князь Ф. Загряжский, Девлет-Гирей с Ямгурчи и детьми Юсуфа готовились весной в поход на Астрахань. Да и сам Дервиш стал склоняться на крымскую сторону: вскоре калгой себе он взял крымского «царевича» Казбулата, сына Девлет-Гирея[372]. Приступ Ямгурчи, скорее всего, относится к марту 1555 г. В мае 1555 г. П. Тургенев доносил из Астрахани о нападении Ямгурчи и детей Юсуфа на город. Дервиш-Али вошел с Юсуфовыми сыновьями в переговоры и сумел переманить их на свою сторону: они разбили Ямгурчи, а Дервиш перевез их за это на левую сторону Волги[373]. Хан контролировал волжские переправы. На левобережье сыновья Юсуфа напали на Исмаила. На короткое время братьям удалось захватить Сарайчик, а с ним и власть в Ногайской Орде.

Летом 1555 г. по просьбе Исмаила на Волгу был послан стрелецкий голова Григорий Кафтырев с отрядом стрельцов и

---

[367] ПСРЛ. Т. 13. С. 551.

[368] Сборник РИО. Т. 59. С. 450.

[369] РНБ. Погод. 1490. Л. 86 об.

[370] ПСРЛ. Т. 13. С. 551.

[371] Там же.

[372] *Сафаргалиев М. Г.* Заметки об Астраханском ханстве. С. 48; *Бурдей Г. Д.* Взаимоотношения России с Турцией и Крымом в период борьбы за Поволжье в 40—50 годах XVI века. С. 200.

[373] ПСРЛ. Т. 13. С. 560.

казачий атаман Федор Павлов. В задачу группы входил контроль за волжскими переправами, охрана их от сыновей Юсуфа. Кафтырев должен был войти в контакт с Дервишем и в случае необходимости прийти к нему на помощь[374]. Вскоре Кафтырев сообщил в Москву, что по дороге он встретил на Волге П. Тургенева, которого отпустил в Москву Дервиш-Али. Если учитывать фразу разрядной книги о том, что П. Тургенев был оставлен в Астрахани «годовать»[375], тогда его отпуск (ровно через год после взятия 1554 г.) становится вполне объяснимым. Своего посла к царю хан с Тургеневым не послал. Стрелецкий голова вернул П. Тургенева в Астрахань и сам направился туда же[376].

В августе 1555 г. в Москве были получены новые известия из Астрахани: от Кафтырева приехал гонец — его подчиненный, стрелецкий сотник Степан Кобелев. По его словам, когда Кафтырев с Тургеневым и Павловым подошли к городу, он вновь был пуст: жители и хан бежали, якобы получив ложную информацию о карательной цели похода Кафтырева. Крымский хан послал Дервишу трех царевичей, князя Чегилека с артиллерией, вероятно, для обороны города. Кафтырев не стал обострять положение: сославшись с Дервишем-Али, он объявил о том, что Иван IV пожаловал хана и послал к нему своего посла Леонтия Мансурова. Кроме того, из Москвы вместе с ним были отпущены захваченные в плен в 1554 г. астраханские царицы, посол Дервиша «Клеш», а также задержанный в столице посол Ямгурчи «Тонотар» (или «Тонотор», «Тонатар»)[377].

В Москве понимали, что более действенной в Нижнем Поволжье окажется не политика силы, а стратегия уступок и компромиссов: Кафтырев объявил Дервишу, что царь отказался от годовой дани[378]. Дервиш-Али с детьми и «вся земля» астраханская снова вернулись в город. Л. Мансуров выехал из Москвы в сопровождении князей «Клеша» и «Корлена», посла бывшего хана Ямгурчи князя «Тонотара» и цариц 24 мая 1555 г. Путь по Волге они должны были преодолеть на судах. Летопись прямо указывает, что цариц Иван IV отпустил «по Дербышеву челобитью»[379]: вероятно, эта просьба содержалась в документах его посольства в Москву с князем «Клешем». Царицы вернулись не все: Ельякши (в крещении Ульяния), родившая сына Ямгурчи Ярышты (Петра), осталась в Москве и вышла впоследствии замуж за З. И. Плещеева.

Л. Мансуров благополучно добрался до Астрахани. К периоду его пребывания на Нижней Волге относится весьма необычное известие разрядной книги 1550—1636 гг., согласно которой московские отряды столкнулись не с одним укреплением города, а с двумя, построенными из камыша и земли. Эти укрепления не пострадали в результате военных действий. После ухода основных московских сил в регионе произошло своего рода этнополитическое размежевание: Дервиш-Али со своими приверженцами стал жить в одном городе, а оставленный московский представитель Л. Мансуров — в другом[380].

Это фактическое двоевластие в низовьях Волги, выраженное к тому же столь явно в существовании двух резиденций — двух Астраханских городков — хана и московского наместника (в своем письме в Москву, привезенном 5 марта, он назвал эту крепостцу «Малым городом у Волги»), не

[374] ПСРЛ. Т. 13. С. 560.
[375] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 3. С. 469.
[376] ПСРЛ. Т. 13. С. 560.
[377] Там же. С. 562—563.
[378] Там же. С. 563.
[379] Там же.
[380] Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. 1. С. 36.

могло не вылиться в открытое противостояние. Первые военные столкновения сторонников Дервиша и московских «государевых людей» произошли, согласно разрядной книге, в том же 1554 г., сразу же после ухода основных московских сил. Однако, скорее всего, это ошибка, и события следует сдвинуть на год вперед. Осенью Дервиш-Али с пришедшими к нему на помощь ногайскими татарами напал на резиденцию наместника, поджег ее и выкурил русский гарнизон к Волге, предварительно уничтожив суда[381].

В ноябре 1555 г. в Москву вернулись Кафтырев и Тургенев. Вместе с ними прибыл и посол Дервиша Темир. По сведениям Кафтырева и Тургенева, Дервиш не изменил Ивану IV, ссылался с Крымом и детьми Юсуфа, враждебными Исмаилу. В начале 1556 г. из Москвы в Ногайскую Орду к Исмаилу предполагалось послать Андрея Тишкова, который должен был сообщить о готовности Москвы к наступлению на Астрахань. Главной целью посольства было заключение новой шерти[382].

Гонец Исмаила Бигчура, приехавший в Москву 1 марта 1556 г., сообщил, что Дервиш в союзе с Юсуфовыми детьми и Крымом выбил Мансурова из города. Пятого марта пришла грамота от самого Мансурова с изложением обстоятельств стычки с астраханцами и ногаями. Мансурову удалось уйти на судах вверх по Волге. Из 500 человек его отряда в живых осталось 350 (или 308), остальные были либо убиты, либо утонули, либо умерли от голода во время бегства[383]. Исмаил сообщал о своей готовности взять город и просил помощи. Он предлагал Ивану IV заменить Дервиша каким-либо другим татарским царевичем[384].

В том же месяце гонец Исмаила Бигчура был отпущен из Москвы, а с ним на подмогу послано 50 казаков с пищалями. Полем на лыжах на Волгу было послано еще 500 казаков с атаманом Ляпуном Филимоновым. Тогда же, в марте, на Астрахань была отпущена стрелецкая рать под командованием головы Ивана Черемисинова и Михаил Колупаев с казаками. Отрядом вятчан, согласно летописи, командовал Федор Писемский. К войску был послан стрелецкий голова Тимофей Пухов сын Тетерин, а также «атаманы казаки многие». Войску предписывалось идти на Астрахань в судах. Ляпун Филимонов, отпущенный раньше, успел к городу первым. В августе 1556 г. в Москву от него привели первых пленных — двух крымских мирз. Они сказали, что помощь Крыма выразилась лишь в присылке 700 татар и 300 янычар под командованием «Атман-Дувана», которых Девлет-Гирей с артиллерией послал к Астрахани для обороны от русских войск[385]. Подойдя к городу (здесь, скорее всего, имеется в виду крепостица Дервиша), воеводы И. Черемисинов и М. Колупаев снова никого не обнаружили, поскольку Дервиш бежал, а город выжег. Московские воеводы организовали строительство новой крепости, в которой пребывали еще два года[386].

В сентябре 1556 г. в Москву прибыли гонцы от воевод астраханского похода. Головы писали, что они нашли Астрахань пустой, засели в городе, укрепили его и затем выходили в поисках Дервиша к морю (на расстояние пяти дней пути от города), где уничтожили его суда. Затем головы

---

[381] Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. 1. С. 36.

[382] *Бурдей Г.Д.* Взаимоотношения России с Турцией и Крымом в период борьбы за Поволжье в 40—50 годах XVI века. С. 200; ПСРЛ. Т. 13. С. 568.

[383] ПСРЛ. Т. 13. С. 568.

[384] Цит. по: *Сафаргалиев М.Г.* Заметки об Астраханском ханстве. С. 48.

[385] ПСРЛ. Т. 13. С. 574—575; *Бурдей Г.Д.* Взаимоотношения России с Турцией и Крымом в период борьбы за Поволжье в 40—50 годах XVI века. С. 200.

[386] Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. 1. С. 37.

нашли Дервиша с остатками войска и бились с ним, гнали его до Волги. В том же донесении сообщалось, что еще до прихода царских воевод на Астрахань напал атаман Ляпун Филимонов, разграбивший окрестные улусы, из-за чего население и покинуло город[387]. И. Черемисинов связался с Дервишем-Али, который в очередной раз заявил о своей лояльности Москве. Все его измены происходили будто бы «неволею». Головы вернули московского посла Андрея Тишкова, посланного к Исмаилу и попавшего в плен: за него отдали 15 «жонок Астороханьского полону»[388].

Теперь Астрахань была взята навсегда. И. Черемисинов и М. Колупаев укрепились в городе, установив контроль над рыбными ловлями и переправами через Волгу[389]. Дервиш, однако, не приехал к московским представителям: 23 сентября головы прислали новое письмо, в котором говорилось, что Дервиш склоняется на сторону крымского хана, в этом намерении его укрепляет «атаман Дуван, крымского царя воевода»[390]. Это был тот самый «Атман», т. е. Осман-дуван, которого Девлет-Гирей прислал на помощь Дервишу. Осенью 1556 г. ногаи объединились: Исмаил помирился с Юсуфовыми потомками, и они вместе начали военные действия против Дервиша. Ногаи дали шерть астраханским воеводам. Юнус, преследуя Дервиша, отбил у него артиллерию, присланную из Крыма, и прислал ее в город И. Черемисинову и М. Колупаеву. Потеряв всех своих союзников, не имея никаких надежд на возвращение престола, преследуемый ногаями, Дервиш бежал в Азов под османскую защиту, а оттуда в Мекку. Такое паломничество (хадж) считалось символом отказа от светской власти.

Воеводы тем временем были заняты налаживанием отношений с немногочисленным и рассеянным в результате долгих неурядиц населением ханства — черными «улусными» людьми, т. е. не горожанами, которых, вероятно, к тому времени почти не осталось, а жителями ханских и бийских земель. И. Черемисинов восстановил прежние порядки, в том числе касающиеся сбора и выплаты ежегодной дани[391].

Благодаря умелым действиям московских дипломатов к концу 1550-х гг. значительное число ногаев было привлечено к планам царя по завоеванию Казани и Астрахани. Фактический нейтралитет большинства ногайских мирз при взятии Казани и их действенная помощь в решении «астраханского вопроса» сыграли на руку Москве. Попытки турок обратить ногайских мирз против Московского государства успеха не имели.

Присоединение Астрахани к Московскому государству в 1554—1556 гг. еще не означало окончательного закрепления в ней царской администрации. Русские еще довольно долго не чувствовали себя хозяевами Нижней Волги, под контролем Москвы находилась лишь узкая прибрежная полоса. Очень долго не могли смириться с завоеванием Казани и Астрахани в Крыму. Только когда Москва фактически предложила выкуп за переход волжских ханств под свою юрисдикцию, крымская сторона после длительного сопротивления на это согласилась[392].

---

[387] ПСРЛ. Т. 13. С. 576.

[388] Там же. С. 576.

[389] Там же. Важнейшим перевозом был так называемый Ханский брод между Сеитовкой и Ак-Месджидом.

[390] ПСРЛ. Т. 13. С. 576.

[391] Там же. С. 578—579.

[392] *Фаизов С. Ф.* Поминки — «тыш» в контексте взаимоотношений Руси-России с Золотой Ордой и Крымским юртом // Отечественные архивы. 1994. № 3. С. 53.

Взаимоотношения с Ногайской Ордой

Отношения Русского государства с Ногайской Ордой следует рассматривать в контексте отношений с Казанским ханством, поскольку Ногайскую Орду с Казанью связывала не только историко-культурная общность, но и повседневная жизнь. Летние кочевки ногаев происходили на территории Казанского ханства, и для обеспечения их безопасности и отсутствия препятствий ногайская знать прибегала к брачной дипломатии, выдавая своих дочерей за казанских ханов, что в условиях многоженства представляло собой довольно-таки стабильный ресурс. Нарушение этой традиции ногаи воспринимали негативно и старались восстановить свое влияние, используя дипломатию и военную силу. Такая позиция Ногайской Орды проявилась уже в самом начале русско-ногайских отношений. Первое ногайское посольство 1489 г. было отправлено в Москву для освобождения казанского хана Али (Ильхама) и его семьи; русские свергли хана в 1487 г.[393] Требования посольства были отклонены. Представители Ивана III указывали, что Али первым нарушил договор с Русским государством, и поэтому в освобождении было отказано[394]. В начале августа 1490 г. в Москву приехал посол мирзы Мусы — Семен Богатырь. В грамоте содержалось предложение о военном сотрудничестве, обмене послами и торговле[395]. В Москву 23 октября 1490 г. прибыло представительное ногайское посольство, которое признало власть нового казанского хана Мухаммед-Эмина и согласилось присоединиться к союзу против Большой Орды.

Переговоры в августе и октябре 1490 г. привели к укреплению позиций России в Среднем Поволжье и к союзу с ногаями. Так Ногайская Орда все больше включалась в орбиту московской политики[396]. Однако необходимо признать, что союз с Россией в 1490 г. диктовался в первую очередь необходимостью разрешить конфликт с Казанью, но долговременным он не мог быть, что стало ясно чуть позднее[397].

В 1491 г. в Москве получили сообщения о внутренней борьбе в Ногайской Орде между Ямгурчи и Мусой; в 1493 г. Муса в этой борьбе потерпел поражение[398]. В 1496 г. Ямгурчи военной силой поддержал сибирского Чингисида — Мамука и возвел его на казанский престол, что противоречило русским интересам в Среднем Поволжье. Впрочем, Мамуку так и не удалось закрепиться в Казани. Новым ханом стал Абдул-Латиф, брат Мухаммед-Эмина, присланный из Москвы по просьбе казанской аристократии[399]. Эта перемена вызвала недовольство в Ногайской Орде, и в 1499 г. ногаи поддержали поход на Казань еще одного сибирского царевича — Агалака. Узнав о выдвижении русских войск, ногаи предпочли отступить. В 1500 г. ногаи осадили Казань, но, получив отпор, были вынуждены уйти из-под стен города[400]. Провал военной линии внешней политики ногаев вынудил их вернуться к дипломатическим переговорам. В Москву 18 ноября 1501 г. прибыло посольство от

---

[393] Сборник РИО. Т. 41. СПб., 1884. С. 81—83.

[394] Там же. С. 83—85.

[395] Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой: 1489—1508 гг. С. 28.

[396] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV века. М., 1952. С. 220.

[397] *Моисеев М. В.* «Казанский вопрос» в русско-ногайских отношениях конца XV — первой половины XVI столетий // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. Казань, 2012. С. 107—108.

[398] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2001. С. 115—117.

[399] *Худяков М. Г.* Очерки по истории Казанского ханства. С. 54—56.

[400] См.: *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 129—130, 137.

Мусы, Ямгурчи, Султан-Ахмеда и других мирз и княгинь[401]. Переговоры в Москве в ноябре 1501 г. привели к первому в истории русско-ногайских отношений шертованию (присяги в верности). Послы Мусы, Ямгурчи и других мирз дали шерть в Москве за своих господ, а позднее сами ногайские аристократы шертовали в Орде перед русским посланником Яковом[402]. К результатам переговоров 1501 г. можно отнести и последовавшее в январе 1502 г. смещение с казанского престола Абдул-Латифа и заключение его в Белоозеро[403]. С января 1502 г. в Казани вновь стал ханом Мухаммед-Эмин, связанный уже брачными узами и с Мусой (по жене Фатиме), с Ямгурчи (по жене Каракуш); тем самым в казанско-ногайских отношениях наконец наступила стабильность.

Новое посольство, посланное Ямгурчи и его женой, прибыло в Москву в сентябре 1504 г.[404] К этому времени бием Ногайской Орды вместо умершего Мусы стал Ямгурчи. Послы бийской четы заверяли Ивана III в союзнических устремлениях нового правителя, основанных на условиях шерти 1501 г.[405] Особенно Ямгурчи заботился о своей дочери Каракуш. В грамоте также упоминалось о несостоявшемся посольстве в Москву. Ямгурчи якобы хотел с русским послом отправить своего, но тот заболел в пути и вернулся[406]. Послы Ямгурчи и его жены 3 октября 1504 г. были отпущены[407]. В ответной грамоте были изложены претензии русской стороны. Так, весной 1504 г. ногаи на Поле ограбили русского посла в Крымское ханство И. Н. Беклемишева. Осенью этого же года люди мирзы Шейх-Мамая напали на русские пограничные районы, летом астраханцы напали на русских рыбаков. Иван III требовал наказать виновных и в дальнейшем пресекать подобные недружественные акции со стороны как ногаев, так и их вассалов. В противном случае великий князь оставлял за собой право защитить своих подданных в степи. Русская сторона требовала возместить понесенные убытки и освободить пленных без выкупа[408]. Жесткость позиции русского правительства несколько смягчалась посланными поминками[409], однако ни посла, ни гонца в Ногайскую Орду отправлено не было[410].

После сентября 1504 г. в русско-ногайских отношениях вновь наступил перерыв, связанный с казанскими событиями. В 1505 г. в Казани произошел очередной переворот, в котором активную роль сыграли ногаи. Мухаммед-Эмин вышел из-под контроля России. Сразу после переворота началась русско-казанская война. В сентябре 1505 г. Мухаммед-Эмин осадил Нижний Новгород[411]. Осада Нижнего Новгорода казанско-ногайским войском провалилась[412]. Ответный поход русских войск на Казань

---

401 См.: Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой: 1489—1508 гг. С. 52. В Никоновской летописи посольство датируется декабрем 1501 г.; см.: ПСРЛ. Т. 12. М., 2000. С. 254.

402 Сборник РИО. Т. 41. С. 386; Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой: 1489—1508 гг. С. 54.

403 ПСРЛ. Т. 12. С. 255.

404 См.: Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой: 1489—1508 гг. С. 52.

405 Там же. С. 52—53.

406 Там же. С. 52.

407 Там же. С. 53.

408 См.: Там же. С. 54.

409 Там же. С. 54—55.

410 Там же. С. 55; ср.: *Кочекаев Б.-А. Б.* Ногайско-русские отношения XV—XVIII вв. Алма-Ата, 1988. С. 69.

411 ПСРЛ. Т. 12. С. 259.

412 Там же.

также оказался неудачным[413]. Невозможность решить проблему военным путем вызвала активизацию дипломатических отношений.

В сентябре 1507 г. великий князь Василий III послал в Ногайскую Орду гонца Кожуха Карчеева «с товарищи». Гонцы отправлялись к преемнику Ямгурчи бию Хасану и влиятельным мирзам Алчагиру и Алачу[414]. В грамотах русские дипломаты напоминали ногаям о данной в 1501 г. шерти и призывали не помогать Мухаммед-Эмину[415]. Четвертого августа 1508 г. гонцы вернулись в Москву с послами от Алчагира. Тот призывал великого князя помириться с казанским ханом и предлагал свои услуги в качестве посредника[416]. За это Алчагир требовал освободить пленных ногаев[417].

В Ногайскую Орду 13 апреля 1508 г. направили посла князя Темира Якшенина с грамотами к бию Хасану и мирзам[418]. В грамотах содержалось ретроспективное изложение русско-ногайских отношений при Иване III. Особенный упор делался на итогах переговоров в 1501 г., когда русско-ногайские отношения были закреплены шертью[419]. Дипломаты Василия III предлагали ногаям военный союз и право свободной торговли для ногайских купцов в Российском государстве[420]. Со своей стороны Москва пыталась использовать ногаев в конфликте с Великим княжеством Литовским[421]. Ногаи должны были совершить набег на княжество, а русские войска — вступить в литовские земли со своей стороны. Для синхронизации наступления ногаям предлагалось своевременно сообщить о выступлении их отрядов[422]. В Москве ожидали прибытия послов из Ногайской Орды с князем Якшениным[423]. В целом же, несмотря на заинтересованность некоторых ногайских мирз в военных походах против Великого княжества Литовского, присоединиться к этому конфликту они не спешили. Причиной могли быть столкновения с казахами[424].

Дальнейший ход русско-ногайских отношений был прерван жесткой междоусобицей в Ногайской Орде, а затем и казахским нашествием, которое едва не привело к ее гибели. После 1509 г. русско-ногайские отношения прервались. Датой возрождения Ногайской Орды и русско-ногайских отношений следует, по-видимому, считать 1523 г. Инициатором явились ногаи, возможно Мамай-мирза[425]. Не позднее декабря 1523 г. ногаи «били челом», чтобы великий князь разрешил ногайским купцам ходить в Русское государство с торгом. Василий III согласился на предложения ногайской стороны и отослал к ним своего посла[426]. К 1524 г. относятся брачные переговоры

---

[413] ПСРЛ. Т. 13. С. 2—3.

[414] Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой: 1489—1508 гг. С. 55.

[415] Там же. С. 55—56.

[416] Там же.

[417] Там же.

[418] Там же. С. 64.

[419] См.: Там же. С. 64—67, 69—71.

[420] Там же. С. 65; *Назаров В.Д.* Российско-ногайская торговля (первая половина XVI века) // Восток. 1998. № 1. С. 49.

[421] Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой: 1489—1508 гг. С. 65—66, 68—71.

[422] См.: Там же. С. 66—67, 69—72.

[423] Там же. С. 66.

[424] Там же. С. 80; *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. С. 142, 156—157.

[425] Не случайно в Описи Посольского приказа 1614 г. эта посольская книга определена как «при великом князе Василии Ивановиче как был на Нагайскай Орде во княжое место Мамай мурза» (Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. С. 106).

[426] РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. Кн. 6. Л. 31 об.

крымского хана Саадет-Гирея с ногайским Хаджи-Мухаммед-бием[427]. В феврале 1525 г. в Крым прибыло посольство от потенциального тестя с требованием калыма. Саадет-Гирей обещал отдать его после приезда невесты и призвал ногаев к походу на Русское государство[428]. Однако в это время русско-ногайские отношения сохраняли мирный характер и в значительной степени представляли собой торговые контакты[429]. Тем не менее ногаи были вынуждены принимать участие и в русско-казанских конфликтах. Во время русского наступления на Казань в июле 1530 г. против русских войск выступили в том числе и ногаи[430]. Последовавший за этим резкий поворот в русско-казанских отношениях существенно ухудшил взаимоотношения России и Ногайской Орды. Так, мирза Мамай прекратил всякие отношения с Россией[431]. Но это не привело сразу к полному прекращению русско-ногайских отношений. В сентябре 1532 г. в Москве состоялось ногайское посольство от Хаджи-Мухаммеда-мирзы и иных мирз[432]. Правда, это оказалось его последнее посольство в Россию до смерти великого князя Василия Ивановича[433].

С этого момента, вероятно, русско-ногайские отношения прекратились. Окружение нового казанского хана Джан-Али (Еналея) в июне 1533 г. прислало в Москву посольство с заданием получить разрешение на его брак с дочерью ногайского мирзы Юсуфа, для того чтобы «земля казанская в упокое была»[434]. Вероятно, это свидетельствует о враждебной позиции, занятой ногаями по отношению к новому хану. Главой подобной политики стал Мамай-мирза, о чем единодушно сообщают сами ногаи[435].

В 1530—1540-е гг. русско-ногайские отношения характеризовались борьбой вокруг статуса Ногайской Орды. Камнем преткновения стал процесс шертования. Кроме этого, ногаи требовали возместить убытки, понесенные ими при Василии III, а также увеличить количество поминков, и даже объявили свои претензии на ордынскую дань. При удовлетворении этих требований ногаи были готовы шертовать Ивану IV. Русская дипломатия в лице сподвижников покойного великого князя Василия III Ф. И. Карпова и дьяков М. Путятина и Ф. Мишурина решительно воспротивилась такому нажиму ногайской знати. В процессе шертования русские власти усматривали необходимое условие благоприятного развития русско-ногайских отношений, подчеркивая, что великий князь «дружбу не выкупает». Большую роль в противостоянии политике ногайского бия Саид-Ахмеда сыграла информированность русского внешнеполитического ведомства о реальном положении дел в Ногайской Орде. И здесь следует отметить миссию русского посланника Д. И. Губина, который смог наладить бесперебойное снабжение оперативной информацией московских дипломатов. Благодаря его деятельности в Москве своевременно узнали о наличии серьезной оппозиции политике Саид-Ахмеда в Ногайской Орде, в расчете на которую Москва и строила свою дипломатию, направленную на дезавуирование притязаний бия.

---

[427] РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. Кн. 6. Л. 84.
[428] Там же.
[429] Там же. Л. 252 об.—253.
[430] ПСРЛ. Т. 13. С. 47; Т. 20. С. 406.
[431] Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой: 1489—1549. Махачкала, 1995. С. 96.
[432] ПСРЛ. Т. 13. С. 65; Т. 20. С. 413—414.
[433] Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой: 1489—1549. С. 157.
[434] ПСРЛ. Т. 13. С. 69; Т. 20. С. 416.
[435] Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой: 1489—1549. С. 94, 96—97.

В это время проявилась и зависимость геополитической ориентации ногайских мирз от территорий кочевания. Так, мирзы западного крыла Ногайской Орды изъявили желание на приоритетные отношения с Россией. В обмен на это они были готовы препятствовать антирусским действиям Крымского ханства и своего бия. Однако говорить об ориентации на Русское государство было преждевременно, так как именно эти мирзы являлись основной движущей силой антимосковской борьбы за Казань. Вместе с тем интерес мирз западного крыла к развитию дружеских отношений с Россией позволил великокняжеским дипломатам более решительно противостоять притязаниям бия Саид-Ахмеда.

Существенным моментом, осложнявшим русско-ногайские отношения, стала затянувшаяся вражда ногаев и касимовцев, сопровождавшаяся взаимными нападениями. Для преодоления кризиса в отношениях московские власти предприняли последовательные действия для наведения порядка на степном пограничье. Во-первых, русские власти освобождали пленных ногаев и приказывали касимовцам не тревожить ногайские кочевья. В результате правительство Елены Глинской решило произвести розыск в самом Касимове для освобождения пленных ногаев и наказания виновных. Во-вторых, в Мещере, месте нападений ногаев, было развернуто активное градостроительство. В итоге эти меры привели к тому, что все требования Саид-Ахмеда ногайская сторона сняла. Дипломатия правительства Елены Глинской смогла вернуть русско-ногайские отношения на уровень конца XV — первой трети XVI в.

Русско-ногайские отношения в 1548—1554 гг. были в значительной степени связаны с общей активизацией русской политики в Поволжье. На первых порах, вплоть до начала 1548 г., ногаи поддерживали казанцев в их борьбе с Россией, но затем под влиянием русской дипломатии Ногайская Орда заняла позицию нейтралитета. Русские власти старательно разжигали ногайско-крымские противоречия вокруг Астрахани. Планы части казанской знати возвести на престол крымского султана вызвали вражду ногаев к Казани, так как это приводило к утрате влияния дочери Юсуф-бия, регентши Сююмбике, и ее сына Утемыш-Гирея. Ногайская аристократия выступила инициатором мер, направленных на изоляцию Казани от Крымского ханства. После утверждения на казанском престоле ногайский бий Юсуф призывал Москву прекратить военное давление на Казанское ханство. Продолжение русскими казанской кампании вызвало охлаждение отношений Юсуфа с Иваном IV. В итоге к 1551 г. он оказался исключен из русско-ногайского дипломатического диалога, и русские власти стали выстраивать свою политику в расчете на Исмаила, правителя (нурадина) западного крыла Ногайской Орды, и его сторонников.

В 1552 г. власть в Казани захватили противники подчинения Русскому государству. Из Ногайской Орды к ним на ханский престол прибыл астраханский царевич Ядгар-Мухаммед. Впрочем, в итоге ногаи устранились от русско-казанского противостояния. Окончательное присоединение Казани к Русскому государству вызвало у большинства ногайской аристократии благоприятную реакцию. Только Юсуф резко выступал против усиления России. Он даже смог инспирировать поход на русские границы. Однако его замысел потерпел крах, в первую очередь из-за несогласия с идеей похода влиятельной части ногайской элиты, а также нерешительности самого бия.

После взятия Казани и провалившегося похода Юсуфа на Русское государство в Москве решили активизировать астраханскую политику. Правительство Ивана IV в борьбе за Астрахань поддерживало Дервиша-Али, сторонником которого выступало и большинство ногайской знати. Но против этой кандидатуры выступал бий Юсуф. Операция по возведению Дервиша-Али на престол носила секретный характер. В вопросе

управления Астраханью русские политики планировали ввести совместное с ногаями управление ханством. Однако сближение Дервиша-Али с Крымским ханством, наблюдаемое с конца 1554 г. по март—апрель 1555 г., встревожило и Россию, и Ногайскую Орду. Это привело к закономерному решению обеих сторон сместить Дервиша-Али с престола. Русское правительство, опираясь на предложения ногайских партнеров, приняло жесткий план разрешения наметившегося кризиса в Нижнем Поволжье. В итоге не позднее февраля 1556 г. было принято решение захватить Астрахань, удачно исполненное И. С. Черемисиновым. Одновременно с планированием экспедиции на Астрахань в Москве призывали ногаев и к нападению на Крымское ханство. Однако реализовать все эти планы помешала начавшаяся междоусобица в Ногайской Орде.

Отношения России и Ногайской Орды в 1555—1556 гг. развивались весьма интенсивно и в значительной степени были связаны с кризисом в Ногайской Орде, выразившимся в жестокой междоусобице, которая привела к гибели бия Юсуфа (это был первый случай убийства представителя правящей династии). Среди причин этой междоусобицы следует назвать борьбу внутри кочевого сообщества между традицией и новшеством в деле наследования власти — правом старшего в роде и наследственной передачей власти от отца к сыну. Сказалось и резкое изменение геополитического баланса, вызванное завоеванием Россией Казанского ханства и подчинением Астраханского ханства. Необходимо учитывать также ослабление из-за жестокой междоусобицы в Бухарском ханстве традиционного для ногаев среднеазиатского фактора. Еще одним поводом, спровоцировавшим внутренние конфликты, стал голод, начавшийся в ногайских степях в 1553 г. В условиях сокращения числа торговых партнеров Ногайской Орды особенно привлекательными стали стабильные отношения с Россией. Но именно им и угрожал бий Юсуф с его последовательными с 1550 г. антирусскими шагами. В результате он лишился и власти, и жизни. После переворота Исмаил и его сторонники стремились усилить торговые отношения с Россией.

На стороне Исмаила выступали его сыновья, на противоположной — сыновья Юсуфа. Каждая из сторон имела поддержку среди ногайской знати. Углубление междоусобицы привело к значительному ухудшению экономического положения Орды. Ногайский фактор в восточной политике России вновь уменьшался. Однако интересы царской внешней политики — как на востоке, так и на западе — требовали сохранения русско-ногайских отношений. Для успешной реализации амбициозной политики Ивана IV на Балтике было необходимо нейтрализовать Крымское ханство. Поэтому русская дипломатия в Ногайской Орде стремилась спровоцировать ногайско-крымское противостояние. В 1558 г. обнаруживаются попытки создать широкую антикрымскую коалицию, включавшую ногаев и правителей северокавказских княжеств. Россия отводила себе в этой коалиции весьма скромное место, поскольку стремилась лишь блокировать, а не завоевывать Крымское ханство.

Постепенно русско-ногайские отношения все более отдалялись от магистральной линии внешней политики России. Их главной задачей стало мирное сосуществование кочевой державы ногаев с Русским государством. Ногайская политика России сводилась к созданию подконтрольного Москве противовеса Исмаилу. Именно поэтому в России оказали поддержку тем Юсуфовичам, которые отказывались продолжать борьбу с Исмаилом. Это не в последнюю очередь (кроме экономического краха) диктовало весьма податливую политику Исмаила.

К 1560-м гг. в России образовалась довольно большая ногайская диаспора, состоявшая не только из мирз и их окружения, но и из «коневных мастеров», служивших

на государевых конюшнях. Считать, что все они являлись пленниками, нет оснований, хотя пленных ногаев в России было немало. К 1562 г. относится первый случай участия ногаев в Ливонской войне. Со временем отъезд ногаев в Россию для участия в конкретной кампании Ливонской войны приобрел устойчивый характер[436].

В конце 1560-х гг. происходит резкая интенсификация международных отношений в регионе Северного Кавказа и Поволжья. В это время формируется несколько внешнеполитических проектов, от реализации которых зависела судьба северокавказского региона и Нижнего Поволжья. Московский проект предусматривал постепенное проникновение русского влияния на Кавказ с опорой на союзные сообщества и роды адыгов, и для этого следовало минимизировать столкновения с турками-османами. Османы же, в свою очередь, стремились разобраться с возникшей русской проблемой решительно, выдавив русских не только с Кавказа, но и Нижнего Поволжья. Крымский проект предполагал включение Казыева улуса (Малой Ногайской Орды) в свое политическое пространство и, что важно, превращение Астрахани в совместное крымско-русское владение. Такое решение позволяло бы Девлет-Гирею не допустить османов к решению проблем, возникших в зоне влияния крымских Чингисидов[437]. Подобная конфигурация в истории постордынского политического пространства возникала не раз. Очевидно, Девлет-Гирей вдохновлялся казанским опытом, когда в 1524 г. казанских послов Василий III пожаловал ханом Сафа-Гиреем, ранее приехавшим в Казань из Крыма[438]. Для Девлет-Гирея подчинение Астрахани османам было крайне невыгодно, и он прикладывал значительные дипломатические усилия, пускаясь даже в откровенные авантюры, желая отвратить османов от личного участия в поволжской политике. Ногайская Орда в это время выполняла роль своеобразного посредника между восставшими черемисами, казанскими эмигрантами и Крымским ханством, а также пыталась наладить с помощью брачной дипломатии некое подобие союза с Бахчисараем. Правда, надежды на это оказались призрачными — известно о планах Девлет-Гирея истребить если не всех ногаев, то, по крайней мере, клан Исмаила. В этих условиях правящая элита Ногайской Орды стремилась выстроить свою международную линию в рамках многовекторной стратегии. В 1571 и 1572 гг. ногайские отряды приняли участие в крымских походах на Москву (в том числе и в битве при Молодях). Но довольно скоро стало понятно, что действенного и взаимовыгодного союза ногаев с Крымским ханством не будет, и поэтому бий Дин-Ахмед постарался нормализовать отношения с Россией, а перед смертью завещал своим преемникам не отступаться от русского царя[439].

Новый ногайский бий Урус продолжил политику лавирования между большими государствами, стараясь восстановить былое могущество Ногайской Орды. Объявляя о своей лояльности царю Ивану IV, Урус старался заполучить как можно больше «государева жалованья», продолжая при этом заигрывать с Крымским ханством и потворствуя набегам на русские пограничные области. В свою очередь Русское государство как средство давления на ногаев использовало казаков, которые нападали

---

[436] См.: *Трепавлов В. В.* Тюркская знать в России (ногаи на царской службе) // Вестник Евразии. 1998. № 2. С. 97—109.

[437] Посольские книги по связям Московского государства с Крымом: 1567—1572. М., 2016. С. 176.

[438] *Моисеев М. В.* Обоснование прав на Казанское ханство в русском средневековом нарративе // Мининские чтения: Труды участников международной научной конференции: Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (24—25 октября 2008 г.). Н. Новгород, 2010. С. 400.

[439] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. Казань, 2016. С. 596.

на ногайские кочевья и даже разорили столицу Орды Сарайчик[440]. Впрочем, степень подконтрольности казаков Москве не стоит преувеличивать. В 1581 г. волжские казаки под командованием знаменитого атамана Ивана Кольцо напали на русских и ногайских послов. Эта выходка заставила Ивана IV перейти к решительным действиям и начать против них борьбу[441]. Правительство Бориса Годунова перешло к новой тактике в регионе, которая заключалась в планомерном освоении среднего течения Волги. В результате на основных ногайских переправах в конце 1580-х — 1590 г. были поставлены города Царицын, Саратов и Самара. Все попытки Уруса добиться от царя Федора Ивановича и Бориса Годунова приказа об уничтожении этих городов не достигли успеха. Результатом стало подчинение ногаев Большой Ногайской Орды Русскому государству в следующем столетии. Впрочем, это подчинение было неполным, и ногайские бии стремились освободиться от русской опеки[442].

Взаимоотношения с Персией

Регулярные дипломатические контакты Русского государства с государством Сефевидов начались с середины XVI в. Поскольку русская посольская документация по связям с Персией до 1588 г. утрачена, проследить ход дипломатических «ссылок» можно только по летописным данным и посольской документации по связям с народами Кавказа.

Наибольшее распространение в отечественной историографии получила точка зрения, согласно которой посольство иранского шаха впервые прибыло в Москву около 1552 г.[443] Е. Н. Кушева, а в дальнейшем И. В. Магилина использовали сведения, введенные в научный оборот С. В. Белокуровым[444]. А. П. Новосельцев, опираясь на сообщения Н. М. Карамзина, полагал, что посольство Сейт-Хусейна (Сеит-Хосена) прибыло в 1553 г.[445] Подробности переговоров неизвестны. В ответ в Персию, возможно, было отправлено русское посольство[446]. Характерно, что при «ссылках» с Портой Москва утверждала, что речь шла исключительно о торговых переговорах с шахом. Следующее посольство имело место в 1563 г., однако оно не было отправлено непосредственно шахом. В Никоновской летописи имеются сведения о прибытии в Москву послов от Абдуллы, правителя (беклярбека) Шимахи, главного города провинции Ширван («Шамаханского царя»)[447]. Контакты Москвы с центральными персидскими властями в это время шли через Ширван (северо-восточная часть территории современного Азербайджана). Летописные источники помимо традиционных формулировок о том, что «Абдулла царь царю и великому князю служити рад», свидетельствуют о главной цели посольства:

---

[440] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2001. С. 825.

[441] РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 10. Л. 139, 141 об.—142, 147 об.—148, 153 об.

[442] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. Казань, 2016. С. 596—599.

[443] См., например: *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: Вторая половина XVI — 30-е годы XVII века. М., 1963. С. 195.

[444] *Магилина И. В.* Россия и проект антиосманской лиги в конце XVI — начале XVII вв. Волгоград, 2012. С. 51.

[445] *Новосельцев А. П.* Русско-иранские политические отношения во второй половине XVI в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 448.

[446] Сведения содержатся в примечаниях к труду Н. М. Карамзина (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. 3. Т. 9. СПб., 1843. Примеч. 256. С. 51).

[447] ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. С. 371.

чтобы «царь и великий князь торговым людям велел дорогу отворити»[448]. Данных о проведении каких-либо переговоров политического характера, таким образом, нет.

С 1569 г. контакты с Сефевидами активизировались, что связано с первым вооруженным конфликтом Русского государства с Портой — османским походом на Астрахань. Поход явно имел антиперсидскую направленность и отражал обеспокоенность Стамбула установлением постоянных дипломатических связей Москвы с Персией. А. П. Новосельцев полагал, что в 1569 г. произошел обмен посольствами. Однако дальнейшего развития дипломатические контакты с Сефевидами не получили. В условиях продолжающегося балтийского конфликта и конфронтации с Крымом Москва предпочла взять курс на установление мирных отношений с Турцией. При этом русские посольства в начале 1570-х гг. имели указание на переговорах в Стамбуле сводить отношения Москвы с Сефевидами исключительно к торговым связям. Главной задачей русской дипломатии в Стамбуле являлось устранение угрозы нового похода на Астрахань. Москва стремилась также хотя бы частично сохранить свои позиции на Кавказе, в значительной степени ослабленные после сноса по требованию Порты Терского городка.

В 1576 г., когда обозначилась возможность водворения Габсбургов на польско-литовском престоле, антитурецкие тенденции во внешней политике Москвы усилились. В связи с угрозой возобновления военного конфликта с Речью Посполитой после избрания на польский престол Стефана Батория эта враждебная Порте и направленная прежде всего против Крыма активность Москвы на южном направлении сошла на нет, но не осталась без последствий. Все более отчетливо проявлялись планы вовлечения Русского государства и государства Сефевидов в антиосманскую лигу[449]. Эти планы стали приобретать реальность с началом персо-турецкой войны 1578—1590 гг. Затяжная война Персии с Османской империей, в которую был вовлечен Крым, первоначально рассматривалась в Москве исключительно в плане отвлечения крымских сил от России на Кавказ. Военные действия на Кавказе сопровождались дипломатическим противоборством между Портой и Сефевидами за вовлечение в нее кавказских правителей, что влияло на планы Москвы по закреплению политических связей с Кабардой.

Активизация русско-персидских дипломатических связей произошла в середине 1580-х гг., когда правительство царя Федора Ивановича во главе с Б. Ф. Годуновым, воспользовавшись ослаблением Крымского ханства в ходе начавшегося там затяжного династического кризиса, приступило к реализации плана укрепления позиций Русского государства на Кавказе[450]. После тяжелых поражений персидских войск на Кавказе в 1585—1586 гг. ситуация также могла измениться[451]. Первые попытки установления контактов эмиссаров Сефевидов с царевичами Сеадет-Гиреем, Мурад-Гиреем и Сафа-Гиреем в 1585 г., а также взаимодействие царевичей с кавказскими правителями, прежде всего с шамхалом, проходившее под контролем Москвы, давали надежду

---

[448] ПСРЛ. Т. 13. С. 371.

[449] *Магилина И. В.* Россия и проект антиосманской лиги в конце XVI — начале XVII вв. С. 56—65; *Новосельцев А. П.* Русско-иранские политические отношения во второй половине XVI в. С. 450.

[450] *Беннигсен А., Лемерсье-Келькеже Ш.* Московия, Османская империя и кризис наследования ханской власти в Крыму в 1577—1588 гг.: Кочевая традиция против модели оседлых монархий. С. 231—233; *Финкель К.* История Османской империи. М., 2014. С. 239.

[451] *Купели О.* Походы крымских татар и турок против Ирана // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2 (4). С. 231.

шаху на создание на Кавказе мощной антиосманской коалиции. Прибытие Мурад-Гирея в Астрахань летом 1586 г. активизировало действия персидской дипломатии по налаживанию контактов с «царевичами». К находящемуся «в Шамхалах» Сеадет-Гирею II был направлен эмиссар, сведения о миссии которого дошли до астраханских воевод. Они доносили царю, что Сеадет-Гирею шах собирался пожаловать Дербент, но тот предложил согласовать этот вопрос с Москвой — «без государева указу Дербень мне не надо»[452]. В отечественной историографии сложилось мнение, что именно прибытие Мурад-Гирея в Астрахань повлекло за собой оживление русско-персидских отношений[453]. Действительно, восстановление крепости на Тереке, осуществлявшееся в рамках целого комплекса военно-политических акций, носило отчетливо антиосманский характер и вызвало серьезное беспокойство в Стамбуле. Предполагаемое нападение «царевичей» на Крым могло повлиять на исход военных действий.

Осенью 1586 г. в Москву было отправлено персидское посольство. Весной 1587 г. оно прибыло в Астрахань и задержалось там на несколько месяцев, что объяснялось дестабилизацией внутриполитического положения в Персии, где обострилась борьба за шахский престол, завершившаяся к осени 1587 г. победой шаха Аббаса I (официально занял престол в октябре 1588 г.). Персидская сторона предложила военный союз против османов. Местом сосредоточения русских войск вполне закономерно должна была стать Астрахань. Предполагалось совместное наступление на Баку и Дербент, которые в дальнейшем должны были перейти под власть Москвы. Однако Б. Ф. Годунов не дал ясного ответа на иранские предложения. Весной 1588 г. Анди-бек выехал из Москвы вместе с посольством Г. В. Васильчикова.

Посольство Г. В. Васильчикова в Персии с осени 1588 г. по лето 1589 г. вело переговоры о совместных военных операциях на Кавказе. Князь сообщал о тяжелых поражениях в войне с османами персидских войск, не имевших «огненново бою». Посол также неоднократно заявлял, что из восстановленной на Тереке крепости государевы воеводы и Мурад-Гирей будут «промышляти над турскими и над крымскими людми»[454]. Эти заявления, несомненно, содействовали успеху переговоров, которые завершились решением шаха отправить в Москву новое посольство. Налицо была заинтересованность шаха Аббаса I в установлении постоянных «ссылок» с Москвой. Причины были очевидны: возможное вовлечение Москвы в военные действия против Порты на Кавказе и перспектива установления контактов через Москву с австрийскими Габсбургами должны были привести к созданию антиосманской коалиции. В связи с этим посольство Г. В. Васильчикова, видимо, следует считать поворотным моментом в русско-иранских отношениях, которые трансформировались в близкие к союзным[455]. В декабре 1589 г. посольство князя вернулось в Москву вместе с персидскими послами Бутак-беком и Анди-беком. Б. Ф. Годунов затягивал их прием до мая 1590 г. Причина заключалась в сомнениях по поводу способности шаха продолжить войну с Портой и неясности относительно позиции австрийских Габсбургов. Наконец 10 мая послов принял государь, а 13 мая — отдельно Б. Ф. Годунов. На аудиенции у последнего послы предложили военный союз против османов. Им было сообщено

[452] РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586. Ед. хр. 7. Л. 2.

[453] *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа: Вторая половина XVI — 30-е годы XVII века. С. 195.

[454] Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1. С. 61.

[455] *Бушев П. П.* История посольств и дипломатических сношений Русского и Иранского государств в 1586—1612 гг. (по русским архивам). М., 1976. С. 65—67; *Магилина И. В.* Россия и проект антиосманской лиги в конце XVI — начале XVII вв. С. 79—85.

об отправке на Кавказ рати под командованием А. И. Хворостинина для устройства крепостей в устье Терека, что выглядело проявлением готовности к координации военных планов. Фактически Б. Ф. Годунов, к этому времени ознакомившись с содержанием привезенных от шаха посланий, приказал назначенной для переговоров комиссии думных чинов в составе бояр И. В. Годунова и князя И. В. Сицкого, посольского дьяка А. Я. Щелкалова, дьяков В. Я. Щелкалова и Д. Петелина дать уклончивый ответ на предложение зафиксировать разделение сфер влияния на Кавказе. Предложение шаха содействовать в овладении русскими войсками Дербентом и Баку означало прямой конфликт с Портой. Но шах не конкретизировал свои военные планы. К тому же посол Анди-бек признавал, что шах может заключить мир с Портой[456]. И действительно, к моменту переговоров в Москве между Персией и Портой (21 марта 1590 г.) мир был заключен.

После этого Б. Ф. Годунов вновь активизировал «ссылки» с Портой. В Стамбул в феврале 1592 г. было решено отправить посольство. Послу Г. А. Нащокину предписывалось подробно разузнать позицию Порты в отношении Москвы — в первую очередь по поводу усиления русских позиций на Кавказе и действий донского казачества в отношении османских владений[457]. Важное место в инструкциях Г. А. Нащокину отводилось вопросу пребывания Мурад-Гирея в Астрахани и связям Москвы с Сефевидами, причем утверждалось главное: «государь наш против государя вашего с шахом стоять не хочет»[458]. Г. А. Нащокин находился в Стамбуле до апреля 1593 г.[459], до того времени, когда в политике Порты начались серьезные изменения: обозначилась перспектива крупноформатного военного столкновения османов с австрийскими Габсбургами в Центральной Европе[460]. В ходе переговоров с пришедшим к власти в январе 1593 г. великим визирем Коджой Синан-пашой русский посол настойчиво сводил отношения с Сефевидами исключительно к «торговым делам», подчеркивая отсутствие политических договоренностей, однако Порта не испытывала иллюзий в отношении «ссылок» Москвы с Персией. В историографии переговоры Г. А. Нащокина в Стамбуле иногда увязываются с требованием Порты, озабоченной «экспансией России на Кавказе», вернуть Казань и Астрахань[461]. Возвращение Г. А. Нащокина в Москву произошло в тот момент, когда в ней полным ходом шла подготовка к встрече персидского посольства. Инициатива возобновления «ссылок» исходила от шаха Аббаса I. Посол Хаджи Хосров прибыл в Астрахань в декабре 1592 г., а до Москвы добрался только к августу 1593 г. Столь длительное путешествие посольства часто объясняется стремлением выиграть время в ожидании прибытия в Москву габсбургских дипломатов[462]. Кроме того, нужно было дождаться исхода миссии Г. А. Нащокина в Стамбуле.

Ход миссии Хосрова в Москве достаточно полно исследован[463]. Для Б. Ф. Годунова

[456] Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1. С. 33.

[457] *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа: Вторая половина XVI — 30-е годы XVII века. С. 144—145; *Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI—XVII вв. Т. 1. М., 1946. С. 144—145.

[458] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 37—38 об.

[459] Там же. Л. 139, 152 об.

[460] *Шушарин В. П.* Королевство Венгрия и Трансильвания во время войны османов с Габсбургами // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 1. М., 1998. С. 31.

[461] *Финкель К.* История Османской империи. С. 239—240; *Беннигсен А., Лемерсье-Келькеже Ш.* Московия, Османская империя и кризис наследования ханской власти в Крыму в 1577—1588 гг. С. 213.

[462] *Магилина И. В.* Россия и проект антиосманской лиги в конце XVI — начале XVII вв. С. 105.

[463] Там же. С. 105—112.

позиция Сефевидов в отношении войны с Портой прояснилась, возможно, уже в июле 1593 г., когда были доставлены предварительные донесения Г. А. Нащокина. Личная встреча Б. Ф. Годунова с персидским послом подтвердила, что шах не намерен разрывать мир с Портой[464]. Официальной целью посольства Хосрова было восстановление дипломатических связей в полном объеме — так, как это было в 1590 г. Не менее важной была неофициальная цель — контакты Хосрова с имперским послом Н. Варкочем для начала переговоров о создании антиосманской коалиции. Отпускная аудиенция персидскому послу была дана царем в конце августа, но он был оставлен в Москве в ожидании прибытия Н. Варкоча. Переговоры Хосрова с Н. Варкочем проходили под контролем Б. Ф. Годунова. Достигнутые договоренности могли привести к созданию коалиции, однако многое этому мешало, в первую очередь огромное расстояние между государствами — потенциальными союзниками. Этот фактор, а также серьезные внутриполитические проблемы, существовавшие и у императора, и у шаха, серьезно затрудняли организацию переговоров. В итоге, как показала И. В. Магилина, единственным результатом переговоров стало неопределенное соглашение о съезде габсбургского и персидского посольств в Москве предположительно весной—летом 1594 г. В этих условиях Б. Ф. Годунов 25 ноября 1593 г. принял османского эмиссара Резван-чавуша[465]. Переговоры показали, что у последнего нет полномочий настаивать на выполнении требований Порты по всему спектру политики Москвы на Кавказе и относительно антитурецких акций донского казачества. В инструкциях новому послу в Стамбул Даниле Исленьеву также говорилось, что «в соединении» с шахом московский государь против «Мурад салтана стояти не хочет».

В конце 1593 г. вместе с отпущенным из Москвы посольством Хосрова в Иран отправилось посольство князя А. Д. Звенигородского с чисто формальными заверениями в дружбе. Посол также вез «тайное» послание к шаху лично от Б. Ф. Годунова, который предлагал ему посредничество в осуществлении «ссылок» с императором. Но князь А. Д. Звенигородский во время пребывания в Персии так и не смог получить определенного ответа на вопрос, готов ли Аббас I вступить в войну с Портой. Шах занял выжидательную позицию, формально не отказываясь от контактов с императором. Это подтвердил ход переговоров в Москве с иранскими посольствами Анди-бека в 1595 г. и Пакизе Имам Кули в 1596 г. Оба посольства не имели полномочий на серьезные переговоры. Но они показали заинтересованность Москвы в усилении военно-политического сотрудничества с шахом, причиной чему была обеспокоенность русской стороны внешнеполитической активностью бухарского хана Абдуллы II. Персидский посол был проинформирован о скором отправлении в Персию посольства для заключения союзного договора. Однако отправленное туда в 1597 г. посольство князя В. В. Тюфякина и С. Емельянова не увенчалось успехом. Помимо смерти в ходе исполнения посольства обоих главных послов сыграл свою роль и ряд других факторов. Проект договора, разработанный в Москве, предусматривал передачу Дербента, Баку и Шемахи Русскому государству в случае вступления его в союзе с Персией в войну против Османской империи. Относительно того, насколько реальным было

[464] Статейный список московского посланника в Крым Семена Безобразова в 1593 году / Публ. Ф. Лашкова // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Т. XV. Симферополь, 1892. С. 79—80; РГАДА. Ф. 89. Ед. хр. 3. Л. 256—257.

[465] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 266 об.

воплощение этих планов, в историографии нет единой точки зрения[466].

Несмотря на отсутствие договора, в отношениях с императором Б. Ф. Годунов с 1595 г. принимал в расчет фактический союз Русского государства с Персией. При этом в отношении австрийских Габсбургов вопрос о заключении «тройственного союза» с 1593 г. был только частью его дипломатической игры. Посредничество в отношениях между австрийскими Габсбургами и Персией увязывалось Б. Ф. Годуновым с нежеланием в обозримом будущем вступать в войну с Портой, особенно учитывая династическую ситуацию в Русском государстве. Большое значение имело и привлечение Крыма к военным действиям в Центральной Европе для укрепления южных рубежей страны. Отвлечение Порты на войну со Священной лигой 1593—1606 гг. создало возможности для дальнейшего усиления политического влияния России на Кавказе. При этом русское правительство предпочитало действовать самостоятельно, без оглядки на Священную лигу, и выдвигало свои условия, в частности о присоединении к антиосманской коалиции Испании и Речи Посполитой; эти условия австрийская сторона выполнить не могла, как выяснилось к 1597 г. Имело значение и то, что война приняла затяжной характер и не сопровождалась большими потерями османских войск[467].

В конечном итоге полноценного антиосманского соглашения между австрийскими Габсбургами, Персией и Русским государством достигнуто не было, к концу 1590-х гг. это стало очевидным. Тем не менее это не означало, что многочисленные дипломатические контакты с Персией, установленные с конца 1580-х гг., не имели далеко идущих последствий. Дальнейшая активизация русско-иранских отношений последовала в 1601—1603 гг. уже в новых политических условиях. И то же самое касается планов отношений с австрийскими Габсбургами[468] и укрепления военной активности России на Кавказе[469].

Политика Русского государства на Кавказе

При Иване III в 1483 и 1491—1492 гг. Москву посетили посольства кахетинского царя Александра I (1476—1511). Но они не имели успеха, так как в этот период молодое Русское государство еще не могло участвовать в сдерживании наступления Турции и Персии на Южном Кавказе. В первой половине XVI в. между Москвой и политическими образованиями Кавказа систематических контактов не было, тем не менее в это время сложились условия для установления политических, торгово-экономических и военных русско-кавказских связей. Так, Черкесия[470], как и Россия,

[466] Ср.: *Бушев П. П.* История посольств и дипломатических сношений Русского и Иранского государств в 1586—1612 гг. (по русским архивам). С. 290—292; *Магилина И. В.* Россия и проект антиосманской лиги в конце XVI — начале XVII вв. С. 162—170.

[467] *Флоря Б. Н.* Османская империя, Крым и страны Восточной Европы в конце XVI — начале XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. С. 53.

[468] *Лисейцев Д. В.* Русско-крымские дипломатические контакты в начале XVII столетия // Тюркологический сборник 2005. М., 2006. С. 246—247.

[469] *Лисейцев Д. В.* Русско-персидские дипломатические контакты и «кавказский вопрос» в начале XVII века // Россия XXI. 2000. № 5. С. 166—196.

[470] Единого княжества Черкесия (ему принадлежала значительная часть территории Северного Кавказа), до этого дискретно существовавшего в XIII—XV вв., а согласно другой точке зрения — даже в VIII—XV вв. (*Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999. С. 197; *Гадло А. В.* Князь Инал адыго-кабардинских родословных // Из истории

почти ежегодно становилась объектом крымских набегов, и поиск союзника, обладавшего военным, сопоставимым с крымско-турецким, потенциалом, естественным образом привел ее правителей в Москву. Иналиды Черкесии в обмен на пушки и пищали были готовы участвовать в военных операциях царя и поставлять лошадей для русской конницы (как это было и в отношениях Ивана IV с правителем Ногайской Орды Исмаилом). Вопрос приобретения огнестрельного оружия был актуален и для Закавказья[471], отдельные части которого подпали под сильное влияние, а иногда и в прямую зависимость от Османской и Сефевидской империй.

Кавказ сближала с Москвой и религия. Христианство с древности было распространено в Армении, Черкесии, Грузии и Абхазии. Между тем в рассматриваемый период османо-крымская коалиция и Персия добивались смены там религиозной идентичности — прежде всего у правящих элит[472]. После походов Ивана IV на Казань правители Черкесии и Грузии рассчитывали получить поддержку Ивана IV как главного защитника православия[473].

Начало долгосрочным и систематическим связям Русского государства с Кавказом положило посольство великого князя (пшишхо, или пшыщхуэ) Кабарды (Восточной Черкесии) Кайтуко Бесланова к Ивану IV в 1552 г. С ним же на Кавказ в 1553 г. выехал царский посол боярский сын Андрей Щепотьев, направленный туда, чтобы «правды их видети», как сказано в Никоновской летописи[474]. Второе посольство, представлявшее интересы западночеркесских правителей, прибыло в Москву в августе 1555 г. Вернувшийся тогда же царский посол засвидетельствовал, что «князи Черказские ото всей земли Черказские»[475] желают заключить союз с царем. Посольство просило помощи в освобождении захваченных турками причерноморских городов и Азова и выразило готовность черкесов выставить по требованию Москвы конницу в 20 тыс. всадников и тысячу аргамаков[476] (дорогих быстроходных верховых лошадей, в том числе и высоко ценившейся черкесской породы). Очевидно, что договорные отношения, сложившиеся между царем и черкесскими правителями, основывались на посольском обычае. После формулирования условий договора проводился обряд шертования: шертную грамоту прочитывал на русском языке дьяк или подьячий, толмач переводил и затем ее подписывали (прилагались перстневые печати), после чего проводился ритуал клятвы. В ответ царь вручал послам (как и в византийской традиции) скрепленную вислой золотой печатью жалованную грамоту, в которой подтверждались отраженные в шертной грамоте условия. Шертный договор был действителен до смерти заключивших его правителей.

После кончины великого князя Кабарды Кайтуко Бесланова (1554) в Москву в 1557 г. прибыло посольство от ее нового

феодальной России: Статьи и очерки к 70-летию со дня рождения профессора В. В. Мавродина. Л., 1978. С. 32—33), в XVI в. уже не было. В описываемый период она представляла собой конфедерацию двух черкесских княжеств, власть в которых принадлежала одной княжеской династии — Иналидам, получившим в России известность как князья Черкасские.

[471] Огнестрельного оружия не было и у Сефевидской империи. В течение XVI в. Москву посетило множество персидских посольств с просьбой о его продаже.

[472] Народы Дагестана также в прошлом исповедовали христианство, но уже в XV в. ислам был господствующей идеологией во всех феодальных владениях и вольных обществах Дагестана.

[473] *Хорошкевич А. Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI в. С. 61.

[474] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. СПб., 1904. С. 234.

[475] Там же. С. 259.

[476] *Кокиев Г. А.* Русско-кабардинские отношения в XVI в. // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1948. Т. 4. С. 33.

правителя Темрюко Идарова (1554—1570). Союз с ним предусматривал взаимовыручку в борьбе с крымским ханом, а также помощь царя кабардинским Иналидам против другого проводника османского влияния на Кавказе — газикумухского шамхала[477]. Условия договора были выработаны во время пребывания в Черкесии А. Щепотьева, и тогда же «князь Темрюк <...> дал присягу»[478]. Если в 1552 г. послы великого князя Кабарды Кайтуко «крест государю целовали»[479], то великий князь Темрюко, как потом и все его преемники, уже присягал на Коране. Кабардинское посольство 1557 г. должно было получить жалованную грамоту московского монарха, подтвердившую договор. Однако сложность ситуации состояла в том, что в то же время и шамхал («шевкал» в русских документах) просил у царя защитить его от черкасских князей[480].

Согласно русскому посольскому обычаю, сторона, первой направившая послов к своему потенциальному союзнику, была в более зависимом положении. Это выражалось в требовании гарантировать договор дипломатическим заложником от присягнувшего над шертной грамотой правителя или посла. Так, в этом качестве в Москве находились сыновья глав посольств 1552 и 1555 гг., а с 1558 г. — сын великого князя Кабарды. Приняв крещение[481], они стали известны как князья Черкасские, соответственно Петр (Рамадан) Ахамашукович, Александр (Куденет, или Кудадек) Сибокович, Михаил (Салтануко) Темрюкович. Благодаря статусу дипломатических заложников, высоко ценимому обычаем, они заняли при московском дворе выдающееся положение[482].

В середине 1550-х гг. царь Иван Васильевич с помощью Иналидов Черкесии решил нанести удар по Крымскому ханству. Правда, отряд под командованием боярина И. В. Шереметева, направленный в 1555 г. для предотвращения нападения хана на Черкесию, потерпел поражение от крымцев при Судьбищах (под Тулой). Зато успешной была совместная операция русских и черкесских воинов в октябре 1556 г. Черкесы, наступавшие на Крым одновременно с русским войском и казаками, будучи снабженными необходимым для осады каменных крепостей огнестрельным оружием, освободили два азовских городка, а также крепости Тамань и Темрюк, отторгнутые османами от черкесских земель в последней четверти XV в. Однако успех антикрымских операций 1556 г. не был развит, и позже князь Андрей Курбский упрекал царя за упущенный шанс для завоевания Крымско-

[477] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 284.

[478] *Ногмов Ш. Б.* История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев / Сост. Т. Х. Кумыков. Нальчик, 1994. С. 122. В исторической памяти черкесов шерть была принесена кабардинцами под Астраханью (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 49. Л. 39). Очевидно, речь идет о весне—лете 1554 г. (*Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. С. 25), когда Темрюко в качестве избранного великого князя участвовал в первом походе Ивана IV на Астрахань.

[479] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 234. В XVI в. черкесская ветвь христианства, называемая русскими книжниками «черкасской верой», имела ряд особенностей в догматике и обряде, отличавших ее от византийского и русского православия. Факты крестоцелования и шертования могут свидетельствовать о поликонфессиональности черкесской знати, но правители страны были готовы для сохранения ее независимости к религиозной реформе и к утверждению «чистого» православия.

[480] ПСРЛ. Т. 13. 2-я половина. СПб., 1906. С. 313.

[481] «Черкасская вера» считалась в Москве, как и «арменская», еретической. В 1560 г. здесь началась подготовка «Чина отречения от черкасской веры», по которому полагали массово заново крестить черкесов (*Чумичева О. В.* Парадоксы «черкасской веры»: между исламом, христианством и языческими традициями // Одиссей: Человек в истории: 2015—2016: Ритуалы и религиозные практики иноверцев во взаимных представлениях. М., 2016. С. 174).

[482] Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. С. 118; Правящая элита Русского государства: IX — начало XVIII века: Очерки истории. С. 249, 251.

го ханства[483]. Тем не менее даже частичные успехи русско-черкесского войска, особенно на фоне произошедшего тогда же покорения русскими войсками Казани и Астрахани, произвели сильное впечатление на остальных кавказских правителей. В итоге ориентированные на Крым ногайские улусы, чьи воины составляли основной контингент крымских войск, отказались от покровительства крымского хана и в 1556 г. направили в Москву посольство, а в 1557 г. бий Исмаил подписал шертный договор. Кроме того, кабардинское посольство в Москву 1557 г. было уполномочено представлять также интересы Кахетии (Иверии). Послы передали, что если Иван IV поможет кахетинскому царю огнестрельным оружием и возьмет его под свою защиту, то последний будет также бить челом государю в службу, поскольку находится в союзе с кабардинскими князьями[484]. С этого времени начались систематические отношения Московского государства с Грузией.

К союзу с Москвой стремился и газикумухский шамхал — глава конфедерации нескольких владений, занимавшей большую часть территории Дагестана, прилегавшей к западным берегам Каспийского моря, а также правитель Тюменского княжества[485]. Первое посольство, посетившее русскую столицу в 1555 г., заявило о готовности платить царю подати и отправлять службу вместе с царскими воеводами[486]. Иван IV, так же как османский султан, крымский хан и персидский шах, желал контактов с дагестанскими правителями, так как именно через их владения шли удобные и короткие пути в Закавказье. Однако развернувшаяся в это время борьба между шамхалом Будаем (?—1567) и великим князем Кабарды Темрюко за доминирование на Северо-Восточном Кавказе делала для Москвы невозможным одновременный союз с обоими. Царь предполагал получить военную помощь из Черкесии не только в решении крымского вопроса, но и в борьбе с Ливонской конфедерацией. В январе 1558 г., когда началась Ливонская война, в соответствии с союзническими обязательствами в Москву прибыли главы черкесских посольств 1552 и 1555 гг. пши (букв. «господин, владетель, государь») Машуко Каноко и Сибоко Кансауко; в это же время они приняли крещение соответственно с именами князя Ивана Черкасского и князя Василия Черкасского. Отряд из пяти тысяч тяжеловооруженных всадников[487] влился в передовой полк, во главе которого царь поставил князя Ивана-Машуко[488]. В 1558 г. черкесы отличились при взятии Мильтена и осаде

---

[483] *Курбский А.* История о делах великого князя московского. С. 98.

[484] Об этом еще в XIX в. писал, опираясь на посольские документы, С. М. Соловьев. См.: *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. 3. Т. 6. М., 1989. С. 475. Действительно, некоторые грузинские цари находились под покровительством кабардинских князей, военный потенциал которых в тот период доминировал в регионе.

[485] В Тюменском княжестве, состоявшем из посада и окрестностей, располагался важный узел коммуникаций, приносивший значительные доходы от развитой здесь торговли; отсюда лежал путь через Дагестан в Закавказье и Персию или же через Кабарду по Дарьяльскому проходу в Грузию. Из дельты Терека также можно было доплыть до Астрахани, а оттуда — в Ряжск и попасть в другие русские города, в том числе Москву (см.: Очерки истории Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1957. С. 123). Посад Тарку, где располагалась зимняя резиденция шамхала, представлял собой большой караванный центр на пересечении путей Астрахань — Дербент и Тамань — Дербент. Доступ к ним обеспечил бы Москве во второй половине XVI в. систематический торговый обмен со странами Востока, Закавказья, с Ираном и Средней Азией.

[486] *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 1: 1578—1613 гг. М., 1889. С. LI.

[487] *Вилинбахов В. Б.* Совместные русско-кабардинские военные действия // Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии. Вып. 7. Нальчик, 1959. С. 107.

[488] ПСРЛ. Т. 13. 2-я половина. С. 312.

Дерпта, где черкесская конница сокрушила немецкую, когда та пыталась вырваться из города[489].

В 1558—1559 гг. Москва объявила о начале подготовки крупного наступления на Крым. Военные действия должны были развернуться с трех сторон: с Днепра, Дона и из Черкесии[490], однако большой поход тогда не состоялся. В 1559 г. Иван IV стал стремиться к примирению с крымским ханом, Иналиды же желали продолжения антикрымской борьбы. В сентябре 1559 г. в Москву прибыл их гонец пши Елджирико («Ичюрук-мырза Черкасский») с просьбой направить в Черкесию «воеводу» (наместника) «и велел бы их всех крестити»[491]. Иналиды надеялись, что эти предложения дадут новый импульс их отношениям с Москвой. Тогда, очевидно, и началась подготовка «Чина отречения от черкасской веры». Посылка московским царем в феврале 1560 г. «попов крестианьских <...> крестить их»[492] должна была способствовать возникновению Черкесского княжества под управлением царского наместника[493], которым стал князь Д. М. Вишневецкий, отбывший на запад Черкесии вместе с князьями Машуко-Иваном и Сибоко-Василием, чтобы «промышляти над Крымским царем», в то время как на восток, в Прикаспий, направился воевода И. С. Черемисинов «на Шевкал и на Тюмень»[494].

Сведения о деятельности И. С. Черемисинова на Кавказе малочисленны, но из последующих событий следует, что его миссия состояла в защите русского форпоста в устье Терека. Царь воспользовался тем, что начиная с 1557 г. как кабардинские, так и шамхальские (вместе с тюменскими) посольства просили о поддержке в борьбе друг против друга[495]. В 1559 г. в Астрахань «Тюменский Мамай-мырза Агишов княже приехал к царю государю бити челом, чтобы пожаловал государь его, дал рать на дядю его на Тюменского князя и учинил его на Тюмени»[496]. Возможно, именно это обращение и послужило поводом для вооруженной борьбы, развернувшейся вокруг располагавшегося на стыке Кабарды и шамхальства Тюменского княжества в 1559—1560 гг. Обер-квартирмейстер Отдельного Кавказского корпуса генерал-майор А. И. Менде, подготовивший в 1841 г. для Генерального штаба справку «Исторический обзор войны России на Кавказе с самого ее начала до наших дней с царствования Ивана Васильевича IV до 1840 г.», писал, что город Тюмень («Терколте») был «покорен» в 1559 г.[497] Под прикрытием вооруженных артиллерией астраханских стрельцов, казаков и дружины князей Идаровых был построен острог, обнесенный деревянной стеной с башнями. Но после отхода основного контингента войск на оставшийся здесь гарнизон, состоявший из стрельцов и казаков (донских, гребенских, уральских)[498], напало войско шамхала. В ответ в августе 1560 г. И. С. Черемисинов («по челобитью Кабартынских

[489] *Потто В. А.* Два века терского казачества (1577—1801). Ставрополь, 1991. С. 20.

[490] *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: Вторая половина XVI — 30-е годы XVII века. С. 212.

[491] ПСРЛ. Т. 13. 2-я половина. С. 320.

[492] Там же. С. 324. За короткий срок миссионеры преуспели и возобновили деятельность древних храмов, «а частию соорудили новые» (Труды V археологического съезда в Тифлисе в 1881 г. / Под ред. гр. П. С. Уваровой. М., 1887. С. 140).

[493] *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М., 2007. С. 122.

[494] ПСРЛ. Т. 13. 2-я половина. С. 324.

[495] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 284; 2-я половина. С. 312—313.

[496] ПСРЛ. Т. 13. 2-я половина. С. 322.

[497] РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 311. Л. 2.

[498] В это время в устье Дона формировалось донское казачество, а на востоке — в устьях Терека и Сунжи — соответственно терское и гребенское.

князей и по неправдам Шевкаловым») на судах выдвинулся из Астрахани и силами стрельцов, казаков и «астраханских людей» осадил находившуюся на кумыкской низменности зимнюю резиденцию шамхала Тарки (Таргъу, в 4 км от современной Махачкалы). В результате его действий «Крым Шавкалский князь» (вице-шамхал) бежал в горы, а город был выжжен[499].

Дальнейшая судьба тюменского владения неясна, но известно, что два брата тюменского князя Токлуя выехали на службу в Москву, приняли крещение под именами князя Василия и князя Романа Агишевых Тюменских[500] и стали «основателями одной из ветвей русского дворянства»[501]. В 1567 г. князь Токлуй все еще рассчитывал получить помощь от крымского хана для защиты своего владения[502]; в 1570—1580-х гг. имеются еще сведения о тюменском «владельце» и «хане»[503], но уже источники последнего десятилетия XVI — начала XVII в. говорят о Тюменском княжестве под властью кабардинских князей на службе русского царя[504].

Одновременно в июле 1560 г. князь Д. И. Вишневецкий в качестве правителя Черкесии подготовил в Причерноморье выступление черкесов, казаков и ногаев против османо-крымских войск (вместе с русскими войсками их было 70 тыс. человек[505]). Однако исход столкновения был предрешен прибытием на Кавказ османской военно-морской эскадры, после чего князь осенью 1561 г. был отозван с Кавказа. Посол в Крым Афанасий Нагой в 1563 г. получил указание говорить, что Д. И. Вишневецкий «учал житии в Черкасех не по государеву наказу»[506]. Подробности этой отставки неясны; вероятно, она была связана с женитьбой царя на дочери великого князя Кабарды летом 1561 г. и желанием Ивана IV утвердить в Черкесии родственную себе династию.

Решение сблизиться с черкесскими правителями на династической основе было принято в условиях, когда примирение Ивана IV с крымским ханом де-факто аннулировало соглашения с Иналидами. После смерти царицы Анастасии Романовны в 1560 г. Иван Васильевич направил свадебные посольства наряду с Литвой («к королю о сестре»), Швецией («к Свейскому

---

[499] ПСРЛ. Т. 13. 2-я половина. С. 330.

[500] «А Тюменских Князей братья, Князь Роман да Князь Василей Тюменские, и Черкесских Кабардинских Князей дети Князь Борис Канбулатов да Князь Василий Карданухов служат у Государя нашего в Москве» (Памятники дипломатических сношений с Империею Римскою. Т. 1: 1488—1594 гг. СПб., 1851. Стб. 1121).

[501] История народов Северного Кавказа: В 2 т. Т. 1: (С древнейших времен до конца XVIII в.) / Под ред. Б. Б. Пиотровского. М., 1988. С. 295.

[502] *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом. Вып. 1. С. LXVII.

[503] *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: Вторая половина XVI — 30-е годы XVII века. С. 257, 265.

[504] Существует точка зрения, что княжество населял тюркский народ тюмены (История народов Северного Кавказа. Т. 1. С. 242). Согласно другой версии, его население было этнически смешанным: «Из кумыков, кабардинцев, ногаев, астраханских и казанских татар и персидских таджиков или тезиков — торговых гостей» (*Попко И. Д.* Терские казаки со стародавних времен. С. 31). На карте Федора Годунова, изданной в 1613 г. Г. Герритсом в Амстердаме, река Тюменка, от которой получило свое наименование описываемое владение, находилась на территории Кабарды. В историографии указывается, что Тюменское (Теменское) владение «привел в подданство» Ивану IV князь Сунчалей Канклычевич (Джанклишевич) — племянник великого князя Темрюко (Там же. С. 85).

[505] *Лемерсье-Келькеже Ш.* Литовский кондотьер XVI в. — князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным османских архивов // Франко-русские экономические связи / Ред. Ф. Бродель и др. М.; Париж, 1970. С. 58.

[506] *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом. Вып. 1. С. LVIII.

королю дочерей смотрити») и в «Черкасы у Черкаских князей дочерей же смотрити»[507]. Венчание Ивана IV и дочери великого князя «Пятигорских Черкас» (Кабарды) Темрюко по имени Гуащэней (Кученей, или Гошеня, в крещении — Мария)[508] состоялось 21 августа 1561 г. После свадьбы в наказах русским послам в европейские страны указывалось, что «государь наш по многим землям посылал, и сказали ему у большого князя Черкасского у Темгрюка дочерь, что ему государьскому обычаю пригожа»[509].

Брак царя с Марией Темрюковной стал важной политической акцией Ивана IV, усилившей основания для русской экспансии на Кавказе. Он значительно расширил арсенал дипломатических инструментов для подтверждения политических и военных шагов России в черкесских владениях. Так, в декабре 1562 г. под предлогом защиты тестя царя вооруженный артиллерией отряд воеводы Г. С. Плещеева поддержал дружину великого князя Кабарды во вторжении в удел основного противника Темрюко князя Пшеапшоко Кайтуко. Владения последнего были разорены и обложены контрибуцией[510]. Но план сделать из Черкесии наследственную монархию во главе с царским тестем было трудно осуществить из-за особенностей политической системы черкесских земель, а после смерти царицы Марии Темрюковны в 1569 г. и гибели ее отца от смертельного ранения в бою с войском крымского царевича Адиль-Гирея в 1570 г. план рухнул окончательно.

Участие в Полоцком походе 1563 г. стало последней совместной акцией царя и западночеркесских Иналидов. В условиях, когда в марте 1563 г. Иван IV направил в Крым большого посла Афанасия Нагого с предложением о возобновлении мира, а в Кабарду отправилась карательная экспедиция, чтобы наказать оппонентов прорусской ориентации, западночеркесские Иналиды стали искать пути политического компромисса с ханом Девлет-Гиреем I. С этого времени Москва сохраняла связь только с восточным черкесским княжеством Кабардой, ставшей точкой опоры для российской экспансии в южном направлении.

В 60—90-е гг. XVI в. царские воеводы не оставляли стремлений закрепиться в Прикаспии. Было предпринято девять попыток построить здесь форпосты. Сначала, как уже было сказано выше, это был острог в низовье Терека на его притоке Тюменьке (Тюменский острог, 1559—1560 гг.; Терки, или Терский город, 1588—1722 гг.)[511], затем укрепление ближе к его среднему течению, при впадении реки Сунжи (Сунженский острог, или Суншино городище, существовал в 1563—1565, 1566, 1567—1571, 1578—1579, 1590—1605 гг.[512]). Третьей локацией стала река Койсу-Сулак («Овечьи воды»), где дважды (в 1568—1571 и 1594 гг.) был возведен Койсинский острог, который так и не удалось сохранить. Все эти места имели важнейшее военно-стратегическое и торгово-экономическое значение. Междуречье Терека и Сунжи было избрано, очевидно, и по дипломатическим соображениям: туда в результате противостояния с остальными Иналидами Кабарды из-за прорусской внешнеполитической ориентации Идаровых была перенесена резиденция великого князя Кабарды Темрюко Идарова, что

[507] ПСРЛ. Т. 13. 2-я половина. С. 329.

[508] Там же. С. 333.

[509] *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом. Вып. 1. С. LVI.

[510] ПСРЛ. Т. 13. 2-я половина. С. 371.

[511] Новый город в устье реки Терек назывался и «Теркою», и «Терским городом», и «Тюменским новым городом», и «Тюменским острогом на Тереке» (*Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом. Вып. 1. С. XCVII).

[512] Город был известен как «Сунши», «Суншино городище», «Сунши городище, где был стал город на Тереке» (Там же).

было важно, пока была жива царица Мария Темрюковна. Поводом же к строительству Койсинского острога стали просьбы кахетинского царя Александра II о защите от шамхала[513]. Появление русской крепости в Кабарде (третьей по счету), а также наступление русских отрядов в 1566 и 1567 гг., закончившееся гибелью шамхалов Будая I (1566—1567) и Сурхая I (1567—1567), вынудило Чопан-шамхала направить в 1567 г. в Москву очередное посольство «с великими поминками»[514] (в их числе были «слон и арапы») и дать согласие на строительство на реке Койсу-Сулак крепости.

Строительство крепостей (в устье Сунжи и первой по счету на Койсу-Сулаке) стало поводом к первому русско-турецкому конфликту (1568—1569). Цель султана состояла в их уничтожении и далее — в захвате Астрахани. Хотя война закончилась поражением османо-крымской коалиции, Ивану IV пришлось согласиться на ликвидацию крепости в Кабарде и Дагестане после разорительного набега на Москву в 1571 г. Девлет-Гирея. Однако, несмотря на сообщение в Стамбул о срытии Сунжинского острога, дело ограничилось лишь выводом гарнизона в Астрахань, артиллерия была оставлена казакам. Они продолжали выполнять те же функции, что до них исполняли царские воеводы и стрельцы: содержали отъезжие караулы, осуществляли связь с окрестным населением, держали под контролем большой участок транскавказского пути. В конечном итоге окрестности первых русских крепостей в Прикаспии (в Кабарде) стали центрами формирования казачьих войск — Терского (в низовьях Терека на границе между Кабардой и шамхальством) и Гребенского (на «гребнях» гор, между Кабардой и Чечней). Попытки всех кабардинских князей (за исключением Идаровых) и шамхалов выбить владевших артиллерией казаков из междуречья Сунжи и Терека оказались безуспешными. Казакам помогал князь Мамстрюко, а также вайнахский Ушаром-мирза Окоцкий, принесший царю шерть в период существования Сунженского острога в 1567—1571 гг.[515]

На московской внешней политике отразилась турецко-персидская война 1577—1590 гг. Правители Черкесии и Дагестана, за исключением клана Идаровых (свойственников русского царя), находились в союзе с османо-крымской коалицией. В значительной мере благодаря их поддержке война завершилась в 1590 г. успешным для османов Стамбульским договором, по которому султан получил контроль над Закавказьем[516]. Стремясь защитить свою восточную торговлю, Москва старалась препятствовать союзу северо-кавказских правителей с османо-крымской коалицией и повела линию на установление протектората над Кабардой[517]. Принципы новой политики были заявлены в шертной грамоте князей Мамстрюко Темрюковича, Куденета Канбулатовича «с товарыщи» и «Жалованной грамоте царя Федора Ивановича кабардинскому князю Канбулату Идарову и всей Кабардинской земле» (1588)[518]. Тогда по просьбе великого князя Кабарды Канбулата

[513] *Ананян Ж. А.* Ближневосточная политика России и народы Закавказья в 20-х годах XVIII в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. М., 1979. С. 377. Ж. А. Ананян пишет о том, что модус защиты единоверного населения Грузии был найден только в 20-е гг. XVIII в., однако исторические источники свидетельствуют, что он использовался в политике Московского государства начиная с XVI в.

[514] *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом. Вып. 1. С. LXXX.

[515] Там же. С. 60.

[516] *Гусейн Ф. А.* Османо-сефевидская война 1578—1590 гг. Баку, 2005. С. 92.

[517] *Пчелов Е. В.* Русско-кабардинские отношения конца XVI века, семантика кавказской части царского титула и первые эмблемы адыгских земель // Кабардинская земля в царском титуле и русской государственной геральдике XVI — начала XX века. Нальчик, 2007. С. 37.

[518] Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: Документы и материалы. Т. 1: XVI—XVII вв. / Сост.: Н. Ф. Демидова, Е. Н. Кушева, А. М. Персов. М., 1957. С. 50—54.

в 1588 г. был вновь отстроен Терский город (1588—1722). Несколькими годами позже его территория с прилегающими окрестностями была провозглашена Терским воеводством (1594)[519]. В это время в Кабарде шла очередная междоусобная война, и на Терки пришел жить, как сказано в Новом летописце, «князь Сунчалей Янъклычевич Черкаской со многими людми. И поставя слободы на другой стороне реки Терку и к государю многую службу показал»[520].

Между тем продвижение османов к Каспийскому морю создало опасность не только для волжско-астраханского пути, но и для грузино-персидской торговли. Это привело к восстановлению прерванных ранее русско-грузинских дипломатических отношений: за последние полтора десятилетия XVI в. между Москвой в Кахетией состоялся обмен двенадцатью дипломатическими миссиями. Возобновление посольских связей началось с посещения Кахетии в 1586 г. астраханским толмачом Русином Даниловым с предложениями о союзе и покровительстве со стороны русского царя. Царскому посольству Р. П. Биркина, П. М. Пивова и подьячего С. Полуханова в Кахетию (1587—1588) удалось получить крестоцеловальную запись Александра II[521]. Особое значение для развития связей Москвы и Кахетии имело посольство князя С. Г. Звенигородского, дьяка Т. Антонова и старца Закхея (1588—1589), на которое были возложены как политическая, так и церковная миссии: по просьбе кахетинского царя Александра II в Грузию были направлены представители московского духовенства (во главе с бывшим казначеем Троице-Сергиева монастыря старцем Закхеем). Князю С. Г. Звенигородскому было поручено вручить Александру II жалованную грамоту царя Федора Ивановича, а старцу Закхею — грамоту патриарха Иова[522], а также «учителную» грамоту, адресованную духовенству: Грузинскому (Иверскому) митрополиту Николаю, «архиепископом и епископом и всему Освященному Собору»[523].

Большинство дипломатических миссий Москвы в Кахетию конца XVI в. по просьбе Александра II имели в своем составе наряду с представителями московского духовенства также иконописцев и мастеров церковного дела (всего, учитывая посольства 1589—1590, 1591—1592, 1593—1594 гг., в Закавказье прибыли восемь иконописцев и четыре плотника для церковного строительства[524]). С ними в Грузию везли «образы, и книги, и ризы, и всякое строение церковное»[525]. К примеру, с посольством князя Звенигородского было послано 2000 листов сусального золота, а также огромное количество всякого рода предметов церковного обихода. Русские мастера помогли в восстановлении четырех крупных монастырей Кахетии — в Тога, Алаверди («Егорьевский монастырь Лаверды»), Греми, Загеми. В конце XVI в. русские иконописцы труди-

[519] *Попко И. Д.* Терские казаки со стародавних времен. С. 85. После окончания строительства крепости на всех жителей воеводства были наложены подати подводами, а при необходимости подати заменяли отправлением военной службы. Под давлением шамхалов большая часть полиэтнического населения этого района покинула местность и отправилась в персидские владения под покровительство шаха, под Шеки и Ширван, а часть ногайцев откочевала к Аграханскому заливу (*Кочекаев Б.-А. Б.* Ногайско-русские отношения в XV—XVIII вв. С. 107).

[520] ПСРЛ. Т. 14. 1-я половина. СПб., 1910. С. 46.

[521] *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом. Вып. 1. С. 41.

[522] Там же. С. 89—91.

[523] Там же. С. 92.

[524] *Полиевктов М. А.* Новые данные о московских художниках XVI—XVII вв. в Грузии. Тбилиси, 1941. С. 10.

[525] ПСРЛ. Т. 14. 1-я половина. С. 46.

лись в первых двух, в начале XVII в. — в трех последних[526].

Для кавказской политики Русского государства рассматриваемого периода чрезвычайную актуальность имели знания о народах, проживавших на путях, ведущих через Большой Кавказский хребет, и о потенциале русской экспансии в регионе. В правление царей Федора Ивановича и Бориса Годунова (1584—1605) из статейных списков послов были получены первые сведения о примыкавших к перевалам уделах Кабарды (Талоустаней и Джиляхстаней), а также о кумыкских, аварских и вайнахских объединениях. В 1588 г. шерть царю принес сын Ушаром-мирзы Ших-мирза Ушаромов (Ишеримов) Окоцкий, возглавлявший один из аккинских тайпов, переселившихся к тому времени из урочища Нашах (Лам-Акки) с верховьев реки Гехи в Терско-Сулакскую низменность и называвшихся в русских документах «ококи». Ококи жили в двух днях пешего и одного дня конного хода от Сунженского острога[527]. В 1589 г. шерть царю принесли также аварский нуцал («Уварский князь») и «Черный князь» (один из аварских владетелей Северного Дагестана, видимо Гумбета). Благодаря тому что через их земли проходил посольский путь[528], они имели в глазах московского двора немалый политический вес. Так, посольство Р. П. Биркина, П. М. Пивова и подьячего С. Полуханова в Кахетию доставило Ших-мирзе Окоцкому наряду со старшим князем Джиляхстановского удела Кабарды Алкасом Джамурзиным грамоту царя с просьбой «о пропуске государевых посланников»[529], а также дипломатические дары[530]. (При возвращении посольства в Москву с ним прибыли не только послы Александра II Кахетинского, но и представители князя Алкаса и Ших-мирзы.) В период пребывания на Кавказе посольства князя С. Г. Звенигородского, дьяка Т. Антонова и старца Закхея шерть царю принес и Салтан-мирза — владетель находившегося у входа в Дарьял ингушского Ларсова кабака[531].

Именно в это время, на рубеже июля—августа 1589 г., в полный титул московского царя вошло упоминание Кахетии и Кабарды: «Государь Иверские земли Грузинских царей и Кабардинские земли Черкасских и Горских князей»[532], хотя тогда это был еще титул притязания, а не владения; единственным из грузинских правителей того периода, формально признавшим над собой сюзеренитет русского царя, стал кахетинский царь Александр II, а из Иналидов — князь Сунчалей. В направляемых на Кавказ грамотах названная формула не фигурировала и значилась исключительно в переговорах и переписке с европейскими государствами. Очевидно, ее главное предназначение состояло в том, чтобы произвести впечатление о России как державе, имеющей прочные позиции на Кавказе, так как торговыми путями из Европы через Кавказ интересовались и западноевропейские государства[533].

Тем не менее характер шертования и взятия закладов (дипломатических за-

---

[526] *Полиевктов М. А.* Новые данные о московских художниках XVI—XVII вв. в Грузии. С. 8, 12.

[527] *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом. Вып. 1. С. 60, 64.

[528] От Сунженского городища через Окоцкую землю шел путь в Аварию (Хунзахское нуцальство) и далее через владения «Черного князя» в Кахетию.

[529] *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом. Вып. 1. С. 16—17.

[530] Там же. С. 31.

[531] Там же. С. 151.

[532] *Пчелов Е. В.* Русско-кабардинские отношения конца XVI века, семантика кавказской части царского титула и первые эмблемы адыгских земель. С. 40.

[533] *Тактакишвили Г.* «Золотой век Голландии» на Кавказе // Кавказ и глобализация. Т. 8. Вып. 1—2. 2014. С. 102.

ложников, к которым предписывалось относиться «бережно»[534]) в русско-кавказских отношениях в последнее десятилетие XVI в. изменился. Если Иван IV тщательно оговаривал шертные условия и принимал черкесских дипломатических заложников «у своего царьского приближенья по их достоинству»[535] (последним из них был прибывший в Москву в 1577 г. сын великого князя Кабарды Канбулата Хорошай, крестившийся под именем князя Бориса Канбулатовича Черкасского), то в правление царя Федора Ивановича условия договора уже диктовались кабардинской стороне, игнорируя ее интересы. В 1589 г. впервые в русско-кабардинских отношениях старшие князья Талоустанея и Джиляхстанея под угрозой применения военной силы были принуждены к шерти царю и выдаче закладов на тот срок, пока посольства, посетив Кахетию и вернувшись в Терки, благополучно не завершат свои дела. Местом пребывания закладов стала Терская крепость. Вместо одного дипломатического заложника от всей Кабарды теперь стали требовать заклады от всех ее уделов, а от контролировавших Дарьяльский проход князей Джиляхстановых — даже двух.

В конце 1580 — начале 1590-х гг. Москва в очередной раз попыталась закрепиться в междуречье Терека и Сунжи, а также на реке Койсу-Сулак, к чему ее активно призывали кахетинский царь Александр II и его сват крым-шамхал, придерживавшийся, в отличие от шамхала, заключившего союз с османо-крымской коалицией, пророссийской внешнеполитической ориентации. Планировалось поставить крепость на реке Койсу-Сулак, захватить Тарку и посадить здесь правителем крым-шамхала, что в случае удачи привело бы к подрыву положения османов в Дагестане и свободному доступу России в Кахетию. Этим планам противодействовали шамхал и его союзники: аварский нуцал, сменивший внешнеполитическую ориентацию из-за недовольства русской экспансией в Дагестан, и кабардинские князья Кайтукины (Большая Кабарда) и Талоустановы. Однако им не удалось помешать строительству в Кабарде Сунженского острога (1590—1605), в результате чего путь из Крыма в Дербент оказался под контролем русских войск. В одном из боев 1590—1591 гг., когда воевода князь Г. О. Засекин и его кабардинские союзники теснили шамхала на Койсу-Сулаке, стремясь определить место для будущей крепости, в плен попал князь Мамстрюко. Шамхал безуспешно попытался убедить его отказаться от союза с царем, но князь Мамстрюко «всякую нужу терпел», а от царского «жалованья не отстал»[536].

Строительство русских крепостей на Кавказе вызвало недовольство в Крыму и стало одной из причин набега на Москву хана Казы-Гирея в 1591 г. Великий визирь султана Мурада III Синан-паша прямо грозил царю Федору Ивановичу войной: «Темиркапе <...> дорогу отнели <...> за то веть пригоже за сабли и воеватца»[537]. В ответ русская сторона писала о необходимости защиты кабардинцев, о «искони вечном обладании» царем кабардинскими князьями и шамхалами[538]. Острота этого вопроса

[534] *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом. Вып. 1. С. 111.

[535] Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: Документы и материалы. Т. 1. С. 47.

[536] Там же. С. 65.

[537] Там же. С. 66.

[538] Еще в начале 1560-х гг. в недрах Посольского приказа была сочинена дипломатическая легенда о якобы рязанском происхождении черкесов, которая использовалась русским двором в сношениях с Речью Посполитой, Османской империей, Персией и странами Европы. Царь Федор Иванович сообщал в 1591 г. турецкому султану Мураду III через своего посла Д. И. Исленьева: «Кабардинские и горские черкасские князи и шевкальской были холопи наши резанских пределов и от нас збежали с Резани и вселились в горы» (Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: Документы и материалы. Т. 1. С. 71). Российские послы, направленные в Стамбул, даже разъясняли турецким дипломатам, что черкесские князья, хотя и пересели-

спала только тогда, когда началась «долгая война» Османской империи с австрийскими Габсбургами и их союзниками (1593—1606), которая отвлекла внимание султана от Кавказа и привела к укреплению там русского влияния. В 1594 г. состоялась самая крупная в конце XVI в. операция русских войск с целью захвата приморской части Северного Дагестана и зимней резиденции шамхала Тарков. По приказу царя воеводы должны были поставить здесь два города: один на Койсу-Сулаке, другой в Тарках под названием «Новый город». В походе под началом воеводы князя А. И. Хворостинина приняли участие кабардинские Идаровы и некоторые ногайские мирзы. К ним на реке Койсу должны были присоединиться войска кахетинского царя и враждебного шамхалу крым-шамхала. Это наступление изначально было удачным: построив Койсинский острог (в 15 км от Тарков) и оставив в нем воеводой князя В. Т. Долгорукова с тысячей стрельцов, князь А. И. Хворостинин двинулся к Таркам. Разбив встретившего его на переправе через Койсу-Сулак шамхала, он захватил Тарки и начал строительство рядом Нового города. Однако организованная шамхалом блокада и отсутствие помощи со стороны кахетинского царя и крым-шамхала вынудили князя А. И. Хворостинина бежать в Терскую крепость. По пути он был настигнут войсками шамхала. Произошло сражение, красочно описанное в Новом летописце, в результате которого воевода едва спасся, потеряв порядка трех тысяч стрельцов и казаков[539].

Неудача 1594 г. на десять лет приостановила русское продвижение в Дагестан. Настроенные на защиту своей независимости кавказские владетели предприняли меры, направленные на ослабление позиций Москвы, что стало причиной междоусобных войн как в Кабарде, так и в Дагестане. В 1596 г. Ших-мирза Окоцкий был убит кайтагским уцмием Ахмед-ханом, ококи в числе 160 человек бежали к Терскому городу, где поселились отдельной слободой[540]. Около 1600 г. князья Домануко и Мамстрюко погибли от рук князя Кази Пшеапшоко «з братьею» (Кайтукина рода)[541]. Вследствие этих событий сторонники промосковской ориентации Кабарды и их подданые были вынуждены скрыться в Терской крепости, вблизи которой они впоследствии расселились в Черкасской и Окоцкой слободах. Двое из сыновей пши Мамстрюко, Каншао и Гуж, уехали в Москву к царскому двору, где крестились соответственно под именами князей Дмитрия Мамстрюковича и Федора Мамстрюковича Черкасских. В 1598 г. шамхал требовал срытия Койсинского острога, в 1605 г. Сунженский острог был ликвидирован, а его гарнизон также выведен в Терский город.

Итак, во второй половине XVI в. московский царь строил отношения главным образом с тремя политическими образованиями на Кавказе: Кабардой (Восточная Черкесия), Гази-Кумухским шамхальством (Северный Дагестан) и одним из образовавшихся в ходе политической дезинтеграции Грузии в конце XV в. царств — Кахетией.

лись в прежние времена из Рязани на Кавказ, остались «подданными» царя: «По нашей царской воле из наших царских рук на княженье их сажати велим, и преже сего и ныне на Кабарде начальные князи нашего царского величества посаженики» (Там же). В действительности Иналиды так и не уступили царю права возведения в достоинство великого князя Кабарды, в отличие, например, от того, как в османо-крымских отношениях на протяжении трехсот лет право возведения Гиреев на ханский престол принадлежало османским султанам.

[539] ПСРЛ. Т. 14. 1-я половина. С. 46.

[540] *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом. Вып. 1. С. 558—561.

[541] Там же. С. 350.

На отношения между этими сторонами накладывали отпечаток их многочисленные связи с более мелкими владениями и свободными общинами Кавказа, что приходилось учитывать при дипломатических контактах[542]. В условиях османской и персидской экспансии на Кавказ Русское государство стремилось прежде всего ослабить позиции Турции и окончательно утвердиться на прямом продолжении волжского торгового пути — кавказском прикаспийском. Русское государство использовало дипломатические средства: защиту свойственников в Кабарде, модус «искони вечно подданых» жителей Черкесии и Северного Дагестана, а также единоверного народа Грузии. В результате Москве удавалось в большинстве случаев избегать открытых конфликтов с Османской и Сефевидской империями, сохраняя де-юре нормальные отношения с Турцией, владея инициативой в отношениях с Персией и имея влияние на ситуацию в Закавказье.

Несмотря на то что в правление царей Федора Ивановича и Бориса Годунова в русско-кавказских отношениях наступил период охлаждения, созданный при Иване IV механизм русской политики на Кавказе, основанный на шертовании, дипломатическом заложничестве, признании вассалитета и династическом браке, оказался долговечным. В значительной мере успех московской политики на Кавказе был обеспечен вошедшими в свойство с первостепенной русской знатью князьями Черкасскими, игравшими и тогда и позднее видную роль в окружении русского царя. Влияние же Османской и Сефевидской держав на Кавказе к концу столетия было ослаблено.

Взаимоотношения с Сибирским ханством

Русско-сибирские отношения до похода Ермака. Отношения с различными сибирскими правителями в первой половине столетия у русских государей были скорее эпизодическими. Нужно отметить походы московских воевод 1483 и 1499—1500 гг. с целью подчинения угорских княжеств и обложения их ясаком. Во время последнего похода основным объектом было Ляпинское княжество, хотя к русским воеводам с изъявлением покорности пришли и обдорские князья, и лидеры каких-то групп самодийцев. В 1514 г. в титуле великих московских князей, в котором с 1484 г. было слово «Югорский», появилось добавление: «и Обдорский, и Кондинский»[543]. Под первым названием несложно увидеть Обдорское княжество, под «Кондинским», скорее всего, имелось в виду Кодское. В 1525 г. великий князь Василий III дал жалованную грамоту обским ненцам («югорской самоеди») с указанием привозить ежегодную дань в Печеру (река Печора на территории современных Республики Коми и Ненецкого автономного округа; скорее всего, центр сбора дани мог располагаться в Пустозерском остроге на этой реке). Их князья и мирзы могли беспрепятственно приезжать в Москву[544]. В 1556—1557 гг. была прислана царская грамота в «югорскую землю Заказымского (князя), в Шоркар»[545], т. е. в один из городков Кодского княжества, где на тот

[542] *Полиевктов М. А.* Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений: 1615—1640 гг.: (Посольства: Веревкина, Харитона, Феодосия, Никифора, Гегнева и Волконского). Тбилиси, 1937. С. VII—XI.

[543] *Пчелов Е. В.* Территориальный титул русских государей: структура и принципы формирования // Российская история. 2010. № 1. С. 5.

[544] *Трепавлов В. В.* Символы и ритуалы в этнической политике России XVI—XIX вв. СПб., 2018. С. 52.

[545] Грамота царя Ивана Васильевича в Югорскую («Юсерскую») землю князю Певгею и всем князьям Сорыкидским о сборе дани и о доставке ее в Москву // Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М., 2005. Приложения. № 1. С. 324—325.

момент правил князь Певгей. К нему были отправлены русские сборщики дани во главе с Иваном Иконниковым, а дань должен был привезти родственник князя и представители «лучших людей». При этом русских сборщиков должны были сопровождать некие югорские князья[546]. Таким образом, уже в первой половине XVI в. северные земли Западной Сибири, заселенные хантами и ненцами, оказались в вассальной зависимости от Русского государства. Однако удаленность новых владений не позволяла организовать постоянный контроль над ними.

Отношения с Тюменским ханством в первой половине XVI в. также носили эпизодический характер. В 1507—1508 гг. бывший правитель Тюменского ханства Агалак и его двоюродный брат Ак-Курт, из-за междоусобной войны ушедшие в Ногаи, при поддержке ногайских мирз вели безуспешные переговоры с московскими князьями Иваном III и его наследником Василием III, пытаясь получить во владения Казань, Мещерский городок или Андреев городок в Мещере. В целом эти дипломатические попытки говорят об ослаблении как самого Тюменского ханства, так и возглавлявшей его ханской династии Шибанидов, оказавшейся «на обочине» международной политики. Сыну Ак-Курта Ак-Девлету в итоге удалось выехать на русскую военную службу, где он стал первым представителем этой династии[547].

В результате политических и миграционных процессов первой половины XVI в. ранее вассальные тюменским династам князья (беки) Сибирской земли из династии Тайбугидов получили значительную свободу в управлении регионом, где ханы появлялись на короткий срок для сбора ясака. Возможно, в связи с этим в январе 1555 г. (когда стало широко известно о взятии русскими Казани и Астрахани) в Москву было отправлено посольство от сибирского бека Едигера, согласованное на курултае со «всей землей Сибирской». Послы не только «здоровали» царя Ивана IV с покорением Казанского и Астраханского ханств, но и предлагали ему взять Сибирь под «свою руку» и положить на нее дань. В соответствии с восточными традициями послы привезли в подарок шкурки белок и соболей[548]. В результате в территориальном титуле русских царей с этого года появилась новая формула: «всея Сибирские земли повелитель», а в саму Сибирь был отправлен русский посол и даруга (т. е. чиновник, отвечающий за перепись населения и сбор налогов) Дмитрий Куров сын Шепейцын с «жалованным ярлыком», т. е. повелевающей грамотой, от Ивана IV. На дипломатическом уровне (в переписке с литовскими панами) московская сторона объясняла, что Едигер «бил челом государю нашему с всеми сибирскими людми, чтобы царь и великий князь пожаловал Сибирскую землю держал за собою и дань бы с них имал, а их бы с Сибирскые земли не сводил»[549].

Но пока московский посол был в Сибири, на нее неожиданно напал «Шибанский царевич» (один из сыновей Муртазы из рода Шибанидов). Об этом было сообщено в Москву в отчете русского посла, вернувшегося туда в ноябре 1557 г. Несмотря на это, в сентябре 1558 г. Едигер заверил своей княжеской печатью шертную грамоту, т. е. присягу на верность, Ивану IV[550], тем самым окончательно разорвав отношения с тюменскими ханами. Правда, в дальнейших переговорах, которые продолжались в Москве с перерывами до 1563 г., участвовали послы как бека Едигера, так и хана Муртазы из рода Шибанидов и его сына

[546] Нягань: Город на историческом фоне Нижнего Приобья. Екатеринбург, 1995. С. 48.
[547] Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой: 1489—1549 гг. С. 54—78.
[548] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 248.
[549] Сборник РИО. Т. 59. С. 479.
[550] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 276, 285.

Ахмад-Гирея. Таким образом, московский царь рассматривался и той и другой противоборствующей друг с другом стороной в качестве верховного арбитра по вопросу о власти в Сибирской земле.

Когда в 1563 г. в Сибири после смерти Едигера по приглашению сибирских «лучших людей» на престоле оказался Ахмад-Гирей, это не сразу изменило отношения с русским царем. Иван IV был недоволен Едигером, и в сентябре 1563 г. жаловался на него ногайскому бию Исмаилу: «...зять твой был на Сибири на нашем юрте, и дань нам с того юрта не дает. И мы впредь хотим того юрта доступати, и за то ему мстити»[551]. Ливонская война также отвлекала внимание и способствовала тому, что смена правителей на сибирском престоле не была осознана в Москве как проблема. Правда, до русской столицы доходили слухи о намерениях кого-то из Шибанидов в 1563—1564 гг. идти в поход на Пермь: «а слух его дошол от полоняников и от Вогулич, хвалица деи Сибирской салтан Ишибаны итти в Пермь войною, а преж деи сего оне Камские Соли город двожды имывали»[552]. Но в 1568—1571 гг. Московское царство и Сибирское ханство обменивались посольствами, а сменивший брата на престоле хан Кучум был намерен подтвердить данные князем Едигером обещания и даже готовился выплачивать дань, о которой ему напоминала Москва[553], хотя, будучи Чингисидом (и с учетом характера шерти как личного договора между правителями), мог этого не делать.

Казалось, дело идет к заключению союза. В 1570 г. в условиях конфликта с казахским ханом Хак-Назаром переговоры с Москвой были продолжены. Кучум прислал посла Таимаса и гонца Аису с грамотой: «Кучум богатырь Царь, слово наше, да послал в том, чтобы его Царь и великий Князь взял в свои руки, а дань со всея Сибирские земли имал по прежнему обычаю»[554]. В результате на следующий год в Москве при участии послов был сформирован текст шертной грамоты Кучуму и определена ежегодная дань в тысячу соболей. Вместе с сибирскими послами в Сибирь был отправлен московский посол Третьяк Чебуков для дальнейшего утверждения шерти сибирскими «лучшими людьми» и самим ханом Кучумом[555].

Московско-сибирские отношения осложнились из-за внешнеполитических факторов. По всей видимости, переговоры продолжались до осени 1571 г., и сибирские послы могли наблюдать последствия сожжения Москвы в результате крымского похода. Видимо, впечатления от этого события были переданы сибирским посольством Кучуму, что повлияло на решение последнего изменить политику в отношении Русского государства. Шертная грамота осталась не подписана, а дань не выплачена. Это должно было привести к разрыву отношений и открытому конфликту.

В 1573 г. произошло столкновение сибирских войск с русскими в результате нападения на владения Строгановых и Пермь, где как раз в это время начались восстания черемисов. Согласно жалованной грамоте Ивана IV Строгановым и Строгановской летописи, эти действия начались с похода самого сибирского хана Кучума на места промыслов Строгановых, где татарами были «побиты» остяки. Одновременно с этим Кучум, дойдя до Чусовских городков, принуждал представителей различных групп угров перестать платить ясак в Москву: «А иных данщиков наших Сибирской имает, а иных

[551] Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. X. СПб., 1795. С. 323.

[552] Жалованная грамота Григорью Строганову о построении на реке Орле городка и изъятии его с людьми и крестьянами от суда Пермских наместников // ДАИ. Т. 1. № 117. С. 169—170.

[553] СГГД. Ч. 2. С. 63.

[554] Там же. С. 63—64.

[555] Там же. № 42. С. 52; № 45. С. 63.

и убивает, а не велит <...> наши дани в нашу казну давати»[556]. Действия Кучума были вызваны необходимостью контроля над ясачным населением и важнейшим сибирским товаром — пушниной, а также над крупным торговым путем из Приуралья в Сибирь, который шел через верховья реки Чусовой. Вопрос о том, чьи данщики жили в Зауралье, решенный Москвой с помощью Строгановых в свою пользу, отнюдь не был столь же очевиден для Искера.

В ответ на это Иван IV выдал в мае 1574 г. грамоту Строгановым, которая расширяла данные им два года назад полномочия на набор военных людей, а также передал под их управление земли в Тахчее и на Тоболе, разрешив там строить крепости для защиты русских данщиков от ногаев и сибиряков и уточнив: «а кои остяки, и вогуличи, и югричи от Сибирского отстанут, а почнут нам дань давати <...> и жены их и дети от сибирцов от ратных приходу беречи Якову да Григорию у своих крепостей»[557]. Другое дело, что реальных возможностей на воплощение этих идей на столь удаленных территориях у Строгановых просто не было.

Впрочем, сразу после этого похода в источниках на четыре года исчезают какие-либо упоминания о русско-сибирских отношениях. Только в 1577 г., после смерти брата и соправителя Ахмад-Гирея, тюменский и сибирский хан Кучум в процессе заключения брачных союзов с различными ногайскими родами вновь затрагивает вопрос русско-сибирских контактов. Так, русским послам в Ногайской Орде присланный из Сибири Таиляк сообщал, что «государь его Кучум хочет впередь Государю царю и Великому князю в дружбе быти и вперед от государя неотстаточну быть <...> и правду дати по своей вере»[558]. В другой грамоте этого же года даже упоминалось о восстановлении выплаты дани «по прежнему обычаю». Уже в марте 1578 г. ногайскому бию Дин-Ахмаду из Москвы сообщали: «И у нас летом посол Кучюма царя сибирского был. А присылал Кучюм царь к нам бити челом о том, которая наша дань была на сибирской земле издавна от наших прародителей, и он давать хочет, а нам бы гнев свой отложити и держать к нему свое жалование». В результате было принято решение даже отправить в Сибирь с жалованной грамотой Добычу Лачинова «и дань свою имать постарине»[559]. Одновременно в Москве крайне благосклонно отнеслись к династическим бракам между правящими родами Сибирского ханства и Ногайской Орды, в частности старший сын Кучума Али женился на дочери бия Дин-Ахмада, а дочь Кучума вышла замуж за лидера могущественного клана Шихмамаевичей (Алтыулов) Ак-мирзу[560].

Таким образом, за несколько лет до начала похода Ермака в Сибирь события 1572—1574 гг., видимо, были благополучно забыты. Эскалация русско-сибирского военного конфликта в начале 1580-х гг., который положит начало падению Сибирского ханства, оказалась неожиданной для всех сторон, а ее причины еще требуют внимания исследователей.

Поход в Сибирь атамана Ермака. С историей утверждения в Предуралье Строгановых связан и знаменитый поход в Сибирское ханство казачьего отряда атамана Ермака. Наибольший вклад в исследование этого события и вообще исто-

[556] Жалованная грамота царя Ивана Васильевича Якову и Григорию Строгановым об освобождении на 20 лет от разных податей и повинностей их земель и людей на Тахчеях и Тоболе // Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 333.

[557] Там же. С. 333—334.

[558] Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. XI. СПб., 1801. С. 189.

[559] Там же. С. 281—282.

[560] Там же. С. 193.

рии начального русского освоения Сибири внесли С. В. Бахрушин, А. И. Андреев, Р. Г. Скрынников, А. А. Преображенский, Н. И. Никитин, в последнее время над этими сюжетами активно работали В. В. Трепавлов, Е. А. Рябинина, Д. Н. Маслюженко, В. Д. Пузанов, А. В. Беляков, Я. Г. Солодкин и другие исследователи. Из источников первостепенное значение для данной темы имеют царские грамоты Строгановым, предположительно из строгановского фамильного архива[561], а также сибирские летописи, которые начали составлять в первой половине XVII в.[562], хотя предполагается, что в основе их лежало «Написание» о походе, поданное архиепископу Киприану после 1619 г.[563] Имеют значение также показания Есиповской (1636)[564] и Строгановской[565] (датируется по филиграням также 1630-ми гг.) летописей, расходящихся в оценке начала похода и роли в нем казаков и Строгановых. Более краткий вариант изложен в Новом летописце (1630) и сходном «Кратком описании о Сибирской земле и о похождениях атамана Ермака» (сохранилось в поздних списках)[566]. Высказывались мнения о первичности Румянцевского[567] и Погодинского[568] летописцев, уникальные детали находятся в Ремезовской летописи[569] (конец XVII в.), однако оценить их достоверность невозможно.

Из сибирских летописей известны имена участников похода: атаманы Матвей Мещеряк, Иван Кольцо, Никита Пан, Яков Михайлов и др. Имена рядовых казаков упомянуты, например, в Синодике «Ерма-

[561] Интересующие нас строгановские грамоты были опубликованы в ДАИ в 1-й половине XIX в. и воспроизведены затем в приложении к первому тому «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера, подготовленному в 1937 г. А. И. Андреевым. См.: ДАИ. Т. 1. СПб., 1846; Приложения // Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. № 2—8, 10. С. 325—338. Этот том затем переиздавался (практически без изменений): 2-е изд. М., 1999; 3-е изд. М., 2005. Ниже будем ссылаться на последнее издание 2005 г., указывая номер грамоты в приложениях.

[562] *Дворецкая Н. А.* Археографический обзор списков повестей о походе Ермака // ТОДРЛ. 1957. Т. 13. С. 467—482; *Дергачева-Скоп Е. И.* Из истории литературы Урала и Сибири XVII в. Свердловск, 1965; *Ромодановская Е. К.* Русская литература Сибири первой половины XVII в.: (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973.

[563] *Бахрушин С. В.* Очерки истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М., 1955. С. 21—22; *Преображенский А. А.* Некоторые итоги и спорные вопросы изучения начала присоединения Сибири к России (по поводу книги Р. Г. Скрынникова «Сибирская экспедиция Ермака») // История СССР. 1984. № 1. С. 101—118.

[564] ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. С. 42—73.

[565] Сибирские летописи. Издание Императорской Археографической комиссии. СПб., 1907. С. 1—46. В позднейшее издание сибирских летописей в составе ПСРЛ (Румянцевского летописца, Есиповской летописи Основной редакции и Сибирского летописного свода) Строгановская летопись не была включена. См. также: Строгановская летопись // На стыке континентов и судеб: Этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и исторических документах. Екатеринбург, 1996.

[566] ПСРЛ. Т. 14. 1-я половина. С. 33. В дальнейшем этот текст несколько раз переиздавался без изменений. См., например: ПСРЛ. Т. 14. М.; Л., 1965; М., 2000. См. также: *Вовина-Лебедева В. Г.* Новый летописец: История текста. СПб., 2004. С. 243—252. *Она же.* Новый летописец и раннее сибирское летописание // Книга и литература в культурном пространстве эпох (XI—XX века). Новосибирск, 2011. С. 159—171.

[567] *Дергачева-Скоп Е. И.* Из истории литературы Урала и Сибири XVII в. С. 124—128; *Она же.* Сибирское летописание в общерусском литературном контексте конца XVI — XVIII вв. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2000. С. 9—15.

[568] *Ромодановская Е. К.* Погодинский летописец: (К вопросу о начале сибирского летописания) // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 18—58.

[569] Сибирские летописи. С. 312—366; *Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н.* Ремезовская летопись: История Сибирская; летопись Сибирская; Краткая Кунгурская: Исследование, текст, перевод: Научно-справочный аппарат факсимильного издания рукописи Библиотеки Российской академии наук (СПб.). Тобольск, 2006.

ковым казакам», составленном при первопрестольном архиепископе Тобольском Киприане[570]. Предполагалось, что имена ветеранов похода можно найти в числе тобольской «старой сотни» в начале XVII в.[571] О Ермаке нам почти ничего не известно. В Погодинском летописце приведено его прозвище «Токмак»[572]. В XVII—XVIII вв. история его жизни обросла множеством преданий. Примером служат легендарные сведения о том, что Ермак якобы с молодости служил на реке Чусовой у Строгановых[573]. Он стал героем народных песен, в которых ему были позднее присвоены черты Степана Разина и других известных казачьих атаманов.

Количество казаков в отряде Ермака в разных летописях исчисляется по-разному, но речь идет примерно о пяти с лишним или восьми с лишним сотнях. Главное расхождение источников касается даты похода. Хотя в летописях приводятся разные варианты, долгое время была принята точка зрения, что Ермак и другие казаки отправились воевать сибирского хана Кучума из приуральских владений Строгановых 1 сентября 1581 г. При этом поход в Сибирь традиционно увязывался по времени с предшествовавшими преступлениями казаков на Волге, откуда они бежали, спасаясь от царского гнева за свое «воровство», которое заключалось в грабеже ногайских послов, ехавших в Москву, и сожжении ногайского города Сарайчика. Но по мнению Р. Г. Скрынникова, Ермак не был «воровским атаманом» и не участвовал в нападении на ногайских послов, а в летописях спутаны сведения о Ермаке с известиями о других атаманах из его войска, таких как Иван Кольцо, который действительно грабил ногайцев[574]. На произвол казаков жаловался воевода крепости Чердынь Василий Перепелицын[575]. За эти действия казаки были объявлены «ворами», а новый царский посол, отправленный в Ногайскую Орду, получил приказ поймать Ивана Кольцо «с товарищи» и повесить их, выполнить который не удалось только потому, что «воровские» казаки ушли за Волгу.

Строгановым разрешалось набирать «охочих людей» для охраны своих владений по реке Чусовой. Но в сохранившейся «опальной» грамоте Строгановым, посланной из Москвы 16 ноября 1582 г., царь гневался на то, что они отпустили Ермака с казаками в поход 1 сентября, вместо того чтобы послать их оборонять Пермскую землю, которая в этот момент подверглась нападению вогуличей (манси). Казаков Ермака было велено вернуть и отправить в Пермь. Сложность состоит в том, что в подлиннике грамоты год, когда это произошло, не ука-

---

[570] *Ромодановская Е. К.* Синодик Ермаковым казакам // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер.: Общественные науки. 1970. Вып. 3. № 11. С. 20—21.

[571] *Преображенский А. А.* У истоков народной историографической традиции в освещении проблемы присоединения Сибири к России // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С. 379; *Он же.* Некоторые итоги и спорные вопросы изучения начала присоединения Сибири к России // История СССР. 1984. № 1. С. 103; *Никитин Н. И.* О «старой» ермаковой сотне (к истории одного мифа) // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): К 80-летию чл.-кор. РАН В. И. Буганова. М., 2012. С. 224—231.

[572] Если принять это известие на веру, тогда, видимо, прозвище восходит к турецкому tokmak — «колотушка». См.: Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 29. М., 2011. С. 395. В одной из летописей сказано, что прозвище означало «дорожный артельный таган» (Сибирские летописи. С. 306).

[573] Сибирские летописи. С. 305—306. Давно обращено внимание на то, что Строгановы получили земли на реке Чусовой гораздо позже того времени, когда там мог служить Ермак.

[574] *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982. С. 59, 63. Изд. 2-е: Новосибирск, 1986.

[575] См.: Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. С. 106—111; Сборник РИО. Т. 37. СПб., 1883. С. 94.

зан, он проставлен только в пересказе ее, приведенном в Строгановской летописи[576]. Кроме того, есть еще одна, более ранняя, опальная царская грамота Никите Строганову от 6 ноября 1581 г., которая также сообщает о нападении «Пелымского князя с вогуличи» и приказывает посылать против них ратных людей, хотя имя Ермака не называется[577]. Долгое время предполагалось, что речь в обеих грамотах идет об одних и тех же событиях, которые имели место еще в 1581 г. Но возможно, что в первый раз (в 1581 г.) пелымский князь «Аплыгарым» (Аблегирим, Аблайгерим) напал на Пермь Великую, а в 1582 г. на Чусовую пришел войною сын Кучума Алей (Али)[578]. Эта гипотеза согласуется с текстом Погодинского летописца, который называет два нападения на русские владения из-за Урала.

Приходится также учитывать, что в конце июня 1581 г. комендант крепости Могилев писал польскому королю Стефану Баторию о нападении на него русских войск и в числе участников называл казачьего атамана Ермака Тимофеевича[579]. Этот Ермак Тимофеевич вряд ли мог оказаться к 1 сентября того же года в вотчине Строгановых и выступить в поход за Урал. С другой стороны, Ермак упоминался в жалобе ногайского правителя, которая поступила в Москву 8 июля 1581 г.[580] В ней сообщалось, что «наперед сего» некий «Ярмак», правда без отчества, угнал с Волги его лошадей, хотя непонятно, какой момент подразумевался под словами «наперед сего»[581].

Итак, относительно начала похода имеется несколько противоречивых известий. Снять все вопросы невозможно ни в рамках версии 1581 г., ни в рамках версии 1582 г. И все-таки в настоящий момент гипотеза о начале похода 1 сентября 1582 г. представляется более обоснованной. По мнению Р. Г. Скрынникова, Ермак оказался во владениях Строгановых в 1582 г., после того как было заключено перемирие с Речью Посполитой и казаки, воевавшие в русском войске, вернулись в свои станицы. Строгановы тут же использовали царское разрешение и позвали атамана Ермака Тимофеевича «с товарищи» для охраны своих владений. Тогда же были наняты и «воровские» атаманы Иван Кольцо, Никита Пан и Савва Болдыря со своими отрядами, которые в августе 1581 г., вероятно, еще находились в Нижнем Поволжье, спасаясь от царского гнева.

Все летописи сообщают, что столица Кучума, известная как Сибир (в источниках встречаются также названия Искер и Кашлык), была взята казаками в день памяти св. Дмитрия Солунского, т. е. 26 октября. Относительно года имеются расхождения: по Есиповской летописи это был 1580 г., по Строгановской и Ремезовской — 1581 г. Все указанные даты не согласуются с данными царских грамот Строгановым, но ведь все летописи составлялись спустя де-

---

[576] Ср.: ДАИ. Т. 1. № 128. С. 184—185; Сибирские летописи. С. 14. См. также: *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. С. 159—161.

[577] ДАИ. Т. 1. № 126. С. 183; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. № 6. С. 335.

[578] Сибирские летописи. С. 275.

[579] Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию / Подг. текста М. Кояловича. СПб., 1883. С. 253.

[580] *Преображенский А. А.* Некоторые итоги и спорные вопросы изучения начала присоединения Сибири к России (по поводу книги Р. Г. Скрынникова «Сибирская экспедиция Ермака»). С. 110.

[581] Есть сведения о том, что в XIX в. у Строгановых хранилась «затинная» пищаль (тяжелое орудие для стрельбы из-за тына) с надписью, что она подарена атаману Ермаку Максимом Строгановым в 7090 г. (т. е. между 1 сентября 1581 и 31 августа 1582 г.), но данное свидетельство мало что дает. Во-первых, проверить его нельзя. Во-вторых, даже если пушка и надпись на ней были подлинными, это может подтвердить как дату 1582 г., так и 1581 г., только в последнем случае она должна быть подарена в самый день выступления в поход.

сятилетия после похода. Известно, что отряд воеводы Семена Болховского, посланный на помощь казакам из Москвы (после прибытия туда казачьей станицы с вестью о покорении Сибири), отправился в путь в конце 1583 г. Поэтому наиболее вероятно, что столица Кучума была взята казаками 26 октября 1582 г. И если поход начался 1 сентября 1582 г., то город захватили, как и полагал Р. Г. Скрынников, всего через два месяца. Значит, это был обычный казачий набег — стремительный и быстрый. Если же поход начался 1 сентября 1581 г., то нужно признать, что это была длительная экспедиция, в ходе которой казаки преодолевали большие препятствия, в том числе многочисленные столкновения с местным населением, о которых пишут летописи. И прежде всего в этом случае у них была зимовка, о ней также существует спор, так как место ее пока не установлено.

Еще одна проблема состоит в оценке роли Строгановых в организации похода. Аника Строганов получил от царя разрешение осваивать земли по реке Каме; и он сам, и его сыновья в 1550-е и 1560-е гг. получили от царя многие финансовые, судебные и торговые льготы[582]. Они ставили соляные варницы, осваивали земли по Каме и Чусовой, приближаясь все ближе к «Камню». Возникли обширные строгановские владения в Приуралье, где они были безраздельными хозяевами. Государственный интерес заключался в том, что Строгановы обязались своими силами оборонять новые земли от «изменников» и получили право нанимать для этого вооруженные отряды[583]. В 1574 г. Строгановы получили жалованную грамоту на земли за Уралом, где им разрешалось искать различные руды, ставить дворы и крепости, защищенные огнестрельными орудиями[584]. Переписка Строгановых с царем говорит о том, что они начали собирать дань с «тахчейских остяков», и правительство потребовало, чтобы последние не давали больше ясака Сибирскому хану[585]. Строгановым разрешалось воевать с Кучумом: «збирая охочих людей, и остяков, и вогулич, и югрич, и самоедь, с своими наемными казаки и с нарядом своим посылати воевать, и в полон сибирцев имати и в дань за нас приводити»[586]. Таким образом, в середине 1570-х гг. они собирались стать хозяевами еще более обширных земель, в том числе пока не присоединенных к Русскому государству.

Нападение пелымского князя в 1581 г. на Пермскую землю было опасно для Строгановых тем, что в нем принимали участие вогуличи (манси) — то население, которое окружало их вотчины и было, видимо, недовольно ими, поскольку Строгановы неоднократно жаловались царю на то, что вогуличи «из острогов выходу не дадут, и пашни похати и дров сечи не дают же», «и соли варити не дают», а также крадут скот и лошадей[587]. Отряды казаков были нужны самим Строгановым. Исходя из этого можно предположить, что инициаторами похода в Сибирь отряда Ермака были все-таки

[582] ДАИ. Т. 1. № 119. С. 168—170, 172—175; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. № 2—3. С. 325—331; *Введенский А. А.* Дом Строгановых в XVI—XVII вв. С. 21—35.

[583] ДАИ. Т. 1. № 120. С. 175—176; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. № 4. С. 332.

[584] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. № 5. С. 332—335. Данная грамота не была напечатана в издании ДАИ и издана впервые по рукописи в 1-м томе «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера в 1937 г. Далее подобные случаи не оговариваем.

[585] *Самигулов Г. Х. О* локализации области Тахчеи в XVI в. // Научный диалог. 2016. № 4 (54). С. 224—236. В современной историографии существует дискуссия о том, были ли «тахчейские остяки» этнической группой хантов или социальной группой ясачного населения.

[586] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. № 5. С. 332—334.

[587] 1581 г. декабря 20 — Грамота «с прочетом» царя Ивана Вас. Перми Великой и Камского Усолья старостам, целовальникам и земским людям // Введенский А. А. Торговый дом XVI—XVII веков. Л., 1924. С. 62—63.

сами казаки, которые рассчитывали найти «за Камнем» легкую добычу: им стало известно, что основные силы Кучума во главе с царевичем Али как раз в этот момент были посланы разорять Пермь и Чердынь. Казаки уплыли из строгановских владений на легких речных стругах, и царский указ направить их на оборону Чердыни и Соли Камской выполнить было уже невозможно. Если принять гипотезу Р. Г. Скрынникова о том, что поход длился всего два месяца, то сообщения летописей, что у казаков имелись «запасы многие», включая пушки, оказываются под вопросом, хотя очевидно, что у них должны были быть пищали, запас пороха и свинца.[588] Маршрут казаков изложен во всех летописях практически одинаково (исключая легендарные подробности Ремезовской летописи): по реке Чусовой вверх в реку Серебряную, по ней вверх (против течения), подойдя к горным перевалам через «Камень», потом волоком по перевалам до реки Борончук, по ней по течению до реки Тагил, Тагилом до реки Туры, а Турою до реки Тобол, впадающей в Иртыш. Наибольшее расстояние в несколько сотен верст казаки прошли по Туре. Если это действительно был двухмесячный поход, то первые столкновения должны были произойти уже в непосредственной близости к столице Кучума, на Туре и Тоболе[589].

Хан Кучум, конечно, вскоре узнал о появлении казаков в его владениях, но, вероятно, считал это обычным кратковременным набегом, таким же, как и поход его собственных войск в Приуралье. Никто не предполагал тогда, что казаки обратно на Русь не уйдут. Однако, когда Кучум выслал навстречу Ермаку отряд под предводительством своего племянника Маметкула (Мухаммед-Кула бин Ахмед-Гирей), тот не смог остановить казаков. Крупная стычка произошла с многочисленными конными и пешими татарами, поджидавшими казаков на берегу Иртыша у Чувашевского (Чувашского) мыса. По-видимому, это произошло 23 октября 1582 г. Татары, разумеется, уже знали о существовании огнестрельного оружия и, очевидно, встречались с ним, но пользоваться не умели. Это дало казакам большое преимущество в столкновениях с превосходящими по численности воинами Кучума. Важно и то, что последние не знали особенностей судового боя и не умели ему противостоять. Казаки шли вперед по рекам в стругах, как в небольших крепостях, в которых были неуязвимы, поскольку татары не имели речных флотилий. Маметкула ранили, а казаки, одержав победу, смогли уже беспрепятственно двинуться к столице. Узнав об этом, Кучум оставил ее и откочевал со своим двором на юг. В городе казаки взяли богатую добычу, в основном мехами[590]. Очевидно, Кучум и его окружение не были подготовлены к нападению на ханскую ставку, рассчитывая, что пограничные силы не допустят столь глубокого проникновения врага в свои владения. Число воинов в окружении хана, видимо, было незначительным: в ставке, как считают современные исследователи, проживал лишь он сам с семьей, его двор и гвардия. Татары привыкли к военным столкновениям в открытом поле, но не умели держать осаду. Более того, Кучум, вероятно, не придавал сдаче Искера такого значения, какое увидели в этом казаки и русская сторона. Для хана переход к кочеванию был естественным в сложившихся обстоятельствах, воспринимался как временный маневр для

[588] Энтузиастам, решившим пройти путем Ермака, за два месяца сделать это не удалось. Данное обстоятельство следует учитывать, хотя и нельзя считать решающим аргументом против гипотезы Р. Г. Скрынникова: детали похода полностью воспроизвести уже нельзя, и за 450 прошедших лет какие-то важные части пути или обстоятельства могли измениться.

[589] В этом случае сообщения большинства сибирских летописей о многочисленных сражениях, в которые казаки вступали по дороге к Искеру, следует признать легендами.

[590] Сибирские летописи. С. 25—26, 134—135.

собирания сил, а не как потеря власти[591]. Новые столкновения были еще впереди.

По сообщению ряда сибирских летописей, на четвертый день после взятия Искера туда пришел остяцкий князь по имени Бояр, который привез припасы, столь важные для казаков в чужой стране[592]. Позднее к казакам явился правитель кодских остяков (хантов) князь Алачей, которому в награду была дана власть над большой округой, сохранившаяся у его потомков и в XVII в.[593] В декабре 1582 г., судя по сообщению Ремезовской летописи, вогульские князья Ишбердей и Суклей изъявили свою покорность, принесли казакам ясак и «потребный запас»[594]. Однако другие правители не торопились признавать власть русских, да и клан Кучума не собирался так легко отдавать власть, видимо, решив перебить казаков по частям. Тем пришлось выезжать зимой за продовольствием, и часть отряда погибла от нападения Маметкула, когда отправилась на рыбную ловлю на озеро Абалак.

После этого Ермак отправился в погоню за татарами и 5 декабря 1582 г. снова разбил их. Сибирские летописи сообщают, что одновременно он стал приводить окрестных князей к присяге русскому царю, облагая данью мехами — ясаком, хотя относительно этого имеются разные мнения[595]. Не все подчинялись добровольно, и память об этих событиях в Сибири сохранялась долго. Казаки отъезжали в поисках дани, видимо, довольно далеко от Искера, проходили по Иртышу, спускались вниз по Оби. В Ремезовской летописи читается явно местное предание о походе казаков в Назымские городки, где казачий пятидесятник «городок крепкий взял боем и многих лучших мергеней повесил за ногу и розстрелял, и ясак собрал за саблею (силой. — *В. В.-Л.*), и положил на стол кровавую, и велел верно целовати за государя царя»[596]. Позднее Ермак, если принимать во внимание неясные и противоречивые сообщения Ремезовской летописи, возможно, предпринял поход в Пелымское княжество вогулов, которыми правил Аблегирим («ездили воевать по Тавде»), но казаки и тут встретили сопротивление местного населения[597]; правда, относительно Пелымского похода казаков у историков имеются разногласия[598].

Все эти события сопровождались гибелью участников похода как в столкновениях, так, видимо, от голода и болезней. Из тех, кого летописи именуют ближайшими сподвижниками Ермака, в первый год в

---

[591] *Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А.* Почему Кучум не стал защищать Искер? // Присоединение Сибири к России: Новые данные: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Тюмень, 2014. С. 139—144; *Рябинина Е. А.* Поход Ермака и судьба Сибирского ханства // Тюменское и Сибирское ханства. Казань, 2018. С. 257—259.

[592] ПСРЛ. Т. 36. С. 56; Сибирские летописи. С. 72.

[593] Сибирские летописи. С. 336. *Бахрушин С. В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI и XVII вв. // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М., 1955. С. 114—116.

[594] Сибирские летописи. С. 337.

[595] *Беляков А. В.* Сибирские шерти XVI века // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2020. Т. 19. № 1. С. 125—131; *Зуев А. С., Игнаткин П. С., Слугина В. А.* Под сенью двуглавого орла: Инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI — начале XVIII в. Новосибирск, 2017; *Зуев А. С., Слугина В. А.* Летописные известия о шертовании сибирских народов во время похода Ермака и исторические реалии // Российская история. 2015. № 3. С. 30—44; *Акишин М. О.* Шертование народов Сибири при присоединении к России // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12. № 5. С. 233—241; *Конев А. Ю.* Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI — XVIII в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 6. С. 172—177.

[596] Сибирские летописи. С. 333.

[597] *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. С. 240—244; Сибирские летописи. С. 325—326, 339.

[598] См. подробнее: *Солодкин Я. Г.* Ермаково взятие Сибири: Дискуссионные проблемы истории и источниковедения. Нижневартовск, 2015. С. 74—84.

Сибири смерть настигла Богдана Брязгу, на второй — Никиту Пана, в третий — Ивана Кольцо. Было ясно, что долго продержаться казакам одним во враждебном окружении невозможно, поэтому еще летом 1583 г. в Москву послали станицу из двадцати пяти казаков во главе с Черкасом Александровым (согласно другим версиям — с Иваном Кольцо), которые явились к царю Ивану Васильевичу с драгоценными мехами, сообщив, что завоевали для него новые земли. Казаков было решено наградить и простить им все прошлые вины. Подготовка похода государевых людей в Сибирь потребовала времени (к тому же в это время умер царь Иван Васильевич), и отряд стрельцов во главе с воеводами князем Семеном Болховским и Иваном Глуховым численностью в триста человек (среди которых было, судя по летописным сообщениям, сто человек казанских и свияжских стрельцов, сотня пермичей и вятчан и еще сотня других служилых людей), посланный из Москвы в 1583 г., прибыл в Искер лишь к зиме 1584 г. По пути в Сибирь отряд князя Болховского, как предполагают, основал в верховьях реки Тагил Верхнетагильский городок, оставив там воеводу Рюму Языкова из нижегородских служилых людей[599] и запас продовольствия. В результате в Сибирь отряд Болховского пришел неподготовленным к суровым условиям, без запасов еды и теплой одежды. Все это привело к трагедии: почти все прибывшие, в том числе сам воевода князь Семен Болховский, умерли во время зимовки.

Тем временем казакам удалось захватить в плен царевича Маметкула — согласно летописной версии, враждовавший с ним татарский мирза указал Ермаку, где тот разбил свои кочевья[600]. Маметкул был отправлен в Москву и принят с честью. Русские цари традиционно стремились привлечь сибирскую знать к себе на службу[601]. Маметкула сразу назначили воеводой царского полка, выступившего в поход против шведов в ноябре 1585 г. После этого многие приближенные стали покидать Кучума, хотя и продолжали вести самостоятельную борьбу с Ермаком. Например, его покинул один из сановников, которого сибирские летописи именуют «Карачой», хотя на самом деле «карача» — это не имя, а придворное звание. По одной из версий, его имя было Мамет (Мухаммед)[602]. Именно «Карача» сумел заманить в ловушку и погубить отряд атамана Ивана Кольцо, после чего, видимо весной 1585 г., Ермак в Искере был окружен многочисленными татарскими отрядами и вынужден был держать осаду. Согласно летописным версиям, только летом казаки сумели отогнать отряды «Карачи».

В Синодике говорится, что Ермак погиб 6 августа, «в четвертое <...> лето по си-

---

[599] Рюма Языков как воевода Верхнетагильского городка упомянут в ранней редакции Сибирского летописного свода (в так называемой «Книге записной»), составленной, видимо, около 1687 г. на основе летописного источника времен митрополита Корнилия (1674—1677). См.: *Дворецкая Н. А.* Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск, 1984. С. 28—37. Там можно прочесть страннос известие о том, что Рюма Языков привез с собой большого казанского кота, который во сне его насмерть «заяде». См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 141. Летописный текст прямо не связывает эти события с походом отряда Семена Болховского, однако известно, что Верхнетагильский городок просуществовал всего четыре года и уже в 1588 г. был перенесен на реку Лозьву (Лозьвинский городок); следовательно, если доверять летописи, то «заеденный котом» воевода мог быть оставлен там не позднее середины 1580-х гг.

[600] ПСРЛ. Т. 36. С. 33, 58, 133.

[601] Через несколько лет к Маметкулу из Сибири приехали его жена и мать, а также другие родственники. См.: *Беляков А. В.* Чингисиды в России XV—XVII веков. С. 67.

[602] См.: *Усманов М. А.* Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Казань, 1972; *Беляков А. В.* Как звали большого сибирского карачу? // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы II Всероссийской научной конференции (Курган, 17—18 апреля 2014 г.). Курган, 2014. С. 63—64.

бирском взятье»[603]. Историки спорят о годе гибели атамана, чаще всего считают, что это произошло в 1585 г. Правда, сибирские летописи дают возможность лишь предположительно восстановить картину гибели атамана. После того как была снята осада столицы, к атаманам прибыли вестники от бухарских купцов, сообщившие, что Кучум не пропускает их в Сибирь. Казакам было необходимо пополнить запасы продовольствия, и Ермак выступил в поход на юг навстречу бухарскому каравану. Во время ночевки близ устья реки Вагай отряд подвергся нападению со стороны подстерегавшего врагов хана Кучума и был перебит. Летописи содержат разнообразные и противоречивые известия об этом, так как смерть Ермака быстро обросла легендами. Наиболее распространенной как в книжной, так и в песенной культуре стала версия о том, что Ермака, когда он во время нападения бросился в воду, чтобы достичь струга, отплывшего от берега, утянули на дно реки тяжелые «панцыри», присланные ему из Москвы (мотив гибельности царского подарка).

На этом история первого казачьего похода в Сибирь закончилась. Еще Б. Э. Нольде в 1948 г. назвал «мифом» идею о том, что Сибирь была завоевана Ермаком[604]. По его мнению, такая трактовка возникла «по ловкому политическому толкованию» московского правительства. Современные исследователи главное значение похода Ермака видят в том, что он стал толчком к развалу Сибирского ханства и к неизбежному проникновению туда русских отрядов[605]. Держава Кучума оказалась слабым политическим образованием. Внутри она состояла из отдельных полунезависимых княжеств. Некоторые территории числились под властью хана лишь формально. Кучум предпринимал усилия, чтобы объединить население своих владений, в частности, повсеместным введением ислама, но не имел успеха. Он оказался изолированным от своих прежних союзников Ногайской Орды и Бухарского ханства, которые в этот момент сами оказались в сложной ситуации.

Но все же в середине 1580-х гг., после гибели Ермака, Сибирь еще предстояло покорить, сломив сопротивление как Кучума, так и местных народов. Недаром остатки отряда Ермака спешно ушли «на Русь».

Начало русского освоения Западной Сибири. Единственным способом подчинить русской власти новые земли, учитывая огромность территории, враждебность населения и незавершенность борьбы с Кучумом, была постройка крепостей, которые закладывались в стратегически важных пунктах и позволяли, установив контроль над территориями, постепенно продвигаться от города к городу. Именно так на протяжении нескольких десятилетий русские отряды медленно, но неуклонно шли в глубь Сибири. Особую важность среди современных исследований этого периода имеют работы В. В. Трепавлова[606].

После гибели Ермака оставшиеся в живых казаки, ведомые атаманом Матвеем Мещеряком и воеводой Иваном Глуховым, перевалив «через Камень», вернулись «на Русь». Опустевшую ставку сразу заняли вернувшийся в эти места сын Кучума Али и его братья. Но силы этого клана были ослаблены. Сеид-Ахмед, которого сибирские летописи называют Сейдяком, потомок Едигера и давний соперник Кучума, решил воспользоваться ситуацией: он сумел захватить столицу, прогнал Али и

---

[603] *Ромодановская Е. К.* Синодик Ермаковым казакам. С. 381.

[604] *Нольде Б. Э.* История формирования Российской империи. СПб., 2013. С. 155—156.

[605] *Рябинина Е. А.* Поход Ермака и судьба Сибирского ханства. С. 257—262.

[606] См. в особенности: *Трепавлов В. В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш.

убил (согласно сообщению Погодинского летописца)[607] несколько других Кучумовичей. На сторону «Сейдяка» перешел и «Карача».

Тем временем в Сибирь из Москвы был направлен новый отряд во главе с воеводой Иваном Мансуровым — вести о гибели Ермака еще не дошли до царя. Отряд вез большой запас продовольствия и теплой одежды. Узнав о том, что казаки покинули Сибирь, Мансуров поднялся по Иртышу до Оби и устроил зимовку напротив устья Иртыша, построив там Обский городок, который сумел выстоять против нападения местных приобских остяков. Перезимовав, Мансуров отправился обратно на Русь водным путем по реке Оби. Новый царь Федор Иванович снарядил за Урал еще одно войско во главе с Василием Сукиным и Иваном Мясным. С ними же в Сибирь отправились некоторые ветераны Ермакова похода, такие как Черкас Александров. На этот раз русским удалось осесть на берегах рек Туры и Тагила. В 1586 г. над впадением в Туру реки Тюменки, неподалеку от древнего центра тайбугидов Чимги-Туры, на пересечении древних торговых путей была основана первая русская крепость в Сибири — Тюмень. В подкрепление воеводам из Москвы был послан с отрядом голова Данила Чулков. Василий Сукин послал его Тоболом до Иртыша, где в 15 верстах от старой столицы Кучума Данила Чулков в 1587 г. основал крепость Тобольск.

Тут русские воеводы неизбежно должны были столкнуться с Сеид-Ахмедом. Кроме того, вместе с ним находились «Карача» и некий «казахский царевич Салтан» (так именуется он в летописях; предполагают, речь идет об Ураз-Мухаммеде[608]). Сибирские летописи подробно рассказывают о том, как летом 1588 г. русский воевода пригласил Сеид-Ахмеда в новую крепость на пир. Во время угощения возникла ссора, и Сеид-Ахмед, а также приехавший вместе с ним «Карача» и «казахский царевич» были захвачены хозяевами в плен. По летописям трудно понять, было ли пленение гостей заранее подстроено русскими или же произошло стихийно. Исследователи предполагают, что в основе летописного рассказа лежит реальное событие[609]. Очевидно, что в отношении иноверных, согласно понятиям того времени, допускался обман. Так, в наказе 1592 г. Петру Горчакову (посланному в Сибирь для устройства крепости Пелым) советовалось «приманить» пелымского князя Аблегирима, а также его старшего сына, племянников и внучат, и всех их «приманив, извести»[610]. Впрочем, необычная суровость в отношении именно пелымского князя объяснялась его предыдущими набегами на Пермь. Судьба же пленных, взятых в Тобольске, была иной. Сеид-Ахмед, Маметкул, «Карача» и «казахский царевич» были приняты на русскую службу[611].

Состав первых обитателей сибирских городов был довольно пестрым. Замет-

[607] ПСРЛ. Т. 36. С. 135.

[608] Ураз-Мухаммед был казахским царевичем, незадолго до того прибывшим в Искер. После своего пленения в 1588 г. он перешел на русскую службу, получил поместье, денежный оклад и как русский воевода участвовал в военных походах, а в 1600 г. стал ханом Касимовским. Был убит в Смуту Лжедмитрием II. См.: *Беляков А. В.* Чингисиды в России XV—XVII веков. С. 76—77; *Он же.* Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исиней Карамышев сын Мусаитов: Опыт совместной биографии. Алматы, 2019; *Рябинина Е. А., Маслюженко Д. Н.* Сейдяк и Ураз Мухаммед в Сибирской истории // Золотоордынское обозрение. 2023. № 11 (2). С. 380—396.

[609] *Беляков А. В.* Ураз-Мухаммед в Сибири // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы IV Всероссийской (национальной) научной конференции. Курган, 2020. С. 61—64; *Трепавлов В. В., Беляков А. В.* Сибирские царевичи в истории России. СПб., 2018.

[610] РИБ. Т. 2. № 56. Стб. 103—120; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. № 11. С. 340—341.

[611] Перейдя на русскую службу, «Карача» служил хану Касимовскому, стал придворным историографом. См.: *Усманов М. А.* Татарские исторические источники XVII—XVIII вв.

ный вклад в его изучение внесли работы А. А. Преображенского, Н. И. Никитина, В. Д. Пузанова и других исследователей. Первыми сибирскими «насельниками» были в основном служилые люди, переведенные туда чаще всего с Русского Севера, а также Среднего Поволжья. Значительную часть их составляли служилые «по прибору» — стрельцы, казаки (конные и пешие), пушкари и затинщики, служилые татары, литва — перешедшие на русскую службу польские и литовские пленные, а также немцы (выходцы из Западной Европы) и др. Различие между этими группами, например между казаками и стрельцами, не было четким. Все приборные люди города могли именоваться в источниках стрельцами, а могли — казаками[612]; позднее в «литовские сотни» иногда включались русские люди и т. п.[613] В сибирских крепостях была нужда в толмачах, а также в священниках. Что касается служилых людей «по отечеству», в первое время дети боярские за Урал присылались из Москвы, а позднее в «сибирские дети боярские» стали на месте верстать лиц из других чинов. Известно, что некоторые выжившие сподвижники Ермака значились казачьими головами, а их сыновья — «детьми боярскими»[614]. На службу в сибирские города принимались и бывшие вассалы Кучума. Из них формировались корпуса служилых татар под началом специального татарского головы, назначаемого из русских детей боярских. Воеводами в Сибири становились служилые люди «по отечеству», но не особенно знатные и не принадлежавшие к верхушке Государева двора. Среди них были ссыльные и опальные, например Иван Григорьевич Нагой, двоюродный брат царицы Марии Федоровны, одно время верхотурский, потом березовский и затем тюменский воевода.

Основание Тюмени и Тобольска привело к подчинению русской власти значительной части Сибирского ханства. Однако местное население в других местах продолжало сопротивляться, и в 1590-х гг. это потребовало новых военных походов в Сибирь русских служилых людей и постройки новых крепостей. В 1593 г. из Москвы за Урал были посланы: бывший воевода Чердыни Никифор Васильевич Траханиотов, сыгравший особенно большую роль в начальной колонизации Сибири, упомянутый выше Петр Иванович Горчаков и будущий герой Смуты начала XVII в. князь Михаил Константинович Хромой Волконский. К северу от Тобольска на реке Тавде, близ устья реки Пелым, был заложен город Пелым. Его поставили воеводы П. И. Горчаков и Н. В. Траханиотов в земле вогулов, на старом пути из Зауралья на Чердынь, в бывших владениях Пелымского князя Аблегирима. Пелым возвели недалеко от столицы Табаринского княжества — старого Табаринского городка — в устье реки Табары (притока Тавды). Поэтому в ранних документах Пелым некоторое время именовался «новым городом Тоборы». Постройка Пелыма покончила с независимостью Пелымской земли и с ее княжеской династией. Трудно сказать, было ли в точности выполнено поручение царя в отношении самого Аблегирима, как сообщает Погодинский летописец[615], но после 1592 г. ни в сибирских летописях, ни в других источниках он не упоминается.

В Сибирском летописном своде говорится, что первыми жителями Пелыма стали угличане, сосланные туда в наказание за бунт, поднятый из-за гибели царевича

---

[612] *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 26—35.
[613] Там же. С. 38—42.
[614] *Никитин Н. И.* Начало казачества Сибири. М., 1996. С. 10—11.
[615] ПСРЛ. Т. 36. С. 136.

Дмитрия в мае 1591 г.[616] Они же, по сообщению летописи, ставили и саму крепость. Однако документы позволяют увидеть картину несколько иначе, так как сохранился подробный наказ Никифору Траханиотову и Петру Горчакову о строительстве Пелыма в 1592 г.[617] Поход на вогульское Пелымское княжество имел целью пленить князя Аблегирима и обложить его бывших подданных ясаком. В Пелыме надлежало устроить «50 человек конных». Кроме того, было велено прислать еще двадцать человек «пашенных людей» Пермской земли и двадцать из Вятской земли. Постоянное пополнение шло за счет наборов «охочих людей»[618].

Из Пелыма служилые люди в 1593 г. пошли через Тобольск на Обь. На их пути лежали остяцкие княжества Большая и Малая Кода. Кодские остяки приняли участие в походе русских. Воеводы Траханиотов и князь Волконский, а также письменный голова Иван Змеев с отрядом из «вятчан, пермичан, вымичей и усольцев» разгромили Кондинское княжество вогулов, захватили в плен кондинского князя Агая, его семью и имущество[619]. Около впадения в Обь реки Сосьвы они поставили город Березов — на месте поселения остяков, которое называлось Сугмут-Ваш («Город берез»). После постройки Пелыма и Березова среднее Приобье оказалось под русским влиянием, и новым направлением стал путь к верховьям Оби. Крепость Сургут была основана в 1594 г. отрядом воеводы князя Федора Петровича Барятинского и головы Владимира Аничкова на месте впадения в Обь реки Бардаковки. В строительстве принимали участие служилые люди из уже построенных сибирских городов (Обского городка, Тобольска, Пелыма, Березова). Помогали строить город и местные остяки, правитель которых по имени Бардак принял русское подданство. В Сургут был переведен гарнизон из старого городка, поставленного еще И. Мансуровым. Из Сургута пошло русское продвижение вверх по Оби, где сургутский голова Тугарин Федоров через два года поставил Нарымский и Кетский остроги.

В том же 1594 г. отряд князя Андрея Елецкого основал на левом берегу Иртыша, недалеко от впадения в него реки Тары, крепость Тару, важный пункт на юге Сибири. Сохранились наказы князю Андрею Елецкому 1593—1594 гг. и сменившему его двоюродному брату — князю Федору Елецкому и Василию Хлопову 1595 г. об устройстве Тары[620], сходные с наказом о постройке Пелыма. Правда, пелымские вогулы не представляли для отряда, строившего Пелым, такую опасность, как кочевавший недалеко от Тары «Кучум царь» с татарами и «ногайскими людьми». Под властью Кучума еще оставались земли на юге, и значительное число местных кланов продолжало хранить ему верность. Однако ни с ногайцами, ни с бухарцами у него так и не состоялся союз, на который он рассчитывал и заключения которого боялась русская сторона[621]. В Москве какое-то время надеялись уладить дело с Кучумом миром: в 1593 или 1594 г. («тому четвертой год», как сказано в царской грамоте 1597 г.) Кучум просил, чтобы русский царь отдал ему его «юрт» и отпустил к нему его племянни-

[616] ПСРЛ. Т. 36. С. 139. Сообщается, что в Сибирь «сослали» и тот колокол, который в Угличе дал сигнал к восстанию. Колокол был привезен в Тобольск и повешен в Спасской церкви на Торгу.

[617] РИБ. Т. 2. № 56. Стб. 103—120; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. № 11. С. 339—346.

[618] См., например: РИБ. Т. 2. Стб. 99—101; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. №. 12, 15. С. 346, 353— 354.

[619] РИБ. Т. 2. № 54. Стб. 101—102; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. № 16. С. 354.

[620] Оба впервые напечатаны в первом томе «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера (№ 13. С. 347—353; № 17. С. 355—358).

[621] *Рябинина Е. А.* Поход Ермака и судьба Сибирского ханства. С. 266—268; *Беляков А. В., Маслюженко Д. Н.* Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом // Stratum plus. № 6: Pax Mongolica и евразийские потрясения XIII—XIV вв. 2016. С. 229—243.

ка, и царь соглашался устроить Кучума «на Сибирской земле царем», если тот признает его власть[622].

Одновременно главной задачей, поставленной перед князем А. Елецким, наряду с устройством пашни, сбором ясака, заведением соли и прочим было «Кучума царя истеснить». Большую часть царского наказа ему занимает разбор разных вариантов того, как могут складываться отношения с татарами. С Кучумом надлежало попробовать договориться, чтобы он дал своего сына «в заклад» (т. е. в аманаты) в Москву, поскольку «государь Кучума царя хочет держать под своею царскою рукою, и сына к нему Облагаира[623] и людей <...> отпустит». Но все-таки главное, что следовало делать воеводе, это «беречься» Кучума и не дать ему напасть на крепость, пока она строится. Кроме того, следовало «беречь» от Кучума волости по Иртышу между Тобольском и Тарой. Кучум действительно представлял опасность в глазах русской власти, так что воеводам не разрешалось посылать на него «вскоре» (т. е. наспех), «не розведав накрепко». Вместо этого надлежало «от Кучума царя лутчих людей отговаривать, чтоб ехали к государю служить», и использовать их единоплеменников на русской службе («а ссылались бы с ними тобольские служивые татарове»). С окрестных волостей следовало собирать ясак, а также выменивать ценные шкурки у населения; на тех же, кто отказывался платить, «посылать войною воевать» и имущество их потом делить между участниками похода (кроме шкурок соболей и чернобурых лис, которые шли государю). Русские власти знали, сколько людей проживало в волостях по Иртышу, и понимали, что половину ясака они платили государю, а половину — Кучуму, «блюдясь от него войны». Предполагалось, что постройка новой крепости даст возможность собирать ясак полностью.

Таким образом, Тара сразу превратилась в главный центр русской военной власти в среднем Прииртышье. Как сказано в Сибирском летописном своде, в поход на реку Тару были взяты служилые люди уже построенных сибирских городов, а также казанцы, пермичи и вятчане[624]. Из текста наказа следует, что при основании города там находились 147 московских стрельцов, 554 конника из Казанского края (башкиры, татары и др.), литва, черкасы (украинские казаки, перешедшие на русскую службу) и пр. Весь отряд насчитывал 1541 человека, но большинство из них, как и в случае с постройкой Пелыма, вернулись обратно после завершения работ. Гарнизон Тары составили 100 московских стрельцов, 40 человек тюменской литвы, черкас и конных казаков, 100 человек тобольской литвы, черкас, конных казаков и 50 тобольских татар. Позднее на Тару посылались и другие служилые люди[625]. Через несколько месяцев был достигнут первый успех в «истеснении» Кучума. В Таре от местных татар узнали, что Кучум повелел собираться к нему преданных людей и царевич Алей отвел их по Иртышу на Черный остров. Отряд из Тары в 276 человек взял и сжег татарский укрепленный городок и разбил всех людей Кучума. Царской грамотой 26 июня 1595 г. повелевалось раздать жалованье служилым людям за это взятие, в том числе, что важно,

---

[622] СГГД. Ч. 2. № 68. С. 132.

[623] Т. е. сына Абул-Хаира (Абулхайра), взятого в плен ранее и предлагаемого в обмен на другого сына, которого надлежало послать в Москву.

[624] ПСРЛ. Т. 36. С. 140.

[625] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. № 13. С. 351. См. также: *Пузанов В. Д.* Экспедиция Андрея Елецкого и основание Тары в 1594 г. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Курган, 2014. С. 84—86; *Он же.* Город Тара — русская крепость на юге Сибири // Исторический формат. 2015. № 3. С. 328—331.

выплатить денег «и язычником, которые бились явственно»[626]. После этого ставилась задача узнать, где теперь кочует Кучум «и с нагаи у него ссылка есть ли». Князь Федор Елецкий 29 июля писал в Москву, что Кучум зимует на расстоянии двадцати дней от Тары, и просил прислать еще людей, чтобы над ним и его людьми «промыслити», что было обещано ему к весне[627].

В это же время русские отряды продвигались к низовьям Оби и в 1595 г. основали самый северный русский город Обдорск[628] при впадении в Обь реки Полуй. И тогда же возникли обстоятельства, заставившие ставить новые укрепления в самом центре русских сибирских владений. Именно в это время был найден более короткий водно-сухопутный путь из России в Сибирь (так называемый Бабиновский тракт) — по реке Каме до Соликамска, от которого далее проложили дорогу прямо к верховьям Туры, затем по Туре и Тоболу в Иртыш. После этого старый путь через Вишеру и Лозьву был заброшен. Для защиты новой дороги в 1598 г. на левом берегу Туры, на крутом утесе, на месте вогульского поселения Нером-Кар, воеводами Василием Головиным и Иваном Воейковым была поставлена крепость Верхотурье[629]. Теперь именно через Верхотурье шли в европейскую часть страны все сибирские товары. Но требовалось поддерживать эту дорогу в порядке. Московское правительство было поставлено перед необходимостью выделять большие средства для хозяйственного освоения новых территорий, среди которых главную роль на первом этапе играло продовольствие, пока земли еще не были распаханы[630]. Важно оказалось также обеспечить новопоселенцам возможность ловить рыбу, бить зверя и заготовлять сено[631], привлечь в Сибирь торговых людей[632], следить за дорогами, чистить и чинить их[633].

Чтобы усилить русскую власть на пути из Верхотурья к Тобольску, в 1600 г. на правом берегу Туры, на месте бывшего татарского поселения Епанчин-юрт, был возведен Туринский острог, построенный служилыми людьми Тюмени и Пелыма под начальством головы Ивана Лихарева[634]. Тогда же из Тобольска на северо-восток направился отряд, которым командовали голова Мирон Михайлович Шаховской и Данило Хрипунов. Они двинулись на реку Таз. По пути на отряд напало местное население, но он добрался до цели, и в 1600 г. была основана заполярная Мангазея — самый отдаленный русский форпост, необходимый как центр сбора ясака. Все построенные города административно были связаны с центром Сибири. Первые несколько лет после основания таким центром была Тюмень, но скоро эта роль перешла к Тобольску, который со временем стал во главе особого административного подразделения — Тобольского разряда. Ему подчинялись уезды, возникшие вокруг новых городов: Тобольский, Березовский, Верхотурский, Сургутский,

---

[626] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. № 18. С. 358—359.

[627] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. № 20. С. 362—363.

[628] Современный Салехард.

[629] См. царские грамоты этим воеводам от 12 октября и 15 декабря 1597 г.: РИБ. Т. 2. № 43. Стб. 56—57; № 44. Стб. 57—61; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. № 25—26. С. 367—369.

[630] АИ. Т. 2. № 27. С. 25—26. 1599, 4 мая. Царская грамота верхотурскому воеводе об отпуске служилым людям хлебного жалованья.

[631] Там же. № 28. С. 26. 29 ноября 1599.

[632] Там же. № 29. С. 26—27. 5 декабря 1599 г.; № 30. С. 27—28. Январь 1600; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. № 33. С. 374—377.

[633] АИ. Т. 2. № 26. С. 24—25; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. № 29. С. 370—371. 22 апреля 1599 г. Царская грамота о починке новой дороги между Солью Камской и Верхотурьем.

[634] См. царскую грамоту голове Федору Янову о постройке Туринского острога 30 января 1600. РИБ. Т. 2. № 47. Стб. 66—72; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. № 33. С. 374—377. См. также: ПСРЛ. Т. 36. С. 140.

Тарский, Тюменский. Значение Тобольска как главного административного и военного центра объяснялось как его географическим положением, так и другими обстоятельствами. Например, там хранились основные запасы оружия в Сибири[635].

Большой проблемой в первые годы освоения новых земель было поддержание порядка среди сибирских служилых людей (стрельцов и казаков), а также их атаманов, которые уже по дороге в Сибирь начинали бить и грабить крестьян, отнимать у них скот и другое имущество, даже убивать и «соромотить» крестьянских жен, не давать прогонов за подводы ямщикам. Подобное поведение должно было сурово наказываться, но видно, что проблемы продолжались и по прибытии на место[636].

Важнейшим вопросом, от которого зависела жизнь новых городов и их населения, были отношения с местными народами, которые следовало выстраивать осторожно и мирно. В царской грамоте голове Федору Янову о строительстве Туринского острога предписывалось не чинить обид жившим вокруг татарам[637]. В грамоте царя Федора Ивановича 1586 г. воеводам в Обской городок царь запрещал обижать людей остяцкого князя Лугуя, который «наперед всех» приехал бить челом царю[638]: требовалось награждать местную знать за службу. По царской грамоте от 18 февраля 1594 г. двум остяцким кодским князьям Игичею Алачеву и Онже Юрьеву «за их службу в Сибирской земле» (т. е. за участие в походе на кондинского князя) были пожалованы две небольшие волости[639]. Но поощряя местных князей, русская власть оказывалась перед необходимостью разбираться в сложных взаимоотношениях разных социальных и этнических групп. Так, через год князь Игичей Алачев бил челом царю о несправедливости со стороны березовских воевод, которые забрали у него взятую им в плен дочь кондинского князя. Царская грамота повелевала найти указанную девку и вернуть ее Игичею Алачеву[640], но Игичей и далее причинял московским властям беспокойства: стремился выговорить себе особое положение среди соплеменников, считая себя выше их[641], чинил жестокие притеснения и насилия кондинским вогуличам, так что из Москвы было даже велено провести расследование[642].

Сохранившиеся от конца XVI столетия царские грамоты воеводам в Сибирь показывают, что государство пристально следило за строительством новых городов и жизнью в них, вникало в детали, проявляло озабоченность в отношении возникающих конфликтов, известных, конечно, из посланий самих воевод в Москву. Сибирские народы были обложены ясаком. Правительство было озабочено тем, чтобы люди не разбежались и чтобы в казну регулярно поставлялась драгоценная «мягкая рухлядь». В грамотах отмечались постоянные недоимки в сборе ясака, и власти неоднократно были вынуждены снижать его размеры (а также предписывали не чинить насилий при сборе ясака) по причине ухода ясачных людей; например, остяки ухо-

[635] См. подробнее: *Пузанов В.Д.* Служилые люди Тобольска // Северный регион: Наука, образование, культура. 2010. № 1. С. 55—68; *Он же.* Формирование гарнизона города Тобольска (конец XVI — XVII в.) // Вестник угроведения. № 1. Ханты-Мансийск, 2014. С. 143—152.

[636] РИБ. Т. 2. № 54. Стб. 103—120; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. № 11. С. 344.

[637] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. № 33. С. 376.

[638] СГГД. Т. 2. № 54. С. 88—89; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. № 9. С. 337—338.

[639] СГГД. Т. 2. № 63. С. 27; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. № 14. С. 353.

[640] РИБ. Т. 2. № 55. Стб. 102; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. № 21. С. 363—364.

[641] РИБ. Т. 2. № 54. С. 56, 66—68, 70; СГГД. Ч. 2. № 148; *Нольде Б. Э.* История формирования Российской империи. С. 145.

[642] Как об этом говорится в царской грамоте березовскому воеводе от 26 июля 1600 г. См.: РИБ. Т. 2. № 70. Стб. 155—157; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. № 34. С. 377—378.

дили на восток — на реки Таз и Енисей[643]. Сохранилась царская грамота воеводам на Верхотурье о запрещении брать у местных тюменских татар подвод для гонцов, «чтоб тюменским татарам однолично в подводах убытков не было»[644], и взыскивать ясак с бедных, старых, больных и увечных татар и остяков[645]. Но, несмотря на это, от воевод постоянно требовали прибавки в поставках ясака, и размер его рос.

Хотя силы Кучума таяли и все новые знатные татары переходили на службу русскому царю, в грамоте тарским воеводам в 1597 г. он по-прежнему называл себя «вольным человеком» и был согласен говорить с ними только в том случае, если у них есть на то полномочия от московского царя. Кучум был готов мириться, но просил для себя «Иртышского берегу», а также беспокоился о своем имуществе. Он посчитал нужным пояснить, что добровольно никогда не сдавал русским Сибири, все время пытался «встречно стояти», что Сибирь русские «сами взяли», а теперь он «в соединенье» с ногайцами и может с ними «с обеих сторон» стать[646]. Достойно внимания то, что в сохранившихся переводах этой и других грамот Кучум всегда именовался «царем». Царь Федор Иванович, в свою очередь, отвечал Кучуму в 1597 г., именуя себя «Удорским, Обдорским, Кондинским и всея Сибирские земли и северныя страны повелителем». Он обещал хану различные милости за признание своей власти и переход на службу, оставаясь «на прежнем своем юрте в Сибири», поскольку «из давных лет Сибирское государство была вотчина прародителей наших <...> русских царей» и сибирские правители платили дань русским государям, включая первоначально и Кучума, который лишь затем учинился «непослушником»[647]. Сын Кучума Абул-Хаир (Абулхайр), живший в Москве, а также Маметкул не в первый раз писали ему, пеняя, что он так и не прислал русскому царю еще одного сына, и просили признать подданство царю Федору Ивановичу, получить за это города, волости и денежное жалованье и тем избежать нужды и «скудости»[648].

Неизвестно, доходили ли до Кучума эти послания, но переговоры так и не состоялись. Об окончательном разгроме Кучума русскими имеются подробные сведения, так как сохранилась пространная отписка об этом в Москву от 4 сентября 1598 г. тарского воеводы Андрея Воейкова, сыгравшего в этом деле главную роль[649]. Отряд 4 августа выступил в поход из Тары. В воеводской отписке изложены подробности, из которых видно, что русские уже освоились в Сибири и научились воевать, опираясь на местное население. Сначала при помощи «языков» были получены сведения о том, где кочует хан и сколько человек его сопровождает. После этого были захвачены и «побиты» преданные Кучуму татары. И только тогда, лишив его сторонников, Воейков с основными силами двинулся вперед и встретил хана 20 августа «на солнечном восходе» на берегу Оби[650]. Битва продолжалась до полудня. Кучум был разбит, а его пять царевичей и восемь цариц взяты в плен. Брат Кучума Илитен и сын Канай, а также два царевича — сыновья Алея (т. е. внуки Кучума) погибли, в плен

[643] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. № 23—24, 30—31. С. 364, 371—373.
[644] АИ. Т. 2. № 8. С. 10.
[645] Там же. № 9—22. С. 10—23.
[646] СГГД. Ч. 2. № 66. С. 130.
[647] Там же. № 68. С. 132—134.
[648] Там же. № 67. С. 131—132.
[649] АИ. Т. 2. № 1. С. 1—4. Отписка царю Тарского воеводы Андрея Воейкова о поражении им Сибирского царя Кучума. 4 сентября 1598 г.
[650] Там же. С. 3.

взяли ханских дочерей, а также других родственников и много «лутчих людей Кучумовых»[651]. Многие знатные татары погибли, как и полтораста «служилых людей» (видимо, рядовых татар), и около ста, отступая, утонули в Оби, поскольку с берега их расстреливали из пищалей и луков. Примерно 50 человек татарских «служилых людей» было взято живыми в плен, но Воейков велел их «побить, а иных перевешать». Убегавших татар преследовали, догнали и, судя по отписке, также всех перебили. Про Кучума ходили слухи, что он или утонул, или сумел уйти за Обь «в судне». Его искали, но не нашли. Плененный приближенный Кучума сейид Тул-Мамет был приведен к шерти, а затем отправлен искать Кучума и снова передать, чтобы тот ехал служить царю и принял от него жалованье. Воейков пять дней оставался на месте бывшего кочевья Кучума, но далее развивать наступление не стал, так как по ту сторону Оби население еще не было полностью послушно царю. Появились даже слухи, что в двух днях пути от русского войска собираются калмыки числом «воинских людей пять тысеч», хотя, скорее всего, последнее было преувеличением. Обратный поход русского войска на Тару начался 27 августа, Тары достигли за шестнадцать дней. Всех пленников вели с собой и отослали к царю.

Сохранился комплекс грамот, касающихся перевоза пленных татарских царевичей и других знатных людей в Москву[652]: поименная роспись семейства Кучума и его окружения, взятого в плен; царские грамоты и отписки воевод, сообщающие о том, с каким отрядом отправили пленных и какие вести приходили о Кучуме; наказы из Посольского приказа, предписывающие давать знатным пленникам дорогое платье и редкие кушанья (прислать им перцу, шафрану, изюму, винных ягод и яблок по их просьбе), выделить специального татарина, чтобы резал для них мясо, не обижать родичей Кучума, снабдить их переводчиком и устроить почетную встречу. Сохранились жалобы воевод, сопровождавших пленных, на необходимость оборонять царевичей от казаков, которые задирали их, были всегда пьяны, не слушались атаманов и детей боярских (в ответной царской грамоте за обиду татар казаков было велено казнить). Из этих материалов очевидно, что царь старался расположить к себе сибирских мирз. Как заметил А. В. Беляков, власти хотели держать Кучумовичей в Москве, чтобы избавиться от их постоянных набегов и нейтрализовать возможных претендентов на ханскую власть, как в случае с астраханскими Чингисидами[653].

Особенно ценно известие о переговорах, которые снова велись в это время с Кучумом. Пришедший в Тару Тул-Мамет принес ярлык от чатских мирз. Чатские люди согласились служить царю и давать ясак, но при этом не хотели сами идти в Тару, боясь калмыков, поэтому Тул-Мамет был послан в Чаты с отрядом собирать ясак. Перед этим он рассказал, что встретил Кучума с тремя сыновьями и тридцатью людьми в двух днях пути от места сражения, случившегося 20 августа. Тул-Мамет передал хану все, что ему было поручено. Кучум ответил, что не ехал служить русскому царю и тогда, когда «был совсем цел», а теперь «за саблею»

---

[651] По поводу состава пленных, отвезенных в Москву после сражения 20 августа 1598 г., существуют разные мнения. См.: *Беляков А. В.* Чингисиды в России XV—XVII веков. С. 69, примеч. 148.

[652] АИ. Т. 2. № 2—9. С. 4—10. Новое издание см.: *Беляков А. В.* Документы о приезде в Россию плененных в августе 1598 г. детях и женах сибирского хана Кучума // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 11. 2010. С. 93—118.

[653] *Беляков А. В.* Чингисиды в России XV—XVII веков. С. 67, 75; *Он же.* Царицы сибирские // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 2. С. 372—391; *Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А.* Особенности повседневной жизни пленных Кучумовичей в Московском государстве осенью 1598 — зимой 1599 г. // Там же. С. 75—93.

тем более не поедет, что стал уже «глух, и слеп, и безо всякого живота». Хан, по словам Тул-Мамета, решил идти к ногайцам, а одного из оставшихся сыновей послать в Бухару. Вскоре Кучум, видимо, умер, скорее всего в 1599/1600 г.[654] После этого ханом стал его сын Алей, но под властью последнего находились лишь немногочисленные татарские семьи. С Алеем велись переговоры о сдаче, был организован поход против него тюменского воеводы Матвея Годунова, захватившего ханскую жену, мать и двоих сыновей[655]. Известно, что в 1609 г. Алей жил в Нижнем Новгороде, а в 1626 г. — в Ярославле[656].

После того как Кучум был окончательно разбит, в 1599 г. царь Борис Федорович добавил к другим титулам титул «царя Сибирского», который следовал после «царя Казанского и Астраханского». Высказано предположение, что царский венец, который изготовили по его заказу мастера императора Рудольфа II, но который не сохранился (видимо, был утрачен в годы Смуты), играл роль короны «Сибирского царства»[657].

Итак, Западная Сибирь была присоединена к Московскому царству в 1586—1598 гг. в ходе многочисленных военных походов служилых людей. Результатом их стало основание городов и острогов, обложение местного населения ясаком, прокладка дорог и налаживание хозяйственных связей с Москвой.

Взаимоотношения Московского государства с Казахским ханством и государствами Средней Азии

В Российском государстве на рубеже XV—XVI вв. отсутствовало представление о политической и этнографической ситуации за Яиком (ныне река Урал). Первоначально сведения о жизни на тех территориях (подчас весьма противоречивые) доходили до Москвы почти исключительно через Ногайскую Орду. Традиционно в историографии начало дипломатических и торговых контактов относили ко времени после покорения Астраханского ханства[658]. Однако это не совсем так. В Москву 28 сентября 1491 г. прибыло посольство от правителя Хорасана, главы Тимуридов Султан Хусейна Байкары, «о любви и дружбе»[659]. Можно полагать, что это посольство имело целью поиск союзников в борьбе, которая тогда шла в Средней Азии, а также установление торговых отношений.

Первые сведения о казахах в Москве стали появляться в начале XVI в. и были связаны с происшествиями в Ногайской Орде. В 1508 г. казахские правители начали свой поход против ногаев; впрочем, это

---

[654] О месте его смерти и о том, была ли она насильственной, источники сообщают по-разному: *Трепавлов В. В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. С. 59—61; РИБ. Т. 2. № 99. См. также: *Рябинина Е. А.* Поход Ермака и судьба Сибирского ханства. С. 270.

[655] РИБ. Т. 2. № 115, 130.

[656] СГГД. Ч. 3. № 159 (2); *Беляков А. В.* Сибирские выходцы в России в начале XVII в.: Новые находки // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции (Курган, 21—22 апреля 2017 г.). Курган, 2017. С. 84—86.

[657] *Лаврентьев А. В.* Казанская шапка и казанские цари // Анфологион: Власть, общество и культура в славянском мире в Средние века: К 70-летию Б. Н. Флори. М., 2008; *Пчелов Е. В.* Символы Сибирского царства // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2009. № 4 (66). С. 13—22.

[658] *Ульяницкий В. А.* Сношения России с Среднею Азиею и Индиею в XVI—XVII вв.: По документам Московского Главного архива Министерства иностранных дел. М., 1889. С. 5—6.

[659] ПСРЛ. Т. 12. С. 234.

РОССИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

РОССИЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В.
Карское море
о. Южный
о. Междушарский
Новая Земля
о. Вайгач
о. Колгуев
м. Русский Заворот
п-ов Канин
п-ов Ямал
Гыданский п-ов
Северный полярный круг
Хр. Пай-Хой
Обская губа
Енисей
Обь
Таз
Пур
Надым
Мангазея 1599
Пустозерский острог
Обдорск 1595
Окладникова слобода
Усть-Цильма 1555
Ляпин
Берёзов 1593
Сургут 1594
Обский городок 1585
Нарым 1596
1582 – 1600
(ХАНТЫ)
(МАНСИ)
Усть-Вымь
Усть-Сысольск
Соль Вычегодская
Чердынь
Соль Камская
Орёл-Городок (Кергедан)
Пелым 1593
Верхотурье 1598
Туринск 1600
Тобольск 1587
Кашлык (Искер)
Тара 1594
Тюмень 1586
Чусовские городки 1568
Верхний
Нижний
Орлов
Слободской
Хлынов
Котельнич
Яранск 1591
Уржум 1584
Царевококшайск 1584
Чебоксары
КАЗАНЬ
Свияжск 1551
Тетюши
Уфа 1586
Самара 1586
Саратов 1590
Астрахань
Терский городок 1588
Тарки
Каспийское море
Ногайская Орда
Большие ногаи (в зависимости от Русского государства с 1557 г.)
Калмыки
Яицкие казаки
Туркмены
Казахское ханство
Средний казахский жуз
Старший казахский жуз
Сибирское ханство
Пермь Великая
Пермь Малая
Вятская земля
Коми-зыряне
Удмурты
Черемисы (марийцы)
Башкиры
Ногайские орды
Уральские горы (Каменный пояс)
Северо-Западное ханство
Ханство 1552
(до 1552 г.)
Ненцы
Остяки (кеты)
Самоедь
Тунгусы (эвенки)
Селькупы
Татары
Телеутские улусы
120 0 120 240 360 км
границы государств к 1600 г.
граница между Польским королевством и Великим княжеством Литовским перед их объединением в государство Речь Посполитую (по Люблинской унии 1569 г.)
границы Великого княжества Литовского после заключения Люблинской унии 1569 г.
Османская империя и её вассалы во 2-й половине XVI в.
владения австрийских Габсбургов во 2-й половине XVI в.
Сокращения: Ал. — Александровская слобода; В. — Васильсурск; З. — Заволочье; И. — Иосифо-Волоцкий монастырь; П. — Переяславль-Залесский; П.Р. — Переяславль-Рязанский; Пч. — Псково-Печерский монастырь; Тр. — Троице-Сергиев монастырь
Рост территории Русского государства во 2-й половине XVI в.:
территория Русского государства к 1550 г.
территории, присоединённые и осваиваемые в 1551—1600 гг.
1552 годы присоединения территорий
Орёл 1566 русские города и крепости, основанные во 2-й половине XVI в. (с указанием дат)
"Большая засечная черта" (оборонительная линия), возведённая в 1521—1566 гг.
Изменение границ по итогам Ливонской войны (1558—1583):
Ливонские земли и город Велиж с округой, которые Русское государство уступило Речи Посполитой по Ям-Запольскому перемирию 1582 г.
острова Эзель и Муху, отошедшие к Датскому королевству в 1582 г.
территория Эстляндии, отошедшая к Швеции по Плюсскому перемирию 1583 г.
земли Русского государства, временно отошедшие к Швеции по Плюсскому перемирию 1583 г. и возвращённые назад по Тявзинскому миру 1595 г.

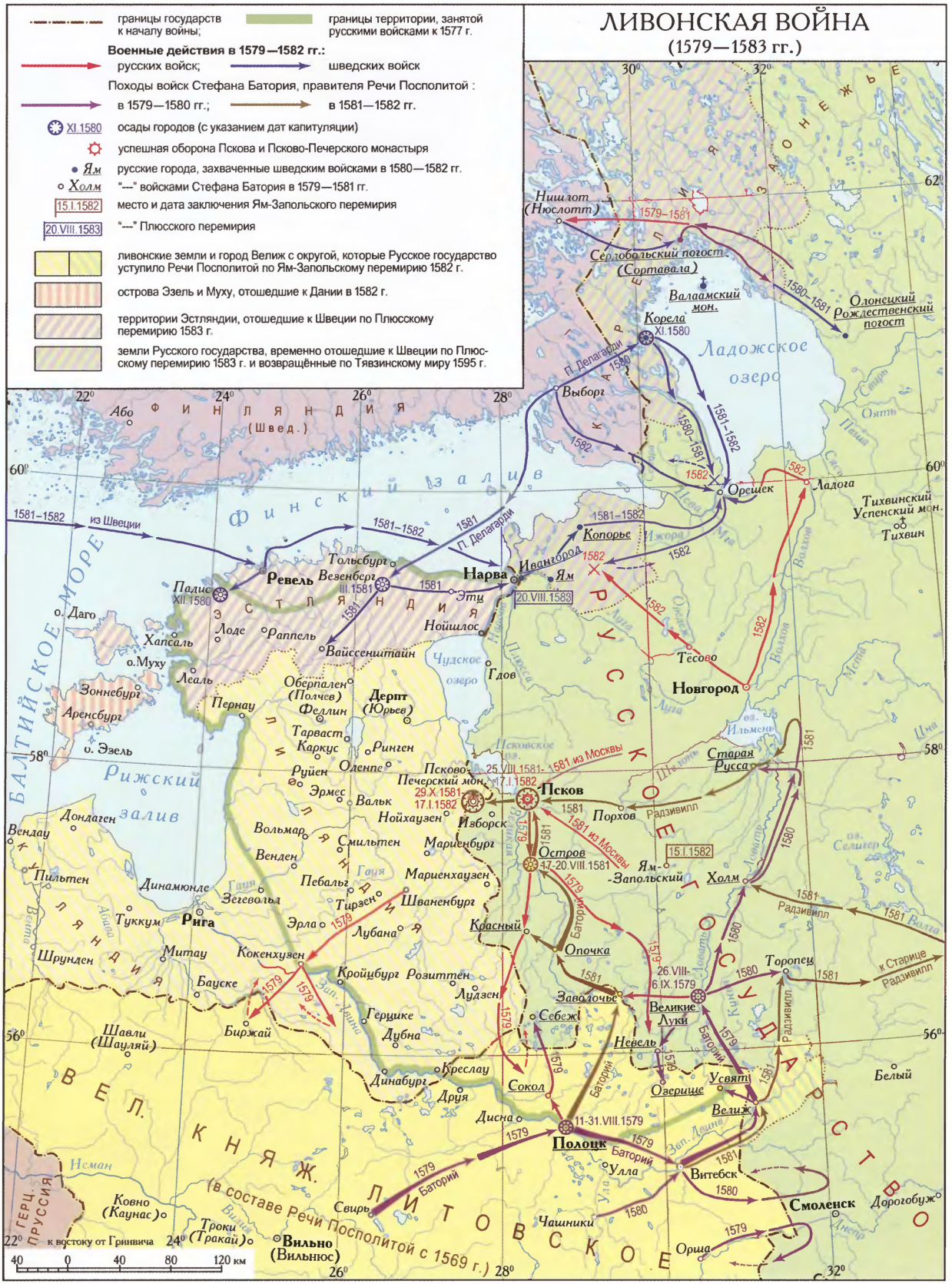
0° к востоку от Гринвича
10°
20°
70°
30°
40°
50°
60°
Северный полярный круг
НОРВЕЖСКОЕ МОРЕ
ДАТСКО-НОРВЕЖСКОЕ КОРОЛЕВСТВО
ШВЕЦИЯ
КОРОЛЕВСТВО
(с 1537 г.)
ЕМТЛАНД
ХЕРЬЕДАЛЕН
ДАЛЕКАРЛИЯ
ФИНМАРК
ФИНЛЯНДИЯ (к Швеции)
СУМЬ (СУОМИ)
ЕМЬ (ТАВАСТЫ)
Тронхейм
Христиания
Фалун
Упсала
СТОКГОЛЬМ
Гётеборг
Кальмар
КОПЕНГАГЕН
Мальмё
СКОНЕ
о. Борнхольм (Дат.)
о. Рюген
о. Эланд
о. Готланд (Дат.)
пр. Скагеррак
Каттегат
оз. Меларен
оз. Венерн
оз. Веттерн
Торнео
Улеаборг
Каяна
Ваза
Ботнический залив
Аландские о-ва
Або
Нишлот
Выборг
Корела
Финский зал.
Ревель
о. Даго
о. Эзель
Ивангород
Нарва
Копорье
Ям
Орешек
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
Паланга
Мемель
Кёнигсберг
ГЕРЦ. ПОМЕРАНИЯ
ГЕРЦ. ПРУССИЯ
СВ. РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ
ГЕРЦ. СИЛЕЗИЯ
РИГА
ЛИВОНСКИЙ ОРДЕН (до 1561 г.)
Дерпт
Гдов
Пч.
Псков
Красный
Остров
Опочка
Себеж
ВЕЛ. ЛИТОВСКОЕ КНЯЖ.
Шавли
Динабург
Ковно
Троки
ВИЛЬНО
Гродно
Полоцк
Витебск
Невель
Орша
Минск
Новогрудок
Брест
Пинск
Туров
Любеч
Гомель
РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ
КОРОНА ПОЛЬСКАЯ
ВАРШАВА (столица с 1596 г.)
КРАКОВ (столица до 1596 г.)
Люблин
Белз
Львов
Владимир-Волынский
Житомир
Киев
Переяславль
Брацлав
Каменец Подольский
КОР. ВЕНГРИЯ
Мукачево
Пешт
Темешвар
Клуж
КНЯЖ. ТРАНСИЛЬВАНИЯ
Сибиу
КНЯЖ. МОЛДАВИЯ
Сучава
Яссы
КНЯЖ. ВАЛАХИЯ
Тырговиште
Браилов
БУДЖАК
Килия
Аккерман (Белгород)
ОРДА ЕДИСАН
Очаков
ЗАПОРОЖЬЕ
Сечь (с 1590-х гг.)
Перекоп
КРЫМСКОЕ ХАНСТВО
БАХЧИСАРАЙ
Судак
Кефе
Керчь
Тамань
Темрюк
АЗОВСКОЕ МОРЕ
Азак (Азов)
МАЛЫЕ НОГАИ (КАЗЫЕВ УЛУС) (с 1550-х гг.)
АДЫГЕ (ЧЕРКЕСЫ)
КАБАРДА
1557
ГРУЗИЯ
Кутаиси
Сухум-Кале
ЧЁРНОЕ МОРЕ
ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
БОЛГАРИЯ
Ниш
София
Тырново
Силистрия
Варна
Бургас
Пловдив
Эдирне (Адрианополь)
СТАМБУЛ (Константинополь)
Галлиполи
Изник
Кастамону
Синоп
Дунай
Днестр
Днепр
Печенгский мон.
Кольский острог (1583)
ЛОПЬ
САМЫ (ЛОПАРИ)
Кольский п-ов
МУРМАНСКИЙ БЕРЕГ
ТЕРСКИЙ БЕРЕГ
СТУДЁНОЕ (БАРЕНЦЕВО) МОРЕ
о. Южный
о. Междушарский
Новая Земля
о. Колгуев
о. Вайгач
м. Русский Заворот
п-ов Канин
Пустозерский острог
БЕЛОЕ МОРЕ
Кемь
Соловецкий мон.
Архангельский город 1584
Холмогоры
Сийский мон.
Окладникова слобода
Усть-Цильма 1555
КАРЕЛЫ
ЗАОНЕЖЬЕ
ДВИНСКАЯ ЗЕМЛЯ
Турчасово
Олонецкий погост
Онежское оз.
Ладожское оз.
Каргополь
ПЕРМЬ МАЛАЯ
КОМИ-ЗЫРЯНЕ
Усть-Вымь
Соль Вычегодская
Усть-Сысольск
Вел. Устюг
КОМИ-ПЕРМЯКИ
ПЕРМЬ ВЕЛИКАЯ
Соль Камская
РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО
Ладога
Тихвин
Белоозеро
Кириллов мон.
В. Новгород
Ст. Русса
Устюжна
Вологда
Соль Галицкая
Вышний Волочёк
Бежецкий Верх
Торжок
Углич
Ярославль
Кострома
Галич
ВЯТСКАЯ ЗЕМЛЯ
Орлов
Слободской
Котельнич
Хлынов
Торопец
Вел. Луки
Ржева
Тверь
Ростов
Кинешма
Волок Ламский
И.
Тр.
П.
Ал.
Шуя
Суздаль
Городец
Велиж
Смоленск
Вязьма
Можайско
МОСКВА
Владимир
Молоди
Коломна
Муром
Ниж. Новгород
Калуга
Козельск
Рославль
Венёв
Тула
П.Р.
Рязань
Касимов
Арзамас
Пронск
Шацк 1553
Ряжск
Сапожок
Брянск
Орёл 1566
Стародуб
Трубчевск
Мценск
Новосиль
Донков
Елец
Новгород-Северский
Рыльск
Чернигов
Путивль
Курск
Оскол 1598
Воронеж 1586
Белгород 1596
Валуйка 1599
Царёв-Борисов 1600
Яранск 1591
ЧЕРЕМИСЫ (МАРИ)
Уржум 1584
ВОТЯКИ (УДМУРТЫ)
Царёвококшайск 1584
Чебоксары
В.
КАЗАНЬ
Свияжск 1551
ЧУВАШИ
МОРДВА
Алатырь
1552
Тетюши
КАЗАНСКОЕ ХАНСТВО (до 1552 г.)
Самара 1586
Сосновка 1556
Саратов 1590
НОГАЙСКАЯ ОРДА
ЯИЦКИЕ КАЗАКИ
БОЛЬШИЕ НОГАИ (в зависимости от Русского государства с 1557 г.)
Усть-Медведицкая 1589
ДОНСКИЕ КАЗАКИ
Царицын 1589
1556
Усть-Аксайск
АСТРАХАНСКОЕ ХАНСТВО (до 1556 г.)
АСТРАХАНЬ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
Терский городок 1588
ТЕРСКИЕ КАЗАКИ
Сунженский острог 1567-71
КУМЫКИ
Тарки
ТУРКМЕНЫ
Волга
Дон
Ока
Кама
Яик

ОПРИЧНИНА
(1565—1572 гг.)
140 0 140 280 км
границы Русского государства
примерные границы опричных земель
опричные города
Вел. Новгород города, частично входившие в опричнину
Земли, вошедшие в опричнину:
в 1565 г.
в 1566-68 гг.
в 1569-71 гг.
города и территории, вхождение которых в опричнину носит предположительный характер и дискутируется в научной среде
Сокращения: Ал. — Александровская слобода; И. — Иосифо-Волоцкий мон-рь; Н.Пч. — Нижегородский Печерский мон-рь; П.Б. — Пафнутьево-Боровский мон-рь; Пч. — Псково-Печерский мон-рь; Ю. — Юрьев-Польский
25° к востоку от Гринвича
Северный полярный круг
РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО
ШВЕЦИЯ
ФИНЛЯНДИЯ (Швед.)
ЛИВОНИЯ
РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ (с 1569 г.)
БЕЛОЕ МОРЕ
ТЕРСКИЙ БЕРЕГ
ПЕЧОРА
ЮГОРИЯ
ВОГУЛЫ (МАНСИ)
КОМИ-ЗЫРЯНЕ
КОМИ-ПЕРМЯКИ
МАЛАЯ ПЕРМЬ
ВЕЛИКАЯ ПЕРМЬ
ДВИНСКАЯ ЗЕМЛЯ
ВЯТСКАЯ ЗЕМЛЯ
ВОТЯКИ (УДМУРТЫ)
ЧЕРЕМИСЫ (МАРИ)
ЧУВАШИ
ТАТАРЫ
МОРДВА
ОБОНЕЖСКАЯ ПЯТИНА
БЕЖЕЦКАЯ ПЯТИНА
ШЕЛОНСКАЯ ПЯТИНА
КАРЕЛЫ
Ботнический залив
Финский залив
Ладожское озеро
Онежское оз.
Варзуга 1568
Соловецкий мон.
Кемь
Сумской острог
Окладникова слобода
Усть-Цильма
Мал. Немьюжка
Пинега
Олема
Холмогоры
Антониево-Сийский мон.
Турчасово
Шенкурск (Вага)
Каргополь
Чаронда
Усть-Вымь
Усть-Сысольск
Соль Вычегодская
Вел. Устюг
Тотьма
Кайгород
Чердынь
Соль Камская
Канкор
Орёл-Городок (Кергедан)
Чусовские городки
Верхний
Нижний
Сылвенский острожек
Шестаков
Слободской
Орлов
Хлынов (Вятка)
Котельнич
Ниишлот (Нюслотт)
Выборг
Корела
Олонецкий погост
Ошта 1565
Ивангород
Нарва
Копорье
Орешек
Ладога
Ям
Гдов
Дерпт
Пч.
Псков
Изборск
Остров
Красный
Опочка
Себеж
Невель
Полоцк
Усвят
Вел. Луки
Вел. Новгород
Юрьевский мон.
Хутынский мон.
Тихвин
Тихвинский Успенский мон.
Белоозеро
Кириллов мон.
Спасо-Каменный мон.
Спасо-Прилуцкий мон.
Вологда
Соль Галицкая
Буй
Чухлома
Галич
Унжа
Ст. Русса 1565
Порхов
Холм
Торопец
Вышний Волочёк
Устюжна
Бежецкий Верх
Молога
Пошехонье
Романов
Кострома
Ярославль
Кашин
Калязин мон.
Углич
Ростов
Нерехта
Плёс
Кинешма
Юрьевец
Торжок
Тверь
Отроч мон.
Старица
Ржева
Зубцов
Белая
Велиж
Витебск
Орша
Троицкий Болдин мон.
Смоленск
Дорогобуж
Вязьма
Можайск
Выгород
Малоярославец
П.Б.
И.
Волок Ламский
Клин
Троице-Сергиев мон.
Ал.
Переславль-Залесский
Ю.
Суздаль
Шуя
Владимир
Стародуб
Балахна
Городец
Ниж.Новгород
Н.Пч.
Гороховец
МОСКВА
Николо-Угрешский мон.
Коломна
Серпухов
Мельнь
Калуга
Воротынск
Серпейск
Мезецк
Козельск
Белёв
Перемышль
Лихвин
Одоев
Тула
Кашира
Венёв
Переяславль-Рязанский
Пронск
Рязань
Епифань
Дедилов
Мценск
Новосиль
Донков
Ряжск
Сапожок
Касимов
Муром
Арзамас
Темников
Кадом
Алатырь
Васильсурск
Чебоксары
Свияжск
Свияжский Богородицкий мон.
Казань
Арск
Тетюши
Лаишев
Рославль
Брянск
Болхов
Карачев
Орёл
Почеп
Стародуб
Пропойск
Рогачев
Гомель
Печора
Ижма
Вычегда
Вымь
Сысола
Вашка
Пинега
Мезень
Кулой
Сев. Двина
Вага
Онега
Сухона
Юг
Кубена
Кама
Вятка
Чусовая
Уфа
Колва
Сев. Сосьва
Сосьва
Лозьва
Пелым
Тура
Унжа
Ветлуга
Волга
Ока
Кострома
Шексна
Молога
Мста
Сить
Свирь
Оять
Волхов
Ловать
Кунья
Шелонь
Великая
Зап. Двина
Днепр
Сож
Десна
Березина
Угра
Москва
Клязьма
Теша
Мокша
Цна
Сура
Свияга
Дон
оз. Лача
оз. Воже
оз. Белое
оз. Ильмень
Чудское оз.
Выгозеро
Поной
Пеза
Цильма

ПОГРАНИЧНЫЕ ВОЙНЫ С ВЕЛИКИМ КНЯЖЕСТВОМ ЛИТОВСКИМ И ЛИВОНСКИМ ОРДЕНОМ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI В.
20° к востоку от Гринвича
30°
35°
55°
50°
25°
0 65 км
Балтийское море
Финский залив
Рижский залив
Чудское оз.
Псковское оз.
Ильмень оз.
Ревель (Колывань)
о. Даго
Нарва (Ругодив)
Копорье
Ивангород
Ям
Ладога
Орешек
Ямы
Гдов
ПСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ
Вел. Новгород
Устюжна
Мологa
Шексна
Волга
Пернау (Пернов)
о. Эзель
Дерпт (Юрьев)
Хельмет
20.XI.1501
Изборск
1501 1502
Псков
5-8.IX.1502
1510
Порхов
Руса
Шелонь
Ловать
Вышний Волочёк
Бежецкий Верх
Кашин
Углич
Мелведица
Тверь
Торжок
Вендау (Вендава)
РИГА
27.VIII.1501
13.IX.1502
Остров
7.IX.1501
Холм
1494
Ржева Пустая
1494
Красный
1501
Опочка
1501 1517
Торопец
Старица
Ржева
Микулин
Дмитров
Волок Ламский
Клин
Зубцов
Звенигород
МОСКВА
Руза
Можайск
Переяславль-Залесский
Паланга
Мемель
Митау (Митава)
Кокенхузен
Розиттен
Себеж
Заволочье
Вел. Луки
1503
Бельское княж.
1503
1494
Шавли (Шауляй)
Упита
Динабург
Дриса
1537
Невель
Дрия
VII.1518
Полоцк
1522
Белая
Усвят
Велиж
Буйгородок
1522
Вяземское княж.
Козлов
1494
Верея
Боровск
Коломна
Мельнь
Серпухов
Кашира
Вильнюс
Витебск
1518
Вязьма
Дорогобуж
14.VII.1500
Смоленск
31.VII.1514
Мал. Ярославец
Калуга
Таруса
1521
Ельня
Мосальск
Серпейск
1503
Воротынск
Алексин
Любутск
Венёв
Мевеск
Перемышль
Тула
Козельск
Волкона
Одоев
Белёв
1503
Ростиславль
1522
Вел. княж. Рязанское
Ковно (Каунас)
Троки (Тракай)
Ошмена
Гольшаны
Молодечно
Крево
Лукомль
8.IX.1514
Орша
Друцк
Копысь
Борисов
Жеслав
Минск
Могилёв
4.XI.1501
Мстиславль
Кричев
Пропойск
Новогрудок
Несвиж
Слоним
Копыль
Свислочь
Клецк
Слуцк
Бобруйск
Рогачёв
Глуск
Гродно
Попова Гора
Мглин
Почеп
Брянск
Карачев
Мценск
Новосиль
Елец
1494
Чечерск
Радогощ
Стародуб
29.VIII.1535
Трубчевск
16.VII.1535
Гомель
1503
1537
Новгород-Северский
1503
Новгород-Северское княж.
Брест-Литовский
Пинск
Туров
Мозырь
Припять
Любеч
1508
Чернигов
1503
Рыльск
Люблин
Камень
Чорторыйск
Словечна
Олевск
Овруч
Владимир-Волынский
Луцк
Ровно
Искоростень
Моровск
Путивль
Остер
Белз
Кременец
Острог
Житомир
Вышгород
Киев
Львов
Вишневец
Збараж
Заслав
Переяславль
Белая Церковь
Хмельник
Теребовль
Летичев
Канев
Черкасы
Корсунь
Днестр
Буг
Горынь
Случь
Тетерев
Сула
Псёл
Ворскла
Днепр
Десна
Сейм
Ока
Орель
Самара
Северский Донец
Дон
Неман
Вилия
Зап. Двина
Шара
Нарев
Свислочь
Березина
Сож
Ипуть
Снов
Ресса
Ливонский орден
Тевтонский орден (с 1525 г. герц. Пруссия, вассал Польши)
Курляндия
Земгалия
Латгалия
Эстляндия
Жемайтия
Литва
Великое княжество Литовское
Великое княжество Московское
Северская земля
Волынь
Подолия
Киевщина
Полесье
Пруссия
границы государств к 1487 г.
границы владений великих князей Московских, "государей всея Руси" в 1537 г.
владения великих князей Московских к 1487 г.
совместные владения вел. князей Московских, Литовских и Великого Новгорода (до 1494 г.)
совместные владения вел. князей Московских и Литовских в 1494—1505 гг. (по договору 1494 г.)
земли Пскова и Вел. княж. Рязанского, находившихся в зависимости от Вел. княж. Московского и присоединённых к нему в 1510 г. и 1521 г.
Присоединения к владениям великих князей Московских, сделанные в результате русско-литовских войн:
в результате войны 1487—1494 гг. (по условиям "Вечного мира" 1494 г.)
"---" войны 1500—1503 гг. (по условиям 6-летнего перемирия 1503 г.)
"---" войны 1512—1522 гг. (по условиям 5-летнего перемирия 1522 г.)
"—" войны 1534—1537 гг. (по условиям 5-летнего перемирия 1537 г.)
1503 годы присоединения территорий
Территории, возвращённые в состав Великого княжества Литовского:
в результате войны 1507—1508 гг. (по условиям "Вечного мира" 1508 г.)
"—" войны 1534—1537 гг. (по условиям 5-летнего перемирия 1537 г.)
1508 годы возвращения территорий
14.VII.1500 места и даты сражений, выигранных войсками вел. князей Московских
8.IX.1514 "—" войсками вел. князей Литовских
27.VIII.1501 "—" войсками Ливонского ордена, союзника Вел. княжества Литовского в 1501—1503 гг.
успешная оборона городов Псковской земли от ливонских и литовских войск
успешная оборона Полоцка и Витебска от московских войск
7.IX.1501 разорение города Острова войском Ливонского ордена
осады городов московскими и литовскими войсками (с указанием дат капитуляции)

ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА
(1558—1578 гг.)

ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА
(1579—1583 гг.)



к востоку от Гринвича
30°
35°
40°
45°
50°
55°
55°
50°
45°
Гдов
Чудское оз.
Псковское оз.
Псков
Изборск
Вел. Новгород
Шелонь
оз. Ильмень
Ст. Русса
Порхов
Остров
Красный
Опочка
Себеж
Заволочье
Невель
Полоцк
Вел. Луки
Усвят
Велиж
Зап. Двина
Витебск
Чашники
Орша
Холм
Торопец
оз. Селигер
Вышний Волочёк
Торжок
Старица
Ржева
Зубцов
Белая 1506
Волок Ламский
Вязьма
Можайск
Дорогобуж
Смоленск
Устюжна
Бежецкий Верх
Кашин
Калязин мон.
Тверь
Клин
Троице-Сергиев мон.
И.
Ал.
Мологa
Ярославль
Углич
Ростов
Переяславль-Залесский
Ю.П.
Суздаль
Владимир
Вологда
Соль Галицкая
Чухлома
Галич
Кострома
Плёс
Кинешма
Нерехта
Шуя
Юрьевец
Унжа
Стародуб
Балахна
Городец
Ниж. Новгород
Гороховец
Муром
Касимов
Кадом
Темников 1536
Арзамас 1578
Алатырь
Васильсурск 1523
Козьмодемьянск 1583
Чебоксары 1555
Цивильск 1584
Свияжск 1551
Кокшайск 1574
Царёвосанчурск 1584
Яранск 1591
Царёвококшайск 1584
Уржум 1584
Малмыж 1584
Арск
КАЗАНЬ
2.X.1552
Лаишев 1557
Тетюши 1558
Мензелинский острог 1584
Баранчеево городище
Шестаков
Слободской
Орлов
Хлынов (Вятка)
Котельнич
Чусовая
Нижн. 156
КОМИ-ПЕРМЯКИ
УДМУРТЫ (ВОТЯКИ)
ЧЕРЕМИСЫ (МАРИ)
ЛУГОВАЯ СТОРОНА
ЧУВАШИ
ГОРНАЯ СТОРОНА
ВЯТСКАЯ ЗЕМЛЯ
РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО
ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ (Речь Посполитая с 1569 г.)
КАЗАНСКОЕ ХАНСТВО (до 1552 г.)
ТАТАРЫ
МОРДВА
МОСКВА
1571
5.VII.1591
1547/48, 1549/50
Иван IV 1552
2-3.VIII.1572
Молоди
Серпухов
Коломна
Кашира
Переяславль-Рязанский
Рязань
Тула
24.VI.1552
Венёв
Пронск
Калуга
Воротынск
Серпейск
Мезецк
Козельск
Одоев
Белёв
Дедилов 1553
Епифань 1566
Сапожок
Ряжск 1557
Шацк 1553
Медынь
3 полка: царский, сторожевой и левой руки
3 полка: большой, передовой и правой руки
Иван IV
1552
Рославль
Пропойск
Рогачев
Брянск
Почеп
Карачев
Болхов 1556
Мценск
Орёл 1566
Новосиль
Судбищи
4-3.VII.1555
Донков 1568
Елец 1592
Ливны 1586
Кромы 1595
Трубчевск
Гомель
Стародуб
Новгород-Северский
Любеч
Севск
Рыльск
Курск 1596
Путивль
Чернигов
Ржевский 1556
Воронеж 1586
Оскол 1598
Белгород 1596
Валуйка 1599
Чулков 1560
Адашев 1559
Вишневецкий 1556,1558
Киев
Переяславль
Канев
Черкасы
Корсунь
Городок на Псле 1557-60
Царёв-Борисов 1600
Вишневецкий 1559
Вишневецкий 1561
ДОНСКИЕ КАЗАКИ
Усть-Медведицкая 1589
Самара 1586
1554,1556
Сосновка 1556
П.С. Серебряный 1569
1554,1556 из Москвы
Саратов 1590
1554,1556 из Вятской земли
Царицын 1589
Сарай
1569
НОГАЙСКАЯ ОРДА
ЯИЦКИЕ КАЗАКИ
БОЛЬШИ... (в зав... от Русско...)
Бол. Узень
Мал. Узень
Яик
Волга
Ахтуба
АСТРАХАНСКОЕ ХАНСТВО (до 1556 г.)
Авангард турецких войск
2.VII.1554, 25.IX.1556
АСТРАХАНЬ (Хаджи-Тархан)
1569 к Азову Касим-Паша
1567 Протасьев
1560 Черемисинов
Терский городок 1588
ТЕРСКИЕ КАЗАКИ
Сунженский острог 1567 – 1571
Тарки
КУМЫКИ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
Кума
Терек
Сулак
Сунжа
"Пять гор"
КАБАРДА
АДЫГЕ (ЧЕРКЕСЫ)
ГРУЗИЯ
Сухум-Кале
ЗАПОРОЖЬЕ
Сечь (с 1590-х гг.)
о. Хортица
ОРДА ЕДИСАН
Очаков
Аслан-Кермен
Девлет-Гирей I
Перекоп
КРЫМСКОЕ ХАНСТВО
1559 Адашев
1576 Ружинский
Гезлёв
БАХЧИСАРАЙ
Судак
Кефе (Кафа)
Керчь
Тамань
Темрюк
Азак (Азов)
Усть-Аксайск
Касим-Паша
1561
АЗОВСКОЕ МОРЕ
МАЛЫЕ НОГАИ (КАЗЫЕВ УЛУС) (с 1550-х гг.)
Манчыч
оз. Маныч-Гудило
Северский Донец
Дон
Кубань
1576
1576 Ружинский (в Трабзон)
1561 турецкий флот
ЧЁРНОЕ МОРЕ
0
120 км

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В XVI В.

территория Русского государства к середине XVI в.

границы государств в 1600 г.

Османская империя и её вассалы к 1600 г.

границы территорий, присоединённых к России в 1551-1600 гг.

направление двух зимних походов Ивана IV на Казань (1547/48, 1549/50 гг.)

3-й поход Ивана IV на Казань (июнь–август 1552 г.)

движение к Казани речного отряда Морозова с артиллерией и снаряжением (лето 1552 г.)

два похода русских войск на Астрахань (в 1554 и 1556 гг.)

осады русскими войсками Казани и Астрахани (с датами взятия)

походы русских и русско-литовских отрядов на Крым, Северный Кавказ и в земли "Дикого Поля"

наиболее значительные вторжения войск крымского хана Девлет-Гирея I в русские земли

осада города Тулы войсками Девлет-Гирея I в июне 1552 г.

1571 МОСКВА — сожжение Москвы войсками Девлет-Гирея I (24 мая 1571 г.)

поход на Астрахань турецко-татарского войска под командованием Касим-Паши в 1569 г.

Молоди 3.VIII.1572 — важнейшие сражения русских войск с крымско-татарскими и турецкими войсками

Темников 1536 — русские города и крепости, основанные или заново построенные в 1-й половине XVI в.

Воронеж 1586 — "---" во 2-й половине XVI в.

"Большая засечная черта" (оборонительная линия), построенная в 1521—1566 гг.

Сокращения в названиях населённых пунктов и рек: *Ал.* — *Александровская слобода*, *Б.К.* — *Большая Кокшага*; *Б.С.* — *Быстрая Сосна*, *И.* — *Иосифо-Волоцкий монастырь*, *Пч.* — *Псково-Печерский монастырь*, *Ю.П.* — *Юрьев-Польский*

Осада и штурм Казани (23 августа — 2 октября 1552 г.)

Расположение и действия войск:

русских: пехота, кавалерия, артиллерия

казанских: пехота, кавалерия

крепостные стены и ворота Казани

русские осадные укрепления

осадная башня Выродкова

русские подкопы под стены Казани

Цифрами обозначены ворота крепости:

1 Збойливые
2 Мралеевы
3 Элбугины
4 Кайбацкие
5 Арские
6 Царёвы
7 Ногайские
8 Крымские
9 Аталыковы
10 Тюменские

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ в XVI в.
о. Южный
о. Междушарский
о. Вайгач
о. Колгуев
Новая Земля
КАРСКОЕ МОРЕ
БАРЕНЦЕВО МОРЕ
Железные Ворота
Югорский Шар
Вайгачская губа
м. Русский Заворот
Печорская губа
п-ов Ямал
Гыданский п-ов
Обская губа
Пустозерский острог
Северный полярный круг
Усть-Цильма 1555
Мангазея 1599
Облорск 1595
Берёзов (Сугмут-Вош) 1593
Ляпин
Казым
Обский городок 1585
Самарово
Сургут 1594
Нарым 1590
Чердынь
Царевич Али и Пельымский князь сент. 1582
Кайгород 1558
Канкор 1558
Соль Камская 1558
Орёл-Городок (Керчедан) 1564
Чусовские городки Верхний
Сылвенский Нижний острожек 1570
Пельым 1593
Пелымский князь 1581 сент.
Верхотурье 1598
1582
Табары
Туринск (Епанчин городок) 1600
Тюмень (Чимги-Тура) 1586
Цингалинские юрты
Демьянский городок
Бояровы юрты
Туртасские юрты
Тобольск 1587
Кашлык (Искер)
Сады
23.X.1582
6.VIII.1585
Лабутин городок
Кызыл-Тура
1585
Шиш-Тамак
Ташетканы
Тара 1594
Явлу-Тура
Атбаш
Тон-Тура
Уфа 1586
Пермь Великая
Пермяки
Башкиры
Сибирское ханство (Мангыты)
Ляпинское княж.
Сосьвенское княж.
Вогульские княж.
Кодское княж.
Кондинское княж.
Обь-угорские княж.
Обь-угры (Ханты)
Самоядь
Кеты
Тунгусы (эвенки)
Селькупы
Ямало-Ненцы
Коми-зыряне
территория Русского государства к 1582 г.
территории Западной Сибири, присоединённые к Русскому государству в 1580-х — 1590-х гг.
примерные границы Русского государства к 1600 г.
примерные границы владений Строгановых к 1582 г.
примерные границы Сибирского ханства к 1582 г.
Тара 1594 русские крепости, основанные во 2-й половине XVI в.
Сокращения в названиях рек: С. — Серебряная, Б. — Борончук
поход отряда Ермака Тимофеевича на Кашлык (Искер) в 1582 г.
"----" вверх по Иртышу в 1585 г.
поход атамана Б. Брязги на Обь в 1583 г.
походы сибирского хана Кучума, царевича Али и князей Пелымских
23.X.1582 бой отряда Ермака с войском хана Кучума у Чувашевского мыса
6.VIII.1585 место и дата гибели Ермака Тимофеевича
0 200 км
50° к востоку от Гринвича

вторжение не изменило расстановку сил в регионе. Но уже в 1519 г. казахам удалось нанести сокрушительное поражение ногаям и захватить их кочевья[660]. Оказавшись в европейских степях, правитель Казахского ханства хан Касим начал дипломатические отношения с Российским государством[661], которые, впрочем, едва ли были продолжительными: в 1521 г. Касим-хан умер, а в 1523 г. ногаи вернули себе свои кочевья, вытеснив казахов[662]. Сведения о последующих контактах между Москвой и Казахским ханством отсутствуют, но полностью исключать их нельзя. О событиях в казахских степях в Москве узнавали через посредство Ногайской Орды. В 1568 г. русский посланник Семен Мальцев сообщал о битве между ногаями и казахами Хакк-Назара[663]. Активную помощь в отражении вторжения оказали русские стрельцы, присланные астраханским воеводой[664]. Если контакты между Иваном IV и ханом Казахского ханства Хакк-Назаром и имели место, то они были эпизодичными, но слухи о них оказывали негативное влияние на ногаев[665]. В 1581 г. стало известно, что казахские султаны после смерти Хакк-Назара отправляли послания в Москву, но сведений об их содержании нет[666]. Вообще от русско-казахских отношений сохранились только скупые данные описей архива Посольского приказа конца XVI — начала XVII в. Кроме сведений описи Царского архива имеется сообщение Описи 1594 г.[667], но из-за его крайне общего характера мы не знаем, идет ли в нем речь о времени правления хана Касима (1511—1521) или же Хакк-Назара, правившего в 1538—1580 гг. Приходится признать, что в Москве отношениям с Казахским ханством не придавали большого значения, и поэтому не было налажено надлежащее хранение документов, которые оставались там, где была сосредоточена документация, утратившая свою актуальность[668]. Например, опись 1594 г. фиксирует их хранение в ящиках вместе с документами по связям с Ираном, Шемахой, Бухарой, Самаркандом, Сибирью, а также с Крым-шамхальством и другими кавказскими государственными образованиями. В Описи 1614 г. казахские дела помещены с казанскими, астраханскими и шемаханскими. Не исключено, что подобное отношение было связано с нестабильностью самого Казахского ханства. Если при Хакк-Назаре его держава вела активную внешнюю политику, которая едва не уничтожила Большую Ногайскую Орду, и хан стремился поддерживать контакты с Москвой и Бахчисараем, то после его гибели в мае 1580 г. Казахское ханство погру-

[660] См.: *Атыгаев Н. А.* Взаимоотношения Казахского ханства и Ногайской Орды // Атыгаев Н. А. Қазақ хандығы тарих толқынында: Очерктер = Казахское ханство в потоке истории. Алматы, 2015. С. 300—302; *Моисеев М. В.* Крымское ханство и постзолотоордынский мир от похода Мухаммед-Гирея до Молодинской битвы (1521—1572 гг.) // Посольская книга по связям Московского государства с Крымом: 1567—1572 гг. / Отв. ред. М. В. Моисеев. М., 2016. С. 52—55.

[661] От этих контактов дошло только скупое упоминание в Описи «Царского» архива, что «книги и списки казатцкие при Касым царе» хранились в ящике 38 (Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года / Ред. С. О. Шмидт. М., 1964. С. 23; *Атыгаев Н. А.* Казахское ханство в системе международных отношений Евразии // Атыгаев Н. А. Қазақ хандығы тарих толқынында: Очерктер. С. 274).

[662] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2001. С. 155—162.

[663] Посольская книга по связям Московского государства с Крымом: 1567—1572 гг. С. 253—254.

[664] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 368.

[665] Там же. С. 369.

[666] *Беляков А. В.* Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исиней Карамышев сын Мусаитов: Опыт совместной биографии. С. 38.

[667] *Шмидт С. О., Балакаева И. А.* Опись государственного архива конца XVI в. // Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975. С. 346.

[668] *Беляков А. В.* Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исиней Карамышев сын Мусаитов: Опыт совместной биографии. С. 39.

зилось в междоусобные конфликты[669]. У отдаленного наблюдателя могло создаться впечатление, что Казахское ханство вообще перестало существовать, так как дипломаты фиксировали отток населения в сопредельные страны[670], а один из казахских ханов — Шигай со своими подданными откочевал к бухарскому хану Абдулле II[671]. После смерти Шигая ханом стал Таваккул, который в начале 1583 г. покинул Абдуллу и начал борьбу за города, расположенные в бассейне реки Сырдарьи[672]. Положение Таваккула в Казахском ханстве было нестабильным. Он, очевидно, находился во враждебных отношениях с сыновьями Хакк-Назара Мынгатаем и Дин-Мухаммадом. В 1586 и 1594 гг. в ханстве шла упорная и напряженная борьба, в результате которой Таваккул смог завоевать власть[673]. После своей победы он направил посольство в Москву. Таваккул называл себя ханом казахов и калмыков, что могло свидетельствовать о подчинении им некоторых джангарских родов. Целью посольства было добиться освобождения Ураз-Мухаммада и получить помощь в борьбе с ханом Абдуллой, ради чего Таваккул был готов принять русское подданство[674]. Впрочем, здесь, вероятно, имело место взаимное недопонимание. Так, сам Таваккул ожидал от московского царя помощи в борьбе с Бухарой, тогда как в Москве, напротив, надеялись, что хан начнет борьбу с Кучумом и признает над собой русскую власть[675]. В марте 1595 г. в Казахстан был направлен послом переводчик Вельямин Степанов, имевший репутацию знатока восточной политики[676]. Посол вез послания от царя Федора Ивановича хану Таваккулу, его сыновьям (султанам Шах-Мухаммеду и Кучуку), а также письмо Ураз-Мухаммада Таваккулу[677]. Кроме этого, Ураз-Мухаммад отослал с русским посольством подарки для своей родни[678]. Сопровождал русского посла Степанова иранский посол Дервиш-Мухаммед (Дервишмаметь), находившийся до этого в Москве. Таким образом, Российское государство здесь выступало как сила, обеспечивающая безопасность контактов между Казахским ханством и Ираном[679]. В целом русско-казахские отношения в это время вплетались в более сложную систему русско-иранских и русско-имперских связей, в рамках которых создавалась антиосманская коалиция. Для Казахского ханства в этих планах отводилась борьба с узбекскими ханствами, в чем хан Таваккул вполне отдавал себе отчет, так как при встрече со Степановым он шел на серьезные меры се-

669 *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 368—370.

670 Там же. С. 371.

671 *Абусеитова М. Х.* Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата, 1985. С. 72—74.

672 Там же. С. 76.

673 Там же. С. 80.

674 Там же. С. 81.

675 Там же. С. 81—82.

676 *Виноградов А. В.* Переводчики Посольского приказа Степан и Вельямин Степановы в дипломатии Бориса Федоровича Годунова // Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия: Материалы международной научной конференции. М., 2019. С. 32—40.

677 Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. Алма-Ата, 1961. С. 8—12. Подробнее о судьбе Ураз-Мухаммеда см.: *Беляков А. В.* Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исиней Карамышев сын Мусаитов: Опыт совместной биографии.

678 Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 12.

679 Подробнее о казахско-сефевидских связях см.: *Атыгаев Н. А.* Проблема взаимоотношений Казахского ханства и Сефевидского (Кызылбашского) государства в XVI веке // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кыпчака в XIII—XVIII вв.: Материалы Международного круглого стола. Алматы, 2004. С. 233—252; *Он же.* Казахское ханство в системе международных отношений Евразии // Атыгаев Н. А. Қазақ хандығы тарих толқынында: Очерктер. С. 279—280; *Он же.* Қазақ хандығы мен Қызылбас (Сефевид) мемлекеті // Там же. С. 305—322.

кретности, требуя, чтобы царскую грамоту прочел сам посол, а не кто-либо из ханского окружения[680]. В 1598 г. казахи вторглись в государство Шибанидов. В местности между Самаркандом и Ташкентом войско эмиров хана Абдуллы было разгромлено. Тогда Абдулла собрал новое войско и выдвинулся навстречу Таваккулу, который решил не вступать с ним в соприкосновение и ушел обратно в казахские степи. Абдулла продолжил свой поход, в ходе которого скоропостижно умер. Затем умер и его преемник, а Таваккул вторгся в Среднюю Азию. В короткое время он овладел Туркестаном, Ташкентом и Ферганой. В сражении под Бухарой он потерпел поражение, был вынужден отступить и вскоре умер[681]. Все эти события — глубокий конфликт с Бухарой, потребовавший сосредоточения всех сил на этом направлении, внутреннее противостояние, а также начавшаяся вскоре Смута в Российском государстве — привели к тому, что русско-казахские отношения были прерваны.

Первые зафиксированные контакты со Средней Азией, как отмечалось выше, относились еще к концу XV в. Следующий раз бухарское посольство, отправленное ханом Абдул-Азизом, посетило Москву не позднее декабря 1548 г.[682] Послание бухарского хана было небольшим, имело общий характер и, скорее всего, было вызвано опасениями за безопасность бухарско-казанской торговли, которой угрожал ход русско-казанской войны. В этих условиях в Бухаре были готовы начать непосредственную бухарско-московскую торговлю[683]. Регулярными отношения с Бухарским ханством тогда не стали и, скорее всего, даже прервались на несколько лет. Они возобновились после 1556 г. — завоевание Астраханского ханства привело к нарушению системы торговых контактов, которую было необходимо восстановить. В 1557 г. в Астрахань прибыли представители Ургенча для налаживания дипломатических и торговых отношений[684]. В апреле 1558 г. английский посол Энтони Дженкинсон отправился в свое путешествие из Москвы в Туркестан, заручившись грамотами Ивана IV правителям, через земли которых он намеревался проезжать; 3 сентября 1558 г. он со своими спутниками начал свое движение к Ургенчу[685]; 7 октября 1558 г. встретился с ургенчским ханом Хаджи-Мухаммедом, отдал ему царские послания, и затем состоялся раунд предварительных переговоров. В декабре англичане прибыли в Бухару, где их принял бухарский хан. Дженкинсон вручил ему грамоты от Ивана IV, после чего состоялись ознакомительные переговоры; 2 сентября 1559 г. Дженкинсон вернулся со спутниками в Москву и 4 сентября на аудиенции представил царю Ивану IV ургенчских посланников[686].

---

[680] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 14.

[681] *Абусеитова М.Х.* Казахское ханство во второй половине XVI века. С. 84—86.

[682] Свидетельствующий об этом документ отложился в русской копии в составе литовской посольской книги (*Бачинский А.А., Моисеев М.В.* Незамеченное послание бухарского хана Абдул-Азиза царю Ивану Васильевичу (к ранней истории бухарско-русских отношений) // Stratum Plus. № 6. 2016. С. 64). Его краткое описание сохранилось в описи «Царского» архива в составе ящика 211 (Описи Царского архива и архива Посольского приказа 1614 г. / Ред. С. О. Шмидт. М., 1960. С. 40). Долгое время исследователи считали ошибочной датировку этого дела, данную архивистами XVI в. (Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. С. 468).

[683] *Бачинский А.А., Моисеев М.В.* Незамеченное послание бухарского хана Абдул-Азиза царю Ивану Васильевичу. С. 68.

[684] ПСРЛ. Т. 13. С. 281.

[685] *Дженкинсон Э.* Путешествие в Среднюю Азию: 1558—1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. С. 167, 174.

[686] Там же. С. 176, 183, 188.

В октябре 1559 г. в Москву прибыли послы от бухарского и самаркандского ханов[687]. Можно полагать, что тогда же приехал и посол от хана Ташкента Мухаммад-Дервиша, так как сохранилось упоминание ответного к нему послания, датированного летом 7069 (1560/61) г.[688] Цель посольства состояла в получении разрешения на торговлю и обеспечении безопасности купцов[689]. Послы из Ургенча Тиниш-Зей[690] «с товарищи», отправленные в Москву в апреле 1559 г., были приняты 4 сентября[691]. Значительно дополнить информацию о контактах со среднеазиатскими государствами позволяет так называемый Титулярник 1577 г., в котором приводятся образцы дипломатических посланий за период с 1488 по 1577 г.[692] В этом источнике отразились контакты с Ургенчем (выдержки из трех посланий), Ташкентом (выдержки из одного послания), Самаркандом (выдержки из двух посланий)[693]. При этом русско-бухарские контакты в Титулярнике 1577 г. не нашли отражения, хотя эти контакты имели относительно регулярный характер.

Большинство сведений из имеющихся источников указывает на то, что интенсивный этап контактов между Москвой и туркестанскими владетелями приходится на 1559—1567 гг. Исключением выглядит упоминание послания ташкентского хана Мухаммад-Дервиша от 1574/75 г.[694] Основное содержание этих контактов, по сообщениям русских источников, составляли вопросы торговли[695]. Впрочем, из материалов русско-крымских отношений известно, что одна из важнейших задач среднеазиатской дипломатии — право свободного совершения паломничества (хаджа) через русские территории, с чем у паломников нередко возникали проблемы при следовании через Астрахань. Поэтому логично ожидать, что и все другие посольства везли не только предложения свободной торговли, но и просьбы обеспечить безопасное следование богомольцев в Мекку.

В летописи указывалось, что первое ургенчское посольство было о «великой любви», а в Титулярнике 1577 г. в ответном послании Ивана IV от апреля 1561 г. Хаджи-Мухаммед (Азим-хан) характеризуется как «любви нашей присвоитель и сусед». Не является ли это свидетельством более серьезного характера русско-ургенчских отношений? Возможно, Хаджи-Мухаммед мог искать в Москве поддержки и заключить союз против Казахского ханства и усиливающегося Бухарского ханства. Впрочем, вскоре в этих отношениях случился конфликт. В Москву 27 декабря 1566 г. прибыл посол ургенчского хана Бели-Исуп[696]. Иван IV его не принял, поскольку накануне русское посольство подьячего Авксентия (Оксена) Иванова было ограблено, и толь-

[687] ПСРЛ. Т. 13. С. 313.

[688] РГАДА. Ф. 166. Кн. 14. Л. 91—92.

[689] ПСРЛ. Т. 13. С. 313.

[690] Опись 1614 г. дает другое прочтение имени посланника — Темеш-Азей (Описи Царского архива и архива Посольского приказа 1614 г. С. 97).

[691] В Описи 1614 г. зафиксировано, что эта миссия доставила четыре послания, которые в начале XVII в. уже были «ветхи». Хранились они в связке в ящике № 3, в котором были собраны документы, посвященные отношениям с туркестанскими владетелями (Там же).

[692] По предварительному анализу палеографических признаков и филиграней этот источник можно датировать концом XVI в. (*Моисеев М. В.* Новые данные по истории взаимоотношений Московского государства и кавказских политических образований во времена Ивана Грозного // Комплексный подход в изучении Древней Руси: Материалы X Международной научной конференции, 9—13 сентября 2019 г., Москва. М., 2019. С. 136).

[693] РГАДА. Ф. 166. Кн. 14. Л. 70 об.—75, 87—89 об., 91—92.

[694] Описи Царского архива и архива Посольского приказа 1614 г. С. 97.

[695] ПСРЛ. Т. 13. С. 313, 385, 406; Описи Царского архива и архива Посольского приказа 1614 г. С. 96.

[696] ПСРЛ. Т. 13. С. 406.

ко при условии возвращения награбленного было возможно восстановить дипломатические отношения и разрешить ургенчским купцам торговать в России[697]. Русского посла в Ургенч не посылали, ограничились посланием к хану Хаджи-Мухаммеду[698].

Таким образом, в годы правления царя Ивана IV начались отношения России со среднеазиатскими ханствами. Первое посольство из Бухары в Москву прибыло в конце 1548 г., затем в отношениях наступила пауза. Новый этап взаимной заинтересованности, вызванный миссией Э. Дженкинсона, относится к 1559 г., продолжался он до 1567 г. В это время ханы туркестанских государств пытались урегулировать вопросы торговли и хаджа, затем контакты были прерваны; они возобновились или стали более регулярными уже при царях Федоре Ивановиче и Борисе Годунове.

В 1585 г. в Российское государство прибыл бухарский посол Мухаммед-Али, привезший дары от хана Абдуллы и товары для продажи (различные хлопчатобумажные ткани, пояса и краски)[699]. Тогда же прибыл и ургенчский посол Ходжа-Мухаммед с подарками от хана Хаджи-Мухаммеда и товарами (тканями и красками)[700]. Послы хотели закупить для своих господ воск, кожи, шубы, вино (водку) и пленников[701]. Все эти миссии ограничились торговыми вопросами. В 1589 г. произошло столкновение с бухарским послом на церемониальном поле. Камнем преткновения стал царский титул. Ответное послание с претензиями было написано не от царя, а от боярина Бориса Годунова. Очевидно, после этого непосредственные политические контакты между странами прервались, но торговые контакты продолжались, и московские власти стремились навести в них порядок. Так, в 1596 г. тарскому воеводе предписывалось допускать беспошлинную торговлю с бухарцами[702], что может свидетельствовать об обоюдной заинтересованности в развитии экономических связей.

Итак, в течение XVI столетия связи между Российским государством, Казахским ханством и среднеазиатскими ханствами имели эпизодический характер. Сколько-нибудь регулярными они становятся к концу XVI в. Целью русско-казахских отношений было формирование большого анти-

---

[697] ПСРЛ. Т. 13. С. 407. Возможно, в Ургенче было захвачено некое царское имущество.

[698] РГАДА. Ф. 166. Кн. 14. Л. 88 об.—89 об.

[699] Список даров: «...шетер индейские земли по <...> митколи красные, а внутри травы вырезаны выбойчатые розные цветы, а у шетра 32 оттужины веревок бумажных»; кроме этого, и сам посол привез дары для царя Федора: «...да яз бью челом тобе государю шоломом булатным навожен золотом и травами, да сабля булатная навожено золотом, ножны хоз черной, да лубья саадочное навожено золотом с травами, да нож булатной рыбей зуб черен навожен золотом, ножны булатные навожены золотом оков серебрян, да чаша ценинная с травами навожена золотом, да 2 тулунбаса медяны навожены красками травы и золотом, да 2 деревца седельные навожены красками и золотом травы» (Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVIII вв. // Труды Историко-археографического института и Института востоковедения: Материалы по истории СССР. Вып. 3. Л., 1932. С. 98).

[700] Список даров: «...шатер большой, да шалом булатной золотом навожен, да сабля булатная навожена золо[то]м, да 2 саадака шиты шолки и золотом, да нож булатной, ножны серебрены, да тулунбас булатной золотом новожен, да 2 государь седла золотом подписаны»; посол тоже привез дары: «сабля булатная золотом навожено, да саадак золотом навожен и всякою краскою, да тулунбас булатной написан золотом и всякою краскою, да сабля булатная, а ножны з золотом и со всякою краскою, да топор булатной золотом онавожен, да 2 седла подписаны золотом и всякою краскою, у одного седла крыльца и тебеньки шиты золотом и всякими красками, да лук мешецкой навожен золотом и всякими красками, да дороги, 2 чазима, 3 мели широких, трои митколи объяринные» (Там же. С. 99).

[701] Там же. С. 100.

[702] Там же. С. 107—108.

османского и антибухарского союза, и они были частью русско-иранских и русско-имперских отношений. Связи с Ургенчем также, очевидно, предполагали антибухарский вектор, однако он так и не был реализован. В итоге к концу XVI в. отношения в таком формате исчерпали себя и возобновились только после Смуты.

Итоги европейского и восточного направлений внешней политики России в конце XVI — начале XVII в.

Нараставший к концу XVI в. раскол Европы на два лагеря (на католические и протестантские страны) не отразился на русской внешней политике, нацеленной на поддержание дружественных отношений и с тем и с другим. Не в последнюю очередь это было связано с тем, что Россия не имела причин для столкновений с Францией, Англией, Священной Римской империей и т. д. С Англией и Голландией ее связывали взаимовыгодные торговые отношения, а с империей — давние политические связи и проекты союзов, пусть и нереализованные. Конфликтные отношения были с непосредственными соседями — с Речью Посполитой, Швецией, Крымским ханством, с ними шла борьба за территории и доминирование в регионе.

После смерти Ивана IV в 1584 г. общие ориентиры русской внешней политики не изменились. Главным врагом оставалась Речь Посполитая. Противостояние Русского государства и Речи Посполитой было чревато дальнейшими войнами, поэтому обе стороны искали пути решения накопившихся противоречий и новые формы политической организации Восточной Европы[703].

Обе стороны рассматривали варианты объединения стран в единую сверхдержаву в Восточной Европе, при этом были возможны как покорение одной страны другой в результате военной победы, так и династическая уния (к которой особо располагала система польских бескоролевий, открывавших возможность возведения на польский престол иностранного монарха). Показательно, что сразу после смерти Ивана IV сенаторы Речи Посполитой предлагали Стефану Баторию взять под опеку русских царевичей — слабоумного Федора и малолетнего Дмитрия — как недееспособных и тем самым фактически принять Россию под власть польской короны.

Военный сценарий сразу после Ям-Запольского перемирия был малореален: Россия после поражения не располагала потенциалом для крупномасштабных боевых действий, ей надо было восстановиться. Она делала ставку на искусство дипломатов, которые должны были заключить новые выгодные соглашения и даже попытаться выдвинуть кандидатуру царя Федора Ивановича на польский престол.

Речь Посполитая строила планы продолжения войны[704], но их реализации мешали два обстоятельства. Во-первых, военные инициативы короля наткнулись на сопротивление шляхты, которая не желала нести материальное бремя новых кампаний. Во-вторых, Польша, вытеснив Россию из бывшей Ливонии, втянулась в серьезный конфликт с Швецией. Первоначально поляки недооценили противника, к тому же после 1586 г. они рассчитывали, что их новый король Сигизмунд III из шведской династии Васа решит проблему Прибалтики, употребив свою королевскую власть. Но в

[703] *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы. С. 3; *Он же.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2023. С. 46—86.

[704] Там же. С. 120—121.

1590-е гг. Сигизмунд III утратил позиции в Швеции, и обе страны вступили в противостояние, которое все время нарастало. В первой четверти XVII в. Польша проиграет Швеции борьбу за Прибалтику, будет оттуда вытеснена, и эти две страны станут смертельными врагами.

Россия также рассматривала Швецию как своего противника в Прибалтике, но ее запросы были скромнее, чем у Речи Посполитой. В 1590-е гг. Москва уже не претендовала на Ливонию (хотя титул «Ливонский» какое-то время употреблял царь Федор Иванович, выказывая политические амбиции русского престола). Но главным образом русская сторона стремилась восполнить территориальные потери на берегу Финского залива, которые понесла в результате Плюсского перемирия 1583 г. Ставка делалась на то, что для Шведского королевства эти земли оставались отдаленной периферией и ему было бы трудно вести здесь войну, тем более в условиях, когда следовало держать армию против поляков в бывшей Ливонии. Поэтому боевые действия России в 1589—1595 гг. оказались успешными, и она вернула себе выход к Балтийскому морю от устья Невы до устья Наровы с Ивангородом, утраченным в 1583 г. Выход к Балтике снова был потерян Россией после Смуты, по Столбовскому миру 1617 г.

Отношения с европейскими странами (Священной Римской империей, Францией, Англией) в конце XVI в. продолжали развиваться. Здесь преобладали дипломатические и торговые контакты, в которых Россия стремилась блюсти свои интересы.

В 1580—1590-е гг. расширилась область наступления России на юг. В 1550—1560-е гг. благодаря линии опорных крепостей южнее Тулы (Шацк, Орел и др.) граница начала отодвигаться от рубежа по реке Оке. В конце 1580-х гг. сложилась тройная эшелонированная система обороны юга России. Первую линию составляли пять полков, располагавшихся по Оке: полк правой руки — в Алексине, большой — в Серпухове, передовой — в Калуге, сторожевой — в Коломне, левой руки — в Кашире. Вторая линия формировалась служилыми людьми двенадцати городов «украинного разряда» (Тула, Дедилов, Пронск, Михайлов, Рязань, Шацк, Орел, Новосиль, Мценск, Ряжск, Болхов и Белев). Третья линия только создавалась и пока состояла из двух крепостей на Поле — Ливен и Воронежа. Тем самым юг страны с каждым годом был все более надежно закрыт от удара крымских татар. В 1586—1599 гг. были возведены восемь городов-крепостей уже непосредственно на Поле (Воронеж, Ливны, Курск, Белгород, Елец, Оскол, Царев-Борисов, Валуйки). Тем самым Россия успешно осваивала все новые территории, главным образом при помощи строительства дорог и крепостей.

Это укрепляло позиции России в ее противостоянии с Крымским ханством. В 1598 г. был отменен «береговой разряд» — роспись войск первой линии обороны по берегу реки Оки. Сто пятьдесят лет русские войска именно здесь встречали татарские нападения, граница проходила приблизительно в 100 км от Москвы. Только после 1598 г. «окский рубеж» официально перестал быть пограничным оборонительным рубежом. Войска теперь собирались сразу на второй линии, в городах «украинного разряда» и на Поле. Граница России передвинулась далеко на юг.

Это не могло не обострять отношений с Крымским ханством, видевшим в русском продвижении угрозу своим причерноморским улусам. Масштаб военных акций Крыма против России во второй половине XVI в. нарастал (походы 1571, 1572, 1591 гг.). Однако Москва успешно отражала нападения в 1572 и 1591 гг., что вызывало беспокойство сюзерена Крымского ханства — Османской Турции. Противостояние России и Турции было впереди (провал турецкого похода на Астрахань в 1569 г. был случайным эпизодом в отношениях двух стран). Но перспективы

этого противостояния заставляли Россию внимательнее относиться к европейским проектам антитурецкой лиги, что видно из активизации контактов по этому вопросу между Россией, Ватиканом и Священной Римской империей в 1580—1590-е гг. (миссии Л. Истомы Шевригина, А. Поссевино, Н. Варкоча и др.).

В 1580—1590-е гг. все больше развивается новое направление внешней политики — восточное. Начало присоединения Сибири, положенное в 1582 г. походом Ермака, открыло перспективы для продвижения русских землепроходцев XVII столетия. Освоение сибирских и дальневосточных земель составит большую главу русской внешнеполитической истории этого века. Продвижение России на восток открывало возможности контактов с Ираном и другими странами Азии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	—	Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук: Т. 1—4. СПб., 1836
АИА РАН	—	Архив Института археологии Российской академии наук (Москва)
АИ	—	Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею: Т. 1—5. СПб., 1841—1842
АИСЗР. I	—	Аграрная история Северо-Запада России: Вторая половина XV — XVI в. Л., 1971
АИСЗР. II	—	Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятины. Л., 1974
АИСЗР. III	—	Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Север, Псков. Л., 1978
АИСЗР. IV	—	Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование). Л., 1989
АИЯЛИ АН РТ	—	Архив Института языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан (Казань)
АСЗ	—	Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в.: Сборник документов: Т. 1—4. М., 1997—2008
АФЗХ	—	Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. Ч. 1—3. М., 1951—1961
БАН	—	Библиотека Российской академии наук (С.-Петербург)
ГАВО	—	Государственный архив Владимирской области
ДАИ	—	Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею: Т. 1—12. СПб., 1846—1872
ЖМНП	—	Журнал Министерства народного просвещения
ИРЛИ РАН	—	Институт русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом) (С.-Петербург)
НИОР РГБ	—	Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР РНБ	—	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург)
ПСРЛ	—	Полное собрание русских летописей
РГАДА	—	Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГБ	—	Российская государственная библиотека (Москва)
РИБ	—	Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею: Т. 1—39. СПб., 1872—1927
РИО	—	Русское историческое общество
СГГД	—	Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел: Ч. 1—5. М., 1813—1828, 1894
СПбИИ РАН	—	Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
СПб ФИРИ	—	Санкт-Петербургский филиал Института истории Российской академии наук
ТОДРЛ	—	Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом)
ЧОИДР	—	Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Акты времени междуцарствия (1610 г. 17 июля — 1613 г.) / Под ред. С. К. Богоявленского и И. С. Рябинина. М., 1915.

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею Императорской Академии наук. Т. 1: 1334—1598 гг. СПб., 1841.

Акты новгородского Вяжищского монастыря конца XV — начала XVI в. / Подг. публ. И. Ю. Анкудинов. М., 2013.

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб., 1848.

Акты Российского государства: Архивы московских монастырей и соборов: XV — начало XVII в. М., 1998.

Акты Русского государства 1505—1526 гг. / Сост. С. Б. Веселовский. М., 1975.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Т. 1—2. СПб., 1836.

Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века: Сборник документов: В 4 т. М., 1997—2008.

Акты социально-экономической истории Севера России конца XV — XVI в.: Акты Соловецкого монастыря: 1572—1584 гг. Л., 1990.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 3 / Сост. И. А. Голубцов. М., 1964.

Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506—1608 гг. / Сост. С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина. М., 1998.

Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. Ч. 1—3. М., 1951—1961.

Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты московского Симонова монастыря (1506—1613 гг.) / Сост. Л. И. Ивина. М., 1983.

Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838.

Анпилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII века. М., 1967.

Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 119—154.

Башкирские предания и легенды / Подг. Ф. А. Надршиной. Уфа, 1985.

Башкирские шежере / Сост. Р. Г. Кузеева. Уфа, 1960.

Башкирское народное творчество. Т. 2: Предания и легенды / Сост. Ф. А. Надршина. Уфа, 1987.

Богоявленский С. К. Допрос царем Иоанном Грозным русских пленников, вышедших из Крыма // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 26—33.

Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. Ч. 1 / Сост. С. П. Мордовина и А. Л. Станиславский. М., 1979.

Введенский А. А. Торговый дом XVI—XVII веков. Л., 1924.

Великий Новгород во второй половине XVI в.: Сборник документов / Сост. К. В. Баранов. СПб., 2001.

[*Виженер Б.*] Извлечение из записок Блеза де Виженер (1573) / Пер. К. Мельника // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. 1 (XVI ст.). Киев, 1890. С. 59—88.

Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Подг. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева. М., 1987.

Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Вытные книги, хлебные оброчники и переписная книга вотчин Кирилло-Белозерского монастыря: 1559—1601 гг. / Под ред. А. Г. Манькова. М.; Л., 1983.

Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря / Под ред. А. Г. Манькова. М.; Л., 1980.

Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 241—270.

Гваньини А. Описание Московии / Под ред. Г. Г. Козловой. М., 1997.

Герберштейн С. Записки о Московии / Под ред. В. Л. Янина. М., 1988.

Герберштейн С. Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А. Л. Хорошкевич. М., 2008.

Города России XVI века: Материалы писцовых описаний / Подг. Е. Б. Французова. М., 2002.

Горсей Дж. Записки о России: XVI — начало XVII в. / Под ред. В. Л. Янина; пер. и сост. А. А. Севастьяновой. М., 1990.

Греков Б. Д. Опись Торговой стороны в писцовой книге по Новгороду Великому XVI в. СПб., 1912.

Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. Ремезовская летопись: История Сибирская; Летопись Сибирская; Краткая Кунгурская: Исследование, текст, перевод: Научно-справочный аппарат факсимильного издания рукописи Библиотеки Российской академии наук (СПб.). Тобольск, 2006.

Домострой / Подг. В. В. Колесов и В. В. Рождественская. СПб., 2001.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1846.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. / Подг. Л. В. Черепнин. М.; Л., 1950.

Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты / Под ред. Н. Е. Носова. Л., 1986.

Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Комментарии / Под ред. Н. Е. Носова и В. М. Панеяха. Л., 1987.

Иностранцы о древней Москве (Москва XV—XVII веков) / Сост. М. М. Сухман. М., 1991.

Источники по социально-экономической истории России XVI—XVII вв.: Из архива московского Новодевичьего монастыря / Подг. В. Б. Павлов-Сильванский. М., 1985.

Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века / Под ред. М. Н. Тихомирова и А. А. Зимина. М.; Л., 1948.

Книга Полоцкого похода 1563 г.: (Исследование и текст) / Подг. К. В. Петров. СПб., 2004.

Колло Ф. Доношение о Московии. М., 1996.

Корецкий В. И. Новгородские дела 90-х гг. XVI в. // Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968. С. 315—319.

Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. СПб., 1880.

Курбский А. История о великом князе московском / Подг. А. Цеханович // Памятники литературы Древней Руси. Вып. 8: Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 218—399.

Курбский А. История о делах великого князя московского / Подг. К. Ю. Ерусалимский. М., 2015.

Лавочные книги Новгорода Великого: 1583 г. / Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1930.

Летописи Сибирские / Сост. и общая ред. Е. И. Дергачевой-Скоп. Новосибирск, 1991.

Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911.

Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания / Сост. В. А. Акцорин. Йошкар-Ола, 1991.

Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1: Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. / Ред. Н. В. Устюгов. М.; Л., 1936.

Материалы по истории казахских ханств XV—XVII вв.: (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С. К. Ибрагимов и др. Алма-Ата, 1969.

Материалы по истории Татарской АССР: Писцовые книги города Казани 1565—68 гг. и 1646 г. Л., 1932.

Меховский М. Трактат о двух Сарматиях / Пер. С. А. Аннинского. М.; Л., 1936.

Наместничьи, губные и земские Уставные грамоты Московского государства / Под ред. А. И. Яковлева. М., 1909.

Новгородские писцовые книги. Т. 6. СПб., 1910.

Новое известие о России времени Ивана Грозного: «Сказание» Альберта Шлихтинга / Пер., ред. А. И. Малеина. Л., 1934.

Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960.

Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. 1 / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1977.

Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года: Комментированное издание / Сост. З. В. Дмитриева и М. Н. Шаромазов. СПб., 1998.

Памятники дипломатических отношений древней России с державами иностранными. Т. 1: С 1488 по 1594 год. СПб., 1851.

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 10: С 1580 по 1699 год. СПб., 1871.

Памятники истории русского служилого сословия / Сост. А. В. Антонов. М., 2011.

Памятники русского права. Вып. 3 / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955.

Памятники русского права. Вып. 4 / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1956.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подг. Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. Л., 1979.

Писцовая езовая книга дворцовых волостей и государевых оброчных угодий Белозерского уезда 1585 года / Сост. В. С. Барашкова, З. В. Дмитриева, Л. С. Прокофьева; под ред. А. Г. Манькова. М.; Л., 1984.

Писцовые книги Московского государства. Ч. 1: Писцовые книги XVI века. Отделение 1: Местности губерний Московской, Владимирской и Костромской. СПб., 1872.

Писцовые книги Новгородской земли. Т. 1 / Сост. К. В. Баранов. М., 1999.

Писцовые книги Новгородской земли. Т. 4 / Сост. К. В. Баранов. М., 2004.

Писцовые книги Новгородской земли. Т. 6 / Сост. К. В. Баранов. М., 2009.

Писцовые книги Рязанской и Нижегородской земли / Сост. М. Ю. Зенченко. М., 2018.

Писцовые материалы Тверского уезда XVI века / Сост. А. В. Антонов. М., 2005.

Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2: Новгородская IV летопись. Л., 1925. С. 321—536.

Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М., 2000.

Полное собрание русских летописей. Т. 5. Вып. 1: Псковские летописи. М., 2003.

Полное собрание русских летописей. Т. 5. Вып. 2: Псковские летописи. М., 2000.

Полное собрание русских летописей. Т. 6: Софийские летописи. СПб., 1853.

Полное собрание русских летописей. Т. 8: Воскресенская летопись. М., 2001.

Полное собрание русских летописей. Т. 12: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1901.

Полное собрание русских летописей. Т. 13: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. М., 2000.

Полное собрание русских летописей. Т. 13. 2-я половина: Дополнения к Никоновской летописи. СПб., 1906.

Полное собрание русских летописей. Т. 13: Никоновская летопись. М., 2000.

Полное собрание русских летописей. Т. 19: История о Казанском царстве. М., 2000.

Полное собрание русских летописей. Т. 20: Львовская летопись. М., 2004.

Полное собрание русских летописей. Т. 22: Русский хронограф. М., 2005.

Полное собрание русских летописей. Т. 24: Летопись по Типографскому списку. Пг., 1921.

Полное собрание русских летописей. Т. 26: Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959.

Полное собрание русских летописей. Т. 26: Вологодско-Пермская летопись. М., 2006.

Полное собрание русских летописей. Т. 28: Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. М.; Л., 1963.

Полное собрание русских летописей. Т. 29: Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. М., 2009. С. 9—116.

Полное собрание русских летописей. Т. 30: Новгородская вторая (Архивская) летопись. М., 2009.

Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. М., 1987.

Полное собрание русских летописей. Т. 37: Устюжские и вологодские летописи XVI—XVIII вв. Л., 1982.

Полное собрание русских летописей. Т. 43: Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. М., 2004.

Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе / Пер. М. Г. Рогинского // Русский исторический журнал. Кн. 8. Пг., 1922. С. 29—60.

Послания Ивана Грозного / Подг. Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. М.; Л., 1951.

Послания Иосифа Волоцкого / Подг. А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959.

Посольская книга по связям Московского государства с Крымом: 1571—1577 гг. / Отв. ред. И. В. Зайцев. М., 2016.

Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.) / Сост. В. В. Трепавлов. М., 2003.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой: 1489—1549 гг. / Подг. Н. М. Рогожина. Махачкала, 1995.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551—1561 гг.) / Сост. Д. А. Мустафина, В. В. Трепавлов. Казань, 2006.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1561—1566 гг.) / Сост. Д. А. Мустафина. Казань, 2018.

Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. / Пер. Л. Н. Годовиковой; отв. ред. В. Л. Янин. М., 1983.

Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в.: Сборник документов. Т. 1 / Сост. Т. Б. Соловьева, Т. А. Лаптева. М., 2004.

Приходо-расходные книги московских приказов: 1619—1621 гг. / Сост. С. Б. Веселовский. М., 1983.

Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. IX. СПб., 1793.

Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. X. СПб., 1795.

Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. XI. СПб., 1801.

Разряд Полоцкого похода 1663 г. // Витебская старина. Т. IV / Сост. А. Сапунов. Витебск, 1885.

Разрядная книга 1475—1598 гг. / Подг. В. И. Буганов. М., 1966.

Разрядная книга 1475—1605 гг.: В 4 т. / Подг. В. И. Буганов. М., 1977—2003.

Разрядная книга 1550—1636 гг. В 2 т. / Подг. В. И. Буганов. М., 1975—1976.

Ремезов С. У. История Сибирская // Памятники литературы Древней Руси: XVII в. Кн. 2. М., 1989. С. 550—582.

Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы / Под ред. О. Ф. Кудрявцева. М., 1997.

Россия и греческий мир в XVI веке: В 2 т. Т. 1 / Отв. ред. С. М. Каштанов; подг. С. М. Каштанова, Л. В. Столяровой, Б. Л. Фонкича. М., 2004.

Русская историческая библиотека. Т. 15: (Сборный). СПб., 1894.

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1880.

Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. Т. 4. М., 1988.

Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. Т. 5. М., 1992.

Русско-белорусские связи: Сборник документов (1570—1667) / Отв. ред. Л. С. Абецедарский, М. Я. Волков. Минск, 1963.

Сборник Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882.

Сборник Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884.

Сборник Русского исторического общества. Т. 53. СПб., 1887.

Сборник Русского исторического общества. Т. 59. СПб., 1887.

Сборник Русского исторического общества. Т. 71. СПб., 1892.

Сборник Русского исторического общества. Т. 95. СПб., 1895.

Сборник Русского исторического общества. Т. 129. СПб., 1910.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. М., 1813.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2. М., 1819.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 5. М., 1894.

Статейный список приезда и пребывания в России английского посла Елизара Флетчера // Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. 8. М., 1850. С. 1—96.

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 2 / Отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. М., 2008.

Судебники XV—XVI вв. / Подг. Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнина; под общ. ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1952.

Судные списки Максима Грека и Исака Собаки / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1971.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: (Извлечения из сочинений арабских). СПб., 1884.

Толковый Типикон / Сост., предисл. и примеч. М. Скабалановича. М., 2008.

Торгівля на Україні: XIV — середина XVII століті: Волинь і Наддніпрянщина / [Упоряд.: В. Н. Кравченко, Н. М. Яковенко]. Київ. 1990.

Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подг. А. А. Зимин. М.; Л., 1950.

Ульфельдт Я. Путешествие в Россию / Пер. Л. Н. Годовиковой. М., 2002.

Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) / Под ред. и с предисл. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950.

Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани. Михманнаме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). М., 1976.

Флетчер Дж. О государстве Русском. СПб., 1906.

Хождение Трифона Коробейникова / Под ред. Х. М. Лопарева // Православный палестинский сборник. Т. 9. Вып. 27. СПб., 1889.

Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г. М., 1996.

Штаден Г. Записки немца-опричника / Сост. С. Ю. Шокарев. М., 2002.

Штаден Г. Записки о Московии: В 2 т. / Отв. ред. А. Л. Хорошкевич. М., 2008.

Штаден Г. О Москве Ивана Грозного: Записки немца опричника / Пер. И. И. Полосина. [М.], 1925.

Шумаков С. А. Обзор «Грамот коллегии экономии». Вып. 2: Тексты и обзор белозерских актов (1395—1758 гг.). М., 1900.

Энциклопедия русского игумена XIV—XV вв.: Сборник преподобного Кирилла Белозерского / Отв. ред. Г. М. Прохоров. СПб., 2003.

Литература

Абдиров М. Хан Кучум: Известный и неизвестный. Алматы, 1996.

Абрамович Г. В. Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991.

Абрамович Г. В. Поместная политика в период боярского правления (1538—1543 гг.) // История СССР. 1979. № 4. С. 192—199.

Авалиани С. Л. Земские соборы. Одесса, 1910.

Аграрная история Северо-Запада России: Вторая половина XV — XVI в. / Отв. ред. А. Л. Шапиро. Л., 1971.

Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятины / Отв. ред. А. Л. Шапиро. Л., 1974.

Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Север — Псков / Отв. ред. А. Л. Шапиро. Л., 1978.

Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование) / Отв. ред. А. Л. Шапиро. Л., 1989.

Азнабаев Б. А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI — первая треть XVIII вв.). Уфа, 2005.

Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв.: Переяславский уезд. М.; Л., 1966.

Алексеев А. И. Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI вв. СПб., 2002.

Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III: Традиция и реформа. СПб., 2001.

Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV—XV вв. СПб., 1998.

Алексеев Ю. Г., Копанев А. И. Развитие поместной системы в XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975. С. 57—68.

Алишев С. Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья: XVI — начало XIX в. М., 1990.

Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России: Государство Ивана Грозного. Л., 1988.

Анхимюк Ю. В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII веков. М., 2005.

Аракчеев В. А. Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI — XVII в. М., 2014.

Аракчеев В. А. Псковский край в XV—XVII веках: Общество и государство. СПб., 2003.

Базилевич К. В. Опыт периодизации истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1949. № 11. С. 65—90.

Бахрушин С. В. Научные труды: В 4 т. М., 1952—1959.

Бахтин А. Г. XV—XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998.

Бахтин А. Г. Марийский край в XIII—XVI веках: Очерки по истории. Йошкар-Ола, 2012.

Бахтин А. Г. Российское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV—XVI вв. СПб., 2022.

Башнин Н. В. Дионисиево-Глушицкий монастырь и его архив в XV—XVII вв.: Исследование и тексты. М.; СПб., 2016.

Башнин Н. В., Корзинин А. Л. Новые данные к биографии опричника Малюты Скуратова // Российская история. 2017. № 2. С. 172—188.

Беляев Л. А., Шокарев С. Ю., Шуляев С. Г. Саркофаг княгини Анастасии Бельской в подклете Смоленского собора московского Новодевичьего монастыря // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2020. № 4 (82). С. 83—98.

Беляков А. В. Историческая география Мещеры XIV—XVII вв. // Российская история. 2019. № 1. С. 72—85.

Беляков А. В. Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исиней Карамышев сын Мусаитов: Опыт совместной биографии. Алматы, 2019.

Беляков А. В. Чингисиды в России XV—XVII веков: Просопографическое исследование. Рязань, 2011.

Бенционов М. М. Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства в конце XV — середине XVI в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000.

Бенционов М. М. Двор князя Андрея Старицкого и проблема «Старицкого мятежа» 1537 г. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2012. № 4 (50). С. 64—76.

Бенционов М. М. «Князья, бояре и дети боярские»: Система служебных отношений в Московском государстве в XV—XVI вв. М., 2019.

Богомолова М. В. Знаменная монодия и безлинейное многоголосие на примере Великой панихиды. Вып. 2. М., 2005.

Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1: Областное деление Поморья; Землевладение и общественный строй; Органы самоуправления. М., 1909. VIII, 322.

Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 2: Деятельность земского мира; Земство и государство. М., 1912. 311, 45.

Болотин Д. П. Этнокультурная ситуация на Верхнем Амуре в эпоху позднего средневековья (XIII—XVII века). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1995.

Борисенков Е. П., Пасецкий В. М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988.

Борисов А. А. Социальная история якутов в позднее Средневековье и Новое время: (Опыт комплексного исследования). Новосибирск, 2010.

Борисов Н. С. Церковные деятели средневековой Руси XIII—XVII вв. М., 1988.

Бочкарев В. А. Стоглав и история Собора 1551 года: Историко-канонический очерк. Юхнов, 1906.

Бражников М. В. Древнерусская теория музыки. Л., 1972.

Буганов В. И. Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М., 1962.

Булычев А. А. Между святыми и демонами: Заметки о посмертной судьбе опальных Ивана Грозного. М., 2005.

Бычкова М. Е. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975.

Бычкова М. Е. Русско-литовская знать XV—XVII вв.: Источниковедение. Генеалогия. Геральдика. М., 2012.

Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование. М., 1986.

Варенцов В. А. Привилегированное купечество Новгорода XVI—XVII вв. Вологда, 1989.

Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России. М., 1960.

Васильев Ф. Ф. Военное дело якутов. Якутск, 1995.

Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI—XVII веках. М., 1962.

Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб., 1863.

Верюжский И., свящ. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею Церковью и местно чтимых. Вологда, 2009.

Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975.

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.

Веселовский С. Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. Л., 1926.

Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947.

Водарский Я. Е. Население России за 400 лет (XVI — начало XX в.). М., 1973.

Водарский Я. Е., Истомина Э. Г. Православные монастыри России и их роль в развитии культуры (XI — начало XX в.). М., 2009.

Володихин Д. М. Иван IV Грозный: Царь-сирота. М., 2018.

Володихин Д. М. Малюта Скуратов. М., 2012.

Володихин Д. М. Митрополит Филипп. М., 2009.

Воробьев А. В. Делопроизводство Разбойного приказа как исторический источник по истории государственного управления в России XVI — первой половины XVII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.

Гамель И. Х. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. Ст. 1—2. СПб., 1865—1869.

Гардзанити М. «Слово о нестроениях и безчинниях» Максима Грека: К источникам плача Василии // Русская литература. 2021. № 1. С. 55—70.

Гоголев А. И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV—XVIII вв.). Иркутск, 1990.

Голикова Н. Б. Привилегированное купечество в структуре русского общества в XVI — первой четверти XVIII в.: Из научного наследия / Сост. Н. В. Козлова, В. Н. Захаров, И. Е. Тришкан. М.; СПб., 2012.

Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998.

Головнев А. В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.

Головчанский А. П., Мельничук А. Ф. Строгановские городки, острожки, села. Пермь, 2005.

Голохвастов Д. П., Леонид [Кавелин]. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. М., 1874.

Голубинский Е. Е. История Русской церкви. Т. 2. Первая половина тома. М., 1997.

Гордиенко Э. А. Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. СПб., 2001.

Горчаков М. И. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода. СПб., 1877.

Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. М.; Л., 1946.

Гришикика М. В. Удмуртия в эпоху феодализма (конец XV — первая половина XIX века). Ижевск, 1994.

Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль, 1900.

Гусейнова З. М. Русские музыкальные азбуки XV—XVI веков: Учебное пособие. СПб., 1999.

Дашибалов Б. Б. На монголо-тюркском пограничье: Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в Средние века. Улан-Удэ, 2005.

Дворецкая Н. А. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака // ТОДРЛ. 1957. Т. 13. С. 467—482.

Дедук А. В. От столицы удела (княжества) до приходского центра: Судьба города Мышега // Региональные столицы России — точки опоры и роста: Материалы всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2023. С. 20—23.

Дергачева-Скоп Е. И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII в. Свердловск, 1965.

Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973.

Димитриев В. Д. Чувашские исторические предания: Очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX в. Чебоксары, 1993.

Димитриев В. Д. Чувашский народ в составе Казанского ханства: Предыстория и история. 2-е изд. Чебоксары, 2018.

Дмитриева З. В. Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI—XVII вв. СПб., 2003.

Дмитриева З. В., Козлов С. А. Налоги и войны в России XVI—XVIII вв. СПб., 2020.

Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1908.

Емченко Е. Б. Стоглав: Исследование и текст / Отв. ред. Н.В. Синицина. М., 2000.

Ермолаев И. П. Среднее Поволжье во второй половине XVI — XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982.

Заварюхин Н. В. Очерки по истории Мордовского края периода феодализма. Саранск, 1993.

Загоскин Н. П. История права Московского государства. Т. 1—2. Казань, 1877—1879.

Зайцев И. В. Астраханское ханство. М., 2006.

Захарьина Н. Б. Русские певческие книги: Типология, пути эволюции. Автореф. дис. ... д-ра искусств. М., 2007.

Зимин А. А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986.

Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958.

Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV — XVI в.). М., 1977.

Зимин А. А. Опричнина. М., 2001.

Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.

Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960.

Зимин А. А. Россия на пороге нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.

Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий: (Очерки социально-политической истории). М., 1982.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988.

Знаменский П. В. Приходское духовенство на Руси. Казань, 1873.

Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург, 2001.

Ивина Л. И. Внутреннее освоение земель России в XVI в.: Историко-географическое исследование по материалам монастырей. Л., 1985.

Иконы Строгановских вотчин XVI—XVII веков / Сост. М. С. Трубачева. М., 2003.

Искер — столица Сибирского ханства. Казань, 2010.

История Бурятии: В 3 т. Т. 1: Древность и средневековье / Отв. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ, 2011.

История и культура нивхов: Историко-этнографические очерки / Отв. ред. В. А. Тураев, В. Л. Ларин. СПб., 2008.

История и культура татар Западной Сибири. Казань, 2015.

История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. Т. 1 / Отв. ред. З. В. Удальцова. М., 1985.

История крестьянства Северо-Запада России: Период феодализма. СПб., 1994.

История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: В 5 т. Т. 2: Крестьянство в периоды раннего и развитого феодализма / Отв. ред. Н. А. Горская. М., 1990.

История Татарии в материалах и документах / Под ред. Н. Л. Рубинштейна. М., 1937.

История Тувы: В 2 т. 3-е изд. Т. 1 / Отв. ред. С. И. Вайнштейн, М. Х. Маннай-оол. Новосибирск, 2015.

История Хакасии с древнейших времен до 1917 года / Отв. ред. Л. Р. Кызласов. М., 1993.

История Чукотки с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Н. Н. Диков. М., 1989.

История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы Международной конференции (Кур-

ган, 21—22 апреля 2011 г.) / Под ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татаурова. Курган, 2011.

История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы II Всероссийской научной конференции (Курган, 17—18 апреля 2014 г.) / Под ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татаурова. Курган, 2014.

История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции / Под ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татаурова. Курган, 2017.

Исхаков Д. М. Введение в историю Сибирского ханства: Очерки. Казань, 2006.

Исхаков Д. М. Институт сеййидов в Улусе Джучи и позднезолотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань, 2011.

Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли: Первая треть XVI века. Л., 1970.

Казанцева М. Г. История певческого искусства в письменной культуре Древней Руси XII—XVII вв. (по книге Ирмологий). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1995.

Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. М., 1975.

Каппелер А. Россия — многонациональная империя: Возникновение, история, распад. М., 2000.

Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 2. М., 1996.

Каптерев Н. Ф. Светские архиерейские чиновники в древней Руси. М., 1874.

Карамзин Н. М. История государства Российского. 2-е изд. Т. 5. СПб., 1819.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 7. М., 1989.

Кареев Н. И. Поместье-государство и сословная монархия Средних веков. СПб., 1906.

Карпова М. В., Степанова Ю. В. Территориальная организация Торопецкого уезда XVI—XVII вв. в писцовых описаниях // Писцовые книги и другие массовые источники по истории России XVI—XX в.: Тезисы докладов XXIII Всероссийской научной конференции, г. Кириллов, 20—23 июня 2023 г. СПб., 2023. С. 77—79.

Карташев А. В. Очерки по истории Русской церкви. Т. 1. М., 1991.

Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI века. М., 1967.

Каштанов С. М. Финансы средневековой Руси. М., 1988.

Клейн В. К. Угличское следственное дело о смерти царевича Димитрия. М., 1913.

Клибанов А. И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996.

Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI вв. М., 1960.

Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. М., 1902.

Ключевский В. О. Курс лекций по русской истории. Ч. 1. СПб., 1902.

Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985.

Кобрин В. Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV—XVI вв. М., 1995.

Кобрин В. Б. Опричнина: Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. М., 2008.

Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 16—91.

Козляков В. Н. Служилые люди России XVI—XVII веков. М., 2018.

Колобков В. А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004.

Колычева Е. И. Аграрный строй России XVI века. М., 1987.

Колычева Е. И. Холопство и крепостничество (конец XV — XVI в.). М., 1971.

Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л., 1951.

Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970.

Корецкий В. И. Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины // Вопросы истории. 1967. № 5. С. 32—50.

Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975.

Корзинин А. Л. Государев двор Русского государства в доопричный период (1550—1565 гг.). М.; Л., 2016.

Корзинин А. Л. О персональном составе опричного двора Ивана Грозного // Исторический формат: Международный исторический журнал. 2016. № 4. С. 9—34.

Корзинин А. Л. Состав дворянства на Земском соборе 1566 г. Ч. 1—2 // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. 2012. Вып. 1. С. 3—23; Вып. 2. С. 14—35.

Корзинин А. Л., Штыков Н. В. Состав Боярской думы и дворцовых чинов в княжение Василия III // Былые годы (Bylye Gody). 2017. Vol. 44 (2). P. 330—341.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 1. М., 1990.

Кочекаев Б.-А. Б. Ногайско-русские отношения в XV—XVIII вв. Алма-Ата, 1988.

Кром М. М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30—40-х годов XVI века. М., 2010.

Кром М. М. Меж Русью и Литвой: Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 2010.

Кром М. М. Политический кризис 30—40-х годов XVI века: (Постановка проблемы) // Отечественная история. 1998. № 5. С. 3—19.

Кром М. М. Стародубская война (1534—1537): Из истории русско-литовских отношений. М., 2008.

Кром М. М. Судьба регентского совета при малолетнем Иване IV: Новые данные о внутриполитической борьбе конца 1533 — 1534 года // Отечественная история. 1996. № 5. С. 34—49.

Круглова Т. В. Церковь и духовенство в социальной структуре Псковской феодальной республики. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991.

Ксенофонтов Г. В. Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. Якутск, 2004.

Культура средневековой Москвы: XIV—XVII вв. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1995.

Кусаинова Е. В. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV — XVII веке. Волгоград, 2005.

Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: Вторая половина XVI — 30-е годы XVII века. М., 1963.

Кызласов Л. Р. История Тувы в Средние века. М., 1969.

Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.

Лебедев Н. Макарий, митрополит Всероссийский (1482—1563). М., 1877.

Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления в Русском государстве: Из истории создания централизованного государственного аппарата в конце XV — первой половине XVI в. М., 1961.

Липаков Е. В. Дворянство Казанского края в конце XVI — XVII в.: Формирование, состав, служба. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1989.

Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. Тула, 2009.

Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI—XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб., 2015.

Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. М.; СПб., 2007.

Лобакова И. А. Житие митрополита Филиппа: Исследование и тексты. СПб., 2006.

Лузгин А. С. В тесном соседстве: Хозяйство и материальная культура русского населения Мордовии: Историко-этнографические очерки. Саранск, 1987.

Ляховицкий Е. А. Стоглавый Собор и общественное сознание Руси XVI в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2012.

Макарий (Булгаков). История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 1. М., 1996.

Макарий (Веретенников). Жизнь и труды святителя Макария, митрополита Московского и всея Руси. М., 2002.

Макарий (Веретенников). Московский митрополит Макарий и его время. М., 1996.

Мальцев В. П. Борьба за Смоленск (XVI—XVII вв.). Смоленск, 1940.

Мансветов И. Д. Церковный устав (типик), его образование и судьба в Греческой и Русской Церкви. М., 1885.

Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI в. М.; Л., 1951.

Мартин Р. Э. Невеста для царя: Смотры невест в контексте политической культуры Московии XVI—XVII веков. М., 2023.

Масленникова Н. Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955.

Маслюженко Д. Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в Средние века. Курган, 2008.

Матвеев А. В., Татауров С. Ф. Сибирское ханство: Военно-политические аспекты истории. Казань, 2012.

Мацук А. М. Фискальная политика русского правительства и черносошное крестьянство восточного Приморья и Приуралья в XVII веке. Сыктывкар, 1998.

Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1—2. М., 1999—2000.

Милов Л. В., Булгаков М. В., Гарскова И. М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия: Источник, компьютер и методы исследования. М., 1986.

Милюков П. Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства: Рец. на соч. А. С. Лаппо-Данилевского: Организация прямого обложения в Московском государстве. СПб., 1892.

Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 1. СПб., 2003.

Михайлова И. Б. «И здесь сошлись все царства...»: Очерки по истории государева двора

в России XVI в.: Повседневная и праздничная культура, семантика этикета и обрядности. СПб., 2010.

Моисеева Г. Н. «Валаамская беседа» — памятник русской публицистики середины XVI века. М.: Л., 1958.

Монашество и монастыри в России: XI—XX века: Исторические очерки. М., 2005.

Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 153—193.

Морозов С. А. Летописные повести по истории России 30—70-х гг. XVI в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979.

Морозова Л. Е. Женщины и власть в Московском царстве XV — начала XVII в. М., 2018.

Мудрова Н. А. Библиотека Строгановых (вторая половина XVI — начало XVIII в.). Екатеринбург, 2015.

Музыкальная эстетика России XI—XVIII веков / Сост. А. И. Рогов. М., 1973.

Мухамедьяров Ш. Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV — первая половина XVI вв.). Казань, 2012.

Мятлев Н. В. Тысячники и московское дворянство XVI столетия. Орел, 1912.

Назаров В. Д. Дворовладение княжеских слуг в городах Северо-Восточной Руси (XIV—XV вв.) // Столичные и периферийные города Руси и России в Средние века и раннее Новое время (XI—XVIII вв.). М., 2001. С. 33—47.

Назаров В. Д. К истории церковных соборов и идейно-политической борьбы в России первой половины XVI в. // Церковь, общество и государство в феодальной России / Отв. ред. А. И. Клибанов. М., 1990. С. 187—207.

Назаров В. Д. Княжеское родовое землевладение в России: Традиционное право и приговор 1551 г. // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты): Материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Калуга, 22—24 сентября 2002 г.). Калуга, 2003. С. 16—35.

Назаров В. Д. О структуре Государева двора середины XVI в. // Общество и государство феодальной России: Сборник статей, посвященный 70-летию академика Л. В. Черепнина. М., 1975. С. 40—54.

Назаров В. Д. Свадебные дела XVI века // Вопросы истории. 1976. № 10. С. 110—123.

Назаров В. Д. Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV веке // Русский дипломатарий. Вып. 5. М., 1999. С. 175—196.

Назаров В. Д. Тайна челобитной Ивана Воротынского // Вопросы истории. 1969. № 1. С. 210—218.

Нанзатов Б. З. Этногенез западных бурят (VI—XIX вв.). Иркутск, 2005.

Небольсин П. Покорение Сибири. СПб., 1849.

Нефёдкин А. К. Очерки военно-политической истории Чукотки (начало I тыс. н. э. — XIX в.). СПб., 2016.

Никитин Н. И. Русская колонизация с древнейших времен до начала XX века: (Исторический обзор). М., 2010.

Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397—1625). Т. 1. Вып. 2. СПб., 1910.

Новикова О. Л. Летописные заметки в Кирилло-Белозерской рукописи 60-х гг. XVI в. и Сказание о Спасо-Каменном монастыре // Очерки феодальной России. Вып. 12. М.; СПб., 2008. С. 38—90.

Новицкий В. И. Выборное и большое дворянство XVI—XVII веков. Киев, 1915.

Новодворский В. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитой (1570—1582 гг.). СПб., 1904.

Ногманов А. И. Самодержавие и татары: Очерки истории законодательной политики второй половины XVI — XVIII веков. Казань, 2005.

Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957.

Носов Н. Е. Русский город в XVI столетии // Россия и Италия: Материалы IV конференции советских и итальянских историков. М., 1972. С. 41—68.

Носов Н. Е. Русский город и русское купечество в XVI столетии // Исследования по социально-политической истории России: Сборник статей памяти Б. А. Романова. Л., 1971. С. 152—177.

Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969.

Нягань: Город на историческом фоне Нижнего Приобья. Екатеринбург, 1995.

Оборин В. А. Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII века. Иркутск, 1990.

От Древней Руси к России Нового времени: Сборник статей к 70-летию А. Л. Хорошкевич. М., 2003.

Очерки демографической истории России: XI—XXI века. Т. 2: XVI—XVII века / Отв. ред. В. Б. Жиромская. М.; СПб., 2022.

Очерки истории Марийской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалисти-

ческой революции) / Отв. ред. А. В. Хлебников. Йошкар-Ола, 1965.

Очерки истории СССР. Т. 4: Период феодализма: Конец XV — начало XVII вв. / Под ред. А. Н. Насонова, Л. В. Черепнина, А. А. Зимина. М., 1955.

Очерки истории Удмуртской АССР. Т. 1 / Гл. ред. И. П. Емельянов. Ижевск, 1958.

Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Н. Н. Диков. Новосибирск, 1974.

Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). СПб., 1992.

Павлов А. П. Земельные переселения в годы опричнины: (К вопросу о практической реализации указа об опричнине 1565 г.) // История СССР. 1990. № 5. С. 89—104.

Павлов А. П. К изучению внутренней политики Русского государства конца XVI в.: (О масштабе переписи земель в 1580—90-х гг.) // Сословия и государственная власть в России: XV — середина XIX в.: Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина: Тезисы докладов. Ч. 2. М., 1994. С. 14—19.

Павлов А. П. Политика правительства царя Федора Ивановича относительно церковного землевладения // Studia Humanistica: 1996: Исследования по истории и филологии. СПб., 1996. С. 66—68.

Павлов А. П. Приказы и приказная бюрократия (1584—1605 гг.) // Исторические записки. Т. 116. М., 1988. С. 187—227.

Павлов А. П. Самодержавие и земские соборы Русского государства XVI—XVII веков // Место России в Европе: (Материалы международной конференции). Budapest, 1999. С. 113—121.

Павлов А. П. Соборная утвержденная грамота об избрании Бориса Годунова на престол // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 10. Л., 1978. С. 206—225.

Павлов А. П. Судьбы самодержавия и земства в России XVI века (опричнина Ивана Грозного) // История России: Народ и власть. СПб., 1997. С. 203—244.

Павлов А. П. Церковная иерархия в системе государственной власти России и учреждение патриаршества // Religion und Integration im Moskauer Russland: Konzepte und Praktiken, Potentiale und Grenzen. 14.—17. Jahrhundert / Hrsg. L. Steindorff. Wiesbaden, 2010. S. 74—77.

Павлов А. П. Эволюция государства и общества в России во второй половине XVI в. (к вопросу о сословно-представительной монархии) // Russishe und Ukrainishe vom 16.—18. Jahrhundert. Bd. 58. Wiesbaden, 2001. S. 29—39.

Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. СПб., 1907.

Панеях В. М. Кабальное холопство на Руси в XVI в. Л., 1967.

Панеях В. М. Русь в XV—XVII вв.: Становление и эволюция власти русских царей // Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 19—101.

Панеях В. М. Холопство в XVI — начале XVII века. Л., 1975.

Парфентьев Н. П. Древнерусское певческое искусство в духовной культуре Российского государства XVI—XVII вв.: Школы. Центры. Мастера. Свердловск, 1991.

Парфентьева Н. В. Творчество мастеров древнерусского певческого искусства XVI—XVII вв. (на примере произведений выдающихся распевщиков). Челябинск, 1997.

Патканов С. К. Тип Остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб., 1891.

Пашкова Т. И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века: Наместники и волостели. М., 2000.

Перов И. Епархиальные учреждения в русской церкви в XVI и XVII веках. Рязань, 1882.

Перхавко В. Б. Средневековое русское купечество. М., 2012.

Перхавко В. Б. Торговля и торговцы средневековой Руси. М., 2018.

Платонов С. Ф. Борис Годунов. Пг., 1921. С. 96—97.

Платонов С. Ф. Боярская дума — предшественница Сената // Платонов С. Ф. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. М., 2012. С. 341—357.

Платонов С. Ф. Заметки по истории Земских соборов // ЖМНП. 1883. № 3. С. 1—20.

Платонов С. Ф. Иван Грозный. Пг., 1923.

Платонов С. Ф. Иван Грозный // Платонов С. Ф. Сочинения по русской истории: В 2 т. Т. 2. СПб., 1994.

Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1995.

Полехов С. В. Василий III. М., 2015.

Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII в.: Очерки истории / Отв. ред. А. П. Павлов. СПб., 2006.

Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII вв. М., 1972.

Пресняков А. Е. Завещание Василия III // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 71—80.

Пронштейн А. П. Великий Новгород в XVI веке: Очерк социально-экономической и политической истории города. Харьков, 1957.

Рамазанова Н. В. Московское царство в церковно-певческом искусстве XVI—XVII веков. СПб., 2004.

Ранняя русская лирика: Репертуарный справочник музыкально-поэтических текстов XV—XVII веков / Сост. Л. А. Петрова, Н. С. Серегина. Л., 1988.

Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445—1552 гг.): Очерки истории. Казань, 2009.

Решетова А. А. Древнерусская паломническая литература XVI—XVII веков: (История и поэтика). Рязань, 2006.

Рогожин Н. М. Посольские книги России конца XV — начала XVII вв. М., 1994.

Рогожин Н. М. Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии. М., 2003.

Рогожин Н. М. Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в РГАДА (конец XV — начало XVIII в.). М., 1990.

Рожков Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899.

Романенко Е. В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М., 2002.

Романов Б. А. К вопросу о 15-рублевом максимуме в служилых кабалах XVI в. // Исторические записки. Т. 52. М., 1955. С. 325—335.

Романов Б. А. О полном холопе и сельском попе в Судебнике Ивана Грозного // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952. С. 140—145.

Ромодановская Е. К. Русская литература Сибири первой половины XVII в.: (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973.

Савва В. И. Московские цари и византийские василевсы: К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901.

Савва В. И. О Посольском приказе в XVI в. Вып. 1. Харьков, 1917.

Савваитов П. Строгановские вклады в сольвычегодский Благовещенский собор по надписям на них. СПб., 1886.

Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950.

Сахаров А. М. Образование и развитие Российского государства в XIV—XVII вв. М., 1969.

Свечников С. К. Присоединение Марийского края к Русскому государству. Казань, 2014.

Седов Вл. В. Псковская архитектура XVI века. М., 1996.

Селезнев А. Г., Селезнева И. А. Сибирский ислам: Региональный вариант религиозного синкретизма. Новосибирск, 2004.

Селезнев А. Г., Селезнева А. И., Белич И. В. Культ святых в сибирском исламе: Специфика универсального. М., 2009.

Сергеев А. В. Княжеская аристократия Московского государства во второй половине XVI — начале XVII века: Князья Ростовские и Ярославские. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014.

Сергеевич В. И. Древности русского права: В 3 т. Т. 2. Кн. 5. М., 2007.

Серегина Н. С. Песнопения русским святым: По материалам рукописной певческой книги XI—XIX вв. «Стихирарь месячный». СПб., 1994.

Сибирские татары / Отв. ред. С. В. Суслова. Казань, 2002.

Сикалиев А. И.-М. Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994.

Силкин А. В. Строгановское лицевое шитье. М., 2002.

Симсон П. Ф. История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще отечественною историею. М., 1880.

Синицына Н. В. Максим Грек. М., 2008.

Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI—XVIII вв. М.; СПб., 2010.

Сиренов А. В. Степенная книга: История текста. М., 2007.

Ситдиков А. Г. Казанский кремль: Историко-археологическое исследование. Казань, 2006.

Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси в XIV—XVI вв.: Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991.

Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1975.

Скрынников Р. Г. Начало опричнины. Л., 1966.

Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1981.

Скрынников Р. Г. Россия после опричнины: Очерки политической и социальной истории. Л., 1975.

Скрынников Р. Г. Святители и власти. Л., 1990.

Скрынников Р. Г. Трагедия Новгорода. М., 1994.

Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992.

Сметанина С. И. Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982.

Смирнов И. И. Иван Грозный. Л., 1944.

Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.; Л., 1958.

Смирнов П. П. Города Московского государства в первой половине XVII века. Т. 1. Вып. 1. Киев, 1917.

Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1. М.; Л., 1947.

Соболев В. И. История сибирских ханств [по археологическим материалам]. Новосибирск, 2008.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 15 кн. Кн. 3. Т. 5—6. М., 1960.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 18 кн. Кн. 3. Т. 5. М., 1989.

Солодкин Я. Г. Земские соборы Московской Руси конца XVI века (спорные проблемы истории и историографии). Нижневартовск, 2010.

Солодкин Я. Г. Московское государство накануне Смуты: Спорные проблемы политической истории рубежа XVI—XVII вв. Нижневартовск, 2013.

Станиславский А. Л. Источники для изучения состава и структуры государева двора последней четверти XVI — начала XVII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973.

Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI—XVII веков. М., 2004.

Степанова Л. Г. Новгородское крестьянство на рубеже XV—XVI столетий (уровень развития хозяйства). М., 2004.

Стефанович Д. Ф. О Стоглаве: Его происхождение, редакции и состав: К истории памятников древнерусского церковного права. СПб., 1909.

Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI—XVII веках. М., 2002.

Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае в XIV — первой трети XVII века. М.; СПб., 2009.

Суслова Е. Д. Церковь и крестьянское сообщество в Карелии в конце XV — начале XVIII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2012.

Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане. М.; Л., 1935.

Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVII веков. М., 1973.

Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979.

Толстой Ю. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией: 1553—1593. СПб., 1875.

Трепавлов В. В. «Белый царь»: Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV—XVIII вв. М., 2007.

Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. Казань, 2016.

Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2001.

Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012.

Трепавлов В. В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI—XIX вв. СПб., 2018.

Трепавлов В. В. Тюркские народы средневековой Евразии: Избранные труды. Казань, 2011.

Тюменское и Сибирское ханства / Под ред. Д. Н. Маслюженко, А. Г. Ситдикова, Р. Р. Хайрутдинова. Казань, 2018.

Усачев А. С. Был ли конфликт Ивана IV с рязанской кафедрой в 1569 г.? // Российская история. 2016. № 5. С. 66—81.

Усачев А. С. Вологодский епископ Антоний и Русская церковь в период борьбы за власть при дворе в середине 1580-х гг. // Российская история. 2018. № 6. С. 136—146.

Усачев А. С. Почему закончилась «волоколамская гегемония» в Русской церкви XVI в.? // Российская история. 2017. № 5. С. 97—113.

Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009.

Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996.

Успенский Б. А. Царь и патриарх: Харизма власти в России: (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10: Легенды, предания, былички / Сост., пер., предисл., коммент. Л. В. Седовой. Саранск, 1983.

Федотов Г. П. Святой Филипп, митрополит Московский. М., 1991.

Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1956.

Филюшкин А. И. Василий III. М., 2010.

Филюшкин А. И. История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». М., 1998.

Филюшкин А. И. Титулы русских государей. М.; СПб., 2006.

Флоря Б. Н. Иван Грозный. 4-е изд. М., 2009.

Флоря Б. Н. Отношения государства и церкви у восточных и западных славян (эпоха средневековья). М., 1992.

Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005, 2023.

Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы. М., 1978.

Фролов А. А. Новгородские писцовые книги: Источники и методы исследования. М.; СПб., 2017.

Фролов С. В. Эволюция древнерусского певческого искусства и его расцвет в XVI веке. Автореф. дис. ... канд. искусств. Л., 1980.

Хайретдинов Д. З. Мусульманская община Москвы в XIV — начале XX века. Н. Новгород, 2002.

Хелли Р. Холопство в России: 1450—1725 гг. М., 1998.

Хованская О. С. Осада и взятие Казани в 1552 году: Историко-археологический очерк. Казань, 2010.

Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации XI—XVI вв. М., 1986.

Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.

Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991.

Чебодаев П. И. История Хакасии (с древнейших времен до конца XIX в.). Абакан, 1992.

Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978.

Черепнин Л. В. К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI—XVIII вв.). М., 1968.

Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960.

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. 1. М.; Л., 1948.

Черкасова М. С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV—XVI вв. М., 1996.

Черкасова М. С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI — XVII века (по архиву Троице-Сергиевой лавры). М., 2004.

Чернов С. З. Домен московских князей в городских станах: 1271—1505 гг. М., 2005.

Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889.

Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1866.

Шапиро А. Л. Русское крестьянство перед закрепощением (XIV—XVI вв.). Л., 1987.

Шапиро А. Л. Соха как единица обложения в XIV — первой половине XVI в. // Проблемы социально-экономической истории России: К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Романова. СПб., 1991. С. 72—87.

Шапиро А. Л., Дмитриева З. В. Выть — единица обложения в Русском государстве XIV—XVII вв. // Средневековая Русь: Сборник научных статей к 65-летию со дня рождения профессора Р. Г. Скрынникова. СПб., 1995. С. 94—135.

Шапошник В. В. Церковно-государственные отношения в России в 30—80-е годы XVI века. СПб., 2006.

Шатагин Н. И. Русское государство в первой половине XVI в.: (Очерки из политической истории Руси в первой половине XVI в.). Свердловск, 1941.

Шведов В. Г., Махинов А. Н. Российское землепроходческое движение в Приамурье (XVII век): Историко-географическая перспектива. М., 2011.

Шишкин И. Г. Отечественная историография истории управления в Российском государстве конца XV — XVI вв. (1917 — начало XXI в.). Тюмень, 2009.

Шмидт С. О. Россия Ивана Грозного. М., 1999.

Шмидт С. О. Становление российского самодержавства: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973.

Шмидт С. О. У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996.

Шумилов М. М. История торговли и таможенного дела в России IX—XVII вв. СПб., 1999.

Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 г. по 1505 г. Т. 2. СПб., 1891.

Эскин Ю. М. Местничество в России XVI—XVII вв.: Хронологический реестр. М., 1994.

Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998.

Юрганов А. Л. Политическая борьба в годы правления Елены Глинской (1533—1538 гг.). М., 2019.

Юшков С. В. История государства и права СССР. Ч. 1. М., 1940.

Юшков С. В. Очерки из истории приходской жизни на севере России XV—XVII вв. СПб., 1913.

Яковлев А. И. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. Т. 1. М.; Л., 1943.

Яницкий Н. Ф. Экономический кризис в Новгородской области XVI века. Киев, 1915.

Alef G. The Origins of Moscovite Autocracy: The Age of Ivan III // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1986. Bd. 39.

Berelowitch A. La Hiérarchie des égaux: la nibless resse d'Ancien Régime: XVI—XVII siècles. P., 2001.

Bogatyrev S. N. The Sovereign and His Counsellors: Ritualised Consultations in Muscovite Political Culture: 1350s—1570s. Helsinki, 2000.

Bushkovitch P. Possevino and the death of tsarevich Ivan Ivanovich // Cahiers du monde russe. 2014. 2014. Vol. 55 (1—2). P. 19—34.

Camphausen H.-W. Die Bojarenduma unter Ivan IV: Studien zur altmoskauer Hershaftsordnung. Frankfurt a. M.; Bern; N. Y., 1985.

Crummey R. O. Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite in Russia: 1613—1689. Princeton. 1983.

DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Is-

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ И КАРТ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

На вклейке:

Карта Московского государства Сигизмунда Герберштейна из издания: *Herberstein S. von.* Andere Landtaffel: In welcher der Moscoviten gebüet, mit sampt den Welden und Bergen, auch etlichen gebreüchen, und allen umligenden Landschaffen begriffen. Basel, 1556. Российская национальная библиотека. К 0-МоскЕ 2/104.

План Москвы Сигизмунда Герберштейна из издания: Civitates Orbis Terrarum / Braun G., Hogenberg F., Neuwel S. van den. Vol. 2. Cologne, 1612. Государственный исторический музей. Инв. № Л 1416.

Крестьяне. Миниатюра из Лицевого жития Сергия Радонежского XVI в. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 304/III. № 21. Л. 314.

Царь Иван Васильевич велит поставить двор для князя Владимира Андреевича и жалует его дворовым местом боярина князя Ивана Мстиславского. Лицевой летописный свод. XVI в. Синодальный том. Государственный исторический музей. Син. 962. Л. 586.

Судебник 1550 г. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 310. № 824. Л. 1.

Судебник 1550 г. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 310. № 824. Л. 12 об.—13.

Царское моленное место (Мономахов трон) в Успенском соборе Московского Кремля. 1551 г.; ткань — XVII в. Инв. № ДК-1871/1. Фото: В. Е. Оверченко. © Музеи Московского Кремля.

Шапка Мономаха. Первая половина XIV в. (?). Инв. № Р-3. Фото: С. В. Баранов. © Музеи Московского Кремля.

Шапка Казанская. Вторая половина XVI в. (?). Инв. № Р-4/1. Фото: С. В. Баранов. © Музеи Московского Кремля.

Карта России XVI в. Гесселя Герритса из издания: *Gerritsz H.* Tabula Russiae ex autographo, quod delineandum curavit Foedor filius Tzaris Boris desumta <...> dedicata ab Hesselo Gerardo MDCXIII. Amsterodami [Amsterdam], 1619. Отдел картографии Российской национальной библиотеки. К 0-Мир 8/45.

Великий князь Василий III. С гравюры, повторяющей Августина Хиршфогеля. 1551 г. Государственный исторический музей. Инв. № 24_3195.

Святитель Василий Великий и великий князь Василий III в молении Богоматери «Знамение». Икона. Третья четверть XVI в. Липовая доска, левкас, темпера. Государственный исторический музей. Инв. № И VIII 3423.

Великий князь Василий III. Гравюра Андре Теве. 1584 г. Государственный исторический музей. Инв. № 24_3138.

Великий князь Василий III. Стенопись Архангельского собора Московского Кремля. 1652—1666 гг. Фото: В. Е. Оверченко. © Музеи Московского Кремля.

Великая княгиня Елена Васильевна Глинская. Скульптурный портрет — реконструкция по черепу. Автор С. А. Никитин. 1999 г.

Царь Иван IV Васильевич. Ксилография Ганса Вейгеля-старшего. Нюрнберг. 1563 г. Лист из атласа «Достоверные портреты Московских государей Ивана III, Василия Ивановича и Ивана IV Грозного, и посольства их времени», 1882 г. (сост. Д. А. Ровинский). Государственный исторический музей. Инв. № И XI 16/25.

Царь Иван IV Васильевич. Гравюра из книги Пауля Одерборна: Des Grausamen Tyrannen Johannis Basilidis, sonst Iwan Wasilowitz genant/ Gewesenen Czaars in der Moschkau/ Leben und Thaten [Leipzig; Erffurth], 1698. Niedersächsische Staats- und Universitätsbibliothek Göttingen.

Портрет царя Ивана IV Васильевича. Неизвестный художник. Вторая половина XVIII в. Государственный исторический музей. Инв. № И I 282.

Царь Иван IV Васильевич. Скульптурный портрет — реконструкция по черепу. Автор М. М. Герасимов. 1965 г. Государственный исторический музей. Инв. № И IV 2154.

Копейка. Серебро, чеканка. 1533—1584 гг. © Новгородский музей-заповедник, Великий Новгород. КП 30174/3759.

Александровский кремль в XVI в. Гравюра из издания Якоба Ульфельда: Nobilissimi, et Se-

renuissimi equitis Dani, Jacobi Ulfeldii, Domini in Ulfeldtzholm et Selsovia etc., Regii Danorum Consiliarii, Legatio Moscovitica, sive Hodoeporicon Ruthenicum, in quo de Russorum, Moschorum et Tatarorum, Regionibus, Moribus, Religione, Gubernatione, et Aula Imperatoria quo potuit compendio et eleganter exsequitur. Francofurti a. M. [Frankfurt a. M.], 1627.

Опричник. Изображение на поддоне подсвечника из Александровской слободы. XVI—XVII вв. Музей-заповедник «Александровская слобода». АМ КП - 819.

Царь Федор Иванович. Портрет-парсуна. Начало XVII в. Государственный исторический музей. Инв. № И VIII 3800.

Трон царя Бориса Годунова. Иран. Конец XVI — начало XVII в. Инв. № Р-28. Фото: В. Н. Серегин, С. Ю. Миронов. © Музеи Московского Кремля.

Портрет царя Бориса Годунова. Неизвестный художник. Вторая половина XVIII в. Государственный исторический музей. Инв. № И I 27.

Карта Ливонии XVI в. из издания: *Ortelius A.* Theatrum orbis terrarum. [Antuerpiae], 1579. La Biblioteca Virtual del Patrimonio Bibliográfico, gestionada por la Subdirección General de Coordinación Bibliotecaria del Ministerio de Cultura, España.

Царь Иван Васильевич идет из Нижнего Новгорода с царем Шигалеем, царевичем Едигеем, боярами и князьями к Казани. 1565—1576 гг. Лицевой летописный свод. Царственная книга. Отдел рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея. Син. № 149. Л. 339.

Встреча посла Ф. И. Умного-Колычева в Гродно. 1567 г. Гравюра Матиаса Цюндта. Лист из атласа «Достоверные портреты Московских государей Ивана III, Василия Ивановича и Ивана IV Грозного, и посольства их времени», 1882 г. (сост. Д. А. Ровинский). Государственный исторический музей. Инв. № И XI 16/45.

Русский конный воин. Гравюра из издания: [*Herberstein S. von.*] Rervm Moscoviticarvm Commentarii, In hijs comentarijs sparsim contenta habebis candide Lector. Russi[a]e & que nunc eius Metropolis est, Moscoui[a]e breuissimam descriptionem. De Religione quoq[ue] varia inserta sunt: Et que nostra cum Religione non conueniunt. Corographiam deniq[ue] totius imperij Moscici: Et vicinorum quorundam mentionem. Quis deniq[ue] modus excipiendi & tractandi oratores: disseritur. Itineraria quoq[ue] duo, in Moscouiam sunt adiuncta. [Wien], 1549. S. 148. Баварская государственная библиотека, Мюнхен.

Русская поместная конница. Гравюра из издания: [*Herberstein S. von.*] Rervm Moscoviticarvm Commentarii: In hijs comentarijs sparsim contenta habebis candide Lector. Russi[a]e & que nunc eius Metropolis est, Moscoui[a]e breuissimam descriptionem. De Religione quoq[ue] varia inserta sunt: Et que nostra cum Religione non conueniunt. Corographiam deniq[ue] totius imperij Moscici: Et vicinorum quorundam mentionem. Quis deniq[ue] modus excipiendi & tractandi oratores: disseritur. Itineraria quoq[ue] duo, in Moscouiam sunt adiuncta. [Wien], 1549. S. 150. Баварская государственная библиотека, Мюнхен.

Битва при Орше 1514 г. Гравюра. Летучий листок. Warhafftiger anfa[n]g vnd vndericht der schlacht ßo der König yn Poln [et]c. ytzundt mit dem obersten Hertzoge[n] yn Moscouia am tag der yu[n]ckfraw Marie geburt ym viertzenden yar gehabt. [Leipzig]: [Landsberg], [1514]. Мюнхен. Баварская государственная библиотека. Баварская государственная библиотека, Мюнхен.

Изображение московита. Гравюра. Летучий листок. 1576 г. Deß Durleuchtigsten Großmechtigsten Fürsten vnnd Herren/ Herren Jwan Bassilowitz/ Herrschern der Reussen <...> Credentz vnnd ander schreiben/ so seine Durchleuchtigkeit/ bey Herren Kutzen Sachary Jwancobitz Pulersecky/ Stathaltern auff Weyssensee/ vnnd Herren Andreen Archibarschaff/ Fürstlichen <...> Secretario/ sampt anderen Abgesanten/ Röm: Kay: May: zu Regenspurg vberreichen lassen. Daneben auch höchstgedachter Röm: Kay: May: gegenschreiben vnd beantwortung: So jr May: [et]c. bey wolermelter Bottschafft/ Fürstlicher Moscouischer Durchleuchtigkeit widerumb vberschickt. S. l. 1576. Библиотека Анны Амалии, Веймар.

Групповой портрет российской дипломатической миссии с верительными грамотами и подарками от царя Ивана IV к императору Максимилиану II по случаю рейхстага в Регенсбурге 18 июля 1576 г. Гравюра (фрагмент 1). Warhafftige Contrafactur/ der Legation oder gesandten/ des Groß Fürsten auß Moscaw/ an die Römische Kayserliche Mayestat: Auch inn was Kleydung vnd gestalt ein jeder gen Hof gezogen/ da sie der Römischen Kayerslichen Mayestat den Credentz Brieff vnd Geschenk vberantwortet haben/ Zu Regenspurg auff diesem Reichstag den achtzehnden Julji dieses MDLXXVI. Jars. Gedruckt zu Prag, [1576]. Цюрих. Центральная библиотека. PAS II 13/10-13.

Групповой портрет российской дипломатической миссии с верительными грамотами и подарками от царя Ивана IV к императору Максимилиану II по случаю рейхстага в Регенсбурге 18 июля 1576 г. Гравюра (фрагмент 2). Warhafftige Contrafactur/ der Legation oder gesandten/ des Groß

Fürsten auß Moscaw/ an die Römische Kayserliche Mayestat: Auch inn was Kleydung vnd gestalt ein jeder gen Hof gezogen/ da sie der Römischen Kayerslichen Mayestat den Credentz Brieff vnd Geschenk vberantwortet haben/ Zu Regenspurg auff diesem Reichstag den achtzehnden Julji dieses MDLXXVI. Jars. Gedruckt zu Prag, [1576]. Цюрих. Центральная библиотека. PAS II 13/10-13.

Групповой портрет российской дипломатической миссии с верительными грамотами и подарками от царя Ивана IV к императору Максимилиану II по случаю рейхстага в Регенсбурге 18 июля 1576 г. Гравюра (фрагмент 3). Warhafftige Contrafactur/ der Legation oder gesandten/ des Groß Fürsten auß Moscaw/ an die Römische Kayserliche Mayestat: Auch inn was Kleydung vnd gestalt ein jeder gen Hof gezogen/ da sie der Römischen Kayerslichen Mayestat den Credentz Brieff vnd Geschenk vberantwortet haben/ Zu Regenspurg auff diesem Reichstag den achtzehnden Julji dieses MDLXXVI. Jars. Gedruckt zu Prag, [1576]. Цюрих. Центральная библиотека. PAS II 13/10-13.

Полоцкие пригороды в 1579 г. Гравюра. Descriptio Ducatus Polocensis. Korkunov Mihail Andreevič (1806—1858), Davignon Jean François (fl. 1807—1850), Treter Tomasz (1547—1610), Cavalieri Giovanni Battista de (ca 1525—1601). Źródła danych Pachołowiecki Stanisław (fl. ca 1582). Aut. Wzoru. Национальная библиотека Польши, Варшава.

Полоцк и полоцкие пригороды в 1579 г. Obsidio et excpugnatio muntiss Arcis Polocensis per Sereniss. Stephanum Poloniae Regem Obsessa XI Avg. capta XXIX eivsd Anno MDLXXIX. Cavalieri Giovanni Battista de (ca 1525 1601). Źródła danych Korkunov Mihail Andreevič (1806—1858) Pachołowiecki Stanisław (fl. ca 1582). Aut. wzoru Davignon, Jean François (fl. 1807—1850). Национальная библиотека Польши, Варшава.

Казань Арк (цитадель) на закате. Реконструкция Н. Х. Халитова. Из книги: *Халитов Н. Х.* Стили и формы средневековой архитектуры Казани: Историко-архитектурное исследование. Казань, 2013.

Футляр для миниатюрного Корана. Казанское ханство. XVI в. Фонд Марджани. ИМ/М-334.

Карта отложения культурных напластований и объектов второй половины XV — первой половины XVI в. на территории Казанского кремля. Составил А. Г. Ситдиков.

Осада г. Казани в 1552 г. Реконструкция А. Г. Ситдикова.

Сибирские народы (*слева*). Ермак в шатре (*справа*). Миниатюра Ремезовской летописи. Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук. БАН, НИОР, 16.16.5. Л. 3.

Казаки плывут по реке Тобол, обстреливаемые с берега татарскими воинами. Миниатюра Ремезовской летописи. Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук. БАН, НИОР, 16.16.5. Л. 12.

Сражение между сыном Кучума Али и Сейдяком за оставленный казаками Искер (*слева*). Татары находят в воде тело Ермака (*справа*). Миниатюра Ремезовской летописи. Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук. БАН, НИОР, 16.16.5. Л. 27.

Осада остяками Обского городка (*слева*). Основание Тюмени (*справа*). Миниатюра Ремезовской летописи. Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук. БАН, НИОР, 16.16.5. Л. 30.

В оформлении тома использованы:

На первой странице суперобложки — Святитель Василий Великий и великий князь Василий III в молении Богоматери «Знамение». Икона. Третья четверть XVI в. Государственный исторический музей. Инв. № И VIII 3423.

На последней странице суперобложки — План Москвы Сигизмунда Герберштейна из издания: Civitates Orbis Terrarum / Braun G., Hogenberg F., Neuwel S. van den. Vol. 2. Cologne, 1612.

На корешке — Царское место в Успенском соборе в Москве. Ф. Г. Солнцев (автор оригинала). Хромолит Ф. Дрегера. Лист № 67 из II отделения издания «Древности Российского государства». Россия, г. Москва. 1849—1853 гг. Государственный исторический музей. Инв. № И XI 31/68.

СПИСОК КАРТ

Россия в первой половине XVI в.

Россия во второй половине XVI в.

Опричнина. 1565—1572 гг.

Пограничные войны с Великим княжеством Литовским и Ливонским орденом в первой трети XVI в.

Ливонская война. 1558—1578 гг.

Ливонская война. 1578—1583 гг.

Восточная политика России в XVI в.

Западная Сибирь в XVI в.

Карты выполнены М. В. Аникиевым

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аббас I Великий, иранский шах 471, 485—487
Абдаллах, бухарский хан 514
Абдиев А. 42
Абдул-Азиз, бухарский хан 523
Абдул-Керим, астраханский хан 466
Абдул-Латиф бин Ибрагим, царь 53, 476
Абдулла, беклербек Шимахи 483
Абдулла бин Ак-Кобек, царевич 52, 53, 55
Абдулла II, бухарский хан 487, 522, 523
Аблегирим (Аблайгерим), пелымский князь 506, 509, 512—514
Абрамович Г. В. 201, 204, 206—208, 215, 222, 261, 268, 270, 344
Абул-Хайр (Абулхайр, Облагаир) 515, 518
Абусеитова М. Х. 522, 523
Авалиани С. Л. 77
Август (Цезарь Октавиан), император 120, 123, 125—127
Авраамов Севастьян, московский посол 467
Аврамов Сапун, дьяк 95
Агай, кондинский князь 514
Агалак, тюменский хан 476, 501
Агапит 121
Аграфена (Агриппина) Васильевна, великая княгиня Рязанская 231, 232
Адаменко О. Н. 150
Адамс Климент 150
Адашев Алексей Федорович, окольничий, приближенный царя Ивана IV 65, 67, 80, 87, 114, 283, 288, 310, 311, 313, 315—317, 404—407
Адашев Д. Ф. 460
Адашев Федор Григорьевич, сын боярский 309, 311
Адиль-Гирей, крымский царевич 494
Азик, чудской староста 40
Аиса, сибирский гонец 502
Айдару бин Кутум 56
Айдеяр (Аиндеяр), слуга 470
Ак-Даулет бин Ак-Курту, царевич 54
Ак-Девлет, касимовский царевич, Шибанид 501
Ак-Курт, тюменский царевич 501
Ак-мирза 503
Акишин М. О. 509
Аксаков И. С. 79
Аксаков К. С. 77, 79, 84
Акчурин М. М. 42, 44, 57
Алач, ногайский мирза 478
Алачей, кодский князь 509
Алей бин Кутум 56
Александр Казимирович Ягеллон, великий князь Литовский и король Польский 57, 180, 242, 385
Александр Ярославич (Невский), великий князь 123
Александр I, кахетинский царь 488
Александр II Николаевич, император 77
Александр II, кахетинский царь 495—498
Александров В. А. 49
Александров Василий, русский посланник 394
Алексеев А. И. 14, 21, 132, 154
Алексеев В. Н. 504
Алексеев Ю. Г. 11—13, 15, 16, 23, 33, 78, 86, 111, 135—137, 142, 146, 151, 215, 352
Алексинская Т. Н. 22
Алемердин-азей 450
Али (Алей), сибирский царевич 506, 508, 511, 515, 518, 520
Али (Ильхам), хан казанский 476
Али, сибирский царевич 503
Алкас Джамурзин, старший князь Джиляхстанея 497
Алп-Гирей, крымский царевич-султан 435, 436, 438
Алтын-сач Темрюковна, царица 52
Алтыулы 503
Алферьев (Олферьев) Роман Васильевич 337, 340, 341
Алферьев-Нащекин Р. В. 70, 72, 406
Алферьевы (Олферьевы) 340
Алчагир, ногайский мирза 478
Альбрехт Гогенцоллерн, магистр 395
Алькок Т., военачальник 400

Альшиц Д. Н. 90, 282, 335, 336, 350
Амвросий, епископ 227
Амвросий (Орнатский), митрополит 150, 155
Амелькин А. О. 467
Амосов А. 106
Амосовы 172, 177
Ананьин Игнатий, крестьянин новгородского Вяжицкого монастыря 372
Анастасия Петровна, княгиня 243
Анастасия Петровна, княжна 262
Анастасия Романовна (Захарьина-Юрьева), царица и великая княгиня, первая супруга Ивана IV 88, 118, 124, 281, 316, 376, 493
Ангелина, деспотица 242
Анди-бек, персидский посол 485—487
Андреев А. И. 504
Андреев С. И. 50
Андрей Большой Васильевич Углицкий, удельный князь 273
Андрей Дмитриевич Можайский, удельный князь 247
Андрей Иванович Старицкий, удельный князь 119, 225, 228, 231, 242—245, 249, 253, 256—259, 261, 262, 273
Андрей Кобыла 248, 275
Андриан, старец, игумен новгородского Пантелеймонова монастыря 368, 369
Аничков Владимир 514
Анкудинов И. Ю. 23
Анна Васильевна, великая княгиня Рязанская 231
Анна Ягеллонка, супруга Фердинанда I, императора Священной Римской империи 392
Анпилогов Г. Н. 93, 220, 363, 364, 367, 368, 372, 373
Антоний де Конти, легат 395
Антонов А. В. 23, 82, 99, 105, 242, 243, 287, 324, 410
Антонов Торх, дьяк посольства князя С. Г. Звенигородского в Грузию 497
Анхимюк Ю. В. 24, 329, 463
Апраксины 231
Аракчеев В. А. 15—17, 51, 103, 108, 111, 137, 146, 147, 218, 223, 230, 285, 286, 304, 334, 352, 359, 365, 370, 373, 403, 406
Ардабацкий Е. Н. 82
Аристотель 129
Арсеньев К. И. 85
Арслан-Али бин Абдулла (Кайбула), царевич 53—55
Артемий, старец, игумен Троице-Сергиева монастыря 292, 293
Арциховский А. В. 176
Арцыбашев Андрей, дьяк 91, 342—344
Арцыбашев Петр, помещик Обонежской пятины Новгородского уезда 371
Атман-Дуван *см.* Осман-дуван
Атыгаев Н. А. 521, 522
Афанасий, келейник 239
Афанасий, митрополит Московский и всея Руси; перед этим протопоп Благовещенского собора и царский духовник, затем старец Чудова монастыря 318
Ахамашуков [Рамадан], сын главы черкесского посольства в Москву в 1552 г., дипломатический заложник при дворе Ивана IV, после крещения князь Петр Ахамашукович Черкасский 490
Ахиезер А. С. 46
Ахмад-Гирей, сибирский хан 53, 502, 503
Ахмат, ордынский хан 338
Ахмачек, сотник 460
Ахмет-чауш, османский посол 468

***Б**абашкин В. В.* 163
Бабкин Афанасий Михайлович, дворцовый дьяк новгородский 208
Багалей Д. И. 47
Базилевич К. В. 78, 84, 476
Балакаева И. А. 521
Балюк Н. А. 168
Балязин Н. В. 393
Баранов К. В. 23, 25, 101, 290, 340, 403, 409, 412
Барашкова В. С. 23, 215, 221
Барбошин Василий Иванович, князь 471
Бардак, остякский правитель 514
Бармин Федор, протопоп 282
Барятинский Андрей Григорьевич Булгак, князь 469, 470
Барятинский Михаил Федорович, князь, посланник в Крым 436
Барятинский Федор Петрович 514
Басманов А. Д. 69, 326, 328, 430
Басманов Ф. А. 328
Басманов-Плещеев Алексей Данилович, воевода 316, 322, 323, 427, 429
Басманов-Плещеев Федор Алексеевич 318, 322, 323
Басмановы, род 322
Баталов А. Л. 402, 457
Бахрушин С. В. 8, 64, 166, 319, 504, 509
Бахтин А. Г. 41, 43, 44, 451, 457, 459—461, 463—465

Бачинский А. А. 523
Бачурин Василий 177
Бачурин И. 334
Башнин Н. В. 51, 138, 150, 151, 154, 212, 322, 340
Бегунов Ю. К. 153
Беззубцев Иван Иванович, окольничий и дворецкий 275, 278
Безнин М. А. 69, 70, 72, 415
Бек Б. 18
Беклемишев И. Н., русский посол 477
Беклемишев Иван Никитич Берсень, сын боярский, дьяк, думный дворянин 65, 130, 239, 240
Бекчур 189
Белек-Булат, ногайский мирза 468
Белеутов Борис, помещик 363, 364
Белецкий Ибрагим 436
Бели-Исуп, ургенчский хан 524
Белль Ф. 408
Белокуров С. В. 483
Бельская Екатерина Григорьевна Скуратова 340
Бельская Екатерина-Христина Григорьевна Скуратова 340
Бельская Мария Григорьевна Скуратова 340
Бельские, худородные люди 340
Бельские, князья 262, 264, 271—273
Бельский Богдан Яковлевич, думный дворянин, оружничий, окольничий, боярин 70—72, 93, 337, 340, 341, 353, 354, 438
Бельский Григорий Малюта Скуратов Лукьянов сын 338, 340
Бельский Григорий Нежданов сын 337
Бельский Дмитрий Федорович, князь 244, 245, 248, 264, 273—277, 301
Бельский Иван Дмитриевич, князь, боярин 67, 317, 322
Бельский Иван Федорович, князь 243, 253, 262, 263, 272—275, 278
Бельский Семен Федорович, князь 121, 253, 254, 262, 273, 274
Беляев И. Д. 85, 77
Беляков А. В. 36, 42, 53—57, 436, 449, 459, 504, 509, 510, 512, 514, 519—522
Беннигсен А. 431, 434, 484
Бенцианов М. М. 228, 233, 268, 347
Берговская И. Н. 42
Берелович А. 20
Берсенев А. 117
Берсенев Д. Я. 104
Бессуднова М. Б. 387, 388
Бигчура, гонец Исмаила 474
Биркин Родион Петрович, русский посол в Кахетию 497
Битяговский Михаил, дьяк в Угличе 374
Блинова М. С. 47
Блудовы 337
Богатыр-Гирей, крымский царевич-султан 425
Богатырев С. Н. 65, 67, 121, 331
Богатырь Семен, ногайский посол 476
Богдан Брязга 510
Богданов А. П. 281
Боголюбский Андрей Юрьевич, князь 293
Богословский М. М. 37
Богоявленский С. К. 96, 324
Бойцов М. А. 84
Болтин Иван 136
Болховский Семен 507, 510
Борецкая Марфа 172
Борзецовы 269
Борис Александрович, великий князь 118
Борис Федорович Годунов, боярин, царь 73, 80, 81, 83, 112, 124, 328, 350—358, 360, 373—376, 497, 500, 520
Борисенков Е. П. 213, 216
Борисов Василий Никитич 339
Борисов Никита Васильев сын 339
Боркова Анна Григорьева жена, помещица Новгородского уезда 372
Бороздин Василий Петрович, окольничий 140
Бороздины 337
Боус Джером (Баус Еремей), английский дипломат 72, 337, 341, 401
Бояр, остяцкий князь 509
Бражников Заболоцкий Т. В. 253
Бровцын Николай, московский посол 469
Брониевский Марцин, польско-литовский посол в Крым 436
Брызгалов В. В. 195
Буганов В. И. 9, 10, 24, 41, 89
Буланин Д. М. 239
Булгаков М. В. 202
Булгаков М. И., воевода 386
Булгаков-Голицын Юрий Михайлович 67, 265, 273, 274
Булгаков-Коренев Иван, дьяк 209
Булгаков-Куракин Петр Андреевич, князь, боярин 339
Булгаковы, князья 190, 265
Булев Николай 128
Булычев А. А. 325
Бунков Андрей Михайлов, губной староста 362, 363

Бурдей Г. Д. 468, 471, 472, 474
Бурнаш-Гирей, царевич 53
Бутак-бек, персидский посол 485
Бутрин Е. С. 33
Бутурлин Афанасий 277
Бутурлин Дмитрий Андреевич, окольничий 339
Бутурлин Иван Андреевич, боярин 339
Бутурлин Леонтий Дмитриев сын 335
Бутурлины 152
Бухарин Андрей, помещик Обонежской пятины Новгородского уезда 371
Бушев П. П. 485, 488
Бушкович П. 19
Бычкова М. Е. 11, 242

Валиев Р. Р. 454
Валлерстайн И. 403, 418
Валуев Л. Г. 141
Вальтер фон Плеттенберг, магистр 388
Варкоч Никола, имперский посол 397, 419, 487, 528
Варлаам, митрополит 228, 229, 246, 398
Варлаам (Пушкин), епископ Крутицкий 355
Варонін В. А. 58
Варсонофий, епископ Смоленский 60
Васа, династия 419, 526
Василий (Васка) Гаврилов сын, беглый крестьянин Ивана Непейцына 363
Василий Дмитриевич Кирдяпа, князь 248
Василий Иванович, великий князь Рязанский 231
Василий Иванович Шемячич, служилый князь 227, 237, 238
Василий Иванович Шуйский, боярин, царь 354, 370, 374
Василий Семенович Стародубский, служилый князь 227, 237
Василий I Дмитриевич, великий князь 118, 247, 385
Василий I Македонянин, византийский император 281
Василий II Васильевич Темный, великий князь 119, 227, 247, 252
Василий III Иванович, великий князь 10, 26, 55, 57, 59, 60, 65, 75, 76, 96, 119—121, 125, 126, 129, 130, 133, 151, 153, 187, 193, 203, 225—240, 242—259, 261, 264, 271, 272, 292, 296, 297, 380, 384—386, 388—396, 426, 466, 478, 479, 482, 500, 501
Васильев А. 68, 69, 110, 333
Васильев Андрей, дьяк 248
Васильев К. Г. 216
Васильев Михаил, подьячий 348
Васильчиков Григорий Борисович 437, 485
Вассиан *см.* Патрикеев В. И.
Вахромеев Иван, дьяк 95
Введенский А. А. 458, 507
Введенский Р. М. 456, 458
Вебер Д. И. 379
Вебер М. 16
Вельяминов-Зернов В. В. 54
Вепревы 177
Вернер И. И. 85
Верхоглядовы 269
Веселовский С. Б. 11, 16, 22, 34, 35, 54, 66, 71, 90, 91, 95, 98, 100, 140—143, 145, 147, 149, 151, 153, 154, 157, 162, 199, 297, 319, 322—325, 329, 330, 336, 347—350, 359
Вешняков Игнатий Михайлович, постельничий 67, 115, 469, 471
Виноградов А. В. 55, 380, 425, 429, 434, 436, 440, 522
Висковатый Иван Михайлович, думный дьяк, печатник 22, 67, 70, 97, 307, 323, 328, 383, 404—408
Витов М. В. 158
Витовт Кейстутович, великий князь Литовский 247, 385
Вишневецкие, князья 59
Вишневецкий Дмитрий Иванович, князь 428, 429, 492, 493
Владимир Андреевич, удельный князь Серпуховский 247
Владимир Андреевич, удельный князь Старицкий 32, 56, 120, 124, 257, 273, 279, 317, 329, 335, 374
Владимир Всеволодович Мономах, великий князь 123, 126, 127, 280
Владимир Святославович, великий князь Киевский 123, 293, 294, 467
Владислав, польский королевич, король 361
Владислав II Ягеллон, король Чехии и Венгрии 390
Владислав IV Ваза, король, великий князь 118
Власьев А., дипломат 398
Власьев Богдан, дьяк 96
Вовина-Лебедева В. Г. 79, 504
Водарский Я. Е. 38, 39, 138, 150, 153
Воейков Андрей 518, 519
Воейков Б. В. 70, 71
Воейков Ефим-Баим Васильев сын 340, 341
Воейков Иван 516
Воейковы 340
Войтех, виленский епископ 227

Вокшерин Федор Васильевич, посланник 471
Волков В. А. 456
Волков Л. В. 86, 94
Волконский Михаил Константинович, князь 513, 514
Володимеров Д. 110, 328
Володихин Д. М. 322, 335
Волынские 337
Волынский Иван Ус Иванов сын, писец 232
Волынский П. 415
Воробьев А. В. 237, 266, 267
Воробьев В. М. 137, 151
Вороной-Волынский Михаил Иванович, боярин, дворецкий 88
Воронцов Василий Михайлович, боярин и дворецкий 277, 278
Воронцов Демид Ф. С. 262
Воронцов Иван Михайлович 67, 278
Воронцов Иван Семенович Фока, боярин и дворецкий 275—277
Воронцов Иван Федорович 276, 328
Воронцов Михаил Семенович, боярин 245—248, 254, 259, 260, 262, 277
Воронцов Федор Семенович Демид, боярин 275—278
Воронцов Фока И. С. 262
Воронцовы 264, 271, 276—279, 337
Воропай Ф. 434
Воротынские, князья 6, 321, 353
Воротынский Александр Иванович, князь, боярин 317
Воротынский Иван Михайлович, князь, слуга при великом князе Василии Ивановиче III 253, 254, 354, 355, 373
Воротынский Михаил Иванович, князь, боярин, воевода 68, 258, 317, 325, 326, 328, 373, 434
Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, великий князь 248
Всеволод Ярославич, князь 127
Вылузгин Елизарий, дьяк 94
Выродков И. Г., дьяк 449, 456
Вяземские, князья 337
Вяземский Александр Иванович, князь 69, 328, 469, 470
Вяземский Афанасий Иванович, князь 322, 323

Габсбурги, династия 389, 390, 395, 397, 398, 420, 435, 440, 484—486, 488
Гагарин Иван, князь 91
Гадзяцкий С. С. 174
Гази-Гирей II, крымский хан 437, 485
Галичский Юрий Дмитриевич, князь 252
Гальперин Ч. 17, 18
Гамель И. Х. 332, 400
Ганс, король 390
Гарабурда М., дипломат 407, 420
Гардзанити М. 22, 281
Гарскова И. М. 202
Гаштольд Ольбрехт, киевский воевода 237
Гваньини А. 27
Гвоздев-Ростовский И. Ф. 331
Гедимин, великий князь Литовский 243
Гедиминовичи, князья 270
Гейденштейн Р. 380, 381, 403, 414
Гекбильгин Т. 431
Геннадий (Гонозов), архиепископ 128
Генрих VIII, король 396
Герасимов Дмитрий (Митя) 128
Герберштейн Сигизмунд, имперский дипломат 9, 27, 41, 42, 127, 129, 166, 170, 175, 192, 226, 232, 233, 237, 241—243, 253, 259, 261, 382, 390, 395, 396, 425, 426
Герман Полев, архиепископ Казанский и Свияжский 298
Геронтий, митрополит Московский и всея Руси 7
Гессен Ю. Л. 205
Гиреи, династия 424, 425, 431
Глазьев В. Н. 204
Глебов Назар Семенов сын, рязанский боярин 232
Глинская Анна Стефановна, княгиня 242, 279, 282
Глинская Елена Васильевна, великая княгиня 26, 207, 249—251, 253—260, 263, 385, 480
Глинская Мария Васильевна, княгиня 242
Глинские, князья 120, 152, 242, 258, 264, 270, 279—282
Глинский (Слепой) Василий Львович, князь 120, 241, 242, 279
Глинский Василий Михайлович, князь 68, 317
Глинский И. В., князь 258
Глинский Иван Львович Мамай, князь 242
Глинский Иван Михайлович, князь, боярин 340, 359
Глинский Михаил Васильевич, князь, конюший и боярин 75, 279, 281, 282, 385, 391
Глинский Михаил Львович, князь 242, 245—247, 249, 253, 254, 256, 258, 261, 279, 391, 392
Глинский Семен Иванович, князь 270
Глинский Юрий Васильевич, князь, боярин 281, 282
Глухов Иван 510, 511
Гнильевский Василий Григорьев сын Захаров, дьяк 278, 279

Гогенцоллерн Альбрехт, великий магистр Тевтонского ордена 392, 395
Годунов Борис Федорович, конюший, боярин, царь 5, 13, 56, 90, 93, 95, 96, 139, 171, 288—291, 337, 340, 341, 398, 402, 420, 423, 436—439, 483, 484—488, 525
Годунов Дмитрий Иванович, боярин 337, 340, 341
Годунов Иван Васильевич, окольничий 341, 486
Годунов Матвей 520
Годунов Степан Васильевич, окольничий 340, 341
Годунов Яков Афанасьевич 337
Годуновы 72, 152, 154, 338, 341, 355, 359, 376
Голдстоун Дж. 217
Голицын Булгаков Ю. М., князь 263
Голицын Василий Юрьевич, князь, боярин 355
Голицыны, князья 353
Головин В. П. 417
Головин Василий 516
Головин Владимир Васильевич 354
Головин Иван Фома Петрович 107, 114, 274, 276
Головин Михаил Петрович Большой, воевода 469, 471
Головин Петр Иванович 245—248, 374
Головины, род 355
Головкин М. О. 141
Голохвастов Д. П. 312
Голубцов И. А. 22, 374
Гольдберг А. Л. 123, 126, 127
Гонно П. 20, 151
Горбатые, князья 248
Горбатый Александр Борисович, князь, боярин 270, 276, 277, 451
Горбатый Борис Иванович, князь 243—245, 248, 250, 251, 260
Горбатый Михаил Васильевич, князь 248, 260
Горбатый-Суздальский Александр Борисович, князь, боярин 322
Горбатый-Суздальский Михаил Васильевич, князь, боярин, воевода 426
Горенский Петр Иванович, князь 69, 248
Горенский-Оболенский Петр Иванович, князь 318
Горин Кирей, дьяк 91
Горсей Дж. 10, 27, 157, 354, 374, 459
Горская Н. А. 31, 51, 150, 158, 160
Горский А. А. 31, 118, 281
Горский А. Д. 102
Горфункель А. Х. 139, 221
Горчаков М. И. 149
Горчаков Петр 512—514
Готье Ю. В. 32, 34
Гошеня *см.* Мария Темрюковна
Граля И. 22, 307, 383, 396, 408
Греков Б. Д. 12, 22, 23, 149, 165
Григорий XIII, папа 397
Григорьев П. 331
Гришкина М. В. 41, 43
Грязной Василий Григорьевич, опричник 70, 323, 328, 338
Грязной И. Ю. 344
Грязные 337
Гуащэней *см.* Мария Темрюковна
Губайдуллин А. М. 452
Губанин В. 106
Губин Д. И., русский посланник 479
Гуж, кабардинский князь, после крещения князь Федор Мамстрюкович Черкасский 499
Гундоров Давыд Васильевич, князь 469
Гундоров Никита Григорьевич, князь 471
Гундоров С. И. 108
Гурий Руготин, архиепископ Казанский 298
Гурлянд И. Я. 203, 204
Густав, принц 419, 420

Давид, игумен 241
Давыдов Григорий Федорович, боярин 229, 230
Дадли Дж., аристократ 399
Даниил, митрополит Московский и всея Руси 26, 123, 133, 237, 241, 242, 245, 255, 256, 259, 263, 264, 272
Даниил, пророк, библ. 122
Данилова Л. В. 78, 79
Даннинг Ч. 20, 217
Дворецкая Н. А. 504, 510
Дворниченко А. Ю. 78
Дворянкины 269
Девлет-Гирей I, крымский хан 52, 80, 213, 218, 427, 428, 430—434, 451, 468, 472, 474, 475, 482
Девлет-Килдей, крымский гонец 432, 435
Девликамов А. А. 54
Дегтярев А. Я. 137, 151, 159, 160, 162
Дедук А. В. 33
Демидов А. Н. 45
Демидова Н. Ф. 96
Демкин А. В. 219, 222
Демчук Г. В. 138
Демьянов Афанасий, дьяк 438
Денисьев Борис 232
Денисьев Матвей Булгак, рязанский боярин 231
Денисьев Федор, рязанский боярин 232
Денисьевы 231
Дервиш-Али бин Шейх-Хайдар, царь 53

Дервиш-Али (Дербыш), астраханский хан 468—475, 480, 481
Дервиш-Мухаммед, иранский посол 522
Дергачева-Скоп Е. И. 504
Джан-Али (Еналей) 479
Джан-Али бин Шейх-Аулеар, царь 52
Джан-Мухамед, ногайский мирза 466
Джан-Мухаммед (Ян-Магметь), крымский гонец 433
Джан-Тимур (Янтимер), сын Дервиш-Али 472
Джанай бин Нур-Даулет, царевич 52, 54
Дженкинсон Энтони, представитель английской Московской компании 189, 400, 523, 525
Дзикас Л. 452
Ди Дж., купец 399
Дин-Ахмад, ногайский бий 503
Дин-Булат (Тинбулат), гонец 472
Дин-Мухаммад, казахский царевич 522
Дионисий, митрополит Московский и всея Руси 82, 355
Дмитриев В. Л. 43, 45, 459, 462
Дмитриев М. В. 151, 379
Дмитриев Постник 95
Дмитриева З. В. 23, 25, 138, 139, 161, 170, 199, 200, 202, 205, 210, 211, 214—217, 221, 223, 224
Дмитриева Л. А. 26
Дмитриева Р. П. 26, 125, 280
Дмитрий Андреевич Углицкий, удельный князь 273, 277
Дмитрий Иванович Донский, великий князь 119—121, 123, 227
Дмитрий Иванович Углицкий 237
Дмитрий Иванович, великий князь, «царь», сын Ивана Ивановича, внук Ивана III 119, 125, 228, 251, 281
Дмитрий Иванович, царевич, сын Ивана IV и Марии Нагой 120, 311, 352, 353, 374, 375, 401, 514, 526
Дмитрий Солунский, св. 506
Дмитрий, сын Степана Сидорова 471
Довойна Станислав Станиславович, литовский посол 311, 409
Долгов С. О. 353, 355
Должицкий Ф. Ф. 145
Долматов Третьяк, дьяк 120, 229
Домануко Темрюкович, кабардинский князь 499
Дорогобужский Иван Иванович Пороша, князь 243, 279
Дорошенко В. В. 404
Друцкий Даниил Андреевич, князь 91, 343, 339
Дубровина Л. А. 464
Дубровский Казарин, новгородский дьяк 208
Дударуко, кабардинский князь 493
Дуйчев Й. 127
Дулов А. В. 167, 169
Дьяконов М. А. 89—91, 344, 345, 363, 364

Евгуш, князь 455
Евдокия Ивановна, великая княгиня, царица 55, 238, 243
Евдокия, княжна 262
Евдокия Романовна, урожд. Одоевская, вторая жена старицкого князя Владимира Андреевича, мать Марии Владимировны 374
Евлашков В. Т. 345
Евфросиния Андреевна Старицкая, княгиня 273
Евфросиния Полоцкая, инокиня, игуменья 125
Евфросинья, княгиня, жена удельного князя Андрея Ивановича Старицкого 317
Егоров Д. В. 45, 465
Едигер, сибирский князь 501, 502, 511
Екатерина Ягеллонка, королева 422
Елджирико (Ичюрук-мирза Черкасский), черкесский гонец ко двору Ивана IV, 492
Елена Васильевна Глинская, великая княгиня 75, 119, 154, 155, 239—245, 247, 265, 270, 273, 279, 283
Елена Ивановна, великая княгиня Литовская и королева Польская 226, 242, 385
Елена Стефановна Волошанка, великая княгиня 228
Елецкий Андрей, князь 514, 515
Елецкий Д. П. 72, 417
Елецкий Федор, князь 514, 516
Елизавета, королева 401
Ельякши (в крещении Ульяния), астраханская царица 473
Емельянов Семейка, дьяк 363, 471, 487
Емченко Е. Б. 23, 156, 284, 286, 294—297, 301
Енгалычева Г. А. 57
Еникеевы, род 51, 57
Еникей Тенишев, князь 57
Епанча, князь 454, 455
Еразм *см.* Ермолай, священник
Еремеев Федор, новгородский дьяк 208
Ермак В. Ю. 61, 348, 402, 410
Ермак Тимофеевич, казачий атаман 17, 27, 503—513, 520, 528
Ермолаев И. П. 43, 88, 136
Ермолай, священник, в монашестве Еразм 284
Ермолов Х. 103
Ерусалимский К. Ю. 25, 61, 121, 123, 131, 397

Есипов Петр Иванович, губной староста 362, 363
Естоул, десятный князь 462
Ефросинья Андреевна Старицкая, княгиня 257

Жареный Петр, дьяк 239, 240
Жданов И. Н. 127
Жекулин В. С. 165
Желнинский Владимир Матвеев сын 339
Желобов Григорий, стрелецкий голова 469
Желтухины 269
Живов В. М. 281
Жиромская В. Б. 39

Заберезинский Ян 242
Заболоцкий Терентий Иванович 273
Заварюхин Н. В. 42, 451
Загоровский В. П. 378
Загряжский Дмитрий Давыдович, дипломат 393
Загряжский Федор Дмитриевич, князь 472
Зайцев И. В. 379, 425, 431, 448, 459, 470
Зайцев П. В. 69, 70, 328
Закурина Т. Ю. 176
Закхей, старец, казначей Троице-Сергиева монастыря, член посольства князя С. Г. Звенигородского 496
Замойский Ян, канцлер 381, 422
Замыцкий Константин Тимофеевич, русский посол 394
Засекин Борис Петрович, князь, окольничий 92
Заславские, князья 59
Захария Феррери, легат 396
Захаров А. Н. 154
Захарьин Григорий Юрьевич, боярин 282
Захарьин Михаил Юрьевич 65, 240, 245—248, 254, 260
Захарьин Петр Яковлевич 243
Захарьин Семен Васильевич Яковля, боярин 323
Захарьин-Юрьев Василий Михайлович, боярин 322
Захарьин-Юрьев Даниил Романович, московский дворецкий 88
Захарьин-Юрьев Никита Романович, боярин, тверской дворецкий 88, 322, 353, 355
Захарьин-Юрьев Протасий Васильевич 322
Захарьины, род 311, 313, 316, 322, 323
Захарьины-Юрьевы, род 275, 322
Збаражские, князья 59
Збаражский С. А. 72, 406
Зборовские, шляхетский род 422
Звенигородский Андрей Дмитриевич, князь, посол в Персию 487
Звенигородский Иван Васильев сын Токмак Ноздроватов, князь 239
Звенигородский Семен Григорьевич, князь, посол в Грузию 497
Зезевитов Иван Тимофеев сын 230
Зенченко М. Ю. 231
Зиборов В. К. 322
Зимин А. А. 8, 10, 11, 13, 14, 16, 22, 24, 25, 55, 64, 70—72, 76, 81, 83, 85—87, 96, 99, 101, 108, 112, 114, 119, 130, 149, 153, 155, 209, 212, 213, 225—227, 231, 233, 235, 237—243, 245, 249, 251, 254, 256, 258, 259, 262, 264—267, 272, 277, 278, 280—282, 284, 287, 288, 293, 299, 307, 319, 320, 324, 325, 329—331, 335, 336, 339, 342, 347—349, 353, 359, 375, 384, 412, 415, 419, 420, 426, 464
Зиновий Отенский, инок 133
Злобин Степан Иванович, посол 437
Змеев Иван 514
Зольдат К. 21
Зосима (Соловецкий), инок, игумен 125
Зуев А. С. 509
Зуев Ф. М. 143
Зюзин Бахтияр 450
Зюзин В. Г. 70, 71
Зюзин Василий Григорьев сын 340, 341
Зюзины 340

Ибак бин Ак-Кубек, татарский царевич 54, 467
Иван Васильевич, великий князь Рязанский 231
Иван Данилович Калита, великий князь 31, 119, 120, 248
Иван Иванович, великий князь, сын Ивана III 119
Иван Иванович, великий князь Рязанский 121, 231, 232
Иван Иванович, князь, царевич, сын Ивана IV 63, 120, 316, 337
Иван Иванович Молодой, великий князь 228
Иван Келмамаевич, князь 340
Иван Кольцо 504—506, 510
Иван II Иванович Красный, великий князь 119
Иван III Васильевич, великий князь 5—7, 15, 27, 42, 57, 59, 65, 85, 86, 94, 111, 118—120, 122, 129, 132, 135, 151, 153, 154, 180, 185, 199, 225, 226, 228, 231, 234, 235, 242—244, 253, 258, 272, 273, 384, 476—478, 488, 501
Иван IV Васильевич (Грозный), царь, великий князь 5, 8—12, 14, 15, 17, 18, 20, 21, 23, 25—28, 45, 52, 53, 63, 69, 71, 72, 78, 80—82, 87, 89—94, 96, 97, 104—106, 116, 118—124, 127—134, 138, 148, 152, 154—156, 163, 172,

177, 180, 182, 185, 203, 205, 208—210, 212, 216, 230, 244—254, 257—259, 261—263, 265, 270, 272—274, 276—283, 284, 287, 288, 293, 295, 296, 298, 300, 302—307, 309—326, 329, 330, 334—343, 345, 347—357, 374—376, 382, 384—386, 391, 395—397, 399—401, 404, 407, 408, 411—415, 417, 419, 420, 423, 427—433, 435, 439, 448–451, 455, 457, 459, 463, 466, 468, 471, 473, 474, 479, 481—483, 489, 491—494, 498, 500—503, 507, 510, 521, 523—526
Иванов А. Г. 50
Иванов Авксентий (Оксен), подьячий, русский посол 524
Иванов Савлук, дьяк 317
Ивина Л. И. 11, 22, 152, 153, 155, 161, 269
Игнатец, чудин 40
Игнаткин П. С. 509
Измайлов Иван Стрекало 232
Измайлов Никита Иванов сын Инкин 231
Измайловы 231
Иконников Иван 501
Илитен, сибирский царевич 518
Иль (Эль) бин Юсуп (Юсуф), мирза 56
Ильин Иван, воевода 366
Ильин М. К. 331
Ильин Осип, дьяк 340
Илюшин Б. А. 45
Имам-Кули Пакизе, персидский посол 487
Иналиды, правящая династия Черкесии 489, 490, 492—494
Иоанн Креститель, библ. 126
Иоасаф (Скрипицын), митрополит Московский и всея Руси 26, 75, 264, 272—274
Иоасаф II, византийский патриарх 280, 399
Иов, патриарх Московский и всея Руси 80, 163, 358, 496
Иосиф Волоцкий, преп., игумен 121, 132, 133
Ираклеш, кунгратский князь 470
Ирина (в монашестве Александра) Федоровна, урожд. Годунова, царица 80, 340, 353, 355, 375, 376
Исидорова З. Н. 124
Ислам, князь 450
Ислам-Гирей I, крымский хан 426
Ислам-Гирей II, крымский хан 437
Исленьев Данило, посол в Стамбул 487
Исмаил, ногайский мирза, бий, нарадин, правитель Большого Ногая 189, 428, 466, 468—470, 472, 474, 475, 480, 481, 489, 491, 502
Истомина Э. Г. 150
Исхаков Д. М. 41, 44
Ичигей Алачев, остяцкий князь 517
Ишбердей, вогульский князь 509
Ишеев М. 57

Кабанов А. К. 88
Кабот С., купец 399
Каган М. Д. 240
Казакова Н. А. 10, 133, 240, 387, 388, 466
Казбулат, сын Девлет-Гирея 472
Кази Пшеапшоко, старший князь Большой Кабарды 499
Казимир IV Ягеллон, великий князь Литовский, король Польский 59, 392
Кайбула 67, 69
Кайсаров Иван 273
Кайтуко Бесланов, великий князь Кабарды 489, 490
Калинин Н. Ф. 452, 454
Калитичи, династия 387
Калугин В. В. 131
Каменцева Е. И. 208
Камкин А. В. 138
Кампхаузен Г.-В. 64
Канай, сибирский царевич 518
Канищев В. В. 50
Каншао, кабардинский князь, после крещения князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский 499
Каплин Юрий Елисеевич, псковский посадник 229
Каппелер А. 21
Каравашкин А. В. 130
Каракушь, жена Мухаммед-Эмина 477
Карамзин Н. М. 8, 245, 249, 250, 483
«Карача» (Мамет) 510, 512
Карачаровы 270
Кареев Н. И. 78, 84
Карл Сёдерманландский, герцог 419, 420
Карл V, император 396, 404
Карнович Е. П. 471
Карпов Г. Ф. 392
Карпов Петр Федорович Муха 239
Карпов Федор Иванович, дьяк 129, 130, 260, 262, 479
Карчеев Кожух, служилый татарин, гонец 478
Касим, казахский хан 521
Катырев-Ростовский Андрей Иванович, князь 311, 326
Кафтырев Григорий, стрелецкий голова 472—474
Кашин В. Н. 172, 174
Кашин Юрий Иванович, князь, боярин 318

Кашпировский Е. И. 386
Каштанов С. М. 11, 23, 24, 55, 89, 99, 104, 119, 141, 146, 152, 199, 201, 203, 204, 210, 212, 213, 225, 234, 236, 237, 251, 264, 266, 267, 277—279, 292, 294, 297, 332, 338, 339, 342, 389, 398, 471
Квашнин А. Г. 345
Квашнин Ж., дипломат 397
Квливидзе Н. В. 125
Кебяк, князь 450
Келдуш Енаив 462
Кивельсон В. 18, 20
Кинан Э. 17, 18
Киприан, архиепископ Сибирский и Тобольский 504
Киприан, митрополит Московский, Киевский и всея Руси 294
Кириллов В. М. 125
Кирпичников И. А. 228
Киселев Е. А. 202
Кистерев С. Н. 23, 53, 56, 108
Клавшов Севрюк 433
Клеймола А. М. 19
Клейн В. К. 374
Клейненберг И. Э. 388
Клеопин-Кутузов Андрей Михайлович 53
Клеш, князь 473
Клешнин Андрей Петрович, думный дворянин, окольничий 340, 356
Клешнина Василиса Петровна 340
Клешнина Мария Андреевна 340
Клименко В. В. 50, 51
Климент VII, папа 396
Клингенбек Георг, прусский посол 394
Клитина Е. Н. 250
Клобуков А. 110
Клобуков Тимофей, дьяк 241
Клобурников Поветко, вотчинник 140
Клокачев Н. А. 109
Клосс Б. М. 111
Клочков М. В. 77
Ключевский В. О. 8, 46, 63, 64, 77, 83—85, 149, 212, 280, 319, 323, 350, 354, 362
Княжнины 269
Князьков С. Е. 92, 93
Кобелев Степан, стрелецкий сотник 473
Кобелев Ф. 346
Кобенцль Иоганн, дипломат 396
Кобрин В. Б. 10, 13, 78, 82, 115, 146—148, 235, 319, 320, 322, 325, 330, 336, 337, 348, 396
Кобылины 278, 281
Кобяков Василий Подъюс Иванов сын, рязанский боярин 232
Кобяков Г. Д. 98
Кобяков Клементий Иванов сын 232
Кобяков Ширяй Васильевич, воевода 69, 469, 471
Кобяковы 232
Козлов С. А. 25, 202, 205, 210, 211, 217
Козляков В. Н. 348
Козьма, игумен Кирилло-Белозерского монастыря 216
Колесников П. А. 49, 50, 137, 159, 160, 164, 167
Колзаков В. 107
Коллман Н. 18, 20
Колло Франческо да 129, 226
Колобков В. А. 330, 351
Кологривов Г., крестьянин 177
Кологривовы 172, 177
Колтовский Александр Константинов сын 338
Колтовский Григорий Алексеев сын 338
Колупаев Михаил *см.* Приклонский Михаил Колупаев сын
Колычев Иван Андреевич 427
Колычев М. И. 326
Колычев Михаил Васильев сын 338
Колычев-Умной Василий Иванович 337, 338
Колычев-Умной Федор Иванович, боярин 323
Колычева Е. И. 13, 109, 139, 142, 148, 150, 151, 153, 157, 199, 201, 202, 207, 210, 212—215, 217, 218, 220, 222, 268, 352
Колычевы 337, 338
Кольцо Иван, казачий атаман 483
Конев А. Ю. 509
Кононов, промысловик 169
Константин I (Флавий), император 123, 129
Константин I Великий, римский император 293
Константин IX Мономах, византийский император 126, 280
Константин XI (Палеолог), византийский император 130
Конявская Е. Л. 118
Копанев А. И. 13, 15, 23, 37, 38, 136, 138, 146, 149, 156, 157, 172, 177, 200, 212, 221
Корецкий Богдан Данилович, князь 279
Корецкий В. И. 80, 91, 92, 136, 139, 150, 338, 342, 343, 353, 355, 360, 362, 364, 367—372
Корзинин А. Л. 65, 75, 78, 83, 226, 227, 230, 246, 248, 252, 254, 258—260, 270, 272, 273, 322, 336, 337, 340
Корлен, князь 473
Коробьин И. И. 98

Коробьин Семен Иванов сын 232
Коробьины 231
Корчев И. 144
Косой Василий Юрьевич, князь 252
Костомаров Н. И. 84
Котенин Т. 99
Котляров Д. А. 465
Кочекаев Б.-А. Б. 477
Кочин Г. Е. 202
Кочуров В. Н. 345
Кощак, оглан 450
Крайковский А. В. 202
Кристенсен А. 403
Кром М. М. 15—17, 60, 65, 66, 74, 78, 79, 84, 96, 101, 147, 154—156, 228, 233, 236, 237, 242, 243, 245—252, 254—256, 258—262, 264, 265, 267—269, 271, 272, 275, 277—279, 282, 283, 377, 384, 386
Кропоткин Богдан, князь, помещик 362, 368
Кропоткин Михаил Иванович, князь, помещик 363
Кропоткин Н. 412
Кропоткин Петр Иванович, князь, помещик 363
Кропоткин Тимофей Андреевич, князь 469
Крузе Элерт 27, 321, 329, 330, 347, 348, 411
Кубенская Ульяна Андреевна, княгиня 273
Кубенские, князья 263, 274—278
Кубенский Иван Иванович, князь, боярин и дворецкий 233, 262, 263, 271—274, 277—279
Кубенский Михаил Иванович, князь, боярин 141, 262, 263, 273—275, 277, 309
Кугушевы, род 57
Куденет Канбулатович Черкасский, кабардинский князь 495, 498
Куденет (Кудадек) Сибоко Кансауко, сын главы черкесского посольства в Москву в 1555 г., дипломатический заложник при дворе Ивана IV, после крещения князь Александр (Алексей) Сибокович Черкасский 490
Кузнецов В. И. 219
Кузьмин А. В. 61
Кул-Шериф, сеид 451
Кунцевич Г. З. 370
Купели О. 484
Куракин Андрей Петрович, князь, боярин 325, 328, 354, 355
Куракин Петр Андреевич 325, 328
Куракины, князья 353
Курбатов О. А. 457
Курбский Андрей Михайлович, князь, боярин 11, 17, 18, 25, 43, 122, 123, 130—133, 238—240, 252, 259, 261, 262, 270, 272, 282, 309—311, 313, 316, 318, 324, 408, 452—457, 460
Курбский Иван Михайлович, князь 283
Курбский Михаил Михайлович, князь 265, 277
Курбский Семен Федорович, князь 239
Курлятев Дмитрий Иванович, князь, боярин 67, 317
Курлятев Константин Иванович, князь 272
Курукин И. В. 310
Курцев Никита Афанасьевич Фуников, казначей 323
Кутузова Мария Андреевна, царица 53
Кутум бин Шейх-Мухаммед 56
Кученей *см.* Мария Темрюковна
Кучкин В. А. 118, 225, 226, 237
Кучук, казахский царевич 522
Кучум, сибирский хан 17, 54, 502, 503, 505—511, 513—516, 518—520, 522
Кушева Е. Н 110, 483, 485, 486

Лаврентьев А. В. 520
Лавров А. С. 21
Лазарев Дружина Владимиров сын, дьяк 339
Лайош II, король Чехии и Венгрии из династии Ягеллонов 392
Лакиер А. Б. 149
Лаппо И. И. 61
Лаппо-Данилевский А. С. 33, 206
Ласкирев Федор Михайлович, воевода 218, 417
Латкин В. Н. 84
Лачинов Добыча 503
Лев VI Мудрый, византийский император 281
Лев X, папа 395, 396
Лемерсье-Келькеже Ш. 433, 435, 484
Ленхоф Г. 18
Леонид, архимандрит 312
Леонтьев А. К. 85, 86, 237
Леонтьев Б. Ф. 334
Лжедмитрий I (Самозванец) 358
Либерзон И. З. 22
Лимонов Ю. А. 128
Лисейцев Д. В. 73, 86—90, 92—94, 96, 343, 358, 488
Лихарев Иван 516
Лихачев Н. П. 76, 64, 85, 96, 341, 396, 402
Лобанов Юмшан, арзамасский городовой приказчик 366
Лобановы, князья 311
Лобин А. Н. 386, 392, 394—396
Ловмяньский Х. 59
Лодыгин Ж. 142

Лохвицкий А. В. 94
Лошаковы 338
Лугуй, остяцкий князь 517
Лукичев М. П. 24, 81
Лукьянов П. М. 173
Лурье Я. С. 10, 18, 25, 119, 226, 282, 338
Лыков М. М. 326, 412
Львов И. 103
Любавский М. К. 46, 59, 162
Людовик II Ягеллон, король 379
Ляцкий Иван Васильевич, окольничий 121, 241, 244, 248, 253, 254

Магилина И. В. 483—487
Магмед-салтан (Мехмед II), султан, литературный персонаж 130
Магнус, датский принц, король Ливонии, вассал Ивана IV 335, 374, 412, 414
Маджеска Дж. 124
Мазуров А. Б. 154
Макарий, архиепископ Новгородский, митрополит Московский и всея Руси 18, 68, 81, 116, 122, 123, 133, 134, 205, 255, 275, 276, 280, 284, 291, 293, 296, 309, 312, 317
Макаров Н. А. 40
Максим Грек (Михаил Триволис) 22, 128—130, 133, 239, 240, 259
Максимилиан, курфюрст 398, 422
Максимилиан I Габсбург, император Священной Римской империи 121, 389, 390, 392
Максимилиан II, император Священной Римской империи 396, 397, 413
Малеин А. И. 323
Малов А. В. 434
Малышева В. И. 26
Мальцев Семен, русский посланник 521
Мамай, ногайский мирза 478, 479
Мамай, ордынский темник 120, 242
Мамет (Мухаммед) *см.* «Карача»
Маметкул, сибирский царевич 508—510, 512, 518
Мамич-Бердей, сотенный князь 460, 461
Мамстрюко Темрюкович, кабардинский князь 495, 498, 499
Мамук, сибирский царевич 476
Мангитский Дивей, князь 434
Мангытай, казахский царевич 522
Мансуров Иван 512, 514
Мансуров Леонтий Владимирович, московский посол 470, 473, 474
Мансуров Яков Иванович 241
Мансуры, крымский род 434
Мануил II Палеолог, византийский император 281
Манушина Т. Н. 250
Маньков А. Г. 15, 23, 139, 150, 158, 189, 208, 216, 221, 344
Манькова И. Л. 150
Марголин С. Л. 236
Маржарет Жак 84
Марзалюк І. А. 378
Мария Владимировна, дочь старицкого князя Владимира Андреевича, жена короля Ливонии Магнуса 335, 374
Мария Габсбург, супруга Лайоша II, короля Чехии и Венгрии 392
Мария Темрюковна, русская царица, дочь великого князя Кабарды, вторая супруга Ивана IV 52, 316, 322, 494, 495
Мария Федоровна (Нагая), царица 513
Марков Василий, дьяк 96
Мартин Р. Э. 20
Масальский Василий Васильевич, князь, посланник 435, 436
Масленникова Н. Н. 151, 219, 222, 228—230, 236
Маслов К. 108
Маслюженко Д. Н. 504, 509, 512, 514, 519
Масса Исаак 464, 467, 469, 470
Матвей Мещеряк 504, 511
Матсон Ролоф, военачальник 391
Маханько М. А. 125
Мацковский В. В. 51
Мацук А. М. 201
Машка Короленка 240
Маштафаров А. В. 23, 104
Машуко Каноко, глава черкесского посольства в Москву в 1552 г., после крещения князь Иван Черкасский 491, 492
Мезенцев Е. В. 89
Мельников Ю. Н. 354
Мельникова А. С. 255
Менгли-Гирей I, крымский хан 425
Менделеев Д. И. 46
Меньшой Путятин, дьяк 256, 260
Мерш А., купец 401, 402
Мефодий Патарский, епископ 129
Мехмед II, султан 130, 313
Меховский Матвей, ученый 382
Мешаев Иван, дьяк 92
Мизис Ю. А. 33
Микулинские, князья 265, 270
Микулинский Василий Андреевич, князь 265, 273
Микулинский Д. И. 101

Микулинский Семен Иванович, князь 303, 407, 450
Миленин Яков, арзамасец, сын боярский, помещик 366
Миллер Г. Ф. 504, 506, 507, 512, 514—518
Милов Л. В. 35, 46, 150, 165, 202, 418
Мильтон Джон 127
Милюков П. Н. 85, 89, 206
Милютин В. А. 149, 150
Миронов Б. Н. 78
Митрофан, епископ 228
Митрофанов Путила Михайлов, дьяк 11
Митрофанов Семен (Путила) 331
Михаил Клопский, преподобный 26
Михаил Триволи *см.* Максим Грек
Михаил Федорович, царь 366
Михайлов Путила, дьяк 70, 105, 307
Михайлов У. 104
Михайлова И. Б. 281
Мишаков И. 104
Мишурин С. 328
Мишурин Федор Михайлович, дьяк 154, 155, 245—247, 260, 263, 479
Мишурины, дьяки 154, 337
Моисеев М. В. 449, 457, 476, 482, 521, 523, 524
Моисей, библ. 130
Моклоков Посник Губин, дьяк 246
Моклоковы 279
Молеванов Степан Третьяков, помещик Новгородского уезда 371
Молчановы 337
Мономах (шапка Мономаха, венец Мономаха, дары Мономаха) 121, 123—127
Мордвинова С. П. 24, 70—72, 83, 84, 91, 342, 339
Морин Кузьма Иванович 348
Морозов Б. Н. 90, 92
Морозов Василий Григорьевич Поплевин, боярин 248, 275, 276
Морозов Григорий Васильевич, окольничий 270, 275
Морозов Иван Григорьевич, боярин 248, 273, 276
Морозов Михаил Яковлевич, боярин 67, 97
Морозов С. А. 245, 246
Морозов Яков Григорьевич, окольничий 248
Морозов Яков Дмитриев сын 244
Морозова Л. Е. 226, 227, 241
Морозовы 152, 248, 270, 275, 277
Мосальский Д. И. 345
Мошкова Л. В. 202
Мошнины 269
Мстислав Владимирович Храбрый, князь Тмутараканский 467
Мстиславские, князья 265, 353
Мстиславский Иван Федорович, князь, боярин 67, 248, 338, 353, 355, 408, 414
Мстиславский Федор Михайлович, князь 243, 244, 263, 265
Мунехин Михаил Григорьевич (Мисюрь), дьяк, дипломат, публицист 9, 128
Мурад III, турецкий султан 487
Мурад-Гирей, крымский царевич-султан 436, 438, 484—486
Мурад-Гирей бин Мухаммед-Гирей, царевич 55
Муртаза-Али бин Абдулла (Михаил Кайбулин), царевич 53
Муртаза, тюменский хан 501
Муса, ногайский мирза 476, 477
Мусин Василий Иванович, губной староста 362, 363
Муслы аталык 437
Мустафа-Али бин Абдулла бин Ак-Кобек, царь 52
Мухамедьяров Ш. Ф. 448
Мухаммед-Али 525
Мухаммед-Гирей I, крымский хан 231, 232, 237, 424, 425, 427, 430
Мухаммед-Гирей II, крымский хан 426, 435—437
Мухаммед-Дервиш, хан Ташкента 524
Мухаммед-Кул бин Ахмед-Гирей, царевич 54
Мухаммед-Эмин бин Ибрагим, казанский хан 53, 54, 56, 238, 476—478
Мыльников А. С. 123
Мюллер Р. Б. 200, 215, 220, 221
Мясной Иван 512
Мясоед Вислого К. С. 327
Мясоедов Ф. 417

Нагая Мария Федоровна, царица 71, 340, 401
Нагие, род 338, 353, 354, 374, 375
Нагой Афанасий Федорович, русский посол в Крым 71, 337, 338, 340, 341, 429, 430, 435, 493, 500
Нагой Григорий Федорович 340
Нагой Иван Григорьевич 344, 513
Нагой Федор Михайлович, окольничий 282
Нагой Федор Федорович, окольничий 340, 341
Назаров В. Д. 9, 11, 17, 22, 42, 47, 73, 74, 79—81, 83, 87, 88, 111, 146, 226, 235, 236, 241, 279, 288, 308, 311, 463, 478
Нармацкий Иван, дьяк 95
Нарыков Алексей, мирза 450
Насевіч В. Л. 58

Настасьин В. С. 106
Наумовы 337
Нащокин Г. А., посол в Турцию 486, 487
Нащокин П. А., дворянин 92
Нащокин-Безнин Михаил Андреевич 341
Неволин К. А. 85, 94
Некрасов Иван Харламович, дьяк 393, 394
Нелединский Юрий Иванович, писец 365
Неманичи, княжеский род 127
Немого Д. И. 114
Непейцын Иван, помещик 363, 364
Непея О., дипломат 400
Нефедов А. С. 217
Нефимонов Парфен, сыщик 366
Нечаев П. 107
Никандр, архиепископ Ростовский, Ярославский и Белозерский 163, 294
Никита Пан 504, 506, 510
Никитин А. Л. 241
Никитин Д. 104
Никитин Н. И. 504, 505, 513
Николаева Т. В. 250
Николай, грузинский (иверский) митрополит 496
Николай Поппель 395
Никольский Н. К. 149, 223
Никон (Никита Минин), патриарх Московский и всея Руси 26
Никулин А. М. 163
Нил Сорский, преп. 132, 133
Новгородов И. 107, 114
Новодворский В. 71, 72
Новожилов А. Г. 202
Новосельский А. А. 429, 432
Новосильцев А. П. 483, 484
Новосильцев Иван Петрович 431
Новосильцев Лука Захарьевич, посланник в Вену 355
Ногароли Леонардо, дипломат 396
Ногтев Д. А. 110
Ногтев-Суздальский Иван Семенович, князь 273, 276
Ноздроватый Иван Токмак 239
Нольде Б. Э. 511, 517
Носов Н. Е. 11—14, 23, 99, 101, 105, 112, 177, 234—236, 266, 267, 284, 293, 295, 300, 302—306, 316, 319, 321, 333, 350, 463
Нур-Али Ширин 450
Нур-Даулет, царь 52

Оболенские, князья 260, 261, 264, 318
Оболенский М. А. 399
Оболенский Иван Васильевич Немой Телепнев, князь 242
Оболенский Иван Михайлович Репня, князь 229
Оболенский Иван Овчина Федорович Телепнев, князь, конюший и боярин 75, 253, 254, 256—258, 260, 261, 263, 264, 270, 279
Оболенский Никита Хромой Васильевич, князь 264
Оболенский Семен Дмитриевич Серебряный, князь, боярин 272
Оболенский Федор Васильевич Лопата, князь 243
Оболенский Федор Иванович Овчинин, князь 279
Оболенский Хромой М. В., князь 260
Оболенский Ю. А., князь 257
Оболенский Юрий Иванович Кашин 276, 277
Оболенский-Телепнев Овчинин Дмитрий Федорович, князь, боярин 318
Оболенский-Черный Андрей, князь 318
Оболенский-Черный Никита, князь 318
Оборин В. А. 48
Овидий (Публий Назон) 129
Одерборн Пауль, пастор 27, 382
Одоевские, князья 6, 265, 321, 322
Одоевский Н. Р. 328
Одоевский С. Ю., князь 384
Одоевский Федор Иванович, служилый князь 265
Окинфов П. А. 105
Октавиан Август *см.* Август
Олаус Магнус 391
Олельковичи, князья 59
Ольденберг Мауриц, военачальник 391
Олябьев Семен Федорович, гонец 431
Онжа Юрьев, остяцкий князь 517
Орешкова С. Ф. 426
Орленко С. П. 94
Осеев И. 345
Осман-дуван, крымский воевода 474, 475
Островская М. А. 40
Островски Д. 18, 20, 153, 154
Острожские, князья 59
Острожский К., князь 386
Осьминский Т. И. 38, 135, 137, 143, 151, 211, 218, 221
Охлябинины, князья 337
Очин-Плещеев З. И. 70, 328
Ошанин Василий Федорович 339

Павел Йовий, епископ 382
Павленко Н. И. 80, 81
Павлов А. А. 341

Павлов А. П. 13, 64, 66, 70, 73, 74, 76, 78, 80, 81, 84, 95, 96, 107, 110, 210, 288—291, 329, 333, 334, 347—354, 356—358, 360
Павлов А. С. 118, 149, 150, 153—155
Павлов П. Н. 381
Павлов Федор, казачий атаман 473
Павлов-Сильванский В. Б. 361
Павлов-Сильванский Н. П. 77, 84, 146
Палемон, легендарный князь 126
Палеологи, род императорский 120, 121
Палецкий Б. И., князь 262
Палецкий Дмитрий Федорович Щереда, князь 262, 274, 277, 278
Палецкий Иван Федоров сын, князь 233
Панеях В. М. 12—14, 23, 77
Панов А. 85
Панова Т. Д. 261
Папков А. И. 47
Пасецкий В. М. 213, 216
Патрикеев Василий (в иноках Вассиан) Иванович, князь 10, 125, 126, 132, 133, 239, 240, 259
Патрикеевы, князья 126
Паули Л., дипломат 398
Пахомий Логофет 121
Пахомова Л. Ю. 51
Пашкова Т. И. 16, 233, 267
Певгей, князь 501
Пенков Иван Данилович Хомяк, князь, боярин 242, 260, 263, 266, 267
Перепелицын Василий 505
Пересветов Иван Семенович 10, 25, 130, 146, 284, 293, 299, 313, 314
Пестриков Тимофей Григорьев, помещик 363, 364
Петелин Дружина, дьяк 94, 95, 486
Петр (Кайдакул), царевич 228, 231, 238, 243, 262
Петр Дмитриевич Углицкий, удельный князь 247
Петр Ибремимович, царевич 243
Петр I Алексеевич, царь, император 85, 89, 94
Петров К. В. 15, 136
Петров Михаил Тимофеев сын Соловой, окольничий 341
Петровичи, венгерские магнаты 243
Пивов (Львов) У. Л. 67, 107, 331
Пивов Петр Михайлович, дьяк, опричник, член посольства в Кахетию 497
Пивов Роман Михайлович 71, 72, 341
Пий IV, папа 396
Пий V, папа 396
Пимен Черный, архиепископ Новгородский 298, 324
Пименова Л. А. 17
Пиотух Н. В. 159
Писаревы 337
Писемские 337
Писемский Федор Андреевич, посол 72, 429, 474
Питус Джованни, епископ 396
Платонов С. Ф. 8, 12, 16, 37, 64, 77, 85, 89—91, 245, 250, 251, 261, 319, 336, 349, 353, 355, 373, 374
Плеттенберг Вальтер фон, магистр Ливонского ордена 392
Плещеев Григорий Семенов, посол 494
Плещеев Михаил Андреев сын 241, 244
Плещеев Михаил Тимофеевич, окольничий 337, 338
Плещеев Петр Михайлович, боярин 140
Плещеев-Очин Захарий Иванович, боярин 322, 323, 473
Плещеевы 152, 241
Плигузов А. И. 111, 133, 150, 153, 154
По М. 20, 128
Победимова Г. А. 217
Поджогин Иван Юрьевич Шигона, тверской дворецкий 76, 241, 244—248
Полевы 337
Полехов С. В. 243
Поливановы 337
Полосин И. И. 374
Полубенский Александр Иванович, князь 127
Полуханов Степан, подьячий, член посольства в Кахетию 497
Полушкин Я., дипломат 396
Помазов Михаил Иовлевич, псковский посадник 229
Попов В. Е. 402
Поссевино Антоний, легат 52, 72, 185, 337, 339, 397, 402, 416, 417, 528
Преображенский А. А. 49, 504—506, 513
Пресняков А. Е. 12, 243, 245, 246
Приимков-Ростовский Иван Федорович Гвоздь, князь 471
Приимковы-Ростовские, князья 311, 337
Приклонский Михаил Колупаев сын, воевода 474, 475
Принц Даниил, имперский посол 127, 396
Прозоровский Иван Андреевич, князь 272
Прокофьева Л. С. 23, 215, 221
Пронские, князья 337
Пронский Даниил Дмитриевич, князь, боярин 275
Пронский Иван Васильевич Шемяка, князь 272
Пронский Иван Иванович Турунтай, князь, боярин 67, 272, 281, 409

Пронский Ф. Д., князь 256
Пронский Юрий Дмитриевич, князь 248
Пронский Юрий Иванович Шемякин, князь 469—471
Пронский-Рыбин Василий Федорович, князь 329
Проншитейн А. П. 202
Протасий, тысяцкий 248
Прус, легендарный император 120, 123, 125, 126, 128
Пугач И. В. 200
Пузанов В. Д. 504, 513, 515, 517
Путятин Григорий Меншик Никитич, дьяк 241, 245—247, 479
Пушкин Остафий Михайлович, дворянин 438
Пушкін І. А. 378
Пчелов Е. В. 520
Пшеапшоко Кайтуко, кабардинский князь 494

Рабенштейн Мельхер, прусский посол 394
Рабжаева М. Ф. 46
Рабинович Г. С. 173
Радзивилл К., воевода 423
Радзивилл Миколай, канцлер 384
Радзивилл Н. Я. 68, 413
Радзивиллы (Радивилы) 59
Раздорский А. И. 210
Раков Третьяк, дьяк 241
Ранчин А. М. 127
Рахимзянов Б. Р. 52
Редега 248
Резанов Афанасий Дмитриевич, посланник в Польшу 373
Резанцев Леонтий 362
Резван-чавуш 487
Репнин Михаил Петрович, князь, боярин 318
Репнин-Оболенский Василий Иванович 266
Репнин-Оболенский Петр Иванович 264, 265
Репня-Оболенский Иван Михайлович, воевода 385
Репьев Т. 345
Репьев Третьяк Григорьевич, дьяк 218
Ржевский Елизарий Леонтьевич, окольничий, думный дворянин 72, 421
Ржевский Матвей Иванович 426
Ржевский Н. Г., дворянин 92
Ровда, чудин 40
Рогатины 269
Рогинский М. 321
Рогожин Н. М. 24, 73, 87, 89, 93, 462
Родионов П. 333
Родионов Ф. 106
Рождественский С. В. 149, 360
Рожков Н. А. 153, 206, 212, 360
Роздеришины 144
Романов Б. А. 12, 13, 22, 300
Романовский В. М. 218
Романовы, род 355, 376
Романовы-Никитичи, сыновья Н. Р. Захарьина-Юрьева 355, 376
Ромодановская Е. К. 504, 511
Ростовские, князья 270
Ростовский А. Д., князь 260
Ростовский Александр Андреевич Хохолков, князь, боярин 248, 260, 275
Ростовский Александр Владимирович, князь 229
Ростовский Борис Андреевич Приимков, князь 272
Ростовский Семен Васильевич Звяга, князь, боярин 311
Ростовский Юрий Иванович Темкин, князь, боярин 276, 282
Ростовский-Хохолков Иван Андреевич Катырь, князь, боярин 275
Ротенберг С. С. 77
Роуленд Д. 19
Рудольф II, император Священной Римской империи 397, 422, 520
Русаковский О. В. 402
Рыбалко Н. В. 94
Рыков Ю. Д. 11, 18, 25, 321, 327
Рылов Ф. 110, 331
Рэндольф Т., дипломат 400
Рюрик, новгородский князь 120, 123, 125, 288, 289, 309
Рюриковичи, династия 384, 401
Рюриковичи, княжеский род 125, 128
Рюс Х. 246
Рюссов Б. 403, 411, 412, 414
Рябинина Е. А. 504, 509, 511, 512, 514, 519, 520
Ряполовский Семен Иванович, князь, слуга 373

Саадет-Гирей бин Мухаммед-Гирей, крымский хан 55, 479
Сабуров Андрей Васильевич, боярин 227
Сабуров Афанасий Юрьевич 277
Сабуров Иван Данилов сын 239
Сабуров Иван Константинович Сверчков 227, 230
Сабуров Иван Юрьевич 240
Сабуров Юрий Константинович Сверчков, боярин 226, 227
Сабуров Я. П. 104
Сабурова Мария Юрьевна 227

Сабуровы 227
Савва Болдыря 506
Савва В. И. 64, 66, 71, 119, 226
Савва Святогорец 239
Савватий Соловецкий, преп. 125
Савельева Е. А. 391
Савич А. А. 190
Савосичев А. Ю. 96, 97
Садиков П. А. 12, 68, 90, 94, 103, 104, 106, 110, 200, 208, 209, 306, 307, 325, 329, 331, 332, 334, 336, 338, 342, 343, 345, 347, 431
Сазонова Т. В. 150
Саид-Ахмед, ногайский бий 479, 480
Сакмак 469
Салмина Е. В. 159
Салтан-мирза 497
Салтануко, сын великого князя Кабарды Темрюко, дипломатический заложник при дворе Ивана IV, после крещения князь Михаил Темрюкович Черкасский 322, 328, 490
Салтыков Борис Иванович Борозок, воевода 460
Салтыков Лев Андреевич, воевода 328, 427
Салтыков Панкратий Яковлевич 340
Салтыков Федор Игнатьевич 328
Салтыковы 337
Самигулов Г. Х. 507
Самоквасов Д. Я. 328, 331, 362—365
Саначин С. П. 452, 456, 457
Санин Г. А. 425
Сапега Лев Иванович 420, 423
Сапунов А. П. 403
Сатылган бин Нур-Даулет, царевич 52
Сафа-Гирей, казанский хан 43, 55, 436, 437, 448—450, 482, 484
Сафаргалиев М. Г. 469, 472, 474
Сахиб Гирей I, крымский хан 274, 425, 426
Свенсон С. 403
Свечников С. К. 43, 451
Свиязев А. 326
Свиязев З., дипломат 421
Сеадет-Гирей I, крымский хан 426, 427
Сеадет-Гирей II, крымский хан 436, 437, 484, 485
Севастьянова А. А. 10
Сегал А. Е. 216
Седов В. В. 388
Сеид-Ахмед (Сейдяк) 511, 512
Сеит Хусейн (Сеит Хосен) 483
Секирин Г. 345
Селамет-Гирей 438
Семен Борисович Суздальский, князь 235
Семен Владимирович Боровский и Серпуховский, удельный князь 247
Семен Дмитриевич Суздальский, князь 248
Семен Иванович Калужский, удельный князь 225, 237
Семен Иванович Можайский, удельный князь 227
Семенков В. Е. 46
Семенов О. В. 203
Семенченко Г. В. 111, 112, 300
Сербина К. Н. 173, 174, 176
Сергеев Елизар, русский посланник 393
Сергеевич В. И. 77, 84, 88, 245
Сергий Радонежский, преп. 121, 151
Серебряный В. С. 67, 69, 409
Серебряный Семен Дмитриевич Щепин, князь 248
Серебряный-Оболенский Петр Сергеевич, князь, воевода 326, 327, 432, 449
Середонин С. М. 88, 89
Сефевиды, династия 431, 436, 437, 440, 484, 486, 487
Сибоко, сын Кансауко (Каншауко) Заноко, черкесский князь 491, 492
Сигизмунд I Старый, великий князь Литовский и король Польский 57, 60, 121, 232, 242, 253, 276, 385, 386, 392, 394, 396
Сигизмунд II Август, великий князь Литовский и король Польский 60, 61, 405, 406, 408, 429, 430, 434, 471
Сигизмунд III Ваза, король, великий князь 118, 398, 419, 420, 422, 423, 526, 527
Сидоров Степан Григорьевич, воевода 469, 471
Сидоров Юрий, дьяк 307, 327, 332, 333
Сильвестр, протопоп Благовещенского собора в Кремле 80, 283, 293, 310, 312, 313, 315—317
Сильвестр Даниил, английский посол 338
Симеон Бекбулатович (Саин-Булат бин Бекбулат, в монашестве Стефан), касимовский хан, великий князь всея Руси, великий князь Тверской 52, 55, 67, 69, 80, 91, 92, 124, 338—340, 342, 343, 348, 374
Симеон Касаевич (Едигер-Магомет, Ядигар Мухамед), казанский хан 53
Симон, митрополит Московский и всея Руси 226
Симский Иван Васильевич Хабар 231, 232
Симсон П. Ф. 301
Синан-паша Коджа, османский великий визирь 486
Синицына Н. В. 128, 153, 239
Сиренов А. В. 18, 280
Ситдиков А. Г. 452—454, 456, 457

Сицкие, князья 337
Сицкий Василий Андреевич, князь, боярин 322
Сицкий Иван Васильевич, князь 486
Сицкий-Ярославский В. А. 70, 71
Скобеев Постник, приказчик Едровского яма 363
Скобелкин О. В. 93
Скобельцын Василий 364
Скопин-Шуйский В. Ф. 108
Скрынников Р. Г. 13, 14, 16—18, 70, 80, 209, 216, 235, 245—247, 251, 256, 281—283, 311, 312, 316, 320, 324—330, 332, 335—339, 347—349, 353—355, 362, 367, 372, 374, 409, 432, 504—509
Скрыплев Григорий Тимофеевич, губной староста 362, 363
Скуратов-Бельский Григорий (Малюта) Лукьянович 65, 70, 322, 323, 328
Слугина В. А. 509
Сметанина С. И. 232, 348
Смирнов И. И. 13—15, 67, 154, 155, 235, 245, 249—251, 254—256, 258, 261, 262, 264, 272, 277—282, 284, 287, 288, 296, 297, 300, 310, 319, 356
Смирнов П. П. 37—39, 53, 162, 301
Сназин Федор Григорьевич 273
Совины 337
Соколова Н. В. 150, 162
Солнцев Н. И. 160
Соловьев С. М. 77, 79, 84, 85, 226, 319, 338, 245, 249, 402
Солодкин Я. Г. 80, 81, 353, 354, 504, 509
Соломония (в иноках Софья) Юрьевна Сабурова, великая княгиня 120, 226, 237, 238, 240, 241
Сомов Борис Иванович, новгородский помещик 362, 365
Сомов И. В. 345
Софонов Ждан, подьячий 215, 216
Софонов Леонтий, подьячий, писец 365
Софья Витовтовна, великая княгиня 247
Спиридон-Савва, митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси 125—127
Спірыдонаў М. Ф. 58
Спок Дж. 19
Станиславский А. Л. 11, 24, 55, 70—72, 91, 290, 336, 339, 342, 357
Старицкая Е. 69, 103
Старицкие, князья 19, 317, 323
Старицкий Владимир Андреевич, удельный князь 69, 311, 324, 326, 327
Стародубские, князья 235, 270
Старченко Н. П. 62
Стахий, старец 363
Сташевский Е. Д. 90, 116, 366
Степанов Вельямин, переводчик, русский посол 522
Степанова Л. Г. 35, 199
Стефан Баторий, великий князь Литовский, король Польский 26, 62, 71, 123, 218, 338, 352, 380, 397, 410, 413—418, 420, 421, 436, 484, 506, 526
Стефан II Неманич Первовенчанный, сербский король 127
Стефанида рязанка 240
Стефанович Д. Ф. 23
Стефанович П. С. 162
Стоговы 269
Столярова Л. В. 24, 398
Сторожев В. Н. 341
Стојановић Л. 127
Стрельников С. В. 16
Стремоухов Д. 118
Стрешнев Иван Филиппович, дьяк 91
Строганов Аника 190, 507
Строганов Максим 506
Строганов Никита 506
Строгановы 106, 172, 175, 190, 191, 197, 332, 502, 503, 505—507
Строев П. М. 372
Стрыйковский М. 27
Стуре Стен, губернатор 390
Суздальские князья 247, 270
Сукин Василий 512
Сукин Михаил 246
Сукин Ф. И. 107, 114
Суклей, вогульский князь 509
Сулдешев П. 342
Сулейман I Великолепный, султан 379, 430
Сулеш-мирза, крымский посол 263, 264
Сулешев *см.* Яшлавский
Султан-Ахмед, ногайский мирза 477
Султан Хусейн Байкара 520
Сумороков Семейка, дьяк 91, 92, 95
Сунбулов Семен Михайлов сын 338
Сунбулов Федор Михайлов сын 338
Сунчалей Канклычевич (Янглычевич, Джанклишевич) Черкасский, кабардинский князь 493, 496, 497
Сухотин Л. М. 321, 322, 338, 347, 361
Сущев Никита Семенович, московский посол 467
Сырков Ф. 327
Сююмбике, казанская ханике (царица) 450, 480

Таваккул, казахский хан 522, 523
Тагызекши, крымский посол 468
Таиляк, сибирский посол 503
Таимас, сибирский посол 502
Тайбугиды 501
Такбилди, калга 467, 468
Таптыковы 337
Тараканов А. 327
Тараканов Василий, купецкий староста 234
Тарановский Анжей, польско-литовский посол 431
Татищев Игнатий Петрович 70, 72, 341
Татищев Михаил Игнатьевич, ясельничий 97
Татьянин И. 104
Таубе Иоганн 27, 321, 329, 330, 347, 348, 411
Телешов Иван, дьяк 244
Телятевские, князья 337
Телятевский Андрей Петрович, князь 69, 248, 344
Темир, посол Дервиша-Али 474
Темир-Аксак *см.* Тимур
Темрюко Идаров, великий князь Кабарды 490, 491, 493, 494
Темушев В. Н. 58, 60, 383
Тениш-Зей, ургенчский посол 524
Тенишевы, род 57
Тетерин Тимофей, дворянин 97
Тетерин Тимофей Иванов сын Пухов, стрелецкий голова 318, 474
Тешке Б. 403
Тилли Ч. 403
Тимошенкова З. А. 166
Тимошина Л. А. 23
Тимур (Тамерлан, Темир-Аксак), тюрко-монгольский полководец 466
Тимуриды 520
Тирет И. 19
Титов И. В. 345
Тихомиров М. Н. 8, 9, 12, 77, 80, 81, 149, 242, 246, 251, 257, 298, 354, 464
Тихонов Ю. А. 89
Тихонравов Н. 293
Тихонюк И. А. 281
Тишков Андрей Третьяков сын, московский посол 474, 475
Тишков Третьяк, дьяк 250
Товарищев Савва Матвеевич 471
Толстой Ю. К. 339
Тонотар (Тонотор, Тонатар), посол Ямгурчея 473
Торке Х.-Й. 17, 21, 77, 78
Траханиот Юрий Малый Дмитриевич 226, 241
Траханиотов Никифор Васильевич 513, 514
Трепавлов В. В. 17, 56, 425, 476, 478, 482, 483, 504, 511, 512, 520—522
Третьяков Иван Иванович, казначей 262, 274
Третьяков К. 115
Трешка Гаврилов сын, беглый крестьянин Ивана Непейцына 363
Трубецкие, князья 6, 322, 341, 359
Трубецкой Никита Романович, князь 92
Трубецкой Федор Михайлович, князь, боярин 337, 340, 341
Тугай 43
Тугарин Федоров 514
Тукай-Тимуриды, род 450
Тул-Мамет 519, 520
Тулупов Андрей Владимиров сын, князь 338
Тулупов Борис Давыдович, князь, окольничий 337, 338
Тулупов Иван Владимиров сын, князь 338
Тулуповы, князья 338
Тургенев Петр Дмитриевич, московский посол 466, 470, 472—474
Тутыхин Федор Иванов сын Сунбул 231, 232
Тучков Василий Михайлович 239
Тучков-Морозов Михаил Васильевич, боярин 240, 245, 246, 248, 260, 261, 263, 277
Тучкова-Морозова Мария Михайловна 277
Тышкевич В. 407
Тюдоры, династия 401
Тютин Хозяин Юрьевич 68, 107, 117
Тютин Юрий (Юшко) 239
Тюфякин Василий Васильевич, князь 92, 471, 487
Тягрибердей-мирза 433

Уваров П. Ю. 42
Угрим Львов Пивов, дьяк 307
Уиллоуби Хью, капитан 182, 399
Ульяницкий В. А. 520
Умного-Колычев В. И. 328
Умного-Колычев Ф. И. 70
Умной Колычев И. И. 262
Ураз-Мухаммад бин Ондан, казахский царевич, касимовский царь 54, 56, 512, 522
Урланис Б. Ц. 38
Урне Клаус, датский посол 407
Урус, ногайский бий 482
Усачев А. С. 18, 83, 123, 129
Усманов М. А. 510, 512
Успенский Б. А. 124, 281
Успенский Ф. И. 402, 417
Устюгов Н. В. 208

Утямыш-Гирей бин Сафа-Гирей (Александр Сафакиреевич), казанский хан 448—450
Ушаром-мирза Окоцкий 495
Ушатый Василий Васильевич Чулок, князь, окольничий 275

Фабри Иоанн, богослов 382
Фаизов С. Ф. 475
Фатима, жена Мухаммед-Эмина 477
Фатьянов Федор, дьяк 201, 214
Федор Борисович, князь волоцкий 204, 237
Федор Борисович Годунов, сын Бориса Федоровича Годунова, царевич, царь 376
Федор Васильевич Третной, великий князь Рязанский 231
Федор Иванович, царь 45, 52, 73, 80, 81, 92, 94, 118, 119, 120, 124, 128, 152, 157, 248, 340—342, 350, 352—360, 362, 365—367, 371, 373, 375, 376, 397, 401, 420, 421, 423, 438, 459, 463, 483, 484, 495, 497, 498, 500, 512, 516, 522, 525—527
Федор Ростиславич, князь Смоленский и Ярославский 123
Федоров Второй, дьяк 362
Федоров Иван Петрович, конюший и боярин 68, 75, 142, 273, 278, 279, 282, 324, 326
Федосья Федоровна, царевна, дочь царя Федора Ивановича и царицы Ирины Федоровны 376
Федцов Иван Борисович, посол 427
Флетчер Дж. 150
Феодорит, суздальский архимандрит 399
Феодорит Кольский, архимандрит 280
Феодосий, архиепископ Новгородский 293
Феодосий, игумен Глушицкого монастыря 155
Феодосия Ивановна, великая княгиня 227
Феодосия Федоровна, царевна 397
Феолепт, патриарх 398
Феофил, врач 256
Фетх-Гирей крымский царевич-султан, калга 439
Филимонов Ляпун, казацкий атаман 474, 475
Филипп (Колычев), митрополит Московский и всея Руси 330
Филофей, инок 128, 129
Филюшкин А. И. 58, 61, 65, 126, 131, 226, 238, 241, 281, 282, 309—311, 313, 379, 382, 402, 404, 405, 435
Финкель Ф. 486
Флайер М. С. 124
Флетчер Джильс (Джайлс), английский дипломат и писатель 27, 88, 93, 94, 170, 174, 189, 375, 401, 405, 459, 462
Флоря Б. Н. 9, 11, 78, 115, 118, 119, 125, 126, 134, 141, 146, 209, 228, 232—235, 287, 304, 329, 350, 351, 355, 362, 402, 404, 407, 413, 419, 421, 422, 438, 520, 526
Фома, инок 118
Фомин Д., вотчинник 140
Фоминские, княжеский род 129
Фомины 140
Фонкич Б. Л. 24, 398, 399
Фофановы 340
Французова Е. Б. 218
Франческо да Колло, дипломат 395
Фредерик II, король Дании 408, 412, 413
Фречнер Р. 404
Фридрих Саксонский, великий магистр Тевтонского ордена 391
Фролов А. А. 25, 35, 151, 202
Фролов С. И. 345
Фрязин Петр Малый 255
Фуников-Курцев Никита Афанасьевич, казначей 69, 152, 209, 328
Фюрстенберг В. 405, 408

Хабаров Иван Иванович, боярин и дворецкий 263, 274, 275, 278
Хаджи-Гирей, хан 52
Хаджи-Мухаммед (Азим), ургенчский хан 523—525
Хаджи-Мухаммед (Кошум), ногайский бий 479
Хайретдинов Д. З. 467
Хакк-Назар, казахский хан 502, 522
Халил Челеби 435
Хамидуллин Б. Л. 41
Харагинец, чудин 40
Харламов С. В. 148
Хасан, ногайский бий 478
Хворостинин Андрей Иванович, князь, воевода 486, 499
Хворостинин Дмитрий Иванович, князь, воевода 434
Хворостинин Федор Иванович, князь, боярин, посол 142, 438
Хворостинины, князья 337
Хвостов Н. 417
Хвостовы 230
Хелли Р. 20
Хилков В. Д. 71
Хилков Дмитрий Иванович, князь, боярин 318
Хилков-Ряполовский Д. И. 415
Хитрово, род 337
Хлебников Н. И. 85

Хлопов Василий 514
Хлопов Тимофей 220
Хлоповы, род 337
Хованская Евфросиния Андреевна, княгиня 244
Хованская О. С. 449, 451, 455
Хованские, князья 244, 337
Хованский Андрей Федорович, князь 244
Хованский И. А., князь 261
Ховрины, род 248
Ходжа-Мухаммед, ургенчский посол 525
Ходкевич Я. К. 68, 413
Холмский Андрей Иванович, князь 239
Холмский Василий Данилович, князь 227, 228
Хорошай, сын великого князя Кабарды, дипломатический заложник при дворе Ивана IV, после крещения князь Борис Канбулатович Черкасский 493, 498
Хорошев А. С. 123
Хорошкевич А. Л. 9, 10, 27, 118, 226, 281, 379, 381, 388, 391, 392, 405, 407, 412, 425, 464
Хосров Хаджи, персидский посол 450, 486, 487
Хрипунов Данило 516
Христиан II, король Дании 380
Худайкул бин Ибрагим (Петр Ибрагимович), царевич 54
Худяков М. Г., 53, 54, 476
Хузин Ф. Ш. 452

Царевы, род 269
Цвиленев Прокофий 301
Цеханович А. 25
Циплятев Иван Елизарович, думный дьяк 260, 307

Чаев Н. С. 346, 362
Чебуков Третьяк, московский посол 502
Чевуш, турецкий посол 466
Чегилек, князь 473
Чеглоков Н. З. 105
Челяднин Василий Андреевич, дворецкий 75, 278
Челяднин Иван Андреевич, конюший и боярин 65, 75, 229, 264, 274, 278, 385, 386
Челяднин Иван Иванович, конюший и боярин 75, 264, 278
Челяднина А. В. 261, 263
Челяднина Мария Васильевна 278, 279
Челяднина Марфа Ивановна 264
Челяднины, род 260, 279
Ченслор Ричард 189, 399
Чентурионе Паоло, дипломат 185, 396
Чередов Семен, дьяк 96
Черемисинов Деменша (Дементий) Иванович 71, 72, 341
Черемисинов-Караулов Иван Семенович, воевода 69, 70, 474, 475, 481, 492
Черепнин Л. В. 8—10, 15, 22, 34, 77, 79—81, 84, 112, 149, 225, 230, 354, 361
Черкас Александров 510, 512
Черкасова М. С. 34, 149—153, 163, 172, 267
Черкасские, князья 337
Черкасский Александр Сибокович *см.* Куденет
Черкасский Борис Канбулатович *см.* Хорошай
Черкасский Василий Кансаукович *см.* Сибоко
Черкасский Василий Карданукович *см.* Дударуко
Черкасский Дмитрий Мамстрюкович *см.* Каншао
Черкасский Иван *см.* Машуко Каноко
Черкасский Михаил Темрюкович *см.* Салтануко
Черкасский Петр Ахамашукович *см.* Ахамашуков [Рамадан]
Черкасский Федор Мамстрюкович *см.* Гуж
Черкашенин, атаман 428
Чернов А. В. 86, 236, 299
Чернов С. З. 34
Чечулин Н. Д. 36, 173
Чингисиды, крымские ханы 6, 28
Чингисиды, род 51—56, 123, 238, 448, 450, 502
Чингисхан 28, 118, 124
Чичерин Б. Н. 77, 84
Чулков Данила Григорьевич, воевода 428, 469, 512
Чулков Федор Иванович, воевода 201, 214
Чураков В. С. 41

Шабаев М. Е. 242
Шамина И. Н. 150
Шанин Т. 163
Шапиро А. Л. 15, 158, 161, 164, 165, 199, 200, 202, 207, 212, 218, 219, 344
Шапошник В. В. 246, 248, 250, 280, 282, 293, 298, 350
Шарифуллина Ф. Л. 54
Шаромазов М. Н. 223
Шах Али, крымский гонец 434
Шах-Али бин Шейх-Аулеар, казанский хан 52—54, 57, 448—452, 454
Шах-Мухаммад, казахский царевич 522
Шаховской Мирон Михайлович 516
Шварц И. 397
Шевригин Л. (Истома) 397, 528
Шеин Василий Дмитриевич, боярин 277, 278
Шеин Иван Дмитриевич, окольничий 278
Шеин Юрий Дмитриевич, окольничий 275

Шейдяковы, князья 337
Шейх-Аулеар бин Бахтияр, царевич 54
Шейх-Мамай, ногайский мирза 477
Шемяка Дмитрий Юрьевич, князь 252
Шемячич Василий Иванович, князь 259
Шепейцын Дмитрий Куров сын 501
Шереметев Иван Большой Васильевич, боярин, полковой воевода 67, 142, 218, 274, 409, 414, 427, 490
Шереметев Федор Васильевич, боярин 354, 415
Шерефединов Андрей Васильевич, дьяк 91, 97, 343
Шерифи Х. 448
Шестаков З. 345
Шестунов Федор Дмитриев сын, князь 335
Шетнев Иван Алексеевич, воевода 215, 216
Шибаниды 501, 502, 523
Шигай, казахский хан 522
Шигалей (Шах-Али), хан 254
Шигона-Поджогин Иван Юрьевич, думный дворянин 65, 259, 260
Шиловский Тимофей, сын боярский 91
Ширинский Ишмаметя, бек 438, 440
Ширяев Иван, псковский мастер 298
Ших-мирза Ушаромов (Ишеримов) Окоцкий 497, 499
Шихмамаевичи 503
Шлибен Альбрехт фон, прусский посол 394
Шлитте Г., дипломат 402, 404
Шлихтинг Альберт 27, 323
Шляйниц Кристофер, саксонский дворянин 392
Шмидт С. О. 9, 10, 24, 80, 81, 279, 282, 467, 521, 523
Шмитт К. 347
Шнитценпаумер фон Зоннег Георг, дипломат 389
Шокуров Т. 346
Шонберг Дитрих фон, прусский посланник 392, 393, 396
Штаден Генрих 27, 321, 322, 324, 459, 461, 462
Штайндорф Л. 21
Штофлер Иоганн 128
Штыков Н. В. 248, 260
Шубин Лагутка Васильев, крестьянин 368
Шуйгин Федор Обросимович 172
Шуйские, князья 26, 243, 248, 262—264, 268, 271, 272, 275, 276, 321, 322, 341, 353—355, 420
Шуйский Андрей Иванович, князь, боярин 354, 355, 374
Шуйский Андрей Михайлович, князь, боярин 243, 250, 251, 260, 262, 263, 266, 272, 275—278, 282
Шуйский Василий Васильевич, князь 243, 245—248, 260, 261—263, 265
Шуйский Василий Иванович, князь, боярин 92
Шуйский Василий Федорович Скопин, князь 341
Шуйский Дмитрий Иванович, князь, боярин 340, 354
Шуйский И. А. 409
Шуйский Иван Васильевич, князь, боярин 67, 245—248, 256, 260, 262—265, 272—275, 278
Шуйский Иван Михайлович Плетень, князь, боярин 67, 243, 263, 270, 274—276
Шуйский Иван Петрович, князь, боярин 80, 340, 341, 353, 355, 374, 417
Шуйский Петр Иванович, князь 68, 270, 274, 277, 409
Шуйский Федор Иванович Скопин, князь, боярин 276, 282
Шумаков С. А. 92, 93, 215
Шумилов М. М. 210
Шунков В. И. 49
Шушарин В. П. 486

***Щ**апов Я. Н.* 116, 280
Щелкалов Андрей Яковлевич, думный посольский дьяк 70, 72, 94, 95, 97, 327, 333, 342, 401, 435, 486
Щелкалов Василий Яковлевич, думный посольский дьяк 70, 71, 92, 94, 95, 97, 327, 333, 342, 486
Щелкаловы, род 152
Щенятев Василий Михайлович, князь, боярин 274, 278
Щенятев Михаил Данилович, князь 241, 244
Щенятев Петр Михайлович, князь 274, 278, 456
Щенятевы, князья 241
Щепины-Оболенские, князья 270
Щепотьев Андрей, русский посол в Черкесию 489, 490
Щербатов М. М. 245
Щербатов Меркурий Александрович, князь, посол в Крым 439
Щербатовы, князья 337
Щербачев Ю. Н. 402
Щулеповы 269

Эйзенберг Э. 71, 413
Экземплярский А. В. 241
Элерс О. 403
Эрик XIV, король Швеции 419
Эскин Ю. М. 11, 73, 87—89, 94, 273
Эткинд А. 381

Юдзін В. В. 378
Юдины, род 190
Юнус-мирза 475
Юрганов А. Л. 10, 11, 78, 245, 249—251, 254, 256, 258
Юрий, княжич 241
Юрий Васильевич, удельный князь 244, 246, 262, 271, 273, 279
Юрий Дмитриевич, князь Галицкий и Звенигородский, великий князь 119
Юрий Иванович Дмитровский, удельный князь 119, 140, 231, 239, 242—244, 249—253, 256—258, 261, 262, 271
Юрий Святославич Смоленский, князь 385
Юрьев Василий Михайлович, боярин 67, 248, 328, 384
Юрьев Даниил Романович, боярин и дворецкий 67, 248, 281, 451
Юрьев Иван Большой Михайлович, боярин 281
Юрьев Никита Романович 69—72, 341
Юрьев Протасий Васильев сын 337
Юсуф, ногайский бий, отец Сююмбике 450, 468, 469, 472—475, 479—481
Юхан III, король Швеции 419, 422
Юшков С. В. 77, 78

Ягеллоны, династия 383, 389, 390
Ядгар-Мухаммед бин Касай (Симеон Касаевич), астраханский царевич, казанский хан 449—451, 457, 480
Языков Дружина Иванов, помещик 364
Языков Рюма 510
Яков, русский посол 476
Яков Михайлов 504
Яковенко Н. М. 59
Яковенко Н. Н. 378
Яковлев Иван Петрович 248
Яковлев Посник, псковский мастер 298
Яковлев-Захарьин В. П. 328
Яковлев-Захарьин С. В. 328
Яковлева О. А. 336
Яковля-Захарьин (Хирон Яковлев) И. П. 68, 69, 328, 412
Якубов К. И. 416
Якшенин Темир, служилый татарин, князь 478
Якшич Стефан 242
Якшичи, сербский род 120, 242
Ямгурчей (Ямгурчи, Емгурчей), астраханский хан 427, 439, 467—472
Ямгурчи, ногайский мирза 476, 477
Янбулат, служилый татарин 470
Янин В. Л. 10, 41
Яницкий Н. Ф. 212
Янов Федор 517
Янушкевич А. Н. 406, 409
Ярослав Владимирович Боровско-Ярославецкий, удельный князь 247
Ярослав Владимирович Мудрый, великий князь 293
Ярославские, князья 260, 261
Ярышты (Петр), сын Ямгурчея 473
Яшлавский Ахмед-паша, князь 438
Яшлавский Араслан, князь 435, 436
Яшлавский Сулеш, князь 433
Яшлавский Янши, князь 436, 437

Albers M. 22

Błaszczyk G. 57
Blickle P. 377
Blockmans W. 377
Bodniak S. 406, 411
Boeck B. J. 18
Booth Ph. 21
Boucheron P. 21
Brüggen E. 22
Bushkovitch P. 17, 19, 20

Čelkis T. 58
Contamine P. 377

Dahlmann D. 22
Dunning Ch. 20

Fielder J. 392
Flier M. 17
Franz N. 21
Frost R. 380

Genet J. 377
Gonneau P. 20, 21
Greene R. H. 19

Halecki O. 58, 62
Halperin Ch. J. 17, 18, 20
Hellie R. 20

Ivan Groznyj *см.* Иван IV

Jääskinen A. 125

Kąkolewski I. 121

Kappeler A. 21, 121, 382
Keenan E. L. 17, 18
Kivelson V. A. 17, 19, 20
Klaus K. 22
Kleimola A. M. 18, 19
Kollman N. Sh. 18

***L**avrov A. S.* 20, 21
Lenhoff G. 18
Lepszy K. 406
Loiseau J. 21
Lupinin N. 19

***M**artin R. E.* 20, 226
Miller D. 281
Monahan E. 17
Monnet P. 21
Mund S. 382

***N**atanson-Leski J.* 57, 62

***O**rdubadi D.* 22
Ostrowski D. 18—20

***P**errie M.* 13, 18
Pietkiewicz K. 61
Poe M. T. 20
Potin Y. 21

***R**achuba A.* 61
Radzimiński Z. L. 60
Rowland D. 17, 19

***S**hennan J.* 377
Sianko P. 58
Smith N. S. 20
Soldat C. 21
Spock J. B. 19
Srebrakowski A. 452
Steindorff L. 21
Strayer J. 377
Svák G. 19

***T**azbir J.* 379
Thyrêt I. 19
Tinfle E. 21
Tiumentsev I. O. 19
Torke H.-J. 21, 77

***V**aitkevičius G.* 452
Vilimas D. 61

***W**itzenrath Ch.* 21

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Аа, р. 414
Абалак, оз. 509
Абхазия 489
Авария *см.* Хунзахское нуцальство
Австрийское эрцгерцогство 379, 398
Аграханский залив 496
Азербайджан 186, 193, 483
Азия 182, 400, 528
Азов, крепость 185, 432, 466, 471, 475, 489
Ак-Месджид, г. 475
Алаверди, г. 496
Алатырский уезд 42, 44, 48
Алатырь, г. 36, 48
Алатырь, р. 451
Алацкая дорога в Свияжском уезде 36
Александровская слобода 11, 90, 318, 321, 330, 339, 344
Алексин, г. 36, 53, 378, 527
Алексинский уезд 36
Англия (Британия) 77, 84, 154, 178, 182, 183, 381, 382, 399, 400, 404, 526, 527
Андомский погост 220
Андреев Городок Каменный (Андреев городок, Темгенево городище) 51, 54, 55, 501
Андреевское, с. 98, 111
Антверпен, г. 180, 405
Аргуново, волость Московского уезда 32
Арзамас, г. 36, 109, 366, 463
Арзамасский уезд 42, 361, 366
Армения 185, 489
Арск, г. 36
Арская дорога Свияжского уезда 36, 453
Арская сторона 41, 458—461
Арские ворота 453, 455, 456
Арский острог 453, 455
Арское поле 453—456
Архангельск, г. 164, 177, 181—183, 194, 196, 382, 401, 404, 418, 422
Астраханская земля 461, 470
Астраханское ханство 35, 118, 377, 383, 399, 425, 428, 433, 458, 466, 467, 471, 472, 474, 481, 501, 520, 523
Астрахань, г. 36, 51, 55, 111, 182, 183, 185, 186, 188, 379, 400, 424, 426, 427, 430—435, 466—475, 480—482, 484—486, 490—493, 495, 501, 523, 524, 527
Аталыковы (Аталаковы) ворота 453, 456
Атызская дорога Свияжского уезда 36
Аугсбург, г. 404
Афон 398
Африка 399

Бабенка, р. 52
Бабиновский тракт 516
Бадожский волок 193
Баку, г. 485—487
Балахна, г. 32, 95, 103, 105, 172, 193, 255, 301, 320
Балахнинский уезд 31
Балканы 379
Балтийский регион, Балтика 180, 192
Балтийское море, Балтика 181, 379, 380, 383, 390, 391, 418, 481, 527
Баранчеево городище 451
Бардаковка, р. 514
Бармазовская волость 137
Бахчисарай, г. 430, 432, 435, 436, 482, 521
Башкирия 17, 46, 51
Бежецк (Городецк), г. 51, 54, 55
Бежецкая пятина Новгородской земли 34, 35, 135, 143, 148, 158, 160, 164—167, 170, 175, 207, 211, 214, 215, 217, 219, 222, 268, 330, 348
Бежецкий Верх 51, 86, 103, 138, 140, 141, 246, 271, 344
Бежецкий уезд 31, 51, 137, 166, 140, 361
Безымянная башня 456
Беларусь 59
Белая, р. 44

Белгород, г. 37, 47, 222, 439, 527
Белгородская область 378
Белгородский уезд 33, 163
Белград, г. 395
Белев, г. 32, 36, 53, 342, 425, 429, 527
Белевский уезд 320, 321
Бели, стан Московского уезда 32, 269
Белогородье, пригородок Галича 32
Белое, оз. 170, 193, 216, 221
Белое море 170, 190, 195, 196, 399, 401, 404
Белозерский край (Белоозеро, Белозерье) 15, 103, 139, 150, 161, 168, 192, 193, 212, 214, 216, 221, 224, 328, 342, 477
Белозерский уезд 23, 101, 111, 136—139, 150, 165, 171, 175, 212, 215, 216, 221, 222, 329
Беломорский край 149
Беломорский торговый путь 189
Белоозеро (Белозерск), г. 51, 166, 192, 193, 203, 221, 227, 235, 274, 275, 297, 311, 317, 358
Бельский уезд 32
Бельское княжество 59, 384
Березайский погост Новгородского уезда 362, 363
Березина, р., приток Днепра 58, 387
Березов, г. 36, 514
Березовец, погост 99, 159
Березовский ряд Новгородского уезда 363, 364
Березовский уезд 516
Берестейское (Брестское) воеводство 61
Берестье, г. 60
Биш Балта 453
Богоявленское, с. 215, 216
Болгария 127
Болхов, г. 36, 425, 429, 430, 527
Большая Кокшага, р. 462
Большая Орда 379, 383, 424, 466, 467, 469, 476
Большая Ташкабацкая дорога Казанского уезда 36
Большой Кавказский хребет 497
Большой Сарай (Сарай, Сарайчик), г. 466, 469, 472
Борисоглебская волость Шуйского уезда 33
Борисоглебская слобода 170
Боровицкий погост Новгородского уезда 363
Боровичи, г. 99, 165—166
Боровск, г. 242
Боровский уезд 213, 329
Борончук, р. 508
Боротенский погост 214
Бохов, стан Московского уезда 32
Бразилия 182
Бранденбург 389
Бранденбург-Ансбах, немецкое княжество 392
Братошино, с. 432, 433
Британия *см.* Англия
Брянск, г. 32, 45, 385, 425
Брянский уезд 37, 361
Буй (Буйгород), г. 255, 355
Булак, протока, канал 203, 452—455
Буруцкая волость 137
Бухара, г. 185, 186, 400, 402, 521, 522, 523, 525
Бухарский эмират 400
Бухарское ханство 186, 481, 511, 523, 524
Быков, стан Московского уезда 32

Вавилон 127
Вага (Важский уезд) 105, 320
Вага, г. 32
Вага, р. 40, 175
Вагай, р. 511
Важенский погост 145
Важская земля 302
Важский уезд 34, 107, 114, 175, 194, 213
Валахия 389
Валдай, волость 139, 221
Валк, г. 408
Валуйки, г. 37, 527
Варзина, р. 399
Варзужская волость 137
Варшава, г. 418, 420, 422
Варяжское море 128
Василь-город, г. 36
Васильсурск 42
Васильцов стан Московского уезда 32, 215
Ватикан 396, 528
Вашки, с. 221
Ведроши, р. 6
Вейсенштейн *см.* Пайда
Велиж, г. 62, 386, 417
Великие Луки, г. 82, 83, 409, 411, 415, 417
Великий Новгород, г. 9, 25, 34, 35, 83, 95, 99, 108—111, 116, 120, 134, 135, 140, 151, 155, 165, 166, 176, 178, 181—183, 185, 192—194, 199, 203, 205, 207, 209, 211, 213, 214, 216—218, 228, 229, 234, 238, 246, 255—257, 260, 266, 268, 274, 279, 320, 327, 330, 335, 336, 339, 340, 360, 378, 382, 387—390, 404, 415, 422, 423, 433
Великий Устюг, г. 32, 105—107, 193—195, 213, 255, 320, 358
Великое княжество Владимирское и Московское 118

Великое княжество Литовское (Литва) 6, 16, 32, 57—61, 68, 82, 83, 118, 120—122, 125, 126, 130, 178—180, 184, 192, 227, 228, 231, 232, 236—238, 242, 244, 253, 254, 273, 284, 310, 311, 317, 318, 338, 377, 378, 380, 383—390, 392, 393, 395, 396, 402, 405—408, 421, 422, 467, 471, 478, 493
Великолукский уезд 147, 149, 218, 361, 414
Великопорожский погост Новгородского уезда 363
Велье, сельцо 363
Вельская половина Важского уезда 34
Вельский уезд 101
Вельян (Вильянди) 408, 417
Вена, г. 355, 379, 395
Венгрия 304, 306, 390, 395, 396, 415
Венев, г. 36
Веневский уезд 361
Венеция, г. 118, 185, 395
Верейский уезд 31, 140, 347, 361
Веретейка Малая, волость 2221
Верея 92
Верхнее Поволжье 194
Верхнетагильский городок 510
Верхний Днепр, р. 169
Верхняя Чувашская дорога Свияжского уезда 36
Верховские земли 59, 384, 387
Верхотурский уезд 516
Верхотурье, г. 48, 49, 176, 516, 517
Весь Егонская, с. 192
Ветлуга, р. 41, 171
Взвад, село 159
Видимль, волостка Тверского уезда 34
Византия 119, 121, 122, 125, 124, 127, 131, 132, 185, 281
Виленское воеводство 58, 61
Вильно (Вильня, Вильнюс), г. 60, 134, 383, 386, 406, 409, 452
Вирма, волость 172
Висла, р. 383
Витебск, г. 60, 384, 407
Витебское воеводство 58, 61
Вишера, р. 516
Владимир, г. 80, 95, 96, 103, 151, 188, 213, 255, 265, 273, 274, 276, 286, 343, 358, 451
Владимиро-Суздальское государство (княжество) 31
Владимирская земля 40, 164
Владимирский уезд 31, 92, 98, 104, 170, 171, 212, 269, 301, 348, 361
Влех (Улех, Виляка) 409, 414
Вогнема, волость 221
Водская пятина Новгородской земли 35, 135, 142, 158, 160, 164, 166, 167, 172—175, 207, 211, 212, 214, 219, 269, 328, 338
Волга, р. 41, 43, 48, 55, 122, 170, 171, 192, 193, 298, 317, 383, 400, 432, 449, 459, 462, 463, 466—469, 472—475, 483, 505, 506
Волгоград, г. 469
Волжский торговый путь 186, 189, 190, 193—195
Воловичи, волость Тверского уезда 33
Вологда, г. 32, 34, 95, 103, 151, 163, 166, 176, 182, 190, 192—196, 233, 255, 271, 320, 330, 342, 358
Вологодская земля, край 161, 164, 168
Вологодский уезд 32, 34, 136, 138, 150, 161, 212, 216, 233
Волок Ламский, г. 231, 237, 238, 240, 244, 271
Волок Словенский 193
Волок Словенский, волость 215
Волоколамск, г. 92, 208, 216
Волоколамский уезд 31, 361
Волхов, р. 170
Волынская земля 384, 421
Волынское воеводство 61, 62
Волынь 58, 59
Вольга, волость 98
Вольмар 131
Вора, р. 215
Воробьево, с. 282, 425
Воробьевская слобода 299
Воронач 409, 416
Воронеж, г. 36, 47, 222, 527
Воронеж, р. 188
Воронежская область 378
Воротынск, г. 32, 53, 425
Воротынское княжество 384
Воря, стан Московского уезда 32, 269
Воскресенский погост 173
Воскресенский стан волости Хорвач Тверского уезда 34
Восточная Европа 6, 9, 20, 32, 50, 134, 161, 162, 355, 377—381, 383, 384, 396, 421, 422, 425, 434, 467, 468, 526
Восточная Мещера 57
Восточная Черкесия *см.* Кабарда
Восточное Поморье 171

Восточный Урал 150
Вохна, волость Московского уезда 32, 35
Врудский погост 172
Вселунь, волость 33
Выборг, г. 99, 390, 404, 419
Выгозерский погост 172
Вымский уезд 107
Вымь, р. 40
Выползина пашня 159
Вычегда, р. 40, 175, 400
Вышгород, г. 32, 317
Вышгородский уезд (Вышегородский стан Верейского уезда) 320, 347, 348
Вышний Волочек, г. 166
Выя (Выйская), волость 107, 113
Вяземский уезд 32, 37, 147, 150, 320, 338, 340, 347, 361
Вязьма, г. 32, 83, 105, 231, 236
Вятка, г. 36, 48, 95, 265
Вятка, р. 40, 41, 43, 44, 450, 463
Вятская земля 6, 31, 41, 98, 125, 137, 145, 147, 161, 170, 273, 514
Вятский район 168
Вятский уезд 32

Гавинская волость 137
Гази-Кумухское шамхальство *см.* Казикумухское шамхальство
Галицкая дорога Казанского уезда 36, 453
Галицкий уезд 31, 137, 170, 338, 365
Галич, г. 32, 86, 95, 99, 100, 108, 317, 320, 342
Галичская земля 161
Ганза 178, 179
Гапсаль 413
Гаховская волость Рыльского уезда 33
Гвоздна, волость Московского уезда 32
Гданьск (Данциг, Гданеск), г. 126, 128, 390, 391
Гданьское поморье 391
Гдов, г. 181
Гдовский уезд 159
Генуя, г. 185
Германия (Германская империя) 77, 84, 182, 216, 226, 404, 415
Гехи, р. 497
Глинск (Глинеск), г. 242
Глубокое, оз. 159
Голландия *см.* Нидерланды
Гомель, г. 32, 227, 237, 386, 387
Гомельская земля 59, 386
Горетов стан Московского уезда 32, 215
Горицкий стан волости Хорвач Тверского уезда 34
Горная (Нагорная, Крымская) сторона Средней и Нижней Волги 43, 44, 449, 450, 455, 458—460, 463, 469
Городенский погост 369
Городец, г. 151
Городец Мещерский, г. 51, 55, 238
Городецк 54
Городецкое княжество 59
Городище, с. 221
Городской стан Брянского уезда 37
Городской стан Малоярославецкого уезда 37
Городской стан Медынского уезда 37
Городской стан Мценского уезда 37
Городской стан Новосильского уезда 37
Городской стан Угличского уезда 37
Городской стан Чернского уезда 37
Гороховец, г. 344
Гороховецкий уезд 31
Готланд 408
Греми, г. 496
Греция 24
Гродно, г. 421
Грузия 489, 491, 495, 496, 499, 500
Грюнвальд, поселение 379
Гумбет 497
Гусь, волость Московского уезда 32

Дагестан 489, 491, 495, 498—500
Даирова баня 453
Дания 71, 118, 178, 179, 226, 379—381, 389—391, 396, 405, 407, 408
Дарьял (Дарьяльский проход) 491, 497, 498
Двина, г. 32
Двина, регион 95
Двинская губа 170, 399
Двинская область 173
Двинский уезд (Двина, Двинская земля) 34, 38, 40, 105—107, 114, 135, 137, 138, 145, 161, 163, 169, 212, 213, 221, 300, 302, 303, 320, 334, 335, 345, 346, 358
Дедилов, г. 36, 527
Дедиловский уезд 361
Дербент (Темиркапе) 186, 485—487, 491, 498
Деревская пятина Новгородской земли 35, 38, 135, 137, 158, 159, 164—167, 173, 174, 176, 202, 210—212, 214, 217—219, 222, 269, 362, 364, 368

Дерпт (Юрьев, Юрьев-Ливонский), г. 182, 377, 388, 400, 406, 417, 419, 492
Джиляхстаней 497, 498
Джиляхстановский удел *см.* Джиляхстаней
Дикое поле 48, 51
Дмитров, г. 92, 98, 193, 251, 271, 292, 342
Дмитровский удел 32
Дмитровский уезд 31, 32, 86, 138, 141, 338, 361
Днепр, р. 58, 60, 378, 428, 429, 492
Днепро-Донская лесостепь 47
Днестр, р. 58
Долгая слободка 221
Дон, р. 48, 50, 55, 185, 188, 378, 428, 429, 432, 466, 469, 492
Донецкая область 378
Донков, г. 36, 338
Дорогобуж, г. 236
Дорогобужский уезд 32, 166
Древняя Русь *см.* Русь
Дретонский погост 173
Дрон, р. 166
Дубковский уезд 171

Европа (см. также Восточная Европа, Западная Европа, Центральная Европа) 5, 13, 17, 51, 121, 134, 169, 180, 182, 185, 198, 347, 378, 379, 382, 387—389, 395, 399, 401, 420, 422
Европейская Россия 51, 167
Европейский Север 164
Египет (Мисюрь) 128
Едровский ям 363
Елатомский уезд 36
Елбугины ворота 453, 456, 458
Елец, г. 37, 47, 222, 368, 527
Елецкий уезд 370
Енисей, р. 49, 518
Енисейский уезд 49
Епанчин юрт 516
Епифанский уезд 37, 361
Епифань, г. 36
Ерга, р. 215, 215

Жабенский погост Деревской пятины Новгородского уезда 362
Житомир, г. 242
Жомойтское (Жемайтийское, Жмудское) воеводство (княжество) 61
Жомойть 58

Заволжье 50, 170, 174
Заволочье, г. 386, 416, 417
Загеми, г. 496
Задвинское княжество 62
Заецкие волости 105, 107, 114
Закавказье 491, 495, 496, 500
Заклинская (Псковская) засада 332
Залипенье, волость 98
Замосковный край (замосковные города, замосковные уезды) 31, 103, 107, 108, 140, 214, 361, 344
Зандани, местечко 186
Заозерье, с. 174
Заонежские погосты 38, 137, 215, 219, 220
Заонежье 175, 211, 220, 221
Заостровье, сельцо 363
Заоцко-Брянский край 170
Западная Двина, р. 60, 407, 409, 414
Западная Европа 10, 77, 78, 126, 132, 164, 214, 216, 226, 247, 347, 497, 498
Западная Сибирь 27, 49, 88, 168, 501
Западное Поморье 164, 171, 190
Западный Урал 49
Зарайский уезд 32
Зауралье 48, 503, 513
Захожье, волость Тверского уезда 33
Звенигород, г. 51, 53, 55, 56, 92, 271
Звенигородский уезд 31, 32, 86, 98, 140, 214, 338, 361
Золотая Орда (Орда) 5, 6, 9, 20, 121, 122, 185, 293, 377, 379, 425, 475
Зубцов, г. 86, 271, 342
Зубцовский уезд 31, 32, 361

Ивангород, г. 181, 388, 390, 404, 418, 419, 423, 527
Ивангород на Свияге (Свияжск), г. 449—451, 457
Иванов Борок, волость 201, 214, 221
Иванчевская волость 221
Иверская земля *см.* Кахетия
Иерусалим 128
Иерусалимский патриархат 134
Изборск, г. 99, 388
Иломанский погост 110
Ильмень, оз. 170
Имеретинская земля 118
Индия 185, 399, 520
Инебож, волость 98

Иран (Персия, Сефевидская империя) 182, 185, 186, 193, 400, 402, 471, 483—489, 491, 498, 500, 521, 522, 528
Иртыш, р. 508, 512, 514—516
Иртышский берег 518
Искер 506, 508—510, 512
Иски-Юрточная дорога Свияжского уезда 36
Испания 84, 182, 381, 395, 397, 398, 405, 488
Истра, р. 54
Италия 182, 381
Ишлейская волость 45, 462
Июменский уезд 517

Кабан, оз. 452—454
Кабановское, с. 203
Кабарда 45, 322, 427, 484, 489—500
Кабарда Большая 498
Кабардинская земля *см.* Кабарда
Кабацкие ворота 453
Кава, волость Тверского уезда 34
Кавказ 45, 437, 484, 485, 487—490, 492—495, 497—500
Кадомский уезд 36, 42
Кадышевская дорога Казанского уезда 36
Казанка, р. 452–454
Казанский край (Казанская земля) 43, 45, 48, 136, 324, 461, 471
Казанский кремль 452—454, 456, 457
Казанский уезд 36, 48, 136, 152, 213, 298, 458
Казанское ханство 35, 41—43, 46, 53, 54, 118, 134, 163, 203, 298, 377, 383, 399, 425, 448—450, 453, 455, 457—459, 464, 476, 480, 481, 501, 520—522, 524
Казань, г. 27, 35, 41, 43—45, 53, 54, 80, 125, 163, 182, 183, 186, 188, 191, 193, 230, 238, 246, 274, 286, 291, 298, 299, 302, 312, 349, 400, 425, 430, 431, 433, 434, 448—464, 466, 468, 472, 475—477, 479, 480, 486, 489, 491, 501
Казвин, г. 186
Казикумухское шамхальство 490, 499
Казыев улус (Малая Ногайская Орда) 482
Кайгородский уезд 37, 137
Калуга, г. 40, 86, 203, 246, 271, 337, 378, 527
Калужский уезд 37
Кама, р. 40, 48, 461, 463, 507, 516
Каменка, р. 173
Камень *см.* Урал
Камский путь 186
Камское Усолье 507
Каракорум 121
Карачев, г. 32, 36, 227
Карачевский уезд 37, 361
Караш, слободка в Ростовском уезде 34
Каргополь, г. 32, 106, 108, 189, 192, 194, 238, 240, 261, 320, 342
Каргопольский стан Каргопольского уезда 34
Каргопольский уезд 34, 101, 106, 137, 170, 317
Карельское устье 182
Касимов (Городец Мещерский, Хан-Керман, Царев Городок, Царевичев Городок), г. 51, 52, 54, 55, 188, 450, 451, 480
Касимовский уезд 36
Касимовское ханство 338, 377
Каспийское море (Каспий) 186, 193, 400, 472, 491, 496
Касьян, г. 60
Кафа, г. 185, 205, 381
Кахетия 491, 496—499
Кашан, г. 186
Кашин, г. 51, 55, 103
Кашинский уезд 31, 32, 105, 138, 140, 214, 269, 361
Кашира, г. 36, 51, 53, 55, 56, 175, 218, 231, 243, 378, 527
Каширский уезд 32, 36, 269, 361
Кашлык 506
Кеврольский уезд 137
Кеземетевская дорога Казанского уезда 36
Кемская волость 172
Кенигсберг, г. 392—394
Керчь, г. 428
Кесь (Венден, Цесис) 414
Кивуй, с. 221
Киев, г. 59, 126, 185, 384, 386, 389, 421, 423
Киевская земля 58, 384
Киевская Русь 124
Киевское воеводство 59, 61, 62
Кинешемский уезд 31
Кипенский погост 172
Киржач, р. 137
Кириллов, г. 33
Китай 185, 399, 400
Клетск, г. 242
Клецкое княжество 59
Клин, г. 51, 55, 217, 238, 271
Клинский уезд 31, 32, 34, 138, 361
Кличанский уезд 204
Княжий луг 54

Кобринское княжество 59
Кобылье городище 99
Кобыльский уезд 159
Ковельский повет 232
Ковжа, р. 193
Ковоша, р. 174
Кодское княжество 500
Козельск, г. 32, 342
Козельский уезд 37, 320, 338, 340, 361
Койсинский острог 494, 499
Койсу-Сулак, р. 494, 495, 498, 499
Кокшайск, г. 458, 462
Кокшаская дорога Казанского уезда 36
Кола, г. 181, 190
Кола, р. 182
Колежма, волость 172
Коломенский погост 173, 363
Коломенский уезд 31, 54, 105, 138, 149, 213, 214, 219, 269, 361
Коломенское, с. 438
Коломна, г. 36, 51, 55, 103, 151, 188, 213, 231, 253, 256, 257, 265, 272, 275, 279, 296, 378, 425, 450, 451, 527
Кольская волость 95
Кольский острог 345, 419
Кольский полуостров 163, 170
Кольский уезд 137
Коми, республика 500
Константинополь, г. 118, 123, 126, 128, 185, 280, 398
Константинопольский патриархат 125, 132, 134
Копенгаген, г. 180, 391, 408
Копорский уезд 35, 158, 174, 175
Копорье, г. 181, 418
Корела, г. 95, 143, 181, 418—420
Корельская земля 173, 176
Корельский уезд 35, 135, 142, 175, 176
Корзенев стан Московского уезда 32, 269
Коровин стан Московского уезда 32
Коростынский погост 165
Короткое, село в Белозерье 189
Коряков, пригородок Галича 32
Кострома, г. 165, 182, 194, 258, 276, 329, 345
Костромская земля 164, 463
Костромской край 154
Костромской уезд 31, 33, 40, 98, 137, 138, 142, 165, 170, 171, 208, 214, 329, 348, 361
Косьмодемьянск, г. 36
Кошелев стан Московского уезда 32
Крайний Север 171
Краков, г. 393, 394
Крапивенский уезд 37
Крапивна, г. 36
Красное, с. 187
Красные горы 174
Красный, г. 60, 342, 407, 409
Кременец (Кременск), г. 243, 246
Кричев, г. 385
Кромы, г. 37
Крохино, село в Белозерье 189
Круг Клинской, волость Московского уезда 32
Крутец, деревня в Сеглинском погосте Новгородского уезда 363
Крым (Крымское ханство) 71, 185, 205, 231, 237, 248, 273, 274, 324, 379, 381, 383, 399, 407, 408, 414, 418, 422, 424—429, 434—440, 448, 450, 462, 466—468, 471, 472, 474, 475, 479, 480—482, 484, 485, 490—494, 498, 526, 527
Крым-шамхальство 521
Крымские ворота 453
Кудеверская волость 137
Кукойнос 414
Кул Шариф, мечеть 453, 454
Куликово поле 120
Кураиш 453
Курляндия 407, 415, 418
Курмыш, г. 36
Куроостровская волость 177
Курск, г. 37, 47, 222, 527
Курск (Новгородский) 99
Курская область 46, 378
Курский уезд 37, 173
Кушалина волость Тверского уезда 34
Кушалино, село в Тверском уезде 374
Кьегор, г. 181

Ладога, г. 143, 369
Ладога (Ладожское), оз. 170, 173, 181
Ладожский уезд Водской пятины 35, 135, 215
Лаишев, г. 36, 438
Лаишевский уезд 36
Лам-Акки *см.* Нашах
Лампожня (Лампас), с. 194, 195
Лапландия 399
Ларсов кабак 497
Латгалия 414
Латинская Америка 182
Лепесурья 143

Летний берег Белого моря 196
Ливен, г. 47
Ливны, г. 37, 222, 527
Ливония 6, 58, 62, 118, 178, 179, 192, 203, 209, 316, 339, 377, 380, 382, 387—390, 402, 418, 419, 423, 429, 430, 432, 433, 527
Ливонская конфедерация 491
Ливонский орден 99, 147, 148, 402, 404—408, 411, 412, 417
Ливонское королевство 124
Липецкая область 378
Липица, дер. 369
Липник Заозерский, волость 221
Липское, дер. 363
Литва *см.* Великое княжество Литовское
Литовская Русь 59
Лихвин, г. 32, 342
Лихвинский уезд 37, 320, 321
Лоде 413
Лозьва, р. 510, 516
Лозьвинский городок 510
Лондон, г. 182, 400
Луговая (Ногайская) сторона Средней и Нижней Волги 43, 44, 458—461, 463, 469
Лудская волость 345
Лух, г. 95, 96
Луховский уезд 68, 361
Луцкая Пермца, волость 106
Лучанское, с. 434
Лушский уезд 31
Львов, г. 436
Льеж, г. 182
Любек, г. 387, 389, 390, 404
Любеч, г. 59
Любим, г. 271
Люблин, г. 61
Ляпинское княжество 500

Маглуша, р. 54
Мазовия 58
Макарьевская ярмарка 194
Максимовка, дер. 140
Малая Азия 185
Малая Пинежка, волость 107, 113
Малоярославецкий уезд 37, 320, 347, 361
Малый Ярославец, г. 103, 105, 227, 242, 243, 246
Мальборк (Малборок), г. 126, 128, 391
Мальта 395
Мамлыж 458
Манатьин стан Московского уезда 32
Мангазея, г. 169, 516
Мангышлак, г. 186
Марийский край 43, 459
Маринина слобода Переславского уезда 34
Матигоры, с. 169
Медведково, дер. 204
Медное 217
Медынский уезд 37, 105, 320, 347, 361
Медынь, г. 32, 103, 242, 246
Мезенский уезд (Мезень) 137, 212, 221
Мезень, р. 40, 182, 195
Мезецк (Мезческ) 246
Мекка, г. 475, 524
Мемель (Клайпеда), г. 393
Менское (Минское) воеводство 61
Мехреньгский стан Каргопольского уезда 34
Меша, р. 460
Мещера, г. 36, 42, 188, 448, 451, 480, 501
Мещерский городок 501
Мещерский уезд 32, 36
Мещовский уезд 37
Микулин, г. 235
Микулинский стан Тверского уезда 34
Микшино, слободка Никольского погоста Бежецкой пятины 34
Милобудская волость 139, 221
Мильтен 491
Минск, г. 242, 385
Мисюрь *см.* Египет
Михайлов, г. 36, 527
Михайловский погост Новгородского уезда 362, 363
Михайловский уезд 32
Млевский погост Новгородского уезда 363
Могилев, г. 60, 378
Можайск, г. 32, 71, 83, 238, 244
Можайский уезд 214, 317, 320, 347, 361
Мозырский повет 62
Мозырь, г. 242, 385
Мокша, р. 41, 42
Молдавское княжество 379
Молога, р. 192
Молоди, с. 328, 428, 434, 482
Молодильня, р. 54
Монастыри и пустыни
Александровский в Суздале 163
Антониево-Сийский 139, 172, 190, 224, 318, 345

Богословский в Рязани 218
Богоявленский 22
Болдин-Дорогобужский 165
Введенский 172
Воскресенский в Череповце 193
Воскресенский Горицкий на Белоозере 317
Высоцкий в Серпухове 218, 297
Вяжицкий Никольский 23, 364, 372
Данилов 438
Дионисиево-Глушицкий 150, 154, 155, 156, 255
Духов в Новгороде 364, 368
Евфимьев 23
Елеазаров 128
Зилантов в Казани 370
Иверский 166
Иосифо-Волоколамский 23, 133, 139, 149, 152, 153, 164, 168, 170, 176, 215, 219, 296, 298
Ипатьевский в Костроме 139, 154, 166
Кирилло-Белозерский 23, 125, 132, 138, 139, 141, 142, 149, 153, 161, 164, 168, 170, 172, 173, 176, 193, 202, 203, 210—212, 214, 216, 218, 221, 223, 224, 316, 329, 355, 346
Кирилло-Новоезерский 139, 150
Клинская Изосимина пустынь 115
Корнилиев-Комельский 101, 190
Краснохолмский Антониев 166
Михайло-Архангельский 181
Николо-Корельский 166, 172, 182, 190, 208
Николо-Коряжемский 139
Николо-Песношский 198
Никольский Едровский 363
Нило-Столобенский 19
Новинский 163
Новодевичий 344, 360, 361
Пантелеймонов 368, 369
Покровский в Суздале 23, 104
Псково-Печерский 138, 144, 359
Псковский Никольский «с песок» 332
Симонов 11, 22, 104, 152, 153, 187, 192, 198, 331, 344, 359
Соловецкий 19, 22, 125, 139, 149, 172, 190, 223, 345
Спасо-Евфимьев в Суздале 343, 345
Спасо-Каменный 150
Спасо-Преображенский в Казани 48
Спасо-Прилуцкий 172, 190, 196
Спасский в Ярославле 104, 108, 155
Троице-Сергиев 11, 23, 101, 112, 138—140, 149, 151—153, 163, 170—172, 176, 188—190, 198, 250, 262, 293, 296, 301, 344, 359—361
Троицкий в Калязине 23, 140, 359
Успенский во Владимире 87
Успенский в Тихвине 125
Ферапонтов 125
Чудов 152, 318
Юрьев 294, 297, 298
Моондзунд 408
Моравия 390
Мордовия 42
Морева волость Новгородского уезда 34, 98, 111
Моревская слобода 112, 210
Моржовский стан 220
Мосальск, г. 32
Мосальский уезд 37
Москва, г. 6, 7, 15, 20, 22, 24—28, 32, 40, 42, 43, 48, 52, 56, 57, 73, 76, 83, 87, 91, 92, 94, 118—125, 127—129, 132, 134, 135, 137, 151, 160, 163, 164, 166, 174, 176, 177, 179, 182, 185—189, 191—194, 197, 199, 201, 203, 207, 208, 210—211, 213, 216—219, 225, 228—233, 235—238, 240, 242, 253—260, 263, 266, 267, 273—276, 278, 279, 281—285, 290, 293, 298—303, 306—308, 316, 318, 320, 321, 330, 339, 341, 353—356, 358, 361, 374, 375, 378—380, 382—385, 387—400, 419—427, 431, 432, 437, 448—451, 457, 460, 461, 466—468, 471—503, 505, 507, 510, 513—516, 519—522, 524, 525, 527
Арбат 321, 330, 339
Варварка, улица 182, 191
Великая, улица 191
Воздвиженка 321
Знаменка 321
Золотая палата в Кремле 122
Ильинка, улица 191
Китай-город 191, 255
Красная площадь 124, 191
Кремль 87, 122, 191, 299, 330
Никольская улица 191
Ров 124
Сени в Кремле 122
Чертольская, улица 321
Москва, р. 191
Московия *см.* Россия
Московские господарства 118

Московский посад 215
Московский тракт 194
Московский уезд 31—33, 54, 91, 92, 103, 104, 137, 138, 140, 152, 212, 215, 218, 269, 288, 331, 343, 361
Московское государство *см.* Россия
Мохач, г. 379, 395
Мошня, дер. 262
Мстиславль, г. 60, 385, 386
Мстиславское воеводство 61
Мстиславское княжество 59
Мужецкая волость Путивльского уезда 33
Муралеевы ворота 453, 454
Мурманский берег 181
Муром, г. 42, 188, 203, 277, 451, 462
Муромская земля 460
Муромский уезд 31, 129, 171, 361
Муромское, сельцо во Владимирском уезде 104
Муромское, сельцо в Московском уезде 32
Мценск, г. 32, 36, 429, 527
Мценский уезд 33, 37
Мышега, г. 33
Мышегская волость 33

Назымские городки 509
Наливки, с. 187
Нарва (Ругодив), г. 179, 181, 182, 203, 298, 388, 400, 404, 406, 418–420, 423
Нарова, р. 390, 418, 527
Наровчат 42
Нашах, урочище 497
Нева, р. 142, 418, 527
Невель, г. 59, 415, 417
Невельский уезд 148
Неглинная, р. 191, 339
Неман, р. 128
Немецкий (Тевтонский) орден 126, 379, 380, 388—391, 395
Ненецкий автономный округ 500
Ненокса, р. 399
Ненокса, усолье 345, 346
Нером-Кар 516
Нечерноземье 164
Нещерда, г. 60
Нидерланды (Голландия) 181, 182, 382, 399, 403, 526
Нижегородская область 42
Нижегородский край 150
Нижегородский уезд 32, 40, 153, 361, 458
Нижегородское княжество 42
Нижегородское Поволжье 150, 162
Нижнее Поволжье 48, 50, 88, 423, 473, 481, 482
Нижний Новгород, г. 36, 41, 42, 95, 108, 173, 182, 188, 191, 193, 194, 203, 213, 289, 353, 460, 469, 477, 520
Нижняя Волга, р. 468, 469, 473, 475
Никольская слобода в Вологде 163
Новгород *см.* Великий Новгород
Новгород-Северский, г. 32, 109, 227
Новгород-Северское княжество 384
Новгородская земля (Новгородчина) 6, 31, 35, 37, 38, 40, 98, 109, 138, 144, 151, 160, 162, 163, 166—169, 171, 174, 175, 180, 192, 201, 202, 206, 208, 210, 230, 269, 306, 330, 338, 340, 348, 357, 360—362, 368
Новгородские пятины 15
Новгородский архиерейский дом Св. Софии 151, 165
Новгородский уезд 35, 158, 159, 172, 214, 215, 230
Новогрудок, г. 385, 386
Новогрудское воеводство 58, 61
Новое, село Клинского уезда 34
Новосиль, г. 32, 36, 109, 429, 432, 527
Новосильский уезд 37
Новосильско-Воротынский уезд 68
Новосильско-Одоевский удел 354
Новосильское княжество 384
Новосольская слобода в волости Мореве Новгородского уезда 34
Новоторжский (Торжковский) уезд 361
Новые Холмогоры, город Архангельский *см.* Архангельск
Новый Кокшанский, г. 36
Ногайская дорога Свияжского уезда 36, 453
Ногайская Орда (Большая Ногайская Орда, Ногаи) 17, 24, 187, 188, 426—428, 435, 466, 468, 469, 472, 474, 476—483, 489, 501, 503, 505, 511, 520, 521
Ногайские ворота 453, 456
Норвегия 379, 390
Нуралеевские ворота 456
Нурма, р. 460
Нюрехта 172
Нюхча 172

Обдорск, г. 36, 516
Обдорское княжество 500

Обнора, р. 271
Оболенск, г. 235
Оболенский уезд 152, 361
Обонежская пятина Новгородской земли 25, 35, 101, 135, 145, 148, 164, 167, 172, 176, 207, 330, 348, 364, 371
Обонежье 158, 169
Обский городок 514
Объезжий стан Московского уезда 32
Обь, р. 512, 514—516, 518, 519
Овруч, г. 242
Одоев, г. 32, 36, 53, 253, 425, 429
Озера Спасские, волость Тверского уезда 34
Озерище, г. 60, 409—411
Ока, р. 31, 32, 36, 40, 51, 52, 136, 170, 175, 206, 231, 273, 274, 378, 425, 426, 429, 432, 434, 451, 527
Окологородный стан Епифановского уезда 37
Окологородный стан Кайгородского уезда 37
Окологородный стан Крапивенского уезда 37
Окологородный стан Лихвинского уезда 37
Окологородный стан Мещовского уезда 37
Окологородный стан Мосальского уезда 37
Окологородный стан Рязанского уезда 37
Окологородный стан Серпейского уезда 37
Окологородный стан Тарусского уезда 37
Окологородный стан Чердынского уезда 37
Околорусский погост 173
Окоцкая земля 497
Окоцкая слобода 499
Олешня, волость Московского уезда 32
Онежский водный путь 189, 192
Онежское, оз. 170
Опаков, волость Московского уезда 32
Опаков, г. 246
Опочецкий уезд 170
Опочка, г. 342, 386, 393, 408
Орда *см.* Золотая Орда
Ординские деревни, волость Московского уезда 32
Орел, г. 36, 527
Ореховский уезд Водской пятины 35, 135, 167, 174, 175
Орешек, г. 143, 181
Орловская область 378
Орловский уезд 33, 162, 163, 361
Ормуз, г. 186
Орша, г. 60, 385–387, 396
Осетр, р. 274
Оскол, г. 47, 439, 527
Османская империя (Порта, Турция) 6, 130, 146, 313, 379—382, 395, 396, 398, 413, 425, 465, 468, 471, 472, 474, 484, 487, 489, 498—500, 527
Османский султанат 118
Осташковская слобода 170
Острейская волость 137
Остров, г. 99, 388, 416
Отучева мечеть 453, 455
Офремовский погост 173
Охта, р. 143
Ошта, волость 33

Павлов погост волости Вохна Московского уезда 35
Падис 413
Пажеревитский погост 172
Пайда (Вейсенштейн), г. 336, 338
Папская область 395
Пахрянский стан Московского уезда 33
Пашнино, с. 187
Пелым, г. 49, 512—515
Пелым, р. 513, 516
Пелымское княжество 509, 514
Пензенская область 42
Перевитск, г. 231
Перевицкий стан 220
Переволока, местность 188, 469
Перемышль, г. 32, 342
Перемышльский уезд 320, 321
Переславль-Залесский (Переславль), г. 83, 86, 99, 103, 108, 194, 230, 231, 273, 277, 329
Переславская земля 174
Переславский уезд 12, 15, 31, 104, 137, 140, 329, 342, 352, 361
Переславское, оз. 170
Переяславль-Рязанский, г. 46, 108, 109, 426
Пермская земля (Пермь, Пермский край) 168—171, 194, 462, 505, 507, 514
Пермь, г. 35, 172, 190, 255, 502
Пермь Великая 506—508
Пернов (Пярну), г. 408, 413, 414, 417
Персия *см.* Иран
Петровский конец (Псковский) 108
Петровский Рамушевский погост Деревской пятины Новгородского уезда 368
Пехорский стан Московского уезда 32
Печенга, с. 181
Печора, р. 40, 169, 182, 194, 462, 500

Печорская земля 194
Печорский район 168
Пидьма, село в Белозерье 189
Пилола, дер. 176
Пинега, р. 40, 181, 194
Пинежский уезд (Пинега) 212, 221
Пинское княжество 59
Плес, г. 151
Плесская волость 170, 301, 302
Площевская волость 137
Поволжье 6, 11, 31, 43, 44, 88, 136, 168, 193, 203, 213, 289, 378, 458, 461, 463, 468, 471, 472, 474, 506
Поганое озеро 455
Подвинье 171
Подгородный стан Калужского уезда 37
Подгородный стан Карачевского уезда 37
Подгородный стан Козельского уезда 37
Подгородный стан Курского уезда 37
Подгородный стан Темниковского уезда 37
Подляшское воеводство 61, 62
Подмосковье 216, 269, 320
Поднепровье 59
Подольское (Брацлавское) воеводство 61, 62
Покровское, с. 221
Пола, р. 428
Поле, регион 378, 477, 527
Полисть, р. 173
Полоцк, г. 32, 60, 62, 118, 125, 129, 378, 384, 387, 402, 409, 410, 413—416, 429
Полоцкая земля 384, 386, 387
Полоцкий повет 147, 148, 348, 402
Полоцкое воеводство 58, 60, 61
Полуй, р. 516
Польша (Королевство Польское, Польская Корона, Польское государство, Речь Посполитая, Польско-Литовское государство) 58, 61, 77, 79, 80, 84, 118, 127, 216, 237, 238, 253, 304, 306, 338, 355, 379, 380, 383, 389—395, 402, 418—422, 424, 425, 427—429, 527
Поморье 37, 40, 49, 51, 95, 107, 135, 137, 140, 150, 160, 161, 163, 171, 175, 190, 192, 194, 201, 212, 389
Понизовое Поволжье 190, 191
Порог Ладошской, волость 33
Поротва, р. 32
Португалия 182, 396
Порусье, р. 173
Порховский уезд 160, 164, 340, 342
Похра, р. 274, 433
Почеп, г. 386
Почернев стан Московского уезда 32
Пошехонский уезд 31, 171, 212, 222, 329, 361
Пошехонье 342
Пошехонье, г. 271
Прага, г. 398
Предуралье (Приуралье) 40, 461, 463, 503, 507, 508
Прибалтика 6, 138, 377, 379, 380, 387, 388, 390, 418—420, 422, 423, 526, 527
Прибужь, волость 33
Прииртышье 515
Прикамье 41, 43, 48, 171
Прикаспий 492, 494, 495
Приобье 501, 514, 539
Припять, р. 62
Приуралье 48, 50, 161, 169, 201, 503
Причерноморье 493
Пронск, г. 36, 72, 213, 231, 527
Пронский уезд 32
Пруссия 58, 391—395
Прусское герцогство 379, 395
Псел, р. 384
Псков, г. 9, 26, 45, 62, 95, 99, 108—110, 112, 120, 128, 140, 159, 171, 176, 178, 181, 182, 192, 203, 205, 207, 209, 211, 213, 214, 228—231, 233, 234, 238, 266, 298, 327, 335, 342, 382, 387, 388, 393, 394, 419, 422, 423, 404—406, 409, 412, 414—416
Псковская земля (край) 35, 37, 38, 62, 99, 100, 138, 144, 145, 151, 159, 163, 164, 168, 170, 171, 174, 180, 192, 218, 219, 332, 406, 410
Псковский уезд 35, 135, 159, 220, 229, 230, 357, 361
Псковское озеро 159, 170
Пудожский погост 220
Пур-Наволок, мыс 401
Пур-Наволок, с. 181
Пустозерск, острог 194, 500
Пусторжевский уезд 137, 159, 361
Путивль, г. 109, 185, 227, 246, 425
Путивльский уезд 361
Пшага (Мшага), р. 172
Пярну, г. 388
Пятигорские Черкасы *см.* Кабарда

Радогощь, г. 386, 227
Радонеж, стан Московского уезда 32, 269

Ракитна, волость Тверского уезда 34
Рамушевский погост 173
Рахнево, дер. 140
Ревель, г. 179, 387—389, 404, 406—408, 411—414, 419
Рейн, р. 182
Речь Посполитая 22, 47, 51, 59, 61, 71, 121, 123, 131, 378—380, 397, 398, 402, 410—413, 418, 420—423, 432, 433—436, 438, 484, 488, 498, 526, 527
Ржев (на Волге), г. 342
Ржева (Ржева Володимирова), г. 204, 237, 271, 282, 338
Ржева Пустая, г. 99, 144, 145, 149
Ржевский уезд 329, 340, 361
Рига, г. 388, 407, 408, 412, 414, 415
Рим (второй Рим, третий Рим), г. 118, 121, 123, 125, 128, 129, 134, 393, 396, 397
Римская империя 122
Римское царство 121
Рожая, р. 434
Романе, деревня во Франции 184
Романов, г. 56, 271, 317
Романова слободка 216
Романовский уезд 31, 56, 138, 222, 360, 361
Ромейское царство 121, 128
Рославль, г. 109
Российская империя 77
Россия (Русь, Северо-Восточная Русь, Русское государство, Российское царство, Московское государство, Московия, Московская земля) 5—25, 27, 28, 31, 32, 35, 37, 39, 41—47, 49—51, 57—59, 60—62, 73, 76—79, 82, 84—90, 93—96, 117—128, 130—132, 134—140, 149—155, 158—163, 165—168, 170, 171, 173, 174, 176—208, 210—223, 228, 229, 231, 232, 234, 236, 242, 247, 249, 250, 253, 255, 265, 266, 269, 274, 281, 284—293, 295—308, 310, 311, 314, 316, 317, 319, 320, 330, 338, 347, 349, 350, 352—355, 358—375, 377—402, 418, 420—425, 430—432, 434, 436—438, 440, 448—451, 457, 458, 460, 462, 466—472, 474—477, 479—484, 488, 489, 491, 492, 494, 495, 497, 498, 500—502, 522, 523, 525—528
Ростиславль, г. 274
Ростиславский стан 220
Ростов Великий, г. 120, 163, 194, 271, 342
Ростовская область 378
Ростовский край 16
Ростовский уезд 31, 33, 137, 212, 329, 342, 349, 361
Ростовское княжество 6
Ругодив *см.* Нарва
Ругодивский уезд 148
Руза, г. 51, 53, 55
Рузский уезд 31, 32, 86, 101, 104, 214, 219, 361
Руса *см.* Старая Русса
Русский Север 12, 13, 15, 48, 50, 51, 135, 137, 138, 152, 160, 172, 177, 192, 193, 196, 198, 212, 220, 382, 402, 419
Рыльск, г. 32, 227, 285
Рютинский погост Новгородского уезда 363
Ряжск, г. 36, 109, 188, 491, 527
Рязанская земля 170, 174, 231, 232
Рязанская область 42, 54
Рязанский край 169, 220, 348, 361
Рязанский уезд 32, 37, 166, 213, 220, 343
Рязанское княжество 31, 32, 42, 86, 228, 232, 425
Рязань, г. 101, 188, 213, 218, 231—233, 235, 271, 297, 378, 425, 426, 429, 451, 498, 499, 527

Савойя 396
Саксония 389
Салехард, г. 516
Салмачская дорога Казанского уезда 36
Самара, г. 186, 483
Самарканд, г. 521, 523, 524
Самарская Лука 174
Сандаликша, дер. 175—176
Санкт-Петербург, г. 17, 27
Сара-Камыш, оз. 186
Сарай, г. 122
Сарайчик, г. 483, 505
Саратов, г. 186, 458, 483
Сасово, г. 54
Сбойливые ворота 453
Свияга, р. 43, 44, 449
Свияжск, г. 36, 44, 163, 342, 460
Свияжский уезд 36, 48, 152, 213, 458
Священная Римская империя 71, 118, 355, 379, 381, 388—391, 395—397, 419, 526—528
Себеж, г. 59, 277, 342, 386
Северная Двина (Двина), р. 159, 164, 177, 182, 196, 197
Северная Европа 154, 181, 379, 387
Северная земля 118
Северная Эстония 380, 418, 419
Северное Поморье 49

Северное Приуралье 150
Северное Причерноморье 184
Северный Кавказ 55, 88, 427, 482, 488
Северный Ледовитый океан 170
Северный морской путь 184, 194, 195
Северо-Восточная Европа 51
Северо-Восточный Кавказ 491
Северо-Западная Русь 201, 204, 206—208, 222, 288
Северская земля 118, 174, 289, 384, 385, 387, 423
Севилья 405
Севский уезд 33
Сеглинский погост Новгородского уезда 363
Сеитовка, с. 475
Сейм, р. 384
Селигер, оз. 159, 170
Сербия 127, 226
Серебряная, р. 508
Серпейский уезд 37
Серпухов, г. 36, 54, 55, 175, 176, 203, 218, 253, 254, 288, 337, 378, 432, 527
Серпуховский посад 176
Серпуховский уезд 31, 227, 361
Сетунский стан Московского уезда 32
Сефевидская империя *см.* Иран
Сечь, поселение 378
Сибир (Сибирь), г. 506
Сибирское ханство (Сибирское государство) 503, 509, 511, 518, 520
Сибирское ханство (юрт) 36, 118, 458, 502, 503
Сибирь (Сибирская земля) 6, 27, 44, 47, 49—51, 95, 96, 122, 158, 169, 186, 194, 203, 222, 377, 381, 382, 399, 462, 465, 466, 501—505, 507, 509, 510, 511, 516—518, 521
Сизма, волость 212, 216
Ситна, г. 60
Славянский мир 123
Слободский городок 265
Слободской уезд 101
Слуцк, г. 242, 385
Слуцкое княжество 59
Смоленск, г. 26, 45, 59, 60, 118, 123, 129, 140, 165, 203, 228, 231, 238, 242, 243, 317, 378, 385, 386, 390, 392, 410, 411, 413, 421, 423
Смоленская земля (княжество, великое княжество, Смоленщина) 31, 32, 60, 147, 170, 289, 385—387, 394
Смоленская область 173
Смоленский уезд 32, 167, 348
Смоленское воеводство 58, 59
Смолинское, оз. 388
Сож, р. 384
Сокол, г. 60, 409, 415
Солигалицкий уезд 101
Солигалич (Соль Галичская), г. 366
Солигаличский уезд 365
Соликамский уезд 137, 361
Соль Великая 98
Соль Вычегодская, г. 95, 100, 190, 191, 194, 227
Соль Вычегодская, земля 167, 171
Соль Галицкая, соляной промысел 98, 172
Соль Камская (Соликамск), г. 508, 516
Соль Малая 98
Соль Новая (Мшага), с. 172
Соль Переяславская, соляной промысел, волость 107, 172
Сольвычегодский (Усольский) уезд 106, 137, 161
Сосенский стан Московского уезда 32
Сосьва, р. 514
Софийский архиерейский дом в Новгороде *см.* Новгородский архиерейский дом Св. Софии
Средиземноморье 185
Среднее Поволжье 48, 50, 88, 96, 136, 139, 150, 152, 168, 174, 292, 425, 434, 476, 480
Средняя Азия 185, 186, 193, 482, 491, 523
Средняя Волга, р. 469
Средняя Чувашская дорога Свияжского уезда 36
Стамбул, г. 205, 379, 398, 431, 437, 484—486, 495, 498
Старая Русса (Руса), г. 32, 98, 143, 171, 173, 213, 218, 320
Старица, г. 71, 256, 329, 330, 342, 343, 415
Старицкий удел 32, 338, 340
Старицкий уезд 31, 32, 329, 361
Стародуб, г. 213, 227, 237, 386, 387, 425
Стародуб Ряполовский, г. 109, 235, 343
Стародуб-Ряполовский уезд 349, 361
Стародубский уезд 152
Старое городище 453, 455
Старорусский уезд 136, 137, 159, 173, 214
Старый Оскол, г. 37
Стокгольм, г. 391, 411
Стоклишки, литовское владенье 232
Столбушинская волость 137
Стрелка, р. 418
Строгановых слободка в Перми 35
Сугмут-Ваш 514

Судак (Сурож), г. 185
Судьбищи, с. 428, 490
Суздаль, г. 32, 51, 103, 105, 163, 235, 241, 343
Суздальская земля 174
Суздальский уезд 31, 33, 104, 208, 216, 235, 320, 338, 349, 361
Суздальское ополье 163
Суземье, волость Тверского уезда 33, 270
Сумерская волость 137
Сумская (Сума) волость 172, 345
Сумской острог 419
Сунжа, р. 45, 492, 494, 495, 498
Сунженский острог 494, 495, 497—499
Сура, р. 41, 42, 451
Сура Поганая, волость 107, 113
Сургут, г. 36, 514
Сургутский уезд 516
Сурожик, волость 51, 54, 55
Сурожский стан Московского уезда 32, 215
Сухой наволок 172
Сухона, р. 175, 196
Сухоно-Двинской торговый путь 189, 190, 194, 195
Суша, г. 60
Сылвянский острог 463
Сысола, р. 40
Сюндырская (Верхняя Сюндырская) волость 45, 462

Табара, р. 513
Табаринский городок 513
Тавда, р. 509, 513
Тагил, р. 508, 510, 512
Таз, р. 516, 518
Талоустаней 497, 498
Тальша, волость 104
Тамань, г. 490, 491
Тара, г. 36, 186, 514, 515, 516, 518, 519
Тара, р. 514
Тарки (Тарку), г. 491, 493, 498, 499
Тарский уезд 517
Таруса, г. 36
Тарусский уезд 33, 37
Татария 471
Тахчеи 503, 507
Ташкент, г. 186, 523, 524
Тверская земля 40, 180, 192, 297
Тверская половина Бежецкой пятины 159, 214, 215
Тверское княжество (великое княжество) 6, 32
Тверской уезд 31—33, 137, 146, 152, 160, 265, 269, 270, 286—288, 361
Тверь, г. 26, 51, 55, 95, 96, 192, 193, 207, 213, 217, 235, 240, 271, 274, 283, 327, 340, 358
Тебриз, г. 186
Тевтонский орден *см.* Немецкий орден
Тезинский овраг 456
Телешовская волость Шуйского уезда 33
Телицыно Раменье, деревня в Обонежской пятине Новгородского уезда 371
Темиркапе *см.* Дербент
Темников, г. 42, 51, 57, 451
Темниковский уезд 36, 37, 42
Темниковское княжество 42
Темрюк, крепость 490
Теплое озеро 159
Терек, р. 55, 486, 491, 492, 494—496, 498
Терский город (Терки) 45, 432, 484, 485, 494, 496, 498, 499
Терско-Сулакская низменность 497
Терское воеводство 496
Тетюши, г. 36, 48, 458
Тимофеевская слобода 204
Тихвин 40
Тихвинский край 175
Тмутараканское княжество 467
Тмутаракань, г. 467
Тобол, р. 503, 508, 512, 516
Тобольск, г. 36, 49, 186, 512–517
Тобольский уезд 516
Товарковая волость Медынского уезда 32
Тога 496
Толдожский погост 176
Торговая сторона Новгорода 330
Торжок, г. 51, 55, 95, 96, 235, 255, 257
Торопец, г. 32, 71, 82, 83, 109, 111, 116, 338, 366, 367, 411, 415
Торопецкая волость 59
Торопецкий повет 32
Торопецкий уезд 137, 164, 144, 145, 269, 361, 366
Торунь (Торун) 126, 128
Тотемский уезд 161, 171, 175
Тотьма, г. 33, 105, 194, 195
Тотьма, местность 171, 172
Трокское воеводство 58, 61, 232
Троя 126
Трубчевское княжество 384
Тула, г. 36, 40, 95, 96, 378, 425, 451, 527

Тульская область 378
Тульские места 451
Тульский уезд 36, 220, 361, 368, 369
Тума, с. 235
Тура, р. 508, 512, 516
Туринск, г. 49
Туринский острог 516, 517
Туркестан 523
Туров, г. 242
Туровля 60
Турция *см.* Османская империя
Турчасово, с. 189
Турчасовский стан Каргопольского уезда 34
Тухачевская волость Московского уезда 32
Тюменка, р. 512
Тюменский острог 494
Тюменский (Теменский) удел 491—493
Тюменское ханство 501, 509
Тюмень, г. 36, 49, 186, 512, 513, 516
Тюмень, город на Северном Кавказе 470
Тюмень *см.* Теменский удел
Тюменька, р. 493, 494

Углицкий удел 86
Углич, г. 51, 86, 120, 246, 271, 353, 374, 375, 425
Угличская земля 161
Угличский удел 32
Угличский уезд 31, 37, 137, 138, 361
Угорская земля 194
Угра, р. 32, 169, 273
Удмуртия 41
Удомельская волость 170
Ужин, с. 159
Узкий угол, волостка Тверского уезда 34
Узола, пригородок Балахны 32
Ула, г. 60, 409
Умба, волость 172
Уна, с. 196
Унежма, дер. 172
Унжа, пригородок Галича 32
Урал (Камень), горы 36, 40, 48—50, 150, 190, 194, 378, 462, 504, 506, 512, 513
Ургенч, г. 186, 523, 524—526
Уржум, г. 36, 458, 463
Уржум, р. 460
Усвят, г. 60, 409, 410, 415
Усецкие волости 105, 107, 114
Усть-Сысола (Усть-Сысольск), г. 40, 194
Усть-Угольская волость 139, 221
Усть-Цыльма, с. 170
Устьмошский стан Каргопольского уезда 34
Устьянские волости 98, 106, 137
Устюг *см.* Великий Устюг
Устюженский край 161
Устюженский уезд 31, 361
Устюжна Железнопольская, г. 95, 200, 300
Устюжна-Железнопольский уезд 172, 173, 175
Устюжская земля 40
Устюжский уезд 101, 106, 107, 114, 137, 161
Уфа, г. 458
Уфа, р. 44

Федосьин Городок, волость 221
Фергана 523
Фешневский заход 159
Финляндское княжество 391, 419
Финский залив 181, 390, 419, 527
Фландрия 403
Франция 77, 84, 182, 381, 413, 526, 527
Фригия 126

Хаджи-Тархан, г. 424—426, 469—471
Ханский брод 475
Хвойница 126, 128
Хелмно, г. 391
Хива, г. 186
Хивинское ханство 186
Холм, г. 218, 415, 417
Холмогоры, г. 114, 182, 190, 194—196, 208, 382, 346
Холмская земля 218
Холмский уезд 218, 361, 369
Холовский погост Новгородского уезда 362
Холопий городок 192
Холуй 151
Хорвач, волость Тверского уезда 34
Хортица, остров 428
Хотимль, г. 227
Хотунская волость 227
Хотунский уезд 32
Хотунь, волость Московского уезда 32, 33, 51, 54, 55
Хунзахское нуцальство 497

Царев луг 453, 455
Царев-Борисов, г. 37, 439, 527
Царево-Санчурск, г. 36, 72, 458, 463
Царевококшайск (Какшуга), г. 36, 50, 458, 463

Царевококшайская волость 50, 139—140
Царевы ворота 453, 456
Царицын, г. 186, 458, 469, 483
Центральная Европа 304, 379, 439, 486, 488
Центрально-Восточная Европа 389
Центральное Поморье 48, 164
Центральное Черноземье 46
Центральный нечерноземный регион России 150
Центральный черноземный регион России 150
Церкви
Архангельский собор в Московском Кремле 122, 123
Благовещенский собор в Московском Кремле 122, 283, 318
Рождества Богородицы, храм 467
Софийский собор в Новгороде 298
Церковь Св. Максима в Москве 182
Покровский собор (храм Василия Блаженного) в Москве 124
Успенский собор в Московском Кремле 22, 122, 124, 127
Цивильск, г. 458, 463
Цна, р. 54

Чаглово, волость Тверского уезда 34
Чаронда 137
Чаты 519
Чебоксарский уезд 48, 213
Чебоксары, г. 36, 458
Чепца, р. 43
Чердынский уезд 37, 137
Чердынь, г. 36, 505, 507, 513
Черемисская земля 463
Черенчицкий погост 173
Череха 416
Черкасская слобода 499
Черкасские земли *см.* Черкесия
Черкасы 467
Черкесия (Черкасские земли) 488—495, 500
Черкесия Западная 428
Черкесское княжество 492
Черная, дер. 175
Чернигов, г. 32, 227, 237, 385, 386
Черниговская земля 384
Черное море 379, 380, 383
Чернской уезд 37
Черный, о-в 469, 515
Чернь, г. 36, 109
Чехия 304, 306, 390, 495
Чимги-Тура 512
Числяки, волость Московского уезда 32
Чувашевский мыс 508
Чувашия 42
Чудинцевское Заполье в Новгороде 165
Чудское озеро 159, 170, 181
Чуровская волость 139, 221
Чусовая, р. 503, 505, 507, 508
Чусовские городки 502
Чухлома, г. 32
Чухломский уезд 365

Шацк, г. 36, 42, 527
Шацкий уезд 36, 42, 231
Швеция 61, 99, 180, 181, 192, 363, 368, 379, 380, 382, 390, 391, 402, 404, 405, 408, 411, 412, 414, 418—420, 422, 423, 438, 440, 493, 526, 527
Шейский уезд, волость Тверского уезда 34
Шексна, р. 139, 170, 193, 221
Шелонская пятина Новгородской земли 35, 135, 143, 145, 158—160, 164—167, 172—174, 176, 177, 207, 214, 219, 230, 338, 342, 364
Шелонь, р. 172
Шелыханов, починок 159
Шемаха, г. 186, 400, 487, 521
Шенкурская половина Важского уезда 34
Шеренский, московский стан 269
Шерна, московская волость 269
Шерна, р. 137
Шибутово, с. 218, 219
Шиванское ханство 186
Шигалеевская дорога Казанского уезда 36
Шижма, волость 172
Ширван, г. 483
Шостка, волость Тверского уезда 34
Шотландия 391
Шуйский городок 196
Шуйский уезд 31, 33, 361
Шункурский погост 40
Шуя, г. 32, 104, 320

Щепецкий погост 214

Эзель, о-в 380, 407, 413
Эльблонг, г. 391
Эстляндия 408, 413, 418, 420

Югра (Югорская земля) 40, 381
Южный Кавказ 488

Юрицкий стан волости Хорвач Тверского уезда 34
Юрьев *см.* Дерпт
Юрьев-Ливонский *см.* Дерпт
Юрьев-Ливонский уезд 148
Юрьев-Польский, г. 51, 53, 55
Юрьев-Польский уезд 212, 361
Юрьевец Поволжский, г. 32, 320
Юрьевецкий уезд 32
Юрьевский (Юрьева-Польского) уезд 32, 137, 171, 344

Ядрин, г. 458
Яик (Урал), р. 55, 186, 520
Ям, г. 143, 181, 368, 418
Ям Запольский 62, 72, 402, 417
Ямской уезд Водской пятины 35, 158, 174, 175
Яранск, г. 458, 464
Яремский уезд 161
Яренск, г. 37, 194
Яренский уезд 137
Ярополческая волость Владимирского уезда 33
Ярославец, г. 32
Ярославль, г. 103, 104, 108, 120, 182, 193, 194, 213, 235, 255, 274, 342, 520
Ярославский уезд 32, 33, 152, 163, 165, 171, 222, 329, 348, 349, 361
Ярославская земля 163
Ярославское княжество 6

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (*В. Г. Вовина-Лебедева, А. В. Сиренов*) 5

Часть I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

Глава 1

Территория и население 31

Административно-территориальное деление (*К. В. Петров*) 31
Население (*В. Г. Вовина-Лебедева*) 37
Крестьянская колонизация (*З. А. Тимошенкова*) 45
Территории, пожалованные татарским царям, царевичам и мирзам (*А. В. Беляков*) 51
Судьбы литовско-русского пограничья (*С. В. Полехов*) 57

Глава 2

Власть в России 63

Боярская дума (*В. А. Аракчеев, А. Л. Корзинин*) 63
Государев двор (*А. Л. Корзинин*) 73
Земские соборы (*А. Л. Корзинин*) 76
Приказная система (*Д. В. Лисейцев*) 84
Местное управление (*В. А. Аракчеев*) 97
Законодательство (*В. А. Аракчеев*) 111
Государственная идеология и публицистика (*К. Ю. Ерусалимский, А. В. Сиренов*) 117

Глава 3

Экономика 135

Формы земельной собственности (*З. В. Дмитриева*) 135
Светское землевладение (*В. А. Аракчеев*) 140
Монастырское землевладение (*Н. В. Башнин*) 149
Крестьянская экономика (*З. А. Тимошенкова*) 158
Торговля (*М. М. Дадыкина*) 178
Налогообложение (*З. В. Дмитриева*) 199
От подъема к кризису (*З. В. Дмитриева*) 211

Глава 4

Внутренняя политика первой половины — середины XVI в. 225

Внутренняя политика великого князя Василия III (1505—1533 гг.) (*А. Л. Корзинин*) 225

Вступление Василия III на престол — 225. Расширение территории Русского государства — 228. Преобразования в местном управлении, земельной политике, военном деле — 233. Второй брак Василия III — 238. Болезнь и смерть Василия III — 244.

Боярское правление (1533—1547 гг.) 249

Первые годы (*В. В. Шапошник*) — 249. Правление Елены Глинской (*В. В. Шапошник*) — 255. Период влияния князей Шуйских (*А. Л. Корзинин*) — 263. Борьба за власть боярских кланов в 1542—1546 гг. (*А. Л. Корзинин*) — 274. Венчание на царство Ивана IV. Завершение боярского правления (*А. Л. Корзинин*) — 279.

Реформы «Избранной рады» (*Б. Н. Флоря*) 283

Глава 5

Опричнина и ее последствия ... 315

Опричнина и послеопричный период правления Ивана IV (1565—1584 гг.) ... 315

Накануне опричной грозы (*А. П. Павлов*) — 315. Введение опричнины (*А. П. Павлов*) — 318. Указ об опричнине (*А. П. Павлов*) — 320. Опричное окружение Ивана IV (*А. П. Павлов*) — 321. Репрессивная политика опричнины (*В. А. Аракчеев*) — 323. Рост территории опричнины (*А. П. Павлов*) — 329. Система управления в опричнине и земщине (*В. А. Аракчеев*) — 330. Послеопричный двор Ивана IV (1572—1584 гг.) (*А. Л. Корзинин*) — 335. Внутренняя политика двора в 1570-х — начале 1580-х гг. (*В. А. Аракчеев*) — 341. Земельная политика опричнины и послеопричного двора (*А. П. Павлов*) — 347. Итоги опричного и послеопричного правления Ивана IV (*А. П. Павлов*) — 350.

Царствование Федора Ивановича ... 352

Придворная борьба в начале царствования Федора Ивановича. Выход из политического кризиса (*А. П. Павлов*) — 352. Внутренняя политика и борьба за власть в 1590-х гг. (*В. А. Аракчеев, А. П. Павлов*) — 358.

Глава 6

Внешняя политика Московского государства ... 377

Внешняя политика на западном направлении ... 377

Россия в контексте Восточной Европы (*А. И. Филюшкин*) — 377. Русско-литовские войны первой половины XVI в. (*А. И. Филюшкин*) — 383. Ситуация в Прибалтике и отношения России с государствами Северной Европы в первой половине XVI в. (*А. И. Филюшкин*) — 387. Отношения с Тевтонским орденом (*А. В. Сиренов*) — 391. Россия и антиосманские коалиции европейских государств. Россия, папский престол, Габсбурги. Отношения с православным Востоком (*А. И. Филюшкин*) — 395. Установление отношений с Англией и Голландией и торговля по северному пути (*А. И. Филюшкин*) — 399. Ливонская война (*В. А. Аракчеев*) — 402. Русско-шведская война и Тявзинский мир 1595 г. (*А. И. Филюшкин*) — 418. Мирные переговоры с Речью Посполитой в конце XVI в. (*А. И. Филюшкин*) — 420.

Внешняя политика на восточном направлении ... 424

Взаимоотношения с Крымским ханством (*А. В. Виноградов*) — 424. Взаимоотношения с Казанским ханством (*А. В. Аксанов*) — 440. Присоединение Казанского ханства к Русскому государству (*А. В. Беляков, А. Г. Ситдиков*) — 448.

Черемисские войны (*В. Г. Вовина-Лебедева*) ... 458

Взаимоотношения с Астраханским ханством (*И. В. Зайцев*) ... 466

Русско-астраханские отношения в первой половине XVI в. — 466. Присоединение Астраханского ханства к Русскому государству — 467.

Взаимоотношения с Ногайской Ордой (*М. В. Моисеев*) ... 476

Взаимоотношения с Персией (*А. В. Виноградов*) ... 483

Политика Русского государства на Кавказе (*Ф. А. Озова*) ... 488

Взаимоотношения с Сибирским ханством ... 500

Русско-сибирские отношения до похода Ермака (*Д. Н. Маслюженко*) — 500. Поход в Сибирь атамана Ермака (*В. Г. Вовина-Лебедева*) — 503. Начало русского освоения Западной Сибири (*В. Г. Вовина-Лебедева*) — 511.

Взаимоотношения Московского государства с Казахским ханством и государствами Средней Азии (*М. В. Моисеев*) ... 520

Итоги европейского и восточного направлений внешней политики России в конце XVI — начале XVII в. (*А. И. Филюшкин*) ... 526

Список сокращений ... 529

Библиография ... 530

Список иллюстраций и карт ... 545

Указатель имен ... 548

Указатель географических названий ... 572

Научное издание

ИСТОРИЯ РОССИИ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ
ТОМ 4

РОССИЯ В XVI ВЕКЕ
СОЗДАНИЕ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВА

КНИГА 1

Утверждено к печати
Ученым советом Института российской истории РАН

Редактор издательства *Т. Л. Ломакина*
Оформление *П. Э. Палей*
Корректор *А. К. Рудзик*
Компьютерная верстка *Л. Н. Напольской*

Подписано к печати 28.10.24. Формат 84×108 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 62.0. Уч.-изд. л. 60.0. Тираж 3000 экз. Тип. зак. № 1003

ФГБУ Издательство «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1

Отдел редакционной подготовки гуманитарной
и естественнонаучной литературы
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., 12/28
+7(495)276-77-35, e-mail: info@naukapublishers.ru,
https://naukapublishers.ru, https://naukabooks.ru

ФГБУ Издательство «Наука» (Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-040456-4

300 Лет
Российская Академия Наук

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ИРИ

ИНСТИТУТ
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ РАН

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

ТРАНСНЕФТЬ

НАУКА
1727